

Том КЛЭНСИ БЕЗ ЖАЛОСТИ

*Anna virumque cano
Воспеваю подвиги героя.
Вергилий*

*Остерегайтесь гнева терпеливого человека.
Джон Драйден*

А если я уйду, пока ты остаешься еще здесь... Знай, я продолжаю жить, мерцая в другом мире, за пеленой тумана, сквозь который ты не можешь заглянуть. Пусть не видя меня, верь, я жду тот миг, когда мы соединимся вновь. А до этого наслаждайся жизнью и, когда я понадобится тебе, лишь шепни мое имя в сердце... И я приду.

*С любовью в память Кайла Хэйдока
5 июля 1983 года - 1 августа 1991 года*

Этот роман никогда не был бы написан без “профессиональных” советов Билла, Даррелла и Пэт, дополнивших их Крейга, Курта и Джерри, а также Рассела с его неожиданными для меня познаниями.

Кроме того, я весьма благодарен ex post facto за блестящую помощь Дж. Р. и Уэйну, Шелли за труды, Крейгу, Курту, Джерри, Стиву П., Стиву Р. и Виктору за то, что они помогли мне понять:

Подумайте, где человеческая слава чаще всего начинается и заканчивается. И скажите, что моя слава состоит в том, что у меня были такие друзья.

Уильям Батлер Йитс

Пролог

Точки пересечения

Ноябрь

“Камилла” была или самым мощным ураганом в мире, или самым большим торнадо в истории. Несомненно, она полностью уничтожила эту нефтяную платформу, подумал Келли, надевая на спину свои баллоны для последнего погружения в залив. Верхняя часть платформы была разрушена, и оказались повреждены все четыре ее массивных подводных опоры - они были скручены и изогнуты и походили на сломанную игрушку какого-то гигантского ребенка. Все, что можно было снять, не подвергая опасности рабочих, было уже срезано автогенном и “опущено краном в баржу, которой они пользовались как своей базой при погружениях. Теперь перед ними осталась лишь голая платформа, похожая на скелет, которая скоро даст приют смелым местным рыбам, подумал он, спускаясь в баркас, чтобы подойти к самой платформе. С ним будут работать еще два ныряльщика, но Келли возглавляет команду. По пути они обсудили процедуру взрывных работ. Тем временем катер службы безопасности крейсировал поблизости, чтобы не допустить, к опасному месту здешних рыбаков. Бессмысленно им находиться в этом районе - еще несколько часов рыбная ловля тут будет никудышной, однако подобные события всегда привлекают любопытных. А зрелище действительно будет весьма впечатляющим, подумал Келли с усмешкой, бросаясь спиной вперед с водолазного бота.

Как жутко под водой, мелькнула мысль, но и приятно тоже. Солнечный свет пробивался через волнующуюся поверхность, создавая меняющиеся световые занавесы между опорами платформы. Свет содействовал хорошей видимости. Взрывные заряды С4 были уже установлены (каждый из них представлял собой блок размером шесть дюймов на шесть и толщиной три дюйма), туго привязанные проволокой к стальным опорам таким образом, чтобы сила взрыва была направлена внутрь. Келли не торопился. Он проверил каждый заряд, начиная с первого ряда над дном. И сделал это быстро - ему не хотелось находиться под водой слишком долго, да и другим тоже. Ныряльщики, следующие за ним, протягивали пентритовый детонирующий шнур, туго обматывая его вокруг зарядов. Оба были местными жителями, опытными подрывниками, знавшими толк в таких делах почти так же хорошо, как и он сам. Келли проверял их работу, а они - его, поскольку осторожность и тщательность, - лучшие показатели в труде таких людей. Они закончили с нижним уровнем за двадцать минут и не спеша всплыли к верхнему, всего в десяти футах от поверхности. Там процесс повторился, медленно и тщательно. Когда вы имеете дело с взрывчаткой, нельзя спешить и нельзя рисковать.

Полковник Робин Закариас сосредоточил все свое внимание на предстоящем задании. Совсем недалеко, за следующим хребтом, находилась батарея зенитных снарядов “земля - воздух” СА-2. С нее уже выпустили три ракеты,

пытаясь попасть в истребители-бомбардировщики, которые он обязан защищать. На заднем сиденье его F-105G “Тандерчиф” сидел Джек Тейт, его “медведь”, подполковник и специалист по подавлению оборонительных установок вьетнамцев. Они оба разработали план, который теперь пытались осуществить на своей “Дикой ласке”. Их истребитель появлялся в поле зрения вьетнамских зенитчиков, стараясь вынудить их на то, чтобы они выпустили в него зенитную ракету, а затем нырял под нее, атакуя место расположения батареи. Это была смертельная, жестокая игра, в которой нет охотника и жертвы, а есть два охотника, один маленький, быстрый и хрупкий, а другой массивный, расположенный на укрепленной позиции. Эта позиция приводила в отчаяние летчиков его авиакрыла. Командир батареи искусно маневрировал своим радиолокатором, зная, когда его включить и когда выключить. Кем бы ни был этот маленький ублюдок, он сумел на прошлой неделе сбить двух “ласок” из соединения Робина, и потому полковник сам приготовился к осуществлению задачи, как только поступил приказ еще раз попытаться вывести из строя эту батарею. Его задача заключалась именно в этом: разведка, оценка ситуации, проникновение, и уничтожение установок противозенитной обороны - огромная, быстрая, трехмерная игра, в которой наградой за победу была жизнь.

Он вел свой ревущий истребитель на малой высоте, нигде не поднимая его выше пятисот футов. Его пальцы полуавтоматически контролировали движения штурвала, глаза следили за вершинами, а уши старались не упустить слов, доносящихся с заднего сиденья.

- Он сейчас на девять часов от нас, - говорил Джек. - Все еще обшаривает горизонт, но нас не видит. Описывает спирали.

На этот раз мы предпримем другой маневр, подумал Закариас. Прошлый раз они попытались сделать это по-иному, и он каким-то образом поймал их. Эта ошибка стоила полковнику майора, капитана, самолета... Земляк из Солт-Лейк-Сити, Эл Уоллас... Столько лет были друзьями... Проклятье! Он отмахнулся от болезненной мысли, даже не упрекнув себя за ругательство.

- Дадим ему почувствовать вкус победы, - сказал Закариас, беря штурвал на себя. “Тандерчиф” прыгнул вверх, в зону радиолокационного излучения батареи, и застыл в ожидании. Командира установки, наверно, готовили русские. Полковник не знал, сколько именно самолетов сбил этот вьетнамец; известно было только, что он сбил их более чем достаточно, а потому должен быть горд своим успехом, а гордость смертельно опасна в таком деле.

- Запуск..., второй..., вижу два запуска, Робин, - предупредил Тейт с заднего сиденья.

- Только два? - спросил пилот.

- Может быть, ему приходится платить за них, - насмешливо предположил Тейт. - Вижу их на девять часов. Время для волшебства пилота, Робин.

- Вроде этого? - Закариас повернул налево, удерживая ракеты в поле зрения и двигаясь к ним, а затем резко повернул назад и вниз. Он великолепно спланировал маневр, нырнув за хребет. Полковник выровнял самолет на опасно малой высоте, однако ракетные снаряды СА-2 “Гайдлайн” потеряли цель и пролетели в четырех тысячах футов над его головой.

- Думаю, пора, - заметил Тейт.

- Пожалуй, ты прав. - Закариас круто повернул влево и взвел взрывные устройства на своих гроздьях бомб. F-105G пролетел над самым горным хребтом и снова опустился вниз, устремившись на следующий хребет в шести милях, или пятидесяти секундах, от них.

- Его радиолокатор продолжает действовать, - доложил Тейт. - Он знает, что мы летим к нему.

- Но у него осталась только одна ракета, - заметил Робин. Если только группы перезарядки установок действуют сегодня особенно слаженно. Ничего не поделаешь, придется рисковать.

- Разрозненный обстрел из зенитных орудий - на десять часов. - Это было слишком далеко, чтобы беспокоиться, хотя отсюда он сделал вывод, куда лететь не следует. - А вот и плато.

Может быть, его могли видеть, а может - и нет. Не исключено, что его самолет всего лишь еще одна точка на экране, полном атмосферных помех, и радиооператор пытается разобраться в происходящем. “Тандерчиф” на малой высоте летел со скоростью, превышающей все созданное человеком, и камуфляж на верхних плоскостях был очень эффективным. Они, наверно, смотрят вверх. Сейчас они скрываются за стеной радиопомех - это часть плана, разработанного полковником для другой “ласки”. Обычная американская тактика в подобных условиях предусматривала подлет на средней высоте и затем крутое пикирование. Но они пробовали эту тактику уже дважды и всякий раз терпели неудачу, поэтому Закариас принял решение изменить план. Он подлетит к вьетнамской батарее на малой высоте, сбросит гроздья бомб, а затем другая “ласка” закончит работу. Его задача заключалась в том, чтобы уничтожить командный пункт вместе с командиром. Подлетая к цели, полковник бросал истребитель то влево, то вправо, стараясь избежать возможной стрельбы. В конце концов, нужно думать и об орудиях тоже.

- Вижу “звезду”! - воскликнул Робин. Наставление по СА-6; написанное русскими, предусматривало расположение шести пусковых установок вокруг центрального командного пункта. Со своими тропами, соединяющими пусковые установки с командным пунктом, типичная батарея ракет “Гайдлайн” походила на звезду Давида, что казалось полковнику богохульством, но эта мысль находилась где-то на краю его сознания, когда он поместил командный фургон в центр своего бомбового прицела.

- Выбираю цель, - произнес он вслух, подтверждая себе собственное действие. Последние десять секунд он твердо удерживал самолет, на одном курсе. - Выглядит хорошо..., сбрасываю бомбы..., пошли!

Четыре явно неаэродинамичных канистры сорвались с бомбодержателей и раскрылись в полете, рассыпав тысячи крохотных бомбочек по всей территории батареи. Он был далеко, когда бомбы взорвались, а потому не смог увидеть солдат, кинувшихся к траншеям. Продолжая лететь на малой высоте, он бросил “Тандерчиф” в крутой левый поворот, чтобы убедиться, что батарея уничтожена раз и навсегда, и с расстояния в три мили краем глаза увидел огромное облако

дыма в центре “звезды”.

Это вам за Эла, позволил себе подумать полковник. Никакого двойного переворота в знак победы, всего лишь мысль. Затем он выровнял истребитель и выбрал лучшее направление для возвращения на базу. Сейчас здесь появится ударное звено и сотрет с земли эту батарею. О'кей. Закариас выбрал самый низкий разрыв в хребте и устремился к нему со скоростью чуть меньше одного Маха, прямо и уверенно, ведь угроза осталась позади. Теперь домой на Рождество.

Красные трассирующие очереди, вырвавшиеся из небольшого перевала, потрясли его своей неожиданностью. Здесь не должно было быть вьетнамских пулеметов. Пули, отклоняясь в сторону, летели прямо на него. Робин потянул штурвал на себя - именно этого ожидал пулеметчик, - и корпус истребителя пролетел прямо через поток огня. Самолет лихорадочно задрожал, и за одну секунду все, что до сих пор шло хорошо, пошло насмарку.

- Робин! - застонал голос по системе внутренней связи, однако он был едва слышен - все заглушал рев сигнала тревоги, и в этот рокот вой миг Закариас понял, что его самолет обречен. Пламя охватило двигатель, и тот вышел из строя, а затем “Тандерчиф” начал крениться и рыскать - полковнику стало ясно, что и управление не действует. Его реакция была автоматической - он подал команду катапультироваться, но новый стон заставил его обернуться, как раз когда он потянул за ручки катапульты. Хотя он знал, что оглядываться бесполезно, последнее, что он увидел, был Джек Тейт, истекавший кровью, которая словно инверсионный след, исчезала за пилотским креслом; но тут же его собственную спину пронзила мучительная боль, которой он никогда прежде не испытывал.

- О'кей, - сказал Келли и выпустил сигнальную ракету. Другой катер начал бросать в воду маленькие заряды взрывчатки, чтобы отогнать из этого района рыбу. Он следил и ждал пять минут, затем посмотрел на человека, отвечающего за безопасность.

- Район свободен.

- Включаю ток, - проговорил Келли и словно заклинание еще трижды повторил предупреждение, потом повернул ручку взрывного устройства. Результаты были вполне удовлетворительные. Вода вокруг платформы превратилась в пену, когда взрывы обрезали опоры и у самого дна и вблизи поверхности. Платформа падала на удивление медленно. Все сооружение соскользнуло в одну сторону и рухнуло в воду с огромным всплеском. На одно невероятное мгновение показалось, что сталь останется на плаву. Но такого быть не могло. Решетчатые фермы из тонких балок погрузились в воду и исчезли из виду, опустившись на дно. Еще одна работа была завершена.

Келли отсоединил провода от генератора и бросил их за борт.

- На две недели раньше условленного срока, - заметил представитель фирмы. Бывший летчик-истребитель на военно-морском флоте, он был восхищен работой. В конце концов, нефть никуда не денется. - Голландец был прав, говоря о тебе.

- Адмирал - хороший парень. Он здорово помог нам с Тиш.

- Да, мы летали вместе с ним два года. Блестящий летчик. Приятно, что его рекомендации подтвердились. - Представителю фирмы нравилось работать с людьми, имевшими такой же опыт, как и у него самого. Отчасти он уже успел позабыть весь ужас боевых действий. - А что это у тебя? Я заметил раньше и хотел спросить. - Он показал на татуировку на кисти Келли - красную фигурку тюленя, который сидел на задних плавниках, дерзко ухмыляясь:

- В нашем подразделении это делали все, - как можно небрежнее объяснил Келли.

- Что это за подразделение?

- Не имею права говорить об этом. - Келли улыбкой смягчил отказ.

- Держу пари, это как-то связано с тем, как Санни сумел выбраться из плена, но не стану расспрашивать дальше.

- Бывший морской офицер знал - правила следует уважать. - Ну ладно. Чек поступит на ваш счет к концу дня, мистер Келли. Я сообщу по радио вашей жене, чтобы она ждала вас в машине у причала.

Лицо Тиш Келли сияло от переполнявшего ее чувства “и я тоже”, когда она смотрела на женщин в магазине “У аиста”. Еще не кончился третий месяц беременности, и потому она могла носить все, что ей хотелось, - ну, если не все, то почти все. Слишком рано делать специальные покупки, но у нее было много времени, и она хотела кое в чем убедиться. Тиш поблагодарила продавца и решила, что придет сюда вместе с Джоном вечером и вместе с ним выберет что-нибудь для себя - ему это нравилось. А теперь пора ехать за ним. Фургон “плимут”, на котором они приехали сюда из Мэриленда, стоял рядом с магазином, и она уже знала, как ездить по улицам этого прибрежного города. Погода здесь была куда лучше холодных осенних дождей у них дома, и ей было приятно побыть на берегу Мексиканского залива, где лето никогда не кончается больше чем на несколько дней. Она вывела машину на улицу и направилась на юг, к огромному сортировочному двору, нефтяной компании. Даже светофоры благоприятствовали ей - один за другим загорались зеленые огни, так что ей даже не приходилось нажимать на тормоза.

Водитель грузовика нахмурился, когда зеленый огонек светофора переключился на желтый. Он опаздывал и ехал чуть быстрее, чем следовало, но до конца шестисотмильного пробега из Оклахомы оставалось совсем немного. Он нажал на педали сцепления и тормоза, и тут же у него перехватило дыхание - обе педали ушли в пол, не замедлив движение огромной машины. Перекресток впереди был пуст, и он продолжал ехать на красный свет, тщетно стараясь уменьшить скорость и отчаянно сигналив. Боже мой, Боже, лишь бы не...

Она просто не заметила приближения грузовика и даже не дог вернула голову. Фургон вырвался на перекресток,

и в памяти водит теля навсегда отпечатался профиль молодой женщины, исчезающей под капотом его дизеля, затем последовал ужасный крен и содрогающийся рывок вперед, когда грузовик своими передними колесами расплющил автомобиль.

Хуже всего было всякое отсутствие чувств. Хелен была ее подругой. Сейчас она умирала, и Пэм знала, что должна что-то испытывать, но не могла. Хотя рот девушки был заткнут кляпом, это не останавливало звуков, которые рвались наружу от того, что делали Билли и Рик. Это были звуки, издаваемые женщиной в неминуемом приближении смерти. Тем не менее попытка побега должна быть наказана, и Рик, и Билли, и Берт, и Генри осуществляли это наказание. Пэм пыталась убедить себя, что это кошмарный сон, но страшные звуки удушья принуждали ее смотреть, а сознание - ощущать, что это реальный мир. Хелен поступила скверно. Она пыталась убежать, и они не могли допустить этого. Им с Хелен объясняли все это много раз, а сейчас метод объяснения был таким, как сказал Генри, что забывать больше никогда не придется. Пэм провела рукой по тому месту, где однажды были сломаны ее ребра, и вспомнила свой собственный урок. Когда глаза Хелен остановились на ее лице, она знала, что бессильна что-то предпринять, и попыталась передать взглядом свое сочувствие. Большого сделать она не осмелилась, и наконец Хелен замолкла - все кончилось. Теперь она сможет закрыть глаза и подумать о том, когда наступит ее очередь.

Солдатам это казалось очень забавным. Они привязали тело американского летчика с наружной стороны своей позиции, укрепленной мешками с песком, чтобы он видел сбившие его пулеметы. Менее забавными были результаты атаки их пленника, и свое неудовольствие они выразили пинками сапог. Тут же был и другой летчик, которого они привязали рядом с первым, наслаждаясь его полным печали и отчаяния взглядом, когда он смотрел на бандита, что летел с ним на том же самолете. Из Ханоя прибыл офицер разведки. Сейчас он сверял имя летчика, то глядя в список, который привез с собой, то наклоняясь, чтобы прочитать его имя в документах. Должно быть, летчик был каким-то особенным, подумали пулеметчики, наблюдая за тем, как реагировал на него офицер и как стал срочно звонить по телефону. После того как пленник потерял сознание, офицер обмазал его лицо кровью убитого товарища и несколько раз сфотографировал. Это озадачило пулеметчиков. Похоже, офицер хотел, чтобы живой пилот выглядел таким же мертвым, как и тело, лежащее рядом. Это было странным.

Это не было первым телом, которое ему пришлось опознавать, но Келли считал, что та часть его жизни осталась далеко позади. Рядом стояли другие люди, готовые поддержать его, однако способность устоять на ногах - еще не способность выжить, а в такие моменты не бывает утешения. Он вышел из палаты "Скорой помощи", чувствуя на себе взгляды врачей и медсестер. Был вызван священник, чтобы отдать последний долг, и он что-то говорил, но Келли знал, что его слов никто не слышит. Полицейский объяснил, что нельзя винить водителя. Отказали тормоза. Механический дефект. И вообще винить некого. Такое случается. Все те слова, которые он сам говорил в подобных случаях, пытаясь объяснить невинному человеку, почему наступил конец главной части его жизни, словно эти слова могли что-то изменить. Полицейский увидел, что этот мистер Келли - крутой мужчина и потому еще более уязвимый. Его жена и так и не родившийся ребенок, которых он мог защитить от любой опасности, погибли в результате несчастного случая. А винить некого. Водитель грузовика, сам отец большой семьи, находился в больнице. Ему пришлось ввести большую дозу успокоительного. Водитель выскочил из кабины и пополз под свой грузовик, надеясь вытащить женщину еще живой. Рядом с Келли сидели его сослуживцы. Они помогут ему в организации похорон. Что еще можно сделать для человека, который готов лучше попасть в ад, чем увидеть такое, тем более что в аду он был. Но существует не один ад, и он не видел их все.

Глава 1

Потерянное дитя

Май

Он так и не понял, почему остановился. Свернул к обочине, даже не подумав. Девушка не поднимала руки - значит, не просила подвезти. Она просто стояла на обочине шоссе, глядя на проносящиеся мимо автомобили, которые обдавали ее песком и дорожной пылью, оставляя позади синие клубы дыма из выхлопных труб. Она стояла как те, что путешествуют на попутных автомашинах, - одна нога прямая, другая - согнута в колене. Одежда ее была изрядно потрепана, на одном плече висел рюкзак. Ее, каштановые до плеч волосы растрепались от вихрей, поднимаемых проносящимися автомобилями. Лицо выглядело равнодушным, но Келли не заметил этого, пока не нажал на тормоз и не свернул на обочину, усыпанную гравием. Тут же подумалось - а не свернуть ли обратно в поток транспорта, но все же решил, что уже поздно, хотя не знал, почему эта мысль пришла ему в голову. Взгляд девушки следовал за его машиной - он видел это в зеркале заднего обзора, - затем она, пожав плечами, без особого энтузиазма направилась к нему. Стекло в

дверце с пассажирской стороны было опущено, и через несколько секунд она наклонилась, глядя через него.

- Ты куда едешь? - спросила девушка.

Это удивило Келли. Он ожидал, что первым вопросом будет: "Тебя подвезти?" - и задаст его он. На мгновение он заколебался, глядя на девушку. Похоже, ей немного за двадцать, подумал он, но выглядит она старше своих лет. Лицо не то чтобы грязное, но не слишком чистое, возможно, из-за ветра и пыли на шоссе. Ее мужская рубашка не щадилась от рождения, волосы спутались. Но больше всего Келли удивили ее глаза. Привлекательного серо-зеленого цвета, они смотрели мимо него.., но что в них было? Он нередко видел такой взгляд, но только у смертельно усталых мужчин. У него и самого, видно, такой бывал, но просто тогда он не знал, как выглядели его глаза. Ему и в голову не пришло, что выражение его глаз сейчас мало отличалось от взгляда девушки.

- Возвращаюсь к себе на яхту, - ответил он наконец, не зная, что еще сказать. И мгновенно выражение ее глаз изменилось.

- У тебя есть яхта? - спросила она. Ее глаза зажглись, как у ребенка, от них вспыхнула улыбка и преобразила все лицо, словно он только что ответил на жизненно важный для нее вопрос. Келли заметил, что у девушки прелестная шербинка между передними зубами.

- Да, сорокафутовая, с дизельными двигателями. - Он сделал жест в открытый багажник "скаута", наполненный картонными коробками с провизией. - Хочешь, поедем вместе? - спросил он не задумываясь.

- Ну конечно! - Без малейших колебаний она открыла дверцу и бросила рюкзак на пол перед передним пассажирским сиденьем.

Съезжать с обочины и вливаться в транспортный поток было непростым и опасным маневром. У "скаута" была низкая база и слабый двигатель, он не годился для поездок по скоростному шоссе, и потому Келли понадобилось все свое внимание. Его машина могла ехать только по правой крайней полосе хайвэя, а поскольку другие автомобили съезжали и выезжали на шоссе на каждой развертке, приходилось внимательно следить за потоком транспорта, потому что "скаут" не был достаточно проворным, чтобы увернуться от всех идиотов, которые мчались к океану или куда-то еще, куда можно направляться на уик-энд, продолжающийся три дня.

"Хочешь, поедем вместе?" - спросил он, и она тут же ответила: "Ну конечно", запомнилось ему. Какого черта? Келли недоуменно нахмурился, глядя на проносящиеся мимо автомобили, потому что не знал ответа, однако за последние шесть месяцев он не мог ответить на множество вопросов. Он скомандовал своему воображению успокоиться и снова сосредоточил внимание на шоссе, хотя недоуменные вопросы, не оставлявшие его, беспокоили подобно отдаленному, но назойливому шуму. Ум человека, в конце концов, редко повинуется собственным командам.

30 мая, подумал он, уик-энд да еще День памяти погибших в войнах. Автомобилей вокруг было полно. Одни спешили домой с работы, другие, кто уже успел побывать дома, ехали с семьями. В задние стекла на него смотрели лица детей. Какие-то ребята помахали ему, но он сделал вид, что не заметил. Трудно жить без души, особенно когда помнишь о том, что она у тебя была.

Он провел рукой по нижней челюсти и почувствовал, какая она шершавая. Да и рука была грязной. Немудрено, что на него так смотрели на продовольственном складе. Ты перестаешь следить за собой, Келли.

Ну и что? Кого это интересует, черт возьми?

Он повернулся, посмотрел на свою спутницу и вспомнил, что не знает ее имени. Ничего себе - везешь девушку к себе на яхту и не знаешь, как ее зовут, подумал он. Поразительно. Она смотрела вперед с безмятежным выражением лица. В профиль оно было прелестным. Девушка была худой - пожалуй, сказать "тонкой и гибкой" будет правильнее, - не то блондинка, не то шатенка. Джинсы ее были поношенными, кое-где на них виднелись дыры. Не исключено, их купили в одном из тех магазинов, что нагоняют цену, если они выглядят выцветшими и рваными, но Келли не был уверен, да и вообще ему было наплевать. Это еще одна вещь, которая его не волновала.

Боже, как же все это с тобой получилось? - требовал ответа его ум. Келли знал ответ, но и он не давал полного объяснения;

Разные части организма, именуемого Джон Терренс Келли, были знакомы с различными частями происшедшего, но каким-то образом они никак не стыковались друг с другом, и отдельные элементы того, что когда-то было решительным, умным и смелым человеком, перемещались по отдельности в замешательстве.., и отчаянии? Какая счастливая мысль.

Он вспомнил, кем был когда-то. Помнил все события, которые пережил, пораженный, что сумел совершить такое. И, возможно, самым мучительным было то, что он не понимал причины происшедшего. Да, конечно, он знал, что случилось, но все это было внешней оболочкой, и каким-то образом его понимание случившегося затерялось, оставило его живым, сбитым с толку и без цели в жизни. Его существование продолжалось, как на автопилоте, он больше не управлял собой. Келли знал это, но не имел представления, куда ведет его дальнейшая судьба.

Девушка хранила молчание - Келли думал о ней просто как о девушке, потому что не знал ее имени, - и это было к лучшему, хотя он чувствовал, что у нее есть что-то, о чем знать ему необходимо. Это было инстинктивное чувство, но он всегда доверял своим инстинктам, этому предостерегающему холодку на спине и затылке. Он оглянулся на мчащиеся по шоссе автомобили и не увидел никакой особой опасности, если не считать машин, имеющих слишком много лошадиных сил под капотом и слишком мало мозгов за рулем. Внимательно посмотрев вокруг, Келли ничего не обнаружил. Однако чувство опасности не покидало его, и он безо всякой на то причины глянул в зеркало заднего вида, в то время как его левая рука опустилась между ног и коснулась рифленой рукоятки "кольта", висящего под сиденьем. Он погладил рукоятку пистолета, прежде чем осознал это.

Какого черта он сделал это? Келли отдернул руку и покачал головой от недоумения и недовольства. И все-таки он продолжал поглядывать в зеркало, просто следя за потоком транспорта, обманывал он себя на протяжении следующих

двадцати минут.

У причалов все кипело. Разумеется, это объяснялось предстоящим трехдневным уик-эндом. Автомобили пронеслись с опасной скоростью по маленькой и плохо вымощенной стоянке, каждый водитель старался опередить другого, чтобы избежать часа пик, обычного для пятницы, не осознавая того, что этим ухудшает положение. Зато "скаут" почувствовал себя здесь как дома. Высокий клиренс и хорошая видимость позволили Келли подъехать задним ходом к тоанцу "Споингеа", и он, сделав петлю, оказался на том самом месте, что покинул шесть часов назад. С облегчением Келли поднял окна и запер дверцы машины. Приключения на шоссе закончились, и теперь его манила широкая водная гладь.

"Спрингер" - яхта длиной в сорок один фут с двумя дизелями - был построен по специальному заказу, но очертаниями и внутренним устройством походил на "Пейсмейкер Кохо". Он не принадлежал к числу особенно красивых яхт, но у него было две больших каюты и салон в центре можно было легко превратить в третью. Дизели были большими, но без турбонаддува - Келли предпочитал, чтобы машины работали ритмично и не напрягаясь. На яхте был установлен высококачественный морской радиолокатор, а также все средства связи и навигационные приборы, разрешенные законом для рыболовных судов, уходивших далеко в море. Фиберглассовый корпус находился в идеальном состоянии, а на хромированных поручнях не было ни пятнышка ржавчины, хотя Келли намеренно избегал покрывать палубу лаком подобно большинству владельцев яхт, потому что не хотел тратить на это время. "Спрингер" был рабочим судном - или по крайней мере должен был им быть.

Келли открыл багажник и принялся перетаскивать коробки на борт. Он заметил, что у девушки хватило здравого смысла не вмешиваться в разгрузку.

- Эй, Келли! - послышался голос с ходового мостика яхты.

- Привет, Эд! В чем дело?

- Вышел из строя датчик. Износились щетки генератора, и я заменил их, но, по-моему, причина была все-таки в датчике. Я и его заменил. - Эд Мердок, главный механик верфи, начал спускаться по трапу и, лишь ступив на палубу, заметил девушку. Глаза механика быстро и с одобрением окинули ладную фигурку, он споткнулся на последней ступеньке и едва не растянулся от удивления.

- Что-нибудь еще? - подчеркнуто деловито спросил Келли.

- Наполнил топливные баки и прогрел двигатели, - ответил Мердок, снова поворачиваясь к своему клиенту. - Все расходы найдешь в счете.

- Спасибо, Эд.

- Да, Чип просил передать, что кто-то сделал ему предложение на случай, если ты захочешь продать...

- И не думай об этом, Эд, - прервал его Келли.

- Она настоящий алмаз, Келли, - заметил Мердок, собирая инструменты и спускаясь на набережную с улыбкой, довольный придуманной им двусмысленностью.

"Келли понадобилось несколько секунд, чтобы понять это, и он запоздало фыркнул, выгружая последние коробки из машины.

- А мне что делать? - спросила девушка. Она просто стояла рядом, и у Келли создалось впечатление, что она немного дрожит и пытается это скрыть.

- Пойди и сядь в кресло на ходовом мостике, - сказал Келли, кивнув вверх. - Мне понадобится несколько минут, чтобы отправиться в путь.

- О'кей. - На ее лице появилась улыбка, способная растопить лед, словно она точно знала, чего он ждет от нее.

Келли прошел в корму, завернул в свою каюту, довольный тем, что на яхте у него все чисто. Гальян в каюте был тоже чистым, и он остановился у зеркала, глядя на себя.

- Ну хорошо, а теперь объясни, что ты собираешься делать дальше, черт побери?

Ответа не последовало, но привычка к опрятности заставила его умыться. Через пару минут он вошел в салон. Проверил, хорошо ли закреплены коробки с "продовольствием, и поднялся на ходовой мостик.

- Ты знаешь, я забыл тебя кое о чем спросить... - начал он.

- Пэм, - улыбнулась она, протягивая руку. - А как зовут тебя?

- Келли, - ответил он, снова удивленный.

- Куда мы направляемся, мистер Келли?

- Просто Келли, - поправил он девушку, решив пока удерживать ее на расстоянии. Пэм только кивнула и снова улыбнулась.

- О'кей, Келли, так куда?

- Мне принадлежит маленький остров примерно в тридцати...

- У тебя есть собственный остров? - Ее глаза расширились от удивления.

- Совершенно верно. - Вообще-то он арендовал его и в течение такого длительного времени, что ему это вовсе не казалось удивительным.

- Вперед! - с энтузиазмом воскликнула Пэм, снова оглядываясь на берег.

Келли громко рассмеялся:

- Отлично, тогда вперед!

Он включил трюмные вентиляторы, очищающие воздух в трюме и машинном отделении. На "Спрингере" были установлены дизельные двигатели, и вообще-то можно было не беспокоиться о скоплении взрывчатых газов, но, несмотря на то что за последнее время Келли стал гораздо небрежнее, чем раньше, он оставался моряком и потому в своей жизни на воде следовал строгим правилам, а это означало соблюдение правил безопасности, написанных кровью многих

беззаботных людей. После того как прошли предписанные две минуты, он нажал на кнопку, включающую сначала левый дизель, потом дизель с правого борта. Оба больших дизеля, построенные в Детройте, тут же заработали с впечатляющим ревом. Тем временем Келли проверил показания приборов. Все выглядело нормально.

Он спустился с ходового мостика, чтобы отдать швартовы, затем вернулся обратно и передвинул вперед дроссели, выводя яхту из эллинга, проверил прилив и ветер - сейчас не ощущалось ни того ни другого, - осмотрелся по сторонам, взглянув на другие суда. Затем он передвинул вперед на одно деление левый дроссель и одновременно повернул штурвал, помогая "Спрингеру" развернуться в узком канале, и после этого направил яхту прямо вперед. Далее Келли передвинул на одно деление дроссель правого дизеля, и его крейсерская яхта неторопливо двинулась вперед со скоростью пять узлов мимо рядов моторных и парусных яхт. Пэм тоже смотрела на яхты, главным образом в сторону кормы, и ее взгляд на 1 несколько долгих секунд остановился на площадке для стоянки автомобилей. Затем она снова посмотрела вперед, и напряженность исчезла из ее тела.

- Ты разбираешься в яхтах? - спросил Келли.

- Очень мало, - призналась она, и он впервые обратил внимание на ее акцент.

- Откуда ты родом?

- Из Техаса. А ты?

- Вообще-то из Индианаполиса, но не был там очень долго.

- А это что у тебя? - спросила она, и ее рука коснулась татуировки на его кисти.

- Осталось после пребывания в одном из мест, где мне пришлось побывать, - сказал он. - Это было не очень приятное место.

- А-а, оттуда. - Пэм сразу поняла.

- Да, из того места, - бесстрастно кивнул Келли. Яхта оставила позади внутреннюю акваторию, и он снова передвинул дроссели.

- Чем ты там занимался?

- Вряд ли леди пристало слушать о таких вещах, - ответил Келли, оглядываясь вокруг из полусогнутого положения.

- Почему ты считаешь, что я - леди? - спросила она. Вопрос застал Келли врасплох, но он начал уже привыкать к этому. Келли также обнаружил, что разговор с девушкой - не важно, на какую тему, - был именно тем, в чем он нуждался. Впервые он улыбкой ответил на ее улыбку.

- С моей стороны было бы нехорошо считать, что ты - не леди.

- Мне было интересно, сколько времени понадобится тебе, чтобы улыбнуться. - У тебя такая хорошая улыбка - давал понять ее тон.

Если я "скажу - шесть месяцев, ты согласишься? - едва не произнес он. Вместо этого он рассмеялся, главным образом над самим собой. Это тоже было ему так необходимо.

- Извини. Наверно, тебе не слишком нравится мое общество. - Он снова посмотрел на нее и увидел понимание в глазах девушки. Всего лишь короткий взгляд, очень человечный и женственный, но он потряс Келли. Он чувствовал, как это произошло, и отогнал от себя ту часть сознания, которая говорила ему, что именно этого не хватало ему последние месяцы. Это было что-то, что он не хотел слышать, особенно для себя самого. Одиночество переносилось достаточно тяжело без воспоминания о его несчастье. Пэм снова протянула руку, вроде лишь для того, чтобы погладить татуировку, но не только для этого. Поразительно, каким теплым было ее прикосновение, даже под горячим майским солнцем. Может быть, это объяснялось тем, какой холодной стала его жизнь.

Но он не должен отвлекаться от управления яхтой. Примерно в тысяче ярдов перед ним шел сухогруз. Яхта уже набрала полную крейсерскую скорость, и триммеры в ее носовой части автоматически выдвинулись, переведя судно в наиболее эффективное положение на скорости в восемнадцать узлов. Яхта скользила на выдвинутых триммерах плавно и стремительно, пока не настигла волн, расходящихся от кильватерной струи сухогруза. Нос "Спрингера" начало подбрасывать до трех-четырёх футов, и Келли повернул влево, чтобы избежать наибольшей качки. По мере того как яхта обгоняла судно, оно вырастало перед ними словно утес.

- Где мне можно переодеться?

- Моя каюта на корме. Если хочешь, можешь занять носовую.

- Неужели? - хихикнула девушка. - А зачем?

- Что? - Она исчезла, и он лишь с опозданием понял смысл насмешки.

Пэм спускалась по трапу, одной рукой осторожно придерживаясь за поручень, а в другой держа свой рюкзак. У нее было немного вещей. Через несколько минут она снова появилась на ходовом мостике, одетая в короткие шорты и бюстгальтер, босиком и заметно более спокойная. Келли заметил, что у нее ноги танцовщицы, стройные и очень женственные. Кроме того, они были очень бледными, и это удивило его. Бюстгальтер свободно висел у нее на груди и выглядел потрепанным по краям. Возможно, она недавно сбросила вес - или специально купила на размер больше. Какой бы ни была причина, он обнажал почти всю ее грудь. Келли заметил, что косит глазами в ее сторону, и выругал себя за то, что разглядывает ее так неприкрыто. Однако Пэм не дала ему ускользнуть с такой легкостью. Она схватила его за руку и села рядом, прижавшись к нему. Повернув голову, он мог теперь при желании заглядывать прямо под бюстгальтер.

- Они нравятся тебе? - спросила она.

Келли почувствовал, что не знает, как ответить. Он пробормотал что-то неразборчивое, и, прежде чем он решил, как реагировать на ее слова, Пэм рассмеялась. Но смеялась она не над ним. Она махала рукой команде грузового судна, и матросы махали ей в ответ. Это был итальянский корабль, и один из полудюжины матросов, повисших на кормовом поручне, послал ей воздушный поцелуй. Она ответила ему тем же.

Келли почувствовал укол ревности.

Он снова повернул штурвал в левую сторону, перебрасывая яхту через кильватерную струю итальянского судна, и, проходя мимо капитанской рубки, подал гудок. Этому требовали правила поведения на море, хотя редко кто из яхтсменов следовал им. К этому времени вахтенный офицер смотрел в бинокль на Келли - скорее, разумеется, на Пэм. Он повернулся и что-то крикнул рулевому. Через мгновение воздух потряс оглушительный "свисток" грузового судна, и девушка едва не выпрыгнула из кресла.

Келли засмеялся, и она последовала его примеру, затем она прижалась обеими руками к его бицепсу. Он чувствовал, как ее палец пробегает по татуировке.

- Это не ощущается как...

- Я знаю, - кивнул Келли. - Большинство людей считают, что это похоже на краску или что-нибудь еще.

- Почему ты...

- Почему я сделал это? Все в нашей группе имеют подобную татуировку. Даже офицеры. Почему-то захотелось, наверно. Вообще-то глупо.

- А мне нравится.

- Ну что ж, а мне, похоже, нравишься ты.

- Ты говоришь такие приятные комплименты. - Она слегка передвинулась, коснувшись грудью его руки.

На выходе из Балтимора Келли установил скорость яхты в восемнадцать узлов. Итальянский корабль был единственным в поле зрения грузовым судном. Море казалось спокойным, с рябью не больше фута. Он направлялся по основному каналу, ведущему в Чесапикский залив.

- Ты не хочешь чего-нибудь выпить? - спросила Пэм, когда они повернули к югу.

- Было бы неплохо. В камбузе стоит холодильник - он в...

- Я видела его. Что тебе принести?

- Захвати две банки чего хочешь.

- О'кей, - непринужденно откликнулась она вставая. Мягкое приятное прикосновение скользило вдоль его руки и наконец закончилось у плеча.

- А это что? - спросила она, вернувшись на мостик. Келли обернулся и поморщился. Ему было так..., приятно сидеть с девушкой, прижимающейся к его плечу, что он даже не подумал о погоде. "Это" было надвигающейся грозой, гигантской массой дождевых облаков, уходящих в небо на восемь или десять миль.

- Похоже, что пойдет дождь. - Келли взял из ее руки банку пива.

- Когда я была маленькой девочкой, это означало торнадо.

- Нет, в этом районе торнадо не бывает, - ответил Келли, оглядывая яхту, чтобы убедиться, что все надежно приантовано на палубе. Он знал, что внизу все находится в положенных местах, потому что он всегда следил за этим, испытывал ли тоску или нет. Затем он включил морской канал радио и тут же попал на прогноз погоды, закончившийся обычным предостережением.

- Твоя яхта относится к малым судам? - спросила Пэм.

- Вообще-то да, но ты можешь не беспокоиться. Я знаю, что делаю. На флоте я служил боцманом.

- А что это?

- Что-то вроде старшего матроса на военно-морском флоте. К тому же это довольно большая яхта. Нас может изрядно потрепать, вот и все. Если ты беспокоишься - под твоим сиденьем спасательные жилеты.

- А ты беспокоишься? - спросила Пэм. Келли улыбнулся и покачал головой. - О'кей. - Она заняла прежнее положение, прижавшись грудью к его руке и положив голову ему на плечо с мечтательным выражением в глазах, словно ожидая что-то приятное, несмотря на надвигающийся шторм.

Келли не беспокоился - по крайней мере не по поводу шторма, - но он вообще-то не привык относиться к вещам небрежно. Миновав Болкин-Пойнт, он повернул на восток через судоходный канал и не изменил направления на юг до тех пор, пока не оказался на такой глубине, где, был уверен, исключалось столкновение с каким-нибудь крупным судном. Каждые пять минут он поворачивался и поглядывал на штормовые тучи, мчавшиеся прямо на них со скоростью узлов в двадцать. Они уже закрыли солнце. Шторм,двигающийся с большой скоростью, обычно означал, что будет жестоким, а выбранный им новый курс на юг не позволял уйти от него. Келли допил банку пива и решил не открывать вторую. Сейчас резко уменьшится видимость. Он достал карту, запечатанную в пластиковую обертку, поставил ее на прокладочный стол справа от контрольной панели, пометил свое место жирным карандашом и затем проверил, не выведет ли выбранный им курс на мели, - "Спрингер" имел осадку в четыре с половиной фута, а потому для него все с глубиной меньше восьми футов являлось мелью. Убедившись, что и здесь все в порядке, он проложил курс по компасу и успокоился. Его морская подготовка гарантировала его как от опасности, так и от самоуверенности.

- Сейчас начнется, - заметила Пэм с ноткой беспокойства в голосе и крепче прижалась к нему.

- Если хочешь, можешь спуститься вниз, - заметил Келли. - Пойдет дождь, и подует сильный ветер. Да и качка будет изрядной.

- Но нам не угрожает опасность?

- Нет, если только я не выкину какую-нибудь глупость. Но попытаюсь не сделать этого, - пообещал он.

- Можно, я останусь здесь и увижу, что произойдет? - спросила Пэм, явно отказываясь уходить от него, хотя Келли не знал почему.

- Ты промокнешь, - снова предупредил он.

- Ничего страшного. - Она весело улыбнулась и еще крепче прижалась к его руке.

Келли сбавил скорость, и яхта, ушла с режима планирования. Спешить было некуда. После того как дроссели

отвело назад, исчезла необходимость управлять яхтой обеими руками. Он обнял девушку одной рукой, ее голова тут же опустилась ему на плечо, и, несмотря на приближающийся шторм, в мире все стало снова прекрасно. По крайней мере так подсказывали Келли его эмоции. Разум говорил ему о чем-то другом, и эти две точки зрения никак не могли примириться друг с другом. Здравый смысл напоминал ему, что девушка, сидящая рядом с ним, была... Кем? Он не знал этого. Чувства подсказывали Келли, что это не имеет никакого значения. Именно такая девушка требовалась ему. Однако он принадлежал к числу людей, которыми управляли лишь эмоции, и разгорающийся внутри конфликт заставил его смотреть на горизонт недовольным взглядом.

- Что-нибудь случилось? - спросила Пэм.

Келли открыл было рот, но напомнил себе, что находится на яхте один на один с прелестной девушкой. И на этот раз он позволил своим эмоциям одержать верх.

- Я испытываю некоторое замешательство, но..., нет, ничего не случилось.

- Я могу рассказать тебе...

Келли отрицательно покачал головой:

- Не надо. Чем бы это ни было, может обождать. А сейчас успокойся и наслаждайся прогулкой по морю.

Через мгновение их настиг первый порыв ветра, который накренил яхту. Келли повернул штурвал и вернул ее на прежний курс, потому что порыв ветра отбросил яхту на несколько градусов влево. Первые капли дождя, предупреждающие о приближении ливня, быстро сменились сплошными полосами,двигающимися по поверхности Чесапикского залива подобно занавесям. Через минуту видимость уменьшилась до нескольких сотен ярдов, а небо потемнело, словно наступили сумерки. Келли проверил, включены ли у него ходовые огни. Волны стали бить по корпусу всерьез, подгоняемые ветром силой узлов в тридцать. Ветер и волны били прямо в лицо, и он решил двигаться вперед, хотя сейчас яхта находилась на хорошей якорной стоянке и такая же стоянка появится теперь только через пять часов. Келли еще раз взглянул на карту, затем включил радиолокатор, чтобы проверить координаты. Глубина - десять футов, песчаное дно обозначено на карте как "твердое", а потому должно хорошо держать якоря. Келли повернул "Спрингер" носом к ветру и сбавил обороты настолько, чтобы винты лишь удерживали яхту на месте, уравновешивая силу ветра.

- Встань к штурвалу, - сказал он, обращаясь к Пэм.

- Но я ничего в этом не понимаю!

- Все в порядке. Тебе ничего не нужно понимать. Удерживая яхту в устойчивом положении, поворачивай штурвал в ту сторону, куда я тебе скажу. Мне нужно пройти вперед, чтобы сбросить якоря. Справишься?

- Только ты будь поосторожней! - попросила она, стараясь перекричать ветер. Волны теперь достигли пяти футов, и нос яхты то взлетал вверх, то опускался вниз. Келли ободряюще пожал ей плечо и пошел на бак.

Разумеется, нужно было проявить осторожность, но туфли у него были на специальных нескользящих подошвах, и Келли знал, что делает. Держась рукой за леер, он обошел надстройку и через минуту был на баке. Здесь к палубе были прикреплены два якоря, Данфорт и второй, с поворачивающимися лопастями, оба побольше, чем требовалось для такой яхты. Келли сбросил первым Данфорт и дал Пэм знак повернуть штурвал чуть влево. Когда яхта сдрейфовала примерно на футов пятьдесят к югу, Келли сбросил второй якорь. Оба каната были уже закреплены на нужную длину, и, проверив, что все в порядке, Келли вернулся на ходовой мостик.

Пэм нервничала до тех пор, пока он не сел снова на крытую винилом скамью, - все вокруг было уже мокрым, в том числе и одежда. Келли поставил дроссели в нейтральное положение и позволил ветру сдвинуть "Спрингер" назад футов на сто. К этому моменту якоря впились глубоко в дно. Келли нахмурился. Вообще-то следовало разнести их пошире, но в такой ситуации и одного якоря было вполне достаточно. Второй поставлен просто для(страховки. Удовлетворенный, он выключил дизели.

- Я мог пробиться через шторм, но предпочел не делать этого, - объяснил он.

- Значит, мы остановились здесь на ночь?

- Совершенно верно. Ты можешь теперь спуститься к себе в каюту и...

- Ты хочешь, чтобы я ушла?

- Нет, я хочу сказать, если тебе здесь не нравится... - Ее рука поднялась к его лицу. Он едва расслышал ее слова через ветер и дождь:

- Мне здесь нравится. - Каким-то образом в ее словах он не нашел противоречия.

Через мгновение Келли задал себе вопрос: почему на это потребовалось столько времени. Все признаки были налицо. Произошла еще одна короткая дискуссия между эмоциями и здравым смыслом, и здравый смысл снова потерпел поражение. Здесь нечего бояться, с ним на яхте еще один человек, такой же одинокий, как и он сам. Это так легко забыть. Одиночество не говорит тебе, что ты потерял, всего лишь указывает на то, что чего-то не хватает. Потребовалось нечто вроде этого, чтобы дать определение пустоте. Ее кожа была мягкой, мокрой от дождя и все-таки теплой. Все это так отличалось от купленной страсти, которую он пробовал дважды за последний месяц, причем каждый раз он уходил прочь, испытывая чувство отворачивания.

А это было совсем другое. Это было настоящее. Здравый смысл пискнул последний раз, что такого не может быть, что он подобрал девушку на обочине дороги и знаком с ней всего ничего. Эмоции ответили, что это не имеет значения. Словно чувствуя конфликт у него в душе, Пэм стянула через голову лифчик. Эмоции победили.

- Они мне нравятся. - Его рука протянулась к ее грудям и нежно коснулась их. Ощущение тоже было приятным. Пэм повесила лифчик на штурвал и уткнулась лицом в плечо Келли, прижимая его к себе руками и очень женственно беря инициативу на себя. Каким-то образом он почувствовал, что ее страсть отнюдь не животного свойства, и это преобразовало все. Келли не знал, что это, но не пытался найти причину, не в этот момент.

Они встали. Пэм поскользнулась, но Келли подхватил ее и встал на колени, чтобы стянуть с нее шорты. Затем

наступила ее очередь расстегнуть его рубашку, но сначала она положила его ладони себе на груди. Его рубашка долго оставалась на месте, потому что ни один из них не хотел двигаться, но потом она сняла рубашку - сначала один рукав, затем другой. Теперь наступила очередь джинсов. Келли сбросил ботинки вместе с опустившимися на них джинсами. Они обнялись, покачиваясь на неустойчивой палубе, под потоками дождя и порывами ветра. Пэм взяла его за руку, отвела от панели управления и уложила на палубу, затем опустилась на него. Келли попытался сесть, но она не дала ему подняться, наклонилась вперед, и он почувствовал, как ее бедра начали двигаться с нежным неистовством. Келли не был готов к этому, как он не был готов ко всему, что произошло сегодня, и его стон, казалось, прозвучал громче грома. Когда его глаза наконец открылись, ее лицо было всего в нескольких дюймах от него, а улыбка походила на улыбку каменного ангела в церкви.

- Извини меня, Пэм, я... Она прервала его хихикнув:

- У тебя всегда получается так хорошо?

Шли минуты. Руки Келли обняли ее стройное тело, и они лежали так на палубе, пока не закончился шторм. Келли боялся шевельнуться, боялся нарушить положение, казавшееся таким нереальным. Затем подул холодный ветер, и они спустились вниз. Келли достал полотенца, и они вытерли друг друга. Он попытался улыбнуться ей, но боль вернулась к нему, еще более острая из-за наслаждения, испытанного за последний час, и теперь наступила очередь Пэм почувствовать удивление. Она сидела рядом с ним на палубе салона и, когда положила его лицо себе на грудь, ощутила, что по нему текут слезы, отчего ее грудь снова стала мокрой. Пэм не задавала вопросов. Для этого она была достаточно сообразительной. Она только прижала его к себе и молчала до тех пор, пока он не успокоился и его дыхание снова не стало размеренным?

- Извини, - сказал он через некоторое время и попытался встать, но она не пустила его.

- Ничего не объясняй. Но я хочу помочь тебе, - прошептала она, зная, что уже помогла. Она заметила это почти с первого мгновения, когда села в его машину: сильный мужчина, только страдающий. Он так резко отличался от всех остальных мужчин, которых она знала. Когда он снова заговорил, она ощутила его слова у себя в груди.

- Прошло почти семь месяцев. Я работал в устье Миссисипи. Мы только что узнали о ее беременности. Она поехала в магазин и..., это был грузовик, большой тягач с прицепом. Сцепление не выдержало... - Он не мог заставить себя продолжать, но этого и не требовалось.

- Как ее звали?

- Тиш - Патриша.

- Сколько времени вы были...

- Полтора года. И затем она..., просто исчезла. Я не ожидал этого. Я хочу сказать, что работал как мог, задания были опасными, но теперь все кончилось и я остался один, а не она. Я никогда не думал... - Он снова замолчал. Пэм посмотрела на него в сумрачном свете салона, увидела шрамы, которых не заметила раньше, и подумала об их происхождении. Впрочем, это не имело значения. Она положила щеку ему на голову. Сейчас он был бы отцом. Он мог бы быть кем угодно.

- И ты никому не говорил об этом?

- Никому.

- Почему же решил сделать это сейчас?

- Не знаю, - прошептал он.

- Спасибо. - Келли удивленно поднял голову. - Я никогда не слышала от мужчины ничего более приятного.

- Почему?

- Неужели ты не понимаешь? - удивилась Пэм. - А вот Тиш поняла бы. Ты позволил мне занять ее место. А может быть, это она позволила. Она любила тебя, Джон. Очень любила. И все еще любит. Спасибо, что ты позволил помочь тебе.

По его щекам снова потекли слезы, и Пэм опять прижала к груди его голову, укачивая этого сильного мужчину, словно ребенка. Прошло десять минут, хотя ни один из них не смотрел на часы. Когда его тело перестало дрожать, он поцеловал ее в знак благодарности, и этот поцелуй тут же превратился в жар новой страсти. Пэм легла на спину, позволив ему взять инициативу на себя, потому что теперь он снова превратился в мужчину, сильного духом. Ее вознаграждение соответствовало той щедрости, которой она одарила его, и на этот раз ее стоны заглушили раскаты грома. Позже он заснул рядом с ней, и она поцеловала его небритую щеку. Лишь тогда хлынули ее слезы, завершая то чудо, которое принес этот день после того ужаса, с которого начался.

Глава 2

Встречи

Келли проснулся в обычное время, за полчаса до восхода солнца, слыша крики чаек и увидев первое тусклое сияние на восточном горизонте. Сначала он в замешательстве посмотрел на тонкую руку, лежащую на его груди, но другие чувства и воспоминания за несколько секунд объяснили ему все, что произошло вчера. Он осторожно отодвинулся от девушки, накрыл ее одеялом - в салоне было по-утреннему холодно. Настало время заняться яхтой.

Келли включил электрический кофейник, затем натянул плавки и поднялся на верхнюю палубу. С удовлетворением он заметил, что вчера не забыл включить якорный огонь. Небо очистилось, и воздух после вчерашней грозы был прохладным. Келли прошел вперед и с удивлением заметил, что под напором ветра один из якорей немного сдвинулся. Он упрекнул себя за это, хотя особой опасности в том не было. Поверхность залива была спокойной,

маслянисто-гладкой. Дул легкий бриз. Розово-оранжевый свет первых солнечных лучей окрасил далекий восточный берег, поросший лесом. В общем утро было великолепным, и он не мог припомнить, когда в последний раз видел такое. Затем он вспомнил, что все изменившее его жизнь не имело никакого отношения к погоде.

- Черт возьми, - прошептал он, глядя в сторону рассвета, еще не начавшегося по-настоящему. Келли чувствовал, что его тело онемело, и проделал несколько упражнений на растяжение, чтобы избавиться от жесткости в мышцах. Лишь теперь он понял, как хорошо чувствует себя без обычного утреннего похмелья, и еще больше времени прошло, прежде чем он вспомнил, сколько спал. Неужели целых девять часов? - подумал он. Неудивительно, что он чувствует себя так хорошо. За дело. Теперь он взялся за швабру и начал сгонять воду, скопившуюся на фиберглассовой палубе.

Услышав низкий приглушенный рокот морских дизелей, посмотрел на запад, пытаясь рассмотреть, откуда он доносится, но там поверхность моря растворилась в легком тумане, гонимом бризом, и он ничего не увидел. Пришлось подойти к панели управления на ходовом мостике и достать бинокль. Он направил его в сторону шума как раз в тот момент, когда ослепительный луч двенадцатидюймового прожектора сверкнул сквозь его морской 7 X 50. На мгновение Келли ослепило, но тут же прожектор погас, и голос, усиленный громкоговорителем, пронесся над морской поверхностью:

- Извини, Келли. Я не знал, что это ты. - Через пару минут знакомый силуэт патрульного катера береговой охраны приблизился к яхте. Келли поспешил к левому борту, чтобы опустить резиновые кранцы.

- Ты пытаешься убить меня или как? - спросил Келли дружеским тоном.

- Извини. - Главный старшина Мануэль Ореза, "Португалец", ступил с одного планшира на другой с привычной легкостью. Он махнул рукой в сторону кранцев. - Обижаешь?

- Плохое поведение на море, не иначе, - продолжал Келли, подходя к гостю.

- Я уже сказал об этом молодому матросу, - заверил его Ореза. - Доброе утро, Келли. - Он протянул руку, в которой был стайрофомовый стаканчик с кофе. Келли взял его и рассмеялся.

- Принимаю ваши извинения, сэр. - Ореза славился искусством приготовления кофе.

- Работали всю ночь. Устали как собаки, да еще у меня молодая команда, - устало объяснил старшина. Орезу было почти двадцать восемь, и возрастом он намного превосходил самого старшего матроса своей команды.

- Неприятности? - спросил Келли. Ореза кивнул, глядя на море.

- Да, пожалуй. Какой-то кретин в маленькой яхте, рассчитанной на дневное плавание, исчез после этого маленького шторма прошлым вечером, и теперь мы ищем его повсюду.

- Сорок узлов - скорость ветра. Это порядочный шквал, Португалец, - напомнил ему Келли. - Да и подул так неожиданно.

- Это верно. Мы все-таки спасли шесть яхт, исчезла только одна. Прошлым вечером ты не видел ничего необычного?

- Нет. Вышел из Балтимора около.., пожалуй, шестнадцати ноль ноль. Два с половиной часа, чтобы добраться до этой стоянки. Встал на якорь перед самым штормом. Видимость была очень плохой, когда мы спустились вниз.

- Мы, - заметил потягиваясь Ореза. Он подошел к штурвалу, снял с него намоченный лифчик и бросил Келли. Выражение его лица было бесстрастным, но в глазах играли огоньки интереса. Он надеялся, что его друг нашел для себя кого-нибудь. Жизнь для него не была особенно легкой.

Келли вернул стакан обратно с бесстрастным выражением лица.

- Вслед за нами из порта вышел грузовой корабль, - продолжал он. - Итальянский флаг, контейнеровоз, загружен до половины, шел, должно быть, узлов под пятнадцать. Еще кто-нибудь выходил из порта?

- Да, это изрядно меня беспокоит, - кивнул Ореза с профессиональным раздражением. - Проклятые грузовики рвут полным ходом, не глядя вперед.

- Ну, разумеется, стоя на вахте перед рулевой рубкой, можно промокнуть. К тому же впередсмотрящие могли нарушить какое-нибудь профсоюзное правило, верно? Может быть, твоя пропавшая яхта просто попала ему под киль, - зловеще заметил Келли. Такое уже случалось не раз, даже в таком цивилизованном заливе, как Чесапикский.

- Может быть, - согласился Ореза, оглядывая горизонт. Он нахмурился, не веря такому предположению, и слишком устал, чтобы скрыть это. - Как бы то ни было, если увидишь маленькую яхту, рассчитанную на плавание днем, с оранжево-белым полосатым парусом, сообщи мне, ладно?

- Непременно.

Ореза посмотрел вперед и повернулся к Келли:

- Ты поставил два якоря для того небольшого ветерка, что дул вчера вечером? Они разнесены недостаточно широко. Я считал тебя более опытным моряком.

- Старшим боцманом, - напомнил ему Келли. - С каких это пор бухгалтер начинает поучать настоящего моряка? - Но это была всего лишь шутка. Келли знал, что Португалец лучше его умеет обращаться с малыми судами. Впрочем, совсем ненамного, и оба знали это.

Ореза улыбался все время, пока переходил обратно на свой катер береговой охраны. Перепрыгнув на его палубу, он указал на лифчик в руке Келли:

- Не забудь надеть свою рубашку, боцман! Мне кажется, она сшита как раз на тебя. - Смеющийся Ореза исчез в рулевой рубке, прежде чем Келли успел придумать соответствующий ответ. На палубе катера появился мужчина в штатском, что удивило Келли. Мгновение спустя машины катера взревели и он взял курс на северо-запад.

- Доброе утро. - Это была Пэм. - Кто это? Келли повернулся. Она была в том же виде, в каком он накрывал ее одеялом, и Келли решил, что теперь она застанет его врасплох лишь в том случае, если сделает что-то непредсказуемое. Ее волосы были спутаны, как у медузы, а глаза лишены фокуса, словно она плохо спала.

- Береговая охрана. Ищут пропавшую яхту. Как ты поспала?
- Очень хорошо. - Девушка подошла к нему. В глазах у нее было мягкое, мечтательное выражение. Оно казалось странным столь ранним утром, но для моряка трудно придумать что-нибудь более привлекательное.
- Доброе утро. - Поцелуй. Объятие. Пэм подняла руки над головой и сделала что-то вроде пируэта. Келли схватил ее за тонкую талию и поднял.

- Что ты хочешь на завтрак? - спросил он.
- Я никогда не завтракаю. - Пэм протянула руки вниз, ему за шею.
- А-а... - улыбнулся Келли. - Ну что ж, хорошо. Через час она передумала. Он приготовил ей яичницу с беконом на печке в камбузе, и Пэм проглотила все так быстро, что, несмотря на ее протесты, ему пришлось заняться второй порцией. Он заметил, что девушка была не просто худой, на ее теле проступали ребра. Она плохо питается, подумал он, и это наблюдение подсказало ему еще один вопрос, которого он не задал. Но какой бы ни была причина, он может исправить положение. После того как она съела четыре яйца, восемь ломтиков бекона и пять тостов - примерно вдвое больше, чем потреблял утром сам Келли, - настало время приниматься за дневную работу. Он показал ей, как обращаться с электрическими приборами на камбузе, пока сам займется якорями.

Они отправились в путь незадолго до восьми часов, потому что работали не спеша. Суббота обещала быть жаркой и солнечной. Келли надел солнцезащитные очки и сел расслабившись в своем кресле, время от времени прогоняя дремоту глотком кофе из кружки. Он направил яхту на запад, вдоль самого края судоходного канала, чтобы не встречаться с сотнями рыболовных судов, которые, он не сомневался, выйдут из различных гаваней для ловли морского окуня.

- А это что за штуки? - спросила Пэм, указывая на поплавки, вытянувшиеся слева от яхты.
- Поплавки для ловушек, куда ловят крабов. Вообще-то они больше похожи на клетки. Крабы забираются внутрь и не могут выбраться обратно. Поплавки остаются на плаву, чтобы знать, где находятся ловушки. - Келли передал девушке бинокль и указал на рабочий баркас, находившийся в трех милях к востоку.

- Они ловят этих бедняжек? Келли засмеялся:
- Пэм, ты ела бекон на завтрак? Свинья отнюдь не совершила самоубийства, верно?
Она посмотрела на него озорным взглядом:

- Пожалуй.
- Так что у тебя нет оснований волноваться. Краб - это просто большой морской паук, хотя он и очень вкусен. - Келли повернул штурвал направо, чтобы обогнуть красный конический буй.

- И все-таки это кажется жестоким.
- Жизнь - тоже жестокая штука, - отозвался Келли и тут же пожалел об этом.
Ответ Пэм был таким же искренним:

- Да, я знаю.
Келли не повернулся, чтобы взглянуть на нее лишь потому, что вовремя остановил себя. Ее ответ прозвучал с таким чувством, что он понял - и у нее в душе скрывались демоны. Этот момент, однако, быстро миновал. Она откинулась на спинку большого вращающегося кресла, прикрепленного к палубе, прижалась к нему, и ему снова стало хорошо. В последний раз здравый смысл предостерег Келли, что здесь скрывалось что-то странное. Но ведь тут не было демонов, правда?

- Тебе лучше спуститься вниз.
- Почему?
- Сегодня солнце будет жечь всюю. В медицинском шкафчике есть крем от загара, в главном гальюне.
- Гальюне?
- В туалете!
- Почему на судне все называется по-другому?
- Для того чтобы моряки чувствовали себя тут хозяевами, - засмеялся Келли. - А теперь - брысь! Найди крем и как следует намажься, а то к ленчу ты будешь выглядеть свежеподжаренной.

На лице Пэм появилась гримаса:
- Мне понадобится душ. Можно?
- Отличная мысль, - отозвался Келли не оборачиваясь. - Не стоит пугать рыбу.
- Какой ты грубый! - Она шлепнула его по руке и побежала вниз.

- Исчезла, прямо-таки исчезла, - проворчал Ореза. Он склонился над прокладочным столом на станции береговой охраны Томас-Пойнт.

- Надо было осмотреть район с воздуха, поднять вертолет или еще что-то, - заметил штатский.
- Прошлой ночью не имело смысла. Черт побери, чайки выдержали этот шторм, сидя на поверхности.
- Но куда он мог деться?
- Понять не могу. Может, утонул. - Ореза смотрел на карту сердитым взглядом. - Вы говорите, что он направлялся на север. Мы побывали во всех этих портах, а Макс проверил западный берег. Вы уверены, что дали нам правильное описание яхты?

- Уверен? Да мы сделали все что можно, едва ли не купили им эту проклятую яхту! - Штатский был тоже раздражен - двадцать восемь часов без сна на одном кофеине, не говоря уже о непрерывной качке и морской болезни на

катере береговой охраны. Ему казалось, что желудок выстлан стальными стружками. - Может быть, он утонул, - проворчал штатский, сам не веря тому ни на минуту.

- А это решило бы вашу проблему? - Попытка главного старшины неуместно пошутить вызвала предупреждающий взгляд начальника станции - седовласого уоррент-офицера Пола Инглиша.

- Понимаете, - произнес штатский, близкий к состоянию полного изнеможения, - я не думаю, что что-то сможет решить эту проблему, но мне поручили попытаться.

- Сэр, мы провели тяжелую ночь. Моя команда устала, и, если у вас нет по-настоящему весомой причины продолжать поиски, я советую вам поспать.

Штатский поднял голову и посмотрел на Мануэла Орезу с усталой улыбкой, словно извиняясь за предыдущие слова.

- Главный старшина Ореза, с вашим здравым смыслом вам давно следовало быть офицером.

- Если я такой умный, то почему мы прошлой ночью упустили; нашего друга?

- А этот парень, которого мы видели на рассвете?

- Келли, бывший боцман на военно-морском флоте, на него можно положиться.

- Слишком молодой для боцмана, не правда ли? - спросил Инглиш, разглядывая неважную фотографию, сделанную при свете прожектора. Он недавно появился на этой станции.

- Он получил это звание вместе с морским крестом, - объяснил Ореза.

Штатский поднял голову:

- Значит, вы не считаете...

- Никаких шансов.

Штатский покачал головой, встал, на мгновение остановился и затем отправился в спальню. Они снова выйдут в море еще до рассвета, и нужно как следует выспаться.

- Итак, как было дело? - спросил Инглиш, едва штатский вышел из комнаты.

- У этого парня куча оборудования, капитан. - Поскольку Инглиш занимал пост начальника станции, он имел право на такое обращение, тем более что позволил Португальцу управлять своим катером, как тот считал нужным. - Так что ему приходится мало спать.

- Он останется с нами длительное время, хотя и не постоянно, поэтому я хочу, чтобы ты проявлял к нему должное уважение.

Ореза постучал карандашом по карте.

- Я по-прежнему считаю, что это лучшее место, с которого можно вести наблюдение, и знаю, что мы можем положиться на этого парня.

- А этот парень говорит "нет".

- Он не моряк, мистер Инглиш. Я не возражаю, когда он говорит мне, что нужно делать, но он не имеет достаточной подготовки, чтобы говорить мне как. - Ореза обвел карандашом точку на карте.

- Мне это не нравится.

- От тебя никто не требует, чтобы это тебе нравилось, - заметил более высокий мужчина. Он раскрыл складной нож и разрезал плотную бумагу, в которую был завернут пластмассовый пакет с белым порошком внутри. - Всего несколько часов работы - и у нас триста тысяч долларов. Тебе этого мало, или я что-то упустил?

- И это только начало, - добавил третий.

- Как мы поступим с яхтой? - спросил мужчина, выразивший сомнения.

Высокий парень оторвался от своего занятия и посмотрел на него.

- Ты избавился от паруса?

- Да.

- Ну что ж, яхту мы можем спрятать куда-нибудь..., но, пожалуй, безопаснее утопить ее. Да, так мы и поступим.

- А Анджело? - Все трое посмотрели на лежащего на полу мужчину. Он все еще не пришел в сознание, и по лицу его стекала кровь.

- Пожалуй, утопим и его тоже, - заметил высокий мужчина без особых колебаний. - Прямо здесь, тут неплохое место.

- Через пару недель от него ничего не останется. Здесь масса всякой морской живности. - Третий махнул рукой в сторону берега, заливаемого приливом.

- Теперь ты видишь, как все просто? Анджело нет, яхты тоже нет, никакого риска, и триста тысяч баксов. Что еще можно пожелать, Эдди?

- Его друзьям это может не понравиться. - Замечание прозвучало скорее как желание как-то возразить, а не как моральное убеждение.

- Какие друзья? - спросил Тони, не поднимая головы. - Он заложил нас, верно? Сколько друзей есть у осведомителя?

Логика ситуации убедила Эдди, и он подошел к лежащему без сознания Анджело. Кровь все еще сочилась из его многочисленных ран, когда при дыхании медленно двигалась грудь. Наступило время положить этому конец. Эдди понимал это; он просто старался отодвинуть неизбежное. Он достал из кармана небольшой автоматический пистолет 22-го калибра, приставил дуло к затылку Анджело и нажал на спусковой крючок. Тело содрогнулось, затем безжизненно вытянулось. Эдди отложил в сторону свой пистолет и вытащил мертвое тело наружу, оставив Генри и его приятеля заниматься более важным делом. Они прихватили с собой рыболовные сети, и Эдди завернул в них труп, прежде чем сбросить его в воду позади своей маленькой моторной лодки. Эдди был осторожным человеком и оглянулся вокруг, но

здесь вряд ли следовало опасаться любопытных. Он включил мотор, и катер отправился на поиски подходящего места, обнаруженное ими в нескольких сотнях ярдов от яхты. Там он выключил мотор, и катер дрейфовал, пока Эдди привязывал тяжелые бетонные блоки к сети, в которую был закутан Анджело. Шести блоков оказалось достаточно, чтобы погрузить его тело на дно, которое находилось на глубине восьми футов. Вода здесь была очень прозрачной, и это беспокоило Эдди, пока он не увидел, что дно прямо-таки кишит крабами. Труп Анджело исчезнет, меньше чем через пару недель. Это было значительным усовершенствованием в процедуре ведения их дел, и его следовало запомнить на будущее. Избавиться от маленькой парусной яхты будет труднее. Ему придется найти место поглубже, но в его распоряжении целый день.

Келли изменил курс вправо, чтобы избежать группы спортивных яхт. Остров был уже в пределах видимости, милях в пяти. Не то чтобы это было живописное зрелище, всего лишь возвышение на горизонте, без единого деревца, но это был его остров, и там он чувствовал себя обособленно. Единственным недостатком был плохой прием телевизионных программ.

У острова Бэттери-Айленд была длинная и ничем не примечательная история. Его теперешнее название, скорее ироничное, чем соответствующее действительности, появилось в начале девятнадцатого века, когда какой-то предприимчивый военный решил установить здесь небольшую батарею, чтобы перекрыть узкое место при входе в Чесапикский залив и сделать его недоступным для британских кораблей, плывших к Вашингтону, округ Колумбия, с целью наказать новую нацию, которая осмелилась бросить вызов самому мощному в мире военно-морскому флоту. Командующий британской эскадрой заметил на острове безобидные клубы порохового дыма и больше для забавы, чем для уничтожения, подвел один из своих кораблей в пределы досягаемости пушечного огня и сделал несколько залпов из мощных пушек на нижней палубе. Добровольцы, обслуживавшие пушки на островной батарее, решили не искушать судьбу, бросились наперегонки к своим весельным лодкам и переправились на континент. Вскоре после этого на остров на полубаркасе высадился десант, состоявший из матросов и нескольких королевских морских пехотинцев. Поработав веслами, они вбили клинья в запальные отверстия - это называлось "заклепать орудия". Затем британская эскадра возобновила неторопливое движение вверх по реке Патьюксент, откуда их армия прошла к Вашингтону, вынудив Долли Медисон¹ покинуть Белый дом, и вернулась обратно. Далее британские силы двинулись в Балтимор, где результат столкновения оказался несколько иным.

Бэттери-Айленд, став, несмотря на очевидную неохоту властей, федеральным владением, сделался стеснительным подстрочным примечанием к поразительно бесполезной войне. Поскольку на острове не было никого, кто мог бы ухаживать за земляными укреплениями, сорняки скоро захватили его, и такое положение продолжалось в течение почти сотни лет.

В 1917 году началась первая американская по-настоящему иностранная война, и Военно-морской флот США, внезапно столкнувшийся с угрозой со стороны подводных лодок, нуждался в уединенном месте для испытания своей артиллерии. Бэттери-Айленд показался идеальным местом, всего в нескольких часах плавания от Норфолка. В течение ряда месяцев осенью этого года двенадцати - и четырнадцатидюймовые пушки линейных кораблей грохотали в этом районе, и в результате их снаряды разнесли почти треть острова ниже уровня отлива, а также изрядно перепугали перелетных птиц, которые уже давно поняли, что здесь им не угрожают ружья охотников. Единственным новым событием, случившимся вблизи острова, было затопление сотни грузовых судов, построенных во время первой мировой войны. Суда, затопленные в нескольких милях к югу, быстро обросли водорослями и стали походить на острова.

Новая война и новое оружие пробудили заснувший было остров к жизни. Базе военно-воздушных сил ВМС, находящейся поблизости, понадобился полигон для того, чтобы пилоты могли испытывать вооружение. Удачное совпадение - расположенный поблизости остров Бэттери-Айленд и десятки затопленных судов, оставшихся после первой мировой войны, создали идеальный полигон для бомбардировки. В результате на острове были выстроены три массивных железобетонных бункера для наблюдения за ходом испытаний, откуда офицеры могли следить за тем, как бомбардировщики TBF и SB2C заходили на цели, которые имитировали острова и корабли, и разносили их в пыль. Это продолжалось до тех пор, пока одна из бомб не задержалась на бомбосбрасывателе чуть дольше чем следовало и не уничтожила один из бункеров, к счастью, оказавшийся в этот момент пустым. Место расположения уничтоженного бункера выровняли из соображений порядка, а сам остров превратили в спасательную станцию: находившийся там спасательный катер быстро реагировал на случающиеся поблизости авиакатастрофы. Для этого понадобилось построить бетонный пирс и ангар для судов, а также переоборудовать два оставшихся бункера. Короче говоря, остров принес немалую пользу местной экономике, если не федеральному бюджету, пока появление вертолетов не сделало спасательные суда излишними, и остров был объявлен бесполезным. Так что он оставался никому не нужным в списке бесполезной федеральной собственности, пока Келли не удалось арендовать его.

Пэм улеглась на одеяле, наслаждаясь теплыми солнечными лучами, густо обмазанная кремом, предохраняющим от солнечного ожога. У нее не было купального костюма, поэтому она надела только трусики и лифчик. Это не вызывало

¹ Долли Медисон - жена 4-го президента США (1809 - 1817). Во время англо-американской войны 1812 - 1815 гг., спасла государственные документы и портрет Дж. Вашингтона из сожженного англичанами Белого дома.

раздражения у Келли, однако неуместность такой одежды смутно беспокоила его по причине, не поддающейся логическому анализу. Как бы то ни было, его главной задачей было управлять яхтой. Рассмотреть ее тело он сможет и позже, говорил он себе каждую минуту, хотя глаза то и дело обращались в сторону Пэм, словно стараясь убедиться, что она по-прежнему здесь.

Келли ушел еще немного вправо, уклоняясь от большой рыболовной яхты, затем взглянул на Пэм. Она спустила бретельки своего лифчика, чтобы загар был равномерный. Келли одобрительно улыбнулся.

Звук заставил обоих вздрогнуть, когда неожиданно раздались короткие громкие гудки рыболовного судна. Келли оглянулся по сторонам и заметил яхту, которая находилась в двух сотнях ярдов слева. Она была единственным судном, которое оказалось достаточно близко, чтобы вызвать у него беспокойство, и она же, по-видимому, подавала гудки. На ходовом мостике мужчина размахивал руками. Келли повернул штурвал влево, чтобы подойти поближе, и через несколько минут “Спрингер” покачивался рядом с яхтой. Кем бы ни был этот мужчина, понял Келли, он был плохо знаком с морем, поэтому, когда Келли остановил свою яхту футов в двадцати от него, он держал руку на дросселях.

- Что случилось? - спросил Келли через громкоговоритель.

- Мы потеряли винты! - крикнул в ответ смуглый мужчина. - Что нам теперь делать?

Гребите веслами, едва не ответил Келли, но вовремя удержался. Это было бы не слишком вежливо. Он подвел “Спрингер” поближе, чтобы оценить ситуацию. Попавшая в беду яхта была средних размеров, относительно недавно построенная, класса “Гаттерас”. Мужчина на ходовом мостике был среднего роста, примерно пяти футов восьми дюймов, ему было за пятьдесят, голый до пояса, с грудью, густо заросшей черными волосами. Рядом стояла женщина, тоже расстроенная.

- Не осталось ни одного винта? - спросил Келли, когда подвел яхту поближе.

- Думаю, мы попали на песчаную отмель, - объяснил мужчина. - Примерно в полумиле отсюда. - Он указал на место, которое Келли обогнул.

- Это верно, там есть такая отмель. Могу взять вас на буксир, если хотите. У вас есть достаточно прочный буксировочный трос?

- Да! - с готовностью ответил мужчина и подошел к канатному ящику на носу. Женщина выглядела смущенной.

Келли отошел подальше от потерявшей ход яхты, следя за действиями ее “капитана” - он применил это звание с иронией. Мужчина не разбирался ни в морских картах, ни в том, как надлежит привлечь внимание другого судна, если попал в беду. Он даже не имел представления, как вызвать береговую охрану. Все, что он сделал, - это купил яхту класса “Гаттерас”. И хотя такой выбор был для него лестным, Келли все-таки считал, что заслуга принадлежит не нынешнему владельцу, а тому, кто ее продал и сумел убедить его в достоинствах яхты. Но тут мужчина удивил Келли. Он умело обращался с тросом и дал знак “Спрингеру” подойти поближе.

Келли подвел корму к носу потерявшей ход яхты, затем спустился вниз и закрепил буксировочный трос на массивной утке, прикрепленной к транцу. Пэм встала и следила за происходящим. Келли взбежал на ходовой мостик и чуть передвинул вперед дроссели.

- Включите свое радио, - крикнул он хозяину “Гаттераса”. - Оставьте перо руля в прямом положении, пока я не дам другую команду. Понятно?

- Понятно.

- Надеюсь на это, - шепнул себе под нос Келли и сдвинул вперед дроссели своих дизелей до тех пор, пока буксировочный трос не натянулся.

- Что с ним произошло? - спросила Пэм.

- Люди забывают, что под всей этой водой находится дно. Стоит задеть его с достаточной силой, и можно что-нибудь сломать. - Он сделал паузу. - Тебе лучше бы одеться поприличней.

Пэм хихикнула и спустилась вниз. Келли осторожно увеличил скорость до четырех узлов, прежде чем начал поворачивать к югу. Ему приходилось проделывать это не один раз, и Келли ворчал про себя, что, если ему придется заниматься этим чаще, он отпечатает специальные бланки для оплаты за услуги.

Келли подвел “Спрингер” к пирсу очень медленно, все время помня о яхте, которую буксирует, сбежал с мостика, чтобы сбросить кранцы, затем перепрыгнул на пирс и закрепил пару швартовочных тросов. После этого он поспешил к “Гаттерасу”. Владелец яхты уже приготовил свои швартовы и кинул их Келли, стоящему на пирсе, а сам сбросил кранцы. Келли пришлось подтянуть яхту на несколько футов - хорошая возможность продемонстрировать свои мускулы перед Пэм. Ему понадобилось всего пять минут, чтобы надежно пришвартовать “Гаттерас”, затем Келли сделал то же самое со “Спрингером”.

- Это ваша яхта?

- Пожалуй, - ответил Келли. - Добро пожаловать на мой остров.

- Сэм Розен, - представился мужчина и протянул руку. За это время он успел надеть рубаху, и, хотя у него была сильная рука, Келли заметил, что кожа на ней кажется нежной, как у ребенка.

- Джон Келли.

- Моя жена Сара.

- Вы, должно быть, за штурмана на яхте, - улыбнулся Келли. Сара была невысокого роста, излишне полноватая, и в ее карих глазах смущение мешалось с радостным изумлением.

- Разрешите поблагодарить вас за оказанную нам помощь, - произнесла она с нью-йоркским акцентом.

- Морской закон, мадам. Так что же случилось?

- Глубина на карте в том месте, где мы сели на мель, была шесть футов, а осадка у яхты всего четыре! А низшая точка отлива была пять часов назад! - возмущенно воскликнула женщина. Она не сердилась на Келли, просто он оказался

ближайшей целью, а ее муж уже выслушал все, что она хотела сказать.

- Песчаная мель постепенно нарастала из-за штормов, бушевавших прошлой зимой, но моя карта показывает меньшую глубину. К тому же там вязкое дно.

В это время к ним подошла Пэм, одетая почти презентабельно, и Келли вспомнил, что не знает ее фамилии.

- Привет! Меня зовут Пэм.

- Не хотите ли освежиться? У нас целый день, в течение которого мы должны решить вашу проблему.

Все выразили согласие, и Келли повел их к своему дому.

- Что это такое, черт возьми? - удивленно спросил Сэм Розен. "Это" был один из бункеров площадью в две тысячи квадратных футов и крышей в три фута железобетона. Все сооружение было выстроено из железобетонных плит и было почти таким же прочным, как выглядело на первый взгляд. За ним находился второй бункер, размером поменьше.

- Это все принадлежало Военно-морскому флоту, а я арендовал.

- Они построили для вас отличный пирс, - заметил Розен.

- Да, совсем неплохой, - согласился Келли. - Вы не будете возражать, если я спрошу, чем вы занимаетесь?

- Я - хирург, - ответил Розен.

- Вот как? - Это объясняло мягкость рук.

- Он - профессор хирургии, - поправила мужа Сара. - А вот в управлении яхтой ничего не смыслит.

- Просто проклятые карты устарели! - ворчал профессор, когда Келли вел их в бункер. - Вы не слышали об этом?

- Вот что, ребята, теперь все это достояние истории, а ленч и пиво позволят нам изучить случившееся в более удобной обстановке. - Келли сам удивился собственным словам. И в следующее мгновение Келли услышал резкий шелчок выстрела, донесшийся откуда-то с юга. Удивительно, как далеко разносится звук по воде.

- Вы слышали? - У Сэма Розена тоже был острый слух.

- Наверно, какой-нибудь мальчишка охотится за ондатрой со своей малокалиберкой, - решил Келли. - У нас здесь очень спокойно. Осенью бывает немного шумно на рассвете - охотятся на уток и гусей.

- Я вижу у вас стоят щиты. Вы тоже охотитесь?

- Больше не охочусь, - ответил Келли. Розен понимающе посмотрел на него, и Келли решил, что его первая оценка мужчины была ошибочной.

- И давно?

- Порядочно. Откуда вы знаете?

- Сразу после окончания резидентуры я служил на Иводзиме и Окинаве. На плавучем госпитале.

- А-а, во времена всех этих камикадзе?

- Да, пришлось изрядно повеселиться. А как вы провели свою службу? - спросил Розен.

- Обычно на животе, - с усмешкой ответил Келли.

- Легкий водолаз? Вы похожи на легкого водолаза, - сказал Розен. - Мне пришлось лечить нескольких.

- Да, почти, только еще глупее. - Келли набрал комбинацию цифр на тяжелой двери и открыл ее.

Внутреннее убранство бункера удивило всех гостей. Когда Келли получил право на аренду острова, бункер был разделен толстыми бетонными стенами на три большие голые комнаты, но теперь он выглядел почти как жилая квартира, с окрашенными стенами из сухой штукатурки и коврами. Даже потолок не был голым. Узкие бойницы остались единственным напоминанием о том, чем это было раньше. Мебель и ковры свидетельствовали о влиянии Патриши, однако царивший здесь ныне беспорядок говорил, что сейчас тут жил только мужчина. Все было аккуратно расставлено, но ощущалось, что это сделано не женской рукой. Розены заметили, что в кухню их проводил хозяин дома; он же достал продукты из старомодного холодильника, в то время как Пэм бродила по дому с широко открытыми от удивления глазами.

- Здесь приятно и прохладно, - заметила Сара. - А вот зимой, готова поспорить, сыро.

- Не так, как вы думаете. - Келли указал на радиаторы батарей по всему периметру стены. - Паровое отопление. Этот бункер был выстроен по федеральным спецификациям. Здесь все работает и все стоит слишком дорого;

- Как вам удалось арендовать такой остров? - спросил Сэм.

- Помог один из друзей. Федеральное имущество, в котором государство больше не нуждается.

- Должно быть, влиятельный друг, - заметила Сара, с восхищением разглядывая холодильник, вделанный в стену.

- Да.

Вице-адмирал Уинслоу Холланд Максвелл находился в своем кабинете, который располагался в Пентагоне, на кольце "Е". Это был наружный кабинет, и он мог восхищаться прекрасной панорамой Вашингтона, а также толпой демонстрантов, сердито подумал он. "Детоубийцы!" - было написано на одном плакате. В толпе виднелся даже флаг Северного Вьетнама. Этим утром монотонные выкрики исказились толстыми стеклами окон. Он слышал их ритм, но не сами слова, и бывший летчик-истребитель так и не мог решить, что приводит его в большую ярость.

- Это для тебя не слишком хорошо. Голландец.

- Будто я сам этого не знаю, - проворчал Максвелл.

- Свобода заниматься этим - одно из тех завоеваний, которые мы защищаем, - напомнил контр-адмирал Казимир Подулски, не сумев завершить этот прыжок веры, несмотря на собственные слова. Для этого требовалось от него слишком многое. Его сын погиб над Хайфоном в истребителе-бомбардировщике А-4. Об этом событии сообщили газеты,

главным образом из-за того, что отец молодого летчика занимал такую высокую должность. В течение следующей недели поступило одиннадцать анонимных телефонных звонков. Некоторые злорадно смеялись, некоторые спрашивали его измученную жену, куда послать некролог. - Все это добрые, миролюбивые, чувствительные молодые люди.

- Тогда почему у тебя такое хорошее настроение, Каз?

- Вот это нужно спрятать в стенной сейф, Голландец. - Подулски передал ему тяжелую папку. По краю ее шла красно-белая полоса, а посреди виднелось кодовое название: "Зеленый самшит".

- И они намерены позволить нам заняться этим? - Недоумение Максвелла было очевидным.

- Мне понадобилось доказывать до половины четвертого, но я получил положительный ответ. Правда, допуск дан лишь немногим из нас. Нам дали указание провести исчерпывающее исследование возможности осуществления этого проекта. - Адмирал Подулски опустил в глубокое кожаное кресло и закурил. После смерти сына его лицо осунулось, но кристально-голубые глаза горели так же ярко, как и раньше.

- Они собираются разрешить нам приступить к планированию операции. - Максвелл и Подулски добивались этого несколько месяцев, не рассчитывая всерьез, что получат добро на проведение операции.

- Да разве кто-нибудь заподозрит нас? - спросил адмирал, родившийся в Польше, с иронической улыбкой. - Они хотят, чтобы мы не оставили никаких следов.

- Джим Грир тоже? - спросил Голландец.

- Он у нас лучший представитель разведывательного сообщества, если только ты не скрываешь от меня кого-нибудь еще.

- На прошлой неделе я слышал, что он только-только приступил к работе в ЦРУ, - предупредил Максвелл.

- Превосходно. Нам нужен хороший разведчик, а он по-прежнему носит свою голубую форму, насколько я заметил в последний раз.

- Занимаясь этим, мы наживем себе множество врагов. Подулски сделал жест в сторону окна, из-за которого доносился глухой шум. Контр-адмирал почти не изменился с 1944 года, с тех времен, когда служил на "Эссексе".

- Разве рядом со всем тем, что всего в сотне футов от нас, еще несколько врагов будут иметь значение?

- Сколько времени принадлежит вам эта яхта? - спросил Келли, открывая вторую банку пива. Ленч был примитивным - холодная закуска и хлеб, которые запивали пивом.

- Мы купили ее в прошлом октябре, но плаваем на ней только два месяца, - признался доктор. - Однако я закончил курсы управления малыми моторными судами и даже оказался лучшим в своей группе. - Этот человек оказывается лучшим почти во всем, подумал Келли.

- Вы здорово умеете обращаться с канатами, - заметил он главным образом для того, чтобы сказать ему что-то приятное.

- Хирурги превосходно вяжут узлы.

- А вы тоже доктор, мадам? - Келли повернулся к Саре.

- Я фармаколог. Кроме того, преподаю в Хопкинсе.

- Вы с женой давно живете здесь? - спросил Сэм, и разговор как-то неловко затих.

- Нет, мы только что встретились, - простодушно сообщила Пэм.

Вполне естественно, больше всех смутился Келли. Оба врача восприняли эту новость как само собой разумеющееся, но Келли беспокоился, что они сочтут его соблазнителем молодой девушки. Такие мысли не шли у него из головы, пока он не понял, что никого это особенно не интересует.

- Пойдемте, взглянем на этот винт. - Келли встал из-за стола. Розен последовал за ним, и они вышли из бункера. Снаружи становилось все жарче, и лучше всего было закончить работу как можно быстрее. Во втором бункере размещалась мастерская Келли. Он выбрал пару гаечных ключей и подкатил к двери портативный воздушный компрессор.

Пару минут спустя компрессор уже стоял рядом с яхтой доктора, и Келли застегнул на себе пояс с балластом.

- Я не могу чем-нибудь помочь? - спросил Розен. Келли покачал головой и снял рубашку.

- Нет, не стоит. Если компрессор остановится, я сразу это замечу, да и глубина здесь не больше пяти футов.

- Мне никогда не приходилось заниматься этим. - Наметанным взглядом Розен окинул торс Келли, обратив внимание на несколько отдельных шрамов, которые хороший хирург без труда сделал бы куда менее заметными. Затем он вспомнил, что на поле боя хирурги редко имеют время для косметических операций.

- А мне приходилось, и тут и там, - отозвался Келли, направляясь к лестнице на стене пирса, ведущей к воде.

- Не сомневаюсь, - тихо, как бы про себя, произнес Розен. Через четыре минуты по часам Розена Келли уже поднимался по лестнице.

- Решил вашу проблему. - Он положил остатки обоих винтов на бетонный пирс.

- Господи! Так на что мы напоролась? Келли сел на поверхность пирса, чтобы снять тяжелый пояс. Было видно, что он с трудом удерживается от смеха.

- Вы напоролась на воду, доктор, на обычную воду.

- Что?

- Прежде чем купить яхту, вы приглашали специалиста осмотреть ее?

- Разумеется. Страховая компания настояла на этом. Я нашел отличного специалиста. Он предъявил мне счет на сотню баксов.

- Вот как? И какие же недостатки он обнаружил? - Келли встал и выключил компрессор.

- Практически никаких. Он сказал только, что с раковинами не все в порядке, и я заставил сантехника проверить их, но они оказались в норме. Я подумал, что специалисту нужно было что-то обнаружить, раз я плачу ему, верно?

- Раковины?

- Именно, это он сказал мне по телефону. У меня где-то лежит письменный документ, но он передал мне информацию и по телефону.

- Ну конечно, раковины! - засмеялся Келли. - Только не те, над которыми, моют руки.

- Что вы хотите этим сказать? - голос Розена звучал сердито, потому что он не мог понять, в чем суть шутки.

- Ваши винты пострадали от электрохимической коррозии. В результате ее на поверхности винта, в состав которого входит не один, а несколько металлов, появляются раковины. Начинается процесс коррозии. Когда вы налетели на мель, она просто изогнула их. Винты были уже полны раковин. Разве на курсах вам не говорили об этом?

- Да, говорили, но...

- Но вы только что узнали нечто важное, доктор Розен. - Келли протянул ему остатки винта. Было видно, как на поверхности лопастей, покрытых раковинами, выступали хлопья, легко отделяющиеся от металла. - Это была бронза.

- Черт возьми! - Хирург взял в руки разрушенный винт и отколупнул пластинку.

- Специалист хотел сказать вам, чтобы вы заменили цинковые аноды. Они поглощают гальваническую энергию. Их нужно заменять каждые пару лет, и это предохранит винты и перо руля от разрушения. Я не знаком с научными аспектами этого явления, но знаю, к чему это приводит. Перо руля тоже нужно заменить, но с этим можно и подождать. А вот что вам действительно необходимо, так это два винта.

Розен посмотрел на воду и выругался:

- Идиот.

Келли сочувственно засмеялся.

- Доктор, если это самая большая ошибка из всех, что вы допустили в этом году, вам крупно повезло.

- Так что же мне делать?

- Я позвоню и закажу вам пару винтов. Я знаю одного парня на верфи Соломона, и он пришлет их сюда, наверно, завтра. - Келли развел руками. - Ничего особенно страшного, верно? А теперь я хочу взглянуть на ваши карты. И точно, после проверки Келли убедился, что картам пять лет.

- Карты нужно менять каждый год, доктор.

- Проклятье!

- Хотите хороший совет? - спросил Келли с улыбкой. - Не принимайте все это близко к сердцу. Лучший урок тот, что причиняет некоторую боль, но не слишком большую. Вы учитесь на нем и продолжаете жить дальше.

Доктор успокоился и наконец позволил себе улыбнуться:

- Думаю, вы правы, но Сара никогда не позволит мне забыть об этом.

- А вы свалите всю вину на карты, - предложил Келли.

- Вы согласны поддержать меня?

- Мужчины должны поддерживать друг друга в трудных обстоятельствах, - усмехнулся Келли.

- Знаете, мистер Келли, думаю, мы будем друзьями.

- Так где же эта сука, черт возьми? - бросил Билли.

- Откуда я знаю? - не менее сердито ответил Рик. Он боялся, что скажет Генри, когда вернется. Две пары глаз взглянули на женщину в комнате.

- Ты ее подруга, - сказал Билли.

Дорис уже дрожала. Ей хотелось выбежать из комнаты, но она знала, что нигде не найдет для себя безопасного места. Ее руки дрожали, когда она увидела, что Билли направился к ней, но не сделала попытки уклониться от удара, опрокинувшего ее на пол.

- Лучше скажи, стерва, все, что тебе известно!

- Я ничего не знаю! - закричала она, чувствуя, как горит то место на лице, куда пришелся удар. Она посмотрела на Рика в поисках сочувствия, но увидела, что его лицо осталось совершенно безучастным.

- Тебе что-то известно, и будет лучше, если ты расскажешь нам об этом прямо сейчас, - сказал Билли. Он наклонился, расстегнул ее шорты, затем выдернул ремень из своих брюк.

- Скажи остальным, пусть войдут, - сказал он Рику. Дорис встала с пола, не ожидая приказа, обнаженная до пояса. По ее лицу катились слезы, тело содрогалось от рыданий в ожидании боли. Она боялась даже съежиться - укрыться все равно было негде. Дорис знала, что Пэм собирается бежать, и это было ее единственным удовлетворением. Она не была знакома с планом бегства и, когда ремень засвистел в воздухе, понимала, что не сможет сообщить им ничего, что нанесло бы вред подруге. Как ни мучительна была боль, ее утешало, что все-таки Пэм удалось скрыться.

Глава 3

Неволя

Уложив снаряжение, необходимое для пребывания под водой, в мастерскую, Келли взял двухколесную тележку и выкатил ее на пирс, чтобы разгрузить привезенное продовольствие. Розен настоял на том, чтобы помочь ему. Новые винты привезут катером только завтра - торопиться некуда.

- Значит, - заметил Келли, - вы учите хирургии?

- Вот уже восемь лет. - Розен выровнял коробки на тележке.

- Вы непохожи на хирурга.

Розен воспринял комплимент с удовлетворенной улыбкой.

- Далеко не все хирурги выглядят как скрипачи. Мой отец работал каменщиком.
- А мой - пожарным. - Келли покатиł нагруженную тележку к бункеру.
- К вопросу о хирургах... - Розен показал на грудь Келли. - Вас оперировали хорошие специалисты. Вот эта рана была, наверно, тяжелой.

Келли едва не остановился.

- Да, в тот раз я был очень невнимательным. Впрочем, на самом деле это не так страшно, как выглядит. Просто поцарапано легкое.

Розен фыркнул:

- Да, вижу. Должно быть, не достало до сердца всего пару дюймов. Никаких оснований для беспокойства. Келли начал переключать коробки в кладовую.

- Приятно поговорить с понимающим человеком, - заметил он, снова вздрагивая от ощущения пули, отбросившей его назад. - Как я уже сказал, сам виноват - был невнимательным.

- Сколько времени вы провели там?

- Всего? Месяцев восемнадцать. Это зависит от того, как считать время, проведенное в госпитале.

- Я видел, у вас в каюте висит орден "Морского креста". Вы получили его за эту операцию? Келли покачал головой.

- Нет, за другую. Мне пришлось отправиться на север и доставить обратно летчика со сбитого А-6. Тогда я не был ранен, но заболел чертовски сильно. Во-первых, весь перецарапался - там, в этих джунглях, масса колючих кустов. А потом от речной воды эти царапины раздулись; инфекция была - только держись, вы просто не поверите. Три недели провалялся в госпитале. Хуже всякого ранения.

- Да, похоже, это не слишком приятное место? - спросил Розен, когда они вернулись за остатком груза.

- Говорят, что там только змей водится сто видов. Девяносто девять из них - ядовитые.

- А та, что неядовитая?

Келли передал доктору коробку с припасами.

- А неядовитая просто откусывает тебе весь зад. - Он засмеялся. - Нет, мне там не очень понравилось. Но такова моя работа. Я спас сбитого летчика, и адмирал произвел меня в старшие боцманы, а затем вручил орден. Пошли, я проведу вас по всем помещениям моей красавицы. - Келли пригласил Розена подняться на борт. На осмотр яхты потребовалось пять минут. Доктор отметил, что на судне все удобства на месте, однако ничего лишнего.

Да, у этого парня все было в рабочем порядке, а карты самые новые. Келли достал еще одну банку пива из холодильника для доктора, затем одну для себя.

- А как было на Окинаве? - улыбнулся Келли. Каждый из них изучающе смотрел на другого, и каждому нравилось, что он видел. Розен пожал плечами и красноречиво фыркнул:

- Да уж не увеселительная прогулка. Работы по горло, да и камикадзе вроде считали, что красный крест на госпитальном судне делает его чертовски заманчивой целью.

- Вы продолжали работать, и когда они пикировали на вас?

- Раненые солдаты не могут ждать, Келли. Джон осушил свою банку.

- Я предпочитаю отстреливаться. Вот сейчас передам Пэм ее вещи, и мы снова вернемся в помещение с кондиционером. - Он пошел на корму и взял ее рюкзак. Розен уже поднялся на причал, и Келли бросил ему рюкзак девушки. Доктор запоздало поднял голову, и рюкзак упал на бетонную поверхность пирса. Из него высыпалось содержимое, и даже с расстояния в двадцать футов Келли мгновенно заметил неладное - еще прежде, чем голова доктора повернулась к нему.

Возле рюкзака лежала большая пластмассовая бутылочка из тех, что продаются по рецепту врачей, хотя на ней не было наклейки. Крышка отвалилась, и из бутылочки выкатилась пара таблеток.

Келли мгновенно все понял. Он медленно поднялся на причал. Розен поднял бутылочку, положил обратно рассыпавшиеся таблетки и защелкнул белую пластмассовую крышку. Затем он передал бутылочку Келли.

- Я знаю, что это не принадлежит тебе, Джон.

- Что это, Сэм?

Голос доктора не мог быть более бесстрастным.

- Фабричное название "Куаалюд". Это метакьюалон. Барбитурат, снотворное. Мы пользуемся им, чтобы отправлять больных в страну снов. Весьма сильнодействующее успокаивающее средство. Говоря по правде, даже слишком. Многие считают, что его нужно снять с производства и не продавать, даже по рецептам. Но на этой бутылочке нет наклейки. Значит, получена без рецепта.

Келли внезапно почувствовал себя усталым и очень старым. Словно его предали.

- Понятно.

- Ты не знал этого?

- Сэм, мы с ней только недавно встретились - и двадцати четырех часов не прошло. Мне ничего про нее не известно. Розен потянулся и на мгновение взглянул на горизонт.

- О'кей, теперь я вернусь к профессии врача. Ты увлекался наркотиками?

- Нет! Я ненавижу это проклятое зелье! Из-за него столько людей гибнет! - Гнев Келли был спонтанным и жестоким, но он не был направлен на Розена.

Профессор спокойно выслушал яростный ответ Келли. Наступила его очередь проявить свой профессионализм.

- Успокойся. Тебе следует знать, что люди привыкают к этому наркотику. Как - не имеет значения. Но приходить в ярость не имеет смысла. Сделай глубокий вдох и медленный выдох.

Келли выполнил команду доктора и даже улыбнулся неуместности происходящего.

- Ты рассуждаешь в точности, как мой отец.

- Пожарные - умные люди. - Розен помолчал. - Итак, у твоей подруги существует серьезная проблема. Но она кажется мне приятной девушкой, а ты - настоящим мужчиной. Попытаемся решить эту проблему или нет?

- Пожалуй, это в первую очередь зависит от нее, - произнес Келли с оттенком горечи в голосе. Чувство, что его словно предали, не проходило. Он снова открыл постороннему человеку свое сердце, и вот теперь ему придется смириться с тем, что открыл его наркотикам или тому, что делают наркотики с человеком. По-видимому, все это - напрасно потраченное время.

Розен посмотрел на него суровым взглядом.

- Совершенно верно, это зависит от нее, но в определенной степени и от тебя, а если ты будешь вести себя как идиот, то ничем ей не поможешь.

Келли был поражен тем, как разумно рассуждал доктор при создавшихся обстоятельствах.

- Должно быть, ты очень хороший врач.

- Я - чертовски хороший врач, - подтвердил Розен. - Наркотики - не моя область, но Сара здорово в этом разбирается. Не исключено, что вам обоим здорово повезло. Пэм - хорошая девушка, Джон, но что-то тревожит ее. Она нервничает - если ты сам этого не заметил.

- Да, пожалуй, но... - И какая-то часть мозга Келли воскликнула: "Заметил!"

- Но в первую очередь ты обратил внимание на то, что она красивая. Мне тоже когда-то, было меньше тридцати, Джон. Пошли, пора заниматься делом. - Он остановился и взглянул на Келли. - Может, я упустил что-то?

- Меньше года назад я потерял жену. - За минуту или две он объяснил, что случилось.

- И ты думал, что, может быть, она...

- Да, пожалуй. Глупо, правда? - Келли не мог понять, почему он так откровенен с Розеном. Почему не позволить Пэм делать все, что ей угодно? Но это не было ответом. Если он так поступит, то будет пользоваться ею в своих эгоистичных интересах, выбросив ее потом, когда с нее опадет прелесть, как лепестки с розы. Несмотря на все трудности, которые ему пришлось пережить за последний год, он знал, что не может пойти на это, не может стать одним из таких людей. Он заметил, что Розен смотрит на него, не отрывая взгляда.

Доктор рассудительно покачал головой.

- У всех у нас есть свои слабые места. Ты превосходно подготовлен и обладаешь большим опытом, который помогает тебе справляться со своими проблемами. У нее нет ничего этого. Пошли, за дело. - Розен взял ручку тележки своими большими мягкими руками и покатил ее к бункеру.

Холодный воздух внутри помещения ощущался как поразительно жесткое дыхание реальности. Пэм пыталась развлечь Сару, но безуспешно. Может быть, Сара отнесла это за счет неловкой ситуации, создавшейся между ними, но ум врача всегда в действии, и она начала профессионально разглядывать сидящую перед ней девушку. Когда Сэм вошел в гостиную, Сара повернулась к нему и посмотрела на мужа взглядом, который был понятен даже Келли.

- Так что вот, я ушла из дома, когда мне было шестнадцать, - бормотала Пэм монотонным голосом, выдававшим больше, чем она догадывалась. Девушка тоже повернула голову к вошедшим, и ее глаза остановились на рюкзаке в руках Келли. Голос Пэм звучал поразительно хрупко - раньше Келли не замечал этого.

- Вот хорошо! Мне нужно взять кое-что из рюкзака. - Она подошла к Келли, взяла рюкзак из его рук и направилась в спальню. Келли и Розен смотрели ей вслед, затем Сэм передал жене пластмассовую бутылочку. Ей понадобился всего один взгляд.

- Я не знал об этом, - произнес Келли, испытывая необходимость оправдаться. - Я не видел, чтобы она брала что-то. - Он попытался вспомнить те моменты, когда Пэм исчезала из его поля зрения, и пришел к выводу, что она могла взять таблетки два или, может быть, три раза, и лишь теперь понял, почему у нее были такие мечтательные глаза, словно она была не от мира сего.

- Сара? - спросил Сэм.

- Триста миллиграмм. По-видимому, дело еще не зашло слишком далеко, но ей нужна профессиональная помощь.

Несколько секунд спустя в гостиную вошла Пэм и сказала, что забыла какие-то свои вещи на яхте. Руки у нее не дрожали, но только потому, что она сжимала их вместе. Она отчаянно пыталась контролировать себя, и это ей почти удавалось, но Пэм не была актрисой.

- Не вот это? - спросил Келли, протянув бутылочку. Наградой за жестокий вопрос был взгляд, похожий на хорошо нацеленный удар ножом в сердце.

Несколько секунд Пэм молчала. Ее глаза не отрывались от коричневой пластмассовой бутылочки, и первое, что увидел в них Келли, было внезапное голодное выражение, словно в мыслях она уже протянула руки к бутылочке, уже достала оттуда одну или больше таблеток, заранее предвкушая облегчение, которое она получала от проклятых наркотиков, ничуть не беспокоясь, даже не замечая, что в комнате присутствовали посторонние. Затем ее лицо залила краска стыда, она поняла, что тот образ, который она пыталась создать, стремительно исчезает. Но самое главное, после того как ее взгляд скользнул по лицам Сары и Сэма, глаза ее остановились на Келли, перебегая с бутылочки, которую он держал в руке, на его лицо. Сначала голод боролся со стыдом, но стыд одержал верх, и, когда ее взгляд сомкнулся с его взглядом, на ее лице появилось выражение ребенка, пойманного за чем-то нехорошим, однако непослушный ребенок и она сама стремительно повзрослели и превратились во что-то другое, когда Пэм поняла, что чувство, способное стать любовью, за несколько ударов сердца перерастало в презрение и отвращение. Ее дыхание мгновенно изменилось, стало сначала быстрым, потом прерывистым, пока не наступили рыдания, и она поняла, что наибольшее отвращение было в ее

собственном сознании, потому что даже наркоман может заглянуть внутрь самого себя, а когда это происходит глазами других, ощущение становится только еще более жестоким.

- И-з-з-в-и-и-н-и м-ен-я, Ке-л-ли. Я н-е-е с-с-к-а-а-з-а-л-а т-е-е-б-е-е, - зарыдала она, съезживаясь прямо на глазах. Она увидела, что последний шанс исчезает и позади этого скрывается только отчаяние. Пэм отвернулась, содрогаясь в рыданиях, не в силах смотреть на человека, которого полюбила.

Для Терренса Келли наступил решающий момент. Он мог показать ей, что чувствовал себя преданным и обманутым, а мог продемонстрировать по отношению к девушке такое же сочувствие, которое продемонстрировала она сама меньше двадцати часов назад. Но решающим оказался ее взгляд, тот стыд, который был так очевиден. Он не мог просто стоять здесь. Ему нужно было сделать что-то, иначе его гордый образ исчезнет с такой же быстротой и неизбежностью, как исчез ее.

Глаза Келли наполнились слезами. Он подошел к Пэм, обнял ее, чтобы удержать на ногах, прижал к груди, как ребенка, потому что наступило время показать ей свою силу, отбросив в сторону все те мысли, что терзали его. Даже та противоречивая часть сознания, что отказывалась соглашаться с его действиями, прекратила в это мгновение хихикать: "А ведь я говорила тебе!", потому что у него в руках было сейчас существо, нуждающееся в поддержке и любви, слабое и беззащитное, такое страдающее, и на сомнения не было времени. Пока они стояли, прижавшись друг к другу, несколько минут, супруги Розен смотрели на них с личной тревогой и профессиональным бесстрашием.

- Я старалась, - прошептала наконец Пэм, - действительно старалась, но мне было так страшно.

- Все в порядке, - старался успокоить ее Келли, не совсем понимая, что она только что сказала. - Раньше ты помогла мне, и теперь моя очередь помочь тебе.

- Но... - Ее рыдания возобновились, и понадобилось не меньше минуты, прежде чем она сумела закончить:

- ..я не та, за кого ты меня принимаешь.

Келли позволил улыбке отразиться в его голосе, когда он упустил второе предостережение.

- Ты ведь не знаешь, что я думаю, Пэмми. Все в порядке. Поверь мне, все действительно в порядке. - Его внимание было полностью сосредоточено на девушке, которую он держал в своих объятиях, и он не заметил Сару Розен, подошедшую к ним.

- Давай прогуляемся, Пэм, - предложила она, и девушка согласно кивнула.

Сара вывела ее из гостиной, оставив Келли и Сэма смотреть друг на друга.

- Ты - настоящий мужчина. - Розен был явно удовлетворен правильностью своего более раннего диагноза по отношению к характеру этого человека. - Келли, какой ближайший город, где сейчас открыта аптека?

- Соломоне, пожалуй. А разве ее не следует отправить в больницу?

- Пусть Сара примет решение, но мне это не кажется необходимым.

Келли взглянул на пластмассовую бутылочку, которую все еще сжимал в руке.

- А сейчас я утоплю проклятую стерву!

- Ни в коем случае! - резко бросил Розен. - Я возьму с собой эти таблетки. На них есть номера партии, выпущенной на фабрике. Полиция сможет опознать, кем и как был похищен груз этих таблеток. Я запрю бутылочку у себя на яхте.

- Тогда чем мы сейчас займемся?

- Ничем. Подождем немного.

Сара и Пэм вернулись через двадцать минут, держась за руки подобно матери и дочке. Голова у Пэм была теперь поднята, хотя в глазах все еще виднелись слезы.

- У нас здесь волевая девушка, парни, - заявила Сара. - Оказывается, она пыталась отказаться от наркотиков целый месяц безо всякой помощи.

- Сара говорит, что это не так уж трудно, - заметила Пэм.

- А мы сможем сделать это намного легче, - заверила ее Сара. Она передала мужу листок бумаги со списком. - Найди открытую аптеку, Сэм. А ты, Джон, запускай дизели на своей яхте. Прямо сейчас.

- Что с ней случится? - спросил Келли спустя тридцать минут. Они были в пяти милях от острова, и Соломоне проступил уже коричнево-зеленой линией у горизонта на северо-западе.

- Режим лечения вообще-то очень прост. Мы поддерживаем ее барбитуратами, постепенно уменьшая их дозу.

- Значит, вы даете ей наркотики, чтобы излечить ее от наркотиков?

- Совершенно верно, - кивнул Розен, - именно так проводится лечение. На то, чтобы из организма удалить все остатки наркотиков, требуется время. Тело становится зависимым от барбитуратов, и, если ты лишаешь его наркотиков слишком быстро, возможны неблагоприятные последствия - конвульсии и тому подобное. Бывает, от этого даже умирают.

- Что?! - встревоженно воскликнул Келли. - Я понятия не имел ни о чем этом, Сэм.

- А зачем тебе знать? Это наша работа, Келли. В данном случае Сара не видит особых трудностей. Успокойся, Джон. Ты даешь ей, - Розен достал из кармана список, переданный ему Сарой, - да, так я и думал, ты даешь ей фенотарбитал, чтобы ослабить симптомы отказа от наркотиков. Послушай, ты умеешь управлять яхтой?

- Да, - ответил Келли, зная, что последует дальше.

- Вот пусть каждый из нас и занимается своим делом. Согласен?

Служащие береговой охраны заметили, что штатский не хочет спать, а это отнюдь не содействовало их хорошему настроению. Не успели они оправиться от приключений предыдущего дня, как он уже встал, выпил кофе в комнате

управления операциями и снова принялся рассматривать карты, обводя руками круги по отношению к курсу, который катер береговой охраны прошел накануне.

- Насколько быстро может плыть парусная яхта? - спросил он усталого и раздраженного главного старшину Мануэла Орезу.

- Вот эта? Да не слишком быстро. При благоприятном ветре и спокойном море узлов пять, может быть, чуть быстрее, при опытном шкипере. Эмпирическое правило для парусных яхт: яхта может плыть со скоростью один и три десятых от квадратного корня ее длины по ватерлинии. Для этой яхты скорость составит пять или шесть узлов. - Он надеялся, что штатский должным образом оценит этот тривиальный морской закон.

- Но прошлой ночью дул сильный ветер. - Штатский был явно недоволен.

- Небольшая парусная яхта не увеличивает скорость при большой волне. Наоборот, ее скорость уменьшается. Дело в том, что она тратит больше времени на вертикальную качку, чем на продвижение вперед.

- Тогда каким образом ей удалось ускользнуть от нас?

- Она ускользнула не от меня, ясно? - Ореза не совсем понимал, кем был этот мужчина и насколько высокое положение он занимал, но он не согласился бы со столь оскорбительными замечаниями даже от настоящего офицера - правда, настоящий морской офицер не стал бы преследовать его такими замечаниями; настоящий офицер прислушивался бы к его ответам и понял, что он хочет сказать. Старшина глубоко вздохнул, пожелав на этот раз - в виде исключения, - чтобы поблизости оказался офицер, способный объяснить создавшуюся ситуацию. Штатские прислушиваются к мнению офицеров, что в значительной мере отражает склад их ума. - Послушайте, сэр, это ведь вы сказали мне не приближаться к яхте, верно? Я предупредил вас, что мы потеряем ее из-за штормовых помех. Так и произошло. Эти старые радиолокаторы, установленные на катерах береговой охраны, никуда не годятся в плохую погоду и уж тем более, когда мы преследуем такую крохотную цель, как маленькая парусная яхта.

- Вы уже говорили об этом.

И буду повторять до тех пор, пока вы не поймете, с трудом удержался от ответа Ореза, успев заметить грозный взгляд мистера Инглиша. Португалец еще раз глубоко вздохнул и посмотрел на карту.

- Как вы считаете, где она сейчас?

- Залив не так уж и широк - у нас две береговые линии, которые нуждаются в проверке. Большинство домов имеет свои маленькие причалы, а с другой стороны - масса узких заливов. Если бы спросили мое мнение, я принялся бы обыскивать заливы. Ведь в таком месте легче спрятаться от преследования, чем у причала, верно?

- Значит, вы утверждаете, что яхта исчезла, - мрачно заметил штатский.

- Совершенно точно, - согласился Ореза.

- Мы потратили на это три месяца работы!

- Я в этом не виноват, сэр. - Старшина помолчал. - Послушайте, я думаю, что она скорее направилась на восток, чем на запад. Легче идти при попутном ветре, чем галсами навстречу ему. Это хорошая новость. А плохая состоит в том, что такую яхту можно вытащить из воды и погрузить на трейлер. Черт побери, она сейчас может быть уже в Массачусетсе.

Штатский поднял голову от карты.

- Именно это мне и хотелось сейчас от вас услышать!

- Вы хотите, чтобы я лгал вам, сэр?

- Три месяца подготовки - и все прахом!

Он просто не может примириться с неудачей, подумали одновременно Ореза и Инглиш. Нужно научиться мириться с промахами. Иногда море забирает у тебя что-то и вы из кожи вон лезете, чтобы обнаружить пропажу; большей частью это вам удается, но не всегда, и, когда вы терпите неудачу, приходит время примириться с ней и позволить морю одержать верх. Ни одному из них не удалось привыкнуть к этому, но такова жизнь.

- Может быть, стоит вызвать вертолеты для поддержки. У военно-морского флота есть вертолетная группа на реке Пакс, - напомнил уоррент-офицер Инглиш. Другим преимуществом этого будет то, подумал он, что вертолетчики заберут штатского парня, заберут со станции береговой охраны - цель достойная всяческих усилий после тех неприятностей, которые он причинил Инглишу и его подчиненным.

- Пытаетесь избавиться от меня? - спросил штатский со странной улыбкой.

- Не понимаю, сэр, - ответил Инглиш с невинным выражением лица. Как жаль, подумал уоррент-офицер, что этот парень не полный идиот.

Келли снова пришвартовался у пирса чуть позже семи. Сэм отправился в бункер с купленными лекарствами, пока Келли закрывал крышками панели управления и готовил свою яхту к ночевке. Возвращение из Соломонса было тихим и спокойным. Сэм Розен умел объяснять, а Келли - задавать вопросы. Все, что ему требовалось знать, он выяснил на пути от острова и в течение почти всего обратного пути был наедине со своими мыслями, думая, как поступить дальше, что предпринять. На эти вопросы не было простых ответов, и управление яхтой тоже не слишком помогало ему, несмотря на все надежды. Келли потратил даже больше времени, чем нужно, на проверку швартовых, а потом сделал то же самое с яхтой хирурга, прежде чем отправиться в бункер.

Локхид-ОС-130Е "Геркулес" летел на крейсерской скорости высоко над низкой облачностью, равномерно жужжа моторами, как это делал на протяжении 2354 часов летного времени с момента завершения испытаний на заводе "Локхид" в Мариетте, штат Джорджия, несколькими годами раньше. Все предвещало приятный полет. В просторной

кабине впереди экипаж из четырех человек следил за прозрачным воздухом и показаниями циферблатов на приборных панелях, как этого требовали их обязанности. Четыре турбинных двигателя вращали пропеллеры с привычной надежностью, передавая на корпус самолета постоянную вибрацию высокого тона, которая заставляла дрожать удобные летные кресла с высокими спинками и наводила рябь на кофе в стайрофомовых чашках. Короче говоря, в самолете царил вполне нормальный обстановка. Сам самолет принадлежал к 99-й эскадрилье стратегической разведки.

За внешними двигателями на крыльях “Геркулеса” висели дополнительные устройства. Каждое из них являлось беспилотным самолетом типа 147SC. Первоначально предназначенные для участия в тренировочных стрельбах в качестве высокоскоростных целей под названием “Файэрби-11”², теперь они получили прозвище “Буффало хантерс”³. В заднем грузовом отсеке DC-130E размещалась вторая команда, следившая за работой двигателей обоих миниатюрных самолетов, уже запрограммированных для выполнения столь секретной операции, что ни один из сержантов, обслуживающих беспилотные самолеты, не был ознакомлен с ней. Впрочем, им это и не требовалось. Надо было всего лишь сообщить крохотным самолетам, что им предстоит и когда следует приступить к началу операции. Старший техник, тридцатилетний сержант, работал с “птичкой” под кодовым названием “Коди-193”. Расположение группы обслуживания его самолета позволяло сержанту поворачиваться и смотреть в небольшой иллюминатор, чтобы визуальнo наблюдать за “Коди-193”, что он и делал, хотя понимал всю бессмысленность этого. Сержант любил миниатюрные самолеты, как ребенок любит особенно интересные игрушки. Он работал в программе беспилотных самолетов в течение десяти лет и этот самолетик запускал шестьдесят один раз, что было рекордным количеством для ВВС.

У “Коди-193” была история, которой можно позавидовать. Производители этих самолетов, “Теледайн-райан” в Сан-Диего, штат Калифорния, в свое время построили “Спирит оф Сан-Луи”⁴ - самолет Чарлза Линдберга, однако компании так и не удалось воспользоваться тем, благодаря чему она вошла в историю авиации. Выполняя то один небольшой контракт, то другой, она сумела наконец добиться финансовой стабильности, освоив производство воздушных целей. Истребителям было необходимо тренироваться, стреляя по чему-то. Беспилотные самолеты типа “Файэрби”, “Огненная пчела”, начали свое существование именно как воздушные цели - они летели перед истребителями как крохотные реактивные самолеты, и их задача состояла в том, чтобы погибнуть славной смертью от руки летчика-истребителя. Однако сержант смотрел на дело несколько иначе. Он руководил полетом беспилотного самолета, и, по мнению сержанта, его задача заключалась в том, чтобы приучить этих важно вышагивающих орлов к мысли, что сбить его птичку не так просто, преподать им урок, управляя своим самолетом так искусно, чтобы атакующие его истребители посылали свои ракетные снаряды “воздух - воздух” всего лишь в пустое пространство. Дело у сержанта пошло так успешно, что летчики-истребители буквально проклинали его, хотя в соответствии с этикетом ВВС ставили ему за каждый промах бутылку виски. Затем, несколько лет спустя, кому-то пришло в голову, что если беспилотный самолет “Файэрби” не поддается усилиям американских истребителей и его трудно сбить, то же самое может относиться и к противнику, стреляющему по миниатюрному самолету, только цели у “Файэрби” должны быть более серьезными, чем ежегодные соревнования на приз американского Вильгельма Телля. Кроме того, это чертовски облегчит судьбу экипажей низколетящих разведывательных самолетов.

Двигатель “Коди-193”, подвешенный на своем пилоне, работал сейчас на полную мощность и даже увеличивал скорость самолета-носителя на несколько узлов. Сержант в последний раз посмотрел на маленький самолетик и повернулся к приборной панели. Слева на фюзеляже “Коди-193”, перед крылом, был нарисован шестьдесят один парашют - символы успешных полетов, и сержант надеялся, что через несколько дней, если повезет, там появится шестьдесят второй. Хотя он не знал о точном назначении операции, желание просто одержать победу над противником было достаточной причиной, чтобы проявить предельную старательность при подготовке самолета, его личной игрушки, для участия в этой игре.

- Будь поосторожнее, бэби, - тихо прошептал сержант, когда держатели открылись и беспилотный самолет отделился от крыла. “Коди-193” начал самостоятельный полет.

Сара начала готовить легкий обед. Келли почувствовал запах еще до того, как открыл дверь. Он вошел внутрь и увидел Розена, сидящего в гостиной.

- А где Пэм?

- Мы дали ей успокоительное, - ответил врач. - Сейчас она, наверно, спит.

- Да, спит, - подтвердила Сара, пересекая гостиную по пути к кухне. - Я только что проверила. Бедняжка, она так измучилась. Ей пришлось столько времени провести без сна. Сейчас она наверстывает упущенное.

- Но если она принимала снотворное...

- Джон, тело странно реагирует на наркотики, - объяснил Сэм. - Оно борется против них или пытается бороться и в то же самое время привыкает к ним, становится зависимым от них. В течение некоторого времени сон будет для нее серьезной проблемой.

- И вот что еще, - добавила Сара, - она чего-то смертельно боится, но отказывается говорить об этом... - Сара замолчала, затем решила, что Келли нужно знать. - Ее телом злоупотребляли, Джон. Я не расспрашивала об этом - все

² Firebee - огненная пчела (англ.).

³ Buffalo hunter - охотник за буйволами (англ.).

⁴ Spirit of St. Louis - дух Сан-Луи (англ.).

должно открываться постепенно, шаг за шагом, - но кто-то обходился с нею очень жестоко.

- Вот как? - спросил Келли с дивана. - Что вы хотите этим сказать?

- Я хочу сказать, что ее подвергали сексуальному насилию, - ответила Сара спокойным профессиональным голосом, скрывающим ее личные чувства.

- Вы имеете в виду изнасиловали? - тихо спросил Келли, ощущая, как напрягаются мышцы у него на руках.

Сара кивнула, не в силах теперь скрыть свое отвращение.

- В этом почти нет сомнений. И, по всей вероятности, неоднократно. Кроме того, видны свидетельства физического насилия на ее спине и ягодицах.

- Я не заметил этого.

- Вы не доктор, - напомнила Сара. - Как вы встретились? Келли рассказал, вспоминая взгляд Пэм и понимая теперь, что он мог значить. Почему он не заметил этого сразу? Почему он упустил столько вещей? - негодовал на себя Келли.

- Значит, она пыталась бежать... Интересно, может быть, тот же самый мужчина снабжал ее барбитуратами и пытался приучить к ним? - задумчиво произнесла Сара. - Приятный парень, кем бы он ни был.

- Вы хотите сказать, что кто-то избивал ее и затем хотел приучить к употреблению наркотиков? - спросил Келли.

- Но зачем?

- Келли, ты должен ее понять..., но она была, по-видимому, проституткой. Сутенеры контролируют таким образом своих девушек. - Сара Розен ненавидела себя за то, что ей пришлось сказать это, но дело прежде всего и Келли должен знать правду. - Она молодая, красивая, в юности убежала из трудной семьи. Физическое насилие, недоедание - все это совпадает с главными признаками.

Келли смотрел в пол.

- Но ведь она не такая. Я не понимаю.

Однако кое-что он теперь понимал, напомнил он себе, оглядываясь назад. То, как она прильнула к нему и втянула его в это. Что во всем этом было профессиональным умением, а что - обычными человеческими чувствами? Это был вопрос, на который ему не хотелось отвечать. Как сейчас правильно поступить? Следовать велению рассудка? Или зову сердца? И куда все это может его привести?

- Она сопротивляется, Джон. У нее немало смелости, крепкий характер. - Сара села напротив Келли. - Она занималась этим больше четырех лет, делала Бог знает что, но в ней есть что-то, не позволяющее ей сдаться. Однако в одиночку ей не справиться. Она нуждается в вас. Теперь у меня есть вопрос. - Сара посмотрела на него. - Останетесь ли вы с ней, чтобы помочь?

Келли поднял голову, взгляд его голубых как льдинки глаз остановился на Саре, пока он проверял свои внутренние чувства.

- Вы, ребята, на самом деле приняли все это близко к сердцу? Сара сделала глоток коктейля, который приготовила для себя сама. Она была невысокой женщиной, крепкой и излишне полной. Судя по прическе, ее черные волосы не знали парикмахерской несколько месяцев. На первый взгляд она походила на женщину, которая, если сидит за рулем автомобиля, вызывает ненависть водителей-мужчин. Но говорила Сара голосом, полным страсти, а ее умственные способности уже стали совершенно очевидными для Келли.

- Вы имеете представление о том, насколько ухудшилась обстановка с наркотиками? Десять лет назад злоупотребление наркотиками были настолько редким явлением, что они ничуть меня не беспокоили. Да, конечно, я слышала о них, читала статьи из Лексингтона, а временами к нам попадал наркоман с признаками отравления героином. Впрочем, таких случаев было немного. Люди думали, что это проблема только для черных. Никто не обращал на нее серьезного внимания. И вот теперь мы расплачиваемся за эту ошибку. Если ты обратил внимание, все теперь изменилось - практически за несколько месяцев. Если не считать проект, над которым я сейчас работаю, все остальное время я посвящаю детям, ставшим наркоманами. Я не была специально подготовлена к лечению детской наркомании. Я - ученый, специалист в области взаимодействия противоположных систем, химических структур, создания новых лекарств для лечения особых заболеваний, - но теперь я вынуждена тратить почти все время на клиническую работу, пытаюсь спасти детей, которые по своему возрасту должны лишь учиться пить пиво, а не накачивать свои организмы химическим дерьмом, запрещенным к изготовлению вне проклятых лабораторий!

- И все равно ситуация ухудшается, - мрачно заметил Сэм. Сара кивнула.

- О да. Следующая волна несет с собой кокаин. Ты нужен ей, Джон, - снова произнесла Сара, наклонившись вперед. Казалось, ее окружал свой собственный шторм электрической энергии. - Для тебя самого будет лучше, если ты останешься с ней, парень. Ты должен пойти на это! Кто-то приложил массу усилий, чтобы превратить ее в ничтожество, в грязь под ногами, но она борется. Внутри нее скрывается упрямый, сильный человек.

- Да, мадам, - тихо прошептал Келли. Он поднял голову и улыбнулся, больше не чувствуя себя запутанным и не видящим выхода из создавшегося положения. - Если это беспокоит вас, могу сказать: я принял это решение еще раньше.

- Отлично, - коротко кивнула Сара.

- Как поступать с ней сейчас?

- Сейчас она больше всего нуждается в отдыхе, хорошей пище и времени, чтобы избавиться от барбитуратов, отравивших ее организм. Мы будем поддерживать ее фенотербиталом - на всякий случай, если у нее разовьются проблемы, связанные с отказом от более сильных наркотиков. Впрочем, я не рассчитываю на это. Пока вы вдвоем отсутствовали, я осмотрела ее. Ее главная проблема даже не столько в наркотиках, сколько в усталости и недоедании. Ей нужно прибавить по крайней мере десять фунтов. Пэм сможет выдержать отказ от наркотиков намного легче, если мы поддержим ее в других областях.

- Вы имеете в виду меня? - спросил Келли.

- Да, вместе со всем остальным. - Сара посмотрела в сторону открытой двери, ведущей в спальню, и вздохнула. Напряжение покинуло ее. - Так вот, при ее состоянии фенотбарбитал даст ей поспать до утра. Завтра мы начнем кормить ее и заниматься упражнениями. А пока, - бодро объявила Сара, - неплохо поесть самим.

Разговор за столом вращался вокруг - Келли показалось, что это было намеренным, - других тем. Сам он увлекся и прочел целую лекцию по поводу состояния дна Чесапикского залива и незаметно для себя перешел на места, где хорошо ловится рыба. Скоро было решено, что гости останутся на острове до вечера понедельника. Разговор за ужином затянулся, и они поднялись уже около десяти. Келли убрал со стола, вымыл посуду и затем неслышно вошел в спальню, где слышалось тихое дыхание Пэм.

Всего тринадцать футов в длину и только три тысячи шестьдесят пять фунтов весом - почти половину веса составляло топливо, - "Буффало хантерс" плавно устремился к земле, набирая свою начальную крейсерскую скорость, чуть превышающую пятьсот узлов. Его бортовой навигационный компьютер, изготовленный фирмой "Лиэр-Зиглер", уже контролировал полетное время и высоту, правда, в очень ограниченных пределах. Беспилотный самолет был запрограммирован для полета по специальному маршруту и на заранее рассчитанной высоте. Все было исключительно тщательно определено для бортовых систем, которые по сравнению с более поздними достижениями высокой технологии были примитивными до абсурда. И все-таки "Коди-193" с виду был весьма спортивной птичкой. Его профиль поразительно напоминал голубую акулу с выступающим носом и расположенным под ним воздухозаборником, похожим на пасть, - при полетах над территорией Соединенных Штатов его нередко раскрашивали под линию угрожающих акулиных зубов. В данном случае "Коди-193" нес экспериментальную окраску - серо-белую на нижней поверхности и пятнистую коричнево-зеленую на верхней, - это затрудняло его обнаружение как с земли, так и с воздуха. Кроме того, в его конструкцию были введены элементы технологии "стеле" - термин тогда еще не изобретенный. Полосы МПР - материала, поглощающего радиолокационные лучи, - составляли единое целое с крыльями, а воздухозаборник был прикрыт решеткой, чтобы ослабить радиолокационное отражение от вращающихся лопастей турбин.

"Коди-193" пересек границу между Лаосом и Северным Вьетнамом в 11.41.38 по местному времени. Закончив снижение, он впервые перешел на горизонтальный полет на высоте пятисот футов над поверхностью земли, повернул на северо-восток, несколько сбавив скорость в более плотных слоях воздуха вблизи земли. Маленькая высота полета и миниатюрные размеры мчащегося с большой скоростью беспилотного самолета превращали его в трудную цель, но отнюдь не неуязвимую, и выдвинутые вперед батареи сети противовоздушной обороны Северного Вьетнама, достаточно частой и современно вооруженной, сумели заметить его. Беспилотный самолет летел прямо на недавно установленную батарею 37-миллиметровых двустольных автоматических зениток, и находящаяся настороже команда успела развернуть стволы в его сторону достаточно быстро, чтобы выпустить два десятка снарядов, причем три из них пролетели всего в паре футов от мчащейся тени, но все-таки не попали в цель. "Коди-193" не заметил этого. Он не пытался свернуть с курса, чтобы увернуться от зенитного огня. Не обладая мозгом, без глаз, он продолжал лететь по заданной траектории подобно игрушечному поезду, катящемуся вокруг рождественской елки, пока его новый владелец завтракал на кухне. Правда, за ним следили. Летящий вдалеке самолет ЕС-121, или, как его называли, "Сигнальная звезда", наблюдал за полетом "Коди-193" с помощью радиолокационного транспондера, посылающего кодированные сигналы и расположенного на вершине вертикального стабилизатора миниатюрного самолета.

- Давай, бэби, - прошептал майор, глядя на радиолокационный экран. Он был ознакомлен с целью операции, знал о ее важности и догадывался, почему об этом не информирован никто другой. Рядом с майором находился небольшой сегмент, вырезанный из топографической карты. "Коди-193" повернул на север в заданном месте, опустился до трехсот футов, после того как обнаружил долину, положение которой было введено в его компьютер, и помчался вдоль маленькой речки, впадающей в большую. По крайней мере парни, запрограммировавшие крошечный самолет, знали, что делают, подумал майор.

К этому времени "Коди-193" сжег треть своего топлива и очень быстро потреблял оставшееся, совершая полет на такой небольшой высоте, ниже невидимых вершин по сторонам. Программисты сделали все что могли, но в один леденящий момент порыв ветра отбросил самолет вправо до того, как автопилот вернул его на прежний курс, и "Коди-193" миновал необычайно высокое дерево на расстоянии всего семидесяти футов. На вершине холма стояли два солдата, они успели заметить мчащуюся тень и открыли по ней огонь из автоматов, но пули снова пролетели мимо. Один из солдат начал спускаться к телефону, но его товарищ окриком остановил его, видя, как самолет исчезает вдали, следуя по своему слепому курсу. К тому времени, когда они успеют позвонить и доложить об увиденном, вражеский самолет будет уже далеко, и к тому же они выполнили свой долг, обстреляв его. Вьетнамский солдат задумался над тем, попали ли его пули, но для того, чтобы определить это, было уже слишком поздно.

Полковник Робин Закариас из ВВС США шел по тому, что в другое время и при других обстоятельствах было бы названо парадным плацем, но здесь парадов не проводилось. Он был в плену уже более шести месяцев и смотрел на каждый наступающий день, как на продолжающуюся борьбу, ожидая страдания более тяжелые и невыносимые, чем те, которые мог вообразить. Сбитый во время выполнения своего восьмидесяти девятого боевого вылета, накануне возвращения домой, он сумел на редкость успешно выполнить задание и был сбит всего лишь в результате случайности.

Но еще хуже было то, что его второй пилот, его “медведь” погиб. И в этом ему, наверно, повезло, подумал полковник, которого вели через площадь два низкорослых молчаливых солдата с автоматами. Его руки были связаны за спиной, ноги спутаны короткой веревкой, позволяющей передвигаться только мелким шагом. Значит, они боятся его, несмотря на свои автоматы, на часовых, что следят со сторожевых башен. Должно быть, я действительно страшен для этих маленьких улюкдов, подумал летчик-истребитель.

Закариас не чувствовал себя таким уж опасным. Его спина все еще болела после катапультирования. При приземлении он серьезно повредил позвоночник, и его попытка избежать плена была скорее демонстрацией - он сумел проползти целых сто ярдов за пять минут, прямо в руки артиллерийского расчета, очередь которого разорвала на части его самолет.

И тут начались муки. Его провели через три деревни, где ему плевали в лицо, забрасывали камнями. Наконец он оказался здесь, где бы это ни находилось. Он видел морских птиц. Похоже, лагерь находился недалеко от моря. Однако памятник в Солт-Лейк-Сити, в нескольких кварталах от дома, где он провел детство, напоминал ему, что чайки - не просто морские птицы. За несколько предыдущих месяцев его подвергли самым разнообразным издевательствам, однако на протяжении последних недель издевательства почему-то прекратились. Может быть, они просто устали мучить его, подумал Закариас. А может, Санта-Клаус действительно существует, сказал он себе, глядя под ноги на грунт. Здесь у него было мало утешений. В лагере находились и другие пленные, но все его попытки связаться с ними потерпели неудачу. В его камере не было окон. Ему удалось увидеть лица двух других американцев, но ни одного из них он не узнал. В обоих случаях он попытался поздороваться и был тут же сбит на землю прикладом одного из своих охранников. Оба американца видели его, но не произнесли ни звука, только улыбнулись и кивнули - лучшее, на что они были способны. Оба мужчины были примерно его возраста и, по-видимому, имели такое же воинское звание, но это было все, что ему удалось узнать. Но наиболее пугающим для человека, у которого были все основания бояться, являлось то, что происходило совсем не то, чего он ожидал, о чем говорили на инструктажах. Этот лагерь не был ханойским “Хилтоном”, где должны были находиться все военнопленные. Кроме того, он не знал практически ничего, а неизвестность - всегда самое пугающее, особенно для человека, привыкшего на протяжении более двадцати лет быть абсолютным хозяином своей судьбы. Его единственным утешением было то, что положение, в котором он находился, не могло быть хуже. В этом он ошибался.

- Доброе утро, полковник Закариас, - окликнул его незнакомый голос. Полковник поднял голову и увидел мужчину выше себя ростом, европейца, в мундире, совсем непохожем на обмундирование охранников. Он шел навстречу военнопленному с улыбкой на лице. - Совсем непохоже на Омаху, верно?

И тут послышался шум, тонкий завывающий визг, доносящийся с юго-запада. Полковник инстинктивно повернулся - летчик всегда должен посмотреть на самолет, где бы он ни находился. Самолет через мгновение появился из-за деревьев, раньше, чем успели прореагировать охранники.

“Буффало хантерс”, подумал Закариас, выпрямившись и повернувшись к пролетающему беспилотному самолету. Он поднял к нему голову и, увидев черный квадрат объектива, стал шептать про себя молитву о том, чтобы фотокамера действовала. Когда охранники поняли, что он делает, удар прикладом по почкам сбил его на землю. Подавив ругательство, полковник попытался удержаться от стона, и в это мгновение в поле его зрения появилась пара сапог.

- Не стоит слишком волноваться, - сказал незнакомец. - Он направляется в Хайфонг считать стоящие там корабли. А теперь, мой друг, нам нужно познакомиться.

“Коди-193” продолжал лететь на северо-восток с почти неизменной скоростью и на прежней высоте. Скоро он оказался в плотном поясе противовоздушной обороны, окружающей единственный крупный морской порт Северного Вьетнама. Фотокамеры на нем запечатлели несколько ракетных батарей, наблюдательных пунктов и множество солдат с автоматами АК-47, каждый из которых по крайней мере попытался выстрелить в него. Единственным преимуществом “Коди-193” были маленькие размеры. Что касается всего остального, он летел, не меняя курса и высоты, фиксируя на двух с четвертью-дюймовой планке все, что попадалось в объективы камер. Его не пытались сбить только зенитные ракетные батареи - “Коли-193” летел на слишком маленькой высоте для них.

- Давай, бэби, давай! - произнес майор в двухстах милях от него. Снаружи четыре поршневых двигателя “Сигнальной звезды” напрягали все силы, чтобы поддерживать самолет на высоте, необходимой для слежения за “Коди-193”. Глаза майора были прикованы к экрану радиолокатора, следя за отраженным изображением сигнала, поступающего от радиолокационного транспондера. Другие контролеры, находящиеся тут же на борту, наблюдали за другими американскими самолетами, тоже находящимися над вражеской территорией и поддерживающими непрерывную связь с “Красной короной” - кораблем ВМФ, обеспечивающим воздушные операции со стороны моря. - А теперь поворот на восток, бэби, - вот сейчас!

Точно по расписанию “Коди-193” круто повернул направо, чуть снизился и пронесся над причалами Хайфона со скоростью в пятьсот узлов, опережая сотни трассирующих пуль, преследующих его. Докеры и матросы с разных судов смотрели вверх с удивлением и раздражением, а некоторые и с немалым страхом - уж слишком много у них над головами проносилось свинца.

- Все! - воскликнул майор настолько громко, что сидящий слева контролер-сержант с осуждением посмотрел на него. На борту самолета полагалось соблюдать тишину. Майор нажал кнопку микрофона перед собой, вызывая “Красную корону”. - Коди один-девять-три закончил операцию - бинго!

- Понятно, бинго для один-девять-три, - тут же прозвучал ответ с корабля. Вообще-то это было не правильное

применение кода “бинго”, означающего при обычных условиях, что топливо на борту самолета подходит к концу, но слово применялось так часто, что превратилось в более чем надежную маскировку. После этого старшина ВМФ на другом конце линии связи вызвал барражирующий вертолет и сказал его команде, что пора просыпаться и браться за дело.

Беспилотный самолет пересек береговую черту минута в минуту, продолжая лететь на малой высоте еще несколько миль, и затем начал последний подъем на высоту. В его баках оставалась всего сотня фунтов топлива, когда он достиг запрограммированной точки на расстоянии тридцати миль от берега и начал летать по замкнутому кругу. У него на борту включился еще один транспондер, работающий на частотах поисковых радиолокаторов американских военных кораблей, патрулирующих в море. Один из них, эскадренный миноносец “Генри В. Уилсон”, засек ожидаемую им цель в расчетном месте и в расчетное время. Техники, занимающиеся наведением его ракетных установок, воспользовались выдавшейся возможностью, чтобы провести тренировочную программу перехвата, но были вынуждены уже через несколько секунд выключить радиолокаторы, освещающие цель. Они заставили нервничать авиатехников на борту авианосца.

Описывая круги на высоте пяти тысяч футов, “Коди-193” сжег наконец оставшееся топливо и превратился в планер. Когда воздушная скорость беспилотного самолета упала до требуемой величины, сработали пиропатроны, сбросившие люк на верхней части самолета. Оттуда выбросился парашют. Вертолет ВМФ был уже наготове, а белый парашют оказался для него превосходной целью. Вес беспилотного самолета составил теперь всего полторы тысячи фунтов, что едва превышало вес восьми взрослых мужчин. В этот день ветер и видимость содействовали успешному завершению операции. Вертолету удалось захватить парашют при первой же попытке, он развернулся и направился к авианосцу “Констеллейшн”, где беспилотный самолет осторожно опустили на салазки, закончив таким образом его шестьдесят второй боевой вылет. Еще до того как вертолет занял отведенное для него место на летной палубе авианосца, техник уже откручивал болты, удерживающие крышку отделения, в котором находились фотоаппараты, и вынимал тяжелые кассеты с пленкой. Не теряя ни минуты, он отнес их вниз и передал другому технику в фотолаборатории авианосца, оборудованной самой современной аппаратурой. Для проявления пленки потребовалось всего шесть минут, после этого все еще влажная пленка была высушена и передана еще одному специалисту, на этот раз офицеру воздушной разведки. Качество пленки было не просто хорошим, а великолепным. Пленку перемотали с одной катушки на другую над плоской стеклянной пластиной, освещенной снизу парой ламп дневного света.

- Ну что, лейтенант? - не скрывая нетерпения, спросил капитан.

- Одну минуту, сэр, подождите... - Поворачивая катушку, лейтенант указал на третий кадр. - Вот наша первая базисная точка..., вот вторая, он летел точно по курсу..., о'кей, вот наша исходная точка..., по долине, за холмом - смотрите, сэр! У нас два, нет, три кадра! Отличное качество, солнце светило именно так, как требовалось, ясный день - вы знаете, почему они называют этих бэби “охотниками за буйволами”? Потому что...

- Ну-ка, дайте посмотреть! - Капитан чуть не оттолкнул младшего офицера в сторону. Да, на кадрах был виден мужчина, американец, а с ним двое охранников и четвертый человек - но капитан хотел увидеть только американца.

- Вот, сэр. - Лейтенант передал ему увеличительное стекло. - Мы можем получить хорошее изображение лиц вот с этого кадра, а если вы дадите нам немного времени, мы постараемся поиграть с ним и даже улучшить. Как я уже говорил, камеры различают мужчин и женщин...

- Н-да. - Лицо было черным, значит, на негативе был белый. - Но... Черт возьми, я не уверен.

- Капитан, это наша работа, понимаете? - Лейтенант был офицером разведки, тогда как капитан относился к ВВС.

- Разрешите нам сделать все как полагается, сэр.

- Но он один из наших!

- Совершенно верно, сэр, а вот этот парень к нашим не относится. Разрешите мне отнести пленку в лабораторию для печатания позитивов и увеличения. Кроме того, командир авиакрыла захочет посмотреть на снимки порта.

- Это может подождать.

- Нет, сэр, не может, - возразил лейтенант, но все-таки взял ножницы и отрезал интересующие капитана кадры. Остальную пленку передали главному старшине, а лейтенант и капитан вернулись в фотолабораторию. На подготовку полета “Коди-193” ушло два полных месяца, и капитан сгорал от нетерпения, стремясь получить информацию, которая, как он знал, находится на этих трех двух с четвертью-дюймовых кадрах.

Через час он получил ее. А еще час спустя поднялся на борт самолета, вылетающего в Дананг. Прошел еще час, и капитан летел в Куби-Пойнт-Нэйвел-Стейшн на Филиппинах, откуда проследовал на маленьком самолете на военно-воздушную базу Кларк и перешел на К-135, вылетающий прямо в Калифорнию. Несмотря на продолжительность и трудность двадцатичасового полета, капитан спал мало и, отрывочно, поскольку сумел разрешить тайну, которая могла изменить политику его правительства.

Глава 4

Первый свет

Келли проспал почти восемь часов и снова проснулся от криков чаек. Пэм в спальне не было. Он вышел наружу и увидел ее. Она стояла на набережной, глядя на поверхность залива, все еще усталая, все еще неспособная воспользоваться отдыхом, который ей был так нужен. Над заливом царил обычная утренняя тишина, его гладкая как стекло поверхность то здесь, то там нарушалась круглыми всплесками пеламид, охотившихся за насекомыми. Именно так хотелось начать день - нежный западный бриз, овевающий его лицо, и такая странная тишина, позволяющая услышать шум лодочного мотора, находящегося так далеко, что самой лодки не было видно. Это было время, позволяющее остаться наедине с

природой, но он знал, что Пэм просто чувствовала себя одинокой. Келли неслышно подошел к ней и, обеими руками коснулся ее талии.

- Доброе утро.

Она не отвечала очень долго, и Келли стоял, легко держа ее, лишь чтобы она чувствовала его прикосновение. На ней была надета одна из его рубашек, и ему хотелось, чтобы его прикосновение носило только характер защиты и покровительства. Он боялся навязываться женщине, которая пережила такое насилие, и не мог определить, где должна проходить эта невидимая линия.

- Теперь ты знаешь, - сказала она достаточно громко, чтобы ее голос нарушил тишину, не в силах повернуться и посмотреть на него.

- Да, - ответил Келли так же тихо.

- И что ты думаешь? - Ее голос был болезненным шепотом.

- Я не понимаю, что ты имеешь в виду, Пэм. - Келли ощутил начало дрожи и был вынужден заставить себя не сжимать объятий.

- Обо мне.

- О тебе? - Он позволил себе приблизиться, обнять ее руками за талию, не прижимая к себе. - Я думаю, что ты красивая. Я думаю, как хорошо, что мы встретились.

- Я принимаю наркотики.

- Врачи сказали, что ты стараешься бросить эту привычку. Этого для меня достаточно.

- Но все гораздо хуже, я занималась такими вещами... Келли прервал ее:

- Меня это не интересует, Пэм. Я тоже делал вещи, которыми не могу гордиться. И ты сделала для меня так много. Ты дала мне что-то, вдохнувшее в меня новую надежду, и я никогда не рассчитывал на это. - Келли теснее прижал ее к себе. - То, что ты делала до встречи со мной, не имеет значения. Теперь ты не одна в этом мире, Пэм. Я с тобой и готов помочь, если ты этого хочешь.

- Когда ты узнаешь... - предупредила она.

- Я готов рискнуть. Мне кажется, что самое важное я уже знаю. Я люблю тебя, Пэм. - Келли удивился, услышав собственные слова. Он слишком боялся выразить эту мысль даже самому себе. Это казалось глупым, но снова эмоции одержали верх над здравым смыслом, и на этот раз здравый смысл не слишком сопротивлялся.

- Как ты можешь говорить такое? - спросила Пэм. Келли нежно повернул ее к себе и улыбнулся.

- Сам не понимаю! Может быть, это из-за твоих спутанных волос или твоего сопливого носа. - Он коснулся ее груди через рубашку. - Нет, мне кажется, это из-за твоего сердца. Неважно, каким было твое прошлое, сердце осталось прекрасным.

- Ты правда так думаешь? - спросила она, глядя ему в грудь. Наступило молчание, затем Пэм улыбнулась ему, и это тоже походило на рассвет. Оранжево-желтое сияние поднимающегося солнца зажгло ее лицо и осветило светлые волосы девушки.

Келли вытер слезы с ее лица, и ощущение мокрых щек устранило все сомнения, которые еще могли у него оставаться.

- Мы должны купить тебе одежду. Леди не должна так одеваться.

- Кто говорит, что я - леди?

- Я.

- Мне так страшно! Келли прижал ее к груди.

- Бояться - свойственно человеку. Я все время боялся. Самое важное заключается в том, что ты знаешь, что сделаешь то, что тебе поручили. - Его руки гладили ее спину. Он не собирался превращать это в любовную ласку, но почувствовал, что испытывает нарастающее возбуждение, пока не понял, что его руки гладят рубцы, оставленные на ее теле мужчинами с хлыстами, ремнями, электрическими проводами или другими средствами мучения. Затем его взгляд устремился через воды залива, и было хорошо, что Пэм не видела выражения его лица.

- Ты, должно быть, проголодалась, - сказал он, отодвигаясь от девушки, но все еще держа ее за руки.

- Умираю от голода, - кивнула она.

- Это я сейчас исправлю. - Келли повел ее обратно в бункер, держа за руку. Ему уже нравилось ее прикосновение. Они встретили Сэма и Сару, возвращающихся с другого конца острова, где те совершали прогулки и делали утреннюю гимнастику.

- Ну как поживают наши влюбленные? - спросила Сара с сияющей улыбкой, потому что она уже увидела ответ на свой вопрос с расстояния в двести ярдов.

- Проголодались ужасно! - ответила Пэм.

- И сегодня мы получим пару винтов, - добавил Келли, подмигнув Сэму.

- Пару чего? - не поняла девушка.

- Пропеллеров, - объяснил Келли. - Для яхты Сэма.

- Но ты сказал - винтов!

- Морской жаргон. Извини меня. - Он ухмыльнулся, глядя на нее, и Пэм так и не поняла, верить ему или нет.

- На это потребовалось много времени, - заметил Тони, отпивая кофе из картонного стаканчика.

- А где мой кофе? - спросил Эдди, раздраженный от недостатка сна.

- Ты сам сказал мне поставить проклятый нагреватель снаружи, помнишь? Хочешь кофе - приготовь его сам.

- Ты что, хотел, чтобы в каюте набралось этого дыма и испарений? От окиси углерода можно умереть, черт побери, - произнес Эдди Морелло с нарастающим раздражением.

Тони устал не меньше его, и ему совсем не улыбалось спорить с этим крикуном.

- Ну хорошо, хорошо, - пробормотал он. - Кофейник снаружи. Стаканчики тоже.

Эдди что-то фыркнул и вышел из каюты. Генри, третий член их группы, раскладывал продукт по пакетам и не вмешивался в споры. Все получилось даже немного лучше, чем он планировал. Они, помимо всего прочего, поверили его рассказу об Анджело, что избавило его от одного потенциального партнера и решило важную проблему. Сейчас перед ним находилось готовых наркотиков по крайней мере на триста тысяч долларов. Оставалось взвесить их и упаковать в пластмассовые пакеты, после чего они поступят для продажи к дилерам. Вообще-то процедура прошла не совсем так, как он ожидал. Он рассчитывал на “несколько часов работы”, а эти “несколько часов” растянулись в целый ночной марафон, после того как трое поняли, что то, за что они платили другим, совсем не так просто, как казалось в начале. Три бутылки пшеничного виски, принесенного с собой, не слишком облегчили работу. С другой стороны, больше трехсот тысяч долларов дохода за шестнадцать часов работы тоже не так уж плохо. К тому же это было только начало. Таккер давал им только почувствовать вкус приманки.

Эдди все еще беспокоился о том, чем кончится смерть Анджело. Но говорить об этом было уже поздно, смерть ничем не исправишь, и ему пришлось встать на сторону Тони. По его лицу пробежало выражение тревоги, когда он посмотрел через открытый иллюминатор на остров, который был когда-то кораблем. Солнце отражалось от иллюминаторов корпуса, принадлежавшего когда-то большой, мощной яхте. Как было бы приятно купить себе вот такую. Эдди Морелло любил ловить рыбу. Может быть, когда-нибудь он возьмет с собой на морскую прогулку детишек. К тому же это могло послужить превосходным прикрытием, верно?

А может быть, заняться ловлей крабов, а? В конце концов, он знает, чем питаются крабы. При этой мысли у него вырвался взрыв смеха, от которого он сам вздрогнул. В безопасности ли он, работая с такими людьми? Они - он - только что убили Анджело Ворано, еще не прошло и двадцати четырех часов. Но Анджело не входил в их группу, не был ее членом, тогда как Тони Пиаджи принадлежал к “семье”. Правда, Эдди обеспечивал законность операции, служил каналом, связывающим их с уличными дилерами, и это обеспечивало его безопасность - пока он был им нужен. И пока Эдди был настороже и не допускал ошибок.

- Как ты думаешь, чья это была каюта? - спросил Таккер у Пиаджи, чтобы поддержать разговор.

- Какая каюта?

- Когда вон та развалина была яхтой, похоже, эта каюта кому-то принадлежала, - сказал он, запечатывая последний пакет и засовывая его внутрь портативного холодильника, где хранилось пиво. - Раньше я как-то не задумывался об этом., - Вообще-то это было правдой.

- Думаешь, это была каюта капитана? - произнес Тони. В разговоре быстрее проходило время, и ему до смерти надоело заниматься тем, что они делали всю ночь.

- Пожалуй. Она расположена близко к мостику. - Генри встал и потянулся, спрашивая себя, почему на его долю всегда выпадает самая тяжелая работа. Впрочем, ответ был очевиден. Тони был “своим”. Эдди стремится к этому, но никогда не сумеет добиться успеха, как не смог сделать этого Анджело, подумал Генри Таккер. Он никогда не доверял Анджело, и теперь этой проблемы больше не существует. Единственное достоинство этих парней состояло в том, что они, по-видимому, держат свое слово и будут продолжать честную игру до тех пор, пока он оставался их каналом, связывающим с сырьем, и ни минутой дольше. Насчет этого у Таккера не было ни малейших иллюзий. Он был благодарен Анджело за то, что тот свел его с Тони и Эдди, и смерть Анджело оказала такое же воздействие на него, какое окажет его собственная смерть на двух остальных - никакого. Каждый человек для чего-то годится - и не больше, сказал себе Таккер, закрывая крышку холодильника. Да и крабам тоже нужно питаться.

Если повезет, это будет последнее убийство на некоторое время. Не то чтобы Таккер приходил в ужас от убийства, но ему не нравились осложнения, часто возникающие потом. Настоящий бизнес шел гладко, без сучка и задоринки, и приносил деньги для всех, делая всех счастливыми, даже покупателей на конце операции. И уж точно эта партия наркотика обрадует их. Это был хороший азиатский героин, научно переработанный и умеренно смешанный с нетоксичными наполнителями. Он гарантированно обеспечит потребителям высочайший кайф и затем плавное возвращение обратно к той реальности, от которой им хотелось скрыться. Они захотят снова испробовать подобный кайф и потому вернуться к своим продавцам, которые будут брать с них чуть больше обычного за столь высокое качество. - “Сладкий азиатский” уже стал профессиональной торговой маркой в уличной торговле.

Правда, в такой марке, известной в уличной торговле, таилась опасность. Это позволяло полиции охотиться за чем-то, что-то искать, задавать специфические вопросы относительно названия, но, когда у тебя такой качественный продукт, всегда возникает некоторый риск, и по этой причине Таккер выбрал партнеров за их опыт, связи и надежность. Место для переработки сырья тоже было выбрано такое, что обеспечивало безопасность. В их распоряжении был катер с мощным мотором, чтобы суметь скрыться в случае опасности, и хорошая видимость на пять миль во все стороны. Да, в таком деле всегда есть опасность, в этом нет сомнения, но опасность всегда присутствует даже в жизни, и тебе приходится соразмерять риск с полученным вознаграждением. Вознаграждением Генри Таккера за эту операцию была сумма в сто тысяч долларов наличными, необлагаемыми налогом, всего за сутки работы, и он готов был пойти на риск ради такого вознаграждения. Он был готов пойти на гораздо больший риск ради того, что могли обеспечить связи Пиаджи, и вот теперь ему удалось заинтересовать их. Скоро они станут не менее честолюбивыми, чем он сам.

Катер из Соломонса прибыл на несколько минут раньше и доставил винты. Врачи не говорили Келли, чтобы он занял Пэм каким-нибудь трудом, но это было простым средством для лечения ее проблем, и он догадался сам. Келли

выкатил на причал портативный компрессор и завел его, затем объяснил девушке, как регулировать поступающий под воду воздух, следя за приборами. Далее он принес гаечные ключи и разложил их на причале.

- Смотри, Пэм. Когда мне потребуется вот этот ключ, я подниму из воды руку с одним вытянутым пальцем, вот этот ключ - два пальца, а этот - три. Понятно?

- Да, - ответила Пэм. Опыт Келли в обращении с техникой произвел на нее впечатление. Все остальные знали, что он немного переигрывает, но не возражали против этого.

Келли спустился по трапу в воду и прежде всего проверил состояние нарезки на валах. Нарезка оказалась достаточно глубокой.

Он поднял над головой руку с одним вытянутым пальцем, и Пэм передала ему именно тот ключ, который требовался. Этим ключом он отвернул оставшиеся гайки, затем передал их одну за другой Пэм, которая положила гайки на бетонную поверхность причала. На всю операцию потребовалось всего пятнадцать минут, и вот наконец сверкающие новенькие винты стояли на месте, гайки туго затянуты, и новые защитные аноды поставлены куда следует. Далее Келли проверил перо руля и убедился, что оно продержится до конца года, хотя Сэму нужно будет не сводить с него глаз. Как обычно, он с облегчением выбрался на причал и вдохнул свежий воздух, не пахнувший резиной.

- Сколько я тебе должен? - спросил Розен.

- За что? - поинтересовался Келли, снимая легкий водолазный костюм и выключая компрессор.

- Я привык всегда расплачиваться за произведенную работу, - произнес хирург несколько напыщенно. Келли не удержался от смеха.

- Давай договоримся так, Сэм. Если мне понадобится операция позвоночника, ты сделаешь ее бесплатно. Как вы называете это между собой?

- Профессиональная вежливость - но ведь ты не врач, - возразил Розен.

- А ты - не ныряльщик. Ты даже еще не моряк, но сегодня мы этим займемся, Сэм.

- Я был лучшим в своей учебной группе моторных яхт! - рявкнул Розен.

- Доктор, когда к нам прибывали выпускники школ военно-морского флота, мы говорили им: "Ты хорошо учился в школе, сынок, но теперь ты попал на флот". Вот сейчас я уберу инструменты и мы посмотрим, как ты управляешь своей яхтой.

- Готов поспорить, что лучше тебя умею ловить рыбу! - заявил Розен.

- А сейчас они примутся спорить, кто из них писнет дальше, - ядовито заметила Сара, поворачиваясь к Пэм.

- И об этом тоже можем поспорить, - засмеялся Келли, возвращаясь в бункер. Через десять минут он убрал инструменты, принял душ и переоделся в чистую майку и обрезанные до колен джинсы.

Поднявшись на мостик, он следил за тем, как Розен готовит к отплытию свою яхту. Хирург произвел впечатление на Келли, особенно умением обращаться с тросами.

- В следующий раз дай своим вентиляторам поработать подольше, прежде чем включать двигатели, - заметил Келли после того, как Розен запустил дизели.

- Но на яхте стоят дизельные двигатели!

- Придет время, и ты можешь оказаться на яхте с бензиновыми моторами. Нужно всегда думать о безопасности, доктор. У тебя случается, что во время отпуска ты берешь яхту напрокат?

- Ну, бывает.

- При хирургических операциях ты проделываешь одно и то же каждый раз, верно? - спросил Келли - Даже если это не вызывается необходимостью?

- Да, теперь понимаю, - задумчиво произнес Розен.

- А теперь выводи ее в залив, - махнул рукой Келли. Розен выполнил команду и, на его взгляд, весьма умело. Однако на Келли ему не удалось произвести впечатление. - Меньше управляй рулем, больше двигателями. Ветер не всегда тебе будет помогать при отходе от причала. Винты толкают воду, а перо руля всего лишь немного меняет курс судна. Ты всегда можешь положиться на двигатели, особенно на малой скорости. А рулевое управление иногда выходит из строя. Научись обходиться без него.

- Слушаюсь, капитан, - проворчал Розен. Он снова чувствовал себя практикантом, а Сэм Розен давно привык, что практиканты, как и медицинский персонал, мгновенно выполняют его распоряжения. В сорок восемь лет, подумал он, поздновато снова становиться студентом.

- Это ты капитан, Сэм. Я всего лишь лоцман. Я просто лучше тебя знаю эти воды. - Келли повернулся к женщинам, стоящим на палубе. - И не надо смеяться, леди. Скоро придет и ваш черед, так что следите, как он управляет яхтой. - И спокойно произнес, обращаясь к Розену:

- А у тебя все-таки здорово получается, Сэм.

Через пятнадцать минут яхта лениво дрейфовала, подгоняемая приливом. Удилища с лесками были выставлены за борт под теплым праздничным солнцем. Келли проявлял мало интереса к рыбной ловле и вместо этого расположился на мостике, наблюдая за происходящим вокруг. Тем временем Сэм учил Пэм насаживать наживку на крючок. Всех удивил проявленный девушкой интерес к рыбной ловле. Сара позаботилась о том, чтобы бледная кожа Пэм была щедро смазана кремом "Коппертон", защищающей от солнечных ожогов. Келли подумал о том, что легкий солнечный загар сделает рубцы на ее спине еще более заметными. Оставшись один со своими мыслями на мостике, он задумался над тем, что за мужчина получает удовольствие от физического насилия над женщиной. Он смотрел прищуренными глазами вдаль на колышущуюся поверхность залива с черными точками катеров и яхт. Сколько мужчин, способных на это, находятся сейчас в поле его зрения? Почему нельзя различить их простым взглядом?

Было нетрудно подготовить катер к отплытию. Они запаслись значительным количеством химикалий и будут вынуждены время от времени пополнять его, но Эдди и Тони имели доступ к компании, снабжающей лаборатории различными химическими веществами; ее хозяин был связан с их организацией.

- Я хочу посмотреть, - сказал Тони, когда они убрали швартовы. Оказалось не так просто, как он думал, вести их восемнадцатифутовый катер по отмелям, заливаемым приливом, но Эдди хорошо запомнил это место, и вода все еще была достаточно прозрачной.

- Боже милостивый! - изумленно открыл рот Тони.

- Этот год будет хорошим для ловли крабов, - заметил Эдди, довольный потрясением, которое испытал Тони. Неплохая месть, подумал он, однако для всех зрелище было не из приятных. Сотни крабов уже покрывали тело. Не было видно лица и одной руки, и они наблюдали, как по песчаному дну к трупам ползли все новые и новые любители полакомиться, привлеченные запахом разложения, распространяющимся в воде с такой же легкостью, как и в воздухе, - форма рекламы, изобретенная самой природой. Окажись труп на земле, знал Эдди, к нему прилетели бы канюки-стервятники и вороны.

- Как ты считаешь? Две недели, может быть три, и от Анджело не останется и следа.

- Что, если кто-нибудь...

- Маловероятно, - ответил Таккер, не глядя вниз. - Слишком мелко для парусной яхты, да и моторные катера сюда не заходят. В полумиле к югу отсюда проходит хороший широкий канал, да и рыба там ловится, говорят, намного лучше. Ловцы крабов тоже не любят заглядывать сюда.

Тони Пиаджи не мог оторваться от отвратительного зрелища, хотя один раз уже с трудом подавил приступ тошноты. Голубые крабы Чесапикского залива со своими острыми клешнями быстро растаскивали мертвую плоть, уже размягченную теплой водой и бактериями, хватая затем кусочки маленькими щипчиками и отправляя в свои странной формы рты. Интересно, подумал он, осталось ли что-нибудь от лица, смотрят ли глаза на мир, оставленный навсегда, но лицо было сплошь покрыто крабами, и, похоже, первыми жертвами крабов стали именно глаза. Пугающим обстоятельством, разумеется, было то, что, если один человек мог исчезнуть таким образом, за ним мог последовать и другой, и, хотя Анджело был мертв, прежде чем оказаться на дне, каким-то образом Пиаджи был уверен, что пасть жертвой крабьих клешней намного хуже, чем просто умереть. Он сожалел бы о смерти Анджело, но это был бизнес и... Анджело заслуживал смерти. В определенной степени приходилось сожалеть и о том, что понадобится держать в тайне ужасную судьбу Анджело, но и это тоже имело отношение к бизнесу. Таким образом можно скрыть от копов исчезнувшее тело. Трудно найти доказательства, когда нет трупа, а вот тут они совершенно случайно попали на способ скрывать множество убийств. Единственная проблема заключалась в том, как доставить сюда тела жертв и скрыть от других способ захоронения трупов, потому что трудно заставить людей молчать, напомнил себе Тони Пиаджи, как не удалось заставить молчать Анджело. Хорошо, что Генри вовремя узнал об этом.

- Хотите полакомимся пирогами с начинкой из крабов, когда вернемся в город? - засмеялся Эдди Морелло, надеясь, что этим заставит Тони содрогнуться в конвульсиях рвоты.

- Давайте уберемся отсюда к чертовой матери, - тихо произнес Пиаджи, опускаясь на свое сиденье. Таккер снял сцепление мотора с нейтрального и начал пробираться среди отмелей обратно в Чесапикский залив.

Пиаджи потребовалось несколько минут, чтобы забыть отвратительное зрелище. Он надеялся, что в его воображении останется только эффективность захоронения трупа. В конце концов, не исключено, что им придется воспользоваться таким методом снова. Может быть, подумал Тони, пройдет несколько часов, и он сможет увидеть юмор в случившемся. Он посмотрел на портативный холодильник, где под пятнадцатью банками "Национального богемского" находился слой льда, а под слоем льда - двадцать запечатанных пакетов с героином. В том маловероятном случае, если кто-нибудь остановит их, вряд ли будут обыскивать холодильник и вынимать оттуда банки с пивом, этим подлинным воскресным топливом моряков, плавающих по Чесапикскому заливу. Таккер вел катер на север, а остальные двое достали удочки и держали их наготове, словно собирались найти хорошее место, где можно поймать несколько приличных морских окуней.

- Рыбная ловля наоборот, - сказал через несколько минут Морелло и засмеялся так громко, что Пиаджи присоединился к нему.

- Кинь мне банку пива! - скомандовал Тони в промежутке между приступами смеха. В конце концов, он принадлежал к числу "своих" и потому заслуживал уважения.

- Идиоты, - тихо произнес Келли. Этот восемнадцатифутовый катер мчался слишком быстро и слишком близко к яхтам, занимающимся рыбной ловлей. Он запугает немало лесок, и уж, несомненно, его кильватерная струя нарушит покой многих яхт. Неумение вести себя в море, отсутствие морского воспитания, что всегда презирал Келли. Слишком уж просто - черт побери, нельзя даже сказать "просто". Все, что тебе нужно, - это купить катер или яхту - и ты получаешь право плавать по морским просторам. Никаких проверок, ничего. Келли нашел бинокль 7 x 50 Розена и направил его на катер, мчащийся совсем рядом. Три кретина, один из них поднял банку пива в насмешливом госте.

Подавшись ты этим пивом, хрен паршивый, прошептал он про себя. Трое кретинов в быстроходном катере, сидят и пьют пиво, наверно, уже изрядно поднабрались, а сейчас еще нет одиннадцати. Он внимательно посмотрел на катер и почувствовал какую-то смутную благодарность, что они не подошли к их яхте ближе чем на пятьдесят ярдов. Келли

заметил название на транце - "Восьмерка Генри". Ну что ж, сказал себе Келли, если он снова увидит катер с этим названием, то постарается держаться от него подальше.

- Я поймала кого-то! - крикнула Сара.

- Внимание, с левого борта идет большая волна! - крикнул Келли. Волна ударила о борт яхты спустя минуту, заставив большой "Гаттерас" накренившись влево и вправо на двадцать градусов от вертикали.

- Это я называю плохим морским воспитанием, - произнес Келли, глядя на трех рыболовов, расположившихся на палубе.

- Так точно, капитан! - отозвался Сэм.

- Я так его и не отпустила, - заметила Сара. Келли обратил внимание, что она подводит пойманную рыбу к борту с немалым мастерством. - И какой же он большой!

Сэм взял подсадную сетку на рукоятке и перегнулся через борт. Когда он выпрямился, в сетке бился большой морской окунь, фунтов на двенадцать или четырнадцать. Он опустил рыбу в ящик, наполненный водой, где рыба будет ждать своей смерти. Это казалось Келли жестоким, но, в конце концов, это была всего лишь рыба, а ему приходилось видеть вещи куда хуже.

Через мгновение раздался восторженный визг Пэм, когда туго натянулась ее леска. Сара положила свою удочку в держатель и принялась обучать ее. Келли следил за ними. Дружба между Сарой и девушкой была такой же поразительной, как отношения между ним и Пэм. Может быть, Сара заняла для Пэм место матери, у которой отсутствовала нежность к дочери или что там еще отсутствовало у матери Пэм. Потому-то Пэм так хорошо отзывалась на советы своей новой подруги. Келли наблюдал за ними с улыбкой, которую заметил Сэм, и тоже улыбнулся. Пэм была новичком в рыбной ловле и споткнулась два раза, выхаживая рыбу. Снова Сэм совершил почетную церемонию с сеткой, подняв на этот раз восьмифунтовую пелаמידу.

- Бросьте ее обратно, - посоветовал Келли. - Вкус у них просто отвратительный! Сара подняла голову.

- Бросить в море ее первую рыбу! - с гневом воскликнула она. - Да кто ты такой, нацист что ли? У тебя где-нибудь найдется лимон, Джон?

- Да. Но зачем?

- Я покажу тебе, что можно приготовить из пелаמידы, вот зачем. - Она прошептала что-то на ухо девушке, и та засмеялась. Пеламида отправилась в тот же бак, где составила компанию морскому окуню, и Келли подумал о том, как живут в таком небольшом пространстве пеламида и морской окунь.

Вот и наступил День памяти павших, подумал Голландец Максвелл, выходя из своего служебного автомобиля у Арлингтонского национального кладбища. Для многих этот день - 30 мая - был известен всего лишь пятисотмильной автогонкой в Индианаполисе, или просто как выходной, или традиционное начало летнего купального сезона, что было очевидно из относительного отсутствия автомашин на дорогах Вашингтона. Но не для него и не для его друзей. Это был их день, день памяти погибших товарищей, в то время как другие занимались вещами более или менее личными. Адмирал Подулски приехал вместе с ним, и оба адмирала пошли по дорожке медленно и не в ногу, как обычно ходят адмиралы. Сын Казимира, младший лейтенант Станислав Подулски, не был похоронен на этом кладбище и скорее всего никогда не будет вообще похоронен. Его А-4 разнесло в небо зенитной ракетой, как следовало из докладов очевидцев, практически прямым попаданием. Молодой летчик был слишком увлечен, чтобы заметить залп ракетной батареи почти до самой последней секунды, когда его голос успел произнести с отвращением к собственной неосторожности последний эпитет по "защищенному" каналу связи. По-видимому, одна из бомб, которые он нес, детонировала от взрыва зенитной ракеты. Как бы то ни было, маленький истребитель-бомбардировщик превратился в грязное облако черно-желтого цвета, вряд ли оставив что-нибудь после себя; и к тому же противник не слишком соблюдал международные правила в отношении останков погибших вражеских летчиков. Таким образом, сын мужественного воина не был удостоен последней воинской почести - быть похороненным рядом со своими товарищами. Каз никогда не говорил об этом. Подулски сохранял свои чувства при себе, не делился ими.

Контр-адмирал Джеймс Грир стоял на том же месте, что и последние два года в этот день, футах в пятидесяти от дорожки, укладывая цветы рядом с флагом на памятнике своего сына.

- Джеймс? - позвал его Максвелл. Адмирал повернулся и поднес ладонь к козырьку, желая улыбнуться в знак благодарности за дружескую поддержку в такой день, но удержался от улыбки. Все трое были в своих темно-синих адмиральских мундирах, которые вносили собой особую торжественность. Расшитые золотом рукава сверкали на солнце. Не сказав ни слова, все трое выстроились у памятника Роберта Уайта Грира, старшего лейтенанта корпуса морской пехоты США. Они слаженно поднесли ладони к козырькам, вспоминая молодого человека, которого в свое время мальчиком подбрасывали на коленях, который гонял на велосипеде на военно-морской базе в Норфолке и на базе военно-морской авиации в Джексонвилле вместе с сыновьями Каза и Голландца. Парня, который вырос сильным и гордым, встречал корабли своего отца, когда они возвращались в порт, и говорил лишь о том, что последует по стопам отца, но не слишком близко к нему, и чье везение оказалось недостаточным в пятидесяти милях к юго-западу от Дананга. Это было проклятьем их профессии, каждый знал это, но никогда не говорил вслух, что их сыновья тоже втягивались в нее, отчасти из почитания своих отцов, отчасти из-за воспитанной у них любви к своей стране, но больше всего из-за любви к своим соотечественникам. И так же, как каждый из стоящих здесь рисковал своей жизнью, рисковали своими жизнями и Бобби Грир и Стае Подулски. Вот только счастье не улыбнулось двум из трех сыновей.

Грир и Подулски сказали себе в это мгновение, что это было напрасно, что у свободы есть своя цена, что

некоторые должны платить эту цену, иначе не будет ни флага, ни Конституции, ни праздника, значение которого люди имели право игнорировать. Но в обоих случаях эти произнесенные слова звучали неубедительно. Семейная жизнь Грира прервалась главным образом из-за горя, принесенного смертью Бобби. Жена Подулски уже никогда не будет такой, какой была раньше. Хотя у каждого были и другие дети, пустота, возникшая из-за потери одного, превратилась в пропасть, которую невозможно преодолеть, и как ни хотелось каждому убедить Себя в том, что жизнь сына отдана не зря, ни один человек, который может оправдать смерть ребенка, в действительности не имеет права вообще называться человеком, и поэтому их подлинные чувства усиливались той же самой гуманностью, что обрекла их в этой жизни на жертвы. Это было тем более верно потому, что у каждого были свои чувства относительно войны, которые более вежливые называли “сомнениями” и которые сами они называли совсем по-другому, но только в своей среде.

- Помнишь, как Бобби прыгнул в плавательный бассейн за дочкой Майка Гудвина и спас ее? - спросил Подулски.

- Я только что получил записку от Майка. Маленькая Эйми на прошлой неделе родила близнецов, двух маленьких девочек. Она вышла замуж за инженера из НАСА, живут в Хьюстоне.

- Я даже не знал, что она замужем. Сколько ей сейчас? - спросил Джеймс.

- О, ей, должно быть, двадцать..., может быть, двадцать пять? Помнишь ее веснушки, солнце будто выращивало их в Джексе?

- Маленькая Эйми, - тихо произнес Грир. - Как быстро они растут. - Может быть, она и не утонула бы в тот жаркий июльский день, но это еще один повод вспомнить его сына. Он спас одну жизнь - а может быть, три? Ведь это что-то значит, правда? - спросил себя Грир.

Трое адмиралов повернулись и молча пошли от могилы; не говоря больше ни слова, они медленно направились к подъездной дороге. Там им пришлось остановиться. Вверх по холму поднималась похоронная процессия, солдаты Третьего пехотного полка, “Старая гвардия”, выполняли свой безрадостный долг, провожая в последний путь еще одного человека. Адмиралы снова выстроились в ряд, отдавая честь флагу, расprostертому на гробе. Молодой лейтенант, командующий нарядом, сделал то же самое. Он увидел на груди одного из адмиралов светло-голубую ленточку ордена Почета, и четкость его салюта передала всю глубину испытываемого им уважения.

- Ну вот, хоронят еще одного, - произнес Грир с тихой горечью, когда похоронная процессия миновала их. - Боже милостивый, за что мы хороним своих детей?

- Заплати любую цену, носи любой груз, перебори любые лишения, помоги любому другу, борись с любым врагом... - процитировал Каз. - Ведь это было не так уж давно, верно? Но когда наступило время делать ставки и выкладывать их на стол, куда делись эти мерзавцы?

- Ставки - это мы, Каз, - ответил Голландец Макссуэлл. - А вот это - стол.

Обычные люди заплакали бы, но эти не были обычными людьми.

Каждый из них посмотрел на поле, усеянное белыми памятниками. Это была передняя лужайка, когда-то принадлежавшая Роберту Е. Ли - дом его все еще стоял на вершине холма, - и размещение здесь кладбища было жестокой мстостью правительства, чувствовавшего себя преданным этим генералом. И все-таки генерал Ли в конце жизни отдал дом своих предков на службу тем, кого любил больше всего. Это была самая добрая ирония за весь сегодняшний день, подумал Макссуэлл.

- Как там у вас дела за рекой, Джеймс?

- Могли бы, быть и лучше. Голландец. Мне дали приказ навести порядок в доме. Я ищу самую большую метлу.

- Тебя инструктировали по операции “Зеленый самшит”?

- Нет. - Грир повернулся, и на его лице появилась первая за весь день улыбка. Не очень радостная, но все-таки улыбка, отметили остальные. - Мне это нужно?

- Возможно, нам понадобится твоя помощь.

- Неофициальная?

- Ты ведь знаешь, что случилось с “Кингпин”, - заметил Казимир Подулски.

- Им чертовски повезло - они сумели выбраться оттуда, - согласился Грир. - Все еще скрываете подробности?

- Разумеется, скрываем.

- Сообщите мне, что вам понадобится. Я обеспечу вас всем, что, у меня найдется. Ты занимаешься работой по разряду “три”, Каз!?

- Совершенно верно. - Любой офицер с “тройкой” на конце номера его военно-учетной специальности относился к Департаменту планирования и операций, а у Подулски был к этому особый талант. Его глаза сверкали так же ярко, как золотые крылья на нашивках в лучах утреннего солнца.

- Отлично, - произнес Грир. - А чем занимается сейчас маленький Голландец?

- Летает на самолетах компании “Дельта”. Второй пилот, потом станет капитаном, а я стану дедушкой примерно через месяц.

- Вот как? Поздравляю, мой друг.

- Я не виню его за то, что он ушел со службы. Раньше винил, а теперь - нет.

- Как зовут того командос из группы тюленей-подводников, который отправился за ним и спас?

- Келли. Он тоже ушел со службы, - ответил Макссуэлл.

- Тебе следовало бы потребовать для него от конгресса орден Почета, Голландец, - заметил Подулски. - Я читал представление. Ничего более страшного мне не попадалось.

- Я произвел его в боцманы. Потребовать для него орден я не мог, - с сожалением покачал головой Макссуэлл. - Только не за спасение сына адмирала, Каз. Ты ведь знаком с политическими последствиями такого шага.

- Да. - Подулски посмотрел на вершину холма. Похоронная процессия остановилась, и гроб сняли с лафета.

Молодая вдова наблюдала за тем, как заканчивается время ее мужа на земле. - Да, я знаком с политическими последствиями.

Таккер ввел катер в эллинг. Два мотора, установленные на нем - один стационарный, другой подвесной, - облегчали процедуру. Он выключил двигатели и схватил швартовы, которые быстро закрепил за кнехты. Тони и Эдди подняли портативный холодильник с оставшимися банками пива и спрятанными подо льдом наркотиками и вынесли его из катера, пока Таккер собирал разбросанные инструменты и закрывал чехлами сиденья и приборную панель. Затем он присоединился к своим компаньонам на площадке для стоянки автомобилей.

- Ну что ж, все оказалось очень просто, - заметил Таккер. Холодильник уже стоял в багажнике большой автомашины "Форд сквайер стейшн вэгон", принадлежащей ему.

- Как ты думаешь, кто выиграл сегодня гонку? - спросил Эдди. Они забыли взять с собой радиоприемник, когда отплывали в залив.

- Я поставил сотню на Фойта, просто так, ради интереса.

- Не на Андретти? - поинтересовался Таккер.

- Он итальянец, это верно, но последнее время ему не везло. Ставки в автомобильных гонках - тоже бизнес, - напомнил им Пиаджи. Анджело остался далеко в прошлом, как и способ его похорон, который был, говоря по правде, несколько забавным, хотя Пиаджи до конца жизни больше не будет есть пирогов с начинкой из крабов.

- Ну ладно, вы знаете, где найти меня, - сказал Таккер.

- Ты получишь свои деньги, - как-то не к месту произнес Эдди. - В конце недели, в обычном месте. - Он сделал паузу. - Что, если спрос увеличится?

- Я справлюсь, - заверил его Таккер. - Я могу поставить столько товара, сколько потребуется.

- А что у тебя за канал? - спросил Эдди, стараясь узнать побольше.

- Анджело тоже интересовался этим, помнишь? Джентльмены, расскажи я вам об этом, и нужда во мне исчезнет, разве не так?

- Неужели ты не доверяешь нам? - улыбнулся Тони Пиаджи.

- Доверяю, разумеется, - тоже улыбнулся Таккер. - Я доверяю вам продавать товар и делиться деньгами со мной.

- Мне нравятся умные партнеры, - согласно кивнул Пиаджи. - Оставайся таким. Это принесет пользу всем нам. У тебя есть свой банкир?

- Еще нет. Я не задумывался над этим, - солгал Таккер.

- Тогда подумай о банкире. Генри. Мы можем помочь тебе открыть счет в банке за пределами США. Это будет надежный номерной счет, никакого риска и все такое. Можешь поручить проверить это человеку, которому доверяешь. Запомни, они могут проследить деньги, если ты проявишь неосторожность. Не трать слишком много. Мы потеряли из-за этого немало друзей.

- Я не люблю рисковать, Тони.

- Так лучше всего, - кивнул Пиаджи. - В этом деле нужно быть очень осторожным. Копы становятся умными.

- Недостаточно умными. - То же самое относилось и к его партнерам, если уж говорить об этом, но спешить пока нечего. Всему свой черед.

Глава 5

Обязательства

Пакет прибыл вместе с очень усталым от смены часовых поясов капитаном в штаб-квартиру разведывательной службы ВМФ в Сьютленде, штат Мэриленд. К специалистам по дешифровке аэрофотоснимков добавились эксперты из 1127-й группы ВВС по оперативной деятельности, квартировавшей в Форт-Бельюре. На всю процедуру потребовалось двадцать часов, однако кадры, полученные с "Охотника за буйволами", были исключительно четкими, и американец на земле сделал именно то, что должен был сделать: он поднял голову и посмотрел на пролетающий беспилотный самолет.

- Бедняга жестоко поплатился за это, - заметил специалист из ВМФ, обращаясь к своему коллеге из ВВС. За спиной американца - это было отчетливо видно на фотоснимке - солдат северовьетнамской армии стоял с поднятым автоматом, приклад которого был направлен в спину офицера. - Как бы мне хотелось встретиться с тобой в темном переулке, ублюдок.

- Ну, как ты считаешь? - Старший сержант ВВС положил рядом фотографию американского офицера, которую они использовали для опознания.

- Похож, держу пари. - Обоим дешифровальщикам казалось странным, что в их распоряжении находились такие тонкие папки с материалами для сравнения с этими фотографиями, но тот, кто попытался разгадать загадку, сделал это очень удачно. На снимках было одно и то же лицо. Специалисты не знали, что перед ними фотографии человека, которого уже считают мертвым.

Келли дал ей выспаться, довольный тем, что она смогла спать без помощи снотворного. Он встал, оделся, вышел на свежий воздух и дважды обежал остров - его окружность составляла примерно три четверти мили, - чтобы как следует вспотеть на спокойном утреннем воздухе. Сэм и Сара, тоже любившие вставать пораньше, натолкнулись на него, когда Келли остывал после пробежки на причале.

- Перемена в тебе тоже поразительна, - заметила Сара. Она помолчала. - Как вела себя Пэм вчера вечером?

От такого вопроса Келли вздрогнул и, озадаченно помолчав, спросил:

- Что?

- Господи, Сара... - Сэм отвернулся и с трудом удержался от смеха. Его жена покраснела, подобно восходящему солнцу.

- Она уговорила меня не давать ей снотворного прошлым вечером, - объяснила Сара. - Она немного нервничала, но ей хотелось попробовать, и я дала ей уговорить себя. Вот что я имела в виду, Джон. Извини.

Как объяснить, что произошло прошлой ночью? Сначала он боялся прикоснуться к ней, не хотел, чтобы у нее создалось впечатление, что он требует от нее что-то, и тогда Пэм истолковала это как признак того, что она больше не нравится ему, и затем..., все получилось естественно.

- Дело было в том, что у нее появилась идиотская мысль... - Келли заставил себя замолчать. Пэм поговорит об этом с Сарой, если захочет, но ему не следовало рассказывать о происшедшем. - Она спала хорошо, Сара. Вчера она очень устала.

- Я даже не подозревала, что у меня окажется такой решительный пациент. - Сара ткнула пальцем в грудь Келли.

- Вы очень помогли, молодой человек.

Келли отвернулся, не зная, что ответить. Разве я не испытал от этого наслаждение, подумал он. Часть его сознания все еще не расставалась с мыслью, что он пользуется слабостью девушки. Он наткнулся на психически больную и..., воспользовался этим? Нет, это не правда. Он любит ее, как это ни кажется невероятным. Его жизнь изменилась, стала чем-то похожей на нормальную..., может быть. Он помогал Пэм вернуться в реальную жизнь, но и она помогала ему, восстанавливала его веру в будущее.

- Она..., она обеспокоена тем, что, после того как я узнал о ее прошлом... Но мне действительно все это безразлично. Ты права, Сара, Пэм - сильная натура. Черт побери, у меня в прошлом тоже было немало проблем, понимаешь? Я далеко не святой, ребята.

- Пусть она сама тебе расскажет обо всем, - сказал Сэм. - Ей это нужно. Перед тем как начать разбираться со своим прошлым, нужно открыто рассказать о нем.

- Ты уверен, что это не изменит твою точку зрения? С ней могли происходить отвратительные вещи, - заметила Сара, глядя в глаза Келли.

- Отвратительнее войны? - Келли покачал головой и тут же сменил тему разговора. - Как поступать с..., лекарствами? Этот вопрос снял напряжение, и Сара заговорила снова:

- Пэм уже миновала самый трудный период. Если бы у нее возникли серьезные проблемы, связанные с лишением ее наркотиков, это уже случилось бы. У нее все еще могут возникнуть периоды волнения - в результате внешнего стресса, например. В этом случае ты дашь ей фенобарбитал, и я уже написала для тебя, как им пользоваться, но она хочет обойтись без него. У нее гораздо более сильный характер, чем кажется на первый взгляд. Ты достаточно умен, чтобы понять, что сейчас она переживает трудный период. Если ситуация ухудшится, заставь ее - заставь - принять одну таблетку.

Мысль о принуждении Пэм принять лекарство возмутила Келли.

- Послушайте, доктор, я не могу...

- Замолчи, Джон. Я не имею в виду, что тебе понадобится засовывать таблетку ей в горло. Если ты скажешь ей, что лекарство действительно необходимо, она послушается тебя, правда?

- Сколько времени может продлиться такой период?

- Еще неделю, может быть, десять дней, - ответила Сара после недолгого размышления.

- А потом?

- Потом вы можете подумать о будущем, которое проведете вместе - если захотите, - сказала Сара.

Сэм почувствовал себя неловко из-за интимной темы разговора.

- Нужно, чтобы она прошла полное медицинское обследование, Келли. Когда ты будешь в Балтиморе в следующий раз?

- Через пару недель, может быть, меньше. Почему ты спрашиваешь об этом?

- Я не смогла провести настоящий медицинский осмотр, - вмешалась Сара. - Пэм не была у врача длительное время, и я буду чувствовать себя лучше, если мы составим историю болезни, основываясь на полном медицинском обследовании. Кто мог бы сделать это, Сэм?

- Ты знакома с Мэдж Норт?

- Да, она справится с этим. - Сара задумалась. - Ты знаешь, Келли, было бы неплохо пройти медицинское обследование и тебе.

- Неужели я выгляжу больным? - Келли поднял руки над головой, демонстрируя свою великолепную мускулатуру.

- Не говори глупости, - огрызнулась Сара. - Когда она приедет в больницу, ты приедешь вместе с ней. Я хочу быть уверена, что вы оба совершенно здоровы, вот и все. Понятно?

- Понятно, мадам.

- И вот что еще. Выслушай меня внимательно, - продолжала Сара. - Ей нужно встретиться с психиатром.

- Зачем?

- Джон, жизнь совсем не похожа на кино. Люди не могут оставить позади все свои проблемы и отправиться в сторону солнечного заката в действительной жизни, понимаешь? Она перенесла сексуальное насилие. Ее мнение о себе в данный момент не слишком высокое. Люди в ее положении обвиняют себя в том, что стали жертвами. Соответствующая

терапия может помочь ей справиться с этим. То, что ты делаешь, - это очень важно, однако ей нужна и профессиональная помощь. Согласен?

- О'кей, - кивнул Келли.

- Отлично, - сказала Сара, глядя на него. - Мне нравится, что ты умеешь слушать.

- Вы думаете, у меня был выбор, мадам? - спросил Келли с угрюмой улыбкой.

- Это верно, выбора у тебя не было, - рассмеялась она. "

- Сара всегда такая настойчивая, - сказал Сэм, обращаясь к Келли. - Вообще-то ей следовало стать медсестрой.

Доктора должны вести себя более цивилизованно. Это медицинские сестры принуждают нас поступать так, как им хочется. - Сара шутливо пнула мужа.

- Тогда я постараюсь не встречаться с медицинской сестрой, - заметил Келли, ведя их с причала в бункер.

Пэм проспала больше десяти часов, причем без помощи снотворного, хотя проснулась с ужасной головной болью, которую Келли снял аспирином.

- Купи тилонола, - посоветовала Сара. - Не так плохо действует на желудок. - Она снова осмотрела и прослушала девушку, пока Сэм упаковывал их вещи. Наконец осмотр был закончен. - В общем, мне нравится твое состояние, Пэм, - сказала она. - Вот только тебе нужно прибавить фунтов пять, прежде чем я снова увижу тебя.

- Но...

- И Джон привезет тебя к нам, чтобы тебе провели полное медицинское обследование, - через две недели, скажем?

- Да, мадам, - снова сдался Келли.

- Но...

- Пэм, они накинудись на меня всей бандой. Мне тоже придется пройти осмотр, - ответил Келли поразительна смиренным голосом.

- Вы уже собираетесь уезжать? Так рано? , Сара кивнула.

- Вообще-то нам нужно было отправиться обратно еще вчера вечером, но, какого черта, - за ночь ничего не случится. - Она посмотрела на Келли. - Если ты не приедешь в больницу, как я сказала, я позволю тебе и буду кричать по телефону.

- Сара, перестань. Господи, ну до чего напористая баба!

- Больше слушай, что говорит Сэм!

Келли проводил ее на причал. Двигатели на яхте Сэма уже ворчали. Сара и Пэм обнялись. Келли попытался ограничиться рукопожатием, но был вынужден сдаться, и Сара поцеловала его тоже. Сэм спрыгнул на причал, чтобы пожать всем руки.

- Не забудь про новые карты! - напомнил хирургу Келли.

- Так точно, капитан.

- Я сниму швартовы.

Розену ужасно хотелось продемонстрировать им, чему он научился. Сэм дал задний ход, работая главным образом левым винтом, и развернул "Гаттерас" в пределах его длины. Было видно, что он не забывает преподаанные ему уроки. Через мгновение Сэм увеличил обороты обоих дизелей, и яхта пошла прямо от причала, направляясь к тому месту, где, как он знал, была большая глубина. Пэм стояла на причале, держа Келли за руку, пока яхта Сэма не превратилась в белую точку на горизонте.

- Я забыла поблагодарить ее, - наконец сказала Пэм.

- Нет, не забыла. Просто ты не сказала этого вслух, вот и все. Ну и как ты себя чувствуешь сегодня?

- Головная боль прошла. - Она посмотрела на него. Глаза ее были чистыми, шаги - энергичными и быстрыми. Келли захотелось поцеловать ее, что он и сделал. - Итак, чем мы сейчас займемся?

- Нам нужно поговорить, - сказала Пэм. - Самое время.

- Подожди здесь. - Келли прошел в мастерскую и принес оттуда два шезлонга, поставил и показал ей на один из них. - Устраивайся поудобнее и расскажи мне, какой ужасной ты была.

Памеле Стар Мадден через три недели должен был исполниться двадцать один год, узнал Келли, наконец услышав ее фамилию. Она родилась в рабочей семье в равнинной части северного Техаса. Выросла она под строгим надзором своего отца, моральные принципы которого были настолько строгими, что даже баптистский священник пришел бы в отчаяние. Доналд Мадден был человеком, понимающим форму религии, но не ее смысл, и был строг потому, что не знал, как любить, пил из-за неудовлетворенности жизнью - и не мог себе этого простить - и никак не мог примириться с этим. Когда его дети были в чем-то виноваты, он бил их, обычно ремнем или березовыми розгами, до тех пор пока его не охватывала жалость, что обычно происходило позже, чем наступала усталость. Памела никогда не была счастливым ребенком, но последней каплей для нее стал следующий день после ее шестнадцатилетия, когда она допоздна осталась на церковном концерте и затем отправилась вместе с друзьями на прогулку, полагая, что уж теперь она имеет на это право. Она осталась с одним парнем - это было что-то вроде ее первого свидания. Они даже не обменялись поцелуем - семья парня была почти такой же строгой, как и ее собственная. Но для Доналда Маддена все это не имело значения. Вернувшись в двадцать минут одиннадцатого вечером пятницы, Пэм вошла в дом, огни которого пылали яростью, и увидела лицо взбешенного отца и до смерти перепуганную мать.

- Слова, которые он мне говорил... - Пэм смотрела под ноги, на траву, рассказывая об этом. - Я не делала ничего

этого. Я даже не думала делать это, и Алберт был таким невинным..., но ведь такой же была и я - в то время.

Келли сжал ее руку.

- Ты не обязана рассказывать мне обо всем этом, Пэм. - Но она настояла, и Келли знал, что ей нужно поделиться с ним происшедшим, поэтому он продолжал слушать.

Выдержав худшую порку за шестнадцать лет своей жизни, Па-мела Мадден выскользнула через окно своей спальни на первом этаже и прошла пешком до центра унылого пыльного городка. Там она села на автобус фирмы "Трейхаунд" перед самым рассветом. Автобус направлялся в Хьюстон. Она села на этот автобус только потому, что он был первым, и ей не пришло в голову сойти где-нибудь до конечной станции в Хьюстоне. Насколько она помнила, ее родители так и не обратились в полицию с сообщением о ее исчезновении. Ряд дешевых работ, которые она выполняла, и комната еще хуже той, в которой она жила, просто сделали ее пребывание в Хьюстоне предельно несчастным, и через некоторое время Пэм решила отправиться куда-нибудь еще. У нее было немного накопленных денег, и она купила билет на другой междугородний автобус - на этот раз "Континентал трейлуэйз" - и приехала в Новый Орлеан. Испуганная, худая и юная, Пэм понятия не имела, что существуют мужчины, обманывающие молодых девушек, убежавших из дому. Едва ли не сразу ее заметил хорошо одетый и умеющий убедительно говорить двадцатипятилетний Пьер Ламарк, который предложил ей помощь и защиту, после того как покормил ее ужином и выразил сочувствие. Через три дня он стал ее первым любовником. А еще через неделю жестокая пощечина заставила шестнадцатилетнюю девушку лечь в постель с торговцем из Спрингфилда в Иллинойсе, которому Пэм напоминала его собственную дочь - причем до такой степени, что он нанял ее на весь вечер, заплатив Ламарку двести пятьдесят долларов. День спустя Пэм высыпала себе в горло все таблетки, что нашла в одной из коробок Ламарка, но это вызвало у нее всего лишь сильнейший приступ рвоты и жестокую порку за неповиновение.

Келли слушал ее рассказ с безмятежным отсутствием эмоций, с немигающим взглядом и ровным дыханием. Внутри его, однако, все так и бурлило. Девушки, с которыми он спал во Вьетнаме, маленькие, похожие на детей, и несколько проституток после смерти Тиш ему даже не приходило в голову, что этим молодым женщинам может не нравиться их жизнь и работа. Он даже никогда не задумывался об этом, воспринимая их притворную страсть как истинные человеческие чувства - ведь разве сам он не порядочный, не честный человек? Но он платил за услуги молодых женщин, чья общая история вряд ли чем-нибудь отличалась от рассказанной Пэм, и стыд горел внутри его подобно факелу.

К девятнадцати годам ей удалось убежать от Ламарка и трех других сутенеров, всякий раз попадая от одного к другому. Один, в Атланте, наслаждался тем, что порол своих девушек на глазах клиентов, обычно пользуясь электрическими проводами. Другой, в Чикаго, приобщил Пэм к героину, надеясь обрести надежный контроль над девушкой, которая казалась ему слишком независимой, но она ушла от него на следующий день, доказав его правоту. Она видела, как другая девушка умерла прямо на ее глазах от дозы чистого героина, и это напугало ее больше, чем угроза избиения. Не имея возможности вернуться домой - один раз она позвонила туда, и ее мать бросила трубку еще до того, как Пэм успела попросить о помощи, - и не доверяя общественным организациям, которые могли направить ее по иному пути, она оказалась наконец в Вашингтоне - опытная уличная проститутка, пристрастившаяся к наркотикам, помогавшим ей скрыть, что она думает о себе. Но недостаточно тщательно, и это, подумал Келли, оказалось, возможно, тем, что спасло ее. За это время у нее было два аборта, трижды она заболела венерическими болезнями и четыре раза арестовывалась, хотя ни разу ее дело не передавалось в суд. Пэм плакала, и Келли придвинулся поближе, чтобы сидеть рядом с ней.

- Теперь ты видишь, какая я на самом деле?

- Вижу, Пэм. Ты действительно очень мужественная девушка. - Он обнял ее за плечи. - Милая, все в порядке. Каждый может совершать ошибки. Требуется мужество, чтобы понять это и изменить свою жизнь, но особенно трудно найти в себе решимость рассказать об этом.

Последняя глава началась в Вашингтоне с неким Роско Флемингом. К этому моменту Пэм уже не могла отказаться от барбитуратов, но она была все еще свежей и выглядела хорошо, когда у кого-то находилось время заняться ее внешностью. Короче говоря, достаточно, чтобы получить хорошую цену от мужчины, которому нравятся молодые лица. И вот один такой мужчина придумал некую побочную работу. Этот мужчина по имени Генри хотел расширить сбыт наркотиков, а поскольку он был осторожным человеком, привыкшим к тому, чтобы другие выполняли его команды, то набрал группу девушек, доставлявших наркотики от его дилеров к потребителям. Девушек он покупал в других городах у зарекомендовавших себя сутенеров и всегда платил наличными, в чем каждая из купленных девушек уже заранее усматривала что-то зловещее. На этот раз Пэм попыталась бежать почти тут же, но была поймана и избита настолько жестоко, что у нее оказались сломаны три ребра. Позднее она узнала, что ей еще здорово повезло, потому что первый урок обычно оказывался и последним. Генри, кроме того, воспользовался случаем, чтобы заставить ее проглотить лошадиную дозу барбитуратов, что смягчило испытываемую ею боль, но в то же время увеличило зависимость от наркотиков. Он дополнил наказание тем, что разрешил любому из своих компаньонов - кто пожелает - воспользоваться ею. Сделав это, Генри сумел добиться того, чего не сумели сделать другие. Он наконец сломил ее дух.

В течение пяти месяцев избиения, сексуальное насилие и наркотики привели Пэм в состояние, близкое к кататонии, которое длилось до тех пор, пока четыре недели назад она не натолкнулась на тело двенадцатилетнего мальчика, лежащего в подъезде со шприцем, все еще торчащим из его руки. Сохраняя - внешне - полную покорность, Пэм постаралась уменьшить потребление наркотиков. Клиенты Генри не жаловались. Проявляя больше страсти, она доставляла им куда больше удовольствия, считали они, и их мужской эгоизм относил ее чувственность на счет их достоинств, а не на счет ее пробудившегося сознания. Девушка выжидала момент, когда Генри куда-нибудь уедет, потому что в его отсутствие остальные проявляли не такую строгую дисциплину. Всего пять дней назад она собрала свои скудные

пожитки и убежала. У нее не было денег - Генри никогда не разрешал им иметь деньги, - и она выехала из города на попутных автомобилях.

- Расскажи мне про Генри, - тихо произнес Келли, когда Пэм закончила свой рассказ.

- Лет тридцать, чернокожий, примерно твоего роста.

- Удалось кому-нибудь из девушек убежать? Голос Пэм был холодным как лед:

- Я знаю только об одной, которая попробовала. Это было где-то в ноябре. Он..., убил ее. Он решил, что она обратится в полицию и... - она посмотрела на него, - он заставил всех нас наблюдать за этим. Это было ужасно.

- Тогда почему ты отважилась убежать, Пэм? - тихо спросил Келли.

- Я была готова лучше умереть, чем заниматься этим снова, - прошептала она, и теперь мысль оказалась выраженной вслух. - Мне хотелось умереть. Этот маленький мальчик. Ты понимаешь, что происходит? Ты просто останавливаешься. Все останавливается. А я помогала. Я помогла убить его.

- Как тебе удалось убежать?

- Накануне ночью..., я..., дала каждому из них..., чтобы понравиться им..., чтобы они не так пристально следили за мной. Теперь ты понимаешь?

- Ты поступила так, чтобы легче было убежать, - кивнул Келли. От него потребовалось громадное напряжение воли, чтобы сохранить спокойствие. - Слава Богу.

- Я ни в чем не винила бы тебя, если бы ты отвез меня обратно и пустил на все четыре стороны. Может быть, папа был прав, говоря все такое про меня.

- Пэм, ты помнишь то время, когда ходила в церковь?

- Да.

- А ты помнишь, чем кончается исповедь? "Иди и больше не грши"? Ты думаешь, я не делал в жизни ничего плохого? Мне никогда не было стыдно? Не было страшно? Не ты одна, Пэм. Да представляешь ли ты, сколько от тебя потребовалось мужества, чтобы рассказать мне все это?

Ее голос сейчас был лишен всяких эмоций:

- Ты имеешь право знать обо мне все.

- Теперь я знаю, и это ничего не меняет. - Он помолчал. - Впрочем, нет, меняет. Ты даже смелее, чем я думал вначале, милая.

- Ты уверен? А что будет потом?

- Единственное "потом", которое беспокоит меня, - это если эти люди узнают, где ты сейчас, - сказал Келли.

- Если они когда-нибудь найдут меня... - В ее голосе снова появились эмоции. Страх. - Каждый раз, когда мы будем приезжать в город, они могут увидеть меня.

- Мы будем осторожны, - сказал Келли.

- Я никогда не буду в безопасности. Никогда.

- Видишь ли, существует два способа решить эту проблему. Ты можешь продолжать скрываться. Или помоги мне посадить их. Пэм выразительно покачала головой:

- Они убили девушку, потому что знали, что она идет в полицию. Вот почему я не могу верить копам. К тому же ты не представляешь, какие они страшные.

Сара была права относительно чего-то еще, увидел Келли. Пэм надела купальный лифчик, и солнечные лучи выразительно подчеркнули рубцы на ее спине. Это были полосы, на которые не ложится солнечный загар. Эхо кровавых рубцов, нанесенных другими ради своего удовольствия. Все это началось с Пьера Ламарка или, точнее, с Доналда Маддена - маленьких трусливых людишек, решавших свои отношения с женщинами с помощью силы.

И это мужчины? - спросил себя Келли.

Нет.

Келли сказал Пэм, чтобы она оставалась на месте, и направился в машинное отделение бункера. Он вернулся с восемью пустыми пивными банками, которые поставил на землю футах в тридцати от шезлонгов.

- Заткни уши пальцами, - сказал он ей.

- Зачем?

- Пожалуйста, - попросил он. Когда она сунула пальцы в уши, правая рука Келли стремительно метнулась к поясу, и из-под рубашки появился кольт 45-го калибра. Он прицелился в банки, держа пистолет двумя руками и ведя дуло слева направо. Одна за другой - с промежутком, может быть, в полсекунды - банки падали или взлетали на пару футов вместе с грохотом выстрела. Еще до того, как последняя банка упала на землю после своего короткого полета, Келли извлек из пистолета пустой магазин, вставил новый, и семь банок опять покатались по земле или взлетели в воздух. Он проверил, что оружие не заряжено, спустил курок и сунул пистолет за пояс под рубашку, прежде чем сесть рядом с Пэм.

- Совсем нетрудно напугать молодую девушку, у которой нет друзей. Гораздо труднее напугать меня, Пэм. Если кому-то захочется напугать тебя, сначала ему придется поговорить со мной.

Она посмотрела на банки, потом на Келли, который был доволен собой и меткой стрельбой. Демонстрация стрельбы из колта пошла на пользу, освободив его от накопившегося напряжения, за эти несколько секунд он увидел за каждой банкой лицо. Однако он заметил, что все еще не сумел убедить ее. Ничего, на это потребуется немного времени.

- Как бы то ни было, - он снова сел рядом с девушкой, - ты рассказала мне свою историю, верно?

- Да.

- Ты думаешь, что для меня это все еще имеет какое-то значение?

- Нет. Ты сказал, что не имеет. Я верю тебе.

- Пэм, не все мужчины в мире похожи на тех, с кем ты встретила. Скорее, таких не так уж много. Тебе просто

не повезло, вот и все. Ты - хорошая девушка, тебе не в чем винить себя. Некоторые люди попадают в катастрофы или заболевают. Во Вьетнаме я видел, как люди гибнут из-за простого невезения. Так едва не случилось со мной. И это совсем не значит, что эти люди в чем-то виноваты. Просто им не повезло. Они оказались не в том месте, где им следовало оказаться. Они повернули налево, вместо того чтобы повернуть направо, посмотрели не в ту сторону. Сара хочет, чтобы ты встретила с несколькими врачами и поговорила с ними. Я считаю, что она права. Мы сделаем все, чтобы с тобой все было в порядке.

- А потом? - спросила Пэм Мадден. Келли глубоко вздохнул, но останавливаться теперь было уже поздно.

- Ты..., ты останешься со мной, Пэм? Она посмотрела на него, словно ее ударили по лицу. Келли был поражен ее реакцией.

- Ты не должен, ты делаешь это только потому... Келли встал и поднял ее на руки.

- Послушай меня, ладно? Ты была больна. Теперь ты выздоравливаешь. Ты выдержала все, что мог швырнуть в тебя этот проклятый мир, и не отступила. Я верю в тебя! Тебе понадобится время. На все нужно время. Но в конце концов ты будешь очень хорошим человеком. - Он поставил ее на землю и отошел назад. Келли дрожал от ярости - не только из-за того, что произошло с ней, но от ярости на самого себя, потому что начал навязывать ей свои условия. - Извини. Мне не следовало поступать так, Пэм. Прошу тебя..., поверь в свои силы, в себя. Хотя бы немного.

- Это так трудно. Я делала такие ужасные вещи. Сара была права. Пэм действительно нуждается в профессиональной помощи. Он не мог простить себе того, что не знал, что сказать ей.

Следующие несколько дней прошли удивительно спокойно. Какими бы ни были ее остальные качества, стряпать Пэм не умела совершенно, и этот недостаток заставил ее даже всплакнуть пару раз от отчаяния, однако Келли заставлял себя проглотить все, что она готовила, с улыбкой и похвалой. Но она быстро училась, и к пятнице приготовленный ею гамбургер уже отличался просто от куска горелого мяса. И все это время Келли был рядом с ней, подбадривал ее, пытался изо всех сил не подавлять ее силой своего характера, и большей частью это у него получалось. Спокойное слово, нежное прикосновение и ласковая улыбка были его инструментами. Скоро девушка последовала его примеру и начала вставать еще до рассвета. Он убедил ее заниматься физическими упражнениями. Это оказалось совсем непросто. Несмотря на то что Пэм была здоровой девушкой, вот уже много лет ей не приходилось пробегать больше половины квартала, поэтому Келли начал с того, что убедил ее ходить вокруг острова, начиная с двух кругов, и к концу недели она проходила пять. Она проводила много времени на солнце и, поскольку у нее было мало одежды, чаще всего загорала в трусиках и бюстгальтере. Пэм начала уделять больше внимания своей внешности и, казалось, позабыла о тонких бледных рубцах на спине, при виде которых у Келли от ярости закипала кровь. Теперь она принимала душ и мыла голову по крайней мере раз в день, расчесывая затем свои волосы в шелковистую гриву, и Келли всякий раз находил предлог, чтобы восхититься ими. Девушка ни разу, казалось, не замечала фенобарбитала, оставленного Сарой. Возможно, пару раз ей пришлось бороться с искушением, но благодаря физическим упражнениям она сумела восстановить нормальный режим сна и бодрствования. В ее улыбке было теперь больше уверенности, и Келли отметил, что она посматривает в зеркало с выражением, в котором не было боли.

- Хорошо выглядишь, правда? - спросил он Пэм вечером субботы, после душа.

- Пожалуй, - согласилась она.

Келли взял гребень с раковины умывальника и принялся расчесывать ее влажные волосы.

- Солнце совсем выбелило их у тебя, - заметил он.

- Понадобилось немало времени, чтобы вымыть из них всю грязь, - ответила она, наслаждаясь его мягкими прикосновениями.

Келли старался расчесать спутавшиеся волосы, опасаясь причинить ей боль.

- Но в конце концов вся грязь исчезла, правда, Пэмми?

- Да, вроде бы исчезла, - ответила она, глядя на свое отражение в зеркале.

- Тебе трудно было сказать это, верно, милая?

- Очень трудно. - На ее лице появилась настоящая улыбка, полная тепла и уверенности.

Келли положил гребень и поцеловал ее в шею, наблюдая за тем, как она следит за этим в зеркале, затем снова взял гребень и продолжил работу. Такие действия, может, не слишком подходили для мужчины, но ему нравилось заниматься ею.

- Ну вот и все, расчесаны, никаких колтунов.

- Придется купить фен.

- Мне никогда не приходила в голову эта мысль, - пожал плечами Келли.

Пэм повернулась и взяла его за руки.

- Придет, если ты захочешь этого. Он молчал секунд десять, и, когда снова заговорил, слова звучали как-то по-другому, потому что теперь в них был страх:

- Ты уверена?

- А ты все еще хочешь...

- Да! - Было трудно поднять ее - мокроволосую, все еще обнаженную и влажную после душа, но в такой момент мужчина должен держать свою женщину именно так. Ее тело уже менялось.

Ребра были не так заметны. Пэм прибавляла в весе, питаясь здоровой, нормальной пищей. Но больше всего она изменилась внутренне. Келли с изумлением наблюдал за чудом, происходящим у него на глазах, боялся верить, что сам

является частью этого чуда, гордый тем, что помог ей снова встать на ноги. Через мгновение он опустил ее, наслаждаясь весельем в ее глазах.

- У меня тоже не все гладко, - предупредил ее Келли, не отдавая себе отчета в том, как он смотрит на Пэм.

- Я видела почти все, - заверила его девушка. Ее руки начали гладить его грудь, загорелую и покрытую густыми темными волосами, всю в шрамах от боевых операций, происходивших очень далеко отсюда. Ее шрамы были внутри, но и у него были шрамы, спрятанные от посторонних глаз, и вместе они излечат друг друга. Пэм была уверена в этом. Она смотрела теперь в будущее не как в темное место, куда можно убежать и спрятаться. Это было теперь место надежды.

Глава 6

Засада

Все остальное было куда проще. Они сходили на яхте в Соломоне, где Пэм сумела купить несколько простых вещей. В дамском салоне ей подстригли волосы. К концу второй недели, проведенной на острове с Келли, она начала бегать трусцой и еще прибавила в весе. Теперь она могла уже носить купальный костюм, не слишком обнажая свою грудь. Ее ножные мышцы быстро крепились; то, что раньше было вялым и слабым, стало тугим, как и полагалось для девушки ее возраста. Правда, она все еще не сумела полностью избавиться от преследующих ее демонов. Дважды Келли просыпался, чувствуя, как она дрожит, все покрытая холодным потом, и бормочет звуки, никогда не переходившие в слова, но и без того понятные. Оба раза его прикосновения успокаивали ее, но не его. Скоро он начал учить Пэм управлять "Спрингером", и хотя у нее были недостатки в образовании, они компенсировались природными способностями. Она быстро схватывала то, чего многие яхтсмены так и не сумели понять. Он даже плавал вместе с ней, несколько удивленный тем, что она научилась плавать, живя в центре Техаса.

Но главным образом он любил ее - ее внешность, голос, запах и больше всего прикосновения. Келли обнаружил, что чувствует себя обеспокоенным, если не видит ее каждые несколько минут, словно она могла каким-то образом исчезнуть. Но она всегда была рядом и, замечая его взгляд, шаловливо улыбалась ему. Почти всегда. Но время от времени он замечал у нее на лице иное выражение, когда она позволяла себе снова заглянуть в темноту своего прошлого или вперед, в возможное будущее, отличающееся от того, которое он планировал. В такие моменты ему хотелось заглянуть в ее сознание и убрать оттуда страшные воспоминания, зная, что ему придется положиться на других, способных сделать это. В такие моменты он находил повод подойти к ней и провести пальцами по ее плечу, просто так, стараясь убедиться, что она не забыла о его присутствии.

Через десять дней после отъезда Сэма и Сары у них была маленькая торжественная церемония. Он позволил ей вывести яхту в залив, там привязал буйлочку с фенобарбиталом к большому камню и бросил его за борт. Всплеск казался надлежащим и окончательным завершением одной из ее проблем. Келли стоял позади Пэм, обнимая ее своими сильными руками за талию, и наблюдал за яхтами, бороздящими залив, глядя в будущее, обещавшее им так много.

- Ты был прав, - сказала она, поглаживая его руки.

- Иногда такое случается, - заметил Келли с легкой улыбкой и был тут же потрясен ее следующим заявлением:

- Там остались другие, Джон, другие женщины, которыми владеет Генри..., вроде Хелен, той, что он убил.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Я должна вернуться. Нужно помочь им до того, как Генри..., до того, как он убьет еще кого-то.

- Но это опасно, Пэмми, - медленно произнес Келли.

- Я знаю..., но как быть с ними?

Это было симптомом ее выздоровления, Келли знал это. Она снова стала нормальным человеком, а нормальные люди беспокоятся о других.

- Ведь я не могу вечно скрываться, правда? - Келли чувствовал ее страх, но слова Пэм словно опровергали его, и он прижал ее к себе чуть теснее.

- Нет, не можешь, это верно. В этом и заключается проблема. Слишком трудно все время прятаться.

- Ты уверен, что можешь положиться на своего друга в полиции? - спросила она.

- Да, он знает меня. Он был лейтенантом, и я провел для него одну операцию. Был выброшен револьвер, и я помог ему найти его. Так что теперь он должен помочь мне. К тому же мне пришлось помочь полиции в подготовке их легких водолазов, и у меня появились друзья среди полицейских. - Келли задумался. - Но тебе необязательно заниматься этим, Пэм. Если ты хочешь покончить с этой частью своей жизни, я не буду возражать. Мне совсем не обязательно вообще бывать в Балтиморе, разве что для медицинского обследования.

- Все те мучения, которые они причинили мне, они причиняют теперь другим. Если я не сделаю что-то, чтобы помочь, то это никогда не кончится, верно?

Келли вспомнил собственных демонов. От некоторых вещей просто нельзя уйти. Он знал это, потому что пробовал сделать это. Случившееся с Пэм было в некотором смысле хуже, чем то, что произошло с ним, и если их отношениям суждено продолжаться, придется найти место упокоения для этих демонов.

- Лейтенант Аллен, - произнес мужчина в трубку. Он сидел в полицейском участке в западном районе города. Кондиционер сегодня что-то барахлил, да и стол был завален бумагами, которые он еще не прочитал.

- Фрэнк? Это Джон Келли, - услышал детектив, и на лице его появилась улыбка.

- Как там жизнь посреди залива, приятель? - спросил он. - Хотелось бы мне сейчас оказаться там.

- Спокойно и, тихо. А у тебя? - произнес голос.

- Мне хотелось бы... - Аллен откинулся на спинку вращающегося кресла. Крупный мужчина, он, подобно

большинству копов своего поколения, был ветераном второй мировой войны - артиллерист в корпусе морской пехоты - и поднялся по служебной лестнице от постового на Ист-Моньюмент-стрит до начальника отдела, занимающегося убийствами. Несмотря на все особенности этой работы, она была не такой напряженной, как часто думали, даже притом, что несла в себе нагрузку, связанную с безвременным завершением человеческой жизни. Аллен сразу заметил, как изменился голос Келли. - Тебе нужна помощь?

- Я, э-э, встретил кое-кого, кто изъявил желание поговорить с тобой.

- Вот как? - спросил полицейский, копаясь в нагрудном кармане рубашки в поисках сигарет и спичек.

- Это бизнес, Фрэнк. У этого человека имеется информация относительно убийства.

Глаза копа сузились и, мозг включился на полную силу.

- Где и когда?

- Я еще не знаю и не хочу обсуждать по телефону.

- Насколько это серьезно?

- Это пока останется между нами? Аллен кивнул, глядя в окно.

- Да, говори.

- Люди, занимающиеся наркотиками.

Что-то щелкнуло в голове Аллена. Келли сказал, что его информация получена от "кое-кого", а не от мужчины.

Это означает, что он получил ее от женщины, решил Аллен. Келли был умным и находчивым, но не слишком опытным в такой работе. До Аллена доходили неясные слухи о банде наркodelьцов, использующих женщин для чего-то, но не больше того. Он не занимался этим делом. Его поручили Эммету Райану и Тому Дугласу из центрального управления, и Аллен даже не должен был знать об этом.

- Сейчас в городе действуют по крайней мере три банды, занимающиеся распространением наркотиков. И все, кто вовлечен в их деятельность, не слишком приятные люди, - бесстрастно произнес Аллен. - Расскажи мне что-нибудь еще.

- Мой друг не хочет быть лично замешанным в это дело. Просто намерен передать тебе некоторые сведения, Фрэнк, вот и все.

Если сведения соответствуют правде, мы имеем дело со страшными людьми.

Аллен задумался. Он никогда не интересовался прошлым Келли, но все-таки знал о нем немало. Келли был квалифицированным ныряльщиком, он знал это, боцманом, воевавшим на малых судах в дельте Меконга, поддерживавших 9-ю пехотную дивизию; ныряльщик, но очень опытный, очень осторожный ныряльщик, рекомендованный для работы с полицией высокопоставленными людьми в Пентагоне. Келли очень успешно подготовил полицейских ныряльщиков и, между прочим, получил за работу чек на крупную сумму, напомнил себе Аллен. Значит, "кое-кто" - женщина. Келли никогда не будет надежно охранять мужчину. Мужчины просто не думают так о других мужчинах. По крайней мере предложение Келли казалось очень интересным.

- Ты говоришь правду, дружище? - был вынужден спросить Аллен.

- Никогда не делаю ничего иного, - заверил его Келли. - Только запомни мои условия: сведения, которые ты получишь, исключительно для целей информации и встреча должна состояться в тихом, безопасном месте. Согласен?

- Знаешь, Келли, любому другому я бы сказал, что встреча должна состояться прямо здесь, у меня, но тебе я пойду навстречу. В конце концов, это благодаря тебе мне удалось довести до успешного завершения дело Гудинга. Ты знаешь, мы ведь взяли его. Приговор суда: пожизненное заключение плюс тридцать лет тюрьмы. Ради этого я готов сделать то, что ты просишь. Доволен?

- Спасибо. Ты когда работаешь?

- Эту неделю до позднего вечера. - Сейчас было чуть больше четырех дня, и Аллен только заступил на дежурство.

Он не знал, что Келли уже звонил сегодня трижды, не называя своего имени. - Я кончаю смену примерно в полночь, час ночи. Примерно так. Это зависит от того, какая ночь выдастся, - объяснил он. - Иногда я бываю занят больше, чем в другое время.

- Тогда завтра, вечером. Я подъеду ко входу в участок. А потом можно и поужинать.

Аллен нахмурился. Все это походило на фильм про Джеймса Бонда, секретного агента, и прочую чепуху. Но он знал, что Келли - серьезный человек, даже если мало разбирается в полицейской работе.

- Хорошо, увидимся завтра.

- Спасибо, Фрэнк. До свидания. - Связь прервалась, и Аллен вернулся к работе, сделав пометку на календаре.

- Боишься? - спросил он.

- Немного, - призналась Пэм. Келли улыбнулся.

- Тогда все в порядке. Но ты слышала, что я сказал. Он ничего о тебе не знает. Ты всегда можешь отступить - если захочешь. Я буду все время вооружен. И это всего лишь разговор. Ты можешь принять в нем участие, а можешь прервать. Мы сделаем все за один день - точнее, за одну ночь. Кроме того, я все время буду рядом с тобой.

- Каждую минуту?

- За исключением того времени, которое ты захочешь провести в дамском туалете, милая. Там тебе придется самой о себе позаботиться.

Пэм улыбнулась и успокоилась.

- Я должна заняться ужином, - сказала она, направляясь в кухню.

Келли вышел наружу. Рассудок требовал больше времени уделить подготовке к стрельбе, но он уже занимался этим. Келли вошел в бункер, где размещалась мастерская, и снял кольт с полки. Сначала он нажал на кнопку и надавил на боевую пружину. Затем повернул втулку. В результате пружина распрямилась. Келли разобрал затвор, снял ствол, и теперь пистолет был разобран, как полагается в полевых условиях. Он поднял ствол и посмотрел в него на свет. Как и ожидал, ствол был грязным от стрельбы. Келли почистил каждую поверхность, пользуясь чистыми тряпками, щелочным растворителем "Хоппе" и зубной щеткой до тех пор, пока на металле не осталось и малейших следов грязи. Затем он нанес на пистолет тонкий слой масла. Не слишком много, чтобы не пристали грязь и пыль, что, в свою очередь, может привести к заклиниванию механизма в решающий момент. Закончив чистку, Келли собрал пистолет быстрыми и сноровистыми движениями - он мог сделать это с закрытыми глазами. Приятно чувствовать привычную тяжесть колта в руке - он несколько раз оттянул назад затвор, чтобы убедиться, что пистолет собран должным образом. Наконец, визуальный осмотр подтвердил это.

Келли достал из выдвигаемого ящика стола два заряженных магазина и один лишний патрон. Он вогнал заряженный магазин в рукоятку, передернул затвор, и первый патрон оказался в патроннике. Затем он осторожно опустил взведенный курок и задвинул еще один патрон, до этого казавшийся лишним, в магазин, который вынул из рукоятки. Теперь этот магазин был тоже полностью заряжен, и Келли вернул его на место. Таким образом, в его распоряжении оказался пистолет с восьмью патронами и запасной магазин с семью - всего пятнадцать патронов. Этого было бы недостаточно для прогулки по джунглям Вьетнама, но, по мнению Келли, вполне хватит, чтобы встретить опасность в темных переулках города. Он не сомневался, что попадет в человеческую голову из пистолета при любых условиях - будь то день или ночь - первым же выстрелом с расстояния в десять ярдов. Он никогда не дрожал под огнем, и ему приходилось убивать людей. Какие бы опасности ни угрожали им в городе, Келли был готов к ним. К тому же он не собирался сражаться с подразделениями Вьетконга. Келли ехал в город ночью, а ночь была его другом. На улицах будет меньше людей, о которых следует беспокоиться, стреляя в городских условиях, и если противник не знал, что он в городе, - а им это не будет известно - ему не придется думать о засаде. Надо всего лишь быть начеку, а это стало для Келли привычкой.

На ужин Пэм приготовила курицу, которую научилась жарить совсем неплохо. Келли едва не достал к курятине бутылку вина, но вовремя передумал. Зачем искушать Пэм алкоголем? Может быть, он и сам бросит пить. Невелика потеря, а принесенная им жертва только подтвердит его веру в нее. Их разговор за столом не касался серьезных вопросов. Келли уже выкинул из головы мысли об опасностях. Нет смысла думать о них. Слишком живое воображение только затрудняет осуществление предстоящей задачи, а отнюдь не облегчает ее.

- Ты действительно думаешь, что нам понадобятся новые занавески? - спросил он.

- Рисунок тех, что висят у тебя, не гармонирует с мебелью.

- На яхте? - фыркнул Келли.

- На ней как-то мрачновато, понимаешь?

- Мрачновато, - заметил он, убирая со стола. - Послушать тебя, так все мужчины одинаковы... - Келли замолчал.

Первый раз он не сумел удержаться и допустил ошибку. - Извини..., На ее лице появилась шаловливая улыбка.

- А что, в некотором отношении так оно и есть. И перестань так нервничать, когда разговариваешь со мной о разных вещах, ладно?

Келли почувствовал себя лучше.

- Хорошо. - Он притянул ее к себе. - Ну, если ты так считаешь..., тогда...

- М-м-м... - Она улыбнулась, отвечая на его поцелуй. Руки Келли пробежали по ее спине, и он заметил, что под хлопчатобумажной блузкой у нее нет бюстгалтера. Она хихикнула. - Я все ждала, когда же ты наконец заметишь.

- Мне мешал свет свечей, - объяснил он.

- Свечи вполне гармонировали с ужином, но вот только запах... - Она была права. Вентиляция в бункере оставляла желать лучшего. Этим тоже надо заняться. Перед Келли открывалось очень занятное будущее. Он передвинул руки на более интересное место ее тела.

- Ты считаешь, я прибавила достаточно?

- Это мое воображение или...?

- Ну, может быть, совсем немного, - призналась Пэм, удерживая его руки на том же месте.

- Нужно купить тебе новую одежду, - сказал он, глядя на ее лицо, светившееся уверенностью, которой не было раньше. Он поставил ее к штурвалу, и яхта шла по курсу, проложенному по компасу, мимо маяка Шарпс-Айленд-Лайт, далеко к востоку от судоходного канала, который был сегодня полон судов.

- Отличная мысль, - согласилась Пэм. - Но я не знаю, где находятся хорошие магазины. - Она взглянула на компас, проверяя курс, как заправский рулевой.

- Их нетрудно найти. Стоит только взглянуть на площадку для стоянки автомобилей.

- Что ты имеешь в виду?

- Линкольны и кадиллаки, милая. Это всегда означает, что в магазине продается хорошая одежда, - заметил Келли. - Никогда не ошибешься.

Она засмеялась, к чему он и стремился. Келли не мог прийти в себя от изумления, как хорошо она контролирует себя, хотя оставалось сделать еще очень много.

- Где мы будем сегодня ночевать?

- На борту яхты, - ответил Келли. - Здесь мы в безопасности. - Пэм молча кивнула, но он все-таки решил объяснить:

- Сейчас ты выглядишь по-другому, и они тебя не узнают. Они незнакомы ни с моей яхтой, ни с моим автомобилем. Фрэнк Аллеи не знает твоего имени и даже того, что ты - женщина. Этого требует безопасность операции. Мы будем наверняка в безопасности.

- Не сомневаюсь, что ты прав. - Пэм улыбнулась ему. Уверенность на ее лице согрела его кровь и увеличила уже немалое самомнение.

- Сегодня вечером, наверно, пойдет дождь, - заметил Келли, указывая на отдаленные тучи. - Это тоже хорошо. Уменьшает видимость. Мы старались проводить операции во время дождя. Люди не так бдительны, когда промокают.

- Ты действительно неплохо разбираешься в таких вещах? Мужественная улыбка:

- Я учился в по-настоящему жестокой школе, милая. Через три часа они вошли в гавань. Келли подчеркнуто продемонстрировал свою бдительность, окинув взглядом площадку для стоянки автомобилей и убедившись, что его "скаут" стоит на прежнем месте. Он послал ее вниз, пока швартовался у причала и подгонял машину к яхте. Пэм точно следовала его указаниям и прошла прямо от яхты к "скауту", не глядя по сторонам, и он сразу выехал из порта. Было еще рано, и потому они тут же покинули город, отыскав пригородный торговый центр в Тимониуме, где Пэм в течение двух - Келли они показались бесконечными - часов выбрала три хороших платья, за которые он заплатил наличными. Пэм тут же переделась в скромную юбку и блузку, которые понравились Келли больше всего. Ее одежда вполне гармонировала с его пиджаком, под которым у него не было галстука. Впервые Келли оделся в соответствии со своими финансовыми возможностями, чем остался доволен.

Они поужинали здесь же, в хорошем ресторане, в темной угловой кабине. Келли не хотел говорить ей об этом, но у него была потребность в приличной пище, и хотя Пэм справилась с жарением курицы, ей нужно было еще многому учиться.

- Ты отлично выглядишь - спокойная и безмятежная, - сказал он, поднося ко рту чашку кофе.

- Я никогда не думала, что буду так себя чувствовать. Ведь не прошло еще и трех недель?

- Совершенно верно. - Келли поставил чашку на стол. - Завтра мы увидимся с Сарой и ее друзьями. Через пару месяцев все будет совсем иным, Пэм. - Он взял ее левую руку, надеясь, что когда-нибудь на ее безымянном пальце будет золотое кольцо.

- Теперь я верю в это. Честное слово, верю.

- Отлично.

- А что мы будем делать дальше? - спросила она. Ужин закончился, и оставалось еще несколько часов до их тайной встречи с лейтенантом Алленом.

- Может быть, просто поедим по городу? - предложил Келли. Он оставил деньги на столе и повел свою спутницу к машине.

Уже стемнело. Солнце почти закатилось, и пошел дождь. Келли поехал на юг по Йорк-роуд к городу, сытый и довольный, чувствуя себя уверенным и готовым к ночной работе. Въехав в Таусон, он увидел недавно заброшенные трамвайные пути, говорившие о том, что он близок к городу и возможным опасностям. Мгновенно его бдительность обострилась. Взгляд перебежал то влево, то вправо, осматривая улицы и тротуары, и каждые пять секунд останавливался на зеркале заднего обзора. Сев в машину, он сунул свой кольт в обычное место - кобуру под передним сиденьем, откуда он мог достать пистолет быстрее, чем из кобуры на поясе. К тому же так было гораздо удобнее.

- Пэм? - спросил он, не сводя взгляда с транспорта и убедившись, что все дверцы заперты - мера безопасности, казавшаяся чрезмерно параноидальной, в то время когда он сам был настроен.

- Да?

- Насколько ты мне доверяешь?

- Я доверяю тебе, Джон.

- Где было твое место - работы, я имею в виду?

- Что ты хочешь сказать?

- Я хочу сказать, что сейчас темно, идет дождь, и мне хотелось бы посмотреть на то, что здесь происходит. - Даже не глядя на Пэм, он почувствовал, как напряглось ее тело. - Послушай, я буду осторожен. Если ты увидишь что-нибудь беспокоящее тебя, я умчусь с такой быстротой, что ты просто не поверишь.

- Я боюсь этого, - тут же заявила Пэм, но в следующее мгновение взяла себя в руки. Она уверена в своем мужчине, верно? Он сделал для нее так много. Он спас ее. Она должна доверять ему - нет, он должен знать, что она ему доверяет. Она должна показать ему это. И потому она спросила:

- Ты обещаешь, что будешь осторожным?

- Положись на меня, Пэм, - заверил он ее. - Стоит тебе заметить что-то беспокоящее тебя, и мы уезжаем.

- Тогда хорошо.

Просто поразительно, подумал Келли пятьдесят минут спустя. Здесь происходят события, которых раньше он никогда не замечал. Сколько раз он проезжал через этот район города и никогда не останавливался, никогда не обращал внимания. А ведь на протяжении многих лет его жизнь зависела от того, что он замечал все, каждую погнутую ветку, каждый внезапный крик птицы, каждый след в глине. Но он проезжал через этот район сотни раз и никогда не замечал происходящего здесь, потому что это были совсем другие джунгли, наполненные другими зверями. Часть его существа просто пожала плечами и сказала: "Ну и что? Ты ожидал что-то другое?" Другая часть заметила, что здесь всегда присутствовала опасность, но он не сумел заметить ее, однако предостережение не было достаточно громким и ясным.

Окружающее было идеальным. Темная ночь под облачным безлунным небом. Единственное освещение исходило

от редких уличных фонарей, создававших одинокие круги света на тротуарах, одновременно покинутых и кипящих активностью. Надвигался и уходил ливень, иногда сильный, но в основном дождь был умеренным, хотя и достаточным для того, чтобы ходить, опустив голову, и ограничивать видимость, а также мешать естественному человеческому любопытству. Это вполне устраивало Келли, поскольку он ездил вокруг “кварталов, замечая перемены в какой-то точке только после того, как проезжал мимо нее второй или третий раз. Он обратил внимание, что даже не все уличные фонари горели. Было ли это ленивой небрежностью городских рабочих или материально-технической заботой местных “бизнесменов”? Может быть, подумал Келли, и тем и другим понемногу. Парни, меняющие перегоревшие лампочки, вряд ли много зарабатывают, и бумажка в двадцать долларов может убедить их исполнять свои обязанности чуть медленней или, быть может, не вкручивать лампочку до конца. Как бы то ни было, это создавало особое настроение. Улицы были темными, а темнота всегда являлась преданным другом Келли.

Кварталы были такими..., печальными, подумал он. Убогие витрины того, что было когда-то продовольственными магазинами, где торговали папа и мама, сейчас наверняка разоренные супермаркетами, которые сами были разрушены во время уличных беспорядков 68-го года, открывали пока еще никем не заполненную нишу в экономической структуре района. Потрескавшийся бетон тротуаров был усеян самыми разными отбросами. Живет ли здесь кто-нибудь? Если да, то кто они? Чем они занимаются? О чем мечтают? Уж конечно, не все они преступники. Прячутся по ночам? И если прячутся по ночам, что делают при дневном свете? Келли узнал в Азии: дайте врагу часть суток, и он закрепит ее за собой и затем расширит, поскольку в сутках двадцать четыре часа и враг захочет завладеть всем этим временем, чтобы использовать его для своей деятельности. Нет, противнику нельзя давать ничего, ни времени, ни места, ничего, что он мог бы использовать себе на пользу. Вот так и проигрывают войну, а здесь ведется война, и победу одерживают не силы добра. Это потрясло его. Келли уже видел войну, которая, как он знал, будет проиграна.

Группа дилеров была весьма разношерстной, заметил Келли, проезжая мимо района, где они сбывали свои товары. Поведение этих людей убедило Келли в их уверенности. В этот час улицы принадлежали им. Между отдельными представителями может быть соперничество, может вестись жестокий отбор - как по Дарвину, - который решал, кому какой сегмент какого тротуара принадлежал, чьи территориальные права перед тем или этим разбитым окном, но, как это происходит со всем подобным соперничеством, и здесь скоро достигалась стабильность, и бизнес продолжался, потому что, в конце концов, именно он и является целью соперничества.

Он свернул в новую улицу. “Новую” - какая ирония! Нет, эти улицы были старыми, такими старыми, что люди добрые уехали отсюда много лет назад, переселившись в более зеленые места, дав возможность другим, кого они считали менее достойными, занять эти районы, а затем и те люди тоже переселились отсюда, и цикл повторился на протяжении новых поколений, пока не случилось что-то очень плохое и не возникло то, что он видел сейчас перед собой. Ему потребовался почти час, чтобы понять, что здесь есть люди, а не просто заваленные отбросами тротуары и преступники. Келли увидел женщину, ведущую за руку ребенка от автобусной остановки. Интересно, откуда они возвращаются? - подумал он. От тети? Из общественной библиотеки? Наверно, из какого-нибудь места, посещение которого стоило неприятностей перехода от остановки и до квартиры, мимо зрелищ и звуков и людей, чье существование могло нанести вред этому маленькому ребенку.

Спина Келли выпрямилась, и глаза сузились. Он видел все это раньше. Даже во Вьетнаме, стране, ведущей войну с момента своего возникновения, были родители и были дети и даже во время войны лихорадочные поиски чего-то, напоминающего нормальную жизнь. Детям нужно играть, хотя бы иногда, их нужно обнимать и любить, защищать от суровой действительности как можно дольше, до тех пор, пока мужество и способности их родителей позволяют это. И здесь происходило то же самое, разумеется. Повсюду были жертвы, все невинные в той или иной степени, и самые невинные из всех - дети. Он видел это и здесь, когда молодая мать вела ребенка через улицу, недалеко от угла, на котором стоял дилер, продающий наркотики. Келли притормозил, пропуская женщину с ребенком, надеясь, что любовь и забота, с которой мать будет относиться к нему этим вечером, помогут этому ребенку. Заметили ли ее дилеры? Заслуживали ли внимания простые граждане, или их просто терпели? А может быть, они служили прикрытием? Потенциальными покупателями? Или причиняли неприятности? Служили добычей? А что ребенок? Думали они о нем? Вряд ли.

- Черт побери, - прошептал он почти про себя, слишком увлеченный, чтобы продемонстрировать свой гнев открыто.

- Что ты сказал? - спросила Пэм. Она сидела спокойно, отодвинувшись от дверцы.

- Ничего. Извини. - Келли покачал головой и продолжил наблюдение. Вообще-то он начал получать удовольствие от этого. Это походило на разведывательную операцию. Разведка заключалась в том, чтобы узнать как можно больше, а сбор информации всегда был страстью Келли. Здесь он встретился с чем-то совершенно другим. Да, конечно, все это было зловещим, разрушительным и безобразным, но одновременно чем-то другим, и это волновало его. Его руки, сжимающие руль, вздрагивали от волнения.

Покупатели тоже были разные. Некоторые, совершенно очевидно, жили поблизости, это было ясно по цвету их кожи и поношенной одежде. Некоторые погрузились в наркотики больше остальных, и Келли пытался понять, что это значит. Может быть, те, что казались нормальными, только начали, и рабство еще захватывало их в свои объятия? А те, что с трудом передвигали ноги, - ветераны самоуничтожения, бесповоротно устремляющиеся к своей смерти? Разве может нормальный человек смотреть на них, не приходя в ужас от мысли, что можно уничтожить себя, принимая по дозе наркотика за один раз? Что заставляло людей идти на это? Келли едва не остановил автомобиль при этой мысли. Происходящее здесь выходило за пределы приобретенного им опыта.

Кроме того, здесь были и другие, в автомобилях средней цены, таких чистых, что они явно приехали в них из пригородов, где требовалось соблюдать определенные условности. Проезжая мимо одной из таких машин, Келли окинул взглядом водителя. Подумать только, даже при галстук! Он свободно болтался у шеи, что указывало на нервное

состояние владельца в этом районе - одной рукой он опустил стекло в окне, а другая покоилась сверху на руле. Правая нога, без сомнения, на педали газа, готовая послать автомобиль вперед при малейших признаках опасности. Должно быть, изрядно нервничает, подумал Келли, глядя на него в зеркало заднего обзора. Он чувствовал себя здесь не в своей тарелке, но все-таки приехал. А-а, вот оно. Через приспущенное окно протянуты деньги, и что-то оказалось взамен в руках водителя. И тут же автомобиль двинулся вперед, насколько позволяла забитая транспортом улица. Повинуясь капризу, Келли последовал за “бьюиком” на расстоянии нескольких кварталов, повернул вправо, потом влево на главную улицу. Там машина выехала в левый ряд и уже не съезжала с него, набрав предельно допустимую скорость, чтобы как можно быстрее уехать из этой мрачной части города, но в то же время не привлечь внимания полицейского с его книжечкой штрафов.

Да, конечно, полиция, подумал Келли, прекращая преследование. Куда они все подевались, черт побери? Было совершенно очевидно, что в этом районе происходило нарушение закона, но копов нигде не было видно. Он покачал головой, поворачивая обратно в район торговли наркотиками. Разница между этим районом и тем, где он жил в Индианаполисе всего десять лет назад, была огромной. Как могло произойти, что ситуация изменилась с такой быстротой? Каким образом он не заметил этого? Его служба на флоте, жизнь на острове изолировали его от окружающего. Он превратился в деревенского парня, простака, туриста в своей собственной стране.

Он посмотрел на Пэм. Она казалась спокойной, хотя немного напряженной. Эти люди вокруг были опасны, но не для них. Он проявил осторожность, стараясь оставаться невидимым, ехать подобно всем остальным, виляя между несколькими кварталами без определенной цели, просто объезжая “деловой” район. Келли сказал себе, что он не игнорировал возможную опасность. В поисках регулярной деятельности противника он сам не придерживался какого-то маршрута. Если бы кто-нибудь следил за ним и его автомобилем особенно внимательно, Келли заметил бы слежку. И к тому же у него под сиденьем между ног все еще был кольт 45-го калибра. Какими опасными противниками ни казались эти бандиты, они не могли даже сравниться с солдатами Северного Вьетнама и Вьетконга, с которыми он воевал. Они были хороши, но он оказался лучше. Здесь, на этих улицах, царил опасность, но далеко не такая, которой ему удавалось избегать в джунглях.

В пятидесяти ярдах стоял дилер в шелковой рубашке коричневого или темно-бордового цвета. При плохом освещении трудно разобрать, но она казалась шелковой по тому, как отражала свет. Похоже, натуральный шелк, Келли готов был биться об заклад. Эти подонки любили одеваться кричаще. Им недостаточно просто нарушать закон, верно? О нет, они еще должны показать людям, какие они смелые и бесшабашные.

Глупо, подумал Келли. Очень глупо таким образом привлекать к себе внимание. Занимаясь опасными делами, всегда надо стараться скрыть свое лицо, свое присутствие и непременно оставлять для себя по крайней мере один путь спасения.

- Просто поразительно, что им удается успешно проворачивать свои дела, - прошептал про себя Келли.

- Что? - повернулась к нему Пэм.

- Они ведут себя просто глупо. - Келли показал на дилера, стоящего на углу. - Даже если копы не борются с ними, что, если кто-нибудь решит..., я хочу сказать, у него с собой немало денег, правда?

- Возможно, тысяча долларов, может быть, две, - ответила Пэм.

- Тогда что, если кто-то попытается ограбить его?

- Такое бывает, но у него револьвер тоже, и если кто-нибудь попытается...

- А-а, парень в подъезде?

- Да, это и есть настоящий дилер, Келли. Разве ты не знаешь этого? Парень в шелковой рубашке - его помощник. Именно он производит настоящую сделку - так это называется?

- Да, - сухо ответил Келли, напоминая себе, что не сумел заметить что-то, зная, что позволил своей гордости одержать верх над осторожностью. Это - дурная привычка, сказал он себе.

Пэм кивнула.

- Смотри - следи за его поведением.

Действительно, Келли увидел теперь, как производится настоящая сделка. Кто-то в автомобиле - еще один гость из пригородов, подумал Келли, - передал свои деньги (предположение, потому что Келли не мог видеть, но это явно была не кредитная карточка). Помощник дилера сунул руку под рубашку и вручил ему что-то. Когда автомобиль тронулся с места, парень в шелковой рубашке пересек тротуар, и в тени, сквозь которую не мог проникнуть взгляд Келли, произошел еще один обмен.

- А, теперь понимаю. Помощник хранит наркотики и продает их, но тут же вручает деньги своему боссу. Тот получает деньги, но должен при этом иметь револьвер, чтобы гарантировать себя от случайностей. Нет, они не так глупы, как мне это показалось.

- Да, они соображают в своих делах.

Келли кивнул и запомнил это, мысленно проклиная себя за то, что сделал по крайней мере два неверных заключения. Но ведь именно для этого и производится разведка, в конце концов.

Только не надо почивать на лаврах, Келли, сказал он себе. Теперь ты знаешь, что там по крайней мере два бандита, причем один вооружен и скрывается в этом подъезде. Он поудобнее устроился на сиденье и устремил взгляд на потенциальную цель, следя за тем, как развиваются события, по какому плану. Парень в подъезде будет настоящей целью. Так называемый “помощник” - это просто наемник, может быть, ученик, несомненно, никто не будет его защищать. Парень одноразового использования, живущий на крохи, остающиеся от комиссионных. Настоящим врагом был тот, кого он едва видел в тени подъезда. И это соответствует традиции, освященной временем, верно? Он улыбнулся, вспомнив районного политрука северовьетнамской армии. У человека, занимающего эту должность, было даже кодовое имя -

“манто из горносталя”. Четыре дня они преследовали этого подонка, уже после того как точно его опознали, чтобы наверняка убедиться, что это именно он, затем старались запомнить его привычки и найти лучший способ прикончить его. Келли никогда не забудет выражения лица политрука, когда пуля вошла ему в грудь. Затем последовал трехмильный рывок к посадочной площадке, тогда как группа перехвата северовьетнамской армии направилась в противоположную сторону, сбита с толку пиротехническим зарядом, который Келли установил заранее.

Что если этот парень в тени и является его целью? Как поступить, чтобы прикончить его? Это был интересный умственный кроссворд. Испытываемое им чувство было сродни тому, что должны, наверно, испытывать боги. Он ощущал себя орлом, следящим за событиями, фиксирующим их последовательность, но в первую очередь он был хищником, которому подвластно все живое, но который пока не испытывает чувства голода и парит на восходящих потоках воздуха высоко над ним.

Он улыбнулся, не обращая внимания на тревожные сигналы, которые начала посылать ему та часть мозга, которая имела особый опыт боевых операций.

Гмм. Раньше он не видел этого автомобиля. Это была машина, с группой вооруженных боевиков, “плимут роудраннер”, красный, как кондитерское яблоко, в половине квартала от него. Было что-то странное в том, как...

- Келли... - Пэм внезапно выпрямилась на сиденье.

- Что? - Его рука протянулась к пистолету, и он на пару миллиметров вытащил кольт из кобуры, испытывая уверенность от потертых деревянных щечек рукоятки. Однако то, что он протянул руку к пистолету, что он внезапно почувствовал нужду в нем, в уверенности от того, что кольт находится рядом и он в любую минуту может воспользоваться им, - все это было сигналом, который его мозг не мог не принять во внимание. Осторожная часть его начала усиливать свои требования, тогда как боевая заговорила теперь громче и настойчивей. Даже от этого Келли ощутил прилив гордости. Как хорошо, в мгновение ока пронеслось у него в сознании, что он все еще у меня под рукой, когда я в нем нуждаюсь.

- Я знаю, что это за автомобиль..., это... Голос Келли звучал спокойно и уверенно:

- О'кей, мы уезжаем отсюда. Ты права, настало время уносить ноги. - Он увеличил скорость, свернув влево, чтобы проехать мимо “плимута”, и подумал о том, чтобы сказать Пэм улечься на пол, но потом решил, что в этом вообще-то нет необходимости. Меньше чем через минуту он уедет отсюда и..., проклятье!

Это был один из клиентов в новом автомобиле из пригорода, кто-то в черном “карманнга” с откидным верхом, только что купивший пакет с наркотиками и теперь стремящийся уехать отсюда. Он выскочил из-за “плимута” и тут же остановился, потому что автомобиль перед ним сделал то же самое. Келли изо всех сил нажал на тормоза, чтобы избежать столкновения - только этого ему сейчас и не хватало, правда? Однако все получилось на удивление неудачно, и ему пришлось остановиться почти рядом с “плимутом”, водитель которого выбрал как раз этот момент, чтобы выйти из автомобиля. Вместо того чтобы пройти вперед, он решил обойти машину сзади, и во время поворота его лицо оказалось всего в трех футах от искаженного страхом лица Пэм. Келли тоже смотрел в ту сторону, зная, что водитель представляет потенциальную опасность, и увидел взгляд парня. Он узнал Пэм.

- О'кей, я заметил это, - прозвучал с мрачным спокойствием голос Келли. Таким голосом он говорил во время боевых операций. Он повернул руль еще больше влево и нажал на газ, объезжая маленький спортивный автомобиль и его невидимого водителя. Через несколько секунд Келли оказался на углу и после мгновенной остановки, необходимой, чтобы оценить состояние движущегося транспорта, резко свернул налево.

- Он видел меня! - Ее голос звучал паническим криком.

- О'кей, Пэм, - ответил Келли, стараясь одновременно следить за дорогой и поглядывать в зеркало. - Мы уезжаем. Ты со мной, и тебе ничто не угрожает.

Идиот, вопили его инстинкты, проклиная рассудок. Тебе остается лишь надеяться, что они не станут преследовать вас. У “плимута” двигатель в три раза мощнее и...

- О'кей. - Яркие, низко сидящие фары сделали такой же поворот, как и “скаут” за двадцать секунд до этого. Келли увидел, как фары вильнули влево и вправо. Автомобиль резко увеличивал скорость, и его заносило на мокром асфальте. Двойные фары. Это не “карманнга”.

Теперь тебе угрожает опасность, спокойно проинформировали его инстинкты. Мы еще не знаем, насколько она велика, но тебе пора проснуться.

Вы правы.

Келли положил обе руки на руль. Очередь до пистолета еще не дошла. Он принялся оценивать создавшуюся ситуацию и понял, что она не сулит ничего хорошего. Его “скаут” не был предназначен для подобных гонок. Он не был спортивным автомобилем, и ему не хватало мощности. Его жалкие четыре цилиндра под капотом уступали восьмерке “плимута”, причем каждый из этих восьми цилиндров обладал большей мощностью, чем тот мотор, на который он теперь полагался. Но что еще хуже, “плимут” обладал способностью к резкому ускорению и поворотам, тогда как “скаут” был спроектирован для того, чтобы ползти вперед по грунтовой дороге со скоростью пятнадцать миль в час. Это плохо.

Келли делил свое внимание между взглядами через ветровое стекло и зеркалами заднего обзора. Разрыв между автомобилями был невелик, и “плимут” быстро приближался.

А в чем мои преимущества? - заработал боевой компьютер его мозга. Автомобиль все-таки не так уж бесполезен, это хорошо сделанный вездеход. У него большие мощные бамперы, и машина сидит высоко над грунтом - с таким клиренсом можно успешно таранить противника. Как относительно кузова? Для этих парней “плимут” наверняка имеет престижное значение, тогда как его маленький, но прочный “скаут” можно превратить в оружие, а ты знаешь, как пользоваться оружием. Мозг Келли снова работал четко и уверенно.

- Пэм, - произнес он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно спокойнее, - будь добра, сядь на пол, милая.

Ладно?

- Где они? - Она начала поворачиваться, страх все еще слышался в ее голосе, но правая рука Келли усадила ее на пол.

- Похоже, они преследуют нас. А теперь позволь мне заняться этим, ладно? - Последняя еще не вовлеченная в подготовку к бою часть его сознания гордилась уверенностью и спокойствием владельца. Да, им угрожает опасность, но он знаком с опасностью, знает ее куда лучше, чем парни в "плимуте". Если они хотят получить урок того, что на самом деле представляет опасность, он с радостью даст им его.

Ощущение опасности пощипывало руки Келли. Он осторожно свернул налево, затем притормозил и резко свернул направо. Келли не мог поворачивать с такой же легкостью, как "плимут", но здесь были широкие улицы, а то, что он находился впереди, позволяло ему выбирать направление и время. Надо всего лишь завлечь их туда, и там Келли уйдет от них.

Они могут начать стрельбу, могут попытаться вывести из строя его маленький автомобиль, но, если такое произойдет, в его распоряжении пистолет 45-го калибра и запасной магазин, и коробка патронов в бардачке. Возможно, они вооружены, но можно не сомневаться, что их подготовка оставляет желать лучшего. Он даст им приблизиться..., сколько их? Двое? Или, может, трое? Жаль, что он не уточнил, и тут же вспомнил, что у него не было времени.

Келли посмотрел в зеркало и спустя мгновение получил вознаграждение за находчивость. Фары еще одного не имеющего отношения к преследованию автомобиля, находящегося в квартале позади "плимута", осветили машину, и он увидел, что в "плимуте" сидят трое. Интересно, чем они вооружены? Плохо, если у них охотничье ружье. Еще хуже - если скорострельная винтовка, но уличные бандиты все-таки не солдаты, и последнее казалось ему маловероятным.

Казалось маловероятным - но не следует в бою основываться на предположениях, предостерег его, мозг.

Его кольт на небольшом расстоянии не менее смертоносен, чем винтовка. Келли благословил себя за то, что еженедельно тренировался в стрельбе. Он свернул налево. Если уж дело зайдет так далеко, дам им подъехать поближе и устрой засаду. Келли знал о засадах все, что только можно знать. Заману их и расстреляю всех троих.

"Плимут" был в десяти ярдах позади "скаута", и его водитель не знал, что предпринять.

Такое решение принять нелегко, подумал Келли о своих преследователях. Вы можете подъехать очень близко, но парень, которого вы преследуете, все еще окружен тонной металла. Ну и что теперь вы предпримете? Может быть, попытаетесь меня протаранить?

Нет, водитель "плимута" не был полным идиотом. На заднем бампере "скаута" находился массивный крюк для буксировки трейлера, и попытка протаранить кончится тем, что крюк пробьет радиатор "плимута". Очень жаль.

"Плимут" попытался обойти его справа. Келли заметил, как метнулись огни фар, - это водитель выжал до предела педаль газа, давая полную мощность своему большому восьмицилиндровому двигателю. Однако Келли находился впереди и видел этот маневр. Он тут же свернул направо и заблокировал попытку. В результате Келли понял, что владелец "плимута" вовсе не хочет разбивать свой красивый автомобиль. Он услышал визг шин - это водитель нажал на тормоза, чтобы избежать столкновения. Не хочешь поцарапать красную краску на своей игрушке, верно? Это хорошая новость. Затем "плимут" рванул влево, но Келли был наготове. Похоже на гонки парусных яхт при маневрировании, подумал он.

- Келли, что происходит? - спросила Пэм. Ее голос дрожал при каждом слове.

Он ответил тем же спокойным голосом, которым говорил в течение последних нескольких минут:

- Что происходит? Просто эти парни не такие уж и умные.

- Это автомобиль Билли - он любит устраивать на нем гонки.

- А, Билли. Так вот этот Билли слишком уж любит свою машину. Если ты хочешь нанести кому-то урон, то должен быть готов... - Чтобы напугать водителя "плимута", Келли резко нажал на тормоза. "Скаут" остановился, нырнув вниз капотом, и Билли наверняка разглядел массивный хромированный крюк на заднем бампере. Затем Келли снова нажал на педаль газа, глядя в зеркало на то, как отреагирует водитель "плимута". Да, он хочет следовать вплотную за мной, но мне нетрудно напугать его, и ему это не нравится. Он, по-видимому, гордый маленький убудок.

Вот как я сделаю это.

Келли решил обойтись без стрельбы. Бессмысленно без крайней нужды усложнять ситуацию. И все-таки он знал, что ему придется проявить все свое умение и внимательность. Мозг Келли начал рассчитывать углы и расстояния.

Делая очередной поворот, Келли нажал на педаль газа слишком резко. Машину едва не развернуло, но он сделал это намеренно и с трудом выправил ее, чтобы у Билли создалось впечатление, будто Келли не слишком хорошо владеет машиной, тогда как сам Билли, без сомнения, был самого высокого мнения о своем искусстве вождения. "Плимут" воспользовался своей способностью уверенно поворачивать и благодаря широким покрышкам сократил расстояние до "скаута". Теперь он занял место справа от Келли. Намеренное столкновение сейчас просто снесет маленькую машину с дороги. "Плимут" занимал теперь выгодное положение - или по крайней мере так считал его водитель.

О'кей...

Келли уже не мог повернуть направо - Билли заблокировал его с этой стороны. Поэтому он резко свернул налево, на узенькую улицу. Здесь готовилось строительство какого-то шоссе. Дома были уже снесены, подвалы засыпаны глиной, которую дождь превратил в вязкую грязь.

Келли повернул голову и взглянул на "плимут". Ага, вот как. Правое окно со стороны пассажирского сиденья опускалось. Это означало, что они собираются стрелять, в этом можно не сомневаться. Ты оставил себе слишком мало времени, Келли... И тут же он понял, что может обратить случившееся в свою пользу. Он дал им возможность взглянуть на свое лицо, уставившееся на "плимут", с приоткрытым ртом, испуганным выражением, близким к панике. Келли снова затормозил и резко повернул направо. "Скаут" подпрыгнул, переезжая через полуразрушенный бордюр. Парни в

“плимуте” несомненно пришли в выводу, что он потерял самообладание. Толчок был сильным, и Пэм вскрикнула.

У “плимута” намного мощнее двигатель, водитель знал это, более широкие шины, надежные тормоза. Да и у самого водителя была, несомненно, превосходная реакция. Келли рассчитывал на все это. “Плимут” затормозил почти одновременно с ним, и затем роскошный автомобиль последовал за “скаутом”, подскочив на бордюрном камне и прыгая по бетонным обломкам заброшенного района. Он последовал за маленькой машиной туда, где еще недавно стояли дома, попав в ловушку, которую приготовил ему Келли. “Плимуту” удалось проехать всего семьдесят футов.

Келли уже включил первую скорость. Мокрая глина образовала болото глубиной добрых восемь дюймов, и нельзя было исключить маловероятную, но все-таки реальную возможность, что и “скаут” застрянет в этом болоте, но все-таки вероятность этого была невелика. Он почувствовал, как его машина замедлила ход, колеса погрузились на несколько дюймов в вязкую глину, однако затем большие покрышки с глубоким протектором вцепились в грунт и потащили машину вперед. Вот так. Лишь после этого Келли оглянулся назад.

Все стало ясно по свету фар. “Плимут”, и без того сидящий низко, рассчитанный для езды по гладким асфальтированным улицам города и крутых поворотов, потерял управление, и его занесло налево, в то время как колеса стремительно вращались по скользкой студенистой поверхности, затем машина стала оседать, потому что вращающиеся колеса только глубже погружались в вырытые ими ямы. Фары быстро опускались вниз, по мере того как мощный двигатель автомобиля копал свою собственную могилу. И тут же из-под капота вырвался столб пара, когда горячий блок цилиндров погрузился в стоячую лужу.

Гонка закончилась.

Три фигуры вышли из “плимута” и застыли рядом, не решаясь испачкать свои лакированные туфли, модные у всех панков, и глядя на то, как их когда-то сверкающий автомобиль до ступиц погрузился в грязь подобно усталой свинье. Все планы мщения, которые они строили, сгинули в глине, размокшей под дождем. Приятно сознавать, что ты еще не потерял хватку, подумал Келли.

Затем с расстояния в тридцать ярдов они посмотрели на него.

- Кретины! - крикнул сквозь морозящий дождь Келли. - Скоро увидимся, мудозвоны! - И он поехал дальше, осторожно, разумеется, не упуская их из виду. Вот так надо выигрывать гонки, сказал себе Келли. Внимательность, умная голова, опыт. И смелость тоже, но Келли тут же постарался забыть об этой мысли. Он вывел “скаут” на мостовую, перешел на более высокую скорость и поехал дальше, слушая, как от колес отваливаются куски грязи.

- Можешь сесть, Пэм. Мы больше их не увидим. Пэм поднялась на сиденье и оглянулась назад, на Билли и “плимут”. При виде своих мучителей, стоящих так близко, она побледнела.

- Как ты сделал это?

- Я дал им возможность загнать меня в то место, которое сам и выбрал, - объяснил Келли. - Их автомобиль хорош для городских улиц, но не годится для езды по болоту.

Пэм улыбнулась ему, демонстрируя мужество, которого она не ощущала в этот момент, но завершая этой улыбкой историю, подобно тому как Келли рассказал бы ее друзьям. Он посмотрел на часы. Еще час или чуть больше до смены дежурства в полицейском участке. Билли и его друзья будут сидеть здесь долго. Самое умное сейчас - найти тихое место и переждать там. Кроме того, судя по тому, как выглядит Пэм, ей нужно успокоиться. Келли проехал чуть дальше, нашел место, где все было спокойно, и остановил машину.

- Как ты себя чувствуешь? - спросил он.

- Мне было так страшно, - ответила она, глядя вниз и с трудом сдерживая дрожь.

- Послушай, мы можем вернуться на яхту и...

- Нет! Билли насильовал меня..., и убил Хелен. Если я не остановлю его, он будет и дальше мучить людей, которых я знаю.

Келли знал, что этими словами она хочет убедить не только его, но и себя. Он встречался с подобным раньше. Это храбрость, и она идет рука об руку со страхом. Такие чувства заставляли людей успешно завершать операции и одновременно выбирать их. Она видела мрак и теперь, обнаружив свет, хотела вывести к нему остальных.

- Хорошо, но после того как поговорим о случившемся с Фрэнком и ты расскажешь ему все, что знаешь, мы уносим отсюда ноги. Здесь не менее опасно, чем в Додж-сити.

- Обо мне можешь не беспокоиться, - заметила Пэм, зная, что Келли понимает, чем вызвана ее ложь, пристыженная тем, что не сумела сразу понять его глубокое понимание мотивов, которыми она руководствовалась.

Да, ты права, хотел сказать ей Келли, но она еще не знала об этих вещах. Поэтому он задал вопрос:

- Сколько еще там девушек?

- Дорис, Ксанта, Паула, Мария и Роберта..., они все похожи на меня, Джон. И Хелен..., когда они убивали ее, нас заставили на это смотреть.

- Ну что ж, если нам повезет, ты можешь чем-то им помочь, милая. - Он обнял ее за плечи, и на этот раз дрожь прекратилась.

- Мне хочется пить, - сказала она.

- На заднем сиденье ящик со льдом и кока-колой. Пэм улыбнулась.

- В самом деле? - Она повернулась на своем сиденье; чтобы достать банку кока-колы, и ее тело тут же замерло. Вздох вырвался из ее горла, и по коже Келли пробежало так хорошо знакомое неприятное чувство, похожее на электрический заряд. Ощущение неминуемой опасности.

- Келли! - крикнула она. Пэм смотрела в сторону левого заднего угла автомобиля. Келли уже протянул руку за пистолетом, повернув при этом тело, но было уже поздно, и часть его знала это. Его охватила ярость, что он допустил серьезную, фатальную ошибку и у него нет времени понять, как это случилось, потому что еще до того, как он успел

достать пистолет, блеснул ослепительный свет и что-то ударило ему в голову. Затем все провалилось в темноту.

Глава 7

Выздоровление

На “скаут” натолкнулся обычный полицейский патруль. Полицейский Чак Монро, прослуживший в полиции шестнадцать месяцев, уже получил право управлять собственным автомобилем, оборудованным радиосвязью, и взял за правило патрулировать эту часть своего района сразу после начала смены. С дилерами он ничего не мог поделать - этим занималось Управление по борьбе с наркотиками, - но он мог проехать по району, продемонстрировать присутствие полиции, так сказать, “показать флаг” - этой фразе его научили в корпусе морской пехоты. Чаку Монро было двадцать пять лет, он недавно женился и по молодости все еще был предан местной службе поддержания порядка и потому полон гнева на то, что происходило в его городе и его прежнем районе. Полицейский заметил, что такая машина, как “скаут”, необычна для этих мест, и решил проверить ее, записать номерной знак, как вдруг у него замерло сердце: вся левая сторона автомобиля была снесена по крайней мере двумя выстрелами из охотничьего ружья. Монро остановил свою машину, включил вращающийся на крыше синий фонарь и сделал по радио первое предварительное сообщение о возможном преступлении, предупредив, что намерен произвести осмотр и просит, чтобы в участке были наготове. Он вышел из машины, взял полицейскую дубинку в левую руку, а правую положил на рукоятку табельного револьвера. Только после этого он приблизился к машине. Дисциплинированный полицейский, Чак Монро действовал строго по инструкции и подходил медленно и осторожно, осматривая все вокруг.

- Черт побери! - Его возвращение к полицейскому автомобилю было гораздо более быстрым. Прежде всего Монро вызвал подкрепление, затем “скорую помощь” и после этого передал дежурному по своему участку номерной знак автомобиля. Затем, схватив аптечку первой помощи, он вернулся к “скауту”. Дверца была заперта, однако стекло выбило залпом картечи, и он протянул внутрь руку, чтобы открыть ее. То, что он увидел внутри, заставило полицейского замереть.

Голова водителя лежала на руле вместе с левой рукой, а правая рука покоилась на коленях. Кровь забрызгала весь салон. Мужчина еще дышал, что удивило полицейского. Совершенно очевидно, это был выстрел крупной дробью из охотничьего ружья. Им снесло металл и фибергласс на корпусе “скаута” и ранило мужчину в голову, шею и верхнюю часть спины. На обнаженных участках тела виднелось несколько небольших отверстий, из которых все еще сочилась кровь. Рана выглядела ужаснее, чем ему приходилось видеть на улицах города или за время службы в корпусе морской пехоты, и все-таки мужчина был еще жив. Это было настолько поразительно, что Монро решил не открывать свою аптечку. Через несколько минут сюда прибудет карета “скорой помощи”, и своими действиями он может причинить пострадавшему больше вреда, чем пользы. Монро держал аптечку под мышкой и смотрел на мужчину с разочарованием, как смотрит человек, привыкший действовать, но лишенный этой возможности. По крайней мере бедняга был без сознания.

Кто он? Монро посмотрел на тело, безвольно припавшее к рулю, и решил попытаться достать бумажник. Он переложил аптечку под левую руку и протянул правую к внутреннему карману. Без особого удивления он увидел, что карман пуст, но его действия не остались без последствий. Тело шевельнулось, что было не слишком хорошо. Монро протянул руку, чтобы поддержать его, но тут дернулась голова, а он знал, что голова в такой ситуации всегда должна оставаться неподвижной, и Монро автоматически довольно резко коснулся ее рукой. Что-то за что-то задело, и по мокрой темной улице разнесся крик боли. После этого тело замерло снова.

- Проклятье! - Монро посмотрел на кровь, оказавшуюся на пальцах, и машинально вытер их о брюки своего синего мундира. И в это мгновение он услышал завывание sireны “скорой помощи”, приписанной к департаменту пожарной охраны, которая приближалась с восточной стороны, и полицейский прошептал благодарственную молитву, что специалисты своего дела скоро освободят его от медицинских забот.

“Скорая помощь” вылетела из-за угла через несколько секунд. Большая квадратная красно-белая машина остановилась рядом с его автомобилем, и двое, вышедшие из нее, тут же поспешили к полицейскому.

- Что тут у нас. - Как ни странно, слова не прозвучали вопросом. Старший фельдшер-пожарный едва ли нуждался в ответе.

В этой части города и в это время суток пострадавший не будет жертвой автомобильной катастрофы. В сухом лексиконе его профессии речь пойдет о “проникающем” ранении. - Господи!

Второй фельдшер уже бежал к санитарной машине, когда к месту происшествия прибыл еще один полицейский автомобиль.

- Что случилось? - спросил ответственный за ночную смену участка.

- Выстрел из охотничьего ружья, с близкого расстояния, и парень все еще жив! - доложил Монро.

- Мне не нравятся эти раны на шее, - бросил старший фельдшер.

- Наденем воротник? - спросил второй, открывая дверцы “скорой”.

- Да, пожалуй, если он шевельнет головой..., все. - Старший фельдшер положил руки на голову жертвы, чтобы удержать ее на месте.

- Документы? - спросил сержант.

- Бумажника в карманах нет. Я еще не успел осмотреться вокруг.

- Ты записал номера? Монро кивнул:

- Передал по радио, на опознание потребуется время. Сержант направил луч фонаря внутрь машины, чтобы

помочь фельдшерам. Все обрызгано кровью; в остальном - пустая. На заднем сиденье какой-то ящик со льдом.

- Что еще? - спросил сержант.

- Когда я подъехал сюда, вокруг было пусто. - Монро взглянул на часы. - Одиннадцать минут назад. - Оба полицейских отступили, чтобы не мешать санитарам заниматься своей работой.

- Ты раньше когда-нибудь его видел?

- Нет, сержант.

- Проверь тротуары.

- Ясно. - Монро принялся осматривать пространство вокруг маленькой автомашины.

- Интересно, что здесь произошло? - спросил сержант, ни к кому не обращаясь. Глядя на тело и на всю эту кровь, он подумал, что, скорее всего, об этом они никогда не узнают. Сколько преступлений, совершенных в этом районе, так и остаются нераскрытыми. Это не нравилось сержанту. Он посмотрел на санитаров:

- Как он, Майк?

- Едва не истек кровью, Берг. Определенно выстрел из дробовика, - ответил старший фельдшер, закрепляя на шее раненого медицинский воротник. - Много дробинок в шее, некоторые - у самого позвоночника. Ничего хорошего...

- Куда вы его повезете? - спросил сержант.

- Университетская больница переполнена, - заметил младший фельдшер. - На кольцевой дороге разбился автобус.

Придется везти в больницу Хопкинса.

- Это лишние десять минут. - Майк выругался. - Садись за руль. Фил, скажешь им, что у нас тяжелая травма, пусть держат наготове нейрохирурга.

- Ясно. - Тело подняли на носилки. Раненый попытался было подняться, и двое полицейских - только что прибыло еще три полицейских автомобиля - помогли удержать его на месте, пока фельдшеры пристегивали ремни.

- Тебя отделали на редкость жестоко, приятель, но мы мигом доставим тебя в больницу, - сказал Фил, обращаясь к телу, которое могло быть достаточно живым - а могло и не быть, - чтобы слышать его слова. - Поехали, Майк.

Тело погрузили в кузов "скорой помощи". Майк Итон, старший фельдшер, уже устанавливал на стойке бутылку с жидкостью для внутривенного вливания. Ввести шприц достаточно трудно, когда человек лежит вниз лицом, и все-таки ему удалось сделать это как раз в тот момент, когда машина двинулась с места. За шестнадцать минут, в течение которых "скорая" мчалась к больнице, Майк старался сохранить в теле искорку все еще теплящейся жизни - кровяное давление было на опасно низком уровне - и еще успел заполнить кое-какие документы.

Кто ты? - мысленно спросил у мужчины Итон. Отличная физическая форма, это он заметил, лет двадцать шесть-двадцать семь. Странно для возможного наркомана. Этот парень будет выглядеть очень грозно, когда встанет на ноги, но не сейчас. Сейчас он больше походит на большого спящего ребенка - открытым ртом он вдыхал кислород из прозрачной пластиковой маски; неглубокие и слишком медленные вдохи заставляли Итона беспокоиться.

- Езжай быстрее, - скомандовал он водителю. Филу Маркони.

- Дороги мокрые, Майк, я делаю все, что от меня зависит.

- Давай, Фил, говорят, вы, макаронники, гоняете - будь здоров!

- Зато мы не пьем, как вы, - послышался ответный смешок. - Я только что сообщил о нашем прибытии. У них наготове нейрохирург, специалист по шейным операциям. Сейчас у Хопкинса тихо, они готовы принять нас.

- Отлично, - тихо отозвался Итон. Он посмотрел на раненого мужчину. В кузове "скорой помощи" было одиноко и даже страшновато, и потому его подбадривал царапающий нервы рев сирены. С носилок, стоящих на высоких ножках с колесиками, капала кровь. Капли раскатывались по металлическому полу машины, словно жили собственной жизнью. К этому невозможно привыкнуть.

- Две минуты, - бросил через плечо Маркони. Итон передвинулся в заднюю часть кузова, готовый открыть дверцы. Наконец он почувствовал, как машина делает поворот, останавливается и дает задний ход, чтобы остановиться снова. Задние дверцы распахнулись, прежде чем Итон успел протянуть к ним руки.

- Вот это да! - воскликнул врач из приемного покоя. - О'кей, парни, давайте его в третью операционную. - Два плечистых санитаров вытащили из кузова носилки, а Итон отсоединил бутылку с физиологическим раствором от стойки и понес ее рядом с носилками.

- В университетской больнице большой наплыв? - спросил врач.

- Дорожная катастрофа, с автобусом, - ответил Маркони, догоняя его.

- Здесь ему будет лучше. Господи, кто его так отделал? - Врач наклонился, чтобы на ходу осмотреть рану. - Да тут не меньше сотни дробинок!

- Подождите, еще увидите шею, - посулил Итон.

- Черт побери, - выдохнул врач.

Они вкатили носилки в большую операционную, предназначенную для неотложных операций, выбрав стол в углу. Пять человек переложили на него раненого, и группа специалистов принялась за работу.

Хирург вместе с двумя медсестрами уже были наготове. Дежурный врач Клифф Северн, убедившись, что голова пациента закреплена на месте мешочками с песком, осторожно протянул руку, чтобы отстегнуть шейный воротник. Ему достаточно было взгляда, чтобы определить характер ранения.

- По-видимому, травма позвоночника, - заключил он. - Но сначала нужно восстановить потерю крови. - Он дал несколько указаний. Пока медсестры налаживали две установки для внутривенных вливаний, Северн снял с пострадавшего ботинки и острым металлическим инструментом провел по левой подошве. Нога дернулась. Великолепно, отметил врач, значит, непосредственного повреждения нервов нет. Это уже хорошо. Уколы в ноги тоже вызвали ответную реакцию. Поразительно. В это же время медицинская сестра взяла у раненого кровь из вены. Северн вряд ли заметил это,

как и другие действия отлично подготовленной команды, в которой каждый был занят своим делом. То, что со стороны казалось быстрыми действиями, на деле больше походило на рассчитанные передвижения по футбольному полю, достигнутые месяцами тщательной тренировки.

- Где, черт побери, нейро? - спросил Северн.

- Где и полагается - на месте! - отозвался голос. Северн поднял голову:

- О, это вы, профессор Розен.

Приветствия на этом закончились. Сэм Розен был в плохом настроении, и врач сразу заметил это. Профессор бодрствовал уже двадцать часов. То, что должно было занять всего часов шесть, превратилось в марафон, направленный на спасение жизни пожилой женщины, которая упала вниз с лестницы, - марафон, окончившийся неудачей меньше часа назад. Ее следовало спасти, твердил себе Сэм, все еще не понимая, в чем причина неудачи. Он был благодарен, да, скорее благодарен, чем раздосадован, продлению этого адского дня. Может быть, на этот раз его ждет успех.

- Расскажите, что тут у нас, - коротко спросил профессор.

- Ранение из охотничьего ружья, несколько дробинок у самого позвоночника, сэр.

- О'кей. - Розен склонился над раной, держа руки за спиной. - А что это за стекло?

- Он сидел в автомобиле, - пояснил Итон, стоявший в отдалении.

- Нужно удалить осколки и побрить голову, - сказал Розен, осматривая рану. - Кровяное давление?

- Пятьдесят на тридцать, - послышался голос медсестры-практикантки. - Пульс сто сорок, нитевидный.

- Придется как следует потрудиться, - заметил Розен. - Парень в глубоком шоке. Гм-м. - Он замолчал. - Пациент выглядит отлично, хорошая мускулатура. Нужно сделать новое переливание крови.

Установки для переливания крови начали действовать, едва Розен кончил давать указания. Сестры были блестяще подготовлены, и профессор одобрительно улыбнулся им.

- Как дела у вашего сына, Маргарет? - поинтересовался он у старшей сестры.

- В сентябре начинает занятия в Университете Карнеги, - ответила она, регулируя капельницу.

- А сейчас протрите-ка ему шею, Маргарет. Мне нужно взглянуть на раны.

- Сию минуту.

Сестра выбрала пару хирургических щипцов, взяла большой ватный тампон, окунула его в дистиллированную воду и осторожно протерла шею пациента, смывая кровь и обнажая раны. И тут же она увидела, что раны выглядят хуже, чем можно было ожидать. Пока Маргарет мягкими прикосновениями осушала тампоном израненную шею. Розен облачился в стерильную одежду. Когда профессор снова подошел к пациенту, Маргарет Уилсон поставила рядом стерилизатор с операционными инструментами и открыла крышку. Итон и Маркони издали наблюдали за происходящим.

- Молодец, Маргарет, - одобрительно заметил Розен, надевая очки. - А какую специальность он себе выбрал?

- Машиностроение.

- Отличная специальность. - Розен протянул руку. - Пинцет. - Сестра Уилсон вложила пинцет ему в руку. - Для хорошего молодого инженера всегда найдется работа.

Розен выбрал маленькую круглую рану на плече, вдали от жизненно важных центров. Осторожно, почти нежно - это было даже забавно: уж очень маленьким казался пинцет в его больших руках, - он погрузил инструмент в ранку и вытащил крошечный свинцовый шарик, который поднес к свету.

- Дробь седьмого номера, по-моему. Кто-то принял этого парня по ошибке за голубя. Это - хорошие новости, - произнес он, обращаясь к фельдшерам. Теперь, зная размер дроби и вероятную глубину ее проникновения. Розен склонился над шеей пациента. - Гм-м..., а как с давлением сейчас?

- Секунду, - отозвалась медсестра у дальнего конца операционного стола. - Пятьдесят пять на сорок. Поднимается.

- Спасибо. - Розен все еще склонялся над пациентом. - Кто начал внутривенное вливание?

- Я, - ответил Итон.

- Молодец, пожарный. - Розен поднял голову и подмигнул. - Иногда мне кажется, что вы спасаете больше жизней, чем мы. Вот этого вы точно спасли, можно не сомневаться.

- Спасибо, доктор. - Итон не был знаком с хирургом, но, судя по этому замечанию, репутация доктора была заслуженной. Не каждый день фельдшер-пожарный слышит такую похвалу от профессора-нейрохирурга. - Как он справится - я имею в виду ранения шеи?

Розен снова склонился над пациентом.

- Как он реагирует, доктор? - спросил он у старшего врача-резидента, постоянно проживающего в больнице.

- Положительно. Хорошая реакция Бабинского. Никаких заметных указаний на периферийные повреждения, - ответил Северн. Все это походило на экзамен и заставляло нервничать молодого врача.

- Похоже, он пострадал меньше, чем кажется на первый взгляд, но приниматься за работу следует без промедления, пока дробинок не начали перемещаться. Двух часов хватит? - спросил он Северна. Розен знал, что резидент разбирается в ранениях лучше его.

- Скорее три.

- Тогда я пойду вздремну. - Розен взглянул на часы. - Примусь за него, ну скажем, в шесть.

- Вы хотите заняться им лично?

- Почему бы и нет? Я на месте. Операция не будет сложной, потребуется всего лишь некоторая осторожность. - Розен придерживался точки зрения, что он имеет право на несложную операцию, скажем, раз в месяц. Будучи профессором, он обычно проводил самые трудные операции.

- Не возражаю, сэр.

- У него были с собой документы?
- Нет, сэр, - ответил Маркони. - Скоро должна прибыть полиция.
- Отлично. - Розен встал и потянулся. - Знаете, Маргарет, люди вроде нас не должны работать в такое время суток.
- Мне нужно время от времени менять смену, - ответила Уилсон. Кроме того, она была старшей медсестрой в этой смене. - Интересно, что это такое? - спросила она через мгновение.
- Что именно? - Розен обошел вокруг стола на ее сторону, пока остальные занимались своей работой.
- Татуировка на руке, - ответила она. Маргарет Уилсон была весьма удивлена реакцией профессора Розена.

Переход от сна к бодрствованию обычно проходил для Келли легко, но не на этот раз. Его первой осознанной мыслью было удивление, но он не знал чему. Затем пришла боль, однако не сама по себе, а как отдаленное предупреждение о грядущей боли, причем отчаянной. Когда Келли понял, что может открыть глаза, он открыл их и увидел перед собой серый линолеум пола. Капли разбрызганной по нему жидкости отражали яркий свет ламп, сияющих сверху. Ему показалось, что тысячи игл пронзают ему глаза, и только после этого он понял, что настоящие болезненные иглы у него в руках.

Я - жив.

Почему это удивляет меня?

Он слышал, как двигаются вокруг люди, их приглушенные голоса, отдаленный звон курантов. Жужжание, сопровождаемое движением воздуха, объяснялось присутствием кондиционера, причем где-то совсем близко - Келли ощущал спиной проносающую прохладу. Что-то говорило ему, что он должен пошевелиться, что неподвижность делает его уязвимым, но даже после того, как он скомандовал своему телу шевельнуться, оно осталось неподвижным. И вот тут нахлынула настоящая боль. Она началась где-то на плече и, подобно расходящимся кругам на поверхности пруда, стала расширяться. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы определить, что она собой представляет. Больше всего боль походила на сильный солнечный ожог, потому что все от левой стороны шеи и до левого локтя казалось обожженным. Он знал, что чего-то не может вспомнить, чего-то важного.

Так где я нахожусь, черт побери?

Келли казалось, что он ощущает какую-то вибрацию - что это? Корабельные двигатели? Нет, что-то непохоже, и через несколько секунд он понял, что это далекий шум городского автобуса, отъезжающего от остановки. Значит, это не корабль. Я в городе. Но почему я оказался в городе?

Перед его лицом промелькнула тень. Он открыл глаза и увидел нижнюю половину человеческого тела, облаченную в светло-зеленый хлопчатобумажный комбинезон. Руки держали что-то вроде блокнота. Келли не успел напрячь глаза, чтобы рассмотреть, мужская это фигура или женская, как она исчезла, и ему не пришло в голову произнести что-нибудь, прежде чем он снова погрузился в сон.

- Рана на плече обширная, но поверхностная, - сказал Розен, обращаясь к нейрохирургу-резиденту, стоявшей в тридцати футах от него.

- Зато какая потеря крови. Для переливания потребовалось четыре дозы, - заметила она.

- Раны от охотничьего ружья обычно именно такие. По сути, только одна из них серьезно угрожала позвоночнику. Пришлось серьезно подумать, прежде чем удалить эту дробицу, не поставив под угрозу жизненно важные функции.

- Двести тридцать семь дробинок, но... - она поднесла рентгеновский снимок к свету, - похоже, вам удалось удалить все. Впрочем, у этого парня будет теперь превосходная коллекция веснушек.

- Потребовалось немало времени, - устало произнес Сэм, зная, что ему следовало поручить это кому-то другому, но ведь, в конце концов, он сам вызвался.

- Вы знакомы с этим пациентом, правда? - Из реанимационной палаты вышла Сэнди О'Тул.

- Да.

- Он приходит в себя, но потребуется время. - Медсестра передала профессору график, на котором были нанесены последние показания - температура Келли, его пульс, давление. - Выглядит многообещающе, доктор.

Профессор Розен кивнул.

- У него отличная мускулатура. Фельдшеры, прибывшие на место происшествия, сразу же сделали ему внутривенное вливание и поддержали давление. Он едва не истек кровью, но раны оказались не такими опасными, как это показалось сначала. Сэнди?

Она повернулась к Розену.

- Да, доктор?

- Пациент - мой хороший друг. Вы не будете возражать, если я попрошу оказать ему...

- Особое внимание?

- Я знал, что всегда могу на вас положиться, Сэнди.

- Может быть, мне еще что-нибудь стоит знать о нем? - спросила медсестра, польщенная комплиментом.

- Он - хороший человек, Сэнди, - произнес Сэм, и в его словах прозвучало искреннее тепло. - Саре он тоже нравится.

- Тогда о нем действительно стоит как следует позаботиться. - Она повернулась и снова вошла в реанимационную палату, пытаясь понять, не берет ли профессор на себя обязанности свата.

- Что мне сказать полиции?

- Четыре часа, как минимум. И я хочу присутствовать при этом. - Розен взглянул на кофейник и передумал. Еще немного - и его желудок лопнет от избытка кислоты.

- Так кто он такой?

- Подробности мне неизвестны, но у меня были неприятности в заливе, когда я вышел туда на своей яхте, и он выручил меня. А затем мы остались у него на уик-энд. - Сэм больше не продолжал. Он и сам знал не так много, но о многом догадывался и потому был изрядно напуган. Но он выполнил свой долг. Правда, это не он спас жизнь Келли - скорее всего, тут была удача и своевременное участие фельдшеров-пожарных, - но он провел исключительно тонкую операцию, хотя и вызвал недовольство нейрохирурга-резидента доктора Энн Претлоу, потому что не дал ей оперировать и в результате она только исполняла роль зрительницы. - Мне нужно немного поспать. На сегодня у меня ничего не запланировано. Вы не могли бы закончить то, что мы начали с миссис.

- Конечно.

- Пусть меня разбудят через три часа, - сказал Розен, направляясь в свой кабинет, где его ждал очень удобный диван.

- Хороший загар, - с ухмылкой заметил Билли. - Интересно, где она так здорово загорела? - Парни заулыбались. - Так что же нам с ней теперь делать?

Он уже подумал об этом. Совсем недавно Генри открыл превосходный способ избавляться от трупов, гораздо более аккуратный - по-своему - и намного безопаснее того, которым они пользовались раньше. Но для этого требовалась продолжительная поездка на катере, а сейчас у него просто не было на это времени. К тому же ему не хотелось, чтобы кто-то кроме него пользовался этим методом, - он был слишком хорош, чтобы делиться им с кем-то. Билли знал, что кто-нибудь обязательно проболтается. В этом заключалась одна из проблем.

- Отыщите для нее место, - сказал он после недолгого раздумья. - Если ее найдут, это не будет иметь особого значения. - Затем он окинул взглядом присутствующих, оценивая выражения их лиц. Да, урок оказался достаточно убедительным. Больше никто не попытается убежать, по крайней мере в ближайшее время. Ему даже не понадобилось никого предупреждать.

- Сегодня вечером? Лучше, когда стемнеет.

- Хорошо. Спешить некуда. - Урок будет тем более убедительным, если все будут смотреть на нее до конца дня, распростертую посреди пола. Нельзя сказать, что он получил от этого какое-то особое удовольствие, но людям требуется урок, и даже когда для одной из них это слишком поздно, остальные научатся на ее ошибках. Особенно когда урок был таким ясным и жестоким. Даже наркотики не смогут смягчить его воздействие.

- А как с парнем? - спросил он Билли. Билли снова ухмыльнулся.

- Разнес его в клочья. - Это было его любимое выражение. - Из обоих стволов, с десяти футов. Больше мы его не увидим.

- О'кей. - Он вышел. У него было еще много дел, и нужно было получить деньги. Теперь эта маленькая проблема осталась позади. Жаль, подумал он, направляясь к своему автомобилю, что все его трудности не могут быть улажены так же легко.

Тело осталось лежать посреди комнаты. Дорис и все остальные девушки сидели там же, не в силах отвернуться от того, что было когда-то их подругой, постигая урок, как этого хотел Генри.

Келли смутно почувствовал, что его куда-то перевозят. Пол двигался под ним. Он следил за тем, как перемещались задиры между плитками, словно имена актеров второго плана на экране кинотеатра после окончания фильма. Наконец он оказался в другой комнате, поменьше размером. На этот раз он попытался поднять голову, и ему удалось увидеть женские ноги. Зеленые хирургические брюки заканчивались в нескольких дюймах над лодыжками, определенно принадлежащими женщине. Послышался жужжащий звук, и поле его зрения опустилось. Через мгновение он понял, что находится в кровати, управляемой мотором и подвешенной на двух кольцах из нержавеющей стали. Его тело было каким-то образом закреплено на ней, и, когда кровать поворачивалась, Келли чувствовал давление удерживающих его ремней. Нельзя сказать, что давление было сильным и причиняло ему боль, но он чувствовал его. Наконец он увидел и женщину. Она была на год или два моложе его, каштановые волосы виднелись из-под зеленой шапочки, а светлые глаза дружески улыбались ему.

- Привет, - послышался ее голос из-за зеленой маски. - Я - ваша медсестра.

- Где я? - прохрипел Келли.

- В больнице Джонса Хопкинса.

- Что со мной...

- Кто-то выстрелил в вас. - Женщина коснулась его руки своей ладонью.

Ее мягкая и прохладная рука пробудила что-то в его сознании, все еще не оправившемся от наркоза. Несколько минут Келли не мог понять, что с ним. Словно облачко дыма двигалось и вращалось перед его глазами, образуя неясный рисунок. Недостающие части рисунка начали сливаться в единое целое, и, хотя он знал, что конечным результатом будет ужас, его сознание торопило образующуюся картину. В итоге проблему решила сама медсестра.

Сэнди О'Тул оставила маску на лице неслучайно. Будучи женщиной привлекательной, она, подобно большинству медсестер, чувствовала, как пациенты-мужчины реагируют на проявление к ним особого внимания с ее стороны. Теперь, когда пациент Джон Келли более или менее пришел в себя, она подняла руки и сняла маску, продемонстрировав ему сияющую женскую улыбку - первое приятное впечатление для него за весь день. Сандра О'Тул нравилась мужчинам. Им

нравилась ее высокая крепкая фигура и все остальное в ней, вплоть до щели между верхними передними зубами. Она не имела представления, почему они считали это таким привлекательным - в конце концов, между зубами застревала пища, - но, пока эта щель действовала привлекающе на мужчин, это было еще одним инструментом в ее работе, направленной на то, чтобы помогать больным выздоравливать. Вот почему она улыбнулась Келли, исключительно из соображений поддержать его, чтобы он почувствовал себя лучше. Однако с таким результатом ей еще не приходилось сталкиваться.

Лицо ее пациента вдруг сделалось смертельно бледным, не просто белым, как снег или свежестыранная простыня, а каким-то пятнистым и болезненным, словно серый пластик. Ее первой мыслью было, что произошло нечто очень серьезное, внутреннее кровоизлияние, может быть, или тромб закупорил кровеносный сосуд. Он хотел закричать, но у него перехватило дыхание, и руки безвольно опустились на кровать. Его глаза не отрывались от нее, и через несколько мгновений она поняла, что каким-то образом вызвала у него картину происшедшего. Сэнди О'Тул инстинктивно хотела взять его за руку и сказать, что все в порядке, но тут же поняла, что это не правда.

- О, Боже мой... Боже мой... Пэм. - На лице Келли, словно вырубленном из гранита, застыло выражение беспредельного отчаяния.

- Она была со мной, - сказал Келли Розену несколько минут спустя. - Вам что-нибудь известно о ней, док?

- Через несколько минут сюда приедет полиция, Джон, но о ней я ничего не знаю. Может быть, ее отвезли в другую больницу. - Он хотел надеяться, но знал, что это ложь, и ненавидел себя за это. Розен с деловым видом измерил у Келли пульс и давление - Сэнди могла бы сделать все это не хуже его, - затем посмотрел на спину своего пациента. - С тобой все будет в порядке. Как плечо?

- Не так уж здорово, Сэм, - ответил Келли все еще слабым голосом. - А что, рана действительно тяжелая?

- В тебя стреляли из охотничьего ружья - повреждения были серьезными, но..., скажи, стекло в машине было поднято?

- Да, - ответил Келли, вспомнив про дождь.

- Это была одна из причин, которая спасла тебя. Мышцы на плече изрядно порваны, и ты едва не умер от потери крови, но все пройдет - за исключением шрамов. Я сам занимался тобой.

Келли посмотрел на него:

- Спасибо, Сэм. Боль не такая уж сильная..., в прошлый раз, когда я..., было куда хуже...

- Успокойся, Джон, - мягко проговорил Розен, внимательно глядя на его шею. Пожалуй, нужно сказать, чтобы сделали еще один полный комплект рентгеновских снимков, подумал он. Надо убедиться, что он ничего не упустил, особенно вблизи позвоночника. - Сейчас ты почувствуешь, как сработает обезболивающее, так что давай без героики. Мы не даем здесь за это медали. О'кей?

- Да-да. Пожалуйста, проверь другие больницы. Может быть, Пэм там? - попросил Келли все еще с надеждой в голосе, хотя уже знал, что все потеряно.

Двое полицейских в мундирах все это время ждали, когда Келли придет в себя и сможет отвечать на вопросы. Розен через несколько минут ввел в палату старшего из них. Расспросы по требованию врача продолжались недолго. Подтвердив его личность, они начали расспрашивать относительно Пэм; у полиции уже было описание внешности девушки, но они не знали ее фамилии, и Келли сообщил ее. Полицейские записали показания Келли о намечавшейся встрече с лейтенантом Алленом и ушли через несколько минут, когда Келли начал погружаться в беспамятство. Розен указал полицейским, что потрясение от раны и последующей операции, а также последствия наркоза все равно уменьшат ценность того, что Келли им рассказал.

- Так кто же эта девушка? - спросил старший полицейский.

- Я не знал даже ее фамилии несколько минут назад, - ответил Розен, усаживаясь в свое кресло в кабинете. Он чувствовал себя полусонным от постоянного недосыпания, так что его объяснения также были не совсем четкими. - Она страдала от наркотической привычки к барбитуратам, когда мы встретились с ними, - полагаю, она жила с Келли. Мы помогли ей избавиться от этой привычки.

- Кто это - мы?

- Я и моя жена Сара. Она работает в больнице фармакологом. Вы можете поговорить с ней, если хотите.

- Поговорим, - заверил его полицейский. - А что относительно мистера Келли?

- Служил на флоте, ветеран войны во Вьетнаме.

- У вас есть основания считать, что он наркоман, сэр?

- Ни малейших, - резко ответил Розен. - Его физическое состояние слишком хорошее для этого, и я видел его реакцию, когда он узнал, что Пэм принимает барбитураты. Мне пришлось успокаивать его. Он определенно не наркоман. Я - врач и заметил бы это.

Заявление профессора Розена не произвело слишком большого впечатления на полицейского, но он поверил ему. Детективам тут придется немало потрудиться, подумал он. То, что сначала казалось простым ограблением, стало теперь и похищением - по меньшей мере. Великолепные новости.

- Тогда что же он делал в той части города?

- Не знаю, - признался Сэм. - А кто этот лейтенант Аллен?

- Отдел по расследованию убийств, западный округ, - объяснил полицейский.

- Интересно, почему они назначили встречу.

- Это мы узнаем у лейтенанта, сэр.

- Это было ограбление?

- Вероятно. Очень похоже на то. Мы нашли его бумажник в квартале от места происшествия - там было только водительское удостоверение. Деньги и кредитные карточки исчезли. Кроме того, у него в автомобиле был пистолет. Грабители не успели найти его. Между прочим, владение пистолетом незаконно, - заметил полицейский. В кабинет вошел второй коп.

- Я проверил имя пострадавшего - мне показалось, что я слышал его раньше. Он помогал Аллену в расследовании. Помнишь, в прошлом году, дело Гудинга?

Старший полицейский поднял голову от записей.

- Да, конечно! Он тот самый парень, который нашел револьвер?

- Точно, и затем занялся подготовкой наших ныряльщиков.

- Это все равно не объясняет, какого "черта он делал в той части города, - заметил полицейский.

- Верно, - согласился его напарник. - Но теперь трудно поверить, что он связан с преступным миром. Старший полицейский покачал головой:

- С ним была девушка. Она исчезла.

- Еще и похищение? Что нам известно о ней?

- Всего лишь имя. Памела Мадден. Двадцать лет, была наркоманкой, теперь бросила это дело, исчезла. У нас есть мистер Келли, его автомобиль, его пистолет - вот и все. Гильз от дробовика не обнаружено. Никаких свидетелей. Исчезнувшая - скорее всего, девушка, но описание ее подходит к десяти тысячам местных молодых женщин. Ограбление и похищение. - В общем-то не такой уж нетипичный случай. Полиция часто начинала расследование, не имея почти никаких сведений. Как бы то ни было, оба полицейских, которые сидели в своих мундирах в кабинете профессора Розена, почти не сомневались, что детективы возьмутся за расследование этого преступления почти немедленно.

- Она не местная. У нее был техасский акцент, откуда-то с центральной равнины.

- Что еще? - спросил старший полицейский. - Давайте, док, расскажите нам все, что вам известно, ладно? На лице Сэма появилась недовольная гримаса:

- Она была жертвой сексуального насилия. Не исключено, что занималась проституцией. Моя жена сказала, черт побери, да я сам видел это - следы от шрамов на ее спине. Ее секли по спине и ягодицам, там остались шрамы от ударов, вот так. Мы не пытались расспрашивать ее, но она могла быть проституткой.

- Вам не кажется, что у мистера Келли странные привычки и знакомые? - заметил полицейский, продолжая вести записи.

- Судя по тому, что вы только что сказали, он помогает полицейским, верно? - сердито бросил профессор Розен. - У вас еще есть вопросы? Мне пора на обход.

- Доктор, перед нами определенно попытка совершить убийство, возможно, связанная с ограблением, а может быть, еще и похищение. Это серьезные преступления. Я должен выполнить свой долг, равно как и вы - свой. Когда мы сможем как следует допросить Келли?

- Возможно, завтра, хотя он окончательно придет в себя только через пару дней.

- Завтра в десять утра вас устроит, сэр?

- Да.

Полицейские встали.

- Тогда завтра кто-нибудь приедет из полицейского департамента, сэр.

Розен смотрел им вслед. Как ни странно, впервые ему пришлось принять участие в расследовании уголовного преступления. Его работа большей частью касалась транспортных происшествий и несчастных случаев на промышленных предприятиях. Он не мог поверить, что Келли может быть как-то связан с преступным миром, и все-таки именно на это, казалось, намекали полицейские своими вопросами. Дверь открылась, и вошла доктор Претлоу.

- Мы закончили анализ крови у Келли. - Она передала профессору результаты. - Гонорей. Ему следовало быть более осторожным. Я рекомендую лечение пенициллином. Нам ничего не известно, если ли у него аллергия?

- Нет. - Розен закрыл глаза и молча выругался. Какие еще неприятности могут случиться сегодня?

- Лечение не будет трудным, сэр. Похоже, мы захватили болезнь в очень ранней стадии. Когда ему станет лучше, я попрошу кого-нибудь из отдела общественных служб поговорить с ним относительно...

- Нет, я запрещаю это, - произнес Розен хриплым голосом.

- Но...

- Но девушка, заразившая его, скорее всего мертва, и мы не заставим Келли вспоминать ее таким образом. - Впервые Сэм признал эту вероятность и потому почувствовал, что ситуация стала хуже из-за того, что он объявил девушку мертвой. У него не было надежных доказательств, но инстинкт подсказывал ему, что она мертва.

- Доктор, закон требует...

Это было уже слишком. Розен почувствовал, что едва сдерживается.

- Мы спасли хорошего человека, доктор. Я видел, как он полюбил девушку, которую, скорее всего, убили, и его последнее воспоминание о ней не будет воспоминанием о человеке, заразившем его венерическим заболеванием. Это понятно, доктор? Что касается пациента, то прописанное ему лечение будет направлено на лечение послеоперационной инфекции. Внесите это в его карту.

- Нет, доктор, я не сделаю этого.

Профессор Розен сам внес необходимые записи.

- Вот и все. - Он поднял голову. - Доктор Претлоу, у вас есть задатки блестящего хирурга. Постарайтесь запомнить, что пациенты, подвергающиеся нашим операциям, тоже человеческие существа и у них есть чувства.

Понятно? Если вам удастся это, мне кажется, в конце концов вы обнаружите, что ваша работа стала намного легче. А это делает вас намного лучшим врачом.

И чего это он так разошелся? - спросила себя Претлоу, выходя из кабинета.

Глава 8

Сокрытие

Это явилось следствием нескольких моментов. Двадцатое июня было жарким пасмурным днем. Фотограф из газеты “Балтимор сан” получил новый фотоаппарат “Никон”, который заменил его почтенную камеру “Ханиуэлл пенакс”, и хотя он грустил по своему старому другу, новая камера, подобно новой любви, обладала целым рядом достоинств, которые можно было с наслаждением опробовать. Одним из достоинств “Никона” был набор объективов с разными фокусными расстояниями, в том числе и телеобъективом, подаренных агентом-распространителем. Это была новая модель “Никона”, и фирма, выпускающая камеры, хотела, чтобы их быстро приняло на вооружение сообщество фоторепортеров, занимающихся новостями. В результате двадцать фотографов из разных американских газет бесплатно получили от фирмы новенькие камеры и наборы объективов, включая и длиннофокусные. Боб Прайс попал в их число благодаря Пулитцеровской премии, врученной ему три года назад. Сейчас он сидел в своем автомобиле на подъездной аллее к Друид-лейк, прислушиваясь к разговорам, доносящимся из радиоприемника, настроенного на полицейскую частоту, в надежде, что что-нибудь случится. Ничего, однако, не происходило. Поэтому он занимался своей новой камерой, практикуясь в смене объективов. “Никон” был изготовлен просто блестяще, и как пехотинец учится разбирать и собирать свою винтовку в полной темноте, так Прайс тренировался в замене объективов на ощупь, заставляя себя осматривать окрестности просто как средство отводить глаза от процедуры, ставшей для него такой же естественной и привычной, как застегивание молнии на брюках.

Первыми его внимание привлекли вороны. На озере, имевшем не правильную форму, в стороне от центра находился фонтан. Он не являл собой пример архитектурного совершенства: это был всего лишь гладкий бетонный цилиндр, выступающий на шесть или восемь футов над поверхностью воды. Из нескольких наконечников на его срезе били - более или менее вертикально - струи воды, хотя сегодня из-за меняющегося ветра они беспорядочно разбрасывались в разных направлениях. Вороны кружили над водой, время от времени пытались влететь внутрь этого хоровода струй, но кружащиеся водоворотом полосы чистых белых брызг отпугивали их. Что так привлекало ворон? Боб нащупал кожаный футляр с объективом длиной в 200 миллиметров, автоматически присоединил его к камере и поднес к глазам.

- Боже милосердный! - Прайс тут же заснял десять кадров. Лишь после этого он связался по радио со своей газетой и попросил оператора немедленно вызвать сюда полицию. После этого он снова сменил объектив, присоединив на этот раз самый длиннофокусный - с расстоянием в 300 миллиметров. Отсняв одну кассету, он тут же вставил другую, на этот раз цветную, с чувствительностью в 100 единиц. Прайс положил камеру для устойчивости на край окна старого потрепанного “шевроле” и отснял еще одну кассету. Одна ворона, заметил он, сумела пролететь между струями воды и опустилась на...

- О Господи, только не это... - В конце концов, там было человеческое тело, молодая женщина, белая как алебастр, и сквозь мощную оптику объектива он видел ворону прямо на теле, ее когтистые лапы расхаживали по нему, безжалостные черные глаза птицы разглядывали то, что для нее было всего лишь большим и разнообразным куском пищи. Прайс положил камеру на сиденье и включил сцепление. Дважды нарушив правила уличного движения, он подъехал как можно ближе к фонтану и в редком для него порыве человечности, пересилившем профессионализм, нажал на кнопку гудка, надеясь спугнуть птицу. Ворона подняла голову, увидела, что источник шума не представляет для нее непосредственной опасности, и продолжила поиски первого лакомого куска для своего железного клюва. И тогда Прайсу пришла в голову случайная, но удачная мысль. Он мигнул фарами дальнего света, и для птицы это оказалось достаточно неожиданным, чтобы она испугалась и улетела от труп. В конце концов, светящиеся глаза могли принадлежать сове, да и добыча куда не денется. Ворона решила просто подождать, пока минует опасность, и уж затем вернуться к пище.

- Что случилось? - спросил коп, подъезжая к машине Прайса.

- Там, на фонтане, человеческое тело. На, посмотри. - Он протянул полицейскому свой “Никон” с телеобъективом.

- Боже мой! - выдохнул полицейский и, пристально посмотрев на фонтан, вернул камеру фоторепортеру. Затем он связался по радио с полицейским участком, а Прайс тем временем отснял еще одну кассету. Начали прибывать полицейские автомобили - совсем как вороны, один за другим, - пока на берегу озера, поблизости от фонтана, не собралось восемь машин. Через десять минут прибыла пожарная машина одновременно с сотрудником управления парками и зонами отдыха, за пикапом которого на трейлере была лодка. Ее быстро спустили на воду. Затем в своем фургоне подъехали сотрудники лаборатории судебной медицины. Теперь пришло время отправляться к фонтану. Прайс предложил поехать в лодке вместе с полицейскими - он был куда лучшим фотографом, чем тот, которого привезли с собой копы, - но ему отказали, и потому он продолжал снимать развитие событий с берега. Прайс знал, что за эти снимки он не получит еще одного Пулитцера. Он мог бы получить этот заветный приз, подумал репортер, однако тогда ему пришлось бы заплатить за него слишком большую цену - запечатлеть инстинктивные действия отвратительной птицы, оскверняющей тело девушки в центре огромного города. Это была слишком высокая цена за последующие кошмары. У Прайса и так их было слишком много.

Вокруг собралась толпа. Полицейские стояли маленькими группами, обмениваясь негромкими замечаниями и

мрачными шутками. Прибыл телевизионный грузовик из студии на Телевижэн-хилл, к северу от городского зоопарка. Боб Прайс часто бывал там со своими детьми. Им особенно нравился лев, которого звали без особого воображения просто Лео, белые медведи и все остальные хищники, отделенные в целях безопасности от зрителей стальными решетками и каменными стенами. В отличие от некоторых людей, подумал он, глядя, как поднимают тело девушки и кладут его в резиновый мешок. По крайней мере ее мучениям пришел конец.

Прайс зарядил в "Никон" новую кассету и заснял, как тело переносят из лодки в машину судебного врача. Репортер из "Балтимор сан" уже прибыл на место происшествия. Он расспросит о подробностях, пока Прайс в своей лаборатории на Калвер-стрит будет выяснять, насколько хороша его новая камера.

- Джон, они нашли ее, - сказал Розен.

- Мертвой? - Келли не мог поднять голову. Тон Сэма уже не оставлял сомнений. Это не удивило Джона, однако конец надежде никогда не приходит просто.

- Да, - кивнул Сэм.

- Как?

- Я еще не знаю этого. Из полиции позвонили несколько минут назад, и я пришел сказать тебе об этом, не теряя времени.

- Спасибо, друг. - Если человеческий голос мог звучать мертвым, сказал себе Сэм, то голос Келли звучал именно так.

- Извини меня, Джон. Я.., ты знаешь мое отношение к ней.

- Да, сэр, знаю. Ты ни в чем не виноват, Сэм.

- Ты ничего не ешь. - Розен показал на поднос с едой.

- Я не голоден.

- Если хочешь выздороветь, должен есть, чтобы вернуть силы.

- Зачем? - спросил Келли, глядя в пол.

Розен подошел к нему и взял за правую руку. Что он мог ему сказать? Хирург не осмелился посмотреть в лицо Келли. Он узнал достаточно, чтобы понять, что его друг винит себя в смерти девушки, но еще не понял всего, чтобы поговорить с ним об этом. Для Сэма Розена, доктора медицины, члена Американской ассоциации хирургов, смерть была постоянным спутником. Нейрохирурги занимались серьезными травмами, затрагивающими самые чувствительные участки человеческого тела, и часто были не в состоянии чем-нибудь помочь. Однако неожиданная смерть знакомого человека может перечеркнуть все человеческие привычки.

- Я могу тебе чем-нибудь помочь? - спросил он через пару минут.

- Пока ничем, Сэм. Спасибо.

- Может быть, пригласить священника?

- Нет, не надо.

- Это ведь не твоя вина, Джон.

- Тогда чья? Она поверила мне, Сэм, и я не оправдал ее доверия.

- Полиция хочет поговорить с тобой еще. Я сказал им - завтра утром.

Сегодня утром детективы беседовали с ним во второй раз. Келли уже рассказал им почти все, что ему было известно. Ее имя и фамилию, как они встретились. Да, они были в близких отношениях. Да, она убежала из дома и стала проституткой. Да, на ее теле были следы насилия. Но он не рассказал им всего. Каким-то образом он не мог заставить себя сообщить им все - тем самым он посвятил бы посторонних людей во всю глубину своего несчастья. Поэтому он избежал некоторых вопросов, сославшись на боль, которая была достаточно сильной, но не настолько, чтобы отказаться говорить. Он уже чувствовал, что не нравится полицейским, но это его не пугало. В данный момент он сам себе не слишком нравился.

- О'кей.

- Я могу - я должен заменить некоторые лекарства, которые прописал тебе. Сначала я хотел вывести тебя на минимальных дозах, потому что не люблю слишком уж увлекаться. Однако теперь решил, что нужны большие, они помогут тебе расслабиться, Джон.

- Хочешь накачать меня наркотиками? - Келли поднял голову. На лице его было выражение, которое у Розена потом долго стояло перед глазами. - Ты думаешь, это чем-нибудь поможет, Сэм?

Розен отвернулся, не в силах встретить его взгляд теперь, когда это стало возможно.

- Тебя уже можно переложить на обычную кровать. Через несколько минут тебя переложат.

- О'кей.

Хирургу хотелось сказать что-нибудь еще, но он не мог найти подходящих слов. Он молча вышел.

Понадобились усилия Сэнди О'Тул и двух санитаров, чтобы переложить его как можно осторожнее на обычную больничную кровать. Сестра подняла подголовник, чтобы ослабить нагрузку на его раненое плечо.

- Я уже слышала, - сказала она ему. Ее беспокоило, что горе Келли не находило нормального выхода. Он был крепким мужчиной, круглым парнем, отнюдь не дураком. Может быть, он принадлежал к числу тех, кто плачет один на один с собой, но Сэнди была уверена, что он еще не делал этого. А она знала, что это необходимо. Слезы помогали яду покинуть организм - яду, который, если останется внутри, будет не менее смертельным, чем настоящий яд. Медсестра села рядом с его кроватью.

- Я - вдова, - сказала она ему.
- Вьетнам?
- Да, Тим был капитаном в Первой дивизии легкой пехоты.
- Мне очень жаль, - произнес Келли, не поворачивая головы. - Они спасли меня однажды.
- Это нелегко. Я знаю.
- В прошлом ноябре я потерял Тиш, и вот теперь...
- Сара рассказала мне. Мистер Келли...
- Джон, - тихо произнес Келли. Он не мог заставить себя резко разговаривать с ней.
- Спасибо, Джон. Меня зовут Сэнди. Неудача еще не значит, что вы плохой человек, - сказала он голосом, выражающим то, что он произнес, хотя и звучал не совсем так.
- Дело вовсе не в неудаче. Она предупредила меня, что это опасное место, а я все равно взял ее туда, потому что мне хотелось посмотреть самому.
- Вы едва не погибли, пытаетесь спасти ее.
- Я не пытался спасти ее, Сэнди. Я просто ее убил. - Глаза Келли были сейчас широко открыты и глядели в потолок. - Я вел себя глупо и невнимательно и этим убил ее.
- Другие убили ее, а еще кто-то пытался убить вас. Вы просто жертва.
- Не жертва, а дурак.
Об этом поговорим позже, сказала себе медсестра О'Тул.
- А что она была за девушка, Джон, - спросила она вслух.
- Несчастная. - Келли повернулся, чтобы взглянуть ей в лицо, но от этого стало только хуже. Он в нескольких словах рассказал ей, что представляла собой Памела Старр Мадден, ныне покойная.
- Значит, после того как все мужчины причиняли ей боль или пользовались ею, ты дал этой девушке что-то, чего не давал ей никто. - О'Тул сделала паузу, ожидая ответа, но ответа не последовало. - Ты дал ей любовь, правда?
- Да. - Тело Келли проняла дрожь. - Да, я любил ее.
- Не сдерживай горе в себе, - сказала ему медсестра. - Дай ему выход.
Он закрыл глаза, а затем покачал головой:
- Не могу.

Это будет трудный пациент, сказала она себе. Культ мужественности был для нее тайной, странной и непонятной. Она видела его в своем муже, который во Вьетнаме прослужил свой срок лейтенантом, а затем снова вернулся туда уже командиром роты. Ему не нравилась война, он не стремился к ней, но в то же время не избегал ее. Это - часть его работы, сказал он ей в их брачную ночь за два месяца до отъезда. Глупая опустошительная работа, отнявшая у нее мужа и, боялась она, ее жизнь. Кому интересно, что происходит в такой дали? И все-таки это было важно для Тима. Какой бы ни была эта сила, в наследство она оставила ей пустоту, и она ощущала ее так же реально, как и жестокую боль на лице своего пациента. О'Тул узнала бы больше об этой боли, если бы заставила себя подумать на шаг дальше.

- Это было просто глупо.
- Может, это и так, - согласился Таккер. - Но я не могу допустить, чтобы мои девушки уезжали, не спросив моего разрешения, верно?
- А тебе не приходило в голову, что их можно хоронить?
- Это мог бы сделать кто угодно. - Он улыбнулся в темноте, не отводя взгляд от экрана. Они сидели в заднем ряду кинотеатра, построенного в центре города, кинодворца тридцатых годов, который постепенно ветшал, так что наконец решено было показывать фильмы в девять утра, чтобы собрать средства хотя бы на окраску. Но кинотеатр по-прежнему оставался хорошим местом для тайных встреч с секретным осведомителем - именно так будет записана эта встреча в отчете о действиях за день этого полицейского офицера.
- Да и то, что не сумели убить этого парня, - тоже небрежность.
- Он может доставить нам неприятности? - спросил Таккер.
- Нет. Ведь он ничего не видел, правда?
- Вы знаете об этом лучше меня, приятель.
- Я не могу затребовать конкретные материалы по этому делу, помните? - Мужчина сунул в рот пригоршню попкорна и принялся раздраженно жевать. - Он известен в департаменте. Бывший ныряльщик, служил на военно-морском флоте, поселился где-то на восточном берегу. Насколько я понимаю, имеет средства и живет, не работая и ни в чем не нуждаясь. В результате первой беседы ничего не прояснилось. Сейчас этим делом занимаются Райан и Дуглас, но непохоже, чтобы у них была информация, которую можно использовать.
- Это она и сказала, когда мы... "говорили" с ней. Он подобрал ее, и похоже, что они классно провели время, но ее запас таблеток кончился, и она попросила его отвезти ее в город, чтобы пополнить его. Так что ничего страшного не случилось, верно?
- Нет, пожалуй, но давай не оставлять незаконченных дел.
- Хотите, я прикончу его прямо в больнице? - небрежно бросил Таккер. - Думаю, я сумею устроить это.
- Нет, ни в коем случае! Ты с ума сошел - ведь это расследуется как попытка ограбления. Если с ним что-нибудь случится, к делу будет привлечено внимание. Нам это не нужно. Оставь его в покое. Он ничего не знает.
- Значит, он не станет источником неприятностей? - Таккеру хотелось выяснить все до конца.

- Нет, не станет. Вот только постарайся запомнить, что нельзя начать расследование убийства, если нет трупа.
- Мне нужно поддерживать дисциплину у моих людей.
- Из того, что мне известно, ты сделал с ней такое...
- Необходимо поддерживать дисциплину, - настаивал на своем Таккер. - Она послужит хорошим примером. Если поступить круто и беспощадно, на некоторое время у тебя не будет никаких проблем. Вы не имеете к этому никакого отношения. Почему это вас так беспокоит?

Еще одна пригоршня попкорна помогла мужчине согласиться с логикой вопроса.

- У тебя есть что-нибудь для меня? Таккер улыбнулся в темноте:
- Мистер Пиаджи вошел во вкус. Бизнес со мной ему нравится.
- Я не доверяю ему, - фыркнул мужчина.
- Это что, на самом деле становится запутанным? - Таккер помолчал. - Но мне нужны его связи. Мы вот-вот начнем крупные дела.

- Когда?

- Скоро, - рассудительно ответил Таккер. - Думаю, следующий этап - начнем посылать продукт на север. Между прочим. Тони сейчас там, ведет переговоры.

- А что у тебя есть сейчас? Мне нужно что-нибудь горячее.

- Трое парней с тонной травки годится? - спросил Таккер.

- Они знают о тебе?

- Нет, зато я знаю о них. - В конце концов, в этом и заключалось дело - его организация была компактной. Только горстка людей знала, кто он, и эти люди не сомневались, что их ждет, если они проболтаются. Нужно всего лишь иметь под рукой достаточно камней, чтобы обеспечить строгую дисциплину.

- Будьте с ним помягче. - Розен остановился у двери в частную палату. - Он приходит в себя после тяжелой операции и по-прежнему принимает лекарства. Вообще-то он не готов к беседе с вами, так как не совсем отдает себе отчет в том, что говорит.

- У меня приказ, доктор. - Это был новый полицейский, принимающий участие в расследовании, - сержант детективов Том Дуглас. Ему было около сорока, и он выглядел таким же усталым, как Келли, и таким же мрачным, подумал Розен.

- Я это понимаю. Но он перенес тяжелое ранение, не говоря уже о шоке, когда узнал, что случилось с его подругой.

- Чем быстрее мы получим нужную информацию, тем больше шансов арестовать этих мерзавцев. Ваше дело - заботиться о живых, доктор. Мне приходится думать о мертвых.

- Если вас интересует мое мнение как врача, он неспособен оказать сейчас вам помощь. Он пережил слишком много, и потому у него клиническая депрессия. Это может помешать его физическому выздоровлению.

- Иными словами, вы хотите присутствовать при моем разговоре с ним? - спросил Дуглас. Только этого мне не хватало, подумал он, - дилетанта Шерлока, наблюдающего за нами. Однако он знал, что не сможет победить в этой борьбе, и не хотел даже пробовать.

- Я буду чувствовать себя лучше, если смогу следить за его состоянием. Прошу вас, будьте с ним помягче, - повторил Розен, открывая дверь.

- Надеюсь, вы нас извините, мистер Келли, - произнес детектив, представившись пациенту, затем открыл свою записную книжку. Расследование поручили его отделу ввиду огромного интереса общественности. Цветная фотография, занимавшая всю первую страницу газеты "Ивнинг сан", была на грани порнографии, дозволенной средствам массовой информации, и мэр лично потребовал принятия решительных мер. Ввиду этого расследование было поручено Дугласу. Он взялся за дело, недоумеая, сколько времени продлится интерес мэра к расследованию. Недолго, решил детектив. Единственное, что интересует политика больше недели, - это как привлечь и удержать наибольшее количество голосов избирателей. Расследование только началось, но уже пошло по такой извилистой траектории, что в нем можно насчитать больше вращений и поворотов, чем у самой крученой подачи Майка Куеллара, прославившегося на бейсбольном поле. И все-таки дело поручили ему, Дугласу, а сейчас предстояло сделать худшую его часть.

- Итак, две ночи назад вы были вместе с молодой женщиной по имени Памела Мадден?

- Да. - Глаза Келли были закрыты, когда медсестра О'Тул вошла в палату с блюдцем, где лежала таблетка. Она с удивлением увидела здесь еще двух мужчин и остановилась на пороге, не зная, нужно ли ей прерывать разговор.

- Мистер Келли, вчера во второй половине дня мы обнаружили тело молодой женщины, похожей по описанию на мисс Мадден. - Дуглас сунул руку в карман пиджака.

- Нет! - воскликнул Розен, рывком поднявшись с кресла.

- Это она? - спросил Дуглас, держа фотографию перед лицом Келли, надеясь, что краткость вопроса сумеет смягчить неожиданность.

- Черт вас побери! - Хирург развернул детектива кругом и прижал к стене. Толчок был настолько резким, что фотография упала на грудь пациента.

Глаза Келли расширились от ужаса. Его тело рванулось вперед, сдерживаемое ремнями, которыми оно было пристегнуто к кровати. Затем он рухнул назад, бледный как смерть. Все, кто присутствовал в комнате, отвернулись, только глаза медсестры устремились на пациента.

- Послушайте, док, я... - попытался проговорить Дуглас.

- Вон из моей больницы! - крикнул Розен. - Вы можете убить человека таким потрясением! Почему вы не сказали мне...

- Он должен опознать...

- Я мог сделать это!

О'Тул услышала шум борьбы - двое взрослых мужчин толкались, как дети на игровой площадке, - но ее заботило прежде всего состояние раненого. Она по-прежнему держала в руке блюдце с таблеткой. Другой рукой Сэнди попыталась взять фотографию у Келли, но ее собственные глаза были прикованы к изображению. Ее потрясло увиденное. Келли схватил снимок и поднял его перед собой в каких-то двенадцати дюймах от широко открытых глаз. Теперь все ее внимание было обращено на выражение лица Келли. Сэнди даже отступила на шаг, глядя, как оно исказилось, но через мгновение Келли взял себя в руки и произнес, обращаясь к Розену:

- Все в порядке, Сэм. Ничего не поделаешь, у него такая работа. - Келли последний раз взглянул на снимок, закрыл глаза и протянул фотографию медсестре.

Все пришло в порядок для находящихся в комнате, кроме медсестры О'Тула. Она проследила за тем, как Келли проглотил большую таблетку, и вышла из палаты в тишину коридора. Там она направилась к столику дежурной медсестры, вспоминая то, что увидела лишь она одна.

Когда лицо Келли побледнело, ее первой реакцией был испуг, что эта бледность вызвана шоком, потом она услышала шум позади себя - но что потом? Это совсем не походило на случившееся в первый раз. Лицо Келли изменилось, всего на мгновение, словно она открыла дверь в какое-то другое пространство и увидела что-то, никогда прежде не приходившее ей в голову, что-то древнее, хищное и безобразное. Его глаза не расширились, но устремились на что-то, чего она не видела. Бледность на его лице была вызвана не шоком, а яростью. На мгновение кисти рук сжались в дрожащие камни. И тут его лицо снова изменилось. Понимание заменило слепую, убийственную ярость, и то, что она увидела потом, было самым опасным зрелищем, которое ей доводилось когда-нибудь видеть, хотя она не знала почему. Затем дверь закрылась. Келли сомкнул веки, и, когда он снова открыл глаза, его лицо было неестественно безмятежным. На все это потребовались считанные секунды, и она поняла, что все это время Розен и Дуглас боролись у стены. По его лицу пробежала целая гамма чувств - от ужаса до ярости и до понимания - и скрытности, но то, что было между пониманием и скрытностью, оказалось самым пугающим из всего.

Что она видела на лице этого человека? Ей понадобилось мгновение, чтобы ответить на этот вопрос. Она увидела там смертный приговор. Контролируемый. Планируемый. Дисциплинированный.

Но все-таки это была Смерть, жившая в уме человека.

- Мне самому не нравится заниматься такими вещами, мистер Келли, - виновато сказал Дуглас, приведя в порядок свой костюм. Детектив и хирург смущенно посмотрели друг на друга.

- Джон, с тобой все в порядке? - Розен осмотрел его и, взяв руку, удивился, что пульс оказался почти нормальным.

- Да, - кивнул Келли. Он посмотрел на детектива. - Это она. Пэм.

- Я прошу извинить меня. Честное слово, прошу прощения, - произнес Дуглас с подлинной искренностью, - но не существует деликатного способа опознания тела. Как бы то ни было, теперь все кончено и наша задача найти и арестовать людей, сделавших это. Нам понадобится ваша помощь.

- О'кей, - бесстрастно ответил Келли. - А где Фрэнк? Почему он не пришел?

- Лейтенант Аллен не может принимать участие в расследовании, - ответил сержант Дуглас, взглянув на хирурга. - Он знаком с вами. Личное знакомство с жертвой уголовного расследования считается профессионально недопустимым. - Это не совсем соответствовало правде - более того, даже близко не походило на правду, - но сослужило свою службу. - Вы не видели людей, которые...

Келли покачал головой, глядя на постель, и произнес тихим голосом, почти шепотом:

- Нет, я смотрел в другую сторону. Пэм сказала что-то, но я не успел повернуться. Пэм увидела их, я повернулся вправо, потом начал поворачиваться влево - и не успел.

- Чем вы занимались в это время?

- Наблюдал за тем, что происходит вокруг. Послушайте, вы ведь говорили с лейтенантом Алленом?

- Совершенно верно, - кивнул Дуглас.

- Пэм была свидетельницей убийства. Я должен был привезти ее к Фрэнку, чтобы она рассказала о том, что видела.

- Продолжайте.

- Она была связана с людьми, торгующими наркотиками. Она видела, как они убили кого-то, другую девушку. Я сказал ей, что она должна сделать что-то, чтобы покарать убийцу. Мне было интересно, как ведется продажа наркотиков.

- Келли говорил бесстрастно, все еще погруженный в чувство вины. Перед ним проносились картины случившегося.

- Имена?

- Я не помню.

- Бросьте, - произнес Дуглас, наклоняясь вперед. - Она должна была что-то рассказать вам.

- Я не спрашивал ее. Решил, что это ваша работа, - я хочу сказать, работа Фрэнка. Поздно вечером мы должны были встретиться с ним. Я знаю только, что это группа людей, торгующих наркотиками и использующих женщин для

чего-то.

- И это все, что вы знаете? Келли посмотрел детективу в глаза.

- Да. Боюсь, это мало вам поможет.

Дуглас подождал несколько секунд, прежде чем продолжить. То, что могло стать счастливым случаем в этом важном расследовании, не получилось, и потому наступила его очередь снова лгать, начиная с правды, чтобы ложь больше походила на правду.

- В западной части города орудуют двое грабителей. Двое чернокожих, среднего роста, и это все, что нам о них известно. Они вооружены обрезам. Они нападают на людей, приезжающих купить наркотики, и особенно на тех, кто приезжает из пригородов. Не исключено, что большинство ограблений даже проходит мимо нас, потому что ограбленные не хотят сообщать о цели своего приезда в эту часть города. Нам известно, что грабители совершили уже два убийства. Это может стать третьим.

- Это все? - спросил Розен.

- Ограбление и убийство - серьезные преступления, доктор.

- Но тут всего лишь несчастный случай!

- Это смотря как посмотреть, - возразил Дуглас, снова поворачиваясь к свидетелю. - Мистер Келли, вы, должно быть, видели что-то. Чем вы там занимались, черт побери? Может быть, мисс Мадден хотела купить что-нибудь...

- Нет!

- Послушайте, все кончено. Она мертва. Вы можете теперь рассказать мне обо всем. Мне нужно знать об этом.

- Я ведь уже сказал вам, она была связана с этой бандой торговцев наркотиками, а я - вам это может показаться глупым, - но я ничего не знаю о наркотиках. - Правда, скоро узнаю, и очень многое, подумал Келли.

Оставшись один, наедине с собой, Келли спокойно рассматривал потолок, глядя на белую поверхность, как на экран в кинотеатре.

Начать с того, что полиция ошибается, сказал себе Келли. Он не знал, каким образом это стало ему известно, но он знал, и этого было достаточно. Это были не грабители, это были люди, которых так боялась Пэм.

Все происшедшее совпадало с тем, что говорила ему Пэм. Они проделывали такое и раньше. Он допустил, что его заметили - дважды. Собственная вина по-прежнему мучила Келли, но теперь все осталось в прошлом и он не мог ничего изменить. Все совершенные им ошибки были уже совершены, и исправить их было нельзя. Те, кто убили Пэм, все еще были живы, и если они совершили это дважды, то не остановятся на этом и сделают снова. Но не это занимало его ум, скрытое бесстрашной маской и холодным взглядом, уставившимся в потолок.

О'кей, думал он. О'кей. Им никогда не встречался кто-то вроде меня.

Мне нужно быстрее выздороветь и войти в форму, сказал себе старший боцман Джон Терренс Келли.

Раны были тяжелыми, но он выжил. Он знал каждый шаг предстоящего ему процесса. Выздоровление будет болезненным, но он выполнит все, что ему скажут, даже постарается сделать это лучше, чем от него ожидают, чтобы им гордились. Затем начнется по-настоящему трудная часть подготовки. Бег, плавание, упражнения с тяжестями. Потом стрелковая подготовка. Наконец, психологическая тренировка - но она уже началась, понял он...

О нет. Даже в своих самых страшных кошмарах они не встречали никого подобного мне.

Кличка, полученная им во Вьетнаме, всплыла из глубины памяти.

Змея.

Келли нажал кнопку, прикрепленную к его подушке. Не прошло и двух минут, как в палату вошла медсестра О'Тул.

- Я проголодался, - сказал он ей.

- Надеюсь, мне больше никогда не придется делать подобного, - уже не в первый раз сказал Дуглас своему лейтенанту.

- Как все прошло?

- Начать с того, что этот профессор может обратиться в департамент с официальной жалобой. Мне кажется, я сумел его успокоить, но с такими людьми трудно быть уверенным.

- Келли что-нибудь известно?

- Ничего, что могло бы нам пригодиться, - ответил Дуглас. - Он все еще не пришел в себя от шока после ранения, операции и тому подобного, так что говорит не очень связно. Но он не видел лиц нападавших на него - черт побери, если бы он видел, то принял бы какие-то меры. Я даже показал ему фотографию, надеялся, что мне удастся немного встряхнуть его. Беднягу чуть не хватил удар. Доктор прямо-таки обезумел. Я совсем не горжусь своим поведением, Эм. Никому нельзя показывать такой снимок.

- Включая нас. Том, включая нас. - Лейтенант Эммет Райан поднял голову от толстой пачки фотографий, половина которых была сделана на месте, половина - в лаборатории судебно-медицинского эксперта. То, что он увидел, вызвало у него отвращение, несмотря на многие годы работы в полиции, особенно потому, что это преступление было совершено не в приступе безумия или порыве страсти. Нет, это было сделано людьми с холодным рассудком. - Я говорил с Фрэнком. Этот Келли - хороший парень. Он помог Фрэнку в расследовании дела Гудинга. Келли не связан ни с кем. Врачи говорят, что он чист, не принимает наркотиков.

- Что-нибудь о девушке? - Дуглас промолчал о том, что это мог быть тот счастливый случай, в котором они так нуждались. Если бы только Келли обратился к ним вместо Аллена, которому ничего не было известно о ведущем ими

расследовании. Но Келли позвонил Аллену, и теперь их лучший потенциальный источник информации мертв.

- Мы получили распечатку. Памела Мадден. Арестовывалась в Чикаго, Атланте и Новом Орлеане за проституцию, но ни разу дело не передавалось в суд, ни разу не отбывала срок. Судьи всякий раз просто отпускали ее. Преступление без жертвы, верно?

Сержант молча выругался, проклиная идиотов в судебных париках.

- Конечно, Эд, никаких жертв, вот потому-то мы сейчас не ближе к этим людям, чем шесть лет назад, ведь так? Нам нужно больше полицейских, - произнес Дуглас, повторяя очевидную истину.

- Для поисков убийц уличной проститутки? - спросил лейтенант. - Мэр пришел в ужас от фотографии, но ему уже сказали, кем она была, и примерно через неделю все будет как раньше. Ты думаешь, нам удастся что-то сделать за неделю. Том?

- Ты мог бы рассказать ему...

- Нет. - Райан покачал головой. - Он проболтается. Ты когда-нибудь знал политика, умеющего молчать? У них есть свой человек в полицейском департаменте. Том. Тебе нужны люди? Скажи мне, где их взять, этих людей, на которых мы можем положиться?

- Я знаю, Эм, - согласился Дуглас. - Но мы топчемся на месте.

- Может быть, к нам поступит какая-нибудь информация из отдела наркотиков.

- Да уж, - презрительно фыркнул Дуглас.

- Значит, Келли ничем не может нам помочь?

- Ничем. Этот кретин смотрел в другую сторону.

- Тогда закончи расследование как обычно, чтобы все выглядело как надо, и оставь его. Судебно-медицинские данные еще не поступили. Может быть, в них будет что-нибудь интересное.

- Слушаюсь, сэр, - ответил Дуглас. Как это часто происходит в полицейской работе, ты ждешь удачного случая, везения, ошибок, которые совершит противная сторона. Они не делают много ошибок, но рано или поздно ошибки будут, надеялись оба детектива. Вот только обычно приходилось ждать их слишком долго.

Лейтенант Райан посмотрел на фотографии.

- Они здорово позабавились с ней. Как и с предыдущей девушкой.

- Я рад, что у тебя появился аппетит.

Келли поднял голову от почти пустой тарелки.

- Коп был прав, Сэм. Все кончено. Мне нужно выздороветь, нужно сконцентрировать на чем-то свой интерес, правда?

- Что ты собираешься предпринять?

- Не знаю. Черт возьми, я всегда могу вернуться обратно на флот или куда-нибудь еще.

- Тебе необходимо разобраться со своим горем, Джон, - сказал Сэм, садясь на стул рядом с кроватью.

- Я знаю, как это сделать. Не забудь, мне уже пришлось этим заниматься. - Он посмотрел на Сэма. - Да, между прочим, - что ты рассказал обо мне полиции?

- Как мы с тобой встретились и все такое. Почему ты спрашиваешь?

- То, чем я там занимался, - это секрет, Сэм. - Келли удалось смущенно улыбнуться. - Части, в которой я служил, официально не существовало. Того, чем мы занимались, - как тебе сказать - не происходило в действительности. Надеюсь, ты понимаешь, что я имею в виду.

- Они не спрашивали об этом. К тому же ты и сам мало что рассказал мне, - ответил хирург озадаченно, и его изумило облегчение на лице пациента.

- Полиции меня рекомендовал один знакомый морской офицер, главным образом чтобы помочь им подготовить легких водолазов. Полиции известно лишь то, что мне позволили сказать им. Вообще-то это не то, чем я занимался на самом деле, но звучит здорово.

- Вот и хорошо.

- Я не успел поблагодарить тебя за такую прекрасную заботу. Розен встал и подошел к двери, но остановился в трех футах от нее и повернулся к Келли:

- Ты думаешь, что сумел обмануть меня?

- Вряд ли, Сэм, - осторожно отозвался Келли.

- Джон, я провел всю свою проклятую жизнь, возвращая вот этими руками здоровье людям. Ты вынужден держаться в стороне от людей, не можешь проявлять истинные человеческие чувства, потому что, изменившись, потеряешь чувство цели, утратишь концентрацию. Я никому в жизни не причинил боли. Ты понимаешь меня?

- Да, сэр, понимаю.

- Итак, что ты собираешься предпринять?

- Ты не должен знать этого, Сэм.

- Я хочу помочь тебе, Джон. Честное слово, хочу, - произнес Розен, искренне изумляясь собственным словам. - Она нравилась и мне.

. - Да, я знаю.

- Так чем я могу помочь? - спросил хирург. Он боялся, что Келли попросит о такой помощи, для которой он не годен, но еще больше боялся того, что даст согласие на это.

- Сделай так, чтобы я выздоровел поскорее.

Глава 9

Работа

Было почти жестоко следить за происходящим, подумала Сэнди. Самым странным было то, что он оказался таким хорошим пациентом. Он не ныл, не ворчал и не жаловался. Он делал то, что ему говорили. Во всех физиотерапевтах скрывается жилка садиста. Без нее им не обойтись, потому что их работа состоит в том, чтобы заставлять людей делать чуть больше того, на что они способны, - подобно спортивным тренерам, - а их конечная цель заключается в том, чтобы помочь им. Однако при этом хороший физиотерапевт вынужден принуждать своих пациентов, ободрять слабых и подстегивать сильных, убеждать и стыдить, и все во имя здоровья. Это означало, что хороший физиотерапевт получал удовольствие от страданий и боли других, и О'Тул не смогла бы сделать это. Но она увидела, что Келли ведет себя не так, как другие пациенты. Он делал все, что от него ожидали, и, когда физиотерапевт требовал прибавить, Келли прибавлял, и так продолжалось уже довольно долго. Наконец терапевт понял, что ему не удастся сломить этого пациента, он утратил веру в результат своих усилий и забеспокоился.

- Начинайте сбавлять обороты, - посоветовал он.

- Почему? - спросил Келли, тяжело дыша.

- Ваш пульс сто девяносто пять. - Физиотерапевт не добавил, что на этом уровне он оставался в течение пяти минут.

- А каков рекорд?

- Ноль, - ответил физиотерапевт без тени улыбки. Келли засмеялся, посмотрел на него и сбавил скорость вращения педалей на велотренажере, постепенно замедляя ее в течение двух минут, пока не остановился с очевидной неохотой.

- Я пришла, чтобы забрать его в палату, - заявила О'Тул.

- Отлично, забирайте, пока он что-нибудь не сломал.

Келли сошел с седла велосипеда и вытер лицо полотенцем, довольный тем, что Сэнди не привезла с собой кресло-каталку или что-нибудь иное, не менее унижительное.

- Чем обязан такой чести, мадам?

- Мне поручили присматривать за вами, - ответила Сэнди. - Вы что, пытаетесь продемонстрировать свою силу?

Келли чувствовал себя немного возбужденным, но тут же посерьезнел.

- Миссис О'Тул, мне предписано выбросить из головы все свои неприятности, верно? Для этого я пользуюсь упражнениями. Я не могу бегать с рукой, прибинтованной к груди, не могу отжиматься одной рукой и не могу поднимать тяжести. Зато могу ездить на велосипеде. Вы не возражаете?

- С вами не поспоришь. Нет, не возражаю. - Она указала на дверь. В хлопотливой анонимности коридора она сказала:

- Мне очень жаль вашу подругу.

- Спасибо, мадам. - Он повернул голову, испытывая легкое головокружение после нагрузки. Они шли среди множества людей, спешащих в обоих направлениях. - В вооруженных силах для этого существуют ритуалы. Горн, флаг, солдаты с винтовками. Мужчины к этому привыкают. Такая процедура помогает вам верить, что все это имело какое-то значение. Ты все еще испытываешь боль, но это все-таки способ попроситься. Мы научились иметь с этим дело. Но то, что случилось с вами, - это нечто другое, и то, что только что произошло со мной, тоже другое. Так как вы поступили? Еще больше ушли в работу?

- Получила звание магистра. Стала медсестрой. Преподаю. Беспokoюсь о пациентах. - В этом состоит теперь моя жизнь, подумала она.

- По крайней мере вам не нужно беспокоиться обо мне. Я знаю, на что способен.

- И на что же вы способны?

- На многое, - произнес Келли с тенью улыбки, которая тут же погасла. - Как у меня дела?

- Очень хорошо.

Все прошло далеко не так гладко, и оба знали об этом. Доналд Мадден прилетел в Балтимор за телом своей дочери, которое ему передали в отделе судебно-медицинского эксперта. Он оставил жену дома и отказался встречаться с кем бы то ни было, несмотря на просьбы Сары Розен. Он не проявил никакого желания говорить с любовником и сообщил об этом по телефону. Сэнди знала об этом заявлении отца Пэм, но ни один из медиков не передал этого Келли. Это просто стало всего лишь последней печальной главой в короткой и безрадостной жизни Пэм, и пациенту знать об этом было не обязательно. Келли спросил об организации похорон, и оба сказали ему, что он все равно не сможет выйти из больницы. Келли выслушал их и промолчал, удивив этим медсестру.

Его левое плечо все еще находилось в тугой повязке, и он наверняка испытывал боль, медсестра знала это. И она и другие замечали, как у него болезненно подергивалось лицо, особенно когда подходило время принять новую дозу обезболивающего, но Келли не относился к тем, кто жалуется на что-то. Даже сейчас, все еще тяжело дыша после убийственных тридцати минут на велотренажере, он старался идти побыстрее, охлаждая себя, подобно тренированному атлету.

- Зачем эта демонстрация? - спросила она.

- Не знаю. Неужели на все должна быть причина? Простая так сделан, Сэнди.

- Видите ли, ваши ноги длиннее моих. Нельзя ли идти помедленнее?
- Конечно. - Келли сбавил шаг, и они подошли к лифту. - Сколько таких девушек - как Пэм, я имею в виду?
- Слишком много. - Она не знала сколько именно, хотя их было достаточно много, чтобы выделить из общего числа пациентов, чтобы заметить их существование.

- Кто им помогает?

Медсестра нажала на кнопку лифта.

- Никто. Сейчас формируют программу борьбы с наркоманией, однако главные проблемы, насилие над детьми и его последствия - для этого создан новый термин - "бихевиористское расстройство", - не привлекают внимания. Если ты вор, существуют программы. Если грубо обращаешься с детьми, тоже есть программы, однако девушки - парии общества. Никто не делает для них чего-то заметного. Только церковные группы проявляют к ним какой-то интерес. Вот если бы кто-то сказал, что это - болезнь, тогда, может быть, на них обратили бы внимание.

- А это болезнь?

- Джон, я не врач, а всего лишь медсестра, да и к тому же это выходит за пределы моей компетенции. Я ухаживаю за пациентами, перенесшими операции. Ну хорошо, мы разговаривали за ленчем, и мне кое-что стало известно. Просто поразительно, сколько их погибает. Излишние дозы наркотиков, случайно это или намеренно, кто знает? Или они встречают жестокого мужчину, или их сутенеры обращаются с ними слишком круто, и тогда они оказываются здесь, а их физическое состояние бывает недостаточно удовлетворительным, и многие умирают. Гепатит от инфицированных игл, пневмония, прибавь к ним тяжелую травму - и это становится смертельным. Но разве кто-то собирается что-то предпринять для них? - О'Тул посмотрела в пол, когда лифт остановился. - Молодые люди не должны умирать такой смертью.

- Да. - Келли посторонился, уступая ей путь к выходу из лифта.

- Но вы - пациент, - возразила она.

- Зато вы - леди, - ответил он. - Извините, но так уж я воспитан.

Кто этот парень? - спросила себя Сэнди. Она ухаживала, разумеется, не только за этим пациентом, но профессор приказал ей - ну, если не приказал, то "предложил", а "предложение" профессора Розена всегда звучит весьма убедительно, особенно с тех пор, как она начала испытывать уважение к нему как к другу и советчику, - обеспечить за этим Келли специальный уход. Это не было сводничеством, как она заподозрила сначала. Он все еще был слишком слаб, слишком страдал - но страдала и она, хотя отказывалась признать это. Какой странный мужчина. Во многом похож на Тима, но гораздо сдержанней. Необычная комбинация мягкости и жесткости. Она не забыла того, что видела на прошлой неделе, но теперь это прошло, и он даже не намекнул на происшедшее. Он относился к ней с уважением, ни разу не отзывался с одобрением о ее фигуре, как это делали многие пациенты (и на что она делала вид, что возражает). Он был так несчастен и одновременно так целеустремлен. Его отчаянные усилия поскорее восстановить силы. Его внешняя жесткость. Как примирить это с его несовместимо хорошими манерами?

- Когда меня выпишут? - спросил Келли шутливым тоном - хотя недостаточно шутливым.

- Через неделю, - сказала О'Тул, ведя его от лифта. - Завтра снимем повязку.

- Вот как? Сэм ничего не говорил об этом. Значит, я снова смогу пользоваться левой рукой?

- Будет очень больно, - предупредила его медсестра.

- Черт возьми, Сэнди, мне уже сейчас больно, - ухмыльнулся Келли. - Надо начинать привыкать к боли.

- Ложитесь, - распорядилась сестра. Прежде чем он успел возразить, она сунула ему в рот термометр и принялась считать пульс. Затем измерила кровяное давление. Цифры, записанные в его карточке, гласили: температура - 36,9, пульс - 64, кровяное давление - 105/60. Две последние цифры казались особенно странными. Что бы она ни говорила о пациенте, он быстро обретал форму. Интересно, почему он так торопится?

Еще одна неделя, подумал Келли, когда медсестра ушла. Надо успеть разработать эту чертову руку.

- Итак, что вы узнали для нас? - спросил Макссуэлл.

- Хорошие новости и плохие, - ответил Грир. - Хорошие заключаются в том, что у противника очень мало регулярных наземных войск на расстоянии реагирования от цели. Среди них три батальона войск безопасности. Два готовятся к переброске на юг. Один только что вернулся из Первого корпуса. Он понес большие потери и сейчас переформируется. Обычное пополнение и перевооружение. У них мало тяжелого оружия. Механизированные части находятся далеко отсюда.

- А плохие? - произнес адмирал Подулски.

- Неужели еще нужно говорить? Вдоль побережья размещено столько зенитных батарей, что своим огнем они в состоянии закрыть все небо. Батареи зенитных ракет СА-2 вот здесь, здесь и, наверно, здесь. Для самолетов этот район слишком опасен, Каз. Для вертолетов? Одна или две спасательных птички - да, конечно, они могут попытаться, но переброска значительных сил будет рискованной, весьма рискованной. Мы ведь обсуждали все это, когда готовили операцию "Кингпин", помнишь?

- Но сейчас цель всего в тридцати милях от берега.

- Пятнадцать или двадцать минут на вертолете, летящем по прямой, чего только на таком отрезке вьетнамцы не смогут сделать, Каз. Я сам просмотрел оборонительные карты. Лучший маршрут, который мне удалось проложить, - это твой район, Каз, но я тоже кое-что знаю, верно? - займет двадцать пять минут, и мне не хотелось бы лететь по нему днем.

- Мы можем использовать тяжелые бомбардировщики Б-52, чтобы пробить коридор, - предложил Подулски. Он

никогда не отличался особой тонкостью при разработке операций.

- Я думал, ты хочешь, чтобы мы не привлекали внимания к этой операции, - заметил Грир. - Послушай, по настоящему плохие новости заключаются в том, что никто не проявляет особого энтузиазма к этой операции. "Кингпин" потерпел неудачу...

- Это не наша вина! - возразил Подулски.

- Я знаю это, Каз, - терпеливо заметил Грир. Подулски всегда был страстным защитником.

- Она должна быть осуществима, - проворчал Каз. Все трое склонились над разведывательными фотоснимками.

Это была отличная подборка - два снимка со спутников, два с SR-71 "Блэкбердз" и три совсем недавних перспективных фотографии, сделанные с низколетящих беспилотных "Охотников за буйволами". По форме лагерь был квадратным, ну просто идеальный квадрат, со стороной в двести метров, несомненно в точном соответствии с каким-то руководством, полученным от Восточного блока, с рекомендациями о том, как строить надежно защищенные лагеря для военнопленных. В каждом углу возвышалась сторожевая вышка - итого четыре вышки десятиметровой высоты. Над каждой вышкой была крыша из кровельного железа, чтобы дождь не заливал легкие пулеметы РП устаревшего советского образца, что состояли на вооружении армии Северного Вьетнама. Внутри изгороди из колючей проволоки находились три больших здания и два поменьше. По мнению адмиралов, в одном из больших зданий и были заключены двадцать американских офицеров званием от подполковника и выше, потому что это был специальный лагерь.

Впервые внимание Грира привлекли фотоснимки, сделанные "Охотником за буйволами". На одном, особенно четком, было видно лицо полковника Робина Закариаса, летчика ВВС США. Его истребитель-бомбардировщик F-105G "Дикая ласка" был сбит восемь месяцев назад. Из Вьетнама поступило сообщение, что он и второй пилот, специалист по вооружению и электронным системам, оба погибли. Была опубликована даже фотография его тела.

Этот лагерь с кодовым названием "Сендер грин", известным не более чем пятидесяти мужчинам и женщинам, был расположен отдельно от знаменитого "Ханойского Хилтона", в котором бывали американские граждане. Там теперь находились почти все американские военнопленные после эффектного, но неудачного рейда операции "Кингпин" на лагерь в Сонг-Тай. Укрытый от посторонних глаз, расположенный в месте, где никто не стал бы его искать, лагерь "Сендер грин" казался зловещим. Он ни разу не упоминался ни в печати, ни в секретных донесениях. Каким бы ни был исход войны, Америка хотела получить обратно своих летчиков. Здесь же находился лагерь, само существование которого означало, что некоторые из них никогда не вернутся домой. Статистика американских потерь демонстрировала странную и зловещую особенность: летчики с высоким воинским званием гибли, судя по сообщениям вьетнамцев, гораздо чаще, чем младшие офицеры. Было известно, что противник обладает отличными источниками разведывательной информации, многие из которых находились в рядах американских "сторонников мира", что вьетнамцы вели досье на старших американских офицеров, в которых указывалось, кто они, что они знают, какие другие задания исполняли. Можно было допустить, что таких офицеров удерживают в особом месте и знания, которыми они владеют, используются вьетнамцами как средство давления на русских. Знания пленных офицеров в сфере специальных стратегических интересов обменивались - по-видимому - на продолжающуюся поддержку русских в этой затянувшейся войне, особенно теперь, когда в новой атмосфере разрядки многие требовали ее окончания. Так много интриг развивалось вокруг американских военнопленных.

- Смелый, - выдохнул Максвелл. На трех увеличенных отпечатках было видно лицо американца, каждый раз смотревшего в объектив камеры. На последнем снимке запечатлелось движение одного из охранников, замахнувшегося прикладом автомата в спину американца. Лицо американца не вызывало сомнений - это был полковник Закариас.

- А вот этот парень - русский, - сказал Казимир Подулски, постукивая пальцем по фотографиям, сделанным с беспилотного самолета. Действительно, мундир офицера не вызывал сомнений.

Они знали, о чем думает Каз. Сын бывшего польского посла в США, унаследовавший титул графа, потомок древнего рода, когда-то воевавшего на стороне короля Яна Собеского, его семья вместе с остальным польским дворянством была уничтожена по одну сторону демаркационной линии нацистами, а по другую сторону - русскими в Катинском лесу, где два его брата погибли после короткой и безнадежной войны на два фронта. В 1941 году, в тот самый день, когда он закончил Принстонский университет, Подулски вступил в американский военно-морской флот в качестве летчика, приняв новую страну и новую профессию. Каждой из них он служил к гордости и бесстрашием. И яростью. А теперь все это обострилось еще больше, потому что в скором времени ему грозила отставка. Грир видел причину. Поразительно изящные руки адмирала были изуродованы артритом. Как он ни пытался скрыть это, после очередного физического осмотра его навсегда уволят из флота, и Каз станет делить годы отставки с мыслями о мертвом сыне и с женой, живущей на депрессантах, после карьеры, которую он будет, по-видимому, считать неудавшейся, несмотря на все награды и адмиральское звание.

- Мы должны найти способ, - сказал Подулски. - Если мы не найдем его, то никогда больше не увидим этих людей. Ты знаешь, кто может оказаться среди них, Голландец? Пит Фрэнсис, Хэвдс Осборн.

- Пит был у меня летчиком, когда я командовал авианосцем "Энтерпрайз", - кивнул Максвелл. Оба посмотрели на Грира.

- Я согласен с вашей оценкой назначения лагеря. Не скрою, у меня были сомнения. Закариас, Фрэнсис и Осборн - все это офицеры, к которым у них большой интерес. - Полковник ВВС провел несколько лет в Омахе и служил там в группе выбора целей для стратегического оружия. Его знания самых секретных планов Америки были энциклопедическими. Два морских офицера владели не менее важной информацией, и, хотя каждый из них был смелым, преданным и готовым отрицать, скрывать и обманывать, они были всего лишь людьми, а воля людей небеспретельна, тогда как у противника было время. - Послушайте, если хотите, я могу попытаться поднять этот вопрос в некоторых кругах, но не питаю особых надежд.

- Если мы не сделаем этого, мы нарушим доверие остальных! - Подулски ударил кулаком по столу. Но у Каза время было тоже ограничено. Обнаружение этого лагеря, спасение военнопленных - все это делает абсолютно ясным, что Северный Вьетнам публично лгал. Это может подорвать переговоры о мирном урегулировании в такой степени, что Никсону не останется ничего другого, как принять еще один оперативный план, подготовленный большой группой специалистов Пентагона: вторжение на территорию Северного Вьетнама. Это будет самая американская из всех военных операций: комбинированная атака всех родов войск, не имеющая прецедента по размаху, дерзости и потенциальному риску: воздушно-десантная дивизия высаживается прямо в центре Ханоя, дивизия морской пехоты захватывает приморские плацдармы по обеим сторонам Хайфона, удары с воздуха в центре, поддержанные всем, что имелось в распоряжении Америки, с целью нанесения одного мощного сокрушительного удара, попытки одержать победу над Северным Вьетнамом путем захвата всего политического руководства этой страны. Этот план, кодовое название которого менялось ежемесячно - сейчас оно было "Сертэн коронет", - стал святым Граалем⁵ мести для всех военных, на протяжении шести лет наблюдавших за тем, как их страна совершала ошибку за ошибкой, за ее колебаниями и нерешительностью, отчего расточительно тратились жизни ее детей.

- Ты думаешь, я этого не знаю? Осборн работал со мной в Сьютленде. Я сопровождал священника, когда он доставил эту проклятую телеграмму, понимаешь? Я на твоей стороне, не забывай этого. - В отличие от Каза и Голландца Грир знал, что операция "Сертэн коронет" никогда не выйдет за пределы штабного учения. Ее просто нельзя было провести без одобрения Конгресса, а из Конгресса такая информация расходитя слишком быстро. Эта операция была возможна в 1966 или 67-м, может быть, даже в 1968 году, но сейчас она была просто невысказима. В отличие от операции с "Сендер грин", которая была достаточно реальна.

- Сбавь обороты, Каз, - посоветовал Максвелл.

- Слушаюсь, сэр.

Грир перевел взгляд на рельефную карту.

- Ты знаешь, вы, морские летуны, мыслите несколько ограниченно.

- Что ты имеешь в виду? - спросил Максвелл. Грир указал на красную линию, подходящую от прибрежного города почти к самым воротам лагеря. На снимках, сделанных прямо сверху, это выглядело хорошей дорогой, даже с асфальтовым покрытием.

- Силы реагирования расположены вот здесь, здесь и здесь. А вот это дорога, она почти все время идет вдоль реки. Повсюду здесь размещены зенитные батареи, их поддерживает дорога, но, вы знаете, при соответствующем снаряжении зенитные орудия не представляют опасности.

- Но ведь это вторжение, - заметил Подулски.

- А высадка двух воздушно-десантных рот - не вторжение?

- Я всегда говорил, что ты умница, Джеймс, - сказал Максвелл. - Ты знаешь, это место находится как раз там, где сбили моего сына. Этот парень из группы морских командос отправился за ним и спас его прямо вот здесь, - постукал по карте пальцем адмирал.

- У нас есть кто-то, знакомый с районом и бывавший здесь? - спросил Грир. - Это поможет проведению операции. Где он сейчас?

- Привет, Сара, - Келли указал на кресло. Ему показалось, что за время, пока он ее не видел, она постарела.

- Я захожу к тебе уже третий раз, Джон. Во время двух первых визитов ты спал.

- Да, последнее время я много сплю. Все в порядке, - заверил ее Келли. - Сэм навещает меня два раза в день. - Он уже чувствовал себя неловко. Труднее всего говорить с друзьями, сказал себе Келли.

- Видишь ли, у нас было так много работы в лаборатории, - быстро начала Сара. - Джон, я хотела сказать тебе, как мне жаль, что я попросила тебя приехать в город. Я могла бы послать тебя куда-нибудь в другое место. Ей было совсем необязательно встречаться с Мадж. В Аннаполисе есть прекрасный практикующий врач... - Она неловко замолчала.

Она чувствует себя виноватой, подумал Келли.

- Ты ни в чем не провинилась, Сара, - сказал он. - Ты так хорошо к ней относишься. Если бы ее мать относилась к ней так же, может быть...

Но Сара словно не слышала его.

- Я должна была назначить ей более поздний срок. Если бы день встречи был другим...

В этом она права, подумал Келли. Все это переменные величины. Что если? Что, если бы он выбрал другой квартал для стоянки машины? Что, если бы Билл не заметил их? Что, если бы я не поехал совсем и позволил ублюдку просто заниматься своим делом? Другой день, другая неделя? Что, если бы произошло много других вещей? Прошлое случилось, потому что сотня маленьких случайных событий совпали таким образом, что оно произошло точно так, в именно такой последовательности, и, хотя так просто воспринимать удачные результаты, остается лишь неистовствовать по поводу неудач. Что, если бы он выбрал другой маршрут от продуктового склада? Что, если бы он не заметил Пэм на обочине дороги и не подобрал ее? Что, если бы он не заметил таблеток? Что, если бы он остался к этому равнодушен или

⁵ Святой Грааль - в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд, ради приближения к которому и приобщения его благим действиям рыцари совершают свои подвиги. Обычно считалось, что это чаша с кровью Иисуса Христа.

был бы настолько возмущен, что бросил бы ее? Была бы она жива теперь? Если бы ее отец проявил больше участия и она не убежала из дома, они никогда бы не встретились. Хорошо это или плохо?

И если бы все это случилось в действительности, что тогда имеет значение для людей? Неужели вся их жизнь состоит из одних случайностей? Суть заключалась в том, что никто не мог ответить на этот вопрос. Если бы он был Богом, взирающим с небес на все, что происходит внизу, может быть, тогда события сложились бы в стройную систему, но, если смотреть на все изнутри, это просто происходило, подумал Келли, и ты делаешь все, что в твоих силах, пытаешься научиться на собственных ошибках, подготовиться к следующему случайному событию, происходящему с тобой. Но есть ли в этом смысл? Черт побери, есть ли вообще смысл в чем-нибудь? Этот вопрос был слишком сложен для бывшего боцмана военно-морского флота, лежащего на больничной койке.

- Сара, ты ни в чем не виновата. Ты помогла ей, и никто не помог бы Пэм лучше тебя. Разве можно это изменить?

- Черт возьми, Келли, мы ведь спасли ее!

- Я знаю. Это я привез ее сюда, и это я проявил неосторожность, а не вы. Сара, все говорят мне, будто я ни в чем не виноват, а тут еще появляешься ты и утверждаешь, что это твоя вина. - Гримаса на его лице почти походила на улыбку.

- Все это могло бы стать очень запутанным, если бы не один момент.

- Это не было случайностью? - поспешно проговорила Сара.

- Да, не было.

- Вот он, - тихо произнес Ореза, направив свой бинокль на отдаленную точку. - Точно, как вы сказали.

- Ну давай, иди к папочке, - прошептал в темноте рулевой рубки полицейский.

Это было просто удачное совпадение, сказал себе лейтенант. Те, о ком шла речь, владели кукурузной фермой в графстве Дорчестер, но между рядами кукурузы там росла марихуана. Как говорится, простенько, но с толком. На ферме находились амбары и другие строения, но самое главное - им было обеспечено уединение. Будучи неглупыми людьми, они не захотели везти полученный продукт по мосту через залив в своем грузовичке, потому что летом там порой происходили непредвиденные случайности и к тому же контролер, взимающий плату за проезд по мосту, уже однажды, месяц назад, проявил бдительность и помог полиции штата арестовать груз марихуаны. Они были слишком осторожны, чтобы стать потенциальной угрозой для своего друга. Риску нужно положить конец.

Поэтому они воспользовались судном. Это совпадение, ниспосланное свыше, позволило береговой охране принять участие в операции по захвату контрабандистов и таким образом поднять значение своей службы в собственных глазах. Это ничуть не повредит, особенно после того, как он использовал их в качестве ширмы, чтобы помочь с убийством Анджело Ворано, подумал улыбаясь лейтенант Шарон.

- Арестовываем их сейчас? - спросил Ореза.

- Да. Те, кому они везут товар, у нас под контролем. Только не говорите об этом никому, - добавил полицейский.

- Мы не хотим скомпрометировать их.

- Можете на нас положиться. - Главный старшина передвинул вперед рукоятки газа и повернул штурвал вправо. - Хватит спать, ребята, принимаемся за дело, - сообщил он команде.

Сторожевой катер длиной в сорок один фут присел на корму от резко возросшей скорости. В ушах командира катера ворчание дизелей звучало пьянящей музыкой. Маленький стальной штурвал вибрировал у него в руках. Ореза направил катер по новому курсу. Самое забавное заключалось в том, что предстоящее для везущих груз станет сюрпризом. Несмотря на то что береговая охрана являлась основным органом, осуществляющим соблюдение закона в прибрежных водах, они всегда занимались главным образом поиском и спасением, и мало кому было известно об их подлинном назначении. И очень жаль, подумал Ореза. За последние пару лет он застал нескольких служащих береговой охраны за курением марихуаны, его ярость была такова, что о ней до сих пор вспоминали те, кто были тому свидетелями.

Цель была теперь ясно различима - тридцатифутовый рыбацкий баркас, построенный на одной из маленьких верфей на берегу залива. Множество таких баркасов ловило рыбу в прибрежных водах. Судя по всему, на нем стоял старый двигатель от "шевроле", а это означало, что баркас вряд ли способен скрыться от преследователей. Перевозка наркотиков на рыбацком баркасе - отличная маскировка, подумал с улыбкой Ореза, но все-таки не настолько хороша, чтобы ставить на одну карту, какой бы превосходной она ни была, свою жизнь и свободу.

- Примите меры, чтобы все выглядело как обычно, - негромко произнес полицейский.

- А вы посмотрите по сторонам, - предложил Ореза. Команда катера была настороже, но этого не было заметно со стороны, а оружие находилось в застегнутых кобурах. Курс сторожевого катера был проложен почти точно к станции береговой охраны на Томас-Пойнт, и если кто-то на рыбацком баркасе заметил их - сейчас никто не смотрел в их сторону, - то просто заключил бы, что катер направляется на свою стоянку. До баркаса оставалось пятьсот ярдов. Ореза до предела выжал рычаги газа, чтобы увеличить скорость еще на один-два узла.

- Вон там мистер Инглиш, - произнес один из матросов. Второй сторожевой катер направлялся к ним встречным курсом от станции, двигаясь строго по прямой примерно в направлении маяка, который тоже обслуживался станцией.

- Не слишком умно с их стороны, верно? - спросил Ореза.

- Ну, будь они умными, стоит ли нарушать закон?

- Совершенно с вами согласен, сэр. - Оставалось триста ярдов. На баркасе в сторону сверкающего белого катера береговой охраны повернулась голова. На борту были трое, и тот, что посмотрел на них, наклонился вперед, чтобы сказать что-то парню за штурвалом. Было почти комично наблюдать за ними. Ореза догадывался о каждом слове,

которым они обменивались. Позади нас катер береговой охраны. Ну и что, не дергайся, может быть, они просто меняют дежурный катер, посмотри вон туда... Нет, мне это совсем не нравится. Успокойся, черт побери. Нет, это мне не нравится. Да замолчи ты, посмотри, прожектора выключены, а вон там находится их станция. Так что не переживай.

Пожалуй, пора, улыбнулся Ореза, пора включить... Ну вот: проклятье!

Он усмехнулся, увидев, как парень за штурвалом повернулся, его рот открылся и закрылся, произнес именно это слово. Один из молодых матросов на катере прочитал тоже его по губам и засмеялся:

- Думаю, они только сейчас догадались, шкипер!

- Включить огни! - скомандовал главный старшина, и на крыше рулевой рубки, к неудовольствию Орезы, замигал полицейский фонарь.

- Слушаюсь, сэр!

Рыбачий баркас быстро повернул на юг, но идущий встречным курсом катер тоже повернул, чтобы отрезать его, и тут всем стало ясно, что баркасу не удастся уйти от сорокафутовых сторожевых катеров с двумя винтами.

- Пустили бы деньги на что-нибудь спортивное, с более мощным мотором, - пробормотал себе под нос Ореза, зная, что и преступники учатся на своих ошибках и что купить что-то, способное уйти от патрульных судов, не составляет такой уж сложной проблемы. Задержать этот баркас оказалось нетрудно. Не составило бы труда задержать и ту маленькую парусную яхту, если бы этот полицейский кретин позволил им действовать как полагается, но простые задачи не будут попадаться им вечно.

Рыбацкий баркас, зажатый между двумя патрульными судами, выключил двигатель. Уоррент-офицер Инглиш остановил свой катер в нескольких сотнях ярдов, тогда как Ореза подошел вплотную.

- Привет, - послышался голос главного старшины, усиленный громкоговорителем. - Это судно береговой охраны США, и мы пользуемся своим правом высадиться к вам на борт и произвести досмотр. Прошу всех оставаться там, где мы можем видеть вас.

Зрелище удивительно походило на наблюдение за людьми, которые только что проиграли матч в профессиональной футбольной лиге. Они знали, что не смогут изменить ситуацию, как бы ни поступили. Они понимали, что сопротивление бесполезно, поэтому просто стояли, унылые и примирившиеся со своей судьбой. Интересно, подумал Ореза, сколько времени это продлится? Сколько времени, прежде чем кто-то окажется настолько глупым, что примет решение сопротивляться до конца?

Двое матросов из его команды перепрыгнули на борт баркаса, и еще двое на корме прикрывали их. Мистер Инглиш подвел катер чуть ближе. Ореза увидел, как умело он проделал это. Впрочем, ничего удивительного - хороший уоррент-офицер умеет обращаться со своим судном, и он тоже расставил своих людей на случай, если преступникам придет в голову безумная мысль сопротивляться. Пока все трое на баркасе стояли в поле видимости, глядя вниз и надеясь, что это всего лишь осмотр средств безопасности, два матроса Орезы прошли в носовую каюту. Они вышли оттуда меньше чем через минуту. Один приложил руку к козырьку фуражки, показывая, что все в порядке, затем похлопал себя по животу. Да, на борту баркаса наркотики. Пять хлопков - наркотиков много.

- Мы вынуждены произвести арест, сэр, - спокойно заметил Ореза.

Лейтенант Марк Шарон из отдела по борьбе с наркотиками полицейского департамента Балтимора оперся плечом на дверную раму - или люк, или как там еще это называют моряки - и улыбнулся. Он был в штатском, и его легко могли принять за сотрудника береговой охраны, особенно с надетым оранжевым спасательным жилетом.

- Вот и принимайтесь за дело. Как это будет записано в бортовом журнале?

- Производилась обычная проверка средств безопасности. Смотрим, а на борту наркотики, - произнес Ореза с насмешливым удивлением.

- Совершенно верно, мистер Ореза.

- Благодарю вас, сэр.

- Рад оказать содействие, капитан.

Он уже объяснил процедуру Орезе и Инглишу. Чтобы защитить своих осведомителей и не скомпрометировать их, заслуга ареста контрабандистов с крупной партией наркотиков будет принадлежать береговой охране, что не вызвало неудовольствия ни у главного старшины, ни у уоррент-офицера. Ореза сможет нарисовать символ победы на своей мачте - или как там называется эта штука, на которую опирается радиолокатор, - изображение пятилистника марихуаны, а члены команды получают возможность похвастать случившимся в барах. Они смогут - не исключено - даже продолжить приключение, выступив свидетелями в федеральном окружном суде. Впрочем, это маловероятно, потому что такие мелкие контрабандисты, как правило, признаются в совершении преступления, за которое полагается самое малое наказание - этим займутся их адвокаты, которые будут договариваться с федеральным прокурором. Из тюрьмы они сообщат, что их, по-видимому, предали те, кому они везли марихуану. Если повезет, эти люди даже совсем исчезнут, что и вовсе упростит задачу. Возникнет ниша в экоструктуре наркотиков - еще одно модное слово, услышанное лейтенантом Шароном. В самом крайнем случае потенциальный соперник в этой экоструктуре навсегда покинет ее. Лейтенант Шарон получит благодарность от своего капитана, возможно, и цветистое благодарственное письмо от Корпуса береговой охраны США и окружного прокурора, не говоря уже о поздравлениях с проведением такой тихой и эффективной операции, при которой не пострадали его осведомители. Один из наших лучших детективов - снова торжественно заявит о нем капитан. Как вам удастся завербовать таких осведомителей? Капитан, вы же знаете, как это делается, я должен обеспечить безопасность своих людей. Ну конечно, Марк, я понимаю. Продолжай действовать так же успешно.

Сделаю все, что в моих силах, сэр, подумал про себя Шарон, глядя на заходящее солнце. Он даже не повернулся, чтобы посмотреть на матросов патрульного судна, надевающих наручники на подозреваемых, зачитывающих им их конституционные права по покрытой пластиком карточке. Они улыбались - для них это было увлекательной игрой. Но

ведь это была игра и для Шарона.

Где эти проклятые вертолеты? - спросил себя Келли. Эта паршивая операция с самого начала пошла наперекосяк. Пикетт, его обычный партнер, слег с сильнейшей дизентерией и не смог отправиться в джунгли, и Келли пришлось идти одному. Не слишком хорошо, но операция была очень важной. Так что он отправился один, осторожно, очень осторожно ступая по вонючей воде этой..., на карте это было обозначено как река, но она не заслуживала того, чтобы Келли думал о ней как о реке.

И разумеется, они пришли именно в эту деревушку, поганые ублюдки.

"Нежный цветок", думал он, глядя и слушая. Какому идиоту пришло в голову так назвать операцию?

"Нежный цветок" было кодовым наименованием группы политического реагирования - или как там они называют такие группы - армии Северного Вьетнама. У группы были и другие названия, гораздо менее привлекательные. И уж несомненно, у этих северо-вьетнамских мясников, подготовленных в Ханое, были свои методы "завоевывать сердца и умы".

Мэр деревушки, глава, староста или кто там еще, оказался слишком смелым, и потому его нельзя было назвать иначе, как дураком. И вот теперь он расплачивался за собственную глупость на глазах у боцмана первого класса Дж.Т.Келли, наблюдавшего за происходящим с приличного расстояния.

Группа прибыла в деревушку в половине второго ночи, и ее члены принялись весьма организованно и почти вежливо заходить в каждую хижину, будить ее обитателей, главным образом крестьян, и собирать их на центральной площади. Там уже находились заблудший герой, его жена и три дочери, со страхом ждущие начала представления. Они сидели прямо в грязи, а руки их были жестоко связаны за спиной. Майор северовьетнамской армии, возглавляющий "Нежный цветок", пригласил всех жителей деревушки присесть. Келли, который находился на своем наблюдательном пункте меньше чем в двухстах метрах от площади, слышал его вежливый голос. Майор объяснил, что жители деревни нуждаются в уроке, чтобы понять, как глупо сопротивляться народному движению освобождения. Нельзя сказать, что они какие-то там неисправимо плохие люди, просто они сбились с правильного пути, и он надеется, что этот простой урок сделает для них очевидными прошлые ошибки.

Солдаты начали с жены деревенского старосты. На это потребовалось двадцать минут.

Я должен что-то предпринять! - сказал себе Келли.

Но там одиннадцать человек, идиот, возразил он сам себе. И хотя майор и отъявленный садист, десять солдат, прибывших с ним, отобраны для участия в операции не только за правильность своих политических взглядов. Это преданные, опытные и надежные солдаты. Как может человек быть преданным, когда от него требуют подобное, выходило за пределы воображения Келли. Но то, что они были преданными, оставалось фактом, который он не мог не принимать во внимание.

Однако где эта проклятая группа поддержки? Он вызвал ее сорок минут назад, а база всего в двадцати минутах на вертолете. Им был нужен этот майор. Члены его группы тоже могут пригодиться, но майор нужен живым. Он знал местопребывание политических руководителей этого района, оставшихся в живых, после того как морские пехотинцы уничтожили остальных в блестящем рейде, проведенном шесть недель назад. Операция северовьетнамской армии была, по-видимому, ответом на этот рейд и намеренно проводилась так близко к американской базе, чтобы продемонстрировать, что нет, вы не сумели уничтожить всех нас и никогда не сумеете.

И в последнем, пожалуй, они правы, подумал Келли, но это выходило далеко за рамки его сегодняшней задачи.

Старшей дочери старосты было, наверно, лет пятнадцать. Трудно определить возраст невысоких, обманчиво хрупких вьетнамских женщин. Девушка продержалась целых двадцать пять минут и все еще была жива. Ее крики доносились до Келли через открытое поле, и его руки сжимали пластиковый приклад автомата CAR-15 с такой силой, что, заметь он это, явно забеспокоился бы, как бы чего ни сломать.

Десять солдат, сопровождавших майора, были расставлены именно так, как положено. Двое из них находились рядом с майором, время от времени меняясь местами с охраной, стоящей по периметру площади, чтобы все могли принять участие в развлечении, пока один из солдат не добил девушку ножом. Следующей дочери было лет двенадцать.

Келли старался среди звуков, исходящих из облачного неба, уловить характерный свист двухлопастного ротора вертолета "Хьюи". Но до него доносился лишь грохот 155-миллиметровых гаубиц с огневых позиций морской пехоты, расположенных к востоку, и рев проносившихся над головой реактивных истребителей, однако они не могли заглушить пронзительные крики ребенка. И все-таки их было одиннадцать против него одного, и даже если бы с ним был сейчас Пикетт, шансы оставались самоубийственными. У Келли был его автомат CAR-15 с тридцатью патронами в магазине и другой такой же магазин, только перевернутый и прикрепленный к первому изоляционной лентой, а также еще два таких же комплекта. Кроме того, у него было четыре осколочных гранаты, две динамитных шашки и две дымовых гранаты. Самым смертоносным вооружением Келли было его радио, но он уже дважды вызывал группу поддержки и оба раза получил ответ, что его вызов принят, и приказ сидеть и ждать.

Как легко говорить это, сидя на базе, верно?

Девочке двенадцать лет, не больше. Слишком молодая для этого. Хотя для этого не существует возраста, сказал себе Келли. И тут не изменишь положение вещей в одиночку, какой смысл прибавить свою смерть к смертям членов этой семьи?

Но как они могут делать это? Разве они не мужчины, солдаты, профессиональные воины вроде него? Неужели есть на свете что-то, ради чего они забывают о всякой человечности? То, что он видел, было невозможным. Такого не

могло произойти. Но оно происходило. Слышалась отдаленная канонада - артиллерия била по возможным путям снабжения партизан. Над головой проносились самолеты, похоже, бомбардировщики морской пехоты, их удары обрушивались на те или иные цели, скорее всего на пустые леса, потому что ими и являлось большинство целей. Не там, где находится враг, так что это ничему не поможет, верни? Эти деревенские жители поставили свои жизни и жизни своих семей на карту ради чего-то, что не осуществилось, и, может быть, майор считает, что он проявляет благородство и милосердие, уничтожая в назидание всего одну семью, вместо того чтобы покончить со всеми жителями деревушки. К тому же мертвые не говорят, а майору хотелось, чтобы эту историю повторяли как можно чаще. Ужас был оружием, которое они могли использовать и использовать успешно.

Время продолжало двигаться то медленно, то быстро, и наконец двенадцатилетняя девочка замолчала, и ее отшвырнули в сторону. Третьей и последней была восьмилетняя дочь, увидел в бинокль Келли. Но что за ублюдки - они разводят большой костер! Они не хотят, чтобы кто-нибудь пропустил хоть что-то, правда?

Восьмилетняя девочка, совсем малышка, у нее еще нет даже сил для хорошего крика. Келли следил за тем, как происходит смена караула. Еще двое солдат оставили периметр площади и направились к лежащей девочке. Насилие служило развлечением для этих подонков, которые в отличие от американских солдат не могли посещать публичные дома на Тайване. Караульный, который стоял ближе других к Келли, еще не успел поразвлечься и, наверно, не успеет. То ли у старосты не достало дочерей, то ли майор недолюбливал солдата. Как бы то ни было, он оставался не у дел, и, должно быть, это расстраивало его. Он внимательно следил за тем, что сегодня не выпадет на его долю. Может быть, в следующий раз..., но сейчас он по крайней мере мог смотреть..., как он и поступил, забыв о своих обязанностях.

Келли прополз уже половину расстояния, прежде чем осознал это, он полз быстро, как только мог, бесшумно скользя по влажной траве. Он полз, прижимаясь к земле, стараясь слиться с ней, приближаясь и приближаясь, подгоняемый плачем, доносящимся от костра.

Тебе следовало сделать это раньше, Джонни-мальчик.

Но тогда это было невозможно.

Да и теперь, черт возьми, это неосуществимо!

И в этот момент в происходящее вмешалась судьба - с юго-востока послышался звук вертолета "Хьюи", возможно, и не одного. Первым услышал его Келли, с ножом в руке беззвучно поднимаясь с земли позади солдата. Они все еще не слышали подлетающих вертолетов, когда он нанес удар, вонзив солдату нож в основание черепа, в то место, где позвоночник соединяется с основанием мозга, - в продолговатый мозг, как называл это кто-то на лекции. Вонзив нож, Келли повернул его, словно отвертку, второй рукой зажав солдату рот. Все получилось идеально. Тело солдата мгновенно обмякло, и он бережно опустил его на землю, не из соображений человечности, а просто чтобы избежать шума.

Но шум теперь был слышен. Шум вертолетов. Майор поднял голову и повернулся к юго-востоку, почувствовав опасность. Он выкрикнул приказ, собирая своих людей, затем поднял руку с пистолетом и застрелил девочку выстрелом в голову, как только один из его солдат слез с нее и откатился в сторону.

На сбор группы потребовалось всего несколько секунд. Майор мигмом автоматически сосчитал солдат, заметил, что одного не хватает, и посмотрел в сторону Келли, однако яркий свет костра ослепил его, и он увидел лишь смутное движение.

Один, два, три..., шептал про себя Келли, выдернув чеку из осколочной гранаты. Парни третьего взвода командос всегда готовили собственные запальные трубки для гранат - никогда не знаешь, как поступят с ними пожилые дамы на фабрике. Их запальные трубки горели ровно пять секунд, и на счет "три" граната вылетела из руки Келли. Ее металлическая рубашка сверкнула в оранжевом свете костра. Почти идеальный бросок. Келли уже лежал в траве, когда граната приземлилась; он услышал чей-то тревожный крик, раздавшийся секундой позже и уже бесполезный.

Граната убила или ранила семерых солдат из десяти. Келли вскочил на ноги и убил одного из оставшихся в живых короткой - три выстрела - очередь в голову. Его глаза даже не остановились на взметнувшимся красном облачке - он был профессионалом, а не любителем. Майор все еще оставался жив. Он лежал на земле, пытаясь направить на Келли свой пистолет, когда пять пуль из американского автомата разорвали его грудь. Теперь Келли оставалось одно - выжить. Он совершил глупый шаг, пути назад не было, и теперь надо было только это.

Келли побежал направо, высоко держа автомат. Он видел, что по крайней мере двое солдат остались в живых. Разъяренные, с оружием в руках, они были так растеряны, что не кинулись в джунгли, как он ожидал. Первый вертолет начал бросать над деревней осветительные ракеты. Келли выругался - темнота сейчас была его лучшим союзником. Но зато он заметил и убил длинной очередью, опустошившей его магазин, еще одного солдата. Все еще двигаясь вправо, Келли заменил пустой магазин на новый, надеясь увидеть второго солдата, но тут его внимание привлекли фигуры разбежавшихся крестьян, некоторые из них были ранены, очевидно, осколками его гранаты, но сейчас не время было беспокоиться об этом. Его взгляд замер на жертвах - и, что еще хуже, слишком долго он смотрел на костер, так что, когда отвернулся, ночное зрение Келли больше не существовало. Перед глазами мелькали призрачные голубые и оранжевые пятна. Он слышал рев турбины "Хьюи", совершавшего посадку рядом с деревней, и этот рев был настолько громким, что заглушал крики крестьян. Келли спрятался за стену хижины и, глядя в темноту и мигая, пытался восстановить зрение. По крайней мере один северо-вьетнамский солдат находился где-то поблизости, и уж он точно не побежит в сторону вертолета. Келли продолжал двигаться вправо, но теперь гораздо медленнее. Между той хижинкой, за которой он скрывался, и соседней было метров десять, освещенных костром. Он выглянул из-за угла хижины и побежал, на этот раз низко опустив голову. Краем глаза Келли заметил движущуюся тень и, когда повернулся, чтобы взглянуть на нее, споткнулся обо что-то и упал.

Фонтанчики пыли метнулись вокруг, но Келли не смог сразу найти источник выстрелов. Он перекатился влево, чтобы укрыться от пуль, но при этом попал на освещенное место. Привстав, он оттолкнулся назад и уперся спиной в стену

хижины, разыскивая отчаянным взглядом вспышки автоматных очередей. Вот они! Он поднял свой CAR-15 и открыл огонь в тот момент, когда две пули калибром 7, 62 миллиметра попали ему в грудь. Его развернуло силой ударов, и еще два попадания разбились автомат у него в руках. Когда в следующее мгновение он взглянул вверх, в деревушке было тихо. При первой же попытке встать он ничего не добился, кроме вспышки боли. Затем ему в грудь уперлось дуло автомата.

- Сюда, лейтенант! - услышал Келли, затем тот же голос приказал:

- Санитара!

Келли подтащили поближе к костру. Его голова безвольно свесилась к левому плечу.

Американские солдаты обыскивали деревню, осматривали северо-вьетнамских солдат.

- Этот подонок еще жив, - сказал один из американцев.

- Вот как? - второй солдат перешагнул через тело восьмилетней девочки, приставил дуло своего автомата ко лбу вьетнамца и выстрелил.

- Черт тебя побери, Гарри!

- Немедленно прекратите! - раздался крик лейтенанта.

- Посмотрите, что они сделали, сэр! - крикнул в ответ Гарри, падая на колени в приступе рвоты.

- Что с тобой? - спросил санитар, подходя к Келли, который не мог вымолвить ни слова. - Проклятье! - выругался санитар. - Лейтенант, это, наверно, и есть тот парень, что вызвал нашу группу!

В поле зрения Келли появилось еще одно лицо - по-видимому, это был лейтенант, командовавший штурмовой группой, большая нашивка у него на плече свидетельствовала о его принадлежности к дивизии легкой пехоты.

- Лейтенант, похоже, все в порядке, еще раз осматриваем периметр! - послышался голос постарше.

- Живых нет?

- Так точно, сэр!

- А вы кто такой, черт побери? - спросил лейтенант, посмотрев вниз. - Сумасшедшие морские пехотинцы!

- Флот! - выдохнул Келли вместе с кровью.

- Что? - спросила медсестра О'Тул.

Келли широко открыл глаза. Его правая рука быстро двинулась поперек груди, а голова повернулась, осматривая комнату. Сэнди О'Тул сидела в углу под лампочкой, читая книгу.

- Что вы здесь делаете?

- Слушаю ваши кошмары, - ответила она. - Уже второй раз. Знаете, вам действительно было бы неплохо...

- Да, я знаю.

Глава 10

Патология

- Ваш пистолет на заднем сиденье, - сказал ему сержант Дуглас. - Разряженный. Отныне пусть он в таком виде и остается.

- Как относительно Пэм? - спросил Келли, устроиваясь в кресле-каталке.

- Мы расследуем некоторые полученные нами сведения, - ответил Дуглас, даже не пытаясь скрыть очевидную ложь.

Этим сказано все, подумал Келли. Кто-то сообщил прессе, что Пэм арестовывалась за проституцию, и из-за этого разоблачения дело утратило свою безотлагательность.

Розен сам привел "скаут" ко входу с Уолф-стрит. Корпус машины был отремонтирован, в дверцу со стороны водителя вставлено новое стекло. Келли поднялся из кресла-каталки и внимательно осмотрел свою машину. Рама двери и соседняя стойка стали препятствием на пути потока свинца и спасли ему жизнь. Кто-то просто плохо прицелился, после того как тщательно и с успехом выследил их - чему изрядно помогло то обстоятельство, что он не счел нужным следить в зеркала за происходящим вокруг, сказал себе Келли с бесстрастным выражением лица. Как он сумел забыть об этом? - спросил он себя в тысячный раз. Это так просто, подчеркивал он при разговоре с каждым новичком, прибывавшим в 3-ю группу командос: всегда следите за своим тылом, потому что там может оказаться кто-то, охотящийся за вами. Разве трудно запомнить, а?

Но все это история. И историю изменить нельзя.

- Возвращаешься на свой остров, Джон? - спросил Розен. Келли кивнул.

- Да. У меня там много работы, и мне нужно вернуть себе хорошую форму.

- Я хочу, чтобы ты приехал сюда на осмотр, ну, скажем, через две недели.

- Хорошо, сэр. Приеду, - пообещал Келли. Он поблагодарил Сэнди О'Тул за заботу и получил в награду теплую улыбку. За эти восемнадцать дней она стала почти другом. Почти? Может быть, уже без почти, если только он позволит себе думать таким образом. Келли сел в машину и пристегнул ремень безопасности. Он никогда не любил - и не умел - прощаться. Он кивнул, улыбнулся и тронулся с места, поворачивая направо к Малберри-стрит, впервые в одиночестве с момента своего прибытия в больницу.

Наконец. Рядом с ним, на пассажирском сиденье, где он в последний раз видел Пэм, лежал большой конверт из плотной бумаги с надписью "МАТЕРИАЛЫ ПАЦИЕНТА/СЧЕТА", сделанной неуклюжим почерком Сэма Розена.

- Боже мой, - выдохнул Келли, направляясь на запад. Теперь он не просто следил за потоком транспорта. Городской ландшафт навсегда изменился для Джона Келли. Улицы представляли собой странную комбинацию активности и пустоты, и его глаза осматривали все вокруг в привычке, которую он позволил себе забыть, останавливаясь

на людях, чье бездействие казалось ему намеренным. Понадобится время, сказал он себе, научиться отличать овец от баранов - обычных людей от людей с преступными намерениями. Городской транспорт был редким, и к тому же люди не задерживаются на этих улицах. Келли посмотрел налево и направо, чтобы убедиться, что глаза остальных водителей устремлены только вперед, отключенные от окружающего мира, подобно тому как он поступал когда-то сам, нервно останавливаясь на красный свет светофора, если не мог безопасно проскочить его, и резко нажимая на педаль газа, когда загорался зеленый свет. Они надеются, что могут оставить все это позади, что проблемы, свойственные городу, останутся здесь и никогда не захватят пригороды, где живут хорошие люди. В этом смысле такое положение было обратным тому, что существовало во Вьетнаме, правда? Там опасности таились в джунглях и вы хотели, чтобы они не выходили из зарослей. Келли понял, что он вернулся домой, чтобы увидеть такое же безумие и такое же ощущение неудачи, только в совершенно другом месте. И он был виноват и глуп подобно всем остальным.

"Скаут" свернул налево, направляясь к югу мимо еще одной больницы - большого белого здания. Деловой район, банки и конторы, здание суда, ратуша, цивилизованная часть города, куда приезжают на работу цивилизованные люди в дневное время, быстро покидая его с наступлением темноты, все вместе, - ведь, когда все поспешно уезжают единой массой, это безопаснее. Этот район города хорошо охраняется полицией, потому что без этих людей и их деловой деятельности город несомненно умрет. Или что-то вроде этого. А может быть, это вовсе не вопрос жизни или смерти, а просто времени.

Только полторы мили, удивился Келли. Так мало? Нужно проверить по карте. Опасно короткое расстояние между этими людьми и тем, чего они боялись. Остановившись на перекрестке, он видел очень далеко, потому что городские улицы, подобно противопожарным просекам в лесу, открывают длинные и узкие перспективы. Свет на светофоре переменялся, и он поехал дальше.

Через двадцать минут он остановился у "Спрингера", стоящего на своем привычном месте. Келли собрал вещи и поднялся на борт. Спустя еще десять минут заворчали дизели, заработали кондиционеры, и он снова ощутил себя в своем маленьком белом коконе цивилизации, готовый отойти от причала. Оставить позади обезболивающие средства и снова ощутить вкус пива и расслабиться - просто символическое возвращение к нормальной жизни, - и тем не менее он решил не прикасаться к алкоголю. Его левое плечо все еще было мучительно оцепеневшим, несмотря на то что он пользовался им, в некотором роде, почти неделю. Он прошел по салону, широко размахивая руками и морщась от боли в левом боку, и наконец поднялся наверх, чтобы снять швартовы. Мердок вышел из своего офиса, наблюдая за ним, но ничего не сказал. Случившееся с Келли попало в газеты, хотя репортеры каким-то образом не догадались связать смерть Пэм с его ранением. Топливные баки были полны, и все бортовые системы функционировали нормально, хотя верфь не представила обычного счета.

Со швартовыми Келли обращался неловко, потому что его левая рука отказывалась исполнять то, что приказывал ум, в обычной отработанной последовательности. Наконец он убрал швартовы, и "Спрингер" направился к выходу из лагуны. Оказавшись за пределами портового бассейна, Келли разместился в салоне, заняв кресло у штурвала, и направил судно в залив, наслаждаясь комфортом кондиционированного воздуха и безопасностью окружающих его стен. Только покинув час спустя пределы судоходного канала, он отвел взгляд от водного пространства перед собой. Он проглотил две таблетки тайленола и запил их газированным напитком - это было единственное лекарство, которое Келли позволял себе принимать последние три дня. Он откинулся на спинку капитанского кресла, включил автопилот, который вел теперь яхту на юг, и открыл конверт, оставленный ему Сэмом.

Одни только фотографии были вынуты из конверта. Он видел одну из них, и этого было достаточно. Сопроводительная записка, написанная от руки, - каждая страница в конверте была фотокопией, а не оригиналом - гласила, что профессор патологии получил эти копии от своего знакомого, судебно-медицинского эксперта штата, и в ней излагалась просьба, чтобы Сэм обращался с материалами осторожнее. Келли не смог разобрать подпись.

Квадраты "преступная смерть" и "убийство" на обложке оба были перечеркнуты. Причиной смерти, говорилось в отчете, было удушение руками с узким рядом глубоких следов, вонзающихся в шею жертвы. Судя по жестокости и глубине следов удушения, можно было предположить, что мозг прекратил функционировать из-за кислородного голодания еще до того, как переломленная гортань преградила доступ воздуха в легкие. Характерные бороздки на коже говорили о том, что удушение было произведено, по-видимому, шнурками от ботинок, а синяки, оставленные костяшками пальцев мужчины с большими кистями вокруг горла, указывали на то, что убийца душил жертву, находящуюся в лежащем положении. Далее в отчете на пяти страницах, напечатанных через один интервал, говорилось, что жертва перед смертью была подвергнута жестокому насилию, оставившему значительные травмы, причем все они были подробно перечислены бесстрастным медицинским языком. Отдельный бланк свидетельствовал о том, что она была изнасилована и ее гениталии носили несомненные признаки жестоких мучений, разрывов и травм. Необычно большое количество семенной жидкости, все еще содержащееся у нее во влагалище после обнаружения и вскрытия тела, говорило о том, что жертву изнасиловал не один убийца (группы крови О положительная, О отрицательная и АВ отрицательная - смотри серологическую справку, приложенную к отчету). Глубокие порезы и синяки на руках и ладонях были классическим свидетельством того, что жертва оборонялась. Да, Пэм не сдалась, она защищала свою жизнь. У нее была сломана челюсть и имелись еще три перелома, в том числе сложный перелом локтевой кости левой руки. Келли пришлось отложить отчет. Некоторое время он смотрел на горизонт и лишь затем снова принялся за чтение. Его руки не дрожали, и он не произнес ни единого слова, но ему пришлось отвести взгляд от холодной медицинской терминологии.

"Как ты видишь на фотографиях, Сэм, - гласила надпись от руки на странице, заключающей отчет, - это было сделано парой явно ненормальных людей. Девушку подвергли жестоким пыткам. Должно быть, потребовалось несколько часов, чтобы проделать все это. Обрати внимание на фотографию №6 - об этом ничего не сказано в отчете. Ее волосы были причесаны, почти наверняка до вскрытия. Патолог, занимавшийся ею, каким-то образом упустил это - он молод.

(Элана не было в городе, когда ее привезли, в противном случае я не сомневаюсь, что ею занимался бы он сам.) Это кажется несколько странным, но на фотографии ясно видно. Странно, как можно упустить такую очевидную вещь. По-видимому, это был его первый случай такого рода, и он обратил слишком много внимания на основные травмы и потому не заметил чего-то столь незначительного. Насколько я понимаю, ты был знаком с девушкой. Мне очень жаль, дружище. Brent”, - гласила подпись на этот раз более разборчивая, чем сопроводительная записка. Келли уложил отчет обратно в конверт.

Он выдвинул ящик из контрольной панели, достал коробку патронов для “кольта” 45-го калибра и зарядил два магазина, затем уложил все это обратно в ящик. Мало вещей так бесполезны, как незаряженный пистолет. После этого он прошел в камбуз и взял с полки самую большую консервную банку. Вернувшись в кресло перед панелью управления, он взял банку в левую руку и продолжил то, чем занимался почти неделю, поднимая банку и поворачивая ее вместо гантели вверх и вниз, к себе и от себя, с радостью приветствуя боль, наслаждаясь ею, в то время как его глаза непрерывно осматривали водную гладь.

- Никогда больше, Джонни-мальчик, - произнес он вслух. - Никогда больше мы не сделаем ошибок. Никогда.

Транспортный самолет С-141 совершил посадку на воздушной базе Поуп неподалеку от Форт-Брэгга, закончив свой обычный полет, который начался более чем в восьми тысячах миль отсюда. Четырехмоторный реактивный транспортный самолет коснулся бетонной дорожки аэродрома несколько жестко. Команда устала, несмотря на остановки для отдыха по пути, а их пассажирам забота уже не требовалась. На таких рейсах редко бывали живые пассажиры. Войска, возвращающиеся с фронта военных действий, летели на “Фридом бердс” - “Птицах свободы”, которыми почти всегда являлись чартерные самолеты коммерческих авиалиний, стюардессы которых расточали улыбки и разносили бесплатное спиртное на протяжении всего продолжительного обратного полета в реальный мир. На рейсах, направляющихся в Поуп, таких удобств не требовалось. Команда самолета ела обычные летные пайки, и полеты обходились без шуток и разговоров, присущих молодым летчикам.

Приземлившись на аэродроме, самолет прокатился почти до конца посадочной площадки и повернул на рулежную дорожку. Команда самолета начала потягиваться в своих креслах. Командир самолета, капитан, знал предстоящую процедуру наизусть, но перед ними катился ярко раскрашенный джип на случай, если он что-нибудь забудет. Самолет послушно последовал за джипом к приемному центру. Капитан и его команда уже давно перестали размышлять относительно природы их полетов. Это была работа, необходимая работа, вот и все, думали они, выходя по трапу для предписанного правилами отдыха. Этот отдых состоял, после короткой информации о поведении самолета во время последних тридцати часов полета и выявленных за этот период недостатках, в посещении офицерского клуба, нескольких коктейлей, душа и сна в общежитии. Ни один из членов экипажа не оглянулся на самолет. Скоро они снова увидят его.

Стандартная процедура полета таила в себе противоречие. В большинстве случаев в предыдущих войнах американцев хоронили в тех местах, где они погибли. Это доказывают американские кладбища во Франции и других странах. Во Вьетнаме дело обстояло по-иному. Казалось, люди понимали, что ни один американец не хочет оставаться там ни живым, ни мертвым, и потому каждое найденное тело отправляли домой. Каждое тело, пройдя через центр обработки неподалеку от Сайгона, теперь должно было пройти еще один аналогичный пункт, после чего его отправят в тот город, откуда эти в основном молодые люди были отправлены умирать на войне, которая велась далеко за океаном. К этому времени семьи погибших уже имели достаточно времени, чтобы решить, где состоятся похороны, и инструкции относительно похорон ожидали каждое тело, упомянутое по имени и фамилии в бортовом манифесте.

В приемном центре тела американских военнослужащих ожидали гражданские гробовщики, потому что этой специальности среди множества других вооруженные силы не имели. Одетый в мундир своего рода войск офицер всегда находился здесь, чтобы провести опознание тела, поскольку род войск нес ответственность за то, что соответствующее тело поступало по правильному адресу, указанному его семьей, несмотря на то что большинство гробов, покидающих приемный центр, было запечатано. Тяжелые раны, нанесенные на поле боя, плюс разрушительное действие тропического климата на тела, которые во многих случаях обнаруживали не сразу, были не тем, что хотели видеть семьи погибших сыновей, мужей или отцов. В результате правильное опознание останков было нелегким делом, и именно по этой причине военные относились к нему с максимальной серьезностью.

Приемный центр представлял собой большой зал, где множество тел обрабатывалось одновременно, хотя сейчас здесь не было той лихорадочной активности, какая была в недавнем прошлом. Работавшие здесь не упускали случая мрачно пошутить, а некоторые даже слушали прогнозы погоды в той части света, чтобы предсказать, в каком состоянии придет следующая партия погибших. Одного только запаха здесь было достаточно, чтобы прогнать любопытных, и потому старшие офицеры редко заходили в приемный центр, не говоря уже о штатских сотрудниках министерства обороны, которым зрелище множества трупов нарушало душевное равновесие. Но к запаху можно привыкнуть, особенно к запаху противогнилостных составов, который был все-таки лучше, чем остальные запахи, связанные со смертью. Одно такое тело, принадлежащее специалисту четвертого класса Дуэину Кендаллу, носило следы многочисленных ран на туловище. Гробовщик заметил, что Кенделла сумели привезти живым в полевой госпиталь. Некоторые разрезы явно принадлежали военному хирургу, приложившему все усилия, чтобы спасти раненого. Впрочем, эти разрезы, которые привели бы в ярость главного хирурга гражданской больницы, были куда менее ужасны, чем раны, оставленные на теле осколками мины-ловушки. Хирург потратил, наверно, минут двадцать, пытаясь спасти раненого, подумал гробовщик, размышляя о том, почему хирург потерпел неудачу, - скорее всего, это печень, решил он, судя по расположению и размерам разрезов. Нельзя жить без печени, каким бы искусным ни был хирург. Гораздо больший интерес для гробовщика представляла белая бирка, расположенная между правой рукой и грудью, которая подтверждала кажущуюся случайной пометку на карточке, приложенной к контейнеру, в котором прибыло тело, снаружи.

- Вот этого легко опознать, - сказал гробовщик капитану, с блокнотом в руке проходившему по залу в сопровождении сержанта. Офицер проверил необходимые данные, сравнил со своей информацией, кивнул и отправился дальше, оставив гробовщика заниматься своим делом.

Как всегда, требовалось выполнить ряд определенных операций, и гробовщик принялся за них без излишней спешки, но и не затягивая время. Подняв голову, он убедился, что капитан находится в другом конце зала, и потянул за нитку, стежки которой, стягивающие разрез, были сделаны другим гробовщиком на противоположном конце маршрута. Стежки мгновенно разошлись, гробовщик сунул руку внутрь человеческого тела и достал оттуда четыре пластмассовых прозрачных пакета с белым порошком, которые он быстро сунул в стоящую рядом сумку, прежде чем снова зашить зияющую пустоту в теле Дуэйна Кендалла. Это была третья и последняя партия сегодня. Потратив еще полчаса на еще одно тело, он закончил свой рабочий день и направился к своему "меркури кугуар". По пути он остановился у супермаркета "Уинн-Дикси" и купил там батон хлеба. Выходя из супермаркета, он подошел к телефону-автомату, опустил несколько монет и снял трубку.

- Да? - произнес Генри Таккер, подняв трубку при первом же звонке.

- Восемь. - На противоположном конце повесили трубку.

- Отлично, - ответил Таккер, вообще-то себе самому, опуская телефонную трубку. Этот гробовщик доставит ему восемь килограммов. Еще семь - второй. Они не знали друг о друге, и передача наркотиков осуществлялась в разные дни недели. Теперь, когда Таккер решил проблему сбыта, можно увеличить объем поставок.

Арифметика этого бизнеса была достаточно простой. Каждый килограмм, то есть тысяча граммов, смешивался с определенным количеством нетоксичного вещества - например, порошка молочного сахара, который его компаньоны получали со склада, снабжавшего продовольственные магазины. После тщательного размешивания, чтобы обеспечить однородность всей партии, уже другие люди разделят крупную партию на маленькие дозы, которые и поступят в продажу. Высокое качество и растущая репутация поставляемого продукта гарантировали ему цену, несколько превышающую обычную оптовую, получаемую им от его белых компаньонов.

Но скоро возникнет другая проблема - с объемами поставки. Таккер начал эту операцию в небольшом масштабе, поскольку был человеком осторожным, а крупные поставки вызывают жадность. Скоро это станет невозможным. Объем поступающего к нему чистого рафинированного героина был намного больше, чем предполагали его компаньоны. Пока они были довольны высоким качеством продукта, и он постепенно сообщит им о подлинном масштабе поставок, сохраняя в секрете свой метод доставки наркотиков, с изобретением которого он постоянно поздравлял себя. Элегантность метода была поразительна, даже для него самого. По самым завышенным правительственным оценкам - он внимательно следил за этим - импорт героина из Европы по "французскому", или "сицилийскому", каналу - официальные источники никак не могли освоиться с терминологией - составлял примерно около одной тонны в чистом виде в год. Это, по мнению Таккера, должно измениться, потому что именно наркотикам принадлежало будущее среди всех американских пороков. Если он сможет поставлять сюда всего двадцать килограммов героина в неделю - а возможности его канала намного превышали эту цифру, - он превзойдет это количество, тем более что ему не надо беспокоиться о таможенных инспекторах. Таккер создал свою организацию, обратив особое внимание на проблему безопасности. Начать с того, что ни один из тех, кто занимал ключевое положение и с кем он был связан, сам не употреблял наркотики. Нарушение этого правила наказывалось смертью, и он дал это понять самым простым и наглядным способом. На противоположном конце канала поставок работало всего шесть человек. Двое добывали героин из местных источников, чья безопасность гарантировалась обычными средствами - крупными денежными суммами, выплачиваемыми соответствующим людям. Четверо гробовщиков, работавших при отправке грузов в Америку, также высоко оплачивались и были выбраны за разумный, деловой подход и надежность. Военно-воздушные силы США занимались транспортировкой, ликвидировав таким образом затраты и риск, составлявшие обычно самую сложную и опасную часть импорта наркотиков. Двое, получавших партии героина в Соединенных Штатах, тоже были осторожными и надежными людьми. Не один раз, докладывая они, обстоятельства вынуждали их оставлять партии героина внутри тел, которые затем были должным образом похоронены вместе с наркотиками. Разумеется, жалко нести потери, но надежный бизнес - это осторожный бизнес, и небольшое повышение цен при продаже маленьких доз на улице запросто компенсировало их. К тому же эти двое хорошо знали, что с ними случится при попытке похитить несколько килограммов и самостоятельно пустить их в дело.

Далее оставалось всего лишь доставить партию героина в удобное место на автомобиле, и это осуществлялось надежным и высокооплачиваемым человеком, никогда не превышавшим разрешенную скорость. То, что часть дальнейшей операции проводилась в заливе, думал Таккер, прихлебывая пиво и наблюдая за бейсбольным матчем по телевизору, было одним из его самых ловких ходов. К числу всех преимуществ, которые давал выбор этого места, следовало отнести и то, что он позволял дать понять новым партнерам, что наркотики сбрасывают с кораблей, направляющихся по Чесапикскому заливу в Балтимор. Партнеры сочли такой метод доставки на редкость удачным, в то время как Таккер сам доставлял героин из тайного места хранения. То, что ему верят, доказал случай с Анджело Ворано, купившим свою идиотскую маленькую парусную яхту и предложившим подобрать партию наркотиков, сброшенных с корабля. Таккеру без труда удалось убедить Эдди и Тони, что Анджело заложил их полиции.

Если повезет, он сможет захватить весь рынок торговли героином на Восточном побережье и удерживать его до тех пор, пока американцы продолжают умирать во Вьетнаме. Кроме того, подумал Таккер, у него еще оставалось время составить планы будущей деятельности на случай, когда, по-видимому, грянет мир. А пока следовало подумать о том, как расширить сеть распространения наркотиков. Та сеть, которой он сейчас располагал и которая действовала совсем

неплохо, позволив привлечь к себе внимание новых партнеров, быстро устаревала. Она была слишком мала для его честолюбивых планов, так что скоро ее придется перестроить. Но всему свое время.

- О'кей, теперь это стало официальным. - Дуглас бросил папку с документами расследования на стол и посмотрел на своего босса.

- Что ты имеешь в виду? - спросил лейтенант Райан.

- Во-первых, никто ничего не видел. Во-вторых, никто не знает, на какого сутенера она работала. Третье, никто даже не знает, кто она такая. Ее отец повесил трубку, сказав, что не разговаривал со своей дочерью четыре года. А ее друг не видел ни хрена ни до того, как в него выстрелили, ни после. - Детектив сел.

- А мэр больше не проявляет к расследованию никакого интереса, - закончил это резюме лейтенант Райан.

- Ты знаешь, Эм, я не возражаю против тайного расследования, но оно снижает мой процент раскрываемости преступлений. Что, если я не получу более высокое назначение на следующем заседании инспектората?

- Это будет забавно. Том.

Дуглас покачал головой и посмотрел в окно.

- А вдруг все-таки это был действительно известный нам “дуэт”? - спросил сержант с чувством безысходности. “Дуэтом” они называли пару грабителей, вооруженных обрезам, которая двое суток назад совершила новое убийство. На этот раз их жертвой пал адвокат из Эссекса. Преступление видел свидетель, находившийся в автомобиле ярдов за пятьдесят от происшедшего. Он и подтвердил, что преступников было двое, что вообще-то не составляло особого открытия. Кроме того, в полицейской работе придерживались широко распространенной точки зрения, что убийство адвоката вообще не следует рассматривать как преступление, но ни один из детективов не решился бы произнести этого вслух.

- Сообщи мне, когда ты все-таки в это поверишь, - негромко произнес Райан. Оба детектива, однако, не верили в это. Те двое были всего лишь грабителями. На их счету уже было несколько жертв, и дважды они отъехали за несколько кварталов от места преступления, однако в обоих случаях это были спортивные автомобили и им, по-видимому, просто хотелось на несколько секунд почувствовать, что значит владеть настоящими колесами. Полиции был известен цвет преступников, размеры и - ничего больше. Однако “дуэт” составили деловые преступники, тогда как убийца Памелы Мадден хотел произвести в высшей степени личное впечатление; а может быть, в округе появился новый убийца-извращенец, и вероятность этого просто прибавила сложности их и без того тяжелой работе полицейских.

- Мы были так близко, правда? - спросил Дуглас. - У этой девушки были имена, она знала их в лицо и была свидетелем.

- Но мы даже не подозревали, что она присутствовала при этом, до тех пор пока этот кретин не допустил, чтобы мы ее навсегда потеряли, - заметил Райан.

- Ну что ж, он вернулся туда, куда, черт побери, и собирался вернуться, а мы тоже находимся там, где и находились. - Дуглас забрал папку и возвратился к своему столу.

Уже стемнело, когда Келли пришвартовал свой “Спрингер”. Взглянув вверх, он заметил пролетающий высоко над головой вертолет, вероятно, он принадлежал находящейся поблизости базе ВВС Военно-морского флота. Как бы то ни было, он не кружил над островом и не задержался в этом районе. Воздух снаружи был тяжелым, душным и влажным. Внутри бункера атмосфера была еще хуже, и понадобился час, прежде чем кондиционер набрал обороты и принялся за работу. Его “дом” казался еще более пустым чем раньше, уже во второй раз в этом году, а комнаты в отсутствие второго человека, разделявшего это пространство, ощущались особенно большими. Келли бродил по ним минут пятнадцать. Его движения казались бесцельными, пока он не понял, что стоит, уставившись на одежду Пэм. Тут у него в голове что-то щелкнуло и он осознал, что ищет человека, которого здесь больше нет. Он собрал ее одежду и аккуратно сложил на сервант, который когда-то принадлежал Тиш и мог стать собственностью Пэм. Самым печальным было то, что вещей оказалось совсем немного: джинсы, отрезанные чуть выше колен, лифчик, несколько более интимных вещей, фланелевая рубашка, которую она надевала на ночь. Сверху на стопке стояли ее поношенные туфли. Так мало вещей, напоминающих о ней.

Келли сел на край кровати, глядя на них. Сколько все это продолжалось? Три недели? Неужели так недолго? Это не было уточнением числа проведенных вместе календарных дней - время так не измеряется. Время - это что-то, заполняющее пустые пространства в вашей жизни, и три недели, проведенные с Пэм, были более длинными и наполненными, чем все то время, которое он прожил после смерти Тиш. Но все это ощущалось теперь как нечто, случившееся так давно. Пребывание в больнице казалось всего лишь мгновением, но оно словно воздвигло стену между самой драгоценной частью его жизни и тем, где он находился сейчас. Он мог подойти к этой стене и взглянуть через нее на то, что было в прошлом, но был лишен возможности протянуть руку и коснуться его. Жизнь была такой жестокой, а память могла превратиться в проклятие, насмешливое напоминание о том, что было и что могло развиться из этого, если бы только он вел себя по-другому. Хуже всего было то, что стену между тем, где он сейчас находился и где мог оказаться, построил он сам, своими руками, подобно тому как несколько минут назад собрал стопку одежды Пэм, потому что она больше была не нужна. Он мог закрыть глаза и увидеть ее. Мог слышать ее в тишине, однако запах Пэм исчез и исчезло ее прикосновение.

Келли протянул руку через кровать и коснулся фланелевой рубашки, вспоминая, что она скрывала, вспоминая, как его большие сильные руки неловко расстегивали пуговицы, находя под рубашкой свою любовь. Но теперь это был всего лишь кусок ткани, форма, содержащая лишь воздух, да и его было так мало. И только тут Келли в первый раз зарыдал - в первый раз после того, как Узнал о ее смерти. Его тело сотрясилось от понимания реальности происшедшего, и в уединении замкнутой бетонной коробки он произносил ее имя, надеясь, что где-то она услышит его и простит за то, что он погубил ее своей глупостью. Может быть, сейчас она покоилась в мире. Келли молился о том, чтобы Бог понял, что у нее вообще-то не было других шансов выжить, чтобы он распознал доброту ее характера и был милостив к ней, но это уже было за пределами человеческих возможностей. Его взгляд блуждал по комнате и постоянно возвращался к стопке одежды.

Эти убудки даже лишили ее тело последнего достоинства, не скрыв его от природных стихий и любопытных людских взглядов. Они хотели, чтобы все знали, что они наказали ее, насладились ею и вышвырнули, словно мусор на помойку, годный лишь птицам. Пэм Мадден не имела для них никакого значения, разве что была удобной вещью, доставлявшей им наслаждение не только при жизни, но и даже после смерти - демонстрируя их могущество. Насколько важную роль играла Пэм в его жизни, настолько незначительную - для них. Как и семья того старейшины во Вьетнаме, вспомнил Келли. Наглядная демонстрация: только брось нам вызов и мы заставим тебя страдать. А если то, что осталось, будет обнаружено другими, тем лучше. Такой была их гордость.

Келли лег на кровать, измученный неделями пребывания в больничной постели, которое заключил длинный и напряженный день на ногах. Он уставился в потолок, не выключая света, надеясь заснуть, еще больше надеясь увидеть во сне Пэм, но его последней сознательной мыслью было нечто совершенно иное.

Если его самоуверенность способна привести к смерти, то же самое относится и к самоуверенности этих убудков.

Голландец Максвелл прибыл в свой кабинет в шесть пятнадцать, как обычно. Хотя, занимая пост заместителя командующего военно-морскими операциями (морская авиация), он больше не входил в оперативную иерархию командования, но продолжал оставаться вице-адмиралом, а его теперешняя должность заставляла думать о каждом самолете в Военно-морском флоте США как о своем собственном. Вот почему первым вопросом в его дневной работе с документами был краткий отчет о воздушных операциях во Вьетнаме, происходивших накануне, - вообще-то сегодня, но получалось вчера из-за капризов международной демаркационной линии суточного времени, что всегда казалось адмиралу возмутительным, хотя ему довелось участвовать в одном сражении, практически сидя на этой невидимой линии в Тихом океане.

Он хорошо помнил это сражение: чуть меньше тридцати лет назад Максвелл был младшим лейтенантом с шапкой коротко подстриженных волос, пилотирующим истребитель F4F-4 "Дикая кошка", базировавшийся на авианосце "Энтерпрайз". У него была молодая жена, на которой он только что женился, сам он был полон энергии и жажды жизни и успел налетать триста часов. 4 июня 1942 года в середине дня он заметил три японских пикирующих бомбардировщика "Вэл". Они должны были следовать вместе с воздушной группой, взлетевшей с авианосца "Хюри" и нацеленной на тяжелый американский авианосец "Йорктаун", но заблудились и направились по ошибке к американскому авианосцу. Неожиданно вынырнув из-за облака, Максвелл при первой же атаке сбил два из них. Третий бомбардировщик продержался дольше, но Максвелл помнил каждый солнечный блик, отражавшийся от него, и очереди трассирующих пуль, летящие ему навстречу в бесплодных попытках отогнать. Приземлившись сорок минут спустя на летной палубе авианосца, Максвелл заявил командиру своей эскадрильи, не верящему собственным ушам, что сбил три японских бомбардировщика. После проявления пленок, сделанных камерами, закрепленными за прицелами авиационных пушек на истребителе, его слова нашли подтверждение. Уже на следующее утро его "официальная" кружка для кофе, носившая раньше кличку "Уинни", присвоенную Максвеллу - он ненавидел ее, - изменила название. Теперь на ней красовалась надпись "Голландец", выведенная на фарфоре кроваво-красными буквами. Она послужила позывными, которые сопровождали Максвелла до конца его летной карьеры.

Еще за четыре боевых похода на борту своего истребителя он прибавил к первым трем двенадцать флагов с эмблемой Страны восходящего солнца - двенадцать сбитых им самолетов. Через некоторое время он стал командиром эскадрильи истребителей, затем авиакрыла, авианосца, группы авианосцев и наконец командующим морской авиацией Тихоокеанского флота. Последнее - перед назначением на теперешнюю должность заместителя командующего морской авиацией Военно-морских сил США. Если повезет, он получит должность командующего флотом, но дальше уже не продвинется. Максвелл занимал должности, соответствующие его знаниям и опыту. На стене его кабинета слева от письменного стола из красного дерева висел кусок алюминиевого борта его истребителя F4F-4 "Дикая кошка", на котором он летал в Филиппинском море и позднее у берегов Японии. Пятнадцать флагов с эмблемой Страны восходящего солнца красовались на темно-синем фоне, чтобы никто не забывал, что старейшина военно-морских летчиков в свое время на самом деле лучшим, чем большинство пилотов, образом проявил себя в боях. Его прежняя кружка с авианосца "Энтерпрайз" тоже стояла у него на столе, хотя он больше не пользовался ею для столь тривиальных целей, как питье кофе, и, уж разумеется, держал ее не для карандашей.

Такое почти завершение карьеры должно было быть предметом крайнего удовлетворения для Максвелла, но его снедали служебные заботы. Взгляд вице-адмирала остановился на данных по суточным потерям самолетов, вылетевших со станции "Янки". Два легких ударных бомбардировщика типа "Корсар" не вернулись на авианосец, и сопутствующая надпись гласила, что оба были с одного корабля и из одной эскадрильи.

- Есть подробности об этом? - спросил Максвелл у контр-адмирала Подулски.

- Я проверил, - ответил Казимир. - Скорее всего столкновение в воздухе. Андерс был пилотом на ведущем бомбардировщике, а на ведомом пилотом был Робертсон, совсем неопытный летчик. Что-то произошло, но никто не видел что именно. Сообщений о запуске ракет "земля - воздух" не поступало, и они находились на слишком большой высоте для огня зенитной артиллерии.

- Парашюты?

- Нет. - Подулски покачал головой. - Командир дивизиона видел огненный шар в небе. Оттуда упали только обломки.

- На что они были нацелены?

- Подозревали, что там скрытая стоянка грузовиков. - Уже по лицу Каза можно было судить о результатах. - Остальная часть группы продолжала полет, сбросила бомбы, с хорошей кучностью, но вторичных взрывов на земле не последовало.

- Значит, все это было напрасно. - Максвелл прикрыл глаза, пытаясь понять, что случилось с двумя самолетами, с намеченной операцией, с его военно-морским флотом, со всей страной.

- Отнюдь, Голландец. Кто-то считал это важной целью.

- Каз, тебе не кажется, что сейчас утро и для этого еще слишком рано, а?

- Так точно, сэр. Командир авианосной группы расследует случившееся и, наверно, примет - для вида - какие-нибудь меры. Если тебе требуется объяснение, вот оно: вероятно, Робертсон, будучи новичком, слишком нервничал - ведь это был его второй боевой вылет, - и скорее всего ему показалось, что он что-то увидел, он слишком резко отвернул, а эти два самолета летели в хвосте группы, и никто не заметил случившегося. Черт побери. Голландец, мы видели, как это происходит.

Максуэлл кивнул.

- Что еще?

- А-6 попал под огонь ракет "земля - воздух" к северу от Хайфона. Осколки изрешетили его, но пилот и штурман-бомбардир сумели вернуться к себе на авианосец. Они получают за это кресты "За летные заслуги", - доложил Подулски. - В остальном сутки в Южно-Китайском море прошли спокойно. В Атлантике тоже ничего особенного. На востоке Средиземноморья отмечена возросшая активность сирийцев с их новыми МиГами, но пока это еще не наша забота. Завтра мы встречаемся с представителями компании "Грумман", а затем отправляемся в Капитолий, чтобы обсудить с почтенными слугами народа программу создания истребителя-бомбардировщика F-14.

- Как тебе нравится эта программа?

- Отчасти мне жаль, что мы недостаточно молоды, чтобы попробовать его в полете. Голландец. - Каз попытался улыбнуться. - Но, Боже милосердный, раньше мы строили целый авианосец за те деньги, которые теперь уходят на создание одного такого истребителя.

- Ничего не поделаешь, Каз, - это прогресс.

- Да, у нас его слишком много, - проворчал Подулски. - И вот что еще. Мне позвонили с реки Пакс. Наш друг, возможно, уже вернулся домой. По крайней мере его яхта стоит у причала.

- И ты заставил меня так долго этого ждать?

- Нет смысла спешить. Он ведь штатский, правда? Наверно, спит до девяти или десяти.

- Как это, должно быть, приятно, - пробормотал Максвелл. - Надо когда-нибудь попробовать,

Глава 11

Изготовление

Пять миль могут показаться продолжительной прогулкой. Это всегда длинный заплыв. И особенно длинный, когда плывешь один. Это обстоятельство стало очевидным для Келли еще до того, как он достиг середины дистанции, однако, несмотря на то что вода к востоку от его острова была неглубокой и во многих местах он мог встать на дно, Келли не остановился, как не позволил себе и сбавить скорость. Он изменил длину гребков, чтобы на левый бок приходилась большая нагрузка, радуясь боли как посланнику выздоровления. Вода была именно такой, как ему хотелось, подумал он: достаточно прохладная, чтобы не допустить перегрева, и достаточно теплая, чтобы энергия слишком быстро не покидала тело. В полумиле от острова его скорость замедлилась, но Келли мобилизовал все свои внутренние силы, заставив себя снова плыть быстрее, пока не коснулся дна на восточной стороне Бэттери-Айленда. Когда он встал, то едва мог заставить себя двигаться, и тут же его мышцы начали неметь, но Келли принудил себя идти к берегу. И в этот момент он заметил вертолет. Он дважды во время заплыва слышал шум его роторов, но не обратил на это внимания. Келли давно привык к вертолетам, и их шум казался ему таким же естественным, как жужжание насекомого. Однако видеть вертолет, стоящий на песчаном берегу, было весьма необычно, и он направился к нему, но его окликнул голос из бункера:

- Я здесь, чиф!

Келли повернулся. Голос был знакомым. Он протер глаза и увидел повседневный белый мундир очень высокопоставленного морского офицера - это было очевидно по золоту погон, сверкающих на утреннем солнце.

- Адмирал Максвелл! - Келли был искренне рад встрече с этим человеком, но его смущало, что ноги до колен в грязи, которая налипла на них, пока он шел от берега. - Жаль, что вы не позвонили заранее, сэр.

- Я пытался, Келли. - Максвелл подошел к нему и пожал руку. - Мы звонили сюда уже пару дней. Где ты был, черт возьми? На работе? - Адмирал был изумлен тем, как мгновенно изменилось лицо молодого человека.

- Не совсем.

- Почему бы тебе не принять душ? А я пока поищу себе газированную воду. - И только теперь Максвелл увидел едва зажившие шрамы на спине и шее Келли. - Господи Боже мой!

Впервые они встретились на борту авианосца "Китти Хоук" три года тому назад. Максвелл был тогда командующим авиацией Тихоокеанского флота, а Келли - едва живым боцманом первого класса. Человек в положении Максвелла не мог забыть об этом. Келли отправился спасать летный экипаж бомбардировщика, который пилотировал младший лейтенант Уинслоу Холлэнд Максвелл-третий, американский морской летчик. После двух суток, которые Келли провел в районе, слишком опасном для спасательного вертолета, не сумевшего прочесать его, он вернулся обратно с Голландцем-третьим, раненым, но живым. Сам же Келли подхватил серьезнейшую инфекцию от гнилой воды, в которой ему приходилось скрываться. Как, до сих пор спрашивал себя Максвелл, как можно отблагодарить человека, спасшего твоего единственного сына? Келли выглядел таким молодым на больничной койке, таким похожим на его сына - вызывающе гордый взгляд и скрытый за ним застенчивый, но пронзительный ум. Если бы в мире господствовала справедливость, Келли получил бы медаль Конгресса за мужество, проявленное во время одиночной спасательной экспедиции, предпринятой им вверх по течению коричневой реки, но Максвелл даже не стал тратить бумагу на представление к награде. Извини, Голландец, скажет ему командующий Тихоокеанским флотом, я готов сделать для тебя что угодно, но это будет напрасной тратой сил, будет выглядеть, понимаешь, слишком подозрительно. Поэтому адмирал Максвелл сделал все, что мог.

- Расскажи мне о себе.

- Моя фамилия Келли, сэр. Я - боцман первого...

- Нет, - прервал его Максвелл, покачав головой. - Нет, ты гораздо больше похож на главного боцмана, каким и являешься с этой минуты.

Максвелл провел на борту "Китти Хоук" еще трое суток, якобы проводя личную проверку летных операций, однако на самом деле присматривая за своим раненым сыном и молодым командос, который спас его. Он был рядом с Келли, когда прибыла телеграмма, извещающая о смерти его отца, служившего пожарным и скончавшегося от сердечного приступа прямо во время тушения пожара. И вот теперь, понял адмирал, он прибыл сюда сразу после еще какого-то несчастья.

Келли вернулся после душа в майке и шортах, слегка приволакивая ноги от усталости, но с чем-то строгим и сильным во взгляде.

- Сколько ты проплыл, Джон?

- Почти пять миль, сэр.

- Хорошая тренировка, - заметил Максвелл, передавая ему банку кока-колы. - Отдохни немного.

- Спасибо, сэр.

- Что с тобой случилось? Эти раны на плече выглядят свежими. Келли коротко рассказал о случившемся, как солдат солдату, потому что, несмотря на разницу в возрасте и занимаемом положении, они оба были солдатами, и во второй раз Голландец Максвелл сидел и слушал как приемный отец, которым он стал.

- Тяжело, Джон, - тихо произнес адмирал.

- Да, сэр. - Келли не знал, что еще ему сказать, и на мгновение замолчал, глядя вниз. - Я так и не поблагодарил вас за открытку..., когда умерла Тиш. Это было так хорошо с вашей стороны, сэр. Как дела у сына?

- Летает пилотом на "Боинге-727" в компании "Дельта". Я вот-вот должен стать дедушкой, - с удовлетворением заметил адмирал и лишь потом понял, какой жестокой могла показаться сказанная им фраза этому молодому одинокому парню.

- Отлично! - Келли заставил себя улыбнуться, благодарный Максвеллу за то, что хоть что-то сделанное им оказалось успешным. - И что привело вас сюда, сэр?

- Мне хотелось бы обсудить с тобой кое-что. - Максвелл открыл свой портфель и развернул на кофейном столике первую из нескольких привезенных с собой карт.

- О да, я хорошо помню это место, - хрипло заметил Келли. Его взгляд остановился на пометках, сделанных от руки на полях карты. - Это секретная карта, сэр.

- То, о чем мы будем говорить, чиф, касается крайне секретных вопросов.

Келли оглянулся. Адмиралы всегда ездят в сопровождении адъютантов, обычно это молодой лейтенант в сверкающем мундире, который носит портфель с документами, показывает своему боссу, где находится галюн, беспокоится, где поставить автомобиль, и вообще занимается вещами ниже достоинства постоянно занятого боцмана или старшины. И тут он понял, что, хотя у вертолета есть команда, гуляющая сейчас по острову, вице-адмирал Максвелл прилетел сюда один, а это было крайне необычно.

- Но почему вы выбрали именно меня, сэр?

- Ты - единственный человек во всей стране, Джон, который знаком с местностью непосредственно, а не с воздуха.

- И если у нас есть здравый смысл, так и должно остаться. - Воспоминания Келли об этом месте нельзя было назвать приятными. Первый же взгляд на двухмерную карту пробудил у Келли худшие из трехмерных воспоминаний.

- Насколько далеко ты продвинулся по этой реке, Джон?

- Примерно до этой точки. - Рука Келли скользнула по карте. - Я упустил вашего сына, когда прочесывал местность в первый раз, но затем вернулся назад и нашел его приблизительно вот здесь.

Совсем неплохо, подумал Максвелл, дразняще близко к цели.

- Этого моста через реку на шоссе больше нет. Правда, нам потребовалось на это шестнадцать боевых вылетов,

но теперь мост находится в реке.

- Вы знаете, что это значит? Они построят брод или пару подводных мостов. Вам нужен мой совет, как их подорвать?

- Напрасная трата времени. Цель находится вот здесь. - Палец Максвелла постучал по точке, обведенной красным фломастером.

- Долго придется плыть, сэр. Что это такое?

- Чиф, когда тебя уволили в запас, ты остался в резервном составе флота, - добродушно произнес адмирал.

- Одну минуту, сэр!

- Успокойся, сынок, я не призываю тебя обратно на действительную службу. - Пока не призываю, подумал Максвелл. - У тебя был допуск к совершенно секретным документам.

- Да, у всех у нас был такой допуск, потому что...

- Но то, о чем мы говорим, еще более секретно, чем СС, Джон. - И Максвелл, достав из своего портфеля дополнительные материалы, объяснил почему.

- Вот ублюдки... - Келли оторвал взгляд от аэрофотоснимка. - Вы собираетесь высадиться там и спасти их, как тогда в Сонг-Тэй?

- Что тебе известно об этом?

- Лишь то, что было в открытой печати, - объяснил Келли. - Мы обсуждали это в группе. Нам казалось, что это была искусно проделанная операция. Эти парни из сил специального назначения могут действовать очень хитро, когда постараются. Но...

- Вот именно. Но в лагере никого не оказалось. Вот этот человек, - Максвелл указал на фигуру на аэрофотоснимке, - опознан как полковник ВВС. Ошибки быть не может. Келли, вы никогда и никому не повторите этого.

- Понимаю, сэр. Как вы предполагаете осуществить операцию?

- Мы еще точно этого не знаем. Ты знаком с этим районом, и нам нужно, чтобы ты помог выбрать альтернативные планы.

Келли подумал о прошлом. Он провел пятьдесят часов в этом районе, без сна и отдыха.

- Очень рискованно для высадки с вертолета. Здесь множество зенитных батарей. Относительно Сонг-Тэй по крайней мере можно было сказать, что тот лагерь был расположен далеко от всего, а ведь это место достаточно близко к Хайфону, тут много дорог, имеются мосты, а также находятся другие объекты. Операция будет очень трудной, сэр.

- Никто и не говорит, что все будет просто.

- Если вы опишете вот здесь дугу, то для скрытного подхода можно использовать этот хребет, но понадобится где-то перебраться через реку..., скажем, вот здесь, и вы наталкиваетесь на ловушку из зенитных орудий..., а вот эта еще хуже, судя по тому, что здесь написано.

- Разве ваша группа планировала воздушные операции в этом районе, чиф? - не без изумления спросил Максвелл и был удивлен полученным ответом.

- Видите ли, сэр, в нашей группе командос всегда не хватало офицеров. Они все время нарывались на пулю. Я исполнял обязанности офицера группы, планирующего операции, в течение двух месяцев, и мы все знали, как проникнуть в лагерь и на объекты противника. Нам это было необходимо, ведь это самая опасная часть большинства операций. Поймите меня правильно, сэр, но не обязательно носить офицерские погоны, чтобы уметь мыслить.

- Я никогда не говорил, что думать умеют только офицеры, - едва не возмутился Максвелл. Келли сумел улыбнуться.

- Не все офицеры считают так, как вы, сэр. - Он посмотрел на карту. - Эту операцию следует планировать с конца. Начинайте с того, что вам требуется после захвата цели, затем возвращайтесь к методу подхода и проникновения на объект.

- Об этом потом. Расскажи мне прежде о долине реки, - попросил Максвелл.

Пятьдесят часов, вспомнил Келли. Его перебросили на вертолете из Дананга на борт подводной лодки "Скейт", которая затем доставила в поразительно глубокое устье этой проклятой вонючей реки. Далее Келли двигался вверх по течению, держась за подводный скутер, работавший на электрических аккумуляторах. Не исключено, этот скутер все еще там, если только какой-нибудь рыбак не зацепил его своей леской. Келли оставался под водой, пока не кончился воздух в баллонах, он даже теперь помнил, как страшно было потерять способность прятаться под покрытой рябью поверхностью реки. Как страшно было подняться на поверхность, если даже слишком опасно было двигаться под водой и приходилось прятаться под водорослями у берега, наблюдая за транспортом на шоссе, проходящем рядом с рекой, слушая грохот зенитных батарей на вершинах холмов и думая о том, что сделают с ним снаряды 37-миллиметрового калибра, наткнись на него какой-нибудь северо-вьетнамский бойскаут и сообщи об этом отцу. И вот теперь этот адмирал спрашивал его, как лучше рискнуть жизнью других людей в том же самом месте, положившихся на него, как это сделала Пэм, полагая, что он знает, как нужно поступить. Эта внезапная мысль заставила бывшего главного боцмана похолодеть.

- Это опасное место, сэр. Я хочу сказать, что ваш сын тоже повидал там многое.

- Но не с твоей точки зрения, - напомнил Максвелл. В этом он прав, согласился Келли. Младший Голландец забрался в надежное густое укрытие. И, ежечасно пользуясь своим радиопередатчиком, ожидал, что Змея придет и спасет его, а пока он лежал, сжимая сломанную ногу, страдая от мучительной боли и прислушиваясь к грохоту тех же самых зенитных батарей, которые сбили его А-6 и теперь молотили небо, стараясь воспрепятствовать другим самолетам взорвать мост, мимо которого пролетели его бомбы. Пятьдесят часов, вспомнил Келли, без отдыха и сна, только страх и желание выполнить задание, порученное ему.

- Сколько у нас времени, сэр?

- Мы не знаем этого. Честно говоря, я даже не уверен, что нам дадут добро. Когда у нас появится план, мы представим его. А когда его одобряют, мы соберем силы, подготовим их и проведем операцию.

- Метеорологические условия? Насколько они повлияют на ваши планы? - спросил Келли.

- Операция должна проводиться осенью - этой осенью - или, может быть, никогда.

- Вы говорите, что эти парни никогда не вернутся домой, если мы не спасем их?

- Никакой другой причины для северо-вьетнамцев построить лагерь так, как они это сделали, нет, - ответил

Максуэлл.

- Адмирал, я - хороший командос, но всего лишь боцман. Вы не забыли этого?

- Джон, ты - единственный человек, который побывал рядом с этим местом. - Адмирал собрал аэрофотоснимки и карты и передал Келли новый комплект. - Ты трижды отказался от обучения на офицерских курсах. Мне хотелось бы знать почему, Джон.

- Хотите знать правду? Это означало возвращение обратно во Вьетнам. Я достаточно рисковал.

Максуэлл согласно кивнул, сожалея про себя о том, что его лучший источник информации, знавший ситуацию на месте, не получил достаточно высокого звания, соответствующего его опыту и знаниям, но он помнил также, как совершал боевые вылеты со старого авианосца "Энтерпрайз" вместе с летчиками-сержантами, и по крайней мере один из них демонстрировал смекалку, достаточную для командира воздушной группы. Он также знал, что лучшими пилотами вертолетов были, наверно, сержанты, произведенные в уоррент-офицеры после краткосрочных курсов, организованных армией в Форт-Паккере. Сейчас не время для высокомерия офицерской кают-компания.

- При подготовке к операции в Сонг-Тэй была допущена одна ошибка, - заметил Келли после недолгого молчания.

- Какая именно?

- Они, вероятно, перетренировались. После определенного периода подготовки дальнейшие занятия только ухудшают их готовность к выполнению задания. Надо выбрать подходящих людей, и максимум через две недели они будут готовы к операции. Более продолжительная подготовка приводит к тому, что они начинают беспокоиться, нервничать и теряют целеустремленность.

- Ты не первый, кто сообщил мне об этом, - согласился Максуэлл.

- Этим будут заниматься "тюлени"?

- Мы еще не приняли решения. Келли, я могу дать тебе две недели, пока мы занимаемся другими сторонами операции.

- Как мне связаться с вами, сэр?

Максуэлл положил на стол пропуск в Пентагон.

- Никаких телефонных звонков, никаких писем - все только при личной встрече.

Келли встал и следом за адмиралом направился к вертолету. Как только Максуэлл вышел из бункера, летная команда начала прогревать турбины своего Н-2 "Си Спрайт". Келли взял адмирала за руку в тот момент, когда ротор уже вращался.

- Операция в Сонг-Тэй была намеренно неудачной? Максуэлл замер на месте.

- Почему ты спрашиваешь об этом?

- Вы ответили на мой вопрос, адмирал, - кивнул Келли.

- Мы не уверены в этом, чиф. - Максуэлл опустил голову, проходя под вращающимся ротором к хвостовой части вертолета. Когда винтокрылая машина взлетела, он снова пожалел, что Келли отклонил приглашение поступить в школу подготовки офицеров. Этот молодой парень был умнее, чем он предполагал, и адмирал решил встретиться с его бывшим командиром, чтобы получить более полную информацию. Он также подумал о том, как отнесется Келли к официальному призыву на военную службу. Максуэллу было жаль терять доверие молодого парня - он может именно так подумать об этом, решил адмирал, когда "Си Спрайт" развернулся и направился на северо-восток, - но его ум и сердце были с теми двадцатью офицерами, которые находились в лагере "Сендер грин", и в первую очередь он думал о них. К тому же Келли надо отвлечься от личных неприятностей, утешил себя адмирал.

Келли следил за вертолетом, пока тот не исчез в утренней дымке, затем направился в мастерскую. Он ожидал, что сегодня в это время дня у него будут болеть все мышцы, зато ум окажется спокойным и готовым четко мыслить. Как ни странно, все оказалось наоборот. Упражнения в больнице привели к более благоприятным результатам, чем он рассчитывал. У него все еще не восстановилась выносливость, зато его плечо после начальной боли приняло огромную нагрузку на удивление спокойно. И теперь, когда обычное возбуждение после тяжелой нагрузки прошло, его охватил новый приступ эйфории. Келли полагал, что хорошее самочувствие сохранится у него весь день, но спать он ляжет пораньше, чтобы как следует отдохнуть перед очередным тяжелым испытанием. Завтра он возьмет часы и начнет тренироваться по-настоящему, засекая отрезки по времени. Адмирал дал ему две недели. Это примерно соответствовало времени, отведенному им самим себе для физической подготовки. Теперь пора приступать к другому.

Объекты военно-морского флота, какими бы ни были их размеры и назначение, все похожи один на другой. На них находится оборудование, необходимое всем, и одним из достоинств Бэттери-Айленда, была хорошо оснащенная мастерская. В течение шести лет тут находилась база спасательных судов, и, чтобы они могли безостановочно функционировать здесь, имелись станки, с помощью которых можно было ремонтировать и изготавливать вышедшие из строя детали машин. Набор станков и инструментов, находящихся в распоряжении Келли, был примерно равен

ремонтному оборудованию эскадренного миноносца, да и закупили его таким же образом, механическая мастерская была просто выбрана из какого-то каталога ВМФ. Может быть, даже у ВВС существовала такая же система, подумал Келли. Он включил фрезерный станок фирмы “Саут Бенд” и принялся проверять различное оборудование, чтобы убедиться, что с его помощью он сделает то, что ему требовалось.

К фрезерному станку были приложены многочисленные ручные инструменты, измерительные приборы и выдвижные ящики, полные самых разных стальных заготовок, готовых для дальнейшей обработки и получения деталей, нужных оператору. Келли сел на табурет и начал обдумывать, что именно ему требуется, но затем решил прежде сделать нечто иное. Он снял свой “кольт” 45-го калибра с его места на стене, разрядил и разобрал, прежде чем снаружи и изнутри внимательно осмотреть затвор и ствол.

Мне понадобятся два комплекта всех деталей, сказал себе Келли. Но сначала следует изготовить первый комплект. Он вложил затвор в тиски, закрепил его и с помощью станка просверлил в его верхней части два маленьких отверстия. Станок “Саут Бенд” выполнил работу удивительно хорошо. Понадобилось повернуть колесо с четырьмя ручками меньше чем на одну десятую оборота, и крошечное сверло скользнуло сквозь оружейную сталь автоматического пистолета. Затем Келли повторил операцию, просверлив второе отверстие на расстоянии 1, 25 дюйма от первого. Нарезать внутреннюю резьбу в отверстиях метчиком оказалось ничуть не труднее, и он завершил операцию с помощью отвертки. На этом закончилась легкая часть дневного труда, которая позволила приобрести подзабытые за прошедший год навыки управления станком. Окончательный осмотр модифицированного затвора убедил Келли, что он ничего не повредил. Теперь предстояла гораздо более сложная работа.

У него не было ни времени, ни оборудования, чтобы проделать эту работу идеально. Келли достаточно хорошо владел сварочным аппаратом, но ему не доставало снаряжения, чтобы изготовить специальные детали для инструмента, который хотелось бы иметь. Чтобы сделать это, понадобилось бы обратиться в небольшую литейную мастерскую, рабочие которой могли догадаться, для чего он заказывает такие детали, а рисковать этим он не мог. Он утешил себя мыслью, что просто хорошего исполнения работы уже достаточно, а стремление к идеалу приносит одни неприятности и часто не стоит затраченных сил.

Прежде всего Келли нашел прочную стальную заготовку, похожую по форме на консервную банку, но меньшего диаметра и с более толстыми стенками. Он снова проверил отверстие и нарезал к нему резьбу, на этот раз в днище заготовки, прямо по оси “консервной банки”, как он уже привык ее называть. Отверстие было диаметром 0, 6 дюйма, что он и проверил с помощью штангенциркуля. Затем он принялся за семь аналогичных заготовок, но уже поменьше диаметром. Каждую из них Келли обрезаю на расстоянии три четверти дюйма от торцевой части, а потом уже проверил отверстия в их донышках. Эти новые отверстия имели диаметр 0, 24 дюйма, а сами заготовки в окончательном виде напоминали по форме маленькие стаканчики с дырками в донышках, или, скорее, крошечные цветочные горшочки с прямыми стенками, с улыбкой подумал он. Каждая из них представляла собой “дефлектор”. Он попытался опустить дефлекторы внутрь “банки”, но они оказались слишком большого размера. Это вызвало у Келли недовольное ворчание на самого себя. Пришлось обработать каждый дефлектор на шлифовальном станке. Когда он покончил с этой работой, каждый из дефлекторов снял поверхность одинакового диаметра - ровно на один миллиметр меньше внутреннего диаметра “консервной банки”. Продолжительная операция заняла у него пятьдесят минут, и все это время он, не переставая, бранил себя. Прежде чем опустить готовые детали внутрь “банки”, он вознаграждал себя холодной кока-колой. Все дефлекторы послушно встали на место - достаточно плотно, чтобы не греметь о стенки, и в то же время достаточно свободно, чтобы выскользнуть обратно после одного-двух встряхиваний. Отлично. Он выбил дефлекторы наружу и принялся за изготовление крышки для “консервной банки”, на которой тоже нужно было нарезать резьбу. Закончив работу, Келли сначала завернул на место крышку, не вкладывая дефлекторы внутрь, затем отвинтил ее, вложил их снова и поставил на место крышку, поздравив себя с тем, что все детали плотно прилегают одна к другой. И лишь теперь он сообразил, что не просверлил отверстие в центре крышки. Эту работу он опять выполнил на фрезерном станке. Диаметр нового отверстия был всего лишь 0, 23 дюйма, но после сборки его взгляд легко проник через внутренние отверстия сквозь весь глушитель. По крайней мере, подумал Келли, я сумел просверлить все отверстия точно, без малейших ошибок.

Теперь наступила очередь самой важной операции. Келли не торопился, подготовил станок, проверив установку не меньше пяти раз, прежде чем проделал последнюю нарезку, один раз потянув за рычаг - причем затаив при этом дыхание. Ему доводилось несколько раз наблюдать за подобной операцией, но еще ни разу не приходилось делать ее самому, и хотя он умел обращаться с инструментами, все-таки оставался отставным боцманом, а не слесарем-механиком. Закончив работу, он вынул ствол из тисков и собрал пистолет. Затем Келли направился на берег с пистолетом и коробкой винтовочных патронов 22-го калибра.

На Келли никогда не производил особого впечатления большой и тяжелый автоматический “кольт”, но патроны 45-го калибра сто-, или намного дороже, чем патроны бокового боя 22-го калибра, поэтому в прошлом году он купил комплект принадлежностей, с помощью которых превращал - после нескольких несложных операций - “кольт” 45-го калибра в пистолет 22-го, что позволяло ему пользоваться малокалиберными патронами. Он бросил пустую банку из-под кока-колы футов на пятнадцать от себя, затем зарядил пистолет. На этот раз он не пользовался защитными наушниками. Келли стоял, как всегда перед стрельбой - опустив расслабленные руки, потом быстро вытянул их вперед, сжимая пистолет и полуприсев, и тут он понял, что глушитель, навинченный на конец ствола, закрывает мушку. Это создавало немалую проблему. Он снова опустил пистолет, затем поднял его и нажал на спусковой крючок, не видя цели. Результат можно было предсказать заранее - пуля не попала в консервную банку. Это была плохая новость. А хорошей новостью было то, что глушитель функционировал превосходно. Часто ошибочно представляемый звукорежиссерами кино и телевидения как почти музыкальный “зинг!”, при хорошем глушителе звук выстрела больше напоминает шуршание

металлической щетки, проведенной по деревянной доске. Газы от порохового заряда внутри патрона остаются в дефлекторах, когда пуля проходит через отверстия, практически перекрывая их и заставляя газы расширяться внутри глушителя. С пятью внутренними дефлекторами - наружная крышка играла роль шестого - звук выстрела превращался в негромкий шепот.

Все это хорошо, подумал Келли, но, если ты не попал в цель, противник услышит, наверно, более громкий металлический щелчок отброшенного назад и затем возвращенного пружиной вперед затвора, а этот звук невозможно принять за что-то безобидное. То, что он не попал в банку из-под кока-колы на расстоянии пятнадцати футов, служило плохой рекомендацией его искусству стрелка. Человеческая голова больше банки, разумеется, но цель внутри головы, попадание в которую смертельно, мало отличается от банки по своим размерам. Келли расслабился и выстрелил снова, поднимая пистолет вверх по плавной и стремительной дуге. На этот раз он нажал на спусковой крючок в тот момент, когда глушитель начал закрывать цель. Теперь в некотором смысле получилось лучше. Банка упала с дыркой диаметром 0, 22 дюйма неподалеку от дна. Меткость оставляла желать лучшего. Однако следующий выстрел вызвал у Келли удовлетворенную улыбку - пуля попала в центр банки. Келли вынул обойму из пистолета, зарядил ее пятью патронами, снаряженными разрывными пулями с полостью в головной части, и через минуту банку уже больше нельзя было использовать в качестве цели - в ней зияло семь отверстий, причем шесть группировались в центре.

- Еще не научился стрелять, мальчик Джонни, - проговорил вслух Келли, ставя пистолет на предохранитель. Но стрельба велась при дневном свете, в неподвижную ярко-красную банку, и он понимал это. Он вернулся в мастерскую и разобрал пистолет. Глушитель выдержал все восемь выстрелов, ничуть не пострадав, но тем не менее Келли почистил его, смазав внутренние части тонким слоем ружейного масла. Еще вот что, подумал он, и, обмакнув маленькую кисточку в эмалевую краску, провел прямую белую линию по верхней части затвора. Затем он посмотрел на часы. Два пополудни. Келли позволил себе немного поесть, прежде чем приступить к вечерним упражнениям.

- Ух ты, как много!

- Ты что, недоволен? - бросил Таккер. - В чем дело? Или тебе не справиться с распространением?

- Генри, я сумею распространить все, что ты достанешь, - ответил Пиаджи, крайне раздраженный высокомерием Таккера, а потом задумавшийся над тем, что может последовать дальше.

- Но ведь нам придется провести здесь три дня! - в свою очередь заныл Эдди Морелло.

- Не хочешь оставлять на такой долгий срок жену? - ухмыльнулся Таккер, глядя на Эдди. Он уже решил, что следующим будет он. К тому же у Эдди отсутствовало чувство юмора. Он побагровел от ярости.

- Послушай, Генри...

- А ну-ка успокойтесь все. - Пиаджи оторвал взгляд от восьми килограммов героина на столе и повернулся к Таккеру. - Мне хотелось бы знать, откуда ты получаешь товар.

- Не сомневаюсь. Тони, но мы уже говорили об этом. Ты справишься с распространением?

- Важно помнить. Генри, что, когда начинаешь заниматься таким делом, трудно остановиться. Люди полагаются на тебя, вроде как в том анекдоте - что ты скажешь медведю, когда у тебя кончатся пирожные, понимаешь? - Пиаджи уже начал думать. У него были контакты в Филадельфии и в Нью-Йорке - молодые парни вроде него самого, которым надоело работать на старых мафиози со старомодными правилами. Денежный потенциал здесь был потрясающим. Генри получил доступ - к чему? - подумал он. От начали работать вместе всего два месяца назад, с двумя килограммами героина, который после произведенного анализа по своему качеству оказался настолько чистым, что его можно было сравнить только с лучшим "сицилийским белым", зато его цена при доставке была вдвое ниже. И все проблемы, связанные с доставкой, брал на себя Генри, а не он, отчего сделка становилась вдвойне привлекательной. Наконец, то, как была организована безопасность, произвело на Пиаджи самое благоприятное впечатление. Генри был вовсе не тупицей, не каким-нибудь там выскочкой с массой идей и безо всяких мозгов. Он оказался, по сути дела, бизнесменом, спокойным и профессиональным, человеком, способным стать надежным союзником и партнером, считал теперь Пиаджи.

- Мой канал снабжения очень надежен. Позволь мне заботиться об этом, пайзан.

- О'кей, - кивнул Пиаджи. - Но у меня возникла проблема, Генри. Понадобится время, чтобы собрать наличные для оплаты такой большой партии. Тебе следовало бы предупредить меня заранее, приятель.

Таккер позволил себе усмехнуться.

- Мне не хотелось отпугнуть тебя, Энтони.

- Моего слова относительно денег тебе достаточно? Кивок и пристальный взгляд.

- Конечно. Я знаю, что ты серьезный парень. - Это был умный шаг. Пиаджи не откажется от возможности установить для своих партнеров надежный канал снабжения - в конечном счете деньги были слишком большие. Анджело Ворано, возможно, не понял этого, но он исполнил свое предназначение - связал Таккера с Пиаджи, и этого было достаточно. К тому же сейчас Анджело превратился в крабовое дерьмо.

- Это чистый товар, такого же качества, как и раньше? - спросил Морелло, вызвав раздражение у обоих.

- Послушай, Эдди, неужели, доверяя нам с деньгами, он станет обманывать нас на товаре? - ответил резко Пиаджи.

- Господа, позвольте мне объяснить вам, как обстоят дела, ладно? У меня отличный канал снабжения товаром самого высокого качества. Откуда я его получаю и как - это мое дело. У меня даже есть район, где мне не хотелось бы видеть вас, но до сих пор мы еще там не сталкивались лбами, и давайте оставим все, как было. - Оба итальянца кивнули. Таккер видел, что Эдди сделал это, ничего не понимая, с глупым выражением лица, а вот Тони - с пониманием и

уважением.

- Тебе нужно, чтобы кто-то распространял твой товар, - также по-деловому заговорил Пиаджи. - Мы займемся этим. У тебя есть собственная территория, и мы уважаем твое право на нее.

Наступило время для следующего шага.

- Я добился этого, потому что не допускал глупостей. После сегодняшнего дня вы, ребята, больше не будете связаны с этим этапом дела.

- Что ты имеешь в виду?

- Я хочу сказать - больше не будет поездок на катере. Это значит, что вы больше не будете прикасаться к товару.

Пиаджи улыбнулся. Он занимался этим уже четыре раза, и прелесть новизны потускнела для него.

- Со своей стороны я не буду спорить. Если хочешь, мои люди будут принимать товар когда угодно.

- Мы разделяем товар и деньги. Будем вести дело, как настоящий бизнес, - сказал Таккер. - Нечто вроде кредитования.

- Но сначала мы получаем товар.

- Не возражаю. Тони. Только ты подбери надежных людей, ладно? Весь смысл в том, что вы и я будем как можно дальше от товара.

- Людей могут арестовать, а они раскалываются, - напомнил Морелло. Он чувствовал, что его не принимают во внимание, что разговор ведется без него, но оказался недостаточно сообразительным, чтобы понять значение этого.

- Только не мои, - бесстрастно произнес Таккер. - Мои люди знают, что за этим последует.

- Значит, это был ты, верно? - спросил Пиаджи, связав недавнее событие с Таккером. Тот кивнул. - Мне нравится твой стиль, Генри. Только в следующий раз постарайся быть поосторожней, ладно?

- Я потратил на эту операцию два года. Она обошлась мне в большие деньги, и я хочу, чтобы она продолжалась как можно дольше. Вот почему я рискую ничуть не больше, чем это вызывается необходимостью. Итак, когда ты заплатишь мне за эту партию?

- Я принес с собой ровно сотню косых. - Тони махнул рукой в сторону рюкзака на палубе. Эта маленькая операция стала расти с удивительной быстротой, однако первые три партии были проданы за высокую цену, и Таккер, подумал Пиаджи, - это человек, которому можно доверять, насколько можно кому-нибудь доверять в таком деле. Однако, решил он, попытка обмана уже произошла бы, если бы этого хотел Таккер, а такой огромный объем поставок слишком велик для парня, руководящего подобным каналом. - Это для тебя, Генри. Похоже, мы должны тебе еще..., пятьсот тысяч? Мне понадобится время, скажем неделя. Извини, приятель, но ты меня прямо-таки потряс. Требуется время, чтобы собрать такое количество наличных, понимаешь?

- Будем считать четыре сотни. Тони. Не имеет смысла прижимать своих друзей в первый же раз. Давай сделаем так, чтобы между нами восторжествовала добрая воля, а?

- Специальное начальное предложение? - Пиаджи засмеялся и бросил Генри банку пива. - Не иначе, у тебя в жилах итальянская кровь, дружище. О'кей, мы сделаем так, как ты хочешь. Насколько хорош твой канал поставок. Генри? - Пиаджи знал, что не должен задавать такого вопроса.

- А теперь за работу. - Таккер разрезал первый пластиковый пакет и высыпал его содержимое в чан из нержавеющей стали, где производилось смешивание, довольный тем, что больше ему не придется заниматься подобной черной работой. Седьмой этап в его плане маркетинга был завершен. Отныне он поручит другим это кухонное занятие, сначала, разумеется, под его наблюдением, но с сегодняшнего дня Генри Таккер будет действовать как администратор, которым он стал. Смешивая в чане чистый героин с инертным наполнителем, он поздравил себя с проявленным им здравым смыслом. Он начал бизнес именно так, как надлежало, рисковал, но только когда это было необходимо, создавал свою организацию с самого основания, сам занимался делами, пачкал свои руки. Может быть, предки Пиаджи начинали точно так же, подумал он. Сам Тони забыл об этом, наверно, как забыл и о связанных с этим осложнениях. Но это уже было не его, Таккера, проблемой.

- Послушайте, полковник, я был всего лишь адъютантом, понимаете? Сколько раз должен я повторять вам это? Я занимался тем же, чем занимаются адъютанты ваших генералов, всякими глупостями.

- Тогда зачем соглашаться на такую должность? - Как печально, подумал полковник Николай Евгеньевич Гришанов, что человеку приходится проходить через это, но полковник Закариас не был человеком. Он был врагом, несколько неохотно напомнил себе русский, и ему нужно было, чтобы американец снова заговорил.

- Разве не так обстоят дела в ваших ВВС? Вас замечает генерал, и вы получаете звание за званием гораздо быстрее. - Американец сделал паузу. - Кроме того, я писал речи. - Уж это признание не причинит ему никаких неприятностей, правда?

- У нас в ВВС этим занимается заместитель по политчасти, - отмахнулся от столь легкомысленного заявления Гришанов.

Это была их шестая встреча. Гришанов был единственным советским офицером, которому разрешили беседовать с этими американцами. Вьетнамцы разыгрывали свои карты очень осторожно. Этих карт было двадцать - все одинаковые и все такие разные. В досье Закариаса говорилось, что он не только летчик-истребитель, но и сотрудник военной разведки. За свою более чем двадцатилетнюю карьеру он изучал системы противовоздушной обороны, получил степень бакалавра в Беркли. В досье находилась даже недавно полученная копия его диссертации: "Аспекты распространения и рассеивания микроволн над пересеченной местностью", снятая в университетском архиве какой-то доброй душой, одним

из трех неизвестных, внесших свой вклад в его знакомство с жизнью полковника Закариаса. Эту диссертацию следовало сразу после завершения немедленно засекретить, как это сделали бы в Советском Союзе, знал Гришанов. Это было очень глубокое исследование того, что происходит с энергией низкочастотного поискового радиолокатора и как, между прочим, следует самолету использовать горы и холмы, чтобы укрыться от него. Три года спустя, завершив службу в эскадрилье истребителей, Закариас был направлен на военно-воздушную базу Оффут, рядом с Омахой, штат Небраска. Там он служил в группе планирования стратегической авиации и, применяя свои теоретические знания физики к практическому миру стратегической ядерной войны, разрабатывал маршруты, которые позволят американским бомбардировщикам В-52 проникнуть сквозь линию советской противовоздушной обороны.

Гришанов не мог заставить себя ненавидеть этого человека. Он сам был летчиком-истребителем, еще недавно командовал авиационным полком в системе ПВО страны. Уже получив новое назначение, он неожиданно был послан сюда выполнять задачи, прямо противоположные тем, которыми занимался Закариас. В случае войны задачей Гришанова было не дать американским бомбардировщикам опустошить его страну, а в мирное время он участвовал в разработке методов, препятствующих их проникновению в советское воздушное пространство. Это обстоятельство делало его задание во Вьетнаме одновременно сложным и необходимым. Он не был офицером КГБ, ненавидел этих маленьких коричневых варваров, в стране которых находился, и не получал никакого удовольствия от человеческих мучений - сбивать самолеты - другое дело, - даже если это были американцы, замышлявшие уничтожение его родины. Но те люди, которые умели получать информацию, не знали, как анализировать ее, не имели даже представления о том, какие вопросы нужно задавать. Вопросы можно было бы записать, но это не приносило желаемого результата - нужно видеть глаза человека, когда тот отвечает на твои вопросы. Человек, способный составлять столь хитроумные планы, несомненно способен лгать с такой убежденностью и правдоподобием, что сумеет обмануть почти кого угодно.

Гришанову не нравилось то, что он видел перед собой. Американец оказался искусным и бесстрашным человеком, одним из специалистов по уничтожению ракетных установок "земля - воздух". Американцы называли таких летчиков "дикими ласками" - по имени свирепых маленьких хищников, способных преследовать добычу даже в глубоких норах. Этот военнопленный совершил восемьдесят девять таких боевых вылетов, если вьетнамцы сумели собрать обломки именно его самолета, - подобно русским, американцы любили делать отметки о своих боевых успехах на борту - и был именно тем человеком, с которым Гришанову нужно было поговорить. Возможно, это послужит уроком, о котором он напишет, подумал, русский офицер. Подобная гордость за свои достижения приводила к тому, что враги узнавали, кого они захватили в плен и многое из того, что было ему известно. Но так любили поступать летчики-истребители, и сам Гришанов вряд ли согласился бы скрывать свои подвиги в борьбе с врагами его страны. Русский, кроме того, старался убедить себя в том, что хочет уберечь сидящего напротив него за столом человека от пыток. Закариас, по-видимому, убил немало вьетнамцев - и не простых крестьян, а квалифицированных, подготовленных русскими специалистами ракетчиков, и потому правительство этой страны захочет наказать его за это. Но это не интересовало Гришанова, и он не хотел допустить, чтобы политические соображения мешали его профессиональным интересам. Американский офицер, с которым он разговаривал, был знаком с самыми секретными научными и, без сомнения, сложными аспектами национальной обороны. Ему было поручено составить планы нападения сотен самолетов с высококвалифицированными экипажами на борту. То, как мыслят эти специалисты, какова их тактическая доктрина, не менее важно, чем их планы. Что касается самого Гришанова, то он считал, что американцы могут убивать столько желтых ублюдков, сколько им хочется. Эти мерзкие маленькие фашисты так же мало разбираются в политической философии его страны, как каннибалы в искусном приготовлении пищи.

- Полковник, мне известно про вас гораздо больше, чем вы думаете, - терпеливо произнес Гришанов. Он положил недавно прибывший документ на стол. - Вчера вечером я прочитал вот это. Блестящая работа.

Глаза русского офицера не отрывались от лица американского полковника. Реакция американца была поразительной. Несмотря на то что сам он занимался чем-то вроде разведывательной работы, ему и в голову не приходило, что кто-то во Вьетнаме может передать запрос в Москву, откуда заставят американцев отыскать что-то подобное. Лицо его выражало недоумение. Каким образом они сумели узнать о нем так много? Как им удалось заглянуть так далеко в его прошлое? Кто вообще на это способен? Неужели кто-то может оказаться настолько проницательным, настолько высоким профессионалом? Ведь вьетнамцы такие дураки!

Как и многие русские офицеры, Гришанов проявлял серьезный и глубокий интерес к военной истории. Находясь на боевом дежурстве в полковом помещении, он читал множество секретных документов. Из одного он узнал, как в Люфтваффе допрашивали захваченных в плен летчиков союзников, и навсегда запомнил это. Подобный метод он попытается применить здесь. Тогда как меры физического воздействия только укрепляют дух американца, его вот так может невероятно потрясти простая пачка бумаг. У каждого есть свои сильные стороны и свои слабости. Только человек, наделенный высоким интеллектом, способен различить их.

- Как случилось, что ваша диссертация не была засекречена? - спросил Гришанов, закуривая сигарету.

- Это всего лишь теоретическая физика. - Закариас пожал худыми плечами, приходя в себя и пытаясь скрыть охватившее его отчаяние. - Наибольший интерес проявила телефонная компания.

Гришанов постучал по диссертации указательным пальцем.

- Так вот, послушайте. Я вчера вечером узнал из вашей диссертации немало нового. Предсказание ложных эхо по данным топографических карт, математическое моделирование мертвых зон! Таким образом можно спланировать путь сближения с целью, прокладывая курс от одной точки к другой. Блестяще! Скажите, а что это за место - Беркли?

- Просто университет, в калифорнийском стиле, - ответил Закариас, прежде чем успел спохватиться, что говорит с этим русским полковником. Он не должен говорить. Его подготовили таким образом, чтобы он не разговаривал с противником. Его подготовили к тому, чего ожидать и что он может делать, не выдавая себя, научили уклоняться от

ответов и маневрировать. Но ничего подобного эта подготовка не предусматривала. Боже милосердный, как он устал, как напуган, как ему надоело соблюдать правила поведения, которые не имеют теперь никакого значения.

- Я плохо знаю вашу страну - за исключением профессиональных аспектов, разумеется. Скажите, там один регион значительно отличается от другого? Вы родом из Юты. Что это за место?

- Меня зовут Робин Дж. Закариас. Я - полковник... Гришанов поднял руки.

- Прошу вас, полковник. Я все это знаю. Я также знаю не только дату вашего рождения, но и место. Недалеко от Солт-Лейк-Сити нет никаких баз ваших ВВС. Все это я знаю по картам. Мне, по-видимому, никогда не удастся побывать в этом регионе - в любом регионе вашей страны. Скажите, этот район Беркли в Калифорнии, он весь зеленый, правда? Мне говорили даже, что там выращивают виноград на вино. Но мне ничего не известно о Юте. Там ведь есть большое озеро, которое называют Соленым, правда? Оно действительно соленое?

- Да, поэтому и...

- Но как оно может быть соленым? Океан находится в тысяче километров, и озеро отделено от него горами, верно? - Он не стал ждать ответа американца. - Я хорошо знаком с Каспийским морем. Одно время служил там. Оно не соленое. А ваше озеро соленое? Как странно. - Он погасил окурок.

Голова американца чуть дернулась вверх.

- Не знаю, я не геолог. Думаю, это осталось от первобытных времен.

- Пожалуй. Но ведь там есть и горы?

- Горный хребет Уосатч-Маунтинз, - подтвердил Закариас, качнув головой подобно пьяному.

Нужно отдать должное вьетнамцам, подумал Гришанов, они кормят своих пленников пищей, которую даже свинья станет есть только от голода. Интересно, мелькнула у него мысль, это намеренная и обдуманная система или чисто случайное следствие простого варварства? Даже политических заключенных в Гулаге кормят лучше. Пищевой рацион военнопленных американцев снизил их сопротивляемость болезням, довел их до такого состояния, что любая попытка побега будет обречена на неудачу - нехватка выносливости. Вроде того, что делали фашисты с советскими военнопленными. Впрочем, каким бы отвратительным это ни казалось, Гришанову это было на руку. Сопротивляемость, физическая и умственная, требует сил, и легко заметить, как быстро теряют силы американские офицеры за бесконечные часы допросов, как гаснет их мужество, по мере того как физические потребности отнимают силы от запаса психологической решимости. Он учился, как делать это. Такой процесс требовал много времени, но и доставлял удовольствие, ведь Гришанов учился копаться в мозгах людей, мало отличающихся от него самого.

- Там хорошо кататься на лыжах? У Закариаса моргнули глаза, словно вопрос выхватил его из другого места и времени.

- Да, хорошо.

- Вот этим никогда не удастся насладиться здесь. Я люблю кататься на лыжах по равнине, чтобы поддерживать форму да и отвлечься. Раньше у меня были клееные деревянные лыжи, но в последнем полку, которым я командовал, мой техник изготовил мне стальные лыжи - из листовой обшивки самолета.

- Стальной обшивки?

- Да, из листа нержавеющей стали. Это тяжелее алюминия, но сталь обладает большей гибкостью. Мне они очень нравятся. Он взял лист от панели крыла нашего нового перехватчика, проект Е-266.

- Что это за проект? - Закариас ничего не знал о новом МиГ-25.

- У вас его называют "Фоксбэт". У него исключительная скорость, он предназначен для перехвата ваших бомбардировщиков Б-70.

- Но ведь мы отказались от этого проекта, - возразил Закариас.

- Да, я знаю. Но в результате вашего проекта я получил удивительно скоростной истребитель. После возвращения домой я буду командовать первым полком, на вооружение которого поступят такие истребители.

- Истребители из стали? Почему?

- У них сопротивляемость аэродинамическому нагреву значительно лучше, чем у самолетов, сделанных из алюминия, - объяснил Гришанов. - А из списанных листов обшивки получаются хорошие лыжи. - Закариас теперь совсем запутался. - Итак, как вы думаете, справятся мои стальные истребители с вашими алюминиевыми бомбардировщиками?

- Пожалуй, это зависит от... - начал Закариас и тут же замолчал. Его глаза смотрели через стол сначала с замешательством от того, что он едва не проговорился, затем они наполнились решимостью.

Я слишком поторопился, разочарованно подумал Гришанов. Он подтолкнул американца чуть раньше, чем следовало. Да, в мужестве ему не откажешь. У него достаточно мужества, чтобы привести свою "дикую ласку" в "деловую часть" - так американцы пользовались этой фразой - больше восьмидесяти раз. Он сможет сопротивляться длительное время. Но времени у Гришанова было вдосталь.

Глава 12

Подготовительные шаги

"Фольксваген" 63-го года, небольшой пробег, радиальные шины, в отличном состоянии...

Келли опустил десятицентовую монету в телефон-автомат и набрал номер. На улице был пылающе жаркий субботний день, температура и влажность поднимались, соревнуясь друг с другом и стремясь достигнуть трехзначной величины. Келли проклял свою глупость. Некоторые вещи были настолько очевидны, что ты не видишь их, пока не разобьешь о них нос и не потечет кровь.

- Алло? Я звоню по поводу объявления насчет автомобиля... Совершенно верно, - произнес Келли. - Прямо сейчас, если вы не возражаете... О'кей, скажем, через пятнадцать минут. Отлично, спасибо, мадам. Сейчас приеду. До свиданья. - Он повесил трубку. По крайней мере что-то получилось как надо. По лицу Келли, стоящего внутри телефонной будки, пробежала тень недовольства. "Спрингер" был пришвартован к гостевому причалу одного из яхт-клубов на реке Потомак. Ему нужно было купить автомобиль, но как добраться до места, где этот автомобиль находится? Если поехать туда на своей машине и вернуться на купленной, что делать со своей, на которой он приедет? Все складывалось так забавно, что Келли начал посмеиваться над самим собой. И тут вмешалась судьба - мимо ворот яхт-клуба проезжало пустое такси, что позволило ему сдержать обещание, данное старой даме.

- Квартал 4500, Эссекс-авеню, - сказал он таксисту.

- А где это, приятель?

- В Бетесде.

- Придется заплатить дополнительно, приятель, - заметил таксист, направляясь на север.

Келли передал ему десятидолларовую банкноту.

- Получишь еще одну, если доставишь меня туда за пятнадцать минут.

- Вопросов нет, - отозвался таксист, и ускорение опрокинуло Келли на спинку сиденья. Почти весь путь проходил не по Висконсин-авеню. У красного сигнала светофора таксист нашел на карте Эссекс-авеню и за двадцать секунд до конца пятнадцатиминутного срока сумел получить вторую десятку.

Это был зажиточный жилой район, и он без особого труда нашел нужный дом. Перед ним стоял "фольксваген", выкрашенный в ужасный ярко-желтый цвет. То тут, то там под краской проглядывала ржавчина. Трудно было придумать что-то, что устраивало бы Келли больше этого "жука". Он взбежал по четырем деревянным ступенькам и постучал в дверь.

- Кто там? - В дверях появилось лицо, точно соответствующее голосу. Старушка была маленькой и хрупкой, лет восьмидесяти, но ее пронзительные зеленые глаза, увеличенные толстыми линзами очков, давали представление о том, какой была в молодости их хозяйка. В ее седых волосах все еще проглядывали желтые пряди.

- Миссис Бойд? Я только что звонил вам насчет машины.

- Как вас зовут?

- Билл Мерфи, мадам, - добродушно улыбнулся Келли. - Ужасно жарко, не правда ли?

- Ужасно, - согласилась она. - Подождите минутку. - Глория Бойд скрылась за дверями и через мгновение вернулась с ключами от машины. Келли взял ее под руку, чтобы помочь спуститься по ступенькам.

- Спасибо, молодой человек.

- Только рад помочь, мадам, - галантно ответил Келли.

- Мы купили машину для моей внучки. Когда она уехала в колледж, машиной пользовался Кен, - сказала старушка, полагая, что Келли знает о Кене.

- Извините?

- Это был мой муж, - произнесла Глория не обернувшись. - Он умер месяц назад.

- Мне очень жаль, мадам.

- Он долго болел, - заметила женщина, все еще не оправившаяся от боли утраты, но уже примирившаяся с ней. Она передала ему ключи. - Вот, осмотрите машину.

Келли отпер дверцу. Внутри машина выглядела, как и полагается автомобилю, которым пользовалась студентка колледжа, а затем пожилой человек. Сиденья были изрядно потертые, а на одном виднелся длинный разрез, сделанный, наверно, ящиком с одеждой или книгами. Он повернул ключ в замке зажигания, и двигатель сразу заработал. Даже топливный бак был полон. Объявление не обманывало насчет небольшого пробега - на одометре значились всего 52 тысячи миль. Келли попросил разрешения объехать вокруг квартала. Двигатель и вся остальная механика в хорошем состоянии, решил он, возвращаясь к стоящей на тротуаре старушке.

- Откуда взялось столько ржавчины? - спросил он, отдавая ей ключи.

- Внучка училась в Чикаго, в Северо-западном университете, а там такой ужасный снег и вся эта соль.

- Это хороший университет. Разрешите, я отведу вас обратно. - Келли снова взял ее под руку и повел назад в дом. Внутри стоял запах жилища стариков - в воздухе слишком много пыли, убирать которую не хватает сил, и пахнет несвежей пищей, потому что она все еще готовила для двоих, а не для нее одной.

- Хотите чего-нибудь выпить?

- Да, мадам, спасибо. Было бы неплохо выпить стакан воды. - Келли огляделся вокруг, пока она ходила на кухню.

На стене была фотография мужчины в мундире с высоким воротом и поясом военного образца, держащего под руку молодую женщину в очень узком, почти цилиндрическом, белом свадебном платье. Остальные фотографии иллюстрировали семейную жизнь Кеннета и Глории Бойд. Две дочери и сын, поездка на океанское побережье, старый автомобиль, внуки - все принадлежности, заслуженные полнокровной и полезной жизнью.

- Вот, пожалуйста. - Старушка передала ему стакан.

- Спасибо. Чем занимался ваш муж?

- Он служил в министерстве торговли на протяжении сорока двух лет. Мы собирались переехать во Флориду, но он заболел, так что теперь я уезжаю одна. Моя сестра живет в Форт-Пиерсе, она тоже вдова, ее муж был полицейским... - Голос женщины становился все тише, и в этот момент в комнату вошел кот, заинтересовавшийся новым посетителем. Это, казалось, придало миссис Бойд новые силы. - Я уезжаю туда на будущей неделе. Дом уже продан, в следующий четверг нужно оставить его. Я продала его приятному молодому врачу.

- Надеюсь, вам понравится во Флориде, мадам. Сколько вы хотите за свою машину?

- Я больше не могу управлять автомобилем из-за глаз - у меня катаракта. Если мне нужно поехать куда-нибудь, меня возят. Мой внук говорит, что машина стоит полторы тысячи долларов.

Ваш внук, должно быть, адвокат - лишь они бывают такими жадными, подумал Келли.

- Как относительно тысячи двухсот? Я заплачу наличными.

- Наличными? - У нее в глазах снова заиграли чертики.

- Да, мадам.

- Тогда забирайте автомобиль. - Она протянула ему руку, и Келли осторожно пожал ее.

- У вас есть документы на машину? - Келли почувствовал себя неловко из-за того, что ей снова пришлось вставать, на этот раз подниматься на второй этаж, медленно, держась рукой за перила, пока он доставал бумажник и отсчитывал двенадцать новеньких хрустящих банкнот.

На всю процедуру должно было уйти минут десять, но вместо этого он потратил тридцать. Келли уже проверил, как нужно осуществлять передачу автомобиля в собственность другому лицу, и к тому же он не собирался делать это в полном объеме. Страховые документы находились в том же конверте, где и технический паспорт, выписанный на имя Кеннета Бойда. Келли пообещал оформить паспорт на свое имя и заменить, разумеется, номерные знаки. Оказалось, однако, что такое количество наличных денег заставляет миссис Бойд нервничать, так что он помог ей заполнить бланк депозита и затем отвез старую леди в банк, где она опустила деньги в прорезь ночного сейфа. После этого Келли остановился у супермаркета, где, прежде чем доставить миссис Бойд домой и помочь ей подняться на крыльцо, купил молоко и консервы для кота.

- Спасибо за автомобиль, миссис Бойд, - сказал он, расставаясь со старушкой.

- Для чего он вам нужен?

- Для деловых поездок, - улыбнулся Келли и уехал.

Этим же вечером, без четверти девять, два автомобиля остановились на площадке обслуживания рядом с шоссе 95. Впереди ехал "дожд-дарт", а за ним красный "плимут". На расстоянии один от другого футов пятьдесят они выбрали полупустую стоянку к северу от Мэриленд-Хауса, места для отдыха у шоссе Джона Ф. Кеннеди. Здесь предлагалось полное обслуживание - от ресторана до заправочной станции, где продавали бензин и автомобильные масла. Помимо пищи, в ресторане подавали хороший кофе, но, что вполне понятно, здесь не было ничего спиртного. "Дожд" сделал несколько поворотов на площадке для стоянки автомобилей и наконец остановился на расстоянии трех интервалов от белого "олдсмобила" с номерами Пенсильвании и коричневой виниловой крышей. "Плимут" занял место в следующем ряду. Из него вышла женщина и мимо "олдсмобила" направилась к кирпичному зданию ресторана.

- Привет, бэби, - окликнул ее мужчина. Женщина остановилась и сделала несколько шагов к автомобилю с коричневой виниловой крышей. Мужчина был белым, с длинными, аккуратно причесанными черными волосами и в белой рубашке с расстегнутым воротом.

- Меня послал Генри, - сказала она.

- Я знаю. - Он протянул руку и коснулся ее лица. Она не сопротивлялась. Мужчина обернулся, посмотрел по сторонам, и затем его рука скользнула ниже. - Ты привезла, что мне нужно, бэби?

- Да, - улыбнулась она. Это была натянутая, неловкая улыбка, испуганная, но не смущенная. Вот уже несколько месяцев, как Дорис разучилась смущаться.

- Красивые титьки, - заметил мужчина без всяких эмоций в голосе. - Иди принеси.

Дорис вернулась к своему автомобилю, словно забыла что-то. Из машины она достала большую сумку, почти маленький рюкзак. Когда она проходила мимо "олдсмобила", мужчина протянул руку и взял его. Затем Дорис направилась к зданию ресторана и через минуту вернулась с банкой содовой, глядя на "плимут" в надежде, что все сделала правильно. У "олдсмобила" заработал двигатель, и мужчина послал ей воздушный поцелуй, на который она ответила вымученной улыбкой.

- Прошло достаточно просто, - заметил Генри Таккер, с пятидесяти ярдов наблюдавший эту сцену из открытого кафе по другую сторону ресторана.

- Хороший товар? - спросил у Тони Пиаджи другой мужчина. Все трое сидели за одним столом, "наслаждаясь" знойным вечером, тогда как большинство других посетителей находились внутри, где было прохладно благодаря кондиционеру.

- Высший сорт. Точно такой же, как и тот, что мы передали тебе две недели назад. Та же партия и все остальное, - заверил его Пиаджи.

- А если "мула" застукают? - спросил человек из Филадельфии.

- Она не скажет ни слова, - уверенно заявил Таккер. - Все они были свидетелями того, что случается с непослушными девушками. - На их глазах из "плимута" вылез мужчина, подошел к "дожду" и сел на место водителя.

- Молодчина, - произнес Рик, обращаясь к Дорис.

- А сейчас мы можем ехать? - спросила его женщина, дрожа от нервного напряжения, и сделала глоток из банки содовой.

- Конечно, бэби. Я знаю, что ты хочешь. - Рик улыбнулся и включил мотор. - А теперь, милая, покажи мне что-нибудь.

- Вокруг люди, - сказала девушка.

- Ну и что?

Не говоря больше ни слова, Дорис расстегнула рубашку - это была мужская рубашка, - оставив ее засунутой внутрь потрепанных шортов. Рик протянул руку и улыбнулся, поворачивая руль левой рукой. Все могло быть гораздо хуже, подумала Дорис, прикрыв глаза и представив, что это не она, а кто-то другой, в каком-то ином месте, думая,

сколько еще пройдет времени, прежде чем придет конец ее жизни, и надеясь, что этот конец наступит скоро.

- Деньги? - спросил Пиаджи.

- Хочу выпить чашку кофе. - Человек из Филадельфии встал и вошел внутрь ресторана, оставив свой кейс, который Пиаджи тут же взял в руки. И они с Таккером направились к синему "кадиллаку", не ожидая возвращения ушедшего в ресторан мужчины.

- Ты не собираешься считать их? - спросил Таккер на полпути к автомобилю.

- Если он обманет нас, то знает, что с ним случится. Это бизнес, Генри.

- Совершенно верно, - согласился Таккер.

- Меня зовут Билл Мерфи, - сказал Келли. - Насколько я понимаю, вы сдаете квартиры. - Он протянул субботнюю газету.

- Какая вам нужна?

- Однокомнатная со спальней меня устроит. Вообще-то мне нужно место, где я мог бы оставить одежду, - объяснил Келли мужчине. - Мне приходится много разъезжать.

- Коммивояжер? - спросил менеджер.

- Да. Продаю станки. Я здесь впервые - то есть это для меня новый район.

Это был старый жилой комплекс, построенный в зеленом районе вскоре после окончания второй мировой войны для возвращающихся домой военнослужащих. Он состоял исключительно из трехэтажных кирпичных домов. Деревья вокруг них выглядели посаженными примерно в тот же период. Они дружно принялись и разрослись, достаточно высокие для многочисленного населения белок и настолько развесистые, что стоящие здесь автомобили находились в их тени. Келли с одобрением посмотрел на меблированную квартиру на первом этаже, куда проводил его менеджер.

- Великолепно, - отозвался он, осмотревшись по сторонам и проверив кухонную раковину и другую сантехнику. Мебелью явно пользовались, но она все еще была в приличном состоянии. Под подоконниками в каждой комнате даже виднелись кондиционеры.

- У меня есть и другие...

- Это именно то, что мне нужно. Сколько?

- Сто семьдесят пять долларов в месяц, плата за один месяц вперед.

- Коммунальные услуги?

- Можете платить за них сами или мы представим счет. Некоторые жильцы предпочитают вторую систему. В среднем это составляет сорок пять долларов в месяц.

- Легче оплачивать один счет, чем два или три. Ну-ка, посмотрим. Сто семьдесят пять плюс сорок пять...

- Двести двадцать, - пришел на помощь менеджер.

- Четыреста сорок, - поправил его Келли. - Два месяца, верно? Я могу выписать чек, но мой банк находится за пределами города. У меня еще нет местного счета. Примете наличные?

- Наличные всегда принимаю с удовольствием, - заверил его менеджер.

- Отлично. - Келли достал бумажник и отсчитал нужную сумму, затем подумал. - Нет, лучше я заплачу шестьсот шестьдесят, за три месяца, если вы не возражаете. Мне понадобится счет. - Довольный менеджер достал из кармана блокнот и тут же выписал счет за три месяца. - Как насчет телефона? - спросил Келли.

- Могу сделать это ко вторнику, если хотите. Понадобится еще один депозит.

- Пожалуйста, займитесь этим. - Келли передал еще несколько банкнот. - Мои вещи не придут еще некоторое время. Где можно купить простыни и все такое?

- Сегодня мало что открыто. Завтра - в любом магазине. Келли посмотрел через дверь спальни на голый матрас. Даже отсюда он видел на нем комки. Он пожал плечами. - Ничего не поделаешь, мне приходилось спать и в худших условиях.

- Служили в армии?

- В морской пехоте.

- Я тоже, - сказал менеджер, удивив Келли. - Надеюсь, вы не выкинете здесь никаких штучек, верно? - Он не ожидал неприятностей от Келли, но хозяин требовал, чтобы он задавал этот вопрос, даже бывшим морским пехотинцам. Ответом менеджеру была сконфуженная ободряющая улыбка:

- Мне говорили, что я громко храплю во сне. Двадцать минут спустя Келли сидел в такси, направляющемся к центру города. Он вышел у Пенсильванского вокзала и успел на следующий поезд, отправляющийся в Вашингтон. Там другое такси доставило его к причалу, где стоял "Спрингер". Когда стемнело, яхта направилась вниз по Потوماку. Насколько все было бы проще, если бы ему помогал еще один человек, подумал Келли. Сколько времени напрасно потрачено на бесполезные переезды. А действительно ли они бесполезные? Нет, пожалуй. Он многое обдумал, а это было не менее важно, чем остальная подготовка. Келли прибыл к себе на остров после шести часов непрерывных размышлений и составления планов.

Несмотря на то что он провел уик-энд в почти безостановочном движении, у него не было времени на то, чтобы бездельничать. Келли уложил одежду, купленную главным образом в пригородах Вашингтона. Постельное белье он купит в Балтиморе. Продукты - там же. Его автоматический пистолет 45-го калибра вместе со всем тем, что понадобится, чтобы преобразовать его в пистолет 22-го калибра, был спрятан под старой одеждой вместе с двумя коробками патронов. Больше он ему не понадобится, подумал Келли, а боеприпасы - вещь тяжелая. Делая второй глушитель, на этот раз для

пистолета “Кольт Вудсмэн”, он обдумывал проделанную подготовку. Его физическое состояние было великолепным, почти таким же, как в 3-й группе морских командос, и он тренировался в стрельбе ежедневно. Его меткость стала лучше, чем когда-либо, сказал он себе, проделывая нужные операции на станках и почти не задумываясь над ними. К трем часам утра новый глушитель был готов и опробован несколькими выстрелами. А еще через тридцать минут Келли поднялся на борт “Спрингера”, отдал швартовы и направился на север, предвкушая несколько часов сна, после того как минует Аннаполис.

Ночь навевала тоску. По небу плыли рассеянные облака, и, он бездумно смотрел вперед. Через некоторое время Келли спохватился и заставил себя сосредоточиться. Теперь он больше не был расслабленным штатским, но все-таки позволил себе первую банку пива за последние недели. Может быть, он забыл что-то? И тут же успокоил себя - нет, не забыл ничего. Правда, у него тут же проскользнула мысль о том, как мало он все-таки знает о противнике. Билли с его красным “плимуттом”. Чернокожий парень по имени Генри. Он знает, где находится район их операций. И это все.

Но...

Но в прошлом ему приходилось воевать с вооруженными и отлично подготовленными врагами, о которых он знал еще меньше, и если он заставит себя быть таким же осторожным, каким был на войне, в глубине души он знал, что сумеет выполнить операцию. Отчасти потому, что он намного сильнее их и его мотивация несравнимо целеустремленней. А отчасти, с удивлением понял Келли, потому что его не интересовали последствия. Ему были нужны только результаты. Он вспомнил что-то из периода своего обучения в подготовительной католической школе - отрывок из эпической поэмы “Энеида” Вергилия, в ней почти две тысячи лет назад была определена цель его операции: *Una salus victis nullam sperare salutem* - для побежденных спасенье одно - не мечтать о спасенье.

Мрачность этой мысли заставила его улыбнуться, пока он плыл под светом звезд, отправившихся в свой путь с таких огромных расстояний, что к моменту начала его путешествия не только он, но даже Вергилий еще не родились.

Таблетки помогли отключиться от действительности, но не до конца. Дорис не столько думала об этом, сколько чувствовала - подобно тому как признаешь что-то, что не нравится тебе, но отказывается исчезнуть. Теперь она слишком зависела от барбитуратов. Сон никак не приходил, и в пустоте комнаты она была не в силах забыться. Дорис приняла бы и больше таблеток, но они не давали ей того, чего она хотела. Впрочем, ей хотелось не так много. Она мечтала о непродолжительном забытье, свободном от страха, вот и все - а им было наплевать на это. Она могла видеть больше, чем они знали или ожидали от нее, она могла заглядывать в будущее, но это было слабым утешением. В конце концов полиция арестует ее. Дорис арестовывали и раньше, но тогда ее проступки не были столь значительными, а теперь ее упрячут на длительный срок. Полиция попытается заставить ее говорить, пообещает защиту, но она понимала всю тщетность этого. Вот уже дважды она была свидетельницей того, как умирали ее подруги. Подруги? По крайней мере они были похожими на подруг, с ними можно было разговаривать, поделиться мыслями, рассказать о жизни - если это можно назвать жизнью, - и даже в такой неволе у них были маленькие шутки, маленькие победы над силами, управляющими их существованием, подобно отдаленным огням в облачном небе. С ними можно было просто поплакать. Но две из них теперь мертвы, и она наблюдала, как они умирали, сидел! рядом, приняв несколько таблеток, но не в силах уснуть и не видеть этого ужаса, такого невероятного, что от него цепенеешь, следить за их глазами, смотреть и чувствовать их боль, сознавая, что ничем не можешь помочь, зная даже, что и они понимают это. Кошмары, наполнявшие ее сны, были ужасны, но они не доставали тебя. Стоило только проснуться, и кошмар исчезал. Но не это зрелище. Она могла следить за собой, словно со стороны, будто она была роботом, не контролирующим себя, но подчиняющимся командам других. Ее тело не двигалось до тех пор, пока другие не заставляли его, и ей приходилось даже скрывать свои мысли, бояться выразить в собственном сознании, потому что они могут услышать их или прочитать на ее лице, но сейчас, как она ни старалась, мысли отказывались уходить.

Рик лежал рядом с ней, тихо дыша в темноте. Какая-то часть ее сознания любила Рика. Он был самым мягким из всех, и иногда она позволяла себе думать, что и ему она нравится, может быть, совсем немного, потому что он бил ее не так уж страшно. Разумеется, ей приходилось повиноваться - ведь его ярость ничуть не уступала ярости Билли, и потому она старалась изо всех сил вести себя хорошо в его присутствии. Часть ее знала, что это глупо, но теперь реальность определялась другими людьми. И она была свидетельницей последствий настоящего сопротивления. После одной особенно плохой ночи Пэм прижалась к ней и шепотом рассказала о своем желании убежать. Позднее Дорис молила Бога, чтобы он помог ей скрыться, думала, что все-таки есть надежда, но нет, скоро Пэм втащили сюда, а их заставили тут же, рядом, смотреть за тем, как она умирает. Она наблюдала, беспомощно глядя на Пэм, а они проделывали с ней все, что только могли вообразить. Дорис видела, как гасла ее жизнь, как от удущья содрогалось ее тело, а мужское лицо безжалостно смеялось в дюйме от лица девушки. Единственным смелым поступком Дорис, неосознанным сопротивлением, было то, что она причесала волосы своей подруги, с благодарностью вспоминая о том, что мужчины этого не заметили, причесывала, не переставая плакать, надеясь, что Пэм каким-то образом узнает, что кто-то заботится о ней, пусть даже после смерти. Однако, даже делая это, Дорис чувствовала бессмысленность своего поступка и потому плакала еще больше.

В чем она провинилась? - думала Дорис, неужели она оскорбила Бога так серьезно, что ее жизнь превратилась в ад? Разве может хоть какое-то живое существо заслужить такое?

- Я поражен, Джон, - произнес Розен, глядя на своего пациента потрясенным взглядом. Келли со снятой рубашкой сидел на столе, предназначенном для медицинских осмотров. - Как ты сумел добиться этого?

- Заплывы на пять миль, для того чтобы разработать плечи. Это лучше, чем упражнения с тяжестями, но и ими я, тоже занимался, по вечерам. Немного бега. Примерно то же самое, что я привык делать раньше.

- Мне бы такое давление, - улыбнулся хирург, снимая манжету. С утра у него была трудная операция, но он оставил время для своего друга.

- Тренируйся, Сэм, - в свою очередь улыбнулся Келли.

- Не хватает времени, Джон, - ответил хирург - не очень убежденно, подумали оба.

- Врач должен заботиться о своем здоровье.

- Это верно, - согласился Розен. - А как дела в остальном? Вместо ответа Келли только взглянул на хирурга. В его глазах не было ни улыбки, ни озабоченности - всего лишь бесстрашие, по которому Розен все понял. Он попытался снова:

- Есть старинная поговорка: прежде чем начинать мстить, выкопай две могилы.

- Только две? - улыбнулся Келли. Розен кивнул.

- Я тоже читал отчет о посмертном вскрытии. Значит, мне не удастся отговорить тебя?

- Как поживает Сара?

Розен понял, что Келли хочет изменить тему разговора.

- Ушла с головой в свой проект. Она так им захвачена, что без конца только о нем и говорит. Очень интересно.

В этот момент в комнату вошла Сэнди О'Тул. Келли поразил обоих медиков, схватив майку и стыдливо закрыв ею грудь.

Медсестра рассмеялась. Ее примеру последовал и Сэм. Он лишь теперь понял, что Келли действительно готов к той операции, которую планировал. Отличная физическая подготовка, холодный серьезный взгляд, который становился веселым, когда ему хотелось этого, словно хирург перед ответственной операцией, подумал Розен. Как ни странно, чем лучше он узнавал Келли, тем больше удивлялся его интеллекту.

- Ты выглядишь удивительно для парня, которого ранили всего несколько недель назад, - заметила О'Тул, дружески глядя на Келли.

- Здоровый образ жизни, мадам. За тридцать с лишним дней только одна банка пива.

- Миссис Лотт пришла в себя, доктор Розен, - сообщила медсестра, поворачиваясь к хирургу. - Ничего необычного; по-видимому, у нее все в порядке. Ее муж заходил взглянуть на супругу. По-моему, с ним тоже все в порядке. Вообще-то я начала беспокоиться.

- Спасибо, Сэнди.

- Ну что ж, Джон, ты тоже выздоровел. Надевай рубашку, а то Сэнди начинает смущаться, - усмехнулся Розен.

- Где тут можно поесть? - спросил Келли.

- Я сам показал бы тебе, но у меня консилиум через десять минут. Может быть, Сэнди? Она посмотрела на часы.

- Да, мне ленч тоже не противопоказан. Ты готов рискнуть и отведать больничной пищи или хочешь поесть в городе?

- Вы мой гид, мадам.

Сэнди провела его в кафетерий, где подавали пресную больничную пищу, но там можно было добавить к ней соль и прочие специи по желанию. Келли выбрал блюда, удовлетворяющие аппетит и даже полезные, чтобы компенсировать отсутствие вкуса.

- У тебя много работы? - спросил он, после того как они сели за стол.

- Как всегда, - отозвалась Сэнди.

- Где ты живешь?

- Неподалеку от бульвара Лох-Рейвен, у самой границы графства. - Келли видел, что она не изменилась. Сэнди О'Тул не жила, а функционировала, причем весьма успешно, однако пустота в ее жизни качественно мало отличалась от его пустоты. Разница состояла лишь в одном: он мог сделать что-то, а она - нет. Сэнди стремилась к человеческому теплу, она сохранила умение смеяться, но горе одолевало ее на каждом шагу. Какая это мощная сила - горе. У него было огромное преимущество - он мог найти врагов и устранить их. Бороться с тенью было намного труднее.

- У тебя, как и у большинства здесь, секция в общем доме?

- Нет, это старое бунгало, или как там называют такие дома, - большой двухэтажный дом на половине акра. Между прочим, ты напомнил мне, - добавила она, - что в уик-энд нужно непременно покосить траву на участке. - И тут она вспомнила, как любил этим заниматься Тим, он решил уйти из армии после второго срока во Вьетнаме, получить адвокатский диплом и вести нормальную жизнь - всего этого его лишили маленькие желтые люди в далекой стране.

Келли не знал, о чем она думает, но этого и не требовалось. Перемена в выражении ее лица, то, как стих голос, - все это было красноречивее слов. Как подбодрить ее? Такой вопрос был для него странным, принимая во внимание его планы на ближайшие недели.

- Ты так хорошо ко мне относилась, пока я лежал здесь. Спасибо тебе.

- Мы стараемся ухаживать за нашими пациентами, - улыбнулась Сэнди. Улыбка была непривычной на ее лице.

- Девушка с таким прелестным лицом должна делать это чаще, - заметил Келли.

- Что именно?

- Улыбаться.

- Но это непросто, - ответила Сэнди. Улыбка исчезла с ее лица.

- Да, я знаю. Но однажды мне все-таки удалось даже рассмешить тебя, - сказал Келли.

- Просто ты застал меня врасплох.

- Это из-за Тима? - спросил он внезапно. Вопрос его потряс Сэнди. Разве об этом говорят? Несколько секунд она пристально смотрела в глаза Келли.

- Я не понимаю тебя.

- Кое в чем это легко, а кое в чем - трудно. Самое трудное, - Келли как бы думал вслух, - понять, почему людям это необходимо, почему они вообще так поступают. Все сводится к тому, что есть плохие люди и кто-то должен поставить преграду на их пути, заняться ими, так как, если ты не сделаешь этого, наступит день, когда они займутся тобой. Можно попытаться не обращать на них внимания, но это вряд ли кончится добром. А иногда ты видишь то, мимо чего просто не можешь пройти. - Он наклонился вперед, подбирая слова:

- Ты видишь много плохого, Сэнди. Я видел вещи похуже. Мне приходилось наблюдать за тем, как люди...

- Это причина твоего кошмара? Келли кивнул.

- Совершенно верно. В ту ночь меня чуть не убили.

- А что было...

- Тебе лучше этого не знать, честное слово. Я хочу сказать, у меня вообще не укладывается в голове, как люди способны на подобное. Может быть, они верят во что-то, верят настолько, что забыли, как важно оставаться людьми. Возможно, они так стремятся к какой-то цели, что им на все наплевать. А может, с ними что-то неладно, что-то случилось с их мышлением и действиями. Но они живут и действуют в реальном мире. Кто-то должен остановить их. - Даже если ты знаешь, что из этого ничего не выйдет, не решился добавить Келли. Как объяснить ей, что ее муж погиб в никому не нужной войне?

- Мой муж был рыцарем в сверкающих латах на белом коне? Ты это хотел сказать?

- Это ты благородный рыцарь в белом одеянии, Сэнди. Ты борешься против одного врага, но ведь есть и другие. Кто-то должен бороться с ними.

- Я никогда не пойму, почему Тим должен был умереть. Действительно, все сводится именно к этому, подумал Келли. Речь идет не о высоких политических или социальных материях. У каждого есть жизнь, которая вроде бы должна завершиться естественным концом после того отрезка времени, который определил Бог или судьба, или еще что-то, не поддающееся человеческому контролю. Он видел, как гибнут совсем молодые люди, и сам был причиной смерти многих. Каждая жизнь имеет какую-то ценность и для ее обладателя и других людей, и как ты объяснишь другим, что является причиной смерти их близких? Да и вообще, как объяснить это самому себе? Но это, если смотреть со стороны. Когда смотришь изнутри, все выглядит иначе. Может быть, в этом и заключается ответ.

- У тебя очень трудная работа, правда?

- Да, - кивнула Сэнди.

- Тогда почему не взяться за что-то полегче? Я имею в виду работу в такой области, где она проще, - скажем, в яслях? Это ведь место счастливое, верно?

- Даже очень, - согласилась медсестра.

- И разве она тоже не важная? Пусть забота о младенцах - дело рутинное, но ведь его нужно выполнять особенно внимательно. Ведь верно?

- Разумеется.

- Но ты не захотела изменить место работы. А нейрохирургия - самое тяжелое отделение.

- Но ведь кто-то должен...

Вот! - подумал Келли, прерывая ее:

- Это нелегко, да и тебе приходится непросто: временами испытываешь боль, верно?

- Временами - да, испытываю.

- И все равно не бросаешь, - напомнил Келли.

- Да, - согласилась Сэнди. Это было не признание, а что-то более значительное.

- Вот потому Тим и делал то, что он делал. - Келли увидел понимание на лице Сэнди или начало его, это длилось мгновение, пока затянувшееся горе не отбросило его аргументы в сторону.

- И все равно это бессмысленно...

- Может быть, бессмысленна цель, но не бессмысленно с человеческой точки зрения, - заметил Келли. Ему было трудно продолжать. Разум подсказывал, что нелегко искать новые аргументы. - Извини, я ведь не священник, а всего лишь отставной больной боцман.

- Ну, не слишком больной, - возразила О'Тул.

- Отчасти благодаря тебе. Еще раз спасибо. - Его слова снова вызвали ее улыбку.

- Не все наши пациенты полностью выздоравливают, поэтому мы особенно гордимся теми, кому это удается.

- Может быть, Сэнди, мы все пытаемся спасти мир, один маленький шагок за другим. - Келли поднялся и, несмотря на возражения сестры, проводил ее обратно в отделение. Келли понадобилось целых пять минут, чтобы решиться сказать ей то, что ему хотелось.

- Знаешь, мне бы хотелось пригласить тебя поужинать, а? Не сейчас, но, может быть...

- Я подумаю, - ответила она, полуотбрасывая эту мысль, полузаинтересовавшись ею. Она знала - так же, как и Келли, - что это слишком скоро для обоих, хотя, наверно, не так скоро для нее. Что он за человек? - спросила она себя. Насколько безопасно познакомиться с ним поближе?

Глава 13

Повестка дня

Впервые в жизни Келли подъехал к Пентагону. Он чувствовал себя скованно, подумав, не стоило ли ему надеть свой боцманский мундир цвета хаки, но тут же вспомнил, что прошли те времена, когда он носил форму. На нем был легкий синий костюм с миниатюрным знаком Морского креста в петлице. Келли поднялся по пандусу, отыскал план здания и быстро изучил и запомнил его. Через пять минут он уже входил в нужную ему дверь.

- Да? - поднял голову сидящий в приемной старшина.

- Меня зовут Джон Келли. Адмирал Максвелл назначил мне встречу.

Его пригласили сесть и подождать. На кофейном столике лежал экземпляр "Новостей ВМФ". Келли не раскрывал эту газету с тех пор, как оставил службу, однако сумел подавить ностальгию. Ссоры и разногласия за это время мало изменились.

- Мистер Келли? - послышался голос. Он встал и прошел в открытую дверь. Как только она закрылась, над ней вспыхнула красная лампа, запрещающая беспокоить адмирала.

- Как ты себя чувствуешь? - первым делом спросил Максвелл.

- Отлично, сэр. Спасибо. - Штатский или нет, но Келли не мог не чувствовать себя стесненно в присутствии адмирала. И тут же эта скованность возросла: открылась другая дверь и в кабинет вошли еще двое - один тоже в штатском, зато другой - контр-адмирал, морской летчик, с бледно-голубой ленточкой высшего ордена страны, медали Конгресса, заметил Келли, отчего почувствовал себя совсем робко. Максвелл представил его вошедшим.

- Я много слышал о вас, - сказал Подулски, пожимая руку молодого человека.

- Спасибо, сэр, - произнес Келли, не зная, что еще сказать.

- Мы с Казом служили вместе много лет, - заметил Максвелл во время представления. - Я сбил пятнадцать самолетов, - он указал на панель на стене, - а Каз - восемнадцать.

- И все они были засняты на пленку, - заверил Келли адмирал Подулски.

- А вот я не сбил ни одного, - сказал Грир, - зато кислород не повредил мне мозги. - У этого адмирала в штатском был планшет. Он достал из него карту - ту же самую, что побывала в доме у Келли, только более густо испещренную пометками. Затем к ней добавилась фотография, и Келли снова посмотрел на лицо полковника Закариаса, на этот раз изображение было заметно лучше и почти не отличалось от фотографии на удостоверении, которую Грир положил рядом.

- Я побывал в трех милях от этого лагеря, - заметил Келли. - Никто не сказал мне о...

- Тогда его еще не было. Лагерь совсем новый, его построили меньше двух лет назад, - объяснил Грир.

- Еще есть фотографии, Джеймс? - спросил Максвелл.

- Только аэрофотоснимки, сделанные эс-эр-семьдесят один под острым углом, в них нет ничего нового. У меня один специалист проверяет каждый кадр аэрофотоснимков лагеря - отличный эксперт, раньше служил в ВВС. Он докладывает результаты только мне.

- Из тебя выйдет отличный шпион, - с усмешкой заметил Подулски.

- Я им там нужен, - отшутился Грир, но его слова прозвучали почти серьезно. Келли посмотрел на трех адмиралов. Шутки походили на те, что можно услышать в столовой для старшинского состава, только язык был более интеллигентным. Грир снова взглянул на Келли. - Расскажите мне про долину.

- Лучше всего оставаться как можно дальше от этого места...

- Для начала расскажите, как вы спасли молодого Голландца. Опишите каждый свой шаг.

На рассказ Келли потребовалось пятнадцать минут - с того момента, как он покинул подводную лодку "Скейт", до того, как вертолет поднял его и лейтенанта Максвелла в устье реки и доставил их на борт авианосца "Китти Хоук". Рассказывать было просто, но его удивили взгляды, которыми то и дело обменивались адмиралы.

Келли еще не научился читать взгляды. Он не думал об адмиралах, как о старых людях или вообще как о людях. Они были адмиралами, существами без возраста, подобными богам, принимающим важные решения, и выглядели именно так, как им следовало выглядеть, - даже тот, что был в штатском. И нельзя сказать, что Келли считал себя в их обществе молодым. Он участвовал в боях, а это навсегда меняет человека. Но через призму лет они смотрели по-разному. Для Максвелла, Подулски и Грира этот молодой человек не так уж сильно отличался от них самих тридцать лет назад. Они сразу убедились, что Келли - настоящий солдат, и, глядя на него, видели себя. Взгляды украдкой, которыми они обменивались, походили на взгляды дедушки, наблюдающего за тем, как его внук делает первые неуверенные шаги по ковру гостиной. Только шаги Келли были больше и серьезнее.

- Да, это была нелегкая операция, - сказал Грир, когда Келли закончил рассказ. - Значит, этот район густо населен?

- И да и нет, сэр. Я хочу сказать, что это не город или что-то похожее, всего лишь крестьянские хозяйства или вроде того. Я слышал и видел транспорт на шоссе - всего несколько грузовиков, но много велосипедов, повозок.

- Много военного транспорта? - спросил Подулски.

- Адмирал, военные перевозки идут по вот этому шоссе. - Келли постучал пальцем по карте. Он видел пометки, означающие расположение частей северовьетнамской армии. - Как вы планируете проникнуть в лагерь?

- Это будет непросто, Джон. Мы думали о высадке с вертолетов, может быть, даже использовании десантных судов и стремительной атаке по вот этому шоссе. - Подулски постучал пальцем по карте.

Келли покачал головой.

- Слишком далеко. Это шоссе очень легко защитить. Господа, вы должны понять, Вьетнам - страна, находящаяся на военном положении. Практически все там носят военную форму, а когда у людей появляется оружие, они чувствуют себя частью армии. В этом районе достаточно вооруженных людей, чтобы преградить вам движение по этому шоссе. Десант никогда не достигнет лагеря.

- Неужели население действительно поддерживает коммунистическое правительство? - озадаченно спросил Подулски. Он просто не мог в это поверить, однако у Келли была другая точка зрения.

- Боже мой, адмирал, как вы думаете, почему мы воюем так долго? Почему никто не помогает летчикам со сбитых самолетов? Они совсем непохожи на нас. Мы никак не желаем это понять. Как бы то ни было, если вы высадите на берег морскую пехоту, никто не примет их там с распростертыми объятиями. Даже и не думайте об атаке вдоль этого шоссе. Да и вообще это не шоссе, а скорее проселочная дорога, даже хуже, чем кажется, если судить по аэрофотоснимкам. Стоит срубить несколько деревьев и уложить их поперек дороги, и она закрыта. - Келли поднял голову. - Единственный выход - высадка с вертолетов.

Он увидел, что его точка зрения пришлась не по душе адмиралам, и было нетрудно понять причину. Эта часть страны была усеяна зенитными батареями. По крайней мере двое из адмиралов являлись летчиками, и если штурм лагеря наземными силами казался для них многообещающим, значит, преодолеть огонь зенитных батарей еще труднее, чем он думал.

- Мы можем подавить батареи, - предложил Макссуэлл.

- Ты не имеешь в виду Бэ-пятьдесят два? - спросил Грир.

- "Ньюпорт ньюз" снова выходит на огневой рубеж через несколько недель. Скажи, Джон, ты видел ее стрельбу?

- Да, конечно, - кивнул Келли. - Она дважды поддерживала нас, когда мы проводили операции вблизи побережья. Огонь этих восьмидюймовок производит большое впечатление. Но проблема заключается в другом, сэр. Сколько этапов операции должны пройти как надо, чтобы операция оказалась успешной? Чем сложнее операция, тем больше вероятность какого-нибудь срыва в одном из ее звеньев. - Келли откинулся на спинку дивана и напомнил себе, что сказанное им предназначалось не только для адмиралов.

- Голландец, через пять минут у нас совещание, - неохотно напомнил Подулски. Встреча оказалась не слишком успешной, подумал он. Грир и Макссуэлл придерживались другого мнения. Они узнали немало полезного. Это было достаточно важно.

- Могу я спросить, почему все это держится в таком секрете? - поинтересовался Келли.

- Твоя догадка в прошлый раз была правильной. - Макссуэлл посмотрел на младшего адмирала и кивнул ему.

- Сведения о подготовке операции в Сонг-Тай просочились к вьетнамцам, - сказал Грир. - Нам неизвестно, каким образом это произошло, но позднее один из наших источников сообщил нам, что они знали об этом - по крайней мере подозревали. Вьетнамцы рассчитывали, что операция будет проводиться позднее, так получилось, что мы высадились в лагере сразу после того, как они вывезли оттуда всех военнопленных, но перед тем, как была организована засада. В одном нам не повезло, в другом повезло. Они не ожидали начала операции "Кингпин" в течение еще одного месяца.

- Боже милостивый, - выдохнул Келли, - кто-то из наших, кто находится там, намеренно предал нас?

- Добро пожаловать в реальный мир разведывательных операций, чиф, - с мрачной улыбкой произнес Грир.

- Но почему?

- Если я когда-нибудь встречу этого джентльмена, то обязательно спрошу. Мы можем использовать это как отличную приманку. Что, если проверить документы операции, втихую?

- Где они находятся?

- В Эглине, на базе ВВС, где готовилась группа для проведения операции "Кингпин".

- Кого пошлем? - спросил Подулски. Келли почувствовал, как глаза присутствующих устремились на него.

- Господа, неужели вы забыли, что я был всего лишь боцманом?

- Мистер Келли, где ваш автомобиль?

- В городе, сэр. Я приехал сюда на автобусе.

- Пойдемте со мной. Позднее вы успеете вернуться в город на маршрутном автобусе.

Они молча вышли из здания. Автомобиль Грира - "меркьюри" - стоял на площадке, выделенной для приезжающих в Пентагон, у входа со стороны Потوماка. Он сделал знак, приглашая Келли занять место в машине, и поехал в сторону Джордж Вашингтон-паркуэй.

- Голландец достал из архива твое досье. Я прочитал его. Ты произвел на меня доброе впечатление, сынок. - Грир промолчал о том, что при поступлении на службу Келли набрал в среднем 147 очков на каждом из трех по-разному сформулированных тестов по измерению коэффициента интеллектуальности. - Твои командиры говорили о тебе только хорошее.

- Мне повезло - у меня оказались хорошие офицеры, сэр.

- По-видимому. Трое из них пытались убедить тебя поступить в школу подготовки офицеров, но Голландец уже говорил с тобой об этом. Мне также хотелось бы знать, почему ты отказался от стипендии для учебы в колледже.

- Мне надоело учиться в школах. Да и стипендия была за успехи в плавании, адмирал.

- Да, они в Индиане любят это, я знаю, но у тебя были отличные оценки, и ты мог бы получить академическую стипендию. Ты учился в превосходной подготовительной школе...

- Там мне тоже выделили стипендию, - пожал плечами Келли. - Никто в нашей семье не заканчивал колледжа. Отец служил на флоте во время войны. Думаю, мне просто не хотелось учиться дальше, вот я и поступил на военную службу. - Он никому не говорил о том, как разочаровал этим своего отца.

Грир задумался над тем, что услышал. Он не был удовлетворен ответами Келли.

- Последний корабль, которым я командовал, была подводная лодка "Даниел Уэбстер". Мой главный старшина, командовавший постом гидролокации, имел докторскую степень по физике. Отличный специалист, знал свое дело лучше, чем я - свое, но у него не было задатков лидера, он старался оставаться в стороне. А вот ты другой, Келли. Знаю, что ты пытался, но не сумел.

- Видите ли, сэр, когда ты находишься на фронте и вокруг происходят события, кто-то должен ими заниматься.

- Не все смотрят на вещи таким образом. Знаешь, Келли, в мире существует два типа людей - те, которые ждут указаний, и те, которые разбираются во всем сами, - заметил Грир.

Знак на обочине шоссе обозначал что-то, что Келли не разобрал, но там точно ничего не говорилось про ЦРУ. Он не понял этого, пока не увидел большое здание проходной.

- Тебе не приходилось взаимодействовать с сотрудниками управления во Вьетнаме?

- Приходилось, - кивнул Келли. - Мы были - ну, вы ведь знаете об операции "Феникс"? Мы составляли часть ее, маленькую часть.

- Что ты думаешь о них?

- Двое или трое были превосходными специалистами. Остальные... Вы хотите, чтобы я говорил откровенно?

- Именно это мне и нужно, - заверил его Грир.

- Остальные скорее годятся, чтобы смешивать мартини, - бесстрастно ответил Келли.

В ответ он услышал грустный смешок.

- Это верно, многие у нас любят смотреть кино. - Грир поставил машину в отведенное для нее место и открыл дверцу. - Пошли со мной, чиф. - Одетый в штатское адмирал провел Келли через главный вход и вручил ему специальный гостевой пропуск, требовавший сопровождения сотрудником ЦРУ.

Что касается Келли, он чувствовал себя здесь, подобно туристу & странной и незнакомой стране. Даже то, что вокруг все казалось самым обыкновенным, придавало зданию что-то зловещее. Несмотря на то, что здание было самым обычным правительственным строением, штаб-квартира ЦРУ была окружена своего рода аурой. Она как-то не походила на реальный мир. Грир заметил озабоченность на лице Келли, усмехнулся, прошел с ним к лифту и поднялся в свой кабинет на шестом этаже. Только здесь, за закрытыми дверями, он заговорил.

- Что у тебя намечено на будущую неделю?

- У меня нет ничего, что связывало бы мои действия, - осторожно ответил Келли.

Джеймс Грир грустно кивнул.

- Голландец рассказал мне и об этом. Мне очень жаль, чиф, но моя задача заключается сейчас в том, чтобы помочь двадцати хорошим людям, которые не увидят своих семей, если мы что-нибудь не предпримем. - Он сунул руку в ящик стола.

- Сэр, теперь я ничего не понимаю.

- Видишь ли, мы можем сделать это добровольно или по принуждению. По принуждению означает, что Голландец снимает телефонную трубку и тебя призывают из резерва на военную службу, - сурово произнес Грир. - А добровольно - это когда ты сам приходишь работать ко мне в качестве гражданского консультанта. Мы платим тебе суточные, что чертовски лучше, чем жалованье боцмана.

- А что я должен делать?

- Ты летишь на базу ВВС в Эглине через Новый Орлеан и Эйвис, насколько я помню. Вот это, - Грир бросил на колени Келли удостоверение личности, похожее на бумажник, - позволит тебе получить доступ к их документам. Мне нужно, чтобы ты изучил оперативные планы в качестве модели для того, что мы собираемся осуществить. - Келли посмотрел на удостоверение личности с фотографией, которая была его старой фотографией из архивов военно-морского флота. На ней была только его голова, как и на паспорте.

- Одну минуту, сэр. Моя квалификация не позволяет...

- Честно говоря, по моему мнению, у тебя отличная квалификация для такого дела, но со стороны будет казаться, что твоя квалификация действительно недостаточна. Нет, ты будешь там самым младшим консультантом, собирающим сведения для малозначащего отчета, который никто не будет читать. Половина денег, которые мы тратим в этом проклятом управлении, испаряется именно таким образом - если ты этого еще не знаешь, - произнес Грир, слегка преувеличивая сложность ситуации из-за своего раздражения порядками, царящими в ЦРУ. - Мы хотим, чтобы твоя работа в Эглине выглядела рутинной и бессмысленной.

- Это вы серьезно?

- Чиф, Голландец Максвелл готов принести в жертву свою карьеру ради этих людей. И я тоже. Если существует возможность спасти их...

- А как относительно мирных переговоров? Ну что мне сказать этому молодому парню? - спросил себя Грир.

- Полковник Закариас официально считается мертвым. Об этом сообщила другая сторона, даже опубликовала фотографию тела. Кто-то навестил его жену вместе с капелланом базы и женой другого офицера ВВС, чтобы облегчить тяжелую весть. Затем ей предоставили неделю на то, чтобы освободить служебную квартиру. Все как положено, - добавил Грир. - Полковник официально мертв. Я очень осторожно поговорил с несколькими влиятельными людьми, и мы, - произнести это оказалось ему очень трудно, - наша страна не будет срывать мирные переговоры из-за такого случая. Фотография, которая имеется у нас, несмотря на ее обработку, улучшение качества и тому подобное, не может служить достаточно убедительным доказательством для суда, а для этого применяется именно такой стандарт. Мы не можем предоставить достаточно доказательств такого уровня, и люди, от которых зависит принятие решений, знают это. Они не хотят срывать переговоров, и если для окончания этой проклятой войны понадобятся жизни еще двадцати человек, никто не будет возражать. Этих людей уже списали.

Келли с трудом верил услышанному. Сколько людей списывает Америка каждый год? И ведь не все списанные носят военную форму, верно? Некоторые из них находятся прямо здесь, в американских городах.

- Неужели все обстоит так плохо?

Трудно было не увидеть усталости на лице Грига.

- Ты знаешь, почему я согласился на эту работу? Ведь я собирался уходить в отставку. Я отслужил свое, командовал кораблями, словом, исполнил свой долг. Меня ждет хороший комфортабельный дом, игра в гольф два раза в неделю и легкая работа консультанта, понимаешь? Чиф, слишком много людей занимают такие должности, и реальность для них - это всего лишь память. Они концентрируют все свое внимание на "процессе" и забывают о человеческих жизнях, находящихся на противоположном конце бумажной цепи. Вот почему я согласился на эту должность. Кто-то должен попытаться вернуть в этот процесс реальность. Мы рассматриваем операцию как "черную". Тебе известно, что это значит?

- Нет, сэр, неизвестно.

- Это новый термин, появившийся совсем недавно. Он означает, что операции не существует. Это безумие. Такого не должно быть, но ситуация именно такова. Ты готов принять участие в нашей команде?

Новый Орлеан... Глаза Келли сузились на мгновение, растянувшееся на пятнадцать секунд и закончившееся коротким кивком. - Если вы считаете, сэр, что я могу помочь, то я готов. Сколько времени мне выделяется?

Грир с трудом выдавил улыбку и бросил на колени Келли авиабилет.

- Твое удостоверение личности оформлено на имя Джона Кларка - это легко запомнить. Ты вылетаешь завтра во второй половине дня. На обратном билете открытая дата, но я хочу видеть тебя в следующую пятницу. Надеюсь, ты справишься с работой. Моя визитная карточка и номер личного телефона находятся вместе с удостоверением личности. Упаковывай вещи, сынок.

- Так точно, сэр.

Грир встал и проводил Келли до дверей кабинета.

- И спрашивай счета за все. Когда работаешь на дядю Сэма, нужно принять меры, чтобы все было оплачено должным образом.

- Будет исполнено, сэр, - Улыбнулся Келли.

- Вернуться обратно в Пентагон ты можешь на голубом автобусе, что стоит снаружи.

Как только Келли вышел из кабинета, Грир вернулся к работе. Голубой маршрутный автобус прибыл через несколько секунд, и Келли не пришлось дожидаться под крышей конечной остановки. Это была странная поездка. Примерно половина пассажиров была в форме, остальные - в штатском. Никто не разговаривал, словно обмен ничего не значащими фразами по поводу продолжающегося пребывания "Вашингтонских сенаторов" в нижней части турнирной таблицы Американской футбольной лиги подорвет безопасность страны. Он улыбнулся и покачал головой, но тут вспомнил о собственных секретах и намерениях. И все-таки Грир предоставил ему возможность, на которую Келли не рассчитывал. Он откинулся на спинку сиденья и повернулся к окну, тогда как остальные пассажиры напряженно смотрели прямо перед собой.

- Они очень довольны, - сказал Пиаджи.

- Я ведь все время говорил тебе об этом, приятель. Очень удобно, когда у тебя на улице продается товар, качеством лучше всякого другого.

- Но не все этим довольны. Люди вынуждены задержать продажу двухсот килограммов французского товара, потому что мы сбили цену нашим специальным подготовительным предложением.

Таккер позволил себе громко рассмеяться. "Старая гвардия" в течение многих лет требовала слишком высокую цену. Вот к чему приводит монополия система установления цен.

Со стороны их могли принять за двух бизнесменов или, может быть, адвокатов, поскольку в этом ресторане, что в двух кварталах от нового здания суда на Гарматц-стрит, было много и тех и других. Пиаджи в костюме из итальянского шелка выглядел лучше многих, и он пообещал себе познакомить Генри со своим портным. По крайней мере, подумал он, Таккер научился следить за собой. Теперь ему предстоит научиться не одеваться кричаще. Респектабельно - вот слово, лучше всего подходящее к этому. Парни, что носят кричащие костюмы, подобно сутенерам, ведут опасную игру и слишком глупы, чтобы это понимать.

- Следующая партия будет вдвое больше. Твои друзья справятся с ней?

- Запросто. Парни из Филли особенно довольны. С их основным поставщиком произошло небольшое несчастье.

- Да, я читал во вчерашней газете. Потерял бдительность. В его организации было слишком много народа.

- Генри, ты умнеешь на глазах. Только не будь слишком уж умным, ладно? Это добрый совет, - спокойно подчеркнул Пиаджи.

- Все в порядке, Тони. Я хочу сказать, что мы сами не должны допустить подобной ошибки, верно? Пиаджи кивнул и отпил пива.

- Совершенно верно, Генри. И мне очень приятно повторить: хорошо заниматься бизнесом с человеком, который умеет поставить дело. Всем очень интересно, откуда ты получаешь свой товар. Я прикрываю тебя. Позднее, однако если тебе понадобится финансирование...

Глаза Таккера, сидевшего за столом напротив Пиаджи, на мгновение вспыхнули.

- Нет, Тони. Не сейчас и никогда в будущем.

- Пока у меня нет возражений. Но ты все-таки подумай, когда будет время.

Таккер кивнул, якобы пропустив слова Пиаджи мимо ушей, но на самом деле насторожился: что задумал его партнер? Доверие - в таком деле, как это, которым они занимались, - не бывает постоянным. Он доверял Пиаджи, зная, что тот вовремя расплатится с ним. Предложил ему благоприятные условия, которые были приняты и неуклонно

соблюдались, а золотые яйца, приносимые этой курицей, были реальным страхованием его жизни. Таккер уже достиг такого уровня, что несвоевременная уплата за поставленный товар не может причинить вред его операции, и пока идут регулярные поставки героина, они будут взаимодействовать - бизнес есть бизнес, ведь именно поэтому он и искал контакта с итальянцем. Но верности и доверия между ними быть не может. Доверие прекращалось вместе с его полезностью. Генри ничего другого и не ожидал, но если его партнер когда-нибудь попытается вмешаться в канал поставок...

Пиаджи в свою очередь подумал, а уж не зашел ли он слишком далеко, оказывая давление на Таккера, понимает ли его партнер, насколько велик подлинный потенциал того, чем они занимались. Контроль за продажей наркотика на всем Восточном побережье, причем опираясь на надежную и тщательно спланированную организацию, был его заветной мечтой. Не может быть, чтобы Таккеру скоро не понадобилось дополнительное финансирование, и люди, поддерживающие контакт с Пиаджи, уже спрашивали, как они могут тут помочь. Но он заметил, что Таккер не осознал истинной сути его невинных вопросов, а более настойчивые попытки продолжить разговор только ухудшили бы ситуацию. Поэтому Пиаджи занялся ленчем, решив пока не нарушать установившегося порядка. А ведь жаль. При всем своем уме Таккер был мелким организатором и в глубине души им останется. Может быть, однако, он поймет необходимость увеличить масштабы операции. Генри никогда не примут в состав их организации, но он все-таки может играть в ней важную роль.

- Следующая пятница тебе подходит? - спросил Таккер.
- Вполне. Позаботься о безопасности. Чтобы все было хорошо.
- Можешь не сомневаться, приятель.

Это был спокойный перелет рейсом компании "Пьемонт" на Бо-инге-737 из международного аэропорта Френдшип. Келли летел туристским классом, и стюардесса принесла ему легкий ленч. Полеты над Америкой разительно отличались от его остальных воздушных путешествий. Келли удивило обилие плавательных бассейнов в населенных пунктах. Где бы они ни пролетали, даже над холмами Теннесси, солнце, что сверкало над головой, отражалось от маленьких квадратных кусочков голубой хлорированной воды, окруженной зеленой травой. Его страна казалась такой спокойной, такой удобной для людей..., пока ты не оказывался на земле. Но по крайней мере здесь не приходилось опасаться трассирующих очередей из зенитных орудий.

В отделении фирмы "Эйвис" его ждал автомобиль, а на сиденье лежала карта. Оказалось, что он мог долететь до Панама-сити во Флориде, но Новый Орлеан вполне устраивал его, решил Келли. Он уложил свой чемодан в багажник автомобиля и поехал на восток. Езда на машине мало отличалась от управления яхтой, хотя здесь, в лихорадочном потоке автомобилей, мчащихся рядом, ему приходилось проявлять больше внимания. Келли управлял машиной автоматически, позволив себе обдумывать по пути открывающиеся возможности и методы осуществления поставленных задач. Его взгляд ни на мгновение не отрывался от потока транспорта, в то время как перед мысленным взором мелькали совершенно иные картины. И тут на лице его появилась улыбка, сдержанная и собранная, сам он этого даже, не заметил, тщательно, шаг за шагом оценивая предстоящие несколько недель.

Четыре часа спустя, миновав южные районы штатов Миссисипи и Алабама, он остановил машину перед главными воротами базы ВВС в Эглине. Действительно, это было подходящее место для подготовки командос к операции "Кингпин" - жара и влажность точно соответствовали жаркому и влажному климату страны, где они в конце концов оказывались.

Келли ждал снаружи у проходной, пока не подъехала синяя машина ВВС, чтобы встретить его. Из машины вышел офицер.

- Мистер Кларк?

- Да. - Он вручил офицеру бумажник со своим удостоверением личности. Офицер вытянулся и приложил руку к козырьку фуражки, что было внове для Кларка. Очевидно, кто-то на базе испытывал немалое уважение к ЦРУ. Этот молодой офицер, по-видимому, никогда не работал с его сотрудниками. Правда, Келли на этот раз надел галстук, стараясь выглядеть пореспектабельней.

- Прошу вас, следуйте за мной, сэр. - Офицер, капитан Гриффин, проводил его в комнату на первом этаже офицерского общежития, которое походило на мотель средней руки и, что особенно приятно, находилось неподалеку от берега Мексиканского залива. Он помог Келли разобрать вещи и повел его в офицерский клуб, пропуском куда, как сказал капитан, служил ключ от комнаты в общежитии.

- Весьма благодарен вам за гостеприимство, капитан. - Келли решил, что просто обязан пригласить офицера выпить с ним пива. - Вам известна цель моего приезда?

- Я работаю в разведотделе, - ответил Гриффин.

- "Кингпин"? - Словно актер в кино, капитан оглянулся вокруг, прежде чем ответить.

- Да, сэр. Мы подготовили для вас все документы, которые могут вам понадобиться. Я слышал, вы занимались там специальными операциями.

- Совершенно верно.

- У меня есть вопрос, сэр, - сказал капитан.

- Давайте, - согласился Келли между глотками пива. Он испытывал жажду после поездки из Нового Орлеана.

- Известно, кто несет ответственность за неудачу в этой операции?

- Нет, - ответил Келли, и на него нашло внезапное озарение. - Может быть, мне что-нибудь удастся узнать здесь.

- Мы думаем, что мой старший брат был в этом лагере. Сейчас он был бы дома, если бы тот, кто...
- Твою мать! - сочувственно выругался Келли. Капитан даже покраснел.
- Если вы опознаете его, что тогда?
- Это не входит в наши обязанности, - ответил Келли, жалея о том, что сказал. - Когда можно начинать?
- Вообще-то мы планировали завтра с утра, но все документы у меня в кабинете.
- Мне понадобится комната, где меня не будут беспокоить, побольше кофе и, может быть, несколько сэндвичей.
- Думаю, мы справимся с этим, сэр.
- Тогда я хотел бы начать прямо сейчас.

Через десять минут желание Келли было исполнено. Капитан Гриффин дал ему большой желтый блокнот и множество карандашей. Келли начал с первого комплекта разведывательных аэрофотоснимков, сделанных RF-101 "Вуду" и убедился, что, как и в случае с "Сендер грин", обнаружение лагеря в Сонг-Тай было чистой случайностью - он оказался в том месте, где, по данным разведки, находилась небольшая военная база, на которой велась подготовка личного состава северовьетнамской армии. Однако внутри лагеря в тайне от охранников на земле была то ли вытоптана, то ли выложена камнями, а может быть, сушащимся бельем буква "S" - что означало SOS. Список тех, кто принимал участие в операции, был подлинным - это были люди из состава войск специального назначения, имена которых он знал понаслышке.

Своей конфигурацией лагерь, отметил Келли, ничем не отличался от лагеря в Сонг-Тай. Один документ вызвал особое удивление. Это была записка некоего генерал-лейтенанта некоему генерал-майору, в которой говорилось, что, хотя операция по спасению военнопленных из лагеря в Сонг-Тай являлась важной сама по себе, в то же время она представляла собой средство достижения определенной цели. Это, говорилось в записке, открывает самые разные возможности, в том числе уничтожение одной гидроэлектростанции... А, вот в чем дело, понял Келли. Генерал-лейтенант хотел, чтобы ему предоставили свободу действий в Северном Вьетнаме. Тогда он сможет забросить туда несколько таких групп и вести игру, подобную той, которую вели группы Организации стратегических служб в тылу немецких войск во время второй мировой войны. Меморандум заканчивался напоминанием, что политические факторы делали подобные аспекты операции "Полярный круг" - одно из первых кодовых названий того, что стало впоследствии операцией "Кингпин", - исключительно уязвимыми. Есть люди, которые сочтут это попыткой расширить театр военных действий. Келли поднял голову, допивая вторую чашку кофе. Какое отношение все это имеет к политике? - удивился он. Противник мог делать все, что ему заблагорассудится, тогда как наша сторона постоянно дрожит от страха, что ее обвинят в эскалации военных действий. Даже на своем уровне Келли замечал признаки этого. Операция "Феникс", тщательно подготовленное разрушение политической инфраструктуры противника, была строго засекречена. Черт побери, они все носили военную форму, не правда ли? Человек, одетый в военную форму и находящийся в зоне военных действий, является объектом охоты по любым правилам, верно? Противник уничтожал мэров населенных пунктов и школьных учителей в Южном Вьетнаме с небывалой свирепостью. Двойной стандарт в методах ведения войны был очевиден для всех. Эта мысль беспокоила Келли, но он постарался забыть о ней и придвинул к себе вторую пачку документов.

Формирование ударной группы и планирование операции заняло удивительно много времени. Правда, в ее состав были включены только отборные специалисты. Полковник Билл Саймонс, офицер, известный Келли своей репутацией решительного и смелого командира, он мог бы быть одним из лучших в любой армии мира. Более молодой Дик Медоуз ничем не уступал Саймонсу. Оба думали только об одном - как нанести максимальный урон противнику, причем они умели делать это маленькими группами и с максимальной скрытностью. Как они, должно быть, мечтали об этой операции, подумал Келли. Но им пришлось иметь дело с таким количеством руководителей - Келли насчитал десять разных документов, посланных высшему начальству, в которых гарантировался успех, словно меморандум может гарантировать что-то в суровом мире военных действий, а затем перестал считать. Во многих использовался схожий язык и такие одинаковые выражения, что Келли заподозрил, не один ли и тот же какой-то младший клерк готовил все эти документы. Наверно, какой-то писарь, исчерпав весь свой словарный запас при написании докладных для своего полковника, решил выразить все свое сержантское презрение тем, что всякий раз пользовался одними и теми же выражениями, полагая, что никто не обратит внимание на повторяющиеся фразы, - и действительно никто не заметил этого. Келли потратил три часа на чтение толстой папки с перепиской между Эглином и ЦРУ. Своими посланиями тыловые крысы только отвлекали от дела людей в маскировочных костюмах, чины, забывающие снимать галстуки, ложась спать, давали "полезные" советы, причем все требовали ответа от непосредственных исполнителей операции, готовящихся идти в бой с оружием в руках..., и вот "Кингпин" из относительно небольшой и решительной операции разросся в нечто, достойное эпических кинофильмов Сесилия Блаунта де Милля. И сколько раз многие документы попадали в Белый дом, где с ними знакомились сотрудники Совета национальной безопасности...

И на этом в половине третьего ночи Келли решил прекратить работу, сдавшись перед новой стопой документов. Он запер все в предоставленный в его распоряжение сейф и поспешно вернулся в свою комнату в офицерском общежитии, оставив записку с просьбой разбудить его в семь часов.

Удивительно, как мало времени требуется для сна, когда тебя ждет важная работа. Услышав в семь телефонный звонок, Келли вскочил с койки и через пятнадцать минут уже бежал вдоль берега в шортах и босиком. Здесь он оказался не один. Он не знал, сколько людей служит на базе в Эглине, но они мало отличались от него. Некоторые принадлежали, по-видимому, к подразделениям специального назначения и занимались здесь вещами, о которых он мог только гадать. Их было легко отличить по несколько более широким плечам. Утренняя пробежка составляла только часть их физической подготовки. Они оценивающе обменивались взглядами, и каждый знал, что думает другой, - насколько он силен и вынослив? - автоматическая реакция при виде человека такой же профессии, и Келли улыбнулся про себя, довольный тем, что он все еще оставался членом этого сообщества, заслуживая взгляды, полные уважения. После сытного завтрака и душа он почувствовал себя совершенно свежим, готовым приступить к своей работе в качестве клерка, и, направляясь к

зданию, где размещались офисы, с удивлением спросил себя, зачем он покинул это сообщество. Оно было, в конце концов, его единственным настоящим домом, после того как он уехал из Индианаполиса.

Шли дни. Он позволил себе двое суток с шестичасовым сном, но никогда не тратил на еду больше двадцати минут и после той первой банки пива не выпил ни капли алкоголя, хотя теперь тратил на физические упражнения по несколько часов в день, главным образом для того, говорил он себе, чтобы закрепить физическую форму. Подлинная причина, в которой он никогда себе не признавался, заключалась в том, что ему хотелось стать самым крепким и выносливым в этих утренних пробежках на берегу, а не просто одним из членов этого маленького сообщества избранных бойцов. Келли снова превратился в “тюленя”, больше того - в “лягушку-быка”, и, что еще выше, он снова становился “змеей”. На третье или четвертое утро он сумел заметить разницу. Его лицо и тело стали теперь привычной частью утренней подготовки для остальных. Анонимность только делала ситуацию более интересной, анонимность и боевые шрамы, которые заставят некоторых подумать - а в чем этот парень допустил ошибку, где проявил слабость. Затем они напомним себе, что он все еще жив, все еще занимается своей опасной работой, несмотря на эти шрамы, не подозревая, что он покидал ее - нет, бросал, поправил себя Келли, чувствуя немалую вину.

Работа с бумагами на удивление взбадривала. Никогда раньше он не пытался вот так разобраться с происходившим, и Келли с изумлением обнаружил, что у него к этому талант. Планирование операции вызвало у него восторг, который тут же улетучился, как только он увидел, насколько отрицательно повлияли на ее подготовку затянувшееся время и непрерывные повторения, подобно тому как увядает красота девушки, которую слишком долго не выпускает из дома ревнивый отец. Каждый день будущие участники операции воздвигали макет лагеря Сонг-Тай в натуральную величину и каждый день, иногда даже не раз на дню, его разбирали, опасаясь, что советские разведывательные спутники заметят эти приготовления. Как, надо думать, все это утомляло солдат! И сколько времени ушло на подготовку, пока начальство трепетало и сомневалось, обдумывая полученную разведывательную информацию, - так долго, что..., военнопленных успели перевести в другое место.

- Проклятье, - прошептал про себя Келли. Не то чтобы кто-то предал американцев, передал сведения о предстоящей операции. Просто готовились к ней так долго..., а это означало, что если действительно нашелся предатель, то он, по-видимому, узнал о предстоящей операции в числе последних. Келли сделал пометку карандашом.

Сама операция была тщательно разработана, все учтено, подготовлен основной план и несколько запасных вариантов. Каждое звено штурмовой группы было настолько хорошо проинструктировано и подготовлено, что любой из солдат мог бы выполнить порученную ему задачу во сне. Все, абсолютно все было предусмотрено. Аварийная посадка гигантского вертолета “Сикорский” прямо в лагере, чтобы штурмовая группа не тратила время на подход к цели. Использование крупнокалиберных шестиствольных пулеметов, установленных на вертолете, для уничтожения сторожевых вышек, которые рухнут, как молодые деревца под бензопилой. Никакой утонченности, никакой осторожности или медлительности, никаких глупостей, годных только для кинофильмов, - сокрушительная грубая сила против охраны лагеря. Опрос, проведенный после операции, показал, что охранники - все до единого - были уничтожены в несколько мгновений. Как, наверно, торжествовали солдаты первые пару минут, убедившись, что операция развивается лучше, чем на тренировках, и каким поразительным, горьким было их разочарование, когда они услышали сообщение по своей радиосети, повторяющееся снова и снова - “отрицательный параграф”. “Параграф” было просто кодом, означающим американских военнопленных, ни одного из которых не было в лагере. Солдаты взяли штурмом и освободили пустой лагерь. Нетрудно представить себе, какое молчание царило в вертолетах при возвращении обратно в Таиланд, как тяжело на душе было у солдат, которые сделали все лучше, чем от них требовалось, и потерпели неудачу.

И тем не менее здесь многому можно было поучиться. Келли делал заметки усталыми пальцами, стирая один карандаш за другим. Как бы то ни было, “Кингпин” оказался исключительно ценным уроком. Здесь очень многое сделано правильно, и все это можно бесстыдно скопировать. По сути дела единственное, в чем была допущена ошибка, - это в факторе времени. Так хорошо подготовленные солдаты могли приступить к операции намного раньше. Стремление к идеалу не было требованием на оперативном уровне, оно пришло сверху, от постаревших людей, утративших контакт с энтузиазмом и интеллектом молодости. И результатом стала неудачная операция - не по вине Билла Саймонса или Дика Медоуза или “зеленых берегов”, с готовностью поставивших на карту свои жизни ради спасения людей, с которыми они никогда не встречались, - а из-за других, не желающих рисковать своими карьерами и должностями, что, по их мнению, было несравненно более важно, чем кровь солдат, штурмовавших лагерь. Сонг-Тэй воплотил в себе всю историю войны во Вьетнаме, уместившейся в те несколько минут, которые потребовались, чтобы великолепно подготовленная группа потерпела неудачу. Ее предали в равной степени сама система и изменник, затаившийся внутри федеральной бюрократии.

Операция “Сендер грин” будет не такой, сказал себе Келли, хотя бы по той причине, что ее организуют как частную игру. Если реальной опасностью для операции является надзор сверху, то почему бы не избавиться от него?

- Капитан, вы очень мне помогли, - сказал Келли.

- Вам удалось найти то, что вы искали, мистер Кларк? - спросил Гриффин.

- Да, мистер Гриффин, - ответил он, бессознательно пользуясь морской терминологией в обращении к молодому офицеру. - Анализ, сделанный вами по второму лагерю, просто превосходен. Если никто вам еще не говорил этого, то скажу я: это спасло, по-видимому, жизнь не одному солдату. И вот что еще: мне бы хотелось, находясь в джунглях, работать с таким офицером разведки, как вы.

- Я не могу летать, сэр. Хочется делать что-то полезное, - произнес Гриффин, смущенный похвалой, - Вы делаете.

- Келли передал капитану свои заметки. На его глазах тот положил их в конверт, который затем опечатал красным

воском. - Доставьте этот конверт курьером по указанному адресу.

- Слушаюсь, сэр. У вас накопилось несколько выходных. Скажите, вы хоть спали за все это время? - спросил капитан Гриффин.

- Думаю, что немного расслаблюсь в Новом Орлеане, перед тем как лететь обратно.

- Для этого Новый Орлеан подходящее место, сэр. - Гриффин проводил Келли к его машине, куда уже был погружен багаж.

Еще один этап разведывательной работы оказался до смешного простым. В комнате в офицерском общежитии находился телефонный справочник Нового Орлеана, и Келли, к своему изумлению, обнаружил в нем имя человека, с которым решил встретиться, еще когда сидел в кабинете Джеймса Гира в ЦРУ.

Эта партия товара окончательно утвердит его репутацию, думал Таккер, наблюдая за тем, как Рик и Билли заканчивают погрузку. Часть этой партии окажется в Нью-Йорке. До сих пор он выглядел человеком, посягающим на чужую монополию, честолюбивым аутсайдером. Он доставил в Америку достаточно героина, чтобы к нему и его партнерам начали проявлять интерес. Правда, то обстоятельство, что у него были партнеры, само по себе пробудило интерес, помимо того что он имел доступ к партиям наркотика. Но теперь все изменится. Теперь он предпринял шаг, который сделает его полноправным членом организации. На него будут смотреть, как на серьезного бизнесмена, потому что эта партия сможет обеспечить все потребности Балтимора и Филадельфии на.., может быть, даже на месяц, решил он. Может быть, меньше, если сеть их дилеров такая хорошая, как они говорят. Остаток начнет удовлетворять растущие потребности Нью-Йорка. Большое Яблоко нуждалось в пополнении из-за ареста там крупной партии наркотиков. После длительного периода, когда ему приходилось передвигаться маленькими шажками, сейчас Таккер делает огромный шаг. Билли включил радио, чтобы выслушать спортивные новости, и вместо них поймал прогноз погоды.

- Хорошо, что мы отправляемся сейчас. Надвигается шторм. Таккер выглянул наружу. Небо было по-прежнему чистым и спокойным.

- Нам не о чем беспокоиться, - заключил он.

Он любил Новый Орлеан, город, выросший на европейских традициях, где обаяние Старого Света смешивается с американской энергичностью. Город с богатой историей, принадлежавший то французам, то испанцам, он никогда не терял традиций даже в области юридического кодекса, почти непостижимого для остальных сорока девяти штатов и часто ставившего в тупик федеральные власти. Таким же смешанным было и местное наречие - жители Нового Орлеана часто вставляли в свой разговор французские слова - или то, что они считали французскими словами. Предки Пьера Ламарка жили в Акадии - теперь ее называют в Канаде Новой Шотландией, - бывшей колонии Франции, и некоторые из его более отдаленных родственников по-прежнему проживают в дельте Миссисипи. Однако обычаи, кажущиеся эксцентричными и привлекательными для туристов, и комфортабельная жизнь, богатая традициями для всех остальных, не интересовали Ламарка, разве что являлись точкой отсчета, личной подписью, отличавшей его от других представителей его профессии. Это было нелегко, потому что сама профессия требовала определенного шика, собственного стиля. Он подчеркивал свою уникальность белым полотняным костюмом с жилетом под пиджаком, белой рубашкой с длинными рукавами и красным галстуком, что соответствовало его собственному представлению об образе уважаемого, пусть слишком заметного, местного бизнесмена. Этому же образу соответствовал его личный автомобиль - кадиллак цвета яичной скорлупы. Ламарк с презрением относился к кричащим украшениям, устанавливаемым на своих автомобилях некоторыми другими сутенерами, вроде декоративных выхлопных труб, на самом деле не имеющих функционального назначения. Один сутенер, выдающий себя за техасца, даже прикрепил на капот своего "линкольна" рога длиннорогого быка, но этот парень был всего лишь представителем бедной белой швали из южной Алабамы и к тому же не умел обращаться со своими девушками.

Именно это последнее качество Ламарк считал своим величайшим талантом. С чувством глубокого довольства собой, распахнул дверцу машины для своего последнего приобретения, пятнадцатилетней девушки, совсем недавно прирученной им. Невинная мордашка и застенчивость делали ее особенно привлекательной и волнующей кобылкой его "конюшни", состоящей сейчас из восьми девушек. Она заслужила неожиданную любезность сутенера тем, что доставила ему редкое наслаждение своими услугами в начале дня. Роскошный автомобиль мягко заурчал после первого же поворота ключа, и в половине восьмого Пьер Ламарк отправился на работу, потому что ночная жизнь в его городе начиналась рано и кончалась поздно. Сейчас в городе собрались какие-то коммерсанты на свою ежегодную конференцию. Новый Орлеан привлекал множество подобных мероприятий, и Ламарк замечал их начало и завершение по приливам и отливам своего денежного протока. Предстоящая ночь обещала быть теплой и прибыльной.

Ну конечно, это он, подумал Келли, сидя за рулем своего взятого напрокат автомобиля, припаркованного за полквартала. Кто еще будет с утра в пиджачной паре с жилетом и в компании юной девушки в узкой мини-юбке? Уж конечно, не страховой агент. Даже с такого расстояния Келли видел, что украшения на девушке дешевые, рассчитанные на определенный эффект. Он включил сцепление и последовал за кадиллаком. Следить было легко, так что он не приближался к Ламарку. Действительно, сколько белых "кэдди" может быть в городе? - подумал Келли, пересекая по мосту реку. Между ним и кадиллаком ехали три автомобиля. Келли не отрывал взгляда от цели и одновременно боковым зрением наблюдал за тем, что происходит вокруг. Один раз ему пришлось пойти на риск и проехать перекресток при

желтом сигнале светофора, но в остальном ничто не нарушало преследования. “Кэдди” остановился у входа в первоклассный отель, и Келли увидел, как девушка вышла из машины и направилась ко входу. Ее шаги были одновременно уверенными и какими-то покорными. Келли не хотел видеть ее лица вблизи, опасаясь, что это пробудит в нем воспоминания. Сегодня ночью ему было не до эмоций. Эмоции заставили его предпринять операцию, но ее осуществление должно основываться на чем-то другом. Ему придется вести постоянную борьбу с самим собой, подумал Келли, однако он обязан успешно справиться со своими чувствами. В конце концов, поэтому он и приехал сюда этой ночью.

Кадиллак миновал еще несколько кварталов и остановился у старого бара с кричащей рекламой, достаточно близко от первоклассных отелей и деловых кварталов, чтобы можно было легко дойти до них пешком, не удаляясь от комфорта и безопасности цивилизации. Постоянный поток такси убедил Келли в том, что эта сторона местной жизни основывается на твердых началах. Он запомнил, где находится бар, и нашел место для стоянки своей машины еще через три квартала.

То, что Келли решил оставить машину так далеко от цели, имело двойной смысл. Прогулка по Декатур-стрит позволит ему познакомиться с районом, почувствовать его пульс, и в то же время он посмотрит на места, где, вероятнее всего, будут развиваться события. Келли не сомневался, что ночь окажется длинной. Несколько девушек в коротких платьях механически, как меняющийся сигнал светофора, улыбнулись ему, но он продолжал идти, глядя по сторонам, в то время как внутренний голос напомнил ему, что он когда-то реагировал на подобные знаки. Келли заставил этот голос замолчать - его сменила другая, более важная мысль о том, что ему предстоит. Келли был одет достаточно небрежно, как одевается умеренно богатый человек при такой влажной жаре и нависшей тяжелой атмосфере. Темная и не обращающая на себя внимания, его одежда давала свободу телу и в то же время свидетельствовала, что у ее хозяина есть деньги, но не слишком большие, а по его походке было ясно, что с ним лучше не связываться. Короче говоря, загадочный человек, решивший провести ночь, стараясь ничем не выделяться, но вообще-то ночь бурную и необузданную.

Он вошел в бар “Дикая кошка” в семнадцать минут девятого. Его первым впечатлением был густой табачный дым и шум. В дальнем конце зала играла небольшая рок-группа, преисполненная энтузиазма. На танцевальной площадке размером семь на семь в такт музыке двигались пары возраста Келли или моложе; а вот и Пьер Ламарк, он сидит за столом с несколькими знакомыми - или так кажется, судя по их поведению. Келли прошел в туалет, во-первых, по необходимости и, во-вторых, чтобы осмотреть помещение. Сбоку был еще один вход, но не ближе к столу, за которым сидел Ламарк, чем тот, через который вошли он и Келли. Самый прямой путь к белому кадиллаку проходил мимо стойки бара, у которой сидел Келли, и поэтому он решил остаться именно здесь. Он заказал пиво и повернулся в сторону рок-группы. Стол, за которым сидел Пьер Ламарк, оказался в поле его зрения.

В десять минут десятого к Ламарку подошли две молодые женщины. Одна села ему на колени, другая наклонилась и стала покусывать его за ухо. Двое соседей по столу без особого интереса следили за тем, как женщины передали ему что-то. Келли не заметил, что именно они передали, потому что смотрел на рок-группу, стараясь не глядеть слишком часто в направлении Ламарка. И тут же сутенер сам открыл секрет: оказалось, увидел Келли без всякого удивления, что это деньги - Ламарк демонстративно добавил банкноты к толстой, свернутой в трубку пачке, которую достал из кармана. “Шиковые деньги”, понял Келли, не пожалевший времени, чтобы узнать этот термин, определяющий важную часть публичного образа сутенера. Первые две женщины удалились, и скоро к Ламарку подошла еще одна, которая оказалась составляющей непрерывного потока. Келли увидел, что и к его соседям по столу также все время подходили женщины. Все трое сутенеров пили коктейль за коктейлем, платили за них наличными, шутили с обслуживающей их официанткой, временами лапая ее и тут же щедро одаривая чаевыми в качестве компенсации.

Келли время от времени менял позу; он снял пиджак и закатал рукава, стремясь создать в глазах посетителей бара другой образ, и ограничился двумя стаканами пива, стараясь растянуть их на как можно более длительный срок. И хотя окружающее не доставляло ему удовольствия, он старался, не обращая внимания на отталкивающую атмосферу, следить за происходящим вокруг. Кто куда пошел. Кто появился и кто исчез. Кто остался. Кто засиделся на одном месте. Скоро Келли начал разбираться в развитии событий, узнавать отдельных их участников, которым присваивал вымышленные имена. Внимательнее всего он наблюдал за поведением Ламарка. Тот, не сняв пиджака, сидел спиной к стене и оживленно беседовал со своими компаньонами, но это не походило на близость друзей. Шутки, которыми они обменивались, казались натянутыми. В их манерах проглядывала излишняя экспансивность, не свойственная людям, которые собрались вместе с любой целью, кроме денег. Даже сутенеры иногда испытывают одиночество, подумал Келли, и хотя они держались своей компанией, чувствовалось, что их связывают только деловые отношения. И тут же он постарался отбросить свои философские размышления. Раз Ламарк не снимает пиджак, причина тут может быть только одна - он вооружен.

Сразу после полуночи Келли, надев пиджак, еще раз прогулялся в туалет. Закрывшись в кабине, он достал автоматический пистолет, спрятанный в кармане, и сунул его под поясной ремень. Два стакана пива за четыре часа. Должно быть, его печень уже устранила алкоголь из крови, а даже если и не устранила - два стакана пива не могут оказать какого-то воздействия на такого крупного мужчину, как он. Келли надеялся, что столь важное соображение соответствует действительности.

Он точно рассчитал время. В пятый раз намыливая руки, Келли увидел в зеркале, как открылась дверь. Он видел только затылок, но ниже темных волос был белый костюм, и потому Келли не торопился и выжидал, пока не услышал шум спускаемой воды. Этот парень следит за собственной гигиеной, подумал он. Мужчина повернулся, взгляды их встретились в зеркале.

- Прошу прощения, - произнес Пьер Ламарк. Келли сделал шаг в сторону, все еще вытирая руки бумажным полотенцем.

- Мне понравились девушки, - тихо проговорил он.

- Что? - спросил Ламарк. Он выпил не меньше шести коктейлей, и его печень плохо справлялась со своими обязанностями. Впрочем, это не помешало ему взглянуть в грязное зеркало, восхищаясь собственным отражением.

- Те, что подходили к вам. - Келли заговорил еще тише. - Они ведь, э-э, работают на вас, верно?

- Да, можно сказать, что работают, приятель. - Ламарк достал черную пластмассовую гребенку и поправил прическу. - А почему вы спрашиваете?

- Мне понадобятся несколько, - смущенно ответил Келли.

- Несколько? Вы полагаете, - что справитесь, дружище? - Ламарк лукаво ухмыльнулся.

- Со мной в город приехали приятели. У одного день рождения, вот...

- Вечеринка, - весело заметил сутенер.

- Совершенно верно. - Келли попытался выглядеть сконфуженным, но показался просто неуклюжим. Ошибка сыграла ему на руку.

- Тогда почему бы вам так и не сказать? Сколько девушек вам понадобится, сэр?

- Три, а может быть, четыре. Поговорим об этом снаружи? Мне хотелось бы подышать свежим воздухом.

- Конечно. Вот только вымою руки, идет?

- Буду ждать у входа.

Улица была тихой. Каким бы веселым городом ни был Новый Орлеан, сегодня все-таки середина недели, и тротуары, хотя и не пустые, не выглядели переполненными. Келли ждал, глядя в сторону от входа в бар, пока не почувствовал на плече дружескую руку.

- Из-за этого не стоит смущаться. Всем нам нравится немного поразвлечься, особенно когда дом далеко отсюда, не так ли?

- Я заплачу хорошие деньги, - пообещал Келли, застенчиво улыбнувшись.

Ламарк усмехнулся, как и полагается умудренному опытом человеку, стараясь, чтобы этот деревенский простофиля почувствовал себя непринужденно.

- Это уж непременно, мои девушки стоят дорого. Может быть, вам надо еще что-нибудь?

Келли кашлянул и сделал несколько шагов вперед, увлекая за собой Ламарка. Тот действительно, пошел рядом.

- Пожалуй, что-нибудь, ну, чтобы получше повеселиться, а?

- И об этом я позабочусь, - заверил его Ламарк, когда они приблизились к узкому проходу между домами.

- Мне кажется, мы уже встречались, пару лет назад. Я помню девушку, ее звали... Пэм? Да, Пэм. Стройная, рыжеватые волосы.

- О да, с ней можно было позабавиться. Ее больше нет у меня, - не задумываясь, ответил Ламарк. - Но мои нынешние девушки ничуть не хуже. Я обслуживаю и тех, кому нравятся молоденькие, только приехавшие...

- Не сомневаюсь. - Келли протянул руку за спину. - Все они принимают - я имею в виду, все они пользуются тем, что делает их...

- Счастливыми, приятель. Вот потому они и готовы повеселиться в любое время. Им полагается относиться к этому должным образом. - Ламарк остановился у прохода и посмотрел по сторонам, беспокоясь, возможно, не появятся ли полицейские. Это вполне устраивало Келли. За спиной Ламарка, куда он не удосужился посмотреть, открывался темный, едва освещенный сквозной проход между глухими кирпичными стенами, где кроме бродячих кошек никого не было. - Ну-ка прикинем. Четыре девушки на весь оставшийся вечер и, скажем, что-нибудь, чтобы подогреть вечеринку..., пятисот долларов хватит. Мои девушки стоят денег, зато вы получите...

- Обе руки - чтобы я их видел! - приказал Келли, и автоматический "кольт" замер в двенадцати дюймах от груди Ламарка. Первой реакцией сутенера было возмущение:

- Приятель, глупо с твоей стороны... Голос Келли звучал по-деловому:

- Спорить с пистолетом еще глупей, приятель. Повернись и марш вон в тот проход. Тебе, может, даже удастся вернуться в бар за стаканом виски на дорогу.

- Тебе что, очень нужны деньги, решиться на такое... - Сутенер пытался вложить в свои слова угрозу.

- Ты готов умереть за свои деньги? - рассудительно спросил Келли.

Ламарк подумал о своих шансах и повернулся, направляясь в темноту.

- Стой, - скомандовал Келли, когда они прошли ярдов пятьдесят, по-прежнему скрытые густой тенью прохода. Левой рукой он схватил сутенера за горло и прижал к кирпичной стене. Взгляд его скользнул по проходу - в одну и другую сторону. Келли прислушался к звукам, не похожим на шум транспорта, - откуда-то доносилась музыка. Пока здесь все было тихо и безопасно. - Дай мне свой пистолет - только очень медленно и осторожно.

- У меня нет... - Щелчок взведенного курка удивительно громко прозвучал в тишине над самым ухом Ламарка.

- Ты считаешь меня идиотом?

- Ну хорошо, хорошо. - Сутенер начинал терять самообладание. - Давай не будем нервничать. Это всего лишь деньги.

- Вот это разумно, - одобрительно отозвался Келли. В руке Ламарка появился маленький пистолет. Келли сунул указательный палец внутрь спусковой скобы. Незачем оставлять на оружии отпечатки. Он и так рисковал, и, несмотря на всю осторожность, проявленную им до настоящего момента, опасность стала внезапно большой и реальной. Пистолет поместился в кармане его пиджака.

- А теперь посмотрим на деньги.

- Вот они, приятель. - Самообладание совсем покинуло Ламарка. Это было и хорошо и плохо. Хорошо - потому что Келли получал удовлетворение от такого зрелища, а плохо - по той причине, что панически перепуганный человек

может сделать какую-нибудь глупость. Вместо того чтобы расслабиться, Келли почувствовал еще большее напряжение.

- Спасибо, мистер Ламарк, - вежливо произнес он, чтобы успокоить сутенера.

И тут Ламарк шевельнулся, его голова повернулась на несколько дюймов - сознание наконец пробилось сквозь туман выпитых за вечер шести коктейлей.

- Одну минуту - ты сказал, что знаком с Пэм.

- Сказал.

- Но почему... - Он повернулся еще, чтобы увидеть лицо, скрытое темнотой, только глаза мерцали отражавшимся от их влажной поверхности светом. Все остальное казалось лишь бледным овалом.

- Ты - один из тех, кто разрушил ее жизнь. Ламарк издал возглас возмущения:

- Но послушай, приятель, она пришла ко мне сама!

- И ты тут же начал давать ей таблетки, чтобы она лучше развлекала клиентов, так ведь? - казалось, что голос принадлежит призраку. Он уже не помнил, как выглядит этот мужчина.

- Это бизнес, ведь тебе самому она доставила удовольствие в постели, правда?

- Да, она была именно такой.

- Мне следовало бы лучше присматривать за ней, и тогда ты мог бы снова взять ее вместо.., ты сказал - была?

- Она умерла, - кивнул Келли, опуская руку в карман. - Кто-то убил ее.

- Ну и что? Ведь это сделал не я! - Ламарку казалось, что перед ним последнее испытание, основанное на правилах, которых он не понимал, - он не представлял его цели.

- Да, я знаю, - согласился Келли, навинчивая глушитель на ствол пистолета. Каким-то образом Ламарк увидел это - видно, глаза его уже привыкли к темноте. Голос его превратился в хриплый стон:

- Тогда зачем ты делаешь это? - Он был слишком озадачен, чтобы кричать, просто парализован происшедшим за последние несколько минут внезапным переходом его жизни из привычной атмосферы бара к ее завершению - всего в сорока футах, перед глухой кирпичной стеной - и он не мог найти ответа. Почему-то это казалось ему важнее попытки спастись. Впрочем, он понимал всю ее бесполезность.

Келли на пару секунд задумался над его вопросом. Он мог по-разному ответить на него, но сейчас будет только справедливо, подумал он, сказать ему правду. Пистолет поднялся вверх быстрым и окончательным движением.

- Для практики.

Глава 14

Полученные уроки

Утренний рейс из Нового Орлеана в Национальный аэропорт Вашингтона был слишком непродолжительным для кинофильма, а позавтракать Келли успел в городе. Он расположился у иллюминатора, взял стакан сока у стюардессы и, убедившись, что самолет заполнен только на треть, начал вспоминать каждую подробность происшедшего, как привык делать это после всех боевых действий в своей жизни. Такая привычка закрепилась у него со времени пребывания в группе командос ВМФ. После каждого занятия по боевой подготовке проводилось то, что разные командиры называли по-разному, но в данном случае ему казалось, что наиболее подходящим названием будет "критический разбор".

Его первой ошибкой было то, что, стремясь исполнить свое намерение, он упустил нечто важное. Желая расправиться с Ламарком в Темноте, он стоял слишком близко к нему, забыв, что головные раны часто выбрызгивают наружу фонтан крови. Келли отскочил в сторону, словно ребенок, спасающийся от осы во дворе своего дома, и все-таки не сумел полностью избежать нескольких капель. Хорошая новость заключалась в том, что это было его единственной ошибкой. К тому же он выбрал для осуществления операции темный костюм, и это уменьшило опасность. Раны, полученные Ламарком, привели к мгновенной и гарантированной смерти. Сутенер тряпичной куклой свалился на землю. Два шурупа, завинченных в отверстия, что Келли просверлил в верхней части ствола, удерживали маленький матерчатый мешочек, сшитый им самим, куда упали гильзы, выброшенные отсечкой-отражателем пистолета. Это лишило полицию, которая будет расследовать происшествие, ценных вещественных доказательств. Его ожидание в баре прошло вполне успешно - еще одно безымянное лицо в большом тускло освещенном зале.

Поспешно выбранное для ликвидации мерзавца место тоже оказалось достаточно хорошим. Келли вспомнил, как он потом пошел вдоль прохода и, выйдя из него на противоположной стороне, слился с толпой на тротуаре. Отыскав свою машину, он вернулся в мотель. Там он переоделся, сложил обрызганные кровью брюки, рубашку и нижнее белье (на всякий случай) в пластмассовый пакет, предоставляемый мотелем для одежды, сдаваемой в химчистку, и, перейдя улицу, бросил его в мусорный бак супермаркета. Если кто и обнаружит содержимое пакета, решил он, его вполне могут принять за одежду неряшливого человека, резавшего мясо. Прежде он не встречался с Ламарком. Единственное освещенное помещение, где они были вместе, - это мужской туалет, и там фортуна - и хороший расчет - улыбнулась ему. Тротуар, по которому они шли, был слишком темным и безлюдным. Может быть, посторонний наблюдатель, знакомый с Ламарком, и мог сообщить следователю о виденном им высоком и широкоплечем мужчине, каким был Келли, но ни о чем больше, а это свидетельствует о разумном риске, подумал он, глядя вниз на поросшие лесом холмы северной Алабамы. Внешне все это выглядело как ограбление: тысяча четыреста семьдесят долларов "шиковых" денег сутенера лежали сейчас в чемодане Келли. В конце концов, наличные это наличные, и если бы он не взял их, полиция сразу сообразила бы, что подлинным мотивом преступления является нечто иное, а не вполне понятная и, судя по всему, случайная причина. Физическая сторона события - Келли не думал о случившемся, как о преступлении, - была, по его мнению, осуществлена аккуратно, и он не смог бы сделать это лучше.

А психологическая? - спросил себя Келли. Ликвидация Пьера Ламарка была в первую очередь испытанием его нервов, чем-то вроде эксперимента, и Келли удивило собственное хладнокровие. Прошло немало времени с тех пор, как он принимал участие в боевых действиях, и потому он ожидал, что следом за операцией наступит шок. Такое не раз случалось с ним раньше, но, несмотря на то что Келли уходил от трупа Ламарка не совсем уверенным шагом, все остальное он осуществил с завидной уверенностью, характерной для его многочисленных операций во Вьетнаме. Как быстро вернулись к нему профессиональные навыки! Он мог перечислить знакомые ощущения, снова испытанные им, словно смотрел учебный фильм, поставленный им самим: возросшее чувство опасности, словно его кожу обдуло мощной струей песка, обнажившей каждый нерв, обострившей зрение, слух и обоняние. Я был таким чертовски живым в тот момент, подумал он, испытывая смутное сожаление от того, что положил конец человеческой жизни, но Ламарк уже давно потерял право на жизнь. В любом другом мире такое существо - Келли никак не мог думать о нем, как о человеке, - которое эксплуатировало беспомощных девушек, просто не заслуживало права дышать одним воздухом с остальными людьми. Возможно, где-то раньше он избрал ошибочный путь, может быть, его не любила мать или избивал отец. Не исключено, что Ламарк был лишен радостей детства, воспитан в нищете или учился в плохой школе. Но этим должны заниматься психиатры и воспитатели безнадзорных детей. Ламарк действовал достаточно хладнокровно, чтобы являться членом своего сообщества, и единственное, что интересовало Келли, - жил ли он в соответствии с собственными устремлениями и желаниями. Келли убедился, что Ламарк был именно таким, а люди, выбравшие неверную линию поведения, давно решил Келли, должны осознать возможные последствия своих действий. Каждая девушка, эксплуатируемая им, могла иметь отца или мать, брата, сестру или возлюбленного, испытывающих ярость от подобного отношения к ней. Понимая это и согласившись с известным риском, Ламарк сознательно ставил на карту свою жизнь - в большей или меньшей степени. А азартные игры означают, что иногда ты можешь и проиграть, сказал себе Келли. Если Пьер Ламарк недостаточно тщательно взвесил такую опасность, то это была его проблема, а не проблема Келли, ведь верно?

Нет, это не моя проблема, сказал он, обращаясь к земле, находящейся в тридцати семи тысячах футов ниже.

А каковы его чувства по отношению к случившемуся? Он надолго задумался над этим вопросом, откинув голову на спинку кресла и закрыв глаза, словно в дремоте. Тихий голос в его сознании, может быть голос совести, говорил ему, что он должен чувствовать что-то, и Келли старался найти в себе должные эмоции. Однако после нескольких минут тщетных поисков он так ничего и не нашел. Он не испытывал ни горя, ни раскаяния, ни чувства утраты. Ламарк ничего не значил для него и, возможно, не будет потерей и для всех остальных. Может быть, его девушки - Келли насчитал в баре пятерых - окажутся без сутенера, но не исключено, что кто-нибудь из них, воспользовавшись этим, начнет другую жизнь. Маловероятно, но возможно. Реальный взгляд на мир подсказывал Келли, что ему не под силу решить все глобальные проблемы, тогда как известный идеализм нашептывал, что его неспособность поступить так отнюдь не означает, что он не может устранить отдельные недостатки.

Но все это отвлекало его от первоначального вопроса: какие чувства он испытывает в связи с ликвидацией Ламарка? И единственный ответ, который ему удалось найти в собственном сознании, гласил: никаких. Профессиональное удовлетворение от того, что он сумел осуществить что-то трудное, не давало ощущения радости из-за самой природы операции. Прервав жизнь Пьера Ламарка, он удалил что-то отвратительное с поверхности планеты. А деньги он забрал просто потому, что таков был его тактический ход, обманный маневр и, уж конечно, не цель. Он не отомстил за смерть Пэм. Устранение Ламарка мало что изменило. Это походило на то, как наступают на неприятное насекомое, - ты давишь его и идешь дальше. Он не будет стараться переубедить себя, но совесть не станет беспокоить его, и на данный момент этого было достаточно. Этот маленький эксперимент прошел успешно. После всей моральной и физической подготовки он убедился, что сумеет справиться с поставленной задачей. Закрыв глаза, Келли сосредоточился на предстоящей операции. Убив немало людей, которые были лучше Пьера Ламарка, теперь он мог с уверенностью думать о том, как убить тех, кто хуже этого сутенера из Нового Орлеана.

Грир с удовольствием увидел, что на этот раз они приехали к нему. В общем-то ЦРУ было гостеприимней. Джеймс Грир приказал выделить им место на стоянке для высокопоставленных гостей - аналогичная стоянка у Пентагона всегда заполнена случайными машинами и ею трудно пользоваться - и подобрал комнату для совещания, гарантированную от прослушивания. Каз Подулски намеренно расположился в кресле на дальнем конце стола, поближе к вентиляционному отверстию системы кондиционирования, чтобы табачный дым не беспокоил никого в комнате.

- Голландец, ты оказался прав насчет этого молодого парня, - сказал Грир, передавая присутствующим копии рукописных заметок, которые были доставлены два дня назад.

- Жаль, что никто не догадался приставить к его виску дуло пистолета, чтобы заставить поступить в школу подготовки офицеров. Он стал бы младшим офицером вроде тех, какими были мы.

С дальнего конца стола послышался смех адмирала Подулски:

- Немудрено, что он оставил военную службу, - заметил он с беспечной горечью.

- Я бы не рискнул приставлять к его виску дуло пистолета, - усмехнулся Грир. - На прошлой неделе я всю ночь читал его заметки. Этот парень ничего не боится во время полевых операций.

- Ничего не боится? - спросил Максвелл с легким неодобрением в голосе. - Ты хочешь сказать, Джеймс, что он излишне горяч? Лучше найти компромисс, подумал Грир.

- Парень любит действовать самостоятельно, по собственной инициативе. Он служил под командованием трех офицеров, и они поддержали все его действия, кроме одного.

- “Нежный цветок”? Когда он убил майора из группы политического реагирования?

- Совершенно верно. Его лейтенант был вне себя от ярости, но если этот парень действительно стал свидетелем такого, мы можем обвинить его лишь в поспешности принятого им решения, когда он бросился вперед очертя голову.

- Я читал об этом, Джеймс. Сомневаюсь, что я сам на его месте сумел бы удержаться от того же, - заметил Каз, поднимая взгляд от записок. Летчик-истребитель всегда летчик-истребитель. - Вы только посмотрите на это! У него хороший стиль письма! - Несмотря на акцент, Подулски старательно изучил язык принявшей его страны.

- Выпускник средней школы ордена Иезуитов, - напомнил Грир. - Так вот, я изучил оценку операции “Лидер”, проделанную у нас. Анализ Келли по всем основным аспектам совпадает с нашим, исключения составляют несколько мест, где он чересчур прямолинеен.

- Кто занимался анализом операции в ЦРУ? - спросил Максвелл.

- Роберт Риттер. Он специалист по Европе, но его привлекли к этой работе. Хороший человек, не любит говорить, но знает полевую оперативную работу.

- Оперативник? - спросил Максвелл.

- Да. - Грир кивнул. - Отлично проявил себя, когда работал резидентом в Будапеште.

- А почему, - поинтересовался Подулски, - понадобилось привлекать специалиста из другого управления ЦРУ для оценки операции “Кингпин”?

- Думаю, ты сам знаешь ответ, Каз, - напомнил ему Максвелл.

- Если мы приступим к осуществлению операции “Зеленый самшит”, нам нужен будет наш специалист. Без него не обойтись. У меня не хватит сил на все. Нет возражений? - Грир окинул взглядом сидящих за столом - все неохотно кивнули, соглашаясь с ним. Подулски снова посмотрел на лежащие на столе документы, прежде чем задать вопрос, которого ждали все.

- На него можно положиться?

- Это не он предал “Кингпин”. Каз, у нас этим занимается Джим Англтон. Он предложил привлечь Риттера. Вы же понимаете, я здесь новый человек. Риттер знаком с местной бюрократической системой лучше меня. Он - оперативник, тогда как я всего лишь аналитик. И он предан своему делу. В свое время он едва не испортил себе карьеру, спасая своего парня, - у него был агент, работавший в ГРУ, и понадобилось срочно вывезти его из России. Те, кто принимает решения на самом верху, не желали делать это в то время, когда шли переговоры о контроле над вооружениями, и отказали ему в этом. Риттер вывез парня оттуда по своей инициативе. Оказалось, что у бывшего сотрудника ГРУ есть сведения, нужные Госдепу, и это спасло карьеру Риттера. - Случившееся не понравилось любителю мартини на седьмом этаже, добавил про себя Грир, но ЦРУ привыкло обходиться без него.

- Шальная голова? - спросил Максвелл.

- Он остался лояльным по отношению к своему агенту. Иногда кое-кто у нас забывает о своих обязательствах, - пожал плечами Грир.

- Проинструктируйте его, - распорядился Максвелл. - Но пусть знает, что, если мне когда-нибудь станет известно, что из-за какого-то штатского в этом здании мы потерпели неудачу и не смогли спасти оттуда своих людей, я лично поеду на базу ВМФ на реке Пакс, лично вылечу на штурмовике В-4 и лично сброшу бомбы с напалмом на его дом.

- Разрешите мне сделать это. Голландец, - улыбнулся Каз. - Я всегда сбрасывал бомбы лучше тебя. К тому же я налетал шестьсот часов на “Скутере”.

Грир не мог понять, шутят они или говорят всерьез.

- Как относительно Келли? - спросил Максвелл.

- Теперь у него в ЦРУ другая фамилия - Кларк. Если он нам понадобится, мы сможем лучше использовать его в качестве штатского советника. Он навсегда останется боцманом в душе, но, будучи штатским, ему не придется беспокоиться относительно воинского звания.

- Не возражаю, - согласился Максвелл. К тому же удобно, подумал он, иметь морского офицера, работающего в ЦРУ, пусть в штатском, но все-таки соблюдающего военную дисциплину.

- Будет исполнено, сэр. Если мы приступим к подготовке, где она будет проводиться?

- На базе корпуса морской пехоты в Куантико, - ответил Максвелл. - Генерал Янг - мой приятель еще с молодости. Летчик. Он поймет.

- Мы с Марти вместе были в школе летчиков-испытателей, - объяснил Подулски. - Судя по тому, что сообщил Келли, нам не понадобится большая штурмовая группа. Мне всегда казалось, что в операции “Кингпин” участвует слишком много солдат. Знаешь, если удастся это осуществить, нам придется добиться медали Конгресса для Келли.

- Всеу свое время, Каз, - отмахнулся Максвелл, вставая и глядя на Грира. - Ты сообщишь нам, если Англтону удастся что-нибудь выяснить?

- Можешь не сомневаться, - пообещал Грир. - Если у нас будет обнаружен предатель, мы расправимся с ним. С Англтоном мне приходилось ловить рыбу. Он может поймать форель, даже не закидывая крючка в воду.

Когда они ушли, Грир назначил встречу после обеда с Робертом 1 Риттером. Это означало, что беседу с Келли придется отложить, но сейчас Риттер был более важен, и хотя с операцией следовало спешить, спешка была не так уж велика.

Аэропорты всегда нравились Келли из-за их постоянной суеты, анонимности и многочисленных телефонов. Ожидая прибытия багажа, он позвонил Гриру.

- Грир слушает, - послышался голос в трубке.

- Говорит Кларк. - Келли улыбнулся про себя. Это так походит на Джеймса Бонда, подумал он. - Я в аэропорту, сэр. Наша встреча состоится ближе к вечеру?

- Нет, я занят. - Грир перелистнул блокнот. - Встретимся во вторник., в половине четвертого. Въезжай прямо в ворота. Назови, на какой машине ты будешь, и номерной знак.

Келли сообщил все, что от него требовалось, удивленный тем, что пока не нужен.

- Вы получили мои заметки, сэр?

- Да, и благодарен вам за отличную работу, мистер Кларк. Мы все обсудим во вторник. Заметки очень нам пригодились.

- Спасибо, сэр, - произнес Келли в телефонную трубку.

- Увидимся во вторник. - Он услышал гудки отбоя.

- И за это тоже спасибо, - сказал Келли, положив трубку. Через двадцать минут он получил свой багаж и направился с ним к машине. Примерно через час Келли был в своей квартире в Балтиморе. Наступило время ленча, и он приготовил себе пару сэндвичей, запив их кока-колой. Сегодня он не брился, и густая щетина, увидел он в зеркале, выступила на лице. Келли решил оставить ее. Он вошел в спальню, чтобы как следует поспать.

Гражданские подрядчики не совсем понимали цели своей работы, но платили им щедро. Этого было достаточно, потому что у них были семьи, которые нужно кормить, и купленные в рассрочку дома, за которые требовалось вносить деньги. Возведенные ими здания по своей простоте перещеголяли спартанские: голые бетонные строения безо всяких удобств, построенные по странным спецификациям, совсем не похожим на американские, если не считать американских строительных материалов. Казалось, их размеры и форма взяты из какого-то иностранного справочника. Все размеры были метрическими, хотя сами чертежи исполнены в футах и дюймах, как и полагается на американских строительных чертежах. Сама работа была несложной, и, когда они прибыли на строительную площадку, все было подготовлено к началу работ. Многие из строительных рабочих еще недавно были на военной службе - главным образом в армии, но среди них имелось несколько морских пехотинцев, и они смотрели, с удовольствием и стеснением, на эту широко раскинувшуюся по заросшим лесом холмам северной Виргинии базу корпуса морской пехоты. По пути к строительной площадке им попадались группы курсантов офицерской школы, совершающих утреннюю пробежку.

Столько умных молодых парней с остриженными наголо головами, подумал в это самое утро бригадир, бывший капрал 1-й дивизии морской пехоты. Сколько из них станут офицерами? Сколько их отбудет для прохождения службы туда? И сколько из них вернется домой раньше положенного срока в цинковых гробах? Он, разумеется, был не в силах предвидеть этого, равно как не в его власти было управлять происходящими событиями. Он отслужил свой срок в аду и вернулся домой без единой царапины, что - даже по истечении такого времени - казалось бывшему капралу, не раз слышавшему свист проносящихся рядом пуль, просто невероятным. Да, выжить там оказалось удивительным само по себе.

Они уже закончили с крышами. Скоро навсегда покинут строительную площадку после трех недель хорошо оплачиваемой работы. Три недели работы без выходных, по семь дней в неделю. Сколько денег за сверхурочную работу, на которую приходилось оставаться каждый день. Кому-то хотелось, чтобы строительство закончилось как можно быстрее. Да и на самой площадке было много очень странного. Стоянка для автомашин, например. Покрытая асфальтом, рассчитанная на сотню машин. Даже краской размечают места для отдельных автомобилей на асфальте. И это при зданиях без всяких удобств? Но самым странным было порученное им теперь задание (оно нравилось бригадиру) - соорудить площадку для игр со всем оборудованием. Большие детские качели. Огромный гимнастический зал на открытом воздухе. Ящик с песком, куда песку поместилось полсамосвала. Все, что необходимо для того, чтобы его двухлетний сын, когда подрастет и достигнет возраста, позволяющего ему ходить в детский сад в графстве Фэрфакс, мог играть и кувыркаться. Но все это нуждалось в сборке, и бывший морской пехотинец вместе с двумя другими рабочими разбирались в чертежах, словно отцы в собственных дворах, стараясь догадаться, какой болт куда полагается вставить. От них не требовалось думать, ведь они были рабочими и членами профсоюза строителей, выполняющими правительственный заказ. К тому же, подумал он, бессмысленно пытаться понять корпус , морской пехоты. Эта так называемая "зеленая машина" действовала в соответствии с планом, в котором до сих пор не удалось разобраться ни одному из строителей, и если начальству хотелось платить за это сверхурочные, то они согласны - это еще один месячный взнос за дом, купленный в рассрочку, а он зарабатывал здесь сумму, достаточную для такого взноса, каждые три рабочих дня. Работа вроде этой, конечно, бессмысленная, но деньги его вполне устраивают. Единственное, что ему не нравилось, - это расстояние, которое приходилось каждый день проезжать сюда от дома. Может быть, им захочется построить что-нибудь подобное в Форт-Белвуаре, надеялся он, заканчивая установку последнего гимнастического снаряда. Тогда ему понадобится не больше двадцати минут на дорогу. Впрочем, армия мыслила более рационально, чем морская пехота. Так уж ей приходилось.

- Ну, что нового? - спросил Питер Хендерсон. Они обедали совсем рядом с Капитолием, двое знакомых из Новой Англии, один выпускник Гарварда, другой - Брауна, один - младший помощник сенатора, другой - младший сотрудник персонала Белого дома.

- Ничто не меняется, Питер, - уныло ответил Уолли Хикс. - Мирные переговоры зашли в тупик. Мы продолжаем убивать их людей. Они продолжают убивать наших. Мне кажется, что мы не доживем до заключения мира. А ты как считаешь?

- Должны дожить, Уолли. - Питер протянул руку за вторым бокалом пива.

- Если его не заключат... - мрачно начал Хикс. Оба учились в Эндоверской академии, заканчивали выпускной класс в октябре 1962 года, были близкими друзьями, жили в одной комнате в общежитии, делились конспектами лекций и подружками. Их настоящая политическая зрелость, однако, пришла к ним однажды вечером во вторник, когда в комнате отдыха своего общежития они смотрели по черно-белому телевизору, как их президент обратился к стране. Они узнали, что на Кубе установлены ракеты с ядерными боеголовками, - об этом уже несколько дней намекали газеты, но они были детьми телевизионного поколения, и современная реальность приходила к ним в виде горизонтальных полос на стеклянном экране. Для обоих это явилось потрясающим, хотя и запоздалым знакомством с реальным миром, для чего их дорогая Частная школа должна была подготовить намного раньше, особенно потому что богатые семьи, к числу которых они принадлежали, еще больше изолировали их от реальности благодаря привилегиям, которые можно купить за деньги, не наделяя мудростью, необходимой для надлежащего использования этих денег.

Внезапно поразившая их мысль пришла к обоим юношам одновременно, а нервные разговоры вокруг сказали им еще больше. Оказывается, со всех сторон они окружены целями. К юго-востоку - Бостон, к юго-западу - Уэстоверская база ВВС, еще две базы с расположенными на них бомбардировщиками сил стратегического назначения - Пиз и Лоринг - в радиусе сотни миль, а совсем рядом - военно-морская база в Портсмуте с атомными подводными лодками. Если на Соединенные Штаты обрушатся ракеты, им не удастся выжить - их прикончат или ударная волна, или радиоактивные осадки. А ведь ни один из них даже не успел еще переспать с женщиной. Остальные юноши в общежитии хвастались своими успехами - некоторые из них, возможно, даже говорили правду, - но Питер и Уолли не лгали друг другу и потому знали, что не сумели достичь цели, несмотря на все старания. Тогда почему мир не принимает во внимание их нужды? Разве они не принадлежат к элите? Неужели их жизнь ничего не стоит?

Они провели бессонную ночь в этот осенний вторник. Хендерсон и Хикс сидели у себя в комнате, разговаривая шепотом и пытаясь понять мир, внезапно, без надлежащего предупреждения ставший из удобного и спокойного таким опасным. Несомненно, они должны найти способ изменить положение в мире. После выпускного вечера каждый из них пошел своим путем. Однако университеты, в которые они поступили - Браун и Гарвард, - находились недалеко друг от друга, и потому их близкие отношения и жизненные цели не менялись и продолжали развиваться. Оба избрали основной специальностью политологию, потому что именно это требовалось для участия в процессе, игравшем в мире по-настоящему важную роль. Оба получили дипломы магистров, и, самое главное, оба попали в поле зрения людей, вершивших судьбы страны, - в этом им помогли родители, равно как и в выборе профессии, освобождавшей их от военной службы. Период наибольшей уязвимости во время призыва пришелся на достаточно раннее время, и телефонный звонок соответствующему правительственному чиновнику решил все проблемы.

И вот теперь они достигли положения, когда перед ними приоткрылись двери в мир политики. Оба стали помощниками у важных людей. Их пьянящие ожидания, направленные на завоевание мест политических деятелей еще до тридцати лет, натолкнулись на глухую стену реальности, однако в действительности они оказались ближе к возможности влиять на политические решения, чем осознавали это сами. Подбирая информацию для своих боссов и решая, какие документы появятся на их столе и в каком порядке, они принимали самое активное участие в политическом процессе. К тому же оба имели доступ к широкой и разнообразной информации, часто затрагивающей секретные вопросы. В результате во многих отношениях они знали больше своих хозяев, чему, по мнению Хикса и Хендерсона, так и следовало быть, потому что нередко они понимали важные проблемы лучше тех, кому служили. Это было так очевидно. Война не могла служить методом решения политических проблем, и ее следовало избегать при любых условиях, а если она становилась неизбежной, надлежало закончить как можно быстрее. Поскольку война вела к уничтожению людей, с ней надо было вообще покончить, а после этого люди научатся решать свои разногласия мирным путем. Все это было настолько просто, что обоих изумляло, почему столько людей не могло понять элементарную Истину, ставшую ясной для них еще в средней школе.

Вообще-то между ними существовала только одна разница. Являясь членом команды Белого дома, Уолли работал внутри системы. При этом, однако, он делился всеми сведениями со своим товарищем по школе, в чем не было ничего плохого, потому что оба имели допуск к секретным документам, полученный ими от службы безопасности. К тому же Хикс нуждался в помощи умного и хорошо подготовленного человека, которого он понимал и которому верил.

Хикс не знал, что Хендерсон уже давно сделал еще один шаг, опередив его. Если он не мог изменить политику правительства изнутри, решил Хендерсон во время Дней Возмущения, последовавших вслед за вторжением в Камбоджу, надо заручиться поддержкой извне - поддержкой какой-то другой организации, способной помочь ему не допускать действий правительства, угрожающих безопасности всего мира. Было немало других людей в разных странах, которые разделяли его отвращение к войне, людей, понимавших, что нельзя заставить народ признать правительство, которого они не желают. Первый контакт произошел у него в Гарварде - это был приятель, принимавший активное участие в движении за мир. Теперь Хендерсон был связан с другим человеком. Пожалуй, ему следовало поделиться этим обстоятельством со своим другом, вот только время для этого неудачное. Уолли может не понять его.

- .., должны заключить, и заключат, - произнес Хендерсон, давая знак официантке, чтобы принесла еще пива. - Война закончится. Мы отведем домой свои войска. У Вьетнама будет правительство, которого хочет народ. Мы проиграем войну, и это станет полезным уроком для нашей страны. Это многому нас научит. Мы поймем, что наша мощь имеет пределы. Нам станет ясно, что нужно жить самим и дать жить другим. Вот тогда появится возможность установить всеобщий мир.

Келли проснулся уже после пяти. События прошлого дня утомили его больше, чем он рассчитывал. К тому же перелеты всегда вызывали у него усталость. Но теперь Келли чувствовал себя свежим и отдохнувшим. Одиннадцать часов сна за последние сутки полностью сняли усталость. К нему вернулись бодрость и готовность действовать. Глядя в зеркало, он увидел густую щетину, покрывшую его лицо за двое суток. Отлично. Затем он выбрал одежду - темную, мешковатую, неную. Келли отнес ее вниз, в прачечную, где выстирал все в горячей воде, добавив побольше хлорки, чтобы ткань выглядела еще более потертой, а краски - поблекшими. В результате и без того изрядно поношенная одежда стала совсем неприглядной. Старые белые носки и кроссовки дополнили картину, хотя они были отнюдь не такими грязными и изношенными, как это казалось на первый взгляд. Рубашка была излишне велика, а рукава - чересчур длинными, что вполне устраивало Келли. Картину завершил парик, сделанный из жестких черных волос, изготовленный в Азии. Он подержал его под горячей водой из крана, пока тот не промок, и затем причесал волосы - не слишком длинные - намеренно неряшливо. Надо придумать способ сделать еще и так, чтобы от него дурно пахло, подумал Келли.

Природа обеспечила его дополнительным прикрытием. На город накатывалась вечерняя гроза, несшая с собой сорванные с деревьев листья и дождь, под который Келли попал по пути к своему "фольксвагену". Через десять минут он остановился у соседнего магазина, торгующего спиртным, где купил бутылку дешевого желтого вина и бумажный пакет, наполовину скрывающий бутылку, открутил винтовую пробку и вылил половину содержимого бутылки в сточную канаву. Все. Пора браться за дело.

Теперь все выглядит по-другому, подумал Келли. Это больше не был район, через который он мог проехать, не видя опасности или не обращая на нее внимания. Теперь это стало местом, где он искал эту опасность. Келли проехал мимо того места, куда он завел Билли и его "плимут", повернулся, чтобы посмотреть, остались ли следы колес, - их не было. Он тряхнул головой. Это принадлежало прошлому, а его мысли были заняты будущим.

Во Вьетнаме, казалось ему, всегда существовала окраина леса, граница, через которую ты проходишь и попадаешь из открытой или обработанной сельскими жителями местности в джунгли, в его сознании там кончалась безопасность, потому что именно в джунглях таился противник. Это являлось всего лишь психологической границей, скорее воображаемой, чем реальной, но сейчас, осматриваясь по сторонам, Келли ощутил то же самое. Только на этот раз он был один, его не сопровождали товарищи в камуфляжных зелено-коричневых комбинезонах. На этот раз он проезжал через границу и попадал в джунгли в машине, усеянной пятнами ржавчины. Он нажал на педаль газа и тут же оказался в джунглях - и снова на войне.

Келли нашел свободное место, где стояли машины, такие же дряхлые, как и его "фольксваген", и вышел из него так же быстро, как он привык покидать место приземления вертолета, который могли заметить и обстрелять солдаты противника, и направился в узкий переулок, где валялись мусор и выброшенные предметы домашнего обихода. Теперь он был настороже. Его тело уже покрылось потом, и Келли чувствовал себя хорошо. Ему хотелось быть потным, чтобы от него исходил запах. Он отхлебнул глоток дешевого вина, сполоснул им рот и затем чуть наклонился вперед, давая вину стечь по подбородку и шее на одежду. Быстро присев, Келли сгреб пригоршню земли и растер ею кисти рук и лицо. По недолгом размышлении он посыпал землей волосы парика и к тому моменту, когда миновал узкий переулок длиной в городской квартал, уже ничем не отличался от других алкоголиков и уличных бродяг, которых здесь было даже больше, чем торговцев наркотиками. Он шел походкой, имитирующей их движения, медленные и какие-то неуверенные, пока его взгляд метался по сторонам в поисках хорошей временной базы. Найти такое место оказалось нетрудно. Несколько домов в этом районе было заброшено, и оставалось лишь отыскать такой, из которого открывался бы хороший вид. На это понадобилось полчаса. Он остановился на угловом доме с окнами-эркерами на втором этаже. Келли вошел в него через черный ход и едва не подпрыгнул от неожиданности, увидев двух крыс, сидящих на развалинах того, что несколько лет назад было кухней. Проклятые крысы! Он понимал, что глупо бояться крыс, но они вызывали у него непреодолимое отвращение своими маленькими черными глазками, шкурой, покрытой белыми чешуйками, и голыми хвостами.

- Проклятье! - прошептал он. Почему он не подумал об этом раньше? Каждый человек испытывает холодок, пробегающий по коже, при виде чего-нибудь вроде пауков, змей или высоты. Келли боялся крыс. Он направился к дверному проему, стараясь держаться от них подальше. Крысы просто смотрели на него, чуть отодвигаясь назад, испуганные им меньше, чем он ими. - Вашу мать! - услышали они его шепот и вернулись к еде.

За этим последовала ярость. Келли поднялся на второй этаж по лестнице, лишенной перил, и нашел угловую комнату с окнами-фонарями. Он едва сдерживал себя. Как можно было допустить, чтобы такая глупая и трусливая реакция на крыс отвлекла его внимание? Разве у него нет реального оружия для их уничтожения? Что они могут сделать против него - собрать крыс со всей округи для массивной атаки силами крысиного батальона? После этой мысли у него на лице, наконец, появилась сконфуженная улыбка. Келли присел у окна, оценивая открывающуюся перед ним панораму и свою собственную видимость снаружи. Оконные стекла были грязными и треснувшими, но у каждого окна имелся удобный подоконник, на котором можно было сидеть. В некоторых окнах стекла отсутствовали совсем, зато расположение дома на углу двух улиц позволяло ему смотреть далеко по всем четырём главным направлениям компаса, поскольку в этой части города улицы были проложены точно с запада на восток и с севера на юг. Уличное освещение внизу было недостаточно ярким, чтобы люди, находящиеся там, могли увидеть что-нибудь внутри дома. В своей темной поношенной одежде, в этом заброшенном ветхом доме Келли оставался невидимым. Он достал маленький бинокль и приступил к рекогносцировке.

Прежде всего нужно ознакомиться с окружающей обстановкой. Ливень кончился, но оставшаяся в воздухе влага образовывала вокруг уличных фонарей, светящихся шары, очертания которых смазывались привлеченными их светом насекомыми, летящими к своей гибели. Было все еще тепло, где-то около двадцати пяти градусов, хотя медленно холодало, и Келли по-прежнему немного потел. Он начал анализ собственных действий с мысли о том, что ему следовало прихватить с собой воды для питья. Ну что ж, он исправит это в будущем, а вообще-то в течение нескольких часов можно

обойтись и без воды. Впрочем, Келли догадался захватить жевательную резинку, и это упростило положение. Его интересовали звуки, доносящиеся с улицы. В джунглях он слышал жужжание насекомых, птичьи крики и хлопанье крыльев летучих мышей. Здесь до него доносились звуки проезжающих автомобилей, далекие или близкие, время от времени визг тормозов, человеческие голоса, иногда они были громкими, иногда едва различимыми, лай собак, хлопанье крышек мусорных баков - все это Келли автоматически анализировал, продолжая смотреть в бинокль и планируя предстоящие вечером действия.

Вечер пятницы, начало уик-энда, и люди занимались закупками. Сегодня, по-видимому, был вечер людей со средствами, и торговля шла оживленно. Келли опознал вероятного дилера в полутора кварталах от дома. Двадцати лет с небольшим. После некоторого наблюдения он получил хорошее представление о нем и его помощнике. Оба двигались с уверенностью людей, которые приобрели опыт и гарантированную безопасность на месте, где продавали свой товар, и Келли подумал, а не пришлось ли им воевать за то, чтобы заполучить это место или отстоять его. Пожалуй, и то и другое. У них процветающая торговля, наверно, постоянные покупатели, думал он, глядя на то, как оба подошли к импортному автомобилю, о чем-то шутиливо поговорили с водителем и пассажиром, прежде чем произошел обмен, пожали им руки и помахали вдогонку. Эти двое были примерно одного роста и телосложения - Келли присвоил им имена Арчи и Джагхед.

Боже мой, каким я был простаком, подумал он, глядя на другую улицу. Он вспомнил, как застал одного подонка, курившего марихуану перед самым выходом на задание 3-й группы командос. Это была группа Келли, и хотя курильщик только что прибыл на флот после окончания учебы в школе подготовки "тюленей", это не могло служить ему оправданием. Встав перед ним, Келли терпеливо объяснил ему - спокойно, но твердо, - что выход в поле для участия в операции в состоянии менее стопроцентной готовности может повлечь за собой смерть всех членов группы. "Да что ты, парень, я в полном порядке и знаю, что делаю", - произнес курильщик. Это не было серьезным ответом, и через тридцать секунд товарищ по группе был вынужден вмешаться, чтобы оттащить Келли от парня, мгновенно ставшего уже бывшим членом штурмовой группы. На следующий день новичка отозвали, и больше он не вернулся.

Это оказалось единственным случаем применения наркотиков во всем подразделении - насколько было известно Келли. Да, конечно, в свободное от операций время они иногда напивались пивом, а однажды Келли с двумя другими членами группы полетел на Тайвань в краткосрочный отпуск, и этот проведенный совместно отдых превратился во что-то вроде подвижного землетрясения, вызванного вдребезги пьяными моряками. Келли искренне верил, что это нечто совсем иное, не обращая внимания на очевидный двойной подход к проблеме. Однако, уходя в джунгли, они не пили пиво, потому что это диктовал им здравый смысл. Кроме того, этого требовал моральный дух подразделения. Келли знал, что ни в одной отборной воинской части проблемы наркотиков не существовало. Такая проблема - и к тому же очень серьезная - возникала в армейских частях" и подразделениях, состоящих из молодых призывников, прибывших во Вьетнам еще более неохотно, чем он сам, и офицеры в них не в состоянии были бороться с наркоманией или из-за собственной недостаточной подготовки, или из-за пристрастий, мало отличающихся от пристрастий своих подчиненных.

Какой бы ни была причина, то обстоятельство, что Келли в прошлом мало интересовался проблемой наркотиков, было одновременно логичным и абсурдным. Он выбросил все это из головы. Пусть он узнал об этой проблеме с таким опозданием - сейчас она была у него перед глазами.

На другой улице находился дилер, работавший в одиночку. У него не было помощника, да он и не хотел и не нуждался в нем. На дилере была полосатая рубашка, видно, у него были постоянные покупатели. Келли присвоил ему имя Чарли Браун. В течение пяти следующих часов он опознал и распределил по категориям еще три операции по продаже наркотиков. Затем начался процесс отбора. Арчи и Джагхед, по-видимому, вели наиболее оживленную торговлю, однако находились в поле зрения двух других дилеров. А вот Чарли Браун, казалось, имел в своем распоряжении целый квартал, зато всего в нескольких ярдах от него была автобусная остановка. Дагвуд стоял прямо напротив Уизарда, на другой стороне улицы. У обоих были помощники, и потому проблема их устранения усложнялась. Большой Боб казался даже крупнее Келли, а его помощник - еще больше. Это было вызовом ему, но Келли не стремился принимать вызовы - по крайней мере пока.

Мне нужна хорошая карта этого района, которую я мог бы запомнить наизусть, думал он. Ее следует разделить на отдельные участки. На карту нужно нанести автобусные маршруты и расположение полицейских участков. Еще надо узнать, когда происходит смена полицейских, маршруты патрульных автомашин. Я должен познакомиться с этим районом - в радиусе десяти кварталов будет достаточно. Нельзя даже дважды ставить машину в одном и том же месте, и места стоянок не должны находиться в пределах видимости одно от другого.

Вести охоту на каждом участке можно лишь один раз. Это означает, что выбирать цель следует с особой тщательностью. Не выходить на улицу до наступления темноты. Брать с собой запасное оружие..., не пистолет..., хороший нож. Веревку или проволоку. Резиновые перчатки вроде тех, что продаются для домашних хозяек. Что-нибудь вроде походной куртки, обязательно с карманами - нет, что-то с карманами внутри. Флягу. Какую-нибудь пищу, плитку шоколада для пополнения энергетических затрат. Побольше жевательной резинки..., может, он станет надувать пузыри? - подумал Келли, позволив себе на мгновение отвлечься. Посмотрел на часы - половина четвертого.

Торговля на улице шла уже медленней. Уизард с помощником покинули свое место на тротуаре и исчезли за углом. Скоро их примеру последовал Дагвуд, севший в автомобиль, тогда как помощник повел машину. Когда Келли повернулся в сторону Чарли, его уже не было. Итак, остались только Арчи и Джагхед к югу от Келли и Большой Боб - к западу. Оба дилера вели теперь торговлю значительно реже, причем покупателями оставались люди со средствами. Келли продолжал наблюдение в течение следующего часа до тех пор, пока Арчи и Джаг не покинули своего места последними..., причем они исчезли настолько быстро, что он даже не понял, как им это удалось. Это тоже нуждалось в проверке. Когда Келли встал, он почувствовал, как онемели ноги и спина. Еще один немаловажный момент. Не следует сидеть слишком долго. Его глаза, привыкшие к темноте, наблюдали за лестницей, по которой он спускался, стараясь ступать как можно

тише, но из соседнего дома не доносилось ни звука. К счастью, крысы тоже исчезли. Келли выглянул из двери, увидел, что переулок пуст, и пошел прочь от дома походкой опустившегося пьяницы. Десять минут спустя он уже видел свою машину. Приблизившись к ней на пятьдесят ярдов, Келли понял, что он, не подумав, поставил ее слишком близко к уличному фонарю. Впредь нельзя повторять такую ошибку, упрекнул он себя, медленно, походкой пьяного человека подходя к “фольксвагену”. Наконец он оказался с ним рядом. Тут Келли оглянулся, увидел, что улица пуста, быстро сел в машину, повернул ключ зажигания и отъехал от тротуара. Он не включал фары, пока не оказался в двух кварталах от стоянки, свернул налево и снова поехал по широкой пустынной улице, покидая эти совсем не воображаемые джунгли и направляясь на север, к своей квартире.

Вновь оказавшись в уюте и безопасности машины, Келли принялся обдумывать все, что он увидел за прошедшие девять часов. Все дилеры курили, зажигая сигареты зажигалками, похожими на “Зиппо”, чье яркое пламя нарушало их ночное зрение. Чем больше проходило времени, тем менее оживленно шла торговля и тем небрежнее они казались. Ничего странного, торговцы наркотиками - всего лишь люди. Они устают. Некоторые остаются на улице дольше других. Все, что увидел Келли, было важным и полезным. Их уязвимость заключалась в особенностях действий и, самое главное, в их различиях.

Да, это была полезная ночь, подумал Келли, проезжая мимо городского бейсбольного стадиона и поворачивая налево, на бульвар Лох-Рейвен. Теперь он мог позволить себе расслабиться. Он даже подумал о глотке вина из бутылки, но потом решил, что сейчас не время потворствовать дурным привычкам. Келли снял парик и вытер вспотевшую под ним голову. Господи, как хочется пить.

Эту потребность он удовлетворил через десять минут, оставив машину на отведенном для ее стоянки месте и неслышно пробравшись к себе в квартиру. Он с трудом поборол искушение принять душ - такой привлекательной была мысль снова почувствовать себя чистым после нескольких часов, проведенных среди мерзости запустения, пыли и..., крыс. Он снова вздрогнул, вспомнив о них. Проклятые крысы! Наполнив высокий стакан кубиками льда, он добавил к ним воды из крана. Он выпил несколько стаканов, одновременно свободной рукой снимая одежду. Ощущение кондиционированного воздуха было великолепным, и Келли встал перед прохладной струей, дующей из решетки в стене. Прошло столько времени, а у него не возникло желания помочиться. Нужно обязательно брать с собой воду, напомнил себе Келли. Он подошел к холодильнику, достал оттуда консервированную колбасу и сделал пару толстых сэндвичей, которые запил еще одной пинтой холодной воды.

До чего хочется встать под душ, сказал он себе. Однако позволить себе такое удовольствие Келли не мог. Нужно привыкнуть к ощущению липкого пота, покрывающего тело, больше того - заставить себя полюбить это ощущение. В конце концов от этого зависит его безопасность: грязь и запах - часть его камуфляжа. Он должен выглядеть таким грязным, а от его тела должен исходить такой запах, что люди будут отворачиваться от него, остерегаясь подходить слишком близко. Келли не мог позволить себе быть человеком, он должен превратиться в парию, в отверженного, в уличное существо, стать невидимым. Щетина на грязных щеках стала еще темнее, увидел он в зеркале, перед тем как направиться в спальню. Его последней осознанной мыслью стало решение спать на полу - чтобы не испачкать чистые простыни.

Глава 15

Примененные уроки

Ад начался ровно в одиннадцать часов утра, хотя полковник Закариас не мог знать точного времени. Тропическое солнце, казалось, всегда висело над головой, заливая землю безжалостным зноем. От него не было спасения даже в камере, лишенной окон, подобно тому как не было спасения от насекомых, которым жара, по-видимому, приходилась по вкусу. Он не мог понять, как может кто-нибудь чувствовать себя здесь нормально: все представители местной флоры и фауны словно призваны были причинять боль или не давать покоя ни на минуту. Все это было кратким и точным описанием ада, о котором он узнал в храмах своей молодости. Закариас был хорошо подготовлен к возможному плену. Он прошел обучение на курсах выживания, уклонения от ответов, сопротивления и бегства, прозванных школой ВУСБ. Это было необходимо для тех, кто зарабатывал на жизнь, летая на боевых самолетах, и такую школу намеренно сделали самой ненавистной на военной службе, потому что в процессе обучения в ней обращение с избалованными офицерами ВВС и морскими летчиками было таким, что дрогнули бы даже бывалые сержанты морской пехоты, безжалостно обращающиеся с новобранцами, - за такое обращение в других условиях следовал суд военного трибунала, а после него - длительное заключение в тюрьмах Ливенуорта или Портсмута. У Закариаса, как и у большинства остальных выпускников школы, осталось впечатление, что ни один из них никогда не согласился бы повторить занятия по своей воле. Но ведь и положение, в котором он сейчас находился, не было его добровольным выбором, разве не так? А сейчас он проходил повторный курс школы ВУСБ.

Закариас рассматривал плен как нечто маловероятное. Вообще-то полностью игнорировать такую возможность было нельзя, особенно после того, как услышишь ужасный, отчаянный вопль аварийных радиопередатчиков, увидишь раскрывающиеся купола парашютов и попытаешься организовать операцию по спасению, надеясь, что спасательный вертолет “веселый зеленый гигант” успеет захватить летчиков со сбитого самолета; устремившись со своей базы в Лаосе, а может быть, “Большой Мута” - так моряки называли свои спасательные вертолеты - примчится с моря. Закариас видел, как это удавалось, но еще чаще был свидетелем неудач. Ему довелось слышать по радио панические, не свойственные мужчинам крики летчиков, которым угрожал неминуемый плен: “Спасите нас отсюда”. Один майор призывал на помощь до тех пор, пока по радио не раздался другой голос, выплевывающий слова ненависти, непонятые никому из американцев,

но полные - уж в этом они сразу разобрались - горечи и смертельной ярости. Экипажи "веселых гигантов" и их коллеги из ВМФ делали все возможное, и несмотря на то, что Закариас был мормоном и за всю свою жизнь не касался спиртного, он в знак благодарности и преклонения перед их бесстрашием ставил экипажам этих "птичек" столько коктейлей, что можно свалить взвод морских пехотинцев, потому что именно так выражалось восхищение в сообществе военных.

Но, подобно всем членам этого сообщества, он никогда не думал о том, что его самого могут захватить в плен. Смерть - вот о вероятности ее он думал все время. Закариас был "королем ласок". Он помог изобрести эту часть летной профессии. Пользуясь своим интеллектом и выдающимся летным мастерством, Закариас создал методику и подкрепил ее на практике. Он посылал свой F-105 под огонь самой плотной противоздушной обороны, когда-либо созданной в мире, намеренно искал наиболее опасные виды оружия, выделяя их для своего персонального внимания. Он полагался на собственный опыт и, летное искусство, когда начиналась дуэль с ними, противопоставляя их умению свою тактику, свое мастерство, дразня их, бросая им вызов, не давая им покоя в самом пьянящем соперничестве, которое приходилось испытывать человеку в этой шахматной игре, разворачивающейся в трехмерном пространстве со скоростью, то меньшей, то большей скорости звука: он за штурвалом своего двухместного истребителя-бомбардировщика, а его противники - у пультов управления радиолокаторов и пусковых установок ракет "земля - воздух", созданных русскими. Подобная схватка между мангустой и коброй, это была личная вендетта, игра в которой шла каждый день не на жизнь, а на смерть, и со своей гордостью и редким мастерством Закариас считал, что он одержит верх или в крайнем случае встретит смерть в виде черно-желтого облака, знаменующего гибель, которую и должен встретить настоящий летчик: мгновенную, драматическую и бесплотную.

Он никогда не считал себя особенно смелым человеком. У него была вера. Если он встретит смерть в воздухе, то сможет посмотреть Богу в лицо, стоя перед Ним со смирением, свойственным своему незначительному положению при жизни и одновременно с гордостью за прожитую им жизнь, потому что Робин Закариас был праведным человеком, никогда не уклонявшимся с тропы добродетели. Он был хорошим товарищем, добросовестным командиром, заботящимся о нуждах своих подчиненных, достойным семьянином с крепкими, умными и гордыми детьми. Но самое главное - он занимал положение старейшины в своей церкви, в которую платил десятую часть своего жалованья офицера ВВС, как и надлежало члену Церкви Иисуса Христа Святых Наших Дней. Из-за всего этого он никогда не боялся смерти. То, что ждало его после погребения, являлось чем-то, в реальность чего он верил безо всяких колебаний. Только жизнь была капризной, а его теперешняя жизнь - тем более, и даже такая убежденная вера, как у него, имела определенные ограничения, налагаемые телесной оболочкой, внутри которой она обитала. Это обстоятельство он или не понимал до конца, или почему-то не верил в него. Его вера, говорил себе полковник, должна быть достаточной, чтобы поддержать его при любых обстоятельствах. Является достаточной. Должна быть. Нет, является, учили его в детстве учителя. Но те уроки проходили в удобных классных комнатах, за окнами которых открывался вид на горы хребта Уасач, преподавание вели учителя в чистых белых рубашках с галстуками, державшие в руках учебники, говорившие с уверенностью, опирающейся на историю их церкви и ее приверженцев.

Здесь все по-другому. Закариас услышал тихий голос, говорящий это, попытался не обращать на него внимания, изо всех сил старался не верить ему, поскольку если он поверит, то вступит в противоречие со своей верой, а это противоречие было единственным, чего не могло допустить его сознание. Джозеф Смит умер за свою веру, когда его убили в Иллинойсе. Другие поступили так же. История иудаизма и христианства изобилует такими примерами, в ней множество имен мучеников - героев для Робина Закариаса, потому что это слово использовалось в его профессиональном сообществе, - людей, принявших от рук римлян и других варваров мученическую смерть с именем Бога на устах.

Но они не страдали так долго, как ты, напомнил ему тихий голос. Для них все кончалось через несколько часов. Короткие минуты адских мучений, если смерть наступала на костре, а то день-другой после распятия на кресте. Это было совсем иным - ты видел перед собой конец, и если знал, что находится за этим концом, то мог сосредоточиться на этом. Но чтобы видеть, что ждет тебя за концом жизни, сначала нужно узнать, где находится этот конец.

Робин Закариас был один. Впрочем, здесь находились и другие. Он замечал взгляды, но не мог установить контакт с остальными. Закариас попытался выстукивать по стене, пользуясь общепринятым кодом, но никто ему не ответил. Они были или слишком далеко, или расположение камер в здании не допускало перестукивания. А может быть, у него сдал слух. Он не мог ни с кем поделиться своими мыслями, и для такого рассудительного человека, как Закариас, даже молитвы имели пределы. Он боялся молиться о спасении - не решался даже признаться себе в этой мысли, потому что она станет внутренним признанием того, что его вера как-то поколебалась, а этого он не мог допустить. Однако в глубине души он знал, что, не решаясь молиться о спасении, признавал что-то посредством ощущения, что, если он будет молиться, но спустя некоторое время спасение не наступит, его вера может поколебаться и начнет умирать, а вместе с ней начнет умирать и его душа. Для Робина Закариаса так начиналось отчаяние - не в мыслях, а в нежелании умолять своего Бога о чем-то, что может не осуществиться.

Он не мог знать остального. Плохое питание, полная изоляция, которая переносилась особенно трудно человеком его интеллекта, и грызущий страх перед болью, потому что даже вера не в состоянии устранить боль и все люди знакомы со страхом перед ней. Подобно человеку, несущему тяжкий груз, каким бы сильным этот человек ни был, его сила имела пределы, тогда как тяготение их не имело. Силу тела было легко понять, но из-за гордости и праведности, основой которых была его вера, он упустил из виду, что физическое состояние влияло на психическое с такой же неизбежностью, с какой действует на человека сила земного притяжения, только гораздо коварнее. Закариас истолковывал подавляющую его моральную усталость как слабость, имеющую причиной что-то, чему не следовало поддаваться только потому, что он считал себя виновным в ошибках, свойственных человеку. Разговор с другим старейшиной церкви мог бы все исправить, но это было невозможно, и, лишая себя возможности просто признать слабость человеческой природы, Закариас все больше и больше оказывался в ловушке, созданной им же самим, с помощью и при попустительстве людей, стремящихся

уничтожить его физически и морально.

И тут все изменилось к худшему. Дверь его камеры открылась. Два вьетнамца в форме цвета хаки уставились на него, словно он являл собой что-то отвратительное, оскверняющее их страну. Закариас знал цель их прихода. Он решил мужественно встретить предстоящее испытание. Солдаты схватили его - каждый за одну руку - и повели в комнату побольше, сопровождаемые автоматчиком. В тот момент, когда он проходил через дверь, дуло автомата ткнуло его в спину, как раз в то место, которое все еще причиняло мучительные страдания после неудачного катапультирования из самолета девять месяцев назад, и полковник задохнулся от внезапной боли. Вьетнамцы даже не выразили удовольствия от стога американского офицера. Они не задавали ему вопросов. У них не было обдуманного плана, как с ним поступить, - по крайней мере так ему показалось. Они просто начали избивать его, пять человек одновременно. Закариас знал, что сопротивление означает смерть, и хотя ему хотелось, чтобы пришел конец плену, стремиться к смерти таким образом равносильно самоубийству, и он не мог пойти на подобное.

Впрочем, все это не имело значения. За короткие секунды его лишили способности предпринять что-то, и он упал на неровный бетонный пол, чувствуя, как удары и пинки складываются, подобно цифрам на странице бухгалтерского гроссбуха, боль превращается в агонию, парализующую мышцы, он не может шевельнуться, надеется, что избиение прекратится, и знает, что ему не будет конца. Звуки ударов сопровождалась хихикающими голосами, похожими на лай шакалов, смех дьяволов из потустороннего мира, мучающих его, потому что он был праведником и попал наконец в их лапы. Это продолжалось, и продолжалось, и продолжалось... Громкий крик нарушил его оцепенение. Последний пинок, нанесенный уже вполсилы, и Закариас увидел, как отступают солдатские сапоги. Периферическим зрением он заметил, как съезжились вьетнамцы, глядя в сторону двери, откуда доносился крик. Еще один яростный вопль, и они поспешно выбежали из комнаты. Тон голоса изменился. Это был..., белый голос? Почему ему так показалось? Сильные руки подняли Закариаса, усадили его, прислонив спиной к стене, и в поле зрения американского офицера появилось лицо. Это был Гришанов.

- Боже мой! - прошептал он, и его обычно бледное лицо покраснело от гнева. Русский повернулся к двери и выкрикнул что-то еще по-вьетнамски со странным акцентом. Мгновенно у него в руке появился солдатский котелок, и он вылил воду на лицо американца. Затем он закричал снова, и Закариас услышал, как захлопнулась дверь.

- Выпей, Робин, выпей вот это. - Русский полковник поднес к его губам маленькую металлическую фляжку.

Закариас глотнул из нее так быстро, что жидкость оказалась у него в желудке прежде, чем он почувствовал резкий вкус водки. Потрясенный, он поднял руку и попытался оттолкнуть фляжку от своих губ.

- Нет, я не могу, - выдохнул американец, - .., не могу пить, не могу...

- Робин, это лекарство. Ты пьешь не ради удовольствия. Твоя религия не запрещает этого. Пожалуйста, мой друг, выпей, тебе это полезно. Это все, чем я могу тебе помочь, - добавил Гришанов голосом, дрожащим от чувства безысходности. - Ты должен выпить, Робин.

Может быть, это и вправду лекарство, подумал Закариас. Алкоголь действительно используется для приготовления некоторых лекарств, имеет ли церковь тут возражения? Он не мог припомнить и, не зная этого, сделал еще глоток. Он не понимал, что по мере того, как рассасывается адреналин, выброшенный в его кровь во время избиения, водка только усилит естественное расслабление тела.

- Не слишком много, Робин. - Гришанов убрал фляжку и принялся ухаживать за жестоко избитым американцем, выпрямляя его ноги и вытирая мокрой тряпкой покрытое кровью лицо.

- Варвары! - с яростью прошептал русский. - Проклятые вонючие дикари. Задушу этого майора Вина, сломаю ему тонкую обезьянью шею.

Русский полковник сел на пол рядом со своим американским коллегой и заговорил с подкупающей искренностью.

- Робин, мы с тобой враги, но в то же время мы люди, и даже на войне есть свои правила. Ты служишь своей стране. Я служу своей. Эти..., эти люди не понимают, что, когда отсутствует благородство, исчезает подлинная преданность службе, остается одно варварство. - Он снова поднес фляжку к губам американца. - Вот, выпей еще. У меня нет никаких других лекарств против боли. Извини, друг, но больше у меня ничего нет.

И Закариас, оцепеневший и сбитый с толку, ничего не понимающий, сделал еще глоток.

- Молодец, - похвалил его Гришанов. - Я никогда не говорил этого, но ты мужественный человек, мой друг. Подумать только, так долго сопротивляться этим желтым тварям!

- Я должен, - с трудом произнес Закариас.

- Ну конечно, должен, - кивнул Гришанов, бережно вытирая лицо американского полковника, словно это было лицо одного из детей. - Я поступил бы так же на твоём месте. - Наступило непродолжительное молчание. - Господи, как хочется снова подняться в воздух!

- Да. Полковник, мне хотелось бы тоже...

- Зови меня Коля, - прервал его Гришанов. - Мы знакомы достаточно долго.

- Коля?

- Меня зовут Николай. А Коля - ну, вроде прозвища, понимаешь?

Закариас откинул голову к стене и закрыл глаза, вспоминая ощущение полета.

- Да, Коля, мне очень хочется снова летать.

- Вижу, твои желания мало чем отличаются от моих, - сказал русский, по-братски обнимая избитые, в синяках плечи сидящего рядом американца, зная, что это первое проявление человеческой теплоты, испытанной тем почти за год. - Мой любимый самолет - МиГ-семнадцать. Сейчас он, конечно, устарел, но. Боже, как было приятно летать на нем! Кладешь руки на штурвал и..., стоит тебе только подумать, только пожелать - самолет делает все, что хочешь.

- Наш восемьдесят шестой был таким же, - ответил Закариас. - Их тоже сняли с вооружения.

- Похоже на первую любовь, правда? - усмехнулся русский. - Вроде первой девочки, которую увидел, будучи мальчишкой, той, что впервые заставила тебя думать, как думает мужчина, верно? Но первый самолет лучше для таких, как мы с тобой. Женщина теплее, конечно, зато им легче управлять. - Робин попытался засмеяться, но захлебнулся. Гришанов дал ему отпить еще глоток. - Успокойся, мой друг. Скажи мне, какой самолет был у тебя любимым?

Американец пожал плечами, чувствуя, как тепло расходится из желудка по всему телу.

- Я летал практически на всех самолетах. Впрочем, упустил F-104 и 89-й. Судя по рассказам, не стоит из-за этого расстраиваться. F-104 был хорошей игрушкой, вроде спортивного автомобиля, но ему не хватало скорости. Нет, все-таки 86-й был моим любимцем, наверно, если речь идет об управлении.

- А Тад? - спросил Гришанов, пользуясь прозвищем истребителя-бомбардировщика F-105 "Тандерчиф". Робин кашлянул.

- Чтобы развернуться на нем, требуется пространство размером с весь штат Юта. Правда, на бреющем полете у него дьявольская скорость. Мне приходилось летать на сто двадцать узлов быстрее, чем его расчетный предел.

- Говорят, он не истребитель, а скорее бомбовоз. - Гришанов старательно изучал слэнг американских летчиков.

- Ничего страшного. Зато вывезет тебя из любой передраги, глазом моргнуть не успеешь. А вот вести на нем воздушный бой не стоит, это точно. Надо постараться сбить цель с первого захода.

- Но что касается бомбардировок, - говорю тебе как летчик летчику: ваши бомбардировки этой мерзкой страны просто великолепны.

- Стараемся, Коля, делаем все, что можем, - невнятно пробормотал Закариас. Русского поразило, что алкоголь подействовал так быстро. Американец не пил спиртного ни разу в жизни - кроме двадцати минут назад. Поразительно, что человек по собственной воле живет без спиртного.

- А то, как ты совершал налеты на ракетные установки? Знаешь, я наблюдал за этим. Мы с тобой враги, Робин, - еще раз повторил Гришанов, - но в то же время летчики. Мужество и мастерство, проявленные тобой..., я никогда не видел ничего подобного. Дома ты, наверно, профессионально играешь в азартные игры, правда?

- Азартные игры? - Робин покачал головой. - Нет, я не играю.

- Но то, что ты проделал в своем Таде...

- Это не азартная игра, а точно рассчитанный риск. Ты планируешь, знаешь, на что способен, и придерживаешься этого плана. Чувствуешь, что думает противник.

Гришанов напомнил себе, что надо наполнить фляжку для беседы со следующим американцем. Ему понадобилось несколько месяцев, но наконец он нашел правильный метод. Жаль, что эти маленькие желтые дикари надостаточно умны, чтобы понять - очень часто физические мучения только укрепляют мужество мужчины. Несмотря на все свое немалое высокомерие, они смотрят на мир сквозь окно, такое же маленькое, как их рост, и такое же темное, как их культура. Создается впечатление, что они не способны чему-то научиться. Сам Гришанов стремился узнать побольше. Самое странное, что вот этот урок он узнал от фашистского офицера из Люфтваффе. Какая жалость, что вьетнамцы разрешили проводить специальные допросы американских военнопленных только ему и никому больше. Скоро он напишет об этом в Москву. Если оттуда окажут соответствующее давление, мы сможем по-настоящему использовать этот лагерь, подумал он. Удивительно, что эти варвары проявили такую сообразительность и создали этот лагерь, и притом оказались верны самим себе, не сумев воспользоваться его возможностями. Как противно жить в этой жаркой и влажной стране, где повсюду насекомые, среди высокомерных маленьких людей с высокомерными умишками и злобными повадками ядовитых змей. Однако именно здесь находился источник нужной ему информации. Какой гнусной ни была его теперешняя работа, Гришанов отыскал фразу, великолепно характеризующую ее, в одном современном романе американского писателя, которые он читал, чтобы обогатить свой и без того впечатляющий словарный запас английского языка. К тому же эта фраза была очень американской по своему характеру. То, чем он здесь занимался было всего лишь "бизнесом". Такой взгляд на мир он легко понимал. Как жаль, что сидящий рядом с ним американец вряд ли поймет это, подумал Гришанов, прислушиваясь к каждому слову путаного рассказа о жизни пилота "ласки".

Лицо в зеркале становилось незнакомым для Келли, и это было хорошо. Странно, как устойчивы привычки. Он наполнил раковину горячей водой и уже намылил было руки, когда включилось сознание и напомнило ему, что он не должен ни мыться, ни бриться. Зато Келли почистил зубы. Чувствовать на них отвратительную пленку было выше его сил, и для этой части маскировки у него имелась бутылка вина. Что за тошнотворный в ней напиток, подумал Келли. Сладкий и густой, да и цвет какой-то странный. Келли плохо разбирался в винах, но все-таки знал, что приличное столовое вино не должно иметь цвета мочи. Пора уходить из ванной. Невозможно слишком долго смотреть на себя такого.

Он подкрепил силы добротной и легкой пищей, которая даст энергию его телу, не утруждая особенно желудок. Настала очередь упражнений. Поскольку квартира Келли была на первом этаже, он мог позволить себе бег на месте, не опасаясь потревожить соседа. Это, конечно, не то, что настоящий бег, но сойдет. Потом он принялся отжиматься от пола. Наконец его левое плечо полностью восстановило свою силу, и теперь ощущение в мышцах сделалось одинаковым. Наконец Келли провел серию упражнений для рук - ими он занимался как для развития быстроты, так и для более практических целей, необходимых в его профессии.

Накануне он вышел из квартиры в дневное время суток. Ему пришлось пойти на риск и показаться на улице в своем отвратительном виде, чтобы приобрести в расположенном поблизости магазине, принадлежащем благотворительной ассоциации "Гудвил" и продающем товары для бедных, походную куртку, которую он собирался

надевать поверх остальной одежды. Она оказалась настолько большой и поношенной, что с него даже не взяли денег. Келли было ясно, что ему будет нелегко скрыть свой рост и отличное физическое состояние, но выбранная им грязная потрепанная одежда решила проблему. Заодно он воспользовался предоставившейся ему возможностью? сравнить себя с другими посетителями магазина. Результатами Келли остался доволен. Хотя он не мог сойти за худшего представителя уличных бродяг, но все же несомненно относился к худшей половине этой категории, и продавец, бесплатно отдавший ему куртку, сделал это не только из-за сочувствия его нищете, но и потому, что стремился как можно быстрее избавиться от него. Разве это не было заметным шагом вперед? Во Вьетнаме он дорого бы дал за то, чтобы сойти за простого крестьянина и получить возможность ждть в деревне, когда в ней появятся солдаты северовьетнамской армии.

Предыдущую ночь он снова провел за рекогносцировкой. Никто даже не посмотрел в его сторону, когда он шел по улице, - еще один грязный вонючий пьяница, у которого и отнимать-то нечего. Это положило конец его беспокойству, что могут распознать, что он представляет собой на самом деле. Келли провел еще пять часов у окна выбранного им покинутого дома, наблюдая за происходящим на улице. Выяснилось, что полицейские патрули проезжают в этом районе точно по расписанию, а вот шум автобусов доносился гораздо чаще, чем он предполагал первоначально.

Закончив упражнения, Келли разобрал пистолет, почистил его и смазал, хотя не пользовался им после возвращения из Нового Орлеана. Так же он поступил и с глушителем. Затем собрал и тот и другой, попутно проверив точность расположения глушителя. Он ввел и небольшое изменение. Теперь на верхней части глушителя проходила тонкая белая полоска, служившая вместо мушки при стрельбе ночью. Келли понимал, что для дистанционной стрельбы этого недостаточно, но он и не собирался ею заниматься. Покончив с пистолетом, он передернул затвор и загнал патрон внутрь ствола, осторожно спустил курок, прежде чем вставить на место заряженную обойму. Он также приобрел боевой нож морского пехотинца в магазине, торгующем излишками военного имущества, и, не сводя глаз с улицы, непрерывно водил семидюймовым лезвием ножа по точильному камню. Келли знал, что люди пугаются ножа даже больше, чем пули. Это было глупо, но полезно для него. Пистолет и нож он засунул за пояс брюк сзади. Свисающая темная рубашка и просторная, болтающаяся на его теле куртка скрывали их. В один из карманов куртки Келли положил плоскую бутылку из-под виски, которую наполнил водой из крана. В другом кармане поместились четыре "Сникерса". Вокруг поясицы он обмотал электрический провод.

В карман брюк сунул пару желтых резиновых хозяйственных перчаток.. Это был не лучший цвет для его ночных мероприятий, но найти что-нибудь другое ему не удалось. Перчатки все-таки закрывали руки, не лишая их свободы действий, и потому Келли решил взять их с собой. У него в автомобиле уже была пара хлопчатобумажных перчаток, которые он надевал, садясь за руль. После покупки "фольксвагена" он почистил его, протер все поверхности - металлические, стеклянные и пластмассовые - как снаружи, так и внутри, надеясь уничтожить все отпечатки пальцев. Келли с благодарностью вспомнил все полицейские фильмы и шоу, которые ему приходилось видеть, и благодарил судьбу за то, что в должной мере наделен манией преследования.

Что еще? - спросил он себя. У него не было никаких документов, по которым его можно было бы опознать. В бумажнике, тоже полученном в магазине "Гудвил", лежало несколько долларов. Келли подумал, а не стоит ли захватить больше, но затем решил, что это не имеет смысла. Итак, у него есть вода, пища, оружие, провод. Сегодня он не станет брать с собой бинокль. Этот прибор велик и будет только мешать. Может быть, стоит купить что-нибудь поменьше. Надо не забыть об этом. Он был готов. Келли включил телевизор и подождал прогноза погоды - облачно, возможен дождь, понижение температуры до двадцати одного - двадцати трех градусов. Он приготовил и выпил пару чашек растворимого кофе, чтобы взбодрить себя кофеином, и стал дожидаться наступления ночи. Наконец на улице стемнело.

Как ни странно, одной из самых сложных проблем стал выход из дома, где находилась его квартира. Келли посмотрел в окно, выключив свет в комнате, убедился, что возле дома никого нет, и наконец рискнул выйти. Выйдя из здания, он снова остановился, осматриваясь и прислушиваясь, затем направился прямо к "фольксвагену", отпер дверцу и сел в машину. Надел матерчатые перчатки и только после этого захлопнул дверцу и включил двигатель. Через пару минут он проехал мимо места, где стоял его "скаут", и подумал, что его автомобиль чувствует себя теперь очень одиноким. Келли включил радио, нашел единственную радиостанцию, передающую современную музыку - мягкий рок и кантри, - просто для того, чтобы по пути на юг, в город, его сопровождал знакомый звук.

Часть его сознания с изумлением отметила, что напряжение его возрастает уже по мере приближения к центру города. Однако, как только Келли оказался там, он успокоился, но приближение к району действий, подобно проникновению на вражескую территорию в вертолете "Хьюи", было временем, когда ты обдумываешь неизвестное, и он заставил себя успокоиться, сохранять бесстрастную мину на лице, чувствуя, как вспотели в перчатках его руки. Он тщательно соблюдал все правила уличного движения, следил за каждым светофором, не обращая внимания на обгоняющие автомобили. Поразительно, подумал он, как долго тянутся двадцать минут. На этот раз Келли выбрал несколько другой путь проникновения в район предстоящих боевых действий. Еще предыдущей ночью он нашел место для стоянки машины в двух кварталах от цели - в уме Келли представлял себе, что один городской квартал равняется одному километру джунглей, знак уважения к этому району. Это заставило его улыбнуться. Наконец он свернул на обочину и поставил машину позади чьего-то черного "шевроле" выпуска 1957 года. Как и раньше, Келли быстро вышел из машины и нырнул в узкий переулок, где его маскировочная одежда оказалась в соответствующем ей окружении, а темнота обеспечивала прикрытие. Уже через двадцать ярдов он превратился в еще одного пьяного бродягу, неуверенно переставляющего ноги.

- Эй, хмырь! - окликнул его чей-то молодой голос. Их было трое, все юноши лет по семнадцать-восемнадцать, они сидели на заборе, потягивая пиво. Келли прижался к дальней от них стене, чтобы оказаться как можно дальше, но это не помогло. Один из парней прыгнул с забора и направился к нему.

- Чего тебе здесь надо, бродяга? - спросил юноша с жестоким высокомерием молодости, свойственным уличным

хулиганам. - Боже, ну и несет же от тебя! Или мама не учила тебя мыться?

Келли даже не посмотрел в его сторону и съжившись продолжал идти, подволакивая ноги. Стычка не входила в его план. Опустив голову, он слегка отвернулся от парня, который шел рядом, намереваясь помучить этого старого бродягу, успевшего переложить бутылку в другую руку.

- Дай выпить, хмырь. - Парень протянул руку к бутылке. Келли не отдал ее, потому что уличные пьяницы так не поступают. Парень подставил ему ногу и толкнул в сторону забора слева, но этим все и кончилось. Он повернулся и пошел обратно к своим друзьям, громко смеясь. Бродяга встал и продолжил путь.

- И не вздумай возвращаться! - услышал Келли вслед. Он и не собирался этого делать. Еще минут десять он шел мимо таких же парней, но никто из них не задел его. Двери дома, выбранного Келли, были приоткрыты и сегодня; слава Богу, он не увидел крыс. Войдя в дом, Келли замер, прислушался и, ничего не услышав, выпрямился и позволил себе чуть расслабиться.

Снейк вызывает Чикаго, сказал он про себя, вспомнив свой старый сигнал вызова. Проникновение завершено успешно. Нахожусь на наблюдательном пункте. Келли в третий и последний раз поднялся по той же скрипящей лестнице, занял привычное место в юго-восточном углу комнаты, сел и посмотрел наружу.

Арчи и Джагхед тоже находились на своих обычных местах в квартале от него, тут же увидел Келли. Они разговаривали с водителем автомобиля. Было двенадцать минут одиннадцатого. Келли откинулся назад и позволил себе съесть шоколадный батончик, запив его водой из бутылки. При этом он не отрывал взгляда от торговцев наркотиками, стремясь убедиться в том, что они ни в чем не отступают от своего обычного поведения. В течение первого получаса наблюдений он не заметил никаких изменений. Большой Боб тоже стоял на привычном месте рядом со своим помощником, которого Келли называл теперь Маленьким Бобом. И Чарли Браун вел сегодня торговлю, так же как и Дагвуд. Первый продолжал работать в одиночку, тогда как к последнему скоро присоединился помощник, которому Келли решил на присваивать никакой клички. А вот Уизард сегодня вечером что-то не показывался. В дальнейшем оказалось, что он прибыл с опозданием чуть позже одиннадцати вечера в сопровождении помощника, которому тут же было присвоено имя Тото, потому что он носился, как маленькая собачонка - таких перевозят в корзинке на багажнике велосипеда. "И ваша маленькая собачонка тоже..." - тихо прошептал Келли и улыбнулся.

Как и ожидалось, вечер воскресенья оказался не таким оживленным, как два предыдущих, однако Арч и Джаг, похоже, трудились больше других. Возможно, это объяснялось тем, что у них было больше клиентов с деньгами. Хотя все дилеры обслуживали как местных, так и приезжих покупателей, рядом с Арчи и Джагом останавливались более крупные машины; судя по их чистоте и впечатляющему виду, они были из пригородов. Не исключено, что такое предположение не имело основания, однако для хода предстоящей операции это значения не имело. По-настоящему важным было то, что заметил Келли накануне, по пути сюда, и еще раз проверил сегодня вечером. Оставалось только ждать.

Келли устроился поудобнее, чувствуя, как расслабилось его тело после того, как он принял все решения. Он продолжал смотреть вниз на улицу с неослабевающим вниманием, прислушиваясь, наблюдая, замечая все, что происходило там. Время шло. Без двадцати час. По одной из улиц проехал полицейский автомобиль с антенной радиосвязи на крыше. Он не остановился - судя по всему, его основной целью было продемонстрировать свое присутствие. Келли знал, что он вернется, скорее всего, чуть позже двух. Городские автобусы издавали характерное для дизелей рычание, и он в который раз обратил внимание на автобус с номером сто десять, тормоза которого нуждались в ремонте. Их пронзительный визг раздражал, должно быть, жителей всех домов вдоль его маршрута, не давая им спать. После двух часов ночи транспорт почти исчез. Дилеры курили теперь заметно больше и чаще разговаривали. Большой Боб пересек улицу и сказал что-то Уизарду. Келли удивило, что их отношения казались столь дружескими. Этого он раньше не замечал. Может быть. Большому Бобу понадобилось разменять стодолларовую банкноту. Патрульный автомобиль проехал, как и полагалось по полицейскому расписанию. Келли доел свой третий "Сникерс" и аккуратно собрал обертки. Еще раз внимательно осмотрел прилегающие улицы. Да, я ничего не упустил, подумал он и огляделся вокруг. Он ничего не оставил в комнате. Если и касался чего-нибудь, то здесь вряд ли сохранятся отпечатки пальцев. Слишком много пыли и грязи, и Келли особенно внимательно следил за тем, чтобы не прикоснуться к оконным стеклам.

Пора.

Келли спустился по лестнице и вышел через заднюю дверь. Он пересек улицу и направился по переулку, идущему параллельно ей, все еще двигаясь в тени неуверенной, но теперь удивительно неслышной походкой. Тайна исчезновения Арчи и Джагхеда той первой ночью превратилась в преимущество. Они пропали из его поля зрения за пару секунд. Келли не отводил от них взгляда более продолжительное время. Они не уехали в машине, и у них не было времени, чтобы успеть дойти до угла. Келли решил эту загадку прошлой ночью. Эти очень длинные кварталы расположенных поблизости друг от друга домов были выстроены не дураками. В середине квартала находилась арка, за которой открывался проход, чтобы люди могли попасть в соседний переулок, не тратя лишнего времени. Это и было отличным путем к бегству для Арчи и Джага. Занимаясь своим делом, они не удалялись от арки больше чем на двадцать футов. В то же время они, казалось, никогда не смотрели в ее сторону. Келли убедился в этом, опершись плечом о надворную постройку, достаточно большую, чтобы вместить "форд" одной из первых моделей. Затем он наклонился, поднял пару пустых пивных банок, соединил их бечевкой и поставил на бетонном проходе, ведущем к арке. Теперь он был уверен, что никто не сможет приблизиться к нему с этой стороны, не наткнувшись на банки. Приняв эти меры предосторожности, он вошел в проход, стараясь двигаться без малейшего шума и одновременно доставая из-за пояса пистолет с глушителем. Ему нужно было пройти всего тридцать пять футов, но звуки в туннелях распространяются лучше, чем по телефону, и потому Келли внимательно смотрел под ноги, чтобы не натолкнуться на что-нибудь и не вызвать шум. Он обошел смятую газету и осколки разбитого стекла, приблизившись наконец к противоположному концу прохода.

Вблизи они выглядели по-другому, почти как обычные люди. Арчи, опершись спиной о кирпичную стенку, курил

сигарету. Джагхед тоже курил, сидя на бампере чьего-то автомобиля, и смотрел вдоль улицы; каждые десять секунд кончики их сигарет вспыхивали при затяжках, нарушая ночное зрение курящих. Келли видел их, но они не могли видеть его даже с десяти футов. Лучше и не придумаешь.

- Не двигайся, - прошептал Келли, обращаясь к одному Арчи. Дилер повернулся к нему. На его лице отразилось скорее раздражение, чем тревога, пока он не увидел пистолет с навинченным на конец ствола длинным цилиндром. Взгляд Арчи метнулся в сторону своего помощника, все еще смотревшего в противоположную сторону и напевавшего какую-то песенку в ожидании покупателя, которого больше у них не будет. Келли представился сам.

- Эй! - произнес он шепотом, но на этот раз достаточно громко, чтобы его было слышно на фоне затихающего городского шума. Джагхед повернул голову и увидел пистолет, смотрящий прямо в лоб его хозяина. Он замер на месте даже без приказа. У Арчи были пистолет, деньги и почти все наркотики. Джаг также заметил, как Келли жестом предложил ему приблизиться. Не зная, что ожидать дальше, он подошел.

- Как бизнес сегодня? - спросил Келли.

- Неплохо, - тихо ответил Арчи. - Что тебе нужно?

- А ты как думаешь? - спросил Келли с улыбкой.

- Ты - полицейский? - поинтересовался Джагхед. Какой глупый вопрос, подумали остальные двое.

- Нет, я не собираюсь никого арестовывать. - Он показал рукой:

- Оба в туннель, лицом вниз, быстро. - Келли позволил им отойти футов на десять, достаточно далеко, чтобы никто не заметил их со стороны улицы, и одновременно не так далеко, чтобы они затерялись в темноте и он не смог бы видеть их в свете уличных фонарей. Сначала Келли обыскал их в расчете найти оружие. У Арчи был ржавый револьвер 32-го калибра, который Келли положил в карман. Затем он размотал электрический провод и надежно связал руки обоих за спиной. После этого он перевернул их на спину.

- Что-то вы, парни, слишком уж послушные.

- Тебе лучше здесь больше не появляться, приятель, - сообщил ему Арчи, еще не понимая, что его даже не ограбили. Джаг кивнул и что-то пробормотал, соглашаясь с хозяином. Ответ озадачил обоих:

- Знаете, парни, мне нужна ваша помощь.

- Для чего? - спросил Арчи.

- Ищу парня по имени Билли. У него красный "плимут".

- Что? Поцелуй меня в зад, - ответил Арчи с отвращением в голосе.

- Прошу тебя ответить на мой вопрос, - благоразумно посоветовал Келли.

- Уноси отсюда свой вонючий зад, пока цел, - язвительно предложил ему Арчи.

Келли направил пистолет в сторону Джага и дважды выстрелил ему в голову. Его тело дернулось в судорогах приближающейся смерти. Брызнула кровь, на этот раз не попав на Келли. Но она обрызгала лицо Арчи, и Келли увидел, что глаза дилера широко открылись от удивления и ужаса. Такого Арчи не ожидал. Впрочем, подумал Келли, Джагхед все равно не любил разговаривать, а время, затраченное на операцию, постоянно росло.

- Я ведь попросил тебя, правда?

- Боже милосердный, парень! - прохрипел Арчи, зная, что его ждет неминуемая смерть, стоит только попробовать поднять шум.

- Мне нужен Билли. Ездит на красном "плимуте" и любит им похвастать. Он снабжает тебя наркотиками. Я хочу узнать, где его можно найти, - тихо произнес Келли.

- Если я скажу тебе об этом...

- .. получишь нового поставщика. Меня, - сказал Келли. - А если скажешь Билли, что я появлялся здесь, то повстречаешься со своим другом, - добавил он, делая жест в сторону мертвого тела, еще теплого, вяло привалившегося к боку Арчи. В конце концов, нужно дать ему какую-то надежду, может быть, сказать полуправду, подумал Келли. - Разве ты не понимаешь? Билли и его друзья связались не с теми, с кем следует, и мне поручили навести порядок. Мне жаль твоего друга, но было необходимо показать, что я не шучу.

Арчи попытался говорить спокойно, однако это ему не совсем удалось, хотя он попытался ухватиться за протянутую соломинку:

- Послушай, приятель, я не имею...

- Я всегда могу обратиться к кому-нибудь другому. - Келли многозначительно замолчал. - Ты понимаешь, что я только что сказал?

Арчи понял или подумал, что понял, и рассказал все, что знал. После этого и для него наступило время присоединиться к приятелю, лежащему рядом.

Келли быстро обшарил карманы Арчи и обнаружил солидную пачку денег и множество маленьких конвертов с наркотиками. Все это перекичало в карман его куртки. Он осторожно перешагнул через тела и направился к переулку, оглянувшись назад и убедившись, что не ступил в лужу крови. Впрочем, это не имело значения. Кроссовки Келли все равно выбросит. Он развязал бечевку, соединявшую пивные банки, и положил их на то самое место, где они лежали раньше. Затем он возобновил походку уличного пьяницы, направляясь обходным путем к своему автомобилю, точно следуя заранее обдуманному действию.

Слава Богу, подумал он, снова направляясь на север, сегодня можно будет принять душ и побриться. Но как поступить с наркотиками? На этот вопрос ответит судьба.

Автомобили начали подъезжать сразу после шести утра, что являлось вполне обычным для оживленной жизни военной базы. Их было пятнадцать, все выглядели развалюхами, среди них не было ни одного, выпущенного меньше трех лет назад. Необычным казалось лишь то, что хотя машины выглядели так, словно на них больше нельзя ездить, на самом деле они передвигались довольно исправно. Рабочие были исключительно морскими пехотинцами, которых возглавлял артиллерист-сержант морской пехоты, не имевший ни малейшего представления, для чего все это делается. Но это от него и не требовалось. Автомобили поставили на выделенном для их стоянки месте как попало, не строгими военными рядами, а так, как их поставили бы настоящие рабочие. На работу потребовалось девять минут, после чего группа морских пехотинцев уехала. В восемь утра прибыла другая группа, которая привезла с собой манекены. Они были разных размеров и одеты в старую одежду. Манекены детского размера разместили в ящике с песком и на качелях. Те, что изображали взрослых, были расставлены в разных местах и стояли, удерживаемые в таком положении привезенными вместе с ними металлическими стойками. По завершении работы уехала и эта группа морских пехотинцев. Ей предстояло возвращаться сюда дважды в день на протяжении неопределенного срока и передвигать манекены согласно инструкциям, написанным каким-то дураком-офицером, которому больше нечем было заняться.

В записках, представленных Келли, говорилось, что одной из самых утомительных и неприятных сторон операции “Кингпин”, поглощающей массу времени, была необходимость ежедневно возводить и затем убирать макет цели. Не он был первым, кто обратил на это внимание. Если советские разведывательные спутники заметят этот лагерь, они увидят несколько зданий, сооруженных с непонятными намерениями. Они также обратят внимание на игровую площадку для детей и самих детей вместе с родителями, припаркованные автомобили, причем все это будет переставляться каждый день. Подобная информация окажется более убедительной, чем очевидный факт - этот парк отдыха находится на расстоянии полумили от ближайшей асфальтированной дороги и невидим с остальных точек самой военно-морской базы.

Глава 16

Упражнения

Райан и Дуглас стояли позади, давая возможность судебно-медицинским экспертам выполнить свою работу. Трупы были обнаружены чуть позже пяти утра. Полицейский Чак Монро проезжал в патрульной машине по улице и, заметив необычную тень в проходе за аркой, направил туда свет автомобильного прожектора. Темная фигура могла вполне оказаться алкоголиком, напившимся до беспамятства и теперь отсыпавшимся под сводом арки, но яркий свет прожектора отразился от лужи красного цвета и залил стены розовым сиянием, которое полицейскому сразу показалось необычным. Монро остановил машину, заглянул в проход, а затем сообщил о своей находке в участок. Теперь полицейский стоял, опираясь о борт машины, курил сигарету и рассказывал в подробностях, как обнаружил трупы, что для него было не таким ужасным и более обычным, чем для рядовых граждан. Он даже не побеспокоился вызывать “скорую”. Эти двое, совершенно очевидно, уже не нуждались в медицинской помощи.

- Как много крови, - заметил Дуглас. Это были лишь слова, чтобы заполнить тишину, пока в темноте сверкали “блицы” фотографа. Создавалось впечатление, что в одно место вылили две больших банки красной краски.

- Время смерти? - спросил Райан у представителя коронера.

- Не так уж давно, - ответил тот, поднимая руку. - Еще не наступило трупное оцепенение. Несомненно, после полуночи, может быть, после двух часов ночи.

Причина смерти не вызвала сомнений. Пулевые отверстия во лбу каждого из убитых отвечали на этот вопрос.

- Монро, - подозвал к себе полицейского Райан. Молодой полицейский подошел к лейтенанту. - Что тебе известно об убитых?

- Оба торговали наркотиками. Тот, что постарше и лежит справа, - это Макео Доналд, уличная кличка Джу-Джу. Того, что лежит слева, я не знаю, но он работал вместе с Доналдом.

- Молодец, парень, нужен острый глаз, чтобы заметить их. Что-нибудь еще? - спросил сержант Дуглас. Монро отрицательно покачал головой.

- Нет, сэр. Совершенно ничего. В нашем округе, между прочим, ночь прошла очень спокойно. Я проезжал через этот район не меньше четырех раз за смену и не видел ничего необычного. Торговцы наркотиками, как всегда, занимались своим делом. - Подразумеваемой критики положения, которое все были вынуждены воспринимать как нормальное, не прозвучало. В конце концов, сейчас утро понедельника, и это было плохо уже само по себе для всех.

- Мы закончили, - сказал старший фотограф. Он и его партнер, стоявшие по другую сторону от трупов, отошли в сторону.

Райан уже осматривал все вокруг. В проходе было довольно светло от проникающего с обеих сторон света, и детектив еще усилил освещение с помощью большого электрического фонаря, луч которого пробегал по краям тротуара в поисках латунного отражения.

- Ты не заметил гильз, Том? - спросил он Дугласа, занимавшегося тем же.

- Нет. Как ты думаешь, их застрелили вот отсюда?

- Тела лежат так, как мы их застали, - безо всякой надобности заметил коронер и прибавил:

- Да, их определенно застрелили с этой стороны. Оба лежали, когда были произведены выстрелы.

Дуглас и Райан не спешили, в третий раз осматривая каждый дюйм прохода, - тщательность была их главным профессиональным орудием. К тому же им некуда было спешить - времени у них было сколько угодно или по крайней мере несколько часов, что означало то же самое. Место преступления было таким, что о нем можно было только мечтать.

Никакой травы, где могли бы скрыться вещественные доказательства, никакой мебели - всего лишь голый кирпичный коридор шириной меньше пяти футов. Это должно сберечь массу времени.

- Нет ничего, Эм, - заметил Дуглас, заканчивая третий обход.

- Тогда стреляли, наверно, из револьвера. - Такое заключение было разумным. Легкие гильзы 22-го калибра, выброшенные из автоматического пистолета, могли пролететь невероятно далеко и были настолько маленькими, что поиски их только сводили с ума. Редкий преступник собирал гильзы, а отыскать четыре крохотные гильзы 22-го калибра в темноте - нет, это весьма маловероятно.

- Готов поспорить, что это был какой-то грабитель с дешевым револьвером, - сказал Дуглас.

- Пожалуй. - Оба детектива подошли к трупам и впервые присели на корточки, чтобы осмотреть их вблизи.

- Что-то незаметно пороховых ожогов, - удивленно заметил сержант. - В этих домах живет кто-нибудь? - спросил Райан у Монро.

- Нет, сэр, оба заброшены, - ответил полицейский, махнув рукой на дома, образующие узкий проход. - Хотя почти все на другой стороне улицы заняты.

- Четыре выстрела, ночью, думаешь, кто-нибудь их услышал? Кирпичный туннель должен сфокусировать звуки выстрелов подобно линзам телескопа, а у револьвера 22-го калибра грохот выстрела резкий и громкий. Но как часто происходят подобные случаи и никто ничего не слышит? К тому же, судя по развитию событий в этом районе, проживающие здесь люди делятся на две категории: тех, кто не смотрят, потому что им на все наплевать, и тех, кто не смотрят, потому что боятся получить случайную пулю.

- Двое полицейских обходят сейчас все дома и стучатся в каждую дверь, лейтенант. Пока никаких результатов.

- А ведь хорошая стрельба, Эм. - Дуглас указал карандашом, который держал в руке, на пулевые отверстия во лбу неопознанной жертвы. Они были на расстоянии меньше полудюйма одно от другого, над самой переносицей. - И никаких пороховых ожогов. Убийца стоял, должно быть..., в трех или четырех футах, не больше. - Дуглас встал у ног трупов и вытянул руку. Было вполне естественно стрелять именно так: вытянув руку и целясь вниз.

- Не думаю. Может быть, мы просто не видим следов пороховых ожогов, Том. Для этого-то нам и требуются судмедэксперты. - Он имел в виду смуглую кожу жертв, да и свет здесь был не таким уж ярким. Если даже и была характерная татуировка от пороховых ожогов вокруг маленьких входных ран, ни один из детективов не видел ее. Дуглас снова опустился на корточки, чтобы взглянуть еще раз.

- Приятно слышать, что кто-то ценит нашу работу, - заметил коронер, стоящий в десяти футах и ведущий собственные записи.

- Как бы то ни было, Эм, у нашего стрелка твердая рука. - Его карандаш переместился к голове Макео Доналда. Два пулевых отверстия у него во лбу находились чуть выше, чем у другого трупа, зато еще ближе одно к другому. - Это необычно.

Райан пожал плечами и начал осматривать тела убитых. Хотя он был старшим из двух детективов, лейтенант предпочитал сам вести осмотр, а Дуглас записывал. Ни у кого из убитых не было оружия, и хотя у обоих обнаружили бумажники и документы, на основании которых установили, что имя неизвестного - Чарлз Баркер, двадцати лет, - наличных денег было намного меньше, чем обычно бывает в карманах людей, занимающихся продажей наркотиков. Да и наркотики не удалось обнаружить...

- Одну минуту, вот здесь что-то есть - три бумажных пакетика с белым порошкообразным веществом. - Райан говорил на профессиональном языке. - Карманная мелочь, доллар семьдесят пять центов; зажигалка "Зиппо" из неполированной стали, дешевая. Пачка сигарет "Пэлл-мэлл" в грудном кармане рубашки и еще один пергаментный конвертик с белым порошкообразным веществом.

- Нападение с целью забрать наркотики, - констатировал Дуглас. Такое заявление не было слишком профессиональным, зато казалось совершенно очевидным. - Монро?

- Слушаю, сэр. - Молодой полицейский так и не сумел отказаться от привычек морского пехотинца. После каждой фразы он добавляет "сэр", заметил Дуглас.

- Наши друзья Баркер и Доналд - опытные дилеры?

- Джу-Джу уже торговал наркотиками, когда я прибыл в полицейский участок, сэр. Никогда не слышал, чтобы кто-нибудь напал на него.

- На руках никаких следов борьбы, - заметил Райан, перевернув трупы на спину. - Руки связаны..., электрическим проводом, медная проволока, изоляция белого цвета, торговая марка фирмы, не могу пока разглядеть ее. Следов оказанного сопротивления не видно.

- Кто-то прикончил Джу-Джу! - воскликнул Марк Шарон, только что прибывший на место преступления. - Этот ублюдок фигурировал в моем расследовании.

- Два выходных отверстия на затылке мистера Доналда, - продолжал Райан, раздраженный этим вмешательством. - Наверно, мы найдем пули на дне этого озера, - мрачно добавил он.

- Нечего и думать о баллистике, - проворчал Дуглас. Такое было обычным явлением с пулями 22-го калибра. Начать с того, что сама пуля, сделанная из мягкого свинца, так легко деформировалась, что следы, остающиеся от внутренней нарезки ствола почти всегда невозможно опознать. Во-вторых, пуля 22-го калибра обладала огромной пробивной силой, даже большей, чем у пули 45-го калибра, и часто разбивалась о какой-нибудь предмет позади тела жертвы. В данном случае это был бетон тротуара.

- Ну-ка расскажи мне о нем, - приказал Райан.

- Крупный уличный торговец наркотиками, широкая клиентура, - объяснил Шарон. - Ездит на хорошем красном "кадиллаке". Умный и изворотливый парень, - добавил он.

- Все это в прошлом. Примерно шесть часов назад кто-то проделал пару дырок в его черепе.

- Ограбление? - спросил Шарон.

- Похоже на то, - ответил Дуглас. - Практически мы не нашли у него ни денег, ни наркотиков. Тот, кто сделал это, настоящий профессионал, по крайней мере на это указывает все, Эм. Непохоже на какого-то наркомана, которому просто повезло.

- Я вынужден признать, что это все, чем мы располагаем, Том, - заметил Райан вставая. - По-видимому, стреляли из револьвера, но подобные группы страшно любят “специальные для субботнего вечера”. Марк, тебе что-нибудь известно об опытном грабителе, работающем в этом районе?

- Только “дуэт”, - пожал плечами Шарон. - Но их оружие - обрез охотничьего ружья.

- Это убийство похоже на работу мафии. Убийца смотрит им прямо в глаза - и бах! - Дуглас задумался о том, что сказал.

Нет, пожалуй, не совсем так, правда? Убийства, организованные мафией, почти никогда не бывают такими элегантными. Преступники редко являются настоящими снайперами и почти всегда пользуются дешевым оружием. Ему с Райаном приходилось расследовать немало убийств, связанных с бандами, и характерным для них было то, что жертву обычно убивали выстрелом в затылок с очень близкого расстояния, о чем говорили все судебно-медицинские признаки, или убийство осуществлялось настолько небрежно, что у жертвы находили дюжину ран, разбросанных по всей ее анатомии. А вот эти двое были убиты кем-то, хорошо знающим свое дело, и число высококвалифицированных палачей мафии крайне ограничено. Но кто говорит, что расследование убийства является точной наукой? Настоящее преступление представляло собой сочетание рутинных действий с необычными. Судя по тому, что исчезли деньги и наркотики, - это простое ограбление, но в то же время поражает то, как оно сделано: или стреляющему удивительно повезло - причем дважды, - или он искуснейший стрелок. А убийства, числящиеся за мафией, обычно не маскируют под что-нибудь другое, вроде ограбления. Эти убийства являются большей частью открытым публичным заявлением.

- Марк, ты ничего не слышал о войне между бандами? - спросил Дуглас.

- Нет, никаких разговоров на этот счет, ничего похожего. Многие дилеры ссорятся из-за выгодных мест, но и тут все обычно.

- Все-таки поспрашивай, - предложил лейтенант Райан.

- Обязательно, Эм, можешь не сомневаться. Мои люди постараются все разнюхать.

Это преступление нам не удастся раскрыть быстро - скорее всего, не раскроем его никогда, подумал Райан. Ну что ж, только по телевидению подобные убийства раскрываются в первые полчаса - между рекламными паузами.

- Я могу теперь заняться ими?

- Да, конечно, - кивнул Райан судебно-медицинскому эксперту. Его черный фургон стоял наготове, а день становился все жарче. Мухи уже жужжали над трупами, привлеченные запахом крови. Лейтенант направился к своему автомобилю в сопровождении Тома Дугласа. Остальным займутся рядовые детективы.

- Да, кто-то умеет стрелять - даже лучше меня, - заметил Дуглас, когда машина повернула к центру города. Однажды его включили в состав команды департамента полиции для соревнований по стрельбе.

- Сейчас немало людей, владеющих этим искусством, Том. Может быть, некоторые из них на службе у организованной преступности.

- Значит, профессиональное убийство?

- Давай пока будем называть это удачным, - предложил Райан в качестве альтернативы. - Дадим возможность Марку воспользоваться своей разведывательной службой.

- Это меня радует, - фыркнул Дуглас.

Келли проснулся в половине одиннадцатого, впервые за несколько дней наслаждаясь ощущением чистоты. Вернувшись в квартиру, он сразу принял душ, едва ли не опасаясь, что смытая грязь засорит канализацию. Теперь можно побриться, и это послужит компенсацией за недостаток сна. Перед завтраком - хотя вряд ли его так можно было назвать - Келли проехал полмили к местному парку и совершил тридцатиминутную пробежку, затем вернулся домой, снова принял восхитительный душ и поел. Теперь следовало заняться делом. Вся одежда, которой он пользовался прошлой ночью, была уложена в коричневый бумажный пакет - брюки, рубашка, нижнее белье, носки и кроссовки. Ему было жаль расставаться с походной курткой, ее размер, и глубокие карманы оказались такими полезными, но потом Келли решил, что купит другую, может быть, даже несколько. Он был уверен, что капли крови на него не попали, однако из-за темного цвета одежды не мог утверждать этого. К тому же на одежде наверняка имелись остатки - пусть микроскопические - частиц пороха, а сейчас он не мог рисковать. Несъеденная пища и кофейный осадок тоже оказались в пакете, поверх одежды, и Келли отнес пакет к мусорному ящику жилого комплекса. Он даже подумал, а не стоит ли отнести пакет куда-то подальше, но потом решил, что это только вызовет лишние проблемы. Кто-нибудь может увидеть его, заинтересоваться его действиями и тем, почему он выбрасывает пакет. Избавиться от четырех гильз 22-го калибра было просто. Во время пробежки он бросил их в решетку канализационного люка. В полуденных новостях сообщили о том, что найдены два тела, но ничего больше. Может быть, в газетах появится более подробный отчет об убитых. Оставалось сделать еще одно.

- Привет, Сэм.

- Здравствуй, Джон. Ты в городе? - спросил Розен, находившийся в своем кабинете.

- Да. Ты не будешь возражать, если я приеду на несколько минут? Скажем, часа в два?

- Чем могу помочь? - поинтересовался Розен из-за письменного стола.
- Мне нужны перчатки, - сказал Келли, поднимая вверх руку. - Похожие на те, которыми пользуешься ты, из тонкой резины. Сколько они стоят?
- Розен едва не спросил, зачем Келли перчатки, но тут же решил, что ему не нужно знать об этом.
- Но ведь они продаются по сотне пар в коробке.
- Мне не требуется так много.
- Хирург открыл дверцу шкафчика и бросил Келли с десяток пар в пластмассовых пакетах.
- Ты выглядишь удивительно респектабельно.
- И действительно, на этот раз Келли был в белой рубашке и синем костюме, который он называл про себя "костюмом ЦРУ". Розен впервые увидел на нем галстук.
- Не надо шутить, доктор, - улыбнулся Келли. - Иногда мне приходится так одеваться. У меня даже появилось что-то вроде работы.
- Что за работа?
- Я стал ну, скажем, консультантом, - небрежно махнул рукой Келли. - Не могу сказать каким, но на этой работе мне приходится выглядеть прилично.
- Ты себя хорошо чувствуешь?
- Да, сэр, весьма. Совершаю утром пробежки и все такое. А как у тебя дела?
- Без изменений. Больше занимаюсь бумагами, чем хирургическими операциями, но ведь на мне целое отделение.
- Сэм положил ладонь на кипу папок на столе. Он чувствовал себя обеспокоенным этим светским разговором. Ему казалось, что его друг что-то скрывает. И хотя он понимал, что Келли чем-то занят, не зная точно чем именно, хирург находил в этом оправдание для своей совести. - Скажи, ты не мог бы оказать мне услугу?
- Конечно, доктор.
- У Сэнди сломалась машина. Я собирался отвезти ее домой, но у меня совещание, которое продлится до четырех часов. Ее смена кончается в три.
- Теперь она работает у вас только в дневную смену? - с улыбкой спросил Келли.
- Иногда, когда не ведет занятия.
- Если Сэнди не возражает, я готов помочь.
- Ему пришлось ждать всего двадцать минут, которые он провел в кафетерии больницы, где решил немного перекусить. Сэнди О'Тул застала его там сразу после конца смены в три часа.
- Теперь больничная пища нравится тебе больше? - спросила она.
- Даже тут невозможно слишком уж испортить салат. - Келли, однако, так и не смог понять интереса больницы к желе. - Мне сказали, что у тебя сломалась машина.
- Она кивнула, и Келли увидел, почему Розен перевел ее на менее напряженную работу. Сэнди выглядела очень усталой, кожа на лице казалась вялой и пожелтевшей, а под глазами были отекавшие темные круги.
- Что-то со стартером - наверно, проводка. Сейчас она в ремонтной мастерской. Келли встал.
- Экипаж мадам подан, - провозгласил он. Эта шутка вызвала улыбку, но скорее вежливости, чем веселья;
- Я никогда не видела тебя так хорошо одетым, - сказала она по пути к площадке для стоянки автомобилей.
- Не стоит обращать на это внимания. Я все еще могу валяться в грязи не хуже других. - И снова его шутка повисла в воздухе.
- Я не это имела...
- Успокойтесь, мадам. У вас был тяжелый день в больнице, а чувство юмора у вашего шофера сильно хромает. Сэнди остановилась и повернулась к нему:
- Это не твоя вина, Джон. Просто плохая неделя. К нам привезли ребенка, пострадавшего во время автомобильной катастрофы. Доктор Розен сделал все, что мог, но травмы были слишком тяжелыми, и девочка умерла во время моей смены, позавчера. Иногда я ненавижу свою работу, - закончила она.
- Понимаю тебя. - Келли открыл дверцу и придержал ее, пока Сэнди садилась в машину. - Хочешь, я скажу тебе, в чем наша беда? Трудно найти себе пару, да и время нам выпало неудачное. Оно делает все бессмысленным.
- Милый взгляд на вещи. И ты так пытаешься подбодрить меня? - Тут, как ни странно, она улыбнулась, однако не такой улыбкой, на которую надеялся Келли.
- Мы все стараемся исправить что-то по мере сил, Сэнди. Ты воюешь со своими драконами, я - со своими, - не думая, ответил Келли.
- И много драконов тебе удалось прикончить?
- Да парочку насадил на копье, - механически произнес Келли, не сразу осознав, что говорит. Его удивило, как трудно стало следить за собой. Разговор с Сэнди располагал к откровенности.
- Потому и почувствовал себя лучше, Джон?
- Мой отец был пожарным. Он умер, когда я воевал там. Во время пожара. Горел жилой дом, он вошел в пылающее здание и нашел там двух детей, потерявших сознание от дыма. Отец вынес обоих из огня, но затем у него произошел сердечный приступ, и он тут же умер. Мне говорили, что он упал на землю уже мертвым. Это что-нибудь да значит, - ответил Келли, вспоминая, что сказал ему адмирал Максвелл в санчасти авианосца "Китти Хоук": смерть должна иметь какой-то смысл, подобно смерти твоего отца.
- Ведь тебе приходилось убивать людей? - спросила Сэнди.

- На войне это обычное явление, - согласился Келли.

- Что это значит? Что это значило для тебя?

- Если ты ждешь вразумительного ответа, у меня его нет. Но те, кого я убил, больше не смогут никому причинять боль. - "Нежный цветок" уж точно относился к этой категории. Майор и его подручные больше не станут мучить деревенских старейшин и их семьи. Возможно, кто-то другой взялся за эту работу, а может быть, и нет.

Сэнди смотрела на проносящиеся мимо машины, пока Келли вел свой автомобиль на север по Бродвею.

- А те, что убили Тома, тоже думали так, как ты?

- Может быть, и думали, но тут есть разница. - Келли едва не сказал, что никогда не видел, чтобы кто-нибудь из его людей убивал не на войне, но теперь он не мог говорить этого, верно?

- Но если все верят этому, то в каком положении мы оказались? Ведь это и болезни - не одно и то же. Нам приходится бороться против того, что наносит вред всем. У нас нет политики и нет лжи. Мы не убиваем людей. Вот почему я занимаюсь своей работой, Джон.

- Сэнди, тридцать лет назад жил парень, которого звали Гитлер. Он получал удовольствие от того, что убивал людей вроде Сары и Сэма лишь потому, что у них такие имена. Его нужно было прикончить и его прикончили, но чертовски поздно. - Разве это недостаточно убедительный урок? - подумал Келли.

- У нас хватает и своих проблем, - напомнила ему Сэнди. Это было очевидно, судя по тротуарам, мимо которых они проезжали, потому что больница Джонса Хопкинса находилась отнюдь не в лучшем районе города.

- Я понимаю это не хуже тебя. Разве ты забыла? Ему показалось, что она съезжилась прямо на глазах.

- Извини меня, Джон.

- Я тоже чувствую себя виноватым. - Келли запнулся, подыскивая слова. - Да, есть разница. В мире много хороших людей. Полагаю, что большинство относится к этой категории. Но есть и плохие. Нельзя рассчитывать на то, что они исчезнут, если их не замечать, так же как нельзя рассчитывать на то, что они станут хорошими, потому что большинство плохих людей останутся такими навсегда. Поэтому кто-то должен защитить хороших людей от плохих. Этим я и занимался.

- Но что удерживает тебя от опасности превращения в одного из них?

Келли задумался над этим вопросом, сожалел, что Сэнди оказалась сейчас рядом с ним. Он не хотел слышать этого, не хотел разговора со своей совестью. На протяжении этих дней все было так ясно для него. Стоит решить, что у тебя есть враг, и дальнейшие действия заключаются всего лишь в применении своей подготовки и опыта. О таких вещах не думают. Трудно заглянуть себе в душу и убедить свою совесть, правда?

- У меня никогда не возникало такой проблемы, - произнес он наконец, избегая прямого ответа. И в это мгновение он понял, в чем заключается разница. Сэнди и такие, как она, ведут борьбу против чего-то неодоушевленного, и ведут ее смело, рискуя собственным рассудком, сопротивляясь действиям сил, с причинами которых они не могут бороться. Келли и такие, как он, воюют против людей, они способны искать и даже устранять своих врагов. У одной стороны - абсолютная чистота намерений, но отсутствует ощущение удовлетворенности от результатов своих действий. Другая сторона получает такое удовлетворение, но только подвергаясь опасности стать слишком похожими на тех, против кого они воюют. Воин и целитель, параллельные войны, сходные цели, но зато какая разница в их действиях. Болезни тела и болезни самого человечества? Разве не интересно смотреть на это таким образом?

- Может быть, ответ на вопрос звучит так: мы воюем не против кого-то, а за.

- А за что мы воюем во Вьетнаме? - Сэнди снова спросила Келли, поскольку задавала себе этот вопрос не меньше десяти раз в день с момента получения той страшной телеграммы. - Там погиб мой муж, и я все еще не понимаю почему.

Келли начал говорить и тут же замолчал. По сути дела невозможно ответить на такой вопрос. Невезение, неудачное решение командования, плохой расчет на различных уровнях боевых действий, являющийся результатом случайных событий, - и вот тогда солдаты гибнут на далеком поле боя, и даже если ты находишься там, тебе далеко не всегда это понятно. К тому же Сэнди слышала, наверно, каждое оправдание из уст человека, смерть которого она оплакивала. Возможно, это и не должно иметь никакого смысла. Не исключено, что поиски подобного смысла вообще бесполезная трата усилий. Но даже если это и правда, как можно жить, не скрывая ее от себя? Он все еще раздумывал над этим, сворачивая на улицу, где жила Сэнди О'Тул.

- Твой дом нуждается в покраске, - сказал ей Келли, довольный тем, что дом действительно нуждался в косметическом ремонте.

- Я знаю. Но маляры мне не по карману, а сделать это самой нет времени.

- Сэнди, можно дать тебе совет?

- Какой?

- Вернись к обычной жизни. Мне жаль, что Том погиб, но ведь он погиб. Я тоже терял там друзей. Перед тобой целая жизнь.

Усталость на ее лице надрывала сердце Келли. Ее глаза окинули его профессиональным взглядом, скрывающим все, о чем она думала или что чувствовала внутри, хотя уже то обстоятельство, что она заставила себя что-то скрывать от него, о чем-то говорило Келли.

Что-то изменилось в тебе. Интересно, что и почему, подумала Сэнди. Он принял какое-то решение. Джон всегда был вежливым, почти забавным в своей чрезмерной учтивости, но печаль, которую она видела, которая почти равнялась ее собственному глубокому горю, теперь исчезла, и на смену ей пришло что-то, в чем Сэнди не могла разобраться. Это было странно, потому что раньше он никогда не стремился отдалиться от нее, спрятаться внутри собственной скорлупы, и она не сомневалась в своей способности видеть Келли насквозь, несмотря на любую выбранную им маскировку. В этом она ошибалась или, может быть, просто не была знакома с правилами игры. Сэнди смотрела ему вслед, видела, как он

вышел из машины, обогнул ее и открыл дверцу с той стороны, где сидела она.

- Мадам? - Он сделал жест в сторону дома.

- Почему ты такой любезный? Или доктор Розен..?

- Честное слово, Сэнди, он просто сказал, что тебя нужно подвезти? К тому же ты выглядишь ужасно усталой. -

Келли пошел рядом с ней к дому.

- Не понимаю, почему мне так нравится говорить с тобой, - заметила она, подходя к ступенькам крыльца.

- Я что-то не заметил этого. Тебе это действительно нравится?

- Да, пожалуй, - ответила Сэнди, почти улыбнувшись, но уже через секунду улыбка ее погасла. - Джон, для меня это слишком скоро.

- И для меня тоже, Сэнди. Но разве слишком скоро быть друзьями?

Она задумалась.

- Нет, для этого не слишком скоро.

- Поужинаем когда-нибудь? Помнишь, я уже спрашивал?

- Ты часто бываешь в городе?

- Теперь чаще. У меня появилась работа - ну, мне нужно кое-что сделать в Вашингтоне.

- Что именно?

- Так, ничего особенного. - И хотя Сэнди почувствовала запах лжи, она, по-видимому, не имела своей целью причинить ей боль.

- Может быть, на следующей неделе?

- Я позвоню тебе. Я не знаком со здешними хорошими ресторанами.

- Я знакома.

- Отдохни как следует, - посоветовал ей Келли. Он не попытался поцеловать ее на прощанье или даже взять за руку. Всего лишь дружеская заботливая улыбка, прежде чем направиться к машине. Сэнди наблюдала, как Келли уехал, пытаясь угадать, что в нем такого, что отличает его от других. Она знала, что никогда не забудет выражение его лица там, в больнице, но каким бы ни был его взгляд, Сэнди знала, что ей нечего бояться.

Келли тихо ругался про себя, уезжая от ее дома. Теперь у него на руках снова были матерчатые перчатки и он протирал ими все внутри машины, до чего мог дотянуться. Нельзя было рисковать, принимая участие в подобных разговорах. О чем шла речь? Как, черт побери, он мог знать это? В поле все было гораздо проще. Ты опознал врага или, что того чаще, кто-то сказал тебе, что происходит, кто враг и где он находится, - подобная информация часто оказывалась неверной, но она по крайней мере определяла тебе позицию, с которой нужно начинать действовать. Однако в инструкциях по проведению операции никогда, вообще-то, не говорилось, каким образом она может изменить мир или закончить войну. Об этом ты прочтешь в газетах - информация, повторяемая репортерами, которым на все наплевать, полученная от офицеров, которые мало что знают, или от политиков, не потрудившихся выяснить это даже для себя. "Инфраструктура" и "кадры" были там любимыми словами, но он преследовал людей, а не инфраструктуру, что бы это слово ни значило, черт побери. Инфраструктура это что-то неодушевленное, против чего ведет борьбу Сэнди. Это не человек, совершивший гнусные поступки, за которым теперь охотятся, как за крупным опасным хищником. И каким образом все это применимо к тому, чем он занимается сейчас? Келли напомнил себе, что ему нужно взять под строгий контроль свои мысли, помнить, что он охотится за людьми точно так же, как он делал это раньше. Он не собирался изменять весь мир, просто хотел сделать чистым его маленький уголок.

- У тебя еще не прошла боль, мой друг? - спросил Гришанов.

- По-моему, у меня сломаны ребра.

Закариас опустил на стул, явно испытывая острую боль и тяжело дыша. Это начинало беспокоить русского. Такая травма могла привести к воспалению легких, а воспаление легких могло убить человека в таком ослабленном физическом состоянии. Охранники проявили излишнее рвение, избивая американского офицера, и хотя, это было сделано по просьбе Гришанова, он рассчитывал всего лишь на то, что они причинят боль американцу, не больше. Мертвый военнопленный не сможет сообщить русскому полковнику то, что он стремился узнать.

- Я говорил с майором Вином. Эти маленькие дикари заявляют, что у них нет лишних лекарств. - Гришанов пожал плечами. - Это может вполне оказаться правдой. Тебе действительно очень больно?

- Да, каждый раз, когда я делаю вдох, - ответил Закариас, и было ясно, что он говорит правду. Его лицо казалось даже бледней обычного.

- Извини, Робин, но у меня только одно средство от боли, - смущенно произнес Гришанов, протягивая флажку.

Американец покачал головой, и даже это, по-видимому, причиняло ему боль.

- Нет, я не могу.

Гришанов заговорил с разочарованием человека, пытающегося убедить друга:

- Тогда ты поступаешь глупо, Робин. Боль никому не приносит пользы - ни тебе, ни мне, ни твоему Богу.

Пожалуйста, разреши помочь тебе хоть немного. Ну, пожалуйста, а?

Я не должен, сказал себе Закариас. Поступить так - значит, нарушить заповедь. Его тело является храмом, который нужно поддерживать в чистоте, не допуская в него такие вещи. Но храм уже рухнул. Больше всего Закариас боялся внутреннего кровотечения. Сможет ли его тело исцелить себя? Должно, и при обстоятельствах, даже только приближающихся к нормальным, оно без труда осуществило было это, но сейчас он понимал, что его физическое

состояние ужасно, травма спины так и не прошла, и вот теперь сломанные ребра... Боль стала его постоянным спутником, она помешает сопротивляться при допросе, и потому ему придется отдать чему-то предпочтение - религии или долгу противостоять вопросам. Теперь все вокруг казалось не таким ясным. Может быть, ослабив боль, он ускорит свое выздоровление и облегчит выполнение своего долга. И так, как же ему поступить? Этот простой вопрос казался сейчас более запутанным, и его взгляд устремился на металлическую фляжку. Внутри нее скрывалось облегчение. Не такое уж большое, но все-таки облегчение, а ему требовалось облегчение, чтобы держать себя в руках. Гришанов отвинтил крышку.

- Ты катаешься на лыжах, Робин? Закариаса удивил этот вопрос.

- Да, научился еще мальчишкой.

- По равнине?

Американец покачал головой.

- Нет, я катаюсь на горных лыжах.

- Хороший снег на горах Уасач? Я имею в виду для лыж. Робин улыбнулся вспоминая.

- Очень хороший, Коля. Там у нас сухой снег. Пушистый, почти как очень мелкий песок.

- А-а, это самый лучший снег. На, выпей. - Он передал фляжку американцу.

Сделаю один глоток, подумал Закариас. Чтобы хоть чуть снять боль. Он отпил из фляжки. Пусть она немного стихнет, тогда я смогу контролировать свои действия.

Гришанов наблюдал за тем, как американец пил, увидел, как заслезилась его глаза, надеясь, что тот не начнет кашлять - у него тогда может усилиться кровотечение. Это была хорошая водка, полученная им из посольского магазина в Ханое, единственный продукт, в котором его страна никогда не испытывала недостатка и которого всегда было достаточно в посольстве. Лучший сорт "бумажной" водки, действительно приправленной старой бумагой, любимой водки Гришанова - американец вряд ли заметит это, да и сам он, по правде говоря, переставал замечать после третьего или четвертого стакана.

- Ты - хороший лыжник, Робин?

Закариас почувствовал, как тепло охватывает все тело и расслабляет его. Боль уменьшилась, он даже почувствовал некоторый прилив сил, и если этому русскому хочется поговорить о катании на лыжах - ну что ж, это не причинит особого вреда, верно?

- Я катался на самых крутых склонах, доступных только профессионалам, - с удовольствием произнес Робин. - Начал еще ребенком. Помнится, мне было лет пять, когда отец впервые поставил меня на лыжи.

- Твой отец тоже был летчиком?

- Нет, адвокатом, - покачал головой американец.

- А вот мой отец - профессор истории в Московском государственном университете. У нас есть дача, и зимой, когда я был маленьким, катался на лыжах в лесу. Мне так нравилась тишина. Все, что слышно, это - как это вы говорите, шорох? Да, шорох лыж по снегу. И ничего больше. Подобно одеялу на всей земле, ни малейшего шума, одна тишина.

- Если встанешь рано, горы тоже бывают такими. Нужно выбрать хороший день, после того как кончится снегопад и почти нет ветра.

Гришанов улыбнулся.

- Вроде полетов, верно? Летишь в одноместном самолете, солнечный день, в небе отдельные белые облачка. - Он наклонился вперед с хитрым выражением на лице. - Скажи мне, тебе приходило в голову на несколько минут выключить радио, для того чтобы остаться в одиночестве?

- Вам это разрешают? - спросил Закариас. Гришанов усмехнулся и покачал головой.

- Нет, но я все равно так поступаю.

- Молодец, - отозвался Робин, улыбаясь собственным воспоминаниям. Он вспомнил про один послеполуденный полет, когда он летел с базы ВВС в Маунтин-Хоум, это было февральским днем шестьдесят четвертого.

- Так, наверно, чувствует себя Бог, правда? Летишь один. Можешь не замечать рева двигателя. Для меня все посторонние шумы исчезают через несколько минут. И у тебя так же?

- Да, если твой шлем хорошо подогнан.

- Это и есть настоящая причина, по которой я люблю летать, - солгал Гришанов. - Вся остальная чепуха, канцелярская работа, лекции, ремонтно-профилактические занятия - это цена, которую я плачу за полеты. Как это увлекательно, лететь одному в синеве, подобно мальчишке, катающемуся на лыжах в лесу, - только еще лучше. В ясный солнечный день сверху открывается такая дивная панорама. - Он снова вручил фляжку Закариасу. - Как ты думаешь, эти маленькие дикари способны понять такое?

- Вряд ли. - На мгновение американец заколебался. Ну что ж, он уже выпил пару глотков. Еще немного водки не причинит вреда, верно? Закариас поднес фляжку к губам.

- Я делаю вот так, Робин: держу ручку управления самыми кончиками пальцев. - Гришанов продемонстрировал это на винтовой крышке фляжки. - Закрываю на мгновение глаза, и, когда снова открываю их, мир вокруг уже изменился. Я больше не составная часть мира. Я что-то совсем другое - вроде ангела, например, - шугливо заметил он. - И тогда я овладеваю небом, подобно тому как овладеваю женщиной, хотя это не совсем похоже. По-моему, лучше всего чувствуешь себя в одиночестве.

Похоже, этот парень действительно понимает, подумал американец. Он по-настоящему ощущает чувства летчика.

- Ты говоришь как поэт.

- Да, я люблю поэзию. Мне не хватает таланта самому писать стихи, но это не мешает мне их читать, запоминать и чувствовать, что хочется поэту от его читателей, - тихо произнес Гришанов, действительно веря этому, следя за тем, как

глаза американского летчика смотрят куда-то вдаль, становясь мечтательными. - Мы очень похожи, мой друг.

- Так что же случилось с Джу-Джу? - спросил Таккер.

- Похоже на ограбление. Он стал слишком небрежным. Это ведь один из твоих людей? - спросил Шарон.

- Да, он продавал немалую долю моего товара.

- Чья это работа? - Они сидели в главном зале публичной библиотеки Инока Пратта, скрытые несколькими рядами стульев. Прямо-таки идеальное место. Здесь к ним трудно приблизиться незаметно и невозможно установить подслушивающую аппаратуру. И хотя тут было тихо, но имелось множество маленьких ниш.

- Мы не знаем. Генри. Райан и Дуглас были на месте убийства, и мне показалось, что они мало чего узнали. Послушай, неужели на тебя так подействовало убийство одного уличного торговца?

- Ну что ты, вовсе нет. Но это нанесло мне определенный ущерб. Еще никогда не убивали ни одного из моих людей.

- Неужели ты не понимаешь, Генри? - Шарон перелистнул несколько страниц. - Торговля наркотиками - дело рискованное. Кому-то понадобилось немного наличных, может быть, и наркотики, чтобы быстро самому войти в дело? Ищи нового дилера продавать твой товар. Черт возьми, они так здорово взяли твоих ребят - может быть, тебе удастся договориться с ними, а?

- У меня хватает своих людей. К тому же это плохо повлияло бы на бизнес. Как убили моих парней?

- Очень профессионально. Каждый из них получил по две пули в лоб. Дуглас считает, что это дело рук мафии.

- Вот как? - повернулся к нему Таккер. Шарон говорил, сидя спиной к Таккеру:

- Генри, это не работа мафии. Ведь Тони не пойдет на что-нибудь вроде этого, верно?

- Нет, пожалуй. - Но Эдди может пойти, подумал Таккер.

- Мне нужно кое-что от тебя, - продолжил Шарон.

- Что именно?

- Наведи меня на дилера. А что ты ожидал от меня? Сказать, кто выиграет второй заезд на скачках в Пимлико?

- Но ведь слишком много из уличных торговцев работает теперь на меня - или ты забыл? - Таккер активно пользовался помощью Шарона - даже более чем активно, - чтобы устранить главных соперников, но, по мере того как он укреплялся на рынке наркотиков, оставалось все меньше и меньше независимых дилеров, которых он мог сдать в полицию. Особенно это относилось к крупным поставщикам. Таккер систематически выбирал людей, не желающих работать на него, и полиция делала все остальное, освобождая ему поле деятельности. Те немногие, кто остались, могут стать полезными союзниками вместо конкурентов, если только ему удастся договориться с ними.

- Ведь ты хочешь, Генри, чтобы я защищал тебя. В этом случае мне необходимо стоять во главе расследования. А чтобы все расследования находились под моим наблюдением, мне надо время от времени вылавливать крупную рыбу. - Шарон вернул книгу на полку. Почему он обязан объяснять все это такому человеку?

- Когда?

- В начале будущей недели. Подыщи кого-нибудь покрупнее. Я хочу произвести сенсационный арест.

- Я сообщу тебе. - Таккер поставил взятую им книгу на полку и вышел из зала. Шарон остался еще на несколько минут, перебирая книги в поисках нужной. Наконец он нашел ее вместе с вложенным в середину конвертом. Лейтенант полиции не стал считать деньги. Он знал, что сумма правильна.

Грир познакомил его с присутствующими:

- Мистер Кларк, это генерал Мартин Янг, а это - Роберт Риттер.

Келли пожал им руки. Генерал морской пехоты был летчиком, как Максвелл и Подулски, отсутствовавшие сегодня. Он не имел представления о Риттере, но тот заговорил первым.

- Вы сделали превосходный анализ. Его язык не слишком профессионален, но вы обратили внимание на все основные вопросы.

- Сэр, разобраться в этом не так уж трудно. Наземная атака будет не очень сложной. У них в лагере не первоклассные солдаты, и даже те, что несут его охрану, смотрят внутрь лагеря, а не наружу. На каждой сторожевой вышке, скажем, по двое солдат. Установленные там пулеметы направлены на бараки, и понадобится несколько секунд, чтобы развернуть их в противоположном направлении. Можно подобраться под прикрытием леса и подойти на дальность стрельбы гранатометов М-79. - Келли показал рукой на плане:

- Вот казарма, в ней всего две двери, и я готов побиться об заклад, что там размещается меньше сорока солдат.

- Штурм начнется отсюда? - Генерал Янг постучал пальцем по юго-западному углу лагеря.

- Совершенно верно, сэр. - Для морского летчика генерал понимал обстановку удивительно быстро. - Сложность заключается в том, чтобы доставить штурмовую группу как можно ближе к цели. Для этого понадобится использовать погодные условия, что не так сложно в это время года. Два вертолета, вооруженных обычными ракетами "воздух - земля" и крупнокалиберными пулеметами, чтобы залить огнем вот эти два здания. Спасательные вертолеты совершат посадку вот здесь. С момента начала стрельбы на все понадобится меньше пяти минут. Это наземная часть операции. Остальное за летчиками.

- Значит, вы считаете, что ключом к успешному проведению операции является высадка штурмовой группы вплотную к...

- Нет, сэр. Если вам нужен еще один Сонг-Тай, можно просто повторить прежний план и посадить вертолет прямо внутри лагеря, но я слышал, что масштабы планируемой операции должны быть небольшими.

- Правильно, - согласился Риттер. - Это должна быть небольшая операция. Мы никогда не сможем получить разрешение на крупномасштабное вторжение.

- Тогда понадобится штурмовая группа намного меньшая, чем в Сонг-Тай, и придется прибегнуть к другой тактике. Благоприятный аспект операции заключается в том, что на этот раз предстоит захватить маленький лагерь с малочисленной охраной и вывезти из него немного военнопленных.

- Зато отсутствует фактор надежности, - нахмурившись, произнес генерал Янг.

- Это верно, риск увеличивается, - согласно кивнул Келли. - Штурмовая группа должна состоять из двадцати пяти человек. Их следует высадить вот в этой долине, они вскарабкаются на этот холм, скрытно приблизятся к лагерю, уничтожат сторожевые вышки, взорвут ворота. Тут же прилетят вооруженные вертолеты и зальют огнем обе казармы, а штурмовая группа пробьется в это здание. Пока спасательные вертолеты эвакуируют военнопленных и штурмовую группу, вооруженные вертолеты барражируют над лагерем, и затем мы все ныряем в долину и уносим ноги.

- Мистер Кларк, вы - оптимист, - заметил Грир, впервые напомнив Келли о , его кодовом имени. Если генерал Янг узнает, что он - всего лишь боцман, они никогда не заручатся его поддержкой, а Янг и без того так много сделал для них, ухлопав все средства, выделенные ему для строительства, на сооружение макета лагеря в натуральную величину в лесу, окружающем базу Куанτικο.

- Нам уже приходилось все это осуществлять раньше, адмирал.

- Кому поручим подбор членов штурмовой группы? - спросил Риттер.

- Этим уже занимаются, - заверил его Джеймс Грир. Риттер сел, глядя на аэрофотоснимки и планы. Он знал, что рискует своей карьерой, так же как рискуют карьерой Грир и все остальные. Однако у принятия хоть каких-нибудь мер была только одна альтернатива - не предпринимать ничего. А если не предпринять ничего, то по крайней мере один хороший человек, а может быть, и еще двадцать никогда не вернутся домой. И тут же Риттер признался себе, что настоящая причина в ином. Настоящая причина заключается в том, что другие люди приняли решение, что жизни этих двадцати не имеют значения, и эти другие люди могут снова его принять. Такой подход может со временем уничтожить ЦРУ. Станет трудно вербовать агентов, если весь мир узнает о том, что Америка не желает защищать тех, кто работал на нее. Соблюдение данного тобой слова - , это не просто желание честно выполнять принятые на себя обязательства. Это обеспечивает дальнейшее процветание.

- Лучше всего взяться за подготовку, еще до того как мы сообщим о наших намерениях, - сказал он. - Будет намного проще получить "добро", если мы уже готовы к операции. Дадим понять, что нам предоставилась уникальная возможность. При подготовке операции "Кингпин" уже была допущена такая ошибка. Операция настолько очевидно предполагала получение свободы действий - а это отнюдь не вызывалось необходимостью, - что у многих возникли сомнения. В данном случае мы обращаемся за разрешением провести одноразовую операцию по спасению военнопленных. Я могу обратиться к своим друзьям в Совете национальной безопасности. Не исключено, конечно, что нам откажут, но мы должны быть готовы приступить к операции, когда я буду разговаривать с ними.

- Боб, означает ли это, что ты на нашей стороне? - спросил Грир.

Риттер ответил не сразу:

- Да, означает.

- Нам нужен дополнительный фактор надежности, - произнес генерал Янг, глядя на крупномасштабную карту и решая, как выбрать маршрут для вертолетов.

- Да, сэр, - согласился Келли. - Кто-то должен попасть к лагерю заранее и убедиться во всем визуально. - На столе по-прежнему лежали фотографии Робина Закариаса - одна, сделанная в США, где он стоял в форме полковника ВВС, держа в руке фуражку, с планками боевых наград на груди и серебряными крыльями летчика над ними, уверенно глядя в объектив в окружении всей семьи, и другая, на которой сутулый, исхудавший мужчина смотрел вверх, а сзади на него замахивался прикладом охранник. Черт возьми, подумал Келли, почему не принять участия в еще одном крестовом походе?

- Пожалуй, сделать это придется мне.

Глава 17

Осложнения

Арчи знал не так уж много, но оказалось, что для Келли этого достаточно. Все, в чем он теперь нуждался, это в нескольких часах сна.

Он убедился, что следить за кем-то в автомобиле труднее, чем показывают по телевидению, и еще труднее, чем в тот раз в Новом Орлеане, когда Келли попробовал это впервые. Если он ехал за ним слишком близко, то рисковал быть замеченным, а если держался излишне далеко позади, мог потерять его из виду. Уличный транспорт еще больше усложнял наблюдение. Грузовики заслоняли поле зрения. Когда следишь за нужным тебе автомобилем с расстояния в полквартала, то, вполне естественно, приходится не обращать внимания на машины, едущие рядом, и эти машины, скоро убедился Келли, могут проделывать самые невероятные маневры. И все-таки он благодарил судьбу за то, что у Билли был ярко-красный "плимут". Автомобиль такого бросающегося в глаза цвета легко заметить, и несмотря на то, что его водитель любил проноситься через перекрестки и делать повороты с визгом резиновых покрышек, он все-таки не мог слишком уж часто нарушая правила уличного движения, не привлекая внимания полиции, а пока он опасался не в меньшей мере, чем сам Келли.

Келли заметил красный "плимут" чуть позже семи вечера недалеко от бара, о котором сказал ему Арчи. Кем бы

ни был водитель автомобиля, он нисколько не разбирался в проблемах скрытности, и Келли это стало ясно при первом же взгляде на машину. На ней буквально не было ни пылинки, она выглядела только что вымытой и натертой до блеска, а из своего предыдущего столкновения с Билли Келли знал, что хозяин просто влюблен в свой автомобиль. Это открывало определенные возможности, и Келли обдумывал их, преследуя “плимут”, особенно не приближаясь к нему и стараясь предугадать его маневры. Скоро ему стало ясно, что водитель, насколько это возможно, избегает главных улиц и знает все переулки, как ласка свою нору. Это поставило Келли в сложное положение. В то же время у него было то преимущество, что он ехал в машине, на которую никто не обращал внимания. На улицах города было столько подержанных “жуков”, что появление еще одного осталось незамеченным.

Спустя сорок минут поведение водителя “плимута” стало ясным для Келли. Автомобиль быстро свернул налево и остановился в конце квартала. Келли тут же сделал выбор и медленно продолжил путь. Приблизившись к “плимуту”, он увидел, как из машины вынырнула девушка с небольшой сумкой в руках. Она подошла к его старому знакомому Уизарду, который сейчас находился за несколько кварталов от своего привычного места. Келли не заметил, как произошла передача, - оба нырнули в подъезд дома и оставались вне видимости в течение одной-двух минут, пока девушка снова не появилась на улице, - но он к этому и не стремился. Происшедшее точно соответствовало тому, о чем рассказывала Пэм. Что еще лучше, он опознал Уизарда. Келли свернул налево и остановился у красного сигнала светофора. Теперь он знал две вещи, неизвестные ему ранее. В зеркале заднего обзора он увидел, что “плимут” пересек улицу. Девушка пошла в том же направлении и исчезла из его поля зрения, когда вспыхнул зеленый свет. Келли повернул направо и затем снова направо, пока не увидел наконец, что “плимут” направляется на юг с тремя пассажирами внутри. Раньше он не заметил мужчину - скорее всего мужчину, - сидевшего согнувшись на заднем сиденье.

Быстро темнело - лучшее время дня для Келли. Он продолжал следовать за красным “плимутом”, не включая габаритных огней как можно дольше, за что скоро был вознагражден - увидел, как автомобиль остановился у кирпичного особняка на углу. Все трое пассажиров вышли из машины, закончив на сегодня развозить товар. Четыре дилера были обеспечены запасом наркотиков для вечерней торговли. Келли подождал несколько минут, поставив свой “фольксваген” в двух кварталах перед “плимутом”, и вернулся обратно пешком, чтобы наблюдать за дальнейшим развитием событий. Он снова был одет как уличный бродяга. Архитектура здешних домов облегчила его задачу. У каждого дома на противоположной стороне улицы к входной двери вели мраморные ступени - большие прямоугольные каменные плиты, содействующие укрытию. Оставалось только сесть на тротуар, откинувшись на нижнюю ступеньку, и увидеть его сзади было невозможно. Он выбрал подходящее крыльцо вблизи - но не слишком близко - от исправного уличного фонаря, скрывшись в тени. Да и кто станет обращать внимание на уличного бродягу? Келли развалился в якобы пьяном забытьи - он видел, что так сидят пьяные, - и время от времени подносил ко рту бутылку, скрытую в бумажном пакете, делая вид, что пьет из нее. Все это время он не сводил глаз с углового особняка. Шли часы.

Группа крови 0 - резус положительный, группа крови 0 - резус отрицательный и группа крови АВ - резус тоже отрицательный, вспомнил он фразу из отчета патологоанатома. Семенная жидкость внутри Пэм относилась к этим типам крови, и он подумал, сидя в пятидесяти ярдах от особняка, какая же группа крови у Билли? По улице проезжали автомобили, по тротуару шли люди. Человека три мельком взглянули на него, но увидели всего лишь спящего бродягу. Келли полулежал с закрытыми глазами, притворяясь спящим, но все время поглядывая уголком глаза на особняк, напряженно прислушиваясь к звукам возможной опасности, чувствуя, как проходит время. На тротуаре ярдах в двадцати позади него расположился дилер, торгующий наркотиками, и Келли в первый раз услышал голос продавца героина, расхваливающего свой товар и торгующегося о цене, и различил голоса покупателей. Келли всегда обладал исключительно острым слухом - это не раз спасало ему жизнь, - и услышанное им также представляло собой ценную информацию, которую обдумывал и анализировал его мозг, пока глаза то и дело поглядывали на угловой дом. Однажды к нему подошла бродячая собака, обнюхала его с любопытством и дружелюбием, и Келли не отогнал ее. Это было бы непохоже на уличного бродягу - вот если бы на месте собаки оказалась крыса, все могло бы случиться по-другому, подумал Келли, - а ему важно было сохранить достоверность образа.

Что представлял собой раньше этот район? - пытался он представить себе. Дома на его стороне улицы были самыми обычными кирпичными жилыми зданиями, вытянувшимися вглубь, с узкими фасадами. На противоположной стороне располагались более впечатляющие строения, их фасады были в полтора раза шире. Возможно, по этой улице на рубеже двух веков проходила граница между домами рабочих и особняками более зажиточных представителей среднего класса. Не исключено, что угловой особняк принадлежал торговцу или капитану океанского парохода. Может быть, по уик-эндам там раздавались звуки пианино, на котором играла дочь хозяина дома, обучающаяся в консерватории Пибоди. Но потом все они переселились в те места, где была зелень, и этот дом тоже выглядел теперь заброшенным, коричневый трехэтажный призрак ушедшего времени. Его удивило, какие здесь широкие улицы, может быть, потому что они были проложены для экипажей и пролеток с запряженными в них лошадьми. Келли потряс головой, отгоняя эту мысль. Она не относилась к делу, следовало сосредоточиться на том, что связано с предстоящей операцией.

Через четыре часа, наконец, они вышли из особняка, мужчины впереди, девушка за ними. Она была меньше Пэм ростом и не такая стройная. Келли рискнул приподнять голову и посмотреть на Билли, который, решил он, сел за руль. Вообще-то не слишком впечатляющая личность, ростом, похоже, пять футов девять дюймов, худой, фунтов ста пятидесяти, что-то сверкало на его кисти - часы или браслет, двигался он быстро и с высокомерием. Второй выглядел выше и коренастее, но, судя по тому, как он шел вслед за Билли, это явно был его подчиненный. Келли заметил, что девушка следовала за ними еще покорнее, опустив голову. Ее блузка - если это блузка - была застегнута наглухо; она так и села в машину, не подняв головы, чтобы оглянуться по сторонам или проявить хоть какой-нибудь интерес к окружающему миру. Движения девушки казались замедленными и плохо координированными - по-видимому, из-за наркотиков, но не только из-за них. В ней было заметно что-то еще, Келли не сразу понял что именно, но это напоминало

ему о чем-то..., пожалуй, какое-то безразличие. Не ленивые движения, нет, а нечто другое. Келли мигнул несколько раз, напрягая память, и наконец вспомнил, где видел это раньше. В той деревушке, во время операции “Нежный цветок”, когда жители шли к месту сбора, куда их сгоняли солдаты. Покорность, автоматические движения - словно живые роботы под контролем того майора и его солдат. Вот так пошли бы они и к своей смерти. Так же двигалась и девушка. И она пошла бы так же.

Значит, все это правда, подумал Келли. Они действительно используют девушек в качестве посыльных..., помимо всего остального. Пока он наблюдал за ними, машина тронулась с места. Манера вождения Билли соответствовала уличному названию автомобиля - “спринтер”. Он резко рванул с места, проехал несколько футов, затем с визгом покрышек повернул налево, проносясь через перекресток, и исчез из поля зрения Келли. Итак, Билли - пять футов девять дюймов, худой, на руке часы или браслет, высокомерное лицо. Келли знал, что сумеет всегда опознать его и по лицу и по цвету волос. Он не забудет этого. Второго мужчину он тоже запомнил, того, что без имени, с одной судьбой, причем гораздо более жестокой, чем предполагал ее владелец.

Келли взглянул на карманные часы. Без двадцати два. Чем они там занимались? Затем он вспомнил и другое, о чем рассказывала ему Пэм. По-видимому, небольшая вечеринка. Эта девушка, кем бы она ни была, наверно, тоже имеет сейчас внутри себя семенную жидкость мужчин с группами крови и резусом 0+, 0 - или АВ-. Однако Келли не мог спасти весь мир, и лучший способ спасти ее никак не связан с прямой попыткой освобождения. Он немного расслабился выжидая, потому что ему не хотелось, чтобы его передвижения были как-то связаны с чем-либо в случае, если кто-нибудь увидит его, может быть, даже наблюдает за ним. В некоторых из этих домов все еще горел свет, поэтому Келли оставался на месте еще минут тридцать, терпеливо перенося жажду и боль в онемевших ногах, прежде чем встал и, волоча ноги, направился к углу. Сегодня вечером он был особенно осторожен и особенно внимателен. Наступила очередь заняться второй фазой работы, время продолжить свои усилия, направленные на отвлекающий маневр.

Сейчас он двигался главным образом по узким переулкам, медленно, пошатываясь из стороны в сторону и описывая извилистую линию, напоминающую змею. Прежде чем вернуться на улицы, он задержался на несколько секунд, чтобы надеть тонкие хирургические перчатки. Время шло, и Келли миновал нескольких торговцев наркотиками вместе с их помощниками, выбирая подходящую цель. Его маршрут был тем, что он называл угловым поиском - он состоял из серии поворотов на девяносто градусов, совершаемых в районе, центром которого являлось, по сути дела, место, где Келли оставил свой “фольксваген”. Как всегда, ему приходилось вести себя очень осторожно, но он был неизвестным охотником, и животные, за которыми он охотился, не имели представления о том, кем были они, считая хищниками самих себя. Ну что ж, они имели право на такие иллюзии.

Было уже почти три, когда он отыскал его. Одиночка, так привык называть их Келли. У этого дилера не было помощника, может быть, он являлся новичком в этом деле и все еще осваивал профессию. Он не был старым или по крайней мере не казался таким с расстояния в сорок ярдов. Он стоял, считая выручку от вечерней торговли. На его правом бедре оттопыривалась куртка - без сомнения, там был револьвер, но он смотрел дулом вниз. Было заметно, что человек этот испытывал определенное напряжение, словно был настороже. Услышав шаги Келли, он поднял голову, повернулся и быстро взглянул на него, но тут же вернулся к прежнему занятию, не принимая во внимание приближающуюся фигуру, хотя дистанция между ним и Келли сокращалась.

Днем, перед выходом на операцию, Келли заставил себя съездить на яхту, воспользовавшись для этого “скаутом”, - ему не хотелось, чтобы кто-нибудь в порту узнал, что у него есть и другой автомобиль, - и забрал кое-что. Приближаясь к Юниору - у каждого человека должно быть имя, на какое бы короткое время оно ни присваивалось, - Келли переложил бутылку из правой руки в левую. Затем правая рука выдернула чеку из кончика “громовой палки”, которая висела на петле с левой стороны под заново купленной походной курткой. “Громовая палка” представляла собой простой металлический стержень восемнадцати дюймов в длину с навинченным на его конец цилиндром и чекой, висящей на короткой тонкой цепочке. Приближаясь к Юниору, Келли снял палку правой рукой с петли.

Дилер снова повернул к нему голову с очевидным раздражением. По-видимому, у него возникли трудности со счетом и теперь он раскладывал банкноты по их достоинству. Наверно, приближение Келли отвлекло его, а может быть, он просто был малограмотным, что казалось более вероятным.

Келли споткнулся и упал на тротуар, опустив голову и стараясь выглядеть побезобиднее. Вставая, он бросил взгляд назад. На расстоянии более сотни ярдов не было ни души, а огни проезжающих машин, заметил он, были красными - значит, все ехали от него. Подняв голову, Келли не увидел перед собой никого, кроме Юниора, заканчивающего свою ночную работу и готового отправиться домой, чтобы выпить перед сном или заняться еще чем-нибудь.

Расстояние между ними сократилось до десяти футов, и дилер по-прежнему не обращал на него никакого внимания, словно Келли был бродячей собакой. За мгновение до удара его охватило радостное возбуждение - ты уже знаешь, что все у тебя пройдет удачно и тебя охватывает чувство взволнованного удовлетворения, когда враг находится в зоне поражения, еще не подозревая, что его время подошло к концу. В это мгновение ты чувствуешь, как кровь пульсирует у тебя в теле, когда одному тебе известно, что ночная тишина сейчас будет нарушена, и ты испытываешь удивительное ощущение власти над жертвой. Правая рука Келли начала высовываться из-под куртки, он сделал еще один шаг, все еще двигаясь не к цели, а явно стараясь обойти дилера, и взгляд преступника снова метнулся в его сторону. В глазах торговца не было страха, в них отсутствовало даже раздражение. Он не попытался, разумеется, отойти в сторону - это люди должны обходить его, а не наоборот. Для него Келли был всего лишь посторонним предметом, находящимся на улице, представлял ничуть не больший интерес, чем масляное пятно на асфальте.

На флоте это называется ТНС - точкой наибольшего сближения, самое короткое расстояние до другого корабля или фиксированной точки на берегу. На расстоянии полушага от дилера Келли выдернул “громовую палку” из-под

куртки, мгновенно повернулся на левой ноге и ткнул стержнем, который держал в вытянутой правой руке, словно наносил удар, подкрепленный массой всех Ста девяноста пяти фунтов своего тела. Металлический цилиндр на конце уперся в грудь дилера. Сила удара и инерция тела Келли отбросили цилиндр назад. Капсюль находящегося внутри него охотничьего патрона наткнулся на закрепленный боек, и произошел выстрел. В это мгновение выходное отверстие цилиндра упиралось в грудь Юниора.

Звук выстрела был не громче шлепка картонной коробки, упавшей на деревянный пол, ничуть не громче. Он совсем не походил на выстрел, потому что пороховые газы устремились вслед за дробовым зарядом внутрь тела торговца. Легкий заряд - латунная гильза была начинена мелкой дробью, которая применяется при стендовой стрельбе или для голубиной охоты, - с расстояния больше пятнадцати ярдов всего лишь ранил бы человека, но при контактном выстреле его эффект оказался таким же, как если бы в дилера выстрелили из крупнокалиберной винтовки, предназначенной для охоты на слонов. Потрясающая мощь выстрела вытеснила воздух из его легких, послышался удивительно громкий выдох, заставивший Юниора словно в изумлении широко открыть рот. Он действительно был изумлен. Его глаза заглянули в глаза Келли, он все еще был жив, хотя сердце его лопнуло подобно детскому воздушному шару, а нижняя половина легких превратилась в мясной фарш. Выходное отверстие отсутствовало. Поскольку цилиндр и патрон в нем находились в прямом контакте с телом, энергия выстрела и заряд дроби остались внутри продавца наркотиков. В течение секунды он продолжал стоять, однако Келли это мгновение показалось часом. Затем тело рухнуло прямо вниз, подобно взорванному зданию, раздался странный глубокий выдох - это в результате падения воздух и пороховые газы вытеснило через входное отверстие. Отвратительный запах едкого дыма и крови распространился вокруг, свидетельствуя о прерванной жизни. Глаза Юниора все еще оставались открытыми и смотрели на Келли, словно задавая вопрос, который остался произнесенным и не получил ответа, рот был приоткрыт, губы дрожали, пока тело не замерло окончательно. Келли забрал деньги из мертвой руки, продолжавшей цепко сжимать их, и пошел дальше по улице. Его глаза и уши искали угрожающую опасность и не находили ничего. Подойдя к углу квартала, Келли свернул к сточной канаве и сполоснул в ней цилиндр "громовой палки", смывая возможные следы крови. Затем он повернулся и все еще неровной пьяной походкой направился на юг к своей машине. Спустя сорок минут он был дома, богаче на восемьсот сорок долларов и беднее на один охотничий патрон.

- Так кто это такой? - спросил Райан.

- Вы не поверите - Банданна, - ответил одетый в форму полицейский. Он был опытным патрульным, белым, тридцати двух лет. - Продавец героина. Вернее, был продавцом.

Глаза убитого все еще смотрели на окружающий мир, что не так уж часто бывает у жертв нападения, но смерть была для него неожиданной и мгновенной, хотя тело казалось поразительно опрятным. В нижней части груди виднелось входное отверстие диаметром в три четверти дюйма, окруженное черным кольцом, похожим на бублик, шириной примерно в одну восьмую дюйма. Кольцо было результатом пороховых газов, а рана, без сомнения, нанесена выстрелом из ружья 12-го калибра. За наружной тканью зияла пустота. Все внутренние органы были уничтожены или просто опустились вниз. Впервые в жизни Эммет Райан смотрел внутрь тела, словно это даже было не тело, а всего лишь манекен.

- Причиной смерти, - заметил коронер с иронией, недовольный тем, что его вызвали на место преступления ранним утром, - является полное исчезновение сердца. Чтобы отыскать его мышечную ткань, нам понадобится микроскоп. Биштекс по-татарски, - добавил он, качая головой.

- Очевидная контактная рана. Убийца, по-видимому, прижал к его груди дуло ружья и спустил курок.

- Господи, он даже не кашлянул кровью, - заметил Дуглас. Отсутствие выходного отверстия явилось причиной того, что на тротуаре не было крови, и издалека Банданна казался просто спящим - если не видеть его широко открытых безжизненных глаз.

- У него отсутствует диафрагма, - объяснил судебно-медицинский эксперт, указывая на входное отверстие. - Брюшная диафрагма расположена чуть ниже. При вскрытии мы, наверно, обнаружим, что уничтожена вся система дыхания. В жизни не видел такого аккуратного убийства. - Он работал на своей должности в течение шестнадцати лет. - Нам понадобится масса фотографий. Этот случай будет описан в учебнике.

- Он был опытным дилером? - спросил Райан у полицейского.

- Достаточно опытным, чтобы не подпустить так близко постороннего.

Лейтенант наклонился к труп и ощупал правое бедро жертвы.

- Револьвер все еще на месте.

- По-видимому, это был кто-то, кого он знал, - произнес Дуглас, выражая свои мысли вслух. - Хорошо знал и потому подпустил к себе так близко, в этом можно не сомневаться.

- Охотничье ружье трудно спрятать под одеждой, даже обрез. Неужели он ничего не заподозрил? - Райан отошел назад, предоставив возможность судмедэксперту заняться своим делом.

- У него чистые руки, никаких следов борьбы. Стрелявший подошел вплотную, и наш приятель даже не встревожился. - Дуглас сделал паузу. - Черт побери, но ведь выстрел из охотничьего ружья очень громкий! Неужели никто ничего не слышал?

- Время смерти - пока могу только сказать, что это произошло часа в два или три, - заметил судмедэксперт, потому что и на этот раз еще не наступило трупное окоченение.

- Ночью на улице совсем тихо, - продолжал Дуглас. - Выстрел из охотничьего ружья слышен чертовски далеко.

Райан взглянул на карманы брюк. Снова не видно, чтобы они оттопыривались от денег. Он огляделся вокруг. Из-за полицейского ограждения за ними наблюдало человек пятнадцать. Уличные развлечения находятся там, где что-нибудь происходит, и на лицах зрителей было такое же бесстрастно-клиническое выражение, как и на лице судебно-медицинского эксперта.

- Может быть, это тоже дело рук “дуэта”? - спросил Райан, ни к кому не обращаясь.

- Нет, - тут же произнес врач. - Он убит из одноствольного оружия. Двустволка оставила бы следы порохового ожога слева или справа от входного отверстия, да и сам ожог выглядел бы по-другому. При стрельбе из ружья двенадцатого калибра с такого расстояния требуется только один выстрел. Короче говоря, его убили из одноствольного ружья.

- Аминь, - заключил Дуглас. - Кто-то занимается Божьим промыслом. Три торговца наркотиками убиты за два дня. Если это будет продолжаться, Марк Шарон может остаться без работы.

- Том, - поморщился Райан, - только не сегодня. - Еще одна папка, подумал он. Еще одно ограбление торговца наркотиками, осуществленное в высшей степени эффективно - но не тем же парнем, который убил Джун-Джу. Другой метод действий.

Снова душ, снова выбритое лицо, снова пробежка в парке Чинкуапин, во время которой он мог обдумать свои дела. Теперь его облик и место нахождения соответствовали внешнему виду машины. Операция идет в соответствии с планом, подумал Келли, поворачивая направо на Бельведер-стрит и пересекая улицу, перед тем как бежать обратно, завершая третий круг. Это приятный парк. Плохо оборудованная игровая площадка для детей, зато они могут бегать и играть, как им заблагорассудится, как и поступали многие из них под надзором нескольких соседских матерей, сидящих с книгами у колясок со спящими младенцами - они тоже скоро вырастут и тоже будут наслаждаться травой и открытым пространством. Поблизости шла игра в бейсбол с явно недостаточным числом игроков. Отбитый мяч пролетел мимо бейсбольной рукавицы девятилетнего игрока и упал рядом с тропинкой, по которой бежал Келли. Он подхватил мяч и бросил его обратно мальчику. На этот раз маленький бейсболист поймал мяч и крикнул “спасибо”. Мальчонка помоложе бросал “летающую тарелку” - не слишком умело - и едва не наткнулся на Келли, которому пришлось предпринять маневр уклонения. Мать ребенка смущенно посмотрела на него. Келли улыбнулся и дружелюбно махнул рукой.

Вот такой и должна быть жизнь, сказал он себе, мало отличающейся от его собственных детских лет в Индианаполисе. Отец на работе. Мать с детьми. Трудно одновременно быть хорошей матерью и работать, особенно когда дети еще маленькие; или по крайней мере надо, чтобы матери, которым приходится работать или которые хотят работать, могли оставить детей под присмотром знакомой, не сомневаясь в том, что малыши будут находиться в безопасности, проведут лето среди зелени, под открытым небом, в играх и развлечениях. И все-таки общество привыкло признавать, что для многих семей это неосуществимо. Вот этот район резко отличался от того, где он проводил операции, и привилегии, которым радовались здешние ребята, совсем не должны быть привилегиями, потому что как может ребенок вырасти и стать нормальным человеком без жизни в подобном окружении?

Это опасные мысли, сказал себе Келли. Логическим выводом будет желание попытаться изменить весь мир, а это выходило за пределы его возможностей, подумал он, заканчивая трехмильную пробежку с приятным ощущением в своем потном и усталом теле. Он перешел на шаг, чтобы немного остыть, прежде чем возвратиться на машине к себе на квартиру. Со стороны детской площадки доносился смех, визг, сердитые возгласы “обманщик!” за какое-то нарушение правил, не совсем понятных обоим игрокам, и препирательства по поводу того, кто выбыл и кто вступил в какой-то другой игре. Келли сел в машину и захлопнул дверцу, оставив позади эти звуки. Разве он сам не обманывал? Он нарушал правила, которые отлично понимал, и все-таки нарушал их ради торжества справедливости или того, что он называл справедливостью в душе.

Мечь? - спросил себя Келли, пересекая улицу. “Виджиланте” было следующим словом, само собой пришедшим ему в голову. Да, это слово мне нравится больше, подумал он. Оно происходит от “виджилес” - римского названия тех, кто стоит на страже: по ночам “виджили” на городских улицах следили главным образом за возникновением пожаров, если он правильно припоминал латынь, которую ему преподавали в средней школе святого Игнатия, но поскольку они были римлянами, то, по-видимому, носили мечи. Интересно, были ли улицы Рима безопасными, безопаснее улиц этого города? Может быть, даже наверно. Римское правосудие было.., суровым. Не слишком приятно умирать распятым на кресте, а за некоторые преступления, такие как убийство собственного отца, наказанием в соответствии с законом служила смерть в холщовом мешке, куда преступника сажали вместе с собакой, петухом и каким-нибудь другим животным, после чего мешок бросали в Тибр, но не для того, чтобы утопить, - смерть наступала, когда виновного разрывали на части обезумевшие животные, пытающиеся вырваться из завязанного мешка. Может быть, он является прямым потомком тех времен, одним из “виджили”, подумал Келли, стоит на страже по ночам. От этого предположения он почувствовал себя лучше, чем от сознания, что он нарушает закон. К тому же “виджиланте” в книгах по американской истории очень резко отличаются от их изображения в прессе. До организации настоящих департаментов полиции рядовые граждане патрулировали улицы; охраняя свой мир, они вершили жестокий и незамедлительный суд. Так, как делает это он сейчас?

Нет, пожалуй, не совсем так, признал Келли, ставя машину у дома. Что, если это все-таки мечь? Через десять минут еще один пластиковый мешок, наполненный комплектом выброшенной Келли одежды, оказался в мусорном баке, и он с наслаждением принял душ, перед тем как позвонить по телефону.

- Дежурная медсестра О'Тул слушает.

- Сэнди? Это Джон. Твоя смена по-прежнему заканчивается в три?

- У тебя прямо-таки удивительное чувство времени, - сказала она, чуть улыбаясь ему из-за своего стола. - Чертова машина снова сломалась. - А такси стоит слишком дорого, подумала она про себя.

- Хочешь я взгляну на нее? - предложил Келли.

- Мне бы хотелось, чтобы кто-нибудь исправил ее наконец.

- Не могу ничего обещать, - услышала Сэнди его голос. - Но у меня дешевые расценки.

- Насколько дешевые? - спросила она, заранее зная ответ.

- Можно пригласить тебя поужинать вместе? Ты даже сама выберешь ресторан.

- Да, хорошо..., но...

- Но это все еще слишком рано для нас обоих, я знаю. Твое целомудрие не подвергнется опасности, честное слово.

Она не могла удержаться от смеха. Как странно, когда такой огромный мужчина держится настолько робко. И тем не менее она знала, что может положиться на него, и уже так устала от приготовления ужина для одной себя, чувствуя вокруг мучительное одиночество. Рано или нет, но иногда ей так хотелось, чтобы кто-то был рядом.

- В четверть четвертого, - сказала она, - у главного входа.

- Я даже надену браслет, выдаваемый пациентам.

- Ну хорошо, хорошо. - Снова взрыв смеха, озадачивший другую медсестру, что проходила мимо с подносом, уставленным медикаментами. - Я ведь уже сказала тебе "да", верно?

- Совершенно верно, мадам. Я не опоздаю, - засмеялся в ответ Келли и повесил трубку.

Как все-таки хорошо встретить другого человека, сказал он себе, направляясь к выходу. Сначала Келли зашел в обувной магазин и купил там пару черных ботинок с высоким верхом одиннадцатого размера. После этого он побывал еще в четырех обувных магазинах и сделал аналогичные покупки, стараясь найти обувь, произведенную разными фирмами, и все-таки у него оказались две одинаковые пары. С такой же проблемой Келли столкнулся при покупке походных курток. Подобная одежда выпускалась только двумя фирмами, и в результате он стал обладателем четырех курток, по две из каждой - и тут же обнаружил, что они отличаются только ярлыками на внутренней части воротника. Оказалось, задуманное им разнообразие в камуфляже осуществить гораздо труднее, чем он предполагал, но Келли все-таки ощущал необходимость придерживаться определенного плана. Вернувшись в свою квартиру - он упрямо думал о ней, как о своем "доме", хотя таковой она, разумеется, не являлась, - Келли отпорол ярлыки со всех покупок и спустился в прачечную, что помещалась в подвале здания. Там он бросил куртки в стиральную машину вместе с остальной одеждой темного цвета, купленной им на распродаже, добавил побольше хлорной извести и поставил регулятор температуры воды на верхний предел. Теперь у него осталось всего три комплекта одежды, и он понял, что придется снова отправиться за покупками.

При этой мысли Келли поморщился. Опять распродажи, которые казались ему такими скучными, особенно теперь, когда он втянулся в проведение операций. Подобно большинству мужчин, Келли ненавидел хождение по магазинам, а сейчас тем более, поскольку в силу необходимости этим приходилось заниматься постоянно. Вдобавок он начал уставать как от частого недосыпания, так и от неослабевающего напряжения. Разумеется, ничего рутинного в его действиях не было - они по-прежнему оставались опасными. Хотя он стал привыкать к проведению ночных операций, привыкнуть к опасности оказалось невозможным, и напряжение нарастало. Отчасти это было хорошо - Келли ко всему относился с исключительной осторожностью, - но крайнее напряжение способно понемногу измотать любого: чрезмерная частота сердечных сокращений и рост кровяного давления в конечном счете приводят к усталости. Он старался противопоставить такому напряжению физические упражнения, но его организм требовал сна. Короче говоря, проводимые им операции мало отличались от операций во вьетнамских джунглях, когда он действовал в составе 3-й группы войск специального назначения, но теперь он был старше, не мог положиться на поддержку товарищей, способных разделить с ним стрессы и помочь расслабиться в короткие часы отдыха. Все это начинало постепенно сказываться. Как хочется спать, подумал он и посмотрел на часы. Войдя в спальню, он включил телевизор - передавались полуденные новости.

- Еще один торговец наркотиками был найден сегодня убитым в западном Балтиморе, - произнес диктор.

- Знаю, - пробормотал Келли засыпая.

- Итак, вот о чем я хочу сообщить вам, - начал полковник морской пехоты, обращаясь к сидящим перед ним солдатам в лагере Леджун, находящемся в Северной Каролине, в то время как другой полковник делал то же самое в лагере Пендлтон в Калифорнии. - Мы готовимся к проведению специальной операции. Нам понадобятся добровольцы - пятнадцать человек - исключительно из состава разведывательных групп. Операция предстоит опасная и очень ответственная. По завершении ее, вы сможете гордиться тем, что были ее участниками. Подготовка продлится от двух до трех месяцев. Это все, что я могу сказать.

В Леджуне перед полковником сидело человек семьдесят пять. Все до единого - ветераны, члены самого отборного подразделения Корпуса морской пехоты. Разведчики и морские пехотинцы, они поступили в корпус добровольно - среди них не было призывников - и затем снова вызвались, когда был объявлен набор в состав наиболее

элитарного подразделения в составе этой отборной части вооруженных сил США. В числе тех, кто сидел на стульях перед полковником, было чуть больше представителей национальных меньшинств, чем в других подразделениях, но это могло интересовать только социологов. Каждый из собравшихся являлся прежде всего морским пехотинцем, и они походили друг на друга не только благодаря своим зеленым комбинезонам. Тела многих были покрыты шрамами от ран, полученных на поле боя, потому что они выполняли задания более опасные и трудные, чем простые пехотинцы. Их забрасывали небольшими группами в тыл противника для разведки, сбора информации или ликвидации вражеских офицеров и политических деятелей - скрытно и в высшей степени избирательно. Почти все владели искусством меткой стрельбы и могли поразить человека с расстояния в четыреста ярдов, если целились в голову, или с тысячи ярдов, стреляя в грудь, и то если цель отличалась предупредительностью и не двигалась в течение одной-двух секунд, пока пуля пролетала это расстояние. Они были охотниками. Мало кто страдал от ночных кошмаров, связанных с выполнением своего долга, и ни один не был подвержен синдрому раскаяния, потому что они считали себя хищниками, а не добычей, и в животном мире львы не испытывают чувства жалости.

И все-таки они были людьми. Больше половины имели жен и детей, которые ожидали дома своих навещавших их время от времени отцов; у остальных были невесты или любимые девушки, и эти солдаты тоже надеялись обзавестись семьями, пусть в неопределенном будущем. Все до единого провели на фронте положенный срок - тринадцать месяцев. Многие прослужили два срока, а кое-кто даже три, и ни один из этой последней группы не хотел добровольно браться за выполнение опасного задания. Некоторые, даже все, вызвались бы, зная о цели операции, поскольку чувство долга у них было исключительно сильным, но это чувство проявляется по-разному, и потому они считали, что провели под огнем противника достаточно времени для одной войны. Теперь они занимались подготовкой молодых морских пехотинцев, передавали им свой опыт и уроки, полученные на поле боя и позволившие им вернуться домой, тогда как другие, почти такие же опытные и обученные, как они, домой не вернулись; это был их профессиональный долг, чувство преданности Корпусу морской пехоты, думали они, неподвижно сидя на своих стульях и глядя на стоящего перед ними полковника. Разумеется, их снедало любопытство - какова цель предстоящей операции, но испытываемый ими интерес не был достаточным для того, чтобы добровольно в который раз подвергнуться смертельной опасности, какой они уже и так часто подвергались. Они незаметно поглядывали по сторонам, читая по лицам более молодых солдат, кто из них останется в комнате и пожелает принять участие в операции. Потом многие из них будут жалеть, что не остались, понимая даже сейчас, что их незнание подробностей операции и, возможно, то, что они никогда не узнают про них, навсегда оставит пробел, вечный отпечаток в памяти, - но мысленно увидели лица жен и детей. Это перевесило чувство долга у ветеранов, и они решили - нет, в другой раз.

Спустя несколько мгновений большинство собравшихся встали и вышли из комнаты. Человек двадцать пять или тридцать остались, изъявив желание стать добровольцами. Личные дела оставшихся будут доставлены из управления кадров, их подвергнут рассмотрению и оценке, и пятнадцать человек окажутся отобранными для участия в операции. Процесс отбора на первый взгляд может показаться случайным, но только на первый взгляд. Некоторые места в штурмовой группе требовали особого профессионализма, и потому кое-кто из лучше подготовленных и более опытных будет отвергнут только потому, что место, соответствующее их конкретной специализации, уже заполнено, а в группе требуется солдат иной квалификации. Такова солдатская жизнь, и все воспримут решение командования одновременно с чувством сожаления и облегчения, что теперь вернутся к нормальной жизни.

К концу дня отобранные солдаты были вызваны и прошли инструктаж, касающийся подготовки к отъезду и ничего больше. Они обратили внимание на то, что отправятся на автобусе, значит, поездка не будет продолжительной, и они не уедут далеко. По крайней мере пока.

Келли проснулся в два часа дня, принял душ и побрился. В течение нескольких часов ему предстояло выглядеть цивилизованным, поэтому он надел рубашку, галстук и пиджак. Следовало бы подровнять волосы, еще не совсем отросшие после пребывания в больнице, - там его постригли и побрили наголо, - но на это уже не оставалось времени. Он выбрал синий галстук в тон своей синей спортивной куртке и белой рубашке и пошел к месту стоянки "скаута". Сейчас он походил на коммивояжера - Келли старался создать именно такой образ - и, проходя мимо управляющего, помахал ему рукой.

Случай улыбнулся Келли. Совсем рядом со входом в больницу на стоянке оказалось свободное место, где он и припарковал машину. Войдя в вестибюль, Келли увидел огромную статую Христа - пятнадцати, а то и двадцати футов, - который смотрел на него кротким взглядом, более уместным для тех, кто исцеляет людей, чем для того, кто всего двенадцать часов назад совершил то, что сделал он. Келли обогнул статую, повернувшись к Христу спиной, - задавать вопросы собственной совести ему не хотелось, особенно теперь.

Сэнди О'Тул появилась в двенадцать минут четвертого. Увидев ее, Келли улыбнулся - и тут же заметил выражение досады на ее лице. Через мгновение он понял причину. Следом за ней из дубовой двери вышел какой-то хирург, невысокий смуглый мужчина в зеленом халате. Он торопливо семенил за ней, часто переставляя короткие ноги, и громко что-то говорил. Келли с любопытством наблюдал за тем, как Сэнди остановилась и повернулась к врачу. Скорее всего, ей просто надоело убежать от него или она оказалась вынуждена нанести ответный удар. Доктор был чуть ниже ее ростом и говорил так быстро, что Келли не сумел всего разобрать. Сэнди бесстрастно смотрела в глаза разъяренного мужчины.

- Мой отчет о случившемся уже подшит в деле, доктор, - ответила она, воспользовавшись тем, что он замолчал на пару секунд.

- Вы не имеете на это права! - На его темном пухлом лице сверкнули глаза, полные ненависти, и Келли сделал шаг вперед.

- Нет, доктор, имею. Вы допустили ошибку, назначив больному это лекарство. Я - старшая в группе медсестер и обязана сообщать о не правильных предписаниях.

- А я приказываю вам забрать этот отчет! Медсестры не командуют врачами! - Затем последовали выражения, не понравившиеся Келли, особенно перед образом Христа. Лицо доктора побагровело, и он придвинулся вплотную к медсестре, еще больше повысив голос. Сэнди это не испугало, и она не отступила, отчего доктор совсем потерял контроль над собой.

- Извините меня, - произнес Келли издали, стараясь не вмешиваться в разговор и всего лишь давая понять, что все слышит. Сэнди посмотрела на него сердитым взглядом. - Я не знаю существа ваших разногласий, но если вы - доктор, а эта леди - медсестра, может быть, вы оба могли бы вести спор, пользуясь более профессиональным языком, - предложил он спокойным голосом.

Ему показалось, что врач даже не заметил его присутствия. Вот уже больше десяти лет никто не осмеливался так вызывающе игнорировать его слова. Он отошел назад, надеясь, что Сэнди справится сама, однако голос доктора стал еще громче. Он переключился на другой язык, мешая английскую брань с ругательствами на фарси. Сэнди молча выслушивала доктора, и Келли испытывал гордость за нее, хотя лицо женщины словно окаменело и она явно скрывала страх за маской невозмутимости. Ее молчаливое сопротивление привело врача в неистовство, и он замахнулся на нее, сопроводив угрозу физического насилия нецензурной бранью, которой научился, несомненно, в здешних местах. Вдруг он замолчал, с удивлением заметив, что его кулак, что уже был в дюйме от носа медсестры, исчез в волосатой лапе очень крупного мужчины.

- Простите, пожалуйста, у вас наверху есть специалисты по лечению переломов рук? - поинтересовался Келли тихим голосом. Хрупкая кисть хирурга с тонкими пальцами скрывалась в огромной ладони; Келли чуть сжал руку, чтобы продемонстрировать серьезность своих намерений.

В этот момент, привлеченный громкими голосами, в дверях появился охранник. Взгляд врача тут же устремился в его сторону.

- Он не успеет прийти к вам на помощь, доктор. Сколько костей в человеческой кисти, сэр? - спросил Келли.

- Двадцать восемь, - машинально ответил врач.

- Хотите, чтобы у вас их стало пятьдесят шесть? - и Келли сильнее сжал руку.

Врач посмотрел в глаза Келли и не увидел там ни гнева, ни Удовольствия. Келли глядел на него совершенно равнодушно, словно перед ним был неодушевленный предмет, и его вежливый голос звучал подобно насмешке над кем-то, стоящим неизмеримо ниже. Но самое главное, вдруг осознал врач, этот человек раздавит его руку без малейших колебаний.

- Попросите у дамы извинения, - посоветовал Келли.

- Я не стану унижаться перед женщиной! - прошипел врач. Давление на руку увеличилось, и выражение его лица сразу изменилось. Стоит этому мужчине сжать руку еще сильнее, понял врач, и его кисть уже никогда не сможет держать скальпель.

- Вы плохо воспитаны, сэр. Попробуйте исправить этот недостаток и побыстрее, - улыбнулся Келли. - Ну! - резко скомандовал он. - Пожалуйста.

- Извините, сестра О'Тул, - пробормотал хирург явно против своей воли, так что унижение оставило кровотокающую рану на его самолюбии. Келли отпустил руку, затем взглянул на жетон с именем на груди врача и лишь после этого посмотрел ему в глаза.

- Ну разве вы не чувствуете себя лучше, доктор Хофан? И впредь не вздумайте никогда кричать на нее, по крайней мере не в тех случаях, когда она права, а вы допустили ошибку. И чтобы не было никаких угроз физического насилия, ясно? - Келли не понадобилось объяснять почему. Врач с трудом шевелил пальцами, стараясь восстановить кровообращение в онемевшей руке. - Нам здесь это не нравится. Вы согласны?

- Согласен, - еле слышно произнес врач, думая о бегстве. Келли снова взял его руку и с дружеской улыбкой пожал ее, чуть сильнее обычного - так, всего лишь напоминание.

- Я весьма рад, что вы все поняли, сэр. Думаю, теперь вы можете идти.

И доктор Хофан ушел, даже не подняв глаза на охранника. Охранник все-таки внимательно посмотрел на Келли, но и только.

- Ты считаешь, это было необходимо? - спросила Сэнди.

- Что ты имеешь в виду? - повернулся к ней Келли.

- Я бы сама справилась, - заметила она, направляясь к двери.

- Не сомневаюсь. А что вообще-то произошло? - спокойно поинтересовался он.

- Хофан назначил пациенту не то лекарство. Пациент - мужчина преклонного возраста с заболеванием шейных позвонков, у него аллергия к этому препарату, и в истории болезни об этом сказано. - Поток слов, вырвавшихся у Сэнди, свидетельствовал, что стресс у нее начал ослабевать. - Мистер Джонстон мог серьезно пострадать. Хофан уже не первый раз допускает подобную ошибку. Доктор Розен может теперь уволить его, а он хочет остаться. Я уж не говорю о том, что он любит командовать медсестрами и нам это не нравится. Но ситуация была у меня под контролем!

- В следующий раз я не стану ему мешать, пусть сломает тебе нос, если уж ты так настаиваешь. - Келли махнул рукой в сторону двери. Он знал, что следующего раза не будет; он увидел это в глазах низкорослого ублюдка.

- И что последует за этим? - спросила Сэнди.

- Он перестанет быть хирургом - на некоторое время. Понимаешь, Сэнди, мне не нравятся люди, которые так

ведут себя. Мне не нравятся те, кто распускает руки, особенно по отношению к женщинам.

- И ты действительно можешь причинить им такую боль?

Келли открыл перед ней дверь.

- Это случается не слишком часто. Они почти всегда прислушиваются к моим советам. Ну, подумай сама - если бы он ударил тебя, тебе было бы больно, а потом стало бы больно ему. А я предотвратил это, и никто не пострадал, разве что задето самолюбие доктора Хофана, а от этого еще никто не умирал.

Сэнди решила не настаивать, хотя и испытывала некоторое раздражение. Ей казалось, что она отразила нападки доктора достаточно твердо. Вообще-то он и хирург-то был никакой и слишком небрежен при операциях. Правда, ему поручали только тех пациентов, что поступали из благотворительных учреждений, и то если операции не были сложными. Это, знала Сэнди, не имело отношения к делу. Такие пациенты тоже оставались людьми, а люди заслуживали максимально добросовестного отношения со стороны представителей медицинской профессии. Он напугал ее. Сэнди была рада вмешательству Келли, хотя и осталась недовольной тем, что не сумела сама справиться с Хофаном. Ее отчет приведет, наверно, к увольнению доктора, и медицинские сестры, работающие с Сэнди, будут удовлетворенно посмеиваться. Медсестры в больницах, подобно сержантам во всех военных подразделениях, являлись главной движущей силой, в конце концов, только совсем уж глупые врачи осмеливались ссориться с ними.

Зато Келли предстал перед нею в новом свете. Взгляд, который она увидела раньше на его лице и так и не смогла забыть, не был иллюзией. Когда Джон сжимал руку Хофана, выражение его лица - впрочем, на лице его не было никакого выражения, всего лишь маска - было равнодушным и бесстрастным. Она не увидела на нем даже удовлетворения от унижения этого ничтожества, и все это пробудило в ней какой-то смутный страх.

- А что случилось с твоей машиной? - спросил Келли, выезжая на Бродвей и направляясь на север.

- Если бы я знала, то она была бы на ходу.

- Это верно, - засмеялся Келли.

Он напоминает оборотня, подумала Сэнди. Он способен принимать обличья, не похожие одно на другое. С Хофаном Джон вел себя подобно гангстеру, жестокому и безжалостному. Сначала он попытался уладить ссору по-хорошему, но потом готов был сделать из хирурга инвалида. Просто так, за пару секунд. И никаких эмоций. Словно наступил на таракана. Но если это так, то кто же он? Неужели он настолько несдержан? Нет, тут же сказала она себе, он умеет контролировать свои поступки. А может, у него что-то с психикой? Пугающая мысль - впрочем, и это невозможно. У Сэма и Сары не может быть такого друга - они умные и проницательные люди.

Тогда кто же он?

- Ну что ж, у меня в багажнике набор инструментов. И вообще я прилично разбираюсь в дизельных двигателях. Посмотрим. Скажи, Сэнди, а как дела на работе - если не принимать во внимание нашего маленького приятеля?

- Все было хорошо, даже здорово, - отозвалась Сэнди, довольная тем, что Келли отвлек ее от мыслей, на которые она не могла найти ответа. - Мы выписали маленькую чернокожую девочку, которая вызывала у нас немало беспокойства. Ей три года, и она упала с кровати. Доктору Розену пришлось немало потрудиться, и он с честью вышел из тяжелого положения. Через месяц-другой даже не будет заметно, что она перенесла сложную операцию.

- Да, на Сэма можно положиться, - заметил Келли. - Он не просто хороший врач, но и человек отменный.

- И Сара такая же. - На них можно положиться - так сказал бы Тим.

- Верно, она - редкая женщина, - кивнул Келли, сворачивая налево, на Норт-авеню. - Она столько сделала для Пэм, - сказал он, на этот раз он просто констатировал факт. И тут же Сэнди увидела, как снова изменилось его лицо, - оно окаменело, будто не он, кто-то другой произнес эти слова, а он всего лишь прислушивался к ним.

Неужели боль утраты никогда не оставит нас? - спросил себя Келли. Он снова вспомнил ее и на короткое жестокое мгновение вообразил - хотя и знал, что обманывает себя, - что это она сидит рядом, справа от него. Но это была не Пэм, она больше никогда не будет сидеть рядом с ним. Его руки стиснули руль, и костяшки пальцев побелели от напряжения, когда он заставил себя выбросить из головы эту мысль. Подобные мысли не менее опасны, чем минные поля. Ты ступаешь по нему, ничего не подозревая, и замечаешь опасность, когда уже слишком поздно. Лучше всего не вспоминать, подумал Келли, тогда будет намного легче. Но во что превратится жизнь без воспоминаний - плохих и хороших? А если ты забудешь тех, кто занимал важное место в твоей жизни, кем ты станешь? Наконец, отказавшись от действий, основанных на этих воспоминаниях, не лишит ли он жизнь ее смысла?

Сэнди прочитала все это у него на лице. Пожалуй, он действительно оборотень, но не всегда умеющий скрывать свои мысли. С психикой у тебя все в порядке, Джон. Ты чувствуешь боль, а они - нет, по крайней мере они не испытывают боли при смерти друга. Тогда кто же ты?

Глава 18

Вмешательство

- Еще раз, - попросил он. Послышался щелчок.

- Теперь я знаю, в чем дело, - сказал Келли. Он склонился над двигателем ее автомобиля - это был "плимут-сэттелайт", - сняв куртку и галстук, засучив рукава. После получасовой возни с машиной его руки были черными.

- Так быстро? - Она вышла из машины, захватив с собой ключи. Эти действия тут же показались ей странными, потому что проклятый автомобиль все равно не заводился. Тогда почему не оставить ключи в замке зажигания, и пусть автоворы приходят в отчаяние?

- Я проверил все, и причина может заключаться только в одном. Это переключатель соленоида.

- А что это такое? - спросила Сэнди, стоя рядом с Келли и глядя на таинственный механизм грязно-синего цвета, являвший собой мотор автомобиля.

- Видишь ли, маленький переключатель, срабатывающий от поворота твоего ключа в замке зажигания, недостаточно велик, чтобы пропустить ток, необходимый для вращения стартера, поэтому он приводит в действие более мощный переключатель вот здесь. - Келли показал на него гаечным ключом. - Ты поворачиваешь ключ, ток поступает в электромагнит, замыкающий цепь в мощном переключателе, и стартер начинает вращаться. Тебе все понятно?

- Да вроде понятно. - Этот ответ даже походил на правду. - Мне сказали, что нужно поставить новый аккумулятор.

- Разве никто тебе не говорил, что автомеханики любят...

- .. насмехаться над женщинами, потому что мы не разбираемся в машинах? - На лице Сэнди появилась гримаса неудовольствия.

- Что-то вроде этого. Впрочем, тебе придется и мне заплатить, - произнес Келли, копаясь в инструментах.

- Заплатить?

- Я буду в непотребном виде, чтобы вести тебя в ресторан, так что нам останется только одно - поужинать здесь, - сказал он, и его белая рубашка и шерстяные брюки исчезли под машиной. Через минуту он вылез назад весь в грязи. - Попробуй теперь.

Сэнди села в машину, вставила ключ в замок зажигания и повернула его. Аккумулятор немного подсел, но двигатель заработал почти сразу.

- Пусть работает. Надо подзарядить батарею.

- Так в чем же было дело?

- Соскочил провод. Понадобилось всего лишь затянуть гайку. - Келли с сожалением посмотрел на свою одежду.

На лице Сэнди появилась виноватая улыбка. - Тебе придется заехать в мастерскую, чтобы поставить еще контргайку. Тогда провод больше не соскочит.

- Тебе было вовсе не обязательно...

- Ведь завтра ты поедешь на работу? - рассудительно спросил Келли. - Где можно вымыть руки?

Сэнди проводила его в дом и показала на ванную комнату. Келли смыл грязь и вышел к ней в гостиную.

- Где ты научился ремонтировать машины? - поинтересовалась она, передавая ему стакан вина.

- Мой отец был механиком-самоучкой. Помнишь, я рассказывал про то, что он работал пожарным? Ему пришлось многому научиться, но ему нравилось это. А я научился от него. Спасибо. - Келли поднял стакан в символическом тосте. Он не привык к вину, но это вино пришлось ему по вкусу.

- Почему ты говоришь - был?

- Он умер, когда я воевал во Вьетнаме. Сердечный приступ, прямо на работе. Мама тоже умерла - у нее был рак печени. Я тогда учился в начальной школе. - Келли старался говорить как можно спокойнее. Боль утраты осталась теперь в далеком прошлом. - Это был тяжелый удар. Мы с отцом любили друг друга. Он много курил - наверно, курение и сгубило его. В то время я лежал в госпитале, общее заражение после операции, и я не смог попасть на похороны. Потому и остался там, пока не выздоровел.

- Так вот почему тебя никто не навещал в больнице. Меня удивило это, но я решила не спрашивать, - сказала Сэнди, понимая, каким одиноким чувствовал себя Келли.

- У меня есть дяди и двоюродные братья, но мы редко встречаемся.

Теперь все начало проясняться, подумала Сэнди. Он потерял мать, когда был еще ребенком, причем эта смерть была мучительной и особенно жестокой. Он, наверно, всегда казался большим и сильным для своего возраста, но не мог ничего изменить. Всех женщин в жизни Келли отняла смерть, тем или иным способом: его мать, его жену и его возлюбленную. Боже мой, сколько же ярости накопилось у него в душе, сказала себе Сэнди. Это многое объясняло. Когда Келли увидел, что Хофан угрожает ей, он просто не мог остаться безучастным. Сэнди по-прежнему считала, что справилась бы сама, но теперь понимала природу его действий. Это сняло все еще скрывавшиеся в ее душе остатки раздражения. Келли не подходил к ней слишком близко, не пытался раздеть ее глазами - Сэнди особенно ненавидела это, хотя, как ни странно, не возражала, если так поступали пациенты, потому, что, по ее мнению, это помогало им взбодриться. Она поняла, что Келли ведет себя как друг, так поступили бы и друзья Тима, такие же офицеры, как он сам, - со смешанным чувством фамильярности и уважения, видя в ней прежде всего личность, а уж только потом женщину. Сандра Мэннинг О'Тул почувствовала, что ей нравится это. Каким бы сильным и крутым парнем он ни был, с его стороны ей ничто не угрожало. Такое соображение показалось ей странным началом их сближения, если это сейчас происходило.

Из передней донесся стук упавшей в почтовый ящик вечерней газеты. Келли достал ее и, прежде чем положить на кофейный столик, взглянул на первую страницу. Там в этот летний день, когда мало сенсационных новостей, говорилось про еще одного продавца наркотиков, найденного убитым на улице. Сэнди заметила, что он быстро пробежал глазами первые строчки статьи.

Поскольку контроль над торговлей наркотиками в центре города теперь практически принадлежал ему. Генри не сомневался, что убитый уличный дилер относился к числу его людей. Генри знал убитого только по кличке, и настоящее имя - Лайонел Халл - стало ему известно лишь после того, как он прочитал заметку в газете. Они никогда не встречались, но Генри говорили, что Банданна - хитрый парень с будущим и что к нему стоит присмотреться поближе. Оказывается, не

такой уж хитрый, подумал Генри, а о будущем и говорить не приходится. Путь к успеху в этом деле опасный, ступени скользкие, процесс отбора, как у Дарвина, - выживают сильнейшие - и Лайонел Халл так или иначе не выдержал требований, предъявляемых к нему новой профессией. Жаль, но смерть даже многообещающего торговца наркотиками не имела особого значения. Генри встал из кресла и потянулся. Он проснулся поздно, получив двумя днями раньше целых пятнадцать килограммов "товара" - так теперь Генри называл героин. Поездка на катере к месту упаковки "товара" и обратно утомила его и вообще доставляла теперь одни неприятности, подумал Таккер. Тем не менее он продолжал сохранять эту тщательно разработанную "крышу". Но все-таки подобные мысли опасны, и Таккер знал это. На этот раз он всего лишь следил за тем, как его люди выполняют порученную работу. Теперь еще двое знали больше, чем раньше, но тут уж ничего не поделаешь - он устал от простого физического труда. Для такой работы и существуют слуги, маленькие людишки, понимающие свое место в жизни и знающие, что им гарантировано процветание, если они будут точно исполнять приказы.

Женщины повиновались приказам лучше мужчин. У мужчин есть самолюбие, которое они убажуют соответственно собственному воображению, и чем меньше умишко обладателя этого воображения, тем уязвимее его самолюбие. Рано или поздно кто-то из его людей проявит непокорность, восстанет против него. Проститутки, которыми он пользовался, намного легче поддаются запугиванию, не говоря уже о дополнительных услугах, оказываемых ими. Таккер улыбнулся.

Дорис проснулась почти в пять. Ее сердце бешено колотилось в груди от последствий наркотического похмелья, ставшего еще хуже из-за двойной порции виски, которую кто-то подсунул ей. Боль не утихала, и Дорис поняла, что придется прожить еще день, что смесь наркотика и виски не привела к забытию, на которое она надеялась, осушив одним глотком стакан перед началом вечеринки. Что было потом, после виски и наркотиков, она помнила очень смутно, и все воспоминания сливались вместе, в память о таком количестве ночей, что она не могла отделить недавнее от давно ушедшего.

Теперь они стали более осторожными. Урок Пэм многому их научил. Дорис села, глядя на наручники, приковывавшие ее лодыжку к цепи, которая заканчивалась болтом, ввинченным в стену. При желании она могла бы попытаться вырвать болт. Молодая крепкая женщина сумела бы добиться этого за несколько часов напряженной работы. Но бегство означало смерть, медленную и мучительную, и потому, как бы ей ни хотелось спастись от жизни, ставшей настолько ужасной, что не хватило бы никакого воображения ее описать или увидеть в кошмарном сне, боль все еще пугала Дорис. Она встала, зазвенев цепью. И через несколько секунд в комнату вошел Рик.

- Привет, бэби. - Улыбка на лице молодого мужчины выражала скорее удовлетворение, чем привязанность. Он наклонился, повернул ключ в замке наручника и сделал жест в сторону ванной. - Иди прими душ. Он тебе просто необходим.

- Где ты научилась готовить китайские блюда? - спросил Келли.

- От медсестры, с которой работала в прошлом году. Ее звали Нэнси Ву. Сейчас она преподает в Виргинском университете. Тебе нравится?

- Ты что, смеешься? - Если кратчайший путь к сердцу мужчины проходит через желудок, то один из лучших комплиментов, которым можно одарить женщину, это попросить добавку. Келли ограничился одним стаканом вина, зато набросился на пищу с аппетитом, какой только позволяли правила поведения за столом.

- Неужели действительно так вкусно? - удивилась Сэнди, явно напрашиваясь на комплимент.

- Это превосходит все то, что могу приготовить я сам, но если тебе захочется опубликовать поваренную книгу, поищи другого консультанта. - Он поднял голову. - Однажды я целую неделю пробыл в Тайпее, там готовят лишь немногим лучше.

- Как ты там оказался?

- Отдыхали после боев. - Этим Келли ограничил объяснения. То, как он со своими товарищами проводил время на Тайване, трудно рассказать даме. И тут он понял, что все равно зашел слишком далеко.

- Тим и..., я уже собрался встретиться на Гавайских островах, но... - Она замолчала.

Келли очень хотелось дотянуться до нее, утешить, взять ее руки в свои, но он боялся, что это может быть не так истолковано.

- Понимаю, Сэнди. Чему еще научила тебя Нэнси?

- О, я узнала от нее так много. Она жила со мной несколько месяцев, и все это время я готовила под ее руководством. Нэнси оказалась превосходным учителем.

- Охотно верю - судя по тому, что ты приготовила сегодня. - Келли съел все, до последней крошки. - Какого режима ты обычно придерживаешься?

- Встаю в четверть шестого, уезжаю в больницу чуть позже шести. Мне нужно быть там за полчаса до начала смены, чтобы проверить состояние пациентов и подготовиться к прибытию новых из операционных. Мы всегда очень заняты. А чем занимаешься ты?

- Все зависит от характера работы. При взрывах...

- Взрывах?

- Да, это моя профессия - подводные взрывные работы. Приходится тратить массу времени на подготовку и планирование. Обычно поблизости всегда несколько инженеров, которые переживают, беспокоятся и дают советы, чего следует избегать. Они постоянно забывают, что взрывать что-либо чертовски проще, чем строить. Впрочем, у меня есть

одна особенность.

- А именно?

- За несколько минут до начала настоящих взрывных работ я всегда подрываю несколько динамитных шашек, - усмехнулся Келли. - Чтобы отпугнуть рыб.

Сэнди озадаченно посмотрела на него.

- А-а, чтобы они не пострадали?

- Совершенно верно. Это моя причуда.

Перед Сэнди открылась еще одна сторона характера Келли. Он мог убивать людей на войне, на глазах охранника и ее самой едва не сломал руку хирургу и в то же время прилагал усилия, чтобы спасти рыб?

- Ты - странный человек.

Келли согласно кивнул.

- Я не убиваю ради удовольствия. Раньше любил охоту, но очень скоро отказался от этого. Иногда ловлю рыбу, - но не с помощью динамита. Как бы то ни было, я взрываю динамитные шашки далеко от объекта, чтобы избежать детонации. Пары шашек достаточно, чтобы распугать почти всех. Да и зачем понапрасну убивать превосходную рыбу?

Это получилось непроизвольно. Дорис была чуть близорука, и под льющейся водой они походили на пятна грязи, но это была не грязь, и она не смывалась. Синяки на ее теле никогда не исчезали, просто перемещались с одних мест на другие в зависимости от пристрастий мужчин, причинявших ей боль. Дорис потеряла их ладонями и поняла по резкой боли, что это следы недавней вечеринки. Желание мыться исчезло. Она знала, что уже никогда не станет чистой. Душ годен лишь на то, чтобы избавиться от неприятного запаха, не правда ли? Даже Рик не скрывал этого, а он был самым добрым из всех, напомнила себе Дорис, отыскивая исчезающий пожелтевший синяк - дело его рук. Его синяки никогда не болели так, как следы, оставленные Билли, - возможно, потому что Билли нравилось причинять ей боль.

Она вышла из-под душа, чтобы вытереться полотенцем. Душ был единственным относительно чистым уголком ванной. Никому в голову не приходило вымыть раковину или унитаз или протереть треснувшее зеркало над умывальником.

- Вот теперь куда лучше, - произнес Рик, наблюдавший за ней. Он протянул Дорис таблетку.

- Спасибо. - Итак, начался еще один день, когда таблетки барбитурата воздвигали стену между нею и действительностью, делая жизнь, если не приятной или даже не сносной, то хотя бы терпимой. Едва терпимой. С помощью друзей, заботящихся о том, чтобы она вынесла действительность, созданную ими. Дорис проглотила таблетку, тут же запив ее горстью воды в надежде, что так она скорее подействует. Таблетки облегчали ее существование, смягчали острые углы жизни, отдаляли от самой себя. Когда-то расстояние было настолько велико, что она не могла окинуть его мысленным взглядом, но это осталось в прошлом. Наркотик начал действовать, и ее охватила волна облегчения. Она посмотрела на улыбающееся лицо Рика.

- Ты ведь знаешь, как я люблю тебя, бэби. - Он протянул руку к ее груди.

На лице Дорис появилась слабая улыбка, когда она почувствовала руки мужчины на своем теле.

- Да, я знаю.

- Сегодня особая вечеринка. Дор. Приезжает Генри.

Келли почти физически услышал шелчок, как только вышел из "фольксвагена" в четырех кварталах от углового особняка, переключившись на совершенно другие мысли. Для него уже стало привычным пересекать "границу джунглей".

Он устроился на выбранном им уже прежде месте на противоположной стороне улицы, снова отыскав крыльцо с мраморными ступеньками, отбрасывавшими тень, и принялся ждать появления красного "плимута". Каждые несколько минут Келли подносил к губам бутылку с вином - на этот раз с красным столовым вином вместо желтого, - делая вид, что пьет, и в то же время обводил взглядом все вокруг, в том числе и окна второго и третьего этажа.

Теперь он уже знал некоторые автомобили. Он заметил черный "карманнга", сыгравший свою роль в смерти Пэм. За рулем сидел мужчина примерно одного с ним возраста, с усами, он медленно ездил по улице в поисках своего дилера. Интересно, подумал Келли, что за проблема заставляет этого человека приезжать сюда из района, где находится его дом, подвергая опасности свою жизнь, чтобы все равно укоротить ее наркотиками. В то же время он оставляет за собой преступный след коррупции и разрушения, оплачивая незаконную торговлю. Неужели ему на все наплевать? Разве он не видит, во что превратили этот район деньги, полученные за наркотики?

Однако Келли прилагал все усилия, чтобы и это выбросить из головы. Здесь по-прежнему жили люди, пытающиеся как-то заработать на пропитание. Они получали пособие по безработице или занимались черной работой, но это были живые люди, существование которых подвергалось постоянной опасности, и, наверно, их не покидала надежда когда-нибудь переехать в такой район, где еще возможна нормальная жизнь. Они старались, насколько это возможно, не замечать торговцев наркотиками и из мелочного чувства добродетели не обращали внимания на уличных бродяг вроде Келли. В таком окружении они, как и он, были вынуждены в первую очередь заботиться о том, чтобы выжить. Общественное сознание представляло собой роскошь, которую большинство не могли себе позволить. Здесь нуждались в элементарной личной безопасности, прежде чем подумать о тех, кто нуждается в ней больше их самих. К тому же сколько таких нуждающихся?

Стоя в ванной. Генри думал о том, что бывают моменты, когда ты испытываешь особое удовольствие, ощущая себя мужчиной. У Дорис есть свое очарование. А ведь еще Мария, худая и высокая тупая девушка из Флориды; Ксанта, больше других зависящая от наркотиков, что вызывает некоторое беспокойство; еще Роберта и Паула. Кроме двух, которым еще не исполнилось и девятнадцати, остальным чуть за двадцать. Все они одинаковые и одновременно такие разные. Генри налил в ладонь лосьон, употребляемый после бритья, и похлопал себя по щекам. А может, завести постоянную подругу, эффектную девушку, на которую будут засматриваться другие мужчины, завидуя ему? Но такой шаг был слишком рискованным. Это привлечет к нему внимание. Нет, пусть лучше все остается как прежде. Он вышел из ванной, освеженный и бодрый. Дорис все еще лежала в комнате в полубессознательном состоянии после пережитого и после двух таблеток, выданных ей в качестве вознаграждения. Она посмотрела на Таккера с легкой улыбкой, которая, решил он, была достаточно почтительной. Дорис выполнила все, что требовалось от нее, - в нужные мгновения издавала надлежащие стоны, делала то, что ему нравилось, не ожидая подсказок. В конце концов, зачем ему постоянная подруга? Смешивать коктейли он может и сам, а тишина одиночества куда приятней, чем молчание глупой суки, живущей в доме, утомительное и скучное. Стараясь продемонстрировать свое расположение. Генри наклонился и поднес палец к ее губам. Дорис послушно поцеловала палец, посмотрев на Таккера мутными глазами.

- Пусть она отоспится, - сказал Генри, направляясь к выходу.

- Хорошо. Мне все равно придется ехать за товаром сегодня, - напомнил ему Билли.

- Вот как? - Таккер совсем забыл об этом, занимаясь с Дорис. Даже у него были человеческие слабости.

- Пршлым вечером выручка Малыша оказалась на тысячу долларов меньше положенной. Я не принял мер. Это у него впервые, и он утверждает, что ошибся в подсчете. Он заплатит дополнительно пять сотен, сам предложил.

Таккер кивнул. За все это время с Малышом такое случилось в первый раз. Он всегда демонстрировал соответствующее уважение и вел прибыльную торговлю на выделенном ему участке тротуара?

- Позаботиться о том, чтобы он осознал, что одна ошибка - это все, что мы можем ему позволить.

- Будет исполнено, сэр. - Билли почтительно склонил голову.

- И чтобы никто не знал об этом.

Вот тут-то и заключалась главная проблема. Даже несколько проблем, подумал Таккер. Начать с того, что уличные торговцы - мелкие людишки, жадные и глупые, не способные понять, что в их деле требуется соблюдать честность и тогда будет достигнута стабильность, а стабильность отвечает общим интересам. Однако уличные дилеры - это всего лишь уличные дилеры, короче говоря, преступники, и он не в состоянии изменить это. Время от времени одного из них настигает смерть - результат ограбления или борьбы за более выгодное место. А некоторые даже оказываются настолько глупыми, что сами становятся наркоманами, пользуясь собственным товаром, - Генри принимал все меры, чтобы избежать этого, и почти всегда успешно. Бывали случаи, когда кто-то из них пробовал перейти дозволенную границу, заявляя, что его обсчитали, - и это только для того, чтобы получить лишние несколько сотен баксов, когда их оборот превышает эту сумму во много раз. Подобные случаи излечивались только одним способом, и Генри прибегал к такому методу настолько быстро и жестоко, что урок запоминался надолго. Пожалуй, Малыш говорит правду. Его готовность заплатить крупный штраф подтверждала это, равно как и демонстрировала то, насколько высоко он ценит постоянное снабжение товаром, объем которого возрос за последнее время вместе с увеличением оборота. И все-таки за ним будут внимательно следить в течение нескольких месяцев.

Больше всего Таккера раздражало, что ему приходится иметь дело с такими мелочами, как ошибка Малыша при подсчете выручки. Он понимал, что это всего лишь болезнь роста, естественный процесс перехода от мелких поставок к крупномасштабному снабжению. Ему надо научиться передавать полномочия, позволив Билли, например, принимать более ответственные решения. Достаточно ли подготовлен Билли для этого шага? Сложный вопрос, сказал себе Генри, выходя из дома. Он передал десятку мальчишке, стерегущему его автомобиль, не оставляя своих мыслей. Билли умело руководил девушками. И вообще он неглупый белый парень, приехавший из угледобывающего района штата Кентукки. Никогда не подвергался суду и даже не был под арестом. Честолюбивый. Ладит с окружающими, беспрекословно подчиняется приказам. Пожалуй, он действительно готов подняться еще на одну ступень.

Наконец-то, подумал Келли. Красный "плимут" появился в четверть третьего. Келли уже целый час беспокоился о том, что он может не приехать совсем. Келли отодвинулся подальше в тень, немного выпрямился и поднял голову, чтобы получше разглядеть приехавших. Билли со своим помощником. О чем-то смеются. Парень, сопровождающий Билли, споткнулся на ступеньках и упал - наверно, перебрал немного. Более важным было то, что, когда он упал, из его кармана высыпались какие-то светлые прямоугольные бумажки - похоже, банкноты.

Неужели в этом особняке ведется подсчет денег? - подумал Келли. Очень интересно. Оба быстро наклонились и собрали рассыпавшиеся наличные. Билли ударил по плечу своего спутника, но не очень сильно, почти в шутку, и что-то сказал. Келли не разобрал слов с расстояния в пятьдесят ярдов.

В это время ночи автобусы курсировали с промежутками в сорок пять минут, их маршрут пролегал в нескольких кварталах отсюда. Полицейские патрули появлялись строго по расписанию. Повседневная жизнь в этом районе тоже подчинялась определенным законам. К восьми вечера движение на улицах прекращалось, а к половине десятого все местное население хоронилось за дверями, снабженными тремя замками, благодаря судьбу за то, что удалось прожить

еще один день, испытывая страх перед следующим и появляясь на улицах лишь в тех случаях, когда требовалось купить наркотики. Уличные дилеры оставались на своих местах часов до двух ночи. Келли уже давно установил все это и после тщательных размышлений пришел к выводу, что узнал все необходимое для него. Впрочем, оставались элементы случайности. Они всегда существуют, их нельзя предвидеть, но к ним можно подготовиться. Элементом случайности надо противопоставить заранее разработанные маршруты уклонения, постоянную бдительность и тщательно выбранное оружие. И все-таки случайность могла сыграть решающую роль, но какой бы неприятной она ни была, Келли признавал ее частью нормальной жизни, если вообще проводимые им операции можно так назвать.

Он с трудом встал, пересек улицу и направился к угловому особняку уже привычной походкой пьяного бродяги. Дверь, заметил он, не была заперта. Проходя мимо, он внимательно посмотрел в сторону входа. Медная пластинка рядом с ручкой висела наискосок. Этот образ запечатлелся у него в сознании, и Келли, удаляясь от особняка, начал планировать операцию, которую решил провести следующей ночью. До него донесся голос Билли, смех из окон второго этажа, показавшийся ему каким-то странным и визгливым. К этому голосу Келли испытывал глубокое отвращение и в отношении его уже разработал определенные планы. Впервые он оказался так близко к одному из людей, убивших Пэм. Может быть, даже к двум. Это не оказало на него того действия, которого можно было ожидать. Он остался спокойным. Все должно быть проведено в соответствии с планом.

Скоро увидимся, парни, пообещал Келли в тишине своих мыслей. Это был его следующий крупный шаг, и он не хотел подвергать свой план даже малейшей опасности. Келли направился дальше вдоль квартала, не спуская взгляда с торговцев в четверти мили впереди, которые были легко различимы благодаря своему росту и совершенно прямым широким улицам.

Еще одно испытание - он должен быть полностью уверенным в себе. Келли шел на север, не переходя на другую сторону улицы, иначе они могли бы заметить его и, если не заподозрить неладное, то по крайней мере заинтересоваться им. Он подойдет к ним незаметно. Меняя угол сближения с целью, вместо того чтобы идти по прямой, Келли добился того, что его сутулое тело сливалось с фасадами домов и стоящими вдоль обочин автомобилями, виднелась лишь голова, маленький темный объект, ничего опасного. Оказавшись на расстоянии квартала, он пересек улицу и воспользовался предоставившейся возможностью, чтобы оглянуться по сторонам. Повернув затем налево, Келли пошел по тротуару. Он был широким, не меньше двенадцати или пятнадцати футов, и перемежался мраморными ступеньками, ведущими к дверям домов. Ширина тротуара была на руку Келли, продолжавшему идти вперед неровным, спотыкающимся шагом, сворачивая то в одну, то в другую сторону. Наконец он остановился и поднес к губам бутылку, демонстрируя свои безобидные намерения, затем подошел к обочине и начал мочиться в сточную канаву.

- Дерьмо проклятое! - услышал он чей-то голос, не то Большого Боба, не то Маленького. Для Келли было достаточно очевидным отвращение в этом голосе, когда люди отворачиваются от неприятного зрелища. К тому же, подумал он, мне все равно хотелось облегчиться.

Оба дилера были выше его. Большой Боб, старший среди них, достигал шести футов и трех дюймов, а его помощник, Маленький Боб, был еще выше, по крайней мере шесть футов и пять дюймов, широкоплечий и мускулистый, но с уже наметившимся брюшком от пива или неумеренной еды. Оба выглядели опасными противниками, отметил Келли, быстро меняя тактику. Может быть, лучше пройти мимо и оставить их в покое?

Нет.

И все-таки сначала он прошел мимо. Маленький Боб смотрел на другую сторону улицы, а Большой уперся спиной в стену здания. Келли провел воображаемую линию между ними и отсчитал три шага, прежде чем медленно повернул налево, чтобы не встревожить их. Его правая рука в то же самое время скользнула под новую, но выглядевшую старой, походную куртку. Когда из-под куртки появился пистолет, левая рука Келли тоже обхватила его рукоятку, и он чуть присел в позицию, похожую на стойку боксера, которую позднее назвали "стойкой Уивера". Его взгляд опустился к белой линии на верхней части глушителя, закрепленного на стволе поднимающегося вверх пистолета. Келли вытянул обе руки перед собой, чуть согнув их в локтях, и быстро и плавно направил пистолет на первую цель. Человеческий глаз сразу замечает движение, особенно ночью. Большой Боб увидел это, понял, что происходит нечто угрожающее, но не сразу осознал смертельную опасность. В следующее мгновение инстинкт самосохранения, обостренный годами жизни на улице, словно скомандовал: "Револьвер!". Но слишком поздно. Вместо того чтобы уклониться от пули, что могло бы на несколько мгновений продлить его жизнь, Большой Боб попытался вытащить свое оружие.

Указательный палец Келли дважды нажал на спусковой крючок - первый раз, когда глушитель остановился на цели, и второй - сразу после того, как кисти рук поглотили легкую отдачу патрона 22-го калибра. И тут же, не переставляя ног, он повернулся вправо - механический поворот точно в прежней плоскости - к Маленькому Бобу. Тот уже успел прореагировать, увидел, что его босс начал падать, и протянул руку к револьверу на бедре. И тоже недостаточно быстро. Первый выстрел Келли не был точным, пуля попала слишком низко и не причинила особого вреда. Зато вторая пуля впиалась в висок, вошла внутрь черепа, отразилась там от более массивных костей и понеслась вокруг, подобно хомячку в клетке. Маленький Боб рухнул лицом вниз. Келли задержался на мгновение, лишь чтобы убедиться в смерти обоих, потом, повернулся и пошел прочь.

Шесть, подумал он, направляясь к углу, чувствуя, как замедляется биение сердца от ослабевающего притока адреналина, и пряча пистолет за пояс рядом с ножом.

Часы показывали без пяти три.

Все началось не слишком удачно, подумали морские пехотинцы, отобранные в состав штурмовой группы.

Чартерный автобус остановился по дороге из-за поломки двигателя, и хотя водитель сумел исправить его, он, поехав по более короткому пути, чтобы наверстать потерянное время, попал в транспортную пробку. Автобус въехал на базу морской пехоты в Куантико чуть позже трех, где последовал за джипом к месту назначения. Морские пехотинцы обнаружили казарму, расположенную в стороне от остальных, и, войдя в нее, увидели, что половина коек уже занята храпящими солдатами. Они быстро разобрали оставшиеся койки и тоже улеглись спать. Какой бы интересной, волнующей и опасной ни была предстоящая операция, началась она с самых обычных суток.

Ее звали Вирджиния Чарлз, и ночь для нее тоже началась, не слишком удачно. Она работала медсестрой в больнице святой Агнессы, всего в нескольких милях от своего дома. Ей пришлось задержаться в больнице, потому что сменщица запоздала, а Вирджиния не захотела оставить без присмотра порученный ей участок. И хотя она работала в одной и той же больнице в одну и ту же смену на протяжении восьми лет, она не знала, что расписание автобусов изменилось, и потому, опоздав на свой обычный автобус, ей пришлось ждать следующего едва ли не целую вечность - по крайней мере так показалось Вирджинии. И вот теперь она сошла с автобуса на два часа позже того времени, когда привыкла ложиться спать, уж не говоря о том, что пропустила "Вечернее шоу", которое привыкла смотреть по будням. Сорок лет, разведена с мужчиной, от которого получила двух детей - один из них служит в армии, но, слава Богу, в Германии, а не во Вьетнаме, а второй все еще учится в средней школе - и почти ничего больше. Являясь членом профсоюза и выполняя тяжелую, иногда грязную работу, она сумела воспитать обоих сыновей, все время беспокоясь, как это делают матери, о компании, в которой они находятся, и их шансах на успех в жизни.

Она чувствовала себя такой усталой, когда сошла с автобуса, спрашивая себя, почему не купила автомобиль из тех денег, что накопила за несколько лет. Но покупка автомобиля влекла за собой необходимость страховки, а у нее дома младший сын - это увеличит затраты на эксплуатацию машины и заставит ее беспокоиться еще больше. Может быть, она купит ее через несколько лет, когда и он будет служить в армии, что является его единственной надеждой на обучение в колледже. Вирджинии Чарлз хотелось, чтобы ее сыновья получили высшее образование, но заплатить за это ей одной никогда не удастся.

Несмотря на усталость, она шла быстрым шагом, настороженно глядя по сторонам. Как изменился ее район! Всю свою жизнь она провела здесь в пределах нескольких кварталов и все еще помнила, как приятно и, главное, безопасно можно было ходить по улицам, навещая знакомых. Она даже помнила, что могла ходить пешком в церковь Нового Сиона, ничуть не беспокоясь о своей безопасности, когда у нее изредка выдавался свободный вечер. Теперь Вирджиния больше не имела такой возможности из-за работы, но утешала себя тем, что могла откладывать деньги за два часа ежедневной сверхурочной работы. Она шла и настороженно смотрела по сторонам. В конце концов нужно пройти всего три квартала, подумала она, и ускорила шаг, куря сигарету, чтобы хоть как-то снять усталость и не потерять бдительности, пытаясь оставаться спокойной. За прошлый год ее грабили дважды, оба раза наркоманы, нападавшие сзади и хватавшие за шею - отсюда и местный термин "запрягать", - им были нужны деньги на наркотики. Нет худа без добра - эти случаи послужили предметным уроком для ее сыновей. К тому же ее финансовые потери оба раза оказывались небольшими, потому что Вирджиния никогда не имела при себе больше той суммы, которая требовалась для оплаты проезда на автобусе и ужина в кафетерии больницы. Боль причиняло не это, а оскорбление ее достоинства. Впрочем, еще болезненнее она воспринимала это из-за воспоминаний об ушедших временах, когда здесь жили, главным образом, законопослушные граждане. Остался еще один квартал, сказала себе Вирджиния, поворачивая за угол.

- Эй, мамаша, у тебя не найдется доллара? - послышался голос уже позади нее. Она увидела тень и продолжала идти мимо нее, не оборачиваясь, не обращая внимания, надеясь, что и к ней отнесутся с аналогичной любезностью. Теперь, однако, подобная любезность становилась редким явлением. Она шла дальше, опустив голову, усилием воли заставляя себя не останавливаться, пытаясь убедить себя в том, что далеко не все уличные хулиганы нападают на женщину сзади. Рука, схватившая ее за плечо, положила конец такой надежде.

- Давай деньги, сука, - произнес голос. В нем не было злобы, всего лишь сухое требование, выраженное равнодушным тоном, дававшим понять, что представляют собой новые уличные правила.

- У меня недостаточно денег, чтобы ты проявил к ним интерес, парень, - ответила Вирджиния Чарлз, поворачивая плечо. Ей хотелось уйти отсюда, она все еще не оглядывалась назад, зная, что в движении - безопасность. И тут послышался щелчок.

- Порежу тебя. - Голос все еще оставался спокойным, он объяснял этой глупой суке суровые жизненные факты.

Звук напугал ее. Она остановилась, шепча про себя молитву, и открыла сумочку, затем медленно повернулась. Ее гнев пока не уступил места страху. Она могла закричать, и несколько лет назад женский крик возымел бы действие. Мужчины услышали бы ее, как-то отреагировали, может быть, даже вышли на улицу, чтобы прогнать хулигана. Теперь она увидела его - совсем мальчишка, лет семнадцати-восемнадцати, с расширенными, лишенными жизни зрачками от какого-то наркотика, - это и еще бесчеловечное ощущение неограниченной власти. Нужно отдать ему деньги и уходить, подумала она, и достала из сумочки пятидолларовую бумажку.

- Целых пять долларов? - хихикнул парень. - Мне нужно куда больше, сука. Давай деньги, а то пушу кровь.

Больше всего ее напугал взгляд мальчишки, заставил впервые потерять самообладание.

- Это все, что у меня есть! - в панике воскликнула она.

Келли повернул за угол. Его машина стояла совсем близко, в середине квартала, и он почувствовал, как начало спадать напряжение. Он ничего не слышал, пока не вышел из-за угла, и сразу увидел двух человек меньше чем в двадцати футах от его "фольксвагена", покрытого пятнами ржавчины. Один из них что-то держал в руке, и по

сверкнувшему отражению Келли понял, что это нож.

Его первой мыслью было: “Проклятье!” Ведь он уже решил, как следует поступать в таких случаях. Он не сможет спасти весь мир и даже не будет пытаться. Спасение жертвы уличного преступления выглядит эффектно на экране телевизора, но сейчас он охотился за более крупными хищниками. Однако он не подумал о том, что преступление может совершиться рядом с его машиной.

Келли замер, оценивая обстановку, и его мозг снова заработал, когда в кровь хлынул поток адреналина. Если здесь произойдет что-нибудь серьезное, полиция сразу окажется тут как тут и может пробыть в течение нескольких часов, а ведь он оставил два мертвых тела почти в четверти мили отсюда - еще меньше, если считать по прямой. Это плохо, и у него почти нет времени для принятия решения. Мальчишка держал женщину за руку, размахивая ножом, он стоял спиной к Келли. Даже в темноте трудно промахнуться с расстояния в двадцать футов, но только не пулей 22-го калибра, которая проникает очень глубоко, тем более что позади преступника находится его жертва или по крайней мере ничем не вооруженный человек. На женщине была какая-то форменная одежда, ей лет сорок, отметил Келли, двигаясь вперед. И тут все снова переменялось. Мальчишка ударил женщину ножом в руку. В свете уличных фонарей Келли отчетливо увидел кровь.

Вирджиния Чарлз застонала от боли, когда нож полоснул по руке. Она вырвалась или, вернее, попыталась вырваться, уронив деньги. Левой рукой мальчишка схватил ее за горло, и по его взгляду она поняла, что он решает, куда нанести следующий удар. И тут женщина заметила движение в темноте - футах в пятнадцати стоял мужчина. От боли и в панике она попыталась закричать, позвать на помощь. Крик был едва слышен, но бандит заметил, что ее глаза куда-то устремлены - куда?

Парень обернулся и увидел в десяти футах уличного бродягу. Охватившая его было тревога перешла в ленивую улыбку.

Проклятье. Все идет совсем не так как надо. Голова Келли была наклонена вперед, он смотрел на мальчишку исподлобья, чувствуя, что происходящее вышло из-под контроля.

- Может быть, у тебя есть деньги, папаша? - спросил парень, опьяненный чувством силы. Повинуясь минутному капризу, он шагнул к бродяге, у которого должно быть больше денег, чем у этой суки-медсестры.

Келли не ожидал этого, и движение мальчишки застало его врасплох. Он протянул руку за пистолетом, но глушитель зацепился за что-то, и приближающийся бандит инстинктивно почувствовал угрозу. Он сделал еще шаг, на этот раз более быстрый, и вытянул вперед руку с ножом. Теперь у Келли не осталось времени, чтобы достать пистолет. Он сделал полшага назад и выпрямился.

При всей своей агрессивности грабитель плохо владел ножом. Его первый выпад оказался неудачным, и он удивился, с какой легкостью пьяный бродяга отбил в сторону вытянутую руку, затем шагнул вперед. Жесткие пальцы нанесли удар в солнечное сплетение, парень задохнулся, но не упал сразу. Медленно опускаясь на землю, он снова взмахнул ножом. Келли схватил его за руку, дернул на себя, затем повернул ее и переступил через тело, уже падающее вниз. Послышался громкий треск - это рука мальчишки выскочила из плечевого сустава, но Келли продолжил движение и сломал ее совсем.

- Почему бы вам не идти домой, мадам? - негромко сказал он, обращаясь к Вирджинии и отвернувшись в сторону в надежде, что она не успела понять, что произошло. Да, пожалуй, не успела, решил Келли - он двигался с молниеносной быстротой.

Медсестра наклонилась, подняла с тротуара пятидолларовую банкноту и без единого слова пошла прочь. Келли смотрел ей вслед, повернув голову, и увидел, как она прижала правую руку к ране на левой, пытаясь остановить кровотечение, затем пошатнулась, по-видимому, от шока. Келли был доволен, что ей не понадобилась помощь. Ему было ясно, что она непременно сообщит кому-нибудь о случившемся, может быть, вызовет “скорую помощь”, и вообще-то надо бы помочь ей, однако опасность увеличивалась намного быстрее его способности справиться с возникшими проблемами. Неудавшийся грабитель начал стонать, боль от сломанной руки пробивалась сквозь защитный туман наркотиков. А вот он наверняка видел лицо Келли, причем совсем близко.

Проклятье, прошептал Келли. Ничего не поделаешь, этот парень ранил женщину и затем напал с ножом на него - и первое и второе можно истолковывать как попытки совершить убийство. И уж точно для него это не впервые. Парень выбрал не правильный путь, а сегодня ошибся и при выборе места. За подобные ошибки приходится расплачиваться. Келли взял нож из сломанной руки парня, вяло лежащей на тротуаре, с силой всадил его в шею чуть ниже затылка и оставил там. Еще через минуту “фольксваген” Келли был уже в середине соседнего квартала.

Семь, сказал он себе, поворачивая на восток.

Проклятье.

Глава 19

Мера милосердия

Это становится уже более привычным, чем утренний кофе с булочкой, сказал себе лейтенант Райан. Убиты еще два торговца наркотиками, оба двумя выстрелами в голову, пули 22-го калибра, но на этот раз не ограблены. На месте преступления нет пустых гильз, никаких следов борьбы. Один даже схватился рукой за свой револьвер, но не успел достать его из заднего кармана брюк. Вот это было уже необычно. Он по крайней мере заметил опасность и отреагировал на нее, хотя и неэффективно. Затем позвонили по телефону из квартиры, находящейся всего в нескольких кварталах от места, где были найдены тела убитых уличных дилеров, и лейтенант в сопровождении Дугласа поехал туда, оставив

младших детективов разбираться с двумя убитыми. Судя по телефонному звонку, это убийство было куда интереснее.

- Ты только посмотри! - воскликнул Дуглас, который вышел из машины первым. Действительно, не слишком часто видишь, что из затылка трупа торчит рукоятка ножа, словно столб в изгороди. - Серьезные парни, им не до шуток.

Как правило, рядовое убийство в этой части города, как и в любой части любого другого города, случалось в результате семейных ссор. Члены семьи убивали друг друга или люди убивали близких друзей по самым тривиальным причинам. В прошлом году, в День Благодарения, отец убил сына, поссорившись из-за ножки индейки. Самому Райану больше всего "нравилось" убийство, происшедшее в результате ссоры по поводу пирога с крабами - не то чтобы оно вызывало у лейтенанта какое-то особое веселье, просто казалось ему исключительным парадоксом. Во всех подобных случаях ситуация усугублялась алкоголем и унылой жизнью, превращавших мелкие разногласия в проблемы огромной важности. "Я не хотел" - эту фразу ему приходилось выслушивать после совершенного убийства чаще всего. Другим весьма распространенным объяснением было "ну почему он так настаивал на своем?" Грусть после расследования подобных случаев, разъедала душу Райана подобно кислоте, но хуже всего была однообразная монотонность таких убийств. Человеческая жизнь не должна заканчиваться путем вариаций на одну и ту же тему. Она слишком драгоценна для этого - урок, усвоенный Райаном на вересковых пустошах Нормандии и в заснеженных лесах вокруг Бастони, когда он был молодым солдатом в 101-й воздушно-десантной дивизии. Типичный убийца обычно заявлял, что не собирался убивать, и часто сразу сознавался в совершенном преступлении, глубоко раскаиваясь в содеянном, в том, что от его или ее руки погибли члены семьи или друзья, так что в результате рушились две жизни. Это были преступления, совершенные в порыве страсти или необдуманных действий. Такими обычно и бывали убийства. Но не это.

- Что у него с рукой? - спросил Райан у судебно-медицинского эксперта. Помимо многочисленных следов уколов рука мертвого парня казалась вывернута настолько, что лейтенант понял - он смотрит на ее обратную сторону.

- Похоже, плечевой сустав вывихнут - впрочем, нет. Сломан, - добавил врач после короткого раздумья. - Мы видим здесь синяки вокруг кисти, вызванные силой захвата. Кто-то схватил его за кисть двумя руками и практически вырвал руку из плечевого сустава, словно ветку у дерева.

- Прием карате? - удивился Дуглас.

- Похоже на то. В результате он утратил способность двигаться. А причину смерти вы видите сами.

- Лейтенант, вот Вирджиния Чарлз, она живет в квартале отсюда, - позвал Райана сержант полиции. - Миссис Чарлз сообщила о преступлении.

- С вами все в порядке, миссис Чарлз? - спросил Райан. Фельдшер осматривал повязку, которую она сама наложила на раненую руку. Рядом стоял ее сын, заканчивающий Данбар-хай-скул. Он смотрел на убитого безо всякого сострадания. Четыре минуты спустя лейтенант располагал дополнительной информацией.

- Вы говорите, бродяга?

- Пропойца - вон бутылка, которую он выронил. - Женщина показала на валяющуюся бутылку. Дуглас подобрал ее с максимальной осторожностью.

- Можете описать его? - спросил лейтенант Райан.

Утренняя рутина была настолько обыденной, что могла иметь местом любую базу морской пехоты от Леджуна до Окинавы. Двенадцать ежедневных упражнений, затем пробежка, причем - в ногу, а старший сержант громким голосом задавал темп. С особым удовольствием солдаты обгоняли группы младших лейтенантов, только что получивших первое офицерское звание и проходящих курс начальной физической подготовки, или улыбались при виде еще более жалкого зрелища - бегущих курсантов офицерской школы. Маршрут пятимильной пробежки пролегал мимо стрельбища с дистанциями до пятисот ярдов и других тренировочных объектов, названных в честь погибших морских пехотинцев, почти до академии ФБР, но потом сворачивал на лесную тропинку к выделенному для подготовки штурмовой группы тренировочному полигону. Привычная утренняя рутина всего лишь напоминала солдатам, что они - морские пехотинцы, а продолжительность пробежки говорила об их принадлежности к разведывательным подразделениям корпуса, для членов которых физическая подготовка, не уступающая уровню тренированности участников Олимпийских игр, была нормой. Выбежав на территорию полигона, они с удивлением заметили, что там их ждет генерал, равно как детская песочница и качели.

- Добро пожаловать в Куантико, морские пехотинцы, - обратился к ним Марти Янг, после того как солдаты немного остыли от пробежки и сержант подал им команду "вольно". В стороне они увидели двух адмиралов в белых повседневных мундирах, а с ними пару штатских, которые наблюдали внимательно за солдатами и прислушивались. Глаза морских пехотинцев сузились, и предстоящая операция сразу приобрела особый интерес.

- Выглядит, как на аэрофотоснимках, - негромко заметил Каз, осматриваясь по сторонам; они уже знали, о чем будет говорить генерал Янг, обращаясь к солдатам. - А вот зачем здесь игровая площадка?

- Это я предложил, - произнес Грир. - У Ивана есть разведывательные спутники. Время их пролета над полигоном в течение следующих шести недель указано в расписании, висящем внутри здания А. Мы не знаем, насколько совершенны их камеры, и потому исходим из того, что они не уступают нашим, понимаешь? Вот мы и показываем другой стороне все, что она хочет увидеть или в чем она может легко разобраться. У веек по-настоящему безобидных мест существует площадка для стоянки автомобилей. - Программа была уже определена. Каждый день после прибытия на полигон солдаты будут перемещать автомобили с одного места на другое, причем беспорядочно. Затем, часов в десять утра они извлекут из машин манекены и расставят их по игровой площадке. В два или три часа дня автомобили снова поменяют местами, а манекены переставят. Высшие чины подозревали - и были в этом правы, - что процедура вызовет

массу шуток.

- А после того как все кончится, полигон превратится в настоящую игровую площадку? - спросил Риттер и тут же ответил на собственный вопрос. - Черт побери, а почему и нет? Здорово придумано, Джеймс.

- Спасибо, Боб.

- Но полигон кажется таким маленьким, - заметил адмирал Максвелл.

- Размеры соблюдены с точностью до трех дюймов. Мы смошенничали, - объяснил Риттер. - В нашем распоряжении имеется советское наставление по строительству таких лагерей. Ваш генерал Янг отлично справился с работой.

- В окнах здания С отсутствуют стекла, - обратил внимание Подулски.

- А ты посмотри на снимки, Каз, - посоветовал Грир. - У них там не хватает стекла. У этого здания только ставни, здесь и там. В окнах казармы, где содержатся военнопленные, - он показал на здание В, - деревянные решетки, чтобы можно было впоследствии снять их. Что касается внутренних помещений, пришлось руководствоваться догадками, но и здесь мы говорили с несколькими военнопленными, освобожденными оттуда, так что нельзя сказать, что все взято с потолка.

Морские пехотинцы уже оглядывались по сторонам, узнав кое-что о предстоящей операции. Они были знакомы с планом и теперь думали о том, как использовать свой боевой опыт в условиях этого странного полигона с игровой площадкой и манекенами детей, которые будут следить за их тренировками голубыми кукольными глазами. Гранатометы М-79 для уничтожения сторожевых вышек. Зажигательные гранаты - через окна казармы. Вертолеты с шестиствольными пулеметами зальют ее огнем сразу после этого..., а "жены" и "дети" будут смотреть на происходящее и никому не расскажут.

Расположение полигона было выбрано с максимальной тщательностью из-за сходства с местом в другой части земного шара. Морским пехотинцам можно было не объяснять, в какой именно, - они догадывались и сами; их взгляды то и дело останавливались на холме в полумиле от полигона. С его вершины открывался отличный вид на выстроенные здания. Выслушав приветственное обращение генерала, солдаты разделились на заранее подготовленные группы и отправились за оружием. Вместо автоматических винтовок М16А1 им выдали более короткие автоматы CAR-15, удобные для ближнего боя. Гранатометчики получили обычные ручные гранатометы М-79, прицелы которых были покрыты радиоактивным тритием и светились в темноте, и тяжелые оружейные пояса, увешанные боеприпасами, потому что стрельбы начнутся немедленно. Первая тренировка будет проходить днем, чтобы солдаты могли освоиться с оружием, но все остальные тренировки намечены на темное время суток, о чем генерал умолчал. Впрочем, это было и без того очевидно. Такие операции проводятся только ночью. Получив оружие, солдаты отправились на ближайшее стрельбище. Там были уже установлены шесть оконных рам. Гранатометчики обменялись взглядами и произвели первый залп. Один из них, к своему стыду, промахнулся. Остальные пятеро начали поддразнивать его, убедившись сначала, что белые разрывы их учебных гранат появились позади оконных рам.

- Ну ладно-ладно, просто мне надо размяться, - недовольно проворчал капрал и за сорок секунд положил остальные пять гранат точно в цель. Он был чересчур медлителен - никто из морских пехотинцев не сумел как следует выспаться.

- Интересно, неужели нужно быть настолько сильным, чтобы так всадить нож? - спросил Райан.

- Да уж слабак не смог бы проделать такое, - заметил судмедэксперт. - Лезвие рассекло позвоночный столб как раз в том месте, где он соединяется с продолговатым мозгом. Смерть наступила мгновенно.

- Он уже искалечил парня. Плечевой сустав действительно так серьезно поврежден, как это кажется? - поинтересовался Дуглас, освобождая место фотографу.

- Наверно, еще хуже. Мы убедимся при вскрытии, но я не сомневаюсь, что сустав полностью сломан. Такую травму невозможно вылечить, по крайней мере нельзя восстановить все функции руки. Этот парень никогда не смог бы играть в бейсбол, еще до того как ему вонзили нож в затылок.

Белый, лет сорока или больше, длинные черные волосы, невысокий, опустившийся. Райан взглянул на свои записи.

- Идите домой, мадам, - сказал бродяга Вирджинии Чарлз.

- Жертва была еще жива, когда миссис Чарлз уходила отсюда. - Дуглас подошел к лейтенанту. - Убийца поднял, должно быть, нож и всадил его в парня. Эм, на протяжении прошлой недели у нас произошло четыре убийства, совершенных хладнокровным профессионалом, в результате которых погибло шесть человек.

- Четыре различных МО. Двое связаны, ограблены и убиты из револьвера 22-го калибра, не оказали ни малейшего сопротивления. Один застрелен из охотничьего ружья, не успел защититься. Двое застрелены вчера ночью, тоже, по-видимому, из револьвера 22-го калибра, но не ограблены, не связаны и заметили угрожающую им опасность перед самой смертью. И все - торговцы наркотиками. Но вот этот парень - всего лишь уличный хулиган. Нет, Том, все не так просто. - Лейтенант задумался. - Мы уже опознали убитого?

- Наркоман, - ответил полицейский сержант. - В его деле числится шесть арестов за попытки ограбления и Бог знает что еще.

- Непонятно, - покачал головой лейтенант Райан. - Это идет вразрез здравому смыслу. Если мы говорим р профессионале, то почему он допустил, чтобы кто-то увидел его, почему разрешил женщине уйти, почему говорил с ней - наконец, черт побери, зачем ему было вообще убивать этого парня? Где тут здравый смысл? - Действительно две пары

уличных торговцев наркотиками убиты выстрелами из револьвера 22-го калибра, но малокалиберное оружие применяется в разборках чаще другого, и тогда как одна пара была ограблена, вторая - нет, и к тому же их убили не с такой поразительной точностью, как первых двух. Еще один дилер застрелен из охотничьего ружья и ограблен. - Ладно, на этот раз у нас имеется нож, которым было совершено убийство, а также бутылка. С того или с другого мы сможем снять отпечатки пальцев. Кем бы ни был убийца, на этот раз он не проявил достаточной осторожности.

- Пропойца - борец за справедливость, Эм? - подколот его Дуглас. - Тот, кто убил этого парня...

- Знаю, знаю. Убийца не мог быть слабаком. - Но кто он?

Слава Богу, что у меня на руках были перчатки, подумал Келли, глядя на синяки на правой руке. Он позволил ярости выйти из-под контроля - это плохо. Вспоминая случившееся, заново переживая тот инцидент, Келли понял, что попал в безвыходное положение. Допусти он, чтобы женщину убили или серьезно ранили, и сядь в машину, чтобы просто уехать, - во-первых, он никогда не смог бы простить себе этого и, во-вторых, если бы один из них увидел его "фольксваген", на него пало бы подозрение в убийстве, совершенном совсем рядом. И тут же Келли презрительно фыркнул. Да ведь его и так теперь подозревают в убийстве. Кто-нибудь точно подозревает. Вернувшись домой, он посмотрел в зеркало еще до того, как снял парик и все остальное. Тот, кого увидела женщина, не был Джоном Келли. Это был мужчина с лицом, заросшим темной щетиной, грязный и дурно пахнущий, с длинными спутанными волосами. Из-за сутулости он казался на несколько дюймов ниже, да и освещение на улице было слабым. К тому же она стремилась как можно скорее уйти. И все-таки. Каким-то образом он оставил там бутылку. Келли вспомнил, что выронил ее, когда парировал выпад парня, угрожавшего ему ножом, и затем в пылу схватки забыл про бутылку. Как глупо! Келли был вне себя от собственной неосмотрительности.

Так что же известно теперь полиции? Его описание не будет соответствовать действительности. Хирургические перчатки на руках хотя и не предотвратили синяки, все-таки не порвались. К тому же у него не было кровотечения. Но самое главное - он ни разу не коснулся бутылки голыми руками. В этом Келли был уверен, потому что с самого начала принял такое решение. Полиция знает, что какой-то уличный бродяга убил хулигана, напавшего на женщину, но в городе было много уличных бродяг, а для завершения операции Келли требовалась всего лишь еще одна ночь. И все-таки ему придется изменить тактику, а следовательно, предстоящая операция будет опаснее, чем он надеялся. Однако информация о Билли, собранная им, была слишком хорошей, чтобы отказаться от операции, а этот улюдышек может проявить находчивость и в дальнейшем избрать иную манеру поведения. Что, если он пользовался несколькими заброшенными домами для подсчета выручки или этот особняк был выбран им всего на несколько суток? Если дело обстоит именно так, стоит пропустить день или два, и Келли придется тогда начинать все с самого начала, причем выбрать иную маскировку, потому что полученные им разведывательные данные окажутся бесполезными. И это при условии, что ему вообще удастся найти такую же удачную маскировку, что сейчас казалось маловероятным. Келли напомнил себе, что убил шесть человек, чтобы продвинуться достаточно далеко по пути к достижению цели - седьмой был случайной жертвой, и это не имело значения..., разве что для той женщины. Он сделал глубокий вдох. Если бы он только наблюдал за происходящим, стал безучастным свидетелем ее ранения или убийства, как смог бы он смотреть в зеркало? Келли пришлось признаться, что он все-таки нашел наилучший выход из сложной ситуации. Ничего не поделаешь, такое случается.

Теперь опасность увеличилась, но его беспокоил только провал операции, а не угрожающая ему опасность. Но сейчас нужно подумать и о другом. У него были и другие обязательства. Он снял трубку и набрал номер.

- Грир.

- Кларк, - ответил Келли. По крайней мере это все еще забавляло его.

- Опаздываешь, - послышался голос адмирала. Келли должен был позвонить до обеда, и упрек попал в цель. - Ничего страшного, я только что приехал. Скоро ты нам понадобишься. Мы начинаем.

Слишком быстро, подумал Келли. У меня мало времени.

- Слушаюсь, сэр.

- Надеюсь, ты в достаточно хорошей форме. Голландец говорит, что ты следишь за собой, - произнес Джеймс Грир более мягко.

- Думаю, что не подведу вас, сэр.

- Тебе приходилось бывать в Куантико?

- Нет, адмирал.

- Отправляйся на своей яхте. Там имеется причал, а на яхте мы сможем поговорить без помех. Утром в субботу, ровно в десять. Мы будем ждать вас, мистер Кларк.

- Слушаюсь, сэр. - Келли услышал, как Грир положил трубку. Утром в субботу. Он не ожидал этого. События развивались слишком быстро, так что его другая операция становилась тем более неотложной. С каких это пор бюрократическая машина действовала так быстро? Как бы то ни было, это непосредственно касалось самого Келли.

- Да, мне это тоже не нравится, но мы действуем именно так, - сказал Гришанов.

- Неужели вы действительно настолько тесно привязаны к наземному радиолокатору?

- Робин, ведутся даже разговоры о том, чтобы запуск ракет производился по команде офицера, находящегося у пульта управления и руководящего перехватом. - Гришанов не скрывал своего раздражения.

- Но в таком случае ты всего лишь извозчик! - заявил Закариас. - Нужно полагаться на своих летчиков.

Надо, чтобы американский полковник выступил перед руководством Генштаба, подумал Гришанов. Они не хотят прислушиваться к моим советам. Может быть, мнение американца окажется более весомым для наших генералов. Его соотечественники испытывали глубокое уважение к мыслям и методам американцев, хотя и намеревались воевать с ними и одержать победу.

- Видишь ли, это сочетание ряда факторов. Новые истребительные полки будут базироваться недалеко от советско-китайской границы...

- Что ты хочешь этим сказать?

- Неужели вам неизвестно о событиях, происходящих на границу? Только в этом году произошло три вооруженных столкновения между нами и китайцами на реке Амур и дальше к западу.

- Не может быть! - Для американца это казалось просто невероятным. - Ведь вы союзники! Гришанов фыркнул.

- Союзники? Друзья? Со стороны - да, может быть, кажется, что все социалистические страны похожи одна на другую. Мой друг, мы воевали с китайцами на протяжении столетий. Неужели ты не знаком с историей? В течение длительного времени мы поддерживали Чан Кайши, а не Мао - наши инструкторы обучали его солдат. Мао ненавидит нас. Мы поступили как идиоты, передав ему атомные реакторы, и вот теперь у китайцев есть ядерное оружие. Как ты думаешь, куда нацелены их ракеты с атомными боеголовками - на твою страну или на мою? У них есть бомбардировщики ТУ-16 - у вас они именуются "Бэдджер", правда? Скажи, эти бомбардировщики могут долететь до Америки?

Закариас знал ответ на этот вопрос.

- Нет, разумеется.

- Зато Москва находится в пределах досягаемости для них, это я тебе гарантирую, а ведь они несут ядерные бомбы в пятьсот килотонн. Вот по этой причине истребительные полки, у которых на вооружении состоят МиГ-25, и развернуты вдоль китайской границы. У нас нет стратегической глубины по этой оси. У нас уже происходили настоящие сражения с этими желтыми ублюдками, Робин, в них принимали участие целые дивизии! Прошлой зимой мы отбили их атаку, когда китайцы попытались захватить принадлежащий нам остров. Они напали первыми, истребили наш пограничный батальон и надругались над мертвыми - зачем им это понадобилось, Робин, только потому, что у наших парней светлые волосы и веснушки? - с горечью спросил Гришанов, дословно цитируя гневную статью, опубликованную в "Красной звезде". Для русского офицера события приобрели странный оборот. Сейчас он говорил абсолютную правду, но чувствовал, что тут ему труднее убедить американца, чем в тех случаях, когда прибежал к искусной лжи. - Мы не союзники. Мы даже оказались вынуждены прекратить поставки оружия сюда по железной дороге - китайцы останавливают составы и крадут грузы прямо из вагонов!

- Чтобы использовать это оружие против вас?

- А Против кого еще, против индейцев, что ли? Или против жителей Тибета? Понимаешь, Робин, эти люди не похожи на нас с тобой. Они смотрят на мир по-иному. Они вроде гитлеровцев, с которыми воевал мой отец, - считают себя лучше других народов, как это у вас говорится?

- Раса господ? - подсказал Закариас.

- Вот, совершенно точно. И они в это верят. Мы для них животные, полезные, это верно, но они ненавидят нас и хотят заполучить то, что мы имеем. Им нужна наша нефть, наши леса и наша земля.

- Но почему мне никогда об этом не говорили? - недоверчиво спросил американец.

- Черт возьми, - вырвалось у Гришанова. - Да разве ваша страна так уж отличается от нашей? Когда Франция покинула НАТО, когда французы потребовали от вас, чтобы вы убрали свои военные базы с их территории, думаешь, нам сообщили об этом заранее? В то время я служил в штабе наших войск в Германии, и никому даже не пришло в голову сообщить нам о происходящем. Видишь ли, Робин, вы кажетесь нам тем же, чем мы представляем вам, - могучим гигантом, но политические события, происходящие внутри вашей страны, являются для меня такой же тайной, как внутренняя политика России является тайной для тебя. Все очень запутано, но могу сказать тебе, мой друг, что мой новый полк с истребителями МиГ-25 на вооружении будет размещен между Китаем и Москвой. Если хочешь, я принесу карту и покажу место базирования.

Закариас оперся спиной о стену, и по его лицу пробежала гримаса боли. Он не знал, чему верить.

- Боли у тебя так и не прошли, Робин?

- Нет.

- Вот, выпей, дружище. - Гришанов протянул ему фляжку, и на этот раз американец не колебался. Русский следил за тем, как Закариас сделал несколько глотков, прежде чем вернуть фляжку обратно.

- А что, этот новый истребитель действительно так хорош?

- МиГ-25? Настоящая ракета, - с энтузиазмом воскликнул Гришанов. - Может быть, для разворота ему требуется даже большее пространство, чем вашему "Таду", но по прямой его не сможет опередить ни один другой истребитель, даже сравнивать нельзя. У него четыре ракеты класса "воздух - воздух" и никакого другого вооружения. Радиолокационная установка - самая мощная из всех, производимых для истребителей, и не поддается любым радиопомехам.

- Дальность действия, наверно, небольшая? - поинтересовался Закариас.

- Примерно сорок километров, - кивнул Гришанов. - Нам пришлось пожертвовать расстоянием ради надежности. Пытались добиться и того и другого, но потерпели неудачу.

- У нас то же самое, - признался американец.

- Дело в том, Робин, что я не допускаю возможности войны между Америкой и нами, честное слово. У нас мало

того, в чем вы нуждаетесь. Все, что есть у нас, - природные ресурсы, земля, пространство, - есть и у вас. Но китайцам, - подчеркнул русский полковник, - вот им это нужно, и к тому же у нас с ними общая граница. Я уж не говорю о том, что мы передали им вооружение, которое теперь они используют против нас, а ведь их так много! Маленькие злобные людишки, подобные тем, что окружают нас здесь, только их гораздо больше.

- Ну и как вы собираетесь решить эту проблему? Гришанов пожал плечами.

- Я буду командовать своим истребительным полком, защищать родину от ядерного нападения со стороны Китая.

А вот как - этого я еще не знаю.

- Это непросто. Хорошо, если в твоём распоряжении время и пространство, а также если ты знаком с вражескими намерениями.

- У нас есть хорошие летчики в бомбардировочной авиации, но они несравнимы с вашими. Знаешь, даже при отсутствии противовоздушной обороны я сомневаюсь, что нам удастся послать больше двадцати бомбардировщиков. Базы нашей стратегической авиации располагаются в двух тысячах километров от места моего будущего базирования. Ты понимаешь, что это значит? Им даже не с кем проводить учения.

- Ты имеешь в виду "красных"? Условного противника?

- Мы называем их "синими", Робин. Думаю, ты понимаешь причину. - Гришанов усмехнулся, но тут же улыбка исчезла с его лица. - Но ты прав. Учения превращаются в теоретические занятия, или некоторые истребители играют роль бомбардировщиков, но их радиус действия слишком невелик для настоящих маневров.

- Ты не обманываешь меня?

- Робин, я ведь не прошу тебя верить мне. Это было бы слишком. Ты знаешь это, и я тоже. Ну подумай сам - неужели ты считаешь, что твоя страна когда-нибудь нападет на мою?

- Нет, вряд ли, - согласился Закариас.

- Я расспрашивал тебя о ваших военных планах? Да, конечно, они представляют собой очень интересные теоретические расчеты, и для меня это могут быть захватывающие военные игры, но разве я пытался что-нибудь выведать у тебя? - Гришанов вел себя подобно терпеливому учителю.

- Это верно, Коля, не пытался.

- А все потому, Робин, что меня не пугают ваши бомбардировщики Б-52. Я опасюсь китайских бомбардировщиков. Наша страна готовится к войне с Китаем. - Он посмотрел на цементный пол, затянулся сигаретой и продолжил тихим голосом. - Когда мне было одиннадцать лет, немцы находились в ста километрах от Москвы, я отчетливо помню это. Мой отец воевал в военно-транспортном полку, состоящем из преподавателей университета. Половина не вернулась обратно. Нас с матерью эвакуировали из города, и мы оказались в какой-то маленькой деревушке - не помню название. В то время все казалось таким запутанным, таким непонятным. Достаточно сказать, отец, профессор истории, стал водителем грузовика. В той войне мы потеряли двадцать миллионов человек, Робин, двадцать миллионов! Среди них были наши знакомые, отцы моих друзей. Отец моей жены погиб на войне. Два брата моего отца тоже. Когда мы с матерью шли по снегу, я дал себе слово, что когда-нибудь тоже буду защищать родину, и вот стал военным летчиком. Я летаю на истребителе. Моя задача заключается в том, чтобы защищаться, а не нападать на кого-то. Ты понимаешь, что я говорю тебе, Робин? Я защищаю свою страну для того, чтобы другим мальчишкам не пришлось спасаться из дома посреди зимы. Несколько моих одноклассников просто замерзли - морозы стояли жуткие. Вот почему я служу в противовоздушной обороне страны. Немцы хотели отнять то, что у нас есть, а теперь это же собираются сделать китайцы. - Он махнул рукой в сторону двери. - Вот такие же... люди.

Еще до того как услышал ответ Закариаса, Гришанов понял, что его усилия увенчались успехом. Месяцы работы ради вот этого момента, подумал русский, словно соблазняешь девственницу, но все гораздо печальнее. Этот американец никогда не увидит своего дома. Вьетнамцы убьют всех этих военнопленных, как только пропадет в них нужда. Какая колоссальная, какая бесполезная трата таланта, подумал он, и его ненависть к так называемым союзникам была на самом деле такой же огромной, как он делал вид, - больше она не была притворной. Гришанов возненавидел их с самого первого момента после прибытия в Ханой, увидев их невероятное высокомерие, манию величия, исключительную жестокость - и глупость. Работая с американскими военнопленными, русский полковник с помощью доброты и одного лишь литра водки сумел достичь за несколько месяцев несравненно большего, чем вьетнамцы за годы пыток и бессмысленной злобы. Вместо того чтобы причинять американцам боль, Гришанов делил ее с ними. Он не оскорблял и не мучил сидящего рядом с ним офицера - нет, он дарил ему доброту, уважал его достоинства и идеалы, старался смягчить его страдания, защищал Закариаса от новых мучений и с горечью жалел, что это по его инициативе тюремщики так избили американца.

Впрочем, во всем этом была и обратная сторона. Чтобы добиться таких успехов, Гришанову пришлось открыть собственную душу, он рассказывал правдивые истории, вспоминал давно забытые кошмары детства, заново обдумал причины, заставившие его избрать профессию, которую полюбил. Но сделал он это - немыслимое, недопустимое для советского офицера - лишь потому, что знал о предстоящей неминуемой смерти американца, одинокой и неизвестной. Закариас был уже мертв для своей семьи и друзей, так что теперь ему предстояло одно - быть похороненным в безымянной могиле. Этот американский полковник не был фашистом или гитлеровцем. Он являлся врагом Гришанова и его страны, это верно, но честным и откровенным, приложившим, наверно, немало усилий для того, чтобы во время своих налетов не причинять вреда мирному населению, потому что и у него самого была семья. Гришанов не заметил у него ни малейших следов расового превосходства - Закариас даже не испытывал ненависти к солдатам северовьетнамской армии и русскому офицеру, - такое казалось самым невероятным, потому что он, Гришанов, начинал их ненавидеть. Закариас не заслуживает смерти, сказал себе Гришанов, понимая всю иронию собственных слов.

Николай Гришанов и Робин Закариас стали теперь друзьями.

- Как тебе это нравится? - спросил Дуглас, садясь на край стола Райана. Бутылка с вином находилась в прозрачном пластмассовом пакете, и ее гладкая поверхность была покрыта слоем тончайшей желтой пыли.

- Никаких отпечатков? - Эммет осмотрел бутылку изумленным взглядом.

- Никаких, даже смазанных. Абсолютно ничего, Эм. - Затем наступила очередь ножа. Это был самый обыкновенный выкидной нож, тоже покрытый порошком для снятия возможных отпечатков пальцев и лежащий в пластмассовом пакете, как и бутылка.

- Здесь видны смазанные отпечатки.

- Да, часть отпечатка большого пальца, принадлежит жертве. Больше ничего нам не удалось обнаружить, только пятна, одни пятна. Таково мнение лаборатории. Или парень сам убил себя ударом ножа в шею, или подозреваемый в убийстве имел на руках перчатки.

Летнее время года чертовски жаркое для перчаток. Эммет Райан откинулся на спинку кресла, глядя на вещественные доказательства, разложенные перед ним, затем перевел взгляд на Тома Дугласа, сидящего рядом.

- Хорошо, Том, продолжай.

- Итак, у нас четыре места, где были совершены преступления, и шестеро убитых. Никаких вещественных доказательств. Пять жертв, в трех случаях - продавцы наркотиков, при убийстве использовались два типа МО. Однако в каждом случае ни одного свидетеля, убийства совершены примерно в одно время суток и все на расстоянии, не превышающем пяти кварталов друг от друга.

- Высокое мастерство, - кивнул лейтенант Райан. Он закрыл глаза, сначала мысленно вспоминая места убийств, затем сопоставляя данные, имеющиеся в распоряжении полиции. Одни ограблены, другие - нет, смена МО. Но при последнем убийстве присутствовал свидетель. "Идите домой, мадам". Почему убийца настолько вежлив? Райан покачал головой. - Реальная жизнь - это не Агата Кристи, Том.

- Наш молодой парень сегодня, Эм. Вспомни метод, которым воспользовался убийца, чтобы прикончить его.

- Всадил нож вот сюда... Я давно не видел ничего подобного. Сильный сукин сын. Но однажды такое уже случилось..., я видел это в пятьдесят восьмом или пятьдесят девятом году. - Райан сделал паузу, собираясь с мыслями. - По-моему, это был водопроводчик, огромный мощный парень, застал жену в постели с кем-то. Он отпустил соперника, потом взял стамеску, поднял голову жены...

- Чтобы прикончить человека с такой жестокостью, нужно быть, вне себя от ярости, согласен? Иначе зачем так поступать? - спросил Дуглас. - Гораздо легче перерезать горло, и жертва все равно умрет.

- Зато совсем не так аккуратно... И еще шум... - Голос Райана стих, и он задумался. Мало кто отдает себе отчет в том, что люди с перерезанным горлом, прежде чем умереть, издают громкий шум. Когда им перерезают дыхательное горло, раздается ужасный булькающий звук, а в случае промаха они вообще поднимают громкий крик. Наконец из перерезанного горла выплескивается масса крови, словно из продырявленного шланга, и она попадает на руки и одежду убийцы.

С другой стороны, если вы хотите убить кого-то тихо и спокойно, словно выключаете свет в комнате, и обладаете к тому же большой физической силой, а жертва уже не сопротивляется, удар ножом в основание черепа, в то место, где позвоночник соединяется с головным мозгом, является просто идеальным: смерть наступает мгновенно, тихо и относительно бескровно.

- Представь себе такой сценарий: наш друг убивает двух торговцев наркотиками всего в двух кварталах и время их смерти почти совпадает с временем смерти этого парня. Убийца, прикончив их, уходит с места преступления, поворачивает за угол и видит, как наркоман угрожает ножом миссис Чарлз.

Лейтенант Райан недоверчиво покачал головой.

- Тогда почему просто не обратить на это внимание? Пересечь улицу, уйти подальше, это единственный разумный выход из положения. Зачем вмешиваться? Неужели у нашего убийцы возникли угрызения совести? - Именно тут теория не выдерживала критики. - А если один и тот же убийца приканчивает торговцев наркотиками, чем же он руководствуется? Если не считать двух последних ночей, убийства похожи на ограбления. Не исключено, что, после того как он убил этих двух, что-то помешало ему забрать деньги и наркотики. Может быть, какой-то шум или проезжающий автомобиль? Если мы имеем дело с грабителем, это не имеет отношения к попытке ограбления миссис Чарлз уличным хулиганом. Нет, Том, все это беспочвенные домыслы.

- Четыре различных случая, никаких вещественных доказательств, убийца носит перчатки - пропойца, уличный бродяга в перчатках!

- И все равно этого недостаточно.

- И все-таки я поручу патрульным полицейским Западного участка обыскивать бродяг.

Райан согласно кивнул. Это действительно не повредит делу.

Келли вышел из квартиры в полночь. В этот вечер буднего дня было удивительно тихо. Старый жилой дом был населен жильцами, не проявляющими интереса ни к кому вокруг. Келли тут даже ни с кем не обменялся рукопожатием, если не считать управляющего в первый день. Дружеские кивки, вот и все. Здесь не было детей, только люди среднего возраста, главным образом бездетные семьи и несколько одиночек. Почти все служащие, причем многие ездили на работу в центр города на автобусе, вечером смотрели телевизор и ложились спать в десять или одиннадцать часов. Келли

двигался тихо и спокойно. Его “фольксваген” ехал по бульвару Лох-Рейвен, мимо церквей и других многоквартирных жилых домов, мимо городского стадиона. Районы, где жили служащие, переходили в рабочие кварталы, а рабочие кварталы - в районы, где жили безработные. В центре города он миновал затемненные деловые кварталы, не прекращая движения, соблюдая все правила. Но сегодня ему предстояла другая операция.

Да, сегодня он нанесет решающий удар. Это влекло за собой опасность, но ведь ничего не происходит без риска, подумал Келли, разминая пальцы, сжимающие руль. Хирургические перчатки вызывали у него раздражение. Резина не пропускала тепло, и хотя потные руки не мешали действиям, его не покидало неприятное ощущение. Разумеется, у него не было другого выбора, и Келли вспомнил многое, что не нравилось ему во Вьетнаме, пивяки, например. При этой мысли он вздрогнул. Пивяки даже хуже крыс, подумал он. По крайней мере крысы не сосут у тебя кровь.

Келли не торопился. Он объехал предстоящую цель, не придерживаясь какого-то намеченного маршрута, поворачивая почти случайно, внимательно оглядываясь вокруг. И это принесло свои плоды. Он заметил, как пара полицейских разговаривает с уличным бродягой, причем один стоит вплотную, а другой в двух шагах, почти небрежно, но расстояние между двумя полицейскими было для Келли понятно. Один прикрывал другого. Они смотрели на уличного бродягу как на источник потенциальной опасности.

Тебя ищут, Джонни-мальчик, сказал он себе, поворачивая руль и выезжая на соседнюю улицу.

Но ведь полицейские не изменят свою повседневную рутину, правда? Поиски и расспросы уличных бродяг - для них это всего лишь дополнительная нагрузка, которая продлится несколько ночей. У полицейских есть и другие обязанности, причем более важные: им приходится отвечать на вызовы по тревоге, когда грабят магазины, торгующие спиртным, откликаться на нарушения правил уличного движения, даже разбираться с семейными ссорами. Нет, преследование бродяг лишь еще одна обязанность для полицейских, и без того перегруженных работой. Им придется отвлекаться от патрулирования улиц, но ведь они не станут нарушать привычные маршруты и графики, а Келли приложил немало усилий, потратил много времени, выясняя все это. Таким образом, возросшая опасность легко предсказуема, и, по его мнению, на этот раз невезению должен прийти конец. Еще одна операция, и он изменит тактику. Келли еще не знал, какое прикрытие выбрать, но, если сегодня все пройдет успешно, полученные им сведения помогут ему в этом.

Спасибо, мысленно поблагодарил он судьбу. Еще от соседнего квартала Келли увидел, что “плимут” стоит на привычном месте. Значит, сегодня день сбора выручки, и потому с ними не будет девушки. Он проехал мимо, миновал еще один квартал, повернул направо, снова миновал квартал и повернул направо еще раз. Показалась полицейская машина, и Келли посмотрел на часы. Патруль соблюдал график, опоздание составило всего пять минут, и в машине сидел только один полицейский. В следующий раз патрульная машина проедет здесь через два часа, сказал себе Келли делая последний поворот и направляясь к угловому особняку. Теперь он постарался поставить машину как можно ближе ко входу, вышел из нее и заковылял прочь от особняка, обретая привычный облик пьяного бродяги.

В этом квартале работали два дилера, оба поодиночке. Келли заметил, что они испытывают какое-то напряжение. По-видимому, новость о гибнущих торговцах наркотиками успела распространиться, подумал он со скрытой улыбкой. Раз начали исчезать другие торговцы, такая же судьба может постигнуть и их. Это достаточная причина для беспокойства. Келли постарался обойти их подальше. У него промелькнула мысль о том, что ни один из них даже не подозревает, как близко прошла Смерть. Да, жизнь - хрупкая штука, а они не знают об этом. Нельзя отвлекаться, напомнил себе Келли, поворачиваясь снова и направляясь теперь к цели. Он остановился на углу и посмотрел по сторонам. Время перешагнуло за час ночи, и всех начала охватывать скука, возвещающая конец рабочего дня, даже для тех, кто занимается нелегальным промыслом. Оживление, царившее раньше на улицах, затихало. Келли ожидал этого, недаром он потратил столько времени на разведку. Впереди все было спокойно, и он пошел на юг мимо особняков по одну сторону улицы и прижавшихся друг к другу кирпичных жилых домов - по другую. Он заставлял себя идти спотыкающейся походкой пьяного бродяги. Один из тех, кто мучил Пэм, кто убил ее, находился сейчас всего в сотне ярдов. Может быть, даже двое. Келли вспомнил ее лицо, услышал ее голос, ощутил изгибы тела. На его лице застыло выражение ненависти, оно окаменело, руки налились свинцом и невольно сжались в кулаки, лишь ноги неуклюже вышагивали по широкому тротуару. Это длилось всего считанные секунды. Сделав несколько глубоких вдохов, Келли овладел собой.

Полная концентрация, прошептал он про себя, замедляя шаг и глядя на особняк, до которого оставалось всего тридцать ярдов, потом поднес к губам бутылку, набрал в рот немного вина и приоткрыл губы. Вино потекло по подбородку, а затем по рубашке. Змея вызывает Чикаго. Вижу цель. Начинаю действовать.

Охранник - если это действительно был охранник - выдал себя. В свете уличных фонарей виднелся табачный дым, поднимавшийся от входа, и Келли теперь знал, где находится его первая цель. Он переложил бутылку в левую руку и пошевелил пальцами правой, готовясь к действиям. Подойдя к широким ступенькам, ведущим вверх, он споткнулся о них и закашлялся. Затем начал подниматься к двери, зная, что она должна быть приоткрыта, и упал на нее. Дверь распахнулась, и Келли рухнул на пол к ногам парня, сопровождавшего Билли. При падении бутылка разбилась, и Келли, не обращая внимания на парня, захныкал, глядя на разбитое стекло и расплывающуюся лужу дешевого красного вина, производимого в Калифорнии.

- Не повезло тебе, приятель, - послышался голос. Он был полон поразительного сочувствия. - А теперь двигай дальше.

Келли продолжал скулить, стоя на четвереньках и раскачиваясь из стороны в сторону, кашлянул снова и чуть повернул голову. Он увидел ботинки и брюки парня. Оpozнание закончено.

- Вставай, папаша. - Сильные руки протянулись к Келли и подняли его с пола. Он опустил руки, словно обессиленный. Одна скользнула за спину. Парень поднял его на ноги и начал поворачивать к двери. Келли пошатнулся, и теперь охранник удерживал практически все его тело. Недели тренировок, тщательной подготовки и подробной разведки

воплотились в одно мгновение.

Левой рукой Келли ударил парня по лицу, а правая вонзила между его ребер боевой нож морского пехотинца. Его чувства были настолько обострены, что кончиками пальцев Келли ощутил, как продолжает биться сердце охранника, с каждым биением все больше и больше рассекаясь о наточенное как бритва лезвие боевого ножа. Умиравшее тело затрепетало, и Келли с силой повернул нож в глубокой ране. Темные глаза смотрели на него, расширившись от потрясения, и колени начали подгибаться. Келли медленно опустил тяжелое тело на пол, по-прежнему удерживая нож в ране, однако на этот раз он позволил себе выразить удовлетворение от мести. Слишком уж долго он ждал этого момента, потратил так много сил на его достижение, чтобы не проявить никаких эмоций.

- Помнишь Пэм? - прошептал Келли, склонившись над умирающим, и его вопрос не остался без ответа. Сквозь туман нестерпимой боли в глазах поверженного промелькнуло что-то, словно за мгновение до смерти парень вспомнил мертвую девушку, и тут же его глаза закатились.

Ядовитый укус Змеи.

Келли замер, сосчитал до шестидесяти и только после этого выдернул нож из тела жертвы, затем вытер окровавленное лезвие о рубашку убитого. Нож был слишком хорош, чтобы пятнать его кровью таких ублюдков.

Он выпрямился и сделал несколько глубоких вдохов, успокаивая часто бьющееся сердце. Все идет точно по плану, подумал Келли. Сначала устранен охранник - второстепенная цель, а главная находится на втором этаже. Он подождал минуту, чтобы отдохнуть и сконцентрироваться на следующем этапе операции.

Ступеньки лестницы были расшатаны и скрипели. Келли старался ступать как можно ближе к стене, уменьшая таким образом смещение деревянных ступеней. Он двигался очень медленно, устремив взгляд вперед и вверх, потому что находящееся сзади и внизу его больше не интересовало. Он уже убрал в ножны нож и держал в правой руке пистолет 45-го калибра, преобразованный под боеприпасы калибра 5, 6 миллиметра с навинченным глушителем, а левой касался потрескавшейся штукатурки стены.

Уже на полпути Келли услышал звуки, отличные от шума крови, пульсирующей в его артериях. Шлепок, стон, плач. Слабые животные звуки, затем жестокий смешок, едва слышный, несмотря на то, что Келли уже поднялся на лестничную площадку и повернул налево к источнику шума. Еще несколько шагов - и он различил тяжелое прерывистое дыхание.

Проклятье... Но отступать уже поздно.

- Пожалуйста... - От шепота, полного отчаяния, рука Келли, сжимающая рукоятку пистолета, побелела. Он продолжал идти по коридору второго этажа, неслышно ступая, касаясь левой рукой стены. Из открытой двери спальни падал свет, всего лишь отбрасываемый уличными фонарями и едва пробивающийся через грязные стекла окон, но затем, когда его глаза привыкли к темноте, он увидел тени на стене.

- В чем дело, Дор? - послышался мужской голос в тот момент, когда Келли приблизился к дверному проему. Очень медленно, затаив дыхание, он заглянул за косяк окрашенной дверной коробки. На полу комнаты лежал матрас, на нем на коленях стояла женщина с опущенной головой. Мужская рука протянулась и стиснула ее грудь, затем резко встряхнула. Келли увидел, что рот женщины открылся в молчаливом крике и вспомнил фотографию, которую показал ему детектив. Вот так же ты поступал и с Пэм..., проклятый подонок! По лицу женщины текли слезы, а мужчина, глядя на нее сверху вниз, улыбался. И тут Келли вошел в комнату.

Голос его был негромким, спокойным, почти веселым:

- Вижу, вы тут развлекаетесь. Не возражаете, если и я приму участие?

Билли повернулся, взглянул на едва различимый силуэт в дверях и увидел вытянутую руку с пистолетом. Его взгляд тут же метнулся в сторону лежащей неподалеку одежды. Там была и какая-то сумка. Сам Билли был голым и держал в левой руке какой-то инструмент, но не нож и не револьвер. Оба эти предмета находились в другом месте, футах в десяти, и взгляд Билли был бессилен придвинуть их ближе.

- Даже не думай об этом, Билли, - добродушным голосом заметил Келли.

- Кто ты...

- Ложись на пол, руки в стороны, или я отстрелю тебе член! - приказал Келли, и дуло его пистолета опустилось. Просто поразительно, какое огромное значение придают мужчины этому органу, как легко поддаются на такую угрозу. Да и угроза-то не слишком серьезная, принимая по внимание его крошечные размеры. Головной мозг намного больше, и потому попасть в него куда легче. - Ложись! Немедленно!

Билли послушно исполнил приказ. Келли столкнул девушку на матрас и размотал со своего пояса электрический провод. Через несколько секунд руки Билли были надежно связаны у него за спиной. В левой руке он все еще сжимал плоскогубцы. Келли взял их и еще туже затянул проволоку, вызвав стон.

Плоскогубцы?

Господи!

Девушка смотрела прямо в лицо Келли, широко открыв глаза и тяжело дыша, но ее движения были замедленными и голова наклонена в сторону. Судя по всему, ей дали какие-то наркотики. Она видела мое лицо, подумал Келли, запомнила его.

Ну почему ты здесь оказалась? Это нарушает все мои планы. Все теперь слишком осложняется. Мне придется..., придется...

Если ты сделаешь это, Джон, кем станешь?

Проклятье!

У Келли задрожали руки. Вот где скрывается настоящая опасность. Если он оставит ее в живых, кому-нибудь обязательно станет известно, кто он, - описание внешности, этого будет достаточно, чтобы началась настоящая охота за

ним, и тогда это помешает ему - может помешать - достичь поставленной цели. Но опасность, угрожающая его душе, была намного больше. Стоит ему убить эту девушку - и душа будет утеряна навсегда. В этом Келли не сомневался. Он закрыл глаза и покачал головой. А ведь совсем недавно он надеялся, что все пройдет гладко.

Операции никогда не проходят гладко, Джонни-мальчик.

- Одевайся, - произнес он, бросая ей одежду. - побыстрее и как можно тише. Когда оденешься, сделай, что я тебе скажу.

- Кто ты такой? - спросил Билли, давая волю своей ярости, и тут же почувствовал, как что-то твердое и холодное прижалось к его затылку.

- Стоит тебе даже вздохнуть громко - и мозги окажутся на полу, понятно?

Билли кивнул.

Так что же мне делать? - задал себе вопрос Келли. Он взглянул на девушку, натягивающую трусики. Тусклый свет падал на ее грудь, и Келли содрогнулся, увидев многочисленные синяки.

- Поскорее, - поторопил ее он.

Черт побери, какая же неудача. Келли проверил проволоку, стягивающую руки Билли, и решил обмотать и локти. Торговец наркотиками застонал от боли, его плечи выгнулись назад, зато теперь Келли не сомневался, что сопротивляться он не сможет. Стараясь причинить побольше боли, он рывком поднял Билли на ноги, так что тот вскрикнул.

- Неужели больно? - спросил Келли, сунул ему в рот кляп и подтолкнул к выходу из комнаты. - Пошел, - скомандовал он и повернулся к девушке. - Ты тоже.

Келли повел обоих вниз по лестнице. На ступеньках были осколки стекла, и Билли, наступив на них, порезал босые ноги и отпрыгнул в сторону. Но больше всего Келли удивила реакция девушки, когда она увидела внизу мертвое тело.

- Рик! - выдохнула она и наклонилась к трупу.

У него, значит, есть имя, подумал Келли, поднимая девушку.

- Выходим через черный ход, во двор.

Он оставил их на мгновение в кухне и, открыв дверь, выглянул во двор. "Фольксваген" стоял недалеко, и рядом никого не было. То, что предстояло сейчас, обещало быть опасным, но опасность снова превратилась в его постоянного спутника. Келли вывел их во двор. Девушка смотрела на Билли, а он на нее, пытаясь что-то сказать ей взглядом. Келли с изумлением понял, что она реагирует на молчаливую мольбу своего мучителя. Он взял ее за руку и отвел в сторону.

- Не беспокойтесь о нем, мисс, - произнес Келли и сделал жест в сторону машины, затем взял Билли под руку.

Еле слышимый голос где-то глубоко внутри подсказал Келли, что если она попытается помочь Билли, то у него появится повод...

Нет!

Келли отпер дверцу машины, втолкнул Билли на заднее сиденье, затем впереди усадил девушку, быстро обошел "фольксваген" и открыл дверцу с левой стороны. Прежде чем включить мотор, он наклонился через спинку и обмотал проводом лодыжки и колени Билли.

- Кто вы? - спросила девушка, когда машина тронулась с места.

- Друг, - тихо сказал Келли. - Я не причиню вам вреда. Если бы мне этого хотелось, я оставил бы вас рядом с Риком, правда? Ее ответ последовал не сразу, и все-таки снова удивил Келли:

- Зачем вы убили его? Он хорошо ко мне относился.

Какого черта? - подумал Келли, поворачивая к ней голову. Лицо девушки было исцарапано, волосы смяты и висели неопрятными прядями. Он опять усталился вперед, сжимая руками руль. Появился полицейский автомобиль, направляющийся в противоположную сторону. На мгновение Келли охватила паника, но патрульная машина, не останавливаясь, промчалась мимо и исчезла вдали. Келли повернул за угол и поехал на север.

Ну давай же, решай.

Келли мог поступить по-разному, но лишь одна альтернатива была реальной. Реальной? - подумал он. Да, конечно.

Люди не ожидают, что кто-то будет нажимать на звонок, стоя у дверей, в три часа утра. Сначала Сэнди подумала, что это ей снится, но открыла глаза. Звук повторился, словно она проснулась секундой раньше. И все-таки мне это снится, подумала она, поднимая голову. И начала было снова засыпать, но звонок послышался опять. Сэнди надела халат и спустилась вниз, ничего не понимая и потому даже не испугавшись. На крыльце кто-то стоял. Сэнди включила наружное освещение и открыла дверь.

- Выключи проклятый свет! - Голос был хриплым, но знакомым и настолько властным, что она послушно повернула выключатель.

- Что ты здесь делаешь? - спросила Сэнди. Рядом с Келли стояла какая-то девушка. Вид ее был ужасен.

- Позвонишь в больницу и скажешь, что заболела. Оставайся дома. Позаботься о ней. Ее зовут Дорис, - Келли говорил спокойным, не терпящим возражения голосом, словно хирург во время сложной операции.

- Одну минуту! - Сэнди выпрямилась, пытаясь понять, что происходит. На голове Келли был женский парик - нет, не женский, слишком грязный для этого. Его лицо казалось усталым и небритым, на нем была потрепанная и грязная, дурно пахнущая одежда, но глаза горели каким-то внутренним огнем, словно светились в темноте. Это ярость,

подумала Сэнди, он с трудом сдерживает ярость, и его сильные руки дрожат.

- Помнишь, что случилось с Пэм? - спросил он.

- Да, конечно, но...

- То же самое произошло с этой девушкой. Я не могу помочь ей. Сейчас не могу. Мне нужно заняться кое-чем другим.

- Чем ты занимаешься, Джон? - Сэнди пристально смотрела ему в лицо. И вдруг все стало ясно. Сообщения, переданные по телевидению, которые она слышала в кухне, готовя ужин и поглядывая на экран своего черно-белого телевизора, взгляд, промелькнувший в его глазах, тогда, в больнице... Сейчас выражение его лица очень походило на то, что она видела в прошлый раз, хотя теперь в его глазах была мольба, да, мольба и отчаяние.

- Ее подвергли пыткам, Сэнди. Ей нужна помощь.

- Джон, - прошептала она. - Джон..., ты отдаешь мне в руки свою жизнь...

Келли едва не засмеялся. Нет, это не было смехом, скорее мрачный вздох, полный иронии.

- Ну и что? Тогда, в первый раз, ты отлично с нею справилась, с моей жизнью. - Он подтолкнул Дорис к двери и пошел не оглядываясь к стоящему рядом автомобилю.

- Меня тошнит, - пробормотала девушка по имени Дорис. Сэнди едва успела отвести ее в туалет первого этажа. Девушка стояла на коленях перед унитазом несколько минут, выбрасывая содержимое своего желудка в мучительных спазмах. Потом она подняла голову. В свете лампочек, отражающихся от белых кафельных стен, Сэнди увидела лицо из ада.

Глава 20

Декомпрессия

Келли въехал в порт, когда стрелки часов показывали больше четырех. Он подал “скаут” задним ходом вплотную к транцу своей яхты и вышел из машины, чтобы открыть багажник. Сначала он внимательно оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что за ним никто не наблюдает. К счастью, вокруг никого не было.

- Вылезай, - сказал он Билли, и тот послушно выполнил приказ. Келли помог ему подняться по трапу и разместил в салоне. Там он достал обычную цепь, которой пользовался на яхте, и прикрепил кисти Билли к болтам, винченными в палубу. Еще через десять минут Келли отдал швартовы и направил яхту в залив. Лишь теперь он позволил себе расслабиться. Он включил автопилот, после чего немного ослабил проволоку, стягивающую руки Билли, и освободил ему ноги.

Келли устал. Он не ожидал, что будет так трудно перетащить Билли из “фольксвагена” в багажник “скаута”. И здесь счастье было на его стороне - он вовремя успел заметить машину, что развозила утренние газеты; водитель ее сбрасывал на углу связанные пачки - разносчик подберет их, развяжет и доставит еще до шести утра.

Келли устроился в кресле перед штурвалом, налил кофе и в качестве награды своему усталому телу вытянул ноги.

Освещение в салоне было тусклым - Келли не хотел, чтобы яркий свет внутри мешал ему управлять яхтой. Слева у причалов в ожидании разгрузки в морском терминале Данделка стояло полдюжины грузовых судов, но он не заметил там никакого движения. Море, особенно такое как сейчас, всегда успокаивало его - тихий ветерок, чуть волнующаяся водная гладь вокруг и словно танцующие на ней отражения береговых огней. Красные и зеленые проблески фонарей на буйках указывали путь кораблям и ограждали опасные мели. “Спрингер” плыл мимо форта Кэрролл, низкого восьмиугольника из серого камня, построенного лейтенантом Робертом Э. Ли из саперного корпуса американской армии. Всего шестьдесят лет назад на нем были еще установлены двенадцатидюймовые орудия. На севере виднелись оранжевые отблески плавильных печей металлургического завода компании “Бетлехем стал” на Спэрроу-Пойнт. Из портового бассейна начинали выходить буксиры, чтобы вывести корабли от причалов или помочь новым ошвартоваться у пирсов. Низкие звуки их дизельных двигателей разносились по морской поверхности каким-то дружеским, ревом. Удивительно, но этот рев не только не нарушал мирную предрассветную тишину, царившую в гавани, но даже подчеркивал ее. Эта тишина успокаивала Келли, как и надлежит ей перед началом нового дня.

- Кто ты такой, мудака? - спросил Билли, когда Келли удалил у него кляп изо рта. Он был не в силах сопротивляться окружающей тишине. Его руки были по-прежнему связаны за спиной, зато ноги свободны, и он сел на палубу.

Келли пил кофе, глоток за глотком, расслабив усталые руки и не обращая внимания на звуки, раздающиеся позади.

- Я спрашиваю тебя, кретин, кто ты такой? - произнес Билли уже более громко.

День будет жарким, подумал Келли. На небе, усыпанном звездами, ни облачка, не заметно даже ни малейшего намека на их приближение. Никаких признаков “утренних красных облаков”, что могло бы означать надвигающийся шторм и причинить беспокойство, хотя температура воздуха упала только до двадцати четырех градусов и это служило дурным предзнаменованием для наступающего дня, потому что лучи жаркого августовского солнца обрушатся на земную поверхность.

- Послушай, говнюк, я хочу знать, кто ты!

Келли шевельнулся в своем широком кресле у панели управления и отпил еще кофе. Его курс по компасу был один-два-один - как всегда, он держался у южного края судоходного канала. Навстречу ему шел ярко освещенный буксир, по-видимому из Норфолка, тащивший за собой две баржи, но в темноте не было видно, чем они нагружены. Келли проверил ходовые огни и убедился, что фонари размещены должным образом. Береговая охрана будет довольна, потому

что часто им не нравилось, как действуют каботажные буксиры. Интересно, что это за жизнь, подумал Келли, буксировать баржи то в одну, то в другую сторону Чесапикского залива. Наверно, очень скучно заниматься одним и тем же изо дня в день, туда и обратно, с юга на север и с севера на юг, с неизменной скоростью в шесть узлов, все время наблюдая одну и ту же картину. Разумеется, за хорошую плату. На буксире капитан и помощник, механик и кок - без кока им не обойтись. Может быть, пара матросов палубной команды, Келли не был в этом уверен. И все получают совсем неплохую зарплату в соответствии с профсоюзными расценками.

- Ну хорошо, послушай, я не знаю, в чем дело, но поговорить-то мы можем, верно?

Правда, маневрировать на близком расстоянии очень непросто, наверно. Особенно при ветре, когда баржи плохо повинуются попыткам ошвартовать их у борта буксира. Только не сегодня. Сегодня не будет сколько-нибудь ощутимого ветра, просто станет жарче чем в аду. Келли начал поворачивать на юг, как только миновал мыс Бодкин-Пойнт и увидел красные огни на башнях Бэй-бриджа в Аннаполисе. Горизонт на востоке освещался первым сиянием утренней зари. По правде говоря, жаль. Последние два часа перед рассветом лучшее время суток, хотя мало кто понимает это. Еще одно доказательство того, что люди не обращают внимания на то, что происходит вокруг них. Келли показалось, что впереди движется что-то, но стекло ухудшало видимость, поэтому он поднялся на крышу рубки, обнесенную леерами, поднял к глазам морской бинокль 1 x 50 и поднес к губам микрофон.

- Яхта "Спрингер" вызывает катер сорок один береговой охраны.

- Сорок первый слушает, "Спрингер". Говорит Португалец. Ты чего это делаешь так рано, Келли? Прием.

- Занимаюсь морскими торговыми операциями, Ореза. А в чем твое оправдание? Прием.

- Присматриваем за новичками вроде тебя, чтобы вовремя прийти на помощь, обучаем молодежь и тому подобное. А ты как думаешь? Прием.

- Приятно слышать, береговая охрана, что моя судьба в надежных руках. Что касается обучения молодежи, все очень просто - толкаешь такие вот штуки, называются рукоятками, в сторону передней части судна - обычно она заостренная - и корабль плывет быстрее. Эта остроконечная часть поворачивается в ту же сторону, куда крутишь штурвал. Понимаешь, крути налево - повернешь налево, крути направо - повернешь направо. Прием.

Келли услышал смех по радиосвязи частотной модуляции.

- Понятно, спасибо за объяснения, "Спрингер", передам их команде. Еще раз благодарю за советы, сэр. Прием.

Команда патрульного катера береговой охраны ворчала после длительной восьмичасовой вахты и в остальном мало чем занималась. Ореза отдал штурвал молодому матросу, а сам оперся плечом о переборку, пил кофе из кружки и болтал по радио, держа в руке микрофон.

- Знаешь, "Спрингер", я бы не простил подобной наглости многим парням. Прием.

- Хороший моряк уважает тех, кто лучше его, береговая охрана. А верно, что у вашего судна в донной части колеса, как у автомобиля? Прием.

- О-о, - простонал молодой матрос.

- Нет, "Спрингер", это не правда. Мы снимаем эти тренировочные колеса сразу после того, как молокососы из военно-морского флота уходят с верфи. Нам не нравится, когда у таких дам начинается морская болезнь при одном взгляде на них. Прием.

Келли усмехнулся и изменил курс влево, чтобы подальше обогнуть приближающийся катер береговой охраны.

- Какое счастье, что водные пути нашей страны в руках таких надежных парней, особенно сейчас, когда наступает уик-энд.

- Не увлекайся, "Спрингер", а то я пошлю вельбот для проверки средств спасения!

- А-а, это так тратятся деньги, которые я плачу в качестве федерального налога?

- Не люблю, когда они тратятся понапрасну.

- Ну ладно, береговая охрана, просто хотел убедиться, что кто-то не спит на вашем судне.

- Понятно, сэр. Очень вам благодарны. Мы действительно немного задремали. Как хорошо, что в море плавают настоящие профессионалы вроде вас, а то нам просто нечего было бы делать.

- Попутного ветра, Португалец.

- Тебе тоже, Келли. - Голос исчез, и из динамика послышались обычные радиопомехи.

Вот и все, подумал Келли. Возникло бы немало проблем, если бы Португалец решил навестить его яхту для дружеской беседы. Келли был всегда рад поболтать с ним, но не сейчас. Он выключил радио и спустился в салон. Горизонт на востоке был залит розово-оранжевым светом. Еще десять минут, и покажется солнце.

- Что там такое? - спросил Билли.

Келли налил себе еще кофе и проверил автопилот. В рубке стало тепло, и он снял рубашку. Шрамы на спине и плечах от выстрела из охотничьего ружья стали отчетливо видны даже при слабом освещении начинающегося рассвета. Последовала очень долгая тишина, которую прервал шумный вдох.

- Значит, ты...

На этот раз Келли повернулся и посмотрел вниз на обнаженного мужчину, прикованного к палубе.

- Совершенно верно.

- Но я убил тебя, - возразил Билли. Ему никто не сообщил про обратное. Генри решил промолчать, считая, что это не имеет отношения к распространению наркотиков.

- Ты так считаешь? - спросил Келли, снова поворачиваясь и глядя вперед. Он увидел, что один из дизелей чуть перегревается, и решил проверить систему охлаждения, покончив с другими делами. В остальном яхта вела себя послушно, слегка покачиваясь на почти невидимых волнах, и двигалась вперед с крейсерской скоростью в двадцать узлов. Нос ее был приподнят на пятнадцать градусов, поскольку подводные крылья плавно скользили по поверхности залива. Яхта на ступеньке, называл Келли такое положение. Он снова потянулся, напрягая и расслабляя мышцы, давая возможность Билли получше рассмотреть шрамы и что скрывается под ними.

- Так вот в чем дело..., она рассказала нам о тебе - рассказала все, прежде чем мы прикончили ее.

Келли окинул внимательным взглядом контрольную панель, затем посмотрел на карту - яхта приближалась к Бэй-бриджу. Скоро ему придется переместиться на восточный край канала. Теперь он смотрел на судовые часы - Келли называл их хронометром - по крайней мере раз в минуту.

- Пэм доставила нам немало удовольствия. До самого конца, - произнес Билли, поддразнивая этого парня, захватившего его, наполняя тишину злобными словами, находя в них источник храбрости для себя. - Зато была дурой, глупой и тупой.

Миновав Бэй-бридж, Келли отключил автопилот и повернул штурвал на десять градусов налево. Впереди не было судов, и все-таки он внимательно огляделся, прежде чем начать поворот. Пара ходовых огней на самом горизонте возвещала о приближении торгового судна, примерно в двенадцати тысячах ярдов. Келли мог бы включить радиолокатор и убедиться в этом, но при такой видимости это было бы напрасной тратой электричества.

- Она рассказала тебе о синяках страсти? - ухмыльнулся Билли. Он не заметил, как побелели костяшки рук, сжимающие штурвал.

Синяки на грудях сделаны, по-видимому, обычными плоскогубцами, говорилось в отчете патолога. Келли запомнил его наизусть, каждое сухое слово, каждый холодный медицинский термин, словно весь отчет был вырезан на стальном листе алмазным резцом. Какие чувства владели врачом, писавшим его? Такие же, какие возникли у него самого? Пожалуй. Ярость автора отчета выражалась в растущей отрешенности текста, в бесстрастии слов. Профессионалы вынуждены так поступать.

- Знаешь, ведь она все нам рассказала. Как ты подобрал ее на дороге, как вы жили и веселились. Ведь мы научили ее всяческим приемам, мистер. Ты должен быть благодарен нам за это. Перед тем как сбежать от нас - готов поспорить, об этом она тебе не говорила, - эта девка уговорила каждого из нас лечь на нее, мы так и сделали, по три-четыре раза каждый. Она решила, наверно, что перехитрила нас, а? Ей даже в голову не пришло, что она будет вынуждена повторить все это снова.

Тип крови 0, резус положительный, тип крови 0, резус отрицательный, тип крови АВ, резус тоже отрицательный, вспомнил Келли. Тип крови 0 намного более распространенный, чем все остальные, это значит, что там вполне могло быть больше чем трое мужчин. А какой тип крови у тебя. Билли?

- Всего лишь проститутка, вот так. Симпатичная, но только проститутка. Так она и умерла, ты знаешь это? Сдохла с хреном внутри. Мы задушили ее, когда она подбрасывала парня своим прелестным маленьким задом и не прекращала даже тогда, когда ее лицо побагровело. Было занятно наблюдать за этим. - Билли похотливо хихикнул. - Я тоже позабавился с ней - три раза, приятель! И это я причинил ей боль, настоящую боль, слышишь?

Келли приоткрыл рот, стараясь дышать глубоко и медленно, не позволяя мышцам напрягаться. Утренний ветерок слегка усилился, и яхта раскачивалась градусов на пять на каждый борт, влево и вправо от вертикали, и он позволил своему телу двигаться вместе с креном, приказал себе подчиниться успокоительному движению моря.

- Я не понимаю, чего ты так волнуешься. Ведь всего-навсего прикончили проститутку. Мы можем заключить сделку, от которой тебе немало перепадет. Да ты знаешь, как сглупил? В том доме было семьдесят кусков, сукин ты сын. Семьдесят кусков! - Билли замолчал, видя, что его попытки не возымели действия. И все-таки разъяренный человек теряет самообладание, допускает ошибки, и он заметил, что все же однажды ему удалось потрясти его. Билли не сомневался в этом и решил продолжать.

- Знаешь, жалко, что ей нужны были наркотики. Выбери она другое место, чтобы заполучить их, и мы бы никогда вас не заметили. А потом и ты дал маху, помнишь?

- Да, помню.

- Имей в виду, ты в самом деле глупо вел себя в тот раз. Ты что, забыл о телефонах? Господи, приятель! Да после того как наша машина застряла, мы позвонили Берту, сели в его джип и принялись за поиски - и тут же нашли тебя, безо всякого труда. Видно, она чертовски очаровала тебя, раз ты забыл об этом.

Телефоны? Значит, Пэм погибла из-за такого пустяка? - подумал Келли. Его мышцы словно окаменели. Ты идиот, Келли. Затем плечи его бессильно опустились, правда, всего лишь на секунду, - он понял всю величину своей ошибки, как не сумел защитить ее. И тут же у него мелькнула мысль о бессмысленности всех усилий отомстить за Пэм. Но бессмысленны эти усилия или нет, он пойдет до конца. Келли выпрямился в кресле.

- Понимаешь, такую машину чертовски легко заметить. Мы даже не сразу поверили, что ты оказался таким глупым. - Билли почувствовал, что его насмешки попали в цель. Похоже, теперь можно начать настоящие переговоры. - Признаться, я удивлен, что ты остался в живых. Имей в виду, это не какая-нибудь личная ненависть к тебе. Может быть, ты не знал, чем она занималась, что ей поручали. Мы просто не могли отпустить ее на свободу, потому что она знала слишком много, понимаешь? Я могу уладить дело, дать тебе все, что ты потребуешь. Давай решим все это миром, а?

Келли проверил автопилот, затем посмотрел вперед. "Спрингер" двигался по прямому и безопасному курсу, впереди виднелось только море. Он встал и пересел в другое кресло, в нескольких футах от Билли.

- Она сказала тебе, что мы приехали в город, чтобы купить для нее наркотики? Именно это она сказала? - спросил Келли, глядя ему в глаза.

- Да, конечно, - ответил Билли успокаиваясь. И тут же озадаченно поднял голову, увидев, что Келли зарыдал прямо перед ним. Может быть, ему действительно удастся выпутаться из этого положения. - Господи, извини меня, приятель, - произнес Билли совсем не тем голосом, какой требовался в данной ситуации. - Я понимаю, тебе здорово не повезло.

Это мне не повезло? Келли закрыл глаза, всего в нескольких дюймах от лица Билли. Господи милосердный, она защищала меня. Даже после того как я не сумел защитить ее, она ничего не выдала. Она не знала, жив я или нет, но лгала, чтобы защитить меня. Чувства одержали верх, и Келли просто ;на несколько минут утратил контроль над собой. Но даже в этом была своя цель. Через некоторое время его глаза высохли, и, вытирая их, он одновременно стер со своей совести все человеческие чувства, которые еще могли оставаться в его душе по отношению к этому ублюдку.

Келли встал и вернулся в кресло перед панелью управления. Он больше не решался смотреть на этого мерзкого подонка. Еще бы, а вдруг он действительно утратит всякий контроль над своими действиями? Рисковать он не мог.

- Том, я считаю, что ты, может быть, и прав, - заметил лейтенант Райан.

Судя по водительскому удостоверению, уже прошедшему проверку, владелец его никогда не подвергался аресту, но много раз платил штраф за нарушения правил дорожного движения - Ричарду Оливеру Фармеру было двадцать четыре года и старше он уже никогда не станет. Фармер умер от удара ножом в грудь, пронзившего околосердечную сумку и сердце. Размеры ножевой раны - обычно такие проникающие ранения стягиваются и неспециалисту трудно их заметить - говорили о том, что убийца повернул нож в ране, насколько это допускало расстояние между ребрами. Рана была большой, указывая на то, что оружие убийства - нож - было широким, с шестидюймовым лезвием. Но еще более важным являлось то, что на этот раз у детективов была дополнительная информация.

- Убийца допустил ошибку, - заявил судебно-медицинский эксперт. Райан и Дуглас согласно кивнули. На мистере Фармере была белая хлопчатобумажная рубашка с пристегнутыми погончиками. Тут же, на дверной ручке, висел и пиджак от костюма. Убийца выдернул нож из раны и вытер лезвие о рубашку. Сделал он это, по-видимому, трижды, и один раз оставил идеальный отпечаток лезвия, испачканного кровью жертвы, у которой был револьвер за поясом, но убитый не сумел им воспользоваться. Еще одна жертва искусного и неожиданного нападения, вот только проявившая меньше бдительности. Младший из пары детективов указал карандашом на этот отпечаток.

- Знаете, что это такое? - спросил Дуглас. Вопрос был чисто риторическим, потому что он сам сразу и ответил на него. - Это "Кабар", стандартный боевой нож, состоит на вооружении морской пехоты. У меня самого есть точно такой же.

- И отточен здорово, - сообщил им судмедэксперт. - Очень четкий разрез, почти хирургический в момент вхождения в тело. Он, должно быть, рассек сердце едва ли не пополам. И исключительно точный удар, господа, лезвие вошло в тело совершенно горизонтально, чтобы не застрять в ребрах. Большинство людей полагают, что сердце находится в левой части груди. Наш друг знает, что это не совсем так. Только один удар. Он точно знал, куда его нанести.

- Еще один, Эм. Вооруженный преступник. Наш друг сумел подойти вплотную к нему и убить его так быстро...

- Да, Том. Теперь я считаю, что ты прав. - Райан кивнул и поднялся на второй этаж, где работала остальная группа детективов. В спальне была обнаружена мужская одежда и холщовая сумка с огромной суммой наличных, пистолетом и ножом. Здесь же находился матрас с пятнами семенной жидкости, некоторые были еще влажными. И женская сумочка. Так много предметов для описи молодым детективам. Группа крови - по пятнам семенной жидкости. Полное опознание всех троих - по мнению детективов здесь было три человека. Даже автомобиль у входа, по которому можно определить владельца. Наконец что-то похожее на нормальное убийство. Латентные отпечатки пальцев по всей комнате. Фотографы уже сняли дюжину кассет. Однако для Райана и Дугласа вопрос был уже решен, причем очень своеобразно.

- Ты знаешь доктора Фарбера в больнице Хопкинса?

- Да, Эм. Он занимался вместе с Фрэнком Алленом расследованием дела Гудинга. Я тогда договаривался о встрече с ним. Фарбер произвел на меня большое впечатление, - кивнул Дуглас. - Странный парень, но очень умный. Ты не забыл, что сегодня после обеда я должен присутствовать на судебном заседании?

- Хорошо. Думаю, справлюсь и без тебя. С меня кружка пива, Том. Ты сумел разобраться с этим делом быстрее меня.

- Спасибо, Эм. Может быть, и я когда-нибудь стану лейтенантом, а?

Райан рассмеялся, докурил сигарету и пошел вниз по лестнице.

- Надеюсь, ты не думаешь сопротивляться? - с улыбкой спросил Келли. Он только что вернулся в салон, после того как закрепил швартовы за причальные тумбы у пирса своего острова.

- Чего это ради я должен помогать тебе? - ответил Билли тоном, в котором, как ему казалось, прозвучал вызов.

- Как хочешь, - пожал плечами Келли, достал боевой нож и поднес его к особенно чувствительному месту. - Тогда начнем прямо сейчас, если тебе не терпится.

Голое тело съезилось, причем одна его часть съезилась намного заметнее других.

- Хорошо, хорошо!

- Отлично. Я хочу, чтобы ты извлек урок из этого. Никогда больше ты не причинишь зла ни одной девушке. - Келли снял цепи, удерживавшие Билли на палубе и прикрепленные к болтам, но оставил на месте цепь, стягивавшую его руки за спиной. Затем поднял Билли на ноги.

- .., твою мать, сука! Ты собираешься убить меня, но я ничего тебе не скажу.

Келли повернул его к себе лицом и посмотрел в глаза.

- Я не собираюсь убивать тебя, Билли. Когда я высажу тебя с острова на берег, ты будешь жив. Обещаю.

Замешательство на лице Билли было настолько забавным, что Келли на мгновение улыбнулся, но тут же покачал головой. Он напомнил себе, что выбрал очень узкую и ненадежную тропинку между двумя одинаково опасными обрывами, на дне которых лежало угрожающее ему безумие, потеря рассудка, вызванная различными причинами, но от этого не менее губительная. Ему нужно отдалиться от реальности происходящего, но сохранять с ним контакт. Келли помог своему пленнику спуститься по трапу на причал и повел его к бункеру, где размещалось оборудование.

- Хочешь пить?

- Неплохо было бы и помочиться. Келли свернул с дорожки на траву.

- Валий, - сказал он и остановился, ожидая, когда Билли кончит. Тому не нравилось быть голым, особенно перед другим мужчиной и в зависимом от него положении. Ничего не понимая, снова не правильно оценив обстановку, сейчас он не пытался говорить с Келли, по крайней мере не пытался сделать это должным образом. Трусливый по натуре, Билли попробовал раньше собраться с силами и говорил, не столько обращаясь к Келли, сколько разговаривая с самим собой, вспоминая, как он принимал участие в пытках и убийстве Пэм. Он старался создать себе же иллюзию силы, тогда как молчание могло.., впрочем, нет, спасти его уже вряд ли могло что-нибудь. Но молчание могло поселить сомнения в душе Келли, особенно если бы Билли догадался придумать какую-нибудь историю, обвинить кого-нибудь другого. Но ведь трусость и глупость идут рядом, правда? Келли оставил его стоять и набрал комбинацию на цифровом замке. Войдя в бункер и включив освещение, он вернулся к Билли и втолкнул его внутрь.

Это походило на.., впрочем, нет, это и впрямь был стальной цилиндр диаметром семнадцать дюймов с колесиками на донной части, прилегающей к полу. Стальная крышка не закрыта, просто висит на петлях.

- Залезай, - приказал Келли, указывая на открытый цилиндр.

- В гробу я тебя видел! - Новый вызов. Келли ударил его рукояткой ножа по затылку. Билли упал на колени.

- Ты все равно залезешь внутрь - целый или порезанный, мне наплевать. - Это была ложь, но эффективная, и потому она возымела действие. Келли поднял его за шею и засунул в цилиндр голову и плечи Билли. - Не вздумай двигаться, - предупредил он.

Все шло гораздо проще, чем он ожидал. Келли снял разводной ключ с инструментальной панели на стене и отвинтил гайку на цепи, стягивающей руки Билли. Он почувствовал, как тот напрягся, полагая, что наступил момент, когда можно попытаться спастись, но Келли оказался быстрее - ему нужно было вынуть всего лишь один болт, крепящий цепь, чтобы освободить руки Билли, и острие ножа, коснувшегося спины пленника мгновением раньше не дало ему вы-браться из цилиндра. Теперь любая попытка была обречена на неудачу Билли оказался слишком труслив, чтобы ценой боли попытаться спастись. Он дрожал, но уже не сопротивлялся, несмотря на отчаянные мысли.

- Лезь дальше! - скомандовал Келли, подталкивая его внутрь, и когда ноги исчезли за краем цилиндра, он поднял крышку и надежно закрепил ее на месте откидными болтами. Затем Келли вышел из бункера, выключив свет. Он был голоден и хотел спать. Билли подождет. Так даже лучше - ожидание сделает его более сговорчивым.

- Алло? - Ее голос был полон тревоги.

- Привет, Сэнди, это Джон.

- Джон! Слава Богу! Что происходит?

- Как она?

- Ты имеешь в виду Дорис? Сейчас она спит, - сказала Сэнди. - Джон, кто мог.., я имею в виду, что с ней случилось? Келли сжал в руке трубку телефона.

- Сэнди, я прошу тебя слушать как можно внимательнее. Это очень важно.

- Хорошо, говори, - Сэнди сидела в кухне, глядя на стоящий перед ней кофейник. За окном соседские дети играли на лужайке в мяч. Сейчас эта утешительная картина казалась ей какой-то очень отдаленной.

- Во-первых, не говори никому, что она у тебя. И самое главное - не говори об этом полиции.

- Джон, она вся изранена, нуждается в наркотиках. У нее, наверно, и другие очень серьезные медицинские проблемы. Я буду вынуждена..

- Тогда расскажи об этом Сэму и Саре, больше никому. Понимаешь, Сэнди? Никому больше. Сэнди... - Келли заколебался. Об этом трудно говорить, но он обязан:

- Сэнди, я подверг тебя серьезной опасности. Те люди, которые мучили Дорис, это те же самые, что...

- Я знаю, Джон. Сама догадалась. - Выражение ее лица было бесстрастным, но она видела, как и он, фотографию тела убитой Памелы Старр Мадден. - Джон, она сказала мне, что ты убил кого-то.

- Да, Сэнди, это правда.

Сандра О'Тул ничуть не удивилась признанию Келли. Она пришла к такому выводу несколько часов назад, но только сейчас услышала это из его уст. Ее поразило только одно - как он произнес это. Спокойно и равнодушно, словно само собой разумеющееся. Да, Сэнди, это правда. Ты вынес мусор? Да, Сэнди, вынес.

- Сэнди, это очень опасные люди. Я мог, конечно, не брать с собой Дорис, но.., не сумел так поступить, понимаешь? Боже мой, Сэнди, ты видела, что они...

- Да. - Прошло немало времени с тех пор, когда она работала с жертвами насилия и почти забыла, с какой жестокостью обращаются люди друг с другом.

- Сэнди, мне очень жаль, что я...

- Джон, что сделано, то сделано. Я справлюсь с этим, понимаешь?

Келли на мгновение замолчал, чувствуя, как укрепляется его решимость от одного ее голоса. Может быть, в этом и заключается разница между ними. Его инстинкты диктовали ему, что нужно наносить ответный удар, искать людей, так жестоко поступающих с другими, и уничтожить их. Найти и уничтожить. Ее же инстинкты были направлены на то, чтобы защищать людей по-иному, и в голове у бывшего командос промелькнула мысль, что ее сила в этом смысле более значительна, поскольку Сэнди защищает и спасает людей, тогда как он защищает одних, уничтожая других.

- Ей понадобится медицинская помощь. - Сэнди подумала о молодой женщине в спальне наверху. Она помогла ей раздеться и оказала первую помощь, потрясенная следами физического насилия на ее теле. Но хуже всего было выражение ее глаз - мертвых, погасших, без той искорки жизни, которую Сэнди видела в глазах даже тех пациентов, которые уже проиграли в упорной схватке со смертью. Несмотря на годы, во время которых она ухаживала за критически больными пациентами, Сэнди и в голову не приходило, что человека кто-то может уничтожить намеренно, с умышленной злобной жестокостью садиста. Она понимала, что теперь сама может привлечь к себе внимание подобных людей, но ее отвращение и ненависть к ним были сильнее страха.

Для Келли, как ни странно, такие эмоции поменялись местами.

- Ну хорошо, Сэнди, только будь поосторожней. Обещай это.

- Обещаю. Сейчас я позвоню доктору Розену. - Она замолчала. - Джон?

- Да, Сэнди?

- То, что ты делаешь.., это не правильно, Джон. - И тут же она почувствовала ненависть к себе из-за этих слов.

- Я знаю, - ответил Келли.

Сэнди закрыла глаза, все еще видя детей, играющих в бейсбол на лужайке, затем перед ней предстало лицо Джона. Она знала, что должна сказать дальше, и сделала глубокий вдох, прежде чем продолжать:

- Но меня это больше не беспокоит, Джон. Я понимаю тебя.

- Спасибо, - слышался в трубке его шепот. - С тобой все в порядке?

- Да.

- Я вернусь, как только смогу. Не знаю, как нам с ней поступить...

- Я позабочусь о ней - мы позаботимся. Что-нибудь придумаем.

- Хорошо, Сэнди... Сэнди?

- Что, Джон?

- Спасибо. - Слышался щелчок, и связь прервалась. Рада помочь тебе, подумала она, опуская трубку. Какой странный человек. Убивает людей, делает это с полным отсутствием жалости - ей еще никогда не приходилось видеть такого, да и вряд ли захочется - это ощущалось в его словах, абсолютно лишенных человеческих эмоций. И в то же время тратит время и силы, подвергает себя опасности, ради спасения девушки. Как трудно его понять, сказала себе Сэнди, набирая номер телефона.

Доктор Сидней Фарбер выглядел именно так, как предполагал Эммет Райан, - лет сорока, невысокий, с бородкой, семитскими чертами лица, с трубкой в зубах. Когда детектив вошел в кабинет, доктор не встал ему навстречу, всего лишь сделал приглашающий жест в сторону кресла. Райан направил ему с посылным выдержки из ведущегося расследования еще перед обедом, и ему было ясно, что психиатр уже ознакомился с ними. Страницы материалов расследования лежали перед Фарбером на столе, разделенные на две стопки.

- Я знаком с вашим коллегой Томом Дугласом, - заметил Фарбер, попыхивая трубкой.

- Да, сэр. Он сказал, что ваша помощь в деле Гудинга была неоценима.

- Очень больной человек, этот мистер Гудинг. Надеюсь, его лечат должным образом.

- Насколько болен вот этот? - спросил лейтенант Райан. Фарбер поднял голову и посмотрел на детектива.

- Он совершенно здоров, как мы с вами - пожалуй, с физической точки зрения даже здоровее. Но не это самое главное. Вы только что сказали: "Вот этот". Следовательно, по вашему мнению, убийцей во всех случаях является один и тот же человек. Объясните мне, почему вы так считаете. - Психиатр откинулся на спинку кресла.

- Сначала я придерживался иной точки зрения. Том заметил это раньше меня. Причиной всему высокий профессионализм.

- Совершенно точно.

- Значит, мы имеем дело с психически ненормальным человеком? Фапбео покачал головой.

- Нет. Настоящий психопат - это человек не способный справиться с жизнью. Он видит действительность в особенном, только ему понятном свете, и его понимание жизни обычно резко отличается от того, как ее понимают все остальные. Почти во всех случаях расстройство психической деятельности легко заметно и выражается простым и понятным способом.

- Но ведь Гудинг...

- Мистер Гудинг является тем, кого мы называем - существует такой новый термин - "последовательным

психопатом”.

- Ну хорошо, однако его соседи ничего необычного в поведении Гудинга не заметили.

- Это верно, но психическое расстройство мистера Гудинга выразалось в том, что он убивал своих жертв со страшной и отвратительной жестокостью. А вот в этих убийствах нет ничего ритуального. Он не уродует трупы, никаких следов сексуальных мотивов - обычно это заметно по разрезам на шее, понимаете. Нет. - Фарбер снова покачал головой. - У вашего убийцы побудительные мотивы чисто деловые. Убивая людей, он не дает выхода своим эмоциям, просто убивает их, спокойно и хладнокровно по причинам, которые представляются вполне разумными - по крайней мере для него.

- Тогда что это за причины?

- Совершенно очевидно, что он убивает людей не ради денег. Причина в чем-то ином. Ярость в нем бьет через край, но мне приходилось встречать подобных людей.

- Где? - спросил Райан. Фарбер молча указал на стену напротив. В дубовой раме на красном бархате были приколоты серебряные крылья парашютиста, нашивка подразделения рейнджеров и боевой знак пехотинца. Детектив был настолько удивлен, что не сумел скрыть этого.

- Глупо с моей стороны, - небрежно махнул рукой Фарбер. - Еврейский юноша хочет показать, насколько он крутой. Впрочем, - по его лицу пробежала улыбка, - я добился этого.

- Мне Европа не слишком понравилась. Правда, в интересные места я так и не попал.

- Вы были в какой части?

- Рота “Е”, второй батальон 506-го полка.

- Сто первая воздушно-десантная, верно?

- На все сто, доктор, - кивнул детектив, подтверждая этим, что и он был когда-то молодым и глупым, вспоминая, каким худеньким парнем был тогда, выпрыгивая из грузового отсека самолета С-47. - Нас забрасывали в Нормандию и Эйндховен.

- Ив Бастонь? Райан кивнул еще раз.

- В тот раз было мало веселого, но туда нас по крайней мере доставили на грузовиках.

- Так вот, лейтенант Райан, с этим вы и столкнулись сейчас.

- Объясните, пожалуйста.

- Ключ к разгадке заключается вот в этом. - Фарбер показал на страницы с записью показаний миссис Чарлз. - Камуфляж. Он пользуется камуфляжем, в этом можно не сомневаться. Для того чтобы вонзить нож в затылок жертвы по самую рукоять, требуется большая физическая сила. Это не мог быть какой-то алкоголик. У них масса проблем со здоровьем.

- Но это не подтверждается обстоятельствами, - возразил Райан.

- Думаю, что подтверждается, хотя, на первый взгляд, это незаметно. Давайте вернемся в прошлое. Вы служите в армии, в самом отборном подразделении. Ведь перед началом операции вам потребуется разведка, правда?

- Обязательно.

- Применим это к городским условиям. Как провести разведку? Понадобится маскировка. Вот наш друг и решает замаскироваться под пропойцу, уличного бродягу. Сколько таких бродяг мы встречаем на улицах города? Они грязные, дурно пахнут, но вообще-то ничуть не опасны, разве что один по отношению к другому. Они - невидимые люди, и вы не обращаете на них внимания. Все так поступают.

- Но вы все-таки не объяснили...

- А вот как он приезжает в этот район и уезжает? Вы считаете, что он ездит на автобусе или нанимает такси?

- У него машина.

- Да. Камуфляж - это такая штука, которую можно надевать и затем снимать. - Фарбер взял со стола фотографию места, где был найден убитый парень, пытавшийся ограбить миссис Чарлз. - Наш друг убивает двух человек в двух кварталах отсюда, покидает место, где он оставил мертвых, приходит сюда - зачем? - И действительно, на снимке было отчетливо видно пустое место между двумя стоящими у обочины автомобилями.

- Боже милосердный! - Райана охватил небывалый стыд. - Что еще я упустил, доктор Фарбер?

- Зовите меня Сид. Почти ничего. Этот человек отличается хитростью и выдержкой. Он меняет методы действий, и только вот в этом случае спокойствие изменило ему. Вы меня понимаете? Это - единственное преступление, в котором ощущается ярость, если не считать того, что произошло сегодня утром, но пока мы отвлекемся от него. Вот здесь мы видим, насколько велика переполняющая его ненависть. Сначала он ломает руку жертве, парень уже не может сопротивляться, и все-таки он убивает его, причем способом, необычным для нормального человека. Почему? - Фарбер, размышляя, несколько раз затянулся табачным дымом. - Да, он испытывает ярость, но в чем причина этой ярости? Да потому что он не ожидал этого. Он не стал бы осуществлять какой-нибудь заранее подготовленный план в присутствии миссис Чарлз. По какой-то причине ему пришлось сделать что-то экспромтом, он не был готов к этому и потому пришел в ярость. Кроме того, убийца отпустил ее - отпустил ее, зная, что она видела его.

- И все-таки вы не сказали...

- Это - опытный боец, прошедший школу боевых действий. И очень сильный физически. Значит, он моложе нас с вами и прекрасно подготовлен. Служил в подразделении “рейнджеров”, “зеленых беретов” или в другом не менее элитном.

- Тогда почему он здесь?

- Вот этого я не знаю. Вам придется спросить его самого. Но вы столкнулись с человеком, который не совершает необдуманных поступков. Он не торопится, выслеживает своих жертв, выбирает одно и то же время суток - когда они

устали, когда движение на улицах стихает, и потому шансы, что его кто-нибудь заметит, сводятся к минимуму. Он не грабит их. Может быть, он и берет у них деньги, но это не одно и то же. А теперь расскажите мне о сегодняшнем убийстве, - произнес Фарбер мягким, но недвусмысленным голосом.

- Фотографии перед вами. На втором этаже мы обнаружили целую сумку денег. Еще не успели пересчитать, но там не меньше пятидесяти тысяч долларов.

- Деньги, вырученные от продажи наркотиков?

- Мы так думаем.

- В доме был кто-нибудь еще? Он похитил их?

- Судя по всему, еще двое. Наверняка один мужчина и, может быть, женщина.

Фарбер кивнул и сунул в рот трубку. Наступило короткое молчание.

- Тогда одно из двух. Или там находился человек, за которым он все время охотился, или это еще один шаг по пути к иной цели.

- Значит, все торговцы наркотиками, которых он убивал, - это тоже камуфляж.

- Двое первых, которых он связал перед смертью...

- Да, конечно, он сделал это, чтобы что-то у них узнать. - На лице Райана появилась недовольная гримаса. - Конечно, нам следовало сразу подумать об этом. Только их он убивал не на улице. Он спрятал их под аркой, чтобы у него было больше времени для допроса.

- Легко быть крепким задним умом, - напомнил ему Фарбер. - Не стоит из-за этого расстраиваться. В тот раз все указывало на простое ограбление и в вашем распоряжении еще не было никакой дополнительной информации. А теперь, когда вы пришли сюда, у вас много других сведений. - Психиатр оперся о спинку кресла и улыбнулся, глядя в потолок. Ему нравилось играть детектива. - До этого момента, - он постучал пальцем по последней фотографии, - вы мало что знали. Лишь после случившегося сегодня утром все прояснилось. Убийца хорошо знаком с оружием и владеет тактическими приемами. Проявляет поразительную выдержку. Он выслеживает свои жертвы, как охотник оленей. Меняет МО, чтобы запутать полицию, но сегодня он допустил ошибку. Он позволил себе проявить немного эмоций, потому что воспользовался - На этот раз намеренно - боевым ножом и продемонстрировал подготовку тем, что вытер лезвие сразу после убийства.

- Но вы утверждаете, что он не сумасшедший?

- Нет, разумеется. Сомневаюсь, что он имеет какие-нибудь отклонения в психике, однако в своих действиях он определенно преследует какую-то цель, опираясь на колоссальную для него мотивацию. Такие люди во всем подчиняются требованиям дисциплины - подобно вам и мне. Эта дисциплина проявляется в том, как он действует, а вот его ярость видна в том, почему он убивает людей. Что-то заставило этого человека, подтолкнуло его на этот путь.

- "Мадам..."

При этом слове Фарбер встрепенулся.

- Ну конечно! А вы проницательны, лейтенант! Так почему же он не устранил ее? Она единственная известная нам свидетельница. Более того, он вежливо говорил с ней. Отпустил ее..., очень интересно..., впрочем, это мало что дает нам.

- За исключением того, что теперь можно утверждать: он убивает не ради удовольствия.

- Совершенно верно, - кивнул Фарбер. - Все его действия направлены к определенной цели. Кроме того, в его распоряжении отличная специальная подготовка, и он пользуется ею для проведения своей операции. Это действительно операция. Да, лейтенант, по улицам вашего округа бродит исключительно опасный хищник.

- Он охотится только за людьми, связанными с торговлей наркошками. Это очевидно, - заметил Райан. - Тот - или те двое, - кого он похитил...

- Если среди этих двоих есть женщина, то она уцелеет. Мужчина - нет. По состоянию его тела мы сможем определить, являлся ли он главной целью.

- Из-за проявления ярости?

- Это будет очевидным. И вот что еще - если ваша полиция разыскивает этого человека, не забывайте, что он владеет оружием практически лучше всех. Он будет выглядеть безобидным. Постарается избежать столкновения. Он не хочет убивать невинных, иначе убил бы миссис Чарлз.

- Но если мы загоним его в угол...

- Ни в коем случае не допускайте этого.

- Ну, как устроился? - спросил Келли.

Декомпрессионная камера была одной из нескольких сотен, изготовленных на механическом заводе хьюстонской фирмы "Дийкстра Фаундри энд Тул компани, инк.", штат Техас, - по крайней мере так было написано на металлической табличке, прикрепленной к сальному цилиндру. Эта камера, сделанная из высококачественной стали, была предназначена для воспроизведения давления воды, которому подвергается ныряльщик с аквалангом. На одном конце камеры находилось маленькое - десять на десять сантиметров - окно с тройными прозрачными панелями из плексигласа. У камеры был даже крохотный воздушный шлюз для передачи внутрь таких Предметов, как пища или вода, а в самой камере находилась двадцативаттная лампочка для чтения. Под стальным цилиндром располагался мощный компрессор с бензиновым двигателем, которым можно было управлять с откидного сиденья, наблюдая за двумя манометрами. На одном виднелись концентрические круги, размеченные в миллиметрах и дюймах ртутного столба, которые показывали

давление внутри камеры в трех системах единиц - фунтах на квадратный дюйм, килограммах на квадратный сантиметр и в барах, то есть единицах нормального атмосферного давления, равняющегося 14, 7 фунта на квадратный дюйм. Циферблат второго измерительного прибора показывал соответственно глубину как в футах, так и в метрах. Каждые тридцать три фута погружения увеличивали давление внутри камеры на одну атмосферу, на 14, 7 фунта на квадратный дюйм или на один бар.

- Послушай, если тебя что-нибудь интересует, спрашивай. донеслось из динамика системы связи с находящимся внутри камеры микрофоном.

- Я не сомневался, что мы найдем общий язык. - Келли дернул за трос. Заработал мотор, вращающий компрессор. Прежде всего он проверил, закрыт ли клапан стравливания воздуха, расположенный рядом с манометрами. Затем открыл кран, подающий воздух внутрь камеры от компрессора, и увидел, как стрелки на приборах начали медленно вращаться по часовой стрелке.

- Ты умеешь плавать? - спросил Келли, глядя в окошко. Билли дернулся от беспокойства.

- Что - эй, послушай, не топи меня! Пожалуйста!

- Не бойся, этого не случится. Итак, ты умеешь плавать?

- Да, конечно.

- А нырять с аквалангом? - задал следующий вопрос Келли.

- Нет, не умею, - донесся растерянный ответ.

- Ну что ж, сейчас ты поймешь, как чувствует себя ныряльщик. Открой рот и делай глотательные движения, чтобы привыкнуть к давлению, - посоветовал ему Келли, наблюдая за тем, как стрелка, указывающая "глубину", миновала отметку тридцать футов.

- Послушай, почему ты не задаешь своих идиотских вопросов, а? Келли выключил интерком. В голосе, доносящемся из динамика, было слишком много страха. Келли не любил причинять людям боль и беспокоился из-за того, что у него возникает жалость к Билли. Когда "глубина" достигла отметки сто футов, он закрыл кран, через который в камеру подавался воздух, но решил не выключать мотор. Пока Билли привыкал к повышенному давлению, Келли нашел шланг и присоединил его к выхлопной трубе двигателя, а другой конец вывел наружу, чтобы окись углерода не поступала в бункер. Келли действовал по памяти, и это беспокоило его. Сбоку на камере имелась инструкция, но она была слишком краткой, советуя обратиться к детальному наставлению для ныряльщика, которого у Келли не было. Последнее время он мало нырял на большую глубину, если не считать руководства группой ныряльщиков, срезавших поврежденную нефтяную платформу в Мексиканском заливе. Келли провел час, наводя порядок в мастерской, вспоминая время, проведенное с Пэм на острове, и гнев его все время возрастал, но теперь он держал себя в руках. Наконец он вернулся к своему откидному сиденью.

- Как самочувствие?

- Что ты от меня хочешь? - Голос Билли звучал как-то испуганно.

- Будешь отвечать на вопросы?

- Что угодно, только выпусти меня отсюда!

- Тогда хорошо. - Келли взял блокнот. - Тебя когда-нибудь арестовывали. Билли?

- Нет. - В голосе послышалась гордость. Отлично, подумал Келли.

- Служил в армии?

- Нет. - Надо же, какой глупый вопрос.

- Значит, ты никогда не был в тюрьме, у тебя не брали отпечатки пальцев, ничего такого?

- Никогда. - Келли увидел в окошко, что Билли отрицательно покачал головой.

- Откуда мне знать, что ты говоришь правду?

- Но это так!

- Да, пожалуй, ты действительно говоришь правду, но я хочу убедиться в этом, понимаешь? - Келли протянул левую руку и повернул кран на клапане стравливания воздуха. Воздух со свистом рванулся из камеры. Келли не сводил взгляда с манометра.

Билли не знал, чего ожидать, и происшедшее оказалось для него неприятным сюрпризом. В течение предыдущего часа он находился в атмосфере, где давление в четыре раза превышало нормальное. Тело Билли адаптировалось к нему. Воздух, вдыхаемый легкими, под повышенным давлением проник в кровеносную систему, и теперь все его тело испытывало давление 58, 8 фунта на квадратный дюйм. Пузырьки газа, главным образом азота, растворились в системе кровообращения, и когда Келли стравил воздух из камеры, эти пузырьки начали расширяться. Ткани, окружающие расширяющиеся газовые пузырьки, сопротивлялись этому, но без особого успеха, и потому стенки клеток почти сразу начали растягиваться, а в некоторых случаях и разрываться. Возникла боль в конечностях, сначала она была тупой, но быстро стала охватывать все тело, становясь невыносимой. Она накатывала волнами, точно совпадающими с учатившимся теперь биением сердца. Келли услышал стоны, превратившиеся затем в крик, а давление соответствовало всего лишь глубине в шестьдесят футов. Он закрыл клапан стравливания воздуха и снова открыл кран, подающий воздух под давлением. Спустя две минуты давление внутри камеры снова равнялось четырем барам. Повышенное давление полностью сняло болезненные ощущения, оставив только боль, которую обычно испытывают спортсмены после большого напряжения. Но Билли не привык даже к такой боли и потому не испытывал от нее приятного ощущения, овладевающего атлетами и такого знакомого им. Однако важным было то, что в окошко на Келли смотрели расширенные от ужаса глаза, и он понял, что его гость полностью запуган. Глаза совсем не походили на человеческие, и Келли решил, что все идет хорошо. Он включил интерком.

- Это наказание за ложь. Теперь тебе это ясно. Итак, ты подвергался аресту?

- Господи, нет!
- Не был в тюрьме, у тебя не брали отпечатки пальцев?
- Нет, только штрафы за превышение скорости. Меня никогда не арестовывали.
- Призывали на воинскую службу?
- Нет, я ведь уже сказал тебе!

- Отлично, спасибо. - Келли закончил с первой группой вопросов. - А теперь поговорим о Генри и его организации. - Происходило еще одно событие, которого не ожидал Билли. Начиная с давления около трех баров, азот, составляющий основную часть того, что люди называют воздухом, оказывает наркотическое действие, похожее на влияние алкоголя или барбитуратов. При всем своем испуге Билли испытывал эйфорию, которая мешала ему мыслить здраво, причем сам он этого не замечал. Это было еще одним преимуществом техники допроса, избранной Келли главным образом из-за того непоправимого ущерба, который она наносит жертве.

- Оставил деньги? - спросил Таккер.
 - Больше пятидесяти тысяч. Когда я ушел, они продолжали считать, - сказал Марк Шарон. Они сидели в пустом кинотеатре, два человека на балконе. Однако на этот раз Таккеру было не до попкорна, заметил детектив. Он редко видел его взволнованным.

- Мне нужно знать, что происходит. Что тебе известно?
 - За последнюю неделю или дней десять в нашем округе прикончили нескольких торговцев наркотиками...
 - Да, Джу-Джу, Банданну, еще двух, которых я не знаю. Я слышал об этом. Ты считаешь, что эти убийства как-то связаны между собой?

- Это все, что мы знаем, Генри. А кто исчез - Билли?
 - Да. Рика убили. Ножом?
 - Кто-то вырезал у него сердце, - преувеличил Шарон. - Одна из твоих девушек тоже исчезла?
 - Дорис, - кивком подтвердил Генри. - Говоришь, убийца оставил деньги..., почему?
 - Может быть, это было неудавшееся ограбление, но я не знаю, что помешало. Убийца ограбил и Джу-Джу и Банданну - обоих - черт побери, не исключено, что эти случаи никак не связаны между собой. А может быть, и то, что произошло вчера ночью, тоже являлось чем-то иным.

- Чем именно?
 - А вдруг это прямое нападение на твою организацию. Генри? - терпеливо объяснил Шарон. - Ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы затеять такое? Ведь не обязательно быть полицейским, чтобы увидеть причину, верно? - Шарон испытывал удовольствие - огромное удовольствие, - что, получил возможность смотреть на. Таккера свысока, пусть даже недолгое время. - Что известно Билли?

- Очень многое. Проклятье, я ведь только что начал посвящать... - Таккер прикусил язык.
 - Не беспокойся, все в порядке. Мне не нужно знать этого, и я, не хочу ничего знать. Но кто-то еще знает теперь все подробности, и тебе следует подумать об этом. - Слишком поздно Марк Шарон начал понимать, как тесно его благополучие связано с благополучием Генри Таккера.

- Но почему по крайней мере не сделать так, чтобы это походило на ограбление? - растерянно произнес Таккер, глядя невидящими глазами на белый экран.

- Кто-то посылает тебе сигнал. Генри. Он не взял деньги в знак презрения. Тебе известен кто-нибудь, кто не нуждался бы в деньгах?

Вопли становились все громче. Билли только что совершил новый подъем на шестидесятифутовую глубину, где оставался в течение двух минут. Было интересно наблюдать за его лицом. Келли видел, как он вцепился согнутыми как когти пальцами рук в уши, когда внутри, одна за другой, с промежутками меньше секунды, лопнули барабанные перепонки. Затем воздействию подверглись глаза и носовые полости. Пострадают от декомпрессии и зубы, если у Билли есть в них дупла, а ведь наверняка есть, подумал Келли, но ему не хотелось причинять Билли слишком мучительную боль - по крайней мере пока.

- Билли, - сказал он, восстановив прежнее давление в барокамере и устранив почти всю боль. - Мне кажется, что ты не говоришь всей правды.

- .. твою мать! - закричало существо внутри стального цилиндра прямо в микрофон. - Я прикончил ее, тебе это ясно? Я наблюдал, как умирает твоя маленькая куколочка с кляпом Генри внутри, подняв зад, и я видел, как ты рыдал, когда узнал об этом, рыдал как ребенок, сукин ты сын!

Келли поднял голову к самому окошку, убедился, что Билли видит его, и открыл кран стравливания воздуха, просто чтобы дать ему снова почувствовать ощущение боли. Теперь у него началось кровотечение в суставах, потому что пузырьки азота почему-то собирались именно там, и инстинктивная реакция человека, страдающего кессонной болезнью, заключалась в том, что он сворачивался в клубок. Но Билли при всем желании не мог согнуться внутри стального цилиндра. Страдала теперь и центральная нервная система - тонкие паутинки нервных волокон сжимались, и боль ощущалась повсюду, сокрушительная боль в суставах и конечностях и обжигающие огненные нити пронизывали все тело. Начались судороги - это крошечные нервные волокна, передающие электрические импульсы, восстали против мучений, и

тело Билли стало дергаться в разных направлениях, словно его подвергали электрошоку. Келли немного беспокоило, что нервная система реагирует таким образом слишком уж рано. Пока достаточно. Келли восстановил давление, соответствующее сотне футов, и увидел, что спазмы стихают.

- Ну что. Билли, теперь ты понимаешь, как чувствовала себя Пэм? - спросил он, впрочем, напоминая об этом главным образом, самому себе.

- Больно. - По лицу Билли текли слезы. Он закрыл руками лицо, но все-таки не сумел скрыть охватившую его агонию.

- Билли, - терпеливо произнес Келли. - Видишь, как это действует? Если мне покажется, что ты лжешь, тебе будет больно. Хочешь, чтобы я причинил тебе боль?

- Господи - нет, пожалуйста, не надо! - Он отнял руки от лица, и теперь их глаза находились в каких-то восемнадцати дюймах друг от друга.

- Постарайся быть хоть немного повежливей, ладно?

- ., извини...

- Мне тоже очень жаль. Билли, но тебе придется делать то, что я тебе говорю, понимаешь? - Ответный кивок.

Келли взял стакан воды, проверил герметичность дверцы крохотного воздушного шлюза, затем открыл наружную дверцу и поставил стакан внутрь. - Сейчас, Билли, открой дверцу рядом со своей головой, и ты там увидишь стакан с водой.

Билли послушно открыл дверцу и начал пить воду через соломинку.

- А теперь снова вернемся к делу, ясно? Расскажи мне о Генри поподробнее. Где он живет?

- Я не знаю, - с трудом, задыхаясь, произнес Билли.

- Врешь! - рявкнул Келли.

- Прошу тебя, не надо! Я в самом деле не знаю, мы встречаемся в условленном месте на сороковом шоссе, он скрывает от нас, где...

- Постарайся вспомнить получше, иначе лифт снова поднимется до шестого этажа. Ты готов?

- Не-е-е-т! - Вопль был настолько громким, что Келли услышал его через дюймовую сталь барокамеры. - Нет, пожалуйста! Я не знаю - честное слово, не знаю.

- Билли, у меня нет оснований жалеть тебя, - напомнил ему Келли. - Ведь это ты убил Пэм, помнишь? Ты пытал ее, получал наслаждение, терзая плоскогубцами. Сколько часов. Билли, сколько часов ты со своими друзьями мучил ее? Десять? Двенадцать? Черт возьми. Билли, мы беседуем с тобой только семь часов. Ты пытаешься убедить меня, что работал с Генри почти два года и все-таки не знаешь, где он живет. Трудно поверить этому. Поднимаемся, - объявил он механическим голосом, протягивая руку в сторону клапана. На этот раз ему понадобилось только коснуться его. Стоило Билли услышать шипенье выходящего воздуха, как его охватил невыразимый ужас и он закричал еще до того, как почувствовал боль:

- НО Я НЕ ЗНА-А-А-Ю!

Проклятье. Что, если он действительно не знает? Ну что ж, подумал Келли, лучше убедиться. Он поднял Билли совсем немного, до восьмидесяти пяти футов, чтобы он заново ощутил вкус прежней боли, не вызывая новых травм. Теперь страх перед болью был таким же реальным, как сама боль, подумал Келли, и если он зайдет слишком далеко, боль может превратиться в наркотик сама по себе. Да, этот человек - трус, получающий удовольствие от того, что причинял страдания и внушал ужас другим людям, и если он обнаружит, что боль, какой бы ужасной она ни была, не ведет к смерти, тогда он может черпать запасы мужества внутри самого себя. Келли не хотел подвергать свою операцию такому риску, каким бы маловероятным он ни был. Он снова закрыл клапан стравливания и увеличил давление внутри камеры, на этот раз до стадеятифутовой глубины, чтобы уменьшить боль и усилить наркотическое воздействие азота.

- Боже мой! - выдохнула Сара. Она не видела посмертные фотографии Пэм, и на единственный вопрос, связанный с этим, ее муж ответил решительным отказом. Сара поняла причину и примирилась.

Дорис была обнаженной и вела себя настолько пассивно, что это вызывало тревогу. Единственное, что сумела сделать с ней Сэнди, это помочь вымыться. Сэм открыл сумку и достал оттуда стетоскоп. Частота сердечных сокращений у девушки превышала девяносто, слишком высокая для ее возраста, зато сердце билось сильно и устойчиво. Кровяное давление было тоже повышенным, температура нормальной. Сэнди подошла к ней и взяла четыре пробы крови по пять кубиков для последующего лабораторного анализа.

- Господи, кто способен на такое? - еле слышно прошептала Сара. На груди девушки виднелись многочисленные ссадины и синяки, огромный синяк был на правой щеке и совсем свежие кровоподтеки на животе и ногах. Сэм проверил ее глаза на чувствительность зрачка. Она оказалась положительной - если не считать полного отсутствия реакции.

- Те же, кто убили Пэм, - тихо ответил хирург.

- Пэм? - спросила Дорис.

- Ты знала ее? Откуда?

- Мужчина, который доставил тебя сюда, - сказала Сэнди. - Он тот самый...

- Тот, которого убил Билли?

- Да, - ответил Сэм и лишь потом понял, каким абсурдным мог показаться такой ответ непосвященному слушателю.

- Я знаю только номер телефона, - произнес Билли заплетающимся языком. Он был опьянен высоким парциальным давлением азота, а исчезновение боли сделало его намного податливей.

- Назови его, - командовал Келли, и Билли послушно продиктовал номер. Келли записал его. Теперь перед ним лежали две страницы, почти целиком покрытые карандашными заметками. Имена, адреса, несколько телефонных номеров. На первый взгляд совсем немного, но все-таки гораздо больше, чем имелось в распоряжении Келли всего двадцать четыре часа назад.

- Как производится транспортировка наркотиков? Голова Билли отвернулась от окошка.

- Не знаю...

- Постарайся вспомнить. - Послышалось шипение воздуха, выходящего из камеры.

Снова раздался дикий вопль, но на этот раз Келли не перекрывал кран, снизив давление до семидесяти пяти футов. У Билли началась рвота. Функция легких теперь у него была нарушена, и кашель одновременно со рвотой только усиливал боль, что наполняла сейчас каждый кубический дюйм его тела, потрясаемого спазмами. Ему казалось, что его тело превратилось в огромный пузырь или, точнее, во множество пузырей, больших и малых, причем все они старались лопнуть, все давили друг на друга, и Билли чувствовал, что некоторые из них давят сильнее, а некоторые - слабее, и те, что слабее, находились в самых важных местах внутри его тела. Нестерпимую боль ощущал он в глазах. Казалось, они вылезли из глазниц, а расширяющиеся носовые пазухи еще больше усиливали боль, словно лицо отделялось от остального черепа. Он прижал ладони к лицу, из последних сил стараясь удержать его на месте. Испытываемая им боль выходила далеко за пределы всего, что ему приходилось когда-либо испытывать, и была намного сильнее той, что он любил причинять своим жертвам. Его ноги согнулись и уперлись в стенки стального цилиндра с такой силой, что коленные чашечки, казалось, продавили в легированной стали углубления. Билли мог двигать руками, они изгибались и ползали по его груди в поисках облегчения, но только вызывали более острую боль, когда он попытался удержать глаза в глазницах. Он больше не мог кричать. Время для Билли остановилось и превратилось в вечность. В ней не было ни света, ни темноты, ни звуков, ни тишины. Действительность стала сплошной болью.

- , пожалуйста..., пожалуйста... - доносилось из динамика, расположенного рядом с Келли.

Он снова увеличил давление до ста десяти футов.

Лицо Билли покрылось теперь пятнами, словно от какой-то ужасной аллергии. Некоторые кровеносные сосуды лопнули под поверхностью кожи, и один крупный сосуд разорвался в левом глазу. Скоро половина глазного белка стала красной, почти пурпурной, и Билли походил теперь еще больше на испуганное злобное животное, каким он и являлся на самом деле.

- Мой последний вопрос касался способа доставки наркотиков в Америку.

- Не знаю, - простонал Билли.

Келли поднес к губам микрофон и спокойно произнес:

- Билли, мне нужно, чтобы ты понял кое-что. То, что случилось с тобой до сих пор, причинило тебе мучительную боль, но ты еще не испытал настоящей боли. Я имею в виду настоящую боль.

Билли посмотрел на него расширившимися глазами. Если бы он мог взглянуть на происходящее рассудительно и здраво, то подумал бы, что такие страшные муки, уж конечно, должны иметь свой предел. Это было бы одновременно и правильным и ошибочным.

- Все, что ты пока испытал, врачи могут вылечить, понимаешь? - Это не было такой уж большой ложью, а то, что последовало, не было ложью совсем:

- В следующий раз, когда я выпущу воздух из камеры. Билли, с тобой произойдет уже такое, что не смогут исправить лучшие врачи. Кровеносные сосуды внутри глазных яблок лопнут, и ты ослепнешь. Затем наступит очередь сосудов головного мозга, понимаешь? И это тоже нельзя вылечить. Ты ослепнешь и сойдешь с ума, однако боль никогда не оставит тебя. На протяжении всей оставшейся жизни. Билли, ты, слепой и сумасшедший, будешь страдать от мучительной боли. Тебе сейчас сколько? Двадцать пять? Ты будешь жить еще долго. Лет сорок, пожалуй, слепой и сумасшедший калека. Так что лгать мне не имеет смысла, ясно? Итак - как доставляют наркотики в Америку? Никакой жалости, сказал себе Келли. Он убил бы собаку, кошку или оленя, находишь они в таком состоянии, как вот этот..., этот предмет. Но Билли не был собакой, кошкой или оленем. В конце концов он был человеческим существом..., в некотором роде. Хуже сутенера, хуже торговца наркотиками. Поменяйся они местами. Билли не испытывал бы таких чувств, какие испытывает он. Вселенная, в центре которой находился Билли, была совсем крохотной. В ней существовал лишь он один, окруженный предметами, предназначенными развлекать и услаждать его или приносить выгоду. Билли наслаждался тем, что причинял боль, господствовал над объектами, чувства которых не имели значения, даже если они действительно существовали. Каким-то образом Билли не сумел понять, что во Вселенной живут и другие человеческие существа кроме него, люди с правом на безопасную жизнь и счастье, равное его праву. По этой причине он подвергал опасности другого человека, чье существование он никогда по сути дела не признавал. Теперь он, наверно, понял свою ошибку, но слишком поздно. Теперь он понимал, что его вселенная на самом деле крохотная и одинокая и населяют ее не люди, а одна боль. И вот, осознав это. Билли не выдержал. Это было написано на его лице. Он начал говорить сдавленным и неровным голосом и на этот раз говорил полную правду. Однако он запоздал с этим на десять лет, оценил Келли, поднимая голову от своих записей и глядя на клапан стравливания воздуха. Очень жаль, и эта жалость распространялась на множество людей, населявших необычную вселенную Билли. Возможно, ему просто в голову не приходило, подумал Келли, что найдется кто-то другой, способный обращаться с ним точно так же, как обращался он с множеством других, более слабых и менее решительных, чем он. Но все это осуществилось с таким опозданием, так поздно. Слишком поздно для Билли, слишком поздно для Пэм и в определенном смысле слишком поздно для самого Келли. Мир полон несправедливости, и не всегда в нем торжествует правосудие. Так просто, не правда ли? Билли не знал, что где-то совсем рядом его ждет расплата, а поскольку справедливости в мире недостаточно, он не получил предупреждения заранее. Вот он и поставил все на карту. Поставил и проиграл. Таким образом, теперь Келли может сохранить свою жалость для других.

- Я не знаю..., я не...

- Тебя предупреждали, правда? - Келли открыл клапан и поднял давление до пятидесяти футов. Сосуды в сетчатке глаз лопнули почти сразу. Келли показалось, что он видит в зрачках что-то красное, расширяющееся в тот момент, когда тот, кому они принадлежали, издал ужасный вопль, несмотря на то что воздух покинул его легкие. Колени, ступни ног и локти забарабанили по стали. Келли немного подождал, прежде чем снова подал в камеру сжатый воздух.

- Говори мне все, что ты знаешь. Билли, иначе тебе будет еще хуже.

Теперь Билли признавался во всем. Информация, полученная от него, была во многом поразительна, но она не могла не быть правдивой. Никто не смог бы придумать такое, для этого требовалось слишком богатое воображение. Заключительная фаза допроса заняла три часа, причем только однажды Келли пришлось выпускать сжатый воздух, да и то на пару секунд - одного шипения было достаточно. Келли вышел из мастерской, изменил вопросы и задал их снова, чтобы убедиться, что ответы останутся прежними. Ответы остались прежними. Более того, задав видоизмененные вопросы, Келли получил дополнительную информацию, которая объединила в одно целое некоторые отрывочные данные, и окончательная картина прояснилась еще больше. К полуночи он не сомневался, что выжал из Билли всю полезную информацию, которой тот располагал.

Когда Келли положил, наконец, свои карандаши, его едва не охватило чувство простой человеческой жалости. Если бы Билли проявил хоть немного милосердия по отношению к Пэм, вполне возможно, что он повел бы себя по-другому, потому что полученные им раны, как сказал Билли, это не личная ненависть, а бизнес или, что еще точнее, - результат его собственной глупости, и он не мог заставить кого-то расплачиваться за последствия своих ошибок. Но Билли не пожелал на этом остановиться. Он подверг пыткам молодую женщину, которую любил Келли, и по этой причине потерял все шансы остаться человеком, а следовательно, и не заслуживал милосердия со стороны Келли.

Впрочем, это не имело значения. Повреждения, причиненные организму Билли, были неисправимы, и продолжали ухудшаться, по мере того как ткани, разорванные барометрической травмой, путешествовали по кровеносным сосудам, то и дело закупоривая их. Хуже всего это проявилось в головном мозге. Скоро невидящие глаза Билли показали, что наступило безумие, и хотя заключительный этап декомпрессии был медленным и осторожным, то, что появилось из камеры, уже нельзя было назвать человеком - впрочем, это не было человеком с самого начала.

Келли ослабил откидные болты на люке декомпрессионной камеры. Оттуда хлынул поток зловония, которого ему следовало ожидать, но по какой-то причине он забыл об этом. Увеличение и уменьшение давления в кишечном тракте и мочевом пузыре Билли привели к легко предсказуемым результатам. Позднее придется тщательно промыть камеру сильной струей воды, подумал Келли, вытаскивая из стального цилиндра бесчувственное тело и укладывая его на цементный пол. Он подумал - а не стоит ли на всякий случай приковать его цепями к чему-нибудь, но тело, лежащее у его ног, было бесполезным даже для своего владельца - суставы практически уничтожены, нервная система годна лишь на то, чтобы передавать сигналы боли. Но Билли продолжал дышать, и это самое главное, подумал Келли, отправляясь спать, довольный тем, что все наконец кончилось. Если счастье не отвернется от него, ему больше не придется заниматься подобными процедурами. При некоторой доле везения и хорошем медицинском уходе Билли сумеет прожить еще несколько недель. Если только можно назвать это жизнью.

Глава 21

Возможности

Келли почувствовал некоторое беспокойство из-за того, что так хорошо спал. Не слишком здорово, встревоженно подумал он, что он может проспать не просыпаясь десять часов кряду после того, что он сделал с Билли. Странное время для пробуждения совести, сказал Келли своему отражению в зеркале, когда начал бриться. К тому же раскаиваться в этом слишком поздно. Если человек занимается тем, что мучает женщин и торгует наркотиками, ему следует подумать о всех возможных последствиях своих действий. Келли вытер лицо. Он не испытывал никакой радости из-за того, что причинил столько боли, - в этом он не сомневался. Просто ему требовалась определенная информация и он собрал ее, одновременно определил наказание, вынес приговор и привел в исполнение особенно подходящим и эффективным способом. К тому же Келли умел распределять свои действия по знакомым и привычным категориям, а это помогало ему без особого труда успокаивать свою совесть.

Наконец он должен был отправляться в путь. Одевшись, Келли накрыл брезентовым чехлом палубу на юте. Он уже сложил в чемодан личные вещи и перенес его в салон яхты.

В пути придется провести несколько часов - это будут скучные часы и больше половины пути в темноте. Направляясь на юг, к мысу Лукаут-Пойнт, Келли внимательно осмотрел кладбище кораблей у острова Бладсуэрт. Корпуса кораблей, построенных во время первой мировой войны, выглядели удивительно печально. Некоторые из них были деревянными, некоторые - из железобетона, что казалось в высшей степени странным. Все они уцелели, несмотря на массивные нападения немецких подводных лодок - первую такую кампанию в мировой истории, - но в мирное время их эксплуатация не окупала себя даже в двадцатые годы, когда матросы на торговых судах обходились намного дешевле, чем команды буксиров, плавающих ежедневно по Чесапикскому заливу. Келли поднялся на мостик и, пока автопилот удерживал яхту на прежнем курсе, приложил к глазам бинокль, потому что один из этих полуразрушенных кораблей мог представлять для него интерес. Впрочем, он не заметил там никакого движения и не увидел никаких катеров среди зарослей высокой травы и тростника на месте последнего пристанища кораблей, бороздивших некогда морские просторы. Этого следовало ожидать, подумал Келли. В конце концов, это не какое-то там постоянно действующее промышленное предприятие, хотя и послужило отличным укрытием для деятельности, в которой Билли еще недавно играл активную

роль. Келли повернул штурвал, направляя яхту на запад. Это подождет. Келли заставил себя переключиться на другие мысли. Скоро он вольется в группу, станет снова одним из людей, похожих на него. Приятная перемена, подумал Келли, она позволит составить план дальнейших действий в успешно развивающейся операции.

Патрульных полицейских всего лишь информировали об инциденте с миссис Чарлз, однако уровень их бдительности повысился, когда они узнали подробности смерти парня, напавшего на нее. Дальнейших предостережений им не требовалось. Как правило, в каждой патрульной машине находилось двое полицейских, хотя случались и одиночные патрули, где за рулем сидел только один опытный или излишне самоуверенный полицейский (в последнем случае патрульный вел себя таким образом, что Райан и Дуглас пришли бы в негодование, стань свидетелями его действий). Если в патрульной машине было двое полицейских, как это и полагается, один из них подходил к подозреваемому, тогда как второй оставался рядом с машиной, держа руку на расстегнутой револьверной кобуре. Первый полицейский поворачивал бродягу к стене и обыскивал его, проверяя, нет ли у него оружия. Часто при обыске оружие находили, но, как правило, это были ножи. Если у пьяных бродяг когда-то и было огнестрельное оружие, они уже давно заложили его, чтобы купить спиртное или реже наркотики. В первую ночь обыску подверглись одиннадцать бродяг, двое из них были арестованы “за непристойное поведение” - так заявили полицейские. Но до конца смены никого подозрительного так и не обнаружили.

- Отлично - мне удалось кое-что узнать, - произнес Шарон. Его автомобиль стоял на парковочной площадке универсама рядом с “кадиллаком”.

- Что именно?

- Они ищут парня, переодетого уличным бродягой.

- Кончай шутить! - презрительно бросил Таккер.

- Уверяю тебя. Генри, это правда, - заметил детектив. - Полицейским отдан приказ приближаться к бродягам с максимальной осторожностью.

- Черт побери, - фыркнул поставщик наркотиков.

- Он белый, не очень высокий, старше сорока. Очень силен физически и молниеносно действует в случае надобности. Они многое скрывают, но примерно в то же время, когда он убил того парня, погибли еще два торговца наркотиками. Готов поспорить - это тот самый, что охотится за дилерами.

- И он прикончил Рика и Билли? - недоверчиво покачал головой Таккер. - Трудно поверить.

- Генри, не имеет значения, веришь ты этому или нет, но таковы мои сведения, понимаешь? Отнесись к ним с полной серьезностью.

Кем бы ни был этот парень, он - настоящий профессионал. Ты меня понимаешь? Профессионал.

- Значит, Тони и Эдди... - тихо пробормотал Генри.

- Я тоже так считаю. Генри, но это всего лишь догадка. - Шарон включил сцепление, и его машина направилась к выезду со стоянки.

Как все глупо, думал Таккер, выезжая на Эдмонтон-авеню. Зачем Тони и Эдди пытаться сделать это... Что, что в самом деле происходит, черт побери? Они мало что знают о способе транспортировки - всего лишь то, что наркотики как-то попадают в Америку, да еще то, что он хотел, чтобы пути доставки товара и его территорию; оставили в покое, пока сам Генри превращался в их главного поставщика. Нелогично с их стороны подрывать его бизнес, не подчинив сначала себе транспортировку продукта. Не подчинив..., он выбрал не правильное слово..., но...

Не подчинив. Что если Билли жив? Вдруг он заключил сделку с ними, а Рик отказался - нельзя исключать такую возможность; Рик слабее Билли, однако на него можно положиться.

Может быть, так: Билли убивает Рика, забирает с собой Дорис и прячет где-то ее тело - ведь он знает, как это делается, правда? Затем устанавливает связь - с кем? Он честолюбивый убудок, этот Билли, подумал Таккер. Не такой уж умный, но честолюбивый и настойчивый, когда этого требуют обстоятельства.

Да, такое возможно. И так, Билли устанавливает контакт с кем-то. Но с кем? Что ему известно? Билли знает, где ведется переработка продукта, но не имеет представления, как он попадает в Америку..., может быть, запах, пластмассовые пакеты пахнут формальдегидом. Раньше Генри относился к этому более осторожно; когда Тони и Эдди помогали ему перерабатывать продукт в начальной стадии операции, Таккер пересыпал товар в другие пакеты, чтобы избавиться от запаха - так, на всякий случай. Но последние две партии ушли на переработку в тех же пакетах... Проклятье. Какая грубая ошибка! Билли знает приблизительно, где ведется окончательная переработка товара после его доставки в Америку, но сможет ли он найти это место? Вряд ли, подумал Генри. Билли плохо разбирается в мореплавании и вообще не любит яхты, а приобрести навыки навигаций не так-то просто.

А вот Эдди и Тони хорошо знакомы с яхтами, идиот, напомнил себе Таккер.

Но зачем им нарушать сложившуюся систему, особенно теперь, когда все налажено и приносит такую прибыль?

Кому еще он перешел дорогу? Конечно, парням из Нью-Йорка, но ведь Генри даже ни разу не встречался с ними. Он захватил их рынок сбыта, это правда, и воспользовался временным недостатком товара, чтобы утвердиться там. Может быть, это вызвало у них ярость?

А ребята из Филадельфии? Они стали соединительным звеном между ним и Нью-Йорком. Вдруг их охватила жадность? Не исключено, что они узнали насчет Билли.

А может быть, в игру вступил Эдди, предав одновременно Тони и Генри.

Все может быть. Но что бы ни случилось, транспортировка продукта все еще в руках Генри. И как бы ни

обернулось дело, ему нужно защищать то, что у него осталось, - свою территорию и связи. Только что все наладилось, операция наконец-то стала приносить огромные дивиденды. Потребовались годы напряженного труда, чтобы достичь того, чего он сейчас достиг, сказал себе Генри и повернул направо, направляясь к дому. Начинать все сначала - значит, снова подвергнуться огромному риску, а ведь так трудно заставить себя пойти на это. Новый город, создание новой системы распределения. А война во Вьетнаме заканчивается. Число трупов американских солдат, на которые он рассчитывал, начало сокращаться. Возникшие сейчас трудности могут все разрушить. Если он сумеет сохранить операцию, в худшем случае удастся заработать десять миллионов - нет, скорее двадцать при правильном раскладе - и тогда можно спокойно уйти. Да, это привлекательный вариант. Два года, еще два года труда, и цель будет достигнута. Вряд ли он сумеет начать снова. Придется защищаться здесь.

Твердо стой и защищайся, парень, сказал он себе. И тут же в голове Таккера возник план. Точно, он заявит: ему нужен Билли, причем живым. Поговорит с ним и прощупает его, выяснит, не начал ли Эдди действовать самостоятельно, не установил ли он контакт с конкурентами на севере. С этого он начнет сбор сведений. А потом настанет время действовать.

Здесь должно быть подходящее место, сказал себе Келли. “Спрингер” медленно плыл вперед. Фокус заключался в том, чтобы найти место достаточно населенное, но пустынное в данный момент. В требованиях, предъявляемых к этой фазе операции, ничего трудного, улыбнулся он про себя. Поворот реки - и вот хорошее место. Келли внимательно осмотрел берег. Похоже на школу, может быть, интернат, и в зданиях ни одного освещенного окна. Чуть дальше раскинулся городок - маленький и сонный, там горят всего несколько огней и каждые пару минут проезжает автомобиль, но машины едут по главной улице, и вряд ли кто-нибудь обратил внимание на яхту. Он прошел на яхте чуть дальше и тут же, за поворотом, увидел место получше - ферма, судя по внешнему виду здесь выращивают табак - старинная плантация, большой дом ярдах в шестистах, хозяева внутри, наслаждаются прохладой кондиционированного воздуха. Внутреннее освещение и голубой отблеск телевизионного экрана не позволяют им видеть, что происходит снаружи. Да, здесь можно рискнуть.

Келли перевел двигателя на холостой ход, прошел на нос яхты и бросил маленький якорь. Теперь он двигался быстро и неслышно, спустил в воду ялик и перевел его за корму. Поднять Билли через леер оказалось нетрудно, но вот опустить его в шлюпку Келли не смог. Он положил Билли на палубу, поспешно спустился в каюту и принес спасательный жилет, который надел на тело, потом сбросил Билли за борт. Так будет проще. Келли спустился в ялик, привязал шкертом спасательный жилет к корме шлюпки и сильными гребками погнал ее к берегу. Всего через три или четыре минуты нос ялика врезался в болотистый берег. Да, это школа, увидел Келли. Не иначе в ней идут летние занятия, и обслуживающий персонал наверняка появится тут только утром. Он спрыгнул на берег и вытащил Билли, прежде чем снять с него спасательный жилет.

- Оставайся пока здесь.

- ..оставайся...

- Совершенно верно. - Келли оттолкнул шлюпку от берега, сел за весла, и, глядя в сторону кормы, невольно остановил взгляд на Билли. Он оставил его совершенно раздетым. Никаких документов. Никаких отметин на теле, по которым можно было бы его опознать, - кроме оставленных Келли. Билли несколько раз повторил, что у него не брали отпечатков пальцев. Если это так, полиции будет нелегко опознать его, может быть, не удастся совсем. Да и вряд ли он долго проживет. Мозговая травма, вызванная воздушной эмболией, оказалась более серьезной, чем планировал Келли, и все свидетельствовало о том, что и его внутренние органы пострадали очень тяжело. Но Келли, в конце концов, проявил больше великодушия - вороны не будут рвать тело Билли. Вот разве что врачи проведут вскрытие. Через несколько минут Келли поднялся на палубу “Спрингера”, и яхта направилась обратно вверх по течению Потомака.

Прошло еще два часа, и он увидел причалы корпуса морской пехоты в Куантико. Превозмогая усталость, Келли осторожно подвел яхту к берегу, выбрав гостевой пирс - один из последних среди причалов.

- Кто вы? - донесся из темноты голос.

- Меня зовут Кларк, - ответил Келли. - Вас должны были предупредить.

- Да, конечно. У вас хорошая яхта, - и охранник направился к маленькому домику в глубине порта. Через несколько минут от зданий, в которых размещались офицеры, к пирсу подъехал автомобиль.

- Мы не ждали вас так рано, - заметил Марти Янг.

- Пора братья за дело, сэр. Поднимитесь на борт?

- Спасибо, мистер Кларк. - Спустившись в салон, генерал огляделся. - Откуда у вас такое сокровище? Мне пришлось довольствоваться маленьким швертботом.

- Не знаю, должен ли я отвечать на ваш вопрос, сэр, - ответил Келли. - Извините.

Генерал кивнул.

- Голландец сказал, что вы примете участие в операции.

- Это верно, сэр.

- Уверены, что справитесь? - Генерал заметил татуировку на кисти Келли, но не понял, что она означает.

- Я принимал участие в операции “Феникс”, сэр, больше года. Кто включен в состав штурмовой группы?

- Добровольцы из разведывательных подразделений корпуса. Сейчас они проходят усиленную подготовку.

- Поднимаете их в половине шестого утра? - спросил Келли.

- Точно. Я пришлю кого-нибудь за вами. - Янг улыбнулся. - Вы нужны нам в отличной физической форме.

- Против этого трудно возразить, генерал. - По лицу Келли промелькнула ответная улыбка.

- Откуда такая срочность? - спросил Пиаджи, раздраженный тем, что его побеспокоили без предварительной договоренности, да еще в ночь с субботы на воскресенье.

- Думаю, кто-то пытается оказать на меня давление. Хочу узнать кто именно.

- Вот как? - Действительно, это достаточная причина для срочной встречи, хотя время для нее выбрано не лучшее, подумал Тони. - Расскажи мне, что происходит.

- Кто-то ликвидирует дилеров в западной части города, - сказал Таккер.

- Я тоже читаю газеты, - заверил его Пиаджи, наливая вино в бокал гостя. В такие моменты важно продемонстрировать спокойствие. Таккер никогда не сможет войти в клан к которому принадлежал Тони, но при всем при том он ценный партнер. - Почему это так тебя беспокоит, Генри?

- Этот самый парень ликвидировал двух моих людей - Рика и Билли.

- Тех самых, что...

- Совершенно верно! Кроме того, исчезла одна из моих девушек. - Таккер поднес к губам бокал с вином и сделал глоток, глядя в глаза Тони.

- Ограбление?

- У Билли было семьдесят тысяч долларов наличными. Полицейские нашли их, прямо там. - Таккер разъяснил некоторые подробности. - По мнению полиции, за этим стоит профессионал.

- У тебя есть враги среди уличных торговцев? - спросил Тони. Вопрос не содержал особой пронизательности - у всех, кто занимается наркобизнесом, есть враги, - но упоминание о профессионале представляло немалый интерес.

- Я позаботился о том, чтобы полиции стали известны мои главные конкуренты.

Пиаджи кивнул. Такое широко распространено в этом бизнесе, хотя и является рискованным. После недолгого размышления он покачал головой, отказываясь от этой мысли. Генри был склонен к рискованным поступкам, что иногда беспокоило Тони и его компаньонов, но в то же самое время умел вести себя очень осторожно, когда это требовалось, справляясь с двумя противоречивыми чертами своего характера.

- Кто-нибудь пытался покуситься с тобой?

- Ни один из этих людей не откажется захватить такую сумму наличными.

- Это верно, - согласился Пиаджи. - У меня есть для тебя новость, Генри. Я тоже не оставил бы столько денег.

Неужели? - подумал Таккер, скрывая свои мысли за бесстрастным выражением лица.

- Тони, или этот парень не сумел найти деньги, или он хочет таким способом мне что-то сообщить. Он убил уже семь или восемь человек, причем очень умело и хладнокровно. Рика прикончил ножом. Не думаю, что он оставил деньги случайно, понимаешь? - Станным в этом разговоре было то, что оба собеседника относили использование ножа на счет национальности друг друга. Генри считал, что нож - оружие итальянцев, тогда как Пиаджи полагал, что только негры прибегают к нему.

- Я слышал, что кто-то ликвидирует дилеров с помощью малокалиберного пистолета.

- Он прикончил одного выстрелом из охотничьего ружья, прямо в грудь. Полицейские патрули обыскивают уличных бродяг, но проявляют при этом особую осторожность.

- Я не знал этого, - признался Пиаджи. Действительно, у Генри отличные источники информации, подумал он, но в этом нет ничего удивительного - Генри живет в той части города, и вполне естественно, что его разведывательная служба действует быстрее, чем Пиаджи.

- Похоже, что этим на самом деле занимается профессионал, - закончил Таккер. - Кто-то, кто отлично умеет убивать, понимаешь?

Пиаджи кивнул в знак согласия, но на самом деле он испытывал замешательство. Существование профессиональных убийц на службе мафии было легендой, обязанной своим возникновением телесериалам и кинофильмам. Когда одному из боссов организованной преступности требуется устранить кого-то, этим обычно занимается человек, выполняющий другую работу, настоящую, приносящую деньги. Вот почему такие убийства не требуют особого профессионализма. Не существует какого-то общества искусных убийц, терпеливо ожидающих телефонного звонка, получающих задание, ликвидирующих кого-то и затем возвращающихся обратно в роскошную квартиру, чтобы ожидать следующего звонка. Действительно, в мафиозных сообществах есть члены, убивающие людей с исключительным хладнокровием и умением, но это не одно и то же. За таким мафиози просто закрепляется репутация человека, на которого сам акт убийства не оказывает воздействия - а это означает, что он убивает просто и буднично, без лишнего шума или какого-то артистизма. Настоящие социопаты встречаются редко, даже среди мафии, и потому неумелые убийства являются скорее правилом, чем исключением. Таким образом, для Генри понятие "профессиональный убийца" было чем-то, существующим только на экране, телевизионный образ хладнокровного мафиози. Но как Тони сумеет тогда объяснить происходящее, черт побери?

- Это не один из моих людей. Генри, - ответил Пиаджи после недолгого размышления. То, что его слова не означали, будто у него нет таких людей, к делу совершенно не относилось, сказал себе Пиаджи, наблюдая за реакцией своего партнера на сказанное. Генри всегда исходил из того, что Пиаджи знает, как убирать людей с дороги, тогда как Тони был уверен, что у Таккера больше опыта в таких делах, причем подробности даже пугали его. Это также требовало объяснения, но только, совершенно очевидно, не в данный момент. Сейчас он просто следил за лицом Таккера, допивая бокал "кьянти".

Откуда я знаю, что он говорит правду? Не требовалось особой проницательности, чтобы прочитать его мысли.

- Тебе нужна помощь. Генри? - произнес Пиаджи, стараясь прервать неловкое молчание.

- Я не думаю, что это дело твоих рук, - сказал Таккер, осушив свой бокал. - Для этого ты слишком умен.

- Рад слышать такое. - Тони улыбнулся и снова наполнил бокалы.

- А вот как насчет Эдди?

- Что ты имеешь в виду?

- Его когда-нибудь примут в ваш клан? - Таккер смотрел внутрь своего бокала. На Тони можно положиться - он всегда создавал дружескую атмосферу во время деловых встреч. Именно по этой причине их так притягивало друг к другу. Тони вел себя спокойно и расчетливо, даже когда ему задавали вопрос, требующий прямого ответа.

- Это щекотливый вопрос. Генри, и вообще-то я не должен говорить об этом. Вот ты никогда не сможешь стать членом клана. Тебе ведь понятно почему.

- Что, у вас не соблюдается принцип равных возможностей, а? Ну что ж, я не обижаюсь. Главное, чтобы хорошо шло дело, Энтони. - Таккер воспользовался паузой и улыбнулся, нарушив напряженность и, как он надеялся, вызывая партнера на откровенность. Его надежда сбылась.

- Нет, - заметил Пиаджи подумав. - Все считают, что у Эдди недостаточно на это способностей.

- А вдруг он старается доказать, что вы ошибаетесь?

- Не думаю, - покачал головой Пиаджи. - Он неплохо зарабатывает на этом и все хорошо понимает.

- Тогда кто? - спросил Таккер. - Кто еще знаком с операцией? Кто захочет совершить столько убийств только для прикрытия? Кто в состоянии создать впечатление, что это - дело рук профессионала?

Нет, на это Эдди не достанет ума, подумал Пиаджи. Он знал это или считал, что знает.

- Генри, если ты уберешь Эдди, это вызовет кучу неприятностей. - Он сделал паузу. - Но я постараюсь выяснить.

- Спасибо, - кивнул Таккер. Он встал и оставил Тони один на один с бутылкой вина.

Пиаджи продолжал сидеть за столом. Почему все так осложнилось? Правду ли говорил Генри? Пожалуй, подумал он. В конце концов, он является единственным звеном, связывающим Таккера со своим кланом и ни в чьих интересах разрубать это звено. Таккер может занять очень важное место в их деловых интересах, но никогда не войдет в семью на равных с остальными итальянцами. С другой стороны. Генри умен и превосходно разбирается в своем бизнесе, и, если обещает, то доставляет товар вовремя и в нужном количестве. У семьи было немало таких людей, партнеров в деловых предприятиях, младших членов - называйте их, как хотите, - чья ценность и влияние зависели от пользы, которую они приносили. Многие из них даже обладали немалой властью, превышающей влияние членов семьи, но разница между ними, тем не менее, оставалась. В случае разногласий голос члена семьи решал многое - по сути дела решал все..

Может быть, в этом и заключается объяснение? Что, если Эдди завидовал влиянию Генри? Неужели ему так хочется стать членом семьи, что он готов отказаться от материальных благ, которые приносит ему участие в распространении наркотиков? Трудно поверить в это. А во что легко?

- Эй, на "Спрингере"! - донесся голос с причала. Капрал корпуса морской пехоты с удивлением увидел, что дверь, ведущая в каюту, сразу же распахнулась. Он полагал, что ему придется будить этого..., штатского, вытаскивать его из мягкой постели. Вместо этого капрал увидел, что на палубе появился мужчина в походных сапогах и маскировочном комбинезоне. Комбинезон отличался от формы морских пехотинцев, но выглядел достаточно похожим, чтобы показать, что его носит серьезный человек. Капрал заметил, что с комбинезона были спороты нашивки - с тех мест, где раньше находилось имя владельца, воинское звание и эмблема рода войск. Он почувствовал, что к мистеру Кларку следует относиться с еще большим уважением.

- Следуйте за мной, сэр, - произнес капрал и пошел вперед. Келли молча последовал за морским пехотинцем. Он знал, что обращение "сэр" ничего не значит. Когда у морского пехотинца возникают сомнения, он и к телеграфному столбу обратится точно так же, называя его "сэр". Вслед за капралом он подошел к машине, и они поехали, пересекая железнодорожные пути и поднимаясь вверх по склону холма. Глядя по сторонам, Келли мечтал о еще нескольких часах сна.

- Вы - водитель у генерала?

- Да, сэр. - На этом разговор завершился.

Их было человек двадцать пять. Они стояли в утреннем тумане, потягиваясь и разговаривая между собой, - пока сержанты расхаживали перед строем, всматриваясь в лица солдат, пытаясь найти тех, кто еще не пришел в себя после сна и не готов к напряженной работе. Головы всех повернулись в сторону подъехавшего генеральского автомобиля, из которого вышел мужчина. Они увидели, что на нем не такой, как у морских пехотинцев, маскировочный комбинезон, и попытались понять, кто это, принимая во внимание, что на комбинезоне отсутствовали нашивки, обозначающие воинское звание. Приехавший направился прямо к старшему сержанту.

- Сардж Ирвин? - спросил Келли. Старший сержант Пол Ирвин вежливо кивнул, окидывая незнакомца изучающим взглядом.

- Да, сэр. А вы мистер Кларк?

- По крайней мере пытаюсь быть им в такую рань, - усмехнулся Келли.

Они пристально посмотрели друг на друга. Пол Ирвин был чернокожим с бесстрастным, непроницаемым лицом. Он не казался излишне строгим, как этого ожидал Келли, и у него были глаза осторожного человека, готового ко всем неожиданностям, как и полагается морскому пехотинцу его возраста и опыта.

- Вы в форме? - спросил Ирвин.
- Это можно выяснить только одним способом, - ответил мнимый Кларк.

На лице Ирвина появилась широкая улыбка.

- Отлично! Я разрешу вам бежать первым, сэр. Наш капитан куда-то исчез - наверно, пошел по бабам. Проклятье!

- А теперь давайте разомнемся. - Ирвин вернулся к строю, подал команду, и солдаты застыли по стойке "смирно". Келли занял место справа во второй шеренге.

- Доброе утро, морская пехота!

- Раз-вед-ка! - послышался дружный крик мощных глоток. Утренняя дюжина гимнастических упражнений оказалась не такой легкой, но Келли и не собирался выделяться среди остальных. Зато он следил за Ирвином, который с каждой минутой становился все более серьезным, делая упражнения подобно роботу. Полчаса спустя все действительно размялось, и Ирвин снова вернул солдат в строй, готовясь к пробежке.

- Солдаты, позвольте мне представить вам нового члена нашей команды. Это - мистер Кларк. Сегодня мы с ним будем задавать темп бега.

Келли вышел вперед и встал рядом с сержантом, бормоча себе под нос:

- Но я ведь не знаю, куда бежать, черт побери.

- Пусть это вас не беспокоит, сэр, - усмехнулся Ирвин. - После того как отстанете, просто следуйте за нами.

- Хватит болтать, пустобрех. Показывай дорогу, - ответил Келли, как и подобает профессионалу.

Через сорок минут Келли продолжал бежать впереди. Возглавляя группу, он получил возможность задавать темп, и это было единственным преимуществом лидера. Больше всего он беспокоился о том, чтобы не шататься на глазах у следующих за ним солдат, а это становилось совсем не просто, потому что, когда тело устает, первым выходит из строя его вестибулярный аппарат, и человек начинает терять равновесие.

- Налево, - показал рукой Ирвин. Келли не знал, что ему понадобится десять секунд, чтобы перевести дыхание и ответить. Кроме того, на его долю выпала добавочная нагрузка выкрикивать счет шагов. Теперь они бежали по узкой грунтовой дороге, ведущей через сосновый лес.

Впереди здания, промелькнуло в голове Келли, Боже милосердный, надеюсь, здесь мы остановимся. Даже мысли превратились, казалось, в судорожные вздохи. Грунтовая дорога огибала здания, но впереди были автомобили и это, наверно, и есть... что? Келли едва не остановился от изумления и по собственной инициативе скомандовал: "Быстрым шагом, марш!" - чтобы замедлить темп.

Манекены?

- Взвод, - послышался голос Ирвина, - стой! Вольно, - добавил он.

Келли несколько раз кашлянул и чуть наклонился вперед, благословляя свои пробежки в парке и вокруг острова, позволившие ему пережить такое испытание.

- Медленно, - недовольно проворчал Ирвин.

- Доброе утро, мистер Кларк. - Оказалось, что один из автомобилей настоящий, заметил Келли.

Джеймс Грир и Марти Янг жестом подозвали его к себе.

- Доброе утро, - отозвался Келли. - Надеюсь, вы хорошо выспались.

- Ты вызвался добровольно, - напомнил ему Грир.

- Сегодня пробежка длилась лишние четыре минуты, - произнес Янг. - Впрочем, для сотрудника ЦРУ, не так уж плохо.

Келли отвернулся, чтобы скрыть раздражение, и посмотрел по сторонам. Ему понадобилась целая минута, чтобы понять, где он находится.

- Черт возьми!

- Вон там ваш холм, - показал рукой генерал Янг.

- Здесь повыше деревья, - заметил Келли, оценивая расстояние.

- И холм тоже. Там он намывного происхождения.

- Сегодня вечером? - спросил Келли. Трудно было не понять смысла того, о чем говорил генерал.

- Думаете, справитесь?

- Полагаю, нам всем нужно узнать это. Когда начало операции? На этот вопрос решил ответить Грир:

- Знать об этом вам пока не требуется.

- За сколько дней меня предупредят? Заместитель директора ЦРУ задумался, прежде чем что-то сказать.

- За трое суток до вылета. Через несколько часов обсудим детали операции. А пока посмотри за тем, как эти парни готовятся. - Генерал Янг и Грир направились к своему автомобилю.

- Слушаюсь, - ответил Келли им вслед. Морские пехотинцы приготовили кофе. Он налил себе чашку и почувствовал себя одним из солдат штурмовой группы.

- А ты здорово бежал, - заметил Ирвин.

- Спасибо. Мне всегда казалось, что это одно из самых важных качеств в нашем деле.

- Какое именно? - спросил Ирвин.

- Умение убегать как можно дальше и как можно быстрее. Ирвин засмеялся. Затем солдаты принялись за исполнение первого задания, позволяющего немного отдохнуть и посмеяться. Они начали переставлять манекены. Это превратилось у них в ритуал - какую женщину поставить рядом с каким ребенком. Морские пехотинцы обнаружили, что у манекенов можно менять позы и занимались этим с превеликим удовольствием. Двое солдат прихватили с собой новые комплекты весьма укороченных бикини, которые они старательно надели на две распростертые женские фигуры. Келли с

изумлением заметил, что тела манекенов в купальных костюмах для большей реальности раскрашены в естественные цвета. Господи, подумал он, а еще утверждают, что эти моряки чокнутые!

"Огден" был новым кораблем - или почти новым, - потому что сошел со стапелей верфи Военно-морского флота в Нью-Йорке в 1964 году. Это был необычного вида корабль 570 футов длиной, его носовая половина имела более или менее обычную надстройку и восемь орудий, чтобы отгонять самолеты противника. Странной была кормовая половина корабля с плоской палубой и огромным трюмом. Плоская палуба была приспособлена для посадки вертолетов, а трюм под ней мог заполняться "одой, откуда действовали десантные суда. Этот корабль, как и еще одиннадцать таких же, построили для проведения десантных операций, предпринимаемых морскими пехотинцами. Такие операции были впервые проведены корпусом морской пехоты в двадцатые годы и отшлифованы в сороковые. Но теперь десантные суда Тихоокеанского флота утратили свое первоначальное назначение - части морской пехоты уже вели боевые действия на берегу и туда их доставляли чартерные самолеты, совершающие посадку на гражданских аэродромах, - и потому некоторые десантные корабли переоборудовались для других целей. Одним из таких кораблей и оказался "Огден".

Подъемные краны поднимали и устанавливали на полетной палубе автофургоны. Как только они опускались на палубу, матросы закрепляли их цепями и устанавливали на них различные радиоантенны. Множество других антенн крепили на корабельной надстройке. Вся эта работа проводилась открыто - трудно спрятать где-то военный корабль водоизмещением в семнадцать тысяч тонн, - и всем было ясно, что "Огден", подобно еще двум таким же судам, перестраивался в морскую платформу для сбора электронной информации в разведывательных целях - ЭЛИН. Незадолго до захода солнца "Огден" вышел в море из военно-морской базы в Сан-Диего без сопровождения, не имея на борту батальона морских пехотинцев, для транспортировки которого и был построен. Его команда, состоящая, из тридцати офицеров и четырехсот девяноста матросов и старшин" и разделенная на вахты, принялась за учения, занимаясь тем, чем обычно занимаются матросы, которые предпочли добровольную службу на флоте ожиданию призыва в армию. Когда солнце скрылось за горизонтом, "Огден" уже находился далеко в море, и о цели его плавания сообщили многим заинтересованным сторонам, хотя не все они поддерживали дружеские отношения с Соединенными Штатами. С автофургонами на борту и массой антенн, торчащих над летной палубой подобно остовам обгоревших деревьев, - и без морских пехотинцев - корабль не сможет причинить какой-либо вред. Это было очевидно для всех, кто видел выход "Огдена" из гавани.

Через двенадцать часов, когда корабль находился в двухстах милях от берега, боцман собрал палубные команды и приказал ничего не понимающим молодым матросам снять крепежные цепи со все? трейлеров, кроме одного, - они все равно были пустыми - и убрать все антенны с летной палубы. Однако те, что на надстройке, останутся на месте. Сначала вниз, в просторный трюм, убрали антенны, а следом закатали пустые трейлеры. Теперь палуба стала совершенно пустой.

На военно-морской базе США в Субик-бей командир судна "Ньюпорт ньюз" и его помощник, являющийся одновременно командиром БЧ-2 (корабельная артиллерия), просматривали график боевых действий на предстоящий месяц. Он командовал одним из последних настоящих крейсеров в мире, вооруженным восьмидюймовыми орудиями, установленными всего лишь на нескольких крейсерах. Такие орудия были полуавтоматическими, и метательные пороховые заряды не вкладывались в их казенники в шелковых мешочках - нет, снаряды вместе с порохом находились в латунных гильзах, внешне отличных от винтовочных патронов только размерами. Со своей дальностью стрельбы почти в двадцать миль орудия "Ньюпорт ньюз" могли вести огонь потрясающей мощности - с этим две недели назад познакомился северо-вьетнамский батальон, из которого мало кто уцелел. Крейсер мог вести огонь со скорострельностью пятьдесят выстрелов в минуту на каждое орудие, но центральное орудие в башне номер два было повреждено, поэтому каждую минуту к цели летело только четыреста снарядов, что по взрывной мощности равнялось сотне тысячефунтовых авиабомб. Капитан увидел, что следующая операция, предстоящая его крейсеру, заключалась в обстреле отдельных зенитных батарей на побережье Вьетнама. Он не имел ничего против этого, хотя больше всего ему хотелось ворваться когда-нибудь ночью в гавань Хайфона.

- Твой парень неплохо, по-видимому, разбирается в своем деле - по крайней мере пока, - заметил генерал Янг, когда на часах было без четверти два.

- Трудно рассчитывать на то, что он сумеет осуществить что-нибудь подобное в первую же ночь, Марти, - возразил Голландец Максуэлл.

- Ничего не поделаешь, Голландец, если уж ему захотелось соревноваться с моими морскими пехотинцами... - Таков был генерал Янг. Все его подчиненные были "его" морскими пехотинцами. Ему приходилось летать с Фоссом с Гвадалканала, прикрывать полк Чести Пуллера в Корее, и генерал был одним из тех, кто довел искусство ближней воздушной поддержки до того уровня, на котором оно находилось сейчас.

Они стояли на холме, откуда открывался вид на площадку, где по распоряжению Янга были недавно построены здания, ничем не отличающиеся от концлагеря во Вьетнаме. Пятнадцать морских пехотинцев из разведывательных подразделений корпуса разместились на склоне холма. Их задачей было обнаружить и ликвидировать Келли, прежде чем он сумеет подняться на свой наблюдательный пункт. Даже генерал Янг считал, что такое испытание являлось слишком уж тяжелым в первую ночь пребывания Кларка в лагере, однако Джеймс Грир слишком похвально отзывался о способностях своего протеже, и генерал решил поставить ЦРУ на место. С этим согласился и адмирал Максуэлл.

- Что за паршивый способ зарабатывать на жизнь, - пробормотал адмирал, совершивший за время своей карьеры почти две тысячи посадок на палубу авианосцев.

- Львы, тигры и медведи, - усмехнулся Янг. - Конечно, я не рассчитываю, что ему удастся проникнуть сюда с первого раза. У нас отличные ребята в штурмовой группе, верно, Ирвин?

- Так точно, сэр, - сразу согласился старший сержант.

- Что ты думаешь о Кларке? - продолжил расспросы генерал.

- Похоже, он кое в чем разбирается, - признал Ирвин. - Для штатского неплохо подготовлен физически - и мне нравятся его глаза.

- Вот как?

- А вы заметили это, сэр? У него ледяные глаза. Этот мистер Кларк немало, по-видимому, повидал. - Разговор велся еле слышным шепотом. Келли должен был подняться на вершину холма, но они не хотели слишком уж облегчать ему эту задачу, равно как и боялись, что их голоса помешают прислушиваться к лесным звукам. - Но сегодня это ему не удастся. Я сказал парням, что с ними будет, если Кларк сумеет пробраться через их цепь с первого раза.

- Неужели вы, морские пехотинцы, не хотите играть по правилам? - возразил Максвелл, скрывая в темноте улыбку. Ирвин не колебался с ответом:

- По правилам, сэр, означает, что все мои солдаты вернутся домой живыми. И наплевать на остальных - извините, сэр.

- Вам это покажется странным, сержант, но и для меня игра по правилам всегда заключалась именно в том же. - Из этого сержанта вышел бы отличный корабельный старшина, подумал про себя Максвелл.

- Ты следишь за бейсболом, Марти? - спросил адмирал у командующего корпусом морской пехоты, чувствуя, что им не угрожает невидимая опасность. Да, Кларку сюда не пробраться.

- Мне кажется, что "Ориолес" выглядят совсем неплохо.

- Господа, мы отвлекаемся, - дипломатично заметил Ирвин.

- Вы правы, сержант. Извините нас, - ответил генерал Янг. Два высших чина замолчали, время от времени поглядывая на светящиеся стрелки часов,двигающиеся к отметке "три", заранее согласованному моменту прекращения операции. В течение всего этого времени они не слышали, чтобы Ирвин не только говорил, но даже дышал. Прошел час. Тишина казалась успокаивающей для генерала корпуса морской пехоты, но адмиралу не нравился окружающий их лес, полный кровососущих насекомых, может быть, даже змей и всяких разных неприятных существ, обычно отсутствующих в кокпите истребителя. Они прислушивались к шуму ветра в соснах, слышали, как хлопают крыльями летучие мыши, совы и какие-то другие ночные летуны, - и больше ничего. Наконец стрелки коснулись 2.55. Марти Янг встал и потянулся, затем сунул руку в карман за сигаретой.

- Есть у кого-нибудь закурить? У меня кончились сигареты, а курнуть так хочется, - прошептал чей-то голос.

- Курите, солдат, - произнес Янг тоном великодушного генерала. Он протянул сигарету в сторону едва различимой тени и щелкнул своей верной зажигалкой "Зиппо". И тут же отпрыгнул назад. - Проклятье!

- Откровенно говоря, генерал, я считаю, что Питтсбург в этом году имеет наибольшие шансы - крепкие ребята. А вот "Ориолес" - команда неплохая, только с питчерами у них слабовато. - Келли сунул в рот сигарету не затягиваясь и тут же бросил ее на землю.

- И давно вы здесь? - недовольно спросил адмирал Максвелл.

- Львы, тигры и медведи, - насмешливо повторил Келли. - Я убил всех вас еще в половине второго, сэр.

- Сукин ты сын! - с чувством воскликнул сержант Ирвин. - Ты убил меня!

- Я благодарен, что вы вели себя так тихо.

Максвелл включил свой фонарик. Мистер Кларк - адмирал заставил себя думать о нем, как о мистере Кларке, - стоял перед ним, сжимая в руке резиновый нож. Его лицо было раскрашено маскировочными зелеными и черными тенями, и впервые после сражения за Мидуэй Максвелл почувствовал холодные объятия страха. На молодом лице появилась улыбка, и Келли сунул в карман "нож".

- Как это тебе удалось, черт возьми?! - рявкнул Голландец Максвелл.

- Правда здорово, адмирал? - усмехнулся Келли и протянул руку за фляжкой Марти Янга. - Если я посвящу вас в этот секрет, то все смогут сделать то же самое, верно?

Ирвин подошел к нему.

- Мистер Кларк, сэр, думаю, вы справитесь с делом.

Глава 22

Названия

Гришанов находился в здании посольства. Ханой был странным городом, представлявшим собой удивительную смесь французской архитектуры девятнадцатого века, маленьких желтых людей и воронок от авиабомб. Он уже пришел в себя после поездки по дорогам воюющей страны, да еще в автомобиле с камуфляжной окраской. Любой американский истребитель-бомбардировщик, возвращающийся после операции с лишней бомбой на борту или с неиспользованными снарядами двадцатимиллиметровых авиапушек, мог запросто атаковать такую машину, воспользовавшись ею в качестве цели при учебных стрельбах, хотя по какой-то причине американцы никогда не делали этого. Гришанову повезло - день оказался ветреным, небо было покрыто облаками и это резко ограничило воздушные операции, так что полковник мог не опасаться за свою жизнь. Впрочем, несмотря на это, поездка не стала более приятной. Слишком много мостов разрушено

в результате американских налетов, дороги исковерканы бесчисленными воронками, и поездка продолжалась втрое дольше, чем при нормальных условиях. Можно было бы воспользоваться вертолетом, который доставил бы Гришанова в Ханой намного быстрее, но это было бы безумием. Американцы, по-видимому, воображали, что автомобиль мог быть и не военным - это в стране, где велосипед был символом положения в обществе! - изумленно подумал Гришанов, - в отличие от вертолета, который надлежало атаковать сразу после обнаружения. Теперь, оказавшись в Ханое, полковник получил возможность укрыться в бетонном здании, где время от времени включалось электричество - сейчас оно было отключено, - а мысль о кондиционере была абсурдной фантазией. Открытые окна и плохо прилаженные сетки на них позволяли насекомым свободно проникать внутрь помещения, делая невыносимой жизнь работавших здесь людей. И все-таки было приятно снова оказаться в посольстве своей страны, где можно говорить на родном языке и на несколько часов стать самим собой, а не полудипломатом, как в остальное время.

- Итак? - спросил генерал.

- Все идет превосходно, но мне нужно еще несколько помощников. Я не в состоянии в одиночку вести допрос двадцати американцев.

- Действительно, это невозможно. - Генерал налил своему гостю стакан минеральной воды, главным компонентом которой была соль. Русские пили во Вьетнаме много минеральной воды. - Николай Евгеньевич, они опять ставят нам палки в колеса.

- Товарищ генерал, я знаю, что я всего лишь летчик-истребитель, а не политолог. Мне известно, что эта братская социалистическая страна, наш союзник, находится на переднем крае борьбы между марксизмом-ленинизмом и реакционным капиталистическим Западом. Я знаю, что они ведут национально-освободительную войну, направленную против империализма, за освобождение трудящихся всего мира от угнетения...

- Совершенно верно, Николай Евгеньевич, - кивнул генерал, лукаво улыбаясь и позволяя тем самым этому полковнику, в самом деле отнюдь не политологу, пренебречь на этот раз дальнейшими идеологическими высказываниями. - Мы знаем, что все это верно. Продолжайте говорить о деле. Мне предстоит тяжелый день.

Гришанов согласно покачал головой.

- Эти высокомерные желтые ублюдки отказываются помогать нам, - продолжил он. - Они пользуются нами, пользуются моими усилиями, пользуются моими военнопленными, чтобы шантажировать меня. И если они исповедуют марксизм-ленинизм, то меня можно считать троцкистом. - Мало кто отважился бы на такую шутку, но отец Гришанова был членом ЦК с безукоризненной политической репутацией.

- Что вам удалось узнать у американцев, товарищ полковник? - спросил генерал, не желая уклоняться от главной темы.

- Полковник Закариас не только оправдал все наши ожидания, но и намного их превзошел. Ему известны самые секретные стратегические плацы Пентагона. Теперь мы с ним занимаемся проблемой обороны Советского Союза от китайцев. Он возглавляет "синих".

- Что вы имеете в виду? - Генерал недоуменно моргнул. - Можете объяснить?

- Полковник Закариас - летчик-истребитель, но в то же время он блестящий специалист по части преодоления противовоздушной обороны. Вы не поверите, товарищ генерал, но он летал на бомбардировщиках только в качестве пассажира, однако принимал активное участие в планировании операций стратегической авиации и в составлении ее доктрины, направленной на уклонение от ПВО и на ее подавление. А теперь он делает все это для меня.

- У вас есть записи?

Лицо Гришанова потемнело от с трудом сдерживаемой ярости.

- Они остались в лагере. Наши братья-союзники по социалистическому лагерю "изучают" их. Товарищ генерал, вы понимаете, насколько важны эти сведения.

Генерал был танкистом, а не летчиком, но он являлся одной из тех ярких звезд, что стремительно взлетают на советском небосводе, и цель его пребывания во Вьетнаме состояла в том, чтобы изучать все действия американцев. Это было одно из самых ответственных заданий для официального представителя Советской Армии.

- Действительно, эти сведения будут представлять огромную ценность.

Полковник Гришанов наклонился вперед:

- Еще два месяца, а может и шесть недель, и я смогу составлять свои планы противодействия американской стратегической авиации. Я научусь думать так, как думают они. Я не только узнаю содержание их существующих планов, но и сумею перенести их мышление на будущее. Извините меня, товарищ генерал, я не преувеличиваю свою важность, - заметил он, и его голос был искренним. - Этот американский полковник обучает меня американским военным доктринам и их философии. Мне показывали разведывательные данные, собранные ГРУ и КГБ. Теперь я знаю, что по крайней мере половина их не соответствует действительности. А ведь это только один американский офицер. Другой рассказал мне об американской доктрине, связанной с применением авианосцев. Еще один - про военные планы НАТО. Обратите внимание, товарищ генерал, это только начало.

- Как вам это удалось, Николай Евгеньевич? - Генерал прибыл сюда недавно и встречался с Гришановым только один раз, хотя знал о блестящей, если не более, репутации молодого полковника.

Гришанов откинулся на спинку своего кресла:

- С помощью доброты и сочувствия.

- По отношению к нашим врагам? - резко бросил генерал.

- А разве нам поручили причинять им боль? - Гришанов махнул рукой в сторону открытого окна. - Они выбрали именно такой путь, и чего добились? Главным образом лжи, производящей хорошее впечатление. Мое управление в Москве опровергло почти все, что удалось узнать этим маленьким обезьянам. Меня прислали сюда для сбора сведений.

Вот этим я и занимаюсь. Если понадобится, я готов подвергнуться какой угодно критике лишь бы получить достоверную и полезную информацию, товарищ генерал.

Генерал кивнул:

- Понятно. А зачем вы приехали в Ханой?

- Мне нужны люди! Такую работу не может выполнить один человек. Вдруг меня убьют, я заболею малярией или отравлюсь пищей - кто будет заниматься моей работой? Я не в силах вести допрос всех военнопленных, особенно теперь, когда они начинают больше мне доверять и рассказывают о себе. Приходится проводить с каждым все больше времени, и мне не хватает сил. Я теряю последовательность беседы. В сутках слишком мало часов.

Генерал вздохнул:

- Я пытался. Они предлагают мне своих лучших... Гришанов не сумел сдержаться и проворчал в бессильной злобе:

- Своих лучших - кого? Палачей? Это подорвет всю работу, которую мне удалось провести. Мне нужны русские, понимаете, русские! Культурные люди! Летчики, опытные офицеры. Я допрашиваю не рядовых. Эти военнопленные - профессионалы, всю жизнь служат в вооруженных силах. Они имеют огромную ценность для нас из-за того, что им известно, а известно им многое именно потому, что это умные и хорошо осведомленные офицеры, а потому они не поддаются на грубые методы допроса. Знаете, товарищ генерал, кто мог бы принести неоценимую помощь? Хороший психиатр. И еще одно... - добавил он, внутренне содрогаясь от собственной смелости.

- Психиатр? Это просто несерьезно. И я сомневаюсь, что нам удастся добиться разрешения направить в ваш лагерь дополнительных русских офицеров. Москва задержала поставку партий зенитных ракет по "техническим причинам". Как я уже вам сказал, наши союзники крайне этим недовольны и пользуются любым предлогом, чтобы сунуть нам палки в колеса. Так что разногласия все увеличиваются. - Генерал откинулся назад и вытер пот со лба. - Но вы упомянули что-то еще. Что именно?

- Надежду, товарищ генерал. Мне нужна надежда. - Полковник Гришанов мысленно сжал зубы.

- Объясните подробнее.

- Некоторые из американских военнопленных знают о своем положении. Возможно, все подозревают, что им угрожает. Им хорошо известна судьба заключенных в этом лагере, и они догадываются, что находятся в необычном положении. Товарищ генерал, эти военнопленные обладают поистине энциклопедическими знаниями. Мы могли бы годами получать от них полезную информацию.

- К чему вы клоните?

- Мы не можем допустить, чтобы их убили, - произнес Гришанов и тут же поправился, стараясь сделать свое заявление менее категоричным. - Не всех. Некоторые нам нужны. Они будут служить нам, но я должен что-то им пообещать.

- Предложите вернуть их обратно?

- После ада, в котором они столько прожили...

- Это наши враги, полковник! Их обучили убивать нас! Подумайте лучше о своих соотечественниках! - рявкнул генерал, юношей воевавший в снегах под Москвой.

Гришанов не сдался, подобно тому как однажды отстаивал свои позиции генерал:

- Они мало отличаются от нас с вами, товарищ генерал. У них есть знания, в которых мы нуждаемся, и нам понадобится только терпение и умелый подход, чтобы получить их. Все очень просто. Разве так уж трудно хорошо относиться к ним, а в обмен получить информацию о том, как спасти нашу страну от уничтожения? Конечно, можно подвергнуть их пыткам, как это делают наши "братья по лагерю", и не получить ничего! Неужели это пойдет на пользу нашей родине? - Все сводилось к этому простому вопросу, и генерал понимал это. Он посмотрел на полковника войск ПВО и впервые выразил свои мысли с полной откровенностью:

- Вы хотите, чтобы я поставил на карту и собственное положение и ваше? Но мой отец не является членом Центрального Комитета. - Да, такой офицер пригодился бы мне в моем батальоне, подумал генерал.

- Ваш отец был военным, - напомнил ему Гришанов. - И, подобно вам, настоящим и храбрым офицером. - Это был умный шаг со стороны полковника, и оба понимали его значение, но главным все-таки оставалась логика и важность предложения Гришанова - такой успех потрясет профессиональных разведчиков и в КГБ и в ГРУ. Как и подобает настоящему солдату, стремящемуся выполнить поставленную перед ним задачу, он мог ответить только одно.

Генерал-лейтенант Юрий Константинович Рокоссовский достал из ящика своего письменного стола бутылку водки. Это была "Старка", темная старая водка, лучшая и очень дорогая. Он налил две стопки.

- Я не смогу дать вам людей, Николай Евгеньевич. И тем более не в моих силах прислать вам психиатра, даже военного. Но вот надеждой я постараюсь вас обеспечить, это я обещаю.

Третий приступ конвульсий, наступивший после ее прибытия в дом Сэнди, был не таким острым, но все-таки внушал тревогу. Сара сделала все, чтобы успокоить Дорис в том числе инъекцию барбитурата, постаравшись уменьшить дозу наркотика до минимума. Теперь пришла пора черной работы по лечению девушки, а организм Дорис содержал целый букет болезней. Два венерических заболевания, какая-то инфекция и, возможно, начинающийся диабет. Сара уже принялась за первые три, прибегнув к большим дозам антибиотиков. Четвертую болезнь они попробуют вылечить диетой и позднее вернуться к ней. Следы физического насилия над девушкой напоминали Саре какой-то кошмарный сон, связанный с событиями, происходившими с другим поколением и на другом континенте, и больше всего ее беспокоили

психологические последствия этого, несмотря на то, что Дорис Браун закрыла глаза и заснула.

- Доктор, я...

- Сэнди, прошу тебя, зови меня Сара. Ведь мы находимся у тебя в доме, или ты забыла?

Медсестра О'Тул смущенно улыбнулась:

- Хорошо, Сара. Я обеспокоена...

- И я тоже. Меня тревожит состояние ее психики. И, конечно, ее "друзья"...

- Сара, а я беспокоюсь за Джона. - Сэнди словно не слушала доктора. Дорис уже не вызывала особых опасений, ее состояние стабилизировалось. Сэнди видела это. Сара Розен была превосходным клиницистом, но часто проявляла излишнее беспокойство, как это свойственно многим хорошим врачам.

Сара направилась к двери. Из гостиной на первом этаже исходил аромат приготовленного кофе, и она пошла туда. Сэнди последовала за ней.

- Да, я тоже думаю о нем. Какой странный и интересный человек.

- Я больше не выбрасываю газеты, которые получаю. Регулярно их собираю и просматриваю все номера за прошедшую неделю.

Сара разлила по чашкам кофе. Какие у нее точные и экономные движения, подумала Сэнди.

- Я уже пришла к определенному выводу. Теперь скажи мне, что думаешь ты, - сказала Сара.

- Мне кажется, это он убивает торговцев наркотиками. При этих словах Сэнди ощутила почти физическую боль.

- Похоже, ты права. - Сара Розен опустила на стул и потеряла глаза. - Ты никогда не встречалась с Пэм. Прелестная девушка, красивее Дорис, очень хрупкая и тоненькая, возможно, из-за плохого питания. Отучить ее от наркотиков оказалось гораздо легче. Следов насилия у нее было намного меньше, по крайней мере физического насилия, но эмоциональная травма такая же. Она так и не успела все рассказать нам о себе. Сэм говорит, что Джону известно о ней все. Но не это самое главное. - Сара посмотрела на медсестру, и Сэнди увидела глубокую боль у нее в глазах. - Мы спасли ее, Сэнди, вылечили, а затем что-то случилось, и это как-то изменило Джона, ожесточило его.

Сэнди повернулась и посмотрела в окно. Без четверти семь, раннее утро. Она видела, как люди в пижамах и халатах выходили на свое крыльцо, чтобы забирать утренние газеты и привезенные еще раньше бутылки молока. Кое-кто уже направлялся к машинам - и это в их районе продлится до половины девятого. Сэнди взглянула на Сару.

- Нет, в нем ничто не изменилось. Он всегда был таким. Каким-то образом - не знаю каким - эта черта характера вырвалась из-под его контроля, словно открылась дверца клетки. Что он за человек? Отчасти похож на Тима, но в нем есть что-то мне непонятное.

- У него есть семья?

- Нет. Мать и отец умерли, никаких других родственников. Он был женат...

- Да, я знаю об этом. Жена погибла, а потом убили Пэм. - Сара покачала головой. - Он так одинок.

- Что-то внутри говорит мне, что он - хороший человек, но моя другая половина... - Голос Сэнди стих.

- Моя девичья фамилия - Рабинович, - заметила Сара, отпивая кофе. - Мы приехали из Польши. Папа ушел от нас, когда я была совсем маленькой, и я не помню его; мама умерла от перитонита - мне было тогда девять лет. Когда началась война, мне исполнилось восемнадцать, - продолжала она. Для людей ее поколения "война" означала только одно. - У нас осталось много родственников в Польше. Я помню, что мы переписывались с ними. А потом все куда-то исчезли. Пропали - даже сейчас трудно поверить, что это действительно случилось.

- Извини, Сара. Я не знала этого.

- О таких вещах не рассказывают, - пожалала плечами доктор Розен. - У меня забрали часть моей жизни, понимаешь, и я была бессильна что-то предпринять. Помню, что обменивалась письмами с двоюродной сестрой Ривой. Думаю, они убили ее, но я так и не узнала, кто сделал это и где. В то время я была слишком молода, чтобы осознать весь ужас происходящего. Пожалуй, скорее была озадачена. Позднее меня охватила ярость - но против кого? Я не предприняла никаких мер, просто не могла предпринять. А в душе у меня осталась пустота, там, где раньше была Рива. У меня все еще хранится ее фотография - черно-белая, на ней изображена девочка с косичками, лет двенадцати, по-моему. Она хотела стать балериной. - Сара подняла голову. - И у Келли такое же пустое место в душе.

- Да, но мечь...

- Мечь. - Лицо доктора Розен стало печальным. - Я знаю. Нам должно казаться, что он - плохой человек, правда? О нем следует сообщить в полицию, и пусть его арестуют...

- Я не могу - то есть да, но я просто...

- И я тоже. Сэнди, если бы он был плохим человеком, зачем ему понадобилось привезти сюда Дорис? Ему и без того угрожала смертельная опасность.

- Но в нем есть что-то пугающее.

- Джон мог просто уйти и оставить ее, - продолжала Сара, словно не слышала слов Сэнди. - Может быть, он относится к людям, которые хотят своими руками навести в мире порядок. Но теперь мы должны помочь ему.

Это отвлекло Сэнди от преследующих ее мыслей.

- Но что нам с ней делать?

- Мы должны вылечить ее, насколько это в наших силах, и после этого Дорис сама будет решать. Что еще можно сделать? - спросила Сара, наблюдая за тем, как лицо Сэнди снова изменилось - она вернулась к прежней дилемме.

- Но как относительно Джона? Сара посмотрела на Сэнди:

- Я ни разу не видела, чтобы он делал что-то незаконное. А ты?

Сегодняшний день был выделен для имитации штурма лагеря с применением оружия. Небо, сплошь затянутое облаками, означало, что ни американские, ни советские разведывательные спутники не смогут увидеть, что происходит внизу. На территории лагеря были установлены картонные цели, и безжизненные глаза манекенов наблюдали за тем, как из леса выбежали морские пехотинцы, миновали условные ворота и помчались к баракам, ведя непрерывный огонь из автоматов. Через несколько секунд от целей ничего не осталось. Два пулемета М-60 поливали очередями открытые двери “казарм”, уже разрушенных огнем двух штурмовых вертолетов “Хьюи-кобра”, а группа спасения устремилась к тюремному барaku. Там в двадцати пяти отдельных камерах находились еще двадцать пять манекенов. Вес каждого равнялся ста пятидесяти фунтам - никто не думал, что американцы, находящиеся в лагере “Сендер грин”, будут весить даже столько. Группа огневой поддержки тем временем прикрывала эвакуацию. “Военнопленных” вытащили из камер и молниеносно доставили к спасательным вертолетам.

Келли стоял рядом с капитаном Питом Элби - чтобы усложнить задачу штурмовой группы, в данном случае считалось, что он убит. Капитан был единственным офицером в составе группы. Впрочем, это отклонение компенсировалось необычно большим числом сержантов. Манекены, изображающие военнопленных американских офицеров, быстро погрузили в вертолеты, доставленные на рассвете на грузовых прицепах. Когда последний “военнопленный” оказался внутри “вертолета”, Келли щелкнул секундомером.

- На пять секунд быстрее расчетного времени, капитан. - Келли поднял секундомер. - Ваши парни отлично подготовлены.

- Согласен, если не принимать во внимание, что сейчас тренировка проводится при дневном свете, мистер Кларк? - Элби, так же как и Келли, знал цель операции. Морские пехотинцы еще не были с ней ознакомлены - по крайней мере официально, - хотя многие имели представление о том, что им предстоит. Капитан улыбнулся:

- Ну ничего, ведь это только третья репетиция.

Они вошли внутрь лагеря. Условные цели в ключья разнесло пулеметным и автоматным огнем. Их число вдвое превышало наибольшее возможное количество охранников, которые могли находиться в лагере. Келли и Элби мысленно повторили процесс штурма, проверяя огневые секторы. В расположении лагеря были свои преимущества и свои недостатки. Построенный по какому-то безымянному восточноевропейскому проекту, лагерь плохо соответствовал местности. Самым удобным было то, что направление штурма совпадало с кратчайшим путем от ворот лагеря к казармам и тюремному барaku. Строители приняли все меры, чтобы максимально затруднить попытку бегства заключенных, и при этом облегчили задачу нападения извне. Впрочем, разве они ожидали этого?

Келли еще раз обдумал план штурма лагеря. Морские пехотинцы будут высажены за горным хребтом, скрывающим место высадки от охраны лагеря. Тридцать минут на переход от места высадки к исходной позиции. Гранатометы М-79 уничтожают сторожевые вышки. Два штурмовых вертолета “Хьюи-кобра” - американские солдаты прозвали их “змеями” за смертельную элегантность атак, которые нравились и Келли, зальют огнем казармы и обеспечат мощную огневую поддержку. Однако Келли не сомневался, что гранатометчики, входящие в состав штурмовой группы, за пять секунд уничтожат сторожевые вышки, обстреляют зажигательными гранатами казармы и заживо сожгут охрану лагеря смертоносными фонтанами белого пламени, сумев в случае чего обойтись и без “змей”. Несмотря на небольшие масштабы операции, размер цели и высокая степень подготовки штурмовой группы гарантировали ее успешное проведение. Сам Келли считал это “сверхуничтожением” - термин, применяющийся не только для ядерного оружия. При боевых операциях успех зависит от того, чтобы не дать противнику никаких шансов, быть готовым убить его два, три или даже дюжину раз в наикратчайшее время. Поле боя - не место для справедливой игры. Келли пришел к выводу, что пока все идет прекрасно.

- Что, если у них заминированы подходы? - с беспокойством предположил капитан Элби.

- На своей территории? - пожал плечами Келли. - Судя по аэрофотоснимкам, нет никаких признаков этого. Грунт выглядит нетронутым. Отсутствуют знаки, предупреждающие об опасности, - чтобы не подорвались собственные солдаты.

- Но ведь их солдаты знали бы об этом, верно?

- На одном из снимков видны козы, пасущиеся у самой колючей проволоки, помните?

Элби смущенно кивнул.

- Да, вы правы. Теперь припоминаю.

- Не будем напрашиваться на неприятности, - заметил Келли и замолчал, вдруг осознав, что он, всего лишь боцман категории Е-7, разговаривает как равный - даже скорее как старший - с капитаном морской пехоты. Так не должно быть - но почему? Почему не должно? Тогда отчего же у него все так хорошо получается и почему капитан соглашается с ним? Почему этот опытный боевой офицер уважительно обращается к нему, как к мистеру Кларку? - Мы добьемся успеха, - заключил он.

- Думаю, вы правы, мистер Кларк. А как вы сами сумеете выбраться оттуда?

- Как только вертолеты появятся на горизонте, я побью олимпийский рекорд в беге на дистанции от вершины холма к месту у посадки. Это будет не четырехминутная, а двухминутная миля.

- В темноте? - недоверчиво спросил Элби. Келли засмеялся:

- В темноте я бегая особенно быстро, капитан.

- Ты знаешь, сколько боевых “кабар” продается в городе? По тону вопроса, заданного Дугласом, лейтенант Райан

понял, что сержант пришел с плохими новостями.

- Нет, однако думаю, что ты сейчас скажешь мне об этом, - отозвался он.

- Магазин Санни, торгующий избытками военного снаряжения, получил партию этих чертовых ножей в тысячу штук всего месяц назад. Судя по всему, у морских пехотинцев их достаточно, поэтому теперь любой бойскаут может приобрести себе такой нож за четыре девяносто пять. Кроме того, они продаются и в других местах. Не могу себе представить, сколько таких ножей поступило в продажу.

- Я тоже, - признался Райан. Боевой нож "кабар" был большим и тяжелым. Бандиты носили ножи поменьше, почти всегда выкидные, хотя на улице все чаще появлялось и огнестрельное оружие.

Ни один из них не хотел открыто признаться, что они опять оказались в тупике, несмотря на то, что в их распоряжении находилось столько вещественных доказательств, собранных в особняке. Райан посмотрел на открытую папку с документами, где лежало добрых два десятка фотографий, сделанных судебно-медицинскими экспертами. У него почти не было сомнений, что там находилась женщина.

Жертва убийства - наверняка бандит, но официально все-таки считающийся жертвой, - был опознан немедленно по документам в его бумажнике, хотя адрес, указанный в водительском удостоверении, оказался вымышленным - это был заброшенный дом. Он неоднократно нарушал правила уличного движения, но штрафы платил быстро и всегда наличными. Ричард Фармер привлекал внимание полиции и в прошлом, однако все это было не таким уж серьезным, и расследования не проводилось. Попытки найти родственников ни к чему не привели. Его мать - отец давно умер - считала, что он работает коммивояжером в какой-то фирме. Но кто-то практически вырезал ему сердце боевым ножом, причем настолько быстро и решительно, что Фармер не успел даже прикоснуться к своему пистолету. Полный комплект, отпечатков пальцев, снятых с мертвого тела, всего лишь привел к еще одному листу, уложенному в папку с материалами дела. В центральном архиве ФБР таких отпечатков не оказалось. Не было их и у местной полиции, и хотя отпечатки пальцев Фармера подвергнутся сравнению с огромным количеством отпечатков, принадлежащих неизвестным лицам, Райан и Дуглас не рассчитывали на успех. В спальне особняка обнаружили три полных комплекта его отпечатков - все на оконных стеклах - и пятна семенной жидкости, соответствующей его группе крови - 0. Были найдены и другие пятна, относящиеся к группе АВ. Они могли принадлежать убийце или исчезнувшему владельцу (в этом детективы не были уверены) "бьюика", стоявшего рядом со входом. Они не исключали вероятности того, что убийца поспешно изнасиловал женщину, - если только в дело не был замешан гомосексуалист и тогда женщина исключалась.

Кроме того, в особняке удалось обнаружить частичные отпечатки, один из них принадлежал женщине (предположительно, судя по размерам) и один мужчине (тоже предположительно), но эти отпечатки были настолько нечеткими, что лейтенант не надеялся на конкретные результаты. Хуже всего оказалось то, что, когда эксперты решили снять латентные отпечатки пальцев со стоящего рядом с особняком "бьюика", пылающее августовское солнце так раскалило автомобиль, что все возможные отпечатки пальцев внутри него, с которыми можно было бы сравнить отпечатки пальцев человека, на чье имя зарегистрирована машина, некоего Уильяма Грейсона, превратились в бесформенные пятна, растопившиеся от жары. Мало кто отдавал себе отчет в том, что сравнивать частичные отпечатки пальцев, у которых существовало меньше десяти точек сходства, было в лучшем случае трудно.

Запрос в новый Национальный центр информации ФБР, обработанный на самых быстродействующих и современных компьютерах, не дал никаких результатов - в банках данных не было сведений ни о Грейсоне, ни о Фармере. Наконец, отделению по борьбе с наркотиками, которым руководил лейтенант Марк Шарон, тоже ничего не было известно о торговцах наркотиками по имени Грейсон и Фармер. Хуже всего было не то, что расследование вернулось к исходной позиции, нет, дело заключалось в том, что детективы просто не знали, что предпринять дальше. Впрочем, такое часто случается при расследовании преступлений, особенно связанных с убийствами. Работа детективов представляла собой сочетание повседневной деятельности и неожиданных удачных прорывов. Именно на это опирались отрасли науки, имеющие отношение к следственному процессу. Детективы располагали еще отпечатком кроссовки, обнаруженным в заброшенном особняке - впрочем, это была широко распространенная фирма и к тому же кроссовки оказались совершенно новыми. Полиции удалось установить приблизительную длину шага убийцы, на основании чего они пришли к выводу, что его рост от пяти футов десяти дюймов до шести футов трех дюймов. К сожалению, такой рост был заметно выше роста бродяги, полученного из показаний миссис Чарлз - на это, однако, детективы решили не обращать внимания. Они знали, что он белый. Им было известно, что он очень силен физически. Они знали, что ему или невероятно, прямо-таки не правдоподобно везет, или же он превосходно владеет всеми видами оружия. Они также знали, что он, по-видимому, обучен по крайней мере элементарным приемам рукопашной схватки - или, снова тяжело вздохнул Райан, ему опять-таки здорово везет. В конце концов, он проявил это искусство только один раз, да и то в схватке с наркоманом, в крови которого обнаружили героин. Наконец они знали, что он маскируется под уличного бродягу.

Все эти сведения мало что проясняли. Больше половины мужчин в мире попадают в категорию с таким ростом. Намного больше половины населения Балтимора - белые. В Америке миллионы людей, служивших в армии и принимавших участие в боевых действиях, многие из них служили в элитарных подразделениях, причем элементарные приемы рукопашной схватки - это всего лишь приемы, и не обязательно побывать в бою, чтобы овладеть ими, подумал Райан, а в Америке больше тридцати лет действовал закон об обязательном призыве на военную службу. Наверно, в радиусе двадцати миль можно найти не меньше тридцати тысяч человек, внешне похожих на подозреваемого и обладающих такими же навыками. Может быть, он сам вовлечен в наркобизнес? Или это просто грабитель? А возможно, как предположил Фарбер, это человек, считающий борьбу с наркотиками своим предназначением? Вообще-то Райан склонялся к третьему варианту, но не мог отказаться и от двух первых. Уже не раз оказывалось, что психиатры, да и детективы, ошибаются в мотивации преступлений. Самые вероятные, самые элегантные теории нередко бывало рушились от единственного случайного фактора. Проклятье! И все-таки нет, сказал он себе. В данном случае Фарбер прав. Это не

преступник. Этот убийца нечто совершенно иное.

- Нам нужна всего лишь одна зацепка, - тихо произнес Дуглас, глядя в лицо лейтенанта и догадываясь, о чем он думает.

- Одна зацепка, - повторил Райан. Это слово было у них чем-то вроде личного шифра. Одна зацепка, необходимая для того, чтобы распутать дело, могла заключаться в имени, адресе, описании автомобиля или его номерном знаке, человеке, знавшем или заметившем что-то. Всегда одно и то же, хотя внешне часто весьма различающееся, для детектива это было ключевым словом в кроссворде, после которого все становилось на свои места, а для подозреваемого - кирпичом, извлеченным из стенки, в результате чего все рушилось. И в данном случае такая зацепка существовала. Райан не сомневался в этом. Она должна быть где-то, потому что убийца был умен и хитер, слишком умен и слишком хитер, чтобы скрыться от полиции. Подозреваемый мог совершить одно-единственное убийство, и оно так никогда и не будет раскрыто, но в данном случае он не довольствовался единственным убийством, верно? Он не преследовал финансовых интересов, его действия не были продиктованы страстью, нет, в данном случае убийца посвятил себя процессу, и каждый шаг в этом процессе мог повлечь за собой серьезную опасность. И благодаря этому он и попадет в собственную ловушку. Детектив не сомневался в этом. Каким бы расчетливым и хладнокровным ни был убийца, за ним будут оставаться незаметные на первый взгляд следы, которые станут накапливаться до тех пор, пока что-то важное не привлечет внимание полиции. Не исключено, что такое уже случилось, подумал Райан, и не ошибся.

- Через две недели, - сказал Максвелл.

- Так скоро? - Джеймс Грир наклонился вперед, оперев локти в колени. - Голландец, это удивительно скоро.

- Ты считаешь, есть резон попусту тратить время? - спросил Подулски.

- Черт побери, Каз, я всего лишь сказал, что это скоро. Я совсем не имел в виду, что это не правильно. Значит, еще две недели подготовки и одна на транспортировку штурмовой группы и выход на исходную позицию? - Грир посмотрел на присутствующих. Они утвердительно кивнули. - Как относительно погоды?

- Это то, что не поддается контролю, - признался Максвелл. - Однако погода - палка о двух концах. При плохой погоде труднее летать, зато радиолокация и зенитный огонь тоже делаются намного сложнее.

- Как вам удалось, черт возьми, так быстро все подготовить? - "В голосе Грира звучало недоверие и восхищение.

- У нас есть свои способы, Джеймс. В конце концов, мы - адмиралы, правда? Отдаем приказы, и корабли отправляются к месту назначения, понимаешь?

- Значит, окно открывается через двадцать один день?

- Совершенно точно. Каз завтра вылетает на "Констелейшн". Мы начинаем инструктировать тех, кто обеспечит поддержку с воздуха. "Ньюпорт ньюз" уже ознакомлен с тем, что ему предстоит, - по крайней мере частично. Они полагают, что им предстоит очистить побережье от зенитных батарей. Основной корабль плывет сейчас через большой пруд. Им ничего не известно, кроме одного - предстоит рандеву с ТФ-77.

- Да, мне еще следует провести инструктаж со многими участниками операции, - подтвердил Каз усмехнувшись.

- А экипажи вертолетов?

- Они готовились в Коронадо. Сегодня вечером перелетают в Куантико. Вообще-то им не предстоит ничего необычного. Тактическая сторона операции достаточно проста. А что говорит твой "Кларк"?

- Вот как, теперь уже мой! - улыбнулся Грир. - По его мнению, подготовка идет хорошо. Тебе понравилось, как тебя убили?

- Он тебе рассказал? - в свою очередь улыбнулся Максвелл. - Джеймс, я знал что он хорош, после того что он сделал для Санни, но когда ты видишь все собственными глазами - вернее, не видишь и не слышишь. Он заставил замолчать Марти Янга, а это совсем непросто. Привел в замешательство целый взвод морских пехотинцев.

- Теперь мне требуется время, чтобы получить согласие на проведение операции, - сказал Грир. Отныне все стало серьезным. Он всегда считал операцию заслуживающей внимания и, наблюдая за подготовкой к ее осуществлению, познакомился со многим, что пригодится на службе в ЦРУ. Теперь он пришел к выводу, что операция возможна. "Зеленый самшит" вполне может оказаться успешным, если на операцию будет получено разрешение.

- Ты уверен, что мистер Ритгер не подведет?

- Не думаю. В конце концов, он один из нас.

- Пока еще нет. Только после того, как все окажется на своем месте, - заметил Подулски.

- Он захочет присутствовать на репетиции, - предупредил Грир. - Прежде чем просить человека принять на себя такую ответственность, ему нужно быть уверенным в успехе.

- Справедливо. Завтра ночью мы проводим учение с использованием боевых патронов и гранат.

- Мы приедем к вам. Голландец.

Группа разместилась в старой казарме, предназначенной по крайней мере для шестидесяти солдат, так что места хватило для всех, даже никому не понадобилось занимать верхнюю койку. Келли распорядился, чтобы ему приготовили отдельную комнату, одну из нескольких, предназначенных для сержантов - помощников командира взвода. Он решил, что не стоит больше ночевать на яхте. Нельзя быть одним из солдат штурмовой группы и в то же время жить в совершенно другом месте.

Это была первая ночь, которую солдаты проводили в казарме, а не за учениями - первая такая ночь после прибытия в Куантико. Какая-то добрая душа распорядилась доставить им три ящика пива. В результате на каждого пришлось ровно по три банки, потому что один из них пил только лимонад, и старший сержант Ирвин позаботился о том, чтобы никто не превысил положенную норму.

- Мистер Кларк, - спросил один из гранатометчиков, - а в чем цель операции?

Несправедливо, подумал Келли, заставляя их готовиться, не посвящая в цель предстоящего задания. Они готовились рисковать своей жизнью, даже не зная почему, не имея представления о том, ради чего подвергают опасности свою жизнь и свое будущее. Это было несправедливо, но совсем не так уж необычно. Он посмотрел в глаза морского пехотинца, задавшего вопрос:

- Я не могу ответить вам, капрал. Все, что я могу сказать, - это то, что предстоящая операция станет для вас предметом гордости. Даю вам свое честное слово.

Капрал, в свой двадцать один год самый молодой и наименее опытный в группе, не ожидал ответа, но не мог не задать такой вопрос. Он молча кивнул, подняв банку в торжественном салюте.

- А ведь мне знакома эта татуировка, - произнес другой, повидавший виды морской пехотинец.

Келли улыбнулся, допивая вторую банку пива.

- А-а, вот вы о чем. Однажды вечером мы напились, и мне кажется, меня приняли за кого-то другого.

- Тюлени годны только на то, чтобы держать мяч на носу, - заметил молодой сержант и рыгнул.

- Хочешь продемонстрирую это с твоим носом? - тут же поинтересовался Келли.

- Не стоит. - И сержант кинул ему новую банку пива.

- Мистер Кларк? - Ирвин сделал жест в сторону двери. Снаружи было так же душно и жарко, как и внутри. Легкий ветерок шевелил длинные иглы сосен, слышалось хлопанье крыльев - летучие мыши охотились где-то в темноте за насекомыми.

- В чем дело? - спросил Келли, прикладывая к губам банку и делая огромный глоток.

- Это и есть мой вопрос, мистер Кларк, сэр, - шутливо произнес Ирвин. Затем его голос изменился. - Я знаю вас.

- Вот как?

- Третья группа специальных операций. Мы поддерживали вашу группу во время операции "Горностаевая мантия". Для старшины категории Е-6 вы продвинулись очень далеко, - заметил Ирвин.

- Только не надо говорить об этом, но перед самым уходом в запас меня произвели в боцманы. Кому-нибудь еще известно о моем прежнем месте службы?

Ирвин усмехнулся:

- Нет, иначе капитана Элби хватил бы удар, а генерал Янг лопнул бы от ярости. Давайте будем держать это между нами, мистер Кларк, - произнес Ирвин, утверждая таким туманным, но недвусмысленным образом свое положение старшего в штурмовой группе.

- Я попал сюда не по своей воле. Просто на адмиралов, по-видимому, легко произвести впечатление.

- На адмиралов - может быть, а вот на меня - нет, мистер Кларк. У меня едва не случился инфаркт, когда вы появились из темноты со своим резиновым ножом. Не помню ваше имя - я имею в виду настоящее имя, - но вы ведь тот парень, которого называли Змеей, верно? Это вас забрасывали за линию фронта в ходе операции "Нежный цветок"?

- Участие в этой операции прошло для меня не слишком удачно, - напомнил ему Келли.

- Мы и в тот раз обеспечивали поддержку, вот только проклятый вертолет рухнул, едва мы поднялись на десять футов - трах! Отказал двигатель. Вот почему мы не прибыли вовремя. Ближайшей воинской частью оказалась Первая воздушно-десантная дивизия, поэтому и потребовалось столько времени.

Келли повернулся. Лицо Ирвина было черным как ночь.

- Я не знал этого.

Старший сержант пожал в темноте плечами.

- Я видел фотографии случившегося. Шкипер сказал нам, что глупо было с вашей стороны нарушать правила. Но вина полностью ложится на нас. Мы должны были оказаться на месте через двадцать минут после вашего сигнала. Будь мы вовремя, одна, а может, и две маленькие девочки остались бы живы. Как бы то ни было, причина заключалась в том, что лопнула трубка гидравлического привода, ведущего к двигателю. Проклятая маленькая резиновая трубка.

Келли покачал головой. От подобных тривиальных событий зависит судьба государств.

- Могло быть хуже - трубка могла лопнуть на большой высоте, и вот тогда все вы сидели бы в дерьме.

- Верно. Но чтобы ребенок погиб из-за такой ерунды? - Ирвин замолчал, глядя в темноту соснового леса, как привыкли делать это люди его профессии - смотреть и слушать. - Но я понимаю, почему вы так поступили. Мне хочется, чтобы вы знали об этом. Наверно, я сам поступил бы так же. Может быть, не так хорошо, как это сделали вы, но, черт побери, приложил бы все усилия и не дал бы уйти этому ублюдку - неважно, какой был приказ.

- Спасибо; сардж, - тихо произнес Келли, бессознательно переходя на морской слэнг.

- Это как в Сонг-Тае, верно? - после непродолжительного молчания спросил Ирвин, зная, что теперь услышит ответ.

- Да, что-то вроде. Вам скоро сообщат.

- Вы должны рассказать мне подробнее, мистер Кларк. Мне нужно думать о своих морских пехотинцах.

- Учебный полигон точно соответствует тому, что нам предстоит. Не забудьте, сардж, что и я буду там.

- Продолжайте, - негромко сказал Ирвин.

- Я участвовал в составлении плана высадки в том районе. Если в операции примут участие подготовленные солдаты, она пройдет успешно. У вас хорошие парни, сардж. Не буду говорить глупости вроде того, что нам предстоит

легкая прогулка, но операция не окажется излишне трудной. Мне приходилось участвовать и в более сложных. Вам тоже. Подготовка идет хорошо, по крайней мере на мой взгляд.

- Вы считаете, что успех операции стоит риска?

Смысл этого вопроса был настолько глубок, что мало кто мог его понять. Ирвин провел во Вьетнаме два срока, и, хотя Келли не видел колодки его боевых наград, ему было ясно, что старший сержант повидал немало. А теперь Ирвин был участником того, что вполне может привести к гибели его морских пехотинцев. Солдаты умирали, чтобы захватить холмы, которые тут же переходили обратно к противнику, а через шесть месяцев они возвращались - и все начиналось сначала. У профессиональных военных в характере было что-то, заставлявшее их ненавидеть повторение. Несмотря на то что подготовка к операции заключалась именно в этом - они "штурмовали" лагерь бесчисленное число раз, - реальная война состояла в том, что каждый бой велся ради захвата одной позиции. Перед тем как подумать о штурме новой цели, ты оглядываешься назад и проверяешь, насколько далеко тебе удалось продвинуться, и сравниваешь шансы на успех с тем, что ты узнал раньше. Но когда в третий раз видишь, что люди гибнут в бою за один и тот же клочок земли, начинаешь понимать. Просто понимаешь, как все это закончится. Твоя страна все еще продолжает посылать своих солдат штурмовать этот холм, заставляет их рисковать жизнью за место, политое кровью американцев. Говоря по правде, Ирвин не согласился бы добровольно отправиться во Вьетнам на третий срок, провести там еще несколько месяцев, постоянно подвергаясь опасности. И дело было не в недостатке мужества, преданности или патриотизма. Просто он понимал, что жизнь слишком ценная штука, чтобы отдавать ее даром. Ирвин дал клятву защищать свою страну, но взамен ему хотелось знать, насколько важна предстоящая операция, что это не война вообще, а нечто настолько необходимое, ради чего стоит рисковать жизнью, которая у него только одна. И все-таки старший сержант испытывал чувство вины, полагал, что нарушил лозунг корпуса морской пехоты: *Semper fidelis* - всегда верный. И это чувство вины заставило его, несмотря на все сомнения и вопросы, вызваться для участия в еще одной, последней операции. Подобно мужчине, которому изменила любимая жена, Ирвин не мог разлюбить, не мог перестать беспокоиться и потому готов был принять вину, не принятую теми, кто это заслужил.

- Сардж, я не имею права говорить вам об этом, но все-таки скажу. Место, которое нам предстоит штурмовать, - это лагерь для военнопленных, как вы и думали, понимаете?

Ирвин кивнул.

- Но в этом должно быть что-то еще. Обязательно должно быть.

- Это не обычный лагерь. Военнопленные, заключенные там, мертвы - все до единого, сардж. - Келли сжал в руке пустую банку. - Я видел аэрофотоснимки. Одного из них мы опознали. Это полковник ВВС, северо-вьетнамцы заявили, что он погиб, и мы считаем, что никто из этих парней не вернется домой, если мы не спасем их. Я ведь тоже не стремлюсь вернуться туда, приятель. Я тоже боюсь, понимаешь? Да, конечно, я прекрасно подготовлен, может быть, у меня талант к этой профессии... - Келли пожал плечами, не желая продолжать.

- Верно, но всему когда-то приходит конец. - Ирвин передал ему еще одну банку пива.

- Мне казалось, три банки - предел.

- Я принадлежу к методистской церкви и не должен пить совсем. - Ирвин усмехнулся. - Нас уважают, мистер Кларк.

- А мы - сукины дети, правда? В лагере находятся русские, по-видимому, допрашивают наших офицеров. Все американцы принадлежат к высшему командному составу и все официально считаются погибшими. Не иначе, их допрашивают с пристрастием, поскольку им известно многое. Мы знаем, что они в лагере, и, если ничего не предпримем, чтобы спасти их..., во что мы тогда превратимся? - Келли заставил себя замолчать, внезапно почувствовав, что ему хочется продолжать, рассказать о том, чем занимается он сам, потому что встретил человека, который действительно может понять его, и, несмотря на свое стремление отомстить за смерть Пэм, он ощущал бремя вины, давящее его всей своей тяжестью.

- Спасибо, мистер Кларк. Да, нам предстоит нелегкая операция, - произнес старший сержант Пол Ирвин, обращаясь к темным соснам и летучим мышам. - Таким образом, вы будете первым на месте и последним покинете его, верно?

- Мне приходилось работать в одиночку и раньше.

Глава 23

Альтруизм

- Где я? - едва слышно спросила Дорис Браун.

- Ты у меня дома, - ответила Сэнди, сидевшая в углу гостевой спальни. Она выключила лампу и отложила книгу, которую читала вот уже не один час.

- Как я попала сюда?

- Тебя привез друг. Я - медсестра. Врач находится на первом этаже. Она готовит завтрак. Как ты себя чувствуешь?

- Ужасно. - Девушка закрыла глаза. - Голова...

- Это нормально, хотя я знаю, у тебя дикая головная боль. - Сэнди встала, подошла к девушке и положила ладонь на ее лоб. Высокая температура исчезла, это хороший признак. Затем она проверила пульс - сильный и равномерный, хотя все еще излишне частый. По зажмуренным глазам девушки Сэнди поняла, что продолжающийся процесс отвыкания от барбитуратов кажется ей страшным, но и это было нормальным. От Нее исходил запах пота и рвоты. Они пытались

мыть ее, но все попытки не увенчались успехом, да и это было не так уж важно по сравнению со всем остальным. По крайней мере до настоящего времени. Кожа Дорис казалась бледной и вялой, словно существо внутри этой оболочки как-то съезжилось. После появления в доме у Сэнди она похудела, наверно, фунтов на десять или пятнадцать, и хотя вообще-то это не представляло особой опасности, девушка была настолько слаба, что даже не заметила ремней на руках, ногах и поясице, удерживавших ее на кровати.

- Сколько времени?

- Почти неделя. - Сэнди взяла губку и вытерла ей лицо. - Ты изрядно нас напугала. - Это было преуменьшением, мягко говоря. Дорис перенесла не меньше семи приступов конвульсий, причем второй приступ оказался настолько сильным, что панически перепугал и врача и медсестру. Зато седьмой приступ - совсем слабый - случился уже восемнадцать часов назад, это значило, что жизненные функции пациентки стабилизировались. Если повезет, то худшее осталось позади, и она на пути к выздоровлению. Сэнди дала Дорис попить.

- Спасибо, - тихо произнесла девушка. - А где Билли и Рик?

- Я не знаю, кто это, - ответила Сэнди. Формально это было правдой. Она читала статьи в местных газетах, но всегда пропускала имена. Медсестра О'Тул говорила себе, что вообще-то ей ничего не известно. Это была защитная реакция на столь запутанные чувства, что даже если бы она и нашла время, чтобы разобраться в них, то, ничуть не сомневалась Сэнди, запуталась бы еще больше. Сейчас не то время, когда можно полагаться на голые факты. Сара убедилась в этом. Теперь время думать о смысле событий, об их причинах, а не о содержании. - Это те, кто причинил тебе столько боли?

Дорис была обнаженной, если не считать пластиковых трусов, надеваемых на больных, не способных управлять естественными отправлениями, и удерживающих ее ремней. Так было легче лечить девушку. Ужасные ссадины на ее груди и теле начали исчезать. Раньше они были синими, черными и пурпурными, а теперь, когда девушка начала выздоравливать, становились желто-коричневыми. Она молода, напомнила себе Сэнди, и, хотя еще не обрела здоровья молодости, природа скоро возьмет свое. Дорис снова станет здоровой как внешне, так и внутренне. Поразившая ее инфекция отступала под массирующим воздействием антибиотиков. Жар спал, и теперь молодость брала свое.

Дорис повернулась к Сэнди и открыла глаза.

- Почему вы делаете все это для меня? Ответ на этот вопрос был простым:

- Я - медсестра, мисс Браун. Моя работа заключается в уходе за больными.

- Билли и Рик, - пробормотала девушка, снова вспоминая что-то. Память Дорис по-прежнему страдала от провалов, в ней сохранились главным образом воспоминания о причиненной ей боли.

- Их здесь нет, - завершила ее Сэнди. Она сделала паузу, прежде чем продолжать и, к своему изумлению, с удовлетворением произнесла:

- Не думаю, что они снова будут вас беспокоить. - Ей показалось, что во взгляде девушки промелькнуло понимание. Почти понимание. И это ободряло.

- Мне нужно сходить. Пожалуйста... - Дорис начала подниматься и заметила удерживающие ее ремни.

- Хорошо, подожди минуту. - Сэнди отстегнула ремни. - "Как ты думаешь, сумеешь сегодня встать?"

- .., попытаюсь, - простонала девушка. Она сумела приподняться градусов на тридцать, и тут силы покинули ее.

Сэнди помогла ей сесть, но Дорис никак не могла удержать голову в вертикальном положении - она все время склонялась в сторону. Поднять девушку на ноги оказалось еще труднее, но до туалета было недалеко, и гордость за такое значительное достижение пациентки стоила затраченных усилий и немалых страданий. Сэнди усадила ее, держа за руку, затем смочила салфетку и вытерла ей лицо.

- Это уже большой прогресс, - заметила Сара Розен, стоящая в дверях. Сэнди обернулась. На ее лице появилась довольная улыбка. Женщины накинули на Дорис халат и отвели обратно в спальню. Прежде чем уложить ее, Сэнди сменила постельное белье, а Сара принесла девушке чашку чая.

- Сегодня ты выглядишь намного лучше, Дорис, - сказала Сэнди, наблюдая за тем, как пациентка пьет чай.

- Я ужасно себя чувствую.

- Это значит, что все идет хорошо, Дорис. Ты и должна чувствовать себя ужасно, прежде чем твое самочувствие улучшится. Вчера ты вообще ничего не чувствовала. Может быть, попробуешь съесть кусочек тоста?

- Я так проголодалась!

- Еще один хороший знак, - одобрительно отозвалась Сэнди. Глаза девушки выражали такое страдание, что обе женщины, врач и медсестра, чувствовали - именно чувствовали - боль, разрывающую голову Дорис. Только пузырь со льдом мог ее облегчить. Они потратили целую неделю на то, чтобы вывести наркотики из организма девушки, и сейчас нельзя было добавлять новую порцию. - Откинь голову назад.

Дорис послушно откинула голову на спинку глубокого кресла, купленного Сэнди в магазине на распродаже. Глаза девушки были закрыты, ослабевшие руки бессильно лежали на подлокотниках кресла. Сара отламывала ей кусочки тоста, а медсестра, взяв щетку, принялась за волосы Дорис. Они были грязными и потому грубыми, их не расчесать было без мытья, но Сэнди решила их хотя бы пригладить. Пациенты уделяли поразительное внимание своему внешнему виду, каким бы странным и нелогичным это ни казалось, и потому Сэнди придавала этому такое значение. Она очень удивилась, когда Дорис вздрогнула, едва щетка коснулась ее волос.

- Я не умерла? - Тревога в голосе девушки прозвучала пугающе.

- Конечно, нет. - Сара едва не улыбнулась. Она проверила у Дорис давление. - Верхнее - сто двадцать два, нижнее - семьдесят восемь.

- Прекрасно! - воскликнула Сэнди. Это были лучшие показатели за всю неделю.

- Пэм...

- Что ты хочешь сказать? - наклонилась к ней Сара.

Дорис потребовалось несколько секунд, чтобы продолжить, потому что она еще не успела решить, жива ли она или нет, и если умерла, то в какую часть вечности попала.

- Волосы..., когда она была мертвой..., я расчесала ей волосы. Боже мой! - мысленно воскликнула Сара. Сэм рассказал ей об этой детали в отчете о посмертном освидетельствовании тела. К этому он ничего не добавил, да этого и не требовалось. Фотография на первой странице газеты была достаточно красноречивой. Доктор Розен ласково коснулась лица девушки.

- Дорис, кто убил Пэм? - Ей казалось, что она может задать этот вопрос, не причинив ей лишней боли. Она ошиблась.

- Рик и Билли, и Берт, и Генри..., убили ее..., заставили смотреть... - Девушка зарыдала, и рыдания, сотрясающие ее тело, только увеличивали боль, что раскалывала ей голову. Сара убрала руку с тостом. Могла начаться рвота.

- Они заставили тебя смотреть?

- Да... - Голос Дорис прозвучал словно из могилы.

- Давай не будем думать об этом. - Сару передернуло. По спине ее пробежал холодок, который она связывала с мыслью о смерти. Она погладила девушку по щеке.

- Ну вот! - весело воскликнула Сэнди, надеясь отвлечь Дорис. - Так куда лучше!

- Устала.

- О'кей, давай-ка уложим тебя в постель. - Женщины помогли ей встать. Сэнди решила не снимать с нее халат и положила ей на лоб пузырь со льдом. Девушка почти сразу заснула.

- Завтрак на столе, - сказала Сара, обращаясь к Сэнди. - Можешь не пристегивать ее ремнями.

- Но что это значит - расчесала волосы? О чем она? - спросила Сэнди, направляясь к лестнице.

- Я не читала отчета...

- Я видела фотографию, Сара. Что они сделали с ней! Ее ведь звали Пэм, верно? - Сэнди настолько устала, что не могла сразу вспомнить.

- Да. Она тоже была моей пациенткой, - подтвердила доктор Розен. - Сэм сказал, что ее подвергли жестоким мучениям. Станным было то, что кто-то расчесал ей волосы после смерти, сказал он. Думаю, это сделала Дорис.

- Да? - Сэнди открыла холодильник и достала пакет молока для утреннего кофе. - Понятно.

- А вот мне - нет, - сердито заметила доктор Розен. - Не понимаю, как люди могут поступать таким образом. Еще несколько месяцев, и Дорис тоже была бы мертва. Еще чуть-чуть...

- Я удивляюсь, что вы не зарегистрировали ее у себя под вымышленным именем, - произнесла Сэнди.

- После того, что случилось с Пэм, - слишком рискованно. Ведь это означало бы...

О'Тул кивнула.

- Это означало бы опасность для Джона. Да, я поняла.

- Что именно?

- Они убили ее подругу и заставили Дорис присутствовать при этом... Наблюдать за тем, что они делали с Пэм... Для них она была всего лишь вещью!.. Билли и Рик, - сказала вслух Сэнди, не совсем отдавая себе отчет в этом.

- Берт и Генри, - поправила ее Сара. - Вряд ли остальные двое будут еще мучить кого-то. - Женщины обменялись взглядами, думая об одном и том же, потрясенные самим существованием этих мыслей, не говоря уже о том, чтобы понимать их.

- Вот и хорошо.

- Так вот, мы проверили каждого бродягу к западу от Чарлз-стрит, - сообщил Дуглас своему лейтенанту. - Один коп пострадал - его порезал алкаш - не слишком серьезно, зато алкашу предстоит теперь длительное время просыхать в лечебнице в Джессупе. Кого-то из полицейских облевали, - с усмешкой добавил он, - и все-таки нам ни черта не известно. Его там нет, Эм. За целую неделю ничего не случилось.

Так и обстояло на самом деле. Новость распространялась среди уличных торговцев поразительно медленно, но неизбежно. Дилеры стали осторожными, будто страдали манией преследования. Это могло послужить причиной того - а могло и не послужить, - почему не был убит ни один из них на протяжении всей недели.

- Он по-прежнему там. Том.

- Может быть, но не предпринимает никаких действий.

- Следовательно, все, что он сделал, было направлено на то, чтобы прикончить Фармера и Грейсона, - заметил Райан, глядя на сержанта.

- Но ты сам не веришь в это.

- Да, не верю, только не спрашивай меня почему - этого я не знаю.

- Ну что ж, было бы неплохо, если бы Шарон мог что-нибудь сообщить нам. В прошлом он очень активно арестовывал дельцов наркобизнеса. Помнишь тот арест, который совершила береговая охрана по его наводке?

Райан кивнул.

- Да, это было крупное дело, но за последнее время Шарон что-то сбавил темп.

- Мы тоже, Эм, - напомнил ему сержант Дуглас. - Единственное, что нам известно, это то, что парень силен физически, носит новые кроссовки и что он белый. Мы не знаем его возраст, вес, рост, что толкнуло его на преступления, какой у него автомобиль.

- Мотивация. Мы знаем, что он разъярен чем-то. Знаем также, что он умеет убивать, что он достаточно безжалостен, чтобы убивать людей лишь для прикрытия своей деятельности..., и он очень терпелив. - Райан откинулся на спинку кресла. - Может быть, терпелив до такой степени, что может на время остановиться?

Том Дуглас высказал более тревожную мысль:

- Что если он достаточно умен и изменил тактику? Это действительно тревожно, подумал Райан. Что если убийца видел, как полицейские останавливают и обыскивают уличных бродяг и пьяниц? Что если он пришел к выводу, что скрываться под видом бродяги слишком долго просто опасно и нужно придумать нечто другое? Вдруг он получил какие-то сведения от Уильяма Грейсона и теперь, исходя из полученной информации, сменил место действий - даже уехал из города? Что если они никогда не узнают об этом, никогда не закроют эти дела? Для Райана это будет профессиональной насмешкой, оскорблением чести полицейского. Он терпеть не мог, когда расследование не доводилось до конца, но в данном случае ему придется подумать о такой возможности. Несмотря на десятки расспросов и бесед, им не удалось обнаружить ни единого свидетеля за исключением Вирджинии Чарлз, потрясение которой было настолько велико, что на ее информацию они не могли полагаться, не говоря уже о том, что ее показания противоречили единственному полезному вещественному доказательству, находящемуся в их распоряжении. Подозреваемый должен быть выше, чем сообщила им миссис Чарлз, значительно моложе и чертовски силен - как защитник в лучшей команде Национальной футбольной лиги. Он не был алкашом, хотя и маскировался под пьяницу. Таких людей на улице просто не замечают. Разве можно пытаться описать пробежавшую мимо бродячую собаку?

- Человек-невидимка, - тихо произнес Райан, давая наконец название их расследованию. - Он должен был убить миссис Чарлз. Ты понимаешь, кого мы ищем?

Дуглас фыркнул:

- Человека, с которым мне не хотелось бы встретиться один на один.

- Три эскадрильи, чтобы уничтожить Москву?

- Конечно, почему бы и нет? - ответил Закариас. - Ведь там находится ваше политическое руководство, правда? Москва представляет собой огромный центр связи, и даже если вы сумеете вовремя вывезти оттуда Политбюро, им все-таки удастся ликвидировать почти все военное и политическое руководство...

- У нас есть способы вывезти из Москвы всех важных лиц, - возразил Гришанов с чувством профессиональной и патриотической гордости.

- Да уж конечно, - едва не засмеялся Робин. Гришанов чувствовал себя внутренне оскорбленным, но одновременно испытывал удовлетворение от того, что американский полковник вел теперь себя так свободно. - Коля, у нас тоже подготовлены такие же планы эвакуации. В Западной Виргинии находится роскошное бомбоубежище для членов конгресса и других важных лиц. Первой вертолетной эскадрилье, что на базе ВВС Эндрюз, поручено в случае надвигающейся опасности вывезти из Вашингтона всех, кто необходим для нормального функционирования страны. А вот знаешь, в чем оказалась загвоздка? Выяснилось, что проклятые вертолеты не могут совершить полет до бомбоубежища и вернуться обратно без заправки. Когда выбирали место для бомбоубежища, никто не подумал об этом, потому что это было политическое решение. А знаешь что еще? Мы так и не удосужились проверить на практике систему эвакуации. А вы ее проверили?

Гришанов сидел на полу рядом с Закариасом, опершись спиной на грязную бетонную стену. Он посмотрел вниз и молча покачал головой, - вот и еще что-то он узнал от американского офицера.

- Теперь ты понимаешь? Теперь ты видишь, Робин, почему я говорю, что мы никогда не должны воевать друг с другом? Да потому, что мы так похожи! Нет, Робин, мы не проверяли на практике план эвакуации Москвы с того самого времени, когда я был ребенком и бродил по снегу в какой-то забытой Богом деревне. Наше главное убежище на случай атомной войны находится в Жигулях. Это огромный утес - нет, не гора, а что-то вроде громадного..., пузыря? Я не знаю этого английского слова, огромный валун, выдавленный из центра Земли.

- Монолита? Подобно Каменной горе в Джорджии? Гришанов кивнул. Ведь он ничем не рисковал, открывая государственные тайны этому американцу.

- Геологи утверждают, что монолит обладает невероятной прочностью, и вот в конце пятидесятых годов туда был проложен туннель и оборудовано убежище. Мне приходилось там бывать - дважды. Я принимал участие в организации системы противовоздушной обороны этого места. Мы собираемся - честное слово, Робин, - мы собираемся доставить туда наше руководство на поезде.

- Это не имеет значения. Мы знаем об этом убежище. А если известно, где оно находится, его можно уничтожить - вопрос лишь в том, сколько ядерных бомб понадобится для этого. - В желудке американского полковника было уже сто граммов водки. - И китайцы наверняка знают об этом. Но они все-таки попытаются уничтожить Москву, особенно если нападение будет неожиданным.

- Тремя эскадрильями?

- По крайней мере я поступил бы именно так. - Робин вытянул ноги рядом с аэронавигационной картой юго-восточной части России. - Три вектора, с этих вот баз ВВС, по три бомбардировщика в каждом, два несут ядерные бомбы и один - электронное оборудование, предназначенное для глушения радиолокационных станций. Он летит первым. Все три эскадрильи вылетают одновременно, вот с такими интервалами между ними. - Он начертил на карте наиболее вероятные курсы. - Вот здесь они начинают снижаться перед проникновением на советскую территорию, сюда, вдоль этих долин, и к тому моменту, когда окажутся над равнинами...

- Степиями, - поправил его Гришанов.

- .., первая линия ПВО уже окажется позади, верно? Бомбардировщики летят над самой землей, на бреющем полете, на высоте сотни три футов. Может быть, сначала им даже не понадобится глушение. Возможно, у них даже есть специальная группа, в которую входят особым образом подготовленные летчики.

- Что ты имеешь в виду, Робин?

- У вас ведь есть ночные авиарейсы на Москву, гражданские самолеты, понимаешь?

- Разумеется.

- Так вот, предположим, берешь бомбардировщик типа "Бэджер", оставляешь на нем опознавательные огни и, может быть, устанавливаешь на фюзеляже небольшие светящиеся прямоугольники, которые можно включать и выключать - вроде как иллюминаторы, знаешь? И тогда можно заявить всем: эй, да ведь я гражданский самолет, совершающий регулярный рейс.

- Ты хочешь сказать...

- Мы когда-то изучали этот вопрос. У нас все еще находится эскадрилья на базе ВВС в... Писе, по-моему, с бомбардировщиками, оборудованными соответствующим образом. В свое время считалось, что эти Б-47, базировавшиеся тогда в Англии, предпримут такую операцию. Если когда-нибудь мы получили бы достоверную информацию о том, что вы собираетесь напасть на нас, из разведывательных источников или откуда-то еще, понимаешь? Ведь нужно планировать все заранее, учитывать все возможные случаи. Так вот, это и был один из наших планов, операция "Рикошет". Сейчас все материалы о ней находятся, наверно, в архивах, но тогда это была идея Ле Мэя. Бомбардировка Москвы, Ленинграда, Киева и... Жигулей. На Жигули были нацелены три "птички" с двумя ядерными бомбами каждая. Одним ударом уничтожаем всю вашу политическую верхушку и военное командование. Смотрите, я всего лишь авиалайнер!

А ведь и впрямь такое можно осуществить, подумал Гришанов, и его спина покрылась холодным потом. Выбрать соответствующее время года, подходящий момент..., бомбардировщик, летящий по обычному пассажирскому маршруту. Даже в самом критическом положении одна иллюзия чего-то нормального покажется достоверной людям, стремящимся обнаружить нечто подозрительное. Возможно, с какой-нибудь базы ПВО взлетит для проверки истребитель с молодым летчиком, несущим ночную вахту, когда более опытные и старшие по званию пилоты спят. Он приблизится на расстояние в тысячу метров, но ночью..., ночью твои глаза видят то, что им приказывает видеть мозг. Освещенные иллюминаторы на фюзеляже - ну конечно, это авиалайнер. Какой бомбардировщик захочет лететь с включенными огнями? Такой план никогда не приходил в голову умникам из КГБ. Так сколько еще подарков преподнесет ему Закариас?

- Как бы то ни было, будь я Джоном Китайцем, я считал бы это одним из вариантов. Если же у них не хватает воображения и они захотят устремиться прямо к цели над этой местностью - ну что ж, тут тоже немалые шансы на успех. Одна эскадрилья, возможно, будет отвлекать внимание. У нее будет, конечно, своя цель, но в стороне от Москвы. Они полетят высоко, отклонившись от вектора. Вот до этой точки, - американец указал рукой на карту, - и здесь резко повернут и нанесут бомбовый удар. Выберут подходящее место, здесь ведь немало хороших целей. Скорее всего ваши истребители устремятся в погоню за нами, верно?

- Да. Они решат, что бомбардировщики поворачивают к запасной цели.

- А две другие эскадрильи опишут дугу и направятся к главной цели. Они будут лететь совсем низко. По крайней мере одна эскадрилья наверняка достигнет цели. Мы проигрывали эти варианты миллион раз, Коля. Мы знакомы с вашими радиолокационными станциями, знаем, где расположены ваши базы, знаем, как вы ведете подготовку своих летчиков. Победить вас будет нетрудно. А вот китайцы, они учились вместе с вами, ведь так? Вы научили их. Они знакомы с вашей доктриной и всем остальным.

Какая откровенность, подумал Гришанов. Закариас даже не пытается скрыть что-то. И это человек, сумевший проникнуть через противовоздушную оборону Северного Вьетнама больше восьмидесяти раз.

- Тогда как нам...

- Защититься от них? - Закариас пожал плечами и снова склонился над картой. - Мне понадобятся более подробные карты, но первым делом вам нужно тщательно познакомиться с горными ущельями вот в этом районе. Не забывай, что речь идет о бомбардировщиках, а не истребителях. Бомбардировщик не может резко маневрировать, особенно на бреющем полете. Главное, о чем думает летчик, сидящий за штурвалом, это не врезаться в землю, верно? Не знаю, как тебя, но меня это заставляет нервничать. Он выберет долину, где достаточно пространства для маневра, особенно ночью. Вот вы и разместите свои истребители вот здесь, а тут установите радиолокационные станции обнаружения. Вам не понадобятся мощные радары, всего лишь установки, предупреждающие вас о приближающейся опасности. И потом, приготовьтесь перехватить их, когда они вылетят из долин на равнину.

- Ты предлагаешь отодвинуть базы ПВО дальше внутрь страны? Но я не могу пойти на это!

- Оборона развертывается там, где она может принести наибольшую пользу, а не вдоль пунктирной линии, выбранной штабными гениями. Или тебе так нравится китайская пища? В этом заключается ваша слабость. Между прочим, это сократит линии снабжения и коммуникации, правда? Ты экономишь средства и сберегаешь боевую технику. Не забывай также, что противник знает, как мыслят вражеские летчики, - сбитый самолет - это сбитый самолет, верно? Может быть, будут посланы группы самолетов для того, чтобы отвлечь ваши истребители от направления главного удара, понимаешь? У нас масса средств отвлечения радиолокаторов, и мы собираемся применить их. Ты должен иметь это в виду. Тебе нужно строго контролировать своих летчиков. Пусть они остаются в своих секторах до тех пор, пока у тебя не появится очень весома причина для того, чтобы перебросить их...

Полковник Гришанов изучал свою специальность больше двадцати лет, работал с документами Люфтваффе, и не только с теми, которые посвящены методам допроса военнопленных. Он был знаком с секретными материалами,

касающимися линии Каммхубера. То, что он узнал, казалось ему невероятным, едва ли не достаточно важной причиной, чтобы выпить несколько глотков самому. Нет, еще рано, подумал он. Собранные им материалы не будут использованы для информации руководства ВВС, не станут ученым докладом в академии имени Ворошилова. Нет, они лягут в основу книги, совершенно секретной, но все-таки книги: “Происхождение и эволюция американской бомбардировочной доктрины”. Такая книга поможет ему в будущем рассчитывать на маршальские звезды, и все благодаря его американскому другу.

- Давайте останемся здесь, - сказал Марти Янг. - Учения сегодня будут проводиться с использованием настоящих боеприпасов.

- Ты прав, - согласился Голландец. - Я привык, что снаряды разрываются в двух сотнях ярдов позади меня.

- И на скорости в четыреста узлов за штурвалом истребителя, - дополнил Грир.

- Так будет куда безопаснее, Джеймс, - напомнил адмирал Максвелл.

Они стояли за земляной бермой - официальное военное название земляного вала - в двухстах ярдах от лагеря. Отсюда непросто было следить за происходящим, но у двух из пяти были глаза летчиков, и они знали, куда смотреть.

- Сколько уже прошло времени?

- Около часа. Вот-вот появятся, - тихо произнес Янг.

- Я ничего не слышу, - прошептал адмирал Максвелл. Рассмотреть лагерь было очень трудно. Здания виднелись только благодаря их прямоугольным очертаниям, которых по какой-то причине в природе никогда не встречается. Если всмотреться повнимательнее, становились заметны темные квадраты окон. Сторожевые вышки, построенные только накануне, тоже скрывались в темноте.

- Мы пользуемся некоторыми уловками, - заметил Марти Янг. - Всем солдатам выдаются таблетки с витамином А, чтобы улучшить их ночное зрение, таким образом выигрывается несколько процентов. В конце концов, нужно использовать все козыри в колоде, верно?

Они слышали только шепот ветра в кронах деревьев. Было что-то сюрреалистическое в их окружении. Максвелл и Янг привыкли к реву авиационных двигателей и слабому свечению приборов на панели, на которую опускались их глаза, чтобы тут же окинуть горизонт в поисках вражеских самолетов, и к ощущению скорости самолета, мчащегося в ночном небе. Здесь же они стояли на земле, их не покидало чувство скорости, не существующей на самом деле, стояли, ожидая увидеть что-то, прежде никогда ими не испытанное.

- Вот они!

- Плохо, если вы сумели увидеть их, в темноте, - заметил Максвелл.

- Сэр, в лагере “Сендер грин” нет площадки, на которой стоят белые автомобили, - напомнил голос. Келли заметил, как на светлом фоне промелькнула едва заметная тень, да и к тому же ее разглядел только он.

- Пожалуй, вы правы, мистер Кларк.

Из радиостановки, стоящей перед ними на земляном валу, доносился только шум атмосферных помех. Внезапно наступила тишина, прерванная четырьмя тире. В ответ они услышали короткий звук точки, затем двух, трех и четырех.

- Группы заняли исходные позиции, - прошептал Келли. - Заткните уши. Старший гранатометчик выстрелит первым по мере готовности, и это сигнал к началу штурма.

- Чепуха, - усмехнулся Грир. Через несколько секунд он пожалел, что не послушался Кларка.

Сначала они услышали отдаленный стрекот вертолетных лопастей. Это было сделано для того, чтобы головы повернулись в их сторону, и, хотя каждый был знаком с планом в мельчайших подробностях, все равно маневр сработал, что доставило немалое удовлетворение Келли. В конце концов, он принимал самое активное участие в разработке плана. Все повернули головы, услышав шум винтов, - все, кроме него.

Келли показалось, что он сумел рассмотреть прицел гранатомета М-79, окрашенный светящимся тритием, но это вполне мог быть и жук-светлячок. Он увидел едва заметную вспышку первого выстрела и меньше чем через секунду ослепительный бело-красно-черный взрыв осколочной гранаты, попавшей в пол одной из сторожевых вышек. Резкий отрывистый звук взрыва заставил вздрогнуть стоящих рядом с ним, но Келли не обратил на это внимания. Вышка, на которой в настоящем лагере располагались бы охранники с пулеметом, превратилась в обломки. Еще не успело стихнуть эхо в окружающем сосновом лесу, как исчезли и остальные вышки. Пять секунд спустя над вершинами деревьев появились мчащиеся к цели вертолеты, их винты вращались совсем рядом. Шестиствольные крупнокалиберные пулеметы открыли огонь, и длинные языки пламени, подобно угрожающим пальцам, протянулись от вертолетов к казармам. Гранатометчики уже посылали зажигательные гранаты с белым фосфором в окна казармы, и мгновенно все присутствующие утратили даже намек на ночное зрение.

- Боже мой! - То, что фонтаны разлетающегося в разные стороны горящего фосфора били из-за стены здания, делало зрелище еще более ужасным. Тем временем шестиствольные пулеметы, установленные на вертолетах, продолжали поливать огнем выходы.

- Теперь, - громко произнес Келли, стараясь перекрыть грохот выстрелов, - все находящиеся внутри превратились в подгоревшие гренки. Умники же, пытающиеся спастись, выбегая из здания, попадают под огонь шестиствольных пулеметов. Ловко!

Отделение огневой поддержки штурмовой группы морской пехоты продолжало обстреливать из автоматов казармы и административное здание, а солдаты, входящие в состав эвакуационной группы, уже бежали к тюремному блоку, где находились военнопленные. Теперь вслед за штурмовыми “Хьюи-кобрами” АХ-1 появились и спасательные

вертолеты, они с шумом совершили посадку у самых ворот лагеря. Отделение огневой поддержки разделилось надвое - одна половина развернулась вокруг спасательных вертолетов, тогда как другая продолжала поливать автоматными очередями казармы. Один из штурмовых вертолетов начал облетать лагерь, словно встревоженная овчарка в поисках волка.

Из тюремного блока появились первые морские пехотинцы - они тащили манекены, изображающие военнопленных, и передавали их солдатам, находящимся снаружи, которые волокли "военнопленных" к вертолетам. Келли увидел Ирвина, он стоял у ворот, считая пробегающих мимо солдат. Теперь до наблюдателей доносились крики морских пехотинцев, называющих имена и номера, которые почти заглушал рев двигателей огромных "Сикорских". Последними к вертолетам подбежали морские пехотинцы из отделения огневой поддержки. Они вскарабкались внутрь фюзеляжей, рев турбин усилился, винты завращались быстрее, и спасательные вертолеты оторвались от земли и исчезли в темноте.

- Поразительно быстро, - выдохнул Риттер, когда все стихло. В следующее мгновение появились пожарные машины и начали тушить бушующее пламя.

- На проведение операции потребовалось на пятнадцать секунд меньше расчетного времени, - произнес Келли, поднимая руку с секундомером.

- А вдруг во время операции что-то произойдет, мистер Кларк? - спросил Риттер.

На лице Келли появилась лукавая улыбка.

- Уже произошло, сэр. Четверо солдат из состава штурмовой группы были "убиты" при выходе на исходную позицию. Полагаю, еще один или двое сломали ногу...

- Одну минуту, вы хотите сказать, что есть вероятность...

- Позвольте мне объяснить, сэр, - прервал его Келли. - Судя по аэрофотоснимкам, у нас нет оснований думать, что между местом высадки и целью есть люди. В этих холмах нет сельскохозяйственных поселений. Понимаете? Но для сегодняшних учений я решил устранить четырех солдат из штурмовой группы. Будем считать, что они сломали в темноте ногу. Их пришлось внести в лагерь и затем вынести к спасательным вертолетам - если вы не заметили этого. Дублирование необходимо во всем. Я рассчитываю, сэр, что операция пройдет без потерь, но сегодня я намеренно внес ее проведение дополнительные трудности, чтобы убедиться, что это ничего не нарушит.

Риттер кивнул. Объяснения Келли произвели на него большое впечатление.

- Я ожидал, что учение будет проводиться строго по правилам.

- В боевых условиях возможны всякие неожиданности, сэр, потому я и предусмотрел это. Каждый солдат в штурмовой группе может заменить любого другого специалиста, если тот не сможет выполнить свои обязанности, - так велась подготовка. - Келли потер нос. Он тоже нервничал. - Вы только что присутствовали при успешно проведенной учебной операции, несмотря на то что в ее ходе возникли осложнения, которых мы не ожидаем. Операция пройдет успешно, сэр.

- Мистер Кларк, вы убедили меня. - Сотрудник ЦРУ повернулся к остальным:

- Как относительно медицинского обеспечения?

- Когда "Огден" присоединится к тактической группе ТФ-77, мы перебросим на него медицинский персонал, - объяснил Максвелл. - Каз сейчас направляется туда, чтобы произвести необходимый инструктаж. Командир ТФ-77 - один из моих людей, и он выполнит все указания. "Огден" - очень большой корабль, и там разместятся все, кто понадобится после завершения операции, - врачи, сотрудники разведывательных служб и тому подобное. Корабль отправится от берегов Вьетнама прямо в Субик-Бей. Оттуда мы перебросим штурмовую группу и спасенных военнопленных на базу ВВС в Кларке. С того момента, как спасательные вертолеты взлетят от лагеря, и до прибытия в Калифорнию пройдет..., четверо с половиной суток.

- Ну хорошо, эта часть операции выглядит нормально. Как с остальным?

На этот вопрос ответил адмирал Максвелл:

- Вся оперативная группа во главе с авианосцем "Констеллейшн" обеспечит поддержку. "Энтерпрайз" будет находиться дальше к северу, в районе Хайфона. Это привлечет внимание их противовоздушной обороны и командования. Крейсер "Ньюпорт ньюз" направится вдоль побережья, подавляя зенитные батареи противника в течение нескольких ближайших недель. Он будет вести массированный обстрел, не придерживаясь какой-то определенной последовательности, совершенно произвольно, и участок операции станет пятым. "Ньюпорт ньюз" располагается в десяти милях от берега. Батареи противовоздушной обороны находятся в пределах досягаемости для его орудий главного калибра. С помощью артиллерийского обстрела и поддержки с воздуха мы пробьем коридор в противовоздушной обороне, и вертолеты получат возможность пролететь к лагерю и вернуться обратно. В общем, действия будут вестись настолько активно, что враг не должен заметить проведения операции, пока она не закончится.

Риттер кивнул. Он подробно ознакомился с планом, и ему хотелось только выслушать мнение Максвелла - понять, как относится к нему сам адмирал. Максвелл говорил спокойно и уверенно, намного увереннее, чем рассчитывал Риттер.

- И все-таки операция является очень рискованной, - произнес он после короткой паузы.

- Это уж точно, - согласился Марти Янг.

- А насколько рискованно для нашей страны, если военнопленные в лагере расскажут все, что им известно? - задал вопрос Максвелл.

Келли не хотелось принимать участия в этой части обсуждения. Опасность для Америки была чем-то, что выходило за пределы его компетенции. Сфера его действий ограничивалась небольшими подразделениями - за последнее время она снизилась даже еще больше - и хотя благополучие и обороноспособность страны основывались в первую

очередь именно на таких как он, важные вопросы вроде того, что сейчас обсуждался, требовали кругозора, которым он не обладал. Однако Келли не мог незаметно удалиться, поэтому стоял, слушал и учился.

- Вам нужен честный ответ? - спросил Риттер. - Тогда скажу - никакого риска.

Максуэлл выслушал его со спокойствием, за которым скрывалось негодование.

- Может быть, объясните подробнее, сынок?

- Адмирал, это проблема перспективы. Русские хотят узнать о нас как можно больше, а мы хотим узнать как можно больше о них. Ну хорошо, этот полковник Закариас может рассказать им о планах командования стратегической авиации, а другие военнопленные - о многом другом. Поэтому мы меняем наши планы. Вас беспокоят стратегические соображения, верно? Так вот, начать с того, что эти планы меняются каждый месяц. А во-вторых, неужели вы думаете, что мы когда-нибудь захотим осуществить их?

- Такая необходимость может возникнуть. Риттер сунул руку в карман в поисках сигарет.

- Адмирал, вы хотите, чтобы мы осуществили эти планы? Максуэлл выпрямился.

- Мистер Риттер, я пролетал на своем F6F над Нагасаки сразу после конца войны. Я видел последствия применения атомного оружия, а ведь это была всего лишь небольшая бомба. - Более четкого ответа не требовалось.

- И русские придерживаются такой же точки зрения. Как вам это нравится, адмирал? - Риттер покачал головой. - Они тоже не сумасшедшие. Русские боятся нас еще больше, чем мы их. То, что они узнают от наших военнопленных, даже поможет им отрезветь. Ситуация именно такая, хотите верить, хотите нет.

- Тогда почему вы поддерживаете нас? Скажите, вы нас поддерживаете?

- Разумеется. - Его голос ясно давал понять, что он считает такой вопрос глупым, и это вызвало негодование у Марти Янга.

- Но почему? - спросил Максуэлл.

- Потому что там наши люди. Мы послали их. Теперь мы обязаны вернуть их обратно. Разве это недостаточно веская причина? Только не говорите мне о жизненно важных интересах государства. Вы можете убедить в этом сотрудников Белого дома, даже конгрессменов, но не меня. Все очень просто - либо вы доверяете своим людям, попавшим в плен, либо нет, - произнес оперативник, уже рисковавший своей карьерой ради спасения иностранца, к которому он даже не испытывал никаких теплых чувств. - Если мы предадим их, если установится такая традиция, то никто не станет помогать нам, и вот тогда нас ждут крупные неприятности.

- Я не могу согласиться с вами, мистер Риттер, - заметил генерал Янг.

- Подобная операция будет направлена на спасение наших людей. Русские поймут это и станут уважать нас. Мы продемонстрируем им, насколько серьезно воспринимаем эту проблему. В результате моя работа станет легче. Мне будет проще вербовать агентов за железным занавесом. У нас будет больше агентов, и, следовательно, мы получим больше информации. Таким образом в ваше распоряжение поступят сведения, в которых вы нуждаетесь, верно? И такая игра будет продолжаться до тех пор, пока когда-нибудь мы не найдем новую игру. - Это было все, в чем нуждался Риттер. Он повернулся к Гриру:

- Когда, по вашему мнению, я должен получить согласие Белого дома?

- Я сообщу тебе. Боб, вот что важно для нас: ты поддерживаешь операцию?

- Да, сэр, - ответил техасец. Он дал согласие на ее поддержку по причинам, которых остальные не понимали, в которые остальные не верили, но были вынуждены согласиться с ними.

- Ну и что? В чем проблема?

- Послушай, Эдди, - терпеливо произнес Тони. - У нашего друга неприятности. Кто-то убил двух его людей.

- Кто? - спросил Морелло. У него было отвратительное настроение. Он только что узнал, что опять не попал в число кандидатов, которые будут признаны новыми полноправными заправилками местного наркобизнеса. И это после всего, что он сделал. Морелло казалось, что его предали. А теперь Тони, вставший на сторону какого-то чернокожего вместо родной плоти и крови - в конце концов они были родственниками, пусть дальними, - теперь этот сукин сын обращается к нему за помощью.

- Мы не знаем этого. Ни его контакты, ни мои ничего не дали.

- Да уж, как-то все слишком хреново! - И Эдди тут же перешел на собственную тему:

- Тони, ведь он пришел ко мне, помнишь? Через Анджело, может быть, Анджело пытался предать нас, но мы прикончили его, верно? Ты не смог бы войти в это дело без меня - и что теперь? Меня отказались признать свои же, а он становится для тебя все важнее - и что будет дальше, Тони, а? Ты собираешься рекомендовать его - негра! - в нашу семью?

- Перестань, Эдди.

- Тогда почему ты не выступил и не поддержал меня?

- Я не могу заставить остальных танцевать под твою дудку, Эдди. Извини, но не могу. - Пиаджи не ожидал, что разговор будет легким, но никак не рассчитывал, что все обернется так плохо и так быстро. Понятно, что Эдди был разочарован. Понятно, он надеялся стать членом семьи. Но этот глупый кретин и без того здорово зарабатывает, так что еще ему нужно? Что ему больше нравится - стать членом семьи или получать кучу денег? Генри понимал это. Почему же этого не понимал Эдди? И тут Эдди сделал еще один шаг к своему концу.

- Это я, я организовал все для тебя. Теперь у тебя возникла маленькая проблема, и к кому ты обращаешься? Снова ко мне! Ты в долгу у меня. Тони. - Смысл его слов был ясен для Пиаджи. С точки зрения Эдди, все выглядело так

просто. Положение Тони внутри семьи все более укреплялось. Поскольку Генри превращался из потенциального в очень крупного поставщика наркотиков. Тони быстро укреплял свои позиции. Скоро он будет оказывать решающее влияние на дела семьи. Ему все равно придется выказывать знаки уважения и повиновения тем, кто стоял на самом вершине, но командная структура внутри семьи была исключительно гибкой, и то, что Генри скрыл способ транспортировки наркотиков в Америку, означало, что человек, являющийся связующим звеном между ним и семьей, становился неприкасаемым. Такое положение в организации было редким и исключительно ценным. Ошибка Пиаджи заключалась в том, что он не сумел сделать еще шаг вперед. Вместо того чтобы смотреть по сторонам, он смотрел внутрь. Он видел лишь одно - Эдди мог вполне заменить его, сам превратиться в связующее звено и затем стать полноправным членом семьи, прибавив к огромному доходу от торговли наркотиками еще и престиж. Для этого требовалось одно - чтобы Пиаджи умер в нужный момент, оказав таким образом услугу Морелло. Генри был бизнесменом. Он пойдет на компромисс. Пиаджи, да и Эдди знали это.

- Неужели ты не видишь, что он делает? Он использует тебя в своих интересах. - Самое странное заключалось в том, что, тогда как Морелло начинал понимать, что Таккер манипулирует как им, так и Тони, сам Пиаджи, главный объект этих манипуляций, не замечал этого. В результате совершенно справедливое замечание Эдди было высказано в крайне неудачный момент.

- Я уже думал об этом, - солгал Пиаджи. - Но для чего? Неужели он намеревается установить прямую связь с Филадельфией и Нью-Йорком?

- Может быть. Вдруг ему кажется, что такое возможно? Эти черномазые начинают слишком много воображать, - Этим мы займемся позднее, хотя я и не считаю, что Генри способен на такое. Пока нам нужно выяснить, кто убивает его людей. Тебе ничего не известно о людях, появившихся у нас из других городов? - Надо поставить его на место, подумал Пиаджи. Вынудить его высказать свою точку зрения. Взгляд Тони устремился через стол на человека, который был настолько рассержен, что не замечал, о чем думает его собеседник, или даже не интересовался этим.

- Ни черта мне не известно.

- Тогда попытайся выяснить, - распорядился Тони. Это был приказ. Морелло придется подчиниться и начать проверку.

- А что если он сам устраняет некоторых людей, тех, на которых не может положиться? Ты считаешь, что он так уж всем доверяет?

- Нет, не считаю. Но в то же самое время не думаю, что он ликвидирует собственных людей. - Тони встал. - Принимайся за дело. - Это был окончательный приказ.

- Ладно, - фыркнул Эдди, оставаясь сидеть за столом.

Глава 24

Встречи

- Парни, учения прошли хорошо, - объявил капитан Элби, закончив разбор действий штурмовой группы и указав на некоторые недостатки, проявившиеся главным образом на этапе сближения с целью, но все они были небольшими, ничего серьезного, и даже его острый взгляд не заметил ни малейших промахов во время штурма лагеря. Особенно точной оказалась стрельба, прямо-таки невероятно точной. Его подчиненные были теперь настолько уверены друг в друге, что бежали буквально в нескольких футах от автоматных очередей, стремясь выполнить порученные каждому задачи. Экипажи вертолетов "Кобра" сидели в конце комнаты, обсуждая собственные действия. Солдаты штурмовой группы относились с огромным уважением к пилотам и пулеметчикам, поддерживавшим их атаку, так же как и к экипажам спасательных вертолетов военно-морского флота. Обычная антипатия типа "мы - они", существующая между различными родами войск, уступила место дружеским шуткам - настолько тесно проходила подготовка людей, рискующих жизнью ради достижения поставленной цели. Впрочем, даже остаткам антипатии вскоре предстояло исчезнуть.

- Джентльмены, - произнес в заключение Элби, - сейчас вам сообщат подробности предстоящего нам маленького пикника.

- Встать! - скомандовал Ирвин.

Вице-адмирал Уинслоу Холланд Максвелл вошел в комнату в сопровождении генерал-майора Мартина Янга. Оба высших чина были одеты в лучшие повседневные мундиры. Белые брюки и китель адмирала прямо сверкали под искусственным освещением, а мундир цвета хаки на командире корпуса морской пехоты был накрахмален до такой степени, что казался сделанным из картона. Лейтенант морской пехоты нес планшет с планом, он был таким длинным, что едва не волочился по полу. Лейтенант разместил его на подставке, а Максвелл встал рядом. Старший сержант Ирвин, находившийся в дальнем углу сцены, наблюдал за молодыми лицами в аудитории, напомнив себе, что нужно будет выразить притворное удивление, когда объявят о цели операции.

- Садитесь, морские пехотинцы, - спокойно начал адмирал и подождал, пока солдаты займут места. - Прежде всего я хочу сообщить вам, что испытываю чувство гордости, участвуя в этой операции вместе с вами. Мы внимательно следили за ходом вашей подготовки. Вы прибыли сюда, еще не зная о задаче, которая будет поставлена перед вами, и я еще никогда не видел, чтобы солдаты готовились настолько целеустремленно. Вот что вам предстоит.

Лейтенант перебрал первую страницу на планшете, и все увидели аэрофотоснимок.

- Джентльмены, название операции - "Зеленый самшит", - продолжил адмирал. Вам предстоит освободить двадцать человек, двадцать своих соотечественников, американских офицеров, находящихся сейчас в руках противника.

Джон Келли стоял рядом с Ирвином и тоже следил за лицами солдат, вместо того чтобы смотреть на адмирала.

Большинство были моложе его, хотя и не намного. Их взгляды были устремлены на аэрофотоснимки - самая прелестная танцовщица не привлекла бы такого внимания, как увеличенные фотографии снимков, сделанных камерами с "Буффало хантер". Сначала лица солдат были бесстрастными, лишены всяких эмоций. Морские пехотинцы походили на юные мускулистые скульптуры. Они едва заметно шевелились, вдыхая и выдыхая воздух, прислушиваясь к словам адмирала.

- Человек на этой фотографии - полковник ВВС США Робин Закариас, - говорил Максвелл, поднимая деревянную указку в ярд длиной. - Здесь вы видите, что делают с ним вьетнамцы лишь за то, что он поднял голову и посмотрел на пролетающий беспилотный самолет, ведущий аэрофотосъемку. - Указка уткнулась в фигуру охранника, готовящегося ударить американца сзади. - Только за то, что он поднял голову.

Келли увидел, как сузились глаза солдат. Это была сдержанная, холодная ярость, находящаяся под строгим контролем, но именно такая ярость самая беспощадная, подумал Келли, подавляя улыбку, которую понимал он один. То же самое относилось к морским пехотинцам, сидящим в зале. Сейчас не время для улыбок. Каждый солдат отдавал себе отчет в том, какая опасность ему угрожает. Каждый пережил по крайней мере тринадцать месяцев боевых операций. Каждый видел смерть своих друзей, умиравших так страшно, что ни один самый ужасный кошмар не способен воссоздать это. Но жизнь - это нечто большее, чем один страх. Может быть, ее смысл заключается в постоянном поиске, в чувстве долга, который немногие из них могли выразить, но ощущали все. Представление о мире, разделяемое всеми солдатами, пусть не способными его видеть. Каждый из находящихся в зале уже ощущал дыхание смерти, видел ее во всем пугающем величии, знал, что когда-нибудь жизнь придет к своему концу. Но все они понимали, что жизнь - это не только усилия избежать смерти. У жизни должна быть цель, и одной из таких целей являлась служба другим людям. Хотя ни один из присутствующих здесь не собирался по собственной воле расставаться с жизнью, каждый готов был рискнуть ею, полагаясь на Бога, на везение или на судьбу, надеясь, что и все остальные поступят точно так же. На фотографиях были неизвестные морским пехотинцам люди, но они были американцами, их соратниками, и потому солдаты чувствовали себя в долгу перед ними. Раз так, они готовы рискнуть ради них жизнью.

- Не буду говорить, насколько опасной будет эта операция, - закончил адмирал. - Вы лучше меня понимаете угрожающую вам опасность, но эти люди - американцы, и они надеются, что мы придем им на помощь.

- Отлично сказано, сэр! - прогремел чей-то голос из зала, удивив остальных морских пехотинцев.

Самообладание едва не изменило Максвеллу. Значит, все это правда, подумал он. Чувство долга по-прежнему имеет значение для этих молодых парней. Несмотря на совершенные нами ошибки, мы все еще остаемся такими же как раньше.

- Спасибо, Голландец, - произнес генерал Янг, выходя на середину сцены. - Так вот, морские пехотинцы, теперь вам все известно. Все вы прибыли сюда добровольно. Сейчас вам снова нужно выразить свое добровольное желание принять участие в самой операции. У некоторых из вас есть семья, у некоторых - невеста. Мы не можем заставить вас рисковать жизнью. Не исключено, что кто-нибудь передумал, - продолжал он, глядя на лица солдат и зная, что намеренно оскорбил их. - У вас есть день для размышлений. Можете разойтись.

Морские пехотинцы вскочили под скрежет отодвинутых назад стульев, и когда все встали и вытянулись по стойке "смирно", раздался дружный хор их голосов:

- РАЗ-ВЕД-КА!

Тому, кто видел сейчас их лица, ответ на предложение генерала был ясен. Отказаться от участия в операции для них было так же невыносимо, как лишиться мужественности. Теперь в зале появились улыбки, солдаты обменивались шутками. Они не рассчитывали на славу. Перед ними была поставлена четкая задача, они увидели цель, и наградой им станет благодарный взгляд в глазах спасенных ими соотечественников. Мы - американцы и прибыли сюда, чтобы вернуть вас домой.

- Ну что ж, мистер Кларк, ваш адмирал умеет выступать. Жаль, что нам не удалось записать его речь на магнитофон.

- Ты достаточно взрослый, сардж, чтобы воздержаться от подобных шуток. Операция будет рискованной.

На лице Ирвина появилась удивительно веселая улыбка:

- Да, я знаю. Но если, по твоему мнению, она может кончиться неудачей, какого черта ты отправляешься туда в одиночку?

- Меня попросил один человек. - Келли покачал головой и пошел к адмиралу, чтобы обратиться к нему с собственной просьбой.

Она сама спустилась по лестнице, держась за перила. Голова у нее болела по-прежнему, но этим утром уже меньше. Девушка шла, прислушиваясь к звукам разговора внизу, на доносящийся из кухни запах кофе.

При виде ее Сэнди радостно улыбнулась:

- Доброе утро, милая!

- Привет, - тоже улыбнулась Дорис, хотя выглядела все еще бледной и слабой и, проходя через дверной проем, оперлась о стенку рукой. - Я очень проголодалась.

- Надеюсь, ты любишь яичницу? - Сэнди помогла девушке сесть на стул и поставила перед нею стакан апельсинового сока.

- Готова есть даже яичную скорлупу, - ответила Дорис. Это была ее первая попытка пошутить.

- Начиная вот с этого и не станешь мечтать о скорлупе. - Сара положила на тарелку яичницу, которая шкварчала на сковородке. Наконец-то девушка готова съесть нормальный завтрак, подумала она.

Дорис начала выздоравливать. Ее движения все еще были очень медленными, координация как у младенца, но за последние двадцать четыре часа перемены к лучшему оказались поразительными. Кровь, взятая вчера для анализа, свидетельствовала о еще более благоприятных переменах. Большие дозы антибиотиков подавили инфекцию в ее теле, а

следы барбитуратов почти исчезли - то, что еще оставалось, было вызвано смягчающими страдания инъекциями наркотика, прописанными и введенными доктором Розен. Больше их не будет. Но самым обнадеживающим явилось то, как девушка ест. Слабыми и неуклюжими движениями она развернула салфетку и положила ее на колени, прикрытые полами махрового халата. Дорис не стала поспешно запикивать пищу в рот. Она ела свой первый за последние несколько месяцев настоящий завтрак с чувством собственного достоинства, насколько это позволяли ее состояние и голод. Девушка снова превращалась в личность.

Но они все еще ничего не знали о ней - ничего, кроме имени:

Дорис Браун.

Сэнди налила себе чашку кофе и села за стол.

- Откуда ты родом? - спросила она словно невзначай.

- Из Питтсбурга. - Этот город для ее пациентки был так же далек, как обратная сторона Луны.

- Есть семья?

- Только отец. Мама умерла в шестьдесят пятом от рака груди, - медленно произнесла Дорис и машинально сунула руку под халат. Впервые за многие месяцы ее груди не болели от ласок Билли. Сэнди заметила движение и догадалась, что оно означает.

- И больше никого?

- Брат..., погиб во Вьетнаме.

- Извини меня, Дорис.

- Ничего, мисс...

- Меня зовут Сэнди, помнишь?

- А меня - Сара, - добавила доктор Розен, ставя перед девушкой полную тарелку и забирая пустую.

- Спасибо, Сара. - На лице Дорис мелькнула слабая улыбка, но главным было то, что она реагировала на окружающий мир, и это было намного важнее, чем мог предположить сторонний наблюдатель. Продвигаться вперед следует маленькими шагами, напомнила себе Сара. Совсем не обязательно делать большие. Главное - это движение в правильном направлении. Доктор и медсестра обменялись многозначительными взглядами.

Это трудно с чем-либо сравнить. Трудно объяснить происшедшее человеку, который не был здесь и не стал свидетелем. Они с Сэнди протянули руки в могилу и выхватили девушку из цепких объятий земли, не желающей расставаться с ней. Еще три месяца, подумала Сара, даже, пожалуй, меньше, и тело Дорис ослабло бы до такой степени, что самое тривиальное внешнее воздействие за несколько часов стало бы причиной ее смерти. Но это осталось в прошлом. Теперь эта девушка будет жить, и обе женщины безмолвно и одновременно подумали о том, что Бог, наверно, знал, что делает, когда вдохнул жизнь в Адама. Они победили Смерть, присвоив себе дар, который мог давать только Всевышний. По этой причине они занимались одним и тем же делом, и подобные моменты вознаграждали их за ярость, печаль и разочарование, которые они испытывали из-за тех пациентов, что ускользнули от них в объятия смерти.

- Не ешь слишком быстро, Дорис. Когда какое-то время голодаешь, твой желудок становится как бы несколько меньше, - сказала Сара, снова превращаясь во врача. Впрочем, сейчас не время предупреждать девушку о болях и расстройстве желудочно-кишечного тракта, которые неизбежно последуют. Сейчас ничто не сможет предотвратить этот процесс, да и главное, самое важное для ее здоровья, заключается в том, чтобы в организм попали наконец питательные вещества.

- О'кей. Я чувствую, что уже наелась.

- Тогда немного отдохни. Расскажи нам об отце.

- Я убежала из дома, - тут же ответила Дорис. - Сразу после того, как Дейвид..., сразу после телеграммы, и у папы начались неприятности, а он обвинил в них меня.

Реймонд Браун был мастером в третьем мартеновском цехе сталелитейной компании Джоунса и Лафлина и теперь думал только о работе. Его дом находился на Данливи-стрит, на одном из крутых склонов окружающих город гор. Это был стоящий отдельно каркасный дом, построенный в начале века, со стенами, обшитыми досками, которые ему приходилось красить каждые два или три года в зависимости от суровости зимних ветров, устремляющихся вниз вдоль долины Мононгахела. Он предпочитал работать в ночную смену, потому что по ночам дом казался ему особенно пустым. Ему больше не доводилось слышать голос своей жены, бывать с сыном на матчах Малой бейсбольной лиги или играть с ним в неприкосновенности крошечного двора, резко уходящего от дома вниз, беспокоиться о свиданиях дочери по уик-эндам.

Он пытался, сделал все, что мог сделать мужчина, но было уже слишком поздно - как это обычно и происходит. И справиться с этим оказалось уже не под силу. Его жена, когда обнаружили опухоль, все еще была молодой привлекательной тридцатишестилетней женщиной, его лучшим и самым близким другом. Он поддерживал ее, как мог, после хирургической операции, но появилась вторая опухоль, последовала еще одна операция, химиотерапия, а потом соскальзывание вниз, причем до самого конца ему приходилось проявлять ради нее силу. Это был бы сокрушительный удар для любого человека, но тут же последовал другой. Его единственный сын, Дейвид, был призван на военную службу, его послали во Вьетнам, и через две недели он был убит в какой-то безымянной долине. Поддержка товарищей по работе, то, как все они явились на похороны Дейви, не предотвратили неизбежного - Браун начал пить, отчаянно пытаясь сохранить то последнее, что у него осталось. Дорис тоже испытывала горе, Браун не понимал и даже не догадывался об этом. Когда она однажды поздно вечером вернулась домой в помятом и расстегнутом платье, он жестоко обругал ее, с

ненавистью обрушившись на девушку. Даже сейчас он помнил каждое слово и глухой звук захлопнувшейся за ней двери.

Уже на следующий день он понял, что натворил, со слезами на глазах поехал в полицию, унижался перед людьми, понимание и сочувствие которых никогда не ценил, отчаянно пытаясь вернуть обратно свою маленькую девочку, мысленно умоляя ее о прощении, зная, что себе он никогда этого не простит. Но Дорис исчезла. Полиция сделала все, что было в ее силах, но этого оказалось мало, и усилия были тщетными. Затем в течение двух лет Браун не отрывался от бутылки до тех пор, пока двое товарищей по работе, набравшись храбрости и решимости вторгнуться в его личный мир, не отвели его в сторонку и не поговорили с ним как друзья. Священник местного прихода стал постоянным гостем в этом заброшенном доме. Реймонд Браун отвыкал от спиртного - он все еще пил, но намного меньше прежнего, и старался покончить с этим совсем. Все-таки он оставался мужчиной и понимал, что ему необходимо по мере сил достойно справиться с одиночеством, хотя знал, что достоинство одинокого человека не имеет особой цены, но больше у него ничего не осталось. Помогали ему и молитвы, пусть немного - в постоянно повторяющихся словах он находил облегчение, хотя ему не снились счастливые дни, прожитые с семьей в этом самом доме. Он ворочался и метался в постели, потный от жары, и в это мгновение зазвонил телефон.

- Алло?

- Это Реймонд Браун?

- Да. С кем я говорю? - спросил он, не открывая глаз.

- Меня зовут Сара Розен. Я врач в Балтиморе, работаю в больнице Джона Хопкинса.

- Слушаю вас. - Тон ее голоса заставил Брауна открыть глаза. Он уставился на потолок, пустое белое пространство которого так походило на пустоту и однообразие его жизни. И тут он почувствовал страх. Почему ему звонит врач из Балтимора? Его мозг стремительно мчался к последнему кошмару, когда голос продолжил:

- У меня здесь есть кое-кто, кто очень хочет поговорить с вами, мистер Браун.

- Что? - Затем он услышал приглушенные звуки, которые вполне могли оказаться помехами на телефонной линии, но на самом деле были чем-то другим.

- Нет, я не могу.

- Но ведь ты ничего не потеряешь, милочка, - сказала Сара, передавая девушке телефонную трубку. - Он - твой отец. Доверься ему.

Дорис взяла трубку, держа ее обеими руками у самого лица, и нерешительно прошептала:

- Папа?

Через сотни миль это слово, произнесенное шепотом, прозвучало ясно и отчетливо, словно звон церковного колокола. Ему пришлось сделать три глубоких вдоха, прежде чем он смог ответить, и его ответ походил на рыдание.

- Дор?

- Да. Папа, я так виновата перед тобой.

- С тобой все в порядке, бэби?

- Да, папа, со мной все в полном порядке. - И каким невероятным ни казалось это заявление, оно не было ложью.

- Где ты сейчас?

- Подожди минутку. - И в трубке послышался другой голос:

- Мистер Браун, это говорит доктор Розен.

- Но она у вас?

- Да, мистер Браун, ваша дочь здесь. Мы лечили ее в течение недели. Она все еще больна, но выздоравливает. Вы меня понимаете? Она выздоравливает.

Он схватился за грудь. Его сердце превратилось в стальной кулак, воздух вырывался из его груди болезненными вздохами, и врач мог бы принять их за что-то другое, а не то, что они означали.

- Но она в порядке? - В его голосе звучала тревога.

- Скоро она полностью выздоровеет, - заверила его Сара. - В этом можно не сомневаться, мистер Браун. Прошу вас, положитесь на меня, ладно?

- Господи, Боже милосердный! Где, где вы сейчас?

- Мистер Браун, пока еще ее нельзя видеть. Мы привезем ее к вам, как только она полностью оправится. Я не была уверена, что нужно звонить вам до того, как вы сможете встретиться со своей дочерью лицом к лицу, но.., но мы просто не могли не сообщить вам о ней. Надеюсь, вы меня понимаете.

Саре пришлось подождать пару минут, прежде чем она услышала что-то внятное, но звуки, доносящиеся из телефонной трубки, глубоко тронули ее. Протянув руки в глубокую могилу, она спасла две жизни.

- Она действительно выздоровеет?

- Ей пришлось многое пережить, мистер Браун, но я обещаю вам, что с нею все будет в полном порядке. Видите ли, я хороший врач, ясно? Я не сказала бы этого, если бы не была уверена в благополучном исходе.

- Умоляю вас, умоляю, позвольте мне поговорить с ней снова. Прошу вас!

Сара передала девушке телефонную трубку, и скоро по лицам всех четверых текли слезы. Врач с медсестрой даже обнялись, радуясь своей победе над жестокостью мира.

Боб Риттер поставил свой автомобиль на Уэст-Экзекутив-драйв - бывшей улице, закрытой теперь для транспорта, которая отделяла Белый дом от здания, где размещались административные службы аппарата. Он направился к этому зданию - одному из самых безобразных в Вашингтоне, что уже само по себе являлось немалым достижением, - где раньше размещались исполнительные департаменты правительства - министерство иностранных дел, военное министерство и министерство военно-морского флота. В нем находилась также комната Индейского договора, предназначенная для того, чтобы внушить благоговение наивным посетителям, потрясти их показным величием викторианской архитектуры и величиим правительства, построившего этот гигантский "типи". Шаги Риттера эхом отдавались по мраморному полу широких коридоров, пока он искал нужный ему кабинет. Он нашел его на втором этаже - кабинет Роберта Макензи, специального помощника президента по проблемам национальной безопасности. Как ни странно, но приставка "специальный" делала его вторым по старшинству помощником президента в этой области. Кабинет самого советника по национальной безопасности находился в угловом помещении Западного крыла Белого дома. Те, кто подчинялся ему, имели свои кабинеты в других местах, и хотя расстояние от резиденции президента отражало влияние того, или иного чиновника, оно не отражало высоту занимаемого положения. У Макензи имелся штат собственных сотрудников, что напоминало ему о его важности, подлинной или иллюзорной. Вообще-то он был неплохим человеком, даже неглупым, подумал Риттер, однако это не мешало Макензи завидовать его положению - в иные времена он был бы клерком, дававшим советы канцлеру, который, в свою очередь, давал советы королю. Вот только сегодня клерку было необходимо иметь исполнительного секретаря.

- Привет, Боб. Как дела в Лэнгли? - спросил Макензи в присутствии своих секретарей и помощников, чтобы никто из них не упустил, что он встречается с новой восходящей звездой ЦРУ и потому сам обладает немалым влиянием - не ко всякому приезжают столь высокопоставленные чиновники.

- Как всегда. - Риттер улыбнулся в ответ. Давай приниматься за дело, подумал он, хватит болтать.

- Улицы забиты автомобилями? - спросил Макензи, давая понять Риттеру, что тот едва не опоздал на встречу.

- Да, что-то случилось на шоссе Джорджа Вашингтона. - Риттер сделал жест в сторону кабинета специального помощника. Макензи кивнул.

- Уолли, нам понадобится кто-то для ведения записей.

- Иду, сэр. - Его исполнительный помощник встал из-за стола, захватив с собой блокнот.

- Боб, это Уолли Хикс. По-моему, вы еще не встречались.

- Рад познакомиться, сэр. - Хикс протянул руку. Риттер пожал ее, поняв, что перед ним еще один восторженный сотрудник Белого дома. Произношение жителя Новой Англии, умное и выразительное лицо, вежливый - короче говоря, все, чего можно ожидать от таких молодых людей. Минуту спустя они сидели в кабинете Макензи. Наружная и внутренняя двери были плотно закрыты, прижатые к стальным рамам, придававшим зданию административных служб конструкционную прочность линейного корабля. Хикс поспешно сходил за кофе, он напоминал пажа при дворе какого-то средневекового короля, что в точности соответствовало состоянию дел в самой могучей демократической стране мира.

- Итак, что привело тебя к нам. Боб? - спросил Макензи из-за своего стола. Хикс открыл блокнот и принялся записывать каждое сказанное слово.

- Роджер, у нас во Вьетнаме появилась поистине уникальная возможность. - Слушатели широко открыли глаза и навестили уши.

- И что же это за возможность?

- Нам удалось опознать специальный концентрационный лагерь к юго-западу от Хайфона, - начал Риттер и вкратце описал, что им было известно и что они подозревали.

Макензи внимательно слушал сотрудника ЦРУ. Напыщенный и полный самомнения, бывший банкир, только недавно назначенный на пост специального помощника президента, в прошлом он служил летчиком, во вторую мировую войну летал на Б-24 и даже принимал участие в эффектной, хотя и закончившемся неудачей, налете на Плоешти. Патриот с массой недостатков, подумал Риттер. Он решил сконцентрироваться на первом, стараясь не обращать внимания на последнее.

- Покажи изображения, - произнес через несколько минут Макензи, пользуясь современным авиационным слэнгом вместо обычного "аэрофотоснимки".

Риттер вынул из кейса папку с фотографиями и положил на стол. Макензи открыл ее и достал из ящика увеличительное стекло.

- Нам известно, кто изображен на снимке?

- На обратной стороне более высококачественная фотография, - подсказал ему Риттер.

Макензи сравнил семейную фотографию со снимком лагеря, затем посмотрел на увеличенный снимок.

- Очень похож. Нельзя ручаться за полное сходство, но очень похож. Кто это?

- Полковник Робин Закариас, ВВС. Он провел немало времени на базе военно-воздушных сил в Оффуте. Там он занимался составлением планов стратегических бомбардировок на случай войны. Ему известно все, до мельчайших подробностей.

Макензи поднял голову и присвистнул - именно этого, подумал он, ожидали от него при таких обстоятельствах.

- А вот этот парень не похож на вьетнамца...

- Полковник русских ВВС, имя не известно, но нетрудно догадаться, почему он находится в лагере. А вот самое главное. - Риттер передал Макензи ксерокопию сообщения информационного агентства о смерти Закариаса.

- Черт побери!

- Да, неожиданно все становится весьма очевидным, верно?

- Но это может сорвать переговоры о мире, - произнес Макензи, думая вслух, Уолтер Хикс не мог вмешаться в

разговор. При таких обстоятельствах его мнение никого не интересовало. Он был необходимым канцелярским прибором - нечто вроде живого магнитофона, и единственная причина, по которой он оказался здесь, заключалась в том, что его босс пожелал иметь запись разговора. "Срыв переговоров о мире", записал Хикс в блокноте, подчеркнул эту фразу, и, хотя никто не обратил на это внимания, его пальцы, сжимавшие карандаш, побелели от напряжения.

- Роджер, по нашему мнению, офицеры, находящиеся в этом лагере, знакомы с огромным количеством совершенно секретных документов. Это может нанести серьезный ущерб национальной безопасности. Да-да, очень серьезный, - спокойно заметил Риттер. - Закариас был допущен к планам ядерной войны, он принимал участие в составлении ЕИПО. Согласись, это исключительно важно. - Только упомянув аббревиатуру ЕИПО, просто напомнив о существовании Единого интегрированного плана операций, Риттер намеренно повысил ставки, о которых шла речь. Оперативник ЦРУ сам удивился, насколько гладко прошла у него эта ложь. Все эти мудозвоны из аппарата Белого дома могли не понять необходимости спасения людей из вьетнамского плена, если напирать только на то, что это люди, американцы, их соотечественники, но у сотрудников аппарата были свои слабые места, и планы ядерной войны представляли собой святая святых как в этом, так и в других храмах правительственной власти.

- Я слушаю тебя, Боб.

- Вы ведь мистер Хикс, верно? - произнес Риттер, поворачиваясь к помощнику Макензи.

- Да, сэ.

- Вы не могли бы оставить нас наедине?

Молодой помощник посмотрел на своего босса. За бесстрастным выражением его лица таилась мольба, чтобы Макензи разрешил ему остаться в кабинете, но безуспешно.

- Уолли, думаю, что мы с мистером Риттером пока будем говорить с глазу на глаз, - сказал специальный помощник президента США, смягчая удар дружеской улыбкой, и сделал жест в сторону двери.

- Да, сэ. - Хикс встал и пошел к выходу, аккуратно прикрыв за собой дверь.

В душе у него все кипело. Проклятье, подумал он, опускаясь в свое кресло. Как он может давать советы своему боссу, если не знает, что произойдет дальше? Роберт Риттер, вспомнил Хикс. Тот самый подонок, который едва не сорвал важные переговоры, достигшие самого деликатного этапа, потому что решил нарушить приказ и вывез какого-то проклятого шпиона из Будапешта. Информация, доставленная его агентом, каким-то образом повлияла на позицию США за столом переговоров, и ввиду этого подписание соглашения затянулось на три месяца, поскольку Америка потребовала дополнительных уступок от Советов, которые и без того во всем шли навстречу и даже не отказались от уже согласованных вопросов. Это спасло карьеру Риттера и, по-видимому, укрепило его идиотски романтическую точку зрения, что отдельные люди важнее всеобщего мира, - и это в то время, когда мир единственно важен сам по себе.

И Риттер хорошо знал, как убедить Роджера, верно? Все эти разговоры относительно военных планов - абсолютное дерьмо. Стены кабинета Роджера увешаны фотографиями того времени, когда он летал на своем дурацком самолете взад и вперед, притворяясь, что выигрывает в одиночку войну против Гитлера. Та война была еще одним примером того, что хорошая дипломатия без труда могла бы предотвратить ее, стоило людям сконцентрировать свое внимание на главных вопросах, подобно тому как собирались это сделать когда-нибудь они с Питером. Надо всего лишь думать не об идиотских военных планах или ЕИПО, или еще чего-то, во что играли дураки в мундирах, вовлекая в свои мечты сотрудников этой службы аппарата Белого дома, нет, надо думать о людях, вот о ком, Господи милосердный! Люди в мундирах. Солдаты-недоумки с широкими плечами и крохотными мозгами, не способными на что-то более полезное, чем убивать других, словно благодаря этому мир становится лучше. И к тому же, проносились мысли в голове Хикса, они ведь знали, на что идут, верно? Если им хочется сбрасывать бомбы на миролюбивый и дружественный народ вроде вьетнамцев, ну что ж, следовало заранее задуматься о том, что этому народу такое может не понравиться. И самое главное, если они были такими кретинами, что ставили на карту свои жизни, следовательно, они недвусмысленно соглашались с вероятностью, что могут потерять их, и почему тогда другие, вроде Уолли Хикса, должны беспокоиться о них, если им выпали проигрышные карты? Этим парням, наверно, нравилось воевать. Такое привлекало, несомненно, некоторых женщин, полагающих, что большим членам непременно сопутствуют крохотные мозги, которым нравились эти с позволения сказать "люди", у которых при ходьбе волочатся по земле руки, как у приодетых обезьян.

Это может сорвать переговоры о мире. Даже Макензи подумал об этом.

Все парни, что погибли там, из его поколения. А теперь придется пойти на риск продлить войну только из-за пятнадцати или двадцати профессиональных убийц, которым, наверно, нравилось то, чем они занимались. Какая бессмыслица! "Что, если объявят войну и никто не придет, чтобы участвовать в ней?" - было одним из любимых афоризмов его поколения, хотя он и понимал, что это всего лишь фантазия. Несбыточная фантазия, потому что люди, подобные этому одному парню, этому Закариасу, всегда сумеют соблазнить людей и убедить их следовать за ними, потому что маленькие людишки, не обладающие шириной восприятия Хикса, не в состоянии понять, что это всего лишь напрасная трата сил. Это изумляло его больше всего. Разве не очевидно, что война просто ужасна? Неужели нужно быть таким уж умным, чтобы понять это?

Хикс увидел, как открылась дверь кабинета и оттуда вышли Макензи и Риттер.

- Уолли, мы на несколько минут сходим на другую сторону улицы. Предупреди, пожалуйста, того, с кем у меня назначена встреча в одиннадцать, что я постараюсь вернуться как можно быстрее?

- Непременно, сэ.

Ну разве это не типично? Риттер преуспел в совращении. Он сумел убедить Макензи, и теперь тот сделает все, чтобы убедить советника по национальной безопасности. И тогда они устроят настоящий скандал за столом переговоров и заключение соглашения задержится месяца на три или даже больше, если кто-нибудь не разгадает эту уловку. Хикс поднял телефонную трубку и набрал номер.

- Секретарь сенатора Доналдсона.
- Привет, мне хотелось поговорить с Питером Хендерсоном.
- Извините, но он сейчас вместе с сенатором находится в Европе. Они вернутся на будущей неделе.
- А, совершенно верно. Спасибо. - Хикс положил трубку. Проклятье. Он так расстроился, что совсем забыл об этом.

Есть вещи, которые нужно делать исключительно осторожно. Питер Хендерсон даже не знал, что его кодовое имя "Кассий". Его придумал для него аналитик из советского Института США и Канады, который любил Шекспира ничуть не меньше любого профессора в Оксфорде. Фотография в досье Хендерсона вместе с краткой, на одно - странице, характеристикой агента заставила аналитика подумать о самозванном "патриоте" из трагедии "Юлий Цезарь". Имя, Брута ему не подошло бы. Хендерсону, по мнению аналитика, недоставало для этого характера.

Сенатор находился в Европе с ознакомительной поездкой, связанной главным образом с НАТО, хотя они собирались побывать на мирных переговорах в Париже лишь для того, чтобы попасть на ленту телеоператора, которую могут показать осенью телевизионные станции Коннектикута. По правде говоря, ознакомительная поездка сводилась чаще всего к посещениям магазинов и брифингов, проводившихся каждый второй или третий день. Хендерсон, совершающий первую такую поездку в качестве эксперта по проблемам национальной безопасности, был вынужден составлять для сенатора необходимые материалы, однако все остальное время он был свободен и мог бывать там, где ему хотелось. В данный момент он осматривал Белую башню, знаменитую тем, что она находилась в самом центре королевского Тауэра, вот уже почти девятьсот лет охраняющего устье Темзы.

- Сегодня тепло для Лондона, - слышался голос какого-то туриста.

- Интересно, бывают ли у них здесь грозы? - небрежно поинтересовался американец, осматривая гигантские латы короля Генриха VIII.

- Бывают, - отозвался турист, - но не такие сильные, как в Вашингтоне.

Хендерсон огляделся в поисках выхода и направился к нему. Через мгновение он шел по лужайке Тауэра со своим новым компаньоном.

- Ваш английский совершенен.

- Спасибо, Питер. Меня зовут Джордж.

- Привет, Джордж. - Хендерсон улыбнулся, не глядя на своего спутника. Все так походило на романы о Джеймсе Бонде, и то, что это происходило здесь - не просто в Лондоне, а даже в Тауэре, исторической резиденции королевской династии Великобритании, - казалось поистине восхитительным.

Джордж было его настоящим именем - вообще-то его звали Георгием, что было русским эквивалентом Джорджа, - и он теперь редко выезжал на оперативные задания. Несмотря на то что он был исключительно способным оперативником КГБ, он обладал столь выдающимися аналитическими способностями, что пять лет назад его отозвали обратно в Москву, произвели в подполковники и сделали начальником целого подотдела. Теперь Георгий был полковником и надеялся вскоре получить генеральские звезды. Причина, по которой он приехал в Лондон - через Хельсинки и Брюссель, - заключалась в том, что он хотел лично познакомиться с Кассием и попутно купить кое-что для своей семьи. Всего три человека его возраста во всем КГБ имели звание полковника, а молодая прелестная жена Георгия предпочитала западную одежду. Так где же заняться покупками, как не в Лондоне? Он не говорил ни по-французски, ни по-итальянски.

- Это наша первая и последняя встреча, Питер.

- Вы считаете это лестным для меня?

- Судите сами. - Джордж был весьма добродушным человеком - необычная черта для русского. Правда, это составляло часть его легенды. Он улыбнулся, глядя на американца. - Ваш сенатор имеет доступ к чрезвычайно интересной информации.

- Да, это верно, - согласился Хендерсон, наслаждаясь тем, как обхаживает его этот русский. Он мог и не добавлять: "И я тоже, конечно".

- Эта информация может принести нам немалую пользу. Ваше правительство, особенно ваш новый президент, откровенно говоря, пугают нас.

- Это верно, президент пугает и меня, - признался Хендерсон.

- Однако в то же самое время существует и надежда, - продолжал Джордж рассудительно и спокойно. - Он является реалистом. Его предложение о разрядке в международных отношениях истолковывается моим правительством как признак того, что мы можем достигнуть широкого взаимопонимания. По этой причине нам хотелось бы убедиться, что его предложение о переговорах является искренним. К сожалению, у нас возникли собственные проблемы.

- А именно?

- Ваш президент, по-видимому, стремится уладить отношения между нами. Я говорю это совершенно откровенно, Питер, - добавил Джордж. - Но в то же самое время у него сильно развито чувство..., конкуренции. Если он узнает о нас слишком много, он может в некоторых областях оказать на нас очень сильное давление, и это помешает достигнуть взаимопонимания, к которому мы так стремимся. В вашем правительстве существуют некоторые реакционные элементы. У нас тоже - пережитки, оставшиеся от сталинской эпохи. Ключ к успеху переговоров, которые могут скоро начаться, заключается в том, что обе стороны проявят разум и сдержанность. В контроле за реакционными силами нам требуется ваша помощь.

Это высказывание удивило Хендерсона. Оказывается, русские могут быть такими откровенными, совсем как американцы.

- И чем же конкретно я могу помочь?

- Есть вещи, которые нам приходится хранить в тайне, следить за тем, чтобы они не просочились в прессу и не стали достоянием общественности. Если они просочатся, это может подорвать успех переговоров. Если вы знаете слишком много о нас или если мы узнаем слишком много о вас, понимаете, переговоры затянутся или уйдут в сторону. И та и другая сторона может потребовать слишком больших уступок, и тогда никакого взаимопонимания не будет достигнуто, восторжествует стремление подчинить себе другую сторону, а с этим никто не согласится. Вы понимаете меня?

- Да, это разумно.

- О чем я прошу вас, Питер, это информировать нас время от времени о некоторых специфических сведениях, полученных в Америке о моей стране. Я даже не собираюсь говорить вам о конкретных областях. Не сомневаюсь, вы достаточно умны, чтобы увидеть это самому. Мы полагаемся на вас. Время холодной войны осталось позади. Приближающийся мир, если он действительно наступит, будет зависеть от таких людей, как мы с вами. Между нашими народами должно установиться доверие, но всякое доверие начинается с того, что прежде оно устанавливается между двумя людьми. Другого способа не существует. Я очень сожалею об этом, но именно так устанавливается мир.

- Да, мир - это было бы здорово, - согласился Хендерсон. - Но сначала надо бы покончить с этой проклятой войной.

- Мы прилагаем все усилия для достижения этого, как вы знаете. Мы.., нет, нельзя сказать, что давим - настоятельно советуем нашим друзьям выбрать более сдержанную линию поведения. Сколько уже погибло молодых людей. Пришло время положить этому конец. Надо, чтобы обе стороны поняли это.

- Я рад это слышать от вас, Джордж.

- Значит, вы согласны помочь нам, Питер?

Они уже обошли всю лужайку Тауэра и теперь стояли перед часовней. Рядом находилась плаха палача. Хендерсон не знал, действительно ли ею пользовались или нет. Вокруг плахи висели ограждающие цепи, а рядом сидел ворон - один из тех, что по-прежнему держали в Тауэре, то ли в силу традиций, то ли из суеверия. Справа от них служитель вел группу туристов.

- Я помогаю вам, Джордж. - Это было правдой. Хендерсон крутился вокруг приманки почти два года. Теперь от полковника КГБ требовалось сделать приманку более привлекательной и потом следить, проглотит ли ее Хендерсон.

- Да, Питер, я знаю это, но теперь мы просим о большем, нам нужна более важная, более секретная информация. Вы сами должны принять решение, мой друг. Борьба за мир может оказаться очень опасной. Никто не узнает о той роли, которую вы играли. Люди, занимающие ответственные должности, министры в своих правительствах, подпишут соглашения и пожмут друг другу руки. Камеры запечатлят эти события, которые навсегда войдут в историю. Но такие, как мы, наши имена никогда не станут известны человечеству, никогда не попадут в учебники истории. И тем не менее, наши усилия играют огромную роль, мой друг. Мы с вами идем впереди министров, прокладываем им путь. Я не могу заставить вас, Питер. Вы должны принять решение по собственной воле, только вы сами можете решить, нужно помогать нам или нет. Кроме того, вам предстоит выбрать ту информацию, которая, по вашему мнению, принесет нам наибольшую пользу. Вы - умный молодой человек, и ваше поколение в Америке познало уроки, которые ему нужно было познать. Если хотите, я могу дать вам время подумать...

Хендерсон повернулся, приняв решение:

- Нет. Вы правы. Кто-то должен помочь укрепить мир, и колебания тут не на пользу. Я помогу вам, Джордж.

- Это небезопасно, Питер. Вы знаете, - предостерег его Джордж. Ему было нелегко удержаться от вздоха удовлетворения, но теперь, когда Хендерсон действительно заглывал наживку, нужно было всадить крючок как можно глубже.

- Я готов пойти на риск. Мир стоит того. А-а, наконец-то.

- Таких смелых людей, как вы, нужно оберегать. Когда вы вернетесь домой, с вами свяжутся. - Джордж сделал паузу. - Питер, у меня есть дети - дочери шесть лет и сыну два. Благодаря нашей с вами работе они вырастут в гораздо более безопасном мире. Ради них я благодарен вам, Питер. А теперь мне нужно идти.

- До встречи, Джордж, - произнес Хендерсон. При этих словах Джордж остановился, посмотрел на него и улыбнулся в последний раз.

Нет, Питер, мы больше не встретимся, подумал он и стал спускаться по каменным ступенькам, ведущим к Воротам предателей. Потребовалось все его немалое самообладание, чтобы не рассмеяться при мысли о том, чего ему удалось добиться, и невероятной иронии каменной арки с опускной решеткой перед ним. Через пять минут он сел в черное лондонское такси и сказал шоферу, чтобы тот отвез его к универмагу "Хэрродс" в Найтсбридже.

Кассий, подумал он. Нет, это имя не подходит Хендерсону. Скорее Каска. Но менять сейчас кодовое имя слишком поздно, да и кто к тому же сумеет понять весь юмор этого? Глазов сунул руку в карман и достал список вещей, которые ему нужно было купить.

Глава 25

Отъезды

Одного учения, даже если оно прошло идеально, было, разумеется, недостаточно. В течение четырех следующих ночей они повторили штурм "лагеря" еще четыре раза и затем еще два раза в дневное время, чтобы все точно запомнили свои места. Группа спасения военнопленных устремится к тюремному блоку всего в десяти футах от шквала огня из пулемета М-60 - это было необходимо из-за расположения лагеря и с этим приходилось мириться, несмотря на опасность.

В этом заключался самый рискованный технический аспект операции. К концу недели штурмовая группа “Зеленого самшита” была полностью готова. Солдаты понимали это, равно как и высшие чины, готовящие операцию. Тренировки продолжались, но их объем остался на прежнем уровне из-за опасений, что напряженная работа утомит солдат и они утратят свежесть восприятия и интерес. Предстояла заключительная фаза операции. Теперь, во время подготовки, участники штурма получили возможность вносить небольшие поправки в то, что им предстояло. Разумные идеи немедленно передавались старшему из сержантов или капитану Элби и почти всегда вносились в план будущего штурма. Такова была интеллектуальная фаза подготовки, цель которой заключалась в том, чтобы каждый член штурмовой группы имел возможность как-то повлиять на ее совершенствование. Это укрепляло уверенность солдат, именно уверенность, а не показную храбрость, нередко встречающуюся у членов отборных подразделений. Каждый из солдат обладал глубокими профессиональными знаниями и навыками и потому мог внести свой вклад в улучшение подготовки. Такие предложения рассматривались, совершенствовались, приспособлялись к условиям предстоящего штурма. Все доводилось до наивысшего уровня - и после этого дальнейшие изменения не вносились.

Как ни странно, но часы, свободные от подготовки, стали для солдат более спокойными, и былая напряженность исчезла. Теперь они знали о том, что им предстоит, и грубые шутки, свойственные молодым людям их возраста, хотя и не прекратились, но стали более умеренными. Они смотрели телевизионные передачи, читали книги или журналы, ожидая команды приступить к развертыванию, зная, что на другом конце света их ждут другие люди, и в тишине двадцати пяти человеческих умов звучали молчаливые вопросы. Успешно ли пройдет операция? Если успешно, какое ликование будут они испытывать? Если нет - ну что ж, они давно решили, что независимо от исхода операции отказаться от участия в ней выше их сил. Там, в далеком лагере, находятся мужья, которых ждут жены, отцы, которых ждут дети, и просто люди, которых ждет родина. Каждый знал, что если жизнь подвергнется опасности, то по крайней мере на то пришло время и есть достойная цель.

По просьбе сержанта Ирвина в лагерь штурмовой группы прибыли военные капелланы. Солдаты встретились с ними и теперь пойдут в бой с чистой совестью. Несколько человек составили завещания - так, на всякий случай, сообщили смущенные морские пехотинцы приехавшим офицерам, - и на протяжении всего этого времени солдаты все больше и больше сосредоточивались на предстоящей операции, отбрасывая в сторону посторонние заботы и концентрируясь на цели, обозначенной случайным словом, выбранным наугад из длинного списка кодовых названий. Каждый из солдат несколько раз ходил на место, где располагался “лагерь”, проверял свой будущий маршрут и углы обстрела, обычно в сопровождении другого солдата, который будет участвовать в штурме рядом с ним. Они сами, без всякого приказа, пробегали от исходной позиции к цели, практикуясь в том, что им предстоит, как только начнется стрельба. Каждый вел собственную подготовку, пробегая милю-другую в дополнение к утренним и вечерним пробежкам, делая это как с целью снять напряженность, так и чтобы в последний раз убедиться, что он полностью готов к штурму. Опытный наблюдатель заметил бы все это по их внешнему виду: серьезные, но спокойные, сосредоточенные, но не испытывающие излишнего напряжения, уверенные в себе, но не показывающие этого. Остальные морские пехотинцы в Куантико избегали встреч с ними, не понимая причины, по которой для этой группы выбрали уединенное место, почему она живет по необычному распорядку, почему вдалеке проносятся “Кобры”, почему на базе морской пехоты расположились летчики спасательных вертолетов ВМФ, но одного взгляда на группу, прибывшую из соснового леса, было достаточно, чтобы не задавать вопросы и держаться подальше. Происходило что-то особенное.

- Спасибо, Роджер, - произнес Боб Риттер в одиночестве своего кабинета в Лэнгли. Он положил трубку, нажал на кнопки телефона и набрал местный номер. - Джеймс? Это Боб. Разрешение получено. Давай команду.

- Благодарю тебя, Джеймс. - “Голландец” Максвелл повернулся во вращающемся кресле и посмотрел на алюминиевую панель своего последнего истребителя F6F “Хэллкэт”, на длинные ровные ряды нарисованных на ней красно-белых флажков, каждый из которых означал сбитый им самолет противника, свидетельствуя о его бесстрашии и мастерстве. Эта панель была для него святыней, подтверждением необходимости его профессии военного летчика. - Старшина Грэфтон, - громко произнес он.

- Да, сэр. - На пороге кабинета вырос старшина.

- Передайте адмиралу Подулски на “Констелейшн”: “Зеленая олива”.

- Слушаюсь, сэр.

- Пусть приготовят мой автомобиль, затем свяжитесь с Анакостией. Мне понадобится вертолет минут через пятнадцать.

- Будет исполнено, адмирал.

Вице-адмирал Военно-морского флота США Уинслоу Холланд Максвелл встал из-за стола и вышел через боковую дверь кабинета в коридор кольца “Е” здания Пентагона. По пути он заглянул в кабинет, находящийся в той части здания, которая была отведена для военно-воздушных сил.

- Гэри, нам понадобится транспортный самолет, о котором мы с тобой говорили.

- Он будет наготове, Голландец, - ответил генерал, не задавая лишних вопросов.

- Сообщи подробности моему помощнику. Сейчас я уезжаю, но буду звонить ему каждый час.

- Так точно, сэр.

Лимузин Максвелла стоял у выхода на реку Потомак. За рулем сидел главный старшина.

- Куда прикажете, сэр?

- Анакостия, чиф, вертолетная площадка.

- Слушаюсь. - Главный старшина отпустил педаль сцепления и направил лимузин в сторону реки. Он не знал, в чем дело, но не сомневался, что предстоит нечто важное. Старик сбежал по ступенькам с такой легкостью, что это напомнило главному старшине его дочку, спешившую на свидание.

Келли снова передвигался по лесу, стараясь быть неслышимым и невидимым, что он делал на протяжении последних недель. Свое оружие он разместил в соответствующих местах маскировочного комбинезона, хотя очень надеялся, что ему не придется сделать ни единого выстрела. Основным оружием был автомат CAR-15 - уменьшенный вариант боевого M-16. Пистолет девятимиллиметрового калибра с глушителем помещался в наплечной кобуре, но главным в его оснащении было радио; во время операции "Зеленый самшит" у него будут с собой два одинаковых приемопередатчика - на случай, если один из них откажет, - а также пищевой паек, вода и карта, плюс запасные батарейки для радио. Общий вес составляет двадцать три фунта, не считая специального снаряжения, необходимого для высадки и подхода к цели. Таким образом, вес не был слишком уж большим, и Келли убедился, что может передвигаться по лесу и холмам, не замечая его. Он двигался быстро и неслышно для мужчины его размеров. Чтобы двигаться неслышно, важно было выбирать место, куда ставить ногу, поворачиваться и наклоняться, проскальзывая между ветками, с одинаковым вниманием наблюдая за грунтом и за местностью вокруг.

Перетренировка, напомнил себе Келли. Нужно меньше напрягаться. Он выпрямился и пошел вниз по склону холма, повинувшись инстинкту.

В лагере находились небольшие группы морских пехотинцев, ведущих самостоятельные занятия, повторяя снова и снова поставленные перед ними задачи. Капитан Элби инструктировал экипажи вертолетов. Келли приблизился к посадочной площадке, когда на нее приземлился синий вертолет военно-морского флота и по трапу спустился адмирал Максвелл. Совершенно случайно Келли оказался первым, кто встретил его. Он сразу понял смысл и значение прибытия адмирала, еще до того как кто-нибудь успел произнести хотя бы слово.

- Отправляемся?

- Сегодня вечером, - подтвердил кивком Максвелл. Несмотря на энтузиазм и на то, что он ожидал этого, по спине Келли пробежал, как всегда, холодок. Учебные штурмы кончились. Теперь предстоит настоящее дело. Жизни всех остальных будут зависеть от него. Он обязан выполнить свою задачу. Ну что ж, сказал он себе, я знаю, как это сделать. Келли ждал у вертолета, пока Максвелл направился к капитану Элби. Тут же подъехал штабной "автомобиль генерала Янга. Они обменялись приветствиями, и Келли увидел, как изменилась осанка капитана Элби, когда он узнал о начале операции, - он выпрямился и расправил плечи. Вокруг собрались морские пехотинцы, реакция которых была на удивление сдержанной и прозаичной. Они обменивались взглядами, выражающими едва ли не сомнение, однако скоро их сменили твердые уверенные кивки. Все ясно, дана команда на проведение операции. Сообщив об этом, Максвелл вернулся к вертолету.

- Вижу, что вам нужно это короткое увольнение.

- Вы обещали мне, сэр.

Адмирал похлопал Келли по плечу и сделал жест в сторону вертолета. Поднявшись внутрь, они надели головные телефоны, пока экипаж прогревал двигатель.

- Сколько у меня времени?

- Нужно вернуться на базу до полуночи. - Пилот вертолета посмотрел на адмирала. Максвелл показал ему, чтобы он пока не взлетал.

- Все ясно, сэр. - Келли снял наушники и спрыгнул из вертолета. Рядом стоял генерал Янг.

- Голландец предупредил меня об этом, - неодобрительно заметил Янг. По выражению его лица было ясно, что поступать так перед началом операции не принято. - Что вам нужно?

- Пусть меня отвезут к яхте, там я переоденусь, потом мне нужно попасть в Балтимор. Оттуда я приеду сам.

- Послушайте, Кларк...

- Генерал, я принимал участие в планировании этой операции. Я буду первым у лагеря и покину его после всех. - Янг хотел выругаться, но сдержался. Вместо этого он показал своему шоферу на Келли.

Через пятнадцать минут Келли оказался в иной жизни. После того как он покинул "Спрингер", стоящий у пирса для гостей, мир для него остановился, он вернулся в прошлое. Теперь время снова пошло, пусть ненадолго. Он быстро осмотрел яхту, убедился, что начальник порта присматривает за ней, принял душ, надел штатскую одежду и вернулся к автомобилю генерала Янга.

- Едем в Балтимор, капрал. Впрочем, я сделаю вашу задачу попроще. Отвезите меня в аэропорт. Там я возьму такси.

- Ясно, сэр, - произнес водитель, отвечая мужчине, уже успевшему погрузиться в сон.

- О чем же шла речь, мистер Макензи? - спросил Хикс.

- Они одобрили операцию, - ответил специальный помощник по национальной безопасности, подписывая одни

документы и ставя свои инициалы на других для различных официальных архивов, в которых будущие историки обнаружат его имя как второстепенного игрока, принимавшего участие в великих событиях своей современности.

- Вы не можете сказать какую?

Какого черта, подумал Макензи. У Хикса есть допуск, и потому специальный помощник мог продемонстрировать перед кем-то свою весомость. Две минут спустя он рассказал Хиксу об основных направлениях операции "Зеленый самшит".

- Сэр, но ведь это вторжение; - напомнил ему Хикс, спокойно и рассудительно, несмотря на струйки холодного пота, стекающие по спине и комок в желудке.

- Полагаю, что они могут так подумать, однако я придерживаюсь другой точки зрения. Насколько я припоминаю, они вторглись в три суверенные страны.

- Но мирные переговоры - вы сами говорили об этом! - В голосе Хикса звучала настойчивость.

- Да наплевать на эти переговоры! Черт возьми, Уолли, там наши люди, американские офицеры, и то, что им известно, жизненно важно для национальной безопасности. К тому же, - на его лице появилась улыбка, - я помог убедить Генри в необходимости этой операции. - Если она закончится успешно..., подумал Макензи.

- Но...

Макензи поднял голову. Неужели этот мальчишка не понимает?

- Но что, Уолли?

- Это опасно.

- Война - вообще опасное дело, неужели ты не знаешь?

- Сэр, насколько я понимаю, мне разрешено быть откровенным у вас в кабинете?

- Конечно. Уолли. И будь откровенен.

- Переговоры о мире находятся сейчас на весьма деликатном этапе...

- Мирные переговоры всегда очень деликатны. Верно? Продолжай, - заметил Макензи, получая немалое удовлетворение от своих педагогических наставлений. Может быть, ему удастся чему-нибудь научить этого юнца.

- Сэр, мы потеряли уже слишком много людей. И убили больше миллиона вьетнамцев. И ради чего? Разве мы чего-нибудь достигли? Или кто-нибудь извлек из того пользу? - голос Хикса звучал почти умоляюще.

В этих доводах не было ничего нового, и Макензи устал отвечать на них.

- Если ты хочешь, чтобы я объяснил, как мы вляпались в это дерьмо, Уолли, то напрасно тратишь свое время. Ситуация была безнадежной с самого начала, но это начала не теперешняя администрация. Когда нас избирали, то нам поручили покончить с этим раз и навсегда, убраться к чертовой матери из Вьетнама.

- Совершенно верно, сэр, - согласился Хикс. - Это и есть моя точка зрения. Но проведение такой операции ухудшит наши шансы на окончание войны. Мне кажется, что это ошибка, сэр.

- О'кей. - Макензи успокоился и снисходительно посмотрел на своего помощника:

- Твоя точка зрения может - нет, я буду щедрым - имеет право на существование. Но как относительно военнопленных, Уолли?

- Они поставили на карту свои жизни - и проиграли, - ответил Хикс с хладнокровием молодости.

- Ты знаешь, подобная независимость во взглядах может произвести впечатление, но только не на меня. Между мной и тобой, Уолли, есть разница - мне приходилось воевать, а тебе нет. Ты никогда не служил в армии, Уолли. Очень жаль. Служба в армии могла бы тебя кое-чему научить.

Хикс искренне не мог понять, какое отношение к делу имеет то, служил он в армии или нет.

- Не знаю, чему это могло бы меня научить, сэр. Я не смог бы закончить университет.

- Жизнь - это не просто книга, сынок, - произнес Макензи, добавив это обращение, чтобы придать своим словам теплоту. Однако вместо этого фраза прозвучала как-то снисходительно. - В реальной жизни у людей в жилах течет кровь. У них есть чувства, мечты и семьи. У них есть жизнь. В армии, Уолли, ты узнал бы, что люди могут и не походить на тебя, но все равно остаются людьми, и раз ты служишь в нашем правительстве, представляющем интересы людей, было бы неплохо, если бы ты запомнил это.

- Да, сэр. - Что еще мог он сказать? Хикс понимал, что не сможет взять верх в подобном споре. Проклятье, ему так нужно поговорить с кем-нибудь об этом.

- Джон! - Две недели ни слуху ни духу. Она боялась, что с ним что-то случилось, но теперь ей в голову пришла противоречивая мысль: вот он, живой и здоровый, а занимался, наверно, делами, о которых лучше не думать.

- Привет, Сэнди. - Келли улыбнулся, глядя на нее. Он снова был одет в приличный костюм - галстук и голубой блейзер. Это было настолько очевидной маскировкой и так отличалось от его облика при их последней встрече, что даже его появление встревожило ее.

- Где ты был? - Сэнди жестом пригласила Келли войти, опасаясь, что соседи могут его увидеть.

- Занимался делами, - уклончиво произнес Келли.

- Какими? - Настойчивость, прозвучавшая в ее голосе, требовала определенного ответа.

- Уверю тебя, что не совершил ничего незаконного, - это было единственное, что пришло ему в голову.

- Ты в этом уверен? - Неожиданно атмосфера в доме стала напряженной. Келли недоуменно замер у двери, испытывая то гнев, то чувство вины, не понимая, зачем пришел сюда, почему обратился к адмиралу Максвеллу с такой трудновыполнимой просьбой, и не находя теперь ответа.

- Джон! - окликнула его с лестницы Сара, разряжая этим обстановку.

- Здравствуйте, док, - отозвался Келли, и они оба почувствовали облегчение.

- А у нас для тебя сюрприз!

- Какой же?

Доктор Розен спустилась по лестнице, как всегда неприступная, несмотря на улыбку.

- Ты изменился.

- Последнее время я много тренировался, - объяснил Келли.

- Как ты сюда попал? - спросила Сара.

- Скоро придется кое-куда уехать, и мне захотелось зайти сюда перед отъездом.

- Уехать - куда?

- Не могу сказать. - От этих слов повеяло холодом.

- Джон, - сказала Сэнди. - Мы знаем.

- О'кей, - кивнул Келли. - Я так и думал. Как у нее дела?

- Она выздоровеет благодаря тебе, - ответила Сара.

- Джон, нам нужно поговорить, понимаешь? - настойчиво произнесла Сэнди.

Доктор Розен почувствовала себя лишней и вернулась наверх, а медсестра и ее бывший пациент вошли в кухню.

- Джон, только честно - чем ты занимаешься?

- Последнее время? Я не могу ответить на этот вопрос. Извини, но не могу.

- Я имею в виду - имею в виду все. Что ты натворил?

- Будет лучше, если ты не узнаешь ничего, Сэнди.

- Билли и Рик? - выложила на стол свои карты Сэнди О'Тул.

Келли кивнул головой в сторону второго этажа.

- Ты видела, что они с ней сделали? Больше они никого не тронут.

- Джон, но ты не можешь заниматься этим! Полиция...

- В полиции есть предатель, - сообщил ей Келли. - Дельцы наркобизнеса подкупили кого-то, занимающего, по видимому, важный пост. Из-за этого я не доверяю полиции и не советую доверять и тебе, - закончил он, стараясь говорить как можно убедительнее.

- Но ведь есть и другие, Джон. Есть честные... - Наконец до нее дошел смысл его слов. - Откуда это тебе известно?

- Я задал Билли несколько вопросов, - ответил он, и выражение лица Сэнди еще усилило у него чувство вины. - Сэнди, неужели ты думаешь, что кто-то всерьез займется расследованием смерти проститутки? Вот что это для них. Да разве кто-нибудь заинтересуется судьбой несчастных девушек? Я ведь спрашивал тебя раньше, помнишь? Ты сказала, что нет даже программы помощи молодежи, употребляющей наркотики. Но тебя это волнует, поэтому я и привез ее сюда. Да разве можно обращаться в полицию? Нет. Возможно, мне удастся собрать сведения, с помощью которых я сумею уничтожить организацию торговцев наркотиками. Я не уверен в успехе, потому что не подготовлен для этого, но занимаюсь именно этим. Если ты хочешь передать меня полиции - ну что ж, передавай. Я не могу остановить тебя. Я не сумею причинить тебе боль...

- Я знаю! - воскликнула Сэнди и добавила более спокойно:

- Джон, ты не должен делать этого.

- Но почему? - недоуменно спросил Келли. - Они убивают людей, причиняют им ужасные муки, и никто даже не подумал бороться с ними. Как относительно жертв, Сэнди? Кто выступит в их защиту?

- Правосудие!

- А когда правосудие бессильно, что тогда? Мы спокойно дадим им умереть? Умереть такой страшной смертью?

Ты помнишь фотографию убитой Пэм?

- Да, - прошептала Сэнди, чувствуя, что проигрывает в споре, жалея, что у нее нет веских аргументов.

- Они убивали ее несколько часов, заставили твою - твою гостью следить за этим. Все девушки наблюдали, как умирает Пэм.

- Она нам обо всем рассказала. Они были подругами с Пэм. После того как..., как Пэм умерла, это она причесала ей волосы, Джон.

Реакция Келли поразила ее. Сэнди сразу поняла, что боль утраты скрыта внутри него, словно за плотно закрытой дверью, и некоторые слова могут распахнуть ее с неожиданной силой, причинить Келли невыносимые страдания. На мгновение он отвернулся, глубоко вздохнул и снова посмотрел на нее:

- С Дорис все в порядке?

- Через несколько дней она вернется домой. Мы с Сарой отвезем ее на машине.

- Спасибо, что ты сказала мне об этом. Спасибо за заботу о ней. Больше всего Сэнди приводило в замешательство его двойственное отношение к окружающему миру. Келли спокойно и бесстрастно говорил о смерти людей, которых убивал с таким же хладнокровием, с каким Сэм Розен обсуждал сложную хирургическую операцию, и так же, как и хирург, Келли беспокоился о людях..., спасенных им? Или отомщенных? Может быть, для него, это одно и то же? Пожалуй, он придерживается этой точки зрения.

- Сэнди, дело обстоит так: они убили Пэм. Они изнасиловали, замучили и убили ее - в качестве назидания, чтобы обеспечить беспрекословное повиновение остальных девушек. Я намерен ликвидировать каждого из них и, если меня убьют, - что ж, я готов рискнуть. Мне очень жаль, что мои действия не нравятся тебе.

Она глубоко вздохнула. Что можно было сказать?

- Ты говорил, что уезжаешь.

- Да. Если все пройдет хорошо, вернусь через пару недель.

- Это опасно?

- Если я не совершу ошибок - нет, не опасно. - Келли не сомневался, что она поймет скрытый смысл его слов.

- Что это такое?

- Спасательная операция. Это все, что я могу тебе сказать, и прошу никому об этом не говорить. Сегодня вечером я уезжаю. Последние недели я готовился к этой операции на военной базе.

Настала очередь Сэнди отвернуться, она нерешительно посмотрела на дверь кухни, не зная, что сказать. Келли не дал ей ни малейшей возможности. Сэнди обуревало слишком много противоречивых мыслей. Келли спас девушку, которая без его помощи несомненно умерла бы, но, чтобы спасти ее, он убил других. Он любил девушку, теперь мертвую. Он готов был убивать из-за ее смерти еще, рискуя всем. Он доверял Сэнди, Саре и Сэму. Так кто же он - хороший человек или плохой? Трудно примирить такую противоречивую комбинацию стремлений и фактов. Сэнди чувствовала его правоту, когда видела, что случилось с Дорис, когда так старалась вылечить ее, слышала ее голос - и голос ее отца. Но теперь, глядя в лицо человека, совершившего все это, объяснившего так спокойно и откровенно мотивы своих действий, не обманывая и не скрывая ничего, говоря одну лишь правду и веря, что она снова поймет его, - Сэнди не знала, что сказать.

- Вьетнам? - спросила она через несколько мгновений, стараясь выиграть время, пытаясь навести порядок в своих запутанных мыслях.

- Да, - кивнув Келли. Он чувствовал, что должен хоть немного объяснить ей, помочь ей понять. - Там находятся люди, - которые не вернутся домой, если мы не предпримем что-нибудь, и я помогаю в этом.

- Но почему именно ты?

- Почему я? Да потому, что кто-то должен сделать это, и с такой просьбой обратились именно ко мне. Скажи, Сэнди, почему ты спасаешь людей? Я ведь и раньше спрашивал тебя об этом, помнишь?

- Черт возьми, Джон! А ведь ты начал мне нравиться! - выпалила она.

И еще раз на его лице промелькнула гримаса боли.

- Не надо. Ты снова можешь пережить горе утраты, а мне не хочется, чтобы ты страдала. - Именно этого говорить ему не следовало. - Людей, близких мне, постигает несчастье, Сэнди.

В это мгновение в кухню вошла Сара, которая привела Дорис и спасла таким образом их обоих от самих себя. Девушка разительно изменилась. В ее глазах появилась радость жизни. Сэнди подстригла ее и нашла для девушки подходящую одежду. Она все еще была слаба, но уже двигалась самостоятельно. Взгляд ее кротких карих глаз устремился на Келли.

- Так это вы, - тихо прошептала она.

- Да, пожалуй. Как вы чувствуете себя?

- Скоро еду домой, - радостно улыбнулась девушка. - Мой папа - папа хочет, чтобы я вернулась.

- Не сомневаюсь, - кивнул Келли. Как резко она отличалась от той жертвы, которую он привез сюда всего несколько недель назад. Может быть, в этом и заключался смысл всего.

Такая же мысль промелькнула в голове Сэнди. Дорис ни в чем не провинилась, она была невинной жертвой сил, подчинивших ее себе, и если бы не Келли, девушка не выжила бы. Ничто не смогло бы спасти ее. Для этого понадобились смерти других, но..., но что?

- Возможно, это Эдди, - согласился Пиаджи. - Я сказал ему разобраться с этим делом, и он утверждает, что ничего не обнаружил.

- Ас того момента, как ты поговорил с ним, ничего не произошло. Все вернулось на круги своя, - ответил Генри, сообщая Энтони Пиаджи то, что тот знал и так, и делая заключение, уже пришедшее в голову Тони. - Что, если он просто попытался проверить нас? Что, если ему захотелось занять более важное положение, Тони?

- Не исключено.

Отсюда возник следующий вопрос:

- Хочешь побиться об заклад, что, если Эдди совершит небольшую поездку, больше ничего не будет происходить?

- Ты считаешь, что он готов предпринять решительные действия?

- У тебя есть другое объяснение?

- Если с Эдди что-то случится, произойдут крупные неприятности.

- Позволь мне заняться этим, а? У меня есть надежный способ.

- Расскажи мне об этом способе, - попросил Пиаджи. Через две минуты он кивнул, соглашаясь с Генри.

- Зачем ты приехал сюда? - спросила Сэнди, убирая вместе с Келли стол после ужина. Сара отвела Дорис наверх, чтобы девушка могла отдохнуть.

- Мне хотелось посмотреть, как у нее дела. - Это была ложь, и к тому же не слишком искусная.

- Ты чувствуешь себя одиноким, правда? - Келли понадобилось время, чтобы ответить.

- Да. - Сэнди заставила его задуматься об этом. Нельзя сказать, что Келли добровольно выбрал для себя одинокую жизнь, однако судьба и его собственный характер принудили его к этому. Всякий раз, когда он протягивал руки к другому человеку, происходило что-то ужасное. Месть тем, кто превратил его жизнь в то, что она сейчас представляла собой, давала ему какую-то цель, но этого оказалось недостаточно, чтобы заполнить созданную ими пустоту. И теперь стало ясно, что все, чем он занимался, было всего лишь направлено на то, чтобы отдалиться от кого-то еще. Ну почему жизнь становится такой сложной?

- Я не могу сказать, что одобряю твои поступки, Джон. Мне очень жаль, но я не могу сделать этого. Ты поступил хорошо, когда спас Дорис, но не ценой убийства... Должен быть какой-то иной путь...

- .., но если его нет, тогда что?

- Дай мне закончить, ладно? - тихо произнесла Сэнди.

- Извини.

Она коснулась его руки.

- Прошу тебя, будь поосторожней.

- Всегда стараюсь, Сэнди. Честное слово.

- То, чем ты сейчас занимаешься, куда уезжаешь, это не... Келли улыбнулся.

- Нет, это настоящее задание. Совершенно официальное и тому подобное.

- Две недели?

- Если все пойдет в соответствии с планом - да.

- Ты уверен, что будет именно так?

- Иногда бывает, что планы осуществляются на деле. Сэнди сжала его руку.

- Джон, прошу тебя, подумай обо всем. Пожалуйста. Попытайся найти другой путь. Пусть это не повторится больше. Остановись. Ты спас Дорис. Это был бесстрашный и великодушный поступок. Может быть, совершив его, узнав столько, сколько тебе удалось узнать, ты сможешь спасти остальных без.., не убивая никого больше?

- Попробую. - Он не мог сказать ей "нет", особенно в этот момент, когда чувствовал тепло ее руки, и Келли знал, что, дав слово, он не сможет взять его обратно. - Впрочем, сейчас мне приходится думать о другом. - Это было правдой.

- Как я узнаю, Джон.., я хочу сказать...

- Узнаешь обо мне? - Его удивило, что ее интересовала его судьба.

- Джон, ты не можешь уехать, не оставив мне какой-нибудь возможности узнать о тебе.

Келли задумался на мгновение, потом достал из кармана ручку и написал номер телефона.

- Это телефон одного человека - одного адмирала по имени Джеймс Грир. Он знает обо всем, Сэнди.

- Прошу тебя, не рискуй напрасно. - Ее глаза, рука, сжимавшая его руку, выражали отчаяние.

- Обещаю. Я ведь умею делать это, понимаешь? Тим тоже умел. Но она не могла сказать этого. Келли прочел все в ее глазах, понимая, как жестоко оставлять кого-то и уходить.

- Мне пора, Сэнди.

- Только возвращайся обратно.

- Вернусь. Обещаю тебе это. - Однако слова его прозвучали неубедительно, словно он произнес их, обращаясь в пустоту. Келли хотелось поцеловать ее, но он не смог. Он встал из-за стола, все еще ощущая прикосновение ее руки. Сэнди была высокой женщиной, очень сильной и смелой, но ей уже пришлось пережить горечь утраты, и Келли боялся, что может снова причинить ей боль. - Увидимся через пару недель. Передай привет от меня Саре и Дорис, ладно?

- Передам. - Сэнди проводила его к выходу. - Джон, когда вернешься обратно, пусть все на том кончится.

- Я подумаю об этом. - Он произнес эти слова не оборачиваясь, потому что боялся снова посмотреть ей в лицо. - Можешь не сомневаться.

Келли открыл дверь. Было темно, и ему придется поспешить, чтобы вернуться в Куантико к назначенному сроку. Он чувствовал, что она стоит рядом, слышал ее дыхание. Две женщины в его жизни, одну забрал несчастный случай, другую убили, и вот теперь он уезжает по собственной воле от, может быть, третьей.

- Джон? - Она все еще держала его за руку, и ему пришлось обернуться, несмотря на свой страх.

- Да, Сэнди?

- Возвращайся ко мне.

Он снова коснулся ее лица, поцеловал ей руку. Сэнди смотрела ему вслед. Келли сел в "фольксваген", и машина скрылась в темноте.

Даже сейчас, подумала она, даже сейчас он пытается защитить меня.

Может быть, достаточно? Стоит остановиться? Но что значит "достаточно"?

- Обдумай это, - произнес он вслух. - Какой информацией ты обладаешь, чтобы ею могли воспользоваться другие?

Вообще-то он знал очень много. Билли рассказал ему немало, может быть, даже больше чем достаточно. Наркотики готовили для уличной торговли на одном из судов, ржавеющих в заливе. Ему была известна фамилия Генри и фамилия Берта. Келли знал, что на Генри работает высокопоставленный офицер полиции, возглавляющий отдел по борьбе с наркотиками. Может быть, полиция сумеет взяться за дело и расследовать его, довести до суда и упрятать всех в тюрьму за убийство и торговлю наркотиками? Возможно, Генри приговорят к смертной казни? И если ответ на эти вопросы будет утвердительным, достаточно ли этого для него, Келли?

Не только опасения Сэнди, но и его отношения с морскими пехотинцами пробудили у него такие же вопросы. Как поступят они, если узнают, что имеют дело с убийцей? Проявят ли они понимание его точки зрения?

"Пакеты воняют, - сказал Билли, - как мертвецы, когда для сохранения трупов применяют это вещество".

Что это значит, черт побери? - подумал Келли, в последний раз проезжая через город. По пути ему встречались патрульные машины полиции. Неужели во всех находятся продажные полицейские?

- Проклятье, - проворчал Келли. - Забудь пока об этом, моряк. Тебя ждет работа, настоящая работа.

Этим было сказано все. “Зеленый самшит” являлся настоящей операцией, и он ощутил это четко и ясно, словно его сознание осветилось ярким светом фар встречных автомобилей. Если кто-то, как Сэнди, не понимал... Одно дело заниматься этим в одиночку, наедине с собственными мыслями, страхами и яростью, но когда это видят и знают другие, даже те, кто ценят тебя и точно понимают весь смысл того, чем ты занимаешься... Вот если даже они попросят тебя остановиться...

Так что же все-таки правильно? А что - нет? Где проходит эта разделяющая грань? Вот на шоссе все так просто. Дорожная служба нарисовала черту, разделяющую полотно пополам, и ты видишь, где нужно ехать, чтобы оставаться на нужной тебе полосе, а вот в жизни все гораздо сложнее.

Сорок минут спустя Келли выехал на шоссе 1-495 - кольцевую автодорогу Вашингтона. Так что более важно - убить Генри или спасти оставшихся у него женщин?

Еще через сорок минут он пересек реку и въехал в Виргинию. Он все-таки повидел Дорис - что за глупое имя - и увидел, что она жива, впервые с того момента, когда она была почти такой же мертвой, как Рик. Чем больше он думал об этом, тем лучше чувствовал себя.

При осуществлении операции “Зеленый самшит” главным будет не смерть других людей, нет, главное там - это спасти военнопленных.

Келли повернул к югу на шоссе 95 и, спустя минут сорок пять, въехал в Куантико. За полчаса до полуночи он оказался на базе.

- Рад, что тебе удалось приехать без опоздания, - недовольно проворчал Марти Янг. На этот раз на нем вместо генеральского мундира был маскировочный комбинезон.

Келли посмотрел прямо в глаза генералу.

- Сэр, мне и так было нелегко. Будьте другом и замолчите, а? Янг воспринял упрек, как и подобает мужчине.

- Мистер Кларк, судя по вашему голосу, вы готовы к операции.

- Дело не в этом, сэр. Главное, что люди в “Сендер грин” ждут нас.

- Ты прав, крутой парень.

- Я могу оставить машину прямо здесь?

- Вместе со всеми остальными развалюхами?

Келли на мгновение задумался, но тут же принял решение.

- Думаю, моя машина уже отслужила свое. Выбросьте ее на свалку вместе с другими.

- Тогда пошли. Автобус стоит у подножия холма. Келли забрал личные вещи и перенес их в штабной автомобиль генерала. За рулем находился тот же самый капрал. Келли расположился на заднем сиденье рядом с командиром корпуса морской пехоты, который останется здесь.

- Как вы считаете, Кларк?

- Сэр, мне кажется, что у нас неплохие шансы.

- Знаете, как бы мне хотелось, чтобы один раз, хотя бы один только раз, мы могли бы сказать: “Да, мы справимся с операцией”.

- Неужели вы хоть раз чувствовали полную уверенность? - спросил Келли.

- Нет, - признался генерал Янг. - Но это не мешает надеяться.

- Ну, как тебе понравилась Англия, Питер?

- Лондон - красивый город. Зато в Париже все время шли дожди. Правда, в Брюсселе было очень хорошо. Я побывал там впервые, - ответил Хендерсон.

Их квартиры находились на расстоянии всего двух кварталов друг от друга - удобные и просторные, построенные в Джорджтауне в конце тридцатых годов для растущего притока правительственных чиновников, приезжающих в Вашингтон для службы в постоянно расширяющемся правительстве. Здания, сооруженные из крупных блоков, были более прочными и массивными, чем дома, построенные за последние годы. Хиксу принадлежала квартира с двумя спальнями, зато гостиная - она же столовая - была небольшой.

- Так что же такое случилось, из-за чего тебе захотелось поговорить со мной? - спросил помощник сенатора, все еще не пришедший в себя из-за резкой смены нескольких часовых поясов.

- Мы снова вторгаемся в Северный Вьетнам, - ответил сотрудник аппарата Белого дома.

- Что? Этого не может быть. Я ведь сам присутствовал на мирных переговорах, понимаешь? Слышал, как они торгуются о взаимных уступках. Переговоры продвигаются. Противная сторона во многом пошла нам навстречу.

- Ну и что? Можешь на некоторое время распрощаться с переговорами, - мрачно буркнул Хикс. На кофейном столике лежал пакет с марихуаной, и он начал сворачивать самокрутку.

- Тебе надо отказаться от этого дерьма, Уолли.

- Зачем? По крайней мере от него у меня нет похмелья, как от пива. Черт побери, Питер, какая разница?

- Разница заключается в том, что у тебя могут забрать допуск к секретным документам! - резко бросил Хендерсон.

- Какое это имеет значение? Понимаешь, Питер, никто к нам не прислушивается. Ты им говоришь, и говоришь, и говоришь, а они просто не обращают внимания. - Хикс закурил и глубоко затянулся. - Я все равно скоро оставляю правительственную службу. Отец хочет, чтобы я занялся семейным бизнесом. Может быть, после того как я разбогатею на несколько миллионов, кто-нибудь захочет меня выслушать.

- Ты не должен принимать все это так близко к сердцу, Уолли. На все требуется время. По-твоему, можно все уладить за сутки?

- У меня такое впечатление, что уладить вообще ничего нельзя! Ты знаешь, что произойдет? Точно. Как говорил Софокл, у нас есть ахиллесова пята, у них есть ахиллесова пята, и когда проклятый deus появится из проклятой machina⁶, этот deus будет представлять собой тучу межконтинентальных баллистических ракет, и на этом все кончится, Питер. Точно, как мы думали с тобой несколько лет назад в Нью-Хемпшире. - Эта самокрутка с марихуаной не была первой, выкуренной Хиксом за вечер, понял Хендерсон. Его друг всегда приходил в мрачное настроение от наркотического опьянения.

- Уолли, расскажи мне, что случилось.

- Вроде там находится какой-то лагерь... - начал Хикс, опустив взгляд, совсем не глядя на своего друга, и рассказал о визите Риттера к Макензи.

- Да, это действительно плохая новость.

- Они думают, что там находятся наши офицеры, но это только предположение. Нам известно лишь одно. Что, если мы сорвем переговоры всего только из-за одного человека, Питер?

- Перестань курить это дерьмо, Уолли, - попросил Хендерсон, отпивая глоток пива. Запах марихуаны казался ему отвратительным.

- Нет, - покачал головой Хикс и сделал новую затяжку.

- Когда все это начинается?

- Не знаю точно. Роджер не назвал дату.

- Уолли, ты должен остаться в аппарате Белого дома. Нам нужны люди вроде тебя. Наступит время, когда к нам начнут прислушиваться.

Хикс поднял голову.

- Когда это произойдет, по-твоему?

- Что случится, если эта операция окажется неудачной? Что, если окажется, что ты был прав? Роджер станет прислушиваться к твоему мнению, а Генри прислушивается к мнению Роджера, верно?

- Да, пожалуй. Иногда.

Какая невероятно благоприятная возможность, подумал Хендерсон.

Чартерный автобус подъехал к базе ВВС Эндрюз, повторив, подумал Келли, больше половины его маршрута. Там на взлетной площадке стоял новый транспортный самолет С-141, окрашенный в белый цвет сверху и в серый - снизу, с уже включенными мигающими огнями. Морские пехотинцы вышли из автобуса. Рядом с самолетом их ждали Максвелл и Грир.

- Желаю удачи, - пожал каждому из них руку Грир.

- Доброй охоты, - произнес адмирал, обращаясь к солдатам. Построенный фирмой "Локхид" огромный "Старлифтер", предназначенный для транспортировки намного большего числа солдат, был оборудован восемью десятками коек, прикрепленных к бортам самолета. В них перевозили раненых, да еще внутри были кресла для двадцати сопровождающих. Таким образом у каждого морского пехотинца оказалась своя койка, в которой он мог выспаться, плюс достаточно места для всех военнопленных, спасенных ими из лагеря. В такое позднее время на летном поле царила тишина, и "Старлифтер" начал проворачивать турбины, как только захлопнулся грузовой люк.

- Господи, надеюсь, что все пройдет успешно, - прошептал Максвелл, глядя, как исчезает в темноте огромный самолет.

- Вы хорошо подготовили их, адмирал, - заметил Боб Риттер. - Когда мы отправляемся?

- Через три дня. Боб, - ответил Джеймс Грир. - У тебя остались какие-нибудь неотложные дела?

- Ради такого я отменил все, можешь не сомневаться.

Глава 26

Перелет

"Старлифтер" был новым транспортным самолетом, но его крейсерская скорость оставляла желать много лучшего. Она составляла всего 478 миль в час, и самолет совершил первую посадку на базе ВВС в Элмендорфе, штат Аляска, на расстоянии в 3350 миль от Вашингтона, которое он пролетел за восемь часов. Для Келли источником постоянного изумления было то, что кратчайшим расстоянием между двумя точками на земном шаре является дуга. Он слишком привык к плоским изображениям на топографических картах, чтобы воспринимать Землю как сфероид. Наикратчайший маршрут по дуге большого круга от Вашингтона до Дананга проходил вообще-то над Сибирью, но такой перелет, сказал штурман, невозможен. К моменту прибытия в Элмендорф морские пехотинцы успели выспаться и встать. После посадки они высыпали из самолета, чтобы посмотреть на снежные вершины не таких уж отдаленных гор; ведь

⁶ Имеется в виду латинское выражение deus ex machina - "бог из машины", что означает развязку вследствие вмешательства непредвиденного обстоятельства (в античных трагедиях мифического бога, появляющегося на сцене при помощи механического приспособления).

всего несколько часов назад они были в городе, где температура - если ее измерять по Фаренгейту - и влажность постоянно стремились к магической цифре сто. Однако здесь, на Аляске, морские пехотинцы обнаружили тучи комаров, причем таких больших, что казалось, не прояви осторожность, и несколько насекомых вполне могли бы унести одного из них. Кое-кто из ребят воспользовался предоставившейся возможностью и пробежал пару миль, немало изумив этим персонал базы ВВС, служащие которой не часто сталкивались с морскими пехотинцами. Техническое обслуживание самолета С-141 потребовало, как и положено, два с четвертью часа. После заправки и замены одного второстепенного навигационного прибора "Старлифтер" был готов к взлету. Солдаты с готовностью поднялись на борт. Им предстоял второй этап перелета - от Аляски до Якоды, в Японии. Через три часа после взлета Келли, уставший от постоянного шума и ограниченного пространства грузового отсека, прошел в кабину пилотов.

- Что это вон там? - поинтересовался он, увидев в дымке вдали коричнево-зеленую линию какого-то берега.

- Россия. Сейчас мы у них на экранах радиолокаторов.

- Приятно слышать, - заметил Келли.

- Мы живем в маленьком мире, сэр, и русским принадлежит большой его кусок.

- А вы разговариваете с ними - я имею в виду авиадиспетчерские службы?

- Нет, - засмеялся штурман. - Они не слишком-то дружелюбно настроены. На этом этапе перелета мы поддерживаем связь по ВЧ с Токио, а после Якоды нас поведет диспетчерская служба Манилы. Ну, как полет? Достаточно плавный?

- Пока не на что жаловаться. Вот только очень долгий.

- Это уж точно, - согласился штурман, снова поворачиваясь к своим приборам.

Келли вернулся в грузовой отсек. Самолет С-141 был шумным, от двигателей и воздухозаборников постоянно доносился пронзительный рев. Военно-воздушные силы в отличие от коммерческих авиакомпаний не тратили денег на звукоизоляцию - взамен каждому морскому пехотинцу выдали беруши, что чрезвычайно затрудняло разговор и в то же время отнюдь не избавляло от шума. Худшее в путешествии по воздуху, подумал Келли, - это скука, да еще обостренная изоляцией от окружающего мира из-за постоянного шума. В конце концов нельзя же все время спать. Кое-кто из солдат занимался тем, что оттачивал свой нож, который никогда не придется пускать в ход, но это по крайней мере избавляло от скуки, а почему-то солдатам полагалось иметь боевые ножи. Кое-кто занимался гимнастикой, отжимаясь от металлического пола самолета. Экипаж безучастно наблюдал за происходящим, едва удерживаясь от смеха, не понимая, куда направляется эта, вне сомнения, отборная группа морских пехотинцев, но не решаясь задать вопрос, на который ответа все равно не последовало бы. Для них все это было еще одной тайной, и они не сводили глаз со своих пассажиров, пока самолет летел параллельно побережью Сибири. Бортовая команда привыкла перевозить подобные группы, и ее члены все как один желали удачи этим морским пехотинцам.

Как только Хендерсон открыл глаза, проблема тут же напомнила ему о себе. Так что же мне предпринять? - недовольно подумал он.

Не то чтобы ему не хотелось заниматься этим, но на этот раз он просто не знал, как передать сведения, оказавшиеся в его распоряжении. Хендерсону приходилось и раньше передавать информацию. Сначала он делал это ненамеренно, через знакомых, участников движения борцов за мир, даже нельзя сказать, что он передавал информацию, нет, просто принимал участие в беспорядочных дискуссиях, становившихся всякий раз все более целенаправленными, пока наконец одна из его приятельниц не задала вопрос, слишком прямой для случайного обсуждения. Она задала его дружеским тоном и в весьма интимной обстановке, однако выражение ее глаз свидетельствовало о заинтересованности в его ответе, а не в самом Хендерсоне. Ситуация тут же изменилась, как только он ответил. Сладкая приманка, сказал он себе позднее, недовольный тем, что так легко попался на крючок, - очевидная и старая как мир, заставила его совершить..., ошибку? Нет, вообще-то это не было ошибкой. Она нравилась ему, вместе с ней он верил в то, каким должен быть мир, и его даже раздражало, что она сочла нужным воспользоваться своим телом, чтобы получить от него что-то, когда разум и интеллект могли бы выполнить эту задачу с такой же легкостью - по крайней мере почти с такой же легкостью, подумал он.

Теперь ее больше не было, она уехала куда-то. Хендерсон не знал куда, хотя и не сомневался, что никогда больше не встретится с нею. Вообще-то это печально. С ней было хорошо в постели. Одно следовало за другим во вполне очевидной постепенной и естественной цепочке шагов, которая закончилась коротким разговором Хендерсона с полковником КГБ, состоявшимся у лондонского Тауэра. И вот теперь, да, теперь у него было кое-что, в чем другая сторона по-настоящему нуждалась. А вот сообщить об этом было некому. Действительно ли знают русские, что имеется у них в этом дурацком лагере к юго-западу от Хайфона? Это была информация, которая, стоит использовать ее должным образом, убедит русских в преимуществах разрядки и заставит пойти на некоторые уступки, позволив в свою очередь пойти на уступки и американцам. Вот так все и начнется. Жаль, что Уолли не сумел осознать, как начинается весь процесс - он начинается с маленьких шажков, ведь нельзя изменить мир в одночасье. Питер понимал, насколько необходимо убедить в этом Уолли. Он не мог позволить ему именно сейчас оставить правительственную службу, стать еще одним проклятым финансовым воротилой, будто в мире их и без него недостаточно. Находясь на своем посту, Уолли был особенно ценен для Хендерсона, жаль только, что он слишком любит поговорить. Это объясняется его эмоциональной неустойчивостью. Этим и склонностью к употреблению наркотиков, подумал Хендерсон, глядя на себя в зеркало и приступая к бритью.

За завтраком он прочитал утреннюю газету. Да, вот снова, на первой странице, как это бывает почти каждый

день. Какой-то бой за овладение высотой, уже с десятков раз переходившей из рук в руки. Убито энное количество американцев и энное количество вьетнамцев. Значение какого-то воздушного рейда для исхода мирных переговоров, еще одна скучная и легко предсказуемая передовая. Планы проведения антивоенной демонстрации. Мы все вместе, верьте нам, оставьте в покое мирный Вьетнам. Слово такое ребячество может принести хотя бы малую пользу. Впрочем, решил Хендерсон, подобные демонстрации достигают своей цели - они оказывают давление на политических деятелей, привлекают внимание средств массовой информации. Немало политиков хотело как можно быстрее покончить с этой войной, подобно самому Хендерсону, но их число еще не достигло критической массы. Его сенатор, Роберт Доналдсон, все еще не принял окончательного решения. Его считали разумным, мыслящим человеком, но Хендерсон считал его просто нерешительным, всегда рассматривающим вопрос со всех сторон и затем голосующим вместе с большинством, словно у него не было собственного мнения. Ему нужно обрести более твердую позицию, и Хендерсон сейчас занимался этим, давал осторожные рекомендации своему сенатору, слегка искажая получаемые им сведения, стараясь превратиться в доверенное лицо, в человека, на которого сенатор мог положиться и к чьему мнению мог прислушиваться. Это было необходимо Хендерсону, потому что тогда он сможет узнавать у сенатора вещи, о которых тот не должен говорить никому, - но именно в этом и состоит слабое место всех тайн. Да, я должен сообщить другой стороне о том, что узнал от Уолли, решил он, выходя из квартиры.

На работу Хендерсон ездил на автобусе. Поставить машину рядом с Капитолием было практически невозможно, а автобус шел от дверей до дверей. Он нашел свободное кресло в конце автобуса и достал утреннюю газету, чтобы почитать. Через два квартала Хендерсон почувствовал, как автобус остановился, и тут же рядом с ним сел еще кто-то.

- Как вам понравилось в Лондоне? - Голос мужчины был едва слышен сквозь шум дизеля.

Хендерсон быстро взглянул на соседа. Он никогда еще не встречался с этим человеком. Неужели они могут действовать настолько эффективно?

- Я кое-кого там встретил, - осторожно отозвался Хендерсон.

- У меня там знакомый. Его зовут Джордж. - Ни малейшего намека на акцент, и теперь, когда контакт был установлен, мужчина склонился к открытой спортивной странице газеты "Вашингтон пост". - Не думаю что "Сенаторам" выпадет удачный год. Как вы считаете?

- Джордж говорил, что у него есть..., друг в Вашингтоне. Мужчина с улыбкой посмотрел на турнирную таблицу.

- Меня зовут Марвин. Называйте меня этим именем.

- Как мы..., как я..?

- Где вы собираетесь сегодня ужинать? - спросил Марвин.

- Как-то не думал об этом. Может быть, вы зайдете...

- Нет, Питер, это будет неосторожно. Вы идете ресторан "Альберто"?

- Да, на Висконсин-авеню.

- В половине восьмого, - произнес Марвин. Он встал и вышел на следующей остановке.

Заключительный этап перелета начался на базе ВВС в Якоде. После еще одной остановки для технического осмотра и дозаправки, продолжавшейся два с четвертью часа, "Старлифтер" поднялся с аэродрома и стал карабкаться обратно в небо. Только теперь все начало казаться по-настоящему реальным. Морские пехотинцы постарались уснуть. Это было единственным способом справиться с напряжением, постоянно возраставшим обратно пропорционально расстоянию до места назначения. Сейчас все стало другим. То, что им предстояло, больше не было очередным учением, и поведение соответствовало новой реальности. Будь это обычный коммерческий авиарейс, солдаты обменивались бы шутками, историями об успехах у женщин, беседовали бы о доме и семьях, строили бы планы на будущее, однако шум внутри С-141 лишил их такой возможности, и потому они лишь мужественно улыбались друг другу, скрывая выражение глаз, каждый наедине со своими страхами и мыслями. Им так хотелось поделиться ими и таким образом разрядить напряженность, но в грузовом отсеке "Старлифтера" это было исключено. Вот откуда физические упражнения в надежде снять напряжение и утомить себя до такой степени, чтобы забыть во сне от изнеможения. Келли наблюдал за ними. Ему тоже доводилось поступать таким же образом, но не теперь. Сейчас его занимали мысли еще более сложные, чем у морских пехотинцев.

Самое главное - это спасение, думал Келли. Все началось с того, что он попытался спасти Пэм, но она погибла из-за его неосторожности, из-за допущенной им ошибки. Затем он начал убивать и делал это, чтобы расквитаться, убеждая себя, что все это ради памяти девушки и его любви к ней. Но правда ли это? Разве смерть может служить добру? Он намеренно и хладнокровно подверг человека пыткам и теперь был вынужден признаться, что испытал удовольствие от мучений Билли. Если об этом узнает Сэнди, что подумает она о нем? Внезапно он понял, что ему важно знать ее мнение о себе. Сэнди приложила столько усилий, чтобы спасти девушку, ухаживала за ней и защищала, доводя до логического конца его простой поступок - сохранение Дорис жизни. Что подумает такой человек как Сэнди, если узнает, что он, Келли, вот этими руками буквально разорвал на части тело Билли? В конце концов, не в его силах победить все мировое зло. Келли знал, что не сможет выиграть войну, на которую сейчас возвращался, и какими бы тренированными и искусными ни были морские пехотинцы в этой штурмовой группе, они тоже не смогут выиграть войну. У них иная цель: спасти людей от неминуемой смерти, тогда как, убивая врагов, они вряд ли испытывают настоящее удовлетворение, спасение от смерти всегда было, есть и будет источником глубокой гордости. В этом заключалась сейчас и его задача, и эту же задачу он должен поставить перед собой после возвращения. Во власти торговцев наркотиками оставались еще четыре женщины. Он спасет их, каким-то образом..., обязательно спасет и, может быть, сумеет передать полиции, чем занимается Генри, и тогда они займутся им. Как он осуществит все это, Келли еще не знал. Но по крайней мере он сделает что-то, и после этого ему не придется прилагать усилия, чтобы забыть содеянное.

Для этого требовалось одно - успешно провести операцию и выжить. Келли покачал головой. Так просто, верно?

Ты крутой парень, сказал он себе с напускной храбростью, показавшейся фальшивой даже в его собственном уме. Я справлюсь с этим. Мне уже приходилось решать такие задачи. Как странно, подумал он, что мозг не всегда помнит пугающие события до того момента, пока не становится слишком поздно. Может быть, все дело в непосредственной близости. Может быть, легче смотреть на опасности, когда они на другом конце света, но стоит приблизиться к ним, и ситуация меняется.

- Тяжкая доля, мистер Кларк, - громко произнес Ирвин, сядя рядом с ним, после того как закончил сотню отжиманий от палубы.

- Это верно! - почти прокричал в ответ Келли.

- И все-таки тебе нужно постоянно помнить об этом, тюлень, - той ночью ты сумел проскользнуть сквозь оцепление и прикончить меня, верно? - усмехнулся старший сержант. - А ведь я - не худший в своем деле.

- Вряд ли эти парни будут все время настороже. В конце концов они находятся на своей территории и все такое, - заметил Келли после недолгого молчания.

- По-видимому, нет, по крайней мере не в такой степени, как мы были настороже в ту ночь. Черт побери, мы ведь знали, что ты находишься где-то поблизости и попытаешься пробраться к вершине холма. Как-то принято ожидать, что солдаты, расквартированные на своей территории, каждый вечер отправляются по домам, рассчитывая переспать с женами сразу после ужина.

- У нас все по-другому. Да и таких, как мы, тоже немного, - согласился Келли ухмыльнувшись. - Таких дураков нелегко найти. Ирвин шлепнул его по плечу:

- Ты совершенно прав, Кларк. - Старший сержант отправился дальше, к следующему морскому пехотинцу, чтобы ободрить его. Такими были его обязанности, и Келли понимал это.

Спасибо, сардж, подумал Келли, откидываясь назад и заставляя себя уснуть.

Ресторан “Альберто” был заведением, которое изысканная публика еще не открыла для себя, но неизбежно откроет. Небольшой, типично итальянский семейный ресторан, где умели превосходно готовить телятину. Говоря по правде, у “Альберто” все готовили отлично, и семья, управлявшая рестораном, терпеливо ждала, когда сюда забредет репортер из “Вашингтон пост”, занимавшийся проблемами питания, и наступит эпоха процветания. А до того они неплохо сводили концы с концами, обслуживая студентов и преподавателей из расположенного поблизости Джорджтаунского университета, а также немало ужинающих бизнесменов из соседних компаний, без которых не сможет существовать никакой ресторан. Единственное, что разочаровывало здесь, это музыка, слащавые записи итальянских опер, доносящиеся из низкокачественных динамиков. Маме и папе, владельцам ресторана, придется всерьез заняться этим, подумал он.

Хендерсон выбрал кабину в глубине зала. Официант, по-видимому нелегальный иммигрант из Мексики, смешно коверкая английские слова, пытаясь выдать свое произношение за итальянское, зажег свечу на столе и отправился за джином с тоником, который заказал новый посетитель.

Марвин появился через несколько минут, в повседневной одежде и с вечерней газетой в руке, которую он положил на стол. Он был примерно тех же лет, что и Хендерсон, ничем не бросался в глаза и никак не выделялся среди остальных американцев - он не был ни высоким ни низким, ни полным ни худощавым, с неопределенно каштановыми волосами средней длины и в очках, стекла которых могли быть прописаны ему врачом, а могли и не быть. Он носил синюю рубашку с короткими рукавами без галстука и вполне походил на проживающего поблизости холостяка, не пожелавшего сегодня готовить себе ужин дома.

- “Сенаторы” снова проиграли, - сказал он, когда официант принес Хендерсону заказанный им коктейль, и повернулся к мексиканцу:

- Мне - домашнее красное.

- Си, - ответил официант и ушел.

Марвин наверняка нелегал, подумал Питер, глядя на него оценивающим взглядом. Как сотрудник аппарата Специального комитета по разведке Хендерсон присутствовал на брифингах, проводимых высокопоставленными чиновниками разведывательного управления ФБР. “Легальные” сотрудники КГБ работали в Америке под дипломатическим прикрытием, и, если их ловили с поличным, всего лишь объявлялись “персонай нон грата” и высылались из страны. Таким образом, им не угрожала опасность сурового наказания со стороны американского правительства, и это облегчало их работу; с другой стороны, за ними было легче следить, поскольку места их проживания и автомобили были известны агентам ФБР. Нелегалы же представляли собой именно то, что означало это название, - это были офицеры русской разведки, приезжающие в страну с поддельными документами, и в случае ареста их ожидала федеральная тюрьма, где им в лучшем случае доводилось пробыть до очередного обмена разведчиками, на что часто уходило годы. Все это объясняло, почему Марвин превосходно владел английским языком. Любая допущенная им ошибка могла привести к серьезным последствиям. Именно поэтому его спокойствие казалось Хендерсону таким поразительным.

- Вы бейсбольный болельщик?

- Познакомился с этой игрой много лет назад. Сам был неплохим принимающим передней линии, но так и не научился подавать крученный мяч, - усмехнулся Марвин. Хендерсон улыбнулся в ответ. Он видел аэрофотоснимки того самого места, где Марвин овладел мастерством разведчика, - любопытный маленький городок к северо-западу от Москвы.

- Перейдем к делу. Мы не будем встречаться слишком часто. Вы понимаете почему.

- Да. Говорят, зимой в федеральной тюрьме в Ливенуорте не жарко, - снова улыбнулся Хендерсон.

- Тут нечему смеяться, Питер, - заметил офицер КГБ. - Мы занимаемся очень серьезным делом. - Господи, только бы этот парень не оказался еще одним бесшабашным ковбоем, подумал Марвин.

- Знаю. Извините меня, - согласился Хендерсон. - Я в этой игре новичок.

- Прежде всего установим способ, с помощью которого вы сумеете связаться со мной в случае необходимости. В вашей квартире на окнах, выходящих на улицу, висят шторы. Когда они полностью задернуты или полностью открыты, у вас нет для меня ничего. Если вам нужно связаться со мной, оставьте их открытыми наполовину. Я буду проверять это два раза в неделю, по вторникам и пятницам, часов в девять утра. Вас это устраивает?

- Да, вполне.

- Для начала, Питер, станем пользоваться простым методом передачи информации. Я буду ставить свою машину недалеко от вашего дома. Это темно-синий "плимут-сателлит" с номерным знаком HVR-309. Повторите. Ни в коем случае не записывайте.

- Темно-синий "плимут-сателлит" номер HVR-309.

- Кладите свои донесения вот сюда. - Он передал Хендерсону под столом маленький металлический предмет. - Не подносите слишком близко к своим часам. Там находится мощный магнит. Проходя мимо моего автомобиля, наклонитесь, якобы чтобы поднять что-то с тротуара, или поставьте ногу на бампер и завяжите шнурок. Просто суньте коробочку внутрь бампера. Магнит будет надежно удерживать ее.

Все это казалось Хендерсону очень сложным, хотя составляло начальный этап в обучении шпиона. Для лета этого будет достаточно. А вот с наступлением зимы потребуется другая процедура передачи донесений. Официант принес меню, и оба выбрали телятину.

- У меня есть кое-что интересное для вас, - сказал Хендерсон сотруднику КГБ. Пусть сразу поймут, насколько важной информацией я располагаю, подумал он.

Марвин, подлинное имя которого было Иван Алексеевич Егоров, имел настоящее место работы и все следующие отсюда преимущества. Он контролировал соблюдение правил безопасности на промышленных предприятиях в страховом обществе "Этна Кэзюэлти энд шурети компани". Пройдя обучение на курсах компании в Хартфорде, штат Коннектикут, на Фармингтон-авеню, он вернулся в региональное отделение в Вашингтоне. В его обязанности входило обнаруживать нарушения правил охраны труда на многочисленных предприятиях, являющихся клиентами компании. Он выбрал эту работу из-за свободы передвижений - даже почту ему привозили в машине компании, - но оказалось, что она имеет и другие неожиданные преимущества. Так, Марвин получил возможность посещать различные фирмы, которые являлись правительственными подрядчиками, а их сотрудники зачастую не обращали внимания на его появление и вопреки порядку не закрывали документы на своих столах. Начальник департамента, где работал Марвин, был в восторге от своего подчиненного. Его новый сотрудник проявлял исключительную наблюдательность и с поразительным вниманием относился к составлению материалов после инспекционных поездок. Марвин уже отказался от более высокой и лучше оплачиваемой должности в Детройте - извините, босс, сказал он, но мне так нравится работать в Вашингтоне, - чем еще больше обрадовал своего непосредственного начальника. Сотрудник с таким опытом и способностями, как у Марвина, заметно облегчал выполнение заданий филиалом компании в Вашингтоне, благодаря чему вашингтонское бюро привлекало благосклонное внимание руководства компании. Самому Марвину выполнение обязанностей позволяло проводить четыре дня из пяти вне кабинета, а потому он всякий раз встречался с нужными ему людьми там, где хотел, и тогда, когда хотел, к тому же "Этна" даже оплачивала бензин и техническое обслуживание его автомобиля, так что его жизнь была настолько комфортной, что иногда ему казалось, будто он умер и по воле Бога попал на небеса. Марвин действительно обожал бейсбол и часто бывал на стадионе Роберта Ф. Кеннеди, где огромное количество болельщиков весьма облегчало незаметную передачу информации от его агентов и все остальные встречи - даже "Инструкция по оперативной деятельности" КГБ не могла рассчитывать на столь благоприятные условия. Короче говоря, капитан Егоров успешно занимался своей нелегальной работой и мог рассчитывать на стремительное продвижение по службе, а пока был вполне удовлетворен своим прикрытием и окружающей обстановкой, одновременно успешно выполняя патриотический долг. Ему даже повезло приехать в Америку в разгар сексуальной революции. Так что единственное, чего ему не хватало, - это водки, которую здесь изготавливали неумело и плохо.

Разве не любопытно, спросил себя Марвин, уже находясь в своей квартире на Шеви-Чейс, не просто интересно, а в высшей степени забавно, что он узнал о совершенно секретной разведывательной операции русских от американца и появилась возможность причинить ущерб Главному Врагу окольным путем - если в Москве сочтут необходимым предпринять быстрые и решительные действия. Ему также представился шанс сообщить центру о том, что эти кретины из ВВС занимаются чем-то, что имеет немаловажное значение для обороны Советского Союза. Скорее всего центр захочет взять операцию под свой контроль. Разве можно доверять летчикам - Марвин не сомневался, что этим занимались сотрудники противовоздушной обороны страны, - в таком важном деле, как национальная безопасность. Он составил донесение, сфотографировал его и перемотал пленку в крошечную кассету. Завтра ему предстояло встретиться с местным подрядчиком, после чего он отправится на ленч в "Хауэрд Джонсон", где и передаст кассету. Она прибудет в Москву с дипломатической почтой через два дня, может быть, через три.

Капитан Егоров успел закончить свою вечернюю работу как раз вовремя, чтобы успеть посмотреть по телевидению Заключительные минуты матча "Сенаторов" - несмотря на великолепный мяч, поданный в девятом иннинге

Фрэнком Говардом, они проиграли снова, на этот раз Кливленду со счетом 3:5. Разве не поразительно? - подумал он, открывая банку пива. Хендерсон был удачным приобретением сам по себе, и никто не сообщил Егорову - по-видимому, об этом просто не знали, - что у Хендерсона имеется свой собственный источник информации в аппарате Совета по национальной безопасности, прямо в Белом доме. Ну разве не смешно?

Несмотря на растущее напряжение, связанное с предстоящей операцией, все почувствовали немалое облегчение, когда С-141 тяжело приземлился наконец в Дананге. Они провели в полете двадцать три шумных и оглушающих сознание часа, и это показалось им достаточно долгим, пока морские пехотинцы не окунулись в реальную жизнь. Едва открылся люк грузового отсека, как их охватил запах, известный всем ветеранам войны как Запах Вьетнама. Содержимое выгребных ям местных туалетов грузили в бочки и сжигали, обливая дизельным топливом.

- Запах дома! - попытался сострить один из солдат, вызвав несколько подавленных смешков.

- Всем забрать снаряжение! - скомандовал Ирвин, едва стих рев авиационных турбин. На это потребовалось некоторое время. Реакция у солдат была замедлена усталостью и онемением мышц. Многие трясли головой, стараясь избавиться от головокружения, вызванного берушами, а также зевали и потягивались - психологи безошибочно назвали бы это молчаливым проявлением беспокойства и тревоги.

Летный экипаж появился в грузовом отсеке как раз в тот момент, когда морские пехотинцы готовились покинуть самолет. Капитан Элби подошел к летчикам и поблагодарил их за перелет, который был спокойным и прошел без происшествий, хотя и оказался таким продолжительным. Летчики предвкушали несколько суток обязательного отдыха после воздушного марафона, еще не зная, что им предстоит оставаться в Дананге до тех пор, пока штурмовая группа не будет готова к возвращению домой, за исключением, может быть, нескольких коротких перелетов для доставки грузов на базу ВВС в Кларке. Затем капитан Элби вместе со своими людьми спустился на бетон аэродрома. Их уже ждали два грузовика, доставившие морских пехотинцев в другой конец базы к подготовившимся взлетать самолетам. Это были два С-2А "Грейхаундс", принадлежащих Военно-морскому флоту, при виде которых у солдат вырвались сдавленные стоны. Они поднялись в них и разместились в креслах для следующего этапа своего перелета - на этот раз непродолжительного, всего часового, на палубу авианосца "Констелейшн". Совершив посадку на авианосце, морские пехотинцы вместе со своим снаряжением погрузились на два вертолета СН-46 "Си Найт", которые доставили их на "Огден". Там, измученных до предела бесконечными перелетами и сменой часовых поясов, их провели в огромное помещение десантного корабля со множеством пустых коек. Келли наблюдал за тем, как солдаты спускаются вниз по трапу, исчезая из глаз, в ожидании того, что последует для него дальше.

- Как попутешествовали? - Он повернулся и увидел адмирала Подулски в помятом мундире цвета хаки, который выглядел отдохнувшим и нарочито бодрым.

- Чтобы стать летчиком, нужно быть сумасшедшим, - недовольно произнес Келли.

- Да, иногда приходится летать довольно долго, - согласился адмирал. - Следуйте за мной, - распорядился он и направился к корабельной надстройке. Но прежде чем последовать за ним, Келли оглянулся вокруг. "Констелейшн" виднелся на восточном горизонте, и он заметил, как с одного его конца взлетают самолеты, а у противоположного кружат, готовясь к посадке. Недалеко от авианосца находились два крейсера, и со всех сторон эскадру окружали эсминцы. Келли редко приходилось видеть это соединение Военно-морского флота - Большую Синюю Группу, как его называли, - за работой.

- А это что? - спросил он, показывая на корабль вдали.

- Русский рыболовецкий траулер, осуществляющий электронную разведку. - Подулски жестом пригласил Келли войти в водонепроницаемую дверь.

- Этого нам только и не хватало!

- Не беспокойтесь. Мы знаем, как поступать с ними, - заверил его адмирал.

Войдя в надстройку, они поднялись по ряду трапов в адмиральскую каюту - или в то, как она сейчас называлась. Адмирал Подулски расположился в каюте капитана "Огдена" на время операции, вынудив того перебраться в каюту поменьше рядом с рулевой рубкой, которой капитан все равно обычно пользовался, когда корабль находился в море. В адмиральской каюте была удобная гостиная, и там их ждал капитан.

- Добро пожаловать на борт "Огдена"! - приветствовал Келли капитан первого ранга Тед Фрэнке. - Вы Кларк?

- Да, сэр.

Фрэнке, пятидесятилетний моряк, плавал на десантных судах с 1944 года. "Огден" был его пятым и последним кораблем, на котором он был капитаном. Невысокий и полноватый, изрядно полысевший, он все еще сохранял вид военного моряка, и лицо его попеременно выглядело то добродушным, то решительным. В данный момент оно казалось добродушным. Он сделал приглашающий жест в сторону кресла у середины стола, в центре которого стояла бутылка виски "Джек Даниэле".

- Это запрещается морскими правилами, - тут же заметил Келли.

- Только для гостей, - согласился капитан Фрэнке. - Летный рацион.

- Это сделано по моему указанию, - сообщил Казимир Подулски. - Виски доставили с "Конни". Выпейте, чтобы улучшить самочувствие после утомительного перелета со скаутами.

- Сэр, я никогда не спорю с адмиралами. - Келли положил в стакан два кубика льда и налил виски, покрывшее их.

- Мой помощник беседует сейчас с капитаном Элби и его людьми. Им тоже выданы порции для укрепления

здоровья, - добавил Фрэнк. Это означало, что у каждого морского пехотинца на выделенной ему койке находится по две миниатюрных бутылочки того же сорта виски. - Мистер Кларк, корабль в вашем распоряжении. Все, что вы пожелаете, будет исполнено.

- Нужно отдать вам должное, капитан, - вы умеете приветствовать гостей на борту своего корабля. - Келли поднес стакан ко рту, и первый же глоток дал ему понять, насколько он устал. - , Итак, когда мы принимаемся за работу?

- Через четверо суток. Вам понадобится два дня, чтобы прийти в себя. Морские пехотинцы отправляются утром пятницы, в зависимости от погоды.

- О'кей, - кивнул Келли. Ему нечего было добавить.

- О предстоящей операции знаем только я и мой помощник. Постарайтесь не распространять слухов. У меня превосходная команда. Сотрудники разведуправления прибыли и заняты работой. Медицинский персонал будет доставлен на борт завтра.

- Аэрофоторазведка?

На этот вопрос ответил адмирал Подулски:

- У нас будут новые снимки лагеря сегодня вечером - их сделает "Виджиланте", который поднимется с "Конни". Затем получим новый комплект перед самым началом операции. В нашем распоряжении имеются аэрофотоснимки, сделанные "Буффало хантером" пять дней назад. Лагерь по-прежнему на месте, его по-прежнему охраняют, все без изменений.

- Предметы? - спросил Келли, пользуясь кодовым наименованием военнопленных.

- У нас только три снимка американцев на территории лагеря, - пожал плечами Подулски. - Не существует камеры, которая могла бы делать фотоснимки сквозь черепичную крышу.

- Это верно. - Выражение лица Келли было достаточно красноречивым.

- И меня это беспокоит, - признался адмирал.

- Капитан, у вас есть тренировочный зал? - Келли повернулся к Фрэнксу.

- Да, помещение для упражнений с тяжестями - рядом с кают-компанией рядового состава, в сторону кормы. Как я уже говорил, вы можете пользоваться на корабле чем угодно и в любое время.

Келли осушил стакан.

- Думаю, мне нужно немного поразмяться.

- Питаться будете вместе с командой. Пища вам понравится, - пообещал капитан.

- Спасибо.

- Я обратил внимание, что двое рабочих ходят без предохранительных касок, - заметил Марвин Уилсон, обращаясь к управляющему.

- Я поговорю с ними.

- За исключением этого, все остальное в порядке. Спасибо за оказанную помощь. - Марвин сделал в общей сложности одиннадцать рекомендаций по улучшению безопасности труда, и менеджер компании по производству цемента принял все до единой, надеясь, что у него сократятся теперь страховые взносы. Марвин снял белую предохранительную каску и вытер пот со лба. День будет жарким. Летом погода тут мало отличалась от московской, разве что влажность повыше. По крайней мере зима здесь не такая суровая.

- Знаете, если бы каски делали с маленькими отверстиями для вентиляции, в них было бы намного приятнее.

- Я тоже так считаю, - согласился капитан Егоров, направляясь к машине. Через пятнадцать минут он поставил свой автомобиль у мотеля "Хауэрд Джонсон", возле западной стороны здания. Как только он вышел из машины, посетитель, сидевший в кафетерии, допил чашку кофе и отошел от стойки, оставив четверть доллара в качестве чаевых для официантки. Вход в кафетерий был через двойные двери, это помогало сохранить прохладу внутри и уменьшить расходы на электроэнергию, поэтому, когда двое мужчин встретились в пространстве между дверями - один по пути в кафетерий, а другой - наружу, - их действия остались незаметными для окружающих, и произошла передача кассеты. Егоров-Уилсон вошел внутрь, а "легальный" дипломат, майор КГБ Ищенко, отправился по своим делам. Освободившись от кассеты, Марвин Уилсон сел у стойки и заказал для начала апельсиновый сок. В Америке было так много вкусных вещей.

- Я ем слишком много, - пожаловалась Дорис. Так, наверно, и было на самом деле, но это не помешало девушке приняться за тарелку оладий.

Сара не понимала американской страсти к истощению собственного тела.

- За прошлые две недели ты изрядно похудела. Тебе ничуть не помешает немного поправиться, - сказала она своей выздоравливающей пациентке.

Возле входа в дом стоял "бьюик" Сары Розен, на котором сегодня вечером они поедут в Питтсбург. Сэнди потрудились над прической Дорис и еще раз сходила в магазин, где купила одежду, подходящую для торжественного возвращения домой, - шелковую блузку цвета беж и терракотовую юбку чуть выше колен. Блудный сын мог вернуться домой в лохмотьях, но дочь должна приехать, сохранив чувство собственного достоинства.

- Я не знаю, как вас благодарить, - сказала им Дорис Браун, собирая тарелки со стола.

- Постарайся полностью выздороветь, - ответила ей Сара. Они подошли к машине, и девушка устроилась на заднем сиденье. По крайней мере Келли научил их соблюдать осторожность. Доктор Сара Розен отъехала от обочины и направила машину на север, повернув у Лох-Рейвен, выехала на кольцевую автодорогу вокруг Балтимора, а там свернула

на запад к шоссе 70. На недавно построенном шоссе предельная скорость была семьдесят миль в час, Сара гнала свой тяжелый “бьюик” на северо-запад, к Катоكتинским горам, с немалым превышением. Каждая миля, отделявшая их от Балтимора, увеличивала безопасность, и к тому моменту, когда они миновали Хагерстаун, Сара почувствовала себя лучше, напряженность покинула ее, и все сидящие в автомобиле начали с интересом оглядываться по сторонам. В конце концов, насколько велика вероятность того, что тебя заметят в мчащейся машине?

Поездка проходила на удивление спокойно. За предыдущие несколько дней, пока Дорис выздоравливала и возвращалась в состояние, приближающееся к нормальному, они уже обо всем поговори-, ли. Девушка все еще нуждалась в помощи врача-нарколога, и в еще большей степени - в помощи психиатра, но Сара уже решила эту проблему, договорившись со своей коллегой, работающей в прекрасной медицинской школе Питтсбургского университета. Это была женщина лет шестидесяти, знавшая, что лучше не информировать местную полицию о своих пациентах, и заверившая Сару, что эти проблемы больше не должны ее волновать. В тишине автомобиля Сара и Сэнди ощущали растущую напряженность. Они уже говорили об этом. Дорис возвращалась домой к отцу, которого она оставила ради новой жизни, едва не превратившейся в смерть. В течение многих месяцев главной составляющей ее сознания будет чувство вины, отчасти заслуженное, отчасти - нет. В целом ей просто удивительно повезло, и Дорис еще не полностью осознала это. Начать с того, что она осталась жива. С ее уверенностью и восстановленным чувством собственного достоинства ей может удасться через два или три года продолжить свою жизнь, причем она в такой мере придет в норму, что никто ничего не заподозрит о ее прошлом и не заметит уже сейчас исчезающих шрамов. Восстановленное здоровье изменит эту девушку, вернет ее не только отцу, но и миру реальных людей.

Не исключено, что Дорис станет даже сильнее, чем была раньше, подумала Сара, - если психиатр будет вести ее не торопясь, осторожно преодолевая многочисленные, постоянно возникающие в сознании препятствия. Впрочем, у доктора Мишель Брайант была вполне заслуженная звездная репутация, надеялась она. Для Сары Розен сейчас одной из самых трудных медицинских проблем являлось то, что ей приходилось отпускать пациентку, хотя ее работа не была доведена до конца. Правила встречи с наркоманами приучили Сару к тому, что чаще всего подобное лечение остается незавершенным. Просто наступает время, когда нужно отпускать пациента, надеясь и веря, что он сам довершит остальное. Пожалуй, это похоже на то, когда ты отпускаешь от себя дочь, выходящую замуж, подумала она. Вообще-то все могло быть гораздо хуже. Судя по телефонному разговору, отец Дорис был хорошим человеком, и Саре не нужен был диплом психиатра, чтобы понять, что сейчас больше чем когда-либо Дорис нуждалась в любви и заботе, чтобы когда-нибудь впоследствии у нее сложились хорошие, прочные отношения с мужчиной, которые продлятся всю жизнь. Но то уже была работа для других людей, Сара понимала это, хотя и не могла унять беспокойство. Каждый врач мог ощущать в себе частицу еврейской матери, а в ее случае этого невозможно было избежать.

Питтсбург был расположен в гористой местности. Дорис показывала дорогу, направив ее вдоль реки Мононгахела, вверх по склону и затем направо. Внезапно она словно оцепенела, предоставив Сэнди искать номер дома. Вот он. Сара поставила красный “бьюик” на стоянку, и все глубоко вздохнули.

- С тобой все в порядке? - спросила она у Дорис. В ответ девушка только испуганно кивнула.

- Это твой отец, милая. Он любит тебя.

Через мгновение Сара увидела Реймонда Брауна в котором не было ничего примечательного. Он ждал у двери, должно быть, часами, и он тоже изрядно нервничал, когда спускался по потрескавшимся бетонным ступенькам, держась дрожащей рукой за перила. Мистер Браун открыл дверцу и с неуклюжей галантностью помог Сэнди выйти из машины. Затем он протянул руки внутрь и, хотя старался сохранить самообладание, когда его пальцы коснулись руки Дорис, залился слезами. Выходя из машины, Дорис споткнулась, и отец подхватил ее, не дав упасть, и прижал к груди.

- Папочка!

Сэнди О’Тул отвернулась. Не то чтобы ее смутило особое выражение чувств, просто ей хотелось оставить их наедине, и взгляд, которым она обменялась с доктором Розен, с лихвой вознаграждал людей их профессии за нелегкие труды. Сэнди и Сара сжали губы и посмотрели друг на друга влажными глазами.

- Заходи в дом, детка, - произнес Рей Браун и как маленькую девочку повел свою дочь по ступенькам, торопясь укрыть ее в своем жилище, чтобы защитить от всех бед. Женщины последовали за ними без приглашения.

Гостиная оказалась поразительно темной. Мистер Браун спал днем, и потому закрыл окна темными шторами, забыв поднять их сегодня. Комната была загромождена плетеными ковриками, мягкой мебелью сороковых годов, столиками из красного дерева, покрытыми кружевными салфетками. Повсюду фотографии в рамках. Умершая жена. Погибший сын. И пропавшая дочь - вся семья из четырех человек. В темной безопасности своего дома отец снова прижал к груди вернувшуюся дочь.

- Милая, - произнес он, повторяя слова, в которых практиковался много дней. - Забудь то, что я говорил тебе. Я был не прав, я был так не прав!

- Все в порядке, папа. Спасибо, тебе..., спасибо за то, что ты позволил мне...

- Дор, ты ведь моя маленькая девочка... - Он мог и не продолжать. Объятия длились больше минуты, и затем она отстранилась, смущенно хихикнув:

- Мне надо сходить.

- Ванная там, где и раньше, - сказал отец, вытирая влажные глаза. Дорис пошла внутрь дома, нашла лестницу и поднялась по ней.

Реймонд Браун повернулся к гостям:

- У меня готов..., э-э, готов обед. - Он неловко замолчал. Сейчас не время было для хороших манер или для того, чтобы выбирать слова. - Не знаю, что должен сказать вам.

- Все в порядке, - улыбнулась Сара своей добродушной улыбкой врача, показывая, что отныне все будет хорошо,

хотя на самом деле это не было полной правдой. - Вот только нам нужно поговорить. Между прочим, это Сэнди О'Тул. Сэнди - медсестра, и это она потратила столько усилий, чтобы спасти вашу дочь, гораздо больше, чем я.

- Здравствуйте, мистер Браун, - сказала Сэнди, и все обменялись рукопожатиями.

- Видите ли, мистер Браун, вашей дочери все еще нужна медицинская помощь, - заметила доктор Розен. - Ей пришлось пережить немало ужасного. Вы готовы к разговору?

- Да, мэм, Прошу вас, садитесь. Может быть, вам что-нибудь принести? - спохватился он.

- Я договорилась относительно вашей дочери с врачом в Питтсбурге. Ее зовут Мишель Брайант. Она психиатр...

- Вы хотите сказать, что Дорис..., больна? Сара покачала головой.

- Нет, не то чтобы больна. Но ей пришлось многое пережить, и внимание со стороны хорошего специалиста поможет ей выздороветь гораздо быстрее. Вы меня понимаете?

- Док, я сделаю все, что вы мне скажете. Компания предоставит мне полную медицинскую страховку, которая может понадобиться.

- Не беспокойтесь об этом. Мишель займется вашей дочерью в качестве профессиональной услуги. Вам придется сопровождать Дорис. Постарайтесь понять меня, очень важно, чтобы вам все было ясно, мистер Браун. Дорис прошла через ужасные муки, поистине ужасные. Ей станет лучше - она полностью выздоровеет, но вам тоже понадобится приложить усилия. Мишель объяснит все это гораздо лучше меня. Но я должна предупредить вас, мистер Браун: какие бы страшные вещи вы ни узнали, вы должны...

- Док, - мягко прервал ее мужчина, - это моя маленькая дочурка, и я не собираюсь снова запутать все..., и потерять ее. Она - все, что у меня осталось. Да я лучше умру, чем...

- Мистер Браун, именно это мы и хотели услышать от вас.

Келли проснулся в час ночи по местному времени. Большая порция виски, выпитая им ранее, к счастью, не привела к похмелью. Наоборот, он чувствовал себя необычайно бодрым и отдохнувшим. Легкое покачивание корабля успокоило его тело во время дневного (ночного) отдыха, и, лежа в темноте отведенной ему офицерской каюты, он слышал потрескивание стали при повороте судна, когда "Огден" повернул влево. Келли прошел в душевую и включил холодную воду, чтобы окончательно проснуться. Через десять минут он был одет и готов к выходу. Наступило время для осмотра корабля.

Военные суда никогда не спят. Несмотря на то что большинство работ проводится в дневное время, неизменный цикл вахт, которые несут на флоте, означал постоянное движение людей внутри корабля. Не меньше ста человек из корабельной команды находились на своих постах в любое время суток, и еще многие другие ходили по тускло освещенным коридорам, выполняя свои обязанности по техническому обслуживанию корабельного оборудования. Остальные отдыхали в кают-компаниях, читали или писали письма.

Келли был в полосатой рубашке. На груди красовалась табличка, гласившая просто: "Кларк", без указания звания или должности. В глазах экипажа это делало "мистера Кларка" штатским, и уже кое-кто перешептывался по поводу того, что он - сотрудник ЦРУ, но шепот, часто сопровождавшийся вполне естественными шутками о Джеймсе Бонде, затихал при виде Келли. Матросы уступали ему дорогу при встречах в коридоре, приветствуя его почтительными кивками, на которые он приветливо отвечал, внутренне усмехаясь от того, что ему присвоили статус офицера. Несмотря на то что только капитан и его помощник знали о предстоящей операции, матросы тоже не были такими уж простаками. Никто не посылает корабль из Сан-Диего через весь океан только для того, чтобы обеспечить поддержку неполному взводу морских пехотинцев, - если только на то нет весьма веской причины, - а группа крутых парней, высадившихся на борт корабля, выглядела настолько угрожающе, что даже герой фильмов о "зеленых берегах" Джон Уэйн с почтением уступил бы им дорогу.

Келли отыскивал полетную палубу. Там беседовали трое матросов. "Конни" все еще виднелся на горизонте, и с его палуб по-прежнему взлетали самолеты, мигающие огни которых вырисовывались на фоне звездного неба. Через несколько минут глаза Келли адаптировались к темноте. В нескольких тысячах ярдов он увидел эскадренные миноносцы боевого охранения. Высоко над "Огденом" под шум электрических моторов вращались радиолокационные антенны, но его заглушал непрерывный плеск воды, рассекаемой стальным корпусом корабля.

- Господи, как красиво-то, - произнес он вполголоса. Келли повернулся и снова вошел в корабельную надстройку. Там он поднимался и опускался по многочисленным трапам, пока не отыскал центр сбора и обработки боевых данных. В центре сидел капитан первого ранга Фрэнк, бодрствующий, как часто бодрствуют многие командиры кораблей во время перехода.

- Ну как, чувствуете себя лучше? - спросил капитан.

- Да, сэр. - Келли посмотрел на экран радиолокатора, сосчитал корабли тактической группы, составляющей ТФ-77. На всех кораблях работали радары - у Северного Вьетнама имеются военно-воздушные силы, и всегда они могут попытаться совершить какую-то глупость.

- А где русский корабль электронной разведки?

- Наш русский друг? Вот он. - Капитан Фрэнк постучал пальцем по главному экрану. - Занимается тем же, чем и мы. Сотрудники нашей электронной разведки получили возможность поразвлечься. Обычно они выходят в море на небольших судах. Мы для них что-то вроде "Куин Мэри".

- Да, у вас очень большой корабль, - согласился Келли. - И он кажется совсем пустым.

- Верно. Ну что ж, по крайней мере не приходится беспокоиться о ссорах между моими парнями и морскими

пехотинцами. Хотите посмотреть на карты? У меня вся пачка заперта в каюте.

- Хорошая мысль, капитан. Вы не могли бы распорядиться, чтобы приготовили кофе?

Походная каюта командира корабля была достаточно комфортабельной. Стюард принес кофе и завтрак. Келли развернул карту и снова посмотрел на реку, вдоль которой вверх по течению ему скоро придется плыть.

- Широкая и глубокая, - заметил Фрэнке.

- Достаточно для моих целей, - кивнул Келли, прожевывая гренку. - Цель находится вот здесь.

- Да, лучше уж вы, чем я, мой друг. - Капитан достал из кармана измерительный циркуль и смерил расстояние.

- Вы давно плаваете на таких кораблях?

- На крокодилем флоте? - Фрэнке рассмеялся. - Мне дали пинка под зад и выпустили из Аннаполиса после двух с половиной лет ускоренного обучения - не забудьте, шла война. Я хотел служить на эсминцах, а меня послали на первый десантный корабль. Представляете, новоиспеченный младший лейтенант - помощник командира, а? Сначала была высадка в Пелу. Во время операции по захвату Окинавы я уже командовал судном. Затем Инчон, Вонсан, Ливан. Я обдирал краску с днищ своих кораблей у множества берегов. Вы считаете..? - спросил он, поднимая голову и глядя на Келли.

- Мы прибыли сюда, капитан, не для того, чтобы потерпеть неудачу. - Келли уже запомнил каждый поворот реки и все-таки продолжал смотреть на карту, являющуюся точной копией той, которую он изучал в Куантико, пытаясь обнаружить что-нибудь новое и не находя ничего. И все-таки он не сводил с нее глаз.

- Вы отправляетесь в одиночку? Придется плыть долго, мистер Кларк, - заметил Фрэнке.

- У меня будет помощь, и мне не придется возвращаться обратно вплавь, верно?

- Да, пожалуй. Будет очень хорошо, если удастся спасти оттуда наших парней.

- Да, сэр.

Глава 27

Высадка

Первый этап операции “Зеленый самшит” начался перед самым рассветом. Авианосец “Констелейшн” изменил свой прежний курс, при котором он плыл на юг, получив по радио одно-единственное кодированное слово. Два крейсера и шесть эскадренных миноносцев точно повторили его маневр, тоже положив руль на левый борт, и ручки машинных телеграфов были переведены в положение “полный вперед”, команды тут же отретировали в машинных отделениях. Силовые установки военных кораблей находились в состоянии полной готовности, и суда, закончив поворот, сразу начали резко увеличивать скорость. Этот маневр застал врасплох русский корабль электронной разведки. Там ожидали, что “Конни” развернется в противоположную сторону, навстречу ветру, чтобы начать летные операции, но авианосец по непонятной для русских причине прекратил операции и вместо этого устремился на северо-восток. Русский корабль тоже изменил курс и увеличил скорость в напрасной надежде догнать авианосную группу. При этом “Огден” остался на прежнем месте в сопровождении двух ракетноносных фрегатов типа “Адам” - разумная предосторожность, принимая во внимание то, что совсем недавно произошло с “Пуэбло” у берегов Северной Кореи.

Капитан Фрэнке наблюдал за тем, как русский корабль час спустя исчез за горизонтом. Чтобы полностью удостовериться в этом, он выждал еще два часа. В восемь утра два штурмовых вертолета АН-1 “Хьюи кобра” завершили свой перелет над морем с базы морской пехоты в Дананге и опустились на просторную летную палубу “Огдена”. У русских могло бы возникнуть подозрение относительно присутствия двух штурмовых вертолетов на корабле, который, по надежным сведениям их разведки, занимался сбором электронной информации, ничем не отличающейся от их собственной. Группы технического обслуживания немедленно закатали вертолеты в укрытие и принялись за осмотр и проверку каждой детали и каждой системы “змей”, чтобы убедиться, что все в полном порядке. Матросы “Огдена” пустили в ход свою превосходно оборудованную мастерскую, и высококвалифицированные техники десантного корабля предоставили в распоряжение только что прибывших вертолетов все, что имелось у них на судне. Команде “Огдена” все еще ничего не сообщили о предстоящей операции, но всем было ясно, что готовится нечто крайне необычное. Время вопросов кончилось. Что бы ни предстояло, матросам было ясно - необходимо всячески помогать в подготовке операции, и они принялись за работу еще до того, как офицеры отдали соответствующие распоряжения своим подчиненным. Появление штурмовых вертолетов “Кобра” означало, что скоро начнутся боевые действия, и каждый член команды отдавал себе отчет в том, что корабль находится намного ближе к Северному Вьетнаму, чем к Южному. Слухи ходили по кораблю самые разные, но их смысл в общем-то сводился к одному. На борту “Огдена” находились сотрудники ЦРУ и группа командос, затем прилетели штурмовые вертолеты, и новые ожидалось к вечеру. Военно-морским медикам, находившимся на борту корабля, был отдан приказ приготовить судовой госпиталь для возможных раненых.

- Мы готовимся нанести удар по этим ублюдкам, - заметил матрос, обращаясь к своему старшине.

- Только не говори об этом с остальными матросами, - проворчал двадцативосьмилетний ветеран.

- А кому я могу рассказать об этом, боцман? Я ведь тоже хочу помочь всем, чем только могу, понимаешь?

Что происходит с моим флотом? - подумал участник высадки в заливе Лейте.

- Эй, ребята! - окликнул матрос недавно прибывших новичков. - Вот ты, ты и ты. - Давайте приниматься за осмотр летной палубы. Уже пора браться за ППП. - Он повернулся к своему боссу:

- С вашего разрешения, боцман.

- Действуйте. - Студенты, подумал боцман, вызвались служить на флоте, чтобы избежать призыва в армию.

Шеренга матросов медленно двинулась по палубе, внимательно глядя под ноги, чтобы обнаружить любой, даже

микроскопический посторонний предмет, который мог попасть в турбину вертолета и вывести его из строя.

Однако самая активная подготовка велась офицерами.

- Нами собрано немало информации, в общем-то рутинной, - сообщил вновь прибывшим офицер разведывательной службы.

- За последнее время мы сумели вывести из строя их систему телефонной связи, - объяснил адмирал Подулски. - Теперь им приходится все больше прибегать к радиосвязи.

- Ловко придумано, - одобрительно отозвался Келли. - Какие радиопереговоры велись из лагеря?

- Немного, но прошлой ночью разговаривали по-русски.

- Вот это для нас очень важно! - тут же воскликнул адмирал. Все знали, что русский офицер может находиться в "Сендер грин" только по одной причине. - Надеюсь, нам удастся захватить этого сукина сына!

- Сэр, - с улыбкой пообещал капитан Элби, - если он там, вы его получите.

Настроение снова изменилось. Отдохнув и находясь так близко к цели, они перестали думать об абстрактной угрозе и вместо этого опять сосредоточились на реальных аспектах предстоящей операции. К ним снова вернулась уверенность, вместе с долей беспокойства и осторожности, но к этому они были подготовлены. Теперь они думали о том, что все должно пройти успешно.

Им доставили последний комплект аэрофотоснимков, сделанных разведывательным самолетом RA-5 "Виджиланте", промчавшимся на бреющем полете над тремя зенитными батареями, чтобы скрыть интерес к малозаметному и секретному лагерю. Келли взял увеличенные отпечатки.

- На сторожевых вышках по-прежнему часовые.

- Да, что-то охраняют, - согласился капитан Элби.

- Насколько я понимаю, - продолжал Келли, - никаких перемен. Только один автомобиль. Ни одного грузовика..., ничего в непосредственной близости. Похоже, все выглядит нормально.

"Конни" займет позицию в сорока милях от берега. Медицинский персонал прибудет сюда сегодня. Группа по руководству операцией прибудет завтра, а на следующий день... - Фрэнке посмотрел на другой конец стола.

- Я поплыву по реке, - закончил Келли.

Кассета с пленкой лежала непроявленной в сейфе руководителя отдела вашингтонской станции КГБ, занимавшей часть здания советского посольства на Шестнадцатой улице, всего в нескольких кварталах от Белого дома. Когда-то это был роскошный особняк, принадлежавший американскому магнату Джорджу Мортимеру Пуллману, и был куплен правительством Николая II. Сейчас в этом здании находился как второй по возрасту лифт, так и самая крупная по масштабам шпионская организация в городе. Объем материалов, собираемых более чем сотней отлично подготовленных полевых оперативников, означал, что далеко не вся информация, доставляемая сюда, обрабатывалась на месте, и капитан Егоров занимал слишком низкое положение, чтобы руководитель его отдела считал полученную от него информацию заслуживающей неотложного внимания. Кассета была уложена наконец в небольшой конверт из плотной бумаги, запечатанный восковой печатью, и оказалась в сумке дикпурьера - холщовой, большой и неуклюжей. Дикпурьер поднялся на борт самолета, вылетающего в Париж. Благодаря любезности компании "Эр Франс" он летел первым классом. Восемь часов спустя, оказавшись в аэропорту Орли, дикпурьер направился к самолету Аэрофлота, готовому к вылету в Москву. Перелет, длившийся три с половиной часа, проходил в дружеской беседе с офицером службы безопасности КГБ, являвшимся официальным сопровождающим дикпурьера на этом этапе. Помимо исполнения своих официальных обязанностей, дикпурьер неплохо зарабатывал, покупая на Западе дефицитные товары и продавая их в Москве. На этот раз он доставил в Москву партию колготок, две пары из которой вручил сопровождавшему его офицеру.

Прибыв в Москву и миновав без остановки таможенный контроль, дикпурьер сел в ожидавший его автомобиль и поехал в город. Первой остановкой было не Министерство иностранных дел, а штаб-квартира КГБ в доме № 2 на площади Дзержинского. Там он оставил больше половины содержимого своей сумки, включая почти все плоские пакеты с колготками. Еще через два часа, побывав в МИДе, дикпурьер приехал домой, где его ждали семья, бутылка водки и сон, в котором он изрядно нуждался.

Кассета оказалась на столе майора КГБ. Сопроводительная записка гласила, что отправителем был капитан Егоров, и дежурный по отделу заполнил свою сопроводительную записку, затем вызвал подчиненного и распорядился отнести кассету в фотолабораторию для проявления и печати. Несмотря на обширные размеры фотолаборатория была сегодня очень загружена, и лейтенант, вернувшись к своему начальнику, сообщил, что придется подождать день, а то и два. Майор кивнул. Егоров был молодым, хотя и многообещающим, оперативником и успел установить контакт с агентом, имеющим неплохие связи в конгрессе, однако предполагалось, что пройдет некоторое время, прежде чем Кассий начнет снабжать его важной информацией.

Реймонд Браун вышел из медицинской школы Питтсбургского университета после первой встречи с доктором Брайант, едва сдерживая дрожь от охватившей его ярости. Дорис объяснила врачу многое, что произошло с ней за последние три года, прямо и откровенно, хотя и слабым голосом, и в течение всей беседы отец держал ее за руку, поддерживая как морально, так и физически. Реймонд Браун винил себя в том, что случилось с его дочерью. Если бы только он вел себя более сдержанно в тот вечер пятницы столько лет назад - но он не сумел сделать этого. Теперь

слишком поздно. Что сделано, то сделано. Прошлого не вернуть. Тогда он был другим человеком. Теперь он стал старше и мудрее, и потому сдерживал ярость, когда они шли к машине. Сейчас нужно думать о будущем, а не о прошлом. Психиатр объяснила все это ясно и понятно. Мистер Браун решил во всем следовать ее советам.

Отец и дочь поужинали в тихом семейном ресторане - он так и не научился хорошо готовить, - разговаривая о соседях, о том, кто из друзей детства Дорис чем теперь занимается, стараясь незаметно и постепенно восстановить прошлые связи. Отец говорил спокойным голосом, не забывая как можно больше улыбаться и давая Дорис возможность вести разговор. Время от времени ее голос ослабевал, речь замедлялась, и в глазах появлялось выражение боли. Тогда он понимал, что нужно изменить предмет разговора, сказать что-нибудь приятное о том, как она выглядит, может быть, рассказать о своей работе. Самое главное, знал теперь мистер Браун, ему нужно проявить силу и спокойствие. За полтора часа первого разговора с врачом он узнал, что с Дорис случилось именно то, чего он боялся все три года, и чувствовал, что с ней происходили и другие, еще более ужасные вещи, о которых она пока не решалась рассказать. Ему понадобится призвать на помощь все свои скрытые силы, чтобы сдерживать гнев, но его маленькая девочка нуждалась в том, чтобы он был..., скалой, напомнил себе мистер Браун. Огромной непоколебимой скалой, на которую она сможет опереться, такой же твердой и надежной, как те, что служили основанием для их города. Кроме того, Дорис нуждалась и в других вещах. Ей нужно было вернуться к Богу. Врач согласилась с ним, когда он поднял этот вопрос. И он позаботится об этом с помощью местного пастора, пообещал себе Браун, глядя в глаза своей маленькой девочке.

Было так приятно снова вернуться в больницу. Сэнди опять взялась за руководство медсестрами на своем этаже. Ее двухнедельное отсутствие Сэм Розен отнес за счет выполнения специального задания, и его положение главы отделения гарантировало, что никто не будет задавать вопросов. Прооперированные пациенты состояли, как всегда, из тех, кто перенес тяжелые операции, и тех, чьи операции не представляли угрозы для жизни. Группа медсестер под руководством Сэнди занималась уходом за ними без особых проблем. Две подружки поинтересовались, чем занималась Сэнди за время отсутствия, и та объяснила, что осуществляла исследовательский проект по заданию профессора Розена. Такой ответ был достаточно убедительным, особенно когда в палатах много пациентов и ими нужно постоянно заниматься. Остальные медсестры обратили внимание на то, что Сэнди казалась какой-то рассеянной. Время от времени у нее в глазах появлялось странное выражение, словно она смотрела куда-то вдаль. Они не знали, о чем думает старшая медсестра. Может быть, надеялись они, в ее жизни появился наконец мужчина. Как бы то ни было, медсестры были рады, что она вернулась на работу. Сэнди лучше всех умела говорить с хирургами, а поскольку ее поддерживал профессор Розен, у их смены не возникало ни малейших затруднений.

- Ну как, ты уже заменил Билли и Рика? - спросил Морелло.
- Для этого потребуется некоторое время, Эдди, - ответил Генри. - Вот почему поставки товара замедлятся.
- Не валяй дурака, Генри! У тебя и без того все слишком запутано.
- Не вмешивайся в его дела, Эдди, - произнес Тони Пиаджи. - У Генри хорошая система транспортировки, проверенная и надежная.
- И слишком сложная. Кто теперь будет заниматься Филадельфией? - спросил Морелло, не скрывая раздражения.
- Мы занимаемся этим, - уклончиво ответил Тони.
- Все, что от тебя требуется, - это доставить товар и получить деньги. Боже мой! Они не захотят никого обманывать. Понимаешь? Ведь мы имеем дело с бизнесменами... - Не с уличными ниггерами, хватило у него ума промолчать. И все-таки произнесенные слова дошли до всех. Я не хотел обидеть тебя, Генри, подумал Морелло.
Пиаджи наполнил бокалы. Этот жест показался Эдди подчеркнуто снисходительным.
- Послушайте, - произнес он, наклонившись вперед, - это ведь я помог организовать дело, верно? Если б не я, вы, может, даже не установили бы связь с Филли.
- Что ты хочешь сказать, Эдди?
- Я возьму на себя доставку товара, пока Генри собирает новую команду. Неужели это так уж трудно? Черт побери, да ведь у тебя товар развозят просто девки! - Надо шегольнуть храбростью перед ними, подумал Морелло, показать им, что они имеют дело не с рядовым торговцем. Черт возьми, по крайней мере он продемонстрирует это парням в Филли и, может быть, они сделают для него то, что не, хочет сделать Тони. Точно.
- Ты уверен, что готов пойти на такой риск, Эдди? - спросил Генри, подавив улыбку. Как легко, оказывается, предсказать поведение этого итальяшки.
- О каком риске ты говоришь? Конечно, готов!
- О'кей, - произнес Тони, делая вид, что Морелло произвел на него впечатление. - Свяжись с Филли и договорись о встрече. - Да, Генри был прав, подумал Пиаджи. Все это было делом рук Эдди. Он предпринял наконец решительные действия. Как это глупо с его стороны. И как просто, оказывается, все уладить.
- По-прежнему ничего, - произнес Эммет Райан, подводя итог проведенному расследованию дела Невидимки. - Столько вещественных доказательств и..., никаких результатов.
- Единственное, что может объяснить это, Эм, - чья-то попытка достичь своей цели. Убийства не могут сами по себе начаться и затем прекратиться. Должна быть какая-то причина. Ее трудно найти, во многих случаях даже невозможно, но когда происходит целая серия хорошо организованных и профессионально проведенных убийств, это

другое дело. Существует два объяснения. Одно заключается в том, что кто-то осуществил несколько убийств, чтобы скрыть настоящую цель. Этой целью был, по-видимому, Уильям Грейсон, который исчез с лица земли и, похоже, никогда не появится на ней живым, разве только его тело когда-нибудь удастся обнаружить - а может быть, и не удастся. Кто-то, доведенный до крайней точки в своей ярости, очень осторожный и очень искусный - Невидимка - довел свою миссию до этого этапа и затем остановился.

Насколько это вероятно? - спросил себя Райан. Невозможно дать определенный ответ на такой вопрос, но по какой-то причине эта последовательность неожиданного начала серии убийств и столь же неожиданного конца казалась Райану слишком уж произвольной. Неужели потребовалась такая продолжительная, такая тщательная подготовка, чтобы устранить одну-единственную и даже, видимо, не очень значительную цель. Кем бы ни являлся Грейсон, он не был главой какой-то организации, и если убийства следовали одно за другим в определенном порядке, его смерть просто не представлялась логическим концом. По крайней мере, нахмурился Райан, так подсказывали ему его инстинкты, а он, подобно всем полицейским, привык доверять этим неопределенным внутренним чувствам. И все-таки убийства прекратились. За последние несколько недель погибло еще трое дилеров; вместе с Дугласом лейтенант Райан побывал на месте каждого преступления и убедился, что два из них оказались самыми обычными попытками ограбления, которые должны были завершиться бескровно, но так не получилось, тогда как третье убийство имело своей причиной раздел территории, в котором один дилер проиграл, а другой выиграл. Невидимка же исчез или по крайней мере перестал действовать, и это обстоятельство полностью разрушило теорию, казавшуюся ему самым разумным объяснением серии убийств, оставив только гораздо менее удовлетворительные построения.

Другая вероятность вообще-то в чем-то имела больше смысла. Кто-то, еще не известный Марку Шарону и его отделу, решил захватить наркобизнес в свои руки и начал устранять дилеров, без сомнения, подталкивая их к тому, чтобы они перешли на сторону нового поставщика наркотиков. При таком раскладе событий Уильям Грейсон становился более важной фигурой. Не исключено, что произошло еще несколько убийств, которые пока не удалось обнаружить, но вследствие которых было устранено руководство этим наркобизнесом. Еще один прыжок воображения подсказал Райану, что данный наркобизнес оказался захваченным Невидимкой и что это тот самый наркобизнес, за которым он, Райан, охотился с сержантом Дугласом на протяжении всех этих месяцев. В этом случае все ложилось аккуратно и спокойно на отведенные места.

Однако убийства редко укладываются в какую-то определенную схему. Убийство в реальной жизни ничем не напоминает полицейский фильм, показываемый по телевидению. Вам всегда трудно, почти невозможно разобраться во всех деталях. Если вы знаете, кто совершил преступление, можете так никогда и не понять, почему оно было совершено, по крайней мере не в такой степени, чтобы остаться полностью удовлетворенным, а проблема, заключающаяся в том, чтобы приложить элегантно и утонченно теории к обстоятельствам смерти, в реальной жизни затруднялась тем, что поведение людей не так уж хорошо поддается теоретическим объяснениям. Более того, даже если эта модель для событий прошлого месяца была правильной, это означало, что исключительно хорошо обученный, безжалостный и не боящийся смерти профессионал руководил сейчас преступным синдикатом в городе, что не могло радовать лейтенанта полиции.

- Том, я не могу согласиться с этим.

- Ну хорошо, если он и есть твой командос, почему он перестал действовать? - спросил Дуглас.

- Скажи, неужели мне изменяет память? Разве не ты первым выдвинул такую идею?

- Да, я. Ну и что?

- А то, что ты не слишком помогаешь своему лейтенанту, сержант.

- Нам предстоит приятный уик-энд, во время которого можно подумать о происходящих событиях. Лично я собираюсь косить лужайку перед домом и посмотреть по телевизору пару бейсбольных матчей, притворяясь что я самый обычный гражданин. Наш друг уехал, Эм. Я не знаю куда, но вполне вероятно, что он находится сейчас на другом конце света. Вероятнее всего, это кто-то издалека, приехал в город исполнить порученную ему работу. Он исполнил ее и исчез.

- Одну минуту! - Это была совершенно новая теория, профессионал, килер, исполняющий заказные убийства, прямо как в кино, а такие люди просто не существуют. Но Дуглас уже выходил из кабинета, положив таким образом конец обсуждению, которое могло послужить демонстрацией того, что каждый из детективов был наполовину прав и наполовину ошибался.

Учебные стрельбы начались под внимательными взглядами руководства штурмом и в присутствии любопытствующих матросов, которым удалось найти повод, чтобы прийти на корму. Морские пехотинцы сказали себе, что два вновь прибывших адмирала и еще один мудозвон из ЦРУ так же измучены длительным перелетом, как и они сами несколько дней назад, не подозревая, что Максвелл, Грир и Риттер перелетели океан на борту авиалайнера, предназначенного для особо важных лиц, расположившись в удобных креслах, чаще останавливались по дороге, а внимательные стюарды приносили им еду и напитки.

За борт бросили деревянные ящики и бумажные мешки. С "Огдена", неторопливо плывущего вперед со скоростью пять узлов, морские пехотинцы открыли огонь, мгновенно продырявив все проплывающие мимо предметы. Эти стрельбы показались команде скорее развлечением, чем настоящей стрелковой подготовкой. Келли в свою очередь тоже пристреливал свою автоматическую винтовку CAR-15, ограничиваясь очередями по два-три патрона и точно попадая в цель. По окончании стрельб солдаты поставили свое оружие на предохранитель и направились вниз. Старшина остановил Келли, когда тот входил в надстройку:

- Это вы отправляетесь в одиночку?

- Вам не положено этого знать. Главный старшина только ухмыльнулся:

- Следуйте за мной, сэр.

Они пошли вперед, свернули в боковой коридор, отделившись от остального штурмового отряда, и оказались в прекрасно оборудованной мастерской “Огдена”. Такой она и должна была быть, потому что предназначалась не только для обслуживания самого корабля, но и всего передвижного состава, попадающего на него. На одном из рабочих столов Келли увидел подводные сани, на которых ему предстояло отправиться вверх по течению реки.

- Они находились у нас с тех пор, как их доставили на борт в Сан-Диего, сэр. Мы с главным электриком занялись ими. Полностью разобрали, почистили, проверили батареи - между прочим, они в отличном состоянии. Только что запечатаны, так что вода в них не проникнет. Мы даже провели испытание батарей и двигателя в затопляемом отсеке. В гарантии сказано, что батареи рассчитаны на пять часов непрерывной работы. Мы с Диконом позаботились, чтобы они выдержали больше, и теперь гарантируем семь часов, - заключил главный старшина не без гордости. - Я подумал, что вам это может понадобиться.

- Непременно понадобится, чиф. Спасибо.

- А теперь давайте мне свою винтовку. - Келли после недолгого колебания вручил ему свою CAR-15, и старшина сразу принялся разбирать ее. Через пятнадцать секунд полевая разборка была закончена, но старшина не остановился на этом.

- Стойте! - скомандовал Келли, когда старшина снял со ствола переднюю мушку.

- Грохот выстрела слишком сильный, сэр. Вы ведь действительно отправляетесь в одиночку, верно?

- Да.

Главный старшина даже не поднял голову.

- Неужели вы не хотите, чтобы я сделал ваше оружие бесшумным? Или вам так уж хочется заявить о своем присутствии?

- Вы не можете сделать этого с винтовкой.

- Неужели? На какое расстояние вы предполагаете стрелять?

- Не больше сотни ярдов, может быть, и меньше. Черт возьми, я вообще не хотел бы стрелять...

- Потому что звук выстрела разносится слишком далеко, верно? - Старшина улыбнулся. - Следите за мной, сэр. Возможно, узнаете что-то новое для себя.

Он отнес ствол винтовки к сверлильному станку. Там уже было закреплено нужное сверло, и под внимательными взглядами Келли и еще двух старшин он просверлил серию отверстий в передних шести дюймах стальной трубки.

- В самом деле, сделать совсем бесшумной винтовку, стреляющую пулей, летящей со сверхзвуковой скоростью, невозможно, но если отвести пороховые газы, это сделает ее намного тише.

- Даже при стрельбе мощным пороховым зарядом?

- Гонзо, у тебя все готово?

- Да, чиф, - ответил старшина второй статьи Гонзалес. Винтовочный ствол попал теперь в токарный станок, и на конце ствола появилась неглубокая, но длинная винтовая нарезка.

- А вот это я изготовил заранее. - Главный старшина взял в руку глушитель, похожий на консервную банку трех дюймов диаметром и четырнадцати длиной, приставил к концу ствола и навинтил на него. Углубление на конце глушителя позволило его намертво закрепить и установить мушку.

- Сколько времени понадобилось вам на изготовление глушителя?

- Три дня, сэр. Когда я посмотрел на оружие, с которым вы высадились на “Огдене”, нетрудно было догадаться, что глушитель вам может понадобиться, а у меня было свободное время. Вот я и решил изготовить для вас эту игрушку.

- Но откуда вы узнали, черт побери, что я отправляюсь...

- Мы обмениваемся радиосигналами с подводной лодкой. Неужели так трудно догадаться об остальном?

- Как вы узнали о сигналах? - спросил Келли, уже заранее зная, каким будет ответ.

- Неужели вы думаете, что на корабле можно что-то сохранить в секрете? У капитана есть писарь, а писари любят поговорить, - сообщил старшина, заканчивая собирать винтовку. - В результате ваша винтовка стала на шесть дюймов длиннее. Надеюсь, вы не будете возражать.

Келли приложил карабин к плечу. Действительно, баланс даже улучшился. Он вообще предпочитал оружие с тяжелым стволом, потому что его легче удерживать на цели.

- Здорово. - Разумеется, ее понадобится пристрелять. Келли в сопровождении главного старшины направился в сторону кормы. По пути старшина подобрал пустой деревянный ящик. Выйдя на корму, они подошли к борту, и Келли вставил в винтовку заряженную обойму. Старшина бросил за борт ящик и отступил назад. Келли поднял винтовку к плечу и сделал первый выстрел.

Послышался шлепок, как от падения книги на пол, и через мгновение донесся щелчок пули, пробивающей ящик, более громкий, чем звук выстрела. Келли отчетливо услышал, как затвор отлетел назад и дослал в патронник новый патрон. Механик сделал для его винтовки то же самое, что он сделал для своего пистолета 22-го калибра. Механик добродушно улыбнулся.

- Самое трудное в том, чтобы сохранить достаточно пороховых газов для перезарядки. Попробуйте ее на автоматическом огне.

Келли перевел указатель на “авто” и выпустил очередь из шести патронов. Звуки выстрелов все-таки походили на стрельбу, но громкость их сильно уменьшилась, по меньшей мере на девяносто пять процентов, а это означало, что на расстоянии, превышающем двести ярдов, никто ничего не услышит, тогда как выстрелы из обычной винтовки слышны за тысячу ярдов.

- Отличная работа, чиф.

- Каким бы ни было ваше задание, сэр, будьте поосторожней, хорошо? - негромко произнес главный старшина, потом повернулся и молча ушел.

- Можете не сомневаться, - сказал Келли, глядя в воду. Он снова прижал приклад к плечу и опустошил обойму, прицелившись в ящик, прежде чем тот остался слишком далеко позади. Пули превратили его в щепки, поднимая небольшие белые фонтанчики морской воды.

Ты готов к операции, Джон.

Благоприятствовала им и погода, узнал он несколько минут спустя. Пожалуй, наиболее совершенная служба предсказания погоды обслуживала воздушные операции над Вьетнамом - правда, летчики не оценили этого и даже частенько не замечали. Вместе с адмиралами с "Констелейшн" на "Огден" прилетел старший метеоролог. Он показал рукой на карту, испещренную линиями изобар, и последние снимки, сделанные со спутника.

- Завтра начнутся ливни и на протяжении четырех следующих суток мы ожидаем дожди, которые будут перемежаться хорошей погодой. Иногда дожди будут очень сильными. Такая погода продолжится до тех пор, пока вот эта медленнодвигающаяся область низкого давления не переместится на север на территорию Китая, - объяснил метеоролог.

На инструктаже присутствовали все офицеры. Экипажи четырех вертолетов, которым предстояло принять участие в операции, внимательно прислушивались к словам метеоролога. Вести вертолет под сильным дождем совсем непросто, и ни один летчик не любит совершать полеты в условиях ограниченной видимости. Однако струи дождя будут заглушать шум вертолета, а ограниченная видимость одинаково мешает обеим сторонам. Больше всего вертолетчики опасались огня легких зенитных установок. Эти орудия наводились оптическими средствами, и все, что мешало артиллеристам видеть и слышать пролетающие вертолеты, способствовало безопасности летчиков.

- А как с максимальными порывами ветра? - спросил пилот "Кобры".

- Максимальные - до тридцати пяти или сорока узлов. На высоте полет будет тряским, сэр.

- Наш главный поисковый радиолокатор отлично подходит для наблюдения за погодой. Мы сможем провести вас так, что вы обогнете самые неприятные участки, - предложил капитан Фрэнке.

Летчики согласно закивали.

- Мистер Кларк? - обратился к Келли адмирал Грир.

- Мне нравится дождь. Меня могут заметить при сближении с целью только по пузырькам воздуха, поднимающимся на поверхность реки. Капли дождя замаскируют их. Это означает, что я смогу передвигаться и в светлое время суток, если возникнет такая необходимость. - Келли замолчал, понимая, что, если продолжит, решение станет окончательным. - "Скейт" готова для меня?

- Как только мы передадим ей наш приказ, - ответил адмирал Макссуэлл.

- Тогда я готов к выполнению задания, сэр. - Келли почувствовал, как похолодела его кожа. Казалось, она сжалась по всему телу, и он словно каким-то образом стал меньше. И все-таки он сказал это.

Все повернулись к капитану Элби из корпуса морской пехоты США. Вице-адмирал, два контр-адмирала и ответственный сотрудник ЦРУ ждали теперь окончательного решения этого молодого офицера. Он возглавит штурмовой отряд. На него ложилась главная ответственность, он должен отдать окончательный приказ. Молодому капитану казалось таким странным, что семь старших офицеров и адмиралов ждали от него решения, но от этого решения зависели жизни двадцати пяти морских пехотинцев и, возможно, еще двадцати американцев. Ведь это он поведет в бой своих солдат, и Элби не имел права на ошибку - все должно пройти гладко с первого же раза. Он посмотрел на Келли и улыбнулся.

- Мистер Кларк, сэр, будьте очень осторожны. Мне кажется, вам пора отправляться в путь. Операция начинается.

Ликования не последовало. Более того, все находящиеся в центре управления опустили головы к картам, пытаясь преобразить плоскостное изображение в трехмерную реальность. Затем головы поднялись почти одновременно, и каждая пара глаз обменялась взглядами с остальными. Первым, обращаясь к экипажу одного из вертолетов, заговорил Макссуэлл:

- Пожалуй, начинайте прогревать двигатель. - Он повернулся в сторону командира корабля:

- Капитан Фрэнке, передайте сигнал на "Скейт". - Дважды послышалось отчетливое "Слушаюсь, сэр". Офицеры выпрямились, отошли от стола с картами и отправились выполнять приказ.

Сейчас уже слишком поздно для трезвых размышлений, сказал себе Келли. Он постарался упрятать свои страхи как можно дальше и сконцентрировал все свои мысли на двадцати военнопленных. Ему казалось на удивление странным, что он будет рисковать жизнью ради спасения людей, которых даже никогда не встречал, но, с другой стороны, опасность, угрожающая жизни, и не должна истолковываться рационально. Его отец провел всю жизнь, подвергаясь подобной опасности, и погиб, сумев спасти двух детей. Если я горжусь своим отцом, то лучший способ почтить его память - это поступить так же, как и он.

Ты сумеешь сделать это, парень, подумал он о себе. Ты знаешь, как надо действовать. Он чувствовал охватывающую его решимость. Все ясно, решения приняты. Отступать поздно. Лицо Келли застыло, словно окаменело. Предстоящие опасности перестали быть чем-то, чего следовало бояться, - они превратились в препятствия, которые нужно преодолеть.

Максуэлл заметил это. Он видел такое же выражение на лицах молодых офицеров, что сидели в ожидании сигнала тревоги, в специальных помещениях, на авианосцах, на лицах готовых к вылету летчиков, завершивших такой же процесс психологической подготовки, необходимой перед тем, как будет брошен окончательный жребий, и адмирал вспомнил, как это случалось и с ним самим, как напрягались мышцы, необычно обострялось зрение. Первый - у лагерь,

последний - после штурма, точно так же, как приходилось осуществлять операции ему самому, направляя свой "Хеллкэт" F6F, чтобы разогнать истребители противника и затем сопровождать бомбардировщики, завершившие свое задание, до возвращения домой. Мой второй сын, внезапно подумал Голландец, такой же бесстрашный, как Санни, и такой же умный. Но ему никогда не приходилось лично посылать Санни на такие опасные операции, да и сам Голландец был намного старше чем тогда, на Окинаве. Почему-то опасность, угрожающая другим, кажется более страшной, чем в тех случаях, когда ей подвергаешься сам. Но так и должно быть, и Макссуэлл знал, что Келли доверяет ему точно так же, как он сам в свое время доверял Питу Митчелу и полагался на него. Это был тяжкий груз, дополненный еще и тем, что ему приходилось видеть лицо человека, которого он посылал на вражескую территорию в одиночку, без всякой поддержки и защиты. Келли заметил взгляд Макссуэлла и улыбнулся, угадав его мысли.

- Не переживайте, сэр. - Он вышел из каюты и направился за своим снаряжением.

- Знаешь, Голландец, - адмирал Подулски закурил сигарету, - нам пригодился бы этот парень несколько лет назад. Мне кажется, что он стал бы одним из нас. - Время, которое имел в виду Подулски, было в гораздо более отдаленном прошлом, чем "несколько лет назад", подумал Макссуэлл, но он оценил справедливость этих слов. Когда-то они были Молодыми воинами, а теперь пришло время нового поколения.

- Я только надеюсь, Каз, что он проявит осторожность.

- Можешь не сомневаться. Этот парень такой же, какими когда-то были мы.

Подводные сани выкатили на летную палубу моряки, готовившие их к операции. Вертолет прогрел свои турбины, и его пятилопастный винт рассекал предрассветную темноту. Келли вышел из надстройки через водонепроницаемую дверь. Он оглянулся по сторонам, прежде чем направиться к ожидающему его вертолету. Еще никогда ему не устраивали подобных проводов. На палубе вместе с тремя другими старшими сержантами морской пехоты стоял Ирвин, тут же были и капитан Элби, и все адмиралы, и этот Риттер, они глядели на него, словно он был какой-нибудь "мисс Америка" или кем-то подобным. Но приблизились к нему только два главных старшины ВМФ.

- Аккумуляторы полностью заряжены. Ваше снаряжение уложено в водонепроницаемый контейнер, герметически закрытый, так что вам не придется беспокоиться об этом, сэр. Винтовка заряжена и патрон дослан в ствол на случай, если вам понадобится без промедления применить оружие, только снимите ее с предохранителя. Новые батарейки для обоих приемопередатчиков, и по два комплекта запасных. Если мы что-то упустили, то я просто не могу представить себе что именно! - прокричал главный старшина, перекрывая рев турбин.

- По-моему, все в порядке! - крикнул в ответ Келли.

- Пните их в задницу, да посильней, мистер Кларк!

- Спасибо! Скоро увидимся! - Келли пожал руки старшинам, затем направился к капитану Фрэнксу. Вытянувшись перед ним по стойке "смирно", он приложил руку к виску:

- Прошу разрешения покинуть корабль, сэр.

Капитан Фрэнке тоже приложил ладонь к фуражке.

- Разрешаю, сэр.

После этого Келли окинул взглядом всех остальных. Первым начинаю операцию и последним покидаю поле боя. Легкая улыбка и кивок были достаточно красноречивыми для момента прощания, и он почувствовал, что присутствующие черпают у него мужество, так необходимое тем, кто остается.

Огромный спасательный вертолет "Сикорский" поднялся на несколько футов и завис над палубой. Матрос закрепил сани тросами у днища вертолета, рев турбин усилился, и винтокрылый гигант устремился в сторону кормы "Огдена". Через несколько секунд он скрылся в темноте.

"Скейт" была устарелой подводной лодкой. Ее модернизировали и реконструировали на основе первой атомной подлодки "Наутилус". Корпус лодки в отличие от современной атомной субмарины походил скорее на обычный корабль, а не на кита, и потому ее скорость под водой была относительно невелика, зато два винта позволяли отлично маневрировать, особенно на мелководье. В течение ряда лет "Скейт" занималась сбором разведывательной информации у берегов противника. Она подкрадывалась вплотную к вьетнамскому берегу, поднимала над водной поверхностью хлысты антенн и прослушивала радиолокационные излучения и другие электронные сигналы. Кроме того, ей неоднократно доводилось высаживать на берег пловцов. Среди них несколько лет назад был и Келли, хотя сейчас на подлодке не было ни единого члена экипажа, который бы помнил его в лицо. Он увидел "Скейт" лежащей на поверхности моря - черное пятно, более темное, чем окружающая его морская поверхность, блестящая под светом старой луны, исчезающей за облаками. Пилот вертолета прежде всего опустил на переднюю палубу подводной лодки сани и подождал, пока палубная команда не закрепит их. Затем на тросе был спущен Келли со своим снаряжением. Через минуту он оказался в контрольной рубке "Скейта".

- Добро пожаловать к нам на борт, - приветствовал его капитан третьего ранга Сильвио Эстевес, предвкушая свою первую операцию с высадкой у берега подводного пловца. Он командовал "Скейтом" меньше года.

- Спасибо, сэр. Мы далеко от берега?

- Шесть часов хода, чуть больше - пока не выйдем на перископную глубину, чтобы выпустить вас. Что вы хотите? Кофе? Поесть?

- Как относительно койки, сэр?

- В каюте помощника есть свободная койка. Мы позаботимся, чтобы вас никто не беспокоил. - Это было куда удобней, чем те условия, в которых находились на борту техники из Агентства национальной безопасности.

Келли направился к каюте помощника, тут он проведет последние часы отдыха на протяжении предстоящих трех суток - если события будут развиваться в соответствии с планом. Когда лодка снова нырнула под поверхность Южно-Китайского моря, он уже спал.

- Очень интересно, - заметил майор. Он положил перевод на стол своего непосредственного начальника, тоже майора, но готовящегося скоро стать подполковником.

- Я слышал об этом лагере. Операцию там ведет ЦРУ - вернее, пытается вести. Наши союзники отказываются сотрудничать с ними. Значит, наконец-то американцам стало известно об этом лагере?

- А вы дочитайте до конца, Юрий Петрович, - предложил майор.

- Ах вот оно что! - начальник поднял голову. - Кто именно этот "Кассий"? - Ему и раньше встречалась эта кличка, упоминающаяся в большом объеме второстепенных сведений, поступающих в КГБ из различных источников в американском движении левых сил.

- Глазов окончательно завербовал его совсем недавно. - Майор за пару минут объяснил ситуацию.

- Ну что ж, тогда я отнесу ему эту информацию. Странно, что Георгий Борисович не взял на себя непосредственное руководство этим агентом.

- Думаю, теперь он так и сделает, Юрий Петрович.

Они знали, что предстоит нечто угрожающее. У Северного Вьетнама было множество поисковых радиолокаторов, установленных вдоль побережья, главным назначением которых было предостеречь от готовящегося налета самолетов, взлетающих с американских авианосцев, плававших в районе, именуемом американцами "Станцией янки". Северный Вьетнам называл этот район совсем по-другому. Нередко случалось, что американцы глушили поисковые радиолокаторы, но еще никогда глушение не было таким мощным. На этот раз на экранах радаров, изготовленных русскими, виднелось только ослепительно белое круглое пятно. Операторы, склонялись к экранам, пытаясь различить на фоне мелькающих белых искорок еще более яркие точки, обозначающие цели.

- Корабль! - послышался чей-то голос в центре управления системой радиолокационного обнаружения. - Корабль на горизонте! - Это было еще одним доказательством того, что временами человеческий глаз являлся чувствительнее и надежнее радиолокатора.

Если они настолько глупы, что разместили радиолокационные станции и артиллерийские батареи на вершинах холмов, - это их проблема. Пожилой старшина, управлявший системой артиллерийского огня, находился на посту № 1, передней вышке, возвышающейся над палубой и придающей его кораблю такой запоминающийся и изящный профиль. Он прильнул к окулярам оптического дальномера с длинной внутренней базой, спроектированного еще в конце тридцатых годов, который по-прежнему оставался одним из самых высококачественных и надежных оптических инструментов, изготовленных в Америке. Одной рукой он вращал небольшой винт, действующий подобно механизму наведения в фотоаппарате, который совмещал в одно целое два изображения. Линзы дальномера были сейчас устремлены на радиолокационную антенну, с нее была снята маскировочная сетка, и она представляла собой почти идеальную цель.

- Расстояние!

Находящийся рядом с ним старшина второй статьи включил микрофон и считал цифры с экрана:

- Расстояние до цели - один-пять-два-пять-ноль, - произнес он в микрофон.

В центре управления стрельбой, находящемся в сотне футов ниже поста № 1, компьютеры ввели полученные данные, обработали их и скоординировали восемь орудиям крейсера, какой угол возвышения принять. Дальше все было просто. Орудия, уже заряженные, повернулись вместе со своими башнями и приняли необходимый угол возвышения, рассчитанный поколением раньше десятками молодых женщин - теперь бабушек, - с помощью механических калькуляторов. В корабельный компьютер уже были введены данные о скорости и курсе судна, и поскольку огонь велся по неподвижной цели, компьютер выдал орудиям аналогичный, но действующий в противоположном направлении, вектор. Таким образом, при движении крейсера орудия останутся автоматически наведенными на цель.

- Открыть огонь! - скоординировал командир БЧ-2. Молодой матрос замкнул контакт ведения огня, и тяжелый корпус крейсера "Ньюпорт-Ньюз" вздрогнул от первого залпа.

- О'кей, по азимуту хорошо, недолет..., триста... - негромко произнес старшина, следя за фонтанами разрывов через окуляры оптического дальномера двадцатикратного увеличения.

- Увеличить дальность на триста ярдов! - передал в микрофон старшина второй статьи, и через пятнадцать секунд прогремел второй залп. На крейсере не знали, что первым залпом был полностью уничтожен командный бункер радиолокационного комплекса. Снаряды, выпущенные вторым залпом, описали дугу, устремившись к цели. - Вот это хорошо, - прошептал пожилой главный старшина.

Попадание действительно оказалось точным. Три из восьми снарядов разорвались меньше чем в пятидесяти ярдах от радиолокационной антенны и уничтожили ее.

- Прямое попадание, - произнес в микрофон старшина второй статьи, подождав, когда осядет поднятая мощными взрывами земля. - Цель уничтожена.

- Насколько лучше авиационной бомбардировки, - заметил командир крейсера, наблюдая за стрельбой с мостика. Двадцать пять лет назад он служил молодым офицером-артиллеристом на линейном корабле "Миссисипи" и овладел искусством ведения огня по береговым целям в западной части "Тихого океана, так же как и его главный старшина, управляющий огнем с поста № 1, которого он высоко ценил и с тех пор не отпускал от себя. Это был, несомненно, один из последних обстрелов береговых целей настоящим тяжелым крейсером, и капитан уже давно принял решение, что уйдет, оставив за собой примечательный след. , Через мгновение в тысяче ярдов от крейсера поднялись высокие фонтаны воды. Это стреляли орудия береговой обороны калибра 130 миллиметров, которыми пользовалась северо-вьетнамская армия, чтобы отгонять от берега американские корабли. Командир принял решение уничтожить их, прежде чем перенести огонь на зенитные батареи.

- Огонь на подавление! - скомандовал шкипер офицерам, работающим в центре управления стрельбой.

- Так точно, сэр. Мы уже приготовились. - Через минуту "Ньюпорт-Ньюз" перенес огонь на береговые батареи. Залп следовал за залпом, сравнивая с землей те шесть стотридцатимиллиметровых орудий, обслуживающий персонал которых попытался обстрелять крейсер, не подумав о последствиях.

Капитан понимал, что порученный ему обстрел зенитных батарей не более чем отвлекающий маневр. Сомнений быть не могло. Что-то происходило в другом месте. Он не знал, что именно, но несомненно нечто важное, раз его крейсеру поручили вести обстрел к северу от демилитаризованной зоны. Впрочем, я совсем не возражаю против этого, подумал он, чувствуя, как корпус крейсера снова содрогнулся от очередного залпа; Через тридцать секунд взвившееся вверх огромное оранжевое облако возвестило об окончательном уничтожении артиллерийской батареи.

- У нас есть и другие цели, - объявил командир. На мостике раздались восторженные крики, и все тут же принялись за работу.

- Вот мы и на месте, - сообщил капитан третьего ранга Мейсон, отходя от перископа.

- Очень близко. - Келли было достаточно одного взгляда, чтобы убедиться в том, что командир "Скейта" Эстевес настоящий ковбой. Подлодка подошла настолько близко к берегу, что едва ли не обдирала днищем наросшие на нем ракушки. Перископ чуть поднимался над поверхностью моря. В нижней части объектива плескалась вода. - Пожалуй, лучше не придумашь.

- На поверхности идет сильный дождь, - сообщил Эстевес.

- Еще лучше, - кивнул Келли, допивая чашку настоящего морского кофе со щепоткой соли. - Это мне годится.

- Уходите прямо сейчас?

- Да, сэр, - коротко ответил Келли. - Если только вы не собираетесь подобраться еще ближе, - добавил он с усмешкой.

- К сожалению, на днище у нас нет колес, а то я попытался бы. - Эстевес сделал ему знак, указывая вперед. - Что это за операция? Обычно мне сообщают.

- Не имею права говорить об этом, сэр. Но обещаю: если все пройдет успешно, вы узнаете про нее. - Келли был вынужден хранить молчание, и Эстевес понял это.

- Тогда готовьтесь, у Несмотря на то что вода была теплой, Келли все-таки приходилось беспокоиться о переохлаждении тела. Восемь часов, проведенные в воде, пусть с не такой уж большой разницей температур, могли истощить организм, высосать из тела энергию подобно аккумуляторной батарее, у которой замкнулись пластины. Он натянул на себя черно-зеленый глянцево-неопреновый костюм, нацепив двойное количество поясов с грузом. Оставшись наедине с собой в каюте помощника командира, он обратился к Богу, умоляя Его о помощи, но не для себя, а для тех людей, которых он попытается спасти. Как странно молиться, подумал Келли, после всего того, что он сделал так недавно на другом конце света, и потому он потратил несколько мгновений, чтобы попросить прощения за содеянное, все еще не будучи уверенным, нарушил ли он законы или нет. У него было время для размышлений, но совсем немного. Теперь ему нужно смотреть вперед. Может быть, Бог поможет ему спасти полковника Закариаса, но ведь и он сам, Келли, должен приложить немало усилий для этого. В последнюю минуту, прежде чем покинуть каюту помощника, он вспомнил одинокую фигуру американца, с занесенным над нею прикладом автомата в руках какого-то северо-вьетнамского ублюдка. Настало время положить этому конец, сказал он себе, открывая дверь в коридор.

- Спасательный шлюз вон там, - показал Эстевес. Келли начал карабкаться по трапу под пристальными взглядами Эстевеса и еще нескольких подводников.

- Не забудьте поставить нас в известность, - напомнил капитан, сам закрывая тяжелую крышку люка.

- Непременно, приложу все усилия, - пробормотал Келли, услышав, как захлопнулась крышка и со скрипом повернулись ручки, обеспечивающие герметизацию. Внутри шлюза его ждал акваланг. Указатель давления на баллонах показывал, что они заряжены. Келли убедился в этом и снял трубку водонепроницаемого телефона.

- Это Кларк. Я в шлюзе, готов к выходу.

- Гидролокационный пост передает, что на поверхности никого нет. Визуальный осмотр подтвердил это. *Vaya con*

Dios⁷, сеньор Кларк.

- Gracias⁸, - с усмешкой отозвался Келли. Он положил телефонную трубку и открыл клапан затопления. Вода начала заполнять дно шлюза, и давление воздуха в небольшом пространстве стало возрастать.

Келли посмотрел на часы. Восемь часов шестнадцать минут. Он открыл наружный люк и выполз на погруженную в воду переднюю палубу “Скейта”, после чего осветил фонариком подводные сани. Они были закреплены в четырех точках, но прежде чем снять крепящие их тросы, Келли для безопасности пристегнулся шкертом к саням. Еще не хватало, чтобы подводные сани уплыли от него, пока он успеет взобраться на них. Указатель глубины показывал сорок девять футов. Подводная лодка действительно находилась на опасном мелководье, и чем быстрее он покинет ее палубу, тем скорее она сможет уйти на безопасную глубину. Сняв крепящие сани тросы, Келли включил электродвигатель, и два винта, скрытые в направляющих насадках, начали вращаться. Отлично. Келли вытащил из ножен на поясе нож и дважды с силой ударил по корпусу подлодки, затем поудобнее приладил ласты и, лежа на санях, поплыл вперед, следуя курсу по компасу три-ноль-восемь.

Теперь уже не повернешь назад, сказал себе Келли. Но ему вообще редко приходилось так поступать. -

Глава 28

Первый у лагеря

Хорошо, что он не мог ощущать запах воды. По крайней мере не сразу. Мало что так заставляет нервничать и нарушает ориентацию, как плавание под водой в темное время суток. К счастью, люди, спроектировавшие подводные сани, сами были раньше ныряльщиками и потому знали это. Сани были немного длиннее тела Келли, когда он вытягивался на них. Вообще-то подводные сани представляли собой модифицированную торпеду с приспособлениями, позволявшими человеку управлять ею и контролировать ее скорость, превращая ее, таким образом, в крошечную подводную лодку, хотя внешне эти подводные сани походили скорее на самолет, нарисованный маленьким ребенком. “Крыльями” - ныряльщики называли их ластами - управляли вручную. Перед Келли виднелись указатели глубины, погружения и всплытия, а также индикатор зарядки аккумуляторных батарей и жизненно важный магнитный компас. Электрический двигатель и батареи первоначально были предназначены для того, чтобы гнать торпеду сквозь воду с большой скоростью на расстояние, превышающее десять тысяч ярдов. При меньшей скорости подводные сани могли проплыть гораздо большее расстояние. В данном случае аккумуляторных батарей могло хватить на пять-шесть часов непрерывной работы при скорости пять узлов - даже на семь часов, если механики на “Огдене” были правы.

Как странно, что все походило на очередной полет на борту транспортного самолета С-141. Жужжание двух винтов нельзя было услышать на большом расстоянии, но Келли находился всего в шести футах от них; непрерывный гул от стремительно вращающихся винтов заставлял его морщиться под маской. Отчасти это объяснялось выпитым им кофе. Ему было необходимо все время оставаться настороже, и внутри его тела сейчас накопилось столько кофеина, что можно было оживить труп. Ему приходилось думать о многом. По реке плавали лодки. Независимо от того, чем они занимались, - перевозили ли боеприпасы на ближайшую зенитную батарею с одного берега на другой или, может быть, какой-нибудь вьетнамский парень пересекал реку, чтобы навестить свою девушку, - лодки находились в реке. Столкновение с одной из них могло оказаться смертельным, причем по разным причинам, отличающимся только тем, насколько быстро наступит смерть, а не окончательным исходом. К тому же видимость равнялась почти нулю, и Келли был вынужден исходить из того, что в его распоряжении будет всего две или три секунды, чтобы избежать столкновения. По мере возможности он старался придерживаться середины реки. Каждые тридцать минут он замедлял скорость движения и поднимал голову над водной поверхностью, чтобы определить, где находится. Насколько он мог судить, жизнь вокруг замерла. Больше в этой стране не осталось действующих электростанций, а без электричества, при свете которого можно читать или слушать радио, жизнь простых людей стала такой же примитивной, какой трудной она была для их врагов. Все это казалось ему каким-то печальным. Келли не считал, что вьетнамцы такой уж воинственный народ, что они от рождения более воинственны, чем другие народы, но шла война, и поведение вьетнамцев, как он знал из собственного опыта, было далеко не образцовым. Он поднял голову над водой, определил, где находится, и снова исчез в глубине, стараясь не погружаться больше чем на десять футов. Ему доводилось слышать о ныряльщике, погибшем после того, как тот очень быстро всплыл на поверхность, проведя несколько часов всего лишь на глубине пятнадцати футов. Келли ничуть не хотелось испытать это на себе.

Время шло. Иногда облака рассеивались, и свет луны в последней четверти играл в каплях дождя, падавших на поверхность реки, делал видимыми черные кружки, расширяющиеся и исчезающие в призрачной синеве воды в десяти футах над головой. Затем облака снова сгущались, и все, что он мог разглядеть, превращалось в темно-серую крышу, а шум дождя сливался с жужжанием винтов. Другой опасностью, угрожавшей ему, были галлюцинации. Этому способствовало то, что, наделенный активным воображением, он теперь был совершенно изолирован от всякой информации извне. К тому же его тело начинало засыпать. Практически он находился почти в полной невесомости, в состоянии, близком к тому, в котором пребывает плод в материнском лоне, а такое уютное, такое комфортное состояние

⁷ Иди с Богом. Здесь: с Богом (исп.).

⁸ Благодарю (исп.).

было опасным. Его сознание могло реагировать на воображаемые сигналы, а этого нельзя было допустить. Келли заставлял себя систематически окидывать взглядом примитивные приборы, придумывая маленькие игры. Так, он попытался удерживать подводные сани на постоянной глубине, не пользуясь плавниками управления, но это оказалось невозможным. То, что летчики называют потерей ориентации, происходило здесь даже гораздо быстрее, чем в воздухе, и он заметил, что не, в состоянии удерживать сани на постоянной глубине дольше пятнадцати-двадцати секунд, после чего они меняли наклон и начинали уходить и глубину. Время от времени он делал вместе с санями переворот, опускаясь спиной вниз и снова возвращаясь в исходное положение - просто так, чтобы отвлечься, но главным образом Келли заставлял себя непрерывно осматривать воду вокруг и следить за приборами, повторяя эти действия снова и снова, пока их монотонность тоже не стала опасной. Келли отправился в свое путешествие всего два часа назад, но уже заставлял себя не терять сосредоточенности, но он не мог концентрировать свое внимание только на одном-двух моментах. Несмотря на всю комфортность и безопасность своего положения” он ни на секунду не забывал, что у всякого человека в радиусе пяти миль вокруг при виде его не будет другого Желания, кроме как покончить с ним. Эти люди жили тут, знали здешние места и реку как свои пять пальцев, различали каждый звук. И эти люди жили в стране, которая находилась в состоянии войны, а потому во всем необычном видели опасность и, следовательно, угрозу со стороны противника - Келли не знал, платило ли им их правительство премию за мертвых или пойманных американцев, но что-то вроде этого наверняка практиковалось. Люди работают за вознаграждение с большей страстью, особенно если вознаграждение идет рука об руку с патриотизмом. Интересно, как это происходит на деле, подумал Келли. Впрочем, процедура не имеет значения. Нужно исходить из того, что эти люди - его враги, и ничто не изменит этого в ближайшее время. По крайней мере на протяжении последующих трех суток все останется по-прежнему, а это и было тем будущим, которое имело особое значение для Келли. Если за пределами этих трех дней и могло произойти что-то, приходилось делать вид, что его это не касается.

Следующая по расписанию остановка была в извилистом месте реки, похожем очертаниями на подкову. Келли замедлил движение подводных саней и осторожно приподнял голову над поверхностью воды. С левого берега доносились голоса, говорили где-то ярдах в трехстах от реки. Звуки вообще хорошо распространяются по-над водной поверхностью. Голоса были мужскими. Говорили на языке, музыкальный ритм которого почему-то всегда казался ему поэтическим, но становился неприятным и грубым, когда на нем выражали ярость или раздражение. Язык - как и люди, решил он. Секунд десять он прислушивался, а затем снова ушел на глубину, наблюдая за стрелкой компаса и направляя сани вдоль крутого поворота. Хотя он считанные секунды слышал голоса, ему показалось, что в них были какие-то странные интимные интонации. О чем шел разговор? О политике? Скучная тема в коммунистическом обществе. Может быть, о хозяйстве? Или о войне? Возможно, потому что голоса звучали как-то подавленно. Америка убивает немало молодых граждан этой страны, так что у жителей есть все основания ненавидеть нас, подумал Келли, а здесь горе от гибели сына мало чем отличается от горя по погибшему сыну дома. Они могут с гордостью говорить о том, что их маленький мальчик пошел в армию и стал солдатом, - а там его сожгло напалмом, срезало пулеметной очередью или убило авиационной бомбой, как именно это произошло, в общем-то ничего не меняет, но в каждом случае речь идет о ребенке, который когда-то сделал свой первый шаг и произнес слово “папа” на родном языке. Однако некоторые из этих маленьких мальчиков, став взрослыми, приняли участие в операции “Нежный цветок”, и Келли не испытывал ни малейших угрызений от того, что убивал их. Разговор, услышанный им, несмотря на то что он не понимал, о чем идет речь, звучал очень по-человечески, и тут неизбежно напрашивался вопрос: почему они кажутся другими, не такими, как все?

Они на самом деле не такие, это реальный факт, кретин! - мысленно обругал себя Келли. И пусть политики ломают голову почему. Если он будет задавать себе такого рода вопросы, это отвлечет его от того, что вверх по течению реки находятся двадцать человек, таких же, как и он. Все внимание Келли сосредоточил на управлении подводными санями.

Мало что могло отвлечь пастора Чарлза Майера от подготовки к еженедельным проповедям. Это была, наверно, самая важная часть его пасторских обязанностей - необходимость четко и понятно сказать прихожанам то, что им нужно услышать, потому что прихожане встречались с ним всего раз в неделю, если только не происходило какого-то несчастья, а когда несчастье случалось, им требовалась опора на уже существующую веру в Господа, для того чтобы пастырский совет и помощь оказались по-настоящему действенными. Майер служил пастором в течение тридцати лет, всю свою взрослую жизнь, и присущее ему природное красноречие было отточено годами практики до такого совершенства, что теперь он мог выбрать любой отрывок из Священного писания и развить его в блестящую проповедь, направленную на укрепление моральных устоев. Пастор Майер не был суровым человеком. Слово, которое он нес прихожанам, говорило о любви и милосердии. Он любил улыбки и шутки, и, хотя его проповеди по необходимости были серьезными, поскольку спасение души является самым серьезным из человеческих устремлений, пастор считал, что его задача заключается в том, чтобы подчеркнуть подлинную доброту и милосердие Господа, Его любовь, Его сострадание, Его искупление грехов человеческих. Всю свою жизнь, думал Майер, он посвятил тому, чтобы помочь людям вернуться в лоно веры после периода забвения, обнять друг друга, несмотря на попытки отвергнуть любовь и помощь. Это задача настолько важная, что заслуживает потраченного на нее времени, даже если и отвлекает его от работы над проповедью.

- Добро пожаловать домой, Дорис, - сказал Майер, входя в дом Рэя Брауна. Он был мужчиной среднего роста, но его густые седые волосы придавали его внешности величественность. Он взял обе ее руки и тепло улыбнулся девушке:

- Господь отозвался на наши молитвы.

При всем своем сочувствии и сострадании пастор Майер не сомневался, что эта встреча будет тяжелой для всех троих. Дорис сошла с праведного пути и согрешила, причем согрешила весьма серьезно, считал он, но в то же время

старался не относиться к этому слишком сурово, по крайней мере не показывать своего истинного отношения. Главным было то, что блудная дочь вернулась под отчий кров, и если Иисус Христос провел на земле часть своей жизни, он имел на то основания, и библейская притча об этом всего в нескольких строках раскрывает их суть. Да, в том, коротко говоря, и суть всего христианства. Неважно, сколь серьезными были проступки, но тех, кто находит в себе мужество вернуться на праведный путь, всегда ждет теплый прием.

Отец и дочь сидели рядом на старом диване с синей обивкой, а Майер расположился слева от них в кресле. На низком столике стояли три чашки с чаем. Для такого момента чай был самым подходящим напитком.

- Ты на редкость хорошо выглядишь, Дорис, - с улыбкой произнес пастор, скрывая свое отчаянное желание как-то успокоить девушку, чтобы она чувствовала себя непринужденно.

- Спасибо, пастор.

- Тебе было нелегко, не так ли?

- Да, - ответила она с дрожью в голосе.

- Дорис, мы все совершаем ошибки. Господь не дал нам совершенства. Ты должна признать это и постараться в будущем не повторять их. Нам не всегда удается исправиться, но ты сумела добиться этого. Теперь ты дома. Все плохое осталось позади, и ты, приложив некоторые усилия, сумеешь навсегда забыть о прошлом.

- Да, я сделаю все, что в моих силах, - решительно заявила девушка. - Непременно сделаю. Я видела.., и совершала.., такие ужасные поступки...

Потрясти Майера было нелегко. Профессия священника приучает выслушивать исповеди, которые порой воссоздают реальность ада, потому что грешники не могут принять прощение, пока не сумеют сами простить себя, а для этого требуется сочувственно выслушать их и затем успокоить голосом, полным любви и разума. Но то, что он услышал сейчас, потрясло его до глубины души. Он боялся пошелохнуться, заставил онеметь собственное тело. Самое главное заключалось в том, что все рассказанное его прихожанкой действительно осталось в прошлом. В течение двадцати минут он слушал рассказ о событиях, которые не могли привидеться даже в самых кошмарных снах, о событиях из другого времени, напоминавших ему годы, когда молодым капелланом он служил в армии, находившейся в конце войны в Европе. Там творились дьявольские вещи, но он был подготовлен к их восприятию своей верой. А тут - лицо Люцифера губительно для незащищенных глаз и уж тем более для глаз молодой девушки, по ошибке изгнанной из дома разгневанным отцом в столь юном и ранним возрасте.

Но дальше - того хуже. Занятия проституцией были сами по себе грешным делом. Страдания, причиненные молодой женщине, могут преследовать ее всю жизнь, и Майер с удовлетворением узнал, что Дорис будет наблюдать доктор Брайант, удивительно "талантливый психиатр, которая пользовалась двух его прихожан. Слушая Дорис, Майер разделял ее страдания и стыд, в то время как отец мужественно сжимал руку дочери в своей руке, сясь сдерживать слезы.

Дальше речь пошла о наркотиках, сначала об употреблении их, затем о доставке теми, кто встал. - на путь греха ради денег. Дорис ничего не скрывала от пастора. Дрожа, с катящимися по щекам слезами рассказывала она обо всем, оглядываясь в свое прошлое, которое способно было привести в содрогание даже самые сильные сердца. Наконец речь зашла о сексуальных извращениях, и тут Дорис рассказала о самом страшном.

Для пастора все это было совершенно реальным. Дорис, казалось, ничего не забыла - да и разве можно забыть такое. Понадобится все искусство доктора Брайант, чтобы устранить из памяти девушки весь этот ужас, спрятать его в прошлое. Дорис рассказывала обо всем без обиняков, и пастору казалось, что перед ним прокручивают киноленту. У него создалось впечатление, что девушка ничего не утаивает. Для Дорис было полезно открыть перед ним все тайники своей души, даже отцу ее надо было узнать все до конца. Таким образом Чарльз Майер по необходимости принял на себя весь этот ужас, все то, что другие стараются отбросить или забыть. Утрачены жизни, невинные жизни, жизни жертв, двух девушек, мало отличных от той, что сидела сейчас перед ним, убитых с такой невероятной жестокостью, что свершившие это заслуживают.., проклятия, сказал себе пастор, - печаль в нем мешалась с яростью.

- Доброта, которую ты продемонстрировала ради Пэм, дорогая, - это один из самых мужественных поступков, о которых мне доводилось слышать, - тихо произнес пастор, до конца выслушав Дорис и сам не сумев удержаться от слез. - Это была Божья воля, Дорис. Это Господь подвинул тебя на такой поступок и показал тебе всю доброту и силу твоего характера.

- Вы так думаете? - Дорис покинуло самообладание, и ее тело начало сотрясаться в рыданиях.

Майер опустился на колени перед отцом и дочерью, взял их руки в свои:

- На тебя снизошла благодать Всевышнего, Дорис, и спасла тебя. Мы с твоим отцом молились об этом. Ты вернулась домой и больше никогда такое с тобой не повторится. - Пастор Майер не мог знать, что Дорис не все рассказала ему, что кое-что она намеренно утаила. Он знал, что врач и медсестра в Балтиморе помогли его прихожанке восстановить физическое здоровье. Ему не было известно, как попала к ним Дорис, и Майер заключил, что девушка сумела скрыться от преступников, подобно тому как это едва не удалось Пэм. Не знал он и о том, что доктора Брайант предупредили о необходимости держать в тайне все происшедшее. Да и вряд ли это имело для него значение. В руках этих преступников, этих Билли и Рика, находились еще несколько девушек. Поскольку пастор посвятил свою жизнь спасению душ от Люцифера, в равной степени его долгом было спасти от него и их тела. Но здесь следовало проявить осторожность. Беседы, подобные этой, полагаются держать в абсолютной тайне, ни при каких обстоятельствах не подлежащей оглашению. Он посоветует Дорис обратиться в полицию, хотя никогда не сможет заставить ее сделать это. Но будучи гражданином, будучи священником, он обязан сделать что-то, чтобы спасти остальных девушек. Однако пастор не знал, каким образом. Придется справиться об этом у сына, молодого сержанта, служащего в полиции Питтсбурга.

Наконец. Келли поднял над водой голову, так что виднелись одни глаза. Потом, подняв руки, снял с головы резиновый капюшон, чтобы лучше слышать. Жужжали насекомые, хлопали крыльями летучие мыши, но все эти звуки перекрывал шум дождя, сейчас ослабевшего. Когда глаза Келли начали привыкать к темноте и различать очертания, он увидел темневшее на севере пятно. Это был “его” холм, примерно в миле за другим, более пологим. По аэрофотоснимкам он знал, что между тем местом, где он сейчас находился, и наблюдательным постом, куда ему предстояло добраться, населенных пунктов не было. Однако всего в сотне ярдов отсюда проходила дорога, которая в данный момент была совершенно пустой. Вокруг царил такая тишина, что любой механический звук он неминуемо бы услышал. Но все было тихо. Пора.

Келли направил подводные сани ближе к берегу. Чтобы обеспечить себе дополнительное укрытие, он выбрал место, где над водой нависали деревья. Его первый физический контакт с почвой Северного Вьетнама словно пронизал Келли электрическим током, но это ощущение быстро исчезло. Келли снял свой неопреновый костюм и засунул его в водонепроницаемый контейнер на санях, всплывших теперь на поверхность. Затем он быстро надел маскировочный комбинезон. Подошвы на сапогах, приспособленных для передвижения в джунглях, были скопированы с солдатских сапог северовьетнамской армии - на случай, если кто-то заметит его следы и сочтет их подозрительными. Теперь очередь за лицом - Келли нанес на него маскировочную краску - темно-зеленую на лоб, скулы и челюсти, более светлую - под глаза и на щеки. После этого он вскинул на плечи рюкзак и включил двигатель на подводных санях, которые двинулись к середине реки. Поскольку теперь клапаны на емкостях плавучести были открыты, сани стали тонуть. Келли заставил себя не смотреть им вслед. Он помнил примету, что нельзя следить за вертолетом, улетающим после высадки, - это плохой знак, который приносит неудачу. Даже если ты не суверен, все равно этого не следует делать, поскольку это свидетельствует о недостаточной решимости. Келли повернулся в сторону дороги, снова прислушиваясь к звукам, доносящимся оттуда. Ничего не услышав, он вскарабкался на берег, пересек покрытую гравием тропинку и исчез в густой листве, медленно и решительно направляясь в сторону ближайшего холма.

Он обратил внимание на то, что здесь рубят лес для приготовления пищи. Это обеспокоило Келли - а вдруг завтра сюда придут люди? - но в то же время сослужило свою службу - помогало идти вперед быстрее и с меньшим шумом. Келли шел пригнувшись, внимательно наблюдая за тем, куда ставит ногу, держа настороже глаза и уши. Автоматический карабин он держал наготове, проверив пальцем переключатель огня - карабин был на предохранителе, а первый патрон находился в патроннике. Главный старшина на “Огдене” отлично потрудился, но каждый должен лично проверить свое оружие. Однако Келли надеялся, что ему не придется произвести ни единого выстрела из CAR-15, хотя он и снабжен глушителем.

Келли понадобилось полчаса, чтобы подняться на вершину первого холма. Там он остановился и выбрал место, откуда лучше было смотреть и слушать. По местному времени было три часа утра. Единственно бодрствующие люди сейчас - те, кому это необходимо по долгу службы, они явно не получают от этого удовольствия. Человеческое тело от природы связано с циклом дня и ночи, и в это время суток жизненные функции организма находятся на нижнем пике.

Тишина.

Келли стал спускаться вниз по склону. У подножья холма журчал небольшой поток, впадающий в реку. Келли воспользовался предоставившейся возможностью, чтобы наполнить одну из фляжек, и бросил в нее дезинфицирующую таблетку. И снова он прислушался, пытаясь уловить посторонние звуки, поскольку они хорошо распространяются вдоль долин и над ручьями. По-прежнему тишина. Подняв голову, Келли посмотрел на серую громаду “своего” холма, вырисовывавшегося на фоне облачного неба. Теперь дождь усилился. Келли начал подниматься по склону. Здесь было вырублено меньше деревьев - это понятно, подумал он, отсюда дорога гораздо дальше. Склон был слишком крутым для сельскохозяйственных посадок, а поскольку неподалеку хорошая пойма, вряд ли кто-нибудь попадет по пути. Может быть, именно по этой причине здесь и разместили лагерь “Сендер грин”, сказал он себе. Вокруг нет ничего, что привлекало бы серьезное внимание. Но это имеет и свою обратную сторону.

Поднявшись до середины склона, Келли впервые увидел лагерь, расположенный на открытом пространстве. Он не знал, воспользовались ли для его строительства лужайкой или пришлось вырубать деревья. Ответвление от дороги, идущей вдоль реки, подходило прямо к лагерю с другой стороны “его” холма. Келли заметил вспышку - крохотный огонек на одной из сторожевых вышек - должно быть, кто-то курил сигарету. Неужели солдатам ничто не послужило наукой? Нужно несколько часов, чтобы у тебя по-настоящему обострилось ночное зрение, а вспышка сигареты при затяжке нарушает его за несколько мгновений. Келли отвернулся и сконцентрировал свое внимание на заключительной части подъема, передвигаясь между кустами, находя открытое пространство, где бы его комбинезон не коснулся листвы или веток, вызвав смертельно опасный шорох. Он достиг вершины холма едва ли не неожиданно для самого себя.

Келли сел на землю и замер, оглядываясь вокруг и прислушиваясь, прежде чем начать осмотр лагеря. Затем встал и нашел очень удобное место примерно в двадцати футах ниже вершины. Обратный склон был крутым, и всякий, кто стал бы взбираться к вершине, не принимая мер предосторожности, не сумел бы сделать это без шума. Здесь он не будет замечен на фоне неба позади, за спиной, да и сторонний наблюдатель не сможет различить его фигуру среди кустов. Итак, наблюдательный пост выбран. Келли достал из нагрудного кармана один из приемопередатчиков.

- “Змея” вызывает “Сверчка”, прием.

- “Змея”, это “Сверчок”. Слышу вас хорошо, - донесся голос радиооператора из связного фургона, установленного на палубе “Огдена”.

- Занял позицию. Начинаю наблюдение. Прием.

- Сообщение принято. Конец связи. - Оператор поднял голову и посмотрел на адмирала Максвелла. Второй этап

операции “Зеленый самшит” был завершен.

Третий этап начался сразу. Келли достал из футляра морской бинокль 7 x 50 и принялся осматривать лагерь. На всех четырех сторожевых вышках находились охранники, двое из них курили. Это означало, что их командир спит. В северовьетнамской армии соблюдалась строжайшая дисциплина и нарушения карались безжалостно - даже мелкие проступки подчас наказывались смертной казнью. Рядом со зданием, где, по-видимому, размещались офицеры, стоял автомобиль. Лагерь не был освещен, и оттуда не доносилось ни звука. Келли вытер дождевые капли с глаз, проверил фокусировку на обоих окулярах и возобновил наблюдение. Как странно, что это так похоже на учебную базу морской пехоты в Куантико, подумал он. Сходство углов и перспективы казалось поразительным. Впрочем, были и кое-какие незначительные отличия в форме зданий, но это могло объясниться темнотой или, возможно, чуть иной окраской. И тут он понял, что отличие в другом. Оно заключалось во дворе лагеря, или лагерьном плацу, называй его как хочешь. Здесь не было травы. Поверхность двора была плоской и голой - утоптанная красная глина, широко распространенная здесь. Другой цвет грунта и его однородность придавали зданиям несколько иной вид. Для крыш тоже использовался другой материал, хотя наклон их был таким же. Да, все походило на лагерь в Куантико, и, если удача им не изменит, исход штурма будет таким же успешным, как и учебные занятия. Келли расположился поудобнее и позволил себе отхлебнуть пару глотков из фляжки. Вкус воды напоминал дистиллированную на подводной лодке, она была чистой и непривычной, как и это чужое место.

Без четверти четыре в казарме зажегся свет - мелькающий и желтый, похожий на огонь свечей. По-видимому, смена караула. Двое солдат на ближайшей к Келли вышке начали потягиваться, разговаривая между собой. Он едва слышал звуки их голосов и не мог разобрать слов или интонаций. Им было скучно. Такова караульная служба в лагере. Они не станут особенно ворчать по этому поводу - ведь в противном случае им предстояла прогулка по тропе Хо Ши Мина через Лаос, а при всех своих патриотических чувствах только идиот предпочтет такой выбор. Тут они охраняют человек двадцать, которые заперты в камерах, может быть, прикованы к стенам или каким-то иным способом лишены свободы движений, их шансы освободиться те же, что у Келли пройти по водам, а даже если им это и удастся, даже если вдруг они осуществят невозможное - что тогда? Шестифутовые белые мужчины в стране маленьких желтых людей, ни один из которых даже пальцем не шевельнет, чтобы помочь американцам. Федеральная тюрьма на острове Алькатраз вряд ли более надежна, чем этот лагерь, поэтому охранники трижды в день ели хорошую пищу и вполне мирились с пусть скучной и отупляющей, но спокойной службой.

Это - хорошая новость, парни, подумал Келли. Продолжайте скучать.

Двери казармы распахнулись, и во двор вышли восемь человек. Значит, даже сержант не руководит сменой караула. Это интересно и удивительно небрежно для северовьетнамской армии. Солдаты разбились на пары, которые направились к своим вышкам. В каждом случае новая смена забиралась на вышку до того, как прежняя спускалась вниз, как и следовало ожидать. Обменявшись несколькими словами, сменяющиеся солдаты спустились вниз. Двое закурили, прежде чем войти в казарму, заговорив о чем-то у входа. Все происходило спокойно и размеренно, как обычно происходит, когда, люди месяцами занимаются одним и тем же.

Впрочем, одну минуту. Двое охранников хромали, только что понял Келли. Так это ветераны! Такая новость была одновременно и хорошей и плохой. Солдаты, обладающие опытом боевых действий, заметно отличаются от новобранцев. Когда наступит время действовать, они, возможно, окажут упорное сопротивление. Даже без повторной подготовки, инстинктивно станут обороняться и при отсутствии командиров. Но в то же время они не так внимательны, с презрением относятся к караульным обязанностям, несмотря на хорошие условия, у них недостает неуклюжего рвения молодых солдат. Это обстоятельство будет благоприятным и для штурмующих лагерь и для обороняющихся в нем - вроде меча с обоюдоострым лезвием. И в том и в другом случае план штурма предусматривал подобную вероятность. Стоит предпринять неожиданную атаку, начать убивать их, ветераны дрогнут, так что ситуация станет намного проще.

Как бы то ни было, при подготовке к штурму уже было сделано одно ошибочное предположение. Солдаты, несущие охрану лагерей с военнопленными, относились обычно к второразрядным подразделениям. Эти же оказались с опытом боевых действий, даже если получили ранения и их перевели на караульную службу. Не допущено ли и других ошибок? - подумал Келли. Пока он не заметил этого.

Его первая подробная радиопередача была зашифрована, и Келли отстучал ее морзянкой.

- “Спокойная точка”, сэр. - Радиооператор передал расписку в приеме азбукой Морзе.

- Хорошие новости? - спросил капитан Фрэнке.

- Это означает, что все, как и ожидалось, ничего нового, - ответил адмирал Подулски. Максвелл отправился отдохнуть. Каз не будет спать до окончания операции. - Наш друг Кларк ухитрился даже сообщить об этом точно в назначенное время.

Полковник Глазов, так же как и его западные коллеги, не любил работать по выходным, тем более что его помощник по ошибке положил это донесение в другую папку. По крайней мере парень признался в этом и позвонил своему начальнику домой, чтобы доложить о собственном промахе. Глазову не оставалось ничего другого, как сделать ему выговор, но в то же время он не мог не похвалить подчиненного за честность и проявленное чувство долга. Полковник приехал в Москву с дачи на собственном автомобиле, нашел свободное место с задней стороны здания, чтобы

оставить там машину, после чего вынужден был пройти утомительную процедуру проверки документов, прежде чем поднялся в лифте к себе в кабинет. Затем пришлось потратить время на то, чтобы открыть дверь и послать за необходимыми документами в секретный отдел, на что также ушло гораздо больше времени чем обычно - в конце концов, персонал отдела тоже отдыхает по воскресеньям. Короче говоря, полковнику Глазову потребовалось два часа для того, чтобы получить, наконец, проклятый документ, - это с того момента, как раздался звонок на дачу, сообщивший толчок всем этим неприятностям. Полковник расписался в получении документов и подождал ухода рассыльного, прежде чем открыть папку.

- Проклятье! - прочитав донесение, по-английски произнес Глазов в тиши своего кабинета, помещавшегося на четвертом этаже. Выходит, у "Кассия" есть приятель в аппарате Совета по национальной безопасности, прямо в Белом доме? Немудрено, что некоторая информация, поступавшая от него, такого уровня, что Георгию Борисовичу самому пришлось лететь в Лондон, чтобы лично завершить вербовку этого агента. Высокопоставленный офицер КГБ выругался про себя. "Кассий" скрыл от него эту информацию, надеясь, наверно, потрясти руководителя американской агентурной сети. Капитан Егоров - офицер КГБ, поддерживающий связь с "Кассием", - невозмутимо выслушал его и описал свою первую встречу с американцем в мельчайших подробностях, как и следовало.

- "Зеленый самшит"... - пробормотал Глазов. Просто зашифрованное название операции, выбранное американцами безо всякой причины, как это у них принято. И тут же возник вопрос: следует ли сообщить об этом вьетнамцам. Это было уже не оперативное решение, а политическое, и принимать его нужно немедленно. Полковник снял телефонную трубку и позвонил начальнику своего управления. Генерал был дома, и настроение у него сразу испортилось.

Рассвет здесь казался каким-то неопределенным. Окраска облаков изменялась от синевато-серой до дымчато-серой, по мере того как присутствие солнца становилось все более заметным, хотя оно не появилось на местном небосклоне до тех пор, пока область низкого давления не уйдет на север, в сторону Китая, - так по крайней мере утверждали синоптики. Келли поглядывал на часы, все замечая и запоминая. Всего было сорок четыре охранника, плюс четыре офицера и, может быть, один-два повара. Все кроме тех, кто находились на вышках, выстроились на плацу для утренней гимнастики. Многим было нелегко проделывать упражнения, один из офицеров - старший лейтенант, судя по знакам отличия на погонах, - даже передвигался, опираясь на палку, да и рука у него, по-видимому, тоже еще не зажила, раз он с таким трудом ею пользовался. Что у тебя за раны? - подумал Келли. Хромой и раздраженный сержант проходил вдоль длинных шеренг выстроившихся солдат, ругаясь с пылом, который явно демонстрировал длительную практику. Через призмы бинокля Келли следил за выражением лиц рядовых, мимо которых уже прошел хромой ублюдок. Мимика и насмешливые улыбки северо-вьетнамских солдат делали их похожими на людей, что совсем не нравилось Келли.

Утренняя гимнастика длилась полчаса. После этого солдаты отправились на завтрак - строй рассыпался, превратившись в невоенную, разболтанную толпу. Как и ожидалось, охранники на вышках большей частью смотрели внутрь лагеря, причем, как правило, опираясь на локти. Похоже, автоматы их не были заряжены - патроны находились в обоймах, что было вполне разумной предосторожностью, однако в решающую минуту она могла оказаться для них роковой - этой ли ночью или следующей, в зависимости от погоды.

Келли еще раз посмотрел по сторонам. Не следует целиком концентрировать свое внимание на цели. Теперь он больше не будет двигаться, даже под прикрытием рассеянного дневного света, наступившего с приходом утра, но время от времени Келли все же поворачивал голову и прислушивался. Запоминал птичьи голоса, привыкал к ним, чтобы всякая перемена сразу же привлекла его внимание. На дуле его автоматического карабина висела зеленая тряпка, шляпа защитного цвета с обвислыми полями скрывала очертания его головы за кустом, маскировочная окраска делала невидимым лицо, - а все вместе превращало Келли в частицу этой теплой и влажной среды. Интересно, почему люди воюют из-за этого проклятого места? - подумал он. Келли уже чувствовал, как по его коже ползают насекомые. Отчасти его спасал лишенный запаха репеллент, но он действовал не на всех насекомых, и неприятное ощущение от ползающих по нему существ усугублялось недозволенностью резких движений. В местах, подобных этому, любая оплошность может оказаться роковой. Он так много забыл за прошедшие годы. Подготовка к операции была нужной и полезной, но за короткое время невозможно восстановить все утраченные навыки. Ничто здесь не может избавить от чувства реальной опасности, и Келли ощущал, как быстро бьется его сердце, - это может истощить силы, даже если он будет лежать совершенно неподвижно. Ты всегда помнишь об этом, хотя и не до конца.

Пища, питание, сила. Он сунул руку в карман, медленно и осторожно, и достал оттуда пару питательных таблеток. По своему желанию Келли никогда не стал бы есть ничего подобного, но сейчас это было необходимо. Зубами он сорвал пластмассовую обертку и принялся медленно их пережевывать. Сила, поступавшая в его тело от этих таблеток, являлась в равной степени психологической и реальной, но оба фактора были полезными, поскольку телу нужно справляться и с усталостью и со стрессом.

В восемь часов произошла очередная смена караула. Сменившиеся спустились с вышек и отправились завтракать. Двое солдат заняли пост у ворот, их лица выражали очевидную скуку еще до того, как они приблизились к своему объекту. Они стояли в ожидании транспорта, который, наверно, никогда не появляется в этом заброшенном лагере. На плацу выстроились рабочие группы, и выполняемое ими дело казалось таким же бесполезным Келли, как и тем, кто выполнял его стойчески и не спеша.

Полковник Гришанов проспал до восьми часов. Прошлой ночью он работал допоздна, и, хотя намеревался встать пораньше, только сейчас к своему неудовольствию обнаружил, что привезенный им с собой механический будильник окончательно вышел из строя, пораженный непреодолимой коррозией, вызванной этим проклятым климатом. Десять минут девятого, увидел он, взглянув на свои штурманские часы. Проклятье. Придется обойтись без утренней пробежки. Скоро для этого станет слишком жарко, и к тому же походило на то, что дождь не стихнет весь день. На своем походном армейском примусе Гришанов приготовил чай. Снова нет утренней газеты, снова никаких сообщений о результатах футбольных матчей, никаких театральные обзоров, отчетов о новой постановке балетного спектакля. Ничего нет в этом проклятом месте, что бы могло как-то развлечь его. Какой бы важной ни была поставленная перед ним задача, полковник Гришанов, как и всякий человек, нуждался в том, чтобы отвлечься, хотя бы на короткое время. Тут нет даже приличного туалета. Он уже привык к этому, но все равно все это тяжело. Господи, как хочется вернуться домой, услышать родную речь, снова оказаться среди культурных людей, с которыми можно поговорить. Гришанов нахмурился, взяв бритву и глядя на себя в зеркало. Впереди еще месяцы работы, а он ноет, как новобранец. Нельзя позволять себе этого.

Его мундир нуждался в чистке и глажке. Воздух был таким влажным, что свежая хлопчатая форменная рубашка мигом превращалась в подобие мятой пижамы. Он уже донашивал тут третью пару ботинок. Полковник поднес к губам стакан чая, одновременно просматривая записи, сделанные во время допросов прошлым вечером. Одна работа и никаких развлечений..., однако он уже опаздывает. Гришанов попытался закурить, но спички отсырели. Ничего, можно прикурить и от примуса. Куда он дел зажигалку..?

Впрочем, у его работы были и положительные стороны. Вьетнамские солдаты приветствовали его с уважением, едва ли не с благоговением - за исключением коменданта лагеря, майора Вина, этого мерзкого подонка. Из уважения к союзнику по социалистическому лагерю полковнику Гришанову выделили ординарца - это был низенький, одноглазый, неграмотный крестьянский парень, умевший заправлять постель и выносить по утрам помойное ведро. Полковник покидал свою комнату с уверенностью, что по его уходе ее приведут в порядок. Ему предстояла важная работа. Исключительно важная, она возбуждала у него профессиональный интерес. И все-таки он готов был на убийство ради "Советского спорта" по утрам.

- Доброе утро, Иван, - прошептал про себя Келли. Ему даже не потребовалось бинокля. Рост офицера так выделял его среди остальных фигур на плацу - он был выше шести футов, - а его мундир был куда аккуратнее, чем форма северовьетнамских солдат. Приложив к глазам бинокль, Келли разглядел лицо русского офицера - бледное, с нездоровым румянцем, прищуренные глаза говорили о сосредоточенности на мыслях о предстоящем рабочем дне. Русский махнул рукой низкорослому солдату, что стоял у входа в офицерское общежитие. Ординарец, подумал Келли. Русский офицер явно любил знаки уважения и связывал их с предоставлением определенных удобств. Судя по крылышкам над карманом на левой стороне груди, это несомненно летчик. И так много боевых наград. Неужели здесь только один русский? - подумал Келли. Только один русский помогает вьетнамцам пытаться военнопленных? Как-то странно. Впрочем, это означало, что придется убить только одного лишнего человека, и, несмотря на свой узкий политический кругозор, Келли понимал, что смерть русского офицера может привести к одним неприятностям. Он следил за тем, как русский шел по плацу. И тут навстречу ему появился явно старший вьетнамский офицер, майор. И этот хромает, отметил Келли. Низенький майор приложил руку к фуражке, приветствуя высокого полковника.

- Доброе утро, товарищ полковник.
- Доброе утро, майор Вин. - Эти маленькие ублюдки даже не научились правильно салютовать. Может быть, он просто не хочет заставить себя относиться с должным уважением к старшему по званию. - Рацион для военнопленных?
- Они будут есть то, что получают, - ответил маленький майор на исковерканном русском языке.
- Послушайте, майор, очень важно, чтобы вы поняли меня, - произнес Гришанов, делая шаг вперед и глядя на вьетнамца сверху вниз. - Мне нужна информация, которой они располагают. Я не смогу получить ее, если они будут слабыми и больными и не смогут говорить со мной.
- Товарищ, у нас не хватает пищи для собственного народа. Вы хотите, чтобы мы тратили продукты питания на убийц? - спокойно ответил вьетнамский офицер. В его голосе звучало одновременно презрение к этому иностранцу, и в то же время казалось, что он разговаривает с ним с уважением, что было немаловажно для его солдат, не понимающих, о чем идет речь. В конце концов, солдаты считали, что русские - их верные союзники.
- У ваших людей нет того, в чем нуждается моя страна, майор. И если моя страна получит то, что ей нужно, то и ваша страна может получить побольше того, в чем она нуждается.
- У меня приказ. Если у вас есть трудности с допросом американцев, могу помочь. - Высокомерный пес. Это можно было не произносить вслух, и майор Вин знал, как уколоть русского в самое чувствительное место.
- Спасибо, майор. В этом нет необходимости. - Гришанов приложил руку к фуражке еще небрежнее майора, этого отвратительного маленького человечка. Чтоб ты содох, подумал русский, направляясь к тюремному барaku. Его первая встреча сегодня утром была с американским морским летчиком, готовым к тому, чтобы рассказать ему все.

Да, у них отношения достаточно неформальные, подумал Келли, наблюдая за офицерами с расстояния в несколько сотен ярдов. Похоже, эти двое не очень ладят друг с другом. Теперь его наблюдение за лагерем не было столь напряженным. Больше всего Келли боялся, что охрана лагеря вышлет патрули, чтобы прочесать окружающие джунгли, как поступило бы регулярное подразделение во вражеской стране. Но вьетнамцы находились на своей территории, и охрана лагеря не была подразделением регулярной армии. Его следующее донесение, переданное на "Огден", гласило, что все развивается в ожидаемых пределах, никакой дополнительной опасности.

Сержант Питер Майер курил. Его отец относился к этому с неодобрением, но примирился с этой слабостью сына, требуя одного - чтобы он не курил в доме. И сейчас они сидели после воскресного ужина на заднем крыльце пасторского дома.

- Значит, это Дорис Браун? - спросил Питер. В свои двадцать шесть лет он был одним из самых молодых сержантов полицейского департамента и, подобно большинству современных полицейских, ветераном войны во Вьетнаме, ему оставалось шесть зачетных часов до получения диплома вечерней школы, и он подумывал о поступлении в академию ФБР. Соседи уже знали о возвращении девушки, исчезнувшей несколько лет назад. - Я помню ее. В прошлом у нее была любопытная репутация.

- Питер, ты ведь знаешь, что я не могу говорить об этом. Пасторская клятва, понимаешь. Я посоветую девушке поговорить с тобой, когда наступит время, но...

- Папа, я знаком с тайной исповеди. Но ты должен понять, что речь идет о двух убийствах. Два человека убиты, да еще торговля наркотиками. - Он бросил окурок сигареты "Салем" в траву. - Это очень серьезное дело, папа.

- Даже хуже, чем ты думаешь, - еле слышно вздохнул отец. - Они не просто убили этих девушек. Их подвергли пыткам, сексуальным извращениям. Все это просто ужасно. Спасшаяся девушка проходит сейчас курс лечения у психиатра. Я знаю, что должен предпринять что-то, но не могу...

- Да, я понимаю, что ты не можешь нарушить закон. Ну хорошо, завтра я позвоню в полицию Балтимора и передам им то, что ты мне рассказал. Вообще-то следовало бы подождать, пока мы не предоставим в их распоряжение что-то конкретное, что-то, что могло бы помочь расследованию этого дела, но ты правильно говоришь - мы должны что-то предпринять. Я позвоню им завтра с самого утра.

- А это не подвергнет девушку опасности? - спросил пастор Майер, ругая себя за то, что в начале разговора употребил слово "девушка", а не "человек".

- Не должно, - ответил подумав Питер. - Если ей удалось скрыться от них - я имею в виду, что они не знают, где она находится, а если бы знали, то уже попытались бы устранить ее.

- Но как могут люди поступать так жестоко? Питер закурил новую сигарету. Его отец был слишком праведным человеком, чтобы понять, какое зло существует в мире. Впрочем, и он сам не до конца понимал это. - Папа, я постоянно сталкиваюсь с подобными случаями, и мне тоже трудно поверить этому. Но главное в том, чтобы арестовать этих мерзавцев.

- Пожалуй, ты прав.

Резидент КГБ в Ханое имел звание генерал-майора, и его работа заключалась преимущественно в том, чтобы шпионить за так называемыми союзниками. Каковы их истинные цели? Являются их разногласия с Китаем настоящими или притворными? Останутся ли они союзниками России после успешного завершения войны? Позволят ли они Советскому Союзу пользоваться военной базой, после того как американцы покинут Вьетнам? Действительно ли их идеологические взгляды так тверды, как они пытаются уверить русских? Это были вопросы, на которые, как ему казалось, он имел ответы, но приказы, полученные им из Москвы, и его собственный скептицизм заставляли генерала снова и снова задавать их. У него были агенты в Министерстве иностранных дел Вьетнама и в других правительственных учреждениях. Это были вьетнамцы, их готовность информировать его, союзника по социалистическому лагерю, в случае обнаружения означала для них смерть, хотя во имя сохранения добрых отношений между их странами такая смерть будет представлена как "несчастный случай" или "самоубийство", поскольку ни одна из сторон не хотела формального разрыва. Словесным выражением преданности в социалистических странах придавали еще большее значение, чем в капиталистических, генерал знал это, - ведь создавать символы намного проще, чем преобразовывать действительность.

Расшифрованная телеграмма, что лежала на его столе, представляла немалый интерес, особенно по той причине, что в ней не было прямых указаний относительно того, как ему следует поступить. Как это похоже на московских бюрократов! Они всегда спешат вмешаться в события, которые он мог уладить и без их участия, а вот теперь они не знали, что предпринять, - не знали, но боялись не предпринять ничего. Вот потому и поручили ему решить проблему на месте.

Генерал, разумеется, знал о существовании лагеря. Несмотря на то что лагерь с американскими военнопленными находился в ведении военной разведки, у него были свои люди в аппарате военного атташе, информировавшие его. В конце концов, КГБ следил за всеми, для чего и был создан. Полковник Гришанов пользовался в своей работе нестандартными методами, однако, судя по его донесениям, ему удалось добиться хороших результатов, намного лучших, чем та информация, которую получал сам генерал от этих маленьких дикарей. И вот теперь у полковника появилась по-настоящему смелая идея. Вместо того чтобы разрешить вьетнамцам расправиться с военнопленными, он предложил

вывезти их в Россию. Эта мысль была по-своему блестящей, и генерал КГБ пытался решить, стоит ли ему поддержать ее в одном из своих донесений в Москву, где это предложение, несомненно, будет рассматриваться на уровне Совета Министров или даже Политбюро. В целом, считал генерал, такая мысль заслуживает особого внимания.., и эта точка зрения помогла ему решить возникшую перед ним проблему.

Как ни привлекательно было бы предоставить американцам возможность спасти своих военнопленных в ходе их операции “Зеленый самшит”, поскольку это убедит вьетнамцев в необходимости более тесного сотрудничества с Советским Союзом, докажет им их несостоятельность, в то же время это будет означать, что сведения, находящиеся в головах американцев, будут навсегда потеряны для его родины, а Советскому Союзу эти сведения были необходимы.

Сколько времени, подумал генерал, можно с этим подождать? Американцы действуют быстро, но отнюдь не молниеносно. Операцию одобрили в Белом доме всего неделю назад. Все бюрократические колесики, в конце концов, крутятся одинаково медленно. В Москве для подготовки и осуществления такой операции потребовалась бы вечность. Операция “Кингпин” тоже готовилась очень долго - иначе она оказалась бы успешной. Только удача второразрядного советского агента на юге Соединенных Штатов позволила Советскому Союзу предупредить Ханой, и то с эвакуацией военнопленных едва не опоздали. Зато сейчас предупреждение поступило загодя.

Политические игры. Их просто невозможно отделить от разведывательных операций. В прошлом его едва не обвинили в намеренной затяжке решения, но впредь он не дает им такой возможности. Даже с марионетками нужно обращаться, как с товарищами. Генерал поднял трубку, чтобы пригласить вьетнамского коллегу вместе пообедать. Они будут обедать в посольстве, только там подают приличную пищу, подумал генерал.

Глава 29

И покинет последним

Команда знала, что они будут лишь сторонними наблюдателями, поэтому следила за морскими пехотинцами с радостным возбуждением. Двадцать пять солдат без усталости проделывали физические упражнения и закончили тренировку пробежкой вокруг стоящих на палубе вертолетов. Матросы смотрели на них молча. Теперь все стало известно. Слишком многие видели подводные сани, и матросы, сидя за столами в кают-компании, подобно профессиональным разведчикам, собрали воедино некоторые факты да еще и приукрасили их домыслами. Значит, морские пехотинцы высаживаются в Северном Вьетнаме. Что последует за этим, никто не знал, но все пытались догадаться. Может быть, операция заключается в том, чтобы захватить установку по запуску зенитных ракет и доставить на корабль какие-то важные детали. Может быть, собираются уничтожить какой-то мост, но скорее всего целью операции являются люди. Возможно, вьетнамские партийные руководители.

- Военнопленные, - уверенно заявил старшина второй статьи, доедая свой гамбургер, который на флоте называют, “салазками”. - Кто еще? - прибавил он и кивнул в сторону медицинского персонала, обедавшего за отдельным столом:

- Шесть санитаров, четыре врача - слишком много медицинских дарований, парни. Как вы думаете, зачем они здесь?

- Господи, - заметил другой моряк, отпивая молоко из чашки. - Ты действительно прав, приятель.

- Да, нам будет чем гордиться, если это закончится успехом, - отозвался третий, - Сегодня вечером ожидается плохая погода, - вставил старшина-рулевой. - Главный метеоролог флота улыбался по этому поводу, а я видел, как вчера его выворачивало наизнанку. Наверно, он не может, переносить плавание на корабле меньше авианосца. - “Огден” действительно очень странно раскачивался на волнах, и причина этого заключалась в необычной форме, которую имел корпус судна, а когда оно поворачивалось бортом к порывистому западному ветру, ситуация еще больше ухудшалась. Матросам всегда доставляло удовольствие наблюдать, как у кого-то из офицеров исчезает за бортом обед - в данном случае это был ужин, - и, уж конечно, никто не станет радостно улыбаться, узнав о том, что приближается шторм, при котором его снова вывернет наизнанку. На это должна быть весома причина. Заключение было очевидным, хотя от таких выводов служба безопасности приходит в отчаяние.

- Боже милостивый, надеюсь, у них будет все в порядке.

- Давайте еще раз осмотрим летную палубу, - предложил младший боцман. Все закивали. Тут же была собрана рабочая команда. Через час на черной летной палубе, покрытой составом, предупреждающим скольжение, не останется даже спички.

- У вас хорошие парни, капитан, - заметил Голландец Максвелл, наблюдая с правого крыла мостика за рабочей командой. То и дело кто-нибудь из матросов наклонялся, подбирая что-то с палубы, - самый малый “посторонний” предмет мог, попав в лопасти турбины вертолета, повредить двигатель. На морском языке это называлось ППП - “повреждение посторонним предметом”. Своими действиями команда “Огдена” показывала - что ни случись сегодня вечером, причина никак не будет связана с их судном.

- Много студентов из колледжей, - ответил Фрэнке, с гордостью глядя на своих матросов. - Иногда мне кажется, что палубная команда ничуть не уступает по интеллекту офицерской кают-компании. - Это было вполне простительным преувеличением. На самом деле ему хотелось сказать что-то совершенно иное, то, о чем думал каждый на борту “Огдена”: насколько велики шансы на успех? Однако капитан не задал вопроса вслух. И правильно сделал, потому что, произнесенный, он мог оказаться не к добру, принести несчастье. Даже мысли об этом могли сказаться на исходе операции, но, как Фрэнке ни пытался, он не мог заставить себя перестать думать о ней.

Тем временем морские пехотинцы собрались в своем помещении вокруг ящика с песчаным макетом лагеря. Они

уже один раз обсудили предстоящую задачу и теперь делали это снова. Процедура повторится еще раз перед ленчем и несколько раз после него, причем как с участием всей штурмовой группы, так и с отдельными солдатами и подразделениями. Каждый морской пехотинец видел лагерь и представлял собственные действия с закрытыми глазами, вспоминая свои тренировки в Куантико, заново переживая учебные штурмы с применением боевого оружия.

- Капитан Элби, сэр? - В помещение вошел рассыльный и протянул капитану раскрытый блокнот. - Донесение от мистера Кларка, сэр.

Капитан морской пехоты улыбнулся:

- Спасибо, матрос. Вы прочитали его? Рассыльный смущенно покраснел.

- Прошу извинить меня, сэр. Да, прочитал. Все спокойно. - Он на мгновение заколебался, прежде чем выразить собственную мысль:

- Сэр, мои товарищи желают вам удачи. Как следует пните их в зад, сэр.

- А вы знаете, шкипер, - заметил Ирвин, когда рассыльный вышел и закрыл за собой дверь, - я, пожалуй, больше никогда не смогу ударить матроса, даже в кабаке.

Элби прочитал донесение.

- Парни, наш друг находится на наблюдательном пункте. Он сообщает, что в лагере сорок четыре охранника, четыре офицера, один русский полковник. Караульную службу несут как обычно, никаких отклонений от нормы. - Молодой капитан поднял голову. - Ну вот, солдаты. Сегодня вечером мы начинаем.

Один из молодых морских пехотинцев сунул руку в карман и достал оттуда большое резиновое кольцо. Нарисовав на нем шариковой ручкой два глаза, он опустил его на вершину холма, который они назвали "холмом Змеи".

- Этот парень, - проворчал он, повернувшись к своим товарищам, - хладнокровный сукин сын.

- Не забудьте, - громко предостерег всех Ирвин, - и особенно группа огневой поддержки. Как только мы приблизимся к лагерю, он побежит к нам вниз по склону холма. Не вздумайте подстрелить его.

- Не беспокойся, сардж, - заверил его старший в группе огневой поддержки.

- Солдаты, пошли пообедаем. Я хочу, чтобы все вы как следует отдохнули днем. Ешьте выданные вам витамины. Нужно, чтобы вы хорошо видели в темноте. Оружие разобрать, почистить и приготовить к осмотру в семнадцать ноль-ноль, - обратился к морским пехотинцам капитан Элби. - Вы знаете, что за операция нам предстоит. Проявите хладнокровие, и мы добьемся успеха. - Сейчас ему нужно было встретиться еще раз с экипажами вертолетов и окончательно обсудить планы высадки и эвакуации.

- Будет исполнено, сэр, - ответил за всех старший сержант Ирвин.

- Привет, Робин.

- Привет, Коля, - слабым голосом отозвался Закариас.

- Я все еще стараюсь добиться, чтобы вас лучше кормили.

- Да, это было бы неплохо, - признался американец.

- Вот, попробуй. - Гришанов передал ему кусок черного хлеба, присланного из Москвы женой. От влажного климата на хлебе успела появиться плесень, но русский полковник соскоблил ее ножом. И все равно американец жадно накинул на еду. Проглотить черствый хлеб помог глоток из фляжки Гришанова.

- Я еще сумею сделать из тебя русского, - неосторожно усмехнулся полковник советских ВВС. - Водка требует в качестве закуски черного хлеба. Мне так хотелось бы показать тебе свою страну. - Гришанов решил в дружеском мужском разговоре незаметно заронить в голову американца семя такой мысли.

- У меня семья, Коля. Если угодно Господу...

- Да, Робин. Если угодно Господу. - Или если угодно Северному Вьетнаму, или если угодно Советскому Союзу. Или еще кому-нибудь. Каким-то образом Гришанов должен спасти и этого американца и остальных. Столько американских офицеров стали теперь его друзьями. Он столько узнал о них, о их семьях, хороших и плохих семейных отношениях, о их детях, их мечтах и надеждах. Эти американцы такие странные, такие откровенные. - Кроме того, если угодно Господу, на случай попытки китайцев подвергнуть Москву ядерному удару, теперь у меня есть план, как остановить их. - Он развернул карту и положил ее на пол. Это был результат всех его бесед с американским коллегой, все, что он узнал, проанализировал и нанес на лист бумаги. Гришанов очень гордился этим, карта давала ясное и наглядное представление о в высшей степени сложном, блестяще разработанном оперативном плане.

Закариас провел по карте пальцем, читая нанесенные на ней пометки на английском языке, казавшиеся такими странными среди русских названий. На его лице появилась одобрительная улыбка. Умный парень этот Коля, так быстро научился многому. То, как он расположил свои истребители-перехватчики, как он оттянул их назад, патрулируя воздушное пространство позади горных хребтов, наглядно свидетельствует, что он постиг всю глубину оборонной концепции. А эти ловушки из ракетных зенитных батарей. Коля мыслил теперь не просто как летчик-истребитель, нет, он поставил себя на место пилота, ведущего стратегический бомбардировщик. Это - первый шаг в понимании того, как все произойдет. Если каждый русский командир ПВО начнет понимать, как осуществить это, американской стратегической авиации придется нелегко...

Боже мой.

Руки Робина перестали двигаться.

Полковник Гришанов имел в виду совсем не китайские бомбардировщики.

Закариас поднял голову, и пришедшая мысль отразилась на его лице еще до того, как он нашел в себе силы

заговорить:

- Сколько бомбардировщиков “Бэджер” у китайцев?

- Сейчас? Двадцать пять. Они стараются увеличить их число.

- Но теперь ты в состоянии перенести все, что тебе известно, и на другие направления.

- Да, нам придется сделать это, по мере того как они увеличивают свою бомбардировочную авиацию, Робин, я ведь говорил тебе об этом, - быстро и спокойно ответил Гришанов, но было уже поздно, увидел он.

- Я рассказал тебе все, что мне было известно... - растерянно произнес американский полковник, глядя на карту. Затем его глаза закрылись и плечи задрожали. Гришанов обнял его, чтобы разделить боль, охватившую друга.

- Робин, ты научил меня, как защитить детей моей страны. Я не лгал тебе. Мой отец действительно ушел из университета, чтобы воевать против немцев. Мне действительно пришлось эвакуироваться из Москвы, когда я был еще ребенком. У меня действительно погибли друзья той суровой зимой, замерзли в снегу - маленькие девочки и мальчики. Все это действительно случилось. Я видел это собственными глазами.

- А вот я предал свою страну, - прошептал Робин. Озарение охватило его со скоростью и силой падающей авиабомбы. Как он мог вести себя так глупо, проявить такую слепоту? Робин откинулся назад, почувствовал внезапную боль в груди, в это мгновение ему хотелось, чтобы у него произошел сердечный приступ. Впервые в жизни он мечтал о смерти. Но это не было сердечным приступом. Просто сжался желудок, страдающий от повышенной кислотности. Этого следовало ожидать - кислота разъедала ему желудок, подобно тому как сознание разъедало оборонительные рубежи его души. Он предал свою страну и предал своего Бога. Его проклянут.

- Друг мой...

- Ты воспользовался моей слабостью! - прошипел Закариас, пытаясь отстраниться от русского.

- Робин, выслушай меня. - Гришанов не отпускал его. - Я люблю свою страну точно так же, как ты любишь свою.

Я дал клятву защищать ее. Я не лгал тебе относительно этого, и теперь наступило время, когда ты должен узнать и о другом. - Американский полковник должен понять его. Он должен убедить Закариаса, подобно тому как сам Закариас во многом убедил его самого.

- Узнать - о чем?

- Робин, ты - мертвец. Вьетнамцы сообщили тебе домой, что ты погиб в бою. Тебе никогда не разрешат вернуться обратно. Вот почему ты не в тюрьме Хоа Ло, “Хилтон”, как вы ее называете, - Гришанов почувствовал, как его душу пронизала резкая боль, когда Закариас посмотрел на него горьким взглядом. Русский полковник заговорил снова, и теперь в его голосе звучала мольба.

- Когда ты думаешь, что я обманул тебя, ты ошибаешься. Я умолял своих начальников позволить мне спасти тебя. Клянусь жизнью своих детей: я не допущу, чтобы ты умер. Ты не сможешь вернуться обратно в Америку. Я позабочусь о том, чтобы тебе было хорошо в России. Ты снова сможешь летать, Робин! У тебя будет новая жизнь. Не в моих силах вернуть тебя домой к твоей Эллен и детям. Если бы я мог, я сделал бы это. Я не чудовище, Робин, а всего лишь человек, как и ты. У меня есть своя страна, как и у тебя. У меня есть семья, как и у тебя. Ради Бога, дружище, поставь себя на мое место. Что сделал бы ты, оказавшись в таком положении? Как бы чувствовал себя?

Ответа не последовало, послышался стон, разрывающий душу - стон стыда и отчаяния.

- Неужели ты допустил бы, чтобы они подвергли меня пыткам? Согласись, ведь я добился своего. Шесть военнопленных умерли в этом лагере, понимаешь? Шесть американцев погибли, перед тем как я приехал сюда. Я сразу положил этому конец! Только один офицер умер после моего приезда - только один, и я плакал, вспоминая его, Робин, да, плакал! Я бы с радостью убил этого майора Вина, этого маленького фашиста. Я спас тебя и всех остальных! Я сделал все, что в моих силах, и умолял своих начальников сделать как можно больше для вас. Я делился с тобой пищей, Робин, тем, что присылала мне Марина!

- А я научил тебя убивать американских летчиков...

- Только в том случае, если они нападут на мою страну, Робин. Только тогда мы воспользуемся тем, чему ты меня научил. Неужели ты хочешь, чтобы они убили мою семью?

- Но ведь дело обстоит совсем не так!

- Нет, именно так. Разве ты не видишь этого? Это не игра, Робин. Мы - ты и я - занимаемся смертью, и, чтобы спасти жизни одних, нужно убивать других.

Может быть, надеялся Гришанов, когда-нибудь полковник Закариас поймет все это. Он - умный человек, у него рациональный взгляд на жизнь. Когда у него появится время посмотреть в лицо фактам, он поймет, что жизнь лучше смерти, и тогда, пожалуй, они снова станут друзьями. Ну а пока, подумал русский полковник, я спас ему жизнь. Пусть американец проклинает меня за это, для своих проклятий ему нужно вдохнуть воздух, эликсир жизни. Он, полковник Гришанов, будет с гордостью носить это бремя. Он получил нужную ему информацию и при том сумел спасти человеческую жизнь, а это в точности соответствует предназначению летчика ПВО страны, который когда-то поклялся сделать спасение жизней своей целью, еще будучи маленьким испуганным мальчиком, направлявшимся из Москвы в Горький.

Келли увидел, что русский офицер вышел из тюремного блока незадолго до ужина. В руке он держал блокнот, полный, несомненно, информации, полученной им от военнопленных.

Мы поджарим твой жалкий красный зад, прошептал про себя Келли. Парни бросят пару зажигательных гранат тебе в окно, приятель, и поджарят тебя на ужин вместе с твоими записями. Это уж точно.

Теперь он чувствовал это. Опять Келли охватило редкое ощущение, что ты один знаешь, что произойдет, - божественное чувство видения будущего. Он отпил воды из фляжки. Нужно принять меры, чтобы не допустить обезвоживания организма. Теперь приходилось сдерживать нетерпение. Перед его глазами находилось здание с заключенными в нем двадцатью одиночками, испуганными и страдающими американцами, и, хотя Келли не встречался ни с одним из них, да и по имени знал только одного, поставленная цель заслуживала любых усилий. Что касается остального, он попытался вспомнить латинскую фразу, которую вынес из средней школы: пожалуй, *morituri pop cognant* - обреченные на смерть о том не ведают. Для Келли этого было достаточно.

- Отдел по расследованию убийств.
- Здравствуйте, мне нужен лейтенант Фрэнк Аллен.
- Это я, - ответил Аллен. В это утро понедельника он сел за свой стол всего пять минут назад. - С кем я разговариваю?
- С сержантом Питом Майером, сэр, из Питтсбурга, - послышался голос в телефонной трубке. - Капитан Дули посоветовал мне связаться с вами.
- Давно не видел Майка, сержант. Он все еще болеет за "Пиратов"?
- Каждый вечер, лейтенант. Я тоже стараюсь не пропустить ни одного матча.
- Вы позвонили, чтобы узнать о результатах матча, сардж? - с усмешкой спросил Аллен. Полицейское братство.
- "Пираты" в отличной форме. В этом году Роберто не имеет себе равных. - Действительно, у Клемента год был выдающимся.
- Вы так считаете? А как же Брукс и Фрэнк? - Братья Робинсон тоже играли великолепно. - Итак, сардж, чем могу служить?
- Лейтенант, у меня есть для вас кое-какие сведения. Это о двух убийствах, обе жертвы - женщины, лет примерно двадцати.
- Одну минуту. - Аллен взял чистый лист бумаги. - Кто источник вашей информации?
- Раскрыть это я пока не могу, сэр. Тайна исповеди, понимаете. Я стараюсь получить разрешение, но для этого может потребоваться некоторое время. Можно продолжать?
- Хорошо. Имена жертв?
- Последней была убита Памела Мэдден - совсем недавно, всего несколько недель назад.
- Господи, да это же труп у фонтана! - У лейтенанта Аллена широко открылись глаза от изумления. - А кто вторая?
- Ее звали Элен, убили где-то прошлой осенью. Оба убийства были совершены с исключительной жестокостью - пытки и сексуальные извращения, лейтенант.
Аллен наклонился вперед, прижимая к уху телефонную трубку.
- Вы хотите сказать, сержант, что у вас находится свидетель обоих убийств?
- Совершенно верно, сэр. Дело обстоит именно так. Кроме того, у меня есть имена двух возможных участников этих преступлений. Это двое белых мужчин, одного зовут Билли, другого Рик. Больше сведений о них нет, но я могу заняться и этим.
- Спасибо, но расследованием этих убийств занимается центральное полицейское управление, лейтенант Райан и сержант Дуглас. Мне известны оба имени - я имею в виду имена жертв. Это преступления, которые привлекли к себе большое внимание и являются очень важными, сардж. Насколько надежна ваша информация?
- Я считаю ее очень достоверной, лейтенант. У меня есть для вас одно доказательство. Жертве номер два, Памеле Мэдден, после смерти расчесали волосы.
В каждом важном полицейском расследовании несколько ключевых моментов всегда держатся в тайне, о них не сообщается прессе, чтобы отсеять немалое количество чокнутых, постоянно звонящих в полицию с признаниями о совершенных преступлениях или о чем-нибудь другом, что может потрясти их большую фантазию. Информация о расчесанных волосах была настолько секретной, что даже лейтенант Аллен ничего не знал об этом.
- Что-нибудь еще?
- Оба убийства связаны с торговлей наркотиками. Убитые девушки развозили товар дилерам.
- Точно! - взволнованно воскликнул Аллен. - Ваш источник находится в тюрьме или как?
- Я боюсь нарушить данное мной слово, но - хорошо, признаюсь. Мой отец - священник. Он беседует с девушкой, успокаивает ее, проповедует христианскую добродетель. Только прошу вас, лейтенант, никто не должен об этом знать, ладно?
- Понимаю. Что, по-вашему, мне следует предпринять?
- Вы не могли бы передать полученную информацию детективам, ведущим расследование? В случае необходимости они могут связаться со мной через полицию Питтсбурга. - Сержант Майер назвал свой служебный номер телефона. - Я руковожу у себя в отделении сменой полицейских патрулей, а сейчас мне нужно ехать, чтобы прочитать лекцию в академии. Вернусь обратно в четыре.
- Очень хорошо, сержант. Я передам все, что вы мне сказали. Спасибо за информацию. Том и Эм позвонят вам, не сомневайтесь. - Боже мой, да мы готовы отдать Питтсбургу победу только , ради того, чтобы арестовать этих ублюдков. Аллен переключил клавиши на своем телефонном аппарате.

- Привет, Фрэнк, - сказал лейтенант Райан. Когда он ставил на стол свою чашку кофе, казалось, что это движение происходит при замедленной фотосъемке. Такое впечатление тотчас же исчезло, стоило ему взять ручку. - Продолжай, я записываю.

Этим утром сержант Дуглас опоздал с приходом в отдел из-за несчастного случая на шоссе 1-83. Он вошел, держа в руке свою утреннюю чашку кофе и булочку, и увидел, как его босс что-то поспешно записывает.

- Расчесала ей волосы? Он что, сказал это тебе? - спросил Райан. Дуглас наклонился через стол и увидел, что взгляд лейтенанта напоминает взгляд охотника, только что услышавшего первый шорох в кустах. - О'кей, какие имена он назвал... - Рука детектива сжалась в кулак. Он медленно выдохнул. - Ну хорошо, Фрэнк, где находится этот парень? Спасибо. До свидания.

- Хорошие новости?

- Питтсбург, - произнес Райан.

- Что?

- Позвонил полицейский сержант из Питтсбурга. Он знает о том, где находится возможный свидетель убийств Памелы Мэдден и Элен Уотерс.

- У него надежная информация?

- Девушка, которая расчесала волосы Памелы Мэдден, Том. А теперь попробуй догадаться, чьи еще имена всплыли вместе с именами убитых девушек?

- Ричард Фармер и Уильям Грейсон?

- Да, Рик и Билли. Прямо в цель, а? Девушки были, по-видимому, курьерами в наркобизнесе. Одну минуту... - Райан откинулся на спинку кресла и уставился в пожелтевший потолок. - Когда убили Фармера, там была девушка - мы думаем, что была, - поправился он. - Прямая связь. Том. Памела Мэдден, Элен Уотерс, Фармер, Грейсон - все они связаны..., это означает...

- И уличные торговцы. Все каким-то образом связаны между собой. Что связывает их, Эм? Нам известно, что все они принадлежали - наверно все - к наркобизнесу.

- Два различных *modus operandi*⁹. Том. Девушек убили как..., нет, так не поступают даже со скотом. А вот все остальные. Том, все остальные убиты Невидимкой, который мстил за что-то! Именно это сказал мне Фарбер - человек, сделавший мщение целью своей жизни.

- Мстить, - согласился Дуглас, поддерживая анализ Райана собственными размышлениями. - Боже, Эм, да разве можно винить его?

Только один человек, имеющий отношение к убийствам, был близок с одной из девушек, и его имя известно департаменту полиции, верно? Райан поднял телефонную трубку и снова позвонил лейтенанту Аллену.

- Фрэнк, как зовут того парня, который занимался с тобой делом Гудинга? Ну тот, из флота?

- Келли, Джон Келли, он нашел пистолет недалеко от Форт-Макгенри. Затем центральное управление заключило с ним договор о подготовке полицейских ныряльщиков, помнишь? Ах да! Ну конечно! Памела Мэдден. Боже мой!

- Расскажи мне о нем, Фрэнк.

- Отличный парень. Тихий, какой-то грустный - у него погибла жена в автомобильной катастрофе.

- Ветеран Вьетнама, верно?

- Подводный пловец, занимался взрывами под водой. Так он зарабатывает на жизнь - взрывает под водой различные препятствия.

- Продолжай.

- Очень силен физически, все время поддерживает себя в форме. - Аллен задумался. - Я видел, когда он нырял, - его тело покрыто шрамами. Принимал участие в боевых действиях и был ранен. У меня есть его адрес и все, что может тебе понадобиться.

- Информация о Келли находится в материалах расследования, Фрэнк. Спасибо, дружище. - Райан положил трубку. - Вот он и есть наш Невидимка, Том.

- Келли?

- Сегодня утром мне нужно быть в суде - черт побери! - недовольно выругался Райан.

- Как приятно увидеться снова, - произнес доктор Фарбер. Для него понедельник всегда был легким днем. Он только что проводил своего последнего пациента и собирался после ленча поиграть в теннис с сыновьями. Полицейские едва успели захватить его, когда доктор выходил из кабинета.

- Что вам известно относительно ныряльщиков, занимающихся подводными взрывными работами? - спросил Райан врача, идя рядом с ним по коридору.

- Вы имеете в виду подводных пловцов? Военно-морской флот?

- Совершенно верно. Это крепкие парни? Фарбер усмехнулся, не вынимая трубки изо рта:

- Они первыми высаживаются на берег - прокладывают путь морской пехоте. Как вы сами полагаете? - Он задумался, припоминая что-то. - Знаете, ведь есть теперь кое-что даже лучше.

⁹ Способ действий, методы кого-либо (лат).

- Что вы хотите этим сказать? - спросил лейтенант Райан.

- Дело в том, что я все еще иногда работаю на Пентагон. Университет Хопкинса занимается массой правительственных подрядов. Прикладная физика, много других специальных работ. Вы ведь знакомы с моим прошлым.

- Он сделал паузу. - Иногда я провожу психологическое тестирование, консультации - например, как люди переносят участие в боевых действиях. Это относится к разряду секретных работ, понимаете? Так вот, у них есть новая группа специального назначения, отделившаяся от подразделения подводных пловцов. Их называют тюленями - расхожее название, но официальное наименование группы - SEAL (Sea Air Land) - это морские коммандос, по-настоящему отборные парни. Об их существовании мало кому известно. Это не просто крутые люди, нет, их готовят не только действовать, но и думать, планировать заранее. Я хочу сказать, это не какие-то накаченные сверхсолдаты. Они умны и расчетливы.

- Татуировка, - вдруг вспомнил Дуглас. - У него вытатуирован на руке тюлень.

- Док, если у Одного из таких "тюленей" будет зверски убита девушка, каким станет его поведение? - Ответ на такой вопрос был очевиден, но лейтенант не мог не задать его.

- В этом случае у парня появится цель, которую вы пытаетесь обнаружить, - ответил Фарбер, направляясь к выходу, не желая раскрывать что-нибудь еще, хотя бы и ради расследования серии убийств.

- Да, это он и есть. За исключением одного, - пробормотал Райан в сторону закрывшейся двери.

- Точно. Никаких доказательств. Зато чертовски сильная мотивация.

Начало темнеть. Это был безотрадный день в "Сендер грин" - для всех, за исключением Келли. Плац лагеря превратился в мешанину грязи, с вонючими лужами, большими и маленькими. Охранники провели почти весь день, пытаясь осушить его и навести хоть какой-то порядок. Дежурившие на караульных вышках повернулись спиной к сменявшемуся ветру. Такая погода плохо влияет на людей. Большинство человеческих существ не переносят влагу и стоит им промокнуть, как их самочувствие ухудшается. Они становятся раздраженными и подавленными, тем более когда их обязанности скучные и однообразные. В Северном Вьетнаме наступление такой погоды означало сокращение воздушных бомбардировок, и в результате солдаты становились еще менее внимательными. Жаркий день привел к накоплению электричества в облаках, росло там и количество влаги, и облака тут же выплескивали лишнюю влагу на землю.

- Что за дерьмовый день, наверняка говорят" охранники за ужином. И все согласно кивают, глядя на еду, вниз, но не вверх, внутрь, но не наружу. Джунгли вокруг лагеря промокли. Двигаться, ступая на мокрые листья, намного тише и безопаснее, чем на сухие. Не осталось ни одной сухой веточки, которая могла бы хрустнуть. Влажный воздух будет приглушать звуки, не передавать их дальше. Короче говоря, ситуация создалась идеальная.

Келли воспользовался наступающей темнотой, чтобы пошевелиться. Его тело онемело от неподвижности. Он сел под своим кустом, стряхнул капли с лица и съел еще несколько пищевых таблеток и выпил полную фляжку воды, затем выпрямил руки и ноги. Он видел место предстоящей высадки штурмовой группы и уже выбрал путь, по которому направится к нему, надеясь, что морские пехотинцы проявят достаточно разума и не откроют по нему огонь, когда он побежит к ним вниз по склону холма. В 21.00 он включил радио и передал последнее донесение.

"Зеленый свет", написал оператор на листе блокнота. Все спокойно, никаких перемен.

- Все. Это нам и требовалось. - Максвелл посмотрел на остальных. Все кивнули.

- Операция "Зеленый самшит", четвертая фаза, начинается в двадцать два часа. Капитан Фрэнке, передайте сигнал на "Нью-порт-Ньюз".

- Слушаюсь, сэр.

На "Огдене" экипажи вертолетов облачились в огнестойкие комбинезоны, затем направились к своим машинам, чтобы проверить механизмы и прогреть двигатели. Они увидели, что матросы протирают плексиглас летных кабин и иллюминаторов. В отведенном им помещении морские пехотинцы одевали маскировочные костюмы. Оружие почищено и проверено, магазины и обоймы полностью заряжены боеприпасами, только что извлеченными из герметически запечатанных контейнеров. Солдаты разделились на пары и наносили друг другу на лица маскировочную окраску. Никаких шуток и улыбок. Все были такими серьезными, как актеры во время первого спектакля, и деликатность, с которой наносилась краска, казалась какой-то странной при мысли о том, что предстоит через несколько часов. Впрочем, все, за исключением одного.

- Не увлекайтесь тенями вокруг глаз, сэр, - произнес Ирвин, обращаясь к явно нервничавшему капитану Элби, который испытывал обычное для командира группы волнение и нуждался в успокаивающих словах сержанта.

В готовой каюте авианосца "Констелейшн" невысокий, худощавый молодой командир эскадрильи Джошуа Пейнтер проводил инструктаж. Его восемь "фантомов" F-4 были до предела загружены боезапасом.

- Сегодня мы осуществляемкрытие специальной операции. Нашей целью являются батареи зенитных ракет к югу от Хайфона, - говорил он, не имея представления о самой операции и надеясь, что она заслуживает той опасности,

которой подвергнутся пятнадцать его офицеров, вылетающих вместе с ним сегодня вечером. А ведь это была только его эскадрилья. За ним последуют десять штурмовиков А-6 “Интродерс”, которые нанесут удар по своим целям, а почти все остальные самолеты авиакрыла, базирующегося на “Конни”, будут прикрывать их, производя максимальное количество электронного шума для подавления вьетнамских радиолокационных станций. Пейнтер искренне надеялся, что цель операции является такой важной, как говорил об этом адмирал Подулски. Игры с батареями, вооруженными зенитными ракетами, не относились к числу его любимых развлечений.

Крейсер “Ньюпорт-Ньюз” находился сейчас в двадцати пяти милях от берега, приближаясь к точке, где он окажется точно между “Огденом” и берегом. Радиолокационные станции крейсера были выключены, так что береговые радары скорее всего не знали его координат. Последние несколько дней северо-вьетнамская армия с большей, осторожностью относилась к использованию своих береговых станций обнаружения. Капитан сидел на мостике в своем кресле. Он посмотрел на часы, вскрыл запечатанный конверт из плотной бумаги и быстро прочитал хранившийся там приказ о предстоящих действиях крейсера. Этот конверт хранился в его сейфе уже две последние недели.

- Гм, - хмыкнул он себе под нос, а затем громко произнес:

- Мистер Шумэн, распорядитесь, чтобы в машинном отделении подняли давление до максимального в котлах один и четыре. Мне понадобится полная мощность двигателей, причем как можно быстрее. Сегодня мы снова займемся серфингом. Передайте помощнику, командиру корабельной артиллерии и главным старшинам, что я хочу встретиться с ними немедленно в своей походной каюте.

- Слушаюсь, сэр. - Вахтенный офицер сделал необходимые пометки. С максимальным давлением пара во всех четырех котлах “Ньюпорт-Ньюз” мог развивать скорость в тридцать четыре узла и, следовательно, стремительно приближаться к берегу и так же стремительно уходить от него.

- Серф-сити, жди нас! - громким голосом пропел стоящий у руля старшина, как только капитан спустился с мостика. Это была официальная корабельная шутка - поскольку она нравилась капитану, - возникшая несколько месяцев назад, когда старшина первой статьи произнес ее впервые, которая означала максимальное сближение с берегом, прямо в волны прибоя, откуда проще вести огонь прямой наводкой. - Отправляемся в Серф-сити, где ставки два к одному!

- Доложите курс, Бейкер, - вмешался вахтенный офицер, чтобы прервать хоровое пение.

- Один-восемь-пять, мистер Шумэн, - тотчас отозвался рулевой. Его тело продолжало двигаться в такт ритму песни. Серф-сити, жди нас!

- Джентльмены, если вас интересует, как мы заслужили все эти забавы последних нескольких дней, выслушайте объяснение, - произнес капитан в своей походной каюте, расположенной под мостиком. Объяснение продолжалось несколько минут. На столе лежала карта берегового района, где каждая зенитная батарея была нанесена на основании информации, полученной после аэрофотосъемки и спутникового фотографирования. Офицеры и старшины артиллерийской боевой части, внимательно смотрели на карту. Там было отмечено немало горных вершин, по которым можно вести радиолокационную наводку.

- Вот это да! - выдохнул главный старшина, ведущий управление огнем. - Значит, сэр, можно использовать всю корабельную артиллерию? Даже пятидюймовки?

Шкипер кивнул.

- Чиф Скелли, вы меня весьма разочаруете, если мы вернемся в Субик-бей с неиспользованным боезапасом.

- Сэр, я предлагаю вести стрельбу из пятидюймового орудия номер три осветительными снарядами и по мере возможности пристреливаться визуально.

Вообще-то обстрел береговых зенитных батарей был просто-напросто геометрическим упражнением. Артиллерийские специалисты - в их число входил и командир крейсера - склонились над картой и быстро решили, как лучше всего это осуществить. Они уже все рассчитали заранее, и единственным отличием было то, что раньше предполагалось вести обстрел в светлое время суток.

- Там не останется никого, кто сможет произвести хотя бы один выстрел по нашим вертолетам, сэр.

На письменном столе командира заворчал телефон прямой связи с мостиком крейсера. Командир снял трубку.

- Капитан слушает.

- Все четыре котла приведены в готовность, сэр. Полный ход тридцать, экстренный тридцать три.

- Приятно слышать, что главный механик не спит. Очень хорошо. Пробить боевую тревогу. - Он положил трубку в тот момент, когда по всему кораблю заревели колокола громкого боя. - Джентльмены, мы должны защитить наших морских пехотинцев, - решительно произнес командир. Артиллерийская боевая часть его крейсера ничем не уступала линейному кораблю “Миссисипи”. Через две минуты он снова вернулся на мостик.

- Мистер Шумэн, я беру управление на себя.

- Управление кораблем взял на себя капитан, - объявил вахтенный офицер.

- Право руля, переходим на курс два-шесть-пять.

- Есть право руля, переходим на курс два-шесть-пять. - Старшина Сэм Бейкер принялся вращать штурвал. - Сэр, руль положен на правый борт.

- Очень хорошо, - отозвался капитан и добавил:

- Серф-сити, жди нас!

- Так точно, сэр! - одобрительно воскликнул рулевой старшина. Вообще-то шкипер был не так уж плох для старого пердуна.

Наступило время нервничать. Что может теперь помешать операции? - спросил себя Келли, глядя на лагерь с вершины холма. Да что угодно. Вертолеты могут столкнуться в воздухе. Или напорются на неопознанную зенитную батарею, а она мигом собьет низко летящие машины. Может выйти из строя и какая-нибудь крохотная деталь или клапан, и винтокрылая громадина рухнет на землю. А если сегодня проводит маневры местная национальная гвардия? Всегда что-то отдается на волю случая. Ему доводилось видеть, как операции срывались по самым глупым и непредсказуемым причинам. Но не сегодня, пообещал он себе. Не сегодня, после всей тщательнейшей подготовки. Экипажи вертолетов готовились три недели, так же напряженно, как и морские пехотинцы. За "птичками" ухаживали с любовью и вниманием. Матросы "Огдена" придумывали много полезного. Нельзя совершенно устранить элемент риска, но тщательной подготовкой и тренировкой можно уменьшить его. Келли посмотрел на свою автоматическую винтовку, убедился, что она наготове, и снова замер. Это тебе не то что сидеть в угловом доме в северной части Балтимора. Это - настоящая операция. Ее успешное проведение позволит ему оставить позади все остальное. Его попытка спасти Пэм кончилась неудачей из-за собственной ошибки, но, возможно, так ему и было суждено. При подготовке к этой операции он не допустил ни единой ошибки, да и остальные тоже. На этот раз он спасал не одного человека - нет, он спасал двадцать. Келли взглянул на циферблат часов. Секундная стрелка ползет так медленно. Он закрыл глаза, надеясь, что, когда снова откроет их, стрелка поползет быстрее. Но так не случилось. Впрочем, он знал это. Бывший старшина "тюленей" заставил себя сделать глубокий вдох и продолжать выполнение задания. Для него это означало, что он положил карабин на колени и сконцентрировал все внимание на бинокле. Наблюдение за лагерем должно продолжаться до того самого момента, когда первые гранаты, выпущенные из М-79, разнесут караульные вышки. Морские пехотинцы рассчитывали на него.

Ну что ж, может быть, это покажет парням из Филли, какой важный пост он занимает. Операция Генри прекратится, и все перейдет в мои руки. Эдди Морелло станет главной фигурой, разжигал он пламя своего самолюбия, направляясь по шоссе 40 к Абердину.

Этот кретин не в состоянии управлять собственной операцией, найти людей, на которых можно положиться. Я ведь говорил Тони, что Генри слишком запутал все дело, все слишком усложнил, хочет показаться таким уж умником, а ведь он не по-настоящему серьезный бизнесмен - о-о, нет, Генри серьезный парень. Он куда серьезнее, чем ты, Эдди. Генри станет первым ниггером, принятым в семью, ставшим ее полноправным членом, вот увидишь. Тони добьется своего. Для тебя он сделать это не в силах. Твой собственный двоюродный брат не может сделать этого для тебя, после того как ты вывел его на Генри. Сделка не случилась бы, если бы не я. Я добился заключения сделки, а вот принять меня в семью они не хотят.

- Проклятье! - прорычал Эдди, увидев, как перед ним загорелся красный сигнал светофора. Кто-то начинает громить операцию Генри, и меня просят разобраться. Будто Генри сам не может сделать этого. Может быть, это просто ему не под силу, может быть, он совсем не такой уж умный, как считает себя. Тогда он становится между мной и Тони.

Так вот в чем дело, верно? - подумал Эдди. Генри хочет отделить меня от Пиаджи - так же, как он тогда воспользовался ими, чтобы отделаться от Анджело. Анджело был его первым контактом, именно Анджело познакомил его со мной... А уже потом я познакомил его с Тони... Тони и я устанавливаем связь с Филли и Нью-Йорком... Анджело и я были парой связных... Анджело оказался слишком слабым..., и его прикончили... А теперь Тони и я стали парой связных... Ведь ему нужен только один контакт, верно? Только один контакт, соединяющий его с остальной организацией. Отделяет меня от Тони... Проклятый ниггер.

Морелло сунул руку в карман за сигаретой, а затем нажал кнопку зажигалки на панели своего открытого кадиллака. Крыша была опущена. Эдди нравились солнце и ветер. Почти как на яхте. Кроме того, так легче смотреть по сторонам. Ему не приходило в голову, что так легче и заметить его и следить за ним. Рядом с Эдди, на полу, лежал кожаный кейс с шестью килограммами чистого героина. В Филадельфии, сказали ему, чувствовалась большая нужда в наркотиках, и там сами займутся подготовкой для розничной торговли. Крупная сделка с оплатой наличными. В данный момент на юг направлялся точно такой же кейс, до отказа набитый банкнотами, причем ни одной меньше двадцати долларов. Его везут двое. Беспокоиться не о чем. Эти парни - настоящие профессионалы, а сама сделка - долгосрочный деловой договор. Ему не придется беспокоиться насчет ограбления, но Эдди на всякий случай держал наготове свой короткоствольный револьвер, спрятанный за пряжкой пояса в самом полезном и самом неудобном месте под выпущенной поверх брюк рубашкой.

Нужно хорошенько все обмозговать, напряженно думал Морелло. Может быть, его догадка в самом деле правильная. Генри играет ими. Генри играет всей организацией. Черномазый хочет стать умнее всех.

Не только хочет, но и с успехом добивается этого. Может, он сам устранил собственных людей. Грязный ниггер любит женщин - особенно белых. Ничего удивительного, думал Морелло. Они все такие. Считает себя таким умником, наверно. Ну, может, он и впрямь умный. Но не особенно умный. Все, это теперь в прошлом. Он сумеет объяснить Тони, как тот попался в ловушку черномазого. Эдди не сомневался в этом. Передаст товар и вернется обратно. Пригласит Тони на ужин. Будет спокойным и рассудительным. Тони это нравится. Словно учился в Гарварде или еще где-то. Будто какой-то адвокат. Потом мы займемся Генри и приберем его операцию к рукам. Это бизнес. Людям Генри придется работать с нами. Они ведь занимаются этим делом не потому, что любят его. Нет, так они зарабатывают деньги. Все как-то зарабатывают деньги. Вот когда он с Тони перехватит всю операцию, Эдди Морелло сделают полноправным членом семьи.

Да, теперь ему все ясно. Морелло посмотрел на часы. Точно в условленное время он въехал на полупустую стоянку у придорожного кафе. Старомодное, сделанное из железнодорожного вагона - Пенсильванская дорога совсем

рядом. Эдди вспомнил, как в первый раз ужинал вместе с отцом не дома, а в таком вот кафе и наблюдал, как мимо идут поезда. Он улыбнулся при воспоминаниях далекого детства, достал изо рта окурки и выбросил его на асфальт площадки.

На стоянку въехала еще одна машина. Это был синий “олдсмобил”, как ему и сказали. Из машины вышли двое. Один, с кейсом, направился к кадиллаку Эдди. Морелло не знал этого человека, тот был хорошо одет, солидный, как и полагается быть бизнесмену, в отличном светло-коричневом костюме. Он походил на адвоката. Морелло едва заметно улыбнулся, стараясь не смотреть в ту сторону, где стоял и наблюдал за ними второй мужчина. Да, серьезные парни. А скоро они узнают, что и Эдди Морелло серьезный человек тоже, подумал он, держа руки на бедрах, в шести дюймах от спрятанного револьвера.

- Привез товар?

- Привез деньги? - спросил в ответ Морелло.

- Ты допустил ошибку, Эдди, - вдруг безо всякого предупреждения произнес мужчина, открывая кейс.

- Что ты хочешь сказать? - спросил Морелло и внезапно ощутил тревогу, опоздав на десять секунд и на целую жизнь.

- Я хочу сказать - прощай, Эдди, - тихо сказал мужчина. По выражению его глаз Морелло все понял и тут же сунул руку за револьвером, но этим только облегчил задачу противника.

- Полиция - не двигайся! - крикнул мужчина в тот самый момент, когда первая пуля пробила открытую крышку кейса.

Эдди сумел-таки вытащить револьвер и даже ухитрился сделать один выстрел - пуля прошла через пол автомобиля, - но полицейский находился всего в трех футах и не мог промахнуться. Второй полицейский уже бежал к ним, удивленный тем, что лейтенант Шарон не сумел захватить преступника живым. На глазах у второго полицейского кейс упал в сторону, детектив протянул руку, почти упершись дулом своего служебного револьвера в грудь Морелло и выстрелил ему прямо в сердце.

Теперь все стало ясно для Морелло, но только на пару мгновений. Все это дело рук Генри. Он сам облегчил ему задачу. И Морелло понял - единственной целью его жизни было свести вместе Генри и Тони. Не слишком большая цель в жизни, по крайней мере не сейчас.

- Поддержка! - выкрикнул Шарон, склонившись над умирающим Морелло, протянул руку и схватил его револьвер. Через минуту на площадку с визгом шин влетели патрульные полицейские автомобили.

- Проклятый идиот, - говорил через пять минут своему партнеру Шарон, весь дрожа, как это обычно бывает после убийства человека. - Решил защищаться - сунул руку за револьвером. Я даже не успел схватить его.

- Я все видел, - подтвердил младший детектив, считая теперь, что действительно так все и произошло.

- Как вы и говорили, сэр, - заметил полицейский сержант патрульной службы. Он поднял кейс с пола “олдсмобил” и открыл его. Кейс был полон мешочков с героином. - Удачная операция, сэр.

- Да, - проворчал Шарон. - Если не считать, что этот кретин теперь мертв и не сможет ничего нам рассказать. - Это была абсолютная правда. Поразительно, подумал лейтенант, стараясь не улыбнуться при мысли о безумном юморе ситуации. Он только что совершил идеальное убийство, прямо на глазах других полицейских. И теперь организация Генри в безопасности.

Время для начала почти наступило. Произошла смена караула. Последняя смена. Дождь продолжался не ослабевая. Хорошо. Охранники на вышках съезжились, стараясь не промокнуть. Безрадостный день наскучил им даже больше обычного, а скучающие солдаты всегда менее бдительны. Свет выключен повсюду. Не видно даже свечей в казарме. Келли тщательно оглядел лагерь в бинокль. В окне офицерского общежития виднелась фигура человека, который смотрел наружу, на непрекращающийся дождь, - это русский полковник, верно? Вот как, значит, это и есть твоя комната? Отлично: первый выстрел гранатометчика номер три - капрал Мендес, правда? - как раз и нацелен на это окно. Жареный русский.

Ну, давайте, парни, действуйте. Мне нужно принять душ. Господи, у них там еще остался “Джек Даниэле”? Правила есть правила, но иногда их можно и обойти, если обстоятельства требуют того.

Напряжение нарастало. Причина его крылась вовсе не в опасности. Келли считал, что ему вообще не угрожает никакая опасность. Самая пугающая часть операции - это высадка. Там все зависело от вертолетчиков, а затем от морских пехотинцев. Свое дело он почти закончил, подумал Келли.

- Открыть огонь, - скомандовал капитан.

"Ньюпорт-Ньюз" включил свои радиолокационные установки всего за несколько секунд до этого. Штурман находился в центре управления стрельбой и помогал артиллеристам наносить на карту точные координаты крейсера с помощью радарного пеленга заранее рассчитанных береговых объектов. Все осуществлялось с максимальной тщательностью, но операция требовала того. Теперь штурман и артиллеристы помогали друг другу рассчитывать координаты с точностью до нескольких футов.

Первые снаряды послала артиллерийская установка левого борта. Резкий звук залпа из спаренных пятидюймовок вызвал в ушах болезненные ощущения, но тут же перед глазами моряков возникла поразительная картина. При каждом залпе из стволов орудий вырывалось кольцо желтого огня. Это объяснялось какой-то особенностью стрельбы

осветительными снарядами, нечто вроде желтой змеи, преследующей свой хвост, явление длилось несколько мгновений и затем исчезало. В шести тысячах ярдов от крейсера вспыхнула первая пара осветительных снарядов, вспыхнула тем же металлическим желтым светом, который несколько секунд назад озарил оружейную установку. Влажный зеленый ландшафт Северного Вьетнама сделался в нем оранжевым.

- Похоже на зенитную установку пятидесятисемимиллиметрового калибра. Я даже различаю обслуживающий персонал. - Дальномер на вышке поста № 1 был уже наведен на соответствующую точку. Стрельба осветительными снарядами всего лишь облегчила задачу главного старшины, ведущего корректировку огня. Скелли набрал цифры дистанции с особой тщательностью. Расстояние тут же было передано в центр управления стрельбой. Десять секунд спустя прогремел первый залп орудий главного калибра. Прошло еще пятнадцать, и батарея зенитных орудий исчезла в облаке огня и грунта.

- Прямое попадание первым залпом. Цель "Альфа" уничтожена. - Главный старшина выслушал поступившее указание из центра управления стрельбой и перевел дальномер на следующую цель. Подобно своему командиру, он скоро уйдет в отставку. Может быть, они вместе откроют оружейный магазин.

Звук напоминал отдаленные раскаты грома, хотя чем-то и отличался. Самым поразительным было то, что в лагере не последовало никакой реакции. В свой мощный бинокль Келли увидел, как повернулись головы охранников. Может быть, они что-то сказали друг другу. Ничего больше. В конце концов, страна принимала участие в войне, и потому неприятные звуки были обычным явлением, особенно те, что рокочут подобно отдаленным раскатам грома. Ясно, что все это происходит слишком далеко, чтобы вызвать беспокойство. При такой погоде даже не видно вспышек. Келли ожидал, что один-два офицера выйдут наружу, чтобы оглядеться по сторонам. На их месте он проверил бы, что происходит, - наверно, проверил бы. Но никто не вышел. Потекли последние девяносто минут.

Легко нагруженные морские пехотинцы гуськом направились на корму. Там уже собралось, наблюдая за ними, немало матросов. Элби и Ирвин считали своих солдат, когда те выходили на летную палубу, и направляли к вертолетам.

Последним в этой процессии были Макссуэлл и Подулски. Оба одеты в самые старые и поношенные комбинезоны цвета хаки, те, которые они носили в прошлом и с которыми были связаны у них воспоминания о былых успехах и везении. Даже адмиралы не лишены суеверий. Морские пехотинцы впервые увидели на груди бледного адмирала - так они привыкли называть его - высшую американскую награду - медаль Почета за исключительное личное мужество. Бледно-синяя ленточка привлекла взгляды многих, и всякий раз морские пехотинцы, проходившие мимо, склоняли голову в знак уважения. Адмирал отвечал на это вежливыми кивками, хотя лицо его свидетельствовало о явном напряжении.

- Вы готовы, капитан? - спросил Макссуэлл.

- Да, сэр, - ответил Элби спокойным и уверенным голосом, скрывая волнение. Наступило время, когда нужно проявить все лучшие качества морских пехотинцев. - Увидимся через три часа.

- Удачной охоты. - Макссуэлл вытянулся и отсалютовал молодому офицеру.

- Они выглядят впечатляюще, - заметил Риттер. Он тоже был в комбинезоне цвета хаки, чтобы не выделяться среди остальных офицеров. - Боже мой, как хочется надеяться, что все пройдет успешно.

- Да, - тихо выдохнул Джеймс Грир. Корабль развернулся навстречу ветру. Матросы палубной команды со светящимися жезлами в руках подошли к вертолетам с морскими пехотинцами на борту, чтобы руководить взлетом, и вот огромные "Сикорские" один за другим поднялись с палубы, выровнялись в турбулентном потоке воздуха, поворачиваясь на запад - к береговой черте и началу операции. - Теперь все в их руках.

- Это хорошие парни, Джеймс, - произнес Подулски.

- Меня особенно поразил этот Кларк. Необычайно хладнокровный и сообразительный, - заметил Риттер. - А кто он в реальной жизни?

- По-моему, сейчас Кларк так и не решил, чем ему заняться. Почему ты спрашиваешь?

- У нас всегда есть необходимость в людях, умеющих не только действовать, но и думать. Этот парень удивительно толковый, - повторил Риттер, когда все направились обратно к центру управления операцией. На летной палубе экипажи штурмовых вертолетов "Кобра" заканчивали подготовку, готовясь к вылету. Они отправятся через сорок пять минут.

- Змея, это Сверчок. Время расчетное. Сообщите о приеме.

- Да! - произнес вслух Келли, но не слишком громко. Он нажал на клавишу передачи, посылая три тире. В ответ послышались два. "Огден" только что сообщил ему, что вертолеты со штурмовой группой на борту взлетели, и передал, что принял его ответ. - Вам осталось два часа до свободы, парни, - пробормотал Келли, обращаясь к военнопленным в лагере. То, что это событие принесет всем остальным, кто находится там, нечто совсем иное, мало его интересовало.

Келли съел последние питательные таблетки, собрал все обертки и прочий мусор и спрятал в набедренные карманы своего комбинезона, затем покинул укрытие. Сейчас было темно, и он мог двигаться, не боясь быть обнаруженным. Келли повернулся и постарался стереть с земли следы своего присутствия здесь. Когда-нибудь может

понадобиться снова провести такую же операцию, и зачем открывать противнику, как все это осуществлялось? Напряжение достигло, наконец, такого уровня, что ему пришлось помочиться. Это было почти забавно, и Келли почувствовал себя маленьким мальчиком, хотя и выпил за день половину галлона воды.

Тридцать минут летного времени до места приземления, и еще тридцать на переход к лагерю. Когда они поднимутся на вершину дальнего холма, я свяжусь прямо с ними, чтобы контролировать их выход к цели.

Действуйте, парни.

- Переводим обстрел направо. Вижу цель "Отель", - доложил главный старшина Скелли. - Дистанция до цели..., девять-два-пять-ноль. - Снова загрохотали орудия. Сейчас по крейсеру с берега велся ответный огонь из пушек стомиллиметрового калибра. Персонал орудий стал свидетелем того, как "Ньюпорт-Ньюз" стер с лица земли остатки их зенитного батальона, и теперь батарея береговой обороны попыталась по крайней мере ответить на огонь и нанести хотя бы какой-то ущерб этому чудовищу, расположившемуся недалеко от береговой черты.

- Вижу вертолеты, - внезапно произнес помощник командира, находящийся на своем посту в центре управления. Он заметил, как отраженные изображения на экране главного радиолокатора пересекли береговую черту в том самом месте, где совсем недавно находились цели "Альфа" и "Браво". Он поднял телефонную трубку.

- Капитан слушает.

- Докладывает помощник, сэр. Вертолеты над сушей, направляются по коридору, проложенному нами.

- Отлично. Приготовьтесь к прекращению огня. Через тридцать минут мы снова откроем огонь, прикрывая их возвращение. Внимательно следите за экраном радиолокатора, помощник.

- Слушаюсь, сэр.

- Господи милостивый, - недоуменно выдохнул оператор, сидящий у радиолокатора. - Что там происходит?

- Сначала мы обстреляли их, да так, что они не знают, где у них голова, а где зад, - высказал свою точку зрения его сосед, - а теперь захватываем ошметки от этого зада.

Осталось всего несколько минут до прибытия вертолетов с морскими пехотинцами. Дождь не утихал, хотя ветер заметно ослабел.

Теперь Келли стоял на открытом месте. Опасность, что обнаружат, миновала. Его фигура не вырисовывалась на фоне горизонта - со всех сторон подступал кустарник. Келли осматривал все вокруг, стараясь обнаружить что-то необычное, но не видел ничего. Грунт был чертовски болотистым, размокшим от непрекращающегося дождя. Казалось, влажная красная глина просочилась через ткань комбинезона, проникнув в каждую пору его тела.

Десять минут до момента высадки. По-прежнему доносились отдаленные раскаты грома со стороны берега, и только Келли тут знал, что это артиллерия военного корабля ведет огонь по вражеским батареям. Он снова сел и, оперев локти в колени, направил бинокль на лагерь. По-прежнему ни огонька. Никакого движения. Смерть стремительно приближалась к ним, а они ничего не подозревали. Его внимание было настолько сконцентрировано на том, что видели его глаза, что он почти забыл о слухе.

Трудно разобрать звуки при дожде. Отдаленное гремяние, глухое и слабое, не стихало. Наоборот, шум усиливался. Келли поднял голову, отложил в сторону бинокль, повернулся и прислушался, приоткрыв рот, стараясь понять источник шума. Автомобильные двигатели.

Грузовики. Ну и что? Рядом проходит автодорога - впрочем, нет, шоссе слишком далеко..., и в другой стороне.

Может быть, грузовик с припасами, везет продукты и почту. Нет, это не один грузовик. Несколько.

Келли поднялся на самую вершину холма, оперся плечом о дерево и посмотрел вниз, туда, где грунтовая дорога, ведущая к лагерю, соединялась с шоссе, проложенным вдоль берега реки. Какое-то движение. Он поднес к глазам бинокль.

Грузовик..., один..., еще один..., три..., четыре... О, Господи! Они ехали с включенными фарами. Свет падал на дорогу из оставленных щелочек - остальная часть фар была закрашена черной краской. Это означало, что грузовики принадлежат армии. Свет фар второго грузовика осветил кузов первого - ряды солдат на скамейках. Подкрепление.

Подожди, мальчик Джонни, не паникуй. Выжди..., может быть... Грузовики объехали вокруг подножия холма Змеи. Охранник на одной из вышек что-то крикнул. Его окрик был подхвачен остальными. В офицерском общежитии вспыхнул свет. Кто-то вышел на плац, наверно, майор, не успевший одеться, громко о чем-то спросил.

Первый грузовик остановился у ворот лагеря. Из кабины спустился офицер и потребовал, чтобы ворота немедленно открыли. Следом остановился второй грузовик. Из кузова посыпались солдаты. Келли начал считать..., десять..., двадцать..., тридцать..., еще больше..., но дело было не в количестве солдат. Дело было в том, за что они взялись.

Он заставил себя отвести бинокль. Неужели и тут судьба повернулась против него? Но судьба не проявляла интереса к его жизни. Ни в прошлом, ни сейчас. Келли знал, что несет ответственность за нечто гораздо большее. Он протянул руку к приемопередатчику и включил его:

- Сверчок, это Змея, прием. Молчание.

- Сверчок, это Змея, прием.

- Что случилось? - спросил Подулски. Максвелл поднес к губам микрофон:

- Змея, это Главный Сверчок, передавайте донесение, прием.

- Отмена-отмена-отмена. Подтвердите прием, - услышали они.

- Змея, повтори донесение. Змея, повтори.

- Отмените операцию, - произнес Келли слишком громко, не думая о собственной безопасности. - Отмените операцию. Немедленно. Сообщите, как поняли.

На ответ потребовалось несколько секунд:

- Мы поняли приказ отменить операцию. Приказ принят. Операция отменяется. Будьте наготове.

- Понял. Остаюсь наготове.

- Что случилось? - спросил майор Вин.

- Нами получены сведения, что американцы могут попытаться освободить военнопленных, которые содержатся в этом лагере, - ответил капитан, оглядываясь на своих солдат. Они уже быстро и согласованно развернулись, половина их направилась к расположенным поблизости деревьям, вторая половина заняла места по периметру лагеря с внутренней стороны и сразу начала окапываться. - Товарищ майор, мне приказано взять на себя оборону лагеря до прибытия более крупных подкреплений. Вам надлежит немедленно доставить в Ханой своего русского гостя для обеспечения его безопасности.

- Но...

- Это приказ лично генерала Гиапа, товарищ майор. Эти слова положили конец обсуждению. Майор Вин отправился к себе, чтобы одеться. Его сержант пошел будить шофера.

Келли оставалось одно - наблюдать за происходящим. В прибывшем отряде было не меньше сорока пяти солдат, а может, и больше. Трудно пересчитать людей, когда они непрерывно двигаются. Пулеметные расчеты копали гнезда для установки пулеметов. Патрули прочесывали джунгли. Это было прямой угрозой для него, но Келли, несмотря на все, решил выждать. Он хотел убедиться, что поступил правильно, отменив штурм лагеря, что не поддастся панике, что не стал трусом.

Двадцать пять отлично подготовленных солдат против пятидесяти, принимая во внимание элемент неожиданности и действия по тщательно разработанному плану, - осуществимо. Двадцать пять против сотни, готовых к обороне, когда элемент неожиданности утрачен..., безнадежно. Да, он поступил правильно. Бессмысленно увеличивать список убитых, ведущийся в Вашингтоне, еще на двадцать пять человек. Его совесть не позволит ему совершить подобную ошибку.

- Вертолеты возвращаются, сэр, с той же стороны, куда и улетели; - доложил оператор помощнику капитана крейсера.

- Слишком быстро, - отозвался помощник.

- Черт побери, Голландец! Как ты...

- Операция отменена, Каз, - произнес Максвелл, глядя на стол с разостланной на нем картой.

- Но почему?

- Потому что так распорядился мистер Кларк, - ответил Риттер. - Он - наши глаза. Только он имеет право дать команду на проведение операции или ее отмену. Вы должны понимать это, адмирал. Но у нас там все еще остался наш человек, джентльмены. Давайте не будем забывать об этом.

- У нас там осталось двадцать человек.

- Это верно, сэр, но только один из них вернется сегодня на корабль. - И то, если нам повезет, подумал Риттер.

Максуэлл посмотрел на капитана Фрэнкса. - Направьте корабль к берегу, капитан. С максимальной скоростью.

- Слушаюсь, сэр.

- Едем в Ханой? Почему?

- Таков приказ. - Майор Вин поднял взгляд от доставленного капитаном распоряжения. - Значит, американцы захотели прилететь сюда, а? Надеюсь, они так и сделают. Это станет для них новым Сонг-Таем!

Мысль относительно участия в обороне не вызвала у полковника Гришанова особого энтузиазма, а поездка в Ханой, даже неожиданная, одновременно означала посещение посольства.

- Сейчас соберу вещи, майор.

- Только поторопитесь! - резко бросил маленький вьетнамский офицер, пытаясь понять, не является ли вызов в Ханой поводом для наказания за какой-то проступок.

Да, все могло быть гораздо хуже. Гришанов собрал свои заметки и уложил их в рюкзак. Здесь все, что ему удалось собрать, все, что майор Вин вернул ему. Полковник оставит полученные материалы у генерала Рокоссовского, а после того как они будут в безопасности, у официального представителя СССР, Гришанов постарается доказать, что американцам нужно сохранить жизнь. Нет худа без добра, подумал он, вспомнив поговорку.

Он услышал их шаги. Еще далеко, двигаются без особого умения, очень устали, но продолжают двигаться к вершине холма.

- Сверчок, это Змея, прием.

- Слышим тебя. Змея.

- Я ухожу. По склону моего холма движутся люди, приближаются к вершине. Направляюсь на запад. Можете прислать за мной вертолет?

- Высылаем. Будь осторожен, сынок. - Это был полный тревоги голос Максвелла.

- Ухожу. Конец связи. - Келли сунул приемопередатчик в карман и вернулся к вершине. Там он еще раз посмотрел на лагерь, сравнил то, что увидел, с тем, что наблюдал ранее.

Особенно быстро я бегая в темноте, сказал он однажды морским пехотинцам. Настал момент, когда ему придется доказать это. Бросив последний взгляд на приближающихся солдат северовьетнамской армии, Келли выбрал просвет среди веток и направился вниз по склону холма.

Глава 30

Бюро путешествий

Каждому было очевидно, что случилось что-то непредвиденное. Два спасательных вертолета опустились на палубу "Огдена" меньше чем через час после вылета. Один тут же откатили в укрытие. Второй, под командованием более опытного летчика, дозаправили. Как только вертолеты совершили посадку, капитан Элби спрыгнул на палубу и побежал к надстройке, где его уже ожидало командование операцией. Он успел заметить, что "Огден" в сопровождении кораблей охраны полным ходом мчит к берегу. Расстроенные морские пехотинцы молча последовали за ним, глядя на палубу и снимая снаряжение.

- Что случилось? - спросил Элби.

- Кларк отменил операцию. Мы знаем только одно: он покинул свой наблюдательный пункт на вершине холма, сказал, что к нему приближается противник. Сейчас мы попытаемся вывезти его оттуда. Как вы думаете, куда он направится? - спросил Максвелл.

- Он будет искать место, где вертолет сможет подобрать его. Давайте взглянем на карту.

Будь в его распоряжении больше времени, Келли мог бы задуматься над тем, насколько быстро ситуация способна меняться от хорошей до плохой. Но времени для этого у него не было. Выживание являлось игрой, требующей всех сил и полной собранности, а сейчас это вообще была единственная игра. Несомненно игра была не слишком скучной, а при капельке везения даже не очень трудной. В лагере было не так много солдат для его защиты от штурма, и потому они не могли - по крайней мере пока - выделить достаточное количество вооруженных оборонительных патрулей, чтобы прочесать окрестности. Если вьетнамцев беспокоила возможность еще одной операции вроде той, что была проведена американцами в Сонг-Тай, то они будут удерживать свою огневую мощь поближе к лагерю и расположат на вершинах холмов наблюдательные посты, скорее всего пока ничего больше. Вершина холма Змеи осталась уже в пятистах метрах позади. Келли замедлил свой спуск, перевел дыхание - задышался он не столько от усилий, сколько от страха, хотя и то и другое причиняло ему немало хлопот. Он добрался до второй вершины и на несколько мгновений остановился на ее дальней стороне. Стоя теперь неподвижно, он слышал позади себя голоса - всего только голоса, но не движение. Ну что ж, отлично, значит, он правильно оценил тактическую ситуацию. Возможно, придут дополнительные подкрепления, но к этому моменту он окажется далеко отсюда.

Если они сумеют послать за ним вертолет. Приятная мысль.

Приходилось бывать и не в таких переплетах, - заговорила в нем дерзость.

Это когда же? - насмешливо потребовал ответа пессимизм. Сейчас единственным разумным шагом было оказаться как можно дальше от солдат северовьетнамской армии. Затем появилась мысль о том, что следует отыскать что-то, похожее на место посадки, чтобы он смог унести отсюда ноги. Не время впадать в панику, но не следует и излишне затягивать свое пребывание здесь. С рассветом сюда могут перебросить дополнительные войска, и если их командир окажется достаточно сообразительным, он захочет узнать, нет ли в окрестностях лагеря разведчиков противника. Если не покинут район до рассвета, это серьезно затруднит вероятность спасения вообще. Итак, вперед. Действуй. Найди хорошую поляну. Вызови вертолет. Уноси ноги отсюда. В его распоряжении четыре часа. Вертолет - в тридцати минутах лета. Предположим, понадобится два или три часа, чтобы найти подходящее место и вызвать помощь. Это не представляется таким уж трудным. Келли был знаком с районом вокруг "Сендер грин" по разведывательным фотографиям. Он остановился на несколько минут, чтобы оглядеться по сторонам и сориентироваться. Скорее всего найти площадку, свободную от растительности, лучше всего вон там, на другой стороне дороги, за поворотом. Это риск, но разумный риск. Он поудобнее приладил снаряжение, передвинул поближе запасные обоймы. Больше всего Келли боялся попасть в плен, оказаться во власти людей, подобных тем, что принимали участие в операции "Нежный цветок", потерять возможность защищаться, утратить контроль над своей жизнью. Тихий голос в глубине сознания шептал, что смерть лучше плена. Обороняться, даже когда шансы на спасение ничтожно малы, все-таки не самоубийство. О'кей. Решение принято. Он двинулся вперед.

- Не пора вызывать его? - спросил Максвелл.

- Нет еще, - покачал головой капитан Элби. - Он сам вызовет нас, когда будет готов. Сейчас мистер Кларк слишком занят. Нужно оставить его в покое.

В центр руководства боевыми действиями вошел старший сержант Ирвин.

- Как с Кларком? - спросил он.

- Спасается бегством, - сообщил ему Элби.

- Хотите, чтобы я и еще несколько человек полетели за ним, вроде как обеспечить прикрытие? - То, что будет сделана попытка спасти Кларка, просто не вызвало сомнения. Морские пехотинцы испытывали профессиональное отвращение к тому, чтобы бросать своих людей в беде.

- Это мой долг, Ирвин, - ответил Элби.

- Вам лучше руководить спасательной операцией, сэр. Все умеют стрелять из автомата.

Максуэлл, Подулски и Грир не вмешивались в разговор, наблюдая за двумя профессионалами, знающими, как следует поступать в данной ситуации, и прислушиваясь к их разговору. Капитан морской пехоты согласился с опытом своего самого проверенного сержанта.

- Возьмите с собой все, что может понадобиться. - Элби повернулся к Максвеллу. - Сэр, мне нужен сейчас спасательный вертолет.

Заместитель командующего морскими операциями передал головной телефон офицеру морской пехоты всего двадцати восьми лет от роду; вместе с телефоном в руки капитана Элби перешло тактическое командование заключительным этапом неудавшейся операции. И., наступил конец карьеры вице-адмирала Голландца Максвелла.

Чувство страха растворялось, когда он двигался. Движение воспринималось как контроль над своей жизнью. Это была иллюзия, умом Келли понимал это, но его тело реагировало по-другому, и потому ситуация казалась проще. Он спустился к подножию холма, в более густые заросли. Точно. Прямо на противоположной стороне дороги виднелось открытое место, что-то вроде лужайки, может быть, участок земли, затапливаемый при разливах реки. Этого вполне достаточно. Не надо искать ничего лучше. Келли достал радио.

- Змея вызывает Сверчка, прием.

- Сверчок слушает. Ждем указаний.

Сквозь шум атмосферных помех до них донесся задыхающийся голос Келли:

- К западу от моего холма, через шоссе, примерно в двух милях от цели открытое поле. Я буду рядом. Высылайте вертолет. Помечу посадочную площадку мигалкой.

Элби взглянул на карту, затем на аэрофотоснимки. Действительно, место было выбрано неплохо. Он ткнул пальцем в карту, и старшина-авиадиспетчер тут же передал координаты на летящий вертолет. Элби подождал подтверждения о приеме, прежде чем снова связаться с Кларком.

- Слышу тебя хорошо. Спасательный Один в полете, в двух-ноль минутах.

- Принял. - Несмотря на усилившиеся атмосферные помехи, Элби услышал в голосе Кларка облегчение. - Буду наготове. Конец связи.

Слава тебе. Господи.

Теперь Келли не торопился, медленно и осторожно двигаясь к шоссе. Судя по всему, его второе пребывание в Северном Вьетнаме будет короче первого. На этот раз ему не придется плыть, чтобы спастись, а благодаря многочисленным уколам, полученным незадолго до вылета из Куангико, может быть, теперь он не заболит от грязной воды в этой проклятой реке. Он не то чтобы расслабился, просто стал чувствовать себя менее напряженным. И словно по сигналу дождь усилился, заглушая шум и уменьшая видимость. Опять ему повезло. Может быть. Бог, или судьба, или что-то еще решили на этот раз не подвергать его слишком тяжелым испытаниям. Келли снова остановился, не дойдя десяти метров до шоссе, и огляделся вокруг. Ничего. Он подождал еще несколько минут, чтобы успокоить дыхание и снять лишнее напряжение. Нет смысла спешить, чтобы затем ждать на открытом месте. Стоять без прикрытия на вражеской территории всегда опасно. Его руки сжимали автоматическую винтовку, "плюшевого мишку" солдата-пехотинца. Келли заставил себя дышать глубоко и медленно, стараясь уменьшить частоту сердечных сокращений. Почувствовав себя лучше, он позволил себе приблизиться к шоссе.

Отвратительные дороги, подумал Гришанов, еще хуже, чем в России. Автомобиль, как ни странно, был похож на французский. Что еще удивительней, он ехал совсем неплохо - вернее, ехал бы, если бы этому не мешал водитель. Жаль, что майор Вин не сел за руль сам. Будучи офицером, он, наверно, умел управлять автомобилем, но, поскольку был дураком и считал это унижительным, поручил вести машину своему ординарцу, а этот вонючий крестьянин в состоянии

справиться только со своим волком. Автомобиль скользил по мокрому шоссе. Кроме того, водитель почти ничего не видел через завесу дождя. Гришанов, устроившись на заднем сиденье, закрыл глаза и прижал к себе драгоценный ранец. Бессмысленно следить за дорогой, это слишком пугающее занятие. Похоже на полет в условиях нулевой видимости, подумал он, что ненавистно каждому летчику. В особенности когда за штурвалом сидит кто-то другой.

Он ждал, оглядываясь по сторонам, прежде чем пересечь шоссе, прислушиваясь, нет ли шума грузовика, представлявшего для него сейчас наибольшую опасность. Тишина. Ну вот, до прибытия вертолета меньше пяти минут. Келли выпрямился и протянул левую руку за фонарем-мигалкой. Пересекая дорогу, он смотрел влево, туда, откуда могли появиться грузовики с дополнительным подкреплением, чтобы полностью обеспечить безопасность лагеря. Проклятье!

Редко случалось, чтобы концентрация всех органов чувств действовала ему во вред, однако на этот раз произошло именно так.

Звук приближающегося автомобиля, колеса которого рассекали лужи на мокрой поверхности шоссе, слишком напоминал природные шумы, и, когда он понял свою ошибку, было слишком поздно. Когда машина показалась из-за поворота, Келли стоял посреди дороги, подобно оленю, захваченному светом фар. Он не сомневался, что водитель увидел его. Остальные действия последовали автоматически.

Келли поднял винтовку и выпустил короткую очередь, целясь в сторону водителя. Несколько мгновений автомобиль продолжал двигаться не сворачивая, и тогда Келли выпустил вторую очередь, на этот раз целясь в пассажира, сидящего рядом с водителем. И тут же автомобиль свернул с дороги и врезался прямо в ствол дерева. На все это потребовалось не больше трех секунд, и сердце Келли снова начало биться после пугающе длительной остановки. Он подбежал к машине. Так кого же он убил?

Водитель лежал на капоте, выброшенный из машины силой удара, с двумя пулевыми отверстиями во лбу. Келли рванул дверцу с пассажирской стороны - майор Вин! И тоже с пулевыми ранами в голову. И хотя череп майора разможило, тело его все еще вздрагивало. Келли вытащил Вина из машины и опустился рядом, чтобы обыскать карманы, и тут из автомобиля донесся стон. Келли бросился внутрь машины и нашел там еще одного пассажира. Это был русский полковник, который лежал на полу перед задним сиденьем. Келли вытащил и его. Русский прижимал к груди ранец.

Дальнейшие действия Келли были столь же автоматическими, как и его реакция на появление автомобиля. Прикладом винтовки он оглушил русского офицера, затем быстро обыскал карманы майора в поисках документов, имеющих разведывательную ценность. Все, что ему удалось обнаружить, Келли рассовал по своим карманам. Вьетнамец смотрел на него одним глазом.

- Жизнь - трудная штука, верно? - холодно поинтересовался Келли.

Глаз закрылся.

- Что же мне делать с тобой? - Келли повернулся к русскому. - Ведь ты тот парень, что причинил столько неприятностей нашим офицерам, правда? - Келли опустился на колени, открыл ранец и увидел, что он полон бумаг, - вот и ответ на вопрос, которого не мог дать сам русский полковник.

Думай быстрее, Джон - вертолет уже совсем рядом.

- Вижу мигалку! - воскликнул второй пилот.

- Снижаемся. - Первый пилот управлял огромным "Сикорским", выжимая из него и его двигателей все возможное. В двух сотнях ярдов от поляны он резко взял ручку управления шагом несущего винта на себя, и вертолет, задрвав нос кверху под углом сорок пять градусов, сразу прекратил поступательное движение. Это было идеально, потому что затем он выровнялся в нескольких футах от инфракрасного фонаря-мигалки и завис в двух футах от земли, сотрясаемый порывами ветра. Капитан третьего ранга, сидевший за штурвалом, все внимание отдавал тому, чтобы удержать вертолет, подвергающийся воздействию самых разных сил, и не сразу прореагировал на то, что открылось его глазам. Мощный поток воздуха, отбрасываемый винтом, сбил с ног человека, которого ему было приказано спасти, но...

- Там внизу действительно двое? - спросил он по системе внутренней связи.

- Пошел-пошел-пошел! - прозвучало в его наушниках. - Мы забрали их, взлетаем!

- Спасаемся из Додж-сити! - Пилот повернул ручку управления шагом винта, нажал ногой на педаль поворота и опустил вниз нос машины, направляясь обратно к реке и стремительно набирая скорость. Но разве ему не сказали, что у мигалки будет только один человек? Он постарался отбросить эти мысли. Сейчас нужно лететь, а до моря и безопасности тридцать миль.

- Кого ты там подобрал? - спросил Ирвин.

- Одного парня. Он сказал, что ему по пути, - ответил Келли, пытаясь перекричать рев турбин. Он покрутил головой. Для объяснений потребуется время, так что с ними придется подождать. Ирвин понял его и протянул Келли фляжку. Тот поднес ее ко рту и жадными глотками опустошил. И тут его охватила дрожь. Прямо перед экипажем вертолета и перед пятью морскими пехотинцами Келли задрожал, словно на арктическом морозе, обнимая себя руками, прижимая к телу винтовку, пока Ирвин не забрал ее и не поставил на предохранитель. Из нее стреляли, тут же заметил старший сержант. Позднее он выяснит, почему и в кого. Пулеметчик, расположившийся у открытой двери, смотрел на проносящуюся под ними речную долину, а тем временем вертолет с ревом мчался вперед в сотне футов над

извивающейся рекой. Полет оказался обычным и не был отмечен какими-либо неожиданными событиями - как это случилось со всем остальным этой ночью. Так что же произошло? - интересовало всех. Почему была отменена операция? Ответ знал лишь человек, которого они спасли. Но кто же, черт побери, второй, тоже подобранный ими? Разве это не форма русского офицера? Два морских пехотинца сидели с ним рядом. Один из них связал ему руки. Второй затянул ремнями ранец с бумагами.

- Спасательный первый, мы над морем. Змея на борту, прием.

- Спасательный первый, это Сверчок. Вас понял. Готовы принять вас. Прием. - Элби поднял голову. - Ну, вот и все.

Неудача сильнее всех подействовала на адмирала Подулски. “Зеленый самшит” с самого Начала был его операцией. Окажись она успешной, все могло измениться. Это могло проложить дорогу для другой, более масштабной операции “Некая корона”, могло изменить ход всей войны - и тогда смерть его сына не казалась бы напрасной. Он обвел взглядом присутствующих и едва не спросил, а не стоит ли попытаться снова, но тут же понял всю бессмысленность такого вопроса. Провал. Это было горькой мыслью и еще более горькой реальностью для человека, служившего усыновившей его стране почти тридцать лет.

- Тяжелый день? - спросил Фрэнк Аллен.

Лейтенант Марк Шарон выглядел удивительно веселым для человека, только что застрелившего преступника и перенесшего строгий допрос, последовавший сразу после происшествия.

- Он оказался просто идиотом. Ничего такого могло бы не случиться, - заметил Шарон. - Думаю, ему просто не захотелось провести остальную жизнь на Фоллз-Роуд, - добавил лейтенант, руководивший отделом по борьбе с наркотиками, имея в виду тюрьму штата Мериленд. Расположенная недалеко от центра Балтимора, она выглядела настолько мрачной и устрашающей, что заключенные часто называли ее замком Франкенштейна.

Аллен не мог сказать ему ничего нового. Процедура, следующая за гибелью преступника во время его задержания, была простой и очевидной. Шарону пришлось временно покинуть службу и уйти в десятидневный административный отпуск, пока полицейский департамент не закончит расследование инцидента и не установит, что смерть задержанного не противоречила установленным правилам применения “крайних мер”. Фактически это был оплаченный двухнедельный отпуск, если не принимать во внимание тот факт, что лейтенанта Шарона могли вызвать для дополнительного выяснения обстоятельств случившегося. В данном случае это было маловероятно, потому что свидетелями являлись несколько полицейских, причем один находился на расстоянии меньше двадцати футов от места происшествия.

- Расследование поручено мне, Марк, - сказал ему Аллен. - Я выяснил все предварительные детали. Похоже, что у тебя не будет затруднений с положительным решением комиссии. Скажи, а ты не мог как-то спугнуть его?

Шарон покачал головой:

- Нет, я не нажал этого Морелло и не делал никаких резких движений, пока он не схватился за револьвер. Мне хотелось провести задержание осторожно, не поднимая лишнего шума, понимаешь? Однако он почему-то решил защищаться. Эдди Морелло умер по собственной глупости, - заметил лейтенант, с удовольствием чувствуя, что говорит полную правду.

- Ну что ж, я не собираюсь проливать слезы из-за смерти торговца наркотиками. И вообще вчера у нас был удачный день, Марк.

- Что ты имеешь в виду, Фрэнк? - Шарон сел рядом со столом лейтенанта Аллена и вытащил из его пачки сигарету.

- Мне позвонили из Питтсбурга. Похоже, что там есть свидетель убийства у фонтана, которое расследуют Эм и Том.

- Ты серьезно? Это действительно хорошая новость. Кто это?

- Судя по тому, как говорил со мной тамошний сержант, это свидетельница, присутствовавшая при истязаниях и убийстве тех двух девушек, Мэдден и Уотерс. Похоже, он говорил с ее священником об этом - священник его отец, - который пытается убедить ее сообщить в полицию об обстоятельствах убийства.

- Блеск, - кивнул Шарон, чувствуя внутренний холодок и скрывая его с таким же успехом, с каким сумел скрыть наслаждение, после того как совершил свое первое заказное убийство. Значит, нужно устранить еще одно препятствие. Если повезет, на этом все и закончится.

Вертолет завис над летной палубой “Огдена” и совершил мягкую посадку. Как только лопасти перестали вращаться, на палубе появились люди. Палубная команда закрепила вертолет цепями, а морские пехотинцы спустились из машины, испытывая облегчение от ощущения безопасности, но в то же время горько разочарованные тем, как повернулись события этой ночью. Они знали, что план был превосходным. В эту минуту они должны были вернуться, на корабль со спасенными товарищами и предвкушали этот момент подобно спортивной команде, которая готовится отпраздновать победу в своей раздевалке. Но победы не было. Они потерпели поражение и все еще не знали причины.

Ирвин и еще один морской пехотинец спустились на палубу, вытащив тело офицера в незнакомом мундире. Это несказанно удивило адмиралов. Следом из вертолета появился Келли. Пилот наблюдал за происходящим с изумлением,

хотя знал, что на лужайке были двое. Впрочем, больше всего его радовало, что он успешно завершил еще одну спасательную операцию в Северном Вьетнаме.

- Какого черта? - недоуменно спросил Максвелл, держась рукой за леер. Корабль накренился и начал поворачивать на восток.

- Ну-ка, парни, немедленно отнесите его в свободную каюту и запирайте там. Быстро! - командовал Риттер.

- Он без сознания, сэр.

- Тогда сходите за врачом.

Выяснение обстоятельств отмены операции проводилось в одном из пустующих помещений корабля, предназначенных для транспортировки десантников. Келли позволили вымыть лицо, но не больше. Один из врачей осмотрел русского офицера, заявил, что он скоро придет в себя и что у него нет никаких ран, зрачки реагируют на свет, и, следовательно, он не страдает от сотрясения мозга. Рядом с русским офицером был выставлен караул из двух морских пехотинцев.

- Четыре грузовика, - объяснил Келли, - неожиданно подъехали к лагерю. Усиленный взвод - скорее, усиленный огневой взвод. Подкрепление прибыло в тот момент, когда вертолеты со штурмовой группой уже приближались к лагерю. Солдаты выскочили из грузовиков и сразу начали окапываться. Их было человек пятьдесят. Мне пришлось подать сигнал об отмене операции.

Грир и Риттер обменялись взглядами. Это не могло быть простым совпадением.

Келли посмотрел на адмирала Максвелла.

- Мне очень жаль, сэр. - Он помолчал несколько мгновений и продолжил:

- Осуществление операции стало невозможным. Я был вынужден покинуть наблюдательный пост на вершине холма, потому что они выслали патрули и принялись прочесывать джунгли. Понимаете, даже если бы нам удалось устранить их...

- В вашем распоряжении находились штурмовые вертолеты - или забыли об этом? - проворчал Подулски.

- Перестань, Каз, - вмешался Джеймс Грир. Келли посмотрел на адмирала, прежде чем ответить на выдвинутое обвинение.

- Адмирал, шансы на успех равнялись нулю. Мне поручили вести наблюдение за объектом для того, чтобы провести операцию быстро и по возможности без потерь, верно? Если бы у нас была штурмовая группа побольше, с более мощным вооружением, может быть, нам удалось бы добиться своего - такая штурмовая группа, как в Сонг-Тае, могла бы одержать верх. Потери были бы значительными, но со своим вооружением и посадкой вертолета прямо в лагере они, пожалуй, спасли бы военнопленных. - Он снова покачал головой. - Но не с нашими силами.

- Вы уверены в этом? - спросил Максвелл. Келли кивнул.

- Да, сэр. Совершенно уверен.

- Спасибо, мистер Кларк, - произнес тихим голосом капитан Элби, понимая, что сейчас он услышал правильную оценку сложившейся ситуации. Келли продолжал сидеть перед ним, все еще испытывая напряжение от событий прошлой ночи.

- Ну хорошо, - заметил Риттер после недолгого молчания. - А как у нас появился этот незваный гость, мистер Кларк?

- Я совершил ошибку, - признался Келли и объяснил, каким образом автомобиль подъехал к нему так близко. Он сунул руку в карман. - Я убил водителя и коменданта лагеря - думаю, что этот майор и был комендантом. Вот это было у него с собой. - Келли передал Риттеру пачку документов. - Кроме того, у русского с собой ранец, полный бумаг. Я решил, что их тоже следует захватить. Я подумал, что, возможно, они вам пригодятся.

- Эти бумаги на русском языке, - сказал Ирвин.

- Давайте их сюда, - распорядился Риттер, - Я неплохо владею русским.

- Нам понадобится переводчик и с вьетнамского.

- У меня есть такой человек, - сообщил Элби. - Ирвин, пригласите к нам сержанта Чалмерса.

- Слушаюсь, сэр.

Риттер и Грир отошли к угловому столику, заметил капитан, и принялись перелистывать записи русского полковника.

- Да, этот парень сумел узнать очень многое... Рокоссовский? Значит, он в Ханое? А, вот и краткое резюме.

Штабной сержант Чалмерс, специалист по Вьетнаму, начал читать документы, изъятые Келли у майора-Вина. Все остальные ждали, пока разведчики не закончат изучение материалов.

- Где я? - спросил Гришанов по-русски. Он попытался снять повязку с глаз, но не смог шевельнуть руками.

- Как вы себя чувствуете? - ответили ему на том же языке.

- Машина врезалась во что-то. - Он замолчал, затем повторил:

- Где я?

- Вы находитесь на борту американского военного корабля "Огден", полковник, - сообщил ему по-английски Риттер.

Тело русского офицера, пристегнутое к койке, тут же вытянулось и словно окаменело. Гришанов немедленно заявил на русском языке, что не говорит по-английски.

- Я - советский офицер. Вы не имеете права...

- У нас такое же право допрашивать вас, как и у вас допрашивать американских военнопленных, зная, что всех их убьют.

- Что вы хотите этим сказать?

- Ваш друг майор Вин мертв, но у нас находятся его донесения. Судя по всему, вы закончили допрос военнопленных, не так ли? А северо-вьетнамская армия начала придумывать наиболее удобный способ избавиться от них. Неужели вы хотите убедить нас, что не подозревали об этом?

Послышалось грубое ругательство, употребляемое обычно в солдатских казармах, но в голосе русского полковника звучало удивление, что представляло немалый интерес. Гришанов еще не совсем оправился, так что заподозрить его в симуляции было трудно. Риттер посмотрел на Грира.

- Мне нужно еще кое-что почитать. Вы не могли бы остаться с ним?

Единственно приятное, что произошло для Келли этой ночью, заключалось в том, что капитан Фрэнк так и не выбросил за борт авиационный паек спиртного. После рассказа о причинах провала операции он вернулся в свою каюту и выпил три больших рюмки. Напряжение оставило его, и Келли почувствовал, как тело охватывает невероятная усталость. Три рюмки виски оглушили его, он рухнул на свою койку, даже не приняв душ, и мгновенно заснул.

Было решено, что "Огден" будет продолжать выполнение плана и со скоростью двадцать узлов пойдет к военноморской базе Су-бик-Бей на Филиппинах. Огромный десантный корабль охватила необычная тишина. Экипаж судна, возбужденный перед началом операции, теперь чувствовал себя подавленным после ее неудачи. Сменялись вахты, корабль жил как обычно, однако тишину кают-компаний рядового состава нарушал только звон металлических подносов и посуды. Никаких шуток, никаких рассказов. Неудача операции хуже всех была воспринята медицинским персоналом. Медикам нечем было заниматься, раненых не было, и они бесцельно бродили по коридорам. До полудня улетели вертолеты - "Кобры" - в Дананг, а спасательные "птички" - обратно на авианосец. Персонал разведывательной службы, занимающийся сбором электронной информации, принялся за выполнение своих прямых обязанностей, обшаривая эфир в поисках радиодонесений, заменив старую операцию новой.

Келли спал до восемнадцати часов, потом, приняв душ, направился вниз для встречи с морскими пехотинцами. Он понимал, что они ждут его объяснений. Кто-то должен был поставить их в известность о причинах провала операции. Штурмовая группа занимала тот же кубрик, что и раньше. На столе по-прежнему стояла песчаная модель лагеря.

- Я находился вот на этом месте, - сказал он, обнаружив, что на холме Змеи расположилось резиновое кольцо с нарисованными на нем глазами.

- Какие подкрепления прибыли?

- Четыре грузовика, они приехали вот по этой дороге и остановились вот здесь, - объяснил Келли, показывая места на макете. - Вот тут и тут начали окапываться, устанавливая пулеметные гнезда. Послали патрули к вершине моего холма. Перед тем как покинуть наблюдательный пост, я заметил, что вооруженная группа направляется вот сюда.

- Господи, - выдохнул командир отделения, - да ведь это же направление нашего подхода к цели!

- Да, - кивнул Келли. - Короче говоря, вот почему я отменил операцию.

- Откуда им стало известно, что необходимо выслать подкрепление? - спросил капрал.

- Это вопрос не ко мне.

- Спасибо, Змея, - произнес командир отделения, поднимая взгляд от песчаного макета, который скоро полетит за борт. - Вам было нелегко отдать такой приказ, верно?

Келли кивнул:

- Да. Извини меня, приятель. Господи, как мне жаль...

- Мистер Кларк, через два месяца я ожидаю рождения ребенка. Если бы не вы... - Морской пехотинец протянул руку над песчаным макетом.

- Спасибо, друг. - Келли пожал протянутую руку.

- Мистер Кларк, сэр? - В дверях кубрика появилась голова матроса. - Вас ищут адмиралы. Они в офицерской кают-компании, сэр.

- Доктор Розен слушает, - сказал Сэм, поднимая телефонную трубку.

- Привет, доктор. Это сержант Дуглас.

- Чем могу служить?

- Мы пытаемся отыскать вашего друга Келли. Его телефон не отвечает. Вы не знаете, где он сейчас?

- Я уже давно не видел его, - осторожно ответил хирург.

- А кто-нибудь видел его, вы не знаете?

- Я постараюсь выяснить. А в чем дело? - задал Сэм крайне неприятный вопрос, стараясь догадаться, какой ответ он получит.

- Этого, сэр, я не могу вам сказать. Надеюсь, вы понимаете.

- Н-да. Ну ладно, хорошо, я поспрашиваю.

- Чувствуете себя лучше? - сразу спросил Риттер.
- Немного, - признался Келли. - Что нового относительно русского?
- Кларк, возможно, вы сделали нечто очень полезное. - Риттер указал на стол, на котором было разложено не меньше десяти пачек различных документов.
- Они собирались убить всех военнопленных, - заметил Грир.
- Кто? Русские? - спросил Келли.
- Вьетнамцы. А русские хотели сохранить им жизнь. Полковник, которого вы захватили, пытался отправить их домой, - сказал Риттер, поднимая лист бумаги. - Вот черновик его письма, оправдывающий это предложение.
- Так это хорошо или плохо?

Шум, доносящийся снаружи, изменился, отметил Закариас. К тому же стал громче. Раздавались крики, похожие на команды, однако их смысл был ему непонятен. Впервые за последний месяц к нему в камеру не пришел Гришанов, даже не заглянул. Чувство одиночества, испытываемое американским офицером, еще более обострилось, и его не покидало сознание, что он прочел для Советского Союза курс лекций по континентальной обороне от воздушного нападения. Закариас не собирался делать этого. Он даже не знал, что происходит. Впрочем, это мало его утешало. Русский обманул его, как последнего дурака, и полковник Закариас, офицер американских ВВС, выдал все, что знал. Этот русский атеист перехитрил его, пользуясь его одиночеством, прибегнув к доброте и сочувствию..., и алкоголю. Глупость и грех, наиболее действенная комбинация человеческих слабостей, и Закариас попался на крючок.

У него даже не осталось слез, чтобы оплакивать свой позор. Он знал, что все это осталось позади, сделанного не вернешь, и Закариас сидел на полу своей камеры, уставясь на шероховатый грязный бетон. Он нарушил клятву, данную Богу и Родине, сказал себе американский полковник. В это мгновение через люк в нижней части двери внутрь камеры просунули миску с ужином. Жидкий тыквенный суп и рис с червями. Закариас не притронулся к ужину.

Гришанов знал, что его ждет неминуемая смерть. Они не захотят вернуть его в Россию. Они не смогут даже признаться, что захватили его. Он исчезнет, как исчезли во Вьетнаме многие другие русские - и те, что обслуживали зенитные ракетные установки, и те, что занимались еще чем-то для этих неблагодарных желтых ублюдков. Но почему американцы так хорошо его кормят? Должно быть, это большой корабль. Гришанов впервые находился в море. Здесь трудно было проглотить даже такую приличную пищу, однако он поклялся себе, что не опозорится, поддавшись морской болезни, мешавшейся с чувством страха. Он был легчиком-истребителем, отличным пилотом, не раз смотревшим в глаза смерти, главным образом за штурвалом потерявшего управления самолета. Он вспомнил, как его мучила мысль, что скажут Марине в случае его гибели. И теперь ему пришла в голову та же мысль. Пришлют письмо? О чем? Будут ли его сослуживцы по ПВО страны заботиться о жене и детях? Достаточной ли будет пенсия?

- Вы что шутите?
 - Мистер Кларк, мы живем в очень запутанном мире. Почему вы считаете, что они питают к вьетнамцам теплые чувства?
 - Но русские снабжают их оружием, готовят кадры. Риттер погасил окурок своего "Уинстона".
 - Мы тоже снабжаем людей во многих странах мира. Эти люди - совсем не такие, как мы, они жестоки и вероломны, но нам приходится работать с ними. То же самое относится и к русским, может быть, в меньшей степени, но это не меняет ситуацию. Как бы то ни было, этот Гришанов рисковал очень многим, пытаясь спасти наших военнопленных. - Риттер поднял еще один лист бумаги. - Вот запрос об улучшении их питания - даже о присылке врача.
 - Тогда как же мы с ним поступим? - спросил адмирал Подулски.
 - А вот это, джентльмены, забота нашего управления. - Риттер посмотрел на Грива, и тот кивнул.
 - Минуту, - возразил Келли, - он же выкачивал у них информацию.
 - Ну и что? - пожал плечами Риттер. - Такова его работа.
 - Мы отвлекаемся от главного вопроса, - заметил Макссуэлл. Джеймс Грив налил себе чашку кофе.
 - Знаю. Нужно действовать как можно быстрее.
 - И наконец... - Риттер постучал пальцем по переводу приказа, присланного майору Вину. - Нам известно, что кто-то нас предал, сообщив русским о готовящейся операции. Мы найдем этого подонка.
- Келли все еще не оправился ото сна, чтобы понять, о чем идет речь, не говоря уже о том, чтобы заглянуть в далекое будущее и увидеть, что ему будет принадлежать в нем главная роль.

- Где сейчас Джон?

Сэнди О'Тул подняла голову от журнала, в котором вела записи. Смена подходила к концу, и вопрос профессора Розена снова пробудил в ней тревогу, которую ей удавалось скрывать в течение целой недели.

- Он покинул страну. А в чем дело?

- Сегодня мне звонили из полиции. Его разыскивают. Боже милосердный!

- Почему?

- Они не сказали. - Розен огляделся по сторонам. Они были одни у столика медсестры. - Сэнди, я знаю, чем он занимался, то есть я хочу сказать, что мне кажется, что я знаю, но я...

- Я тоже не получала от него никаких вестей. Так как же нам поступить?

Розен поморщился и отвернулся, прежде чем ответить.

- Как добропорядочные граждане мы должны помогать полиции, но..., мы не делаем этого, правда? Ты не знаешь, где он может находиться?

- Он сказал мне, но я не должна - он занимается чем-то для правительства..., там, далеко... - Она не могла закончить, не могла заставить себя произнести это слово. - Он дал мне номер телефона, по которому я могу позвонить. Я им не пользовалась.

- Я бы на твоём месте позвонил, - сказал ей Сэм и ушел. Здесь что-то не так. Джона отправили на другой конец света, там он занимается чем-то важным и пугающим, и, когда вернется, его ждет здесь полицейское расследование. Медсестре О'Тул казалось, что несправедливость жизни достигла своего предела. Она ошибалась.

- Питтсбург?

- Да, так он сказал мне, - подтвердил Генри.

- Между прочим, ты поступил очень разумно, имея там своего человека. Очень профессионально, - в голосе Пиаджи звучало уважение.

- Он сказал, что с этим нужно покончить как можно скорее. Пока она рассказала еще очень мало.

- Она в самом деле все видела? - Пиаджи не понадобилось добавлять, что такое поведение он считает далеко не профессиональным. - Генри, соблюдать строгую дисциплину - это одно. Превращать своих людей в свидетелей - совершенно другое.

- Тони, я займусь этим, но нам необходимо как можно быстрее решить возникшую проблему, понимаешь? - Генри Таккеру казалось, что он на финишной прямой и за линией финиша его ждет безопасность и процветание. То, что должны умереть еще пять человек, чтобы он смог пересечь эту линию, было слишком незначительным после изнурительного марафона.

- Продолжай.

- Ее фамилия - Браун. Зовут - Дорис. Имя ее отца - Реймонд.

- Ты в этом уверен?

- Девушки любят разговаривать друг с другом. У меня есть название улицы и номер дома. У тебя есть необходимые связи. Мне нужно воспользоваться ими.

Пиаджи обдумал полученную информацию.

- О'кей. Наши друзья в Филли займутся этим. Но это обойдется тебе недешево. Генри.

- Я и не рассчитывал на это.

Полетная палуба выглядела такой пустой. Все четыре вертолета, на короткое время приписанные к "Огдену", уже улетели, и палуба вернулась к своему неофициальному назначению городской площади. Звезды на небе были такими же, как и раньше, теперь, когда небо очистилось от облаков, в эти ранние часы на нем виднелась луна в своей последней четверти. Впрочем, на палубе не было матросов. Те, кто сейчас не спали, находились на вахте, однако для Келли и морских пехотинцев цикл дня и ночи как-то сдвинулся, и серые стальные стены их кубрика словно сжимали их, не давая дышать, особенно при тех мыслях, которые роились у них в головах. Кильватерная струя позади корабля светилась зеленой параллельно к поверхности моря корабельными винтами, и оставляла длинный след, показывая путь "Огдена". Полдюжины морских пехотинцев стояли на корме, глядя на светящуюся струю и не произнося ни слова.

- Знаешь, все могло обернуться гораздо хуже, - услышал Келли и обернулся. Там стоял Ирвин. Кто же еще?

- Могло быть и куда лучше, сардж.

- Это не было случайностью - появление подкреплений, как ты считаешь?

- Мне кажется, что я не имею права говорить об этом. Я достаточно ясно ответил на твой вопрос?

- Да. Еще Иисус Христос сказал: Отец, прости их, ибо они не ведают, что творят.

- А что, если ведают? Ирвин фыркнул:

- Ты ведь знаешь мое мнение. Кем бы ни был этот человек, он мог погубить всех нас.

- Так хотелось бы, сардж, хоть раз, один-единственный раз завершить что-то именно так, как надо, - вздохнул Келли.

- Верно. - Ирвин подумал, прежде чем продолжить, и все же снова вернулся к прежней теме:

- Ну почему, черт побери, людям хочется так поступать?

Поблизости показались темные очертания корабля. Это был “Ньюпорт-Ньюз”. Его красивый силуэт вырисовывался всего в двух тысячах ярдов, заметный только в спектральном отражении, несмотря на отсутствие огней. Он тоже направлялся обратно в порт, последний из тяжелых крейсеров с крупнокалиберными орудиями, создание уже ушедшей эпохи. Он шел домой после провала той же операции, о которой знали Келли и Ирвин.

- Семь-один-три-один, - произнес женский голос.

- Алло, мне нужно поговорить с адмиралом Джеймсом Гриром, - сказала Сэнди секретарше.

- Его нет.

- Вы не можете сказать мне, когда он вернется?

- Извините, не могу. Я не знаю.

- Но это очень важно.

- Вы не могли бы назвать свое имя?

- А куда я попала?

- Это кабинет адмирала Грира.

- Нет, я имею в виду, это Пентагон?

- Вы разве не знаете, куда звоните? Сэнди не знала этого, и заданный ей вопрос подтолкнул ее в направлении, ей непонятном.

- Прошу вас, мне нужна помощь.

- С кем я разговариваю? Назовите свое имя, пожалуйста.

- Мне нужно знать, где вы находитесь! Очень вас прошу!

- Этого я не могу вам сказать, - ответила секретарша, чувствуя себя одной из крепостных стен, защищающих национальную безопасность страны.

- Разве это не Пентагон?

Ну что ж, на этот вопрос можно ответить.

- Нет, это не Пентагон.

Тогда что это? - подумала Сэнди и глубоко вздохнула.

- Мой друг дал мне этот телефон, чтобы я могла позвонить в случае необходимости. Он находится с адмиралом Гриром. Он сказал, что я могу позвонить по этому телефону и узнать, все ли у него в порядке.

- Я не понимаю.

- Послушайте, но я знаю, что он находится во Вьетнаме!

- Мисс, я не могу обсуждать, где сейчас адмирал Грир. - Кто сумел нарушить правила безопасности? Теперь ей придется написать донесение об этом.

- Да это не о нем, это о Джоне! - Успокойся, сказала себе Сэнди. Криком делу не поможешь.

- Какой Джон? - спросила секретарша. Глубокий вдох, глоток.

- Прошу вас передать адмиралу Гриру. Говорит Сэнди. Речь идет о Джоне. Он поймет. Хорошо? Он все поймет. Это очень важно. - Она назвала оба своих телефона - домашний и служебный.

- Спасибо. Я сделаю все, что в моих силах. - Линия разъединилась.

Сэнди хотела кричать, и она едва так и не поступила. Итак, адмирала нет. Наверно, он находится где-то рядом с Джоном. Секретарша передаст то, что она ей сказала. Она обязана сделать это. У таких людей, стоит сказать, что это очень важно, не хватит воображения не сделать этого. Теперь успокойся. Как бы то ни было, там, где он сейчас находится, полиция не сможет его достать. Однако до конца этого дня и на протяжении следующего ей казалось, что секундная стрелка на часах застыла на месте.

"Огден" вошел в гавань американской военно-морской базы Субик-Бей в середине дня. Во влажной тропической жаре матросам казалось, что швартовка длится целую вечность. Наконец закрепили концы, опустили трап, и еще до того как он был должным образом закреплен, по нему первым взбежал какой-то штатский. Вскоре после этого морские пехотинцы спустились на пирс и погрузились в ожидавший их автобус, который отвез их на Куби-Пойнт. Палубная команда выстроилась у трапа, и, когда морские пехотинцы вереницей двинулись к нему, матросы пожимали им руки, стараясь сохранить после пережитого хотя бы одно хорошее воспоминание, но фраза “жаль, что не получилось” как-то казалась недостаточно подходящей для прощания, а пожелание удачи было вообще богохульством. Их С-141 ждал на взлетной площадке, чтобы доставить солдат обратно в США. Они заметили, что на этот раз среди них не было мистера Кларка.

- Джон, похоже, о тебе беспокоится твоя подруга, - сказал Грир, передавая ему депешу. Это была самая дружеская и приятная депеша среди всех, доставленных младшим сотрудником ЦРУ из Манилы. Келли прочитал ее, пока остальные три адмирала читали депешы, адресованные им.

- У меня есть еще время позвонить ей, сэр? Она беспокоится обо мне.

- Ты оставил ей мой служебный телефон? - спросил Грир с долей раздражения.

- Ее муж погиб во Вьетнаме. Он был офицером в Первой воздушно-десантной дивизии, сэр. Она имеет основания

для беспокойства, - объяснил Келли.

- О'кей. - На мгновение Грир забыл собственные неприятности. - Я передам Барбаре - она сообщит ей, что с тобой все в порядке.

Остальные депеши были менее приятными. Адмиралов Максвелл и Подулски немедленно вызывали обратно в Вашингтон, требуя отчета о причинах неудачи с операцией "Зеленый самшит". Аналогичные распоряжения получили Риттер и Грир, хотя у них еще оставалась спрятанная от всех козырная карта. На базе ВВС Кларк их ждал самолет KC-135, который должен был доставить всех обратно в Соединенные Штаты. Самолет местного сообщения был готов перебросить всю группу через вершины прямо на эту базу. Единственное, что радовало, - скоро, стоит им только приземлиться на восточном побережье Америки, восстановится нарушенный цикл дня и ночи, ведь здесь им приходилось спать, когда организм восставал против этого.

Полковник Гришанов вышел на поле аэродрома под палящие лучи солнца вместе с адмиралами. На нем была одежда из гардероба капитана первого ранга Фрэнкса - они оказались одного роста и размеров. Гришанова сопровождали Максвелл и Подулски. Русский офицер не питал никаких иллюзий насчет возможности скрыться - американская военноморская база располагалась на территории Филиппин, союзника Соединенных Штатов. Шедший рядом Риттер тихо разговаривал с ним по-русски. Все шестеро уселись в автомобиль и десять минут спустя уже поднимались на борт "Бичкрафта" C-12 - двухмоторного самолета ВВС. Еще через полчаса самолет совершил посадку рядом с большим реактивным "Боингом".

Прошло меньше часа с того момента, как они сошли с борта "Огдена". Келли нашел для себя кресло поукромнее, пристегнулся и заснул еще до того, как военный транспортный самолет начал разбег. Следующая посадка, сказали ему, произойдет на базе ВВС Хикэм на Гавайях, и Келли не собирался вставать из кресла ради того, чтобы полюбоваться тамошними красотами природы.

Глава 31

Возвращение охотника

Остальным пассажирам перелет не принес такого отдыха, как Келли. Грир успел отправить пару шифрограмм еще до взлета, и все-таки они с Риттером были более всех заняты все время полета. Самолет, на котором они летели, - ВВС США предоставили его в их распоряжение на время операции, не задавая никаких вопросов, - принадлежал базе ВВС Эндрюз, был оборудован для транспортировки важных пассажиров и часто использовался членами конгресса. Это означало, что в его буфете имелся солидный запас спиртного, и хотя сами они пили обычный кофе, в чашки, подаваемые русскому, щедро добавляли виски - сначала понемногу, затем во все увеличивающихся дозах, так что полковник Гришанов не сумел заметить этого.

Гришанова допрашивал главным образом Риттер. Он начал с того, что объяснил русскому офицеру, что его совсем не собираются убивать. Да, они из ЦРУ. Да, Риттер принадлежит к числу оперативников - если хотите, шпионов, - причем у него огромный опыт работы за железным занавесом. Точнее говоря, он занимался тем, что подрывал строй в миролюбивых социалистических странах Восточного блока, но ведь у него такая работа, так же как и у Гришанова. Вы не будете возражать, если я стану звать вас просто Колей? А теперь, полковник, вы не могли бы назвать имена американских офицеров, содержащихся в лагере (все данные о них Риттер уже нашел в подробных записках русского полковника)? А, так это ваши друзья? Ну конечно, мы очень благодарны вам за то, что вы приложили столько усилий, чтобы сохранить им жизнь. Понимаешь, Коля, у них у всех есть семьи, так же как и у, тебя. Еще кофе, полковник? Да, это действительно хороший кофе. Ну конечно, ты вернешься домой, к своей семье. Ты, что же, принимаешь нас за варваров? У Гришанова хватило здравого смысла, чтобы воздержаться от ответа.

Черт побери, подумал Грир, а ведь у Боба действительно здорово получается. Он умеет вести допрос, вызвать у человека доверие к себе. И дело тут не в мужестве или патриотизме. Боб сумел проявить человечность. Гришанов - храбрый и упрямый мужчина и, надо думать, блестящий летчик. Как жаль, что они не могут посвятить во все это Максвелл и Подулски! Но, в конце концов, он тоже был человеком, и это качество характера явилось его слабостью. Русский не хотел смерти американских офицеров. Это вместе со стрессом, вызванным захватом в плен, вместе с неожиданно мягким обращением, к которому добавилось изрядное количество хорошего виски, привело к тому, что у Гришанова развязался язык. Немаловажным явилось и то, что Риттер ни разу не коснулся вопросов, затрагивающих интересы безопасности советского государства. Черт побери, полковник, я ведь знаю, что вы не раскроете государственные тайны, - тогда зачем же тратить на это силы, задавая ненужные вопросы?

- Это ваш человек убил майора Вина? - спросил русский, когда самолет находился на полпути через Тихий океан.

- Да. Это произошло случайно, он... - Гришанов прервал Рит-тера взмахом руки:

- Правильно сделал. Вин был дремучим человеком, мерзким маленьким фашистским ублюдком. Он хотел смерти ваших офицеров. - Откровенность полковника росла пропорционально количеству выпитого им виски.

- Ничего, Коля, мы постараемся не допустить этого.

- Нейрохирургическое отделение, западное крыло, - произнесла медсестра.

- Мне нужно поговорить с Сандрой О'Тул.

- Подождите минутку. Сэнди? - Медсестра, сидевшая у столика, протянула телефонную трубку. Старшая смены

взяла ее:

- О'Тул слушает.

- Мисс О'Тул, это Барбара - мы недавно говорили с вами по телефону. Помните, вы звонили адмиралу Гриру?

- Да, конечно!

- Адмирал Грир просил передать вам, что с Джоном все в порядке. Сейчас он летит домой.

Сэнди быстро оглянулась по сторонам, стараясь повернуться в ту сторону, где никто не заметит внезапных слез облегчения, выступивших у нее на глазах. Нет худа без добра, пожалуй, но все-таки это радостная новость.

- Вы не могли бы сказать, когда он вернется?

- Мне известно только одно - завтра.

- Спасибо.

- Не стоит. - Связь сразу прервалась.

Ну что ж, это уже что-то. А может быть, даже нечто очень важное. Так что же случится, когда он прилетит сюда? - с тревогой подумала она. По крайней мере он возвращается домой живым. Ему повезло куда больше, чем Тиму.

Посадка на базе ВВС Хикэм оказалась далеко не мягкой - пилот изрядно устал - Келли проснулся от толчка. Сержант ВВС дружески похлопал его по плечу, чтобы убедиться, что он не спит. Самолет направился в дальнюю сторону аэродрома для заправки и технического обслуживания. Келли воспользовался предоставившейся возможностью, чтобы выйти наружу и размять ноги. Погода здесь была теплой, но ничто не напоминало жаркой духоты Вьетнама. Теперь он на американской территории, здесь все по-другому...

Это уж точно.

Только однажды, всего лишь однажды..., вспомнил он о своем желании. Да, я приложу все силы, чтобы спасти остальных девушек, как я спас Дорис. Вряд ли это будет особенно трудно. Теперь я захвачу Берта и все выпытаю у него. Даже отпущу этого подонка живым, после того как узнаю, что мне нужно. Наверно, отпущу. Мне не по силам спасти весь мир, но... Боже милосердный, я ведь сумею спасти хотя бы часть его!

Он нашел телефон в зале для важных пассажиров и набрал номер.

- Алло? - послышался заспанный голос, через расстояние в пять тысяч миль.

- Привет, Сэнди. Это Джон, - с улыбкой произнес он. Даже если военнопленные летчики еще и не возвращались домой вместе с ним, возвращался он сам, а потому испытывал от этого чувство облегчения.

- Джон! Где ты сейчас?

- Ты не поверишь! На Гавайях.

- С тобой все в порядке?

- Немного устал, но в остальном все хорошо. На этот раз в моей шкуре нет никаких дыр, - сообщил он, снова улыбнувшись. Ее голос звучал подобно музыке, даже день казался от этого более ярким. Однако радужное состояние продлилось недолго.

- Джон, возникли проблемы.

Сержант, сидевший за столиком у входа, заметил, как изменилось лицо этого важного незнакомца. Но тут Келли повернулся к нему спиной, и интерес сержанта пропал.

- Ясно. Это, должно быть, Дорис, - заметил Келли. - Я хочу сказать, ведь только ты и два врача знают обо мне, а вы...

- Они узнали об этом не от нас, - заверила его Сэнди.

- О'кей. Прошу тебя, позвони Дорис и..., будь поосторожнее, но...

- Предостеречь ее?

- Ты сможешь сделать это?

- Да, конечно!

Келли попытался успокоиться, и это ему почти удалось.

- Я вернусь через..., девять или десять часов. Ты будешь на работе?

- У меня выходной.

- Хорошо, Сэнди. Скоро увидимся. До свиданья.

- Джон! - окликнула его Сэнди.

- Да?

- Я хочу..., я имею в виду, что... - Она замолчала. Келли снова улыбнулся.

- Мы обо всем поговорим, когда я вернусь к тебе, дорогая. - Может быть, он не просто возвращается домой. Может быть, он возвращается к кому-то. Келли быстро все обдумал. У него на яхте по-прежнему хранился пистолет с глушителем и вместе с ним другое оружие, но все остальное, чем он пользовался в своих операциях, - ботинки, носки, одежда и даже нижнее белье - было выброшено и находилось сейчас где-то на свалке. Никаких вещественных доказательств, которыми могла бы воспользоваться полиция. Если им хочется поговорить с ним - пожалуйста. А вот он не обязан говорить с ними. Это одна из приятных сторон американской конституции, подумал Келли, возвращаясь обратно к самолету, и поднялся по трапу. Первый летный экипаж расположился на койках сразу позади кабины пилотов, и сменный экипаж включил двигатели. Келли сел рядом с сотрудниками ЦРУ. Он заметил, что русский офицер спит, громко похрапывая в своем алкогольном раю.

Риттер усмехнулся:

- Когда проснется, будет изрядно страдать от похмелья.
- Что вы с ним сделали?
- Начали с бренди, перешли на виски и закончили калифорнийским красным. Бренди всегда плохо влияет на меня на следующий день, - устало произнес Риттер, и в этот момент КС-135-начал разбег. Теперь, когда пленный полковник был не в состоянии больше отвечать на вопросы, Риттер пил martini.
- Ну что вы узнали нового? - поинтересовался Келли. Риттер рассказал ему все, что знал. Лагерь действительно был создан, чтобы выторговать как можно больше из русских, но, по-видимому, вьетнамцы использовали военнопленных весьма малоэффективно и теперь собирались ликвидировать лагерь вместе с узниками.
- Вы полагаете, из-за нашей неудавшейся операции? - спросил он и мысленно воззвал к Богу.
- Совершенно верно. Но можете успокоиться. Теперь в наших руках русский полковник, а это козырная карта, мистер Кларк. - Улыбка Риттера показалась Келли зловещей. - Между прочим, мне понравилось, как вы действовали во время операции.
- Что вы хотите этим сказать?
- Захватив русского, вы проявили похвальную инициативу. А то, что вы отменили операцию, свидетельствует, что вы правильно оценили обстановку.
- Послушайте, я ведь не.., то есть, я не собирался..
- Вы не потеряли контроля над собой. Там всякий мог сорваться. Вы мгновенно приняли решение, и оно оказалось единственно правильным. Скажите, вы готовы еще послужить своей стране? - спросил Риттер с улыбкой, откровенность которой тоже объяснялась немалой порцией поглощенного им алкоголя.

Сэнди проснулась в половине седьмого, что было поздно для нее.

Она сходила за утренней газетой, включила кофеварку, затем решила ограничить завтрак одними тостами, глядя на часы на стене кухни и думая о том, когда будет не слишком рано позвонить в Питтсбург.

На первой же странице говорилось о перестрелке, связанной с торговлей наркотиками. Полицейский был вынужден застрелить дилера, попытавшегося достать оружие. Удачная операция, подумала она. Еще говорилось, что при этом было изъято шесть килограммов "чистого" героина - действительно, крупная партия. Интересно, подумала Сэнди, это не та самая банда торговцев наркотиками, которая.., нет, той бандой руководил негр, по крайней мере так говорила Дорис. Как бы то ни было, еще один торговец наркотиками переселился в мир иной. Она снова посмотрела на часы. Все еще слишком рано для звонка. Приличным людям надо звонить в приличное время, а не так рано. Она прошла в гостиную и включила телевизор. День уже начался и обещал быть душным и жарким. Прошлым вечером она поздно легла, а потом, после звонка Джона, не могла уснуть. Сэнди попыталась смотреть по телевизору "Мир сегодня" и даже не заметила, как у нее опускаются веки..

Она снова открыла глаза уже после десяти утра. Рассердившись на себя, Сэнди тряхнула головой и вернулась в кухню. Номер Дорис был рядом с телефонным аппаратом. Она набрала его и услышала, как далеко в Питтсбурге звонит телефон: четыре.., шесть.., десять раз - без ответа. Проклятье. Пошла по магазинам? Или на встречу с доктором Брайант? Ладно, позвоню через час, решила Сэнди. Тем временем надо постараться сформулировать, что сказать. Уж не совершает ли она тем самым преступления? Может быть, мешают правосудию? Насколько глубоко замешана в этом деле? Эта мысль неприятно поразила ее. Но ведь она и в самом деле непосредственная участница происходящего. Сэнди помогла спасти девушку от полной опасностей жизни, которую та вела, и теперь было уже поздно останавливаться. Она просто скажет Дорис, чтобы та не повредила чем-нибудь людям, которые спасли ее, чтобы вела себя очень, очень осторожно. Попросит ее быть крайне внимательной.

Пастор Майер опаздывал. Его задержал телефонный звонок, а профессия священника не позволяла ему сказать собеседнику, что он спешит, что он опаздывает на встречу, о которой договорился. Остановив машину рядом с домом Браунов, пастор заметил в конце улицы грузовичок цветочной фирмы, который поднимался вверх по склону холма. Грузовичок повернул направо и исчез как раз в тот момент, когда Майер нашел наконец свободное место для стоянки своего автомобиля недалеко от крыльца Браунов. Запирая машину, он уже испытывал некоторое беспокойство. Сегодня ему нужно попытаться уговорить Дорис обратиться в полицию и рассказать о случившемся с ней его сыну. Питер заверил его, что проявит максимальную осторожность, что все пройдет хорошо, что девушке не угрожает никакая опасность. Да, папа, сказал он, мы сумеем обеспечить надежную охрану. Теперь пастору было необходимо сообщить об этом испуганной молодой женщине и ее отцу, любовь которого вынесла самое тяжелое испытание. Ну что ж, пастору приходится заниматься и еще более деликатными проблемами, подумал он. Например, предотвращать разводы. Вряд ли переговоры между государствами бывают такими трудными, как попытки спасти семью.

Несмотря на все эти мысли, заметил Майер, ступеньки крыльца показались ему поразительно крутыми, когда он поднимался по ним, держась рукой за перила. На крыльце стояло несколько банок с краской. Может быть, теперь, когда у него есть семья, Реймонд собирается красить дом? Хороший знак, подумал пастор, нажимая на кнопку звонка. Он слышал, как прозвенело внутри - сначала низкий тон, потом высокий. Белый фورد Реймонда стоял рядом с домом. Майер знал, что они дома.., но к двери никто не подходил. Может быть, кто-то из них одевается или зашел в туалет, как это нередко случается ко всеобщему смущению. Он подождал минуту-другую и снова, нахмурившись, нажал на кнопку

звонка. Только теперь он заметил, что дверь чуть приоткрыта. Ты священник, напомнил себе Майер, а не грабитель. Чувствуя какую-то неловкость, он открыл дверь и просунул голову внутрь.

- Есть кто дома? Реймонд?! Дорис?! - громко позвал он, надеясь, что его голос слышен по всему дому. В ответ доносились только звуки включенного телевизора из гостиной, передавали какое-то бессмысленное шоу. - Есть кто-нибудь дома, эй?

Странно. Он вошел, смущенный собственными действиями, не понимая, что здесь происходит. В пепельнице на столе еще дымилась сигарета, сгоревшая до самого фильтра; тонкая струйка дыма поднималась вертикально вверх, ясно показывала, что в доме что-то не так. Обычный человек с нормальным мышлением ушел бы из дома, но пастор Майер не был обычным человеком. Он увидел на ковре коробку с цветами, наклонился и открыл ее. Розы на длинных стеблях. Розы не должны лежать на полу. Тут ему вспомнилась служба в армии, сколь бы тягостной она ни была, какой подъем он испытывал тогда, занимаясь духовными нуждами людей перед лицом смерти. Майер не мог понять, почему пришла ему в голову эта мысль, и от внезапного озарения у него бешено заколотилось сердце. Он прошел через гостиную, стараясь теперь не поднимать шума и прислушиваясь. В кухне тоже было пусто, на газовой плите начинал закипать чайник, на столе были чашки и пакетики с чаем. Дверь, ведущая в подвал, была открыта, свет там включен. Теперь он уже не мог остановиться, до конца открыл дверь и стал спускаться. Он прошел половину лестницы, когда увидел их ноги.

Отец и дочь лежали вниз лицом на голом цементном полу. Кровь из ран на их головах скопилась в лужу на неровной поверхности. Его сковал ужас. Перехватило дыхание, и от внезапного судорожного вдоха отвисла нижняя челюсть. Пастор не мог оторвать взгляда от своих мертвых прихожан, отпевание которых состоится через два дня в его храме. Он заметил, что отец и дочь держались за руки. Они умерли вместе, однако утешение от того, что эта так жестоко наказанная семья соединилась теперь перед лицом Господа, не сдержало ярости против тех, кто был в этом доме всего десять минут назад. Через несколько секунд Майер совладал с собой, спустился в погреб и встал на колени, прикрыв рукой их переплетенные пальцы и умоляя Господа смилостивиться над их душами. В Божьей милости пастор не сомневался. Дорис потеряла жизнь, но не душу, а ее отец вернул себе любовь дочери. Пастор дал себе слово заверить прихожан, что душам этих несчастных обеспечено бессмертие. Теперь пришло время сообщить о случившемся сыну.

Украденный грузовичок цветочной фирмы замер на стоянке у супермаркета. Из него вышли двое. Мужчины направились в супермаркет, чтобы убедиться, что за ними никто не следит, и вышли через боковую дверь к месту, где стоял их автомобиль. Машина поехала на юго-восток, к Пенсильванскому магистральному шоссе. Им предстояло трехчасовое путешествие до Филадельфии. Может быть, даже не трехчасовое, а несколько более продолжительное, подумал водитель. Им вовсе не хотелось, чтобы дорожная полиция задержала их за превышение скорости. Каждый из них стал богаче на десять тысяч долларов. Их не интересовала причина совершенного ими двойного убийства, да им и не собирались сообщать ее.

- Алло?

- Мистер Браун?

- Нет. С кем я разговариваю?

- Это Сэнди. А где мистер Браун?

- Откуда вы знакомы с семьей Браунов?

- А вы кто? - спросила Сэнди, с тревогой глядя в кухонное окно.

- Сержант Питер Майер, департамент полиции Питтсбурга. Итак, кто вы?

- Это я привезла Дорис к ее отцу. Что случилось?

- Назовите вашу фамилию, пожалуйста.

- С ними все в порядке?

- Их убили, - терпеливо произнес сержант Майер. - Итак, мне требуется ваша фамилия и...

Сэнди опустила палец на рычажок и прервала связь, не ожидая дальнейших расспросов. Выслушав их, ей придется отвечать. У нее, дрожали ноги, однако рядом стоял стул. Глаза Сэнди расширились. Этого не может быть, сказала она себе. Как они могли узнать, где находится Дорис? Ведь девушка наверняка не звонила людям, которые... - нет, это невозможно, подумала медсестра.

- Но почему? - прошептала она вслух. - Почему, почему, почему? - Дорис не могла причинить никому никакого вреда - нет, могла, - но как им удалось отыскать ее?

У них свои люди в полиции, вспомнила Сэнди слова, произнесенные Джоном. Значит, он прав? Но это не относилось к делу.

- Черт побери, ведь мы спасли ее! - произнесла Сэнди в тишине своей кухни. Она помнила каждую минуту той первой бесконечной недели, когда ей почти не приходилось спать, и затем постепенное улучшение, восторг, такое чистое ощущение профессионального удовлетворения от хорошо выполненной работы, радость при виде счастья на лице отца девушки. А теперь ее нет. Напрасная трата времени. Нет.

Нет, не напрасная. Ведь смыслом жизни Сэнди было помогать людям возвращаться к жизни. Она добивалась этого. Она гордилась этим. Это не было напрасно потраченным временем, нет. Это время у нее украли. Украли не только время, украли две жизни. Сэнди заплакала. Ей пришлось спуститься в ванную на первом этаже, чтобы вытереть слезы

бумажными салфетками. Здесь она посмотрела в зеркало и увидела глаза, которых не видела никогда раньше. И увидев их, все поняла.

Болезни были тем драконом, с которым она боролась по сорок часов каждую неделю. Опытная медсестра и инструктор, она работала рука об руку с хирургами своей смены, целиком отдавая этой борьбе весь свой профессионализм, доброту и интеллект, чаще побеждая, чем проигрывая схватки. И с каждым годом положение улучшалось. Прогресс был недостаточно быстрым, но зато реальным и поддавался измерению, и, может быть, ей еще доведется увидеть при жизни, как умрет во время ее смены раз и навсегда последний дракон.

Но ведь драконы не все одинаковы, верно? Некоторых нельзя убить добротой, лекарствами и хорошим уходом. Вот она сумела победить одного, но второй все-таки сумел погубить Дорис. Для того чтобы победить такого дракона, требуется меч в руках воина.

А меч - это тоже инструмент, правда? Инструмент, без которого нельзя обойтись, если хочешь убить такого дракона. Возможно, ей самой не под силу поднять такой меч, но все-таки он бывает необходимым. И кто-то должен его поднять. Джон совсем не плохой человек, он всего лишь реалист.

Она воевала со своими драконами, он - со своими. Но это была одна битва. Сэнди поступила не правильно, вынося суждение о нем. Теперь она поняла это, увидев в своих глазах то же выражение, что и несколько месяцев назад видела у него, и постигнув правоту Джона. Ее ярость отступила, хотя и не исчезла совсем, и на смену ей пришла решимость.

- Ну вот, все кончилось благополучно, - сказал Хикс, передавая своему гостю банку пива.

- Что ты имеешь в виду, Уолли? - спросил Питер Хендерсон.

- Операция закончилась полной неудачей. Ее вовремя отменили. Слава Богу, никто даже не пострадал. Сейчас все ее участники возвращаются домой.

- Это действительно хорошая новость! - искренне обрадовался Хендерсон. Ему совсем не хотелось, чтобы кто-то погиб из-за него. Хендерсон, как и Уолли, всего лишь желал конца этой проклятой войне. Жаль, конечно, тех парней в лагере, но есть вещи, которые нельзя изменить. - А что случилось - если точнее?

- Никто пока не знает. Хочешь, чтобы я выяснил? Питер кивнул:

- Да, только поосторожней. Такие вещи полезно знать Комитету по вопросам разведопераций, особенно когда ЦРУ садится задом в лужу. Я постараюсь передать членам комитета твою информацию. Только, прошу тебя, не допускай себя заподозрить.

- Не беспокойся. Я научился улещивать Роджера. - Хикс закурил первую самокрутку, и в воздухе едко запахло марихуаной.

- Ты можешь лишиться допуска из-за этой дряни, - раздраженно заметил Хендерсон.

- Ну и что? Вернусь в фирму к папе и сделаю себе несколько миллионов на Уолл-стрите.

- Уолли, ты хочешь помочь изменить всю систему или предпочитаешь, чтобы ее поддерживали в прежнем виде?

Хикс кивнул:

- Да, пожалуй, хочу.

Благодаря попутным ветрам КС-135 сумел вернуться в Вашингтон с Гавайских островов без промежуточной дозаправки, а посадка оказалась мягкой. Больше этого Келли был удивлен тем, что у него восстановился цикл дня и ночи. Часы показывали пять вечера, а через шесть или семь часов стемнеет и ему захочется спать.

- Вы не будете возражать, если я отдохну день-другой?

- На базе в Куантико будет проводиться подробный разбор операции, и ваше присутствие там необходимо, - напомнил ему Риттер, все еще не пришедший в себя после длительного перелета.

- Отлично, вот я и приеду на базу через день-два. Приятно слышать, что я не под арестом. Меня не мог бы кто-нибудь подбросить в Балтимор?

- Сейчас выясню, - кивнул Грир, и в этот момент самолет остановился.

Первыми, едва к самолету подкатили трап, внутрь вскочили два сотрудника службы безопасности. Риттер разбудил русского офицера.

- Добро пожаловать в Вашингтон.

- Меня отвезут в советское посольство? - с надеждой в голосе спросил Гришанов.

Риттер с трудом удержался от смеха:

- Пока еще нет. Правда, мы постараемся найти вам хороший комфортабельный дом. Там вы будете жить.

Гришанов чувствовал себя слишком слабым, чтобы возражать. Он тер онемевшую шею и испытывал нужду в средстве против ужасной головной боли. Вместе с сотрудниками службы безопасности он спустился к стоящему у трапа автомобилю. Машина тут же рванула с места, и направилась к воротам авиабазы. Гришанова отвезут в "безопасный" дом ЦРУ в Виргинии, недалеко от Винчестера.

- - Спасибо за помощь, Джон. - Адмирал Максвелл пожал руку молодому человеку.

- Извините меня за то, что я сказал раньше. - Каз последовал примеру Максвелла. - Вы были правы. - Их тоже ждал автомобиль. Келли стоял у открытой двери самолета, наблюдая за тем, как адмиралы садятся в машину.

- Что теперь с ними будет? - спросил он Грира. Тот пожал плечами, спускаясь по трапу вместе с Келли. Рев самолетов вокруг был настолько громким, что почти заглушал слова Грира:

. - Голландец ожидал новое назначение - командующего флотом или даже начальника морских операций. Не думаю, что теперь это случится. "Зеленый самшит" с самого начала был его ребенком, и он оказался мертворожденным. Теперь карьере конец.

- Но ведь это несправедливо, - громко возмутился Келли. Грир обернулся:

- Верно, несправедливо, но таково положение вещей.

- Его тоже ждала машина. Он направил водителя к штабному зданию авиакрыла и там договорился, чтобы Келли отвезли в Балтимор.

- Отдохни и позвони мне, когда будешь готов. Боб сделал тебе серьезное предложение. Обдумай его.

- Хорошо, сэр. - ответил Келли, направляясь к синему лимузину ВВС.

Поразительно, как быстро меняется жизнь, подумал Келли. Через пять минут сержант, сидевший за рулем, выехал на магистральное шоссе. Всего двадцать четыре часа назад Келли находился на корабле, приближавшемся к Субик-Бей. Еще тридцатью шестью часами раньше он был на вражеской территории - а теперь сидел на заднем сиденье правительственного автомобиля, и единственная опасность, угрожавшая ему, исходила от водителей других машин.

По крайней мере в ближайшем будущем. Вокруг знакомые приметы: дорожные знаки, окрашенные в приятный зеленый цвет, и многое другое. Автомобиль двигался среди машин - последние тридцать минут вечернего часа пик. Все вокруг говорило о нормальной жизни, и не верилось, что всего тремя сутками раньше также вокруг все было враждебным и угрожающим. Самое странное, подумал Келли, что и там он чувствовал себя в знакомом окружении.

Водитель не произнес ни единого слова - только спросил, куда ехать, хотя он не мог не испытывать любопытства относительно этого мужчины, прилетевшего спецрейсом. По-видимому, ему уже не раз приходилось выполнять подобные задания, подумал Келли, и потому он приучен не интересоваться тем, о чем ему не говорят. Автомобиль остановился поблизости от бульвара Лох-Рейвен.

- Спасибо что подвезли, - сказал Келли.

- Не стоит благодарности. - Машина уехала, и Келли направился к своей квартире, с удивлением вспомнив, что провозил с собой ключи во Вьетнам и обратно. Знают ли ключи, сколько им пришлось пропутешествовать? Через пять минут он стоял под душем - типично американское удовольствие, - переключившись из одной реальности в другую. Еще через пять он переоделся в брюки и рубашку с короткими рукавами, закрыл за собой дверь и направился к "скауту", припаркованному в следующем квартале. Прошло еще десять минут, и Келли остановил машину недалеко от дома, где жила Сэнди. По пути от машины к двери с ним произошло еще одно преобразование. Наконец-то, сказал он себе, я вернулся домой. В первый раз за столько месяцев.

- Джон! - Ее объятия были для него неожиданностью. Еще большей неожиданностью стали слезы в глазах Сэнди.

- Все в порядке, Сэнди. Со мной ничего не случилось. Никаких дыр в шкуре или даже царапин. - Келли не сразу осознал, с каким отчаянием она прикинула к нему, он ощущал только приятное чувство. Но тут он услышал рыдания женщины, прижавшейся к его груди, и с опозданием понял, что все это было совсем не ради него. - Что случилось?

- Они убили Дорис.

Время снова остановилось. Казалось, оно разбилось на множество осколков. Келли закрыл глаза от охватившей его нестерпимой боли и тут же снова оказался на вершине холма над лагерем военнопленных, наблюдая за прибытием солдат северовьетнамской армии; в следующее мгновение он уже лежал на больничной койке, глядя на фотографию; потом оказался на окраине безымянной деревни, прислушиваясь к пронзительным детским крикам. Он вернулся домой, это верно, но оказался там же, откуда уехал. Нет, внезапно понял Келли, он никуда не уезжал, это всегда преследовало его. И он никогда не сможет уехать, пока раз и навсегда не покончит с этим. Раз и навсегда.

Но все-таки он почувствовал что-то новое, вот эта женщина прижимается к нему и испытывает ту же острую боль, которая пронизывает и его грудь.

- Как это произошло, Сэнди?

- Мы вылечили ее, Джон. Отвезли домой к отцу. Сегодня я позвонила ей, как ты меня просил, и мне ответил полицейский. До-рис убита, и ее отец вместе с ней.

- О'кей. - Келли усадил ее на диван. Ему хотелось сначала успокоить ее, а не прижимать к себе, но так не получилось. Сэнди обнимала его, изливая охватившее ее отчаяние вместе с тревогой за его собственную безопасность, и потому Келли положил ее голову себе на плечо. Несколько минут в гостиной царил молчание. - Как отреагировали на это Сэм и Сара?

- Я еще не говорила им. - Сэнди подняла голову и невидящими глазами посмотрела перед собой. Затем к ней вернулась свойственная ей профессиональная забота. - А как дела у тебя?

- Немного устал после долгого перелета, - попытался уклончиво ответить он и тут же понял, что должен сказать правду. - Мы потерпели неудачу. Операция сорвалась. Они так и остались в лагере.

- Не понимаю.

- Мы попытались спасти из Северного Вьетнама военнопленных, но что-то помешало. Я снова проиграл, - еле слышно добавил он.

- Это было опасно?

Келли удалось небрежно фыркнуть:

- Да, пожалуй. Но ведь я благополучно выбрался оттуда. Сэнди вернулась к прежней теме:

- Дорис сказала, что там остались другие девушки.

- Верно. Билли говорил то же самое. Я попытаюсь выручить их. - Келли заметил, что она никак не отреагировала

на упоминание имени Билли.

- Это ничему не поможет. Я хочу сказать, даже если ты спасешь их, это ничему не поможет, если только...

- Я знаю. - Именно то, что все время преследует меня, подумал Келли. Есть только один способ положить этому конец. Бегство не поможет ему, не увеличит расстояние между ним и этим кошмаром. Нужно остановиться и посмотреть ему в лицо.

- Ну что ж. Генри, сегодня утром мы решили твою маленькую проблему, - сказал Пиаджи. - Тихо и незаметно.

- Они не оставили никаких...

- Генри, это были два профессионала, понимаешь? Они выполнили работу и вернулись домой, за двести миль от Питтсбурга. Там не осталось ничего, за исключением двух трупов. - Именно так доложили ему по телефону. Работа оказалась легкой, потому что жертвы ничего не подозревали.

- Вот и хорошо, - с удовлетворением кивнул Генри, сунул руку в карман, достал оттуда пухлый конверт и передал его Пиаджи. Тот как надежный партнер уже расплатился с исполнителями.

- Теперь, когда мы устранили Эдди и справились с возможной утечкой сведений по этому каналу, все должно прийти в норму. - Мне еще никогда не приходилось так хорошо потратить двадцать косых, подумал Генри.

- Генри, а остальные девушки? - напомнил ему Пиаджи. - Сейчас у тебя настоящее деловое предприятие. Те, кто работают в нем, многое знают, они опасны. Займись этим, ладно? - Он положил конверт в карман пиджака и отошел от стола.

- По две пули двадцать второго калибра в затылок каждому, - доложил по телефону детектив из Питтсбурга. - Мы сняли отпечатки пальцев во всем доме - ничего. На коробке с цветами тоже никаких отпечатков. Внутри грузовика - тоже ничего. Его украли ночью или сегодня утром. У хозяина цветочной фирмы восемь таких грузовиков. Черт побери, мы сумели обнаружить украденную машину еще до того, как всем полицейским постам было послано оповещение. Это профессиональная работа. Для местных парней все проведено слишком гладко, слишком умело. Преступному миру города ничего не известно. Убийцы скорее всего уже покинули Питтсбург. Два человека видели грузовик. Одна женщина заметила двух мужчин, когда они подходили к двери дома, и решила, что они привезли цветы. К тому же она находилась в соседнем квартале, на другой стороне улицы. Не может припомнить ничего характерного, даже не обратила внимания, белые они или черные.

Райан и Дуглас слушали детектива по одной телефонной линии, то и дело поглядывая друг на друга. Они сразу все поняли по голосу полицейского, что говорил с ними. Это именно то преступление, которое больше всего ненавидят и боятся детективы. Никакого очевидного мотива, никаких свидетелей, никаких вещественных доказательств. Не с чего начинать и не известно, куда направляться. Ход расследования был таким же предсказуемым, как и бесполезным. Местная полиция опросит всех соседней, но преступление совершилось в рабочем районе, так что мало кто в это время дня был дома. Люди замечают, как правило, что-то необычное, а грузовичок цветочной фирмы не представлял собой ничего необычного и потому вряд ли мог привлечь на себя внимание, поэтому никто не мог дать описание сидевших в нем убийц. Совершить идеальное убийство вообще-то не так уж трудно. Этот секрет хорошо известен в сообществе полицейских и детективов, несмотря на то что огромное количество криминальных романов опровергает это, превращая детективов в людей со сверхчеловеческой проницательностью - качеством, которое они никогда не приписывают себе, даже беседуя в барах, завсегдатаями которых являются детективы и полицейские. Придет день, когда преступление может оказаться раскрытым. Одного из убийц арестуют за что-то другое и он, чтобы спастись, признается и в этом убийстве, надеясь помочь следствию. Иногда, что еще менее вероятно, кто-то может заговорить об этом, расхваставшись в присутствии полицейского осведомителя, который передаст услышанное кому-то еще, однако в любом случае на это потребуется время, и след, остывший к тому моменту, станет совсем холодным. Это больше всего приводило в отчаяние полицейских. Убиты по-настоящему невинные люди, и никто не мог заступиться за них, отомстить за их смерть, а тут совершаются новые преступления, и полицейским приходится откладывать расследование этого дела, заниматься чем-то более свежим, требующим немедленного принятия мер. Время от времени кто-нибудь будет доставать так и не раскрытое дело, знакомиться с ним и снова ставить на полку вместе с другими нераскрытыми делами, становящимися с течением времени только толще благодаря вложению в них бланков, гласящих, что по-прежнему не удалось выяснить ничего нового. Для Райана и Дугласа ситуация была еще хуже. Снова у них возник намек на след, с помощью которого можно было бы попытаться расследовать два из нераскрытых дел. Все будет жалеть о смерти Реймонда и Дорис Браун. У них были друзья и соседи, в их приходе, по-видимому, хороший священник. Их отсутствие будет ощущаться всеми, и люди станут думать: какая жалость... Однако папки, лежащие на столе Райана, касались тех, о ком не жалеет никто, кроме полицейских, и это каким-то образом лишь ухудшало положение, потому что кто-то должен оплакивать мертвых, не только полицейские, занимающиеся ими за деньги, которые им платят. Но хуже было другое: появился еще один *modus operandi*¹⁰ в цепи убийств, каким-то образом связанных между собой, но вот каким... На этот раз убийство не было делом рук их Невидимки. Да, жертвы погибли от пуль, выпущенных из револьверов двадцать второго калибра, но у Невидимки уже была возможность умертвить двух жертв сразу. Однако он отпустил Вирджинию Чарлз и подверг себя большой

¹⁰ Механизм действия (лат.).

опасности, чтобы спасти Дорис. Он спас ее от Фармера и Грейсона, как, по-видимому, и от кого-то еще...

- Сержант, - задал вопрос Райан, - в каком состоянии тело Дорис?

- Что вы имеете в виду?

Даже мысленно формулируя этот вопрос, Райан понимал, что он будет казаться абсурдным, но в то же время знал, что полицейский, говорящий с ним из Питтсбурга, поймет его.

- Каково ее физическое состояние?

- Вскрытие произойдет завтра, лейтенант. Могу только сказать, что она была опрятно одета, причесана, выглядела вполне прилично... - Если не считать двух пулевых ранений в затылке, не добавил сержант.

Дуглас прочитал мысли своего лейтенанта и одобрительно кивнул. Значит, кто-то потратил немало времени и сил, чтобы помочь Дорис выздороветь. С этого можно было уже начинать...

- Я буду очень вам благодарен, если вы сообщите нам все, что может оказаться полезным. И мы сделаем то же самое, - заверил его Райан.

- Кто-то сделал все возможное, чтобы убить их. У нас такие убийства происходят редко. Мне это совсем не нравится, - добавил сержант из Питтсбурга. Это звучало каким-то ребяческим заключением, но Райан его понял. Как еще отнестись к такому преступлению, в конце концов?

Это место называлось “безопасным домом”, и дом был действительно безопасным. Просторный особняк на территории имения в сто акров, раскинувшейся по холмам Виргинии, и конюшня с двенадцатью стойлами, наполовину занятая лошадьми для охоты. В документах на право владения имением было указано имя человека, которому принадлежало и другое имение по соседству, где он и жил, а это сдавал в аренду Центральному разведывательному управлению. Точнее, арендатором было не само ЦРУ, а теневая корпорация, существующая только на бумаге и владеющая лишь почтовым ящиком. В свое время этот человек служил в ОСС - Организации стратегических служб, предшественнике ЦРУ, и с готовностью оказал такую услугу. К тому же ему щедро платили за аренду. Снаружи тут никто не заметил бы ничего необычного, но при более тщательном осмотре можно было увидеть, что двери и оконные рамы в доме из стали, стекла в окнах необычно толсты и прочны. Дом был в полной безопасности от нападения извне и от попытки скрыться изнутри, ничем не уступая в этом отношении тюрьмам для особо опасных преступников, хотя и выглядел со стороны намного более приятно.

Для Гришанова там была приготовлена одежда и бритвенные принадлежности, с помощью которых он мог бриться, но не мог причинить себе вред. Зеркало в ванной комнате было из полированной стали, а стаканчик - бумажный. Семейная пара, ухаживавшая за домом и готовившая пищу, говорила на неплохом русском и старалась быть предельно гостеприимной. Им уже сообщили о новом госте - они больше привыкли к русским, обратившимся за политическим убежищем, хотя всех проживающих в доме внутри оберегала группа из четырех охранников, приезжающих, как только здесь появлялся новый гость, а двое стражей из наружной охраны постоянно жили во флигеле, расположенном рядом с конюшней.

Как это случается сплошь и рядом, привезенный гость пересек столько часовых поясов, что никак не мог привыкнуть к местному времени, и потеря временной ориентации, а также беспокойство о своей судьбе сделали его разговорчивым. С удивлением хозяева дома узнали, что при разговоре им следует придерживаться самых рядовых тем. Хозяйка приготовила гостю завтрак - это всегда самая подходящая пища при смене часовых поясов, - а ее муж начал с обсуждения творчества Пушкина, причем с удовольствием обнаружил, что Гришанов, подобно большинству русских, любит поэзию. Охранник стоял в дверях, опершись плечом о косяк, и наблюдал за происходящим.

- То, что мне предстоит сделать, Сэнди...

- Джон, я понимаю, - прервала она его тихим голосом. Оба были удивлены, каким убежденным он стал, какая решимость в нем звучала. - Раньше не понимала, но теперь все изменилось.

- Когда я был там... - Неужели всего три дня назад? - я много думал о тебе. Мне нужно поблагодарить тебя, - сказал ей Келли.

- За что?

Келли опустил голову и посмотрел на клеенку кухонного стола.

- Знаешь, это трудно объяснить. Меня самого пугают вещи, которыми я занимаюсь. Так важно, чтобы у тебя был кто-то, с кем ты можешь поговорить. Извини меня - я не имел в виду... - он замолчал. Вообще-то именно это он и имел в виду. Стоит ослабить контроль над своим сознанием, и оно начинает выражать самые сокровенные мысли. А сейчас он ослабил этот контроль.

Сэнди взяла его руку. На ее лице появилась мягкая улыбка:

- Я раньше боялась тебя.

- Но почему? - изумленно спросил Келли.

- Из-за того, чем ты занимаешься.

- Но я никогда бы не причинил тебе боли... - произнес он, не поднимая голову, чувствуя себя еще более несчастным из-за того, что она испытывала страх перед ним.

- Теперь я понимаю это.

Несмотря на ее слова Келли чувствовал, что должен объяснить мотивы, которыми руководствовался. Ему хотелось, чтобы Сэнди согласилась с ними, не догадываясь, что она уже сделала это. И так, с чего начать? Да, ему приходится убивать людей, но только в том случае, когда на то есть причина. Как он стал таким, каков сейчас? Отчасти это объясняется подготовкой, месяцами напряженных тренировок в Коронадо, столько времени и сил потрачено на то, чтобы разбудить скрытые внутри рефлексии и, что еще более опасно для врага, овладеть искусством выдержки. Вместе с этим к нему каким-то образом пришел иной взгляд на окружающий мир, понимание того, почему иногда приходится убивать. Одновременно у него появился иной кодекс поведения - не то чтобы он овладел чем-то новым, нет, просто модифицировал то, чему научился у отца. Его действия были направлены на выполнение приказов, обычно исходивших от других людей, но его ум оказался достаточно развитым и гибким, чтобы принимать собственные решения, приспособливать свой кодекс поведения к определенным условиям, добиваться цели обдуманно и осторожно, но все-таки добиваться. Созданный и отшлифованный многими, иногда он сам удивлялся тому, во что превратился. Пытался не он один, но часто оказывалось, что он приспособлен для этого лучше других...

- У тебя слишком развито чувство любви, Джон, - сказала Сэнди. - Ты похож на меня.

Услышав это, он поднял голову.

- Бывает, в мою смену умирают люди. Это случается все время - и я не могу привыкнуть к этому! Я ненавижу, когда от меня ускользает жизнь. Я не выношу, когда плачут члены семьи, зная, что мы не сумели помешать этому. Мы стараемся изо всех сил. Профессор Розен - превосходный хирург, но нам не всегда удается победить смерть, и я ненавижу ощущение поражения. То же самое с Дорис: мы выходили ее, вернули ей жизнь, Джон, и кто-то забрал ее несмотря ни на что. А ведь это была не болезнь или какой-то идиотский несчастный случай. Кто-то сделал это намеренно. Дорис была одной из спасенных мной, а убили ее вместе с отцом. Теперь я правильно понимаю тебя?

Боже мой..., она действительно все понимает..., даже лучше меня, подумал Келли.

- Все, кто был связан с Пэм и Дорис, находятся сейчас в опасности.

Сэнди кивнула:

- Пожалуй, ты прав. Дорис рассказала нам о Генри. Я знаю, что он за человек. Я расскажу тебе все, что она рассказала нам.

- Ты отдаешь себе отчет в том, как я поступлю с полученной от тебя информацией?

- Да, Джон. Только не рискуй напрасно. - Она замолчала и затем объяснила, почему он должен быть осторожным. - Я хочу, чтобы ты вернулся ко мне.

Глава 32

Возвращение добычи

Самым важным из информации, поступившей от полицейского сержанта из Питтсбурга, было имя, - Сэнди. Сэнди, которая привезла Дорис Браун к ее отцу. Всего лишь одно слово, даже не настоящее имя, но нередко бывает, что расследования заканчивались успехом даже из-за меньшего. Словно тянешь за нитку. Иногда все, что оставалось у тебя в руках, бывало оборванной ниткой, а иногда ты продолжал тянуть за нее, пока у тебя в руках не оказывалась распутанная сеть всего происшедшего. Кто-то по имени Сэнди, женский голос, молодой. Она повесила трубку, не сказав ничего, хотя маловероятно, что имела какое-то отношение к убийствам. Бывает, что преступник возвращается на место преступления, это действительно случается, но не по телефону.

Каким же образом входит это имя в загадочный кроссворд? Райан откинулся на спинку кресла, глядя в потолок, пока его тренированный ум перебрал все, что было известно.

Наиболее вероятным предположением было то, что Дорис Браун, теперь убитая, была непосредственно связана с той самой преступной организацией, которая убила Памелу Мэдден и Элен Уотерс и членами которой были также Ричард Фармер и Уильям Грейсон. Джон Терренс Келли, бывший подрывник-подводник и, возможно, бывший член отборного отряда "тюленей", морских командос, каким-то образом натолкнулся на Памелу Мэдден и спас ее. Несколько недель спустя он позвонил лейтенанту Фрэнку Аллену, но почти ничего не сообщил при телефонном разговоре. Далее случилось что-то страшное - если говорить коротко, Келли вел себя как последний идиот, - и в результате Памелу Мэдден убили. Райан никогда не сможет забыть фотографии ее тела. Келли был тяжело ранен. Бывший командос, бывший член элитарного отряда подрывников-подводников, напомнил себе Райан, у которого зверски убили девушку. Затем гибнут пять торговцев наркотиками, словно на улицах Балтимора появился Джеймс Бонд. Одно случайное убийство, когда убийца вмешался в уличное ограбление по неизвестной причине. Ричард Фармер - "Рик"? - ликвидирован ударом ножа, еще одно возможное доказательство степени ярости, испытываемой убийцей (первое не следует принимать во внимание, напомнил себе Райан). Уильям Грейсон, похищенный и, по-видимому, убитый. Дорис Браун, спасенная, наверно, в то же самое время, вылеченная в течение нескольких недель, возвращается домой. Вылеченная..., это означает медицинский уход, верно? Да, пожалуй. Может быть, поправил он себя. Невидимка..., мог ли он сделать это сам? Дорис была той девушкой, которая причесала волосы Памелы Мэдден, после Того как ее убили. Определенная связь.

Вот еще одна.

Келли спас эту девушку - Мэдден, - но ему помогли вылечить ее. Профессор Розен и его жена, тоже врач. И так, Келли находит "Дорис Браун - к кому он отвезет ее? Вот это и есть отправная точка! Райан поднял телефонную трубку.

- Алло.

- Док, это лейтенант Райан.

- Что-то не помню, чтобы давал вам свой прямой телефон, - заметил Фарбер. - Что случилось?

- Вы знакомы с профессором Розеном?
- Розеном? Конечно. Он заведует хирургическим отделением. Чертовски хороший специалист, знаменитый хирург. Я не так уж часто с ним встречаюсь, но, если вам когда-нибудь понадобится мозговая операция, обращайтесь к нему.

- А его жена? - Райан слышал, как психиатр посасывает трубку.

- Вот ее я знаю хорошо. Сара. Она - фармаколог, ведет научно-исследовательскую работу в здании напротив. Кроме того, принимает участие в работе группы, занимающейся лечением наркоманов. Я тоже принимаю в ней участие, и мы...

- Спасибо, - прервал его Райан. - Еще одно имя. Сэнди.

- Сэнди? А фамилия?

- Я знаю только имя, - признался лейтенант. Он представил себе Фармера, с задумчивым взглядом откинувшегося на спинку своего кожаного кресла с высокой спинкой.

- Позвольте мне убедиться, что я правильно вас понимаю. Вы просите сообщить вам сведения о двух моих коллегах по профессии в порядке ведущегося вами расследования?

Райан на мгновение подумал, что ему не стоит говорить правду. Нет, обмануть Фарбера не удастся, тут же понял он. Фарбер - психиатр. Его работа заключается в том, что он копается в сознании людей. У него это прекрасно получается.

- Да, доктор, я прошу вас об этом, - ответил детектив после такой продолжительной паузы, что психиатр легко догадался о ее причине.

- Тогда вам придется объяснить все поподробнее, - бесстрастно произнес Фарбер. - Нельзя сказать, что мы с Сэмом близкие друзья, но он - человек, который никогда не сможет причинить боль другому человеку. А Сара - настоящий ангел, спасающий молодежь, страдающую от наркомании. Она откладывает важную исследовательскую работу, когда к нам поступают особенно тяжелые больные, и это несмотря на то, что результаты ее исследований могли бы создать ей выдающуюся репутацию. - И тут Фарбер внезапно вспомнил, что не видел Сару последние несколько недель.

- Доктор, я стараюсь собрать информацию, понимаете? У меня нет ни малейших оснований подозревать их в том, что они причастны к нарушению закона. - Слова Райана прозвучали слишком официально, и он сам почувствовал это. Может быть, подойти с другой стороны. К тому же он говорит полную правду. - Если мои предположения верны, доктор, им угрожает опасность, о которой они даже не подозревают.

- Дайте мне несколько минут подумать, - ответил Фарбер и положил трубку.

- Неплохо, Эм, - одобрительно отозвался Дуглас. Райан понимал, что хватается за соломинку, но ведь, черт побери, он уже все перепробовал и.., безрезультатно. Прошло пять бесконечных минут, прежде чем зазвонил телефон.

- Райан слушает.

- Это Фарбер. В нейрохирургии нет врачей с таким именем. Правда, есть медсестра, Сандра О'Тул. Она руководит сменой в нейрохирургическом отделении. Я не знаком с ней. Сэм очень высоко ее ценит. По крайней мере так сказала мне его секретарша. Последнее время она выполняла какое-то специальное задание для профессора Розена и отсутствовала на работе. Ему пришлось переделывать расчетные ведомости. - Фарбер уже сделал собственные выводы. Сара отсутствовала на работе в то же самое время, что и Сандра О'Тул. Пусть полиция делает выводы сама. Он и без того сказал им много - может быть, слишком много. В конце концов, речь шла о его коллегах, а это дело серьезное.

- Когда это произошло? - небрежно спросил Райан.

- Две или три недели назад, продолжалось десять рабочих дней.

- Спасибо, доктор. Я сообщу вам о результатах.

- Несомненная связь, - заметил Дуглас, когда лейтенант положил трубку. - Хочешь побиться об заклад, что эта медсестра знакома и с Келли?

Вопрос был больше основан на догадках, чем на определенных доказательствах. Сандра - достаточно распространенное имя. И все-таки они, лейтенант и сержант, занимались этим делом, этой бесконечной серией смертей уже больше шести месяцев, и после всего времени, потраченного на расследование без каких-либо доказательств или версий, информация, полученная теперь, засияла перед ними подобно утренней звезде. Проблема, однако, заключалась в том, что уже близился вечер и детективам пора было отправляться домой к своим семьям. Райан вспомнил, что Джеку скоро нужно возвращаться в колледж в Бостоне, а он уделил своему сыну недостаточно внимания.

Осуществить все это было не так просто. Сэнди пришлось отвезти его в Куантико. Она впервые приехала на базу морской пехоты, и Келли направил ее к гавани. Опять, подумал он. Возвращаешься домой и испытываешь редкое ощущение, что жизненные функции твоего организма совпали с местным временем, с циклом дня и ночи, но проходит всего несколько часов, и тебе снова приходится все нарушать. Сэнди еще не успела выехать на шоссе 1-95, когда Келли отошел на своей яхте от пирса, направил ее к середине речного фарватера и перевел дизель на полную крейсерскую мощность, едва машина успела прогреться.

У Сэнди есть не только незаурядное самообладание, но и способность быстро мыслить, сказал себе Келли, впервые за очень длительное время делая глоток пива. По-видимому, для клинической медсестры хорошая память является естественной чертой. Генри, судя по всему, в определенные моменты бывал достаточно откровенным, особенно в тех случаях, когда ему казалось, что он полностью подчинил себе девушку. Хвастливый мужчина, подумал Келли, лучше

и не придумашь. У него все еще не было адреса Генри, зато он запомнил телефонный номер, и теперь появилось новое имя - Тони, с фамилией, начинающейся на букву "П", что-то вроде Пиджи. Белый, итальянец, ездит на синем "линкольне", и Келли получил достаточно детальное описание его внешности. Имеет дело с мафией, скорее всего или член местной семьи, или стремящийся стать им. И еще кто-то по имени Эдди, хотя Сэнди упомянула, что это имя принадлежит торговцу наркотиками, недавно убитому полицейским во время ареста, - сообщение об этом было напечатано на первой странице городской газеты. Келли развил эту мысль дальше: что, если полицейский, убивший этого Эдди, и является тем, кого подкупил Генри и кто информирует его о расследовании, ведущемся полицейскими детективами? Странно, подумал Келли, что лейтенант, старший офицер полиции, застрелил торговца наркотиками при попытке сопротивления аресту, ведь обычно преступников арестовывают рядовые полицейские. Впрочем, напомнил он себе, это всего лишь догадки, еще нуждающиеся в проверке, - только вот как все это проверить? Перед ним, однако, целая ночь, за время которой он должен подумать о том, что ему предстоит, глядя на гладкую поверхность залива с отражающимися в ней звездами. Скоро яхта миновала то место, где он оставил Билли. По крайней мере кто-то забрал его тело.

Земля оседала на могиле. Это кладбище все еще называли Поле́м Горшечника - по библейской легенде, связанной с именем Иуды. Врачи местной больницы, куда привезли умирающего, еще не кончили читать отчет о вскрытии, составленный патологоанатомами Медицинского колледжа Виргинии. Баротравма, говорилось в нем. За целый год во всей стране было зарегистрировано меньше десяти случаев баротравмы, и все - в прибрежных районах. Не удивительно, что местные врачи не сумели поставить точный диагноз, и даже если бы им это удалось, исход, говорилось в отчете, был предрешен. Причиной смерти было внезапное острое нарушение кровообращения, вызванное частицей спинного мозга, каким-то образом попавшей в сосуд головного мозга и закупорившей его. Впрочем, поражение остальных органов тела оказалось настолько тяжелым, что в любом случае смерть наступила бы в течение нескольких недель. Тромбоз сосуда головного мозга явился следствием эмболии, резкого перехода от очень высокого атмосферного давления к низкому, с перепадом в три бара, а может, и больше. Полиция уже опрашивала в окрестностях относительно водолазов, работавших на реке Потомак, местами очень глубокой. По-прежнему оставалась надежда, что кто-то из родственников придет и заберет тело, находящееся в могиле, расположение которой было зарегистрировано в администрации графства. Впрочем, надежды на это становились все меньше.

- Что это значит? Вы не знаете? - изумленно воскликнул генерал Рокоссовский. - Полковник Гришанов - один из моих людей! Куда вы его дели?

- Товарищ генерал, - резко ответил Гиап, - я рассказал вам все, что мне известно о случившемся.

- И вы утверждаете, что это дело рук американцев?

- Вы прочитали отчет службы безопасности и знаете то же, что и я.

- У него имелась информация, в которой нуждается Советский Союз! Мне трудно поверить, что единственной целью тщательно спланированной операции американцев было похитить именно того советского офицера, который находился в этот момент в том районе. Я посоветовал бы, товарищ генерал, предпринять более серьезные поиски полковника Гришанова.

- Наша страна находится в состоянии войны! - Да, мне это известно, - сухо заметил Рокоссовский. - Как вы думаете, почему я здесь?

Гнал с трудом удержался от ругательства по адресу стоящего перед ним высокого русского генерала. В конце концов, он был главнокомандующим вооруженными силами своей страны, опытным и умелым воином. Вьетнамский генерал сумел подавить свою ярость. Ему нужно было оружие, которое могли предоставить только русские, и потому он вынужден унижаться ради своей страны. Гиап, однако, был теперь окончательно уверен: лагерь не стоил того, чтобы ему самому иметь неприятности.

Станным ему казалось то, что рутина лагерной жизни стала спокойной. Полковника Гришанова больше не было в лагере. В этом Закариас не сомневался. Несмотря на то что он утратил чувство времени и ему трудно было следить за течением дней, но вот уже он спал четыре раза, а голоса русского полковника не слышал даже в коридоре тюремного блока, где находились американские офицеры. С другой стороны, к нему никто не приходил и не избивал его. Закариас ел, сидел и думал в полном одиночестве. К своему удивлению, теперь он чувствовал себя лучше. Теперь он понимал, что время, проведенное с Гришановым, превратилось в привычку более опасную, чем пристрастие к спиртному. Его настоящим врагом было одиночество, а не боль и не страх. Воспитанный в семье и в религиозном сообществе, где поощрялись тесные взаимоотношения, он стал членом другого сообщества, в котором все были друзьями. Теперь, когда его лишили этого, сознание Закариаса оказалось в пустоте и он больше не получал никаких внешних раздражителей. Прибавьте к этому боль и страх, и что получается в итоге? Все это гораздо легче увидеть снаружи, чем изнутри. Без сомнения, это было очевидно Гришанову. Я такой же, как и ты, все время повторял он, такой же, как и ты. И вот так, подумал Закариас, он сумел выполнить порученное ему дело. Умно придумано, признал американский полковник. Хотя Закариас не привык к ошибкам и неудачам, он не был невосприимчив к ним. Однажды он едва не погиб в результате собственной ошибки - это было в молодости, когда он учился, осваивая истребители на базе ВВС в Луке, а затем, пять лет спустя, попытался удовлетворить свой интерес к грозовому облаку, посмотреть, как выглядит оно изнутри, и едва не

врезался в землю вместо молнии. И вот теперь он совершил новую ошибку.

Закариас не имел представления, чем вызван перерыв в допросах. Может быть, Гришанов уехал докладывать своему начальству о полученных результатах. Как бы то ни было, американцу предоставилась возможность подумать. Ты согрешил, говорил себе Закариас. Вел себя как дурак. Но этого больше не повторится. Собственная решимость ему казалась слабой, и Закариас понимал, что ему нужно укрепить ее. К счастью, у него появилось на то время. Если это не было подлинным избавлением, то по крайней мере стало временной передышкой. Внезапно он вздрогнул и впервые за много дней словно проснулся, как будто во время полета для выполнения боевого задания. Боже мой, подумал он, это слово. Я боялся молиться об избавлении..., и все-таки... Охранники с удивлением заметили бы задумчивую улыбку на его лице, особенно если бы знали, что он снова начал молиться. Их учили, что молитвы, обращенные к Богу, являются фарсом. Это, однако, подумал Закариас, было их несчастьем и еще может стать его избавлением.

Он знал, что не может звонить из своего кабинета, никак не может. Ему не хотелось делать этого и по своему домашнему телефону. Звонок пересечет реку и границу штата, а он знал, что по соображениям безопасности телефонные разговоры с округом Колумбия подчиняются особым правилам. Все телефонные звонки записывались компьютером, и округ Колумбия был единственным местом в Америке, где принимались такие меры предосторожности. Риттер был знаком с существующей процедурой. Ему следовало обсудить тему разговора с начальником отдела, затем с главой управления, а далее могло потребоваться разрешение “главной конторы” - директората ЦРУ, помещавшегося на седьмом этаже. Однако разве можно так долго ждать, особенно когда на карту поставлены жизни американских офицеров. Он обратился с просьбой о предоставлении ему дня отдыха, вполне обоснованно утверждая, что нуждается в нем, чтобы прийти в себя после столь продолжительных перелетов. Получив разрешение, он поехал в город и выбрал для своих целей Смитсоновский музей естествознания. - Там Риттер прошел мимо чучела слона в вестибюле, посмотрел на план музея с надписью “Вы находитесь вот здесь” и стрелкой. На плане он выбрал телефон-автомат, бросил в прорезь десятицентовую монету и набрал 347-13-47. Это было почти шуткой среди профессионалов. Телефон, номер которого он набрал, зазвонил на столе резидента КГБ, возглавлявшего советскую разведку в Вашингтоне, округ Колумбия. Русские знали об этом и знали также, что те, кому это интересно, знают, что им об этом известно. Шпионский бизнес становится иногда таким причудливым делом, подумал Риттер.

- Да? - послышался голос. Риттер занимался этим впервые и испытывал целую гамму совершенно новых для него чувств, вызванных собственным волнением, спокойным голосом отвечающего, напряженностью момента. Тем не менее то, что ему предстояло сказать, было запрограммировано таким образом, что посторонние не смогли бы помешать их официальному разговору.

- Говорит Чарлз. У меня дело, которое для вас весьма важно. Предлагаю встретиться на короткое время для обсуждения. Через час буду ждать вас в Национальном зоопарке, у клетки с белыми тиграми.

- Как я узнаю вас? - спросил голос.

- В левой руке я буду держать журнал “Ньюсуик”.

- Через час, - буркнуло в трубке. Возможно, у владельца голоса на утро было запланировано важное совещание, подумал Риттер. Ничего не поделаешь. Оперативник вышел из музея и направился к своей машине. На правом сиденье лежал журнал “Ньюсуик”, который он купил по дороге в город.

Тактика, подумал Келли, поворачивая налево и огибая наконец мыс Пойнт-Люкау. Тут у него был обширный выбор. Все еще имелась квартира в Балтиморе, снятая на вымышленное имя. Может быть, полиция и захочет побеседовать с ним, но пока им еще не удалось отыскать его. Он постарается, чтобы ситуация не менялась. Враг не знает, кто он. Из этого можно исходить. Самым важным являлись три обстоятельства: то, что ему известно, то, о чем он не знает, и как можно использовать первое, чтобы воздействовать на второе. Третий элемент - “как” - и составлял тактику. Келли мог подготовиться к тому, о чем ему еще ничего не было известно. Он еще не мог действовать, исходя из информации, которой располагал, но уже знал, что следует предпринять. Чтобы приступить к действиям, ему нужно было просто разработать стратегию операции, а это нарушало его планы. Четыре молодых женщины ждали от него действий. А пока еще неопределенное число врагов ждали смерти.

Келли знал, что ими руководил страх. Они боялись Пэм и боялись Дорис. Боялись до такой степени, что пошли на убийство. Интересно, подумал он, не является ли смерть Эдварда Морелло еще одним проявлением этого страха. Несомненно, они убивали других, чтобы обеспечить безопасность для себя, и теперь, по-видимому, считали, что им удалось этого добиться. Это хорошо; если раньше их подгонял страх, то теперь, когда, по их мнению, все осталось в прошлом, они не будут столь осторожными.

Время - вот что беспокоило Келли. Оно было у него ограничено. Полиция преследовала его. Несмотря на то что, на его взгляд, она не имела в своем распоряжении никаких доказательств, все-таки Келли не мог оставаться к этому равнодушным. В меньшей степени его беспокоила - он фыркнул - судьба четырех женщин. Операция не бывает удачной, если проводится слишком долгое время. Ну что ж, по крайней мере в одном отношении придется проявить терпение. Только в одном, если повезет.

Риттер не бывал в зоопарке уже много лет. Он подумай, что теперь, когда его дети подросли и все понимают намного лучше, стоит снова привести их сюда. Он остановился на несколько минут у ограды медвежьей площадки - его

всегда привлекали медведи. Детям Они кажутся увеличенными заводными игрушками, похожими на тех плюшевых мишек, которых они обнимают, ложась спать по вечерам. Риттер знал, что на самом деле все обстоит по-другому. Для него медведи служили образом врага, огромные и сильные, совсем не такие неуклюжие и гораздо более умные, чем это кажется на первый взгляд. Нужно все время помнить об этом, подумал Риттер, направляясь к клетке с тиграми. Он свернул трубочкой "Ньюсуик" и взял журнал в левую руку, наблюдая за гигантскими кошками и ожидая встречи. Ему даже в голову не пришло смотреть на часы.

- Привет, Чарлз, - услышал он.

- Привет, Сергей.

- Я не знаю вас, - заметил резидент КГБ.

- Наша встреча - неофициальная, - объяснил Риттер.

- А бывают официальные? - пожал плечами Сергей. Он направился в сторону от клетки. Подслушивающие устройства можно установить где угодно, но не по всему зоопарку. Если уж на то по" шло, у его собеседника в кармане тоже может находиться миниатюрный магнитофон, хотя это противоречило общепринятым правилам. Они стали спускаться по пологому склону к другой вольере. За резидентом следовал его телохранитель.

- Я только что из Вьетнама, - сообщил сотрудник ЦРУ.

- Там теплее, чем здесь.

- Только не на море. Когда дует легкий бриз, чувствуешь себя очень приятно.

- И какой была цель вашего плаванья? - поинтересовался резидент.

- Хотелось повидаться кое с кем без предварительного предупреждения.

- Насколько мне известно, свидание оказалось неудачным, - произнес русский не с целью насмешки, а просто для того, чтобы продемонстрировать "Чарлзу", что он уже знает о сорвавшейся операции.

- Не совсем. Мы привезли домой одного человека.

- И кто это?

- Его зовут Николай. - Риттер передал резиденту расчетную книжку Гришанова. - Ваше правительство окажется в неприятном положении, если станет известно, что советский офицер допрашивал американских военнопленных.

- Так уж и в неприятном, - отозвался Сергей, перелистывая книжку, прежде чем положить ее в карман.

- Видите ли, положение будет очень неприятным, когда выяснится, что офицеры, которых допрашивал полковник Гришанов, согласно сообщению наших маленьких друзей являются мертвыми.

- Не понимаю, - насторожился резидент. Было видно, что он говорит правду, и Риттеру понадобилось несколько минут, чтобы объяснить создавшуюся ситуацию. - Я ничего об этом не знал, - сказал русский, выслушав сотрудника ЦРУ.

- Дело обстоит именно так, уверяю вас. Вам будет нетрудно проверить все это по своим каналам. - Риттер знал, что Сергей непременно так и сделает, а Сергей понимал, что его собеседник знает об этом.

- А где же наш полковник?

- В надежном месте. Мы обеспечили ему соответствующие условия, намного лучшие, чем у американских офицеров во вьетнамском лагере.

- Полковник Гришанов ни на кого не сбрасывал бомбы, - напомнил русский.

- Это верно, но зато он принимал участие в акции, конечной целью которой является смерть американских военнопленных, и у нас есть доказательства, что они пока живы. Как я уже говорил, это потенциальный источник больших неприятностей для вашего правительства.

Сергей Волошин был не только опытным офицером КГБ, но и проницательным политическим аналитиком, и ему не требовалась подсказка молодого сотрудника ЦРУ, чтобы понять, насколько щекотливой является ситуация. Кроме того, он разгадал цель всей беседы.

- Ну и что вы предлагаете?

- Было бы весьма полезным, если бы ваше правительство убедило Ханой, так сказать, возвратить этих военнопленных к жизни. Это значит, вернуть их в тот же лагерь, где находятся остальные американские военнопленные, и должным образом уведомить семьи о том, что произошла ошибка и они не погибли. В качестве ответного шага мы гарантируем, что полковник Гришанов не подвергнется допросу и будет возвращен в целостности и сохранности.

- Я передам Москве ваше предложение. - По его тону было ясно, что предложение Риттера будет передано в сопровождении настоятельной рекомендации резидента КГБ принять его.

- Прошу вас поторопиться. У нас есть основания подозревать, что вьетнамцы обдумывают возможность принятия самых энергичных мер, чтобы выйти из неприятной ситуации. Это самым решительным образом осложнит наши отношения, - предостерег русского Риттер.

- Да, конечно. - Резидент на мгновение задумался. - Вы гарантируете, что полковник Гришанов цел и невредим?

- Я могу доставить вас к нему через..., ну, минут сорок - если вы пожелаете. Неужели вы считаете, что я буду лгать по такому серьезному вопросу?

- Нет, не думаю. Но я обязан был задать этот вопрос.

- Согласен с вами, Сергей Иванович, и понимаю вас. У нас нет никакого желания причинять неприятности вашему полковнику. Судя по всему, он вел себя достаточно благородно по отношению к нашим военнопленным. Кроме того, он умеет вести допросы. У меня все его записи, - добавил Риттер. - Повторяю, если хотите, я могу устроить вам встречу.

Волошин подумал о предложении сотрудника ЦРУ и увидел в нем скрытую ловушку. Приняв предложение Риттера, "когда-нибудь придется ответить американцам тем же - так принято. Значит, согласившись увидеться с Гришановым, он свяжет свою сторону определенными обязательствами, а ему не хотелось делать этого без

соответствующих указаний. К тому же со стороны ЦРУ было бы безумием пускаться на ложь в такой ситуации. Всегда можно организовать так, что военнопленные во Вьетнаме бесследно исчезнут. Спасти их сейчас может только добрая воля Советского Союза, и одна лишь добрая воля сохранит им жизнь.

- Я верю вам на слово, мистер...

- Риттер, Боб Риттер.

- А-а! Будапешт.

Риттер застенчиво улыбнулся. Ну что ж, после всех усилий, предпринятых с целью вывезти своего агента, он все равно никогда больше не будет заниматься оперативной работой, по крайней мере в тех местах, где ему пришлось бы сталкиваться с интересами Советского Союза, а эта деятельность Риттера началась еще на Эльбе. Русский ткнул его пальцем в грудь.

- Вы хорошо поступили, когда спасли этого человека. Ваша лояльность по отношению к нашему агенту заслуживает самой высокой похвалы. - Однако больше всего Волошин уважал Риттера за взятый на себя риск, за то, что американец подверг опасности собственную карьеру, что совершенно исключено в КГБ.

- Спасибо, генерал. Я благодарен вам за то, что вы откликнулись на мое предложение. Когда мне позвонить?

- Мне понадобится два дня... Скорее всего я сам позвоню вам?

- Значит, сорок восемь часов, начиная с данного момента. Я свяжусь с вами.

- Очень хорошо. До свидания. - Они пожали друг другу руки, как и подобает двум профессионалам. Волошин вернулся к своему телохранителю, служившему одновременно и шофером, и они направились к машине. Риттер заметил, что прогулка по зоопарку закончилась у клетки с Kodiakскими медведями, огромными коричневого цвета могучими хищниками. Случайность ли это? - подумал он.

Возвращаясь к месту, где он оставил свой автомобиль, Риттер понял, что все происходящее было вообще-то случайностью. В результате переговоров, проведенных с резидентом КГБ относительно спасения американских офицеров во Вьетнаме, он станет теперь начальником отдела. Неважно, потерпела неудачу операция или нет, ему только что удалось добиться от русских крупной уступки, и все это благодаря хладнокровию парня более молодого, чем он сам, испуганного и спасающегося бегством, успевшего вовремя принять правильное решение. Вот такие люди, подумал Риттер, и должны служить в Управлении, и теперь у него будет достаточно влияния, чтобы привлечь этого парня в ЦРУ. В разговоре при перелете с Гавай Келли стремился выиграть время и колебался. Ну и что? Значит, понадобится убедить его. Риттер решил в крайнем случае прибегнуть к помощи Джеймса Грира, но в одном он не сомневался: его следующим шагом станет вербовка Келли, привлечение этого парня к работе в ЦРУ. Он убедит его прийти к ним, будь то с холода или с жары, называйте это как угодно.

- Вы знакомы с миссис О'Тул? - спросил Райан.

- У нее умер муж, - сообщила соседка. - Его отправили во Вьетнам сразу после того, как они купили этот дом, и там он погиб. Такой милый молодой человек! Надеюсь, у нее никаких неприятностей?

Детектив покачал головой:

- Нет, что вы. Мне говорили о ней только хорошее.

- Она была ужасно занята, - продолжала пожилая женщина, идеальный источник информации: лет шестидесяти пяти, вдова, пытающаяся заполнить пустоту своей жизни интересом к жизни соседей. Стоит заверить ее, что она не причинит никому вреда своими откровениями, и она расскажет все, что ей известно.

- Что вы хотите этим сказать?

- По-моему, не так давно у нее кто-то гостил. Она больше обычного делала покупки. Такая приятная, такая симпатичная особа. Смерть мужа нанесла ей тяжелый удар. Вообще-то ей уже пора снова начинать встречаться с мужчинами. Я все собираюсь ей сказать об этом, но боюсь, она сочтет меня излишне назойливой. Короче говоря, она делала очень много покупок. Кроме того, к ней почти каждый день кто-то приезжал и даже часто оставался на ночь.

- Кто именно? - спросил Райан, делая глоток чая со льдом.

- Женщина, такая же невысокая, как я, только более полная, с растрепанными волосами. Приезжала в большом автомобиле, по-моему, это красный "бьюик", и на ветровом стекле наклейка. Ну конечно! Теперь я вспомнила!

- О чем? - спросил Райан.

- Я ухаживала за розами перед домом, когда на крыльцо вышла девушка. Вот тогда-то я и заметила эту наклейку.

- Девушка? - поинтересовался Райан как можно равнодушнее.

- Для нее она и совершала все эти покупки! - воскликнула пожилая женщина, довольная тем, что сумела неожиданно вспомнить такие подробности. - Готова поспорить, для нее она покупала и одежду. Я видела, она приходила с полными пакетами фирмы "Хехт".

- Вы не помните, как выглядела эта девушка?

- Совсем молоденькая, лет девятнадцати или двадцати. Очень бледная, словно после болезни. Они уехали все вместе, вот только когда..? Да, вспомнила. Это было в тот день, когда мне привезли из питомника саженцы новых роз. Одиннадцатого. Грузовик приехал очень рано утром, потому что я плохо переношу жару, и я как раз высаживала их, когда они вышли из дома. Я еще помахала Сэнди рукой. Такая приятная девушка. Я редко разговариваю с ней, но всякий раз, когда это происходит, она всегда вежливо отвечает. Знаете, ведь она медсестра, работает в больнице Джонса Хопкинса, и...

Райан допил чай, скрывая свое удовлетворение. Дорис Браун вернулась домой к вечеру одиннадцатого числа.

Сара Розен ездила на “бьюике”, и у нее на ветровом стекле, несомненно, наклеен пропуск на служебную стоянку. Сэм Розен, Сара Розен, Сандра О’Тул. Они лечили мисс Браун. Двое из них лечили также и мисс Мэдден. И они же лечили мистера Келли. После месяцев бесплодных поисков лейтенант Эммет Райан напал наконец на след.

- Вот и она, - заметила женщина, нарушив его размышления. Райан повернулся и увидел привлекательную молодую особу высокого роста с полным покупок пластиковым пакетом в руке.

- Интересно, что это был за мужчина?

- Какой мужчина?

- Он приходил сюда вчера. Может быть, она все-таки завела себе друга. Высокий, вроде вас, с темными волосами, широкоплечий.

- Что вы имеете в виду?

- Мне он показался очень большим, вроде игрока в футбол. Наверно, у них хорошие отношения. Я видела, как он обнял ее. Это было вчера вечером.

Слава Богу, подумал Райан, что еще есть люди, которые не смотрят телевизор.

Келли остановил свой выбор на винтовке фирмы “Сэвидж” 22-го калибра, которая являлась облегченной моделью целевой винтовки “Аншютц”, применяемой для соревнований по пулевой стрельбе. Она стоила сто сорок долларов, включая налог, и относилась к разряду дорогих. Почти столько же пришлось заплатить за оптический прицел “Леполд” с креплением. Винтовка казалась слишком хорошей для охоты на мелкую дичь - таково было ее предназначение, - и у нее был отличный приклад из орехового дерева. Как жаль, что придется испортить такой великолепный ствол. Впрочем, было бы еще хуже, если бы Келли не воспользовался уроком, преподанным ему механиком на “Огдене”.

Отрицательной стороной безвременной кончины Эдди Морелло было то, что для успешного проведения операции потребовалось большое количество чистого героина, целых шесть килограммов, конфискованных полицией и находящихся теперь на складе полицейского департамента в качестве вещественного доказательства. Эту партию следовало каким-то образом восполнить. Филадельфия требовала все больше наркотиков, да и Нью-Йорк проявлял растущий интерес к поставкам героина, высоко оценив качество пробной партии. Генри решил в последний раз подготовить наркотик для продажи на улице в своем укромном месте на полуразрушенном корабле. Тони уже занимался подготовкой надежной лаборатории, расположенной не так далеко и более удобной для растущего объема поставок товара. Но пока подготовка не была завершена, придется снова прибегнуть к старому способу. Впрочем, сам Генри на этот раз не будет принимать участия в обработке героина.

- Когда отправляться? - спросил Берг.

- Сегодня вечером.

- Понятно, босс. Кто поедет со мной?

- Фил и Майк. - Это были новые люди из организации Тони, молодые, сообразительные, полные желания продвинуться. Парни еще не знали Генри, и он полагал, что они не войдут в его систему распространения наркотиков, но вполне могут заниматься доставкой товара за пределами городской черты и готовы на любую работу, составляющую часть наркобизнеса, включая обучение тому, как смешивать и упаковывать наркотики для уличной торговли. Не без основания они относились к этому как к ритуалу посвящения, исходному этапу, после завершения которого их статус и положение в организации начнут повышаться. Тони гарантировал их преданность. Генри принял его гарантию. Они с Тони были связаны теперь не только совместным участием в деле, не только огромными барышами, но и кровью. Отныне Генри станет прислушиваться к советам Тони, потому что доверяет ему. Он перестроит свою систему распределения товара, необходимость в курьерах-женщинах исчезнет, как исчезнет и получаемая от них польза, а вместе с пользой пропадет нужда в них самих. Жаль, конечно, но после трех попыток побега Генри понял, что их дальнейшее существование стало опасным. Они сыграли свою роль в период становления его организации, но теперь превратились в препятствие, мешающее дальнейшему развитию.

Однако все следует делать постепенно.

- Много товара? - спросил Берг.

- Достаточно, чтобы ты занимался делом довольно долго. - Генри махнул рукой в сторону коробок со льдом для пива. Места для пивных банок в них осталось слишком мало, но так и должно было быть. Берг отнес коробки в свою машину, довольно хладнокровно, не испытывая особого страха. Он относился к этому как к обычному делу. Может быть, подумал Генри, он сделает Берта своим главным помощником. Парень был преданным, относился к нему с уважением, был крут, когда требовались решительные действия, и на него можно было положиться в большей степени, чем на Билли и Рика. К тому же они с Генри были братья по цвету кожи. Как это забавно, промелькнуло в мозгу у Генри, на первоначальном этапе Билли и Рик были необходимы, потому что самыми крупными торговцами героином являлись белые, и Генри был вынужден взять этих двоих как доказательство своей надежности. А теперь судьба сама решила эту проблему. Теперь белые парни сами приходили к нему.

- И возьмите с собой Ксанту.

- Босс, мы будем там слишком заняты, - возразил Берг.

- Оставьте ее на корабле, когда закончите работу. - Может быть, лучше всего избавляться от девушек постепенно.

Терпение является редким человеческим качеством. Келли до некоторой степени овладел им, но только в силу необходимости. По натуре он был человеком действий. Келли закрепил ствол винтовки в тисках, нарушив полированную поверхность еще до того, как приступил к основной части работы. Установив сверлильный станок на высокую скорость вращения и повернув колесико управления, он начал сверлить через равные расстояния серию отверстий в конечной части ствола - шести дюймах от дула. Через час к винтовочному стволу был прикреплен глушитель, напоминающий узкую вытянутую консервную банку, и установлен оптический прицел. После пристрелки Келли убедился, что модифицированная винтовка ничуть не утратила своей точности при стрельбе.

- Трудное дело, папа?

- Я потратил на него одиннадцать месяцев, Джек, - признался лейтенант Райан за ужином. На этот раз к удовольствию жены он сидел за столом со всей семьей.

- Ты имеешь в виду то ужасное убийство? - спросила она.

- Давай не будем говорить об этом за столом, - произнес Райан, ответив тем самым на ее вопрос. Он старался оставлять свои расследования за порогом дома. - Райан посмотрел на сына и заговорил о его недавнем решении.

- Значит, морская пехота?

- Понимаешь, папа, корпус заплатит за два последних года моей учебы в колледже. - Как это похоже на сына, такая забота о семье, о сестре, все еще школьнице, которая сейчас в летнем лагере. К тому же Джек, как и его отец, стремился удовлетворить свою страсть к приключениям, прежде чем остепениться для спокойной семейной жизни, уготованной ему судьбой.

- Мой сын - морской пехотинец, - добродушно проворчал Райан, но в глубине души ощутил беспокойство. Война во Вьетнаме еще не кончилась, и, подобно большинству отцов своего поколения, он так и не мог понять, почему, черт побери, ему пришлось рисковать жизнью, воюя с немцами, лишь для того, чтобы его сын воевал с людьми, о которых он даже не слышал, когда ему было столько же лет, сколько сейчас сыну.

- Что падает с неба, папа? - спросил Джек с усмешкой студента колледжа, повторяя любимое выражение морских пехотинцев.

Разговор беспокоил и Кэтрин Берк Райан, помнившую, как она провожала Эммета на войну, как молилась в церкви святой Елизаветы 6 июня 1944 года и много дней после, несмотря на регулярно присылаемые им письма и уверения. Она помнила ожидание. Она знала, что такой разговор тревожит и Эммета, хотя и по несколько иной причине.

Что падает с неба? Неприятности, едва не сказал своему сыну лейтенант, хотя воздушно-десантные войска принадлежали к элите армии. Но как объяснить это молодому парню?

Келли. Мы пытались звонить ему. Мы попросили береговую охрану заглянуть на остров, где он живет. Его яхты не было у причала, ее не было нигде. Так где же он? Если та пожилая дама говорила правду, он вернулся. Что, если он куда-то уезжал? Но ведь теперь он вернулся. Убийства прекратились сразу после инцидента с Грейсоном и Фармером. И с этой девушкой Браун. В порту помнили, что примерно в это время они видели яхту, но он отплыл ночью - той самой ночью - и бесследно исчез. Здесь есть какая-то связь. Где находилась яхта все это время? Где она сейчас? Что падает с неба? Неприятности. Именно это случалось раньше. Они просто падали с неба, неожиданно и безо всякой очевидной причины. Начали падать и потом кончили.

Его жена и сын снова заметили его озабоченность. Райан пережевывал пищу, устремив глаза в бесконечность, не в силах оторваться от того, что непрерывно крутилось у него в мозгу снова и снова. Келли вообще-то мало отличается от того, кем я сам был когда-то, подумал Райан. Один-ноль-один, Беснующиеся Орлы 101-й воздушно-десантной дивизии, все еще разгуливающие в своих мешковатых брюках. Эммет начал военную службу зеленым рядовым и в конце войны был произведен в лейтенанты - которым оставался до сих пор - прямо на поле боя. Он вспоминал свою гордость от того, что ощущал себя особенным, необычным, вспоминал чувство непобедимости, странно соседствующее с боязнью прыжка с парашютом, ощущение от появления первым на вражеской территории, в темноте, всего лишь с пехотным оружием. Самые смелые парни, которым поручали самые трудные операции. Таким было его предназначение. Когда-то он тоже был одним из этих крутых парней. Но никто не убивал его подругу..., что бы случилось, если бы в 1946 году, скажем, кто-то сделал бы нечто ужасное с Кэтрин?

Ничего хорошего.

Келли спас Дорис Браун. Спас и передал ее людям, которым доверял. Одного из этих людей он видел вчера вечером. Теперь он знает, что Дорис мертва. Он спас Памелу Мэдден, ее убили, он сам попал в больницу, и через несколько недель после того как его выписали, кто-то начал убивать людей с удивительным профессионализмом, словно был экспертом по смерти. Несколько недель понадобилось, чтобы вернуть себе физическую форму. Затем вдруг убийства прекратились, и Келли куда-то исчез.

Что, если он просто уезжал?

А теперь вернулся.

Что-то произойдет.

Райан не мог обратиться в суд с тем, чем он располагал. У них было единственное вещественное доказательство -

отпечаток кроссовки, относящейся к одной из самых распространенных марок, разумеется, их каждый день продают сотнями. И больше ничего. Правда, у них есть мотивация. Но сколько убийств происходит каждый год, и сколько из них успешно расследуется? Тем не менее, возможность существует. Сможет ли убийца объяснить суду присяжных, где он находился в те или иные моменты? Но этого не сможет сделать никто. Как, подумал лейтенант, убедить в этом судью - нет, некоторые судьи согласятся с его доводами, но с ними не согласится ни один суд присяжных, особенно после того как самый зеленый выпускник юридического колледжа объяснит им кое-что.

Расследование закончено, подумал Райан. Он знает имя убийцы. Но у него нет никаких доказательств - ничего, кроме предчувствия чего-то грядущего.

- Как ты думаешь, кто это? - спросил Майк.

- Похоже, какой-то рыбак, - отозвался Берт, сидевший за штурвалом. Он миновал белую яхту на большом расстоянии. Скоро наступит закат. Они едва не опоздали к тому моменту, когда еще можно пробраться через корабельное кладбище, заросшее водорослями, к своей лаборатории, потому что в темноте все выглядит совсем по-другому. Берт посмотрел на белую яхту. Парень с удочкой помахал ему рукой, и он, поворачивая на бакборд - налево, подумал Берт, - ответил ему тем же. Им предстояла длинная ночь. Ксанта вряд ли чем поможет. Может быть, приготовит поесть, когда они сделают перерыв. Жаль, вообще-то. Неплохая девушка, только очень уж тупая, безвозвратно потерянная из-за наркотиков. Пожалуй, они так и сделают, дадут ей почувствовать вкус настоящего высококачественного наркотика, прежде чем завернут ее в сети и привяжут к ногам бетонные блоки. Блоки и сеть лежали в катере на самом видном месте, а она даже не догадывалась, для чего они. Ну и что, в конце концов, это не его дело.

Берт покачал головой. Ему нужно подумать о более важных вещах. Например, как будут вести себя Майк и Фил, будут ли подчиняться его указаниям? Ему придется быть вежливым с ними, конечно Они поймут. Когда получаешь такие деньги, все понимаешь. Он откинулся на спинку кресла перед штурвалом, сделал несколько глотков пива и начал высматривать красный поворотный буй.

- Ты только посмотри, - выдохнул Келли. Вообще-то в этом не было ничего трудного. Билли рассказал ему обо всем, что требовалось. Они приплывали со стороны залива на, катере, обычно вечером, и возвращались обратно на следующее утро. Поворачивали у красного освещенного бую. Его чертовски трудно отыскать, особенно в темноте. Да, конечно, если ты не умеешь ориентироваться на воде. Келли умел. Он сматал леску с крючком, на котором не было наживки, и поднес к глазам бинокль. Да, размеры и цвет те же самые. Название - "Генри восьмой". Точно. Он стал выжидать, наблюдая за катером, который двигался на юг, а затем повернул на восток у красного бую. Келли пометил точку поворота на карте.

Им понадобится не меньше двенадцати часов - в его распоряжении именно столько времени. Вполне достаточно. Выбор такого скрытого места зависел исключительно от возможности сохранить в тайне его местонахождение. Стоило эту тайну раскрыть, и все преимущества исчезали, превращались в один крупный недостаток, влекущий за собой смертельную опасность. Мало кто понимал это. Скрытое место означает один путь к нему и один - обратно. Просто хитроумный метод самоубийства. Келли решил подождать до заката. В ожидании захода солнца он взял банку спрэя и нанес зеленые полосы на свой ялик. Внутреннюю его часть он окрасил в черный цвет.

Глава 33

Отравленная приманка

Билли сказал ему, что им обычно требовалась вся ночь, поэтому у Келли было время на еду, отдых и подготовку. Он переместил "Спрингер" поближе к кладбищу кораблей - месту своей ночной охоты - и поставил на оба якоря. Пища, которую он себе приготовил, состояла из одних сэндвичей, но это было все-таки лучше того, чем он питался на вершине "своего" холма меньше недели назад. Боже мой, неделю назад я находился на "Огдене" и готовился к подводному плаванию, вспомнил он и уныло покачал головой. Неужели жизнь может быть настолько безумной?

Свой маленький ялик, окрашенный теперь в маскировочные цвета, он спустил на воду после полуночи. К его транцу Келли прикрепил подвесной электромотор. Он надеялся, что энергии аккумуляторных батарей будет достаточно для плавания к цели и возвращения обратно. Судя по карте, район, где находились корпуса покинутых судов, был небольшим и место, используемое для секретной лаборатории, для большей безопасности будет находиться в середине его. Келли покрыл лицо и кисти рук темным маскировочным составом, спустился в ялик и направил его в середину корабельного кладбища, держа румпель в левой руке, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь к звукам, которым здесь не место. Ему помогало небо. На нем не было луны, а звезды светили достаточно ярко, указывая на расположение зарослей травы и тростника, покрывших этот приливный район после того, как тут бросили ржавые корпуса старых судов. Постепенно его занесло илом, и в осенний сезон он стал пристанищем птиц.

Все напоминало ему недавнее прошлое. Еле слышное жужжание электромотора так походило на шум двигателя подводных саней, которыми он пользовался во Вьетнаме. Ялик медленно плыл вперед со скоростью узла два. Келли экономил электроэнергию аккумуляторных батарей, выбирая направление по звездам. Болотная трава поднималась футов

на шесть или семь над водной поверхностью, и было понятно, почему они не хотели пробираться здесь в темное время суток. Это был настоящий лабиринт, в котором легко заблудиться, если не умеешь ориентироваться. Но Келли умел. Он смотрел на звезды, зная, на какую из них выбирать направление и на какую не обращать внимание, поскольку звезды не стояли неподвижно на ночном небосводе, нависшем над его головой. Вообще-то дело было скорее в удобстве. Они были горожанами, а не моряками вроде него, и, хотя чувствовали себя тут в безопасности, вряд ли не ощущали беспокойства и тревоги в этом месте, среди диких зарослей и непроходимых троп. Заходите ко мне в гостиную, вспомнил Келли историю про паука. Теперь он не столько смотрел, сколько слушал. Легкий бриз шуршал высокой травой, проносясь по самому широкому каналу между зарослями тростника и наносами ила; хотя он и был очень извилистым, именно по нему плыли парни на своем катере. Корпуса судов полувековой давности возвышались вокруг подобно чудовищам из другой эры, да они и в самом деле принадлежали к другой эре, памятники победоносной войны, отбросы гораздо более простого времени, громоздящиеся друг на друга забытые игрушки гигантского ребенка, которым являлась его страна, ребенка, выросшего и превратившегося во взрослого, обеспокоенного происходящим в мире.

Голос. Келли выключил двигатель и прислушался, стараясь определить направление. Да, он правильно выбрал канал в зарослях. Прямо перед ним он забирал вправо, и голос доносился оттуда же. Медленно и осторожно Келли последовал повороту. Впереди во тьме вырисовывались три заброшенных корабля. По-видимому, их отбуксировали сюда вместе. Шкипер буксира, похоже попытался оставить их вдоль идеальной прямой, наслаждаясь собственным мастерством. Самое западное по положению судно сидело на дне залива, слегка накренившись на борт, градусов на семь или восемь. Судя по очертаниям, это был старый корабль с низкой надстройкой и уже давно проржавевшей и рухнувшей трубой. Однако там, где должен был находиться мостик, виднелся свет. Музыка, услышал он, какой-то современной рок, помогающий водителям грузовиков не уснуть на длинных перегонах.

Келли подождал несколько минут, давая возможность своим глазам увидеть в темноте более полную картину, и выбрал направление подхода. Он приблизился вдоль борта со стороны носа, чтобы корпус судна заслонял его от взглядов с мостика. Теперь он слышал голоса нескольких человек. Внезапный взрыв смеха, наверно, после какого-нибудь анекдота. Он снова замер, обшаривая глазами судно в поисках человеческой фигуры, чего-то лишнего в корабельных очертаниях, выставленного часового. Ничего.

Место было выбрано очень удачно. Маловероятно, что сюда кто-нибудь завернет, даже местные рыбаки избегали это корабельное кладбище, но требовался кто-то на стреме, потому что совсем безопасных мест не бывает..., вот и катер. О'кей. Келли двигался теперь со скоростью в полузла вдоль борта старого судна, пока не достиг катера. Он привязал носовой шкерт к ближайшему кнехту. Вереvoчная лестница вела к палубе накренившегося корабля. Келли сделал глубокий вдох и начал взбираться по ней.

Работа была точно такой скучной, утомительной и однообразной, как и предупреждал их Берг, подумал Фил. Они равномерно смешивали молочный сахар с героином, просеивали смесь и ссыпали ее в большие тазы из нержавеющей стали, стараясь добиться однородности смеси. Он вспомнил, как еще ребенком помогал матери печь пироги, следил за ней, запоминал ее действия, которые дети обычно сразу же забывают, стоит им познакомиться с бейсболом. Вместе с шуршанием сита вернулись детские воспоминания: Вообще-то приятно оглянуться в те времена, когда ему еще даже не приходилось просыпаться утром, чтобы идти в школу. Но это была легкая часть работы. Затем наступала утомительная и однообразная часть, когда приходилось точно отмеривать порции, ссыпать их в пластиковые конвертики, которые нужно было запечатывать, складывать стопками, считать и укладывать в пакеты. Он обменялся недовольным взглядом с Майком, который испытывал такие же чувства. Наверно, и Берту все это чертовски надоело, но он не показывал вида, да и к тому же сообразил привезти с собой кое-что для развлечения. Из радиоприемника звучала музыка, а во время недолгих перерывов они пользовались благосклонностью этой девушки, Ксанты, парящей где-то в небесах от проглоченных ею таблеток, не..., послушной и, как убедились они, готовой на все. Как бы то ни было, они изрядно утомили ее, и теперь Ксанта спала в углу. В четыре часа будет очередной перерыв, а пока им требовалось время, чтобы восстановить силы. Отчаянно хотелось спать. Кроме того. Фил беспокоился из-за всего этого порошка, пыль от которого висела в воздухе. А вдруг он надышется наркотика? Вдруг эта пыль подействует на него? Если его снова пошлют заниматься этим, он непременно привезет с собой какую-нибудь маску. Филу нравилось получать деньги за продажу героина, но у него не было ни малейшего желания самому пользоваться им. Правда, Тони и Генри заняты сейчас оборудованием настоящей лаборатории, тогда не придется совершать такие длительные поездки.

Закончили очередную партию. Фил работал чуть быстрее других, чтобы поскорей отделаться. Подойдя к коробке со льдом, он извлек оттуда полукилограммовую упаковку чистого героина. От пластикового мешочка исходил отвратительный запах какого-то химического препарата. Так пахло в школьной биологической лаборатории - формальдегид, вспомнил он. Фил разрезал мешочек перочинным ножом, высыпал героин в первый таз, добавил заранее отмеренное количество сахарной пудры и принялся смешивать все это при свете керосиновой лампы.

- Привет.

Это прозвучало для них совершенно неожиданно. Они увидели в дверях чью-то фигуру. Мужчина был одет в маскировочный военный комбинезон, его лицо было раскрашено маскировочной краской, и в руке он держал пистолет.

Призывать к тишине не было надобности. Его жертвы сами позаботились об этом. Келли снова превратил свой

“кольт” из двадцать второго калибра в сорок пятый, и он знал, что дуло крупнокалиберного пистолета остальным кажется в этом помещении огромным, словно вход в железнодорожный туннель.

- Проходите сюда. - Он сделал жест левой рукой. - Всем лечь на палубу, лицом вниз, руки на затылок, поочередно, ты - первый, - приказал Келли парню у таза.

- Кто ты такой, черт побери? - спросил чернокожий.

- Ты, должно быть, Берт. Не делай глупостей.

- Откуда ты знаешь, как меня зовут? - проворчал Берт, видя, как Фил ложится на палубу.

Келли молча махнул рукой второму белому парню.

- Мне известно очень многое. - Теперь Келли обратился к Берту и только сейчас увидел спящую в углу девушку. -

А это кто?

- Послушай, мудака! - начал Берт и увидел, как дуло “кольта” сорок пятого калибра уставилось ему в лицо на расстоянии вытянутой руки.

. - Ты что-то сказал? - тихо поинтересовался Келли. - А ну, на палубу, быстро.

Берт тут же повиновался. Девушка, заметил Келли, продолжала спать. Пускай пока спит, решил он. Его первой задачей был обыск. У двоих он обнаружил по маленькому револьверу, а у третьего в кармане оказался бесполезный перочинный нож.

- Послушай, кто ты? Может, договоримся? - предложил Берт.

- Сначала поговорим. Расскажи-ка мне про эти наркотики, - начал Келли.

В Москве было десять утра, когда депеша Волошина прошла дешифровку. Генерал Волошин являлся одним из старших сотрудников Первого главного управления и потому был связан со многими руководителями ПГУ, к числу их принадлежал и видный американец, действительный член Академии наук, советник при руководстве КГБ и МИДа, который проявлял особый интерес к этому новому явлению в Америке, называемому разрядкой. Академик не занимал никакой должности в полувоенной иерархии КГБ, но именно он мог предпринять наиболее энергичные действия, хотя копия шифрограммы поступила и к заместителю председателя КГБ, в обязанности которого входил надзор за деятельностью управления Волошина. Как и полагается, текст донесения был кратким и сдержанным. Прочитав его, академик пришел в ужас. Ослабление напряженности в отношениях между двумя сверхдержавами, в то время как одна из них принимала участие в войне, было едва ли не чудом, а улучшение отношений американцев с Китаем могло означать новую эру в мировой истории. Именно об этом он информировал членов Политбюро во время своего подробного доклада всего две недели назад. Но допустить, чтобы стало известно, что советский офицер замешан в такой скандал, - настоящее безумие! Какой кретин в ГРУ придумал всю эту операцию? Разумеется, если факты, приведенные в депеше, соответствуют действительности. Это следует проверить. С этой целью он позвонил заместителю председателя:

- Евгений Леонидович, я получил срочное донесение из Вашингтона.

- Я тоже, Иван Николаевич. Оно лежит у меня на столе. Что вы посоветуете?

- Если то, что утверждают американцы, - правда, я настаиваю на том, чтобы были приняты немедленные меры. Предание гласности такой идиотской операции может иметь самые губительные последствия. Вы можете подтвердить, что ГРУ действительно занимается этим?

- Да. Затем обратимся..., через Министерство иностранных дел?

- Согласен. Попытка убедить военных потребует слишком много времени. Вы считаете, что к нашему мнению прислушаются?

- Наши братья по социалистическому лагерю? Прислушаются, если мы задержим поставки ракет “земля-воздух”. Они уже несколько недель настаивают на немедленных поставках, - ответил заместитель председателя.

Как это типично для создавшейся безумной ситуации, подумал академик. Мы посылаем ракеты, которые приведут к гибели многих американцев, для того чтобы спасти нескольких. Впрочем, американцы поймут это. Но какое безумие. Если нужны доказательства необходимости разрядки, лучшей иллюстрации не придумаешь. Как две сверхдержавы могут всерьез заниматься своими отношениями” если обе вовлечены, прямо или косвенно, в проблемы других, менее значительных государств? Какое бессмысленное отвлечение сил от важных вопросов.

- Советую действовать как можно быстрее, Евгений Леонидович, - повторил академик. Хотя заместитель председателя занимал более высокий пост в иерархии КГБ, они оба много лет назад учились в одном классе, и их пути неоднократно пересекались.

- Считаю, что вы правы, Иван Николаевич. Позвоню после обеда.

Какое чудо, подумал Закариас, оглядываясь вокруг. Он не покидал своей камеры на протяжении нескольких месяцев, и запах воздуха, пусть душного и теплого, казался ему даром свыше. Но это было не так. Полковник сосчитал остальных американских офицеров, выстроившихся в шеренгу, - восемнадцать человек, такие же, как и он, примерно одного возраста - и посмотрел на их лица, насколько это было возможно в сгущающихся сумерках. Одного из них он помнил по встрече в лагере давным-давно, - судя по всему морской офицер. Они переглянулись и едва заметно улыбнулись друг другу. Так же поступили и все остальные. Вот если бы охранники разрешили им поговорить, но первый же офицер, попытавшийся сделать это, получил удар по лицу. Несмотря на все, они рады были увидеть лица соратников,

осознать, что больше не одни, что рядом с ними соотечественники. Этого было достаточно. Такая мелочь и одновременно так много. Закариас выпрямился, насколько ему позволяла больная спина, и расправил плечи. Низкорослый офицер северовьетнамской армии обратился к своим солдатам, тоже выстроившимся на плацу. Американский полковник так и не овладел в достаточной мере вьетнамским языком, чтобы понимать быструю скороговорку капитана.

- Вот ваш враг, - говорил офицер солдатам. Скоро он поведет свое подразделение на юг, и вот теперь, после стольких лекций и практических занятий по боевой подготовке, представилась неожиданная возможность показать солдатам, как выглядит их враг. Смотрите, говорил он, эти американцы вовсе не такие непобедимые. Они совсем не такие высокие и угрожающие, правда? Их легко согнуть и сломать, из их ран течет кровь, как и у всех остальных людей. А ведь перед вами самые отборные американские воины, лучшие из лучших, те, кто сбрасывал бомбы на нашу страну и убивал наших людей. Вот с кем вам придется воевать. Неужели теперь вы станете бояться их? А если американцы так глупы, что попытаются спасти этих собак, мы сможем попрактиковаться на живых целях. Ободрив таким образом солдат, он отправил их на сторожевые посты.

Пожалуй, так и поступим, думал капитан. Скоро необходимость в лагере отпадет. От командира своего полка он слышал, что, как только политическое руководство страны найдет, наконец, время подумать о создавшемся положении, этот лагерь будет закрыт раз и навсегда, и его солдатам действительно предоставится возможность попрактиковаться в стрельбе по живым целям, прежде чем они отправятся на фронт по тропе Хо Ши Мина, где смогут убивать уже вооруженных американцев. А до того американские военнопленные будут в его распоряжении как трофеи, вот с их-то помощью солдаты и избавятся от страха перед великой неизвестностью боевых действий, он направит всю их ярость на военнопленных - ведь это действительно те люди, которые непрерывными бомбардировками превратили такую прекрасную страну в пустыню. Капитан выберет тех новобранцев, что готовились особенно напряженно и охотно..., выберет девятнадцать человек, чтобы дать им познать вкус убийства. Это понадобится молодым солдатам. Многим ли из них, да и ему самому, суждено вернуться домой?

Прежде чем возвратиться обратно на север, Келли зашел для заправки топливом в небольшую гавань Кеймбриджа. Теперь он располагал всей информацией - или по крайней мере достаточной для своих целей, поправил себя Джон. Он впервые нанес ублюдкам весьма чувствительный удар. Оставил столько героина, что его хватило бы всему восточному побережью недели на две, а то и на три. Это заставит их забеспокоиться. Сначала он думал захватить наркотики с собой, чтобы использовать в качестве приманки, но потом решил не делать этого. Не стоило иметь при себе героин, особенно теперь, когда он заподозрил, каким образом наркотики поступают в Америку. Откуда-то с Востока - это было все, что знал Берт. Кем бы ни был этот Генри Таккер, он, несомненно, предельно осмотрителен, организовав свое дело таким образом, чтобы никто из его подручных не знал всех деталей. При иных обстоятельствах он был бы достоин восхищения. Но героин был произведен в Азии, и мешки с белым порошком, прибывающие в Америку, пахли смертью. Сколько вещей, прибывающих из Азии, пахли смертью, когда оказывались на Восточном побережье Соединенных Штатов? Келли знал лишь одну, и то обстоятельство, что он был знаком с теми, чьи тела проходили обработку на базе ВВС в Поупе, только усиливало его гнев и укрепляло решимость довести дело до конца. Он направил свою яхту на север, мимо кирпичной башни маяка на острове Шарп, в город, где опасность угрожала ему с разных сторон. Но это последний раз.

На востоке Америки немного таких сонных мест, как графство Сомерсет. Со своими крупными и далеко отстоящими друг от друга фермерскими хозяйствами оно может похвастать только одной средней школой. По его территории проходит единственное магистральное шоссе, что позволяет проезжать через графство быстро и без остановок. Транспорт, направляющийся в Оушн-Сити, морской курорт штата, минует территорию графства Сомерсет, а ближайшее магистральное шоссе находится на противоположном берегу залива. Уровень преступности здесь настолько низок, что его почти невозможно заметить, и различим он лишь для тех, кто внимательно исследует эту сторону общественной жизни. Убийство тут становится многодневной сенсацией для местных газет, а ограбление - большая редкость в местности, где хозяин дома встречает ночного гостя с ружьем двенадцатого калибра и задает только один вопрос. Единственная проблема - поведение водителей на дорогах, но на то в графстве существует дорожная полиция, разъезжающая в своих темно-желтых автомобилях, патрулируя дороги. В качестве компенсации за скуку ей приписаны патрульные машины с необычайно мощными двигателями, способные преследовать водителей, склонных посещать по пути местные заведения, торгующие алкогольными напитками, дабы сделать жизнь в этом излишне спокойном районе повеселее.

Сегодня дороги графства патрулировал полицейский первой категории Бен Фриланд. Поскольку даже в графстве Сомерсет иногда все-таки случается что-то серьезное, он считал, что обязан знать весь район, каждый его дюйм, каждую ферму и каждый перекресток, чтобы в случае необходимости добраться до места происшествия кратчайшим путем. Уроженец графства, полицейский Фриланд после завершения учебы в академии прослужил здесь уже четыре года и надеялся скоро стать капралом. Внезапно он заметил пешехода на Постбокс-роуд, рядом с деревушкой со странным названием Дэймс-Куортер, что казалось необычным даже местным жителям, ибо никогда никакого, дамского, квартала здесь не было.

Пешеход на шоссе? Это удивило полицейского. Здесь никто не ходит пешком, все пользуются транспортными

средствами, даже дети с малых лет ездят на велосипедах, причем некоторые, задолго до того как достигнут минимально допустимого возраста, что является еще одним серьезным нарушением закона, и Бен Фриланд ежемесячно занимался разбором подобных нарушений. А сейчас он за целую милю заметил девушку, идущую по обочине дороги, - местность тут равнинная, - но не обратил на нее особого внимания, пока не подъехал поближе. Она - теперь полицейский не сомневался, что это была женщина, - шла каким-то странным неровным шагом. Он приблизился еще на сто ярдов и увидел, что девушка одета не так, как принято одеваться в графстве. Это тоже показалось ему странным. Попасть сюда можно только на автомобиле. Кроме того, она двигалась не по прямой, а зигзагами, даже длина ее шагов постоянно менялась, а это означало то, что квалифицируется как "появление в общественном месте в нетрезвом состоянии" - грубейшее нарушение местных правил, усмехнулся полицейский, - а посему он должен остановиться и посмотреть на нее. Фриланд свернул на покрытую гравием обочину, плавно затормозил в пятидесяти футах от девушки и вышел из большого "форда", поправив фуражку и пояс с пистолетом в кобуре, как учили его в академии.

- Привет, - поздоровался он приятным голосом. - Куда направляетесь, мэм?

Девушка остановилась и посмотрела на него глазами существа с другой планеты.

- Кто вы?

Полицейский наклонился к девушке. Нет, спиртным от нее не пахнет. Что касается наркотиков, здесь они еще не превратились в серьезную проблему, и Фриланд знал это. Впрочем, может быть, сейчас все изменится, - Как вас зовут? - произнес он более резко.

- Ксанта, - ответила улыбаясь девушка. - Первая буква - "К".

- Откуда вы приехали, Ксанта?

- Ниоткуда.

- Как это ниоткуда?

- Из Атланты.

- Вы сейчас далеко от Атланты.

- Думаете, я не знаю? - Она засмеялась. - А вот он не знал, что у меня целый запас. - Это, по ее мнению; было остроумной шуткой и ее стоило рассказать. - Прячу их в бюстгальтере.

- Что прячете?

- Свои таблетки. Я спрятала их в бюстгальтере, а он даже не знал об этом.

- А мне можно на них посмотреть? - попросил Фриланд, не понимая, о чем идет речь, но чувствуя, что сегодня ему предстоит настоящий арест.

Девушка хихикнула и протянула руку к груди.

- Отвернитесь, пожалуйста.

Фриланд послушался. Не было смысла преждевременно вызывать у нее тревогу, хотя его правая рука опустилась на пояс рядом с табельным револьвером. Уголком глаза он увидел, что Ксанта просунула руку под свою и без того расстегнутую блузку и извлекла пригоршню красных таблеток. Так вот в чем дело. Полицейский открыл багажник машины и извлек оттуда сумку для сбора вещественных доказательств, чтобы достать конверт.

- Давайте положим их сюда, чтобы не растерять, - предложил он.

- Спасибо. - Ну какой приятный парень этот полицейский.

- Хотите, я подвезу вас?

- Конечно. Я уже так устала идти.

- Ну что ж, тогда садитесь прямо сейчас. - В соответствии с правилами ей полагалось надеть наручники, и Фриланд, усаживая девушку на заднее сиденье, так и сделал. Она, казалось, не обратила на это внимания.

- Куда мы едем?

- Видишь ли, Ксанта, я считаю, что тебе следует прилечь и отдохнуть. Вот я и подыщу тебе подходящее место, ладно? - Налицо все основания для ареста, подумал Фриланд, выводя машину на шоссе.

- Берт и двое других тоже отдыхают, вот только больше никогда не проснутся.

- Что ты сказала, Ксанта?

- Он убил этих подонков - бах, бах, бах. - Девушка жестом показала, как это происходило, вытянув указательный палец и сгибая большой, словно нажимая на курок. Фриланд увидел это в зеркале заднего обзора и едва не съехал в кювет от неожиданности.

- Кто убил?

- Не знаю. Такой белый парень, я не разобрала его имя и не рассмотрела его лицо, но он убил их - бах, бах, бах. Боже милосердный.

- Где?

- На корабле. - Глупый вопрос. Разве не всем это известно?

- Каком корабле?

- Том, что в воде, дурак! - Это тоже показалось ей очень смешным.

- А ты не крутишь мне мозги?

- Знаешь, что самое смешное? Он оставил все прямо на корабле, этот белый парень. Вот только он сам зеленый.

Фриланд не имел представления, о чем речь, но решил выяснить это как можно быстрее. Для начала он включил полицейскую мигалку на крыше автомобиля и разогнал его до скорости, на какую только был способен восьмицилиндровый мощный двигатель, чтобы побыстрее домчаться до казарм дорожной полиции в Уэствере. Следовало, пожалуй, сообщить по радио о приезде, но это не решило бы проблемы, разве что убедило капитана, что именно он, Фриланд, принял дозу наркотиков.

- Яхта “Спрингер”, посмотрите на левую сторону. Келли взял микрофон.
- А что, там кто-то знакомый? - поинтересовался он, не поворачивая головы.
- Где ты был, Келли, черт побери? - спросил Ореза.
- Уезжал по делам. А тебе что?
- Скучал без тебя, - последовал ответ. - Сбавь немного скорость.
- Это действительно важно? Мне нужно успеть на встречу. Португалец.
- Эй, Келли, прошу тебя как моряк моряка. Сбавь скорость, а? Не будь он с ним знаком..., нет, все равно ему нужно играть по правилам независимо от того, с кем он имеет дело. Келли передвинул рычаги управления дросселями, и через несколько минут катер береговой охраны подошел к его борту. Теперь к нему обратятся с просьбой остановиться, чтобы принять досмотровую команду, на что у Ореза было полное право, и попытка уклониться от досмотра ничем ему не поможет. Не ожидая приказа, Келли выключил двигатели и лег в дрейф. Не спрашивая разрешения, катер ошвартовался к его борту, и Ореза спрыгнул на палубу.
- Привет, чиф, - произнес старшина береговой охраны вместо приветствия.
- В чем дело?
- Я уже дважды побывал на твоём песчаном острове за последние пару недель, чтобы выпить пивка с тобой, но тебя не было дома.
- Очень хорошо. Мне бы не хотелось, чтобы ты пил при выполнении служебных обязанностей.
- Знаешь, какое испытываешь одиночество, когда не к кому привязаться. - Внезапно стало ясно, что оба чувствуют себя неловко, но ни один не знал, по какой причине неловко чувствует себя его собеседник. - Так где ты был, черт возьми?
- Мне пришлось уехать из страны. По делам, - ответил Келли. Было ясно, что он не станет пускаться в дальнейшие объяснения.
- Ну что ж, хорошо. Пока будешь дома?
- Думаю, да.
- О'кей, тогда я загляну к тебе "на будущей неделе и ты сможешь травить дальше свои боцманские шуточки.
- Флотским боцманам не к чему врать. Тебе что, нужно объяснить основы кораблевождения?
- Хрен с тобой! Но все-таки я, пожалуй, проведу у тебя на яхте осмотр спасательных средств.
- Я думал, это дружеский визит, - заметил Келли, и оба ощутили еще большую неловкость. Ореза попытался скрыть ее за улыбкой.
- Ну хорошо, не буду тебя беспокоить. - Это, однако, не разрядило атмосферу. - Подловлю тебя на будущей неделе, чиф.
Они обменялись рукопожатием, но что-то в их отношениях изменилось. Ореза махнул рукой, давая знак своему катеру подойти к борту, и перепрыгнул на него с легкостью профессионала. Взревел двигатель, и катер отошел. Больше не было сказано ни единого слова.

Ореза смотрел вслед исчезающему вдали “Спрингеру”, не понимая, что происходит. Уезжал из страны, сказал он. Действительно, его яхты не было в Чесапикском заливе - тогда куда Келли дел ее? Почему полиция проявляла такой интерес к этому парню? Неужели Келли - убийца? Впрочем, он ведь получил за что-то свой Морской крест. Подрывник-подводник, это было известно Орезу. За исключением этого, все, что знал о нем старшина береговой охраны, - это то, что он чертовски хороший парень, готовый всегда угостить пивом, и опытный моряк. Да, ситуация действительно становится сложной, когда ты перестаешь заниматься поисками и спасением терпящих бедствие и вместо этого делаешься чем-то вроде морского полицейского, сказал себе старшина, направляя катер к мысу Томас-Пойнт. Нужно срочно позвонить.

- Так что же произошло?
- Роджер, они знали о предстоящей операции, - ответил Риттер, пристально глядя на собеседника.
- Каким образом, Боб? - удивился Макензи.
- Это нам еще неизвестно.
- Полагаешь, утечка информации?
Риттер сунул руку в карман и достал оттуда ксерокопию документа, которую вручил специальному помощнику по национальной безопасности. Оригинал был написан по-вьетнамски, а ниже приводился рукописный перевод на английский. Крупными печатными буквами выделялись слова “Зеленый самшит”.
- Им стало известно название операции?
- Да, у них тоже произошла утечка информации, Роджер. Полагаю, они собирались воспользоваться этой фразой при допросе захваченных в плен морских пехотинцев. Такое оказывается очень полезным, когда хочешь быстро сломать волю к сопротивлению. Однако нам повезло.
- Да, я знаю. Никто не пострадал. Риттер кивнул:

- Мы отправили разведчика к лагерю за сутки до начала операции. Это парень из специального подразделения морских командос - их называют "тюленями". Он проявил себя просто блестяще. Короче говоря, разведчик вел наблюдение за лагерем, когда туда прибыли подкрепления северовьетнамской армии. Именно он дал команду об отмене операции. А затем просто спустился с вершины холма, где у него находился наблюдательный пункт. - Риттер знал, что гораздо больше впечатляет простая констатация фактов, чем подчеркивание их важности, особенно если имеешь дело с человеком, в свое время ощутившим запах пороха.

Макензи изумленно присвистнул:

- Да, этому парню в мужестве не откажешь.

- Но он сделал нечто большее, - спокойно продолжал Риттер. - На обратном пути он захватил в плен русского офицера, допрашивавшего наших военнопленных, и коменданта лагеря - вьетнамского майора. Сейчас оба находятся у нас в Винчестере. Живые, - с улыбкой добавил Риттер.

- Так вот как у вас оказался текст депеши, - заметил Макензи. - Я считал, что он получен радиоперехватом. - Помощник по национальной безопасности имел в виду средства электронной разведки. - Как это ему удалось?

- Ты ведь сам сказал, что это мужественный парень, - улыбнулся Риттер. - Но это то, что касается хороших новостей.

- Не уверен, что мне хочется услышать плохие.

- У нас есть сведения, что противник намерен ликвидировать лагерь, а вместе с тем и всех военнопленных, находящихся в нем.

- Боже... Генри сейчас в Париже, - пробормотал Макензи.

- Бессмысленно поднимать этот вопрос на переговорах, даже во время неофициальных дискуссий. Они просто-напросто от всего откажутся, и это может так их напугать, что они постараются сделать все, чтобы возражения имели под собой реальную почву. - Все хорошо знали, что настоящая работа на подобных конференциях ведется во время перерывов, а не за столом переговоров, когда стороны обращаются друг к другу с официальными предложениями. Именно этим занимались сейчас в Париже американская и вьетнамская делегации..

- Да, ты прав. Как же нам поступить?

- Мы установили контакт с русскими. У нас есть такая возможность. Я сам встретился с их представителем в Вашингтоне.

- Держи меня в курсе, ладно?

- Можешь не сомневаться.

- Спасибо, что у вас нашлось время для разговора со мной, - сказал лейтенант Райан.

- А в чем дело, собственно говоря? - спросил Сэм Розен. Они сидели у него в кабинете - небольшой комнате, где с трудом поместились четыре человека. Рядом с профессором расположились Сара и Сэнди.

- Мне хотелось поговорить с вами по поводу вашего бывшего пациента - Джона Келли. - Райан увидел, что эта новость ничуть не удивила присутствующих. - Я должен встретиться с ним.

- Тогда почему вы обратились ко мне? - поинтересовался Розен.

- Мы не знаем, где он. Вообще-то я надеялся, что кто-то из вас может мне помочь.

- Помочь в чем? - спросила Сара.

- Помочь в расследовании серии убийств, - тут же произнес Райан, надеясь потрясти их.

- Кого убили? - Этот вопрос задала медсестра.

- Дорис Браун и несколько других.

- Джон не имел к ее убийству никакого... - выпалила Сэнди, прежде чем Сара Розен успела коснуться ее руки.

- Итак, вы знаете, кто такая Дорис Браун, - сразу заметил детектив.

- Мы с Джоном стали..., друзьями, - ответила Сэнди. - Он находился за пределами страны в течение двух последних недель и не мог никого убить.

Господи, подумал Райан. Эта новость была одновременно и плохой и хорошей. Он слишком уж подчеркнул имя Дорис Браун, хотя реакция медсестры на обвинение оказалась удивительно эмоциональной. С другой стороны, теперь одна из его догадок подтвердилась.

- Он уезжал? Куда? Вы знаете это?

- Я не имею права говорить об этом. Мне даже знать этого не следует.

- Что вы имеете в виду? - изумленно спросил лейтенант.

- Извините, больше ничего не могу к этому добавить. - Ее голос был настолько откровенным, что заподозрить медсестру в уклончивом ответе было трудно.

Что все это значит, черт побери? Райан не мог ответить на это и решил продолжить:

- Кто-то по имени Сэнди звонил по телефону Браунов в Питтсбурге.

- Лейтенант, - заметила Сара, - я не понимаю, почему вы задаете нам все эти вопросы.

- Я пытаюсь собрать кое-какую информацию и хочу попросить вас передать своему другу, что мне нужно поговорить с ним.

- Это уголовное расследование?

- Да.

- И вы задаете нам вопросы, - сказала Сара. - Мой брат - адвокат. Может быть, попросить его приехать сюда? У

меня создалось впечатление, что вы расспрашиваете нас относительно совершенных убийств. Я начинаю нервничать. Поэтому разрешите задать вам вопрос - кого-то из нас в чем-то подозревают?

- Нет, но мы подозреваем вашего друга. - Райану совсем не хотелось, чтобы при этом разговоре присутствовал юрист.

- Одну минуту, - вмешался доктор Розен. - Если вы считаете, что Джон каким-то образом нарушил закон, и хотите, чтобы мы помогли вам отыскать его, значит, по вашему мнению, мы знаем, где он находится в данное время, верно? Разве это не делает нас..., как это называется, его помощниками, соучастниками?

А вы являетесь соучастниками? - хотелось спросить Райану, но задать такой вопрос он не решился.

- Разве я говорил это? - сказал он.

- Мне еще никогда не задавали таких вопросов, и я тоже начинаю нервничать, - повернулся хирург к жене. -

Позвони брату.

- Послушайте, у меня нет ни малейших оснований считать, что вы каким-то образом нарушили закон. С другой стороны, я подозреваю в этом вашего друга. Моя просьба заключается в следующем: вы окажете ему большую услугу, если передадите, что он должен позвонить мне.

- Вы считаете, что он убил кого-то - кого именно? - не дал отвлечь себя доктор Розен.

- Людей, торгующих наркотиками.

- А вам известно, чем я занимаюсь? - резко бросила Сара. - На что я трачу здесь почти все свое время? Вы знаете это?

- Да, мэм, знаю. Вы занимаетесь лечением наркоманов.

- Если Джон действительно убивает людей, продающих наркотики молодежи, я, может быть, сама купила бы ему пистолет!

- Вы испытываете чувство потери, когда умирает кто-то из ваших пациентов, верно? - спросил Райан, готовя ей ловушку.

- Разумеется. Мы не привыкли терять больных.

- Тогда какие чувства испытываете вы при известии о смерти Дорис Браун? - Сара не ответила на этот вопрос лишь потому, что вовремя заметила, куда он ведет. - Келли привел ее к вам потому, что знал о вашей работе с наркоманами, верно? Вы вместе с миссис О'Тул приложили немало усилий, чтобы вылечить ее. Неужели вы считаете, что я могу винить вас в этом? Но прежде чем доставить к вам девушку, он убил двоих. Я знаю это. Эти двое, по-видимому, принимали непосредственное участие в убийстве Памелы Мэдден и именно они были его целями. Ваш друг Келли - очень крутой и жестокий человек, но совсем не такой сообразительный, как это ему кажется. Если он сам явится к нам, это одно. Но если нам придется охотиться за ним и арестовать - это совершенно другое. Передайте ему это. Поверьте, вы окажете ему услугу. И не только ему. До настоящего момента вы не нарушали закон. По крайней мере я так считаю. Стоит вам, однако, сделать для него что-то кроме того, о чем я попросил вас, и вы можете оказаться соучастниками. Обычно я не предупреждаю людей таким образом, - произнес лейтенант Райан суровым голосом. - Мне известно, что вы не преступники. То, что вы сделали для Дорис Браун, заслуживает восхищения, и мне очень жаль, что с ней все так получилось. Но Келли убивает людей, а это не правильно, понимаете? Я говорю вам это для того, чтобы вы не забыли чего-нибудь. Мне тоже не нравятся торговцы наркотиками. Это я занимаюсь расследованием убийства Памелы Мэдден - девушки, найденной в фонтане. Я приложу все усилия, чтобы виновники оказались в тюрьме, и буду рад, если их отправят в газовую камеру. Такова моя работа - защищать справедливость, но законными способами. Моя работа', а не его. Вы меня понимаете?

- Да, думаю, что понимаем, - ответил Сэм Розен, вспомнив про хирургические перчатки, переданные им Джону. Теперь ситуация изменилась. В то время он чувствовал себя в стороне от происходящего - эмоционально сочувствовал своему другу, но был очень далек от того, чем он занимался, близок ко всем этим ужасным вещам эмоционально, но одновременно очень далек от них, одобряя его поступки, словно читал статью в газете. Теперь все изменилось, и он понимал, что непосредственно вовлечен в это. - Скажите, лейтенант, насколько далеко вам удалось продвинуться в расследовании убийства Пэм? Вы скоро арестуете убийц?

- Нам уже известно кое-что, - ответил Райан, не подозревая, что этими словами разрушил все, чего сумел добиться, и это после того, как был так близок к желаемой цели.

Ореза вернулся на станцию и сидел сейчас за своим письменным столом, занимаясь столь ненавистной для него работой. Одной из причин, почему он не так уж стремился к должности начальника станции береговой охраны, было то, что в этом случае у него появится собственный кабинет и он превратится в составную часть "руководящего персонала", вместо того чтобы командовать судном. Старшина пошарил среди бумаг, разбросанных на столе, нашел карточку и набрал номер телефона.

- Отдел по расследованию убийств.

- Пригласите к телефону лейтенанта Райана, пожалуйста.

- Его нет.

- Тогда сержанта Дугласа.

- Сегодня он в суде.

- Ну хорошо, я позвоню попозже. - Ореза положил трубку. На часах было почти четыре - он находился на станции с полуночи. Старшина выдвинул ящик стола и принялся заполнять бланки, отчитываясь за топливо, использованное во

время дежурства в Чесапикском заливе, пока следил, чтобы плавание по нему было безопасным для пьяных яхтсменов. Затем он собирался ехать домой, поужинать и лечь спать.

Проблема заключалась в том, чтобы понять, о чем она говорит. Из приемного покоя, находящегося напротив полицейского участка, вызвали врача. Тот поставил диагноз - наркотическое опьянение, что никого не удивило. Затем врач объяснил, что им придется подождать, пока не закончится процесс нейтрализации наркотиков в организме. Высказав эти два ученых мнения, врач предъявил графству счет на двадцать долларов. В течение нескольких часов полицейские пытались говорить с девушкой, но она поочередно то смеялась, то раздражалась от их вопросов. Несмотря на все это, ее рассказ о происшедшем ничуть не изменился. Три человека убиты, бах, бах, бах. Впрочем, теперь это казалось ей уже не таким забавным. Она начала припоминать Берта, и слова, которыми пользовалась Ксанта для его описания, редко приходилось выслушивать даже полицейским.

Если девушка от своих наркотиков воспарит еще выше, то окажется на Луне вместе с астронавтами, подумал капитан.

- Значит, где-то на корабле в заливе трое убитых, - повторил полицейский Фриланд. - У нас есть их имена и все остальное.

- Неужели ты веришь ей?

- Она повторяет одно и то же безо всяких отклонений, верно?

- Да. - Капитан поднял голову. - Ты любишь ловить рыбу в том районе. Каково твое мнение, Бен?

- Похоже на остров Бладсуорт.

- Мы задержим ее до утра за появление в публичном месте в нетрезвом состоянии..., кроме того, у нас ведь железные улики в отношении найденных у нее наркотиков, правда?

- Капитан, я всего лишь спросил ее, и она сама передала их мне.

- О'кей, составь все необходимые бумаги и доведи дело до конца.

- А потом, сэр?

- Любишь летать на вертолете?

На этот раз он выбрал другую стоянку. Это оказалось очень просто, ведь столько яхт находилось в море - кто из владельцев занимался рыбной ловлей, а кто, поставив яхту на якорь, развлекался. На этой стоянке было немало пирсов для проходящих яхт, которые летом плавали вдоль берега, заходя сюда, чтобы заправиться топливом, купить продукты и отдохнуть. Хозяин стоянки наблюдал за тем, как искусно Келли поставил свою яхту в третий по размерам гостевой причал, что далеко не всегда удается шкиперам таких больших яхт. С еще большим удивлением он увидел, насколько молод парень, сошедший с нее.

- Вы долго собираетесь пробыть здесь? - спросил он, помогая Келли ошвартовать яхту.

- Пару дней. Не возражаете?

- Нет, конечно.

- Ничего, если я расплачусь наличными?

- Мы принимаем наличные, - заверил его хозяин стоянки. Келли отсчитал банкноты и заявил, что будет спать на борту. Он не говорил, что произойдет на следующий день.

Глава 34

Выслеживание

- Мы что-то с тобой упустили, Эм, - заявил Дуглас следующим утром в десять минут девятого.

- И что же на этот раз? - спросил Райан. При расследовании преступлений ему не раз приходилось что-то упускать, так что в этом не было ничего нового.

- Как они узнали, что она в Питтсбурге. Я позвонил этому сержанту Майеру, и он сказал, что проверит все междугородние звонки с телефона в доме Браунов. Ни одного, ни единого звонка за последний месяц.

Лейтенант детективов погасил окурок сигареты в пепельнице:

- Следует сделать вывод, что наш друг Генри знал, откуда она родом. У него пытались убежать две девушки, и потому он решил, наверно, выяснить, откуда приехали остальные. Впрочем, ты, пожалуй, прав, - заметил Райан задумавшись. - Скорее всего он пришел к выводу, что она мертва.

- Кто знал, что она в Питтсбурге?

- Те, кто отвезли ее домой. Уж они-то точно не рассказывали никому об этом, можно не сомневаться.

- Келли?

- Вчера я выяснил в больнице Джонса Хопкинса, что его не было в Америке.

- Вот как? Где же он был?

- Медсестра О'Тул говорит, что знает, но не имеет права говорить об этом. Что это значит, я так и не понял. - Он помолчал. - Вернемся в Питтсбург.

- Дело в том, что отец сержанта Майера - священник. Он регулярно беседовал с девушкой и кое-что рассказал сыну. Так вот, слушай, что произошло дальше. Сержант обратился по команде к своему капитану. Капитан знаком с Фрэнком Алленом, и сержант позвонил ему, чтобы выяснить, кто занимается расследованием дела об убийстве двух девушек. Фрэнк переадресовал его к нам. Майер больше ни с кем не разговаривал. - Дуглас закурил сигарету. - Тогда каким образом наши друзья получили эту информацию?

В этом не было в общем-то ничего необычного, однако у лейтенанта Райана появилось смутное чувство тревоги. Теперь оба детектива считали, что они близки к разгадке тайны многочисленных убийств. Ничего странного не было и в том, что события происходили слишком быстро, чтобы можно было остановиться и проанализировать их.

- Как мы и думали раньше, у него есть свой человек в полиции.

- Фрэнк? - спросил Дуглас. - Он не имеет отношения к расследованию, не связан ни с одним из наших дел. У него нет даже доступа к информации, которая могла бы пригодиться нашим друзьям. - Это полностью соответствовало действительности. Дело об убийстве Элен Уотерс было возбуждено в Западном округе одним из младших детективов, подчиненных Аллена, но начальник полиции почти сразу передал расследование Райану и Дугласу из-за крайне жестокого характера преступления. - Полагаю, Эм, нам удалось кое-чего достигнуть. Теперь сомневаться не приходится. Внутри полицейского департамента есть человек, информирующий наркобизнес о происходящем.

- У тебя есть еще такие же хорошие новости?

У полиции штата было всего три вертолета, все три "Белл Джет Рейнджеры", и полиция все еще училась, как пользоваться ими. Заполучить один из них было не так уж просто, но капитан, командующий полицейским округом в Уэствере, был одним из самых старших по выслуге лет, да и его графство отличалось законопослушанием. Это объяснялось не столько компетенцией и опытом капитана, сколько природой населения, однако в полицейской иерархии принято оценивать компетентность руководителя по результатам, каким бы образом они ни достигались. Вертолет совершил посадку позади казармы без четверти девять. Капитан Эрнест Джой и полицейский первой категории Фриланд были наготове. Ни тот, ни другой еще не летали на вертолетах, и оба почувствовали страх, увидев, как мала прилетевшая за ними винтокрылая машина. Вертолеты вообще вблизи кажутся маленькими и еще меньшими - внутри. Птички класса "Белл Джет Рейнджер" используются главным образом для эвакуации больных и пострадавших в ближайшую больницу, и потому на борту вертолета находились пилот и санитар. Правда, оба являлись полицейскими и были вооружены пистолетами. В своих летных комбинезонах, с оружием в наплечных кобурах, в авиационных защитных очках они выглядели впечатляюще. Стандартный инструктаж о правилах безопасности продолжался всего полторы минуты, и пилот выпалил инструкцию так быстро, что пассажиры почти ничего не поняли. Их пристегнули ремнями безопасности, и вертолет взмыл в небо. Пилот все-таки решил не подвергать пассажиров излишним перегрузкам и не демонстрировать им летные преимущества своей машины. В конце концов, один из них был капитаном полиции, да и вообще отмывать от блевотины кабину вертолета - дело не из приятных.

- Куда летим? - спросил он по системе внутренней связи.

- Бладсуорт-Айленд, - сообщил ему капитан Джой.

- Принято, - молодежато ответил пилот. По его мнению, именно так разговаривают настоящие авиаторы. Вертолет опустил нос и повернул на юго-восток. На перелет до места назначения не потребовалось много времени.

С высоты мир выглядит совсем иначе, и, когда люди впервые летят на вертолетах, у них, как правило, одинаковая реакция. Взлет, похожий на катание на увеселительных аттракционах, сначала кажется пугающим, но потом их зачаровывает открывающаяся перед глазами панорама. Мир разительно менялся. Полицейским казалось, что под ними разворачивается топографическая карта. Они видели дороги, фермы и овраги. Сначала Фриланд не мог прийти в себя от изумления. Он превосходно знал свою местность и тут же понял, каким ошибочным было раньше его представление о ней. Оказывается, на самом деле все выглядит несколько иначе. Вертолет летел всего в тысяче футов над землей - такое расстояние по шоссе его полицейский автомобиль проезжает за несколько секунд, - но сейчас перспектива была иной, и Фриланд сразу стал овладевать ею.

- Я встретил ее вон там, - сказал он капитану по интеркому.

- Далеко от того места, куда мы направляемся. Ты считаешь, что она прошла пешком все это расстояние?

- Нет, сэр. - Место, где он остановил девушку, находилось недалеко от берега. Примерно в двух милях они увидели причал фермы, выставленной для продажи, а это было всего в пяти милях от точки, куда летел вертолет, всего в паре минут летного времени. Теперь внизу под ними был Чесапикский залив - подернутая утренней дымкой широкая голубая лента. К северо-западу раскинулось широкое пространство испытательного центра военно-воздушной базы ВМС на Патуксент-ривер, и они видели взлетающие самолеты. Это вызвало некоторое беспокойство у пилота, который стал оглядываться вокруг в поисках низколетящих самолетов. Эти летающие жокеи из морской авиации любили промчатся на бреющем полете.

- Вот, прямо перед нами, - произнес пилот. Санитар сделал жест рукой, чтобы пассажиры поняли, что такое "прямо перед нами".

- С высоты все кажется каким-то другим, - произнес Фриланд с мальчишеским удивлением в голосе. - Я ловлю рыбу вон там. Оттуда это место походит на болото.

Но не с высоты. С тысячи футов это место сначала казалось скоплением островков, соединенных перемычками из травы и ила, но все-таки островков. Однако когда они подлетели ближе, островки приобрели правильные очертания, сначала ромбовидные, а затем явно обозначились корпуса кораблей, заросших со всех сторон тростником и травой.

- Господи, да тут их так много, - заметил пилот. Ему редко доводилось летать здесь, и то почти всегда по ночам, выполняя экстренные полеты за больными и пострадавшими в несчастных случаях.

- Корабли, уцелевшие после первой мировой, - объяснил капитан. - Отец говорил мне, что это те, которых не сумели потопить немцы.

- А что мы ищем?

- Я не уверен, может быть, корабль с причаленным к нему катером. Вчера мы задержали наркоманку, - сообщил капитан. - По ее словам, на одном из этих кораблей оборудована лаборатория, а в ней трое убитых.

- Неужели? Лаборатория по переработке наркотиков? Прямо здесь?

- Судя по словам девушки, - подтвердил Фриланд, заметив, что, какой сплошной ни казалась поверхность болота с его рыбацкой лодки, с вертолета тут и там на нем виднелись каналы. Не иначе, здесь неплохо ловятся крабы, подумал он. Разве не интересно?

- Смотрите! Вон там что-то сверкнуло! - воскликнул санитар, указывая пилоту направо. - Отблеск света от стекла или что-то еще.

- Сейчас проверим, - согласился пилот. Он подал рукоятку вперед и вниз, и “Джет Рейнджер” начал снижаться. - Да, я вижу катер вон у тех трех корабельных корпусов.

- Ну-ка, проверь как следует, - усмехнулся санитар.

- Точно. - Появилась возможность показать, как летает настоящий вертолетчик. Бывший пилот штурмового “Хьюи”, служивший в Первой воздушно-десантной дивизии, он любил играть со своей птичкой. В конце копов, кто угодно может летать на одной высоте, не меняя курса. Он облетел вокруг катера, проверяя направление и силу ветра, затем немного убрал шаг винта и снизился до высоты футов двести.

- Похоже на восемнадцатифутовый катер, - произнес Фриланд, и все увидели белый нейлоновый шкерт, удерживавший катер у ржавого остова корабля.

- Спустись ниже, - скомандовал капитан. Через несколько секунд вертолет завис в пятидесяти футах над полуразрушенной палубой. Катер выглядел пустым. В нем виднелась коробка из-под пива и что-то еще, наваленное на корме, но ничего больше. Пара птиц вылетела из того, что осталось от надстройки, и пилот инстинктивно отвернул в сторону. Стоит одной из них попасть в воздухозаборник его двигателя, и вертолет вместе со всеми сидящими внутри станет постоянной частью этого болота, созданного руками человека.

- Хозяин этого катера явно не проявляет к нему никакого интереса, - сказал пилот по системе внутренней связи. Фриланд, сидящий сзади, вытянул руку с указательным пальцем и большим три раза ударил по воображаемому курку. Бах, бах, бах - три труп. Капитан кивнул.

- Думаю, ты прав, Бен, - сказал он и обратился к пилоту:

- Вы можете пометить на карте точные координаты?

- Будет сделано, - отозвался пилот. На мгновение ему пришла в голову мысль снизиться еще больше и посадить полицейских прямо на палубу. Не придумаешь проще, будь он в Первой воздушно-десантной дивизии, но сейчас это слишком опасно. Санитар взял карту и нанес на нее местонахождение судна с катером рядом. - Больше вам ничего не нужно?

- Да, полетели обратно.

Двадцать минут спустя капитан Джой сидел у телефона.

- Береговая охрана, мыс Томас-Пойнт.

- Говорит капитан Джой из полиции штата. Требуется ваша помощь. - В течение нескольких минут он объяснял создавшуюся ситуацию.

- Ясно. Нам понадобится девяносто минут, - сообщил ему главный старшина Инглиш.

- Отлично. Ждем вас.

Келли вызвал такси, которое подобрало его у входа на стоянку. Сначала он остановился у заведения “Кенел Кланкер”, пользующегося достаточно сомнительной репутацией. Он арендовал там “фольксваген” 59-го года, заплатив за месяц вперед без дополнительной платы за пробег.

- Спасибо, мистер Айелло, - сказал хозяин заведения улыбающемуся Келли, воспользовавшемуся водительским удостоверением человека, который больше в нем не нуждался. Он вернулся на машине обратно к пирсу, где стояла его яхта, и принялся грузить в багажник необходимые вещи. Никто не обращал на него внимания, и через пятнадцать минут “жук” укатил.

Келли воспользовался предоставившейся возможностью и проехал через район, где предстояло вести охоту, наблюдая за направлением движения транспорта. Днем район выглядел полупустым. Это была та часть города, где ему еще не приходилось бывать, рядом с мрачным промышленным шоссе под названием О’Доннелл-стрит, в окрестностях которого никто не жил, да и мало кто пожелал бы жить. Воздух был полон промышленных запахов, и ни один из них не был приятным. Многие здания здесь казались заброшенными, а между ними зияли пустыри, на которых в случае надобности разворачивались грузовики. Тут не было ни играющих в мяч детей, ни жилых домов, а потому ни единого полицейского автомобиля. Келли подумал, что, с точки зрения его противников, место выбрано отлично. Но его интересовал один-единственный отдельно стоящий дом с выцветшей вывеской над входом. Задняя часть здания представляла собой сплошную кирпичную стену. В здание вели три двери, и, хотя они располагались с двух сторон, все были видны с одной точки. Позади находилось еще одно заброшенное здание, высокое строение из сборного

железобетона со множеством разбитых окон. Закончив первоначальную разведку, Келли поехал на север.

Ореза направлялся на юг. Он уже находился на полпути к месту назначения, потому что патрулировал этот район, и теперь не мог понять, почему бы береговой охране не открыть еще одну станцию на восточном берегу залива или, может быть, у маяка Коув-Пойнт, где и без того постоянно находились люди, не спящие по ночам, которые следили за тем, чтобы мощная лампа на вершине маяка случайно не вышла из строя. Ореза эти обязанности не казались такими уж утомительными, хотя, наверно, парень, занимающийся этим, был доволен таким распорядком. В конце концов, его жена только родила близнецов, а береговая охрана всегда проявляла немалый интерес к семейной жизни, в отличие от других родов войск.

Он позволил управлять катером одному из молодых матросов, а сам расположился на крыле тесного мостика, наслаждаясь солнечным утром и время от времени поднося к губам чашку с приготовленным им самим кофе.

- Радио, старшина, - позвал его один из матросов. Ореза вошел внутрь и взял микрофон:

- Четыре-один альфа слушает.

- Четыре-один альфа, это Инглиш с базы Томас-Пойнт. Вас будут ждать на пирсе в Дэймс-Чаойс. Там вы увидите полицейских в мундирах. Когда предполагаете прибыть туда?

- Через двадцать-двадцать пять минут, мистер И.

- Понял, альфа. Конец связи.

- Поворачивай на левый борт, - сказал Ореза рулевому, глядя на карту. Залив выглядел достаточно глубоким в этом районе. - Курс один-шесть-пять.

- Слушаюсь, курс один-шесть-пять.

Ксанта пришла в себя относительно, так как чувствовала ужасную слабость. Ее темная кожа казалась какой-то серой, и она жаловалась на страшную головную боль, которая не утихала от принятого анальгина. Она понимала, что находится под арестом и информация о ней уже прибыла по телетайпу. У нее хватило здравого смысла потребовать себе адвоката. Как ни странно, это не вызвало у полиции ни малейшего беспокойства.

- Мой клиент, - сообщил адвокат, - готов пойти вам навстречу. - Он сумел договориться с полицией меньше чем за десять минут. Смысл договоренности заключался в следующем: если она расскажет правду и при этом не окажется замешанной ни в каком серьезном преступлении, ее освободят от ответственности за владение наркотиками при условии, что она добровольно согласится на лечение. За последние несколько лет еще никто не предлагал Ксанте Мэттьюс такой щедрой сделки. Всем сразу стало ясно почему.

- Но ведь они убьют меня! - воскликнула девушка, вспомнив теперь все, - после того как выветрилось воздействие барбитуратов, а ее адвокат разрешил ей говорить.

- Кто эти "они"? - спросил капитан Джой.

- Они мертвые. Он убил их, белый парень, застрелил их. И оставил там кучу наркотиков, целое море белого дерьма.

- Расскажите нам про белого парня, - попросил Джой, взгляд его, обращенный на Фриланда, теперь не выражал недоверия.

- Большой парень, вроде него, - она показала на Фриланда, - но лицо все зеленое, как листья. Он завязал мне глаза, когда спустил меня по трапу и усадил в лодку, потом высадил на пирс и сказал, чтобы я села на автобус или добиралась до города каким-то другим способом.

- Откуда вы знаете, что он белый?

- Белые кисти рук. Сами руки зеленые, а кисти вот здесь белые, - пояснила она, показывая на свои руки. - Он был одет в зеленую одежду с косыми полосами, вроде как у солдат, и держал в руке большой пистолет 45-го калибра. Когда он начал стрелять, я спала, но проснулась от выстрелов, понимаете? Заставил меня одеться, спустил в лодку, высадил на пирс, а потом уплыл на своей яхте.

- Что за яхта?

- Такая большая, высокая, белая, футов сорок длиной.

- Ксанта, откуда ты знаешь, что они собирались убить тебя?

- Белый парень сказал мне об этом. Показал вещи, которые лежали в маленькой лодке.

- Что за вещи?

- Какая-то дерьмовая рыбацкая сеть и бетонные блоки. Он сказал, эти парни говорили ему, что проделывали такое и раньше. Адвокат решил, что настала его очередь вставить несколько слов:

- Джентльмены, мой клиент имеет в своем распоряжении информацию о том, что может оказаться крупной преступной организацией. Ей понадобится охрана, и в обмен на ее помощь нам бы хотелось, чтобы штат выделил средства для финансирования лечения моего клиента.

- Господин адвокат, - спокойно заметил капитан Джой, - если то, что говорит она, окажется правдой, я буду финансировать это из собственного бюджета. Мне хотелось бы предложить, сэр, оставить ее пока в камере нашей казармы. Это всего лишь для ее безопасности, необходимость в которой кажется мне очевидной, сэр. - Капитан вел подобные переговоры с адвокатами многие годы, так что сам стал говорить подобно адвокату, подумал Фриланд.

- У вас здесь не пища, а говно! - пожаловалась Ксанта, закрыв от боли глаза.
- Мы займемся и этим, - пообещал ей капитан Джой.
- Мне кажется, ей нужна медицинская помощь, - заметил адвокат. - Как будет оказана ей помощь здесь?
- Доктор Пейдж придет сюда сразу после ленча и осмотрит ее. Господин адвокат, ваш клиент не в состоянии сейчас заниматься собой. Все предъявленные ей обвинения временно сняты до подтверждения - или опровержения - сделанного ею заявления. Вам будет оказана любая помощь в обмен на помощь со стороны вашего клиента. Трудно пожелать что-нибудь еще, верно?
- Мой клиент согласен с вашими предложениями и рекомендациями, - заявил адвокат, даже не посмотрев на Ксанту. Все равно его гонорар будет оплачен графством. К тому же он чувствовал, что оказывает весомую услугу человечеству. Это намного интереснее, чем выступать в защиту пьяных водителей.
- Вон там душ. Почему вы не посоветуете своему клиенту вымыться и принять более опрятный вид? Если хотите, можете приобрести для нее одежду получше. Счет представьте нам.
- Как всегда, мне приятно иметь с вами дело, капитан Джой, - заметил адвокат вслед капитану, направляющемуся к машине Фриланда.
- Знаешь, Бен, мне кажется, что ты напал на очень интересное дело. И с девушкой вел себя умело. Я не забуду этого. А теперь покажи мне, как быстро может ехать этот зверь.
- Сейчас, капитан. - Фриланд включил мигалку еще до того, как автомобиль развил семьдесят миль в час. Они подъехали к причалу, когда катер береговой охраны повернул к берегу, уходя с главного фарватера.

На старшем полицейском были знаки отличия лейтенанта - хотя называл он себя капитаном, - и Ореза отдал ему честь, когда он поднялся на борт. Обоих полицейских тут же облачили в спасательные жилеты, поскольку правила береговой охраны требовали этого на малых судах. Джой показал Орезу место на карте.

- Вы сможете добраться туда?
- Мы - нет, а вот наш баркас сможет. Что там случилось?
- Подозреваем убийство трех человек. Возможно, замешаны наркотики. Сегодня утром мы пролетели в том районе на вертолете. Вот здесь к остову судна пришвартован рыбацкий катер.
Ореза бесстрастно кивнул, сам встал у штурвала и перевел ручки машинного телеграфа на полный вперед. До корабельного кладбища было меньше пяти миль - именно так называл он про себя множество брошенных кораблей, - и старшина постарался рассчитать курс сближения с ним как можно тщательнее.

- А ближе нельзя? Ведь сейчас прилив, - заметил Фриланд.
- В этом все дело. В таких местах нужно плавать только при отливе, чтобы в случае посадки на мель с приливом можно было сняться с нее. А сейчас придется воспользоваться баркасом. - Объясняя свое решение, старшина Ореза не переставал думать. Пока матросы его команды готовили к спуску четырнадцатифутовый баркас, Ореза вспомнил, что несколько месяцев назад в ту штормовую ночь лейтенант Шарон из Балтимора, находившийся на борту, говорил о возможной доставке крупной партии наркотиков здесь в заливе. Это по-настоящему крутые парни, сказал он тогда Португальцу. Ореза пытался понять, нет ли какой-нибудь связи между этими событиями.

Разместившись в баркасе с десятилитровым подвесным мотором, они поплыли дальше. Старшина внимательно следил за приливными течениями, направляясь вдоль извилистого, канала среди высокой травы и тростника примерно к той точке, которая была указана на карте. Вокруг царил тишина, и Ореза вспомнил свое участие в операции "Рынок" - попытке береговой охраны оказать помощь военно-морскому флоту во Вьетнаме. Там он провел немало времени, работая с ребятами в прибрежных водах на малых баркасах "Свифт", изготовленных прямо в Аннаполисе на верфи фирмы "Трампи Ярд". Тогда все было так похоже. В зарослях тростника могли скрываться - и часто скрывались - вооруженные люди. У него мелькнула мысль о том, а не случится ли нечто подобное скоро и здесь. Полицейские держали руки на рукоятках своих револьверов, и Ореза пожалел - правда, слишком поздно, - почему сам не захватил табельный "кольт". Впрочем, он все равно не умел им пользоваться. И тут же возникла мысль - а было бы неплохо, чтобы сейчас их сопровождал Келли. Он не знал, почему полиция разыскивает Келли, но подозревал, что это как-то связано с тем, что тот, по-видимому, был одним из "тюленей", - Орезу довелось некоторое время работать с ними в коричневой воде дельты Меконга. Каким-то образом Келли получил свой Морской крест, да и татуировка у него на руке появилась не по воле случая.

- Смотрите, черт побери, - выдохнул Ореза. - Похоже, это шестнадцатифутовый "Старкрафт"... нет, больше походит на восемнадцатифутовый. - Он поднес к губам портативный приемопередатчик. - Четыре-один альфа, говорит Ореза.

- Слушаем тебя. Португалец.
- Обнаружили катер именно там, где нам сказали. Будьте наготове.
- Понял вас.

Внезапно воздух словно наполнился ощущением опасности. Полицейские переглянулись, жалея, что не захватили с собой подкрепление. Ореза подвел баркас к "Старкрафту". Полицейские осторожно перебрались на катер.

Фриланд молча показал в сторону кормы. Джой кивнул. Там лежали шесть бетонных блоков и свернутая нейлоновая сеть. Да, Ксанта не соврала. Вверх по борту судна вела веревочная лестница. Капитан начал взбираться первым, держа в правой руке револьвер. Ореза наблюдал за тем, как следом на палубу поднялся Фриланд. Оказавшись на палубе, оба полицейских подняли револьверы и направились к надстройке. Орезу показалось, что полицейские исчезли из

вида на целый час, хотя они отсутствовали всего четыре минуты. Вокруг летали чайки. Когда капитан Джой снова появился на палубе, его револьвер был уже в кобуре.

- Мы обнаружили три трупа и огромное количество белого порошка, похожего на героин. Свяжитесь со своим судном, пусть сообщат в мой участок, что нам нужны сотрудники полицейской лаборатории. А вы сами, старшина, займитесь теперь переправкой.

- Сэр, плавсредства департамента охоты и рыболовства лучше приспособлены к этому. Хотите, я вызову их для поддержки?

- Отличная мысль. Действуйте. А пока попробуйте прочесать этот район. Вода кажется мне прозрачной, а девушка сообщила, что где-то поблизости на дне захоронены еще трупы. Вы видели, что находится на корме рыбацкого катера? - Ореза повернул голову и впервые заметил блоки и свернутую сеть. Боже милосердный! Так вот как они избавлялись от трупов. - Хорошо, я осмотрю окрестности. - И Ореза принялся за работу, связавшись сначала по радио со своим судном.

- Сэнди, привет.

- Джон! Где ты сейчас?

- В городе, у себя на квартире.

- Вчера к нам приходил полицейский. Тебя ищут.

- Вот как? - Келли нахмурился, не переставая жевать сэндвич.

- Он сказал, что ты должен прийти и поговорить с ним, что будет лучше, если ты сделаешь это прямо сейчас.

- Подумать только, как любезно с его стороны, - усмехнулся Келли.

- Как ты собираешься поступить?

- Тебе не следует знать об этом, Сэнди - Ты уверен?

- Да.

- Прошу тебя, Джон, подумай об этом как следует.

- Я уже все обдумал, Сэнди, честное слово. Все будет в порядке. Спасибо за предупреждение.

- Что-нибудь случилось? - спросила другая медсестра, когда Сэнди положила трубку.

- Нет, - ответила Сэнди, и ее подруга поняла, что это не правда.

Гм. Значит, полиция напала на след. Келли допил свою кока-колу. Это подтвердило его предположение, связанное с появлением Орезы на борту "Спрингера". Итак, теперь все становилось еще сложнее, но на прошлой неделе ситуация была похуже. Он направился в спальню, и в этот момент послышался стук в дверь. Это изрядно потрясло его, но открыть дверь все-таки придется. Войдя в квартиру несколько минут назад, он распахнул окна, чтобы проветрить помещение, и стало ясно, что кто-то тут появился. Он сделал глубокий вдох и распахнул дверь.

- А я удивлялся, куда вы исчезли, мистер Мерфи, - произнес управляющий к облегчению Келли.

- Провел две недели в командировке на Среднем Западе и затем неделю отдыхал во Флориде, - солгал он со спокойной улыбкой.

- Что-то вы плохо загорели. Келли смущенно усмехнулся:

- Почти все время проводил внутри помещения. - Управляющий понимающе улыбнулся.

- Здорово. Ну а я просто зашел справиться, все ли в порядке.

- Никаких проблем, - заверил его Келли, закрывая дверь, прежде чем управляющий успел задать еще какой-нибудь вопрос. Он чувствовал, что должен поспать. Ему начало казаться, что всю работу приходится делать по ночам, словно находишься в другом полушарии, подумал Келли, ложась на неудобную кровать.

В зоопарке было жарко. Риттер предпочел бы встретиться в павильоне панды. Павильон был переполнен - люди пришли посмотреть на этот удивительный жест доброй воли Китайской народной республики - китайских коммунистов для Риттера - бамбукового медведя. Помещение павильона было оборудовано кондиционером и потому более комфортабельно, но сотрудники разведывательных служб чувствуют себя неловко в таких помещениях, так что сегодня он прогуливался у поразительно большой выгородки, где находились галапагосские слоновые - или морские - черепахи. Риттер так и не понял разницы в названии. Не знал он и того, почему слоновым - или морским - черепахам требовалось столько места. Несомненно, такая выгородка слишком велика для существа,двигающегося со скоростью горного ледника, подумал он.

- Привет, Боб. - Теперь уже не было смысла притворяться и называть себя "Чарлзом", хотя на этот раз Риттеру позвонил сам Волошин. Телефон зазвонил прямо на столе Риттера. Волошин сделал это, чтобы показать, что они тоже кое-что знают. В разведывательной деятельности поддержание своего имиджа имело немалое значение. Если звонок исходил от русских, кодовое имя было "Билл".

- Привет, Сергей. - Риттер показал на рептилий. - Мне это напоминает деятельность наших правительств, верно?

- Не имею к этому отношения. - Русский сделал глоток из банки с лимонадом. - И вы тоже.

- Ладно. Итак, что сообщили из Москвы?

- В прошлый раз вы забыли кое-что сказать мне.

- Неужели?

- Да. У вас находится и вьетнамский офицер.

- Какое это имеет для вас значение? - небрежно заметил Риттер, явно пытаясь скрыть раздражение по поводу того, что Волошину стало известно про вьетнамского майора. Русский резидент заметил это.

- Захват его в плен ведет к осложнениям. Москве пока неизвестно об этом.

- Тогда не надо и сообщать о нем в центр, - посоветовал Риттер. - Вы сами говорите, что это осложняет ситуацию. Уверю вас, ваши союзники ничего не знают.

- Каким образом? - резко спросил Волошин.

- Сергей, но ведь вы не посвящаете нас в свои методы действий, правда? - ответил Риттер, заканчивая этот этап дискуссии. Он понимал, что сейчас нужно взвешивать каждое слово, причем по нескольким причинам. - Послушайте, генерал, вы ведь тоже не испытываете особенно теплых чувств по отношению к этим ублюдкам, верно?

- Вьетнамцы - наши союзники по социалистическому лагерю.

- Да уж, конечно. Латинская Америка тоже изобилует оплотами подлинной демократии. Неужели мы встретились для обсуждения политических проблем?

- С врагами приятно иметь дело, потому что всегда знаешь их позицию. Отношения с друзьями более сложные, - согласился Волошин. Это было также одной из причин, почему советское правительство чувствовало себя уверенным в поведении американского президента. Сукин сын, может быть, но знакомый сукин сын. Кроме того, мысленно признался Волошин, он действительно не питал теплых чувств к вьетнамцам. Ну и черт с ними, все равно самые важные события разворачиваются в Европе. Так было всегда и так всегда будет. Именно Европа определяла курс истории на протяжении столетий, и ничто не изменит этого.

- Считайте это неподтвержденным сообщением, сообщите, что проверите, может быть. Постарайтесь затянуть дело, ладно? Я очень прошу вас. Понимаете, генерал, ставки в этой игре слишком высоки. Если что-нибудь случится с нашими военнопленными, я гарантирую вам, что мы представим вашего полковника средствам массовой информации и скандал будет неминуемым. В Пентагоне знают о наших людях, Сергей, они хотят заполучить их обратно, и им наорать на разрядку. - Грубое выражение продемонстрировало истинные мысли Риттера.

- А вы сами? Какова позиция вашего управления?

- Согласен, разрядка сделает нашу жизнь гораздо более предсказуемой. Вы где были в шестьдесят втором году, Сергей? - спросил Риттер, отлично зная это, но интересуясь, что ответит резидент русской разведки.

- Вам хорошо известно - в Бонне, следил за тем, как вы приводите свои войска в состояние боевой готовности, после того как Никита Сергеевич решил заняться этими дурацкими играми. - Развертывание ракет с ядерными боеголовками на Кубе противоречило рекомендациям КГБ и Министерства иностранных дел. Оба разведчика знали это.

- Мы никогда не будем друзьями, но даже враги могут договориться вести игру в соответствии с правилами. Разве не в этом заключается сейчас создавшаяся ситуация?

А ведь он - разумный человек, подумал Волошин. Это понравилось ему. Значит, его поведение предсказуемо, а именно этого в первую очередь хотелось русским от американцев. - Вы убедили меня. Боб. Вы уверены, что наши союзники не подозревают об исчезновении своего офицера?

- Вполне уверен. И мое предложение о посещении вами полковника Гришанова остается в силе.

- Без ответных обязательств? - сделал попытку Волошин.

- Тут мне потребуется запросить мнение руководства. Если хотите, я могу сделать это, но такой шаг тоже станет чем-то вроде осложнения. - Риттер бросил пустую банку в мусорный ящик.

- Хочу, - без обиняков произнес Волошин.

- Хорошо. Я сообщу вам о результатах. Что мы получим в обмен?

- В обмен я согласен обдумать вашу просьбу. - Волошин повернулся и без единого слова пошел к выходу.

Все, накрыл тебя! подумал Риттер, направляясь к месту, где стоял его автомобиль. Он сумел провести тщательно подготовленную и скрупулезно осуществленную операцию. Сведения о "Зеленом самшите" могли просочиться из трех источников. Риттер посетил каждый из них. В одном он сказал, что они действительно захватили русского офицера, но он умер от полученных ран. В другом объяснил, что русский тяжело ранен и его положение критическое. Но самую привлекательную наживку Риттер сберег для того места, которое считал наиболее вероятным. И теперь все стало для него ясно. Источником утечки информации могли быть лишь четыре человека. Это Роджер Макензи, его помощник, не сумевший сделать политическую карьеру, и две секретарши. Вообще-то такой работой должно заниматься ФБР, но Риттер стремился избежать лишних осложнений, а расследование шпионской деятельности в аппарате президента Соединенных Штатов могло оказаться в высшей степени затруднительным. Уже сидя в машине, Риттер решил встретиться с приятелем из Управления науки и техники. Как профессионал он испытывал немалое уважение к Волошину. Умный и осторожный сотрудник КГБ, прежде чем стать начальником резидентуры в Вашингтоне, руководил всей агентурной сетью в Европе. Он, несомненно, сдержит свое слово и, чтобы сделать все возможное с целью избежать неприятностей, будет действовать в точном соответствии с правилами своего комитета, являющимися исключительно строгими. Именно на это и сделал ставку Риттер. Если ему удастся добиться успеха в этой операции вдобавок к той, которая уже осуществлялась, кто знает, как высоко он поднимется? Но еще лучше то, что он заслужил право на высокий пост не из-за каких-то политических связей, а только благодаря собственным способностям. Он, сын техасского рейнджера, работавший официантом, чтобы платить за обучение в Бейлорском колледже и получить степень бакалавра. Это понравилось бы Сергею, подумал Риттер, выезжая на Коннектикут-авеню. Мальчишка из рабочих низов сумел пробиться к самой вершине. Точно соответствует

духу марксистско-ленинской теории.

Ему еще никогда не приходилось собирать информацию таким способом, сказал себе Келли. Необычный метод, причем настолько приятный, что к нему даже легко привыкнуть. Он сидел в угловой кабинке ресторана “Мама миа”, медленно доедая второе блюдо. Когда ему предложили итальянское вино, Келли вежливо ответил - нет, спасибо, за рулем. Одетый в свой лучший костюм - “костюм ЦРУ”, как называл его Келли, - гладко выбритый, с новой прической бизнесмена, он привлекал взгляды нескольких женщин, сидевших в ресторане без сопровождения мужчин, а обслуживающая его официантка просто влюбилась в него, особенно привлеченная его хорошими манерами и воспитанностью. То обстоятельство, что ресторан был переполнен, объяснялось в первую очередь великолепной кухней, и это же делало его удобным местом для встречи Тони Пиаджи и Генри Таккера. Майк Аелло объяснил ему все это. “Мама миа” принадлежал вообще-то семье Пиаджи в третьем поколении, и здесь посетителей обеспечивали отлично приготовленной пищей и другими, менее законными, услугами еще с тех пор, как продажа спиртного в Америке была запрещена. Хозяин ресторана, жуир и весельчак, лично встречал знакомых посетителей и провожал их к столам с гостеприимством и радушием Старого света. Не только жуир, но и щеголь, заметил Келли, регистрируя в памяти его лицо и фигуру, жесты и характерные манеры, причем сам старался не смотреть по сторонам, сидя над блюдом равиоли. В ресторан вошел чернокожий мужчина в отлично сшитом костюме. Судя по его поведению, он бывал здесь и раньше, улыбался официанткам и не торопился пройти дальше, что оказалось на руку Келли.

Пиаджи поднял голову, увидел его и поспешил навстречу, остановившись лишь на мгновение, чтобы обменяться с кем-то рукопожатием. Он подошел к чернокожему мужчине, пожал ему руку, затем провел мимо столика Келли вверх по лестнице, где находились отдельные кабинеты. Никто не обратил на них особого внимания. В ресторане были и другие чернокожие, и с ними обходились точно так же, как и со всеми остальными посетителями. Однако остальные честно трудились, в этом Келли не сомневался. Он заставил себя сосредоточиться на главном. Значит, это и есть Генри Таккер. Тот самый, кто убил Пэм. Он не походил на чудовище. Впрочем, в жизни так редко бывает. В глазах Келли он был всего лишь целью и отложился в его памяти рядом с Тони Пиаджи. Ну что ж, теперь все. Келли с удивлением посмотрел на погнутую вилку в своей руке. Он даже не заметил, как сжал ее.

- У тебя неприятности? - спросил Пиаджи, когда они оказались в отдельном кабинете на втором этаже. Он налил гостю и себе по бокалу “кьянти”, как и подобает гостеприимному хозяину, но, едва дверь закрылась, ему стало ясно по выражению на лице Генри, что произошло нечто серьезное.

- Они не вернулись.

- Фил, Майк и Берг?

- Да! - буркнул Генри, имея в виду, что “нет, не вернулись”.

- Ну хорошо, успокойся. Сколько было у них товара?

- Двадцать кило чистого героина, приятель. После обработки этого надолго хватило бы и мне, и Нью-Йорку, и Филли.

- Да, это очень много, - кивнул Тони. - Может быть, они просто не успели закончить работу?

- Все равно должны были вернуться.

- Послушай, Генри, Фил и Майк - новички в этом деле, наверно, еще не освоились. Вспомни, как работали мы с Эдди в первый раз - а ведь тогда у нас было всего пять кило.

- Я уже принял это во внимание, - ответил Генри, начиная сомневаться, стоило ли поднимать тревогу.

- Генри, - произнес Тони, делая глоток вина и стараясь казаться спокойным и рассудительным, - стоит ли так волноваться? Мы ведь решили все наши проблемы, правда?

- Что-то здесь не так, приятель.

- Что именно?

- Не знаю.

- Хочешь взять катер, съездить туда и проверить? Таккер отрицательно покачал головой:

- Слишком долго.

- Встреча с парнями состоится только через три дня. Не волнуйся. Наверно, ребята возвращаются сейчас обратно.

Пиаджи показалось, что он понял причину беспокойства Генри. Теперь они вышли в высшую лигу поставщиков наркотиков. Двадцать килограммов чистого героина, подготовленного для розничной торговли, представляли собой огромное количество продукта, а то, что они с Генри поставляли его в уже обработанном виде, в пакетах, готовых для продажи, было весьма удобно для оптового покупателя, готового платить самую высокую цену. Именно к этой цели стремился Таккер на протяжении нескольких лет. Даже собрать столько наличных денег, чтобы расплатиться за такое количество товара, и то непросто, так что беспокойство Таккера вполне понятно.

- Послушай, Тони, а вдруг дело вовсе не в Эдди?

- Но ведь ты сам убеждал меня... - раздраженно ответил Пиаджи.

Таккер не стал развивать эту тему дальше. Ему всего лишь требовался предлог, чтобы избавиться от Эдди Морелло как от лишнего звена в цепи, вот и все. Его беспокойство отчасти объяснялось тем, о чем думал Тони, но только отчасти. Здесь была еще одна причина - события, которые произошли в начале лета и начались, казалось бы, без всяких

видимых причин, а затем внезапно прекратились. Он сказал себе, что это дело рук Эдди Морелло. Ему даже удалось убедить себя в этом, но всего лишь потому, что ему этого хотелось. Где-то глубоко внутри слабый голос, сумевший помочь Таккеру продвинуться так далеко, говорил, что все обстоит по-другому, и вот теперь этот голос заговорил снова, а Эдди, на котором можно было бы сорвать свое беспокойство и свою ярость, больше не было. Выросший и воспитанный на улице, продвинувшийся так далеко и достигший таких успехов благодаря редкому сочетанию ума, смелости и инстинкта, Генри больше всего доверял этому голосу. Теперь этот голос говорил ему о вещах, которые он не понимал и в которых не мог разобраться. Тони прав. Опоздание объясняется всего лишь отсутствием опыта, недостаточной квалификацией при обработке товара. Вот по этой-то причине они и организовали свою лабораторию в восточной части Балтимора. Теперь они могли позволить себе это, накопив опыт и получив возможность создать жизнеспособное коммерческое предприятие под вымышленной вывеской, начинающее работать на будущей неделе. Так что Таккер выпил бокал вина и успокоился, позволив густому красному зелью расслабить его нервную систему, едва не вышедшую из-под контроля.

- Дадим им еще время. До завтра.

- Ну и что ты обнаружил? - спросил моряк, что стоял у штурвала. Теперь, в часе плавания к северу от Бладсуорт-Айленда, он решил, что достаточно выждал, чтобы расспросить молча стоящего рядом старшину береговой охраны. В конце концов, они тоже стояли и ждали.

- Эти мудаки скормили парня сраным крабам! - сообщил им Ореза. - Представляете, взяли два квадратных ярда нейлоновой сети, завернули его, привязали бетонные блоки и бросили в воду! От него не осталось практически ничего - одни кости! - Сотрудники полицейской лаборатории все еще не решили, как извлечь эти останки со дна залива. Ореза знал, что пройдут годы, прежде чем ему удастся забыть ужасное зрелище - лежащий на песке череп, все еще одетые кости, шевелящиеся от приливного течения..., или, может быть, от прячущихся внутри крабов. Старшина не присматривался особенно внимательно.

- Боже милосердный! - согласился с ним рулевой.

- А ты знаешь, кто это был?

- Что ты имеешь в виду. Португалец?

- Помнишь, еще в мае, когда у нас на борту был этот полицейский, лейтенант Шарон, - так вот, я уверен, что то, что осталось от трупа на дне залива, это и есть тот самый яхтсмен на швертботе с яркими полосатыми парусами, как на карамели. Готов поспорить.

- Да, верно. Пожалуй, босс, ты и прав.

Они позволили ему все увидеть просто из любезности. Теперь Ореза пришел к выводу, что вполне обошелся бы без такой любезности, но тогда было невозможно уклониться. Он никак не мог струсить перед полицейскими - в конце концов, он тоже нечто вроде полицейского. Вот он и взобрался по веревочной лестнице, сообщив об останках, обнаруженных им всего в пятидесяти ярдах от полуразрушенного корпуса судна, и увидел еще три мертвых тела, лежащие на палубе того, что раньше было, по-видимому, офицерской кают-компанией, все трое лицом вниз, все убитые выстрелами в затылок, причем раны оказались уже расклеванными птицами. Заметив это, Ореза с трудом сохранил самообладание. Впрочем, у птиц хватило здравого смысла не трогать наркотики.

- Там было двадцать килограммов чистого героина - это сорок четыре фунта белой отравы - по крайней мере так говорили полицейские. Это стоит миллионы баксов, - закончил старшина.

- Мне всегда казалось, что я занимаюсь недостаточно прибыльным делом.

- Господи, у этих полицейских прямо-таки слюнки текли, особенно у капитана. Они, наверно, останутся там на всю ночь, судя по проявленному ими восторгу.

- Привет, Уолли.

Магнитофонная запись была разочаровывающе низкокачественной. Техник объяснил, что причиной является плохое состояние линий телефонной связи и сделать что-нибудь он не в силах. Коммутатор в здании установили еще в те времена, когда Александер Грейам Белл занимался изготовлением слуховых аппаратов¹¹.

- Да, кто это? - ответил неровный голос.

- Та договоренность, которой они достигли относительно вьетнамского офицера. Ты уверен в этом?

- Так сказал мне Роджер. - В самую точку! - подумал Риттер.

- Где они прячут его?

- Думаю, в Винчестере вместе с русским.

- Ты уверен?

- Абсолютно. Меня это тоже удивило.

- Мне просто хотелось проверить, перед тем как - ну, ты понимаешь.

- Разумеется, дружище. - Связь прервалась.

¹¹ Александер Грейам Белл (1847 - 1922) - американский инженер, шотландец по происхождению, один из изобретателей телефона В 1876 г получил патент на первый практически пригодный телефон.

- Кто это? - спросил Грир.
- Уолтер Хикс, Джеймс. Выпускник всех лучших школ - Эндовера и Брауна. Его отец известный банкир, занимается инвестициями. Он потянул политические нити, и только посмотри, куда попал маленький Уолли. - Риттер сжал руку в кулак. - Ты интересовался, почему наши офицеры все еще находятся в "Сендер грин"? Вот ответ на твой вопрос.
- Что ты собираешься предпринять?
- Еще не знаю. - Но Риттер понимал, что не сможет обратиться в суд. Телефон Хикса прослушивался без разрешения судебных инстанций.
- Только тщательно все обдумай. Боб, - предостерег его Грир. - Я ведь тоже был там вместе с вами, помнишь?
- Что, если Сергей не успеет сделать то, что обещал, достаточно быстро? Тогда этот маленький говнюк будет виновен в смерти двадцати наших военнопленных!
- Мне это тоже не нравится.
- А у меня он вызывает отвращение!
- Государственная измена все еще карается смертной казнью, Боб.
Риттер поднял голову:
- Это верно. Такой закон действительно существует.

Еще один длинный день. Ореза внезапно подумал, что завидует тому парню, который присматривает за маяком на мысе Коув-Пойнт. По крайней мере он всегда рядом с семьей. А вот у него дочка - самая сообразительная девчурка в детском саду, и он почти не видит ее. Пожалуй, следует согласиться на предложение стать преподавателем в Нью-Лондоне, подумал Португалец. Тогда он годик-другой сможет вести нормальную семейную жизнь. Это означало, что ему придется иметь дело с парнями, готовящимися стать когда-нибудь офицерами, но зато они хорошо овладеют основами морского дела.

Большей частью Ореза оставался наедине с собственными мыслями. Его команда сейчас располагалась на отдых в казарме. Ему тоже надо бы поспать, но картины увиденного преследовали его. Человеческий остов и расклеванные птицами затылки не дадут ему спать всю ночь, если только он не избавится от этого каким-то образом..., а ведь у него есть предлог на то, правда? Ореза пошарил по столу и нашел карточку с записанным на ней номером телефона.

- Алло?
- Лейтенант Шарон? Это говорит главный старшина береговой охраны Ореза со станции Томас-Пойнт.
- Поздновато звоните, старшина, - напомнил ему Шарон. Он шел в спальню.
- Помните, в мае вы искали парусную яхту?
- Ну и что?
- Мне кажется, мы нашли того парня, сэр. - У Орезы создалось впечатление, что он слышит, как хлопнули широко открывшиеся глаза лейтенанта.

- Расскажите подробнее.
Португалец рассказал все, не упуская никаких деталей, и с каждым сказанным словом ужас покидал его, словно перетекал по телефонному проводу. Он не знал, что происходит именно это в самом буквальном смысле.

- Как зовут капитана, руководящего расследованием?
- Капитан Джой, сэр, из графства Сомерсет. Вы знаете его?
- Нет, не знаю.
- Ах да, вот что еще, - вспомнил Ореза.
- Что? - Шарон лихорадочно записывал.
- Вы знакомы с лейтенантом Райаном?
- Да, он тоже работает в центральном департаменте.
- Лейтенант попросил меня разыскать одного парня по имени Келли. Ну конечно! Вы ведь видели его, помните?
- Что вы хотите этим сказать?
- Той ночью, когда мы охотились за парусным швертботом, мимо нас перед самым рассветом прошла большая яхта, и Келли был за штурвалом. Он живет на острове, недалеко от Бладсуорта. Короче говоря, этот ваш Райан хотел, чтобы я нашел его, понимаете? Так вот, сэр, Келли вернулся и сейчас, наверно, в Балтиморе. Я пытался дозвониться до Райана, но не смог его застать, а я был занят все остальное время. Вы не могли бы передать ему то, что я вам сказал, сэр?
- Обязательно передам, - пообещал Шарон. Он забыл о сне, его мозг работал сейчас со скоростью компьютера.

Глава 35

Процедура посвящения

Марк Шарон оказался в щекотливом положении. Несмотря на свою коррумпированность, он вовсе не был глупым полицейским. Как раз наоборот, он обладал блестящим аналитическим умом и тщательно обдумывал каждый шаг. Ему доводилось делать ошибки, но он учился на них. Именно об этом он и думал сейчас, лежа один в постели после разговора со старшиной береговой охраны. Его первым деловым соображением было то, что Генри отнюдь не понравится, что разгромлена его лаборатория и убиты трое его людей. Потеря огромного количества наркотиков нанесет

Таккеру еще более тяжелый удар, потому что даже у него запас героина не бесконечен. Но хуже всего было то, что человек - один или несколько, - ответственный за все это, по-прежнему был неизвестен и оставался на свободе, занимаясь сейчас - чем?

Шарон знал про Келли. Он сумел воссоздать прошлые события и пришел к потрясающему заключению: именно Келли совершенно случайно подобрал на улице Памелу Мэдден в тот самый день, когда устранили Анджело Ворано, и той темной ночью она действительно находилась на борту его яхты, прошедшей в двадцати футах мимо катера береговой охраны. Шарон вспомнил яхту, волны на море и качку, от которой его выворачивало наизнанку. Теперь о существовании Келли знали также Эм Райан и Том Дуглас, сделавшие поразительный шаг, - они попросили охрану проверить, находится ли Келли у себя на острове. Почему? Обычно вполне хватало получить свидетельские показания по телефону, если сам свидетель находился за пределами города. Эм и Том занимались расследованием убийства у фонтана, а также всеми остальными преступлениями, происшедшими несколько недель назад. "Богатый парень, живет в уединении, на острове", - сказал о нем Марк Шарон в разговоре с Генри. А вот теперь лучшая пара следователей полицейского департамента заинтересовалась Келли. К тому же Келли был непосредственно связан с одной из девушек, попытавшихся покинуть организацию Генри, у него есть яхта, и он живет не так уж далеко от лаборатории по обработке героина, которой по-прежнему пользовался Генри, несмотря на предостережения. Это была удивительно длинная и крайне маловероятная цепь совпадений, но еще более тревожным являлось то обстоятельство, что Шарон уже не был просто полицейским, расследующим преступления, а сам был преступником, и расследованием его деяний занимались сейчас Райан и Дуглас.

Лежа в своей постели, лейтенант лишь сейчас по-настоящему осознал это. По какой-то причине раньше он так не думал о себе. Шарону казалось, что он как бы по-над всем происходящим вокруг, ну, иногда принимает участие, но вообще-то не является преступником и его не касается все, что разворачивалось где-то внизу. В конце концов, именно ему принадлежала заслуга в целой череде успешных арестов дельцов наркобизнеса, в завершении которой он лично ликвидировал Эдди Морелло, совершив самый искусный поступок в своей профессиональной деятельности. Причем Шарон не только убил настоящего крупного дельца наркобизнеса на глазах у шести полицейских и объявил это заранее обдуманное и тщательно подготовленное убийство актом законного противодействия офицера полиции попытке преступника защищаться с оружием в руках, но и получил оплаченный отпуск вдобавок к тому вознаграждению, которое выдал ему Генри. Все это каким-то образом казалось Шарону исключительно увлекательной игрой, мало отличающейся от тех действий, за которые ему платили жители города. Люди живут, руководствуясь собственными иллюзиями, и лейтенант Марк Шарон мало отличался от остальных. Не то чтобы он убедил себя, что превосходно справляется со своими обязанностями, нет, он просто полностью сосредоточился на тех наводках, которые получал от Генри, и таким образом устранял всех поставщиков наркотиков, угрожавших дальнейшему распространению влияния империи Таккера. Шарон легко контролировал все расследования, ведущиеся подчиненными ему детективами, и потому без труда отдал весь рынок наркотиков одному поставщику, тому самому, о котором в полицейском архиве не имелось никакой информации. Это предоставило Генри возможность расширить свои операции, привлечь внимание Тони Пиаджи и использовать его контакт на Восточном побережье Америки. Скоро - и лейтенант предупредил об этом Генри - ему придется разрешить своим детективам начать пощипывать края развернутой сети самого Таккера. Генри понял необходимость этого, несомненно, после консультации с Пиаджи, который хорошо понимал все тонкости этой игры.

Но сейчас кто-то бросил зажженную спичку в эту крайне взрывоопасную смесь. Сведения, полученные Шароном, вели только в одном направлении, но не были достаточно полными. Значит, нужно узнать что-то еще, верно? Шарон на мгновение задумался и затем поднял телефонную трубку. Ему понадобилось сделать три звонка, чтобы получить нужный номер телефона.

- Полиция штата Коннектикут.

- Говорит лейтенант Шарон из полицейского Департамента Балтимора. Мне нужно поговорить с капитаном Джоом.

- Вам повезло, сэр. Он только что вернулся. Побудьте у телефона. - Прошло несколько секунд, и Шарон услышал чей-то усталый голос.

- Капитан Джой.

- Здравствуйте, капитан. Это лейтенант Шарон. Марк Шарон, департамент полиции города Балтимора. Я руковожу подразделением по борьбе с наркотиками. Мне сообщили, что вы сумели раскрыть что-то очень крупное.

- Да, похоже на то. - Шарон слышал, как его собеседник садится в кресло со вздохом удовлетворения и усталости.

- Вы не могли бы кратко сообщить мне подробности? Возможно, имеющиеся у меня сведения связаны с вашим делом.

- А кто рассказал вам об этом?

- Старшина береговой охраны, который доставил вас на корабль, - Ореза. Мне довелось работать вместе с ним два или три раза. Помните, как была захвачена крупная партия марихуаны, которую перевозили с фермы в графстве Тэлбот?

- Так это были вы? Мне казалось, что заслуга принадлежит береговой охране.

- Мне пришлось пойти на это, чтобы скрыть источник полученной информации. Если хотите, можете проверить. Я дам вам номер телефона поста береговой охраны, начальником его является Пол Инглиш.

- Ну хорошо, Шарон, вы убедили меня.

- В мае я провел сутки на борту их катера, мы искали парня, который сумел от нас ускользнуть. Нам так и не удалось найти его, так же как и его швертбот. Ореза говорит...

- Останки трупа, съеденного крабами, - выдохнул Джой. - Его сбросили в воду. Судя по всему, он лежал на дне несколько месяцев. Вы что-нибудь о нем знаете?

- Зовут его, наверно, Анджело Ворано. Жил в городе, занимался торговлей наркотиками - так, по мелочам, но стремился пробиться в высшую лигу. - Шарон описал его.

- Рост действительно похож. Ладно, мы проверим зубы для точного опознания и сравним их с картой его дантиста. Спасибо, лейтенант, благодарю за помощь. Что вас интересует?

- Расскажите мне некоторые подробности, - попросил Шарон и в течение нескольких минут вел записи. - Как вы собираетесь поступить с Ксантой?

- Пока держим ее у себя под охраной как важного свидетеля. Мы получили согласие ее адвоката. Нам придется позаботиться об этой девушке. У меня создалось впечатление, что мы имеем дело с особенно жестокой и хорошо организованной бандой.

- Согласен с вами, капитан, - ответил Шарон. - Ну хорошо, посмотрим, что удастся мне выяснить у себя в городе.

- Еще раз спасибо за помощь.

- Боже мой, - прошептал Шарон, положив трубку. Белый парень..., большая белая яхта. Берт и те двое, что, по видимому, прислал Тони для помощи, убиты выстрелами в затылок из пистолета 45-го калибра. Хладнокровные убийства, похожие на исполнение смертного приговора, еще не распространились на наркобизнес, и от ледяного отсутствия даже признаков жалости у убийцы струйки холодного пота побежали по спине лейтенанта. Но ведь это не столько хладнокровные убийства, сколько профессиональные, верно? Подобные тому, как ликвидировали торговцев наркотиками. Над расследованием этих убийств работают сейчас Эм Райан и сержант Дуглас, и они разыскивают этого Келли, а ведь он - белый парень с большой белой яхты, да и живет на острове недалеко от остова корабля, где находилась лаборатория Генри. Слишком много совпадений.

Единственной хорошей новостью было то, что лейтенант Шарон мог звонить Генри, не опасаясь подслушивания. Ему были известны все установленные в городе подслушивающие устройства, подсоединенные к телефонным аппаратам людей, подозреваемых в торговле наркотиками, и ни один из телефонов организации Таккера не прослушивался.

- Да?

- Берт и его друзья убиты, - сообщил Шарон.

- То есть как?

- Ты ведь слышал меня. Полицейский округ в Сомерсете обнаружил их трупы. Найдены останки Анджело. Лаборатория ликвидирована, Генри. Конфискованы наркотики, а Ксанта находится под охраной в местной тюрьме. - Лейтенант испытывал даже некоторое удовлетворение, сообщая о случившемся. Шарон по-прежнему оставался полицейским, и развал преступной операции все еще не вызывал у него особого горя.

- Так что же на самом деле происходит, черт побери?! - услышал он крик, переходящий в стон.

- Думаю, что смогу кое-что тебе посоветовать. Нам нужно встретиться.

Проезжая в своем арендованном "жуке" в сторону квартиры, Келли еще раз взглянул на свой наблюдательный пост. Он устал, хотя и ощущал удовольствие от отличного ужина. Послеобеденный сон восстановил силы, и теперь он мог работать еще долго, и, возвращаясь из ресторана, решил прокатиться по городу. Для него это был испытанный способ успокоить накопившуюся ярость. Теперь он видел Таккера собственными глазами. Того самого Генри, который после всех пыток убил Памелу, задушив ее шнурком. Келли знал, что мог бы без особого труда прикончить его прямо в ресторане. Еще никогда ему не доводилось убивать людей голыми руками, но его научили этому. Много опытных профессионалов провели массу времени в Коронадо, Калифорния, обучая его всем тонкостям своего ремесла, и теперь он владел этим искусством настолько, что, глядя на человека, рассматривал его как объект для применения того, чему научился, - вот это место для такого приема, а это - для другого. Да, он недаром учился этому, все усилия и все опасности принесли плоды..., это, однако, не означало, что следует обязательно прибегнуть к ним, поскольку он не собирался так глупо расставаться со своей жизнью. Такова была другая сторона медали.

Но теперь Келли видел конечную цель операции и знал, что нужно готовиться к тому, что произойдет после ее завершения. Ему следует проявлять еще большую осторожность. Ну хорошо, пусть полицейским известно, кто он, но Келли не сомневался, что у них нет никаких доказательств. Даже если эта девушка, Ксанта, захочет рассказать обо всем полиции, она не видела его лица - оно было покрыто слоем маскировочной краски. Единственная опасность заключалась в том, что она могла запомнить регистрационный номер яхты, когда Келли отходил от причала, но и об этом особенно беспокоиться не приходилось. Не имея вещественных доказательств, они не смогут подкрепить свои обвинения в суде. Пусть им известно, что кое-кто ему не нравится, - превосходно. Полиция может даже выяснить, что он обладает профессиональной подготовкой, - отлично. Келли действовал в соответствии со своими правилами игры, а полицейским приходилось исходить из своих. В конечном счете правила действовали в его пользу, а не в их.

Келли посмотрел в окно автомобиля, прикидывая угол и расстояние, составляя предварительный план и разрабатывая возможные варианты. Они выбрали место, где редко проезжают полицейские патрули, а вокруг - открытое пространство. Никто не сможет приблизиться к зданию незамеченным..., скорее всего это потребовалось для того, чтобы успеть в случае необходимости уничтожить компрометирующие улики. Правильный логичный подход к их тактической проблеме - за одним исключением. Они не приняли во внимание существование комплекса других тактических правил.

Это их проблема, подумал Келли, направляя машину к своей квартире.

- Боже милосердный... - Роджер Макензи побледнел и почувствовал приступ тошноты. Они сидели на открытой веранде его дома в северо-западном пригороде Вашингтона. Жена и дочь Макензи отправились за покупками в Нью-Йорк, готовясь к осеннему сезону. Риттер приехал без предупреждения в четверть седьмого утра, хорошо одетый и мрачный, он внес своим появлением ноту тревоги в прохладу мирной атмосферы. - Я знаю его отца вот уже тридцать лет.

Риттер отпил апельсинового сока, хотя содержащаяся в нем кислота плохо влияла на его желудок. Они имели дело с государственной изменой, причем самой отвратительной. Хикс знал - не мог не знать, - что его действия ведут к гибели соотечественников, причем одного из них он знал по имени. Риттер уже принял решение, но Роджеру требовалось время, чтобы примириться с мыслью.

- Мы вместе учились в Рэндолфе, служили в одной бомбардировочной эскадрилье, - продолжал Макензи. Риттер решил, что даст ему выговориться, хотя на это может потребоваться время. - Мы заключали с ним деловые соглашения... - закончил помощник президента по национальной безопасности, глядя на стол, где стоял нетронутый завтрак.

- Роджер, тебя никто не обвиняет в том, что ты взял его к себе в помощники, но парень виновен в шпионаже.

- Что ты намерен предпринять?

- Это уголовное преступление, - напомнил ему Риттер.

- Скоро я оставляю свою должность. Меня включают в группу по подготовке к перевыборам президента, хотят, чтобы я возглавил весь северо-восток.

- Так рано?

- Джефф Хикс будет руководить кампанией в Массачусетсе, Боб. Мне придется работать с ним рука об руку. - Макензи посмотрел на сотрудника ЦРУ, произнося фразы, едва связанные между собой. - Боб, расследование шпионажа в аппарате Совета по национальной безопасности - это может все подорвать. Если то, что мы предприняли, если ваша операция станет достоянием общественности - я хочу сказать, как все произошло и почему она потерпела неудачу...

- Мне очень жаль, Роджер, но этот маленький ублюдок предал свою страну.

- Я мог бы лишиться его допуска к секретным документам, выгнать...

- Этого недостаточно, Роджер, - холодно прервал его Риттер. - Из-за него могут погибнуть военнопленные американские офицеры. Он не может остаться безнаказанным.

- Но если мы отдадим вам приказ...

- Хотите воспрепятствовать осуществлению правосудия? - заметил Риттер. - Такие действия преступны.

- Ты не имел права прослушивать его телефон, это незаконно.

- Нами велось расследование нарушения национальной безопасности - сейчас идет война, ты не забыл этого? - в соответствии с несколько иными правилами, и к тому же, стоит ему только выслушать магнитофонную запись, и он тут же расколется. - Риттер не сомневался в этом.

- И подвергнуть риску судьбу президента? Сейчас? В такой момент? Неужели ты считаешь, что это пойдет на благо нашей стране? А как относительно наших контактов с русскими? Наступил критический момент в истории мира. Боб. - С другой стороны, любой момент является критически важным для истории, хотел добавить Риттер, но сдержался.

- Видишь ли, Роджер, вообще-то я обратился к тебе за советом, - произнес он и тут же получил этот совет, хотя и в несколько своеобразной форме.

- Мы не можем позволить себе провести расследование, которое завершится судебным процессом. С политической точки зрения, это неприемлемо. - Макензи надеялся, что этого будет достаточно.

Риттер кивнул и встал из-за стола. Возвращение обратно в кабинет комплекса ЦРУ в Лэнгли не принесло ему успокоения. Несмотря на предоставленную ему свободу действий, Риттер теперь будет вынужден сделать шаг, хотя и справедливый, но способный превратиться в привычку. Ему не хотелось этого. Первым делом он распорядился снять прослушивание с телефона Хикса, причем как можно быстрее.

Случившееся стало достоянием общественности благодаря газете. В передовой статье на четыре колонки говорилось об убийстве трех человек, связанных с торговлей наркотиками, которое произошло в сонном графстве Сомерсет. Райан быстро проглотил статью и даже не стал читать спортивные новости, на что обычно тратил четверть часа по утрам.

Это - дело его рук, подумал лейтенант. Кто еще оставит на месте преступления вместе с тремя трупами большое количество наркотиков? Он уехал на службу этим утром на сорок минут раньше обычного, немало удивив тем самым жену.

- Миссис О'Тулл? - Когда зазвонил телефон, Сэнди только закончила свой первый утренний обход и проверяла журнал.

- Да?

- Это Джеймс Грир. Помните, вы разговаривали с моей секретаршей, Барбарой?

- Да, конечно. Чем могу быть полезна?

- Мне неловко вас беспокоить, но мы пытаемся отыскать Джона. Дома его нет.

- Да, я знаю, что он в городе, но не имею представления где.

- Если будете разговаривать с ним, не можете ли передать, что я прошу его позвонить мне? У него есть номер

моего телефона. Еще раз извините за беспокойство, - вежливо произнес он.

- Буду только рада. - Интересно, что происходит? - подумала она.

Сэнди чувствовала, как сгущаются тучи. Полиция разыскивает Джона, она сообщила ему об этом, но он воспринял ее слова с равнодушием. Теперь кто-то еще пытается отыскать его. Почему? И тут она увидела на столике в помещении для посетителей экземпляр утренней газеты. Ее читал брат одного из пациентов, но внимание Сэнди привлек крупный заголовок в правом, нижнем углу первой страницы: "УБИЙСТВО ТОРГОВЦЕВ НАРКОТИКАМИ В СОМЕРСЕТЕ".

- Все проявляют интерес к этому парню, - заметил Фрэнк Аллен.

- Что ты имеешь в виду? - Шарон приехал в Западный участок под предлогом познакомиться с административным расследованием гибели Морелло. Он уговорил лейтенанта Аллена показать ему заявление других полицейских и трех посторонних свидетелей. Поскольку Шарон сделал благородный жест, отказавшись от помощи юриста, а также потому, что гибель представителя наркобизнеса явно произошла в пределах необходимой самообороны, Аллен решил, что это не нарушит правил, только чтобы Шарон читал материалы в его присутствии прямо в кабинете.

- Понимаешь, сразу после звонка из Питтсбурга относительно убийства этой девушки, Браун, Эм позвонил мне и расспрашивал про Келли. А теперь ты. В чем дело?

- В расследовании одного из моих дел было упомянуто его имя. Мы не уверены, в связи с чем, и потому я и задал вопрос. Что ты знаешь о нем?

- Но ведь ты, Марк, в служебном отпуске, - напомнил ему Аллен.

- Ты хочешь сказать, что мне нескоро придется взяться за работу? Что мне нужно отключить свой мозг? Может быть, где-то в газетах говорилось о том, что преступники все тоже отправились в отпуск?

Аллен был вынужден согласиться с Шароном:

- Просто к нему проявляют столько внимания, что начинает казаться, будто парня в чем-то подозревают. Полагаю, у меня есть о нем сведения - ну конечно, просто забыл. Подожди минуту. - Аллен встал из-за стола и ушел в архив. Шарон сделал вид, что с интересом читает заявления свидетелей. Через несколько минут Аллен вернулся и передал ему тонкую папку. - Вот, читай.

Это были выдержки из служебного дела Келли, но очень краткие, увидел Шарон, перелистывая страницы. Там были материалы о его подготовке в качестве подводника-подрывника, его документы инструктора, фотография и другая второстепенная информация. - Шарон поднял голову. - Живет на острове? Мне говорили об этом.

- Да, я тоже его об этом спрашивал". Забавно. Но почему все это так тебя интересует?

- Просто встретилось его имя, ничего больше, но мне захотелось проверить это. До меня все время доходят слухи о дельцах наркобизнеса, продельывающих свои дела в заливе.

- Вообще-то мне следовало переслать эту папку Эму и Тому. Я просто забыл, что она хранится здесь. А вот это еще лучше:

- Я сейчас еду туда. Хочешь, захвачу и оставлю для них?

- Буду тебе благодарен.

- Не стоит. - Шарон сунул папку под мышку. По пути он остановился у филиала библиотеки Пратта, где снял ксерокопии документов по десять центов за копию. Затем направился в фотолабораторию, где меньше чем за десять минут ему сделали с маленькой фотографии Келли на удостоверении пять больших увеличенных фотографий. Их он оставил в машине, которую припарковал у здания полицейского департамента, а сам зашел внутрь лишь на минуту, чтобы отправить папку в отдел расследования убийств.. Он мог оставить всю информацию себе, но, подумав, решил поступить более разумно, как и надлежит нормальному полицейском

- И чем все это кончилось? - спросил Грир, закрывая дверь своего кабинета.

- Роджер настаивает, что разоблачение вызовет нежелательный политический резонанс, - сообщил Риттер.

- Ты сказал ему, что очень сожалеешь об этом?

- Он добавил, что нам следует заняться этим делом, - продолжил Риттер. Макензи не сказал конкретно, как следует этим делом заниматься, но смысл был очевиден. Риттеру стало все предельно ясно.

- И как мы будем этим заниматься?

- Как ты думаешь, Джеймс?

- Откуда это? - спросил Райан, когда папка легла ему на стол.

- Мне передал ее какой-то детектив, сэр, - ответил молодой полицейский. - Я не знаю его, но он сказал, чтобы я вручил это вам.

- Хорошо. - Райан отпустил полицейского и открыл папку. Он впервые увидел фотографию Джона Терренса Келли. Итак, Келли поступил во флот через две недели после того, как ему исполнилось восемнадцать лет, и служил на флоте., да, шесть лет. Почетное увольнение в звании боцмана. Лейтенанту сразу стало ясно, что документы, содержащиеся в папке, подверглись строгой цензуре. Этого следовало ожидать, поскольку полицейский департамент интересовали в первую очередь качества Келли как опытного инструктора-ныряльщика. Райан увидел справку с датой выпуска из школы подрывников-подводников и более поздний сертификат инструктора - именно это интересовало департамент. Данные о выставленных Келли в период обучения отметках все были одинаковы - на трех листах бумаги,

неизменно стояли цифры - 4, 0 - высшая оценка мастерства в военно-морском флоте. Здесь же находилось письмо с рекомендациями адмирала флота США, написанное самым витиеватым стилем. Департамент полиции принял эти рекомендации всерьез, как и следовало ожидать. В письме адмирала перечислялись боевые награды Келли, что должно было произвести на полицию Балтимора глубокое впечатление: Морской крест, Серебряная звезда. Бронзовая звезда за проявленное в боях мужество и две грозди вместо повторных аналогичных наград, Пурпурное сердце с двумя гроздьями вместо повторных...

Господи, этот парень именно таков, как я и думал о нем, правда?

Райан положил папку на стол и увидел на обложке пометку, означающую, что она составляла часть дела о расследовании убийств, совершенных Гудингом. Значит, этим занимался Фрэнк Аллен - снова он. Лейтенант Райан поднял трубку и позвонил ему.

- Спасибо за папку Келли. Кто привез ее к нам?

- Ко мне заходил Марк Шарон, - ответил Аллен. - Мне поручено административное расследование гибели того Морелло, происшедшее во время его ареста Шароном, и Марк упомянул имя Келли, сказал, что оно проходит в одном из его дел. Извини, приятель, что я забыл переслать тебе эту папку раньше. Просто забыл. Шарон пообещал передать ее тебе. Понимаешь, Келли не относится к числу людей, которых можно заподозрить в употреблении наркотиков, но... - Аллен продолжал говорить что-то, уже не представляющее интереса для Райана.

Все происходит слишком быстро, чертовски быстро. Шарон. Его имя постоянно возникает то здесь, то там. Почему?

- Фрэнк, у меня есть к тебе трудный вопрос. Когда позвонил сержант Майер из Питтсбурга, ты говорил с кем-нибудь еще об этом?

- Что ты хочешь этим сказать, Эм? - спросил Аллен. В его голосе было заметно раздражение.

- Я не утверждаю, что ты сообщил об этом в газеты, Фрэнк.

- Значит, это произошло в тот самый день, когда Шарон шлепнул этого парня с наркотиками, верно? - Аллен задумался. - Я мог что-то сказать ему... Шарон был единственным человеком, насколько я припоминаю, с кем я говорил кроме тебя.

- Спасибо, Фрэнк. - Райан нашел номер телефона полицейской казармы в графстве Сомерсет, где размещался округ полиции штата Коннектикут.

- Капитан Джой слушает, - послышался крайне усталый голос. Командир округа был готов лечь спать прямо в собственной тюрьме, если бы там его оставили в покое, но казармы и представляли собой по традиции тюрьму, и капитан улегся на удобную койку, чтобы поспать четыре с половиной часа. Джой уже мечтал о том времени, когда графство Сомерсет вернется к спокойной нормальной жизни, хотя и рассчитывал стать майором после успешного завершения этого дела.

- Говорит лейтенант Райан из отдела по расследованию убийств города Балтимора.

- Что-то вы, ребята из большого города, проявляете к нам теперь повышенный интерес, - заметил капитан Джой с нескрываемым сарказмом. - Что вас интересует?

- О чем вы говорите? Кто проявляет интерес?

- Вчера ночью, когда я ложился спать, позвонил еще один из ваших людей - лейтенант Шаре, что-то вроде этого, я не записал его имени. Сказал, что может опознать одно из найденных нами тел... Нет, я все-таки где-то записал... Извините, от усталости превращаюсь в зомби.

- Вы не могли бы рассказать мне о случившемся? Вкратце. - Оказалось, что и "вкратце" достаточно долго. - Значит, эта женщина у вас в тюрьме?

- Можете не сомневаться.

- Капитан, не выпускайте ее, пока я не дам вам разрешения, хорошо? Извините, пожалуйста, держите ее в тюрьме и под надежной охраной. Она может стать важным свидетелем нескольких убийств.

- Да, я знаю это, потому мы и держим ее у себя.

- Я имею в виду убийства, совершенные у нас в городе, сэр. Два, причем особенно жестоких. Мы потратили на расследование девять месяцев.

- Никуда она отсюда не уйдет, - пообещал Джой. - Нам самим нужно многое выяснить у нее, и адвокат девушки пошел навстречу полиции графства.

- У вас есть еще какая-нибудь информация об убийце?

- Только то, что я уже сказал: мужчина, белый, ростом футов шесть и с лицом, раскрашенным в зеленый цвет, говорит девушка. - Капитан раньше ничего не сказал про маскировочную краску.

- Вы не могли бы остановиться на последнем чуть подробнее?

- Она сказала, что его лицо и руки были зелеными, вроде камуфляжа, применяемого солдатами в джунглях, по-видимому. И вот что еще, - добавил капитан Джой, - он - отличный стрелок. У тех троих, которых он прикончил, по одной ране и все точно в десятку - прямо-таки идеально.

Райан быстро раскрыл папку. В самом низу страницы, где перечислялись награды Келли, виднелась строчка: блестящий стрелок, превосходный пистолетчик.

- Я еще позвоню вам, капитан. Похоже, что вы здорово справились с этим делом, принимая во внимание то, что в вашем округе не бывает много убийств.

- Это верно. Предпочитаю бороться с теми, кто превышает скорость на шоссе, - согласился Джой и положил трубку.

- Сегодня ты что-то рано, - заметил Дуглас, приходя в кабинет с опозданием. - Читал газету?

- Наш друг вернулся и уже увеличил счет. - Райан передал сержанту фотографию.
- Сейчас он выглядит старше, - заметил сержант.
- После трех Пурпурных сердец за ранения станешь старше. - Лайан рассказал Дугласу все, что ему удалось выяснить. - Ты не хочешь съездить в Сомерсет и поговорить с девушкой?
- Полагаешь...
- Да, мне кажется, что у нас появился свидетель. И, думаю, нам удалось узнать, кто снабжает информацией наркомафию. - Затем лейтенант тихо и спокойно объяснил ситуацию.

Он позвонил только для того, чтобы услышать ее голос. Келли находился теперь так близко к своей цели, что позволил себе подумать о том, как поступит по ее достижении. Такое поведение было не профессиональным, но Келли, несмотря на весь свой профессионализм, все-таки оставался человеком.

- Джон, где ты сейчас? - Настойчивость в ее голосе была заметна еще больше, чем днем раньше.
- У меня квартира в городе. - Это все, что он осмелился сказать.
- Меня просили передать тебе кое-что. Звонил Джеймс Грир, он сказал, чтобы ты с ним связался.
- О'кей. - По лицу Келли промелькнула недовольная гримаса - он должен был сделать это еще накануне.
- Это о тебе написано в газете?
- Что написано?

- В газете говорится о трех торговцах наркотиками, убитых на восточном берегу залива! - прошептала она.

- Я тебе перезвоню, - тут же произнес Келли, ощутив неприятный холодок.

Он не получал газету на квартиру - по вполне очевидным причинам, но сейчас газета ему была необходима. Он вспомнил, что на углу находится автомат, продающий газеты. Ему понадобилось пробежать всего лишь несколько строк.

Что ей известно обо мне?

Винить себя слишком поздно. Келли столкнулся с той же самой проблемой, что и в случае с Дорис. Ксанта спала, когда он занимался теми троими, и пушечные выстрелы разбудили ее. Он завязал ей глаза, усадил в ялик, доставил к причалу, высадил на берег и объяснил, что Берг собирался убить ее. Затем дал девушке достаточно денег, чтобы заплатить за проезд на междугородном автобусе. Несмотря на то что Ксанта была в состоянии наркотического опьянения, она выглядела потрясенной и испуганной. И все-таки теперь она находится в полиции. Как это могло случиться, черт побери?

Не имеет значения как, парень, она в полиции, вот и все.

Как быстро изменилась ситуация, только что казавшаяся такой благоприятной!

Ладно, забудь об этом. Как поступить дальше? С этой мыслью он пошел обратно в квартиру.

Начать с того, что нужно немедленно избавиться от "кольта" 45-го калибра, но Келли уже знал об этом. Даже если он не оставил там никаких вещественных доказательств, пистолет свяжет его с происшедшим. Завершив операцию, он поставит на ней окончательную точку. Но сейчас Келли нуждался в помощи, и кто поможет ему, кроме тех людей, которые научили его профессии убийцы?

- Мне хотелось бы поговорить с адмиралом Гриром. Меня зовут Келли.
- Побудьте у телефона, пожалуйста, - услышал он, и тут же раздался голос адмирала:
- Ты должен был позвонить еще вчера, помнишь?
- Я могу приехать через два часа, сэр.
- Буду ждать.

- Где Каз? - спросил Максвелл. Он был настолько раздражен, что назвал адмирала Подулски по его прозвищу, но старшина понял.

- Я уже звонил ему домой, сэр. Никто не отвечает.
- Забавно. - Это было совсем не забавно, однако старшина понял и это.
- Прикажете кому-то в Боллинге проверить, адмирал?
- Отличная мысль. - Максвелл кивнул и вернулся к себе в кабинет.

Десять минут спустя сержант службы безопасности ВВС вышел из помещения, в котором находился его пост, и поехал к кварталу, где проживали высокопоставленные сотрудники Пентагона. Табличка на воротах, ведущих во двор, гласила: контр-адмирал К. П. Подулски, ВМФ США, и тут же были выгравированы крылья. Сержанту недавно исполнилось двадцать три года, и ему редко приходилось иметь дело с адмиралами, но полученный им приказ недвусмысленно требовал, чтобы он проверил, не случилось ли чего в этом доме. На крыльце лежала утренняя газета. Под навесом стояли два автомобиля, причем на ветровом стекле одного из них виднелся пропуск в Пентагон. Сержант знал, что здесь жили адмирал и его жена. Набравшись храбрости, он постучал в дверь, решительно, но не слишком громко. Ответа не последовало. Тогда он нажал на кнопку звонка. Ничего. Что же делать дальше? - подумал молодой сержант. Все, что располагалось на территории базы, являлось собственностью правительства, и у него было право в соответствии с законом войти в любой дом в пределах его участка. К тому же он получил приказ, и его лейтенант, наверно, окажет ему поддержку. Сержант открыл дверь. В доме царила тишина. Он осмотрел первый этаж и не увидел ничего необычного. Несколько раз сержант окликнул жильцов и, не получив ответа, решил подняться по лестнице. Идя по

ступенькам, он расстегнул белую кобуру...

Адмирал Максвелл приехал через двадцать минут.

- Сердечный приступ, - сообщил врач, вызванный из госпиталя ВВС. - Скорее всего во сне.

Это, однако, не относилось к жене адмирала. Она была такой прелестной женщиной, вспомнил Голландец Максвелл, и гибель сына нанесла ей страшный удар. Полупустой стакан воды стоял на столике рядом с кроватью. Она подложила под стакан носовой платок, чтобы не испортить полированную поверхность, и даже закрыла крышечкой пузырек из-под снотворного, прежде чем лечь рядом с умершим мужем. Максвелл посмотрел в сторону платяного шкафа. На вешалке висела форменная рубашка адмирала, который собирался одеться утром и снова отправиться на службу усыновившей его стране. Левая сторона рубашки была украшена множеством боевых наград, над которыми выделялась бледно-голубая лента с пятью белыми звездами - высшая награда Америки за мужество на поле боя. Максвелл собирался сегодня встретиться с адмиралом Подулски и обсудить его отставку. Смерть Каза почему-то не удивила Максвелла.

- Боже, смилуйся над его душой, - произнес Голландец, думая о том, что результатом операции "Зеленый самшит" пока были потери только среди своих.

Как мне ответить? - спросил себя Келли, въезжая в ворота комплекса ЦРУ в Лэнгли. Несмотря на пропуск, охранник внимательно посмотрел на него, удивляясь, по-видимому, почему это их управление так мало платит своим оперативным сотрудникам. Келли поставил ржавый "фольксваген" на стоянку для гостей - более удобную, чем стоянка для постоянных сотрудников, что показалось ему несколько странным. При входе в вестибюль его встретил офицер службы безопасности, проводивший Келли наверх. Теперь обстановка вокруг казалась ему какой-то зловещей - он шел по серым и монотонным коридорам, населенным безымянными людьми, - но такое впечатление создалось у него только потому, что это здание скоро должно было стать чем-то вроде исповедальни для души, еще не принявшей решение, является она грешной или нет. Раньше ему не приходилось бывать в кабинете Риттера на четвертом этаже - его удивило, что он такой маленький. Келли считал Риттера важным человеком, и Риттер действительно уже занимал высокую должность, но его кабинет еще не соответствовал занимаемому положению.

- Привет, Джон, - поздоровался адмирал Грир, все еще не успевший прийти в себя от телефонного звонка Голландца Максвелла полчаса назад. Он указал Келли на кресло, и дверь закрылась. К раздражению Келли, Риттер курил.

- Рады, что вернулись домой, мистер Кларк? - спросил сотрудник оперативного отдела. На его столе лежала газета "Вашингтон пост", и Келли с удивлением увидел, что новость о происшествии в графстве Сомерсет и в ней находилась на первой странице.

- Да, сэр, можно так сказать. - Оба руководителя ЦРУ тут же обратили внимание на двусмысленность ответа. - Зачем я вам потребовался?

- Я ведь говорил с вами в самолете, когда мы летели обратно. Может оказаться, что ваше решение забрать с собой русского полковника спасет жизни американским военнопленным. Нам нужны люди, способные принимать решения прямо на месте, - такие как вы. Я предлагаю вам работу в моем отделе.

- И чем я должен буду заниматься?

- Выполнять наши поручения, - ответил Риттер. Первое поручение для Келли было уже готово.

- Но у меня нет даже диплома об окончании колледжа. Риттер достал из ящика стола толстую папку:

- Я затребовал из Сент-Луиса эти материалы. - Келли узнал бланки, находившиеся внутри папки. Это было его личное дело из архива Военно-морского флота. - Жаль, конечно, что вы отказались от предложенной вам стипендии. Ваш коэффициент интеллектуальности даже выше, чем я думал, а способности к иностранным языкам лучше моих. Мы с Джеймсом решили, что в вашем случае диплом выпускника колледжа не требуется.

- Кроме того, Джон, немалое значение имеет и твой Морской крест, - объяснил Грир. - Я уж не говорю о том, как успешно ты спланировал операцию "Зеленый самшит" и затем хладнокровно действовал при ее осуществлении.

Разум Келли боролся с инстинктивным желанием отказаться от сделанного ему предложения, но сложность заключалась в том, что он не знал, что из них одерживает верх. И тут он решил, что должен кому-то рассказать правду.

- Это не так просто, джентльмены.

- Почему? - спросил Риттер.

Келли протянул руку через стол и постучал указательным пальцем по статье на первой странице газеты:

- Может быть, сначала прочитаете вот это?

- Я уже прочитал. Ну и что? Кто-то оказал миру большую услугу, - небрежно бросил Риттер и взглянул на Келли.

Его голос тут же изменился, став тихим и осторожным:

- Продолжайте, мистер Кларк.

- Это обо мне, сэр.

- О чем ты говоришь, Джон? - поднял брови адмирал Грир.

- Его личное дело отсутствует, сэр, - послышался по телефону голос работника архива.

- Что вы хотите этим сказать? - возразил Райан. - У меня на столе лежат ксерокопии некоторых документов из этого личного дела.

- Вы не могли бы подождать у телефона? Я сейчас вызову начальника смены. - Шум в телефонной трубке смолк, и Райану пришлось сдерживать раздражение.

Он повернулся и, нахмурившись, посмотрел в окно. Райан позвонил в Центральный архив вооруженных сил в Сент-Луисе. Там хранились все документы, каждый клочок бумаги, каким-то образом связанный с военной службой любого гражданина Соединенных Штатов. Центральный архив представлял собой огромное, тщательно охраняемое хранилище документов, к помощи которого нередко прибегали полицейские.

- Говорит Ирма Рорербах, - послышался голос после каких-то электронных сигналов. Лейтенант тут же представил себе массивную белую женщину, сидящую за столом, заваленным бумагами.

- Здравствуйте. Меня зовут лейтенант Эммет Райан, я служу в департаменте полиции Балтимора. Мне потребовалась информация, содержащаяся в личном деле...

- Сэр, этого личного дела у нас нет. Мне только что показали письменный запрос о его высылке.

- Что вы имеете в виду? Никто не имеет права изымать личное дело из архива. Мне это хорошо известно.

- Сэр, это не совсем так. В некоторых случаях мы обязаны удовлетворить просьбу и выслать личное дело. Это именно такой случай. Документы изъяты и будут возвращены, но мы не знаем когда.

- У кого они находятся?

- Я не имею права говорить об этом, сэр. - Райан понял по ее голосу, что случившееся не пробудило у нее ни малейшего интереса. Личное дело выслано и, пока не вернется обратно, не явится частью окружающей Ирму Рорербах вселенной.

- А вы знаете, что я могу получить судебное постановление по этому поводу? - Обычно такое заявление действовало на нормальных людей, не проявляющих желания получить судебные постановления.

- Да, можете. Чем еще могу вам помочь? - Райан понял, что она привыкла к угрозам такого рода. В конце концов, звонок из Балтимора и письмо от какого-то судьи, находящегося в восьмистах милях от Сент-Луиса, казались такой далекой и тривиальной проблемой. - У вас есть наш почтовый адрес, сэр?

Лейтенант Райан знал, что получить постановление суда он не сможет. У него все еще не хватало убедительных доказательств, чтобы прийти с ними к судье. Обычно подобные вопросы решались не с помощью принуждения, а в качестве дружеской услуги.

- Спасибо, я вам позвоню.

- Всего хорошего. - Это пожелание прозвучало как равнодушная фраза бюрократа, который через пару секунд забудет о случившемся.

Уезжал из страны. Почему? По поручению кого? В чем заключается причина всех необычных событий, происходящих с этим расследованием? Райан знал, что причин может быть много, и сомневался, что ему когда-нибудь станет о них известно.

- Вот так они поступили с ней, - закончил рассказ Келли. Впервые он решился вслух произнести эти слова, а когда говорил о подробностях отчета патологоанатома, ему казалось, что это говорит кто-то другой, а он просто прислушивается к голосу этого человека. - Из-за ее прошлого полиция не проявила к этому делу особого интереса. Мне удалось спасти еще двух девушек. Одну убили. А другая, ну... - Он показал на газету.

- Но почему вы всего лишь высадили ее на берег?

- Мне следовало убить эту девушку, мистер Риттер? Именно так они и собирались поступить с ней, - произнес Келли, все еще глядя вниз. - Когда я ее отпустил, она была более или менее трезвой. У меня не было времени сделать что-то еще. Это мой просчет.

- Сколько?

- Двенадцать, сэр, - ответил Келли, поняв, что Риттер интересуется общим количеством убитых.

- Боже милосердный, - заметил Риттер. Вообще-то ему хотелось улыбнуться. Велись разговоры о том, что ЦРУ может принять участие в борьбе с наркобизнесом. Сам Риттер выступал против этого, поскольку подобные операции отвлекали людей, которым следует заниматься настоящими угрозами безопасности страны. Но сейчас не время для улыбок. Ситуация слишком серьезна. - В статье говорится, что там было двадцать килограммов героина. Это правда?

- Может быть, - пожал плечами Келли. - Я не взвешивал. Есть еще одна проблема. Мне кажется, я знаю, как поступают в страну наркотики. Пакеты героина пахнут бальзамирующим составом - формальдегидом. Они прибывают из Азии.

- Вот как? - спросил Риттер.

- Неужели вы не понимаете? Азиатский героин. Бальзамирующая жидкость. Поступают через Восточное побережье. Разве не очевидно? Они пользуются для транспортировки наркотиков телами наших солдат, убитых во Вьетнаме.

Господи, да кроме всего прочего у него незаурядные аналитические способности.

Зазвонил телефон на столе Риттера. Это был аппарат внутренней связи.

- Я ведь предупредил - ни с кем не соединять! - проворчал в трубку оперативник.

- Это "Билл", сэр. Он говорит, что очень важно.

Трудно придумать более подходящее время, подумал капитан. Пленников вывели из камер в темноте. Снова в лагере не было электричества, и освещением служили фонарики, работающие на батарейках, и несколько факелов, приготовленных его старшим сержантом. У каждого пленника спутаны ноги, что позволяет делать только короткие шажки, а руки и локти связаны за спиной. Все они шли, немного склонившись вперед. Это было сделано не только из соображений безопасности. Не менее важным являлось унижение, и каждого американца сопровождал новобранец, подталкивающий его, направляющий к центру лагерного плаца. Его люди заслужили это, подумал капитан. Они прилежно готовились и теперь скоро начнут свой длинный путь на юг, чтобы завершить задачу освобождения и объединения своей страны. Американцы растерянно озирались по сторонам, явно испуганные этой переменной в обычном распорядке дня. За последнюю неделю они почувствовали себя лучше. Возможно, он совершил ошибку, собрав их раньше на плацу. Может быть, это привело к возникновению у них чего-то похожего на солидарность, но урок, преподанный его солдатам, был все-таки важнее. Скоро они начнут убивать американцев в большем количестве, чем эта группа, капитан не сомневался в этом, но всем нужно когда-то начинать. Он выкрикнул команду.

Все двадцать отобранных им солдат как один подняли автоматы и ударили прикладами в животы американцам. Одному удалось устоять после первого удара, но он упал после второго.

Закариас был удивлен. Это явилось первым избиением, после того как Гришанов остановил вьетнамских солдат несколько месяцев назад. От удара у него из легких с шумом вырвался воздух. Спина по-прежнему болела после неудачного катапультирования, боль усилилась от того, что его намеренно заставили идти в таком неуклюжем положении, и удар прикладом АК-47 со стальной накладкой сразу лишил последних сил его ослабевшее и измученное тело. Полковник свалился на бок, столкнувшись с другим военнопленным, и попытался подтянуть ноги, чтобы хоть как-то защититься. На него тут же посыпались пинки. Закариас даже не мог закрыть лицо, потому что руки были туго, до боли, связаны за спиной, и увидел лицо своего врага. Мальчишка, лет семнадцати, чем-то похожий на девочку, да и выражением лица походивший на куклу - такие же пустые глаза, бессмысленная гримаса. Никакой ярости, даже не оскалил зубы, просто пинал его, как ребенок бьет ногой по мячу, потому что хочет развлечься. Закариас не мог заставить себя ненавидеть мальчишку, только презирал его за жестокость, и даже после того как первый удар перебил ему нос, он продолжал следить за ним, не закрывая глаз. Робин Закариас испытал глубокое отчаяние, его сломали изнутри и заставили отказаться от знакомого ему мира, зато у него было время, чтобы понять происходящее. Сквозь туман боли он твердил себе, что он не трус и не герой, просто человек. Он будет терпеть боль как наказание за совершенную им ошибку и не прекратит молить Бога, чтобы Тот дал ему силы. Полковник Закариас не сводил глаз с лица ребенка, мучающего его. Я вытерплю, говорил он себе. Я терпел и более страшные муки, и даже если умру, все равно я лучше тебя, гласило выражение лица американца, я лучше тебя сейчас и всегда останусь лучше тебя, крошечный солдат. Я пережил одиночество, а это куда хуже, чем удары ногами, парень. Закариас больше не молился об избавлении. В конце концов, избавление приходит изнутри, и, если наступит смерть, он посмотрит ей в лицо, подобно тому как он смотрел в лицо своим слабостям и своим недостаткам.

Послышалась новая команда, и солдаты отошли от своих жертв. Закариас почувствовал еще один, уже последний пинок. По его лицу текла кровь, один глаз почти закрылся, грудь разрывали боль и кашель, но он все еще был жив, все еще оставался американцем и сумел пережить еще одно испытание. Он посмотрел на капитана, командующего солдатами. На лице вьетнамского офицера была видна ярость, в отличие от солдата, сделавшего несколько шагов назад. Интересно, почему? - подумал Закариас.

- Поднять их! - выкрикнул капитан. Оказалось, что два американца потеряли сознание, и понадобилось по два солдата, чтобы поставить их на ноги. Да, это лучшее, что он мог сделать для своих солдат. Еще лучше было бы убить американцев, но приказ, полученный капитаном, запрещал это, и он знал, что его армия не терпит неповиновения.

Закариас смотрел теперь в глаза мальчишки, избивавшего его. В них не было никаких чувств, но Закариас продолжал смотреть, и в его глазах тоже отсутствовали чувства. Это было маленькое и очень личное испытание воли каждого. Ни один не произнес ни единого слова, хотя оба тяжело дышали - мальчишка от напряжения, а Закариас от боли.

Хочешь когда-нибудь снова попробовать? С глазу на глаз, как мужчина с мужчиной. Думаешь, сумеешь справиться, сынок? Ну, ты получил удовольствие? Почувствовал себя более взрослым, парень? Не испытываешь стыда? Ты можешь притворяться сколько угодно, но ведь мы оба знаем, ты и я, кто победил в этом раунде, верно? Солдат подошел к американцу, не сводя с него бесстрастного взгляда, и крепко стиснул руку, стараясь лишить его свободы движений. Закариас понял, что одержал верх. Мальчишка по-прежнему боялся его, несмотря ни на что, ведь американец был одним из тех, кто летал в небе, - да, его ненавидят, но одновременно и боятся. Пытки - оружие трусов, в конце концов, и те, кто прибежал к ним, знали это ничуть не хуже тех, кто им подвергался.

Закариас пошатнулся и едва не упал. Ему трудно было стоять в таком положении, он не мог поднять голову и не видел грузовика, что стоял всего в нескольких футах. Это был выдавший виды русский грузовик с сеткой поверх кузова. Ее назначение - не дать пленникам бежать и в то же время позволить всем их видеть. Их куда-то отправляли. Закариас не имел представления, где он находится, а потому вряд ли мог думать о том, куда их отправляют. Впрочем, трудно найти место хуже того, где он находился все это время, а ведь он сумел выжить здесь каким-то образом, сказал себе Закариас, когда грузовик тронулся с места. Лагерь исчез в темноте, и вместе с ним осталось позади самое тяжелое испытание в жизни полковника. Он наклонил голову и прошептал благодарственную молитву, за которой последовала - впервые за последние месяцы - молитва о спасении, в какой бы форме оно ни явилось.

- Это дело ваших рук, мистер Кларк, - сообщил Риттер, отведя, наконец, взгляд от положенной телефонной трубки.

- Так уж все случилось, сэр. Я не предполагал сделать это.

- Да, верно, но вместо того чтобы убить русского офицера, вы взяли его с собой. - Риттер посмотрел на адмирала Грира. Келли не заметил кивка, изменившего всю его жизнь.

- Жаль, что Каз так и не узнал об этом.

- Итак, что им известно?

- Ксанта находится у них, в тюрьме графства Сомерсет. Что она знает? - спросил Шарон. Здесь же сидел и Тони Пиаджи. Эти двое встретились впервые. На этот раз местом встречи была выбрана уже оборудованная лаборатория в восточном Балтиморе, готовая начать действовать. Лейтенант Шарон, начальник отдела по борьбе с наркотиками, пришел к выводу, что на этот раз - и только на этот - разговор с двумя деятелями наркобизнеса явится безопасным.

- Это большая неприятность, - заметил Пиаджи. Его слова показались собеседникам излишне легковесными, пока он не продолжил:

- Но мы справимся с ней. Прежде всего надо позаботиться о поставке товара моим друзьям.

- Мы потеряли двадцать кило, приятель, - мрачно бросил Таккер. Теперь он ощущал страх. Где-то там, на улицах города, таилась смертельная опасность. У него были все основания для страха.

- У тебя есть еще?

- Да, я держу десять у себя.

- Держишь дома? - изумленно спросил Пиаджи. - Боже мой, Генри!

- Эта сука не знает, где я живу.

- Но ей известно твое имя и фамилия, Генри. Обладая такой информацией, полиция может добиться многого, - сказал Шарон. - Как ты думаешь, черт побери, почему я не допускал своих сотрудников к твоей организации?

- Нам придется всю ее перестроить, - спокойно заявил Пиаджи. - Мы справимся с этим, верно? Нужно действовать, но действовать осмотрительно. Генри, твой товар поступает в Америку где-то в другом месте, правда? Ты доставляешь его сюда, а мы переправляем дальше. Так что переместить твою организацию не составит большого труда.

- Но я утрачу свою местную...

- Да насрать на твою местную сеть. Генри! Я возьму на себя систему распределения продукта на всем Восточном побережье страны. Да подумай же, наконец! Ты теряешь сейчас примерно двадцать пять процентов поступающего в страну товара. Мы сможем компенсировать это количество за две недели. Надо мыслить широко, Генри, теперь, когда мы вошли в высшую лигу.

- Тогда нужно замаскировать наши следы, - продолжил Шарон, на которого произвело впечатление будущее, нарисованное Пиаджи. - Ксанта всего лишь один свидетель, к тому же наркоманка. Когда ее задержали, она была в состоянии наркотического опьянения. Ее заявления как свидетеля не произведут большого впечатления, если только у полиции не найдется дополнительного подтверждения. Стоит вам перебраться в другой город, и все будет в порядке.

- Нужно ликвидировать всех остальных, - настоятельно посоветовал Пиаджи. - И как можно быстрее!

- После того как убили Берта, у меня нет надежных людей. Я мог бы привлечь еще кое-кого, есть знакомые парни... - Ни в коем случае. Генри! Нельзя сейчас брать новых людей. Если хочешь, я позвоню в Филли. У нас ведь там двое ребят, которым мы платим и держим наготове, помнишь? - Генри кивнул, и Пиаджи продолжил:

- Но самое главное - наши друзья должны быть довольны. Нам нужно двадцать кило товара. Его надо срочно обработать и расфасовать немедленно.

- Но у меня только десять, - растерянно пробормотал Таккер.

- А вот я знаю, где есть еще несколько кило. Да и вам это известно. Верно, лейтенант Шарон? - Вопрос потряс полицейского, причем настолько, что он забыл рассказать им еще кое о чем.

Глава 36

Опасные наркотики

Наступило время посмотреть себе в душу. Еще никогда ему не доводилось выполнять такого задания по поручению других, разве что во Вьетнаме, но там были совершенно иные обстоятельства. Келли пришлось съездить в Балтимор, что являлось крайне опасным. Сейчас у него был полный комплект новых документов, бывший владелец которых умер - но это еще требовалось проверить. Почти с ностальгией он вспоминал то время, когда город был для него разделен на две зоны - одну относительно маленькую и опасную, и другую - намного большую и безопасную. Теперь все изменилось. Полиция знала о нем. Теперь он находился в опасности повсюду. В полиции известно его имя. Скоро они увидят и его фотографию, а это означало, что каждый полицейский патруль - их стало сейчас так много - сможет опознать его. И тогда все будет кончено. В конце Концов, он не мог защищаться от полицейских, не мог позволить себе убить ни одного из них.

А теперь вот это... Сегодня все так запуталось. Не прошло и двадцати четырех часов с того момента, как он увидел лицо своей последней цели, но теперь Келли не знал, кончится ли все это когда-нибудь.

Может быть, было бы лучше, если бы он не ступил на путь мщения, если бы он смирился со смертью Пэм и

продолжил свою прежнюю жизнь, терпеливо ожидая, когда полиция закончит расследование. Впрочем, нет, они никогда бы не распутали дело, никогда не нашли бы достаточно времени и сил, чтобы отыскать убийц проститутки. Руки Келли стиснули руль. И тогда ее смерть осталась бы неотомщенной по-настоящему.

Мог бы я жить с этим на своей совести?

Направляясь на юг по шоссе Паркуэй, соединяющему Балтимор с Вашингтоном, он вспомнил из курса средней школы правила построения трагедии по Аристотелю. У главного героя должна быть трагическая слабость, он должен следовать предначертаниям судьбы. Так вот его слабость заключалась в том, что он слишком сильно любил, что у него слишком сильно развиты чувства, наконец, что он слишком привязывался к вещам и людям, затрагивающим его жизнь. Нет, он не мог повернуть назад. Правда, это могло спасти ему жизнь, но тогда жизнь перестала бы быть такой, к какой он привык. И потому он решил рискнуть и довести дело до конца.

Келли надеялся, что Риттер понимает его, чувствует, почему он согласился на порученное ему задание. Он просто не мог отвернуться. Не мог отвернуться от Пэм. Не мог отвернуться от участников “Зеленого самшита”. Келли покачал головой. Нет, это выше его сил. И все-таки ему хотелось, чтобы они предложили это задание кому-нибудь другому.

Питер прав, подумал Хикс. Ему нельзя уходить. Его отец решил, наконец-то взяться за политику, начать работать внутри системы, превратиться в одного из самых влиятельных людей - координатора избирательной компании и ее казначея. Президент будет переизбран на новый срок, и Хикс сможет консолидировать свои силы. Вот тогда он сумеет по-настоящему влиять на события. А как умно он поступил, заложив эту идиотскую операцию по освобождению военнопленных! Да, все развивается так удивительно удачно, подумал Хикс, свертывая третью за этот вечер сигарету с марихуаной. Зазвонил телефон, - Как дела, Уолли? - спросил Питер.

- Все о'кей, приятель. А у тебя?

- Ты свободен? Мне нужно несколько минут, чтобы кое-что с тобой обсудить. - Хендерсон едва удержался от ругательства - он почувствовал, что Уолли опять накурился этого дерьма.

- Через полчаса?

- Хорошо. До встречи.

И тут же послышался стук в дверь. Хикс поспешно погасил сигарету и пошел открывать. Для Питера слишком быстро. А вдруг это полицейский? К счастью, нет.

- Вы - Уолтер Хикс?

- Да. А в чем дело? - Мужчина был примерно его возраста, правда, не такой лохотный.

- Меня зовут Джон Кларк. - Гость нервно оглянулся по сторонам. - Мне нужно поговорить с вами - если не возражаете.

- О чем?

- Об операции “Зеленый самшит”.

- Что вы хотите сказать?

- Есть вещи, о которых вам следует знать, - сказал ему Кларк. Теперь он работал на Центральное разведывательное управление, поэтому его звали Кларком. Почему-то из-за смены имени он почувствовал себя лучше, да и порученное задание легче выполнить.

- Заходите. Только у меня мало времени.

- Для этого хватит. Мне не хочется слишком долго задерживаться.

Кларк вошел в квартиру следом за хозяином и тут же почувствовал запах жженой веревки. Хикс жестом указал ему на кресло напротив.

- Выпьете что-нибудь?

- Нет, спасибо, - ответил Кларк, следя за тем, чтобы ни к чему не прикасаться. - Я был там.

- О чем вы говорите?

- Я был в “Сендер грин” только на прошлой неделе.

- Вы принимали участие в операции? - произнес Хикс, не скрывая любопытства и не замечая опасности, вошедшей к нему в квартиру.

- Совершенно верно. Это я привез в Штаты русского полковника.

- Вы хотите сказать, что похитили советского гражданина? Какое право вы имели, черт побери?

- Почему, мистер Хикс, не имеет Теперь значения. А вот очень важным оказался один документ, который я нашел у него. Это был приказ о ликвидации всех наших военнопленных.

- Очень жаль, - произнес Хикс, небрежно покачав головой, словно говоря: у вас умерла собака? Очень жаль.

- Неужели это все, что вы можете на этот счет сказать? - спросил Кларк.

- Мне действительно жаль, но эти люди поставили на карту свою жизнь. Одну минуту. - Хикс на мгновение закрыл глаза, и Кларк почувствовал, что он пытается припомнить, что же он упустил. - Мне казалось, что в Штаты привезли и коменданта лагеря. Это верно?

- Нет, я застрелил его. Эту информацию передали вашему боссу, чтобы мы смогли опознать предателя, сообщившего врагу о готовящейся операции. - Кларк наклонился вперед. - Это вы, мистер Хикс. Я был там. Операция оказалась бы успешной, и военнопленные встретились бы сейчас со своими семьями - все двадцать человек.

Хикс небрежно отмахнулся:

- Но я ведь не хотел их смерти. Послушайте, как я сказал, во время войны люди ставят на карту свою жизнь.

Разве вы не понимаете, что они боролись за никчемное дело? Ну и как вы собираетесь теперь поступить? Арестуете меня? За что? Не считайте меня идиотом. Это была “черная” операция. Вы не осмелитесь объявить об этом, потому что рискуете сорвать мирные переговоры. Белый дом никогда не допустит этого.

- Верно. Я пришел, чтобы убить вас.

- Что? - Хикс с трудом удержался от смеха.

- Вы предали свою страну. Вы предали двадцать человек и обрекли их на смерть.

- Но я против войны! Для меня это вопрос совести!

- Ничего не поделаешь, мистер Хикс. - Кларк достал из кармана пластмассовый пакет. В нем были наркотики, которые он снял с трупа своего старого друга Арчи, ложечка и стеклянный шприц. Кларк бросил пакет на колени Хикса.

- Я не сделаю этого;, - Справедливо. - Из ножен за спиной появился боевой нож “Ка-Бар”. - Мне приходилось кончать людей и этим. В лагере осталось двадцать американцев, которые сейчас могли быть дома. Вы украли их жизни. Выбирайте, мистер Хикс.

Лицо. Уолли было смертельно бледным, зрачки расширились.

- Перестаньте, ведь вы не сможете...

- Комендант лагеря был врагом моей страны. Вы - тоже. Даю вам одну минуту.

Хикс посмотрел на нож в руке Кларка и понял, что наступил конец. Ему никогда не приходилось видеть таких ледяных глаз, что смотрели сейчас на него. Он знал, что скрывается за ними.

Сидя перед ним, Келли думало прошлой неделе, вспомнил, как лежал в грязи под дождем всего в нескольких сотнях ярдов от людей, так и оставшихся во Вьетнаме. При этой мысли задание показалось ему чуть проще, хотя он надеялся, что больше не придется повиноваться таким приказам.

Хикс оглянулся по сторонам, пытаясь увидеть что-нибудь способное изменить течение событий. Часы на камине, казалось, застыли. Тогда, в Эндове, в 1962 году, перед ним впервые возникла проблема смерти в теоретическом плане. С тех пор он вел свою жизнь в соответствии с аналогичными теоретическими принципами. Для Уолтера Хикса мир представлял собой уравнение, которое надлежало приспособлять и регулировать, как того требовали его нужды. Лишь теперь он понял - слишком поздно, - что был всего лишь крохотной переменной величиной в нем, отнюдь не тем, кто стоит у доски с мелом в руке. Хикс подумал, а не попытаться ли броситься на незнакомца и обезоружить его, но тот уже предугадал такую мысль и наклонился вперед, чуть вытянув перед собой руку с ножом. Взгляд Хикса остановился на тонкой серебряной линии лезвия. Оно выглядело таким острым, что у него перехватило дыхание. Он снова взглянул на часы. Стрелки, оказывается, все-таки двигались.

Питер Хендерсон не торопился с приездом к другу. Был вечер рабочего дня, и Вашингтон рано ложился спать. Все чиновники, их заместители и специальные помощники вставали рано утром и потому должны были как следует выспаться, чтобы на следующий день снова взяться за решение проблем своей страны. В результате тротуары Джорджтауна, бетонные плиты которых поднялись и растрескались от корней деревьев, выглядели пустыми. По дороге Хендерсон увидел лишь одну пожилую пару, прогуливавшую маленькую собаку, а в квартале Уолли он вообще заметил только одного человека - это был мужчина примерно одних с ним лет, ядах в пятидесяти он садился в машину. По шуму двигателя, напоминающему жужжание газонокосилки, Хендерсон опознал “фольксваген”, скорее всего старой модели. Если за этими проклятыми уродцами хоть немного ухаживать, подумал он, они могут бегать по улицам вечно. Еще через несколько секунд Хендерсон постучал в дверь Уолли и заметил, что она даже чуть приоткрыта. В некоторых вопросах Уолли очень небрежен, подумал Хендерсон. Из него никогда не выйдет настоящий шпион. Хендерсон толкнул дверь и вошел в квартиру, готовясь сделать выговор приятелю. И тут он увидел сидящего в кресле Хикса.

Его левый рукав был закатан вверх выше локтя. Правая рука вцепилась в воротник, словно он не мог дышать, однако подлинная причина всего виднелась на внутренней стороне левой руки. Питер не подошел к телу. На мгновение он замер и тут же понял, что должен немедленно уйти.

Хендерсон достал носовой платок, вытер дверную ручку, прикрыл дверь и пошел прочь, стараясь сдерживать желудочные спазмы.

Черт бы тебя побрал, Уолли! - думал он в яростном отчаянии. Ты был нужен мне. Умереть вот так - от излишней дозы наркотика. Смерть была так же очевидна для Хендерсона, как и ее неожиданность. Но смерть друга не поколеблет его убеждений, решил Хендерсон, направляясь домой.

Они ехали всю ночь. Всякий раз, когда грузовик подбрасывало на ухабе, избитые тела мучительно вздрагивали. Трое американцев пострадали больше Закариаса, и двое лежали на полу без сознания. Он ничем не мог им помочь со связанными руками и ногами. И все-таки полковник испытывал какое-то удовлетворение. Каждый раз, когда грузовик объезжал разрушенный мост, военнопленные испытывали ощущение победы. Кто-то продолжал войну. Кто-то наносил урон этим ублюдкам. Несколько американцев о чем-то перешептывались, и охранник, сидевший у заднего борта, не слышал этого из-за рева мотора. Закариас не знал, куда их везут. Из-за того, что небо было затянуто облаками, он не мог ориентироваться и по звездам, но с наступлением рассвета полковник заметил, где находится восток, и ему стало ясно, что они едут на северо-запад. На такое трудно надеяться, сказал себе Робин, но затем решил, что надежда умирает последней.

Келли с облегчением вздохнул, когда все закончилось. Смерть Уолтера Хикса не принесла ему удовлетворения. Разумеется, он был предателем и трусом, но все-таки можно было найти другой выход. Келли остался доволен тем, что Хикс решил покончить с собой, - он совсем не был уверен, что мог бы убить его ударом ножа или как-нибудь по-другому. Но такие чувства испытывают все, подумал Келли.

Он сложил свои вещи в чемодан, настолько большой, что там поместилось все, отнес его в арендованный автомобиль, и на этом проживание в квартире закончилось. Была уже полночь, когда он снова поехал на юг, готовый к завершающей фазе операции.

Для Чака Монроу наступила спокойная жизнь. Он по-прежнему выезжал на вызовы по поводу ограблений и других преступлений, но убийства торговцев наркотиками в его округе прекратились. Отчасти он жалел об этом и даже признался в этом за ленчем другим патрульным полицейским - впрочем, в его случае это было не ленчем, а не имеющим название перекусом в три часа утра.

Монроу ездил в своем оборудованном радио автомобиле по маршруту полицейского патруля, стараясь углядеть, что выпадает из обычной жизни в его округе. Он заметил, что на месте Джу-Джу торгуют теперь двое других дилеров. Монроу еще не знал их уличных кличек, но надеялся, что, может быть, какой-нибудь осведомитель сообщит их. Не исключено, что сотрудники отдела по борьбе с наркотиками возьмутся, наконец, за очистку района. Кто-то уже брался за это, хотя ненадолго, подумал он, направляясь на запад, к границе района патрулирования. Какой-то уличный бродяга, опустившийся алкоголик. При этой мысли, не видная в темноте машины, на лице полицейского появилась улыбка. Неофициальное название расследования казалось ему таким удачным. Невидимка. Поразительно, что газетам еще не удалось пронюхать об этом. Такие мысли обычно появляются, когда ночь выдается особенно скучной.

Впрочем Монроу был только благодарен судьбе за это. Сегодня многие не спят, смотрят по телевизору, как "Ориолес" задает жару "Янки". Он уже понял, что часто уличная преступность напрямую связана со спортивными матчами. "Ориолес" рвался сейчас к финалу. В этом ему помогли блестящие способности братьев Робинсон - подающего Фрэнка и кэтчера Брукса. Даже бандитам нравился бейсбол, подумал Монроу, озадаченный этим, но вынужденный признать столь очевидный факт. Предстояла скучная ночь, но он был доволен. Это позволит ему ездить по улицам, наблюдать, учиться и думать. Монроу знал всех постоянных прохожих и теперь старался заметить все, что выглядит необычно, следить за тем, что происходило за окошками автомобиля, как и полагается опытному полицейскому, принимать решения, во что вмешаться, а на что не обращать внимания. Научившись этому, он сможет предупреждать преступления, а не просто реагировать на них. Нелегко овладеть таким искусством, подумал Монроу.

Западная граница его района проходила по улице, протянувшейся с севера на юг. Одна сторона улицы относилась к его участку, противоположная - к участку другого полицейского патруля. Монроу начал было поворачивать на эту улицу, как его внимание привлек уличный бродяга. По какой-то причине он показался ему знакомым, хотя и не был одним из тех, кого Монроу останавливал и обыскивал несколькими неделями раньше. Полицейскому надоело сидеть в машине, он устал смотреть по сторонам на пустынные тротуары - всего один штраф за нарушение правил уличного движения за весь вечер! - и потому Монроу подъехал к обочине.

- Эй, приятель, погоди-ка! - окликнул бродягу полицейский. Тот продолжал идти вперед неровным спотыкающимся шагом. Может быть, стоит арестовать его за появление в общественном месте в нетрезвом виде? Впрочем, скорее всего это бродячий алкоголик, мозг которого уже давно не действует из-за бесконечных бутылок дешевого вина. Монроу сунул дубинку в кольцо на поясе и ускорил шаг, догоняя бродягу. Расстояние между ними было всего футов пятьдесят, но старый алкаш ничего, наверно, не слышал, даже не замечал шлепанья собственных кожаных каблук по тротуару. Рука полицейского опустилась на плечо бродяги. - Я ведь сказал тебе - погоди!

Прикосновение мгновенно изменило ситуацию. Плечо бродяги было широким и мускулистым - и твердым от напряжения. Монроу просто не ожидал этого, он чувствовал себя слишком усталым, его реакция оказалась слишком медленной, он слишком полагался на свое зрение, и хотя в голове тут же пронеслась мысль - это Невидимка! - тело полицейского не было готово к немедленным действиям. А вот у бродяги все оказалось другим. Едва ли не в тот момент, как рука Монроу опустилась ему на плечо, мир перевернулся вверх ногами, полицейский увидел промелькнувшее, перед ним небо, затем асфальт тротуара и снова небо, но теперь зрелище звезд закрылось рукой с пистолетом.

- Почему ты не остался, черт побери, в своем гребанном автомобиле? - раздался сердитый мужской голос.

- Кто...

- Молчать! - Дуло пистолета прижалось к его лбу и почти заставило Монроу замолчать, но он увидел руки в тонких хирургических перчатках и не смог сдержаться.

- Боже мой! - с уважением прошептал полицейский. - Так это ты.

- Да. Что же мне делать теперь с тобой? - произнес Келли.

- Умолять не стану. - Келли прочитал табличку на груди полицейского - Монроу. Действительно, молитва о пощаде он, похоже, не будет.

- Тебе и не придется. Перевернись - быстро! - Почувствовав помощь, полицейский послушно повернулся на живот. Келли снял наручники с его пояса и защелкнул их на кистях полицейского за его спиной. - Успокойся, Монроу.

- Что вы хотите этим сказать? - голос полицейского звучал спокойно, и Келли почувствовал восхищение перед его

мужеством.

- Хочу сказать, что я не собираюсь убивать полицейских. - Келли встал, поднял Монроу и повел его обратно к машине.

- Это ничего не изменит, приятель, - заметил полицейский, стараясь говорить как можно тише.

- Неужели. Где у тебя ключи?

- В правом кармане.

- Спасибо. - Келли достал ключи и усадил полицейского на заднее сиденье автомобиля. От переднего сиденья его отделяла сетка, не позволявшая арестованным приставать к водителю. Келли сел за руль, включил двигатель и быстро загнал патрульную машину в узкий переулок. - Рукам не больно? Наручники не слишком туго их стягивают?

- Нет, мне здесь прямо-таки прекрасно. - Келли заметил, что полицейский прямо-таки дрожит, главным образом от ярости. Ну что ж, это вполне понятно.

- Успокойся. Я не причиню тебе вреда. Запру машину и брошу ключи в канализацию.

- По-твоему я должен тебя поблагодарить? - спросил Монроу.

- Разве я просил тебя об этом? - Келли едва удержался от того, чтобы извиниться перед полицейским за то, что поставил его в такое неловкое положение. - Ты оказался слишком неосторожным, полицейский Монроу. В следующий раз будь начеку.

Выйдя из машины, Келли почувствовал такое облегчение, что едва не рассмеялся. Слава Богу, подумал он, снова направляясь на запад. Значит, они все еще останавливают и проверяют уличных бродяг. Вообще-то он надеялся, что полицейским за истекший месяц это уже надоело. Еще одно осложнение. Теперь Келли старался скрываться в тени и идти переулками.

Это была лицевая часть магазина, точно как сообщил ему Билли и подтвердил Берг, закрытого магазина с пустыми витринами и заброшенными домами слева и справа. Какие это были разговорчивые парни, стоит только заговорить с ними должным образом, вспомнил Келли. Он посмотрел на пустующий магазин с другой стороны улицы. Несмотря на то что на первом этаже все было запущено, на верхнем горел свет. Дверь, ведущая внутрь, увидел Келли, закрыта на большой латунный замок. Черный вход, тоже, наверно, заперт. Ну что ж, можно прибегнуть и к другим средствам. Он чувствовал, как уходит время. Полицейские регулярно докладывают дежурному в участке, но даже если бы и не докладывали, рано или поздно дежурный вызовет Монроу с приказом снять с дерева чье-нибудь котенка, а если он не ответит, сержант тут же вышлет патрульную машину для проверки, и затем полицейские запрудят весь район в поисках исчезнувшего коллеги. Поиски будут тщательными, и Монроу обнаружат. Келли даже не хотелось думать о такой возможности, да и размышления на эту тему не принесут никакой пользы.

Быстрым шагом он пересек улицу, впервые вынырнув из тени домов. Кругом было пусто. Оценив возможную опасность, он заключил, что в данном случае разумный риск и безумие примерно равны. С другой стороны, разве вся операция не являлась безумной с самого начала? Он снова оглянулся по сторонам - никого, тогда достал нож и стал отковыривать замазку по краям стекла в старой деревянной двери. Возможно, взломщики были менее терпеливыми, подумал Келли, или просто глупыми, а может быть, действовали более умело, отковыривая замазку обеими руками. Ему потребовалось на это шесть бесконечных минут, причем работать пришлось под ярким светом уличного фонаря, который находился меньше чем в десяти футах. Наконец Келли вынул стекло из рамы и осторожно опустил его на землю, сумев дважды порезаться. Он безмолвно выругался, глядя на глубокий порез на левой руке, затем протиснулся боком через образовавшееся отверстие и направился к задней части здания. Наверно, это был семейный магазин, разорившийся или просто покинутый, потому что вся округа умирала. Ничего не поделаешь, могло быть и хуже. Покрытый пылью пол был почти чист от мусора. Рядом с черным ходом он увидел лестницу, ведущую наверх, и начал подниматься по ней, держа в руке крупнокалиберный "кольт".

- Верно, детка, мы неплохо повеселились, но вечеринка закончилась, - послышался мужской голос. Келли различил в нем грубую насмешку. Затем донесся умоляющий женский лепет:

- Ну пожалуйста..., ведь ты не хочешь сказать, что...

- Извини, детка, но такова жизнь, - произнес другой мужской голос. - Ты займись ею, а я пройду в переднюю комнату.

Келли осторожно шагнул в коридор. И здесь на грязном полу не было мусора. Деревянные доски старые, но их недавно...

Доска скрипнула.

- Кто там?

Келли замер и тут же понял, что у него нет ни времени, чтобы спрятаться, ни места куда. Он проскочил оставшиеся пятнадцать футов до двери и бросился на пол, одновременно поднимая пистолет.

В комнате было двое мужчин - оба молодые, чуть за двадцать. Он не различал их лица, увидел только очертания фигур, и его мозг молниеносно оценил обстановку, отбросив все лишнее и сосредоточившись на самом главном: размеры, расстояние, движения. Один из мужчин успел протянуть руку за револьвером и даже достал его из-за пояса, но в это мгновение две пули попали ему в грудь, а третья - в голову. Келли направил пистолет на второго, еще до того как мертвое тело рухнуло на пол.

- Боже милосердный! Нет, не стреляй! - Маленький никелированный револьвер выпал из руки мужчины. Из другой комнаты донесся громкий крик: Келли не обратил на него внимания и поднялся на ноги. Дуло "кольта" смотрело на второго, мужчину, словно прикованное.

- Они хотят убить нас, - расслышал он робкий голос, испуганно, но замедленно произносящий слова.

- Сколько их? - бросил Келли, не глядя на женщину.

- Только вот эти двое. Они собираются...
- Теперь вряд ли, - успокоил ее Келли. - Как тебя зовут?
- Паула, - услышал он, продолжая смотреть на мужчину и не отводя от него дула пистолета.
- А где Мария и Роберта?
- Они в передней комнате, - сказала Паула, все еще слишком растерянная, чтобы подумать, откуда ему известны имена девушек. Мужчина ответил вместо нее:

- Они перебрали, приятель. - Давай поговорим, чувствовалось в его взгляде.
- А ты кто? - Дуло пистолета 45-го калибра, направленное на человека, делает его удивительно разговорчивым, подумал Келли, не подозревая, как выглядят его глаза за мушкой ствола.
- Фрэнк Молилари. - Ответ свидетельствовал об осознании факта, что Келли не полицейский.
- Откуда приехал, Фрэнк? А ты оставайся на месте! - приказал Келли Пауле. Он держал пистолет на уровне плеч, прислушиваясь к возможной опасности.

- Из Филли. Послушай, приятель, мы можем договориться, а? - Он дрожал всем телом, поглядывая на брошенный им револьвер, не понимая, что же происходит.

Странно. Почему парни из Филадельфии занимаются грязной работой ради Генри? промелькнуло в голове у Келли. Те двое в лаборатории говорили с таким же акцентом. Тони Пиаджи. Ну конечно, мафия, а Филадельфия...

- Приходилось бывать в Питтсбурге, Фрэнк? - неожиданно для самого себя спросил Келли.

Молилари озадаченно посмотрел на него:

- Откуда это тебе известно? На кого ты работаешь? - не задумываясь выпалил он.

- Ведь ты убил там Дорис и ее отца?

- Но это просто работа, приятель? Ты что, никогда таким не занимался?

Келли ответил ему единственным возможным способом, и вслед за выстрелом из передней комнаты донесся еще один громкий крик. Он опустил пистолет. Наступил момент все обдумать. Стрелки часов неумолимо двигались вперед. Келли подошел к лежащей Пауле и помог ей встать.

- Больно!

- Вставай, пошли за твоими подругами.

На Марии были одни трусики, и она находилась в таком глубоком наркотическом опьянении, что не могла смотреть по сторонам. Роберта была в сознании и дрожала от страха. Келли не собирался их разглядывать, по крайней мере сейчас. Не было времени. Он собрал их вместе, помог спуститься по лестнице и вывел наружу. Все трое были босиком. Из-за наркотиков, грязи и осколков стекла на тротуаре они двигались словно инвалиды, всхлипывая и плача. Келли подгонял их, заставляя идти быстрее, он опасался даже любой проезжающей мимо машины, потому что это могло положить конец всем его усилиям. Сейчас самым главным было спешить, и потребовалось десять таких же бесконечных минут, как те, когда он спускался с холма у "Сендер грин", пока Келли не увидел, наконец, что полицейский автомобиль находится на том же месте, где он его оставил. Келли отпер ключами переднюю дверцу и скомандовал женщинам залезать внутрь. Он соврал Монроу про ключи.

- Какого черта! - возмутился полицейский. Келли передал ключи Пауле, которая, казалось, была в относительно нормальном состоянии, чтобы управлять машиной. По крайней мере она ухитрилась держать голову прямо. Две другие девушки прижались друг к другу на правой стороне переднего сиденья, стараясь не касаться ногами радио.

- Полицейский Монроу, эти девушки отвезут вас в участок. У меня есть для вас сообщение. Вы готовы выслушать меня?

- Что, у меня есть, выбор, мудака?

- Вы хотите защищать чувство собственного достоинства или получить надежную информацию? - произнес Келли, стараясь говорить как можно разумнее.

- Ладно, продолжайте.

- Вы должны рассказать об этом сержанту Дугласу - только ему, никому больше. Эти девушки находятся в отчаянно опасном положении. Они могут оказать содействие полиции в расследовании нескольких серьезных преступлений. Говорите только с ним, понимаете? - Попробуй надеть глупостей, и я разыщу тебя, красноречиво говорили глаза Келли.

Монроу все понял и кивнул:

- Хорошо.

- Паула, поезжай и ни в коем случае не останавливайся, что бы ни случилось, что бы он ни говорил тебе, ясно? - Девушка согласно кивнула - она видела, как он только что убил двоих. - Поезжай!

Вообще-то она все еще находилась под воздействием наркотиков и ей не следовало управлять автомобилем, но это было лучшее, что он мог сделать. Полицейский автомобиль тронулся с места и поехал по переулку, на полпути задев крылом телефонный столб, затем повернул за угол и исчез. Келли глубоко вздохнул и пошел к своей машине. Ему не удалось спасти Пэм, и он не спас Дорис. Зато он спас этих троих и еще Ксанту, с опасностью для собственной, жизни, причем риск был временами ненамеренным и необходимым. Этого было почти достаточно.

Но не совсем.

Конвою из двух грузовиков пришлось петлять даже больше, чем планировалось, и они прибыли к месту назначения только после полудня. Местом назначения была тюрьма Хоа-Ло. Название означало "место костров для

приготовления пищи”, и ее репутация была хорошо известна американцам. Когда грузовики въехали во двор и охранники заперли ворота, пленников выпустили из кузовов. И здесь каждому американскому офицеру придали отдельного охранника, который отвел его внутрь здания. Им позволили выпить , по глотку воды и не дали ничего больше, прежде чем разместили по отдельным камерам в разных концах тюрьмы, и полковник Робин Закариас оказался наконец в своей камере. Она мало отличалась от той, где он помещался раньше. Американец нашел удобное место на полу и сел, усталый после утомительного переезда, опершись спиной и головой о стену. Прошло несколько минут, прежде чем он услышал стук.

Побриться и постричься, шестьдесят центов.

Побриться и постричься, шестьдесят центов.

Глаза Закариаса широко открылись. Надо подумать. Военнопленные использовали для разговоров перестукиванием простой и старый как мир код связи - алфавит.

A B C D E

F G H I J

L M N O P

Q R S T U

V W X Y Z

Тук-тук-тук - пауза - тук-тук.

5/2, подумал Робин, новизна происходящего боролась у него с усталостью. В латинском алфавите это вторая буква в пятом сверху ряду. О'кей, это не так уж трудно.

2/3, 3/4. 4/2, 4/5.

Тук-тук-тук-тук-тук. Робин прервал стук своим ответом.

4/2, 3/4, 1/2. 2/4, 3/3. 5/5, 1/1, 1/3.

Тук-тук-тук-тук-тук.

1/1, 3/1, 5/2, 1/1, 3/1.

Уоллес? Эл? Он жив? Тук-тук-тук-тук-тук.

КАК Ты? - спросил он своего друга, которого знал пятнадцать лет.

СПРАВЛЯЮСЬ, - последовал ответ, затем дополнительная фраза для жителя штата Юта:

1/3, 3/4, 3/2, 1/5, 1/3, 3/4, 3/2, 1/5, 5/4, 1/5...

Придите, придите, святые отцы”.

Робин изумленно выдохнул воздух, уже не слыша стука. У него в голове раздавались мощные звуки знаменитого мормонского хора, звуки музыки, он ощущал значимость этого.

Тук-тук-тук-тук.

1/1, 3/1, 3/1, 2/4. 4/3, 5/2, 1/5, 3/1, 3/1, 1/1. 3/1, 3/1, 2/4, 4/3, 5/2, 1/5, 3/1, 3/1...

Робин Закариас закрыл глаза и вознес молитву своему Богу во второй раз за сутки и второй раз за год. Каким он был, оказывается, глупым, когда считал, что спасение не придет. Станным было место для этой мысли, еще более странными обстоятельства, но в соседней камере находился еще один мормон, его единоведец, и Закариас задрожал всем телом, когда услышал самый любимый из гимнов, последняя строчка которого была совсем не ложью, а подтверждением правды.

Все хорошо, все хорошо.

Монроу не знал, почему эта девушка, Паула, не прислушивалась к его словам. Он пытался уговаривать, пробовал скомандовать ей, но она продолжала ехать, правда, следуя его указаниям. Машина медленно ползла по пустынным в это раннее утро улицам со скоростью десять миль в час и даже при такой скорости виляла по асфальту из стороны в сторону. Чтобы доехать до участка, понадобилось сорок минут. Дважды Паула сворачивала не туда, путая левую сторону с правой и наоборот, а один раз вообще остановила машину, когда одну из женщин стошнило через открытое окно. Постепенно Монроу начал понимать, что происходит. Осознание сложилось после того, как у него появилось время подумать.

- Но что он сделал? - спросил Монроу.

- О-о-н-и со-собирались убить нас, как убили остальных, но он застрелил их!

Боже мой, подумал Монроу. Теперь все ясно.

- Паула?

- Да?

- Ты знала девушку по имени Памела Мэдден? Она медленно кивнула, снова стараясь сосредоточиться на управлении автомобилем. Полицейский участок был уже перед ними.

- Господи милосердный, - выдохнул полицейский. - Паула, поворачивай на стоянку, ладно. Подъезжай к зданию сзади..., молодец..., теперь можешь остановиться. Хорошо. - Машина замерла на месте, и Паула стала жалобно плакать. Монроу ничего не оставалось, как подождать пару минут, когда ее рыдания чуть стихнут, и теперь полицейский почувствовал страх не за себя, а за них. - А сейчас выпусти меня из машины.

Девушка прежде открыла свою дверцу, а затем заднюю. Полицейскому понадобилось помочь встать на ноги, и Паула инстинктивно пришла ему на помощь.

- Среди автомобильных ключей есть ключ от наручников, мисс. Постарайтесь отпереть замок. - Пауле понадобилось три попытки, прежде чем руки полицейского освободились. - Спасибо.

- Надеюсь, у вас серьезная причина! - сердито проворчал Том Дуглас. Телефонный провод упал на лицо его жены, и она тоже проснулась.

- Сержант, говорит Чак Монроу из западного округа. У меня трое свидетелей убийства у фонтана. - Он сделал паузу. - И мне кажется, что Невидимка прикончил еще двоих. Он сказал мне, чтобы я говорил только с вами.

- Что? - В темноте на лице детектива появилась недоуменная гримаса. - Кто вам сказал?

- Невидимка. Вы не могли бы прибыть в участок? Это длинная история, сэр.

- Вот что, Монроу, не разговаривайте об этом ни с кем. Ни с одним человеком, понятно?

- Он тоже говорил мне об этом.

- В чем дело, милый? - спросила Беверли Дуглас, подобно мужу полностью очнувшаяся от сна.

Прошло восемь месяцев со дня смерти маленькой стройной девушки по имени Элен Уотерс. Затем такая же участь постигла Па-мелу Мэдден. Затем Дорис Браун. Ну а теперь он сумеет арестовать этих ублюдков, подумал Дуглас. Он ошибался.

- Что ты здесь делаешь? - спросила Сэнди мужскую фигуру, стоящую рядом с ее автомобилем, тем самым, который он исправил.

- Пришел попрощаться с тобой, Сэнди, - тихо произнес Келли.

- Что ты хочешь этим сказать?

- Мне придется уехать на некоторое время. Не знаю, надолго ли.

- Куда на этот раз?

- Не могу сказать.

- Опять во Вьетнам?

- Может быть. Не знаю точно. Честное слово. Сейчас просто не время для этого - впрочем, так всегда, подумала Сэнди. Было рано, а ей следовало быть в больнице к половине седьмого, и хотя она не опаздывала, у нее просто не было и нескольких минут, чтобы все рассказать.

- Но ты вернешься?

- Если хочешь - вернусь.

- Хочу, Джон.

- Спасибо. Сэнди..., я спас четырех, - сказал он.

- Четырех?

- Четырех девушек, таких же как Пэм и Дорис. Одна из них на восточном берегу" а три другие в городском полицейском участке, Ты можешь о них позаботиться?

- Да.

- И что бы ты ни услышала обо мне, я вернусь. Прошу тебя, верь в это.

- Джон!

- Сейчас не время, Сэнди. Я вернусь, - пообещал он и ушел.

Оба - Райан и Дуглас - были без галстуков. Оба пили кофе из стайрофомовых стаканчиков, пока парни из лабораторий занимались своим делом.

- Две пули в теле и одна в голове, - сказал один. - Жертва всегда остается мертвой. Работа профессионала.

- Причем настоящего, - прошептал Райан, обращаясь к своему коллеге. Убийца стрелял из пистолета 45-го калибра. Другого не могло быть. Никакие другие пули не оставляют столь страшные раны - к тому же на деревянном полу лежало шесть латунных гильз, каждая была очерчена мелом для фотографа.

Три женщины находились в камере западного участка, вход в камеру охранял вооруженный полицейский. Райан и Дуглас успели недолго поговорить с ними, чтобы убедиться, что они являются свидетельницами против некоего Генри Таккера, убийцы. Имя, описание внешности и ничего другого, однако и это несравненно больше того, что было в их распоряжении всего несколько часов назад. Сначала они проверят собственную картотеку в поисках имени, затем обратятся в ФБР, чтобы там справились с картотекой известных им преступников, охватывающей всю страну, и, наконец, станут расспрашивать на улице, у всех стукачей и осведомителей. Наведут справки в бюро регистрации автомобилей. Подобная процедура была общепринятой, и, зная имя, они неизбежно отыщут его, рано или поздно. Но перед ними стояла еще одна небольшая проблема.

- Значит, оба не из нашего города? - спросил Райан.

- Да, они из Филадельфии. Фрэнсис Молилари и Альберт д'Андино, - подтвердил Дуглас, читая имена по их водительским удостоверениям. - Ты готов поспорить...

- Нет, Том. - Он повернулся, держа в руке фотографию. - Монроу, это лицо не кажется вам знакомым?

Полицейский взял маленькую фотографию, переснятую с удостоверения личности, и посмотрел на нее в тусклом освещении окон верхнего этажа. Через несколько секунд он покачал головой:

Нет, сэр.

- Как это нет? Вы были лицом к лицу с этим парнем.
- Более длинные волосы, грязь на лице, да и когда мы были рядом, я видел главным образом дуло “кольта”. Все произошло слишком быстро и в темноте.

Это было опасным и нелегким делом - впрочем, ничего необычного. Перед входом стояли четыре автомобиля, и потому Келли не мог позволить себе никакого шума, но в то же время под прикрытием машин было безопаснее. Прижимаясь к крошечному укрытию, образованному подоконником заложенного кирпичной кладкой окна, он протянул руку к телефонному кабелю. Келли надеялся, что в данный момент никто не пользовался телефоном, и перерезал кабель, после чего быстро подсоединил свои провода. Сделав это, он спрыгнул на тротуар и двинулся вдоль стены здания, разматывая за собой моток телефонного провода, который ложился вслед за ним на асфальт. Потом он повернул за угол, держа в левой руке катушку провода, словно коробку с бутербродами для ленча, неторопливо пересек пустынную улицу, как будто привык ходить здесь всегда. Еще сто ярдов - и он повернул снова, тут Келли вошел в заброшенное здание и поднялся на свой наблюдательный пункт. Оставив там почти размотанную катушку, он вернулся к машине и достал из багажника остальное снаряжение, в том числе свою любимую фляжку с водой из-под крана и запас “сникерсов”. Подготовившись таким образом, он устроился поудобнее и принялся за работу.

Винтовка еще не была как следует пристреляна. Это могло показаться безумным, но отличной целью для пристрелки могло послужить здание напротив. Сидя у окна, он приложил винтовку к плечу и принялся искать подходящую цель на стене. Вон кирпич, отличный по цвету. Келли полувыдохнул, посмотрел в оптический прицел, настроенный на самое высокое увеличение, и медленно нажал на спусковой крючок.

Ощущение от стрельбы оказалось необычным. Вообще малокалиберная винтовка с патроном бокового огня калибра 5, 6 миллиметра обладает очень слабым хлопком выстрела, а со сложным и совершенным глушителем, изготовленным им и навинченным сейчас на ствол, он впервые в жизни услышал музыкальный удар бойка по капсюлю, за которым тут же последовал едва различимый хлопок взорвавшегося порохового заряда. Новизна всего этого чуть отвлекла Келли от гораздо более громкого удара пули по цели. На кирпиче в двух дюймах влево и в одном дюйме выше перекрестия появилось облачко красной пыли. Келли отрегулировал прицел Леполда и выстрелил снова. Точно в цель. Идеально. Он передернул затвор, выбросил гильзу из патронника и вложил в магазин еще три патрона, затем перевел увеличение на низкое.

- Ты слышал? - устало спросил Пиаджи.
- Что? - поднял голову Таккер. Они работали уже больше двенадцати часов, занимаясь трудом, который, как ему казалось, остался позади навсегда. И все-таки не сделана даже половина работы, несмотря на двух “солдат”, присланных семьей из Филадельфии. Тони это тоже не нравилось.

- Словно что-то упало, - заметил Тони, покачав головой и снова склонившись над тазом. Единственным положительным результатом всего этого будет уважение, которое он заслужит, когда расскажет о происшедшем своим знакомым по всему побережью. Серьезный человек, этот Антони Пиаджи, станут говорить они. Когда операция оказалась на грани срыва и все летело под откос, он сам занялся черной работой. Если Пиаджи обещает поставить товар, он это сделает. На Тони можно положиться. Такую репутацию заслужить непросто, пусть даже она стоит немалых усилий. Эта мысль подняла ему настроение почти на полчаса.

Тони разрезал еще один пакет, снова ощутив исходящий от него отвратительный химический запах. Впрочем, происхождение его он не сумел определить. Тончайший белый порошок посыпался в таз. Следом туда посыпалась пудра из молочного сахара. Тони принялся смешивать их ложками, стремясь достигнуть равномерности. Пиаджи не сомневался, что существуют механизмы, способные исполнять эту работу, но они, наверно, слишком громоздкие - вроде тех, что используются в хлебопекарнях. Его сознание протестовало против такой работы, потому что она была для “маленьких” людей, наемников. Но сейчас важно было не сорвать сроки поставок.

- Ты что-то сказал? - устало поинтересовался Генри.

- Нет, ничего. Просто так. - Пиаджи сосредоточил все внимание на работе. Куда, черт побери, делись Альберт и Фрэнк? Они должны были приехать сюда пару часов назад. Наверно, слишком много о себе думают, раз умеют убивать, будто это что-то значит.

- Привет, лейтенант. - Сержант, что заведовал складом полицейского департамента, где хранились вещественные доказательства, был дорожным полицейским патрульным, пока не столкнулся на своем мотоцикле с неосторожным водителем. В результате он потерял ногу, и его перевели на административную работу. Это вполне устраивало сержанта. Теперь у него был свой стол, свой кофе и пирожки, которые он приносил из дома, а также газета, занимавшие время, свободное от выполнения непосредственных обязанностей, на что уходило часа три из восьмичасовой смены. В полиции это называлось отставкой с продолжением службы.

- Как семья, Гарри?

- Полный порядок, спасибо. Чем могу помочь?

- Мне нужно проверить номера на пакетах с наркотиками, которые я доставил сюда на прошлой неделе, - сказал ему Шарон. - Подозреваю, что мы их перепутали. Так что, - он пожал плечами, - решил проверить лично.

- О'кей, лейтенант, сейчас я встану и схожу...

- Сиди, Гарри, и читай свою газету. Я знаю, где они находятся, - произнес Шарон и дружески похлопал его по плечу. Вообще-то никому не разрешалось заходить в это помещение без сопровождения дежурного сержанта, но Шарон был лейтенантом, а у Гарри не было ноги и протез причинял боль.

- А ты здорово его шлепнул, Марк, - сказал сержант в спину уходящему лейтенанту. Ну и что? подумал он, в конце концов, это же сам Марк застрелил парня, который вез эти наркотики.

Шарон оглянулся по сторонам, прислушиваясь, не слышно ли шагов еще какого-нибудь посетителя. Все было тихо. Да, за это они заплатят ему по-королевски. А то готовы уже перевести операцию в другой штат. Что же, он останется без дополнительного заработка? Снова придется охотиться за мелкой рыбешкой, уличными дилерами... Впрочем, это тоже не так уж плохо. В банке у него уже хранится кругленькая сумма, достаточная, чтобы выплачивать деньги на содержание бывшей жены и на образование их общих детей, да и ему еще останется. Не исключено, что скоро его повысят в должности, оценив успешную работу по ликвидации нескольких крупных поставщиков..., вот они.

Шесть килограммов, изъятые им из автомобиля убитого Эдди Морелло, лежали в картонной коробке на третьей полке, именно там, где им следовало находиться. Он снял коробку и заглянул внутрь, чтобы убедиться в этом. Каждый из килограммовых пакетов пришлось вскрыть, взять пробу и подвергнуть лабораторному анализу. Техник, занимавшийся этим, запечатал пакеты снова и поставил на ярлыках свои инициалы, подделать которые не составляло труда. Шарон извлек из карманов брюк и пиджака пластиковые килограммовые пакеты сахарной пудры, внешне ничем не отличавшейся от героина. Теперь только его отдел будет иметь дело с этими пакетами как с вещественными доказательствами, а для этого сотрудникам требовалось его собственное разрешение. Через месяц он пошлет письмо с рекомендацией уничтожить вещественные доказательства в связи с завершением расследования. Капитан даст согласие. И он, лейтенант Шарон, в присутствии других полицейских высыпет содержимое пакетов в канализацию, а сами пластмассовые пакеты будут сожжены, так что не останется никаких следов. Все казалось таким простым. Три минуты спустя он уже шел вдоль полок, направляясь к выходу.

- Ну что, номера совпали?

- Да, Генри, спасибо, - кивнул лейтенант, прощально махнув рукой.

- Ответьте кто-нибудь этому гребанному телефону, - проворчал Пиаджи. Кто может звонить сюда, черт побери? К телефону подошел один из парней, присланных из Филли, по пути он приостановился, чтобы закурить сигарету.

- Слушаю. - Он повернулся. - Генри, это тебя.

- Какого черта? - Таккер выпрямился и направился к телефону.

- Как поживаешь, Генри? - спросил Келли. Он подключил полевой телефон к линии, ведущей внутрь здания, и отрезал его таким образом от остального мира. Сейчас он сидел рядом с телефонным аппаратом, ручку которого повертел, чтобы на другом конце линии послышался звонок. Все это было весьма примитивно, но знакомо для него и удобно. Главное, телефон действовал.

- Кто это?

- Меня зовут Келли, Джон Келли, - сказал он Таккеру.

- И кто такой Джон Келли?

- Четыре человека убили Пэм. В живых, остался только ты один. Генри, - произнес голос. - Остальных я прикончил. Теперь твоя очередь.

Таккер обернулся и обвел взглядом комнату, словно ожидая увидеть того, кто говорил с ним по телефону. Что это за мрачная шутка?

- Как.., как ты узнал этот номер? Где ты?

- Недалеко, Генри, - сообщил ему Келли. - Как там у вас с друзьями, удобно и тихо?

- Послушай, я не знаю, кто ты...

- Я ведь уже сказал тебе, кто я. Сейчас ты в этой комнате с Тони Пиаджи. Я видел вас недавно в ресторане. Между прочим, тебе понравился ужин? Мой был просто великолепен, - звучал в трубке насмешливый голос.

Таккер выпрямился и до боли сжал рукой телефонную трубку:

- Ну и что ты собираешься предпринять, парень?

- Да уж целовать тебя в обе щеки не стану, парень. Я прикончил Рика, прикончил Билли, прикончил Берта, а теперь прикончу тебя. Сделай мне услугу, пригласи к телефону мистера Пиаджи, - попросил голос.

- Тони, подойди-ка сюда, - сказал Таккер.

- В чем дело. Генри? - Вставая, Пиаджи споткнулся о свой стул. Боже, как я устал от всего этого. Пусть только эти сукины дети из Филли держат наготове наличные, подумал он. Генри передал ему трубку.

- Кто это?

- Помнишь тех двух парней, которых ты послал с Бертом на катере? Я прикончил их. А сегодня утром шлепнул еще пару твоих парней.

- Что это такое, черт побери?
- А ты подумай. - Связь прервалась. Пиаджи посмотрел на своего партнера и, поскольку не мог получить ответ по телефону, решил спросить Таккера:
- Генри, что это?

Отлично, посмотрим, как будет реагировать осиный улей, который он побеспокоил. Келли позволил себе сделать глоток воды и съесть сникерс. Он расположился на третьем этаже здания, которое, судя по массивным стенам из железобетона, по-видимому, было складом, подумал он. Здесь, похоже, можно укрыться, когда начнут сыпаться атомные бомбы. И так, интересная тактическая проблема. Он не может просто ворваться в помещение, где находится Генри Таккер. Даже если бы в его распоряжении был пулемет - а пулемета не было, - один против четверых - слишком неравный бой, особенно когда не знаешь, что там за дверью, когда не приходится рассчитывать на собственную скрытность как на союзника. Поэтому он изберет другой путь. С места, где он сейчас находился, были видны все двери, ведущие в здание напротив. Оконные проемы на противоположной стороне были заложены кирпичной кладкой. Таким образом, выйти из здания можно только в одну сторону. Расстояние до здания чуть превышает сотню ярдов, и Келли надеялся, что они попытаются покинуть его через двери. Келли приложил винтовку к плечу, но не опустил голову к прицелу, а держал ее высоко, внимательно и терпеливо осматривая здание от одного угла до другого.

- Это он, - произнес Генри так тихо, что остальные не могли его услышать.
- Кто?
- Тот парень, что убивал дилеров, прикончил Берта и двух твоих людей на корабле. Это он.
- Да кто же это такой, черт побери, Генри?
- Я и сам не знаю! - его голос зазвучал теперь громче, и двое охранников посмотрели на него. Таккер взял себя в руки. - Он хочет, чтобы мы вышли на улицу.
- Ну и прекрасно - но кто же это? Подожди минуту. - Пиаджи поднял трубку, но не услышал гудка. Связь была отключена. - Что за черт?

Келли услышал жужжание аппарата и поднял трубку.
- Да, в чем дело?
- Кто ты такой, черт бы тебя побрал? , - А-а, это Тони, верно? Зачем тебе понадобилось убивать До-рис, Тони? Она не представляла для тебя никакой опасности. А теперь мне и тебя придется прикончить.
- Я не...
- Ты знаешь, что я имею в виду. Тем не менее я благодарен тебе за то, что ты снова послал в город этих же двух парней. Я не люблю, чтобы дело не было доведено до конца, но все-таки не надеялся, что мне предоставится такая возможность. Думаю, сейчас они в море.
- Пытаешься напугать меня? - донесся голос Пиаджи по временной телефонной линии.
- Нет, пытаюсь убить.
- Проклятье! - Пиаджи бросил трубку.
- Он утверждает, что видел нас обоих в ресторане, что был там. - Для остальных было ясно, что происходит что-то неладное. Они смотрели на Таккера и Пиаджи пока просто с любопытством, но из-за очевидного волнения своих боссов ощущали приближение чего-то недоброго. Действительно, что происходит?
- Но как мог он узнать..., ну конечно, - Таккер говорил тихо и прерывисто. - Да, конечно, они ведь знали меня...
Боже!

В комнате было только одно окно с прозрачным стеклом, в остальных были установлены стеклянные блоки размером четыре дюйма на четыре - такие блоки не поддаются любителям бить окна, к тому же через них нельзя выглянуть наружу. Единственное окно с обычным прозрачным стеклом поднималось вверх. По-видимому, раньше здесь работал какой-то идиот-менеджер, не желавший, чтобы секретарши поглядывали в окно. Ну что ж, его мечта осуществилась. Пиаджи попытался открыть окно и начал вращать рукоятку - три стеклянные панели повернулись градусов на сорок, и механизм сломался.

Келли заметил движение стеклянных панелей. Может быть, стоит заявить о своем присутствии более радикальным способом? - подумал он. Нет, не стоит, лучше проявить терпение. Ожидание всегда особенно тягостно для тех, кто не знает, что происходит.

Поразительным являлось то, что сейчас было десять часов утра и день обещал быть солнечным и теплым - один из лучших дней позднего лета. По О'Доннелл-стрит, всего в полуквартале, пронеслись грузовики и сновали легковые автомобили. Возможно, водители видели высокое массивное здание в отдалении, заброшенное, с разбитыми стеклами, и

думали о том же, о чем думал и сам Келли - для какой цели оно было построено; не исключено, кое-кто, заметив перед зданием бывшей транспортной фирмы четыре автомобиля, пытался понять - а не воскресла ли снова в прошлом разорившаяся компания. Впрочем, если подобные мысли и мелькали у кого-то, на них никто не останавливался - было начало рабочего дня, и всех ждали свои заботы. Драма разыгрывалась у всех на виду, но знали о происходящем только ее участники.

- Я ни хрена не вижу, - сказал Пиаджи, присев на корточки у полуоткрытого окна. - Там никого нет.

Это тот самый парень, который прикончил всех уличных торговцев, напомнил себе Таккер, не подходя к окну. Пять или шесть человек. Убил Рика гребанным ножом...

Здание, в котором размещалась лаборатория, выбрал Тони. Раньше оно принадлежало небольшой транспортной фирме, владельцы которой были связаны с мафией и вели себя в высшей степени осмотрительно. Идеальное место, думал он, так близко к основным транспортным артериям, в тихой части города, далеко от полицейских патрулей - анонимное здание, в котором ведется анонимная работа. Лучше не придумаешь, решил он, когда впервые увидел его.

Да, конечно, просто идеально...

- Дай-ка мне посмотреть. - Сейчас не время прятаться. Генри Таккер не считал себя трусом. Ему приходилось драться и убивать, причем не только женщин. Он потратил годы на то, чтобы создать это дело, и первый этап не обошелся без кровопролития. К тому же он не мог проявить слабость перед лицом Тони и двух "солдат". - Действительно, никого, - согласился он.

- Давай попробуем еще раз. - Пиаджи подошел к телефону и поднял трубку. Гудка по-прежнему не было слышно, раздавалось только какое-то жужжание...

Келли посмотрел на полевой телефон, прислушиваясь к доносящемуся из него звуку. Пока не буду поднимать трубку, решил он, пусть подождут. Несмотря на то что тактически ситуация находилась под его контролем, методы действия были все-таки ограничены. Можно говорить с ними по телефону, а можно и не говорить. Можно стрелять, а можно не стрелять. Можно двигаться, а можно не двигаться. Поскольку в его распоряжении только три основных возможности, Келли приходилось внимательно обдумывать шаги, прежде чем предпринимать их для достижения максимального эффекта. Противостояние сейчас было не физическим, а скорее психологическим. Подобно большинству сражений, это была битва умов.

Становилось тепло. Последние жаркие дни перед тем, как начнут опадать листья. Уже градусов двадцать пять, может быть, температура достигнет тридцати - в последний раз. Келли вытер пот с лица, не отводя взгляда от здания напротив, слушая жужжание телефона и предоставляя им возможность помучиться и попотеть от чего-то другого, кроме жаркого дня.

- Вот дерьмо! - выругался Пиаджи и с силой швырнул трубку. - Ну-ка, вы двое!

- Да, босс? - ответил Бобби - тот, что повыше.

- Обойдите вокруг здания...

- Нет! - тут же прервал его Генри и на мгновение задумался. - Что если он стоит на улице? Отсюда ведь ничего не видно. Он может спрятаться у самой двери. Ты хочешь пойти на такой риск?

- А что ты предлагаешь? - спросил Пиаджи. Таккер расхаживал по комнате, дыша чуть чаще обычного, стараясь заставить себя рассуждать:

- Как бы поступил я на его месте? Понимаешь, этот ублюдок перерезал телефонные провода и позвонил нам в надежде, что мы предпримем поспешные действия, и теперь может стоять у входа, ожидать нас.

- Что тебе известно об этом парне?

- Я знаю, что он убил пять дилеров и четырех моих людей...

- И четырех моих - если не врет. - Нам нужно перехитрить его, понимаешь? Как бы ты сделал это?

Пиаджи задумался. Ему никогда не приходилось убивать. В его деле этого не требовалось. В своем бизнесе он руководствовался умом, а не физической силой. Правда, было время, когда ему тоже приходилось самому проводить разборки и избивать людей, причем жестоко, а ведь это почти то же самое, правда? Как бы я поступил в такой ситуации? Рассуждения Генри были разумными. Надо всего, лишь спрятаться где-то - за углом, в переулке, в тени здания - и пусть те, кто выходят на улицу, посмотрят в другую сторону. Ближайшая дверь - та, через которую они вошли, - открывалась налево, и снаружи нетрудно увидеть это по дверным петлям. Кроме того, достоинством такого шага будет близость автомобилей, а поскольку машины являлись их единственным средством спасения, он будет рассчитывать, что они воспользуются ими. Точно.

Пиаджи взглянул на своего партнера. Тот смотрел вверх. С потолка были удалены акустические панели, и прямо посреди виднелся люк, который вел на плоскую крышу. Люк закрывался простым засовом, для защиты от грабителей. Его можно легко открыть, даже неслышно, поднять люк и положить на плоскую крышу, покрытую варом и гравием. После этого на крышу вылезет человек, подойдет к краю, посмотрит вниз и прихлопнет того, кто прячется у двери.

Отлично.

- Бобби, Фред, подойдите сюда, - приказал Пиаджи. Он объяснил им создавшуюся ситуацию. К этому времени они уже поняли, что положение очень серьезное, а то, что им угрожали не полицейские, казалось самым страшным. У обоих были револьверы. Оба - надежные и сообразительные парни, а на счету у Фреда уже было убийство, когда ему пришлось участвовать в небольшой семейной разборке в Филадельфии. Они передвинули стол в центр комнаты, прямо под люк. Фреду хотелось показать, что он серьезный человек и заручиться поддержкой Тони, который тоже казался ему серьезным. Он влез на стол. Нет, недостаточно высоко. Они поставили на стол еще и стул, и это позволило открыть люк и выглянуть на крышу.

Ага! Келли увидел человека, стоящего на крыше - точнее, виднелись только его голова и грудь. Он поднял винтовку, и перекрестье прицела остановилось на середине лица. Келли едва не нажал на спусковой крючок, но в последний момент удержался от выстрела. Человек оперся руками, приподнялся и обвел взглядом плоскую крышу, прежде чем вылезть на нее. Ну что ж, подумал Келли, прислушиваясь к реву двигателей проносившихся совсем рядом грузовиков, пусть встанет на крыше. Человек поднялся, поставил одну ногу, потом другую и выпрямился. Через линзы оптического прицела Келли увидел у него в руке револьвер. Человек снова посмотрел по сторонам, затем очень медленно и осторожно направился к переднему краю крыши. Вообще-то умная тактика, одобрил Келли. Всегда нужно сначала провести разведку.., а-а, вот в чем дело, понял он. Очень жаль.

Фред снял ботинки еще в комнате. Мелкий гравий резал ноги, вар, размягченный жаркими лучами солнца, прилипал к подошвам, а ему хотелось двигаться как можно тише. К тому же он был крутым парнем, узнав это на берегу реки Делавар. Пальцы сжимали знакомую рукоятку короткоствольного "Смит-Вессона". Если тот подонок все еще стоит у входа, он пристрелит его прямо с крыши. Тони и Генри тут же вташат тело внутрь, смоят водой кровь с тротуара, и работа пойдет дальше, потому что предстояло отправить большое количество товара. Впрочем, работа наполовину закончена. Теперь Фред полностью сосредоточился на своей задаче. Он подошел к парапету и встал рядом, касаясь ногами в одних носках невысокой кирпичной стенки, поднимающейся над уровнем крыши. Затем быстро наклонился и глянул вниз - пусто. Фред обвел взглядом весь тротуар, от одного угла здания до другого.

- Черт возьми! - прошептал он, потом повернулся и крикнул в сторону открытого люка. - Там никого нет!

- Что? - из люка показалась голова Бобби, но Фред уже наклонился вперед и разглядывал машины, стараясь увидеть, не прячется ли кто-нибудь за ними.

Келли сказал себе, что терпение всегда вознаграждается - почти всегда. Эта мысль позволила ему справиться с волнением, нередко возникающим, когда на перекрестье прицела возникает цель. Как только он заметил периферийным зрением движение в отверстии люка, то сразу же перевел винтовку влево. Лицо - белый, лет двадцати с небольшим, темные глаза, в правой руке пистолет, смотрит на первого мужчину. Сейчас это просто цель. Его нужно снять первым. Келли навел перекрестье нитей на переносицу и мягко нажал на спусковой крючок.

Услышав шлепок, одновременно показавшийся ему жестким и влажным, Фред повернул голову, но никого не увидел. Он не услышал больше ничего, кроме этого мокрого острого шлепка, но из комнаты донесся какой-то стук, словно Бобби поскользнулся на стуле и упал вниз. Ничего больше, но по какой-то непонятной причине кожа у него на шее словно заледенела. Он медленно отошел от парапета, все время оглядываясь вокруг. Никого на этом плоском четырехугольном горизонте.

Винтовка была новой, и затвор немного заедало. Келли передернул затвор и загнал в ствол второй патрон, затем повернул винтовку вправо. Два вместо одного. В поле зрения оптического прицела. он видел, как голова первого мужчины быстро поворачивается из стороны в сторону. На лице его был написан страх. Парень понимал, что ему угрожает опасность, но не знал какая и откуда. Он приближался к открытому люку. Келли не мог допустить этого, сделал упреждение на шесть дюймов и снова нажал на спусковой крючок. Еще один шелчок.

Шлеп. Удар пули в цель был намного громче, чем едва слышный звук выстрела. Келли снова передернул затвор, выбросил гильзу и загнал новый патрон в патронник. Он заметил, что с О'Доннелл-стрит свернула машина и направилась к дому.

Таккер все еще смотрел в лицо Бобби, лежащего на полу, когда сверху донесся звук упавшего тела, от которого вздрогнула крыша.

- Господи...

Глава 37

Испытание судом Божьим

- Сегодня вы выглядите намного лучше, чем в прошлый раз, полковник, - по-русски заметил Риттер, приветливо улыбаясь. Сотрудник службы безопасности встал и вышел из комнаты, оставив их наедине. Атташе-кейс, который Риттер принес с собой, он положил на стол. - Вас хорошо кормят?

- Не жалуюсь, - осторожно заметил Гришанов. - Когда меня отправят домой?

- Сегодня вечером, наверно. Мы ждем кое-чего. - Риттер открыл кейс. Увидев это, Гришанов почувствовал тревогу, но не подал вида. А вдруг в кейсе пистолет? Несмотря на то, что тюрьма, в которой он оказался, была такой комфортабельной, а беседы с обслуживающим персоналом были такими дружескими, он все-таки находился на вражеской территории и его окружали враги. При этой мысли он подумал о том человеке, что находился в тюрьме так далеко отсюда, где с ним обращаются совсем по-другому. Разница в том, как обращаются с русским офицером и как обращаются с американцем, не давала ему покоя и заставляла испытывать чувство стыда, подавляющее страх.

- Чего именно?

- Подтверждения, что наши люди прибыли в тюрьму Хоа-Лю. Русский полковник наклонил голову и прошептал что-то, неслышное Риттеру. Затем поднял голову:

- Я рад этому.

- Да, я знаю это. Ваши письма генералу Рокоссовскому и его ответы говорят об этом совершенно ясно. - Риттер налил себе чаю из стоящего на столе чайника и наполнил чашку Гришанова.

- Вы хорошо обращались со мной. - Гришанов не знал, что еще сказать, и в комнате воцарилась неловкая тишина.

- Мы привыкли оказывать гостеприимство советским гостям, - заверил его Риттер. - Вы не первый из них в этом доме. Умеете ездить верхом?

- Нет, мне никогда не приходилось ездить на лошади.

- Гм, жаль. - Атташе-кейс был полон бумаг, заметил полковник, не понимая их назначения. Риттер извлек из него две большие карточки и штемпельную подушечку. - Вы не могли бы протянуть ко мне руки?

- Не понимаю.

- Не беспокойтесь. - Риттер взял левую руку русского офицера, прижал ее к подушечке и затем нанес отпечаток каждого пальца в соответствующем месте сначала на одной карточке, потом на другой. Такая же процедура повторилась с правой рукой. - Вот и все. Никакой боли, правда? Теперь вымойте руки. Лучше сделать это прямо сейчас, прежде чем чернила высохнут. - Риттер вложил одну карточку в папку, вместо похожей на нее, которую он извлек оттуда. Вторая карточка поместилась наверху. Он закрыл кейс, отнес старую карточку к камину и поджег ее пламенем зажигалки. Она быстро сгорела, смешавшись с пеплом в камине, который убирали через день. Гришанов вернулся к нему с чистыми руками.

- Я все-таки ничего не понял.

- Это не имеет к вам никакого отношения. Вы просто помогли мне решить небольшую проблему, вот и все. Не волнуйтесь, товарищ полковник. Вы согласитесь пообедать со мной? Там мы встретим вашего соотечественника. - Риттер старался говорить как можно убедительнее. - Если ваша сторона будет соблюдать все условия достигнутой договоренности, вы отправитесь домой часов через восемь. Справедливо?

Марк Шарон испытывал тревогу, приезжая сюда, хотя с самого начала своей деятельности посещение лаборатории не таило в себе никакой угрозы. Ладно, он не собирается здесь задерживаться. Лейтенант поставил свой "форд", принадлежавший полицейскому департаменту, но внешне лишенный его отличий, у входа, вышел из автомобиля и направился к двери. Дверь оказалась заперта. Пришлось постучаться. Тони Пиаджи распахнул ее. У него в руке был револьвер.

- В чем дело? - с беспокойством спросил Шарон.

Это еще что? - недоуменно спросил себя Келли. Он не ожидал, что еще один автомобиль подъедет прямо к зданию и потому вкладывал в обойму два патрона, когда машина остановилась у входа и из нее вышел мужчина. Винтовка была слишком новой, ее детали еще не разработались, он с трудом сунул на место обойму, и к тому моменту, когда поднес прицел к глазам, приехавший двигался слишком быстро для точного выстрела. Проклятье! Разумеется, Келли не знал, кто это был. Он настроил прицел на максимальное увеличение и осмотрел машину Ничего особенного..., дешевая модель..., высокая антенна радиотелефона... Неужели полицейский автомобиль? Свет, отражавшийся от окон, не позволял заглянуть внутрь. Черт побери! Он допустил промах. Убив двоих на крыше, он надеялся, что какое-то время все

будет тихо. Самонадеянный кретин! - обругал он себя, недовольно нахмурившись.

- Что здесь происходит, черт возьми? - войдя рывкнул Шарон и увидел труп на полу. Чуть выше и левее открытого правого глаза виднелось маленькое пулевое отверстие.

- Это он! Где-то поблизости! - выпалил Таккер.

- Кто?

- Тот, кто убил Билли, и Рика, и Берта...

- Келли! - воскликнул Шарон, оборачиваясь и глядя на закрытую дверь.

- Ты знаешь, как его зовут? - спросил Таккер.

- За ним охотятся Райан и Дуглас - он обвиняется в целой серии убийств.

Пиаджи недовольно фыркнул.

- Теперь к этой серии прибавились еще двое. Вот лежит Бобби, а на крыше - Фред. - Он снова склонился к окну.

Этот Келли, похоже, находится прямо на противоположной стороне улицы, вон там...

Сейчас, по какой-то необъяснимой причине, Шарон держал в руке револьвер. Пакеты с героином почему-то показались ему необычно тяжелыми, поэтому он положил свой служебный револьвер на стол и принялся выкладывать их из карманов рядом с тазом, где смешивали наркотики, конвертами и устройством для их запечатывания. После этого ему оставалось только смотреть на остальных. В это мгновение зазвонил телефон. Таккер снял трубку:

- Веселишься, говноед?

- А ты повеселился, когда мучил Пэм? - холодно поинтересовался Келли. - Ну ладно. - продолжил он более спокойно, - как гам ваш друг? Это тот самый полицейский, которому вы платите?

- Ты думаешь, тебе все известно?

- Нет, не все. Я не знаю, например, какое удовольствие испытывает человек, убивающий девушек. Может, расскажешь?

- Хрен вот тебе!

- Хочешь прийти и попробовать? Да ведь ты, наверно, занимаешься и этим, верно, милый? - Келли поморщился, надеясь, что Таккер не разбил телефонную трубку - с такой силой он бросил ее. Ему было ясно, что Генри не сумел разобраться в игре. Это хорошо. Если тебе не знакомы правила, трудно эффективно защищаться. В голосе Таккера чувствовалась усталость и в голосе Пиаджи тоже. Тот что лежал на крыше, был в расстегнутой рубашке, к Тому же изрядно помятой, увидел Келли через мощную оптику прицела. Брюки выглажены, но уже оттянуты на коленях, словно он сидел всю ночь. Может быть, он просто неряха? Что-то непохоже. Ботинки, оставленные им у открытого люка, были начищены.

Подумав несколько секунд, Келли пришел к выводу, что он не спал ночью. Они устали, испуганы и не понимают, что происходит. Отлично. У Келли была вода и питательные "сникерсы", и он готов ждать весь день.

- Если тебе было известно имя этого ублюдка, то почему - черт побери! - выругался Таккер. - Ты сказал мне, что он всего лишь богатый парень, живет на острове. Я ведь говорил, что могу убрать его прямо в больнице, помнишь? Но ты был против..., сказал оставить этого гребанного парня в покое!

- Перестань нервничать, Генри, - произнес Пиаджи как можно спокойней. Действительно, подумал он, у нас очень серьезный противник. Он прикончил шестерых моих людей. Шестерых! Господи. Сейчас не время паниковать. - Нужно все тщательно обдумать" согласны? - Тони вытер ладонью густую щетину, собираясь с мыслями. - У него винтовка, и он находится вон в том большом белом доме на другой стороне улицы.

- Ты хочешь пойти и прикончить его, Тони? - Таккер показал на голову Бобби. - Посмотри на его работу!

- А ты слышал, Генри, что вечером всегда становится темно? На нашей стороне всего один фонарь над дверью, что ведет в дом. - Пиаджи подошел к щиту с рядом предохранителей и выкрутил пробку, посмотрев на схему их распределения. - Вот и все, фонарь больше не работает. Подождем наступления темноты и начнем действовать. Он не сможет прикончить всех нас. А если мы будем двигаться быстро, то вряд ли попадет хотя бы в одного.

- Как относительно товара?

- Оставим одного охранника. Привезем сюда своих людей, выкурим этого парня и уьем. А потом закончим работу. Согласен? - Разумно, подумал Пиаджи. У этого подонка не все козыри на руках. Он не способен стрелять через стены, а у них кофе, вода, и время на их стороне.

Все трое рассказывали настолько одинаковые истории, насколько можно было надеяться при подобных обстоятельствах. Они Допрашивали каждую девушку отдельно, как только она приходила в себя от воздействия наркотиков, а испытываемое ею волнение шло только на пользу. Имена, где все происходило, как этот ублюдок Таккер начал распространять свой героин за пределами города, что-то сказанное Билли по поводу того, какая вонь исходила от пакетов с героином, - это было подтверждено в результате обследования "лаборатории" на восточном берегу. Теперь детективы располагали номером водительского удостоверения Таккера и его возможным адресом. Адрес мог оказаться и

фальшивым - такая ситуация была вполне вероятной, - но у полиции имелся номер автомобиля и его модель. Лейтенант Райан записал все, теперь у него было достаточно данных или по крайней мере столько, чтобы видеть конец расследования. Наступило время, когда он мог остановиться и дать событиям развиваться своим чередом. Во все соседние штаты была передана информация о Таккере с распоряжением о немедленном аресте. Во время инструктажей всех заступающих на дежурство патрулей, всех полицейских смен в участках этих штатов полицейские, эти глаза и уши сил правопорядка, будут ознакомлены с именем и описанием Генри Таккера, его автомобиля и регистрационным номером. Может оказаться, что полиции повезет, и арест последует очень быстро. В этом случае его привезут в камеру полицейского участка, зачитают права в соответствии с законом, предъявят обвинение, передадут дело в суд и навсегда посадят в тюрьму, даже если Верховный суд проявит непонятное великодушие и сохранит ему жизнь, которой он не заслуживал. Райан был готов приложить все усилия, чтобы навсегда избавиться от этого бесчеловечного выродка.

И все-таки.

И все-таки Райан знал, что отстает на шаг от кого-то другого. Теперь этот невидимка пользовался пистолетом 45-го калибра без глушителя; он изменил тактику и приступил к быстрым и решительным убийствам..., шум больше не беспокоил его..., и он говорил с теми, кого затем убивал. Следовательно, он, похоже, знал даже больше полиции. Этот опасный хищник, которого описал ему Фарбер, бродил теперь по улицам города, занимался охотой при свете дня, и Райан не знал, где его искать.

Джон Т. Келли, старший боцман, бывший "тюлень" самой отборной группы командос Военно-морского флота США. Где ты, черт побери? Если бы я был на твоём месте..., как бы я поступил? Куда отправился?

- Все еще там? - спросил Келли, когда Пиаджи поднял трубку.

- Да, приятель, мы решили пообедать. Хочешь зайти и присоединиться к нам?

- Я ел равиоли в твоём ресторане. Вкусное блюдо. Его готовила твоя мать? - поинтересовался Келли, не зная, какой ответ последует.

- Совершенно верно, - спокойным голосом подтвердил Тони. - Это старый семейный рецепт, моя прабабушка привезла его из Италии, понимаешь?

- Ты удивляешь меня.

- Неужели, мистер Келли? - вежливо произнес Пиаджи. Теперь его голос звучал еще более уверенно. Он думал о том, как это подействует на его собеседника на другом конце телефонного провода.

- Я предполагал, что вы попытаетесь пойти на компромисс. Все ваши ребята пробовали, но я не соглашался, - заметил Келли, делая вид, что с трудом скрывает раздражение.

- Как я уже сказал, приходи, и обсудим эту проблему за обедом. - Тони положил трубку. Великолепно.

- Вот теперь этот ублюдок начнет думать, - сказал Пиаджи, наливая себе чашку кофе. Напиток был едва теплым и противным, но в густой массе содержалось столько кофеина, что ему с трудом удавалось сдерживать дрожь в руках. Зато он настороже, и ему не хочется спать, сказал себе Пиаджи. Он посмотрел на остальных, улыбнулся и уверенно кивнул.

- Я так сожалею о случившемся с Казом, - сказал суперинтендант военно-морской академии своему другу. Макссуэлл кивнул:

- Что я могу сказать, Уилл? Отставка была для него плохим выбором, понимаешь? Один, без семьи. Он посвятил морской авиации жизнь, так что рано или поздно она все равно бы кончилась. - Ни один из них не хотел обсуждать поступок его жены. Может быть, год спустя они смогут увидеть нечто поэтическое в одновременной кончине двух близких людей, но не сейчас.

- Я слышал, что ты тоже подал рапорт с просьбой об увольнении в отставку. Голландец. - Суперинтендант академии не совсем понимал причину такого шага. Судя по слухам, пост командующего флотом адмиралу Макссуэллу был обеспечен, причем уже будущей весной. Эти слухи стихли всего несколько дней назад, и он не знал почему.

- Да, это верно. - Макссуэлл не мог объяснить, что заставило его написать рапорт. Приказ - в форме "рекомендации" - поступил из Белого дома через командующего морскими операциями. - Я уже прослужил достаточно долго, Уилл. Пришло время уступить место молодежи. Мы, принимавшие участие еще во второй мировой войне..., короче говоря, пришла другая пора, по-видимому.

- Санни в порядке?

- Я стал уже дедушкой.

- Здорово! - По крайней мере были хоть какие-то хорошие новости. В кабинет вошел адмирал Грир, на этот раз в морской форме.

- Джеймс!

- А у начальника академии отличный кабинет, - заметил Грир. - Привет, Голландец.

- Итак, чем я обязан приходу таких высоких гостей?

- Понимаешь, Уилл, нам хотелось бы попросить на время одну из твоих парусных яхт. У тебя есть что-нибудь достаточно комфортабельное и простое в управлении, доступное двум адмиралам?

- Большой выбор. Хотите яхту в двадцать шесть футов?

- Да, что-нибудь такое.

- Сейчас я позвоню на кафедру морского дела и распоряжусь приготовить для вас одну из них. - Да, это многое объясняет. Оба были близки с Казом, и лучше всего попрощаться с моряком в море. Адмирал снял трубку и отдал распоряжение. Гости встали, попрощались и вышли из кабинета.

- Больше ничего не придумал? - спросил Пиаджи. В его голосе звучала вызывающая уверенность. Инициатива вернулась теперь к ним, покинула того парня на противоположной стороне улицы, подумал он. Почему бы не закрепить преимущество?

- Не вижу, чтобы и вы придумали что-то. Такие подонки боятся дневного света. Сейчас я улучшу ваше освещение, - рявкнул Келли. - Смотрите!

Он положил телефонную трубку и поднял винтовку, прицелившись в середину окна.

Едва слышный щелчок выстрела - и звон разбитых окон.

- Ну и дурак же ты! - произнес Тони в трубку, хотя и знал, что Келли не слышит его. - Видите? Он знает, что мы недостижимы для него. Понимает, что время на нашей стороне.

Две стеклянные панели были разбиты, но стрельба прекратилась. Снова зазвонил телефон. Тони подождал несколько секунд, прежде чем поднял трубку.

- Промахнулся, кретин!

- Не вижу, чтобы вы осмелились выйти из помещения, говнюки! - Выкрик прозвучал настолько громко, что его слышали даже Таккер и Шарон, находящиеся в десяти футах от телефона.

- Думаю, тебе пора спасаться бегством, мистер Келли. Кто знает, может быть, нам не удастся прикончить тебя. Может быть, это сделают копы. Я слышал, что за тобой охотится и полиция.

- Но вы по-прежнему в ловушке, не забывайте.

- Это ты так считаешь, парень. - Пиаджи снова положил трубку, не ожидая ответа, стараясь показать, на чьей стороне преимущество.

- Ну и как вы чувствуете себя, полковник? - спросил Волошин.

- Это была интересная поездка. - Риттер и Гришанов сидели на ступеньках монумента Линкольна - два усталых туриста, отдыхающих после утомительно жаркого дня, а рядом стоял третий. За ними следил охранник, находящийся в десяти ярдах.

- А ваш вьетнамский друг?

- Кто? - недоуменно спросил Гришанов. - Какой друг? Риттер усмехнулся:

- Это был всего лишь маленький маневр с моей стороны. Видите ли, нам нужно было выяснить, откуда исходит утечка информации.

- Я так и понял, что это дело ваших рук, - недовольно заметил генерал КГБ. Ловушка была настолько очевидной, и он попал прямо в нее. Вернее, едва не попал. Фортуна улыбнулась ему, а Риттер, наверно, даже не подозревает об этом.

- Игра продолжается, Сергей. Неужели вы будете оплакивать предателя?

- Предателя - нет. А вот человека, убежденного в деле мира на планете - да. Вы поступили очень умно. Боб. Ваш маневр оказался удачным. - Вряд ли, мой молодой американский друг, подумал Волошин, вам не удалось заманить меня в свою ловушку. Это вам просто кажется. Вы слишком поторопились. Вы сумели убить этого парня Хикса, но так и не узнали о Кассие. Слишком поспешно, мой друг. Ошиблись в расчетах и даже не знаете об этом. Но пора приступать к делу.

- Как там наши люди?

- В соответствии с достигнутой договоренностью они находятся сейчас с остальными военнопленными. Рокоссовский подтвердил это телеграммой. Вы поверите мне на слово, мистер Риттер?

- Да, поверю. Очень хорошо, господин Волошин. Сегодня вечером в восемь пятнадцать из Даллеса в Париж вылетает самолет компании "Панам". Я отвезу его в аэропорт. Если хотите, можете присутствовать при вылете. Ваши люди могут встретить его в Орли.

- Согласен. - Волошин повернулся и пошел прочь.

- Но почему он оставил меня? - спросил Гришанов, более удивленный, чем испуганный.

- Полковник, он полагается на мое слово точно, так же, как я полагаюсь на его обещание. - Риттер встал. - Нам нужно убить несколько часов...

- Убить?

- Извините меня, это идиоматическое выражение. У нас несколько часов свободного времени. Не хотите ли прогуляться по Вашингтону? В Смитсоновском институте выставлен лунный камень, доставленный "Аполлоном" на Землю. Посетители по какой-то причине любят прикасаться к нему.

Половина шестого. Солнце светило теперь ему прямо в глаза. Келли то и дело приходилось вытирать лицо. Наблюдая за разбитым окном, он не видел ничего, кроме мелькающих теней. Может быть, они отдыхают? - подумал он. Это никуда не годится. Келли поднял трубку и покрутил ручку вызова. И снова его заставили ждать.

- Кто это? - спросил наконец Тони. Хладнокровный мерзавец, подумал Келли, почти такой хладнокровный, как он ожидал. Вообще-то жаль.

- Твой ресторан торгует на вынос?

- Неужели проголодался? - Наступила пауза. - Может быть, хочешь пойти на компромисс?

- Выходи наружу, и мы поговорим об условиях, - предложил Келли. В ответ он услышал, как на другом конце линии положили трубку.

Прямо-таки отлично, подумал Келли, наблюдая за удлиняющимися тенями. Он выпил оставшуюся воду и съел последний "сникерс", затем осмотрел панораму в поисках возможных перемен. Келли уже давно выработал план действий. Вообще-то они сами подтолкнули его к этому. Снова пошло время, приближаясь к моменту начала операции, который был гибким, но все-таки конечным. Если возникнут непредвиденные трудности, он может просто уйти, но..., нет, уйти он не может. Келли посмотрел на часы. То, что предстояло, являлось опасным, и с течением времени опасность не уменьшится. Они бодрствовали уже двадцать четыре часа, может быть, дольше. Он внушил им чувство страха и потом дал успокоиться. Теперь им казалось, что козыри у них на руках, по крайней мере так он надеялся.

Келли отполз назад по бетонному полу, оставив у окна все снаряжение. Как бы ни обернулись события, оно ему больше не понадобится. Встав, он отряхнул пыль с одежды и проверил свой автоматический пистолет. Один патрон в патроннике, семь в магазине. Келли потянулся и тут же понял, что больше откладывать нельзя. Он спустился по лестнице, достал ключи и сунул в зажигание "фольксвагена". Мотор заработал сразу же, несмотря на его опасения. Он дал двигателю прогреться, а сам стал следить за потоком транспорта на улице перед собой, которая проходила с юга на север. Затем Келли включил сцепление и свернул от обочины, вызвав этим маневром негодующий гудок водителя, направляющегося на юг, но тут же оказался в потоке сплошного транспорта, какой бывает в час пик.

- Ты что-нибудь видишь?

Шарон высказал предположение, что Келли не способен заглянуть внутрь здания, но может, в конце концов, попытаться пересечь улицу и спрятаться у входа, поэтому двоим следует наблюдать за углами дома, каждому за своей стороной. Они были уверены, что Келли оставался на прежнем месте. Вот и перехватили инициативу. Тони высказал мнение, что Келли недостаточно тщательно все продумал. Это сообразительный парень, сказал он, но все-таки недостаточно сообразительный, а когда наступит вечер и темные тени заполнят улицу, они приступят к решительным действиям. Все будет хорошо. Маленькая пулька из винтовки 22-го калибра не сможет пробить корпус автомобиля, если им удастся добраться до него и если их действия застанут его врасплох...

- Нет, всего лишь обычный транспорт на улице.

- Не подходи слишком близко к окну.

- Это уж точно, - согласился Генри. - А как с поставкой товара?

- У нас в семье есть поговорка, приятель - лучше поздно, чем никогда, сечешь?

Больше всех беспокоился лейтенант Шарон. Может быть, причиной было то, что он находился рядом с грудой наркотиков. Отвратительная штука. Впрочем, думать об этом слишком поздно. А может быть, он все-таки сумеет найти выход?

Предназначенные ему за доставленный товар деньги лежали прямо на стуле. В кобуре у него заряженный револьвер.

Неужели он умрет, как преступник? Шарон наблюдал за своими сообщниками, стоящими по обеим сторонам окна. Вот это преступники. Сам он не совершил ничего, что могло бы восстановить против него Келли. По крайней мере он не знал об этом. Девушку убил Генри, а ликвидацию второй организовал Тони. Шарон был всего лишь коррумпированным полицейским. Это личная проблема для Келли. Нетрудно понять такое. Зверское убийство Пэм было ненужным и глупым. Он так и сказал Генри. Он может даже стать героем в результате всего этого, верно? Ему сообщили о подпольной лаборатории, и Шарон сразу отправился на место. Произошла перестрелка. Он сумеет помочь Келли. А затем никогда, никогда больше не будет связываться с преступным миром. Положит деньги в банк, продвинется по службе и, располагая сведениями об организации Генри, уничтожит ее. Уж после этого к нему будет невозможно придрататься, правда? Ему нужно только подойти к телефону и все объяснить Келли. Всего лишь это - если не считать одного маленького препятствия.

Келли свернул налево, проехал один квартал в сторону запада, снова налево и теперь на юг к О'Доннелл-стрит. У него вспотели ладони. Там их трое, и ему нужно действовать молниеносно и без ошибок. Но он умел делать это, ему было необходимо закончить операцию, даже если ее результатом будет собственная смерть. Келли остановил машину в квартале от здания, где скрывались враги, вышел из нее, запер дверцу и направился пешком к цели. Остальные фирмы уже закрылись - в течение дня он насчитал три компании, действующие в этом районе, даже не подозревающие, что происходит рядом с ними..., одна прямо на противоположной стороне улицы.

Ну что ж, разве ты плохо спланировал эту операцию?

Да, мальчик Джонни, но это была самая простая ее часть.

Спасибо. Теперь он стоял возле угла здания, глядя по сторонам. Лучше всего забраться с задней стороны..., он перешел к углу, где проходили электрические и телефонные провода, встал на тот же подоконник, которым воспользовался раньше, протянул руку к парапету и подтянулся, стараясь не прикасаться к электрическим проводам.

О'кей. А теперь нужно пройти по крыше, не поднимая шума.

По крыше, покрытой гравием и варом?

Об этом он не подумал. Келли стоял на парапете. Он широкий, по крайней мере дюймов восемь, сказал он себе. По нему можно двигаться бесшумно, и Келли направился по кирпичной тропинке к открытому люку, надеясь, что они не захотят сейчас позвонить ему.

Шарон понимал, что действовать нужно быстро. Он выпрямился, потянулся несколько театрально, прежде чем направиться в их сторону. На нем не было пиджака, галстук развязан, пятизарядный “Смит-Вессон” на правом бедре. Нужно только застрелить подонков и потом договориться с этим Келли по телефону. Почему нет? Они ведь бандиты, правда? Почему он должен умирать из-за их преступлений?

- Чем ты там занимаешься, Марк? - спросил Генри, не оборачиваясь, не подозревая об опасности, слишком увлеченный наблюдением за происходящим на улице. Отлично.

- Устал сидеть. - Шарон вытащил носовой платок из правого кармана брюк и вытер лицо, одновременно измеряя взглядом расстояние и направление, затем взглянул на телефон. Именно в нем его спасение. Это его единственный шанс выбраться отсюда живым.

Пиаджи не понравился его взгляд.

- Почему бы тебе не сесть и не отдохнуть, а? Скоро придется действовать очень быстро.

Почему он смотрит на телефон? Почему смотрит на нас?

- Без тебя знаю. Тони, - вызывающе произнес Шарон, засовывая платок обратно в карман. Он еще не знал, что глаза выдали его. Рука лейтенанта едва коснулась рукоятки револьвера, как Тони прицелился и выстрелил ему в грудь.

- Ишь, какой умный, - сказал Тони умирающему полицейскому. И тут же заметил, что в прямоугольном отверстии люка мелькнула тень. Он все еще пытался понять, что это за тень, когда она исчезла и вместо нее мелькнули неясные очертания чего-то стремительно падающего вниз. Генри продолжал смотреть на тело Шарона.

Выстрел заставил его вздрогнуть - ему показалось, что стреляют в него, - но Келли уже приготовился и в следующее мгновение прыгнул в открытое отверстие люка. Это походило на прыжок с парашютом - ноги вместе, колени согнуты, спина выпрямлена, в момент приземления перекатывайся на бок.

Удар от приземления оказался очень сильным. Его согнутые ноги коснулись бетонного пола, высланного керамической плиткой, но они смягчили удар, и Келли тут же перекатился на бок, вытянув руку. Ближе всех к нему стоял Пиаджи. Келли поднял пистолет, направил дуло ему в грудь, дважды выстрелил, затем снова прицелился и третьим выстрелом попал в горло под подбородком.

Теперь другая цель.

Келли быстро перекатился по полу, научившись этому под огнем солдат северовьетнамской армии. Время остановилось. Генри уже поднял револьвер и прицелился. Их взгляды сомкнулись, и они, казалось, долго смотрели друг другу в глаза - охотник охотнику, охотник своей жертве. Первым опомнился Келли и вспомнил, кто у него на прицеле. Его указательный палец нажал, на спусковой крючок и точно посланная пуля попала в грудь Генри. “Кольт” подпрыгнул у него в руке. Мозг Келли действовал настолько быстро, что он заметил, как затвор пистолета сдвинулся назад, выбрасывая латунную гильзу и досылая в ствол новый патрон. Напряженной рукой Келли опустил пистолет, и вторая пуля попала в грудь Таккера. Тот поворачивался и потому потерял равновесие. Он или поскользнулся на полу, или удары тяжелых пуль нарушили баланс, но Генри рухнул на пол.

Операция завершена, сказал себе Келли. По крайней мере он сумел успешно провести эту операцию после всех неудач такого мрачного лета. Он встал на ноги и подошел к Генри Таккеру, ударом ноги выбив револьвер из его пальцев. Ему хотелось сказать что-то ему, все еще живому, но Келли не мог найти слова. Может быть, теперь Пэм будет лучше, когда она поймет, что отомщена. Нет, наверно. Такого ведь не бывает. Мертвые уходят от нас, не знают и не беспокоятся о том, что осталось позади. Скорее всего. Келли не знал, как все это происходит, хотя часто думал об этом. Если мертвые жили на поверхности земли, то только в памяти тех, кто помнил их, и ради этой памяти он убил Генри Таккера и всех остальных. Пожалуй, Пэм не почувствует себя лучше, но вот он, Келли, почувствует. Келли заметил, что, пока он размышлял о жизни и смерти, о человеческом сознании, Таккер скончался. Нет, у него не было жалости к нему, равно как он не испытывал сожаления по поводу смерти остальных. Келли поставил пистолет на предохранитель и огляделся по сторонам. Три трупа, и лучшее, что он мог сказать по этому поводу - это удовлетворение от того, что среди них не было и его собственного. Он подошел к двери и выскользнул из здания. “Фольксваген” находился в квартале от него, и Келли предстояла еще одна встреча, которая приведет к концу еще одной жизни.

Яхта была пришвартована к причалу на том же самом месте, где он оставил ее. Через час после того, как Келли отъехал от здания в Балтиморе, он остановил машину, вышел из нее и достал чемодан. Потом захлопнул дверцу, оставив ключи в замке зажигания - вопреки всем своим правилам. Все время поездки из города в гавань его мозг испытывал блаженное состояние свободы от мыслей, он только механически управлял автомобилем, останавливаясь у одних светофоров, миновал другие, направляясь к морю - или к заливу, - к одному из тех немногих мест, где он чувствовал себя как дома. Келли поднял чемодан, прошел по настилу причала к "Спрингеру" и спрыгнул на палубу яхты. Все выглядело как прежде, и через десять минут он окажется далеко от всего, что привык связывать с городом. Он открыл дверцу, ведущую в главную каюту, и замер на месте, почувствовав запах табачного дыма. Затем он услышал голос:

- Джон Келли, верно?

- Кто вы такие?

- Меня зовут Эммет Райан. Вы уже знакомы с моим партнером, Томом Дугласом.

- Чем могу служить? - спросил Келли, опуская чемодан на палубу и тут же вспомнив, что на спине, за поясом, прикрытый расстегнутой походной курткой, спрятан "кольт".

- Расскажите мне, почему убили столько людей, - предложил Райан.

- Если вы считаете, что я сделал это, то несомненно знаете и причину.

- Это правда. Сейчас я ищу Генри Таккера.

- Но здесь его нет, правда?

- Может быть, вы сумеете мне помочь?

- Его стоит поискать на углу О'Доннели-стрит и Мермен. Можно не спешить - он никуда не денется.

- А как мне, поступить с вами?

- Три девушки сегодня утром, они...

- Он в безопасности. Мы присматриваем за ними. Вы и ваши друзья хорошо поступили с Пэм Мэдден и Дорис Браун. Не ваша вина, что все так получилось. Впрочем, отчасти "это все-таки ваша вина. - Лейтенант сделал паузу. - Понимаете, я вынужден арестовать вас.

- За что?

- За убийство, мистер Келли.

- Нет, - покачал головой Келли. - Убийство - это когда гибнут невинные люди.

Глаза Райана сузились. Вообще-то он видел только фигуру мужчины на фоне желтого темнеющего неба. Но он слышал его слова и боролся с желанием согласиться с ним.

- Закон не говорит этого.

- Я не прошу простить меня. Я больше не причиню вам никаких неприятностей и не попаду в тюрьму ни при каких условиях.

- Я не имею права отпустить вас. - Но в руке детектива не было оружия, заметил Келли. Что все это значит?

- Я ведь вернул вам полицейского Монроу?

- Мы благодарны за это, - согласился лейтенант Райан.

- Я не убиваю людей. Меня научили убивать, но для этого нужна веская причина. У меня она была более чем достаточной.

- Может быть. Как вы думаете, чего вам удалось добиться? - спросил Райан. - Проблема наркотиков так и не исчезла.

- Зато Генри Таккер больше не будет убивать девушек. Я добился этого. С самого начала я не собирался сделать что-то еще, но все-таки сумел уничтожить организацию, поставляющую в страну наркотики. - Келли замолчал. Он должен рассказать кое-что еще, важное для детектива. - В том здании лежит убитый полицейский. Мне кажется, что он был подкуплен наркобизнесом и работал на них. Его убили Таккер и Пиаджи. Может быть, вам удастся сделать из него героя. Кроме того, там большое количество наркотиков. Вы конфискуете их, и департамент полиции будет хорошо выглядеть в глазах общественности. - И Слава Богу, что мне не пришлось убивать ни одного полицейского - даже купленного наркомафией. - Могу сообщить вам кое-что еще. Мне известно, как Таккер организовал поставки героина. - В течение нескольких минут Келли объяснял способ транспортировки.

- Но я не имею права отпустить вас, - снова повторил детектив, хотя душа его восставала против этого. Но такой поступок противоречил бы законам, и он не мог нарушить их, потому что жил в соответствии с правилами.

- Дайте мне один час. Я знаю, что вы не спустите с меня глаз. Всего один час. Тогда всем будет лучше.

Просьба застала Райана врасплох. Она была против всего, что он отстаивал - но, с другой стороны, он боролся и против тех чудовищ, которых убил этот мужчина. Мы все-таки в долгу перед ним, подумал Райан..., разве я сумел бы расследовать все это без него? Кто станет говорить в защиту мертвых..., и к тому же, куда может деться этот парень? Разве он сумеет спастись?.. Райан, ты сошел с ума. Ну что ж, может быть...

- Даю вам час. После этого советую найти хорошего адвоката. Не исключено, что хороший адвокат и сумеет добиться оправдательного приговора.

Райан встал и, не оглядываясь назад, пошел к выходу из каюты. У двери он остановился на мгновение.

- Вы сохранили жизнь людям, хотя могли убить их, мистер Келли. Вот почему я дал вам этот час. Он начинается с этого момента.

Келли не смотрел ему вслед. Он включил дизели и дал им прогреться. Одного часа ему хватит. Он поднялся на палубу и освободил швартовочные тросы, оставив их на причале. Когда он вернулся в салон, двигатели уже прогрелись. Келли дал малый вперед и направился к выходу из бухты. Едва оставив ее позади, он перевел рычаги на самый полный, и

“Спрингер” поднялся над водой, планируя на скорости в двадцать два узла. Убедившись, что фарватер перед ним пуст, Келли включил автопилот и поспешно взялся за подготовку. Проходя мыс Бодкин-Пойнт, Келли сделал крутой поворот. У него не было другого выбора. Он знал, кого пошлют за ним следом.

- Береговая охрана, пост Томас-Пойнт.
- Это полиция города Балтимора.

Разговор вел младший лейтенант Томлинсон. Он только что закончил академию береговой охраны в Нью-Лондоне и прибыл сюда для прохождения практики. Несмотря на то что званием он был выше главного старшины, руководившего станцией, оба - и юноша и опытный моряк, понимали ситуацию. Младшему лейтенанту всего двадцать два года, его офицерские погоны даже не успели потускнеть, но пора дать ему возможность принять участие в операции, подумал Пол Инглиш. Правда, только потому, что командовать судном будет Португалец. “Четыре-один-браво”, второй из самых больших патрульных катеров на станции, стоял наготове с разогретыми двигателями. Молодой офицер побежал к нему, словно опасаясь, что катер уйдет в море без него, вызвав этим улыбку у начальника поста главного старшины Инглиша. Через пять секунд после того как младший-лейтенант застегнул спасательный жилет, “четыре-один-браво” взревел дизелями и отошел от пирса и повернул на север еще перед маяком на мысе Томас-Пойнт.

Этот детектив действительно не хочет упускать меня из виду, подумал Келли, увидев, как катер береговой охраны приближается с правого борта. Ну что ж, он попросил час, и час ему предоставили. Келли едва не включил радио, чтобы попрощаться, но это было бы не правильно истолковано. Очень жаль. Один из его дизелей перегревался, и Келли сожалел и об этом, хотя долго перегреваться ему не придется.

Это походило на гонки, осложнявшиеся тем, что в море выходил большой грузовой корабль под французским флагом, как раз в том месте, где было нужно Келли, и скоро он окажется между кораблем и патрульным катером береговой охраны.

- Вот мы и на месте, - сказал Риттер, жестом отпуская сотрудника службы безопасности, который тенью следовал за ними на протяжении всего дня. Он достал из кармана билет. - Первый класс. Спиртное подается бесплатно, полковник. - Благодаря телефонному звонку по пути к самолету они сумели миновать паспортный контроль.

- Спасибо за гостеприимство. Риттер усмехнулся.

- Это верно, правительство Соединенных Штатов доставило вас на своих самолетах через три четверти земного шара. Думаю, что с остальным справится и “Аэрофлот”. - Риттер сделал паузу и заговорил официальным тоном:

- Ваше поведение по отношению к нашим военнопленным было образцовым - насколько это позволяли обстоятельства. Хочу выразить вам благодарность.

- Мне остается пожелать, чтобы их благополучно доставили домой. Это неплохие люди.

- И вы тоже. - Риттер подвел его к дверям, за которыми пассажиров ждал большой автобус, который доставит их к новенькому “Боингу-747”. - Возвращайтесь когда-нибудь сюда. Я покажу вам Вашингтон. - Риттер наблюдал за тем, как полковник Гришанов поднялся в автобус, и повернулся к Волошину:

- Это - хороший человек, Сергей. Случившееся не повредит его карьере?

- Вряд ли, принимая во внимание ту информацию, которая находится у него в голове.

- Ну что ж, это меня устраивает, - сказал Риттер и направился к выходу из здания аэропорта.

Скорость обоих судов была почти одинаковой. У яхты Келли было небольшое преимущество, потому что она шла впереди и могла выбирать направление, тогда как патрульному катеру требовалось до предела использовать свое крохотное преимущество в скорости - всего полузла, - чтобы медленно сокращать расстояние. Вообще-то исход гонки зависел от искусства командиров и рулевых, а это тоже было практически одинаковым. Ореза следил за тем, как рулевой у штурвала яхты направил ее поперек кильватерной струи грузового судна подобно доске для серфинга и соскользнул по передней части высокой волны, добившись тем самым увеличения скорости в полузла на несколько секунд. Ореза не мог не восхититься этим. Ничего другого ему не оставалось. Парень заставил свою яхту соскользнуть вниз по склону волны, словно опровергая законы ветра и морского волнения. Но в этом нет ничего забавного, правда? Особенно когда в рулевой рубке стоят его люди с заряженным оружием в руках. И еще меньше забавного в том, что ему предстояло так поступить с другом.

- Ради Бога, - проворчал Ореза, чуть вращая штурвал вправо. - Поосторожнее с этими проклятыми пистолетами! - Матросы в рубке застегнули кобуры и убрали руки от оружия.

- Он - опасный человек, - сказал мужчина, стоявший позади Орезы.

- Нет, только не для нас!

- А как относительно людей, которых он...

- Может быть, этих ублюдков следовало прикончить еще раньше! - Чуть больше газа, и Ореза снова повернул налево. Сейчас он собирался выбрать среди волн место поспокойнее, поворачивая сорокафутовый патрульный катер влево и вправо, стараясь воспользоваться волнами от кильватерной струи французского сухогруза, чтобы, подобно его сопернику, выиграть несколько драгоценных ярдов. Еще ни одна гонка за кубок Америки у берегов Ньюпорта не была такой волнующей, как эта, и в душе Ореза ворчал на своего соперника из-за того, что ее цель являлась такой извращенной.

- Может быть, вам следует... Ореза даже не повернул головы:

- Мистер Томлинсон, вы считаете, что кто-нибудь другой сумеет управлять этим катером лучше меня?

- Нет, старшина Ореза, - сухо ответил младший лейтенант. Ореза фыркнул, глядя в лобовое стекло рубки. - А не вызвать ли нам вертолет с базы военно-морского флота? - произнес Томлинсон извиняющимся голосом.

- Зачем, сэр? Неужели вы считаете, что он направляется на Кубу? У меня вдвое больший запас топлива и преимущество в скорости на полузла, а он впереди нас всего лишь на триста ярдов. Рассчитайте сами, сэр. Как бы удачно он ни маневрировал, через двадцать минут мы догоним его. - Относитесь к нему с уважением, едва не сказал Ореза, но промолчал.

- Но он опасен, - повторил младший лейтенант Томлинсон.

- Я готов рискнуть. Вот, наконец... - Ореза начал соскальзывать теперь влево, используя энергию созданной большим кораблем волны, чтобы немного повысить скорость. Интересно, именно так поступают дельфины..., теперь моя скорость увеличилась на целый узел, да и мой корпус лучше приспособлен для такого маневра, чем корпус яхты... Мануэль Ореза улыбнулся, несмотря на все свои разноречивые чувства. Он только что узнал о своем катере нечто новое благодаря другу, которого старается арестовать за убийство. За убийство людей, которые заслуживают того, напомнил он себе, независимо от того, что скажут об этом юристы.

Нет, он действительно должен относиться к нему с уважением, дать ему возможность полностью использовать все шансы, попытаться спастись, - несмотря на то, что эта попытка обречена. Сделать что-то меньшее, значит унижить его и, признался Ореза, унижить себя. Когда наступает конец всему, остается честь. Возможно, это последний закон моря, а Ореза, как и человек, им преследуемый, является настоящим моряком.

То, что ему предстояло, было чертовски опасным. Португалец был слишком опытным рулевым и слишком умело управлял своим патрульным катером, и поэтому риск увеличился еще больше. Теперь Келли делал все, что было в его силах. Он заставлял "Спрингер" соскальзывать по диагонали вдоль внешней плоскости волн, образуемых кильватерной струей торгового судна, - самый ловкий трюк, к которому ему когда-либо приходилось прибегать, - но проклятый патрульный катер повторял его маневры и благодаря глубоко сидящему корпусу у Орезы это получалось даже лучше. Оба дизеля на яхте работали на полную мощность, стрелка оборотов дрожала у красной черты, а температура достигла критической, и все-таки этот чертов корабль шел слишком быстро для осуществления маневра. Ну, почему Райан не подождал еще десять минут? - подумал Келли. Ручка управления взрывным устройством находилась рядом с ним. Через пять секунд после того, как Келли повернет ее, взорвутся топливные баки, но это не принесет никакой пользы, когда патрульный катер береговой охраны находится всего в двух сотнях ярдов позади.

Так что же предпринять?

- Мы приблизились еще на двадцать ярдов, - заметил Ореза с удовлетворением и печалью.

Старшина заметил, что он даже не смотрит назад. Он знает. Он должен знать. Боже мой, подумал главный старшина Ореза, какой же ты умелый моряк, сожалея о своих насмешках по его адресу. Впрочем, он не мог не знать, что это всего лишь добродушные шутки, как принято между моряками. Кроме того, продолжая эту гонку, он вел себя достойно по отношению к Орезе. На борту яхты имелось оружие. Он мог повернуть и выстрелить в сторону катера, чтобы отвлечь внимание преследователей. Но он не сделал этого, и Португалец Ореза знал причину. Это нарушило бы правило такой гонки. Он делал все возможное, чтобы опередить патрульный катер, и, когда наступит неизбежный конец, он признает поражение, и оба воспримут это со смешанным чувством гордости и печали, но это не помешает им уважать друг друга.

- Скоро стемнеет, - заметил Томлинсон, нарушая размышления старшины. Мальчишка просто ничего не понимает, подумал Ореза, но ведь это совсем зеленый младший лейтенант. Может быть, когда-нибудь он научится. Обычно офицеры овладевали законами моря, и Ореза надеялся, что сегодняшний урок чему-то научит Томлинсона.

- Да, но недостаточно быстро для него, сэр. Ореза окинул взглядом море. Торговый корабль, идущий под французским флагом, занимал почти треть видимого горизонта. Загруженный, похоже, меньше чем наполовину, он высоко поднимался над водой, а его недавно покрашенные борта сверкали в лучах заходящего солнца. Команда корабля не имела ни малейшего представления о том, что происходит совсем рядом. Новый корабль, заметил старшина, его выпуклый округлый нос отбрасывает пенящиеся волны, по которым так ловко скользит преследуемая им яхта.

Самым быстрым и простым решением было бы провести за собой патрульный катер вдоль правого борта

сухогруза и затем резко свернуть перед самым носом, пересечь его курс и уже после этого взорвать яхту..., но.., есть еще один способ, намного лучше...

- Вот! - Ореза повернул штурвал градусов на десять, соскальзывая влево и сразу сокращая расстояние почти на пятьдесят ярдов. Затем он повернул руль в противоположную сторону, перепрыгнул через пятифутовую волну и приготовился еще раз повторить маневр. Один из молодых матросов издал одобрителный возглас.

- , Видите, мистер Томлинсон? У нас лучшая конфигурация корпуса для тех маневров, которыми он пользуется. В безветренную погоду он может чуть опередить нас, но не при волнении на море. Для этого и строят патрульные катера. - За последние две минуты расстояние между ними сократилось наполовину.

- Вы уверены, что хотите закончить эту гонку, Ореза? - спросил младший лейтенант Томлинсон.

Значит, он не так уж и глуп, а? Ну что ж, ведь он - офицер, а офицеры тоже иногда бывают умными.

- Все гонки когда-нибудь заканчиваются, сэр. Всегда в них бывает победитель и проигравший, - напомнил Ореза, надеясь, что это понимает и его друг. Португалец сунул руку в карман рубашки за сигаретой и закурил левой рукой, тогда как правая - скорее кончики пальцев - поворачивала штурвал, приспособиваясь к каждой волне на морской поверхности, как диктовал то его мозг. Он сказал Томлинсону, что достигнет яхты через двадцать минут. Такая оценка оказалась пессимистической. Ореза не сомневался, что это произойдет скорее.

Он снова окинул взглядом водную поверхность перед собой.

Множество судов, главным образом возвращавшихся в порт, ни одно из них не замечало развернувшейся гонки. На патрульном катере не были включены сигнальные огни, выделяющие его как полицейский катер. Ореза не любил их - это казалось ему оскорблением его морской профессии. Когда корабль береговой охраны Соединенных Штатов подходит к борту другого судна, вам не нужны сигнальные огни морской полиции. К тому же эта гонка носила личный характер, ее видели и понимали только профессионалы. Именно так и должно все обстоять, потому что зрители только мешают, отвлекая игроков от самой игры.

Он поравнялся уже с серединой сухогруза... Португалец проглотил приманку, как и следовало ожидать, подумал Келли. Но какой хороший моряк, как умело управляет катером. Еще немного, и он догнал бы его, лишив Келли всякой возможности что-то предпринять. Но теперь план был близок к осуществлению..., вот показался выпуклый нос корабля, похожий на луковицу. С мостика высоко над головой смотрел вниз матрос, как тогда, во время первого дня с Пэм, вспомнил Келли, и его пронзила острая боль. Как давно, сколько событий произошло с тех пор. Правильно ли он поступал? Кто сможет судить его? Келли потряс головой. Пусть Бог станет его судьей. В первый раз за время гонки он оглянулся назад, измеряя взглядом расстояние. Как близко, как чертовски близко.

Сорокафутовый патрульный катер чуть присел на корму и, приподняв нос градусов на пятнадцать, рассекал своим прочным корпусом волны кильватерной струи. Он покачивался с борта на борт градусов на двадцать, мощные морские дизели издавали какой-то хищный рев. И все это находилось в руках Орезы - управление двигателями и штурвалом, - а его глаза смотрели вперед, измеряя и оценивая каждую волну, каждый ярд дистанции. Преследуемая яхта делала точно то же самое, выжимая последний дюйм скорости из своих двигателей, ее рулевой полагался на свой опыт и умение. Но то, что имелось в его распоряжении, чуть уступало возможностям Португальца, и, хотя он жалел об этом, положение вещей не изменить.

И тут Ореза впервые увидел лицо мужчины, смотрящее назад.

Твое время кончилось, мой друг. Давай закончим эту гонку с честью. Может быть, тебе повезет, через некоторое время тебя выпустят на свободу и мы снова станем друзьями.

- Сбавь обороты и поверни на правый борт, - сказал Ореза, даже не заметив, что говорит вслух, и каждый матрос на борту думал то же самое, довольный тем, что и шкипер смотрит на вещи так же. Гонка продолжалась всего полчаса, но эту морскую историю они запомнят на всю жизнь.

Человек снова повернул голову. Ореза отставал теперь от яхты всего на половину длины сухогруза. Он уже мог легко прочитать на транце название яхты, и не было смысла состязаться дальше, до последнего фута. Это всего лишь испортит гонку, продемонстрирует низость духа, не имеющую места на море. Так могут поступать яхтсмены, но не профессионалы.

И тут Келли сделал нечто совершенно неожиданное. Ореза первым заметил это. Глаза Келли измерили расстояние один раз, затем второй и третий, и в каждом случае ответ являлся отрицательным. Ореза быстро протянул руку к микрофону.

- Нет, не пытайся! - закричал старшина в микрофон на частоте береговой охраны.

- Что? - тут же спросил Томлинсон.

Не делай это! молча кричал мозг Орезы, внезапно оставшийся одним в крошечном мире, читая мысли другого и приходя в ужас от прочитанного. Так не должно кончаться ничто. В таком поступке нет чести.

Келли повернул штурвал, выравнивая яхту после очередной волны и внимательно следя за пенящейся водой у выпуклого носа сухогруза. Когда наступил решающий момент, он резко крутанул штурвал и положил руль на самый борт. С катера донесся тревожный крик. Это был голос Португальца, и Келли улыбнулся, услышав его. Какой он хороший парень. Жизнь без таких людей станет очень одинокой.

"Спрингер" накренился на правый борт от резкого поворота, затем еще больше от напора водяного буруна, поднятого носом корабля. Келли держал штурвал левой рукой, а правую протянул к цилиндру со сжатым воздухом, вокруг которого он закрепил шесть поясов с отягощением. Боже мой, вдруг подумал он, когда "Спрингер" лег на борт, ведь я не знаю, какая здесь глубина. Что если глубина недостаточна... Господи милосердный..., о, Пэм...

Патрульный катер резко отвернул влево. Ореза наблюдал за происходящим с расстояния всего в сотню ярдов, но оно вполне могло быть длиной в тысячу миль, поскольку он ничем не мог помочь Келли и мысленно увидел картину катастрофы еще до того, как его мозг постиг реальность происходящего: уже резко накренившись направо от неожиданного поворота, яхта взлетела вверх на пенящейся волне, несущейся перед носом сухогруза, и перевернулась, оказавшись поперек его движения. Белый корпус мгновенно исчез в пене под носом огромного корабля...

Моряки не должны так умирать.

"Четыре-один-браво" дал полный назад, раскачиваясь от волн, поднятых прошедшим мимо грузовым судном, которое начало сбавлять ход сразу после столкновения, но на полную остановку ему потребовалось еще две мили. К этому времени Ореза и команда патрульного катера уже осматривали обломки. Были включены мощные поисковые прожекторы, прорезающие сгущающиеся сумерки, и глаза матросов береговой охраны смотрели мрачно.

- Береговая охрана четыре-один-браво, береговая охрана четыре-один-браво, вызывает яхта военно-морского флота слева по носу от вас. Мы можем оказать вам помощь, прием.

- Лишние глаза пригодятся нам при поисках, флот. Кто на борту? - Пара адмиралов. Тот, кто разговаривает с вами, - морской летчик, если это вас интересует.

- Принимайтесь за поиски, сэр.

Он был все еще жив. Это так же удивило Келли, как удивило бы Орезу. Глубина оказалась достаточной, так что он вместе с цилиндром сразу провалился на семьдесят футов к самому дну. Келли пристегнул цилиндр к груди, отчаянно сопротивляясь бурным потокам воды от промчавшегося мимо сухогруза, бросавшим его из стороны в сторону подобно тряпичной кукле. Затем он постарался отплыть как можно дальше в сторону, чтобы спастись от погружающихся дизелей и других тяжелых остатков того, что всего несколько секунд назад было дорогой яхтой. Лишь спустя две или три минуты Келли понял, что ему удалось остаться живым после испытания Божьим судом. Вспомнив происшедшее, он подумал о том, на какой безумный шаг пришлось решиться, однако на этот раз Келли положился на мнение других людей, более опытных в делах такого рода, и приготовился к любым последствиям. И Божий суд оправдал его. Подняв голову, он увидел корпус патрульного корабля береговой охраны к востоку..., а на западе очертания парусной яхты. Келли надеялся, что это именно та яхта. Он отстегнул четыре пояса от цилиндра и поплыл под водой в ее сторону, несколько неуклюже, потому что в спешке пристегнул цилиндр вверх дном.

Его голова вынырнула из воды позади яхты, настолько близко, что Келли сумел прочесть название на транце. Он снова нырнул. Ему потребовалась еще минута, чтобы подплыть к западному борту двадцатисестифутовой яхты.

- Эй, на яхте!

- Боже мой - это ты? - послышался голос Макссуэлла.

- По-моему, да. - Впрочем, не совсем. Он протянул руку. Старейшина морской авиации схватил руку человека за бортом, вытащил избитое тело на палубу и тут же отправил его в каюту.

- Четыре-один-браво, это флот к западу от вас., мы ничего не обнаружили, приятель.

- Боюсь, что вы правы, флот. Если хотите, можете отправляться домой. Мы останемся здесь еще на некоторое время, - произнес в микрофон Ореза. С их стороны было весьма благородно оказать помощь в поисках и в течение трех часов прочесывать поверхность залива. Совсем неплохо, если учесть, что на яхте находились два адмирала. Они даже управляли яхтой почти умело. В другое время он пошутил бы относительно того, как искусно военно-морской флот овладел морским делом. Но не сейчас. Патрульный катер береговой охраны с Орезой за штурвалом будет продолжать поиски всю ночь и обнаружит одни обломки.

Для газет это было сенсацией, хотя и не совсем понятной. Лейтенант детективов Марк Шарон, получив сведения от своего источника - несмотря на то что находился в административном отпуске, после того как застрелил бандита при аресте, - ворвался в подпольную лабораторию наркомафии и во время начавшейся перестрелки был убит при исполнении служебных обязанностей, успев прикончить двух руководителей наркобизнеса. Чуть раньше трем молодым женщинам удалось спастись, и они сумели опознать одного из убитых поставщиков наркотиков как жестокого убийцу, что, возможно, и объясняло поразительное рвение и героическое поведение лейтенанта Шарона. Проведенное расследование помогло закрыть несколько затянувшихся дел, что показалось репортерам слишком уж удачным. На шестой странице была помещена короткая заметка о несчастном случае с яхтой в заливе.

Через три дня лейтенанту Райану позвонили из Центрального архива вооруженных сил в Сент-Луисе и сообщили, что личное дело Келли возвращено, но они не могут сказать, где оно находилось все это время. Райан поблагодарил сотрудницу архива за ее усилия в поисках документов. Он закрыл дело Келли вместе с остальными и даже не пытался запросить отпечатки пальцев бывшего боцмана. Таким образом подмена Риттером отпечатков пальцев Келли отпечатками пальцев человека, вряд ли намеревающегося когда-либо посетить Америку, оказалась излишней.

Единственное, что весьма беспокоило Риттера, это телефонный звонок. Но даже преступникам разрешается один раз поговорить по телефону, и Бобу Риттеру не хотелось отказать Кларку в такой просьбе. Пять месяцев спустя Сандра О'Тул уволилась из больницы Джонса Хопкинса и переехала в прибрежный район Виргинии, где ей был предоставлен целый этаж здания школы медсестер в результате блестящих рекомендаций профессора Самуэла Розена.